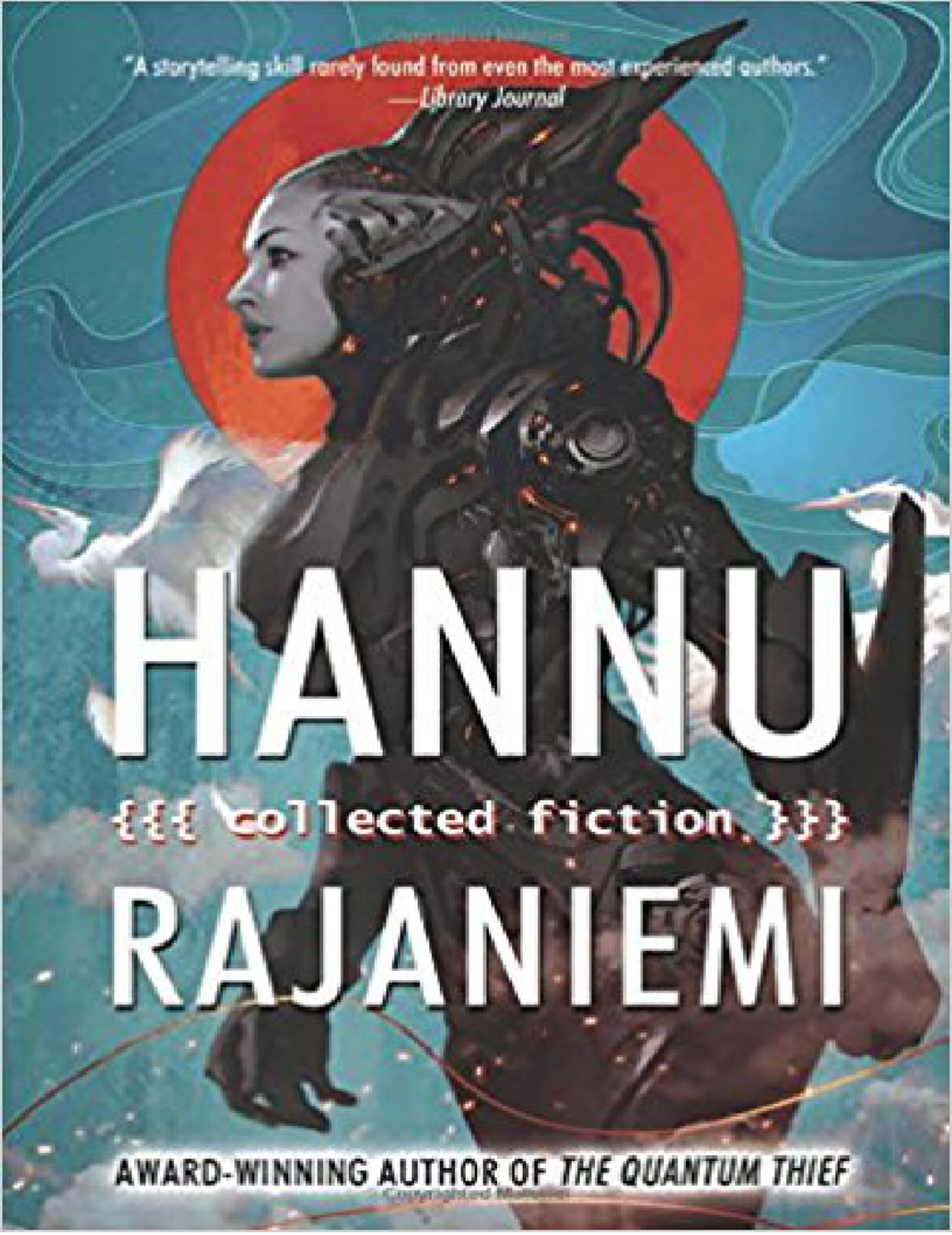

"A storytelling skill rarely found from even the most experienced authors."
—Library Journal
HANNU
{{{ collected fiction }}}
RAJANIEMI
AWARD-WINNING AUTHOR OF THE QUANTUM THIEF

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ханну Райаниеми

Страна: Финляндия

Родился: 9 марта 1978 г. в финском городе Юливиеска. Получил степень бакалавра математики в Университете Оулу, затем продолжил обучение математике в Кембриджском Университете (Certificate of Advanced Study). После получил научную степень по математической физике в Эдинбургском Университете в области теории струн под руководством Хосе Фигероа-О'Фаррил (José Figueroa-O'Farrill). Перед началом обучения в Эдинбурге он прошёл национальную службу (финский аналог армейской службы, но с большим выбором видов занятости) в качестве научного исследователя в Силах Обороны Финляндии.

Во время работы над диссертацией в Эдинбурге Райаниеми присоединился к «Writers' Bloc» — группе писателей Эдинбурга, организующей относительно регулярные чтения. В число членов этого общества входят Чарльз Стросс и Алан Кэмпбелл.

Ранние работы Ханну, которые привлекли внимание его текущего литературного агента Джона Яррольда (John Jarrold), включают первый, опубликованный в 2003 году, рассказ «Shibuya no Love» и рассказ «Deus Ex Homine», напечатанный в «Nova Scotia» — вышедшей в 2005 году антологии шотландской научной фантастики и фэнтези.

Общественность заметила Райаниеми в октябре 2008 года, когда Джон Яррольд заключил для него контракт на три книги с издательством Gollancz на основании всего лишь двадцати четырех страниц текста с двойным интервалом. Его дебютный роман «The Quantum Thief» был выпущен в свет в сентябре 2010 издательством Gollancz в Великобритании, а затем, в мае 2011 года, был издан в США издательством Tor. Роман был номинирован в 2011 году на Locus Award, в номинации «Дебютный роман».

- Ханну Райаниеми
  - КВАНТОВЫЙ ВОР
    - КВАНТОВЫЙ ВОР
      - Глава первая
      - Глава вторая
      - Глава третья
      - Интерлюдия

- Глава четвертая
- Глава пятая
- Интерлюдия
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Интерлюдия
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Интерлюдия
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Интерлюдия
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Интерлюдия
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Интерлюдия

- ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая

- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвертая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Эпилог

КАУЗАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

- Пролог
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Интерлюдия
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Интерлюдия
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Интерлюдия
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Эпилог
- Благодарности

БЛЮЗ КОСМОГРАДА

ГОЛОС ЕГО ХОЗЯИНА

ГОЛОС ХОЗЯИНА

DEUX EX HOMINAE[120]

- ТИХЕЯ И МУРАВЬИ
- ПРЯНИК

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41

- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85

- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

Ханну Райаниеми
КВАНТОВЫЙ ВОР

КВАНТОВЫЙ ВОР

КВАНТОВЫЙ ВОР

«Эффектный и завораживающий: один из самых убедительных дебютов последнего времени»
Kirkus Reviews
КВАНТОВЫЙ ВОР
ХАННУ РАЙАНИЕМИ

…Наступает момент, когда за всем этим перестаешь видеть самого себя, — и тебе становится весьма

грустно. Сейчас я испытываю те самые чувства, которые, должно быть, томили человека, потерявшего свою тень.

Морис Леблан. «Побег Арсена Люпена»[1]

Глава первая
ВОР И ДИЛЕММА ЗАКЛЮЧЕННОГО

Как всегда, перед тем, как воинствующий разум и я начнем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор:

— Тебе не кажется, что все тюрьмы похожи одна на другую?

Я даже не знаю, слышит ли он меня. У него нет видимых органов слуха, только глаза — сотни человеческих глаз на концах стеблей, растущих из его тела, словно это какие-то экзотические фрукты. Он парит по другую сторону светящейся линии, которая разделяет наши камеры. Огромный серебряный «кольт», зажатый в похожем на ветку манипуляторе, мог бы показаться смешным, если бы не стрелял в меня уже четырнадцать тысяч раз.

— Тюрьмы напоминают аэропорты, когда-то существовавшие на Земле. Там никому не нравится. Там никто не живет. Мы просто проходим через них.

У Тюрьмы сегодня стеклянные стены. Наверху сияет солнце, почти как настоящее, только бледнее. Вокруг меня во все стороны простираются миллионы камер со стеклянными стенами и стеклянными полами. Свет проходит сквозь прозрачные поверхности, и на полу появляются радужные блики. Кроме них в камере ничего нет, и на мне тоже ничего нет: я нагой, словно только что появившийся на свет младенец, правда, с оружием в руке. Иногда, если сумеешь выиграть, тебе позволяют кое-что изменить. Воин-разум добился успеха, и в его камере летают невесомые цветы — красные, фиолетовые и зеленые шарики, вырастающие из водяных пузырей и напоминающие его собственные карикатурные копии. Самовлюбленный ублюдок.

— Если бы у нас были уборные, двери открывались бы внутрь. Ничто не меняется.

Ладно, темы для разговора *у меня* заканчиваются.

Воин-разум медленно поднимает «кольт». По стеблям его глаз проходит легкая дрожь. Жаль, что у него нет лица: влажный взгляд целого леса его глаз действует мне на нервы.*Не важно. На этот раз все должно получиться.* Я слегка направляю дуло вверх, это движение и положение тела демонстрируют, что я не собираюсь стрелять. Каждый мой мускул взывает к

сотрудничеству. Ну же. Клюнь на это. Все честно. На этот раз мы должны стать друзьями…

Ослепительная вспышка: черный зрачок его ствола извергает пламя. Мой указательный палец дергается. Дважды грохочет гром. И в мою голову вонзается пуля.

Невозможно привыкнуть к ощущению горячего металла, который проникает в твой череп и выходит через затылок. Все это имитировано до мельчайших деталей. Пылающий вихрь в голове, теплая струйка крови на плечах и спине, внезапный холод и, наконец, — темнота, когда все вокруг замирает. Архонты «Дилеммы» хотели, чтобы мы все это чувствовали. Это познавательно.

Тюрьма всецело посвящена воспитанию. А теория игр обучает принятию рациональных решений. Если ты бессмертный разум, как архонты, у тебя есть время для подобных вещей. И это вполне в духе Соборности — верховного органа, управляющего Внутренней Солнечной системой, — поставить архонтов во главе всех тюрем.

Мы снова и снова играем в одну и ту же игру, только в разных вариантах. Архитипичная игра, любимая экономистами и математиками. Порой это испытание на выдержку: мы на огромной скорости мчимся навстречу друг другу по бесконечной автостраде и решаем, стоит ли свернуть в самый последний момент. Иногда мы солдаты в окопах, и нас разделяет полоса ничейной земли. А временами архонты возвращают нас к истокам, и снова превращают в заключенных — старомодных заключенных на допросе у суровых следователей, где нам предстоит сделать выбор между предательством и молчанием. Сегодня у нас в руках оружие. Что будет завтра, я даже не пытаюсь угадать.

Я резко пробуждаюсь к жизни. Отчаянно моргаю, мысли путаются. Каждый раз, когда мы возвращаемся, архонты немного изменяют нервную систему. Они уверены, что в конце концов каждый заключенный на оселке Дарвина дойдет до состояния сотрудничества.

Если в меня стреляют, а я нет, — это проигрыш. Если мы стреляем оба — боль незначительная. Если мы сумеем договориться, для нас обоих наступит Рождество. Но всегда есть искушение нажать на курок. Согласно теории, бесконечно повторяющиеся встречи должны выработать склонность к сотрудничеству.

Еще несколько миллионов раундов, и я стану бойскаутом.

Точно.

В последней игре я заработал боль в костях. Мы оба

пострадали — и воин-разум, и я. В этом раунде еще две игры. *Этого недостаточно. Проклятье.*

В игре против соседей ты завоевываешь территорию. Если в конце раунда твой счет выше, чем у других, ты выигрываешь и в награду получаешь собственных двойников, которые заменяют — и стирают — находящихся поблизости неудачников. Сегодня мне не слишком везет: только два двойных поражения, оба в игре против воина-разума, и, если положение не изменится, мне грозит настоящее забвение.

Я взвешиваю свои шансы. Две камеры рядом со мной — слева и сзади — занимают двойники воина-разума. В камере справа сидит женщина, и как только я поворачиваю голову в ее сторону, стена между нами исчезает, уступая место голубой черте смерти.

Ее камера так же пуста, как и моя. Женщина сидит в центре, обхватив руками колени, закрытые черным, похожим на тогу платьем. Я смотрю на нее с любопытством: я никогда не видел ее прежде. У женщины смуглая кожа, которая наводит на мысли об Оорте, миндалевидное азиатское лицо и стройное, сильное тело. Я улыбаюсь и машу рукой. Она не обращает внимания. Тюрьма, видимо, рассматривает это как взаимную готовность к сотрудничеству: я чувствую, что мой счет немного подрастает, что дает ощущение теплоты, словно глоток виски. Стеклянная стена между нами возвращается на место. *Ладно, это было совсем просто.* Но против воина-разума этого недостаточно.

— Эй, неудачник, — слышится чей-то голос. — Ты ее не интересуешь. Вокруг есть более привлекательные варианты.

В четвертой камере сидит мой двойник. На нем белая тенниска, шорты и огромные зеркальные солнцезащитные очки. Он лежит в шезлонге у края бассейна, на коленях книга «Хрустальная пробка».[2] Это одна из моих любимых книг.

— Победил опять не ты, — произносит он, даже не потрудившись поднять голову. — Опять. Что с тобой случилось? Три проигрыша подряд? Пора бы уже усвоить, что он придерживается тактики «зуб за зуб».

— В этот раз я *почти* одолел его.

— Идея о ложном сотрудничестве была неплохой, — соглашается он. — Вот только она ни за что не сработает. У воинов-разумов нестандартные затылочные доли мозга, непоследовательный дорсальный зрительный путь. Их невозможно обмануть визуальными иллюзиями. Жаль, что архонты не начисляют баллов за попытку.

Я изумленно моргаю:

— Постой-ка. Как ты можешь знать то, чего не знаю я?

— Неужели ты считаешь, что ты здесь *единственный*

Фламбер?[3] В любом случае, чтобы обойти война-разума, тебе требуется еще десять очков, так что подойди сюда, и я попробую тебе помочь.

— Ну выкладывай, умник.

Я приближаюсь к голубой линии и впервые за этот раунд вздыхаю свободно. Мой двойник поднимается, и из-под книги появляется блестящий пистолет.

Я наставляю на него указательный палец.

— Пух-пух, — говорю я. — Готов сотрудничать.

— Очень смешно, — отвечает он и, усмехаясь, поднимает оружие.

Отражаясь в его очках, я выгляжу маленьким и голым.

— Эй, эй! Мы ведь с тобой заодно, не так ли?

И мне еще казалось, что я обладаю чувством юмора.

— Разве все мы здесь не игроки и мошенники?

В голове что-то щелкает. Обаятельная улыбка, уютная камера, успокаивающие разговоры, сходство со мной самим, но все-таки не полное…

— Вот дерьмо!

В каждой тюрьме есть свои слухи и свои страшилки, и наша не исключение. Я узнал об этом от одного зоку,[4] с которым какое-то время сотрудничал. Легенда об аномалии. Абсолютный Предатель. *Существо,* которое *никогда* ни с кем не сотрудничает — и остается безнаказанным. Этот тип обнаружил глюк в системе и всегда оказывается *твоим* двойником. А если нельзя доверять самому себе, кому же тогда верить?

— Да, — говорит Абсолютный Предатель и нажимает на курок.

По крайней мере, это не воин-разум, успеваю подумать я перед тем, как раздается оглушительный грохот.

То, что происходит потом, не поддается никакой логике.

Во сне Миели[5] ест персик на Венере. Мякоть сочная, сладкая, с легкой горчинкой. Изысканное дополнение к вкусу Сюдян.[6]

— Ты дрянь, — тяжело дыша, говорит она.

Они уединились в сфере из ку-точек в четырнадцати километрах над кратером Клеопатра. В отвесной пропасти гор Максвелла это их маленький островок жизни, где пахнет потом и сексом. Снаружи бушуют вихри серной кислоты. Янтарный свет, просачивающийся сквозь адамантовую псевдоматерию оболочки, придает коже Сюдян медный оттенок. Ее ладонь покоится на холмике Венеры Миели, над еще влажным влагалищем.

— Что я такого сделала?

— Много чего. Этому тебя научили в *губернии?*

На лице Сюдян вспыхивает улыбка эльфа, в уголках глаз появляются едва заметные тонкие морщинки.

— На самом деле у меня давно уже не было ничего такого.

— Ты моя прелесть.

— А это что? Очень мило.

Свободной рукой Сюдян обводит серебристый контур бабочки, вытатуированной на груди Миели.

— Не трогай, — просит Миели.

Внезапно ей становится холодно.

Сюдян отдергивает руку и гладит Миели по щеке.

— Что случилось?

Мякоть персика съедена, осталась только одна косточка. Прежде чем выплюнуть, Миели перекатывает ее во рту. Маленький твердый предмет, испещренный воспоминаниями.

— Тебя здесь нет. Ты не настоящая. Ты просто помогаешь мне сохранить рассудок в Тюрьме.

— И как, действует?

Миели притягивает ее к себе, целует в шею, слизывает капельки пота.

— Не совсем так. Я не хочу уходить.

— Ты всегда была сильнее меня, — говорит Сюдян. Она ласково перебирает волосы Миели. — Но уже почти пора.

Миели прижимается к знакомому телу, так что украшенная драгоценными камнями змея на ноге Сюдян причиняет ей боль.

Миели.

Голос Пеллегрини проносится в ее голове дуновением холодного ветра.

— Еще немного…

Миели!

Перемещение — сложный и болезненный процесс, как будто с размаху пытаешься раскусить персиковую косточку: твердое ядро реальности едва не ломает Миели зубы. Тюремная камера, бледный искусственный свет. Стеклянная стена, за которой разговаривают два вора.

Миссия. Долгие месяцы подготовки и реализации. Внезапно сознание полностью проясняется, и в ее голове всплывает план операции.

Не стоило позволять тебе вспоминать все это, слышится в ее голове голос Пеллегрини. *Мы чуть не опоздали. А теперь выпусти меня, здесь слишком тесно.*

Миели выплевывает косточку в стеклянную стену, и преграда рассыпается на осколки.

В первый момент время замедляет ход.

Пуля вызывает в голове холодную боль, словно череп наполнили мороженым. Я падаю, но падение приостанавливается. Абсолютный Предатель превращается в статую с поднятым оружием в руке.

Справа от меня вдребезги разлетается стеклянная стена. Осколки парят вокруг меня, поблескивая на солнце, — настоящая стеклянная галактика.

Женщина из соседней камеры торопливо идет в мою сторону. В ее походке ощущается целенаправленность, словно после долгих репетиций. Как у актера, услышавшего условную реплику.

Женщина осматривает меня с головы до ног. У нее коротко остриженные темные волосы и шрам на левой скуле — геометрически прямая черная линия на загорелой коже. И светло-зеленые глаза.

— У тебя сегодня счастливый день, — говорит она. — Тебе предстоит кое-что украсть.

Она протягивает мне руку.

Боль в голове усиливается. Галактика из стекла приобретает очертания знакомого лица. Я улыбаюсь. *Конечно. Это сон умирания. Какой-то сбой в системе, такое иногда случается. Разгромленная тюрьма. Двери в туалет. Ничего не меняется.*

— Нет, — отвечаю я.

Женщина из сна моргает.

— Я Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Я краду то, что захочу, и когда захочу. Я покину это место, когда сам решу это сделать, и ни секундой раньше. По правде говоря, мне здесь нравится…

Мир вокруг меня становится ярко-белым от боли, и я больше ничего не вижу. Я смеюсь.

Где-то в моем сне кто-то смеется вместе со мной. *Мой Жан,* произносит второй, очень знакомый мне голос. *Ну конечно. Мы берем этого.*

Стеклянная рука гладит меня по щеке, и в этот момент мой моделированный мозг решает, что пора умереть.

Миели держит на руках мертвого вора: он ничего не весит. Пеллегрини выплывает из персиковой косточки и превращается в высокую женщину в белом платье, с бриллиантами на шее и тщательно уложенными локонами, отливающими красноватым золотом. Она кажется одновременно юной и старой.

Так-то лучше, говорит она. *В твоей голове слишком мало места.* Она широко раскидывает руки. *А теперь пора вытаскивать тебя отсюда, пока детишки моего брата ничего не заметили. Мне*

еще надо здесь кое-что сделать.

Миели ощущает в себе нарастающую силу и взлетает. Она поднимается все выше и выше, ветер бьет в лицо, и на какое-то мгновение ей кажется, что она возвращается в домик своей бабушки Брихан и снова обретает крылья. Тюрьма быстро превращается в сетку из крошечных квадратиков далеко внизу. Квадратики меняют цвет наподобие пикселей, образуя неимоверно сложные узоры из сотрудничества и предательства…

И за миг до того, как Миели и вор скрываются в небе, Тюрьма принимает вид улыбающегося лица Пеллегрини.

Умирать это все равно, что идти по *пустыне и думать о предстоящей краже. Мальчишка лежит на горячем песке под палящим солнцем и смотрит на робота у края площадки, заставленной солнечными батареями. Робот похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но внутри него ценные вещи, за которые Одноглазый Ийя даст хорошую цену. И возможно, — только возможно, — Тафалкай снова назовет его сыном, как будто он член семьи…*

Он никогда не хотел умереть в *тюрьме, этом грязном нагромождении бетона и металла, полном отвратительных запахов. Разбитая губа болит. Он читает книгу о человеке, похожем на бога. О человеке, который делает все, что хочет, который похищает тайны королей и императоров, который смеется над законами и может изменить свое лицо и получить драгоценности и женщин, стоит ему только протянуть руку. О человеке, имя которого совпадает с названием цветка.*

Мне ненавистно сознавать, что они тебя схватили.

грубым рывком его поднимают с песка. Солдат наотмашь бьет по лицу, а остальные нацеливают на него винтовки…

Это совсем не так забавно, как

кража из алмазного разума. Бог воров прячется внутри мыслящей пыли, объединенной в единое целое квантовой сцепленностью. Он выдает алмазному разуму ложь за ложью, пока тот не начинает принимать его за одну из своих мыслей и не пропускает внутрь.

Множество людей создали великолепные сверкающие миры как будто специально для него, и ему стоит только протянуть руку, чтобы собрать их.

Это все равно что умирать. А оживление похоже на

поворачивающийся в замке ключ. Металлические засовы отодвигаются. Входит богиня и объявляет, что он свободен.

рождение.

Страницы книги переворачиваются.

Глубокий вдох. Все болит. В глазах двоится. Я прикрываю лицо огромными ладонями. Прикосновение вызывает вспышку молнии. Мышцы словно сеть стальных кабелей. Нос забит слизью. В животе пылающая дыра.

Сосредоточиваюсь. Шум в ушах я представляю в виде скалы — вроде тех, что стоят на равнине Аргир,[7]— громоздкой и гладкой. Я мысленно падаю в тонкое сито, просачиваюсь сквозь него мелким красным песком. Скала не может за мной последовать.

Внезапно снова становится тихо. Я прислушиваюсь к своему пульсу. Он почему-то невероятно ровный: каждый удар словно тиканье самого точного механизма.

Чувствуется слабый запах цветов. Дуновение ветра шевелит волосы на руках и других местах — я все еще обнажен. Невесомость. Неслышное, но ощутимое присутствие интеллектуальной материи. И другого человеческого существа где-то неподалеку.

Что-то щекочет мне нос. Я отмахиваюсь и открываю глаза. Белая бабочка исчезает в ярком свете.

Моргаю. Я на борту корабля — по первому впечатлению, это оортианский паучий корабль — в цилиндрическом помещении около десяти метров длиной и пяти метров в диаметре. Стены прозрачные, цвета грязноватого кометного льда. Внутри них заключены странные изваяния. Снаружи звездная тьма. Бонсай и многоугольные предметы мебели медленно движутся вокруг центральной оси цилиндра. И повсюду порхают белые мотыльки.

Моя спасительница парит неподалеку. Я улыбаюсь ей.

— Юная леди, — говорю я, — вы самое прекрасное, что я когда-либо видел.

Мой голос звучит как будто издалека, но это мой голос. Интересно, правильно ли мне восстановили лицо?

Вблизи незнакомка выглядит невероятно молодой, совсем юной: в ее ясных зеленых глазах нет скуки все познавшего человека. Она осталась в той же простой одежде, в которой была в Тюрьме. Ее поза обманчиво расслабленная: гладкие стройные ноги свободно вытянуты, но в любую минуту готовы к движению, как у опытного бойца. Цепочка из разноцветных драгоценных камней обвивает ее лодыжку и тянется вверх по ноге.

— Прими мои поздравления, вор, — произносит она. Низкий голос звучит ровно, но в нем угадываются презрительные нотки. — Побег удался.

— Надеюсь, что так. Насколько мне известно, все это может оказаться одной из новых игр «Дилеммы». До сих пор архонты вели себя достаточно последовательно, но трудно не стать

параноиком, если ты *действительно* попал к ним в виртуальный ад.

Между ног у меня что-то дрогнуло — по крайней мере, здесь все в порядке.

— Извини. Я столько времени провел в заточении, — говорю я, изучая свою возбужденную плоть с отстраненным интересом.

— Я вижу, — нахмурившись, отвечает она.

На ее лице появляется странное выражение — смесь раздражения и возбуждения — и я понимаю, что она, должно быть, прислушивается к биотической связи и отчасти ощущает то же, что и я. Значит, еще один надзиратель.

— Можешь мне поверить, ты выбрался оттуда. И это потребовало значительных затрат. В Тюрьме, безусловно, еще остается несколько миллионов тебя, так что можешь считать себя счастливчиком.

Я хватаюсь рукой за поручень на центральной оси и передвигаюсь за один из бонсаев, скрывая свою наготу подобно Адаму. Из-под листьев вылетает целое облако бабочек. Движение кажется таким странным: мышцы моего нового тела еще только пробуждаются.

— Юная леди, у меня есть имя. — Я протягиваю ей руку поверх дерева. Она нерешительно пожимает ее. Я отвечаю самым крепким рукопожатием, на какое способен. Выражение ее лица не меняется. — Жан ле Фламбер к вашим услугам. Хотя ты абсолютно права. — Я беру в руку цепочку на ее ноге. Она извивается в пальцах, как живая. Змея из драгоценных камней. — Я вор.

Ее глаза широко раскрываются. Шрам на щеке чернеет. И я внезапно оказываюсь в преисподней.

Я бесплотная точка в темноте, я неспособен думать. Мой разум зажат в тиски. Что-то *сдавливает* меня со всех сторон, не пропуская ни мыслей, ни воспоминаний, ни ощущений. Это в тысячу раз хуже, чем пребывание в Тюрьме. И длится целую вечность.

А потом я возвращаюсь, тяжело дыша, с болью в животе, и вокруг летают сгустки желчи. Но я бесконечно благодарен за каждое ощущение.

— Никогда больше не смей так делать, — резко произносит она. — Твой разум и тело предоставлены тебе на время, понятно? Укради то, что тебе скажут, и тебе позволят все это сохранить.

Драгоценная цепь по-прежнему обвивает ее лодыжку. На щеке подергивается мускул.

По опыту пребывания в Тюрьме я знаю, что лучше заткнуться и прекратить пререкания, но человек-цветок, живущий во мне,

должен высказаться, и я не в силах его остановить.

— Слишком поздно, — говорю я, еще не отдышавшись.

— Что?

Морщинка, появившаяся на ее гладком лбу, по-своему прекрасна — словно мазок кисти.

— Я исправился. Вы вытащили меня слишком поздно. Теперь, мадемуазель, я законченный альтруист, существо, исполненное доброжелательности и любви к ближнему. Я даже подумать не могу о том, чтобы принять участие в каком-то противозаконном деле, даже ради моей прекрасной спасительницы.

Она пристально смотрит мне в лицо.

— Очень хорошо.

— Очень хорошо?

— Если ты мне не подходишь, придется вернуться и взять кого-нибудь другого. «Перхонен»,[8] заключи его, пожалуйста, в сферу и выброси наружу.

Несколько мгновений мы молча смотрим друг на друга. Я чувствую себя глупцом. Я слишком долго метался между предательством и сотрудничеством. Пора выбираться из этой ловушки. Я первым отвожу взгляд.

— Подожди, — медленно произношу я. — Теперь, когда ты об этом заговорила, мне кажется, что я, возможно, сумею восстановить некоторые корыстные побуждения. Я уже чувствую, как они возвращаются.

— Я так и думала, что они вернутся, — отвечает она. — В конце концов, ты считался неисправимым.

— Итак, что же дальше?

— Скоро узнаешь, — обещает она. — Меня зовут Миели. Это «Перхонен», мой корабль. — Она делает широкий жест. — Пока ты находишься здесь, мы — твои боги.

— Куутар и Ильматар?[9]— спрашиваю я, называя оортианских богов.

— Может быть. Или Человек Тьмы, если хочешь.

Она улыбается. Вспоминая о том месте, куда она только что отправила меня, я вижу в ней мрачного оортианского бога бездны.

— «Перхонен» покажет тебе твою каюту.

Вор уходит, и Миели опускается в кресло пилота. Она чувствует себя измотанной, хотя биотическая связь — которая вместе с «Перхонен» ждала ее несколько месяцев — сигнализирует, что она прекрасно отдохнула. Но душевный разлад намного хуже обычной усталости.

В Тюрьме была я? Или кто-то другой?

Она вспоминает долгие недели подготовки, дни, проведенные в квантовом скафандре, замедляющем время, готовность совершить преступление только ради того, чтобы быть схваченной архонтами и попасть в Тюрьму. Целую вечность в камере, в полусне давних воспоминаний. А затем стремительный побег по небу с помощью Пеллегрини, пробуждение в новом теле, дрожь и слабость.

И все ради вора.

А теперь еще и квантовая связь, соединяющая ее с телом, которое создала для вора Пеллегрини, постоянное чтение его мыслей. Словно лежишь рядом с незнакомцем и ощущаешь, как тот ворочается во сне. Богиня Соборности наверняка доведет ее до сумасшествия.

Он прикоснулся к камням Сюдян. Гнев помогает, но не надолго. *Нет, дело не только в нем, но и в ней.*

— Я отделалась от вора, — заявляет «Перхонен».

Этот теплый голос в ее голове, по крайней мере, принадлежит *ей,* а не имитирован Тюрьмой. Миели берет в ладони одну из бабочек, и трепещущие крылышки щекочут ей кожу, словно в руках бьется пульс.

— Ощущаешь влюбленность? — насмешливо спрашивает корабль.

— Нет, — отвечает Миели. — Я просто скучала по тебе.

— Я тоже, — признается корабль.

Бабочка вылетает из ее рук и вьется над головой.

— Это было ужасно: оставаться в одиночестве и ждать тебя.

— Я знаю, — говорит Миели. — Прости.

Внезапно у нее возникает какое-то тревожное ощущение. Какой-то разрыв в мыслях, словно что-то было вырезано, а затем вставлено заново. *Вернулась ли я из Тюрьмы прежней?* Миели знает, что могла бы обратиться к метамозгу Соборности, попросить выделить это ощущение, локализовать и удалить. Но это недостойно воина Оорта.

— Ты плохо себя чувствуешь. Нельзя было тебя туда отпускать, — сожалеет «Перхонен». — Это не пошло тебе на пользу. Она не должна была заставлять тебя это делать.

— Ш-ш-ш, — предостерегает Миели. — Она услышит.

Но уже поздно.

Глупый корабль, говорит Пеллегрини. *Тебе следовало бы усвоить, что я всегда забочусь о своих детях.*

Пеллегрини уже здесь, она парит над Миели.

Непослушная девочка, продолжает она. *Ты не воспользовалась моими дарами. Дай-ка, я посмотрю.*

Она грациозно опускается рядом с Миели, скрестив ноги,

словно под действием земной силы тяжести. Затем прикасается к щеке Миели и пристально смотрит своими карими глазами в ее глаза. У Пеллегрини теплые пальцы, только одно из ее колец остается холодной черточкой, как раз на том месте, где находится шрам. Миели вдыхает запах ее духов. В голове что-то *поворачивается,* шестеренки механизма сдвигаются и со щелчком встают на свои места. Внезапно ее мысли становятся гладкими, словно шелк.

Ну, так лучше? Когда-нибудь ты поймешь, что наши методы работают. Не стоит гадать, кто есть кто, надо понять, что все это ты.

Тревога угасает, как огонь под потоком холодной воды. От неожиданного облегчения Миели едва сдерживает слезы. Она готова расплакаться, но только не перед*ней.*Поэтому она просто открывает глаза и ждет, готовая повиноваться.

Ни слова благодарности? Очень хорошо.

Пеллегрини открывает свою сумочку, достает маленький белый цилиндр и подносит ко рту. Один конец цилиндра загорается и выпускает дурно пахнущий дым.

Итак, скажи мне: что ты думаешь о моем воре?

— Судить — не мое дело, — тихо произносит Миели. — Я живу, чтобы служить.

Хороший ответ, хотя и немного скучный. Разве вор не хорош? Ну же, отвечай начистоту. Неужели ты будешь тосковать по своей малышке-любовнице рядом с таким, как он?

— Он нам нужен? Я могу это сделать. Позволь мне служить, как я служила прежде…

Безупречно красивые губы Пеллегрини изгибаются в улыбке.

Не в этот раз. Ты хоть и не самая могущественная из моих слуг, зато самая преданная. Слушайся меня, и твоя вера будет вознаграждена.

После этого она исчезает, а Миели остается одна в кресле пилота, и вокруг ее головы порхают бабочки.

Моя каюта не намного просторнее стенного шкафа. Я пытаюсь проглотить протеиновый молочный коктейль из фабрикатора, прикрепленного к стене, но мое новое тело еще не приспособилось усваивать пищу. Пришлось некоторое время провести на вакуумном унитазе — автономно работающем контейнере, который выскакивает из стены и прикрепляется к заднице. Похоже, оортианские корабли не отличаются высоким комфортом.

Одна из закругляющихся стен имеет зеркальное покрытие, и во время унизительной, но необходимой процедуры я

рассматриваю свое лицо. Оно выглядит *неправильно.* Теоретически все повторено в точности: губы, глаза Петера Лорре[10] (как сказала одна из моих подружек сто лет назад), впалые виски, короткие волосы, слегка седеющие и редкие, привычная стрижка; худощавое, ничем не примечательное тело в приличном состоянии, волосы на груди. Но, глядя на него, я не перестаю моргать, словно изображение не в фокусе.

Что еще хуже, тоже самое происходит и в голове. Пытаясь что-то вспомнить, я словно ощущаю языком дырку на месте выпавшего зуба.

Как будто что-то *украдено.* Смешно.

Я стараюсь отвлечься и выглядываю наружу. Стена каюты обладает достаточным увеличением, чтобы рассмотреть вдали Тюрьму «Дилемма». Это сверкающий тор диаметром почти тысяча километров, но отсюда он выглядит блестящим прищуренным глазом, который уставился прямо на меня. Я невольно сглатываю слюну и отвожу взгляд.

— Рад оказаться снаружи? — раздается голос корабля.

Голос определенно женский, почти как у Миели, только моложе. С обладательницей такого голоса я не отказался бы встретиться в более приятной обстановке.

— Ты себе даже не можешь представить, как я рад. Это не слишком приятное место. — Я вздыхаю. — Я бесконечно благодарен твоему капитану, хоть она и явилась в самый последний момент.

— Послушай, — говорит «Перхонен». — Ты же не знаешь, через что ей пришлось пройти, чтобы вытащить тебя. Я с тебя глаз не спущу.

Интересное замечание, стоит его запомнить. Как же ей *удалось* меня вытащить? И на кого она работает? Но для этих вопросов еще рановато, и я просто улыбаюсь.

— Ладно, какую бы работу она для меня ни придумала, это лучше, чем каждый час получать пулю в голову. А твой босс не будет недоволен, узнав, что ты со мной разговариваешь? Я имею в виду беседу с опасным преступником и все такое.

— Думаю, я сумею с тобой справиться. Кроме того, строго говоря, она не мой *босс.*

— Вот как?

Я старомоден, но сексуальные отношения между людьми и гоголами всегда волновали меня в юности, а от старых привычек трудно избавиться.

— Ничего *подобного,* — возражает корабль. — Мы просто друзья! Кроме того, она меня создала. Ну, не меня, а корабль. Знаешь, я намного старше, чем кажется.

Мне становится интересно, настоящий ли у нее акцент.

— Я слышала о тебе. Давно. До Коллапса.

— И как, тебе понравилось то, что ты слышала?

— Мне понравилось похищение солнечного подъемника. Классный угон.

— Классный, — соглашаюсь я. — Именно к этому я всегда и стремился. Кстати говоря, ты выглядишь не старше трехсот лет.

— Ты в самом деле так думаешь?

— Гм. Судя по тому, что я успел увидеть, это так.

— Хочешь, я проведу тебя по кораблю? Миели не будет возражать, она сейчас занята.

— С удовольствием.

Это определенно женщина. Возможно, Тюрьма не полностью лишила меня шарма.

Внезапно я чувствую настоятельную потребность одеться: разговаривая с существом женского пола, не прикрывшись даже фиговым листком, я ощущаю себя излишне уязвимым.

— Похоже, у нас будет масса времени познакомиться поближе. Но, может быть, ты для начала снабдишь меня какой-нибудь одеждой?

И «Перхонен» создает для меня костюм. Ткань слишком гладкая — я не люблю носить вещи из интеллектуальной материи — но когда я вижу себя в белой рубашке, черных брюках и темно-бордовом пиджаке, ощущение скованности немного отпускает.

Затем она показывает мне спаймскейп, и мир внезапно возникает передо мной в новом свете. Я шагаю туда, покинув свое тело, мой взгляд перемещается в космос, и я вижу корабль со стороны.

Я был прав: это оортианский паучий корабль. Он состоит из отдельных модулей, связанных между собой нановолокнами, причем жилые отсеки вращаются вокруг центральной оси, словно кабинки карусели в луна-парке, что создает некоторое подобие гравитации. Связующие волокна образуют сеть, по которой модули могут перемещаться, как пауки в паутине. Паруса из квантовых частиц — концентрические кольца, сделанные из искусственных атомов и тонкие, словно мыльные пузыри, — расходятся вокруг корабля на несколько километров. Они с одинаковой легкостью способны улавливать солнечный свет, информационные мезочастицы и лучи маяков Магистрали, а кроме того, представляют собой потрясающее зрелище.

Затем я украдкой бросаю взгляд на собственное тело и испытываю при этом *настоящее* потрясение. Взгляд из спаймскейпа позволяет разглядеть все детали. Сеть ку-точек под кожей, протеомические компьютеры в каждой клетке, плотный

компьютрониум в костях. Подобная система могла быть создана только в близких к Солнцу мирах-*губерниях*.Выходит, что мои спасители работают на Соборность. Интересно.

— Я думала, ты хочешь познакомиться со *мной,* — обиженно говорит «Перхонен».

— Конечно, — отвечаю я. — Просто желал убедиться, что выгляжу подобающим образом. Знаешь, в Тюрьме я совсем отвык от женского общества.

— Кстати, а почему ты там оказался?

Удивительно, но до сих пор я об этом даже не задумывался. Я был слишком занят оружием, предательством и сотрудничеством.

Почему же я попал в Тюрьму?

— Хорошенькой девушке вроде тебя не стоит беспокоиться о подобных вещах.

«Перхонен» вздыхает.

— Наверное, ты прав. Наверное, не стоило мне с тобой разговаривать. Если Миели об этом узнает, она может огорчиться. Но у нас на борту так давно не было никого *интересного.*

— Да, в такой местности трудно рассчитывать на приличных соседей. — Я указываю на звездные поля вокруг. — Где мы находимся?

— Это Троянские астероиды Нептуна. Задрипанная дыра в пустоте. Когда Миели отправилась тебя вытаскивать, я долгое время ждала здесь ее возвращения.

— Тебе необходимо поближе познакомиться с жизнью преступников. Она вся сплошь состоит из ожидания. Скука, перемежающаяся вспышками откровенного ужаса. Некоторое подобие войны.

— О, на войне было гораздо лучше! — взволнованно восклицает «Перхонен». — Мы участвовали в Протокольной войне. Мне понравилось. Приходится так *быстро* думать. Знаешь, мы проделывали удивительные вещи, даже украли спутник Юпитера. Это было потрясающе. Метиду, как раз перед Вспышкой. Миели установила внутри странгелетовый заряд, чтобы столкнуть ее с орбиты. Какой был фейерверк, ты не поверишь…

«Перхонен» внезапно замолкает. Возможно, она испугалась, что сболтнула лишнее? Но нет: что-то отвлекло ее внимание.

Сквозь паутину парусов корабля и векторы спаймскейпа среди меток далеких поселений виднеется россыпь ослепительно ярких шестиконечных звезд. Я увеличиваю степень приближения. Острые и вытянутые, словно клыки, силуэты темных кораблей с семью профилями на носовой части — профилями, которые украшают каждое здание Соборности, лица Основателей, богов-

королей триллионов подданных. Когда-то я выпивал с ними.

Приближаются архонты.

— Не знаю, что ты такого сделал, — говорит «Перхонен», — но, похоже, они хотят заполучить тебя обратно.

Глава вторая
ВОР И АРХОНТЫ

Что же я сделала неправильно?

Сердце Миели тревожно бьется. *В Тюрьме что-то пошло не так. Но все было так же, как и во время имитаций. Почему же они нас преследуют?* Она погружается в боевую сосредоточенность — способность, которой наделила ее Пеллегрини. Возникает ощущение прохладного покрывала, и мир распадается на векторы и гравитационные колодцы. Мысли Миели объединяются с логикой «Перхонен» и заметно ускоряются.

Объекты: «Перхонен».

Рассеянные в пространстве Троянские астероиды, вращающиеся вокруг 2006RJ103 — двухсоткилометрового обломка скалы, населенного медленномыслящими представителями синтетической жизни.

Тюрьма, плотный, темный и холодный тор в тридцати световых секундах позади, отправная точка маршрута «Перхонен».

Корабли-клинки архонтов, приближающиеся с ускорением 0,5g, что намного превосходит плавную тягу световых парусов «Перхонен». Факелы, выбрасываемые их работающими на антиматерии двигателями, в спаймскейпе превращаются в огненные столбы рассеянных мезонов и гамма-лучей.

Магистраль в двадцати световых секундах по курсу — их следующий пункт назначения. Одна из немногих неизменно идеальных плоскостей в Солнечной системе, в ньютоновском кошмаре N-тел, гравитационная артерия, позволяющая легко и быстро перемещаться посредством легчайших толчков. Спасительное убежище, но оно слишком далеко.

— Ну ладно, — выдыхает Миели. — Боевая тревога.

Под оортианским сапфирово-коралловым корпусом пробуждается скрытая технология Соборности. Паучий корабль трансформируется. Разбросанные модули скользят вдоль своих направляющих и соединяются в плотный тугой конус.

Квантовые паруса из превосходных отражателей превращаются в алмазно-прочный защитный барьер.

Как раз вовремя, перед самым ударом наноракет архонтов.

Первый залп вызывает лишь легкие толчки, не причиняющие никакого вреда. Но следующая партия оптимизирует прицел, а за

ней последует еще одна, и еще, пока не разрушится либо программный блок, либо сама конструкция защитного барьера. И тогда…

Нам необходимо добраться до Магистрали.

Программа в голове Миели, словно алмазными зубцами, высекает возможные направления. Перед ней так же много путей, как толкований оортианской песни, но нужно выбрать только один…

Еще один залп сверкает в спаймскейпе бесчисленными иглами света. На этот раз некоторые из них пробивают барьер. Один из грузовых модулей расцветает уродливым сапфировым наростом. Миели спокойно удаляет его и наблюдает, как отсек, все еще меняясь, словно злокачественная опухоль, отдаляется от корабля, формируя странные органы, которые стреляют в щит «Перхонен» спорами размером с молекулу. В конце концов модуль сгорает в лучах противометеоритных лазеров.

— Это больно, — говорит «Перхонен».

— Боюсь, эту боль придется испытать еще не единожды.

Миели за раз сжигает весь аварийный запас антиматерии, поворачивая корабль в неглубокий гравитационный колодец 2006RJ103. Антипротоны из магнитного кольца-хранилища превращаются в раскаленные выбросы плазмы, вызывая стоны «Перхонен». Часть высвободившейся энергии Миели направляет на подкачку мощности программируемых стержней, вырабатывающих материал корпуса. Архонты легко повторяют ее маневр, приближаются и снова стреляют.

Вокруг Миели раздаются стоны «Перхонен», но состояние сосредоточенности заставляет заниматься первоочередными задачами. Она усилием мысли заменяет странгелетовый снаряд в крохотном арсенале «Перхонен» торпедой на квантовых частицах и стреляет в астероид.

Спаймскейп на мгновение заливает ослепительная вспышка гамма-лучей и экзотических барионов. А затем каменная глыба превращается в фонтан света, в негаснущую молнию. Прибор пытается приспособиться, но срывается на белый шум и гаснет. Миели, вынужденная лететь вслепую, снова разворачивает крылья «Перхонен». Вихрь частиц, образовавшийся при гибели астероида, подхватывает корабль и несет их к Магистрали. Внезапное ускорение наполняет тяжестью тело Миели, а сапфировая структура корабля начинает петь.

Спаймскейпу требуется лишь мгновение, чтобы справиться с безумными помехами потоков частиц. Миели задерживает дыхание: в медленно расползающемся светящемся облаке позади них не видно хищных черных кораблей. Или они утонули в вихре

взрыва, или потеряли свою цель в безумии субатомных потоков. Миели выходит из состояния боевой сосредоточенности и позволяет себе насладиться триумфом.

— Мы сделали это, — говорит она.

— Миели? Мне нехорошо.

На корпусе корабля расплывается черное пятно, в центре которого торчит крошечный черный осколок, темный и холодный. Осколок наноракеты архонтов.

— Избавься от него.

Страх и отвращение после погружения в боевую сосредоточенность вызывают во рту резкий и противный привкус желчи.

— Я не могу. Я не могу даже прикоснуться к нему. От него пахнет Тюрьмой.

Миели со страстной мольбой обращается к той части разума, к которой прикоснулась богиня Соборности. Но Пеллегрини не отвечает.

Корабль вокруг меня умирает.

Я не знаю, что сделала Миели, однако, судя по вспышке миниатюрной сверхновой, озарившей космос несколько минут назад, она победила в этой битве. Но теперь по сапфировым стенам расползается паутина черноты. Так вот что придумали архонты: они внедряются в тебя, и превращают *тебя* в Тюрьму. Микрочастицы работают все быстрее и быстрее, распространяя запах горящих опилок, преодолевая все защитные системы корабля. Вместе с запахом появляется шум — рев лесного пожара.

Что ж, это было слишком хорошо, чтобы продолжаться долго. Отличная работа, ребята.

Я вспоминаю цепочку Миели. Возможно, мне удастся унести эти камешки с собой. А может, это было всего лишь предсмертное видение, и я никогда не выходил на свободу. Все это просто тюрьма в тюрьме.

А потом у меня голове раздается насмешливый голос.

Жан ле Фламбер отступает. Тюрьма сломила тебя. Ты заслуживаешь того, чтобы вернуться обратно. Ты ничем не отличаешься от побежденных воинов-разумов, безумных игрушек Соборности и забытых покойников. Ты даже не помнишь своих подвигов и приключений. Ты не он, ты просто воспоминание, считающее себя…

Черт побери, нет. Всегда есть какой-то выход. Ты не в тюрьме, если сам так *не считаешь.*Так сказала мне богиня.

И внезапно я понимаю, что должен сделать.

— Корабль.

Проклятье. Не отвечает.

— Корабль! Мне необходимо поговорить с Миели!

Опять ничего.

В каюте становится жарко. Надо торопиться. Снаружи, в безвоздушном пространстве, полярным сиянием пылают паруса «Перхонен». Корабль так разогнался, что возникла гравитация, не меньше половины g. Вот только все вокруг перевернулось: низ оказался где-то в задней части центрального отсека. Я выбираюсь из каюты и, цепляясь за поручни, начинаю карабкаться к кабине пилота.

Ослепительная вспышка обжигает раскаленным воздухом: целый сегмент цилиндра, медленно вращаясь, уносится вниз, в бездну. От вакуума меня теперь отделяет только мгновенно возникшая стена из квантовых точек, тонкая, как пленка мыльного пузыря. И удалять инфекцию уже слишком поздно. Вокруг меня летают горячие сапфировые осколки: один из них, острый, как бритва, оставляет на моем предплечье болезненный кровавый след.

Очень жарко, запах горящих опилок распространился повсюду. По стенам расползается чернота. Сердце в груди колотится, как будто горбун из Нотр-Дам бьет в колокол, но я упрямо карабкаюсь вверх.

Сквозь сапфировую переборку я уже могу заглянуть в кабину: клубящиеся облака утилитарного тумана, Миели в своем кресле, глаза закрыты. Я кулаком стучу в дверь.

— Впусти меня!

Я не знаю, поражен ли ее мозг. Все, что мне известно наверняка, так это то, что она уже может быть в Тюрьме. Но если этого не произошло, она мне нужна, чтобы выбраться из этой переделки. Я крепче хватаюсь за поручень и пытаюсь разбить дверь ногой. Ничего не получается. Или она сама или корабль должны приказать сапфиру раздвинуться.

Сапфир. Я вспомнил выражение лица Миели, когда очнулся возбужденным. Биотическая связь существует, но, вероятно, фильтруется. Однако должен быть какой-то порог…

Ерунда. Отсутствие времени на колебания облегчает задачу. Я подхватываю в воздухе длинный тонкий осколок сапфира и со всех сил втыкаю в левую ладонь между пястными костями. Я едва не теряю сознание. Осколок разрывает сухожилия и вены, царапает кости. Это все равно что пожать руку Сатане, боль полыхает перед глазами красно-черными пятнами. Появляется запах крови: медленными искаженными каплями она вытекает из раны и уносится вниз.

Впервые с момента заключения в Тюрьму я ощущаю реальную

боль, и это даже приятно. Я смотрю на голубой осколок, торчащий из руки, и начинаю смеяться, пока боль не становится настолько сильной, что смех превращается в вопль.

Кто-то бьет меня по лицу.

— Проклятье, что ты делаешь?

Миели широко раскрытыми глазами смотрит на меня из дверного проема кабины.

Отлично, по крайней мере, она почувствовала.

Вокруг нас клубится утилитарный туман, и к нему примешивается серая пыль, что наводит на мысль о падающем пепле в горящем городе.

— Доверься мне, — говорю я ей, усмехаясь и истекая кровью. — У меня есть план.

— У тебя десять секунд.

— Я могу от него избавиться. Обмануть их. Я знаю, как это сделать. Мне известен их образ мыслей. Я провел там *долгое* время.

— А почему я должна тебе верить?

Я поднимаю окровавленную руку и выдергиваю осколок сапфира. Раздается противный хлюпающий звук, а потом меня снова ослепляет вспышка боли.

— Потому что я скорее воткну это себе в глаз, чем вернусь туда.

Одно мгновение Миели смотрит мне в глаза, а потом улыбается.

— Что тебе для этого нужно?

— Мне необходим полный доступ к системам корабля. Я знаю, чем это нам грозит. Мне нужен доступ к компьютерным ресурсам, и не только к базовым.

Миели глубоко вздыхает.

— Ладно. Вышвырни этого мерзавца с моего корабля.

Потом она закрывает глаза, и в моей голове что-то *щелкает.*

Я корень, а мое тело — Иггдрасиль, мировое древо. В его костях алмазные механизмы, а в каждой клетке продукты протеомической технологии. А мозг — это настоящий мозг Соборности, способный управлять целыми мирами. Моя психическая личность в нем меньше, чем одна страничка в Вавилонской библиотеке. Часть меня, усмехаясь, мгновенно находит способ сбежать: завладеть фрагментом этой удивительной машины и направить его в космос, оставив моих спасителей моим тюремщикам. Но другая часть меня, как ни странно, *возражает.*

Я перемещаюсь по умирающему кораблю в поисках наноракеты. Теперь я не похож на неуклюжую обезьяну, я плавно

скольжу по воздуху, словно миниатюрный космический корабль. С помощью обостренных органов чувств я нахожу точку в толще производственного модуля в дальнем конце цилиндра. Именно отсюда распространяется материя Тюрьмы.

Силой мысли я создаю копию изображения спаймскейпа «Перхонен». Затем приказываю сапфировой плоти корабля открыться. Стена превращается во влажное мягкое желе. Я глубоко запускаю в него руку, дотягиваюсь до ракеты и вытаскиваю ее наружу. Снаряд крохотный, не больше одной клетки, но сделан в виде клыка с острыми зазубринами. Щупальцами из квантовых точек я обхватываю находку и поднимаю вверх: такая мелочь, но внутри заключен разум архонта, наблюдающего за превращением корабля в Тюрьму.

Я подношу ракету ко рту, раскусываю и глотаю.

Архонт доволен. Но на мгновение он ощущает диссонанс, какое-то несоответствие, словно обнаружил двух воров в одном.

Однако за пределами Матери-Тюрьмы творятся странные вещи: здесь ведется нечестная игра. Старая вздорная физика не столь безупречна, как игра архонтов — совершенная в своей простоте и в то же время охватывающая всю математику в ее неразрешимости. Вот почему задание архонта заключается в превращении этой материи в еще одну Тюрьму, в придании Вселенной большей чистоты. Вот что научил любить их Отец, Творец Душ. Только таким способом можно исправить мир.

А это отличная материя для превращения в Тюрьму. От предвкушения создания новой «Дилеммы» у него даже слюнки текут. Его копи-отец открыл схему, напоминающую по вкусу ореховое мороженое: повторяющуюся серийную стратегию, как в игре «Жизнь». Возможно, и ему удастся обнаружить что-то новенькое здесь, на его собственной маленькой игровой доске.

Далеко-далеко отсюда его копи-братья нашептывают по квант-связи свои жалобы на огорчительное *несоответствие,* на аномалию в отношении побега вора и той, *другой.* Архонт заверяет их, что все уже сделано, что они вскоре вернутся к Матери-Тюрьме, и он принесет кое-что новенькое.

Он смотрит вниз, на сеть клеток, где обитают мелкие воры, и бабочки, и женщина-оортианка, которых он обнаружил в этой сладкой материи. Скоро Игра начнется снова, теперь уже в любой момент.

Она будет иметь вкус лимонного шербета, решает архонт.

— Магия, — говорю я ей. — Тебе известно, как работают магические трюки?

Я уже вернулся в свое человеческое состояние. Воспоминания об обостренном чутье и компьютерной мощи постепенно тускнеют, но еще живы, словно фантомная боль в утраченной конечности. И, кроме того, внутри меня остался архонт, запертый в моих костях, в глубоком компьютерном морозильнике.

Мы сидим в тесном складском модуле, его вращение вокруг оси обеспечивает силу тяжести, а корабль занимается восстановлением. А вокруг нас сверкающий поток космических кораблей, растянувшийся на тысячи кубических километров, но благодаря увеличительным свойствам корпуса «Перхонен» кажущийся близким. Здесь и сверхскоростные суда зоку с колоссальным выбросом тепла, для которых один день путешествия равен тысяче лет, и похожие на китов медленные корабли с зеленью и миниатюрными искусственными светилами внутри, и повсюду, словно мотыльки, летают сгустки мыслей Соборности.

— На самом деле все очень просто, дело в нейробиологии. Отвлечение внимания.

Миели игнорирует меня. Она накрывает стоящий между нами столик. На нем оортианские блюда: странные прозрачные пурпурные кубики, извивающиеся продукты синтетической жизни, аккуратно нарезанные — и тщательно сложенные — разноцветные фрукты, а также два маленьких бокала. Движения Миели сосредоточенны и размеренны, словно она совершает какой-то ритуал. По-прежнему не обращая на меня внимания, она вынимает из стенного шкафчика бутылку.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Мы празднуем, — отвечает она.

— Да, это стоит отметить. — Я усмехаюсь. — Должен признаться, мне потребовалось немало времени, чтобы понять. Ты не поверишь, но разум Соборности можно обмануть. Ничто не меняется. Я переключил его сенсорные входы и закачал в них имитацию, основанную на показаниях спаймскейпа «Перхонен». Он до сих пор уверен, что строит Тюрьму. Только очень медленно.

— Понимаю.

Она хмурится, глядя на бутылку, вероятно, размышляя, как ее открыть. Отсутствие интереса к моему гениальному плану вызывает у меня раздражение.

— Понимаешь? Это похоже на простой трюк. Посмотри.

Я протягиваю руку к ложке, делаю вид, что обхватываю ее пальцами, а на самом деле сталкиваю себе на колени. Затем поднимаю обе руки и раскрываю ладони.

— Исчезла.

Миели изумленно моргает. Я снова сжимаю левый кулак.

— Или трансформировалась.

Разжимаю пальцы, и на ладони извивается ее драгоценная цепочка. Я протягиваю цепочку Миели. Ее глаза сверкают, но она медленно наклоняется и берет у меня из рук свою драгоценность.

— Ты к ней больше не прикоснешься, — произносит она. — Никогда.

— Обещаю, — искренне говорю я. — С этого момента действуем как профессионалы. Согласна?

— Согласна, — несколько изменившимся голосом отвечает она.

Я глубоко вздыхаю.

— Со слов корабля я узнал, что ты сделала. Чтобы вытащить меня, ты спустилась в преисподнюю, — говорю я. — Что же заставило тебя на это решиться?

Она не отвечает и резким движением отвинчивает пробку бутылки.

— Послушай, — продолжаю я. — Это касается твоего предложения. Я передумал. Я украду то, что тебе так необходимо украсть. И не важно, на кого ты работаешь. И даже сделаю это так, как ты захочешь. Считай, что это долг чести.

Она разливает вино. Густая золотистая жидкость очень медленно вытекает из бутылки. Я поднимаю свой бокал.

— Выпьем за это?

Раздается звон наших бокалов: чтобы чокнуться при низкой силе тяжести, требуется немалая ловкость. Мы пьем.

Таниш-Эрбен Таниш, 2343. Слабый древесный запах отличает самое выдержанное вино. Иногда его называют «Дыханием Тадеуша».

Откуда я могу это знать?

— Мне нужен не ты, вор, — говорит Миели. — А тот, кем ты *был*. И это первое, что мы должны украсть.

Я таращусь на нее, вдыхая «Дыхание Тадеуша». И вместе с запахом приходят воспоминания, многие годы другой жизни наполняют меня *как вино наполняет бокал. «Средней упитанности, крепкая, порывистая», — говорит он с улыбкой, глядя сквозь рислинг, искрящийся жидким светом. «Кто это средней упитанности?» — со смехом восклицает она. И он уже уверен, что завоевал ее.*

Однако именно он принадлежит ей все эти годы, годы любви и вина, проведенные в Ублиетте.[11]

Он — я — сумел это скрыть. Стеганография мозга. Эффект Пруста. Необнаруженные архонтами ассоциативные воспоминания, открывающиеся запахом, который невозможно

уловить в тюрьме, где ты не ешь и не пьешь.

— Я гений, — объявляю я Миели.

Она не улыбается, а только слегка прищуривается.

— Значит, на Марс, — говорит она. — В Ублиетт.

Мне становится холодно. Понятно, что в этом теле и в этом разуме мне не добиться никакого уединения. Просто еще одна тюрьма и еще один надзиратель. Но эта тюрьма намного лучше предыдущей: красивая женщина, тайны и отличная еда, а еще море кораблей, уносящих нас навстречу приключениям.

Я улыбаюсь.

— Место забвения, — произношу я и поднимаю бокал. — За новые начинания.

Миели молча пьет со мной. А яркие паруса «Перхонен» уже несут нас по Магистрали.

Глава третья
СЫЩИК И ШОКОЛАДНОЕ ПЛАТЬЕ

Запах кожи на шоколадной фабрике удивляет Исидора. Шум конш-машин рождает эхо в высоких стенах из красного кирпича. Гудят окрашенные в кремовый цвет трубы. В блестящих стальных емкостях непрерывно вращаются лопасти, и каждый неторопливый поворот извлекает из шоколадной массы очередную порцию ароматов.

На полу в луже шоколада лежит мертвый мужчина. В бледном утреннем марсианском свете, падающем из высокого окна, труп выглядит как памятник страданию: худой жилистый плакальщик с впалыми висками и реденькими усиками. Глаза открыты, и видны белки, но остальная часть лица покрыта слоем черно-коричневой массы из резервуара, в который мужчина вцепился, словно хотел там утопиться. Белый фартук и вся остальная одежда так густо покрыты пятнами, что могут использоваться для теста Роршаха.

Исидор обращается к экзопамяти Ублиетта. Теперь лицо мужчины становится ему знакомым, словно лицо старого друга. *Марк Деверо. Достойный в третьем воплощении. Шоколатье. Женат. Имеет одну дочь.* Это первые факты, и по спине Исидора бегут мурашки. В начале каждого расследования он всегда чувствует себя ребенком, разворачивающим подарок. За этой смертью, под слоем шоколада что-то скрывается.

— Скверное дело, — раздается резкий звучный голос, от которого он невольно вздрагивает.

Ну конечно, по другую сторону от трупа, опираясь на трость, стоит Джентльмен. Солнце яркими бликами играет на гладком металлическом овале его лица, составляющем резкий контраст с чернотой длинного бархатного плаща и цилиндра.

— Когда вы меня вызвали, — говорит Исидор, — я не предполагал, что это еще один случай гогол-пиратства.

Он старается выглядеть равнодушным, но полностью скрывать свои чувства посредством гевулота было бы грубо, и он позволяет себе выразить некоторую степень энтузиазма. Это всего лишь его третья личная встреча с наставником. Работать с одним из самых уважаемых стражей порядка Ублиетта было для него равносильно воплощению мальчишеской мечты. И все же он не ожидал, что Джентльмен привлечет его к расследованию интеллектуальной кражи. Копирование ведущих умов Ублиетта агентами Соборности и представителями третьей стороны было именно тем преступлением, которое поклялись предотвращать

наставники.

— Прими мои извинения, — отвечает Джентльмен. — В следующий раз я выберу более необычный случай. Смотри внимательнее.

Исидор достает увеличительное стекло работы зоку — подарок Пиксил, гладкий диск из интеллектуальной материи, закрепленный на бронзовой ручке, — и смотрит на тело сквозь него. Перед ним сменяются изображения вен, тканей мозга и клеточной структуры, загадочными морскими чудовищами проплывают картины метаболизма мертвого тела. Исидор снова обращается к экзопамяти, на этот раз в поисках медицинской информации, а затем морщится от легкой головной боли, когда сведения закачиваются в его кратковременную память.

— Какой-то вид… вирусной инфекции, — нахмурившись, говорит он. — Ретровирус. Стекло показывает, что в клетках головного мозга присутствует аномальная генетическая цепочка, видимо, результат деятельности археобактерий. Как скоро мы сможем с ним поговорить?

Исидор не любит допрашивать оживленных жертв: их воспоминания всегда обрывочны, а кое-кто и вовсе не желает нарушать традиционное для Ублиетта право на частную жизнь даже ради поимки собственного убийцы или расследования случая гогол-пиратства.

— Возможно, никогда, — отвечает Джентльмен.

— Как это?

— Это случай оптогенетической закачки из информационного модуля. Очень грубо: вероятно, он умер в агонии. Это старый прием, придуманный еще до Коллапса. Его испытывали на крысах. Мозг объекта заражается вирусом, который делает его клетки сверхчувствительными к желтому свету. А затем мозг в течение нескольких часов подвергается воздействию лазеров, перехватывается система нацеливания, и информационный модуль учится ее имитировать. Вот откуда взялись эти маленькие отверстия на черепе. Оптические волокна. Каналы закачки.

Затянутой в перчатку рукой наставник осторожно приподнимает редкие волосы шоколатье, и под ними обнаруживаются два небольших темных пятнышка, расположенных в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Этот процесс оставляет массу побочной информации, но вся она проходит мимо гевулота. И, безусловно, полностью разрушает экзопамять жертвы. Можно сказать, убивает ее. Тело, скорее всего, умирает от тахиаритмии. Воскресители работают над следующим телом шоколатье, но надеяться на это не стоит.

Если только мы не сумеем выяснить, куда ушла информация.

— Понятно, — говорит Исидор. — Вы правы, это действительно *интересный* случай для гогол-пиратства.

Говоря о гоголах, он не в силах скрыть отвращения: мертвые души, запрограммированные разумы человеческих существ, обреченные подчиняться чужой воле. Это проклятие для каждого обитателя Ублиетта.

Как правило, гогол-пиратство — похищение разума без ведома жертвы — основано на принципах прикладной социологии. Пираты втираются в доверие к выбранному объекту и понемногу подрывают сопротивляемость его гевулота, пока не получают возможность совершить решительную атаку. Но здесь…

— Концепция гордиева узла. Простая и элегантная.

— Я не думаю, что здесь можно употребить определение «элегантная», мой мальчик. — В голосе наставника прорывается гнев. — Хочешь посмотреть, что с ним произошло?

— Посмотреть?

— Я навещал его. Воскресители уже работают. Зрелище не из приятных.

— Ох.

Исидор невольно сглатывает. Сама смерть не так отвратительна, как то, что за ней следует, и от одной мысли об этом его ладони становятся влажными. Но, если он хочет когда-нибудь сделаться наставником, ему придется побороть страх перед потусторонним миром.

— Конечно, если вы считаете, что это принесет пользу.

— Хорошо.

Наставник протягивает ему открытые ладони и передает разделенное воспоминание. Исидор, польщенный интимностью этого акта, принимает его. И в его сознании сразу возникает комната в подземелье, где Воскресители в темных одеяниях заполняют только что отштампованные тела разумами, восстановленными из экзопамяти. Восстановленный шоколатье лежит в резервуаре с синтбиотической жидкостью, как будто принимает ванну. Доктор Феррейра прикасается ко лбу неподвижного тела изысканным бронзовым декантером. Внезапно сверкают белки глаз, раздается протяжный вопль, конечности лихорадочно дергаются, затем слышится *щелчок* вывихнутой челюсти.

Исидора тошнит от запаха кожи.

— Это… ужасно.

— К сожалению, это очень по-человечески, — говорит наставник. — Но надежда все-таки есть. Если мы сумеем отыскать информацию, доктор Феррейра считает, что сможет отсечь

помехи от его экзопамяти и восстановить шоколатье полностью.

Исидор делает глубокий вдох, пытаясь справиться с гневом.

— А ты не догадываешься, почему здесь оказался?

Исидор посредством гевулота исследует помещение: повсюду ощущается характерное для граждан Ублиетта стремление сохранить свою частную жизнь в неприкосновенности. Вся фабрика кажется обтекаемо-гладкой. Пытаться отыскать в экзопамяти подробности того, что здесь случилось, все равно, что хватать руками воздух.

— Для шоколатье это было весьма уединенное место, — говорит Исидор. — Я не думаю, что он открывал свой гевулот даже самым близким членам семьи.

Появляются три маленьких синтбиотических дрона — большие проворные пауки, окрашенные в ярко-зеленый и пурпурный цвета. Они подкручивают ручки конш-машины, и ритм немного ускоряется. Один из дронов останавливается возле Наставника, паучьи лапы трогают его плащ. Наставник отталкивает дрона резким движением трости, и тот убирается прочь.

— Правильно, — соглашается наставник.

Он подходит к Исидору так близко, что в серебристом овале маски появляется неискаженное отражение лица молодого человека. Волнистые волосы растрепались, щеки горят.

— У нас нет иной возможности восстановить произошедшие здесь события, кроме как старинным способом. И, как ни грустно мне признавать, у тебя, похоже, имеется к этому определенный талант.

На таком близком расстоянии чувствуется исходящий от наставника странный сладковатый запах, напоминающий ароматы специй, а металлическая маска как будто излучает тепло. Исидор немного отступает и откашливается.

— Конечно, я сделаю все, что в моих силах, — говорит он, притворяясь, что смотрит на свои Часы — простой медный диск на запястье с единственной стрелкой, отсчитывающий срок его жизни до перехода в состояние Спокойного. — Надеюсь, это не займет много времени, — добавляет он, и предательская дрожь в голосе выдает его волнение. — Я должен сегодня попасть на вечеринку.

Джентльмен ничего не отвечает, но Исидор отчетливо представляет себе циничную ухмылку, скрытую под маской.

К жизни пробуждается еще одна машина. Это устройство выглядит более сложным, чем примитивные конш-машины из нержавеющей стали. Витиеватые украшения на латунных деталях указывают на то, что механизм принадлежит к эпохе Королевства,

— это фабрикатор. Изящная штанга, похожая на часовую стрелку, танцует над металлическим поддоном и несколькими точными штрихами атомных лучей вырисовывает аккуратный ряд macarone.[12] Дроны запаковывают сладости в небольшие коробки и уносят.

Исидор осуждающе хмурит брови: настоящий ремесленник Ублиетта не должен полностью полагаться на технологии. Но что-то в этом устройстве не соответствует схеме, формирующейся в его голове. Он присматривается к машине внимательнее. Поддон покрыт тонкими полосками шоколадной массы.

— Для начала мне, безусловно, потребуются все сведения, которыми вы располагаете, — говорит он.

— Тело обнаружила продавщица.

Легким движением руки в белой перчатке Джентльмен передает Исидору небольшой фрагмент воспоминаний: лицо и имя. Тот воспринимает информацию как мимолетное знакомство. *Сив Линдстрём. Смуглая кожа, хорошенькое личико, темные волосы цвета какао, зачесанные в хвостик.*

— И семья согласилась с нами поговорить… Что ты делаешь?

Исидор кладет в рот кусочек шоколада, взятый с поддона фабрикатора, быстро делает запрос в экзопамять и вздрагивает от головной боли, сопутствующей чужим воспоминаниям. Но они помогают ему распознать слабый привкус брусники, горечь и странность terroir[13] в долине Нанеди. В этом шоколаде что-то *не так,* чувствуется какая-то странная хрупкость. Исидор подходит к телу шоколатье и пробует шоколад из емкости, которая все еще зажата в его руках. Этот шоколад, безусловно, обладает самым обычным вкусом.

История шоколатье постепенно, мазок за мазком, как macarone перед фабрикатором, вырисовывается в его голове.

— Сначала я хотел бы встретиться с продавщицей, — говорит Исидор.

Возвращаясь в город, Исидор и Джентльмен проходят через Черепаший парк.

Здесь перед ними предстает неоспоримое доказательство успеха дела шоколатье: в одном из лучших мест города на стене здания из красного кирпича красуется огромное изображение зерна какао. Зеленое пространство парка с невысокими пологими холмами протянулось примерно на три сотни метров и, как большинство взаимосвязанных частей города, перемещается на шагающей роботизированной платформе. Зеленые лужайки испещрены высокими изящными виллами эпохи Королевства, которые молодежь Ублиетта из числа Богатых Временем реставрирует и возвращает городу. Исидор никогда не понимал,

как кто-то из его поколения может сжигать свое Время ради материальных ценностей и услуг, тратя жизни в качестве Достойных на ненужные излишества, когда впереди всех ожидал долгий изнурительный труд в облике Спокойного. Ведь вокруг еще столько неразгаданных тайн!

Парк открыт для всех, но это не агора, и, проходя по песчаным дорожкам, Исидор и Джентльмен минуют нескольких посетителей, закрывшихся гевулотом. Завеса уединения мерцает вокруг людей, словно утренняя роса на траве.

Желая хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями, Исидор ускоряет шаг, от холода пряча руки в рукавах пальто. Благодаря длинным ногам ему всегда удается идти быстрее остальных, но Джентльмен, не прилагая никаких видимых усилий, по-прежнему держится рядом.

Ты скучаешь, правда?

Кват-послание Пиксил весьма лаконично. Вместе с ее голосом оно приносит целый букет ощущений: привкус эспрессо и странный аромат безупречной чистоты колонии зоку.

Исидор потирает кольцо сцепленности на указательном пальце правой руки: серебряный ободок с крошечным синим камешком, передающим сообщения непосредственно в его мозг. Исидор еще не совсем привык к кват-связи зоку. Передача сообщений от мозга к мозгу непосредственно через квантовый телепатический канал кажется ему непристойной и насильственной. Обмен разделенными воспоминаниями, которым пользуются жители Ублиетта, выглядит более деликатным способом: внедрение сообщений в экзопамять адресата, чтобы информация *вспоминалась,* а не поступала напрямую. Но все, что касается Пиксил и ее народа, требует определенных компромиссов.

Не могу в это поверить. Стоило твоему наставнику щелкнуть пальцами, и ты оставляешь на меня всю подготовку к вечеринке. А теперь ты скучаешь.

Я не скучаю.

Он возражает слишком поспешно, и лишь в следующее мгновение сознает, что ответил неправильно.

Я рада. Потому что ты больше не услышишь от меня ни слова, если не явишься вовремя.

Кват-сообщение сопровождается отчетливым эротичным ощущением скользящей по гладкой коже ткани, напоминающим ласку.

Я решаю, что надеть. Примеряю платья, потом снова их снимаю. Я думаю, это надо превратить в игру. И мне пригодилась бы чья-нибудь помощь. Но тебя нет.

Прошлая ночь в небольшой квартирке Исидора в Лабиринте была для них одной из лучших — никаких посторонних, только они с Пиксил. Он приготовил ужин, а потом она продемонстрировала изобретенную ею новую постельную игру, стимулирующую и разум, и тело. Но когда Пиксил задремала, он еще долго лежал без сна, и шестеренки его мозга крутились вхолостую, отыскивая систему в завитках ее разметавшихся по спине волос.

Он пытается подобрать верные слова, однако образ мертвого шоколатье не желает покидать его мысли.

Это всего лишь гогол-пиратство,передает он, добавив к сообщению равнодушное пожатие плечами.**Дело не затянется. Я буду вовремя.**

Ответ Пиксил сопровождается вздохом.

Это. Очень. Важно. Собираются все мои зоку. Все зоку. Хотят посмотреть на меня, на мятежницу. И увидеть моего глупого примитивного парня из Ублиетта. У тебя есть только два часа.

Я уже многого добился…

Два. Часа.

Пиксил…

Знаешь, я могла бы испортить тебе всю игру. Я могла бы рассказать, кто такой твой наставник на самом деле. Как бы тебе это понравилось?

Он *почти* уверен, что это лишь пустые слова. Ку-технология зоку обеспечивает ей возможности, намного превосходящие потенциал старой технологии Ублиетта, но наставники тщательно скрывают свои личности. Тем не менее от одной мысли, что он упустил возможность что-то выяснить, что не поставил на место последний фрагмент головоломки, ему становится страшно. Исидор не успевает подавить это чувство, и его ужас частым тяжелым сердцебиением уносится по каналу кват-связи.

Видишь? Вот что на самом деле важно. Развлекайся. Негодяй.

После этих слов она отключается.

— Как поживает малышка Пиксил? — спрашивает Джентльмен.

Исидор не отвечает, пытаясь идти еще быстрее.

Магазин шоколада находится на одной из широких торговых улиц Края, на плавно изгибающемся вдоль южной границы города проспекте. Здесь, как сообщают путеводители, относительно большие платформы и стабильное расположение. Поэтому в этом месте всегда много выходцев из других миров, жаждущих

посмотреть на Ублиетт. Рестораны и кафе только начинают открываться и разжигать печи, чтобы сделать прохладный марсианский воздух приятным для ранних посетителей. Вокруг них тотчас собираются пурпурные и зеленые биодроны, протягивающие к теплу свои тонкие конечности.

Джентльмен останавливается около узкого окна магазина. В витрине выставлены очень любопытные вещи: шар размером с футбольный мяч, представляющий собой модель Деймоса эпохи Королевства, усыпанный разноцветными леденцами, и замысловатый канделябр, свисающий с потолка. И то и другое сделано из шоколада. Но внимание Исидора привлекает другой объект: это платье с высоким воротником, кушаком и пышной юбкой, застывшей шоколадными воланами.

Наставник открывает дверь, и раздается звон медного колокольчика.

— Вот мы и пришли. Как сказала бы твоя подружка, игра начинается. Я буду поблизости, а тебе предоставляю вести разговор.

Внезапно он исчезает, словно привидение под бледными утренними лучами солнца.

Магазин узкий и длинный, слева тянется стеклянный прилавок, а справа — ярко освещенные полки витрин. Здесь приятно пахнет шоколадом и карамелью, а не сырой кожей, как на фабрике. Под стеклом прилавка, словно жучки в разноцветных панцирях, поблескивают конфеты. Образцы фигурного шоколада расположены справа. Среди них изогнутое крыло бабочки высотой в человеческий рост с узором в виде женского лица, напоминающего посмертную маску. Крыло невероятно тонкое и изготовлено из шоколада цвета обожженной глины.

Взгляд Исидора на мгновение останавливается на паре красных башмачков с развевающимися шоколадными лентами. На всякий случай он их запоминает: нынешнее настроение Пиксил, возможно, придется исправлять с помощью подарка.

— Ищете что-то особенное?

Голос кажется ему знакомым благодаря экзопамяти. *Сив Линдстрём.* В жизни она выглядит более усталой, чем в воспоминаниях, на ее привлекательном лице залегли морщины. Но униформа продавщицы идеально выглажена, волосы аккуратно причесаны. Между Часами происходит обмен фрагментами стандартного магазинного гевулота: Линдстрём узнает, что Исидор ничего не понимает в шоколаде, но обладает достаточным количеством Времени, чтобы его купить, а он получает общедоступные рекламные экзовоспоминания о продавщице и магазине. Ее реакцию, вероятно, скрывает гевулот,

потому что перед Исидором предстает лишь безупречная вежливость продавца.

— У нас отличный выбор macarone, свежие, только что с фабрики.

Она делает жест в сторону прилавка, куда синтбиотический дрон, которого Исидор уже видел, аккуратными рядами выкладывает шоколадные диски в разноцветных обертках.

— Я подумывал о чем-то… более существенном. — Исидор показывает на шоколадное платье. — О чем-то вроде этого. Могу я посмотреть на него поближе?

Продавщица выходит из-за прилавка и открывает стеклянную панель, отделяющую витрину от магазина. У женщины неровная шаркающая походка давнего обитателя Марса, страдающего от недостатка земной силы тяжести: так двигается неоднократно битая собака, ожидающая удара, даже когда ее гладят. Исидор вблизи рассматривает тщательно воспроизведенные детали платья, имитацию летящей ткани и живость цвета. *Возможно, я ошибся.*Но затем он ощущает легкую дрожь гевулота продавщицы. *А может, и не ошибся.*

— Пожалуйста, — все тем же тоном произносит она. — Это и в самом деле примечательный образец. Копия платья Достойной из Олимпийского Двора, выполненная из шоколада трюдель. Мы испробовали четыре вида смеси. Шестьсот ароматических компонентов, подобранных очень тщательно. Шоколад — неустойчивый материал, он требует особого внимания.

— Как интересно, — отзывается Исидор, стараясь принять вид пресыщенного Богатого Временем молодого человека.

Он достает увеличительное стекло и изучает кромку платья. Волнистый край превращается в кристаллическую решетку сахаров и молекул. Исидор пытается проникнуть вглубь воспоминаний свежего шоколада. Но тут вмешивается гевулот магазина, засекший нежелательное вторжение в частную жизнь, и изображение мгновенно теряет четкость.

— Что вы делаете? — спрашивает Линдстрём, уставившись на него, как будто только что увидела.

Исидор хмуро смотрит расплывчатое пятно.

— Проклятье! Я был почти у цели. — Говорит он и дарит Линдстрём одну из своих лучших улыбок, от которой, по словам Пиксил, у пожилых женщин размягчаются даже кости. — Вы не могли бы попробовать платье на вкус?

Продавщица смотрит на него с недоверием.

— Что?

— Прошу прощения, — произносит Исидор. — Я должен был сказать сразу. Я расследую печальное происшествие с вашим

работодателем.

Он приоткрывает свой гевулот ровно настолько, чтобы она узнала его имя. Взгляд ее зеленых глаз на мгновение застывает, пока поступает информация, а затем продавщица глубоко вздыхает.

— Так значит, вы и есть тот чудо-мальчик, о котором все говорят. Тот, что видит лучше, чем наставник. — Она возвращается за прилавок. — Если вы не собираетесь ничего покупать, я попросила бы вас уйти. Я не закрываю магазин только потому, что он не хотел бы этого. Но почему я должна разговаривать с вами? Я уже рассказала все, что знаю.

— Потому, — отвечает Исидор, — что вас считают причастной к этому.

— Из-за чего? Из-за того, что я его нашла? Да я получила столь малый фрагмент его гевулота, что едва знала его фамилию.

— Потому что это вполне логично. Вы из Первого Поколения, это видно по вашей походке. А это означает, что вы почти столетие провели в состоянии Спокойной. А это может сыграть странную шутку с человеком. Иногда даже появляется *желание* снова стать машиной. Гогол-пираты могут сделать это за деньги. Или взамен оказанной услуги. Например, если вы поможете похитить разум известного на весь мир шоколатье…

Ее гевулот закрывается окончательно, и она превращается в расплывчатую метку-заполнитель, означающую личность, окутанную пеленой уединения, а Исидор становится для нее пустым местом. Но это длится одно мгновение. Затем Линдстрём возвращается: глаза зажмурены, сжатые кулаки подняты к груди, на смуглой коже выделяются побелевшие от напряжения костяшки.

— Все было не так, — тихо произносит она.

— Не так, — соглашается Исидор. — Потому что у вас с ним был роман.

В его голове тикают Часы. Линдстрём предлагает заключить контракт гевулотов, подобный осторожному рукопожатию. Он принимает предложение: разговор в течение следующих пяти минут не будет фиксироваться его экзопамятью.

— Ты и вправду не такой, как они? Наставники.

— Нет, — говорит Исидор. — Не такой.

Она берет в руки конфету.

— Ты знаешь, как трудно изготовить шоколад? Как много времени занимает этот процесс? Он показал мне, что это не просто сладости, что в шоколад надо вложить частицу самого себя, собственными руками создать нечто реальное.

Линдстрём вертит в пальцах конфету, словно это талисман.

— Я долгое время была Спокойной. Ты слишком молод, чтобы понять, что это значит. Ты это ты, но не совсем: часть тебя, *говорящая* часть, делает какие-то вещи, делает машинально. И спустя какое-то время начинаешь считать, что так и должно быть. Даже когда все уже позади. Чувствуешь себя как-то неправильно. До тех пор, пока кто-то не поможет снова обрести себя.

Она откладывает в сторону наполовину растаявшую конфету.

— Воскресители говорят, что не смогут его вернуть.

— Мисс Линдстрём, они сумеют это сделать, если вы мне поможете.

Она переводит взгляд на шоколадное платье.

— Знаешь, мы делали его вместе. Когда-то и я носила такую одежду, еще во времена Королевства.

Ее взгляд устремлен куда-то далеко-далеко.

— Почему бы и нет? — наконец произносит она. — Давай попробуем. Хотя бы в память о нем.

Линдстрём достает из-под прилавка какой-то металлический инструмент и нерешительно подходит к стеклянной панели. С невероятной осторожностью она отрезает от края шоколадного платья крошечный кусочек и кладет его в рот. На мгновение она замирает, ее лицо остается непроницаемым.

— Это неправильно! — восклицает она, широко раскрыв глаза. — Совсем неправильно. Кристаллическая структура совсем не та. И вкус… Это не тот шоколад, какой мы изготавливаем. Похожий, но не совсем.

Еще один маленький кусочек она протягивает Исидору, и шоколад почти мгновенно тает у него на языке, оставляя горьковатый привкус со слабым ореховым оттенком.

Исидор улыбается. Ощущение триумфа почти снимает в его голове напряжение, оставшееся от кват-посланий Пиксил.

— Не могли бы вы пояснить, в чем заключается разница с технологической точки зрения?

Ее глаза сверкают. Линдстрём облизывает губы.

— Все дело в кристаллах. На последней стадии необходимо много раз разогревать и охлаждать шоколад, тогда получаемый продукт не тает при комнатной температуре. В шоколаде имеются кристаллы, и их симметрия, получаемая при чередовании тепла и холода, помогает им удерживаться вместе. Мы всегда стараемся делать шоколад пятого типа, а здесь слишком много четвертого, это можно определить по текстуре. — Вся ее нерешительность и сомнения неожиданно исчезают. — Как вы узнали? Что случилось с этим платьем?

— Это не важно. Важно то, что вы *не должны* его продавать. Позаботьтесь о его сохранности. Кстати, не могли бы вы дать мне

кусочек с собой? Да, этого достаточно, и можно просто завернуть. Не теряйте надежды: он еще может к вам вернуться.

Ее смех мрачен и горек.

— Начнем с того, что он никогда не был моим. Хотя я очень старалась. Я хорошо относилась к его жене. Я подружилась с его дочерью. Но все напрасно. Знаешь, порой мне казалось, что так даже лучше. Только воспоминания и шоколад. — Она несколько раз сжимает и разжимает кулаки. Ее ногти выкрашены в белый цвет. — Отыщи его, пожалуйста, — негромко просит она.

— Я сделаю все, что смогу, — обещает Исидор.

Он сглатывает и неожиданно испытывает облегчение при мысли, что этот разговор запечатлен не в кристалле экзопамяти, а только в нейронах его смертного мозга.

— Между прочим, я вас не обманул. Я действительно ищу что-нибудь особенное.

— Вот как?

— Да. Мне придется опоздать на вечеринку.

Дверь магазина неожиданно открывается. Входит мальчик-подросток, светловолосый, очень красивый, с правильными славянскими чертами лица, примерно восьми марсианских лет.

— Привет, — здоровается он.

— Себастьян, — откликается Линдстрём. — У меня покупатель.

— Все в порядке, не обращайте внимания, — говорит Исидор и посредством гевулота вежливо предлагает скрыть от него разговор.

— Я только хотел спросить, не видели ли вы Элоди? — Паренек лучезарно улыбается продавщице. — Я не могу установить с ней контакт.

— Она дома, с матерью, — отвечает Линдстрём. — Дай ей время оправиться. Надо уважать ее горе.

Парень энергично кивает.

— Конечно. Я просто подумал, что могу чем-нибудь помочь…

— Нет, не можешь. А теперь, будь добр, позволь мне закончить разговор. Этого хотел бы и отец Элоди.

Мальчик бледнеет. Он поворачивается и выбегает из магазина.

— Кто это? — спрашивает Исидор.

— Приятель Элоди. Маленький распутник.

— Он вам не нравится?

— Мне *никто* не нравится, — отвечает Линдстрём. — За исключением шоколада, разумеется. Итак, по какому поводу эта вечеринка?

Когда Исидор выходит из магазина, Джентльмена нигде не

видно. Но свернув на Правый проспект, он слышит шаги наставника, переходящего от одной тени к другой, подальше от яркого солнца.

— Должен признаться, мне любопытно, к чему все это приведет, — произносит Джентльмен. — А ты не задумывался о том, что сделанное тобой предположение может оказаться верным? Что она и в самом деле может быть виновна в похищении разума своего нанимателя? Надеюсь, отбросить эту версию тебя заставила не очаровательная улыбка Линдстрём?

— Нет, — отвечает Исидор. — Но теперь я хочу поговорить с его родными.

— Поверь мне, виновной окажется продавщица.

— Посмотрим.

— Как хочешь. А я только что получил информацию от своих братьев. Поблизости обнаружены признаки операции василевов. Я должен разобраться.

После этого наставник исчезает.

Экзопамять приводит Исидора к дому шоколатье. Это один из высоких белых домов, выступающих над Краем, предоставляя обитателям великолепный вид на испещренный зелеными холмами кратер Эллада. Исидор спускается на один пролет по лестнице, ведущей от фасада к зеленой двери, и испытывает легкое головокружение, когда далеко внизу, в облаках пыли, мельком видит огромные опоры Города. Несколько мгновений Исидор ждет у красной двери квартиры. Ему открывает невысокая китаянка в халате. У нее плоское лицо, по которому невозможно определить возраст, и черные шелковистые волосы.

— Да?

Исидор протягивает руку.

— Меня зовут Исидор Ботреле,[14] — представляется он и приоткрывает свой гевулот, чтобы женщина узнала, кто он такой. — Я думаю, вы догадываетесь, почему я здесь. Я был бы благодарен, если бы вы уделили мне время и ответили на несколько вопросов.

Женщина бросает на него странный, полный надежды взгляд, но гевулот остается закрытым: Исидор пока даже не знает ее имени.

— Входите, пожалуйста, — говорит она.

Квартирка небольшая, но светлая, с лесенкой на второй этаж, и из современных технологий здесь только фабрикатор да несколько парящих дисплеев из ку-точек. Женщина проводит Исидора в уютную гостиную и садится в маленькое деревянное кресло возле одного из больших окон. Она достает ксанфийскую сигарету, снимает колпачок, и на конце загорается огонек,

наполняя комнату горьковатым запахом. Исидор опускается на низкую зеленую кушетку и, ссутулившись, ждет. В комнате есть кто-то еще, скрытый пеленой уединения: он догадывается, что это дочь шоколатье.

— Надо бы вам что-нибудь предложить — кофе или что-нибудь еще, — наконец произносит женщина, но даже не делает попытки подняться.

— Я все сделаю, — говорит девочка, резко открывая гевулот и появляясь совсем рядом с Исидором, как будто ниоткуда.

Ей шесть или семь марсианских лет, это худой и бледный подросток с пытливыми карими глазами, в новом ксанфийском платье, похожем на трубу и отдаленно напоминающем Исидору одежду зоку.

— Нет, спасибо, — отвечает Исидор. — Ничего не надо.

— Мне даже не надо обращаться к экзопамяти, — заявляет девочка. — Я читала о тебе в «Вестнике Ареса». Ты помогаешь наставникам. Ты обнаружил пропавший город. А ты встречался с Безмолвием?

Она все время подпрыгивает на подушках кушетки и, кажется, не может остановиться ни на мгновение.

— Элоди, — строго одергивает ее женщина. — Не обращайте внимания на мою дочь, она такая невоспитанная.

— Я просто *спрашиваю*.

— Спрашивать будет этот любезный молодой человек, а не ты.

— Не верь всему, что пишут, Элоди, — говорит Исидор. Он сочувственно смотрит на нее. — Мне очень жаль, что с твоим отцом произошло несчастье.

Девочка опускает взгляд.

— Его ведь восстановят, правда?

— Надеюсь, что восстановят, — отзывается Исидор. — А я стараюсь помочь в этом.

Жена шоколатье грустно улыбается Исидору и скрывает следующие слова от гевулота дочери.

— Она обходится нам очень дорого. Глупое дитя. — Женщина вздыхает. — У вас есть дети?

— Нет, — отвечает Исидор.

— От них больше хлопот, чем радости. Это он виноват. Он испортил Элоди. — Жена шоколатье проводит рукой по голове, не выпуская из пальцев сигареты, и на мгновение Исидору становится страшно, что огонь перекинется на волосы. — Простите. Я говорю ужасные вещи, когда он… где-то. Даже не в состоянии Спокойного.

Исидор продолжает смотреть на нее. Ему нравится наблюдать

за людьми. Интересно, не утратит ли он этой способности, став наставником? Но тогда в его распоряжении будут другие возможности выяснять правду.

— Вам не известно о каких-нибудь новых друзьях, появившихся у мистера Деверо в последнее время?

— Нет. А почему вы спрашиваете?

Элоди окидывает мать скучающим взглядом.

— Мам, они же всегда так поступают. Пираты. Это прикладная социология. Они собирают частички твоего гевулота, а потом декодируют разум.

— Но зачем им понадобился именно *он?* Он ничего собой не представлял. Просто изготавливал шоколад. А *я* даже *не люблю* шоколад.

— Мне кажется, ваш муж был как раз такой личностью, в каких заинтересованы гогол-пираты, — он обладал уникальными знаниями, — отвечает Исидор. — У Соборности ненасытный аппетит в отношении моделей обучения, особенно в области человеческого восприятия вкусов и запахов. — Он не забывает открыть разговор для гевулота Элоди. — А его шоколад очень специфичен. Продавщица была так любезна, что во время моего посещения магазина дала мне кое-что попробовать: кусочек платья, которое доставили с фабрики только сегодня утром. Невероятный вкус.

Отвращение искажает лицо Элоди, превращая его в уродливую маску. Девочка скрывается за пеленой уединения, вскакивает с кушетки и тремя быстрыми прыжками уносится вверх по лестнице.

— Прошу прощения, — извиняется Исидор. — Я не хотел ее расстраивать.

— Не беспокойтесь. Она хорошо держится, но нам обеим очень тяжело. — Женщина откладывает сигарету и вытирает глаза. — Я подозреваю, что она сбежит к своему приятелю, а потом вернется и не будет со мной разговаривать. Ребенок.

— Я понимаю, — говорит Исидор, поднимаясь. — Вы мне очень помогли.

Она разочарована.

— Я думала… что вы зададите больше вопросов. Дочь говорила, что вы всегда так делаете, и спрашиваете о таких вещах, которые наставникам даже в голову не приходят.

Ее глаза сверкают странным энтузиазмом.

— Дело не в количестве вопросов, — отвечает Исидор. — Еще раз примите мои соболезнования. — Он вырывает из записной книжки листок, чертит свою подпись и прикрепляет небольшое послание в виде разделенного воспоминания. Затем протягивает

листок женщине. — Передайте это Элоди в качестве извинения. Хотя я не уверен, что она все еще является моей поклонницей.

Выйдя из дома, Исидор, не удержавшись, начинает насвистывать: теперь перед ним предстает вся схема преступления. Он мысленно проводит по ней пальцем, и контур отзывается чистым звуком, словно наполовину наполненный вином бокал.

В маленьком ресторанчике на окраине парка Исидор заказывает себе ризотто с осьминогом. Когда он вытирает губы, на салфетке остается причудливый чернильный узор. Около получаса Исидор сидит и наблюдает за гуляющими в парке людьми и записывает свои наблюдения в записную книжку. Затем поднимается и вновь направляется к шоколадной фабрике, чтобы захлопнуть ловушку.

Биодроны впускают его внутрь. Тело уже забрали Воскресители. На полу остается его контур и пятна шоколада, скрытые пеленой уединения, словно сброшенная шкура змеи, излучающая свет. Исидор садится на расшатанный металлический стул в углу и ждет. Звук работающих машин почему-то действует успокаивающе.

— А ведь я знаю, что ты здесь, — произносит он спустя некоторое время.

Из-за одной из машин появляется Элоди, даже не скрываясь за пеленой гевулота. Она выглядит старше, ее взгляд становится жестким.

— Как ты узнал?

— Следы, — поясняет Исидор и показывает на шоколадные пятна. — В прошлый раз ты была осторожнее. Кроме того, ты опоздала.

— Разделенное воспоминание, которое ты оставил, полная ерунда, — говорит она. — Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что ты хочешь встретиться со мной здесь.

— Мне показалось, ты интересуешься расследованием. Но первое впечатление может быть обманчивым.

— Если ты опять собираешься говорить о моем отце, я ухожу, — заявляет Элоди. — Я хочу встретиться со своим приятелем.

— Я так и думал. Но разговор будет не об отце, а о тебе. — Он тщательно прикрывает свои слова гевулотом, чтобы только они двое могли их услышать и запомнить. — Мне интересно знать, легко ли это было.

— Что?

— Не думать о последствиях. Передать личные ключи от гевулота своего отца незнакомцу.

Элоди ничего не отвечает, только настороженно смотрит на

него.

— Что они тебе пообещали? Путешествие к звездам? Рай? Все для тебя, словно для принцессы Королевства, только еще лучше? Так ведь не бывает, и тебе это известно.

Элоди делает шаг в его сторону, медленно вытягивая руки. Исидор покачивается на стуле взад и вперед.

— Итак, ключи не сработали. И Себастьян — твой приятель-василев, один из *них* — очень расстроился. Между прочим, до тебя ему нет никакого дела: в него закачали чьи-то чужие эмоции. Но все было достаточно реально. Он пришел в ярость. Возможно, угрожал тебя бросить. Ты хотела его задобрить. И ты знала, что у твоего отца есть место с гевулотом, где можно провернуть дело без помех. Может, твой приятель даже пришел вместе с тобой. Должен сказать, ты поступила очень умно. Шоколад лишь слегка отличается на вкус. Он ведь в платье, не так ли? Я говорю о разуме твоего отца. Ты поместила его туда при помощи фабрикатора. Как только изготовили оригинал платья, ты расплавила его и сделала копию. Дроны доставили изделие в магазин. И все данные, закодированные в кристаллах шоколада, готовы к продаже, чтобы вывезти их в Соборность. Никаких вопросов, не надо устанавливать пиратскую радиостанцию, чтобы передать информацию. Разум упакован в чудесную шоколадную оболочку, словно пасхальное яйцо.

Элоди смотрит на него, не проявляя никаких эмоций.

— Я одного не могу понять: как ты решилась на это? — спрашивает Исидор.

— Это неважно, — шипит она. — Он и не вскрикнул. Не почувствовал боли. Он даже не был мертв, когда я уходила. Никто не пострадал. Они вернут его. Они всех нас возвращают. А потом делают Спокойными. Это несправедливо. *Мы* не разваливали их проклятое Королевство. *Мы* не создавали фобоев. Это не наша вина. Мы должны по-настоящему жить вечно, как живут *они.* Мы должны иметь право.

Элоди медленно разгибает пальцы. Из-под ее ногтей радужными волосками выскакивают нановолокна и вытягиваются, словно веер из кобр.

— А! — восклицает Исидор. — Загрузочные щупальца. А я гадал, где они скрываются.

Элоди приближается к нему странными резкими шагами. Кончики щупалец светятся. До Исидора наконец доходит, что он и впрямь может опоздать на вечеринку.

— Не надо было тебе назначать встречу в уединенном месте, — говорит Элоди. — И стоило прихватить с собой твоего наставника. Друзья Себа заплатят и за тебя тоже. Может, даже

больше, чем за *него*.

Загрузочные щупальца лучами света устремляются вперед. Исидор ощущает десяток уколов в голову, а потом странное оцепенение. Он перестает контролировать свои движения и понимает, что вопреки собственной воле поднимается со стула. Элоди стоит перед ним, разведя руки в стороны, словно кукловод.

— Значит, он так и сказал? Что все это несерьезно? Что твоего отца, несмотря ни на что, восстановят? — Слова даются ему с трудом. — Смотри.

Исидор приоткрывает свой гевулот и делится с ней воспоминаниями о преисподней, о том, как ее отец в подземном зале кричит, мечется и умирает, снова и снова.

Широко раскрыв глаза, она не сводит с него взгляда. Щупальца опускаются. У Исидора подкашиваются ноги. Бетонный пол очень твердый.

— Я не знала, — говорит она. — Он никогда… — Она переводит взгляд на свои руки. — Что я наделала…

Ее пальцы сжимаются, словно когти, щупальца повторяют это движение, сверкают в ее волосах и исчезают в голове. Элоди падает на пол, судорожно дергая руками и ногами. Исидор не хочет на это смотреть, но он не в силах пошевелиться, не может даже закрыть глаза.

— Это наиболее яркое проявление глупости, которое мне доводилось видеть, — произносит Джентльмен.

Исидор слабо улыбается. Лечебная пена на голове кажется ему ледяным шлемом. Он лежит на носилках за стенами фабрики. Мимо проходит Воскреситель в темной одежде и стройные биодроны из преисподней.

— Я никогда не был сторонником заурядности, — говорит он. — Вы поймали василева?

— Конечно. Это мальчишка, Себастьян. Он пришел в магазин и пытался купить платье, утверждая, что хочет сделать сюрприз Элоди и немного отвлечь ее от грустных мыслей. Уничтожил себя при поимке, как делают все они, и при этом выкрикивал федоровские[15] лозунги. Чуть не достал меня оружейным вирусом. Его гевулот подвергнется исследованию: я не думаю, что Элоди была единственной.

— А что с ней?

— Воскресители знают свое дело. Если смогут, они ее восстановят. Я полагаю, после этого она досрочно станет Спокойной, все зависит от того, что скажет Голос. Но демонстрировать ей то воспоминание было неправильно. Это причинило ей боль.

— Я сделал то, что должен был сделать. Она это заслужила, — отвечает Исидор. — Она преступница. — Воспоминание о смерти шоколатье еще отзывается у него в животе холодной тяжестью.

Джентльмен снимает шляпу. Под ней маска из неизвестного материала, повторяющая очертания черепа, каким-то образом она делает его моложе.

— А ты преступно глуп. Ты должен был открыть гевулот для меня или назначить встречу где-нибудь в другом месте. А насчет того, что она заслужила… — Джентльмен осекается.

— Вы знали, что это она, — произносит Исидор.

Джентльмен молчит.

— Я уверен, вы знали это с самого начала. И дело не в ней, а во мне. Что это за испытание?

— Ты должен был понять, почему я не сделал тебя одним из нас.

— Почему же?

— Есть одна причина, — отвечает Джентльмен. — В давние времена на Земле те, кого называли наставниками, зачастую были *целителями*.

— Я не понимаю, как все это связано, — говорит Исидор.

— Я знаю, что ты не понимаешь.

— Как? Неужели я должен был ее отпустить? Проявить милосердие? — Исидор покусывает губы. — Это не метод раскрытия тайн.

— Верно, — соглашается Джентльмен.

Под этим единственным словом что-то скрывается, Исидор чувствует это. Гнев помогает уловить суть.

— Я думаю, вы лжете, — заявляет Исидор. — Я не наставник, потому что я не целитель. Безмолвие тоже не целитель. Причина в том, что вы кому-то не доверяете. Вам понадобился сыщик, который не был воскрешен. Сыщик, который умеет хранить секреты. Вам нужен сыщик, готовый охотиться за криптархами.

— Такого слова не существует. — Джентльмен надевает шляпу и поднимается. — Благодарю за помощь.

Наставник дотрагивается до лица Исидора. Прикосновение бархата кажется удивительно легким и мягким.

— Между прочим, — добавляет Джентльмен, — ей не понравятся шоколадные башмачки. Вместо них я взял для тебя трюфели.

Он уходит. На траве остается аккуратно перевязанная красной ленточкой коробка шоколада.

Интерлюдия

КОРОЛЬ

Король Марса может увидеть все, но есть места, куда он предпочитает не заглядывать. И космопорт, как правило, остается одним из таких мест. Однако сегодня Король лично присутствует здесь, чтобы убить старого друга.

Зал прибытия построен в старом стиле Королевства — огромное пространство под высоким куполом. В зале разноцветная толпа приезжих из других миров. Они осторожно двигаются, стараясь привыкнуть к марсианской гравитации и ощущению гостевого гевулота на коже.

Невидимый и неслышимый для всех, Король проходит мимо чужаков: аватары Царства, сухопарые жители Пояса в медузообразных экзоскелетах, порхающие Быстрые, зоку с Сатурна в базовых телах. Король останавливается перед статуей герцога Офира и вглядывается в потрескавшееся лицо, осквернённое Революционерами. Сквозь прозрачный купол высоко над залом он видит «бобовый стебель»,[16] невероятную линию, перечеркивающую небо цвета ржавчины и вызывающую головокружение у каждого, кто пытается проследить за ней взглядом. К горлу подступает тошнота: навязчивое состояние, вживленное бесцеремонной рукой столетия назад, все еще присутствует.

Ты принадлежишь Марсу, утверждает оно. *Ты никогда его не покинешь.*

Сжав кулаки, Король заставляет себя смотреть, сколько хватает сил, раскачивая в голове воображаемую цепь. Затем он закрывает глаза и начинает поиски другого невидимого человека.

Он позволяет своему мысленному взору скользить по толпе, заглядывать в лица и глаза, отыскивая следы манипуляций в недавних воспоминаниях, словно потревоженные листья в лесу. Надо было сделать это раньше. Личное присутствие в этом месте дает странное ощущение чистоты. За долгие годы Король стал почти одинаково воспринимать воспоминания и действия, и резкий привкус реальности кажется бодрящим.

Заключенная в память ловушка почти незаметна, она прячется в свежей экзопамяти аватара Царства, глазами которого смотрит сейчас Король. И она действует в обе стороны: воспоминания о воспоминаниях почти затягивают Короля в бесконечный туннель дежавю, увлекают, словно головокружение при взгляде на «бобовый стебель».

Но Король искусен в играх памяти. Усилием воли он заставляет себя оставаться в настоящем, изолирует отравляющие сознание воспоминания, возвращается к их источнику, слой за

слоем снимает пласты экзопамяти, пока не остается зерно реальности: худой лысый мужчина со впалыми висками в плохо подогнанной форме Революционера, стоящий в нескольких метрах и глядящий на него темными глазами.

— Андре, — с упреком окликает его Король, — что ты себе позволяешь?

Человек окидывает его дерзким взглядом, и на мгновение из глубин сознания Короля всплывает давнее воспоминание об аде, через который им пришлось пройти вместе.*Как жаль.*

— Время от времени я появляюсь здесь, — говорит Андре. — Иногда хочется выглянуть из нашего аквариума с золотыми рыбками. Так приятно посмотреть на небо и гигантов вдали.

— Но ты здесь не ради этого, — негромко произносит Король. Его голос звучит мягко, по-отечески. — Я не понимаю. Мы же договорились. Больше никаких сделок с ними. А ты опять здесь. Неужели ты действительно думал, что я тебя не вычислю?

— Грядут перемены, — вздыхает Андре. — Мы больше не сможем выживать. Основатели проявляли слабость, но скоро все закончится. Они сожрут нас, друг мой. И даже ты не сумеешь их остановить.

— Выход всегда найдется, — отвечает Король. — Только не для тебя.

Из учтивости Король дарит ему быструю истинную смерть. Вспышка ку-винтовки зоку, легкая рябь экзопамяти, стирающая все следы личности, которая когда-то была Андре, его другом. Король усваивает все, что ему было нужно от Андре. Прохожие вздрагивают от неожиданного жара, а потом забывают об этом.

Король поворачивается, чтобы уйти, и видит мужчину и женщину. Мужчина в темном костюме и очках с голубыми линзами, женщина сутулится от гравитации, словно старуха. И впервые за все время, проведенное в космопорте, Король улыбается.

Глава четвертая
ВОР И НИЩИЙ

Шагающий город Ублиетт, Устойчивый проспект, ясное утро, погоня за воспоминаниями.

Улицы здесь меняют свое направление и местоположение, когда движущиеся платформы покидают городской поток или снова к нему присоединяются, но этот широкий проспект всегда возвращается на свое место, несмотря ни на что. По обеим его сторонам растут вишневые деревья и расходятся улочки, ведущие в Лабиринт, где скрываются тайны. Здесь есть магазинчики,

которые можно найти только однажды, в них торгуют игрушками времен Королевства, старыми жестяными роботами с древней Земли и мертвыми камнями зоку, падающими с неба. И двери, которые обнаруживаются только в том случае, если вы скажете нужное слово, или съели нужную пищу накануне, или влюблены.

— Благодарю за то, что привел меня в ад, — говорит Миели.

Я снимаю голубые солнцезащитные очки и улыбаюсь ей. Она явно страдает от гравитации и двигается, словно старуха: пока мы здесь временные граждане, она вынуждена скрывать свои возможности.

Я видел не много мест, менее похожих на ад. Над головой густая голубизна неба кратера Эллада, тучи белых планеров с огромными крыльями, цепляющимися за разреженную марсианскую атмосферу. Высокие замысловато выстроенные здания, словно дома belle époque[17] Парижа, не обремененные силой тяжести, башни из красного камня с балконами и галереями. Паукебы проворно перепрыгивают с крыши на крышу. Сверкающий купол колонии зоку виднеется в Пыльном районе, где красное облако, поднятое городскими ногами, вздымается, словно плащ. Слабое покачивание, ощутимое, если стоишь неподвижно, напоминает о том, что этот город странствует на спинах Титанов.

— Ад, — говорю я ей, — это такое место, где собираются все интересные люди.

Миели искоса смотрит на меня. Немного раньше, на «бобовом стебле», у нее было скучающее лицо все познавшего человека, по которому я определил, что она впитывает информацию, готовится.

— Мы здесь не для того, чтобы любоваться видами, — говорит она.

— Как раз для этого. Где-то здесь осталась ассоциативная память, и я должен ее найти. — Я подмигиваю. — Это может занять некоторое время, так что постарайся не отставать.

Мускульная память наконец восстановилась, и я увеличиваю дистанцию между нами, переходя на скользящий размашистый шаг Джона Картера,[18] какой принят у окружающих нас высоких марсиан. За время моего отсутствия мода сильно изменилась. Теперь лишь немногие носят ничем не примечательные светлые брюки и рубашки, отдаленно напоминающие старую форму Революционеров. Вместо них в ходу пышные костюмы с оборками и шляпы, а еще абстрактные произведения зоку из интеллектуальной материи, имеющие большее отношение к геометрии, нежели к одежде. И почти никто не скрывается под полным покровом уединения. Это проспект: здесь принято

выставлять себя напоказ.

И конечно, единственное, что не меняется, — это Часы: всех форм и размеров — на браслетах, пряжках, ожерельях и кольцах. Все они отмеряют Время, Время Достойных, время человеческого существования, которое каждый должен заработать неустанным трудом в состоянии Спокойных. Мне приходится сдерживать инстинкты вора-карманника.

На агоре Революции я останавливаюсь и поджидаю Миели. На этой площади стоит один из революционных монументов — невысокая плита из вулканической скалы, обработанная Спокойными. На ее поверхности микроскопическим шрифтом высечены имена миллиардов гоголов, привезенных с Земли. По бокам от памятника журчат небольшие фонтаны. Я помню, что бывал здесь, бывал много раз.

Но кем я был? И чем занимался?

Марсианское вино вызвало воспоминания, но никаких четких образов не возникло: просто в сознание выплеснулись разноцветные брызги. Там была девушка по имени Раймонда и еще что-то под названием Тибермениль. Возможно, Миели права: не стоит рассчитывать, что мое прежнее «я» волшебным образом подскажет, куда двигаться дальше, лучше попытаться применить систематический подход. Я должен вернуть долг ей и ее таинственным нанимателям, и чем скорее я с этим разберусь, тем лучше.

Я сажусь на кованую железную скамью на краю площади, у самой границы публичного круга. Общество Ублиетта уважает право на уединение, но только не на агорах: здесь принято демонстрировать себя публике. Выходя с улиц на площадь, люди инстинктивно меняют свое поведение: выпрямляют спины, двигаются с преувеличенной осторожностью и приветствуют друг друга короткими кивками. То, что происходит здесь, остается в памяти каждого и доступно всем. Это место публичных обсуждений, средоточие демократии, где вы можете попытаться повлиять на Голос, электронную систему правления Ублиетта. И еще агора очень полезна для крипто-архитекторов: здесь, в пространстве общедоступной информации, можно проследить эволюцию города.

Откуда я все это знаю?

Я мог почерпнуть эти сведения из фрагмента экзопамяти, полученного вместе с временным гражданством и Часами, которые купила для нас Миели. Но нет. Я не щурился — не сосредоточивался сознательно на поиске информации в коллективной базе Ублиетта. Это означает, что я являлся гражданином Ублиетта прежде, по крайней мере, некоторое

время. Следовательно, у меня были Часы, а здесь наличие Часов подразумевает и обладание экзопамятью, вместилищем мыслей и желаний, которые сохраняют твою личность при переходе от Достойного к Спокойному. Может, именно это мне и следует искать: Часы того, кем я здесь был?

Я прокручиваю эту мысль в голове. Идея почему-то кажется мне слишком *простой,* слишком примитивной, слишком хрупкой. Пошел бы на такое прежний я? Стал бы доверять секреты экзопамяти гражданина Ублиетта? Меня пробирает дрожь, когда я понимаю, что не имею об этом ни малейшего представления.

Я ощущаю потребность сделать что-нибудь, что поможет мне снова почувствовать себя самим собой, поэтому поднимаюсь и иду вдоль края площади, пока не обнаруживаю красивую девушку. Она сидит на скамье рядом с общественным фабрикатором и надевает только что взятые из автомата роликовые коньки с огромными колесами из интеллектуальной материи. На девушке белый топ и шорты. Обнаженные ноги, словно отлитые из золота, идеальной длины и формы.

— Привет. — Я дарю ей лучшую из своих улыбок. — Я ищу Революционную библиотеку, но мне говорят, что карты города не существует. Не можете ли вы указать хотя бы верное направление?

Она морщит загорелый носик и исчезает, а вместо нее появляется серая метка-заполнитель гевулота. А потом девушка убегает, и серый сгусток быстро движется по проспекту.

— Я смотрю, ты любуешься видами, — говорит Миели.

— Двадцать лет назад она улыбнулась бы мне в ответ.

— Так близко к агоре? Не думаю. Кроме того, ты неумело воспользовался гевулотом: надо было сделать этот разговор приватным. Ты уверен, что жил здесь?

— Кое-кто прекрасно выполнил домашнее задание.

— Да, — отвечает она.

Я в этом не сомневаюсь: она использовала все возможности, предоставляемые нашим временным гражданством и доступом в общественную экзопамять.

— Меня это немного удивляет. Если ты и в самом деле жил здесь в последние два десятилетия, ты или выглядел иначе, или никогда не посещал площадей и общественных мероприятий. — Она смотрит мне в глаза. У нее на лбу выступает испарина. — Если ты каким-то образом подделал эти воспоминания, если это попытка сбежать, ты быстро убедишься, что я к этому готова. И последствия придутся тебе не по вкусу.

Я снова опускаюсь на скамью и смотрю на площадь. Миели, держа спину абсолютно прямо, садится рядом, и со стороны

видно, насколько ей неудобно. Сила тяжести причиняет ей боль, но она ни за что в этом не признается.

— Это не попытка сбежать, — говорю я. — Я помню о своем долге перед тобой. Все вокруг выглядит знакомым, так что мы прибыли в нужное место. Но я не представляю, каким должен быть следующий шаг. Я не нашел никаких следов этого Тибермениля, но это и не удивительно: здесь не один пласт тайн. — Я усмехаюсь. — Уверен, что прежний я развлекается, наблюдая за нами. Честно говоря, он может оказаться умнее нас обоих.

— Прежний ты угодил в тюрьму, — отзывается она.

— Туше. — Я перекачиваю частицу времени из своих Часов (небольшой серебряный диск на прозрачном браслете; тонкая стрелка передвигается на миллиметр) в стоящий у скамьи фабрикатор. Аппарат выплевывает темные очки. Я протягиваю их Миели. — Вот, попробуй.

— Зачем?

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на лице. Ты не слишком подходишь этой планете.

Миели хмурится, но медленно надевает очки. Они подчеркивают ее шрам.

— Знаешь, — говорит она, — сначала я собиралась законсервировать тебя на «Перхонен», а самой отправиться сюда, собрать сенсорную информацию и закачивать ее в твой мозг, пока к тебе не вернется память. Но ты прав. Это место мне не нравится. Здесь слишком много шума, слишком много пространства, слишком много всего.

Она откидывается на спинку скамьи, вытягивает руки и поджимает ноги, принимая позу лотоса.

— Но у них теплое солнце.

И в этот момент я замечаю босоногого мальчишку примерно пяти марсианских лет, который машет мне рукой с противоположного края площади. И его лицо мне знакомо.

Знаешь, когда все закончится, я намерена его убить, Миели обращается к «Перхонен», улыбаясь вору.

Даже без предварительных мучений? Ты проявляешь признаки слабости.

Корабль остался на высокой орбите, и их нейтринная связь, тщательно скрытая от параноидальных технологических анализаторов Ублиетта, позволяет только поддерживать разговор.

Это еще один недостаток планеты, хотя и не такой скверный, как постоянная тяжесть и упрямое нежелание предметов зависать в воздухе, когда их выпускают из рук. Как ни стыдится Миели усовершенствований Соборности, произведенных в ее теле, приходится ими пользоваться.

Но секретность — одно из главных условий миссии. Поэтому она носит оболочку временного гевулота, выданного им таможенниками в черных панцирях на станции «бобового стебля» (*запрещено импортировать нанотехнологии, ку-технологии, технологии Соборности; запрещено ввозить запоминающие устройства, способные хранить базовый разум, запрещено…*), скрывает свой метамозг, скелет из ку-камня, виртуальное оружие и все остальное под камуфляжным обликом и страдает.

Есть что-нибудь новое из общественной экзопамяти? спрашивает Миели. *Или от таинственного осведомителя, который предпочитает не показываться?*

Нет, отвечает «Перхонен». *Гоголы занимаются этим, но материала слишком много. Пока нет никаких двойников ни Тиберменилла, ни Фламбера. Я бы на твоем месте заставила этого парня усерднее зарабатывать свою свободу.*

Миели вздыхает.

Я не это рассчитывала услышать.

До сих пор единственным плюсом во всем этом деле был искусственный солнечный свет из яркой точки в небе, бывшей когда-то Фобосом. *По крайней мере, мой венерианский загар быстро восстановится.*

— Чтобы скрыть выражение Гулливера на лице, — повторяет вор.

Внезапно Миели перестает понимать, что происходит: ее охватывает невыносимое ощущение дежавю. *Будь проклята эта биотическая связь, доверься Пеллегрини, и наверняка сойдешь с ума.* В своем кото,[19] еще на Оорте, она жила в ледяной пещере вместе с двумя десятками других людей, и жилое пространство, выдолбленное в комете, было не больше «Перхонен». Но там не возникало ничего похожего, никакого беспокойства по поводу чужих мыслей, передаваемых через канал квантовой связи, как сейчас. Большую часть она отфильтровывает, но время от времени какие-то мысли и чувства все же просачиваются в ее сознание.

Миели качает головой.

— Ладно, — говорит она. — «Перхонен» подсказывает, что нам придется прибегнуть к старым методам. Будем продолжать идти, пока…

Она обращается к пустому месту. Вора нигде не видно. Миели снимает очки и разглядывает их, пытаясь обнаружить какое-то устройство, обеспечившее вору возможность ускользнуть. Но в очках нет ничего, кроме пластика.

«Перхонен»! Куда он подевался, черт побери?

Я не знаю. Биотическая связь есть только у тебя. В голосе

корабля ей чудится некоторое веселье.

— Витту! Перкеле! Сатана![20] — Она ругается вслух. — Он за это заплатит.

Проходящая мимо пара с ребенком в белых костюмах Революционеров смотрит на нее с удивлением. Миели неумело обращается мыслями к интерфейсу своего гостевого гевулота. *Уединение.* Непривычное ощущение скованности подсказывает, что вместо нее окружающие видят только метку-заполнитель.

Гевулот. Конечно. Я идиотка. Между ее *локальной* и экзопамятью существует граница. Вор послал ей воспоминание о последних секундах их разговора, и ее примитивный гевулот воспринял его. *Я разговаривала с воспоминанием.*

Миели испытывает резкий и неожиданный приступ отвращения к самой себе. Все это напоминает ей болезнь, перенесенную в детстве: на зубах стали появляться острые наросты, которые больно царапали десны. Карху[21] вылечил ее песней, но было невозможно удержаться, чтобы не трогать выступы языком. Она проглатывает неприятное ощущение и старается сосредоточиться на биотической связи.

Это трудно сделать без помощи метамозга, но и обнаруживать себя тоже нельзя. Поэтому Миели просто пытается сконцентрироваться на части своего сознания, соединенной с вором. Это все равно что думать об ампутированной конечности. Миели закрывает глаза…

— Леди, проявите милосердие, — слышится рядом грубый и хриплый голос.

Перед ней стоит нагой человек, лишь самая интимная часть его тела прикрыта серым пятном гевулота. Человек очень бледен и лыс. У него красные глаза, как будто он только что плакал. Единственный предмет на его теле — Часы, блестящий диск на толстом металлическом браслете, болтающемся на костлявой руке.

— Проявите милосердие, — повторяет он. — Вы пришли со звезд, вы проведете здесь несколько приятных моментов, а потом вернетесь к роскоши, к бессмертию. Пожалейте того, кому осталось всего несколько мгновений жизни перед тем, как придется искупать свои грехи. Скоро за моей душой придут и бросят ее в пасть безмолвной машины, так что я даже не смогу крикнуть от боли…

Ты в порядке? «Перхонен» обеспокоена. *Что происходит?*

Миели пытается повторить тот же трюк с гевулотом, что и несколько минут назад, — воздвигнуть преграду между собой и этим безумцем, но интерфейс гевулота сообщает, что она заключила контракт с другой личностью о поверхностном

взаимодействии в течение следующих пятнадцати минут.

Передо мной стоит голый сумасшедший, беспомощно жалуется она кораблю.

Я думала, он сбежал.

— Если бы вы подарили мне несколько драгоценных секунд, незначительную толику вашего времени, я бы открыл вам все свои секреты. При Дворе Короля я был Графом, Достойным, совсем не таким, каким вы видите меня сейчас. У меня был роботизированный замок и миллион гоголов в распоряжении. А в Революцию я сражался в армии Герцога Тарсиса. Вы должны увидеть настоящий Марс, старый Марс, и я все это вам обеспечу за несколько подаренных секунд… — По вытянутому бледному лицу уже струятся слезы. — У меня осталось только несколько десятков секунд, проявите милосердие…

Не переставая ругаться, Миели поднимается со скамьи и идет вперед, лишь бы отделаться от нищего. Вдруг ее поражает неожиданная тишина. Она останавливается посреди площади.

Марсиане двигаются особенно осторожно. Никто никого не приветствует. Туристы — несколько Быстрых, похожих на светлячков, полиморф с изящными конечностями из зоку Ганимеда и другие — прекращают рассматривать через парящие линзы списки на монументе и поворачиваются в ее сторону.

А нищий уже дергает ее за край одежды.

— Одну минуту, даже несколько секунд за все тайны Марса…

Он уже полностью обнажен, гевулот не защищает его на агоре. Миели отталкивает его руку, применяя обычную человеческую силу, вместо того чтобы вырвать конечность из сустава. Но нищий испускает пронзительный крик и валится на землю к ее ногам, по-прежнему цепляясь за одежду и не умолкая. Теперь Миели уверена, что на них смотрят абсолютно все, хотя кажется, будто никто не обращает внимания.

— Ладно, — соглашается она и поднимает свои Часы, хрустальную модель, выбранную из-за сходства с оортианскими украшениями. — Десять минут. Я потеряю больше, чтобы избавиться от тебя.

Она мысленно обращается к Часам, и золотая стрелка немного сдвигается. Нищий вскакивает и облизывается.

— Благослови вас призрак Короля, добрая леди, — говорит он. — Незнакомец сказал, что вы великодушны.

— Незнакомец? — переспрашивает Миели, хотя уже знает, о ком идет речь.

— Незнакомец в очках с голубыми линзами, да пребудет с ним благословение, и с вами тоже. — На лице нищего появляется широкая ухмылка. — Должен вас предупредить, — деловым

тоном сообщает он. — Я бы на вашем месте поторопился уйти с площади. — Вокруг Миели уже расходятся все, кроме туристов. — Кровь, вода. Уверен, вы меня поняли. — И он бросается бежать на своих тощих ногах.

Я обязательно подвергну вора мучениям, обещает Миели. *Кровь и вода. Что он хотел этим сказать?*

На Земле, отвечает «Перхонен», *существовал тип рыб, называемых акулами. Я думаю, нищие, которые клянчат Время, просматривают доступную экзопамять, например, информацию с площадей. Здесь не принято уединение, и они увидят, что ты поделилась Временем с…*

Внезапно на площади слышится топот босых ног, и Миели оказывается лицом к лицу с целой армией нищих.

Я бегу за мальчишкой сквозь толпу, заполняющую проспект. Маленький негодник неизменно остается впереди, отлично ориентируясь в чаще ног, его босые пятки мелькают со скоростью иглы фабрикатора. Я расталкиваю прохожих локтями, выкрикиваю извинения и оставляю за собой хвост сердитых серых вспышек гевулотов.

Я почти настигаю его у остановки паукебов, откуда расходится сотня улочек, ведущих в Лабиринт. Мальчишка замедляет шаг перед длинноногими машинами — разукрашенными безлошадными повозками, сложившими свои медные опоры в ожидании пассажиров, — и смотрит на них с нескрываемым восхищением.

Я медленно приближаюсь к нему, скрываясь в толпе. Его *структура* другая по сравнению со всем, что меня окружает, она отличается какой-то резкостью. Возможно, это из-за грязи на его лице, или из-за ветхой коричневой одежды, или темно-карих глаз, таких редких среди марсиан. Осталось всего несколько метров…

Но он просто дразнит меня. Мой бросок он встречает негромким смехом, а потом проскальзывает под длинноногими экипажами. Я слишком велик, чтобы последовать за ним, и вынужден обходить машины и толпящихся вокруг пассажиров.

Этот мальчишка — я. Я помню его по своим снам. Воспоминания задавлены под тяжестью столетий, словно бабочка под прессом, — они такие же хрупкие и рассыпаются, стоит к ним прикоснуться. В них была пустыня и солдат. И женщина в палатке. Возможно, мальчик существует только в моем сознании. Возможно, это какая-то конструкция, оставленная моим прежним я. В любом случае я должен это выяснить. Я выкрикиваю имя, но не Жана ле Фламбера, а то, давнее имя.

Я пытаюсь прикинуть время до того момента, когда Миели

сумеет преодолеть незначительное препятствие и пристрелит меня или отправит в какой-нибудь новый ад. Возможно, у меня всего несколько минут, чтобы выяснить что мальчишка может мне сказать, пока не появился надсмотрщик, заглядывающий через плечо. Мальчишка мелькает в толпе и исчезает в улочке, ведущей в Лабиринт. У меня вырывается проклятье, но я не прекращаю погоню.

В Лабиринте сходятся массивные платформы и другие компоненты города, оставляя при этом место для сотен небольших непрерывно перемещающихся фрагментов. При этом образуются неожиданные возвышенности и извилистые переходы, которые, пока ты по ним идешь, могут менять направление, но настолько плавно, что понять это можно, только наблюдая за горизонтом. Никаких карт этого места не существует, есть только гиды-светлячки, за которыми следуют самые отчаянные туристы.

Я бегу вниз по крутому склону, вымощенному булыжником, и постепенно удлиняю шаги. Искусством бега на Марсе я никогда не владел в совершенстве, и как только мостовая подо мной слегка перемещается, я неудачно приземляюсь после особенно длинного прыжка и качусь еще несколько метров.

— Вы в порядке?

Надо мной с балкона через перила свешивается женщина с газетой в руке.

— Все нормально, — сквозь стон отвечаю я, в полной уверенности, что изготовленное в Соборности тело, которое выдала мне Миели, не так-то легко повредить. Но имитированная боль от удара копчика — это все равно боль. — Здесь не пробегал мальчик?

— Вы имеете в виду этого мальчика?

Сорванец стоит всего в сотне метров от меня и корчится от смеха. Я с трудом поднимаюсь и снова бегу.

Мы все глубже и глубже погружаемся в Лабиринт, мальчишка по-прежнему держится впереди, но не слишком далеко, с одинаковой легкостью пробегая по булыжным мостовым, мрамору, искусственной траве и дереву.

Мы пробегаем через небольшие китайские кварталы с их высокими буддистскими храмами, фасады которых украшены красными и золотыми драконами; через временные рынки, пропахшие синтетической рыбой; мимо группы Воскресителей в черных одеяниях, сопровождаемых только что рожденными Спокойными.

Мы пробегаем целые улицы, затуманенные гевулотом, — возможно, это район красных фонарей, — и пустые улицы, где медлительные строители-Спокойные в оранжевых панцирях —

крупнее, чем слоны, — красят новые дома в пастельные тона. Здесь я почти теряю мальчишку, отвлекшись на громкий шум и странный запах огромных существ, напоминающий запах морских водорослей, но вскоре вижу, как он машет мне со спины одного из строителей, а потом проворно прыгает вниз.

На некоторое время за нами увязывается группа ребят на роликах, ошибочно приняв нашу гонку за новую уличную игру. Юноши и девушки, одетые по моде Королевства — в корсетах, расклешенных юбках и напудренных париках, — предусмотрительно уступают дорогу мчащимся мальчишкам, а те отталкиваются от стен и совершают головокружительные сальто между крышами, опираясь большими колесами на любую поверхность. Они ободряют меня криками, и на мгновение я задумываюсь, не потратить ли немного Времени, чтобы купить у них пару роликовых коньков, но воображаемая боль в спине заставляет меня продолжать путь пешком.

Я каждую секунду жду, что мое тело прекратит подчиняться, и Миели подвергнет меня какому-нибудь наказанию. Тем не менее мне хочется увидеть ее лицо.

В старом парке роботов я окончательно выбиваюсь из сил. Проклиная тот факт, что я не в состоянии соперничать с существом, обладающим обычным человеческим телом, я опускаюсь на колени, дыхание со свистом вырывается из груди, глаза жжет стекающий по лицу пот.

— Послушай, — говорю я, — давай вести себя благоразумно. Если ты часть моего сознания, я могу рассчитывать на твое благоразумие.

Хотя я не отличался благоразумием в его возрасте. Впрочем, и в другом возрасте тоже.

Парк выглядит странно знакомым. Это участок старого Королевства, подобранный и поглощенный городом во время странствия по марсианской пустыне и перемещенный сюда загадочным городским метаболизмом. Окруженная высокими синагогами открытая площадка вымощена черными и белыми мраморными плитами величиной примерно в пять квадратных метров, образующими поле десять на десять. По краям кто-то посадил деревья и цветы: зеленые, красные, белые и фиолетовые брызги нарушают аккуратные монохромные границы. Мальчишки нигде не видно.

— У меня мало времени. Леди со шрамом на лице скоро придет за нами обоими, и она будет очень сердита.

На каждом квадрате стоит по огромной машине: средневековые рыцари, самураи и легионеры в затейливо украшенных доспехах, в шлемах с открытым забралом и с

грозным, усеянным шипами оружием. Пластины брони местами заржавели, а пустые шлемы некоторых фигур превратились в цветочные горшки, из которых свисают гроздья бегоний и бледных марсианских роз. Фигуры замерли в боевой позиции, и когда я, затаив дыхание, приглядываюсь, мне мерещится, что некоторые из них медленно двигаются. Что-то подсказывает мне, что если долго стоять и смотреть, они разыграют партию, начатую давно умершими игроками.

Снова раздается смех. Я оборачиваюсь. Мальчишка свешивается с руки отдельно стоящего красного робота, застывшего с поднятым оружием, по форме напоминающим косу. Я прыгаю вперед, намереваясь схватить сорванца, но его там уже нет. И я падаю во второй раз за время погони, приземляясь прямо на клумбу с розами.

Все еще не дыша, я медленно перекатываюсь в сторону. Шипы впиваются в одежду и кожу.

— Маленький негодяй! — восклицаю я. — Ты выиграл.

Яркий луч Фобоса — проходящего по небу за восемь часов — попадает в открытый шлем робота. Внутри блестит что-то серебристое. Я поднимаюсь на ноги, подхожу ближе и начинаю карабкаться вверх, цепляясь за доспехи. Марсианская гравитация облегчает задачу. Я роюсь в пыли внутри шлема и нащупываю металлический предмет. Это Часы, с массивным серебряным браслетом и медным циферблатом. Стрелка прочно застыла на нуле. Я быстро прячу находку в карман, чтобы потом внимательно рассмотреть.

Внизу раздаются шаги, и их сопровождает резкий запрос гевулота. Я не пытаюсь прятаться.

— Привет, Миели, — говорю я. — Я больше не могу бежать. Не отсылай меня, пожалуйста, в ад, я буду хорошо себя вести.

— Ад? — раздается сердитый голос. — Ад — это люди. — Я смотрю вниз. На меня уставился человек с морщинистым лицом и седыми волосами, на нем синий рабочий комбинезон, а в руках грабли. — Если ты не заметил, это не яблоня, — произносит он. А потом хмурится: — Будь я проклят! Это ты?

— А мы встречались?

— Разве ты не Поль Сернин?

Глава пятая
СЫЩИК И ЗОКУ

Исидор успевает почти вовремя.

Паукеб обойдется ему в сотню килосекунд, но это единственный способ быстро добраться до места. Исидор крепко

держится за ремень безопасности. Экипаж — незаконнорожденный потомок паука, военной машины Г. Дж. Уэллса, и такси — перепрыгивает через крыши и цепляется за стены, кабину постоянно швыряет из стороны в сторону.

Исидор роняет коробку с конфетами и ругается, глядя, как она мечется по полу.

— Эй, у вас все в порядке? — спрашивает водитель, молодая женщина в традиционной красной маске с изображением паутины.

В постоянно меняющемся городе, где многие участки скрыты гевулотом, работа водителя состоит в том, чтобы определить, как доставить пассажира из пункта А в пункт Б. Подобное искусство рождает немалую гордость.

— Не беспокойтесь, я прекрасно вас довезу.

— Я в порядке, — отвечает Исидор. — Быстрее, пожалуйста.

Колония зоку расположена в носовой части города, в Пыльном районе, как раз над тем местом, где Спокойные-атланты подготавливают марсианский песок, чтобы тот выдержал тяжесть города. Границу колонии увидеть довольно легко: под красными тучами пыли широкие проспекты с фасадами в стиле belle époque и вишневыми деревьями уступают место сказочным алмазным замкам, напоминающим воплощенные математические законы. Вечерний свет преломляется и отражается на гладких призматических поверхностях и слепит глаза. Колония существует здесь уже двадцать лет, с тех пор, как зоку попросили убежища во время Протокольной войны, но ходят слухи, что она выросла из наносемени за одну ночь. Осколок империи квантовой технологии, управляющий внешними планетами, здесь, на Марсе. С тех пор, как Исидор стал встречаться с Пиксил, он силился понять странное отсутствие иерархии у зоку, но все попытки ни к чему не привели.

Еще несколько головокружительных прыжков, и паукеб останавливается перед похожим на собор зданием из стекла и света, с башенками, шпилями и готическими арками, расположенными через произвольные промежутки.

— Вот мы и прибыли, — говорит водитель. — Друзья в высоких сферах, да? Не позволяйте им квантовать свой мозг.

Исидор расплачивается, горестно наблюдая, как сдвигается стрелка его Часов. Затем подбирает коробку с конфетами и оценивает повреждения. Она немного помялась, но в остальном выглядит целой. *В любом случае ей не с чем сравнивать.* Он выпрыгивает из такси и сильнее, чем это необходимо, хлопает дверцей. Затем направляется к лестнице, ведущей к массивным двустворчатым дверям. Галстук мешает ему дышать, и он нервно

поправляет узел дрожащими пальцами.

— Вход только по приглашениям, — словно из-под земли раздается гулкий голос.

Сквозь дверь просачивается монстр. По его телу, словно по поверхности пруда, пробегает мелкая рябь. На монстре голубая форма швейцара и фуражка. Привратник почти три метра ростом, с зеленоватой кожей, похожим на сморщенный чернослив лицом, парой крошечных глаз и массивными желтыми клыками. В одном из них сверкает маленький камень зоку. Голос чрезвычайно низкий и неестественно гулкий, но человеческий.

Монстр протягивает руку. Предплечье покрывает ряд шипов — черных и острых, влажно поблескивающих. От монстра пахнет лакрицей. Исидор невольно сглатывает.

— У меня есть приглашение, — отвечает он и поднимает руку с кольцом сцепленности.

Монстр наклоняется и внимательно его изучает.

— Прием уже начался, — заявляет привратник. — Пропуск гостей закончен.

— Я немного опоздал, но леди Пиксил ждет меня, — говорит Исидор.

— Уверен, что ждет.

Я у входа,посылает он отчаянное кват-сообщение.**Знаю, я опоздал, но я здесь. Впусти меня, пожалуйста.**

Ответа нет.

— Бесполезно, — замечает монстр. Затем откашливается, прочищая горло. — Посвященный сцепленности прием — это важная традиция, олицетворяющая единство и сплоченность зоку и возникшая во времена древних гильдий метавселенной. В этот торжественный день мы уподобляемся нашим предкам. И никто не станет прерывать церемонию из-за опоздавшего гостя.

— Если это так важно, то почему ты здесь? — спрашивает Исидор.

Монстр выглядит смущенным.

— Оптимизация ресурсов, — бормочет он. — Кто-то должен остаться у дверей.

— Послушай, что такого страшного случится, если ты меня пропустишь?

— Меня могут исключить из зоку, оставить без сцепленности. Одного, на чужой планете. Это очень плохо.

— А если я… — Исидор колеблется, — попытаюсь тебя подкупить?

Монстр окидывает его пристальным взглядом.

Проклятье, неужели я его оскорбил?

— Камни? Драгоценности? Золото?

— Нет.

Пиксил, это же абсурд!

— Шоколад.

— А что это такое?

— Какао-бобы, прошедшие особую обработку. Очень вкусно. Для… э… базовых существ. Вот это предназначается в подарок самой леди Пиксил. Попробуй одну.

Исидор пытается открыть коробку, но, потеряв терпение, разрывает крышку. Он бросает монстру изящно оформленный кусочек шоколада. Тот ловит его на лету.

— Вкусно, — говорит привратник. А потом выхватывает из рук Исидора всю коробку. Она с легким шуршанием исчезает в его глотке. — Очень вкусно. А нельзя ли получить и спайм? В Царстве это понравится.

— Это и был спайм.

— Как?

— У меня ничего не осталось. Это был физический объект.

— Проклятье, — огорчается монстр. — Эх, парень, это чересчур. Мне очень жаль, правда. Я не хотел… Слушай, думаю, я смогу их отрыгнуть, и мы все уложим обратно.

— Ладно, все в порядке.

— Знаешь, это рефлекс. Это тело подвержено всем внешним стереотипам. Я уверен, что мог бы создать, по крайней мере, копию…

Монстр широко открывает рот и начинает засовывать туда руку, изогнув ее под немыслимым углом.

— Могу я просто войти?

В горле монстра что-то булькает.

— Конечно, конечно. Не стоит об этом и говорить. Я же не какой-нибудь подонок, верно? Развлекайся.

Створки дверей распахиваются. Исидор входит, и мир тотчас резко меняется. Что ему ненавистно в Пыльном районе, так это постоянные игры с реальностью. Зоку даже не пытаются спрятать свои тайны под покровом повседневности, а просто воздействуют на зрительную кору вашего мозга, слой за слоем нагромождая спаймы и расширения реальности, так что уже невозможно определить, что находится за всем этим. И неожиданное ощущение *открытости,* отсутствие ограничений гевулота, вызывает у Исидора нечто вроде головокружения.

Внутри нет ничего похожего на алмазный храм. Исидор оказывается в большом помещении с трубами и проводами на стенах и высоким потолком. В горячем воздухе стоит запах озона и застарелого пота. Пол неприятно липкий. Тусклые неоновые лампы освещают древние на вид, громоздкие плоские экраны на

низеньких столиках, демонстрирующие аляповатые изображения каких-то анимационных персонажей и движущиеся абстрактные фигуры. Звучит громкая до головной боли музыка.

Участники вечеринки прохаживаются вдоль столиков и беседуют друг с другом. Все они выглядят на удивление… *по-человечески.* На их бледных телах самодельные короткие кольчуги. Кое-кто одет в наряд из картонок. У некоторых имеются игрушечные мечи. И все носят с собой коробочки с проводами или схемные платы, подвешенные к поясу.

— Привет. Хочешь поучаствовать в сцепленности?

Девушка похожа на пухлого эльфа с розовыми волосами. На голове у нее прицеплены большие кошачьи уши, на лице слишком много косметики, а на чрезмерно обтягивающей майке непристойная сцена с участием большеглазой женщины и еще *чего-то.* Из рюкзака торчит пара похожих на фаллосы серебристых ракет, и толстый кабель тянется от них к телефону с сенсорным экраном у нее в руках.

— Гм, я бы с радостью… — Исидор ослабляет узел галстука. — Но я ищу Пиксил.

Девушка смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Ого.

— Я понимаю, что опоздал, но…

— Все в порядке, вечеринка еще не началась, люди только приступают к сцепленности. Ты ведь Исидор, верно? Вот здорово! — Она размахивает руками и едва не подпрыгивает на месте. — Пиксил все время о тебе говорит! О тебе уже все здесь знают!

— Ты знаешь Пиксил?

— Конечно знаю, глупыш! Я Синдра. Я ее Легендарный Скакун!

Она сжимает рукой свою левую грудь, едва выступающую под розовой тканью.

— Классная аватара, правда? Сью И, из настоящего ку-клана! Я купила ее… Стоп, я не должна тебе об этом рассказывать, ты же играешь в «детектива», верно? Извини.

Услышав слова «Легендарный Скакун», Исидор обращается к экзопамяти Ублиетта, но в колонии зоку она недоступна. *Будем надеяться, что это всего лишь метафора.*

— Ладно, а ты, гм, можешь мне сказать, где Пиксил?

— Нет.

— Почему нет?

— Глупыш, разве ты не понял: это костюмированный вечер! Нам придется ходить и выяснять, в кого она нарядилась.

Не успевает он и глазом моргнуть, как потная ладошка Синдры стискивает его руку и тащит в толпу.

— Ты себе не представляешь, как много людей хочет с тобой познакомиться. — Она подмигивает ему. — Знаешь, мы все поражены. Парень из Ублиетта! А что вы творите со своими телами! Плохо, очень плохо.

— Она рассказывала о…

— О, она рассказывает мне абсолютно *все!* Вот *они* точно знают, где она.

Синдра сворачивает к нескольким старым компьютерам, испускающим гудение и тепло. Вокруг, на бин-бэгах, расположились трое, но, на взгляд Исидора, ни один из них не может быть Пиксил. Хотя бы потому, что у двоих имеются бороды. Один из мужчин высокий и худой, в шортах, чем-то вроде красной туники, желтой кепке и маске домино. Второй более плотного телосложения, в свободной голубой блузе с оборванным подолом и маске, украшенной остроконечными ушами.

Третья в этой группе — маленькая, немолодая женщина с редкими светлыми волосами, морщинистым лицом, в очках и явно неудобных кожаных доспехах. Она сидит, держа на коленях меч. Оба мужчины в такт музыке раскачиваются на своих сиденьях взад и вперед.

Синдра хлопает худого мужчину по спине, вызвав при этом оглушительный взрыв на экране.

— Проклятье! — вскрикивает он и срывает очки. — Смотри, что ты наделала!

Мужчина в голубой блузе откидывается назад в своем кресле.

— Тебе предстоит многому научиться, Чудо-мальчик.

У Исидора пересыхает во рту. Он привык к приветствиям через гевулот, который связывает лица с именами и определяет социальный статус. Но эти люди остаются *незнакомцами.*

— Кто-нибудь видел Пиксил? — спрашивает Синдра.

— Эй, не выходи из образа! — ворчливо прикрикивает остроухий мужчина.

— Тьфу! — восклицает Синдра. — Это важно.

— Она была здесь секунду назад, — произносит худой, не сводя взгляда с экрана и двигая правой рукой какой-то маленький белый предмет, производящий негромкие щелчки.

— Мы пытаемся ее найти. Кем она оделась?

— Я не знаю.

— Думаю, она изображала Макгонигал,[22] — отвечает остроухий. — Она компилировала игру в Вервольфа в дальней комнате. Но Пиксил не слишком изменила свой облик. Неубедительно.

— Оставайся здесь, — говорит Синдра Исидору. — Я пойду ее искать. Парни, это Исидор. Он — та-дам! — вторая половинка

Пиксил. И он тоже геймер.

— Ого! — восклицает бородатый.

Женщина в коже смотрит на Исидора с явным любопытством.

— Исидор, эти шутники — старейшины зоку. Обычно они более вежливы. Дратдор, Сейджвин и, — Синдра слегка склоняет голову, глядя на женщину, — Старейшая. Они за тобой присмотрят. Я скоро вернусь. Рада, что ты здесь.

— Присаживайся. Выпей пива, — говорит Сейджвин, остроухий.

Исидор опускается на один из бин-бэгов.

— Спасибо. — Он берет банку с пивом, сомневаясь, что сумеет открыть ее. — Отличная вечеринка.

— Это не вечеринка, это старинный ритуал! — фыркает Дратдор.

— Простите. Пиксил не слишком распространялась на эту тему. Чему же посвящен прием?

— Расскажи ты, — обращается Дратдор к женщине. — У тебя это получается лучше.

— Она присутствовала при этом, — добавляет Сейджвин.

— Таким образом мы чтим наше наследие, — говорит Старейшая. У нее сильный голос, как у певицы. — Зоку очень старые, мы можем проследить свои корни до игровых кланов до-Коллапсовой эпохи. — Она улыбается. — Кое-кто очень хорошо помнит те времена. Как ты понимаешь, тогда еще не осуществлялась закачка мозгов. Конкуренция была очень жесткой, и приходилось использовать любую возможность, чтобы одержать верх над другой гильдией.

Мы первыми начали эксперименты с квантовыми экономическими механизмами в целях кооперации. Сначала это были всего лишь два сумасшедших отаку[23]из физической лаборатории, которые использовали сцепленные кубиты на основе ионных ловушек и внедряли их в свои игровые платформы, направляя атаки гильдии и срывая огромные прибыли в аукционных домах. Выяснилось, что с помощью сцепленности можно делать интересные вещи. Игры становятся непредсказуемыми. Например, «Дилемма заключенного» с применением телепатии. Превосходная координация. Новое игровое равновесие. Мы обошли всех и загребли кучу золота.

— Мы и сейчас впереди всех, — вставил Дратдор.

— Ш-ш-ш. Но колдовство невозможно без сцепленности. Тогда еще не было спутников квантовой связи. Поэтому мы стали устраивать приемы вроде этого. Люди переносят свои кубиты и устанавливают сцепленность со всеми остальными. — Старейшая улыбается. — А потом мы поняли, что можно сделать при помощи

рационального использования ресурсов, координации и взаимодействия между мозгом и компьютером.

Она легонько постукивает пальцами по рукояти меча. Отливающий фиолетовым цветом драгоценный камень размером с яйцо, прозрачный и многогранный, на фоне ее тусклых доспехов выглядит довольно странно.

— С тех пор произошло много событий. Мы пережили Коллапс. Построили город на Сатурне. Проиграли войну с Соборностью. Но время от времени не мешает вспомнить о том, с чего все началось.

— Пиксил никогда мне об этом не рассказывала, — говорит Исидор.

— Пиксил больше интересуется тем, куда она идет, чем тем, откуда пришла, — заявляет Старейшая.

— Так, значит, ты геймер? — спрашивает Дратдор. — Пиксил много рассказывала об играх, в которые вы играете там, ну, в Грязном Городе. Она говорит, это вдохновляет ее в работе, и я бы хотел услышать подробнее.

— Где мы играем?

— Иногда мы называем это место Грязным Городом, — поясняет Сейджвин. — В шутку.

— Понятно. Мне кажется, вы меня с кем-то путаете, на самом деле я не играю в игры…

Старейшая кладет руку ему на плечо.

— Я думаю, Исидор хочет сказать, что не считает свое занятие игрой.

Исидор хмурится.

— Послушайте, я не знаю, что именно говорила вам Пиксил, но я изучаю историю искусства. Еще меня называют сыщиком, но только из-за того, что мне нравится разгадывать загадки.

При этих словах он снова ощущает болезненный укол, вызванный отказом наставника.

Сейджвин озадаченно моргает.

— А как же вы ведете счет? Как переходите с одного уровня на другой?

— В действительности все не так. Просто… я помогаю пострадавшим, помогаю ловить преступника, чтобы предать его суду.

Дратдор так энергично фыркает в свое пиво, что часть выплескивается на костюм.

— Это *отвратительно*. — Он вытирает губы перчаткой. — Абсолютно отвратительно. Ты хочешь сказать, что относишься к числу этих ядовитых мемо-зомби? И Пиксил пригласила тебя сюда? Она *прикасается* к тебе? — Он в смятении смотрит на

Старейшую. — Я удивлен, что ты это позволяешь.

— Моя дочь может делать все, что захочет, и с кем захочет. Кроме того, я думаю, ей полезно узнать, что вокруг нас существует человеческое общество и нам приходится жить с людьми. В Царстве об этом легко забыть. — Она улыбается. — Ребенку полезно поиграть в грязи, чтобы укрепить иммунитет.

— Постойте! — восклицает Исидор. — Ваша дочь?

— Как бы то ни было, — произносит Дратдор, вставая, — мне, пожалуй, лучше уйти, пока меня не «предали суду».

После его ухода воцаряется неловкое молчание.

— Знаешь, я так и не понял, как вы ведете счет… — начинает Сейджвин.

Старейшая бросает на него быстрый взгляд.

— Исидор, я бы хотела с тобой поговорить.

Остроухий зоку поднимается.

— Рад был с тобой познакомиться, Исидор. — Он подмигивает. — Кулаком о кулак? — Он делает странный жест, похожий на выпад. — Все в порядке. Не напрягайся.

— Прошу прощения за моих друзей зоку, — произносит Старейшая. — Они почти не поддерживают контактов с внешним миром.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — говорит Исидор. — Пиксил никогда о вас не рассказывала. И о своем отце тоже. Он где-то здесь?

— Возможно, она не хотела тебя запутывать. Я предпочитаю употреблять слово «мать», но на самом деле все немного сложнее. Могу лишь сказать, что во время Протокольной войны кое-что произошло между мной и пленным воином-разумом Соборности. — Она смотрит на кольцо сцепленности на его руке. — Это Пиксил дала его тебе?

— Да.

— Интересно.

— Простите?

— Бедняга. Она не должна была тебя приглашать. С тобой одни сложности. — Она вздыхает. — Но, возможно, именно это ей и нужно, чтобы что-то доказать.

— Я не понимаю.

Исидор пытается разгадать выражение лица женщины, но подсказок гевулота здесь нет. Это одна из причин, по которой Пиксил его привлекает, — загадка. Но та же черта у этой женщины пробуждает в нем страх.

— Я только хотела сказать, что тебе не стоит ждать от Пиксил слишком многого. Ты же понимаешь, что она уже связана с чем-то более значительным, чем она сама. И отчасти поэтому я

рассказала тебе нашу историю. Пиксил экспериментирует, и это прекрасно, тебе это тоже необходимо. Но сцепленности между вами быть не может. Ты никогда не станешь частью всего этого. Ты понимаешь?

Исидор делает резкий вдох.

— При всем моем уважении, я должен сказать, что отношения между нами — это наше дело. И я уверен, Пиксил со мной согласится.

— Ты не понимаешь, — вздыхает Старейшая.

— Если вы имеете в виду, что я недостаточно хорош для нее… — Исидор складывает руки на груди. — Мой отец был Достойным в Королевстве. И я считал, что к зоку можно присоединиться. Откуда вы знаете, что я на это не пойду?

— Ты этого не сделаешь.

— Я не думаю, что вы можете утверждать это.

— Тем не менее могу. Таковы зоку. Мы все единое целое. — В ее глазах что-то вспыхивает. — Не позволяй обмануть себя этим маскарадом. Мы совсем не такие. Ты иеееще не видел: мы создали ее такой, чтобы она ходила среди вас и узнавала вас. Но внутри…

Лицо Старейшей подергивается рябью, и на мгновение она превращается в статую с прекрасным ликом, состоящую из миллиардов танцующих светящихся пылинок, в окружении сверкающих созвездий из драгоценных камней вроде того, что мерцает на рукояти ее меча. А потом она снова становится блондинкой среднего возраста.

— Внутри мы другие. — Она похлопывает Исидора по руке. — Но не расстраивайся. Все пойдет своим чередом. — Она встает. — Я уверена, Синдра скоро вернется. Развлекайся.

С покачивающимся у бедра мечом она исчезает в толпе, а Исидор остается смотреть на бегущие по монитору изображения.

Немного спустя идея выпить начинает казаться ему заманчивой, и он пробует пиво. Оно старое и невкусное, и предпочтительней было бы вино, но все же Исидор выпивает две банки, пока не добивается желаемого эффекта. Трудный день дает о себе знать, и сыщик едва не засыпает перед монитором. Еще двое гостей — молодой человек и девушка с макияжем, придающим ей сходство с трупом, садятся рядом и начинают играть. Через некоторое время парень оборачивается к Исидору и глуповато ухмыляется.

— Привет, — говорит он. — Не хочешь попробовать? Я в этом деле не могу оказать достойного сопротивления мисс Разрушительнице Миров.

Девушка закатывает глаза.

— Любовник, а не воин.

— Точно. — Парень на вид немногим старше Исидора, ему нет еще и пятнадцати марсианских лет, у него азиатские черты лица, тонкие усики, гладко прилизанные черные волосы и прекрасно сшитый костюм. На плече кожаный рюкзак. — Ну, что скажешь?

— Боюсь, я слишком пьян, — отвечает Исидор. — Справляйся сам.

— Да, спиртное — неплохой способ сохранить лицо. Простите, госпожа, вы нас победили.

Девушка вздыхает:

— Ладно. Я иду играть в Вервольфа. Жалкие людишки.

Она посылает Исидору воздушный поцелуй.

— Хорошо проводишь время? — спрашивает парень.

— Да не очень.

— Ну, это никуда не годится. — Он берет со стола банку с пивом и открывает ее. — Как ты уже понял, пиво здесь отвратительное. Видишь ли, оно все аутентичное.

— Сойдет, — отзывается Исидор и открывает еще одну банку. — Я Исидор.

— Адриан.

Рукопожатие парня выдает жителя Ублиетта. Но при странном ощущении отсутствия гевулота и легком опьянении это кажется несущественным.

— Итак, Исидор, почему ты не танцуешь, не принимаешь участия в сцепленности и не обхаживаешь курочек зоку?

— У меня был странный день, — поясняет Исидор. — Меня чуть не убили. Я поймал гогол-пирата. Или двух. С помощью шоколада. А что касается курочек зоку, у меня уже есть одна. Ее мать — богиня, и она меня ненавидит.

— Ладно-ладно, — останавливает его Адриан. — Я ожидал чего-то вроде «я видел наставника» или «мне приснился чужой сон».

— Да, наставник там тоже был, — соглашается Исидор.

— Это невероятно любопытно! Расскажи.

Они продолжают пить, и история шоколатье кажется вполне уместной. Слова льются сами собой, и это заставляет Исидора подумать о Пиксил: «А как часто мы с ней о чем-то разговаривали?» Его мысли и речь не ограничены гевулотом, и Исидор ощущает себя подпрыгивающим на воде камешком, легким и свободным.

— Кто же ты, Исидор? — спрашивает Адриан, когда история заканчивается. — И как ты оказался втянутым в это дело?

— Я не мог не вмешаться. Я всегда задумываюсь о том, чего не понимаю. Часто, блуждая по Лабиринту, я взламываю замки

гевулотов просто для забавы.

— Но зачем? Что ты от этого получаешь?

Исидор смеется, откинувшись назад.

— Я не понимаю людей. Мне необходимо прослеживать связь между фактами. Я не могу понять, почему кто-то говорит или делает то или иное, если не задумаюсь над этим.

— Это удивительно, — говорит Адриан, когда Исидор умолкает, чтобы сделать еще глоток пива.

Он рассеянно отмечает, что парень что-то записывает в блокноте — старомодном, сделанном из бумаги. Это может означать только одно, и даже несмотря на затуманенный разум, Исидор осознает, что он совершил ошибку.

— Ты журналист, — заявляет он.

Скачущий по поверхности камешек замирает, и вода поглощает его. Голова становится невероятно тяжелой. В мире безупречного уединения все еще существуют аналоговые дыры, и общедоступные газеты в Ублиетте остаются одним из наиболее прибыльных допустимых преступлений. Журналисты открыли охоту на Исидора после первого же его дела о краже из ателье модной одежды. Но никак не могли проникнуть сквозь защиту его гевулота. До этого момента.

— Да, журналист. Адриан Ву из «Вестника Ареса».

Он достает из рюкзака старомодную камеру — еще один способ обойти гевулот. Вспышка на мгновение ослепляет Исидора.

Он бьет журналиста. Вернее, пытается это сделать: Исидор вскакивает на ноги и отчаянно размахивает руками, но не достает до противника. Ноги подкашиваются. Он хватается за ближайший предмет — компьютерный монитор на столе — и вместе с ним с грохотом падает на пол. Исидор силится подняться и тянется к камере Адриана.

— Отдай мне это!

— О, я отдам. Тебе и еще пятидесяти тысячам наших читателей завтра утром. Знаешь, мы жаждали получить у тебя интервью с того момента, когда тебя впервые заметили рядом с Джентльменом. А может, ты что-нибудь расскажешь и о ней?

— О*ней?*

— Ага. — Адриан усмехается. — И ты еще считаешь себя детективом? На улицах болтают, что Джентльмен — женщина. Да, кстати, а вот и леди, о которой мы говорили.

— Привет, милый, — произносит Пиксил.

Ее вид согревает душу Исидора, несмотря на шок, гнев и алкогольный туман. Черная помада делает ее лукавую усмешку похожей на запятую. Стройная фигурка Пиксил затянута в

облегающее клетчатое платье с кожаными ремешками, из-под которых соблазнительно проглядывают смуглые плечи.

— Синдра мне сказала, что ты справился. Я так рада.

Она дарит Исидору пахнущий пуншем поцелуй.

— Привет, — отвечает Исидор. — Я принес тебе шоколад, но его сожрал монстр.

— Вот это да! Я думаю, ты пьян.

— В самую точку, — подтверждает Адриан. — С ним произошла целая история.

Он отвешивает Исидору легкий поклон и исчезает в толпе.

Следующий час проходит словно в тумане, и Исидор быстро забывает о журналисте. Становится очень жарко, и все, что говорят вокруг, вызывает неудержимый смех. Пиксил ведет его от одной группы зоку к другой. Они беседуют с собравшимися в кружок квантовыми богами и спорят, кто из них вервольф. Бледнокожие супергерои в плохо сидящих латексных костюмах задают Исидору вопросы о наставниках. Но ему трудно думать о чем-то другом, кроме теплой ладошки Пиксил, лежащей между его лопаток.

— Мы можем пойти в какое-нибудь более спокойное место? — наконец спрашивает он.

— Конечно. Я хочу понаблюдать за сцеплением.

Они находят свободный диванчик в стороне ото всех и садятся. Сцепление выглядит весьма впечатляюще. При помощи оптических волокон и кабелей люди подсоединяют свои кубит-контейнеры — реактивные ранцы, лучевое оружие и волшебные мечи — к огромным хитроумным устройствам. Оборудование довольно примитивное, и сцепление удается далеко не всегда, но когда что-то получается, из трансформаторов Теслы бьют дуговые разряды, сопровождаемые оглушительным треском и хохотом. Запах озона немного отрезвляет Исидора.

— Думаю, пьяным ты мне нравишься больше, — заявляет Пиксил. — К тебе возвращается твой *взгляд*.

— Какой взгляд?

— Как будто ты что-то расследуешь.

— Ничего подобного.

Исидор пытается сосредоточиться, но ему трудно собраться с мыслями. Гнев все еще бурлит внутри и никак не хочет успокаиваться.

— Послушай. — Пиксил ерошит его волосы. — Я попытаюсь отгадать, о чем ты думаешь. Если получится, ты на сегодняшний вечер станешь моим рабом.

Исидор допивает последний глоток из пластикового стаканчика — какой-то очень сладкий пунш с гуараной, которым

их угостили девушки-подростки в костюмах матросов. Напиток прогоняет дремоту, но вызывает нервный озноб.

— Ладно, — соглашается он. — Играем.

— Ты думаешь о своем наставнике. Пытаешься заставить меня ревновать?

— Нет, не угадала. Я не смогу стать наставником, но я сейчас думаю не об этом.

— Ой. — На лице Пиксил появляется искреннее сожаление. — Что же этому подлецу надо? Ты гений. Ты раскрыл… неважно, что, но ведь раскрыл, верно?

— Да, но этого мало. Не переживай. Я не хочу об этом говорить. Продолжай угадывать.

Несмотря на все отрицания, Исидор сильно переживает из-за своей неудачи.

— Хорошо. — Пиксил гладит его по руке и указательным пальцем щекочет ладонь. — Ты стараешься придумать, как бы поскорее затащить меня в постель?

— Нет.

— Нет? — Она притворно негодует. — В таком случае, мистер Сыщик, вам лучше вызвать кеб. Почему ты об этом не думаешь? Я вот думаю.

— У тебя есть еще одна попытка, — говорит Исидор.

— Ладно. — Пиксил становится серьезной. Она прикладывает пальцы к вискам и закрывает глаза. — Ты думаешь…

— Только никаких фокусов с гевулотом и кватами, — предупреждает ее Исидор.

— Ты шутишь? Я никогда не жульничаю. — Она поджимает губы. — Я бы сказала, что ты думаешь об Адриане и о том, зачем я его сюда пригласила, зачем попросила Синдру представить тебя старейшинам, и еще о том, почему моя бедная старая матушка тебя ненавидит? — Она ласково улыбается. — Это похоже на правду? Или ты считаешь меня совсем глупой?

— Да, — произносит Исидор. — То есть нет. Ты угадала. Так зачем все это?

Гнев сжимается в его груди в плотный комок. В висках стучит кровь.

— Ты такой милый, когда смущаешься.

— Ответь мне.

— Рабы не выдвигают требований. Я выиграла, — заявляет Пиксил.

— Я сейчас не играю. Зачем?

— Ну, есть одна причина. Я хотела тобой похвастаться.

Она берет его за руку.

— Похвастаться? Да я умудрился *оскорбить* их в первые же

пять минут. А твоя мать действительно меня возненавидела.

— Мать по сцепленности. На самом деле никакой ненависти. Просто она слишком сильно меня опекает. Первый ребенок, созданный на Марсе, совместимость гевулотов, мостик между двумя мирами и все такое прочее. И все они до сих пор в *шоке,* что я встречаюсь с одним из вас. Они *заслуживают* легкого оскорбления. Они до сих пор думают, что мы когда-нибудь вернемся на Юпитер, хотя там ничего не осталось, кроме пыли и дронов Соборности, которые ее поглощают. Теперь мы живем здесь, но никто из них не желает этого признавать.

— Значит, — говорит Исидор, — ты меня использовала.

— Конечно. Это игра. Оптимизация ресурсов — не шутка. Каждый из нас поступает так, как лучше для него. Мы не в силах этого изменить. В данном случае небольшой мятеж — это идеальный вариант.

— Значит, это не настоящий мятеж?

— Ой, да ладно! — восклицает Пиксил. — Ты *все время* проделываешь то же самое с людьми. Ты в этом преуспел. Как думаешь, почему ты встречаешься со мной? Потому что я загадка. Потому что ты никак не можешь вычислить меня, как вычисляешь остальных. Я видела, как ты беседуешь с людьми: ты говоришь им что-то, но это не *ты* настоящий, ты просто пытаешься выстраивать умозаключения. И не убеждай меня, что для тебя это не игра.

— Это совсем не игра, — возражает Исидор. — Сегодня я чуть не погиб. Девушка убила своего отца самым ужасным способом. Такие вещи случаются, и кто-то должен *разгадывать* эти загадки.

— А от этого кому-то лучше?

— Мне лучше, — негромко произносит Исидор. — И ты это знаешь.

— Да, я знаю. И я думаю, остальные тоже должны это узнать. У тебя хорошо получается, и кто-то *должен* вести счет. Поэтому я и пригласила Адриана, чтобы вы могли поговорить здесь без этой чепухи с гевулотами. Он сделает тебя известным.

— Пиксил, это не самая хорошая идея. У меня из-за этого будет куча неприятностей. Как ты можешь решать, что для меня лучше? Я не принадлежу к обществу твоих зоку. Со мной так не получится.

— Не получится, — соглашается Пиксил. — С зоку у меня просто нет выбора. — Она дотрагивается до камня зоку, вставленного у основания шеи, над самыми ключицами. — С тобой я остаюсь только потому, что хочу этого.

В глубине души Исидор понимает, что это ложь, но почему-то не придает этому значения и целует ее.

— Не забывай, — говорит она, — ты проиграл. Идем со мной, я хочу тебе кое-что показать.

Пиксил берет его за руку и ведет к невзрачной двери, которой мгновение назад здесь еще не было. Рука об руку они заходят в нее, а позади снова сверкают вспышки дуговых разрядов сцепленности.

Исидору кажется, что он выпадает из реальности.

Они оказываются в огромном помещении, заполненном стоящими друг на друге черными кубами различной величины — от одного метра до размера целого дома. Стены, пол и потолок — где-то высоко-высоко — все белое и слегка светится. При таком сиянии даже Пиксил кажется бледной.

— Где мы? — спрашивает Исидор.

Его голос порождает странное эхо.

— Тебе ведь известно, что мы разбойники, верно? Мы занимаемся грабежом. Так вот, здесь мы храним свои сокровища.

Пиксил отпускает его руку, бежит вперед и дотрагивается до одного из кубов. Он мгновенно становится прозрачным. Внутри мерцает странное существо, похожее на покрытую перьями змею. Оно кружится в воздухе, не в силах вырваться из клетки. Парящая спайм-сфера сообщает Исидору, что это червь Лэнгтона, пойманный на неосвоенных виртуальных окраинах Царства и облеченный в физическую форму.

Пиксил смеется.

— Здесь можно найти *все* что угодно. — Она бежит дальше и прикасается к следующим контейнерам. — Идем, давай посмотрим.

Здесь стеклянные яйца, древние часы и конфеты со старой Земли. В одном из больших кубов Исидор обнаруживает старинный звездолет. Он похож на гигантский потемневший зуб — керамическая поверхность испещрена коричневатыми пятнами. Пиксил открывает куб, набитый театральными костюмами, и со смехом напяливает на голову Исидора котелок.

— Наверное, кому-то может не понравиться, что мы здесь, — опасается Исидор.

— Не беспокойся, раб, — озорно усмехаясь, отвечает Пиксил. Напевая себе под нос, она вываливает костюмы на пол, устраивая огромную перину. — Я же тебе говорила: оптимизация ресурсов.

Пиксил обнимает его за шею обеими руками и крепко целует. Ее платье куда-то испаряется. Она увлекает Исидора на груду плащей и пышных юбок. Его гнев улетучивается, и вокруг не остается ничего, кроме нее.

Интерлюдия
ВЕЛИКОДУШИЕ

Как и каждый марсианский Сол Солис,[24] Сюэсюэ приходит в парк, чтобы улыбнуться красному роботу.

Он стоит одиноко, в стороне от боевых машин, расположившихся на черно-белых мраморных клетках. И еще он немного отличается от них своим видом: под слоем ржавчины угадываются гладкие очертания красного спортивного автомобиля, а шлем венчает маленькая блестящая фигурка лошади.

Сюэсюэ садится перед ним на складной стульчик, смотрит в темную прорезь шлема и улыбается, сохраняя полную неподвижность, пока хватает сил. Ее рекорд составляет два часа. Труднее всего удерживать улыбку. Сегодня это легко: в детском саду выдался хороший день. Маленькие императоры и императрицы Ублиетта — купленные родителями за изрядное количество Времени и, соответственно, сильно избалованные — доставляют немало хлопот, но и с ними выдаются спокойные моменты. Возможно, сегодня Сюэсюэ побьет собственный рекорд.

— Извините? — доносится чей-то голос.

Сюэсюэ сдерживает недовольство и продолжает улыбаться, не оборачиваясь.

К ее плечу прикасается рука, и она вздрагивает. *Проклятье.* Надо было закрыть гевулот, но это испортило бы улыбку.

— Я пытаюсь сосредоточиться, — с упреком произносит Сюэсюэ.

На нее с изумлением смотрит молодой человек. У него угольно-черные волосы, легкий загар, темные брови, нависшие над тяжелыми веками. Одет так, словно собрался на вечеринку, — пиджак и брюки из гладкой ткани и вдобавок к ним очки с синими линзами, защищающие от яркого света Фобоса.

— Приношу свои извинения. — В его тоне сквозит насмешка. — От чего же я вас отвлек?

— Вы не поймете, — вздыхает Сюэсюэ.

— Попробуйте объяснить.

Он снимает очки и с любопытством смотрит на Сюэсюэ. Его фигура поражает своей безупречностью, несвойственной жителям Ублиетта. У незнакомца слегка рассеянный вид, словно он прислушивается к чему-то.

— Я улыбалась красному гладиатору, — говорит Сюэсюэ. — И делаю это уже около года. По крайней мере один час в неделю.

— Зачем?

— Ну, существует мнение, что внутри них заключены медленные гоголы, — поясняет она. — Старая игра Королевства. Для роботов это яростная битва. Они сражаются за свою свободу. Знаете, если долго на них смотреть, можно заметить, что они двигаются. Поэтому я предположила, что они тоже нас видят, если мы достаточно долго остаемся неподвижными.

— Понятно. — Незнакомец искоса смотрит на робота. — У меня, наверное, не хватило бы на это терпения. А почему вы выбрали именно этого?

— Не знаю, — признается Сюэсюэ. — Возможно, он показался мне очень одиноким.

Молодой человек трогает нагрудник робота.

— А вам не приходило в голову, что вы можете отвлечь его? И он проиграет бой. И никогда не обретет свободу.

— Королевства давно нет. Они свободны уже около ста лет, — отвечает она. — Думаю, кто-то должен сказать им об этом.

— Отличная мысль. — Он протягивает ей руку. — Меня зовут Поль. Я немного заблудился в этих перемещающихся улицах. И надеялся, что вы могли бы подсказать мне выход.

Его примитивный гостевой гевулот пропускает отголоски эмоций: смущение, тяжесть вины. Сюэсюэ представляется, что на его спине огромный прилипала. Ощущение ей знакомо. И внезапно разговор с незнакомцем становится для нее важнее, чем созерцание робота.

— Конечно, я могу это сделать, — отвечает она. — Но почему бы вам немного не задержаться? Что привело вас в Ублиетт?

Она составляет мысленный контракт гевулотов и предлагает его Полю. Он недоуменно моргает.

— Что это?

— Наш последующий разговор никто не услышит и не запомнит, — поясняет она. — Даже я его забуду, если вы не позволите сохранить его в памяти. — Она улыбается. — Так у нас принято.

— Это все равно что иметь при себе переносную исповедальню.

— Что-то вроде этого.

Поль садится на землю рядом с Сюэсюэ и смотрит на робота.

— Знаете, — произносит он, — редко встретишь настоящего альтруиста. Это великолепно.

Сюэсюэ улыбается.

— Себя вы к их числу не относите?

— Я свернул с этой дороги эволюции очень и очень давно. Где-то на полпути между динозаврами и птицами.

— Никогда не поздно измениться, — говорит она. —

Особенно здесь.

— Что вы имеете в виду?

— Это же Ублиетт. Место забвения. Здесь вы можете встретить тиранов Королевства или лидеров Революции и даже не узнаете их. Или сидеть рядом с кем-то гораздо худшим, вроде меня.

Она вздыхает.

Поль удивленно смотрит на нее. Она открывает гевулот слой за слоем, словно чистит луковицу, и предлагает ему свои воспоминания.

Сюэсюэ продавала бессмертие. Она странствовала по городам и селениям, пострадавшим от землетрясений или оползней, или по рыбацким деревням, оказавшимся на берегах пересохших озер. Она заглядывала в сознание детей при помощи магниторезонансного сканера, вмонтированного в телефон, и рассказывала их отчаявшимся родителям о жизни вне плоти. Она демонстрировала детям видео с Небес, в которых боги и богини говорили о вечной жизни, как создатели о новой программе. Дети смеялись и показывали на нее пальцами. Но в каждой деревушке находилось несколько ребятишек, желающих уйти с ней. С помощью помощников-дронов она собирала их в автоматизированные грузовики и везла к Сверкающим Вратам Небес.

Врата представляли собой наскоро возведенные бараки в пустыне Ордос,[25] накрытые маскировочными тентами. В уборных стояла страшная вонь. Походные койки были застелены грязным бельем.

В первые две недели здесь даже не было душа, но Сюэсюэ и остальные инструкторы — по большей части просто лица на мониторах дронов с дистанционным управлением — говорили, что все это неважно, что скоро потребности плоти утратят значимость.

Первая стадия трансформации происходила в классной комнате. Детям надевали на головы специальные шапочки, благодаря которым машины компании могли узнать, о чем они думают. Сюэсюэ наблюдала за ними все время, пока шли занятия: долгие часы программирования, формирования блокирующих кодов и последовательностей символов. В случае успеха вмонтированный в шапочку транскраниальный магнитный стимулятор вызывал у ученика взрыв оргазмического удовольствия, а в случае промедления или ошибки заставлял пережить адские муки. В классе не было никаких разговоров, только повторяющиеся крики боли и наслаждения.

Как правило, дети были готовы через шесть недель: на

бритых головах с впалыми висками оставались незаживающие следы ожогов, глаза постоянно были полузакрыты, а конечности подергивались, словно во время быстрого сна. Сюэсюэ одного за другим приводила учеников к Божественному Доктору, обещая, что теперь они получат прививку бессмертия. Из палатки Доктора не возвращался никто. Вечером Сюэсюэ устанавливала сверхплотный канал связи со спутником компании и отправляла тысячи терабайт информации, полученной из молодых мозгов, новых гоголов, предназначенных для небесных ферм программного обеспечения.

После этого она позволяла себе ненадолго забыться с помощью дешевого рисового вина и наркотиков, а потом снова отправлялась к людям.

Десять лет работы на компанию, и она получит настоящее бессмертие для себя лично. Высококачественная закачка по технологии Моравека,[26] никаких разрывов в сознании, последовательная хирургическая замена каждого нейрона искусственным имитатором — истинное перевоплощение в цифровое существо.

Она говорила себе, что дело того стоит.

С новой группой рекрутов Сюэсюэ прибыла на место в тот самый момент, когда с неба злобно жужжащим облаком налетели микробеспилотники с запада, сжигающие все вокруг. На мгновение ей показалось, что это правильно, и она стояла и смотрела, как исчезают Врата. Затем ее охватил ужас приближающейся смерти, и она сделала единственное, что было возможно: побежала в палатку Доктора.

Второе рождение в этой палатке до сих пор остается для нее тайной, Сюэсюэ запомнила только океан ярко-красных уколов, зажимы на черепе и скрежет в ушах.

Сюэсюэ открывает глаза. Воспоминания стекают с нее потоком ледяной воды. Поль в изумлении смотрит на нее.

— А что было потом? — шепотом спрашивает он.

— Долгое время ничего не было, — отвечает она. — Вместе с миллиардами королевских гоголов меня привезли сюда. Я очнулась в состоянии Спокойной. Революция оказалась для меня благом. Мы действительно создавали нечто новое. Мы построили город без маленьких бессмертных. — Она переводит взгляд на робота. — Наверное, мне хочется что-то сделать для них. Вряд ли это когда-нибудь удастся, но попытаться стоит.

— Вероятно, — отзывается Поль. Он улыбается ей, и на этот раз в его взгляде сквозит искренняя теплота. — Благодарю вас.

— Не стоит, — произносит Сюэсюэ. — Я прихожу сюда каждую неделю. Если решите остаться, приходите и вы.

— Спасибо, — говорит Поль. — Возможно, я так и сделаю.

Они сидят вдвоем и смотрят на робота. Постепенно улыбка возвращается к ней. Сюэсюэ слышит дыхание молодого человека. Может быть, сегодня ей удастся побить свой рекорд.

Глава шестая
ВОР И ПОЛЬ СЕРНИН

— Время, немного Времени, мисс, прошу вас…

— Я в третий раз должен стать Спокойным, я заплатил свои долги, помогите, пожалуйста…

— Я мастер, портной, вы можете дешево получить мой разум…

Миели отбивается от толпы клянчащих Время нищих. Кто-то из них совершенно обнажен, как и первый бродяга, другие ничем не отличаются от прохожих, но у всех одинаково голодный, страждущий взгляд. Многие носят маски или капюшоны. Нищие толкаются, чтобы приблизиться к ней, кольцо напирающих тел сжимается, и некоторые из ее наиболее автономных гоголов защиты уже начинают пробуждаться.

Я должна выбраться отсюда, пока не выдала себя.

Она отпихивает одного нищего, другого бьет плечом, и они валятся на землю. Миели протискивается мимо. Кто-то из упавших хватает ее за ногу. Она падает и больно ударяется локтем о мостовую. Чья-то рука сжимает ей горло. В ухе раздается хриплый голос:

— Отдай нам Время, или Воскресителям придется восстанавливать тебя, чужеземная сука.

— Помогите! — кричит Миели.

У нее темнеет в глазах, в висках стучит. Метамозг пробуждается: смягчает боль, замедляет время и начинает подключение остальных систем. Сейчас она легко сможет разбросать этих оборванцев, словно тряпичных кукол…

Поднимается ветер. Хватка на горле ослабевает. Раздаются крики, а затем удаляющийся топот. Миели открывает глаза.

Над ней парит человек с тростью, в черной одежде с серебряной отделкой. Безупречно начищенные туфли зависли в двух метрах над землей. Вокруг него дрожит раскаленный воздух, чувствуется предательский озоновый запах утилитарного тумана. *Этого здесь быть не должно,* мелькает в голове Миели.

Руки из жаркой мглы — продолжение конечностей человека в черном, сформированное многочисленными нанороботами, — прижимают к земле нищих в масках. Остальные попрошайки стремительно убегают к границам агоры, где скрываются под

пеленой гевулотов и мгновенно исчезают в толпе.

— Вы не пострадали? — спрашивает незнакомец странным скрипучим голосом.

Он опускается на землю рядом с Миели, и подошвы звонко цокают о мраморные плиты. Маска из полированного металла закрывает всю голову: Миели твердо уверена, что это сфера из квантовых точек. Незнакомец протягивает ей руку в белой перчатке. Ухватившись за нее, Миели встает на ноги.

Наставник. Отлично.

База данных Соборности, которую она изучала во время поездки, содержала не слишком много информации о блюстителях порядка в Ублиетте. Они действуют около двух десятков лет и явно имеют доступ к технологиям за пределами Марса. Василевы — внедренные агенты Соборности, сотрудничающие с гогол-пиратами, — утверждают, что наставники имеют какое-то отношение к колонии зоку, появившейся на планете после Протокольной войны.

— Я в порядке, — отвечает Миели. — Просто немного испугалась.

Вот это да, говорит «Перхонен». *Кто это? Прекрасный принц на белом коне?*

Помолчи и выясни, как я сумела не выдать себя.

— Давайте уйдем с агоры, пока не появились журналисты, — произносит наставник, предлагая девушке руку.

Миели с удивлением ощущает, что у нее дрожат ноги, поэтому принимает помощь и позволяет увести себя в тень вишневых деревьев на шумном Устойчивом проспекте. Там очень людно — в основном это туристы, наблюдавшие за происходящим. Наставник делает движение рукой, и Миели понимает, что они оба скрываются под покровом уединения.

— Благодарю вас, — говорит она. — Журналисты?

— Да, они очень внимательно следят за агорами. И мы тоже. И нищие в поисках легкой добычи, как вы могли убедиться.

Тростью он указывает на ее обидчиков, все еще лежащих на мостовой.

— И что с ними будет?

Наставник пожимает плечами.

— Это зависит от решения Голоса. Возможно, они раньше срока или дольше обычного будут находиться в состоянии Спокойных, но это ожидает их в любом случае. — В его необычном голосе слышатся сердитые нотки. — Такова цена, которую мы платим за другие преимущества. — Затем он снимает шляпу и кланяется. — Но прошу прощения. Джентльмен — таков мой псевдоним — к вашим услугам. Надеюсь, этот случай не

слишком расстроил ваши планы на сегодняшний день.

Он флиртует с тобой, снова вмешивается «Перхонен». *Точно флиртует.*

Ничего подобного. У него даже нет лица.

Легкое покалывание подсказывает Миели, что наставник сканирует ее. Хоть это и не грозит ей разоблачением, но служит очередным напоминанием о том, что местные обитатели имеют в своем арсенале не только луки и стрелы.

У меня тоже нет лица, но меня это никогда не останавливало.

Неважно. Что мне теперь делать? Я не могу воспользоваться биотической связью с вором, когда этот тип сканирует меня.

Он же филантроп. Попроси его о помощи. Придерживайся своей роли, глупышка. Постарайся быть любезной, хотя бы для разнообразия.

Миели пытается улыбнуться и сообразить, что бы сказала та, за кого она себя выдает, — туристка из городка в астероидном поясе.

— Вы ведь полицейский, верно? Администратор?

— Что-то вроде этого.

— Я потеряла своего приятеля, когда… они набросились. И теперь не представляю, где его искать.

Возможно, «Перхонен» права: не только вор способен прибегнуть к помощи прикладной социологии.

— А, понимаю. И вы не знаете, как послать ему сообщение посредством разделенных воспоминаний? И вы не заключили контракт гевулотов, чтобы подать сигнал, где вы находитесь? Конечно, нет. Это ужасно. Спокойные-таможенники строго следят за тем, чтобы приезжие оставляли все свои технологические устройства, но не объясняют, как пользоваться нашими.

— Мы просто хотели увидеть город, — говорит Миели. — Посетить Олимпийский дворец, может, поохотиться на фобоев.

— Вот что мы можем сделать, — предлагает Джентльмен. — Давайте просмотрим память агоры — вот так.

Ощущение необычное — словно наконец находится слово, которое долго вертелось на языке. Миели вспоминает вид агоры с высоты, но необычайно подробно, вплоть до каждого лица в толпе. И отчетливо видит убегающего с площади вора.

— О! — восклицает Джентльмен, и тотчас поступает требование его гевулота забыть об этой реакции.

Миели принимает его: метамозг все равно все сохранит. Она делает себе мысленную пометку обратить на это внимание. *Любопытно.*

— Я могу немного нарушить правила, чтобы помочь вам. Мы,

наставники, пользуемся некоторыми… особыми ресурсами. — Наставник отвинчивает набалдашник трости. Из отверстия, словно мыльный пузырь, выскакивает сгусток утилитарного тумана. Он зависает в воздухе рядом с Миели и начинает светиться. — Этого будет достаточно. Просто следуйте за светлячком, и он приведет вас к вашему приятелю.

— Спасибо.

— Рад помочь. Постарайтесь избегать неприятностей.

Наставник притрагивается к полям шляпы и в облаке дрожащего горячего воздуха снова поднимается в воздух.

Видишь? Это было не так уж и трудно, замечает «Перхонен».

— Простите, — извиняюсь я. — Я не понимаю, о ком вы говорите.

Я блокирую запрос гевулота садовника. По крайней мере, *думаю,* что блокирую. Интерфейс гостевого гевулота не включает всех тонкостей повседневного взаимодействия жителей Ублиетта, он рассчитан на простейшие операции: от полного разделения воспоминаний до совершенного уединения. Я смутно помню ощущение истинного уединения — то, что испытываю сейчас, можно сравнить лишь с монохромным зрением.

— Создатели твоего тела, вероятно, без ума от какого-то киногероя, — говорит садовник. — Ты похож на парня, который приходит сюда со своей подружкой. Она тоже хорошенькая.

Я медленно спускаюсь с робота.

— Ладно, а что ты делал там, наверху? — озадаченно спрашивает он.

— Я только хотел получить более полное представление об игровой площадке, — отвечаю я. — Знаете, меня можно назвать настоящим любителем игр. — Я отряхиваю пыль с костюма. — Это вы ухаживаете за здешними цветами? Очень красиво.

— Да, я. — Садовник усмехается и засовывает большие пальцы под лямки комбинезона. — Годы работы. Это место всегда было популярным среди влюбленных. Я для этого слишком стар — несколько периодов в состоянии Спокойного напрочь выбивают подобные мысли, но мне нравится заботиться об этом парке. Вы приезжий?

— Верно.

— Вам повезло: большинство туристов сюда просто не доходят. Вашей подружке здесь, похоже, тоже понравилось.

— О какой подружке?.. Ох.

В тени одного из больших роботов стоит Миели, над ее головой порхает светлячок.

— Привет, дорогой, — произносит она.

Я напрягаюсь, ожидая погружения в какой-нибудь ад. Но она только улыбается, хотя и очень холодно.

— Ты заблудилась? — спрашиваю я. — Я скучал.

Я подмигиваю садовнику.

— Не буду вам мешать. Приятно было поболтать, — закрывшись гевулотом, садовник исчезает среди роботов.

— Хочу напомнить, — говорит Миели, — что некоторое время назад ты сам предложил оставаться профессионалами.

— Я могу объяснить…

Я даже не замечаю приближающейся руки, только чувствую неожиданный удар в нос, точно рассчитанный на максимальную боль без перелома костей, и отскакиваю назад, к роботу. Затем следуют несколько пинков — я стукаюсь о металл, у меня перехватывает дыхание, а в солнечном сплетении вспыхивает настоящий пожар. И, наконец, несильные толчки костяшек по скулам, завершающиеся выпадом в челюсть. Мое тело способно выдержать подобные испытания, но я остаюсь практически бездыханным и в состоянии некоторой отстраненности, как будто наблюдаю за невероятно быстрыми движениями Миели со стороны.

— *Вот* что для меня значит быть профессионалом, — шипит она. — В моем оортианском кото мы никогда не выслушиваем объяснения.

— Спасибо, что не нажала адову кнопку, — хрипло отвечаю я.

— Только потому, что ты что-то нашел. — Судя по отстраненному взгляду, Миели просматривает недавние воспоминания, сохраненные в моем теле. — Показывай.

Она протягивает руку. Я отдаю ей Часы, и Миели задумчиво подбрасывает их на ладони.

— Хорошо. Вставай. Мы поговорим об этом позже. Осмотр достопримечательностей окончен.

— Я знаю, ты раздумываешь о том, как бы их украсть, — говорит она, как только мы садимся в паукеб, чтобы добраться до отеля.

Суставчатые ноги экипажа распрямляются и поднимают нас на крыши Лабиринта. Миели, похоже, нравится поездка.

— Вот как?

— Да. Теперь мне известны признаки. Тебе дважды удавалось провести меня с помощью своих воровских приемчиков, но больше не выйдет.

— Извини, это рефлекс. Что-то вроде проверки сил, — отвечаю я, потирая разбитое лицо. — Сколько времени необходимо этому телу, чтобы восстановиться?

— Столько, сколько я захочу. — Она откидывается назад. —

Так что же это такое — воровство?

— Это… — *Это инстинкт,* хочется мне сказать. *Это сродни влечению плоти. Это больше, чем я. Это искусство.* Но она все равно не поймет, и я повторяю старую шутку. — Это что-то вроде заботы о чужой собственности. Я превращаю ее в свою, чтобы собственноручно о ней позаботиться.

Миели не ничего не отвечает и молча смотрит на проносящиеся мимо пейзажи.

Наш отель располагается в массивном здании вблизи причала планеров, куда мы попали сразу по прибытии в город. Мы занимаем несколько больших, стоящих немало Времени комнат почти под самой крышей. Они обставлены не слишком роскошно, на мой вкус, — строгие линии и стеклянные поверхности ксантийских дизайнеров — но здесь, по крайней мере, имеется фабрикатор, и я могу сменить одежду.

Однако Миели не дает мне такой возможности.

— Садись. — Она указывает на небольшой столик и кресло перед балконом и кладет передо мной Часы. — Рассказывай. Что, черт побери, произошло на агоре?

Она сжимает и разжимает пальцы. Я сглатываю.

— Ладно. Я видел себя.

Она приподнимает брови.

— Это не было очередным воспоминанием, не так, как на корабле. Возможно, это сконструировано при помощи гевулота, и остальные тоже могли видеть происходящее. Мой двойник привел меня в парк. Так что мы кое-чего достигли.

— Может быть. А тебе не приходило в голову посвятить в это меня? Имеется какая-то причина, по которой я должна позволить тебе ускользнуть из вида? Или мне пора рекомендовать своему нанимателю сбросить шелковые перчатки и перейти к более… настойчивому воздействию на твой мозг?

— Это случилось… неожиданно. — Я перевожу взгляд на Часы. Свет играет на их поверхности, и я замечаю какую-то гравировку. — Мне казалось, что это слишком… личное дело.

Она обхватывает мою голову невероятно сильными пальцами и поворачивает к себе. Сердитые зеленые глаза смотрят на меня не моргая.

— Пока мы вместе над этим работаем, никаких *личных* дел быть не может, понятно? Если потребуется, ты расскажешь мне обо всех своих детских воспоминаниях, обо всех подростковых фантазиях, обо всех юношеских разочарованиях. Тебе ясно?

— Интересно, — медленно и осторожно начинаю я, — может ли что-то повлиять на твой профессионализм? И я хотел бы отметить, что это не я напортачил во время побега из Тюрьмы. Я

как раз таки спас нас.

Миели отпускает мою голову и некоторое время просто глядит в окно. Я встаю и получаю из фабрикатора порцию коньяка времен Королевства, но ей не предлагаю. Затем снова осматриваю Часы. В сетке семь на семь клеток расположены знаки Зодиака, Марс, Венера и другие символы, которые мне неизвестны. А снизу надпись: *Полю от Раймонды с любовью.* И опять это слово — Тибермениль, выгравированное медью.

Я обращаюсь к «Перхонен»: *Не могла бы ты взглянуть на это? Ты ведь не станешь бить меня?*

Мне незачем тебя бить, отвечает корабль, *у меня есть лазеры. Посмотрим, что я сумею выяснить.*

В ее тоне сквозит непривычная напряженность, но меня это не удивляет. Я пытаюсь убедить себя, что мое лицо пылает исключительно из-за коньяка.

— Хорошо, — произносит Миели. — Давай поговорим об вещице, которую ты украл.

— Нашел.

— Как тебе угодно. — Она берет Часы. — Расскажи мне о них. Мои данные об Ублиетте безнадежно устарели.

У нее абсолютно равнодушный голос. Несмотря на опасность, я испытываю смутное желание взломать этот ледяной покров, чтобы увидеть его толщину.

— Это Часы. Прибор, в котором в виде квантового счета хранится Время — исключающий возможность подделок и копирования квантовый счет оставшейся жизни граждан Ублиетта в базовом человеческом теле. И еще Часы обеспечивают личный канал связи с экзопамятью. Прибор сугубо индивидуальный.

— И ты считаешь, что эти Часы принадлежали тебе? В них то, что мы ищем?

— Возможно. Но мы кое-что упустили. Сами по себе Часы не представляют никакой ценности, если в голове нет особого ключа — гевулота.

Миели постукивает по Часам кончиком пальца.

— Понятно.

— Вот как это работает. В экзопамяти хранится информация — вся информация, имеющаяся в Ублиетте: условия жизни, ощущения, мысли, абсолютно все. Гевулот в реальном времени обеспечивает доступ определенной личности к определенным разделам. Это не просто пара персонального и общедоступного ключей, это сложная иерархия, древовидный дешифратор, где каждая ветвь может быть открыта только при наличии корневого узла. При встрече с кем-либо ты заключаешь соглашение о том, какими данными обмениваться, что рассказать о себе и что

оставить в памяти.

— Звучит довольно запутанно.

— Так и есть. У марсиан для этого существует специальный *орган.* — Я стучу себя по голове. — Чувство личного. Они *безошибочно* определяют, что можно открыть другим, что относится к частной сфере, а что — нет. Еще они обмениваются так называемыми разделенными воспоминаниями — предоставляют другим доступ к определенному фрагменту памяти путем передачи соответствующего ключа. Мы получили детскую версию гевулота. Гостям предоставляют частицу экзопамяти и вполне конкретный интерфейс к ней. Но всех тонкостей оценить нам не дано.

— А *почему* они так поступают?

Я пожимаю плечами.

— Главным образом это обусловлено историческими причинами, хотя о том, что произошло здесь после Коллапса, известно не слишком много. Самая распространенная версия гласит, что *некто* в ходе реализации частного проекта по терраформированию привез сюда миллиард гоголов и провозгласил себя Королем. Но гоголы взбунтовались. Так или иначе, во многом благодаря действующей системе гевулотов Соборность до сих пор не сумела поглотить это место. Расшифровывать все коды — слишком сложное занятие.

Эй вы, двое, вмешивается «Перхонен». *Извините за задержку, но я не хотела вас прерывать. Символы относятся к области астрологии. Точно такая же последовательность присутствует только в Театре Памяти Джулио Камилла. Это оккультная система эпохи Возрождения. Тиберменил — замок во Франции. Вот детали.*

«Перхонен» пересылает по нашему нейтринному каналу спайм. Миели просматривает его и оставляет висеть в воздухе между нами.

— Прекрасно, — говорит она. — И что же все это означает?

— Понятия не имею, — хмуро отвечаю я. — Но, полагаю, все, что нам необходимо, заключено в моей прежней экзопамяти. Осталось только придумать, как до нее добраться. Кажется, мне снова надо стать Полем Сернином, кем бы он ни был.

Я наливаю себе еще коньяку.

— И где же, по-твоему, осталось твое прежнее тело? Или он — ты — уезжая, взял его с собой? И какой смысл в этих значках?

— Может, и взял. А что касается символов, не знаю, но у меня всегда была склонность к театральным эффектам. Правда, сейчас, когда я смотрю на эти знаки, мне ничего не приходит в голову.

Мое прежнее «я» действует мне на нервы. *Зачем, черт побери,*

все так усложнять? Но ответ очевиден: чтобы тайна оставалась тайной. А хранить секреты среди секретов — наилучший способ.

— А нельзя ли попытаться через Часы получить доступ к твоей памяти при помощи грубой силы? Мы могли бы использовать «Перхонен»…

— Нет. Здешние обитатели достигли совершенства в трех областях: изготовлении шоколада, виноделии и криптографии. Но, — я поднимаю указательный палец, — гевулот можно *украсть*. Система слишком сложна, чтобы быть безупречной, и иногда можно получить целый каскад ключей, если кто-то поделится с тобой нужными сведениями в нужный момент. Прикладная социология, если можно так выразиться.

— У тебя все и всегда сводится к воровству?

— Что я могу сказать? Это одержимость. — Я морщу лоб. — Я даже знаю, с чего начать: у меня здесь был близкий человек. Но сначала необходимо получить некоторые инструменты для взлома гевулотов. А пытаться воспользоваться тем примитивным гевулотом, который нам выдали, — все равно что в темноте взламывать замок при помощи кирпича. Я думаю, тебе пора связаться со своим нанимателем, чтобы он свел нас с какими-нибудь гогол-пиратами.

— С чего ты взял, что?..

— Да перестань. Твой наниматель из Соборности, это ясно как день. Возможно, какой-нибудь могущественный копи-клан, решивший свести счеты с Основателями. Он-оно-они — не знаю, какое местоимение сейчас употребляется, — обязательно имеет контакт со здешними пиратами, Соборность — их основной покупатель. — Я вздыхаю. — Никогда не обращал на них особого внимания. Но если хочешь выкопать клад, невозможно не испачкать руки.

Миели складывает руки на груди.

— Ладно, — говорит она. — Хочу заметить — хотя и совершенно напрасно, как мне кажется, — что с твоей стороны не слишком благоразумно и безопасно задавать вопросы и строить предположения о нашем общем… благодетеле. — Последнее слово прозвучало с едва заметным оттенком иронии. — В любом случае нам предстоит сделать три вещи. Первое, выяснить, почему ты оставил Часы для самого себя. Второе — попытаться отыскать твой труп. И третье — постараться наладить контакт с теми немногими людьми на этой планете, у которых совести еще меньше, чем у тебя.

Она поднимается.

— Я посмотрю, что можно предпринять по третьему пункту. Тем временем ты и «Перхонен» будете работать над первым

вопросом, а второй оставим до тех пор, пока не получим дополнительную информацию. И не забудь помыться.

Она поворачивается, чтобы уйти.

— Подожди. Послушай, я прошу прощения за то, что сбежал. Просто сработал рефлекс. Я не забыл о своем долге. Но пойми, что все это немного странно.

Миели оборачивается и смотрит на меня с циничной усмешкой, но ничего не отвечает.

— В моей профессии очень важно не оглядываться в прошлое. Если мы продолжаем работать вместе, я надеюсь, что и ты тоже не будешь этого делать. — Я улыбаюсь. — Я прошу прощения далеко не у каждого. И не каждому позволяю себя поймать. Так что считай, что тебе повезло.

— А тебе известно, — говорит Миели, — как поступают с ворами там, откуда я родом? — Она улыбается. — Мы наполняем их легкие жизнеобеспечивающей синтбиосмесью, а потом выбрасываем наружу. У них лопаются глаза и вскипает кровь. Но они живут еще несколько часов. — Она берет со стола мой бокал и направляется к двери. — Так что считай, что тебе повезло.

Гнев придает Миели странную бодрость. Гнев по отношению к вору — чистое, искреннее чувство. Долгое время ей приходилось сдерживать и скрывать свою ярость, но теперь она уместна и полезна. Глубоко дыша, Миели прохаживается по своей комнате, почти наслаждаясь борьбой с силой притяжения. Затем допивает остатки коньяка из бокала вора. Это прекрасно подходит к ее настроению — резкий вкус, дающий ощущение теплоты. Чувство вины возникает незамедлительно. *Я опять позволяю ему подобраться к себе. Мерзавец.*

Она оставляет бокал в воздухе и не может сдержать проклятье, когда тот падает на пол. Комната ее раздражает: слишком двумерная, а гравитация напоминает о Тюрьме. Радует только слабый аромат роз.

Он теперь долго будет думать о вакуумной казни, говорит «Перхонен». *Отличный ход.*

Я не хотела давать ему повод считать меня какой-то жестокой дикаркой. Но он заставляет меня так себя чувствовать. А теперь я прошу немного тишины. Я должна поговорить с Пеллегрини.

Ты уверена, что все будет в порядке?

Я ведь уже делала это раньше, помнишь? Ради встречи с этой сукой мы прилетели к Венере с другого края Системы. Думаю, я смогу мысленно совершить это небольшое путешествие.

Давай, девочка. И «Перхонен» умолкает.

Миели ложится на кровать, закрывает глаза и представляет храм. Он стоит в тени горы Кунапипи[27] — щитовидного вулкана, возвышающегося на базальтовом плато. Поверхность горы покрыта тонким слоем свинца и теллура, сформировавшегося из металлических испарений, которые поднимаются из каньонов и трещин, где температура доходит до семисот градусов по шкале Кельвина.

Храм представляет собой каменную тень, проекцию многомерного объекта со странной геометрией: черные коридоры, по которым движется Миели, неожиданно выводят к обширным провалам, пересеченным каменными мостиками под самыми невероятными углами. Но она и раньше бывала в этом лабиринте и безошибочно следует по указателям в виде металлических цветков.

В центре имеется ось, маленькая пойманная в ловушку сингулярность, парящая в цилиндрическом углублении, словно подвешенная падающая звезда. Здесь и живет богиня. Даже сейчас Миели помнит, как чувствовала себя в конце путешествия сюда — в тяжелом ку-скафандре, придавленная непомерной гравитацией, с горящими от усталости руками и ногами.

— Миели, — говорит богиня. — Рада видеть тебя здесь. — Странно, но сейчас она больше похожа на человека, чем в тех случаях, когда является по собственной воле. Видны очертания ее лица и шеи и уголки глаз. — Дай-ка посмотреть, где ты находишься. А, Марс. Ну конечно. Марс мне всегда нравился. Я думаю, мы сохраним это местечко, когда Великая Всеобщая Цель будет достигнута.

Она отводит прядь волос со лба Миели.

— Знаешь, мне бы хотелось, чтобы вы приходили сюда, не только когда желаете о чем-то попросить. У меня найдется время для каждого, кто мне служит. Почему бы и нет? Ведь меня много.

— Я допустила ошибку, — произносит Миели. — Я позволила вору ускользнуть от меня. Я была невнимательна. Этого больше не повторится.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Сейчас просмотрю твои воспоминания. Ага. Но ведь ты снова его отыскала? И добилась успеха? Дитя мое, тебе не обязательно приходить ко мне, чтобы облегчить душу после каждой мелкой неудачи или задержки на пути. Я тебе доверяю. Ты всегда хорошо мне служила. А теперь скажи, что тебе нужно?

— Вор хочет получить средства для кражи того, что называют гевулотом. Он считает, что на Марсе есть агенты Соборности, и хочет установить с ними контакт.

Пеллегрини на мгновение останавливает взгляд на яркой

точке оси.

— При нормальных обстоятельствах это было бы несложно. Они беспрекословно подчинились бы при виде моей печати. Но я не могу участвовать в вашей миссии. По крайней мере, напрямую. Я предоставлю информацию и координаты, но все переговоры тебе придется вести самой. Речь идет о василевах, они способны доставить немало хлопот. Хорошенькие мальчики, и они об этом знают.

— Я понимаю.

— Это несущественно. Я перешлю все, что тебе требуется, на этот твой маленький симпатичный корабль. Твои успехи меня радуют, не беспокойся о мелких неудачах.

Миели непроизвольно сглатывает, и у нее вырывается вопрос:

— Меня накажут?

— О чем ты? Конечно нет.

— Но почему мне приходится применять к вору такие деликатные методы? На войне воины-разумы взяли бы пленных и раскопали бы в их мозгах мельчайшие подробности. Разве вор какой-то особенный?

— Нет, — отвечает Пеллегрини. — Но будет особенным.

— Я не понимаю.

— Ты и не должна понимать. Поверь, эту миссию поручили тебе после тщательного отбора. Продолжай работать, и скоро я и твоя подруга увидим тебя здесь во плоти.

После этого Миели вновь оказывается в своей пахнущей розами комнате. Она медленно поднимается и заказывает у фабрикатора еще порцию коньяка.

В отсутствие Миели «Перхонен» и я осматриваем Часы. Вернее, это делает «Перхонен» при помощи моих рук. Похоже, Миели предоставила кораблю возможность пользоваться органами чувств моего тела. Возникает странное ощущение, когда я держу Часы в руках, а из моих пальцев тянутся тончайшие щупальца из ку-точек.

— Мне всегда они нравились, — говорю я вслух. — Часы. Такое сложное сочетание осцилляторов и механизмов. Большие и маленькие. Красивые.

Гм. Поднеси их ближе к своему глазу.

Пока «Перхонен» занимается анализом, я бегло просматриваю в экзопамяти сведения о дворцах памяти и глушу выпивкой возникающую при этом головную боль.

— Знаешь, я, наверно, выжил из ума. Дворцы памяти?

Тщательно разработанная система хранения информации, основанная на воздействии на мозг запоминающихся мест и

образов. Воображаемые дворцы, где содержатся символы, отображающие воспоминания. Использовались греческими ораторами, средневековыми учеными и оккультистами эпохи Возрождения. Потеряли ценность с распространением книгопечатания.

В раздражении я дергаю Часы.

— Знаешь, я полагал, что спрятал здесь что-то для того, чтобы впоследствии мог это с легкостью найти. Получается, что я как будто сам не желаю ничего отыскивать.

Успокойся.

— Я ничего не могу узнать про Поля Сернина. Никаких сведений в общедоступной экзопамяти. И меня это не удивляет. Остается только гадать, чем я занимался на Марсе помимо свиданий с этой Раймондой.

Наверно, что-то крал.

— Мне нравится это местечко, но для вора оно не представляет особого интереса. Здесь нечего красть. А гоголь-пиратством я не стал бы заниматься.

Ты уверен? Теперь положи Часы на стол.

— Конечно уверен. А тебя-то что беспокоит?

Корабль вздыхает, издавая странный звук.

Ты. Может, ты и считаешь себя неотразимым, но мою подругу ты сильно огорчаешь. Разгадывания секретов и взломы тюремных замков не по ее части. Ее даже нельзя считать воином. По крайней мере, настоящим воином.

— Так почему она этим занимается? Служит Соборности?

А почему люди идут на все? Ради кого-то. Не задавай так много вопросов, я пытаюсь сосредоточиться. Ионные ловушки в этих устройствах — весьма деликатные штучки.

— Ладно. Чем быстрее мы с этим разберемся, тем быстрее сможем заняться более важными и приятными вещами.

Я ощупываю Часы. Буквы в слове «Тибермениль» немного выпуклые.

— Ага.

Внезапно появляется ассоциация. Когда я приходил в себя, я видел во сне книгу о воре с именем, как у цветка. И заголовок. «Шерлок Холмс приходит слишком поздно». Потайной ход, открываемый…

Кончиком пальца я трогаю букву Н. После легкого нажатия она поворачивается. То же самое происходит с буквами Р и Л. Крышка Часов поднимается. Внутри снимок мужчины и женщины. Мужчина — это я, только молодой, черноволосый и улыбающийся. У женщины рыжевато-каштановые волосы и россыпь веснушек на носу.

— Ну привет, Раймонда, — говорю я.

Глава седьмая
СЫЩИК И ЕГО ОТЕЦ

Утром Исидор щурится на яркий свет Фобоса. Во рту скверный привкус, голова трещит. На мгновение он прячет лицо в волосах Пиксил, наслаждаясь ее теплом. Затем заставляет себя снова открыть глаза и осторожно высвобождает руку из-под ее плеча.

Утром зал выглядит совершенно иначе. Стены и другие поверхности пропускают внутрь рассеянный свет, и вдали ему удается разглядеть красноватую линию края кратера Эллада. Исидору кажется, что он проснулся в каком-то странном геометрическом лесу.

Минувшая ночь представляется беспорядочной чередой обрывочных образов, и он инстинктивно обращается к экзопамяти, чтобы все восстановить, но, конечно же, натыкается на белую стену.

Исидор смотрит на лицо спящей Пиксил. Губы изогнуты в полуулыбке, веки подрагивают. Камень зоку мерцает в утреннем свете на ее оливковой коже у основания шеи.

Что же, черт побери, я делаю? Она права, это просто игра.

Поиски одежды в груде тряпья занимают некоторое время, и Исидор едва не надевает панталоны вместо своих брюк. Пиксил между тем дышит ровно и не просыпается, даже когда он осторожно отходит.

При дневном свете нагромождение кубов напоминает головоломку, и Исидору трудно определить, где находится выход, несмотря на прекрасную способность ориентироваться в пространстве, выработанную годами жизни в Лабиринте. Неактивность гевулота сбивает Исидора с толку, и на обнаруженный выход он смотрит с нескрываемым облегчением.*Должно быть, здесь.*Серебристая арка, безупречный полукруг с филигранной чеканкой по краю. Он набирает в грудь побольше воздуха и делает шаг вперед. Реальность как будто резко обрывается…

— Еще вина, мой господин?

…И он оказывается в огромном бальном зале, который не может быть ничем иным, как Королевским залом в Олимпийском дворце. Рабыни-гоголы в мерцающих драгоценностях немыслимым образом изгибаются на высоких шестах, демонстрируя чудеса механической акробатики. Автоматический слуга в красной ливрее протягивает в похожей на клешню руке

бокал вина. Исидор с облегчением обнаруживает на себе наряд марсианской знати: легкий плащ поверх темного камзола из куткани и меч. Его окружают люди в еще более вычурных нарядах, все залито светом Фобоса, струящимся из огромного окна с видом на склоны Олимпа. Купол высоко над головой напоминает золотистое небо.

Все выглядит вполне реально, и ошеломленный Исидор молча принимает предложенный бокал.

— Не желаете ли потанцевать?

Высокая женщина в венецианской маске, с кожей, отливающей красноватым золотом, и пышными формами, едва прикрытыми полосками ткани и драгоценностями, протягивает ему руку. Все еще страдающий от головокружения Исидор позволяет увести себя на свободное пространство в центре зала, где многорукий гогол играет невероятно красивые мелодии на медных флейтах. Женщина легко движется, приподнявшись на цыпочки и, словно перо на бумаге, повинуется его руке, уютно устроившейся на плавном изгибе ее бедра.

— Я хочу заставить своего мужа ревновать, — шепчет она, обдавая его ароматом экзотического вина.

— А кто ваш муж?

— Вон он, на помосте.

При очередном развороте Исидор поднимает голову. А там, конечно же, стоит марсианский Король — смеющийся, в белом с золотом костюме, окруженный толпой почитателей и придворных. Он поворачивается к краснокожей женщине, чтобы сказать, что ему уже надо уходить, как вдруг все замирает.

— Что ты делаешь? — спрашивает Пиксил.

Она смотрит на него, сложив руки на груди. Пиксил выглядит вполне бодрой и уже одета в повседневный наряд зоку.

— Танцую, — говорит он и отодвигается от краснокожей женщины, превратившейся в статую.

— Глупый мальчишка.

— Что это за место?

— Фрагмент старого Королевства. Я думаю, Дратдор собрал эти экспонаты. Он у нас романтик. — Пиксил пожимает плечами. — Не в моем вкусе. — Она взмахивает рукой, и за ее спиной возникает арка. — Я шла приготовить тебе завтрак. Все зоку еще спят.

— Я не хотел тебя будить.

Разрыв реальности на этот раз приносит облегчение, возвращая Исидора к некоему подобию нормальности.

— Да ладно. В чем дело? Собирался тайком ускользнуть после такой ночи?

Он ничего не отвечает, но стыд скользит по спине, оставляя холодные следы, а Исидор даже не до конца понимает его причину.

— Это из-за наставника, — наконец говорит он. — Я должен все обдумать. Я пошлю тебе кват-сообщение. — Он оглядывается вокруг. — Как мне отсюда выбраться?

— Ты и сам это знаешь, — отвечает Пиксил. — Тебе надо только *захотеть*. Обязательно свяжись со мной.

Она посылает ему воздушный поцелуй, но в глазах заметно разочарование.

Еще один разрыв реальности, и он стоит за пределами колонии и моргает от яркого дневного света.

Исидор снова берет паукеб до окраины Лабиринта, но на этот раз просит водителя не торопиться. В животе что-то бурлит; какие бы древние химические вещества ни входили в состав напитков старейшин, марсианские тела явно не предназначены для их усвоения.

Исидор испытывает огромное облегчение, когда кеб покидает Пыльный район. В голове возникает легкое жужжание гевулота, окружающие предметы вновь становятся материальными. Это уже не просто эфемерные геометрические фигуры, а камень, дерево и металл.

Исидор завтракает в маленьком, украшенном изображениями драконов кафе на углу и прогоняет слабость чашкой кофе и небольшой порцией китайского риса. Но чувство вины не отпускает.

А затем он замечает газету. Пожилой джентльмен в жилете и с Часами на бронзовой цепочке за соседним столиком читает «Вестник Ареса».

Заголовок статьи гласит: «Помощник наставника веселится». Дрожащим голосом Исидор заказывает у своего столика экземпляр, и его тотчас приносит автоматический официант. На движущейся картинке действительно он, Исидор, рассказывающий обо всем — о шоколадном деле и о Пиксил.

«Мы уже долгое время пользуемся защитой скрывающихся под масками могущественных мужчин и женщин, наставников, и те, кто следит за нашими публикациями, знают, что в особо трудных случаях им тоже требуется помощь. Мы надеемся, что нет необходимости напоминать читателям об исчезновении города Скиапарелли или возлюбленного мадмуазель Линдгрен. В расследовании этих происшествий ключевую роль сыграла персона, до сих пор никому не известная. Этот человек, описываемый как „приятный юноша“, несколько раз работал с Джентльменом и разгадывал загадки, которые ставили в тупик

наставника.

Теперь „Вестник“ может открыть, что этот таинственный герой не кто иной, как Исидор Ботреле, студент-архитектор десяти лет. Мистер Ботреле дал вашему покорному слуге невероятно исчерпывающее интервью вчера вечером на изысканном праздновании в Пыльном районе. Юный детектив был приглашен туда молодой леди, с которой его уже некоторое время связывают романтические отношения…»

А вот и снимки: его черно-белый портрет с открытым ртом на вечеринке зоку. Он бледен, с безумным взглядом и растрепанными волосами. Сознание того, что посторонние люди, для которых он не открывал гевулота, теперь знают, кто он и чем занимается, вызывает ощущение грязи на коже. Джентльмен за соседним столиком теперь внимательно разглядывает его. Исидор поспешно расплачивается, закрывается пеленой уединения и отправляется домой.

Вместе с еще одной студенткой по имени Лин он снимает двухуровневую квартиру в старой башне на краю Лабиринта. У них пять комнат с разномастной мебелью из недолговечной материи и отслаивающимися обоями, которые меняют рисунок в зависимости от настроения жильцов. Как только Исидор входит, по стенам пробегает рябь, и на обоях возникает эшеровский[28]узор из переплетающихся черно-белых птиц.

Исидор принимает душ и варит себе кофе. На кухне с высоким потолком, фабрикатором и шатким столом большое окно с видом на крыши Лабиринта. Некоторое время Исидор сидит у окна и, глядя на лучи света, пробивающиеся между зданиями, пытается собраться с мыслями. Лин тоже здесь — ее аниматронные фигурки опять разбросаны по кухонному столу. Но сама она, по крайней мере, достаточно тактична, чтобы оставаться под покровом гевулота.

У Исидора хватает разделенных воспоминаний, которые привязывают его подсознание к статье в «Вестнике», вызывая головную боль. Он хотел бы забыть об этом раз и навсегда. Хорошо хоть разговор с репортером не сохранился в экзопамяти и нельзя бесконечно возвращаться к нему, словно к больному зубу. И еще наставник. Трудно не думать о нем.

От Лин поступает гевулот-запрос. Исидор нехотя принимает его и позволяет своей соседке по квартире себя увидеть.

— Ис? — зовет она.

Лин приехала из провинциального городка в долине Нанеди, чтобы изучать традиционную анимацию. На ее круглом лице беспокойство, а на волосах — пятна краски.

— Да?

— Я видела газету. Я и не предполагала, что ты принимал участие во всех этих делах. В Скиапарелли жил мой кузен.

Исидор не отвечает. Он смотрит на ее лицо и размышляет, стоит ли выяснять, с чем связано ее беспокойство. Но затем решает, что это бессмысленно.

— Нет, правда, я даже не догадывалась. Но мне все равно жаль, что так получилось с газетой. — Она садится за стол напротив него и наклоняется вперед. — Ты в порядке?

— Все отлично, — говорит он. — Мне надо заниматься.

— Хорошо. Дай мне знать, если захочешь вечером пойти куда-нибудь выпить.

— Вряд ли.

— Ладно. — Она берет со стола какую-то вещь, завернутую в ткань. — Знаешь, вчера я думала о тебе и сделала вот это. — Она протягивает ему сверток. — Ты так много времени проводишь один. По-моему, компания тебе не помешает.

Исидор медленно разворачивает ткань. Внутри оказывается странное карикатурное существо зеленого цвета величиной с кулак. Оно состоит из головы и щупалец, в огромных белых глазах черные точки зрачков. При малейшем надавливании существо начинает двигаться, источая слабый запах воска.

— Я нашла эту старую модель робота и поместила в нее синтбиомозг. Можешь сам дать ему имя. И скажи мне, если захочешь выпить.

— Спасибо, — отзывается Исидор. — Мне нравится. Правда.

Неужели мне не остается ничего другого, кроме жалости и ложной благодарности?

— Не слишком усердствуй в занятиях.

После этого Лин снова скрывается за стеной своего гевулота.

В своей комнате Исидор сажает робота на пол и начинает размышлять о влиянии стиля Хэйан-Кё[29] на архитектуру Королевства. Ему легче сосредоточиться в окружении собственных вещей: пары старых статуэток отца, книг и громоздкого принтера из недолговечной материи. На полу и на столе располагаются трехмерные проекты зданий, как воображаемые, так и реальные, и самой значительной является модель Храма Ареса. Зеленое существо прячется за ним.

Умный ход, дружок. Вокруг нас большой и скверный мир.

Многих друзей-студентов Исидора раздражает необходимость учиться. Но экзопамять, какой бы ни была совершенной, дает только поверхностные представления по теме. Глубокие знания до сих пор требуют не менее десяти тысяч часов работы по каждому отдельному предмету. Исидора это не напрягает: в спокойный день он способен на долгие часы погружаться в

царство безупречных форм и ощупывать каждую деталь моделей, изготовленных из недолговечной материи.

Он выбирает текст о Тэндай-сю[30] и дворце Дайдайри[31] и начинает читать, ожидая, когда исчезнет окружающий современный мир.

Милый, как ты?Кват-сообщение Пиксил заставляет Исидора вздрогнуть. Оно приходит вместе с разрядом эйфорической радости.**Отличные новости. Все считают тебя чудесным. И хотят видеть снова. Я говорила с матерью, и мне кажется, ты просто параноик…**

Исидор срывает с пальца кольцо сцепленности и швыряет его на пол. Кольцо попадает в модель марсианского здания. Зеленое чудовище отскакивает и прячется под кроватью. При этом оно задевает модель храма. Часть здания рассыпается в инертный порошок, и в воздух поднимается белая пыль. Исидор продолжает громить модели, пока весь пол не покрывается слоем пыли и обломков.

Некоторое время он сидит над руинами и пытается сообразить, как мысленно восстановить здания, но не может сосредоточиться, и ему кажется, что ни один обломок не подходит к другому.

На следующий день, в Сол Мартиус, Исидор, как всегда, отправляется проведать отца в земле мертвых.

Вместе с другими скорбящими он молча, потирая воспаленные от бессонной ночи глаза, спускается по длинной извилистой лестнице Опрокинутой башни. Башня свисает из чрева города наподобие хрустального соска. На всем пути видна тень города и слышны медленные ритмичные шаги его ног. Над головой перемещаются и сталкиваются городские платформы, когда в процессе движения происходит перераспределение веса. Повсюду налет оранжевой пыли. Свет Фобоса — бывшей луны, превращенной в звезду с помощью крошечной сингулярности, помещенной внутрь, — придает миру таинственный сумеречный вид.

Скорбящих в это утро не много. Исидор идет вслед за чернокожим мужчиной, сгибающимся под тяжестью гостевого скафандра.

Время от времени они проходят мимо платформ, заполненных молчаливыми Воскресителями, чьи лица скрыты под масками. Спокойных внизу не видно из-за облаков пыли, но противофобойные стены уже можно разглядеть. Защитные барьеры простираются до самого горизонта, очерчивая запланированный маршрут города. Позади остаются следы новой

жизни — цветные мазки синтбиополей и техника тераформирования. Подобно своим братьям и сестрам, город старается снова окрасить Марс в зеленый цвет. Но всегда приходят фобои.

У основания башни скорбящих ожидают подъемники. Воскресители снабжают каждого путевым светлячком и строгим наказом вернуть его к полудню. Один из Воскресителей помогает Исидору облачиться в скафандр, изготовленный в Ублиетте из современного программируемого материала, но со множеством дизайнерских деталей из бронзы и кожи, что придает ему сходство с древним водолазным костюмом. Перчатки настолько неудобные, что Исидору с трудом удается удержать принесенный с собой букет цветов. Пройдя через шлюз, скорбящие грузятся на подъемник — это обычная платформа, подвешенная на нитях из нановолокна — и сквозь пелену оранжевого тумана спускаются, раскачиваясь из стороны в сторону в такт шагам города. Наконец они оказываются на поверхности — неторопливо движущиеся фигуры в похожих на колокола шлемах, следующие каждый за своим светлячком.

Невероятная громада города маячит наверху подобно второму, более тяжелому небу, пересеченному трещинами и швами в местах соединения платформ. Отдельные части медленно вращаются, словно детали гигантского часового механизма. Городские ноги — целый лес многосуставчатых опор — снизу кажутся слишком хрупкими для такой тяжести. Мысль о падающем городе заставляет Исидора невольно поежиться, и он решает полностью сосредоточиться на светлячке.

Песок утрамбовался под ногами и механизмами Спокойных. Они повсюду — совсем крошечные, разбегаются по сторонам, освобождая Исидору путь, как будто он сам гигантский город. Есть терраформирующие Спокойные, они выше нормального человека, перемещаются группами и работают с окаменевшими водорослями и реголитом. Мимо проходит Спокойный-атлант, заставляя землю дрожать под ногами. Это огромная, как небоскреб, гусеничная машина с шестью манипуляторами, которая следит за балансом городских ног и безопасностью площадки для следующего шага. Вдали можно разглядеть воздушную фабрику, которая и сама словно небольшой город, установленный на гусеницы, а вокруг рой летающих Спокойных. Но светлячок не позволяет Исидору задерживаться. Он заставляет его быстрым шагом пересечь тень города и направляет прямо к отцу, помогающему строить противофобойные укрепления.

Рост отца теперь около десяти метров, и у него длинное, как у насекомого, туловище. Он со скрежетом вгрызается в

марсианский реголит, пропускает раздробленный камень через химический процессор, где порода смешивается с синтбиобактериями, и получает строительный материал для стены. Дюжина конечностей — тонких и проворных — направляет поток материала из похожего на клюв рта и слой за слоем выкладывает стену. Панцирь отца мерцает металлическим блеском, но в оранжевом свете кажется покрытым ржавчиной. На боку видна прореха и торчащий из нее зачаток конечности — след недавней стычки с фобоями.

Отец работает бок о бок с сотней других Спокойных. Они забираются на спины друг другу, чтобы увеличить высоту стены. Но участок отца отличается от других. Он покрыт рисунками и барельефами. Большую часть сразу же уничтожают Спокойные-механики, устанавливающие на стене оружие. Но отцу, похоже, все равно.

— Отец! — окликает его Исидор.

Спокойный прерывает работу и медленно поворачивается к сыну.

Металлический панцирь, остывая, издает звонкие щелчки и стоны. Исидора охватывает привычный страх, осознание того, что в один из дней ему *самому* придется оказаться внутри такого же тела. Отец нависает над ним в оранжевой пыли, словно подрубленное дерево, механизмы его рук постепенно замирают.

— Я принес тебе цветы, — говорит Исидор.

Букет состоит из любимых отцом высоких аргирских лилий. Исидор бережно кладет цветы на землю. Отец осторожно поднимает букет. Его челюсти снова приходят в движение, тонкие конечности исполняют стремительный танец, и Спокойный ставит перед Исидором крошечную статуэтку из темного строительного материала: улыбающийся человечек отвешивает поклон.

— Пожалуйста, — отвечает Исидор.

Некоторое время они стоят молча. Исидор переводит взгляд на осыпающийся барельеф стены, разглядывает лица и фигуры, созданные отцом. Среди них с любовью вырезанное в камне дерево, на ветвях которого множество большеглазых сов.

Возможно, Элоди права, думает он. *Это несправедливо.*

— Я должен тебе кое-что рассказать, — произносит Исидор.

Чувство вины, влажное и холодное, расползается по спине, плечам и животу скользким прилипалой. В его объятиях трудно даже разговаривать.

— Я совершил глупость, — признается Исидор. — Я беседовал с журналистом. Я был пьян.

Он испытывает слабость и садится на песок, не выпуская из рук статуэтку отца.

— Это непростительно. Мне очень жаль. У меня уже возникли проблемы, возможно, у тебя они тоже возникнут.

На этот раз появляются сразу две фигурки: рука более высокого человека лежит на спине второго.

— Я знаю, что ты мне доверяешь, — говорит Исидор. — Я просто хотел все тебе рассказать.

Он поднимается и разглядывает барельеф стены: бегущие кони, абстрактные фигуры, лица, Достойные, Спокойные. Скафандр пропускает внутрь дымный запах только что обработанного камня.

— Репортер спрашивал, зачем я пытаюсь разгадывать загадки. Я сказал ему какую-то глупость. — Он надолго умолкает. — Ты помнишь, как она выглядела? Она оставила тебе это?

Спокойный, угловатый, поблескивающий металлом, выпрямляется. Его формирующие конечности проходят вдоль ряда незавершенных женских лиц. Каждое немного отличается от остальных, демонстрируя попытки вернуть утраченное.

В памяти Исидора запечатлелся тот день, когда он не смог вспомнить лицо матери, когда закрылся ее гевулот. У него возникло странное ощущение *пустоты.* Прежде он все время чувствовал какую-то защищенность, был кто-то, кто знал, где он находится и о чем думает.

Спокойный создает еще одну композицию из песка: женщина без лица держит зонтик над двумя другими людьми.

— Я понимаю, ты думаешь, что она старалась нас защитить. Я не верю в это.

Он пинает скульптуру. Фигурки рассыпаются. И тут же возникает сожаление.

— Я не хотел этого делать. Прости.

Он снова смотрит на стену, на бесконечную работу отца.

Они все ломают, а он снова строит. Его работу видят только фобои.

Исидор неожиданно чувствует себя глупцом.

— Давай больше не будем о ней говорить.

Спокойный раскачивается, словно дерево на ветру. Затем создает две фигурки с узнаваемыми лицами, держащиеся за руки.

— Пиксил в порядке, — отзывается Исидор. — Я… Я не знаю, что из всего этого выйдет, но когда мы это поймем, я снова приведу ее повидаться с тобой.

Он опять садится и прислоняется спиной к стене.

— Почему ты не расскажешь мне, чем занимался?

Когда Исидор снова оказывается в городе, на ярком дневном свете, ему становится легче, и дело не только в том, что он

освободился от скафандра. Он несет в кармане первую из статуэток, и ее тяжесть действует на него успокаивающе.

Он позволяет себе пообедать в роскошном итало-китайском ресторане на Устойчивом проспекте. «Вестник Ареса» все еще транслирует его интервью, но на этот раз Исидор заставляет себя сосредоточиться на еде.

— Не расстраивайтесь, мистер Ботреле, — раздается чей-то голос. — Любая популярность полезна.

Исидор изумленно поднимает взгляд. По другую сторону стола сидит женщина. Его гевулот даже не отреагировал. У нее высокое, молодое, изготовленное на заказ тело, коротко стриженые волосы, а лицо отличается необычной красотой: крупный нос, полные губы и изогнутые брови. На ней белая одежда — ксанфийский жакет поверх дорогой имитации революционной формы. В ушах поблескивают два крошечных бриллианта.

Она кладет тонкие руки поверх газеты, и длинные пальцы выгибаются, словно спина кошки.

— Нравится ли вам слава, мистер Ботреле?

— Простите, не имею удовольствия…

Исидор снова посылает гевулот-запрос, чтобы узнать хотя бы, как ее зовут. Он даже не уверен, что ей было доступно его имя или что она могла видеть его лицо. Но вокруг женщины воздвигнута стена уединения, словно зеркальный барьер.

Незнакомка небрежно взмахивает рукой.

— Это не светская беседа, мистер Ботреле. Просто ответьте на мой вопрос.

Исидор смотрит на ее руки, сложенные поверх черно-белого снимка. Между ее пальцами он видит собственные безумные глаза.

— Почему это вас интересует?

— Не хотели бы вы расследовать дело, которое принесет вам *настоящую* славу? — В ее улыбке проскальзывает что-то ребяческое. — Мой наниматель уже некоторое время наблюдает за вами. Он никогда не пропускает таланты.

Исидор уже достаточно владеет собой, чтобы размышлять и обращаться к экзопамяти. Женщина отлично чувствует себя в своем теле, а это означает, что она довольно давно стала Достойной, возможно, слишком давно, чтобы выглядеть так молодо. В ее речи слышится акцент уроженки медленногорода, впрочем, тщательно скрываемый. Или, возможно, скрываемый ровно настолько, чтобы Исидор его заметил.

— Кто вы?

Она складывает газету пополам.

— Вы узнаете это, если примете наше предложение. — Женщина отдает ему газету, а вместе с ней короткое разделенное воспоминание. — Хорошего дня, мистер Ботреле.

Затем она встает, сверкнув улыбкой, и уходит, превратившись в серое пятно гевулота в толпе прохожих.

Исидор открывает послание, и в его сознании мелькает смутная ассоциация. Указано место и время. А также имя — *Жан ле Фламбер.*

Интерлюдия
ОДЕРЖИМОСТЬ

Идея вломиться в синагогу принадлежит Исааку. Но возможность проникнуть внутрь обеспечивает, конечно, Поль. Это он нашептывает что-то в оформленный в виде раковины белый гевулот здания, пока тот не показывает ему одну из дверей под высокой аркой с затейливо расписанной штукатуркой.

— После вас, рабби, — говорит Поль, отвешивая шутливый поклон и едва не спотыкаясь.

— Нет, после вас, — настаивает Исаак. — Или, черт возьми, войдем вместе.

Он кладет руку на плечо молодого человека, и они бок о бок входят в святилище.

Они пили четырнадцать часов. Исааку нравится грубое воздействие алкоголя, вызывающее шум в голове, это намного лучше, чем изощренные наркотики. Стремительно уменьшающаяся трезвая часть его сознания воспринимает это скорее как традицию, нежели реальный процесс, — тысячелетняя культура отравления алкоголем, почитание Бахуса, заложенное в его изготовленном в Ублиетте теле.

В любом случае важно то, что мир вокруг теперь подчиняется странной, искаженной логике, и сердце в груди бьется так, что Исаак готов взобраться на одну из защитных стен и прокричать вызов мрачным порождениям марсианской пустыни. Или сразиться с самим Богом, в чем и состояло его первоначальное намерение.

Но тихое святилище синагоги, как всегда, заставляет его почувствовать себя ничтожным. Негасимый свет — яркая ку-сфера — горит над дверцами ковчега, и его сияние смешивается с первыми лучами рассвета, проникающими сквозь золотисто-голубые узоры витражных окон.

Исаак садится на стул лицом к кафедре, вынимает из кармана куртки походную металлическую фляжку и встряхивает ее. Судя по звуку, сосуд полупустой.

— Ну, вот мы и на месте, — говорит он Полю. — Что ты задумал? Рассказывай. В противном случае мы потратили уйму выпивки впустую.

— Хорошо. Но сначала ответь мне: зачем нужна религия? — спрашивает Поль.

Исаак смеется.

— А зачем алкоголь? Раз попробуешь, а потом очень трудно отказаться. Он открывает фляжку и делает глоток. Водка обжигает язык. — Кроме того, это путь избранных, друг мой: тысяча всевозможных правил, которые ты должен просто принять, ибо все они иррациональны. И никакого детского лепета о том, что будешь спасен, если просто веришь. Ты должен как-нибудь попытаться.

— Спасибо, но я отказываюсь. — Поль направляется к дверям ковчега, и на его лице появляется странное выражение. — Прекрасный звук законов нарушенья, — бормочет он. Затем оборачивается. — Исаак, ты знаешь, почему мы с тобой друзья?

— Потому что я ненавижу тебя не так сильно, как остальных идиотов, которых этот гнусный марсианский город тащит на своей спине, — отвечает Исаак.

— Потому что у тебя нет ничего, что я мог бы захотеть.

Исаак смотрит на Поля. В свете витражей и сквозь туман водочного опьянения он кажется очень юным. Исаак вспоминает их первую встречу: спор в баре для приезжих из других миров, вышедший из-под контроля. Когда застарелая ярость Исаака стала вырываться из него, словно кашель, началась драка, во время которой он с радостью заметил, что молодой парень рядом с ним не прячется под гевулотом.

Некоторое время Исаак молчит.

— Позволю себе не согласиться, — наконец произносит он, поднимая флягу. — Вот, подойди и возьми. — Он долго и громко смеется. — Серьезно, что тебя гложет? Я знаю, из-за чего бывают эти продолжительные возлияния. Только не говори, что это опять из-за девчонки.

— Может быть, — отзывается Поль. — Я сделал глупость.

— Ничего другого я и не ожидал, — говорит Исаак. — Хочешь получить от меня взыскание? Или хочешь, чтобы Бог тебя наказал? Я с радостью выполню твое желание. Подойди поближе, чтобы я смог тебя отшлепать.

Он пытается подняться, но ноги не слушаются.

— Слушай, ты, сумасшедший ублюдок. Я не врезал тебе при первой встрече только по одной причине: я увидел одержимость. Я не знаю, что тобой владеет, но ты не можешь этого от меня скрыть. Для меня все вокруг просто стереотипы: червяки в голове,

религия, поэзия, каббала, Революция, федоровская философия, выпивка. Для тебя — нечто другое. — Исаак нащупывает фляжку в кармане, но руки оказываются слишком большими и неуклюжими, словно в рукавицах. — Что бы это ни было, ради этого ты собираешься отказаться от чего-то хорошего. Избавься от этого чувства. Не повторяй мою ошибку. Отрекись.

— Я не могу, — отвечает Поль.

— Почему? — спрашивает Исаак. — Больно будет только один раз.

Поль прикрывает глаза.

— Есть…*кое-что.*Оно сильнее меня. Я думал, что сумею избавиться от этого, но не сумел: всякий раз, когда я хочу заполучить какую-то вещь, это нечто приказывает мне взять ее. И я могу это сделать. Это несложно. Особенно здесь.

Исаак смеется.

— Не стану притворяться, что я что-нибудь понял. Все это какая-то чужеземная чепуха. Воплощенное познание. Множество разумов и тел и прочая чушь. А по-моему, ты похож на маленького хнычущего мальчишку, у которого слишком много игрушек. Избавься от них. Если не можешь их уничтожить, запри где-нибудь, откуда очень трудно достать. Так меня когда-то давно, еще на Земле, отучили грызть ногти. — Исаак откидывается назад и чувствует, что съезжает по гладкому деревянному сиденью. Его взгляд останавливается на резных львах, украшающих потолок. — Будь мужчиной. Будь выше своих игрушек. Мы всегда выше вещей, которые делаем. Откажись от них. Начни что-то новое, используй собственные руки и мозги.

Поль садится рядом с ним и смотрит на двери ковчега. Затем вытаскивает из кармана Исаака флягу и пьет.

— И как все это помогло тебе самому?

Исаак дает ему пощечину. И, к собственному удивлению, не промахивается. Поль роняет фляжку и изумленно смотрит на него, держась одной рукой за горящую щеку и ухо. Фляжка со звоном подпрыгивает на полу, расплескивая остатки содержимого.

— Нет, ты посмотри, что ты заставил меня сделать, — говорит Исаак.

Глава восьмая
ВОР И ПИРАТЫ

Музей современного искусства находится ниже уровня улиц. Это комплекс прозрачных туннелей, балконов и галерей, опоясывающий чресла города затейливым стеклянным поясом. Подобное расположение обеспечивает великолепное освещение экспонатов и удивительный вид на ноги города, вышагивающие по кратеру Эллада.

Мы переходим из одной галереи в другую с недолговечными стаканчиками кофе в руках. Я наслаждаюсь экскурсией, предметы искусства всегда действовали на меня успокаивающе, несмотря на то, что в последних работах, демонстрирующих всплески цвета и острые углы, заметна откровенная агрессивность и жестокость. Но Миели скучает. Изучая серию акварелей, она что-то мурлычет себе под нос.

— Ты не слишком большая поклонница живописи?

Она негромко смеется.

— Искусство не должно быть *плоским,* или мертвым, как это, — говорит Миели. — Оно должно *звучать.*

— Мне кажется, в таком случае его назвали бы музыкой.

Она бросает на меня испепеляющий взгляд, и после этого я предпочитаю помалкивать, рассматривая молоденьких студенток, изучающих живопись, с не меньшим вниманием, нежели работы старых абстракционистов.

Спустя некоторое время мы начинаем замечать гогол-пиратов.

От своего нанимателя Миели получила общедоступные ключи агентов Соборности и послала им разделенное воспоминание. Идея назначить встречу в музее принадлежала мне. Здесь отличная структура гевулота с достаточно просторными агорами вокруг экспозиций, что должно было предотвратить насилие, но в то же время имеются и уединенные уголки для спокойных переговоров. Однако я не ожидал, что гогол-пираты явятся в таком количестве.

Маленькая девочка, рассматривающая картину со стадом грациозных слонов, которые пасутся в долине Нанеди, притрагивается к кончику носа точно так же, как это делает проходящая мимо парочка, держащаяся за руки. Этот же жест повторяет высокая студентка в футболке с глубоким вырезом, на котором я не мог не задержать взгляд. И целое семейство, возглавляемое отцом с редеющими рыжеватыми волосами, который смеется в унисон со своим сыночком. И еще многие из

окружающей нас толпы. Как я понимаю, они приоткрывают гевулот ровно настолько, чтобы продемонстрировать нам свое присутствие. Странно, но подобный прием кажется мне знакомым еще по давней человеческой жизни на Земле.

— Они ведут нас, — шепчет мне Миели. — Туда.

В конце концов мы оказываемся на обширном балконе, отделенном от основного пространства музея стеклянными дверями. Посреди широкого мелкого бассейна — фонтан с тремя скульптурами. Они напоминают тотемы, выполненные из острых металлических и органических деталей, которые — как я узнал из небольшого сопутствующего воспоминания — являются списанными в утиль частями тел Спокойных. Из стыков медленно капает вода, и этот звук мог бы действовать умиротворяюще, если бы не вызывал мысли о крови.

На балконе собралось около двух десятков человек, и одна группа прочно обосновалась у самых дверей, перекрывая путь к бегству.

К моему удивлению, скульптуры заинтересовывают Миели, и она стоит возле них, пока я не касаюсь ее руки.

— Я думаю, пора начинать.

— Хорошо, — соглашается она. — Только помни, что все переговоры веду я.

— Пожалуйста.

К нам подходит маленькая темнокожая девочка, лет шести. На ней ярко-голубое платье, а волосы собраны в хвостики, торчащие по обе стороны головы. Она потирает кончик носа уже очень хорошо знакомым нам жестом.

— Вы из другого мира? — спрашивает она. — Откуда? Меня зовут Анна.

— Привет, Анна, — отвечает Миели. — Мы среди друзей, так что нет необходимости сохранять маскировку.

— Осторожность никогда не помешает, — бросает длинноногая студентка, не поднимая головы от своего альбома с эскизами.

— У вас есть ровно одна минута, чтобы объяснить, как вы нас нашли, — подхватывает женщина в разноцветной одежде, стоящая у перил балкона за руку с молодым человеком.

— Иначе мы сами начнем это выяснять, — добавляет Анна.

— Я уверена, вы ничего не станете предпринимать здесь, — говорит Миели. — В музее полно агор.

— Мы давно привыкли иметь дело с агорами, — усмехается Анна. — Пятьдесят секунд.

— Я работаю на того, кто служит вашему копи-отцу, — объясняет Миели. — Нам требуется помощь.

— Покажите печать, — требует рыжеволосый отец семейства, одновременно стараясь успокоить плачущего младенца.

— Мы рады служить, — подхватывает студентка. — Но сначала покажите печать.

На балконе повисает напряжение. Кое-кто из гогол-пиратов продолжает разговаривать, смеяться и указывать на статуи, но все взгляды обращены в нашу сторону.

— Для достижения Великой Всеобщей Цели необходимо соблюдение тайны, и вам это известно лучше, чем мне, — отвечает Миели. — Мы сумели вас отыскать. Разве это недостаточное доказательство?

— Дорогая, нам требуется нечто более существенное. Мы василевы. Немногие стремятся к достижению Великой Всеобщей Цели с такой же страстью, как мы. — Анна своей маленькой ручкой хватает край одежды Миели. — И мы не собираемся прыгать только потому, что некто, служащий ничтожному клану не-Основателей, щелкает пальцами. — Она улыбается, демонстрируя неровный ряд белоснежных квадратных зубов. — Время заканчивается. Может, нам пора заглянуть в твою хорошенькую головку?

— Нам не так уж много надо, — говорит Миели. — Всего лишь инструменты для имитации гевулота, идентификации марсианской личности…

— Так вы *конкуренты?* — спрашивает рыжеволосый отец семейства. — С какой стати нам с вами делиться?

Миели напряжена. Все это может закончиться скверно. Представители Соборности не сильны в переговорах: если твое поведение полностью определено схемой копи-клана, простора для творчества уже не остается. Именно поэтому они мне и нравятся. Я вспоминаю, где в последний раз видел нужную улыбку, жесты, слышал подходящий тон. Это было на Земле, несколько столетий назад, в баре, где я пил с хакерами и спорил с ними о политике. И кто же еще там был? *Ах, да.* Матчек. Маленький и злой Матчек, впоследствии ставший богом Соборности.

Я меняю позу, как будто стараюсь казаться выше, отвожу плечи назад, принимаю выражение праведного негодования.

— Вам известно, кто я такой?

По лицам василевов пробегает страх. Студентка роняет свой альбом, и он с плеском падает в бассейн. *Есть!*

— Моим служителям нет необходимости давать объяснения. И, думаю, мне не надо представляться. Великая Всеобщая Цель требует *веры.* Вам ее явно не хватает.

Миели смотрит на меня, вытаращив глаза.

Просто подыгрывай, шепчу я ей по биотической связи. *Потом я все объясню.*

— Или для того, чтобы узнать пришедшего к вам Основателя, вам нужны какие-то печати и символы? Мне требуются инструменты. Я выполняю здесь миссию. Во имя достижения Цели нам порой приходится оказываться в самых неожиданных местах, и потому я прибыл неподготовленным. Вы немедленно предоставите мне все необходимое.

— Но… — пищит Анна.

— У меня с собой фрагмент Дракона, — зловещим шепотом произношу я. — Хочешь стать его частицей?

На несколько мгновений воцаряется тишина. А затем в голову мне ударяет поток информации. Я ощущаю, как тело Соборности распознает данные и сохраняет их в памяти. Шаблоны личности, имитаторы ощущений гевулота, принципы защиты: все, что необходимо для создания фальшивой персоны в Ублиетте. *Надо же, это действительно сработало…*

Внезапно Анна вздрагивает, и ее взгляд стекленеет. Поток информации обрывается так же неожиданно, как и возник. Не выходя из образа, я обвожу взглядом собравшихся, стараясь изобразить царственное неудовольствие.

— Что это означает? Разве я не ясно выразился?

— Абсолютно ясно, мистер ле Фламбер! — хором восклицают василевы. — А теперь стой смирно. Наши друзья хотят с тобой поговорить.

Черт.

Я поворачиваюсь к Миели, чтобы сказать, что уже получил все необходимое и что ей пора вытаскивать нас отсюда, но, прежде чем успеваю закончить мысль, начинается фейерверк.

Миели наблюдает за гамбитом вора со смесью изумления и возмущения. Она встречалась с Матчеком Ченом, и вор в совершенстве копирует его голос и жесты. Для разумов Соборности, заключенных в украденные тела марсиан, это все равно, что оказаться в присутствии богоподобного существа. А их последующая атака преисполнена ярости истинно верующих, столкнувшихся с еретиком. *К дьяволу осторожность. Я всех их уничтожу.*

Метамозг пробуждается. В первую очередь Миели замедляет время, чтобы иметь возможность подумать, а затем погружается в боевую сосредоточенность.

«Перхонен». Зондирование.

Корабль, находящийся на огромной высоте, посылает заряд слабо взаимодействующих экзотических частиц. Перед Миели

проступают структурные очертания василевов. Ее метамозг классифицирует скрытое оружие. Гостганы. Оружие Соборности с пулями, поражающими разум. *Проклятье.* Мысленным приказом она приводит в боевую готовность собственное оружие.

В ее правой руке имеется ку-винтовка, линейный ускоритель, стреляющий полуавтономными когерентными зарядами. В левой руке установлена ку-винтовка с комплектом наноракет: в каждой содержится боевой гогол, готовый поразить вражеские системы, наводнить их своими копиями. Программируемый слой под эпидермисом становится броней, ногти приобретают алмазную твердость. Термоядерный реактор в правом бедре наращивает мощность. Процессор Нэша выбирает оптимальную последовательность целей и укрытие для вора.

Огневая поддержка, командует она «Перхонен». *По моему сигналу.*

Мне придется переменить позицию, отвечает корабль. *Предвижу проблемы со Спокойными на орбите.*

Выполняй.

Миели чувствует себя на грани гибели. Она должна сражаться в одиночку, любой другой вариант стал бы предательством по отношению к памяти предков. В случае неудачи второго шанса не будет. Порой эта грань определяет все, особенно в случае борьбы против Соборности.

Гогол-пираты тоже активизируются. Но это внедренные агенты, их синтбиотические тела не обладают достаточным уровнем боевой оснащенности. Тем не менее у них имеются гостганы, встроенные в глаза, руки и туловища. Уже через десять миллисекунд они выпускают первый залп, на их лицах, словно мерцающий макияж, зажигаются инфракрасные огоньки, и вылетают наноракеты. Усовершенствованным зрением Миели видит, как помещение покрывается смертоносной паутиной лучей.

Она хватает вора и швыряет его к основанию средней статуи, в прореху этой паутины. И в то же время выпускает залп ку-частиц. Она будто рисует пальцами в воздухе — очередной взмах оставляет после себя светящийся след. Каждая частица, представляющая собой конденсат Бозе-Эйнштейна, несет заряд энергии и квантовой логики и становится продолжением мысли Миели, словно бесплотная конечность. Тремя частицами, словно бичом, она сметает летящие снаряды, разрывая опасную паутину и обеспечивая себе пространство для маневра. Еще две направлены в толпу василевов и готовы взорваться вспышками когерентного излучения.

Ракеты василевов реагируют и нацеливаются на нее.

Некоторые меняют траекторию и направляются к вору. Группа василевов разделяется в попытке уклониться от летящих кучастиц, но слишком медленно. Заряды вспыхивают белыми лазерными звездами, освещающими галерею, плавящими стекло, синтбиотические тела и бесценные предметы искусства.

Миели устремляется вперед. Воздух кажется шелковисто-гладким. Даже в состоянии боевой сосредоточенности свобода движений вызывает у нее восторг. Миели уклоняется от ракет, оставляя следы на поверхности воды, и, как будто в задумчивости, пробивает рукой живот студентки.

Все набрасываются на нее: Анна, семейство в полном составе, женщина в слишком яркой одежде и еще трое других. Из их пальцев бьют расщепляющиеся лучи, которые поражают ткани вибрацией. Один хлещет Миели по спине. Защитное снаряжение выжигает поврежденный слой, и на мгновенье у нее вырастают огненные крылья.

Миели задает своему гостгану простейшую программу обороны и стреляет в противников: один, два, три — вору требуется дополнительная защита. Она поражает двух. Гост-гоголы овладевают разумом василевов и бросают их навстречу нацеленным в вора ракетам.

Миели отклоняет расщепляющийся поток и направляет его на Анну. Молекулярные стрелы разрывают клетки ее плоти, и туловище девочки взрывается облаком пыли. Последнюю кучастицу Миели посылает в глаз рыжеволосого мужчины. Несколько василевов еще ведут ответный огонь. Броня стонет под ударами гостганов. Сжав зубы, Миели перехватывает один из снарядов и зажимает его в кулаке. В нем содержится копия разума василева — позже можно будет задать ему несколько вопросов.

Василевы бросаются на нее всей толпой: целая гора управляемой синтбиотической плоти, которая не реагирует на удары — кулаки Миели погружаются в противников, словно в туман. Ее голова уже прижата к полу. Миели посылает «Перхонен» координаты. *Давай.*

Налетевший с неба огонь отсекает балкон, словно скальпелем. Раздается скрежет металла. Откуда-то сверху крылья «Перхонен» орошают врагов пылающим светом.

Внезапное ощущение свободного падения кажется возвращением домой. Миели пробирается сквозь кровавый туман и исковерканные тела, находит вора и крепко хватает его. А затем раскрывает крылья. Как всегда, это чувство распускающихся за плечами бутонов переносит ее в детство, когда она летала по ледяным лесам в своем кото, гоняясь за пара-пауками. Но теперь

ее крылья стали сильнее и даже в этом тяжеловесном городе способны нести не только ее саму, но и вора.

Они вдвоем пробивают потолок галереи. Искореженные, горящие обломки балкона и останки василевов падают под ноги города.

Жаль статуй, думает Миели.

Мир превращается в хаос, заполненный взрывами и запахом горящей плоти. Я моргаю, и мое тело ударяется о камни. На голову обрушивается стаккато ударов. Потом я пробиваю стекло, Миели держит меня, и мы *летим.* Внизу полыхает огонь, а вокруг свистит ветер, словно в аэродинамическом туннеле.

Я кричу. Потом падаю. Примерно с метровой высоты. При марсианской силе тяжести. Приземляюсь на спину, перед глазами пляшут разноцветные искры. Я беспомощно открываю рот, не в силах восстановить дыхание.

— Прекрати, — приказывает Миели.

Она стоит на коленях рядом со мной, и два *крыла* медленно складываются у нее за спиной — два серебристых каркаса с тонкой, как паутина, сеткой, разделенные прозрачной мерцающей пленкой, похожей на ткань в крыльях «Перхонен». Через мгновение они исчезают.

— Черт, — выдавливаю я, как только снова начинаю дышать.

Мы находимся на слегка покатой крыше, где-то на окраине города. Столб огня и дыма на горизонте отмечает то место, где мы были всего несколько секунд назад. Над полем боя, словно стая воронов, уже кружат наставники.

— Черт, черт, черт.

— Я же тебе сказала, прекрати, — произносит Миели, поднимаясь на ноги.

Ее одежда изорвана в клочья, и в прорехах видна гладкая смуглая кожа. Она замечает мой взгляд и поворачивается спиной, а ткань начинает восстанавливаться.

— Ч… — Я со свистом втягиваю воздух. — Ублюдки. Им кто-то сказал. Кто мы такие. Кто-то знал.

Милые голубки, говорит «Перхонен». *Я рада, что у вас все в порядке, но не рассчитывайте меня услышать в ближайшие нескольких часов. Я должна незаметно покинуть занимаемую позицию: орбитальные Спокойные, какими бы глухими и слепыми они ни были, не могли не заметить лазерные лучи, направленные на их планету. Я дам вам знать, когда вернусь. Будьте осторожны.*

— Что там произошло? — спрашиваю я у Миели.

— Они атаковали. Пришлось попросить «Перхонен» принять экстренные меры. Согласно регламенту.

— Так все они убиты?

— Уничтожены. Без дальнейшей возможности восстановления экзопамяти. Если даже их воскресят, они нас не вспомнят. Это были тайно внедренные василевы, без оборудования для нейтринной связи.

— О господи. Есть какие-нибудь сопутствующие разрушения?

— Только предметы искусства, — отвечает Миели, и я никак не могу понять, шутит она или нет. — Но ты ведь получил то, зачем мы пришли, не так ли?

Я обращаюсь к данным, перекачанным в мою память девчонкой-пиратом. Некоторые фрагменты утрачены, но самое важное осталось.

— Да. Мне надо будет все это изучить. — Я потираю виски. — Послушай, что-то происходит. Нет ли какой-то двойной игры, в которой замешан твой наниматель из Соборности? Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет.

Ее ответ пресекает любые дальнейшие расспросы.

— Ладно, придется предположить, что это были местные интриги. Нам нужно этим заняться.

— Этим займусь *я*. А *тебе* необходимо сосредоточиться на миссии.

Я медленно поднимаюсь. Мое тело не пострадало — ни одной сломанной кости — но оно реагирует так, словно сплошь покрыто синяками. — Да, вот еще что.

— Что?

— Тебе не кажется, что моему телу недостаточно одной лишь способности исцеляться? Если уж мне предстоит создать новую личность, потребуется большая гибкость. Даже для того, чтобы отыскать эту девчонку, Раймонду, нужны не только глаза и уши. Не говоря уже о моделировании гевулота или *выживании* в случае новой встречи с нашим многоголосым приятелем.

Миели пристально смотрит на меня, потирая руки. Кожа очищается, и с ладоней слетают хлопья высохшей крови.

— Да, кстати, благодарю за спасение моей задницы, — добавляю я. Я знаю, что подобные усилия напрасны, но придаю немного теплоты — почти искренней — своему взгляду и дарю ей лучшую из своих улыбок. — Ты должна дать мне возможность отплатить тебе за эту услугу.

Миели хмурится.

— Хорошо. Когда вернемся, я посмотрю, что можно сделать. А теперь давай выбираться отсюда. Я уверена, что мы не оставили никаких следов за пределами гевулота, но на наставников эти правила не распространяются. Я не хочу после всего этого драться

еще и с*нами*.

— Мы полетим?

Миели цепко хватает меня за плечо и подтаскивает к краю крыши. Улица метрах в ста под нами.

— Можешь попробовать, если хочешь, — говорит она. — Но в твоем теле *не предусмотрены* крылья.

Ночью в отеле я делаю себе новое лицо.

Мы возвращались кружным путем, под полностью закрытым гевулотом, охватывающим еще и часть городских достопримечательностей — настоящая паранойя, как будто под гевулотом нас невозможно узнать, но Миели настаивает на этом. Кроме того, она сооружает нечто вроде защитного заграждения — из ее пальцев вылетают маленькие светящиеся точки, которые проверяют все окна и двери.

— Не прикасайся к ним, — предупреждает она, хотя в этом нет никакой необходимости.

А потом она творит настоящее волшебство — за это мне хочется ее расцеловать. И я бы так и сделал, если бы в голове не мелькали отрывочные воспоминания о том, как она вырвала руку из тела девчонки и с ее помощью забила насмерть трех противников. Так или иначе, Миели на мгновение прикрывает глаза, и в моей голове раздается *щелчок*. Ничего особенного, нет даже намека на ту свободу, которой я недолго обладал во время борьбы против архонтов, но это уже кое-что. Более полное осознание самого себя, ощущение контроля. Теперь я знаю, что сеть ку-частиц — искусственных атомов, способных принять любую форму и любые физические свойства, — под кожей этого тела может имитировать эпидермис любого цвета, фактуры и вида.

Миели заявляет, что ее системы нуждаются в подзарядке, что ей необходимо устранить кое-какие повреждения, и потому рано уходит спать. «Перхонен» молчит, без сомнения играя в прятки с орбитальными часовыми или вламываясь в их системы, чтобы внедрить убедительные оправдания тому, что ее на какое-то время потеряли из вида. И я остаюсь в полном одиночестве, чего не случалось с самого побега из Тюрьмы.

Мне это нравится; некоторое время я просто сижу на балконе, любуюсь видом ночного города и на этот раз потягиваю односолодовое виски. Этот напиток всегда способствовал самоанализу — пауза после глотка, долгое послевкусие, дающее возможность насладиться оставшимся на языке ароматом.

Я мысленно один за другим раскладываю полученные инструменты.

Гевулот несовершенен. В нем попадаются петли — фрагменты, где узел, содержащий воспоминание, событие или личность, имеет более одного источника. Это означает, что в некоторых случаях, раскрывая гевулот на каком-то невинном воспоминании о вкусе или интимном моменте, можно обнажить целые пласты экзопамяти индивидуума. У гогол-пиратов оказалась особая программа, которая копирует древовидную систему гевулота, определяет ключевые узлы в процессе разговора.

Есть еще одна программа, позволяющая вторгаться в квантовую связь между Часами и экзопамятью. В этом случае требуется огромная мощность и квантовая электроника: на эту тему надо поговорить с «Перхонен». И безупречный имитатор гевулота, которым я и намерен немедленно воспользоваться. Кроме того, обнаружился целый набор общедоступных/персональных ключей и пустые пласты экзопамяти, из которых можно выбрать. Мне не хочется думать о том, как они были получены, но, по крайней мере, грязную работу за нас сделали другие. Некоторые пласты фрагментарны из-за внезапного прерывания загрузки, однако и того, что есть, пока достаточно.

Подготовка к превращению в другое существо вызывает во мне трепет предвкушения, наслаждение собственной властью. Вероятно, в моей жизни уже были моменты, когда я из одной личности перевоплощался в другую: постгуманоида, зоку, обыкновенного человека или представителя Соборности. И одно это уже вызывает у меня страстное желание снова быть королем воров.

Я открываю Часы и еще раз смотрю на снимок.

Кем я должен стать для тебя, Раймонда? Кем я был для тебя прежде?

Ее улыбка не дает ответа, и я защелкиваю крышечку, допиваю виски и начинаю разглядывать себя в зеркале в ванной комнате.

Мой вид — глаза под тяжелыми веками, проблеск седины в волосах — снова наводит меня на мысль о нанимателе Миели. Должно быть, она знала меня очень давно. Но, кем бы она ни была, Тюрьма лишила меня этой части воспоминаний. Несколько мгновений я с удовольствием разглядываю свое отражение. Я не страдаю нарциссизмом, но люблю зеркала за их способность передавать внутреннюю сущность через внешние черты. В конце концов я решаюсь испытать свое тело. *Стань немного моложе,* приказываю я ему. *Немного выше, с высокими скулами и более длинными волосами.* Отражение в зеркале подергивается рябью, словно вода, и трепет предвкушения сменяется ликованием.

— Тебе все это нравится, верно? — раздается голос.

Я отрываюсь от зеркала и оглядываю комнату, но поблизости никого нет. А голос кажется невероятно знакомым.

— Я здесь, — говорит мое отражение.

Это молодой человек со снимка, привлекательный, темноволосый, улыбающийся. Он слегка наклоняет голову, осматривая меня сквозь стекло. Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до него, но изображение не двигается. Как и при встрече с мальчишкой на агоре, меня охватывает ощущение нереальности происходящего.

— Ты думаешь о ней, — замечает он. — А это означает, что ты снова намерен с ней поговорить. — Он печально вздыхает. — Тебе надо кое-что узнать.

— Да! — кричу я ему. — Где мои воспоминания? К чему все эти игры? Что означают те символы…

Он игнорирует мои вопросы.

— Мы действительно думали, что она та самая. Что в ней наше спасение. И некоторое время так оно и было. — Он касается стекла с противоположной стороны, повторяя мой недавний жест. — Знаешь, я немного завидую тебе. Тебе предстоит попытаться снова. Но запомни, что в прошлый раз мы очень плохо с ней обошлись. Мы не заслуживаем второго шанса. Постарайся не разбить ей сердце, а если все же разобьешь, убедись, что есть кто-то, кто мог бы собрать осколки.

Потом усмешка возвращается на его лицо.

— Я уверен, ты теперь меня ненавидишь — слегка. Но это дело и не должно было быть легким. Я затруднил поиски не из-за тебя, а ради себя самого. Как алкоголик, который запирает выпивку в подвале и выбрасывает ключ. Но ты здесь, значит, я плохо старался. Мы оба здесь. Передавай ей привет.

Он вынимает Часы, те самые, которые держу я, и смотрит на них.

— Что ж, мне пора. Развлекайся. И не забудь, ей нравится летать на воздушном шаре.

Он исчезает, и в зеркале появляется мое собственное новое отражение.

Я сажусь на стул и начинаю превращаться в нового человека для первого свидания.

Глава девятая
СЫЩИК И ПИСЬМО

Позже тем же вечером Исидор принимает присланное в коротком разделенном воспоминании приглашение и направляется в Черепаший парк. По узкой песчаной тропинке

Исидор проходит через заросли сосен и вязов и за деревьями обнаруживает замок.

Это самое большое отреставрированное здание эпохи Королевства, которое он видел, за исключением Олимпийского дворца. Просто поразительно, что оно скрыто от посторонних взглядов пеленой гевулота. Последние лучи заходящего солнца скользят по двум башням, которые наклонены вправо и влево наподобие восточных кинжалов. Длинная голубоватая тень замка накрыла огромный цветник, разбитый с геометрической точностью. Растения образуют разноцветные треугольники и многоугольники, словно садовник намеревался доказать теорему Эвклида. Только через несколько мгновений Исидор понимает, что перед ним дорические солнечные часы с тенью более высокой башни в качестве стрелки.

Вокруг замка высокий железный забор с воротами. За ними в ожидании застыл Спокойный. Это необычное существо: человекообразное, не выше нормального мужчины, в расшитой серебром голубой ливрее, золотистой маске и перчатках, скрывающих острые углы и края. Он напоминает Исидору увешанные драгоценностями манекены в имитации Королевства. Спокойный, естественно, молчит, но Исидор считает необходимым что-нибудь сказать.

— Я Исидор Ботреле, — говорит он. — Меня ждут.

Спокойный без слов открывает ворота и ведет его к замку. Они проходят мимо лилий, роз и более экзотических цветов, узнать которые Исидор может, только обратившись к экзопамяти.

Небольшую лужайку, где стоит похожая на пагоду беседка, заливает золотистый солнечный свет. Светловолосый молодой человек — почти мальчик, шести или восьми марсианских лет — сидит внутри с книгой. Перед ним опустевшая чайная чашка. Простая Революционная форма сидит на нем слишком свободно. Тонкие брови на детском пухлом личике сосредоточенно сдвинуты. Спокойный-слуга останавливается и звонит в серебряный колокольчик. Юноша медленно поднимает голову и с преувеличенной осторожностью встает из-за стола.

— Дорогой мой! — восклицает он, протягивая руку. В ладони Исидора его пальцы кажутся фарфоровыми. Он выше, чем Исидор, но почти болезненно худ — обычная для Марса фигура в своем крайнем воплощении. — Как замечательно, что вы смогли прийти. Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

— Садитесь, садитесь. Как вам понравился мой сад?

— Впечатляюще.

— Да, мой садовник настоящий гений. Очень скромный

человек, но гений. Эта черта присуща и многим другим людям, обладающим редким талантом, таким, как ваш.

Исидор некоторое время молча смотрит на него и пытается отделаться от ощущения тревоги. Это не отсутствие уединения, как в Пыльном районе, а какая-то неустойчивость, словно покров гевулота вот-вот порвется.

— А вы достаточно гениальны, чтобы догадаться, кто я? — улыбается молодой человек.

— Вы Кристиан Унру, — отвечает Исидор. — Миллениэр.

Выяснить это было несложно, но Исидор потратил полдня, просматривая общественную экзопамять и сравнивая информацию с фрагментом разделенной памяти, оставленным ему женщиной в белом. Унру — если его действительно так зовут — скрытный человек даже по меркам Ублиетта: кроме того, что он очень молод, трудно отыскать какие-нибудь сведения. Его имя обычно упоминается в газетах в связи с социально значимыми событиями или крупными сделками. Ясно одно — времени у него не меньше, чем у Бога.

— Вы разбогатели на посредничестве через гевулоты, операциях, разрешенных Голосом несколько лет назад. И, очевидно, вас что-то беспокоит. Гогол-пиратство?

— О нет. Я обычный человек во всех отношениях, кроме накапливания Времени. Можно назвать это защитным механизмом. А беспокоит меня вот это.

Унру протягивает Исидору листок дорогой белой бумаги с несколькими словами, начертанными элегантным плавным почерком. Письмо гласит:

> Дорогой мистер Унру.
>
> В ответ на ваше не присланное приглашение с удовольствием сообщаю, что буду рад посетить ваш прием «Carpe diem»[32] 28-го Вришики, в 24–00. Со мной будет еще один гость.
>
> *Ваш покорный слуга, Жан ле Фламбер.*

О ле Фламбере Исидор размышлял весь день. В экзопамяти Ублиетта о нем не было почти никакой информации. В конце концов он потратил Время на дорогого информ-агента, который отваживался заглядывать в Царство за пределами информационного пространства Ублиетта. То, что он раздобыл, можно назвать смесью фактов и легенд. Никаких актуальных воспоминаний или описаний жизни, никаких видео- и аудиоматериалов. Фрагменты сообщений, относящиеся к эпохе до Коллапса, и сетевые дискуссии о выдающемся преступнике,

действовавшем в Лондоне и Париже. Фантастические истории о солнечном заводе, украденном у Соборности, о взломе электронного мозга *губерний;* подозрительные операции в ирреальном Царстве.

Все это не могло относиться к одной личности, возможно, это копи-семейство. Или мем — что бы это слово ни означало в других частях Системы — которым преступники отмечали свои злодеяния. В любом случае это какой-то розыгрыш.

Исидор возвращает записку.

— Ваш прием «Carpe diem»? Это через неделю.

— Да, тысяча лет растрачивается быстро, особенно в наши дни, — улыбается Унру. — Я отказываюсь от большей части своего Времени, и некоторой долей будет распоряжаться моя помощница Одетта, с которой вы уже встречались.

— Я понимаю, для нашего поколения это редкость — не протестовать против этой несправедливости, но я в некотором роде идеалист. Я верю в Ублиетт. Я провел в этом теле восемь великолепных лет и теперь готов отдать свой долг в качестве Спокойного. Но я, конечно, хочу закончить этот период с шиком. Использовать напоследок все свои возможности. — В его словах звучит неожиданная горечь.

Спокойный-слуга приносит изящные фарфоровые чашки с чаем. Унру с наслаждением смакует напиток.

— Кроме того, ощущение конца придает чувствам особую остроту, не правда ли? Мне кажется, именно об этом думали наши отцы и матери, основатели. Изведать все — вот чего я хотел. До того момента, как пришла эта записка.

— Как она к вам попала?

— Я обнаружил ее в своей библиотеке, — отвечает Унру. — В моей библиотеке! — Гневные морщины выглядят на его детском личике абсолютно неуместно. Он с дребезжанием опускает чашку на стол. — Я *никого* не допускаю в свою библиотеку, мистер Ботреле. Это мое убежище. И никто, за исключением моих ближайших друзей, не может попасть в этот замок. После того, что появилось в газетах, я уверен, вы меня поймете: я чувствую, что… подвергся насилию.

По спине Исидора пробегает дрожь. При одной мысли о том, что кто-то может тайно вторгнуться в его личное пространство без доступа к его гевулоту, ему становится не по себе.

— Вы не допускаете мысли, что это был какой-то розыгрыш?

Унру складывает ладони.

— Безусловно, я рассматривал такую вероятность, — говорит он. — Как вы догадываетесь, я внимательно просмотрел экзопамять замка. И ничего не обнаружил. Вчера вечером,

примерно от семи до половины восьмого, письмо просто возникло в библиотеке. Почерк мне незнаком. Такую бумагу можно купить в любом канцелярском магазине на проспекте. Нет никаких следов ДНК, кроме моих собственных. Одетта уже проверила это. Я уверен, что здесь замешаны технологии других миров. A*modus operandi*[33] — заранее объявить место и время преступления — определенно соответствует тому, что нам известно об этой личности. В некоторой степени я даже не удивлен. Пришельцы считают нас отсталыми простаками. И этот… вор по какой-то причине выбрал для забавы именно меня. Но если бы я обратился к Голосу или к наставникам, мне бы ответили то же самое: это просто шутка. Вот по этой причине я и пригласил вас, мистер Ботреле. — Унру улыбается. — Я хочу, чтобы вы мне помогли. Хочу, чтобы вы выяснили, как это письмо попало в мою библиотеку. Хочу знать, что он задумал, и расстроить его планы. А если преступление все-таки будет совершено, хочу вернуть то, что он похитит.

Исидор глубоко вздыхает.

— Мне кажется, вы несколько преувеличиваете мои способности, — говорит он. — Как бы то ни было, я сомневаюсь, что за этим стоит реальный ле Фламбер. Но даже если это он, почему вы полагаете, что я в силах бороться с подобным существом?

— Как я уже говорил, я идеалист, — отвечает Унру. — Я знаком с вашей работой. Более того, я могу назвать себя вашим поклонником. И поскольку меня глубоко оскорбило поведение вора, я считаю удачной идеей устроить подобную битву умов в качестве компенсации за это оскорбление. Естественно, ваши усилия будут достойным образом вознаграждены, если дело в этом. Что скажете?

Поймать вора, размышляет Исидор. Нечто ясное. Нечто простое. Даже в том случае, если это всего лишь шутка.

— Хорошо, — говорит он. — Я согласен.

Унру хлопает в ладоши.

— Отлично! Знаете, мистер Ботреле, вам не придется сожалеть о своем решении. — Он встает. — А теперь давайте отыщем Одетту и посетим место преступления.

Замок построен с той же пышностью, что и имитация Королевства в колонии зоку: высокие потолки, мраморные полы, матово-черные доспехи боевых роботов, охраняющих коридоры, и пейзажи старого Марса — красные скалы, долины Маринер,[34] улыбающееся лицо Короля, облаченного в белое с золотом.

Одетта — женщина в белом — ждет их в библиотеке и приветствует вошедшего Исидора сдержанным кивком.

— Отличная работа, — говорит ей Унру. — Похоже, ваше очарование убедило молодого мистера Ботреле помочь нам решить эту небольшую проблему.

— Я так и думала, — отвечает она. — Я уверена, вы заинтересуетесь этим делом, мистер Ботреле.

В библиотеке высокий стеклянный потолок, обеспечивающий прекрасное освещение, и огромные окна, выходящие в сад. Кожаные кресла выглядят очень удобными. И книги — аналоговые и спаймы, тысячи томов, стоящие аккуратными рядами на темных дубовых полках, которые обслуживает похожий на дерево синтбиотический дрон. В центре на бордовом ковре стоит бронзовая модель планетарной системы Марса и его окрестностей.

Унру поднимает руку, и дрон подает ему книгу, снятую черной рукой-веткой с одной из верхних полок.

— Это жизнеописание графа равнины Исида. Он был членом небольшой группы заговорщиков, пытавшихся свергнуть Короля за несколько лет до Революции. У них, естественно, ничего не получилось. Но предреволюционные годы — это удивительный период, тогда все могло пойти по-другому. Безусловно, в книге полно пробелов, оставленных Вспышкой. Как вы уже, вероятно, могли заметить, в недавнем прошлом я сильно увлекался эпохой Королевства. — В его голосе проскальзывает фальшивая нотка.

— Так или иначе, но именно эту книгу я читал, когда заметил письмо. Оно было вот здесь. — Миллениэр показывает на небольшой письменный стол. — Аккуратно положено таким образом, чтобы я сразу его заметил, садясь в любимое кресло. — Он оставляет книгу на столе, подходит к одному из кресел и садится. — Гевулот этого места имеется только у меня, трех Спокойных-слуг и Одетты. И теперь у вас.

— Есть еще какие-нибудь охранные системы?

— Пока нет, но я с радостью предоставляю вам полную свободу установить все что угодно, включая устройства с черного рынка. О деталях позаботится Одетта, только дайте ей знать, что вам нужно. — Унру окидывает Исидора взглядом и усмехается. — И я бы посоветовал вам вместе с ней пройтись по Устойчивому проспекту. Для вечеринки вам потребуется какой-нибудь костюм.

Исидор смущенно кашляет, внезапно вспомнив о том, что одет в помятую копию революционной формы.

— Вы не возражаете, если я немного осмотрюсь?

— Нет, конечно. Я догадываюсь, что в течение нескольких ближайших дней вы будете проводить здесь значительную часть времени. Я предоставил вам доступ к экзопамяти — за исключением нескольких очень личных фрагментов. Так что

чувствуйте себя свободно в своем расследовании.

Исидор берет в руки оставленную Унру книгу и открывает ее. Его мгновенно подхватывает ошеломляющий поток образов, действий и текстов. Видео с различных ракурсов, музыка и шумы, мелькание изысканных лиц и просторных залов…

Унру с неожиданной яростью выхватывает у него книгу. Его глаза мечут молнии, и на бледных щеках проступают красные пятна.

— Я бы предпочел, чтобы вы не касались содержимого библиотеки, — шипит он. Многое из этого… было трудно достать, и я отношусь к книгам очень ревностно.

Он протягивает том библиотечному дрону, и тот возвращает книгу на полку.

На лице Исидора, вероятно, отразилось его изумление и волнение — Унру качает головой и смущенно улыбается.

— Прошу прощения. Вы должны понимать страсть коллекционера. И, как я уже упоминал, это место для меня очень личное. Я был бы весьма обязан, если бы вы продолжали свое расследование без… академических изысканий.

Исидор прогоняет видения и кивает, хотя его пульс все еще учащен. Лицо Одетты неожиданно становится суровым.

— Я никогда не проявлял большого интереса к истории, — негромко говорит он.

Унру смеется, но его смех больше похож на кашель.

— Возможно, нам всем было бы намного полезнее больше времени посвящать настоящему, не так ли? По правде говоря, в ближайшие несколько дней мне предстоит много дел. Напоследок нашлось немало… человеческих проблем, которыми я должен заняться. — Он берет Исидора за руку. — Я верю в вас, мистер Ботреле. И надеюсь, что не разочаруюсь.

— Я тоже на это надеюсь, — говорит Исидор.

После ухода Унру Исидор достает увеличительное стекло и начинает осматривать помещение. Комната заполняется слоями информации: следы ДНК, микрочастицы одежды на ковре, отпечатки пальцев и жирные пятна, молекулы и микроэлементы. В то же время он обращается к экзопамяти библиотеки. В голове выстраивается бесконечная башня, состоящая из мгновений прошлого. Исидор узнает, что письмо появилось в восемь часов тридцать пять минут прошлым вечером, и ни секундой раньше. Ни до, ни после этого в библиотеке никого не было. Он запрашивает воспоминания всего замка: слуга в вечном молчании стоит *здесь,* второй — *там,* а затем блок, скрывающий от его взгляда личные покои Унру.

Исидор снова рассматривает письмо. Нет никаких признаков самоформирования: это настоящая, изготовленная руками бумага либо высококачественная нанокопия. Даже учитывая современные технологии других миров, трудно представить, чтобы облако микрочастиц в течение нескольких секунд сконцентрировалось в письмо, да и требуемая для этого энергия не могла не оставить следов в экзопамяти замка.

— Мы рассматривали все возможные варианты, — говорит Одетта, усевшись на подлокотник кресла Унру с присущей ей улыбкой маленькой девочки. — Сомневаюсь, чтобы ваша игрушка зоку обнаружила нечто такое, чего не заметила я.

Исидор едва слышит ее: он слишком сосредоточен на осмотре пола и стен библиотеки. Как можно было ожидать, они прочные, из текучего базальта. Затем Исидор садится и на некоторое время закрывает глаза. Мимолетные видения из книги затмевают очертания загадки, но в душе ему хочется вплести в общий узор и их тоже. Исидор прогоняет исторические образы и сосредоточивается на письме. Запертая комната, таинственный объект — в этом есть какая-то почти избыточная ясность.

— Когда вы в последний раз приобретали что-нибудь для мистера Унру? — спрашивает он у Одетты.

Она касается губ кончиком пальца.

— Приблизительно три недели назад. А что?

— Мне пришла в голову мысль о Троянском коне, — говорит Исидор. — Не мог ли он получить с покупкой замаскированное устройство, содержащее, к примеру, микродрона или нечто подобное, что могло бы положить письмо в то место, где бы оно попалось на глаза мистеру Унру? В таком случае устройство могло попасть в замок довольно давно и бездействовало, пока не было активировано.

— Я считаю это маловероятным, — возражает Одетта. — Каждый купленный предмет Кристиан с помощью экспертов проверяет самым тщательным образом. И даже если бы такое устройство оказалось в замке, оно оставило бы след в экзопамяти.

— Верно. — Исидор смотрит на нее с любопытством. — А у вас имеется собственная версия?

— Мне платят не за это, — отвечает Одетта. — Но если бы мне пришлось строить предположения… Что ж, скажем так: за время моей работы здесь я видела, как наш дорогой Кристиан занимается вещами куда более эксцентричными, чем написание писем самому себе. — Она улыбается, но на этот раз выглядит более старой и злой. — Им легко овладевает скука. Ради вашего же блага, мистер Ботреле, я надеюсь, что вы придумываете загадки не хуже, чем их разгадываете. И что сыщик в вас

искуснее, чем модник. Ваш гардероб *определенно* оставляет желать лучшего.

В тот вечер, возвращаясь домой, Исидор все еще думает о письме. И понимает, как сильно скучал без медленно разворачивающейся в голове схемы новой тайны.

Лин, должно быть, еще не легла: в кухне горит свет. Он вспоминает, что не ел с самого утра, и заказывает кухонному фабрикатору порцию ризотто.

Наблюдая за тем, как рука фабрикатора танцует над тарелкой, производя атомным лучом зернышки риса, Исидор размышляет об Унру. С ним что-то не так. Предположение Одетты о том, что Исидора позвали для участия в какой-то замысловатой шараде, весьма вероятно. Но эта версия слишком неуклюжа, чтобы ее принять.

При виде дымящейся тарелки он решает, что голод способствует мыслительному процессу, а потому оставляет еду на кухонном столе и уходит в комнату.

— Выдался долгий день?

На его кровати, скрестив ноги и играя с зеленым монстром, сидит Пиксил.

— Что ты здесь делаешь? Как ты попала в комнату?

Он намеренно исключил Пиксил из своего гевулота несколько дней назад. Что-то вроде местной анестезии, заставляющей онеметь поврежденный орган.

Пиксил поднимает кольцо сцепленности. По едва заметной зернистости ее силуэта Исидор понимает, что это изображение создано утилитарным туманом.

— Знаешь, это не просто средство связи, — говорит она. — Я устала играть в игру под названием «Догадайся, что думает твой парень». Полагаю, она началась по твоей инициативе.

— Ты?..

— Серьезно? Нет. Но большинство зоку могли бы, в этом нет сомнения. Мне нравится этот малый. У него есть имя?

— Нет.

— Какой позор! Оно ему необходимо. Что-нибудь из Лавкрафта, например. Хотя там более крупные и скользкие существа со щупальцами.

Исидор молчит.

— Я вижу, ты слишком занят, чтобы разговаривать? — замечает Пиксил. — Наверно, я устала и от игры в «Давай поговорим о наших чувствах».

Некоторое время Пиксил просто смотрит на него.

— Я понимаю. И я шла, чтобы предложить новую систему ведения счета. Одно очко каждый раз, когда ты скажешь правду, а

переход на следующий уровень открывается подлинными откровениями. Но я вижу, что напрасно потратила время. — Она складывает руки на груди. — Знаешь, если бы я попросила Дратдора, он мог бы сконструировать модель эмоционального реагирования, которая точно указала бы, что заставляет тебя убегать.

В голове Исидора возникает кошмарная мысль.

— Тебе ведь не приходилось иметь дело с этим ле Фламбером?

Он натыкается на границы, определенные гевулотом в отношении его договоренности с Унру, и язык словно примерзает к гортани. Но это очень *похоже* на Пиксил: придумать сложнейшую загадку, чтобы восстановить его доверие. Исидор с ужасом сознает, что не в силах сразу отбросить это предположение.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — отвечает Пиксил. — Мне ясно, что ты хочешь сосредоточиться на *важных* делах. Я пришла сказать, что вне зависимости от того, в какую игру ты играешь, — а я играю лучше, можешь мне поверить — ход за тобой.

Она исчезает. Кольцо сцепленности и зеленый монстр с глухим стуком падают на кровать. Монстр приземляется на спину и беспомощно дергает щупальцами в воздухе.

— Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь, — говорит Исидор.

Он поднимает существо и переворачивает его, получив в ответ благодарный взгляд огромных глаз. Исидор ложится рядом и смотрит в потолок. Он понимает, что должен подумать о Пиксил и о том, как помириться с ней, но мысли упорно возвращаются к письму. Письмо — это физический объект. У него имеется автор. Кто-то его написал. Экзопамять не могла не зафиксировать, откуда оно появилось. Поэтому должна быть возможность отыскать отправителя в экзопамяти. Если только…

Если только сама экзопамять не повреждена.

При этой мысли он ошеломленно моргает. Это все равно что сказать, будто сила тяжести не равна 0,6g или что солнце завтра утром может не появиться. Но как ни абсурдна эта мысль, она все объясняет. И не только эту загадку, но и нечто большее, что маячит во тьме. Наверное, справедливо высказывание: «Отбросьте все невозможное — то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался».[35]

К ногам прикасается что-то холодное, и Исидор невольно вскрикивает. Это зеленое существо исследует пространство под одеялом. Исидор вылавливает его и сердито разглядывает.

Монстр с невинным видом помахивает щупальцами.

— Знаешь, — говорит Исидор, — я буду звать тебя Шерлок.

Как и было обещано, Одетта помогает ему в выборе костюма для званого вечера. Половину дня они проводят на Устойчивом проспекте. Праздник посвящен Времени, и портной ловкими искусными движениями снимает с Исидора мерки для костюма, черного с серебром, представляющего Сол Лунаэ, второй день дарийской недели.

— Разве Луна не женского рода? — протестует Исидор, услышав от Одетты об идее наряда.

— Кристиан все тщательно обдумал, — говорит она, внимательно рассматривая проекции различных моделей на худощавой фигуре Исидора. — Я бы не стала с ним спорить: мне ни разу не удавалось убедить его изменить мнение. Надо попробовать другую ткань; возможно, бархат. — Она улыбается. — Луна к тому же символизирует тайну и интуицию. Вероятно, именно это он в вас и видит. А может, и нет.

После этого Исидор умолкает и без жалоб переносит мучительный процесс.

Покончив с покупками, он возвращается в замок и начинает отбрасывать невозможное, переходя от одной гипотезы, объясняющей появление письма, к другой, более сложной. Он обдумывает и возможность самоформирования бумаги, и пелену-невидимку, достаточно изощренную, чтобы обмануть вездесущие сенсоры экзопамяти. Но все предположения приводят к одному недоказуемому выводу: нарушена работа самой экзопамяти.

Один из Спокойных-слуг приносит ему легкий ланч, который Исидор съедает в одиночестве. Вероятно, миллениэр слишком занят в эти последние дни, проводимые в теле Достойного, чтобы уделять Время уже запущенному процессу.

После полудня Исидор рассматривает возможность манипулирования экзопамятью. Он собирает данные до тех пор, пока голова не распухает от технической информации о распределенной повсеместной связи и квантовой криптографии ключей доступа, о задаче византийских генералов[36] и разделенных секретных протоколах. Экзопамять присутствует повсюду. Ее микроскопические распределенные сенсоры в каждой частице интеллектуальной или латентной материи регистрируют все: от событий до изменений температуры, от движений до мыслей объекта, — и доступ к ней контролируется только гевулотом. Но память создана лишь для записи, с колоссальным резервом. Для того, чтобы взломать ее и внести изменения, потребовались бы технологические и компьютерные ресурсы,

намного превосходящие возможности любого из граждан Ублиетта.

Эта мысль обжигает Исидора леденящим холодом. Возможно, на Унру и впрямь нацелились какие-то силы из других миров.

После прогулки по саду, где светловолосый человек в синем комбинезоне вместе со Спокойным-слугой трудится над цветниками Унру, Исидор просматривает доступную ему экзопамять замка в поисках других пробелов. Он сидит в одном из кресел библиотеки и вспоминает. Весь этот год Унру вел размеренную, почти отшельническую жизнь, если не считать участия в редких вечеринках. В памяти также запечатлелись моменты, связанные с экзотическими куртизанками с улицы Змеи, что навело Исидора на мысль об Адриане Ву. Интересно, что бы написал журналист о его новом патроне? Но по большей части Унру проводит время в одиночестве, иногда встречается с торговцами антиквариатом, обедает один и посвящает долгие часы чтению в своей библиотеке.

Исидор уже почти готов сдаться — невозможно переварить такое множество деталей за один раз — но затем решает обобщить воспоминания, относящиеся к книге, которую ему показывал Унру, о жизни графа Исиды. В последний раз Унру читал ее четыре недели назад. И в памяти…

Ему потребовалось всего несколько мгновений. После чего Исидор вскакивает на ноги и отправляется на поиски Одетты. Она следит за подготовкой приема в маленьком кабинете восточного крыла замка, в окружении парящих спайм-приглашений, которые напоминают застывшую стаю птиц.

— Я хочу видеть мистера Унру.

— Боюсь, это невозможно, — говорит она. — У Кристиана осталось всего несколько дней, и он решил распорядиться ими по своему желанию.

— У меня есть к нему вопросы.

— Мистер Ботреле, я бы на вашем месте довольствовалась ролью, отведенной вам в этой небольшой драме. — Она притрагивается к виртуальному листку, висящему в воздухе. Появляется женское лицо, Одетта рассматривает его, легонько касаясь губ кончиком ручки. — Актриса. Не думаю, что она подойдет. Иногда мне кажется, что я могла бы стать композитором. Организация приема очень похожа на сочинение симфонии: необходимо учитывать, как различные инструменты дополняют друг друга. Для меня вы, мистер Ботреле, еще один инструмент. Кристиан доверил мне дирижировать его последним днем. Поэтому, прошу вас, оставьте свои драматические откровения до приема. Я всегда говорила, что самое главное в

комедии — это правильный выбор момента.

Исидор складывает руки на груди.

— Однажды я услышал одну цитату, — говорит он. — «Если я поскользнулся на банановой кожуре, это трагедия. А если ты упал в яму и разбился насмерть, это комедия».[37] Интересно, что бы я смог выяснить, если бы больше внимания уделял *вам.*

Она стойко выдерживает взгляд Исидора.

— Мне нечего скрывать, — наконец отвечает Одетта.

Исидор улыбается и молчит. Она первой отводит глаза.

— Хорошо, — говорит Одетта. — Думаю, ему не повредит немного отвлечься.

Унру встречается с ним в одной из галерей замка. Он в халате и очень неприветлив. Исидор замечает, как кто-то удаляется по коридору под прикрытием гевулота, и гадает, каким делом миллениэр пожертвовал ради встречи с ним.

— Мистер Ботреле, мне сказали, что вы что-то выяснили.

— Верно. Я убежден, что ваше беспокойство не напрасно и здесь замешаны какие-то инопланетные силы. Я помогу вам подготовиться к вечеру надлежащим образом.

— Наверное, я должен поблагодарить вас за то, что вы не согласились с Одеттой и не заявили, будто письмо написал я сам, — отвечает Унру. — И что же дальше?

— Ничего. Местная экзопамять подверглась какому-то воздействию, и я не в силах определить, кто и как это сделал. Но я пришел поговорить не об этом.

— Вот как? — Унру приподнимает брови.

— Просматривая экзопамять в поисках пробелов, я заметил, что вы часто обращались к жизнеописанию графа Исиды, и вернулся к первому появлению этой книги. Признаю, что я, возможно, злоупотребил предоставленной мне свободой, но считал важным изучить все аспекты этого дела и со всех точек зрения.

— В самом деле.

— Я не мог не отметить вашу… реакцию на данный текст. — (Унру закричал, отшвырнул книгу на другой конец комнаты, стал сбрасывать с полок другие книги, опрокинул планетарную модель с такой силой, какой нельзя было предполагать в его хрупком теле, а потом рухнул в свое кресло.) — Если я прав, вскоре после этого вы приняли решение раньше срока уйти в Спокойствие. Что же такое вы там увидели?

Унру вздыхает.

— Мистер Ботреле, возможно, я должен внести ясность: вы проводите здесь не рядовое расследование. Я не уполномочивал вас вмешиваться в мою личную жизнь и рассматривать причины

тех или иных действий. Я прошу вас защитить мою собственность и меня лично от того обстоятельства, которое я нашел угрожающим.

— Вы наняли меня для того, чтобы раскрыть тайну, — заявляет Исидор. — И я уверен, не только тайну появления письма. Кстати, я запросил информацию и о графе Исиды.

— И что вы узнали?

— Ничего. Я не смог найти в общественной экзопамяти ни одного упоминания о графе равнины Исиды. Широкой общественности не известно о его существовании.

Унру подходит к одному из огромных окон галереи и смотрит вдаль.

— Мистер Ботреле, я признаю, что был не совсем честен с вами. В душе я надеялся, что вы самостоятельно выясните некоторые детали, что вы и сделали. — Он прижимает ладонь к стеклу. — Когда ты богат, с тобой происходят странные вещи, даже если богатство это искусственное, как в нашем обществе. Развивается своего рода солипсизм. Мир подчиняется твоей воле. Все превращается в твое отражение, и спустя некоторое время становится скучно смотреть себе в глаза. — Он снова вздыхает. — И я решил поискать твердую почву в прошлом, у наших истоков, в нашей истории. Думаю, никто из нынешнего поколения не приложил столько усилий к изучению Королевства и Революции, как я. Поначалу эта идея казалась мне спасительной. Такая яркая жизнь по сравнению с нашим пресным существованием: настоящая борьба, настоящее зло, стремление победить тиранию, отчаяние и надежда. Граф Исиды, замышляющий заговор против тирана. Драма. Интрига. А Революция! Я покупал воспоминания у выпрашивающих Время нищих. Я помню, как был в долине Хармакиса, как раздирал тела Достойных алмазными когтями. Но через некоторое время я стал понимать, что здесь что-то не так. Чем глубже становились мои изыскания, тем больше я встречал несоответствий. Люди, появляющиеся в жизнеописаниях, купленных на черном рынке, воспоминания, противоречащие друг другу. Жизнь графа Исиды натолкнула меня на первое откровение, и вы… видели, какой была моя реакция.

Унру судорожно сжимает кулаки.

— Я утратил веру в прошлое. В нем что-то не так. Что-то неправильно в том, что нам известно. Вот почему я не хотел, чтобы вы изучали тексты в моей библиотеке. Я не хотел, чтобы подобное чувство возникло у кого-то еще. Возможно, правы философы древности, и мы живем в какой-то имитации, мы игрушки каких-то сверхчеловеческих богов; возможно, Соборность давно одержала верх, мечты Федорова

осуществились, и от нас остались одни воспоминания. А если не доверяешь истории, какой смысл заботиться о настоящем? Я больше так не могу. Просто стану Спокойным.

— Я уверен, всему этому есть объяснение, — говорит Исидор. — Возможно, вы стали жертвой обмана, возможно, стоит изучить источники, из которых поступали книги в вашу библиотеку…

Унру разочарованно машет рукой.

— Все это уже не имеет значения. Когда я уйду, вы можете поступать с этими знаниями как угодно. Еще одно прекрасное мгновение, и со мной будет покончено. — Он улыбается. — Но я рад, что оказался прав насчет ле Фламбера. Этот поединок должен стать захватывающим. — Он кладет руку на плечо Исидора. — Я благодарен вам, мистер Ботреле. Я давно хотел с кем-нибудь это обсудить. Одетта много для меня значит, но она бы не поняла. Она существо сегодняшнего дня, и мне следовало стать таким же.

— Я ценю ваше доверие, — отвечает Исидор, — но все же считаю…

— Не будем больше об этом, — решительно прерывает его Унру. — Теперь вы должны заниматься только приемом и нашим вором. Да, кстати, должен ли я попросить Одетту принять какие-то дополнительные меры безопасности?

— Мы могли бы потребовать полного раскрытия гевулота при входе или установить несколько агор в парке…

— Какая бестактность! Ни за что! — Унру хмурится. — Одно дело быть обворованным, но совсем другое — нарушить приличия.

Глава десятая
ВОР И ВТОРОЕ ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Мы снова встречаемся в первый раз. Раймонда ест свой обед неподалеку от детской игровой площадки, на ее коленях и на скамье разложены ноты, она изучает их и яростно вгрызается в яблоко.

— Простите, — произношу я.

Она приходит сюда ежедневно и торопливо проглатывает обед, словно чувствует вину за то, что позволила себе передышку. Дети постарше, словно обезьянки, карабкаются по высоким лесенкам, малыши возятся в песочнице с яркими синтбиотическими игрушками. Раймонда сидит на краешке скамьи, ее длинные грациозные ноги напряжены, словно она в любую минуту готова вскочить и убежать.

Она поднимает голову и хмурится. Ее гевулот приоткрыт

ровно настолько, чтобы можно было заметить неприветливое выражение ее угловатого гордого лица. От этого оно почему-то кажется еще более привлекательным.

— Да?

Мы обмениваемся краткими приветствиями через гевулот. Программа гогол-пиратов ищет лазейки, но пока ничего не находит.

Вместе с «Перхонен» мы просматривали агоры и общедоступную экзопамять, и после нескольких часов работы наконец-то оно: неожиданно отчетливое воспоминание о девушке, целеустремленной походкой пересекающей агору. На ней аккуратная бежевая юбка и блузка, и в отличие от большинства марсиан, лица которых застывают неподвижной маской, стоит им попасть на всеобщее обозрение, Раймонда кажется очень серьезной и погруженной в свои мысли.

Днем раньше я под другой личиной украл у нее один листок с нотами. И теперь протягиваю его ей.

— Мне кажется, это ваше.

Она растерянно кивает:

— Благодарю вас.

— Должно быть, вы обронили его накануне. Я нашел лист на земле.

— Очень кстати, — говорит она.

Она все еще настороже: ее гевулот скрывает даже имя, и если бы я заранее не изучил ее лицо, то забыл бы его сразу же по окончании нашего разговора.

Она живет где-то на окраине Пыльного района. Занимается чем-то, связанным с музыкой. Ведет размеренную жизнь. Ее гардероб скромен и консервативен. Мне все это почему-то кажется странным: противоречит улыбке, запечатленной на снимке. Но за двадцать лет многое могло измениться. Возможно, она недавно побывала в состоянии Спокойной — обычно это побуждает молодых марсиан с особым старанием накапливать Время.

— Знаете, это очень хорошо.

— Простите?

— Музыка. Ноты записаны в аналоговой форме, и я не удержался и просмотрел их. — Я предлагаю ей фрагмент гевулота. Она принимает его.*Есть!*

— Меня зовут Рауль. Извините за настойчивость, но я долгое время искал повод поговорить с вами.

Это не сработает, шепчет мне «Перхонен».

Обязательно сработает. Женщина никогда не может устоять перед изящной речью. Таинственный незнакомец на садовой скамье.

Ей это нравится.

— Что ж, я рада, что вы его нашли, — говорит она.

И приоткрывает еще часть гевулота: у нее есть парень. Проклятье. Но мы еще посмотрим, сможет ли он помешать.

— Кто-то сделал вам заказ? — Еще один блок гевулота. — Прошу прощения за назойливость. Мне просто любопытно. А что это?

— Опера. На тему Революции.

— А, понятно.

Она встает.

— Мне пора на занятие с учеником. Была рада с вами познакомиться.

Вот, пожалуйста, говорит «Перхонен». *Костер не разгорелся.*

Ее аромат — с оттенком хвои — проникает прямо в мой мозжечок и пробуждает воспоминание о воспоминании. Мы танцуем на стеклянном полу какого-то клуба в Чреве до самого рассвета. Так проходила наша первая встреча?

— У вас там небольшая проблема с фрагментом а-капелла, — говорю я. Она в замешательстве молчит. — Я могу подсказать, как это исправить, если вы согласитесь со мной поужинать.

— Почему я должна принимать ваши советы? — спрашивает она, забирая у меня листок с нотами.

— Это не совет, а просто предложение.

Она изучающе смотрит на меня, и я демонстрирую лучшую из своих улыбок. Я немало времени провел перед зеркалом, привыкая к новому лицу.

Раймонда закладывает прядь темных волос за ухо.

— Хорошо. Вы меня убедили. Но место встречи я выберу сама. — Она посылает мне фрагмент разделенного воспоминания с указанием местечка возле мемориала Революции. — Ждите меня там в семь часов.

— Договорились. Как, вы сказали, ваше имя?

— Я этого не говорила, — отвечает она и уходит вдоль детской площадки, постукивая каблуками по тротуару.

В то время как вор ищет в городе свою любовь, Миели пытается заставить себя допросить василева.

Пуля гостгана — не больше булавочной головки — обладает достаточной компьютерной мощностью, чтобы овладеть человеческим разумом. Миели заключает ее в сапфировый футляр, обеспечивающий состояние дремоты, и подбрасывает на ладони, все еще не привыкнув к гравитации. Даже этот крошечный предмет имеет вес, словно неудача: ее ладонь снова и снова ощущает легкие удары.

Это война, говорит себе Миели. *Они ее начали. Что еще мне остается делать?*

Гостиничная комната кажется ей слишком маленькой, слишком тесной. И неожиданно для себя Миели выходит в город, все еще с зажатой в руке пулей, и шагает по уже знакомому Устойчивому проспекту, довольно пустынному в полдень.

Ее волнение, возможно, обусловлено биотической связью с вором. После его попытки скрыться Миели не осмеливается ее подавлять, особенно сейчас, когда вопреки своему желанию согласилась дать ему возможность изменять внешность и ментальный облик. Поэтому Миели все время ощущает его эмоции, словно мучается от воображаемого зуда.

Она останавливается, чтобы съесть насыщенную и ароматную пищу, поданную молодым парнем, не перестающим улыбаться и забрасывать ее фрагментами разделенных воспоминаний с непристойными предложениями, пока она не закрывается гевулотом и не сосредоточивается на еде. Блюдо под названием *cassoulet*[38] вызывает неприятное чувство тяжести.

— Как там дела? — спрашивает она у «Перхонен».

Он только что уговорил ее на первое свидание, отвечает корабль.

— Прекрасно.

Похоже, ты не слишком обрадовалась. Это не профессионально.

— Мне надо некоторое время побыть одной. Присмотри за ним вместо меня.

Конечно. Хотя ты и сама могла бы за ним последить. В качестве развлечения.

Миели отключает связь. *Развлечение.* Она идет дальше, стараясь подражать легкой походке одетых в белое марсиан и жалея, что не имеет возможности снова летать. Спустя некоторое время небо кажется ей слишком большим. Ближайшее здание похоже на какой-то храм, и она входит внутрь, надеясь найти спокойное пристанище.

Миели не знает, какому божеству здесь поклоняются, и не имеет желания это выяснять. Но высокий сводчатый потолок напоминает ей о просторных храмах Ильматар в Оорте, о ледяных пещерах, посвященных богине воздуха и простора. Поэтому ей кажется вполне уместным пропеть негромкую молитву.

Мать воздуха, даруй мне мудрость,
Дочь неба, силы мне дай.
Укажи сироте дорогу к дому,
Направь заблудшую птицу к южным краям.

Прости дитя, чьи руки в крови,
Прости того, кто портит твое создание
Дурными делами и дурными мыслями,
Кто оставляет раны и шрамы,
Оскверняющие твою песнь.

Покаянная молитва наводит на мысли о доме и о Сюдян, и от этого ей становится легче. Еще некоторое время Миели сидит молча, а затем возвращается в отель, затемняет окна и достает из футляра пулю.

— Просыпайся, — приказывает она разуму василева.

Где? А…

— Привет, Анна.

Это ты.

— Да. Слуга Основателя.

Разум василева смеется. Миели дает ему голос, но не детский, а настоящего василева — мужской, плавный и низкий. Ей почему-то так легче.

— Это был не Основатель. Но достаточно умный, чтобы нас обмануть. Но это не Чен и не Читрагупта, — говорит разум.

— Речь идет не о нем, — шепчет Миели. — С тобой покончено. Ты являешься препятствием для достижения Великой Всеобщей Цели. Но из милосердия я даю тебе возможность перед Забвением свободно и добровольно высказаться, чтобы искупить свою вину.

Василев снова смеется.

— Мне наплевать, на кого ты работаешь, ты всего лишь слуга. К чему тратить слова на изучение моего разума? Спиши его в расход и не трать время Основателя на болтовню.

Миели с отвращением лишает василева голоса. Затем вызывает из своего метамозга гогола-хирурга и приказывает ему приступать к делу. Он запирает разум в «песочницу» и начинает резать: он отделяет высшие функции сознания, вознаграждающие и наказывающие. Процесс напоминает работу скульптора — с той лишь разницей, что это не поиски определенного образа в камне путем отсечения, а разделение на части и формирование из них чего-то нового.

В результате действий гогола-хирурга происходит ассоциативное обучение смоделированных групп нейронов, выдающих подборки информации. Спустя некоторое время Миели прекращает процесс. Приступ тошноты заставляет ее поспешно скрыться в ванной комнате, где она извергает вонючие и отвратительные остатки своего обеда.

К василеву она возвращается, ощущая во рту противный кисловатый привкус.

— Привет, дорогая, — обращается он к ней странно оживленным тоном. — Что я могу для тебя сделать?

— Для начала можешь рассказать о Жане ле Фламбере все, что тебе известно, — говорит Миели.

Раймонда немного опаздывает и намеренно проходит через небольшую агору рука об руку с высоким симпатичным парнем с львиной гривой. Он явно моложе своей спутницы и целует ее на прощание. Затем она машет мне рукой. Я встаю и отодвигаю для нее стул. Раймонда с легким кокетством принимает этот знак внимания.

Я ждал ее в маленьком ресторанчике, выбрав место под открытым небом, рядом с обогревателем. Это необычное заведение с простыми стеклянными дверями и непримечательной вывеской, внутри которого царит настоящий фейерверк красок и экзотики — прозрачные сосуды с чучелами чужеземных существ, стеклянные глаза и яркие картины. Прокрутив в голове нашу первую встречу, я понял, что Раймонда отреагировала не на таинственность, а на поддразнивание, и немного изменил свою внешность. Ничего такого, чего нельзя было ожидать при постепенном открытии гевулота, просто добавил чуть-чуть мальчишеского озорства. Достаточно, чтобы вызвать ее улыбку.

— Как прошло занятие?

— Хорошо. Дочь молодой пары. Огромный потенциал.

— Потенциал — это главное. Как и в твоей музыке.

— Не совсем, — отвечает она. — Я немного подумала. Ты блефуешь. Этот фрагмент не нуждается в доработке. Тебе, конечно, известно, что это Ублиетт, а я красивая девушка. Подобные случаи не редкость. — Она слегка наклоняет голову, и волосы падают на плечо. — Таинственный незнакомец. Интуиция. Все так? Это уже устарело.

Она уверенно диктует дрону-официанту два заказа.

— Я еще даже не заглянул в меню, — говорю я.

— Ерунда. Ты обязательно должен попробовать зебру под соусом терияки. Это восхитительно.

Я развожу руками.

— Ладно. Я думал, здесь так принято. Итак, почему же ты согласилась со мной встретиться?

— Может, все наоборот, и именно я охотилась за тобой.

— Может быть.

Раймонда съедает оливку из тарелки с закусками и тычет в меня шпажкой.

— Ты проявил исключительную вежливость. И не слишком активно пользовался своим гевулотом. Ясно, что ты не здешний. А это очень интересно. Теперь ты у меня в долгу. А это всегда может пригодиться.

Проклятье. Я запрашиваю пиратскую программу. Она все еще пытается взломать гевулот Раймонды, но пока без особого успеха. Похоже, она не намерена поддаваться.

— Признаю свою вину. Я купил гражданство. Прибыл с Цереры,[39] из Пояса.

Ее брови удивленно приподнимаются. Марсианское гражданство купить не так уж легко, обычно требуется согласие Голоса. Но гоголы-пираты, по-видимому, отлично поработали над легендой этой личности, осторожно подбрасывая необходимые фрагменты в экзопамять.

— Интересно. А почему ты решил приехать сюда?

Я широким жестом обвожу окрестности.

— У вас есть *небо.* В вашем распоряжении настоящая планета. И вы на ней что-то сделали. У вас есть *мечта.*

Раймонда смотрит на меня с такой же яростью, с какой откусывала яблоко за обедом, и вдруг мне кажется, что она и меня сейчас укусит.

— Так думает множество людей. Да, мы, безусловно, кое-что сделали. Для начала развязали ужасную гражданскую войну, в результате которой появились саморазмножающиеся машины-убийцы, и они свели на нет все успехи по преобразованию планеты, достигнутые правителями-рабовладельцами перед тем, как их истребили. — Она улыбается. — Но ты прав, у нас где-то здесь есть мечта.

— Знаешь, никто до сих пор мне не сказал, как часто они нападают…

— Нападают? Ты имеешь в виду фобоев? Когда как. В большинстве случаев ты этого даже не заметишь, в крайнем случае услышишь далекие раскаты. С ними справляются Спокойные. Иногда молодежь на планерах отправляется посмотреть на бои. Я тоже так делала, когда была моложе. Потрясающее зрелище.

Переданный мне фрагмент воспоминаний вызывает изумление. Белокрылый планер из интеллектуальной материи, внизу грохот и пламя, лазерные лучи мечутся в оранжевом тумане, черная лавина *тварей* с ослепительной вспышкой разбивается о строй Спокойных. И при этом там с Раймондой кто-то еще, обнимает ее, целует в шею…

Я делаю глубокий вдох. Пиратская программа цепляется за фривольное воспоминание и начинает его перемалывать.

— Что случилось? — спрашивает Раймонда. — Ты выглядишь растерянным.

Я замечаю, что на столике появилась еда, аппетитные запахи вырывают меня из воспоминаний, оставляя с открытым ртом от сенсорной перегрузки. Официант — темнокожий парень с вызывающе белыми зубами — смотрит на меня с усмешкой. Раймонда кивает в его сторону.

— Это местечко приводит меня в замешательство, — говорю я.

— Это свойство всех интересных мест. Именно такой я хочу сделать свою музыку, относительно которой у тебя так много идей.

— Ты хочешь, чтобы у слушателей случались сердечные приступы?

Она смеется.

— Нет, я хотела сказать, что все мы тоже растеряны. Прекрасно говорить о Революционной мечте, о воссоздании Земли, о крае обетованном и тому подобном, но в реальности все не так просто. К мечтам примешивается чувство вины. А молодое поколение так не думает. Я однажды была Спокойной и не хочу, чтобы это повторилось. А те, кто еще моложе меня, смотрят на прибывающих сюда зоку и на людей вроде тебя и не знают, что думать.

— Как это было? Что значит быть Спокойным?

Я пробую принесенное блюдо. Зебра действительно восхитительна — темная и очень сочная. У Раймонды отличный вкус, возможно, она научилась этому у меня.

Она задумчиво крошит хлеб на своей тарелке.

— Это трудно объяснить. Все происходит стремительно: трансформация совершается сразу, как только твое Время истекает. Воскресители еще не успевают забрать твое тело, а ты уже там. Это все равно, что получить удар. Твой мозг внезапно начинает функционировать иначе, и в другом теле, с другими ощущениями. Но после того, как шок проходит, все оказывается не так уж плохо. Ты полностью сосредоточиваешься на своей работе, и эта целеустремленность доставляет удовольствие. И ты чувствуешь себя иначе. Ты не можешь говорить, но видишь красочные сны наяву, которыми можно делиться с другими. И еще, в зависимости от особенностей тела, появляется ощущение *силы.* Порой это… возбуждает.

— Выходит, у Спокойных есть что-то вроде сексуальной жизни?

— Возможно, ты когда-нибудь сам об этом узнаешь, чужеземный мальчишка.

— В любом случае все это звучит совсем не так страшно, — говорю я.

— Об этом ведутся бесконечные споры. Большая часть молодежи считает, что все дело в чувстве вины. Но Голос никогда не давал обещаний перестроить систему. Ты можешь задать вопрос: почему? Неужели нельзя решить проблему иначе? Неужели нельзя обойтись силами синтбиотических дронов? Но все не так просто. Когда возвращаешься, некоторое время остаешься в смятении. Ты смотришь в зеркало и видишь другого себя. И это вызывает грусть. Как в случае с сиамскими близнецами — разделиться по-настоящему невозможно.

Она поднимает свой бокал — вино тоже выбирала Раймонда, это совиньон из долины Дао. Я припоминаю, что ему приписывают возбуждающий эффект.

— Выпьем за растерянность, — предлагает она.

Мы пьем. Вино насыщенное, крепкое, с запахом персика и жимолости. С первым же глотком приходит странное чувство, смесь ностальгии и первого проблеска страсти. Мой прежний я, должно быть, усмехается, глядя из зеркала.

— Они хотели его заполучить, — охотно отвечает василев.

После каждого ответа на вопрос гогол-хирург стимулирует его центры удовольствия. Однако из-за этого он старается говорить короче.

— Кто?

— Скрытые. Они здесь правят. Они обещали за него души, сколько мы захотим.

— Кто они?

— Они говорят чужими ртами, как иногда делают Основатели. Мы согласились: почему нет, почему не поработать на них. Цель в конце концов поглотит их всех, все будет брошено к алтарю Федорова, так почему бы не сходить в музей и не посмотреть на слонов?

— Покажи мне.

Но связь с василевом прерывается. Миели, стиснув зубы, восстанавливает предыдущую версию и приказывает гогол-хирургу начать все сначала.

Ужин заканчивается десертом, а потом мы гуляем по Черепашьему парку. Мы разговариваем, и гевулот Раймонды постепенно открывается.

Она родилась в медленногороде Казей. Провела бурную юность, безрассудно растрачивая Время, потом остепенилась (вероятно, сошлась с более взрослым мужчиной).

Раймонда не забывает о моем долге и заставляет купить мороженое у девочки в белом переднике. Она сама выбирает нам ароматические добавки — какое-то странное синтетическое сочетание, которому я не могу подобрать названия, напоминает одновременно мед и дыню.

Я стараюсь ненадолго задержаться на фрагментах, которыми она делится, и только потом бросаю их в ненасытную пасть пиратской программы.

— Мое желание написать оперу, — говорит она, когда мы со стаканчиками мороженого садимся у фонтана в стиле Королевства, — вызвано тем, что я хочу создать нечто *значительное.* Революция была значительной. Ублиетт значительный. Никто не может встать у него на пути. Что-то грандиозное, с гогол-пиратами и зоку, и восстанием, и большим шумом.

— Ублиетт-панк, — говорю я.

Она как-то странно смотрит на меня, потом качает головой.

— Называй как хочешь, но я хочу это создать.

С нашей скамейки можно увидеть Монгольфьевиль, [40] расположенный на другом конце парка, надутые шары тянутся вдоль горизонта, словно разноцветные фрукты. Раймонда жадно рассматривает их.

— А ты никогда не думала о том, чтобы уехать отсюда? — спрашиваю я.

— А куда? Я знаю, что существует бесконечное множество возможностей. Конечно, думала. Но я большая шишка на ровном месте и предпочитаю такой и остаться. Здесь, как мне кажется, я могу хоть что-то изменить. В другом месте — не уверена.

— Мне знакомо это чувство.

К моему собственному удивлению, это действительно так. Искушение остаться здесь, сделать то, что в моих силах, что-то построить. Вероятно, *он* чувствовал это, когда приехал сюда. Или *она* внушила ему это чувство.

— Конечно, это не означает, что я лишена любопытства, — говорит Раймонда. — Может, ты покажешь мне, что значит жить там, откуда ты приехал.

— Не думаю, что это интересно.

— Ну же, я хочу посмотреть.

Она берет меня за руку и сжимает пальцы. У нее теплая, немного липкая от мороженого ладонь. Я роюсь в своей фрагментарной памяти в поисках видов. Ледяной замок в облаке Оорта, кометы и ядерные реакторы, связанные между собой в одну сверкающую космическую систему, и следующие за ними крылатые люди. Город Супра, где здания своими размерами не

уступают планетам, а купола и башни вздымаются до самого кольца Сатурна. Миры-пояса, окрашенные дикими синтбиотическими организмами в коралловый и красно-желтый цвета. Мозги *губерний* Внутренней Системы — алмазные сферы, украшенные ликами Основателей.

Как ни странно, все это кажется менее реальным, чем то, что я, изображая из себя незначительного человека, сижу рядом с ней под марсианским солнцем.

Раймонда впитывает воспоминание, прикрыв глаза.

— Не знаю, может, ты все это только что придумал, — говорит она, — но ты заслуживаешь небольшой награды.

Она целует меня. В первое мгновение я пытаюсь угадать, какой вкус был у ее мороженого. А потом растворяюсь в ощущении ее губ, ее языка, прикасающегося к моему. Она посылает мне откровенное разделенное воспоминание, свои ощущения, что-то вроде обмена мнениями.

Пиратская программа в моей голове издает радостный возглас: она нашла лазейку, воспоминание обо *мне,* брешь в ее гевулоте, открывающую пропасть дежавю. Другой поцелуй, из далекого прошлого, совмещается с этим поцелуем. Химера из прошлого и настоящего. Я игнорирую торжествующий рев пиратской программы и отвечаю на поцелуй, тогда и сейчас.

— Расскажи мне о наставниках, — говорит Миели.

Она могла позволить гоголу-хирургу это сделать, но считает это безнравственным. Миели полна решимости нести это бремя в одиночестве.

— Аномалии, — с готовностью отвечает василев. — Наши злейшие враги. Технологии зоку. Здесь идет яростная невидимая борьба между скрытыми и зоку. Наставники — это оружие. Квантовая технология. Театральность. Здешние жители им доверяют. По возможности мы пытаемся их уничтожать, но они искусно скрывают свои личности.

— Кто они?

— Безмолвие. Безжалостный. Умелый. Футурист. Быстрый. Лукавый.

Василев радостно подбрасывает яркие имена и образы. Фигура в маске и синем плаще, красный расплывчатый силуэт, столь же стремительный, как Быстрые с Венеры. Предполагаемые личности, возможные цели, виды агоры и фрагменты экзопамяти.

— Джентльмен.

Человек в серебряной маске. За которой…

— Нет, нет, — шепчет Миели. — Проклятье.

Она пытается добраться до вора, но биотическая связь

молчит.

Позже мы направляемся к ее квартире. Мы смеемся, спотыкаемся и останавливаемся, чтобы поцеловаться под пеленой гевулота, а иногда и открыто. Я пьянею от эмоционального коктейля — страсть, смешанная с чувством вины и ностальгией, — и ступаю на опасный путь, который ведет к столкновению с жестким и безжалостным настоящим.

Раймонда живет в одной из перевернутых башен, под городом. Мы спускаемся вниз на лифте, и в кабинке я целую ее в шею, а руки проникают под блузку и гладят шелковистую кожу живота. Она смеется. Пиратская программа впитывает каждое прикосновение, каждую ласку, которой позволено отложиться в памяти, и безжалостно вгрызается в ее гевулот.

В квартире Раймонда освобождается от моих объятий и прикладывает палец к губам.

— Если уж мы собираемся запомнить этот вечер, — говорит она, — пусть он будет этого достоин. Устраивайся поудобнее. Я сейчас вернусь.

Я сажусь на диван и жду. Комната с высоким потолком заставлена стеллажами, на которых разместились произведения марсианского искусства и артефакты старой Земли. Они кажутся мне знакомыми. В стеклянной витрине старинный револьвер. Он вызывает неприятные воспоминания о Тюрьме. Еще здесь много книг и старое пианино. Красное дерево резко контрастирует с металлом и стеклом. Все это Раймонда позволяет мне увидеть и запомнить, и я чувствую, как приближается к критической массе улов пиратской программы, готовой высосать ее воспоминания до последней капли.

Слышится музыка, сначала очень тихая, потом громче и громче. Это фортепьянная пьеса с красивой мелодией, прерываемой мучительно размеренными диссонирующими тактами.

— Итак, Рауль, скажи, — произносит Раймонда, усаживаясь рядом со мной в черном шелковом халате и с двумя бокалами шампанского в руках, — что же здесь неправильно?

В синей темноте под нами светятся неяркие огоньки Спокойных, тысячи больших и малых огоньков, словно перевернутое звездное небо.

— Абсолютно ничего, — отвечаю я.

Мы чокаемся, и ее пальцы соприкасаются с моими. Она снова целует меня, медленно и неторопливо, легонько поглаживая одной рукой мой висок.

— Я хочу это запомнить, — говорит она. — И хочу, чтобы *ты*

это запомнил.

Я ощущаю на себе ее теплую тяжесть, ее духи переносят меня в сосновый лес, ее волосы щекочут мое лицо, как *капли дождя, когда мы напились с раввином Исааком и пели, поздно ночью возвращаясь домой, и я вытащил ее на улицу посмотреть на тучи, и у нее намокли волосы* и пока музыка окружает нас, я вспоминаю *как она, обнаженная, в первый раз играла для меня после того, как мы любили друг друга, и ее легкие пальцы медленно порхали над черно-белыми клавишами* ее руки чертят линии на моей груди *планы, рисунки, схемы на протяжении долгих часов, и она поднимает один из моих набросков и говорит, что он похож на партитуру.*

— Расскажи мне, — говорит она.

и я рассказываю о том, что я вор, и о маленьком мальчике из пустыни, мечтающем стать садовником, о желании начать новую жизнь, и, к моему удивлению, она не убегает, а просто смеется

негромко

словно шаги танцующего кота в широкополой шляпе, Кота в сапогах из сказки, разгуливающего по коридорам замка…

— Ты мерзкий ублюдок! Грязный мерзкий ублюдок! — кричит Раймонда.

Настоящее обрушивается на мою голову, словно бутылка шампанского. Я на мгновение отключаюсь, а когда прихожу в себя, обнаруживаю, что лежу на полу, а Раймонда стоит надо мной со старой тростью в руке.

— Ты… представляешь… что ты наделал?..

Ее лицо скрывает серебряная маска, голос становится неприятно-резким.

*Какое место в этом мире занимает полиция?*едва успеваю подумать я, как в окно врывается Миели.

Миели разбивает крыльями псевдостекло. Осколки, медленно кружась прозрачными снежинками, разлетаются по комнате. Из метамозга выплескивается поток информации. Вор *здесь,* наставник *там*— ядро из человеческой плоти, окруженное облаком боевого утилитарного тумана.

Миели отказалась от всяческой осторожности в поисках вора и велела «Перхонен», несмотря на риск быть обнаруженными, вычислить место, где исчез сигнал биотической связи. А потом взмыла в небо под пеленой гевулота, не забыв бегло просмотреть имеющееся на корабле досье той женщины. На то, чтобы составить полную картину, казалось, ушла целая вечность, но Миели не удивилась, выяснив, что наставник увел вора к себе домой.

Она пытается схватить ле Фламбера и умчаться с ним как можно скорее, но пелена тумана опережает ее, покрывая крылья слоем густого геля, пытаясь проникнуть в легкие и блокируя гостганы. Миели стреляет вслепую. Снаряд вылетает крошечным солнцем. Но туман действует быстрее. Он собирается вокруг яркой точки белым непрозрачным облаком, приглушая свет до мощности обычного гелиевого светильника. А затем выходят из строя радиаторы ее крыльев, и Миели приходится возвращаться в реальное время.

Усиленный утилитарным туманом удар наставника — словно столкновение с оортианской кометой. Он отбрасывает Миели на застекленный стеллаж, за которым стена. Миели пробивает и то, и другое, штукатурка и кирпичи — будто мокрый песок. Броня стонет от напряжения, и ребро, усиленное текучим камнем, все-таки ломается. Метамозг подавляет боль; Миели поднимается из груды обломков. Это ванная комната. Из зеркала на нее смотрит ангел-чудовище.

Снова сыплются удары. Она пытается блокировать выпады, но они проскальзывают между руками. Наставник остается вне досягаемости, фоглеты образуют аморфные щупальца, подчиняющиеся его воле. Миели сражается с призраком. Ей необходимо больше места. Она направляет поток энергии из ядерного реактора на бедре к микровентиляторам крыльев. Поднимается сильный ветер. Фоглеты рассеиваются. Она хватает воздух ладонью и глотает его, предоставляя работать гоголу. *Вот оно.* Вышедший из употребления боевой туман времен Протокольной войны. Гоголу потребуется несколько мгновений, чтобы определить оптимальные меры защиты.

Крылья освобождены, и Миели перенаправляет энергию, чтобы опять ускорить время. Теперь можно приблизиться к наставнику, пройдя под застывшими фоглетами, которые при ее усиленном зрении кажутся замерзшими мыльными пузырями. Наставник замер, словно статуя в серебряной маске. Миели атакует, тщательно нацеленного удара в мягкое основание шеи достаточно, чтобы лишить противника сознания…

…но кулак пронзает лишь образованный фоглетами силуэт.

Еще одной неожиданностью становится 120-децибельный динамик, прижатый к барабанной перепонке. Вирусы с генетическим алгоритмом наводняют все системы, отыскивая пути к человеческому разуму Миели в обход машин. В голове пищит пронзительный голос гогола. Миели запускает его в туман и отключает все системы.

Внезапное возвращение в человеческое тело ощущается как сильный приступ тяжелой болезни. На мгновение она остается

беспомощной в щупальцах фоглетов, крылья бессильно повисают вдоль спины. Но затем срабатывает защита, и туман рассыпается инертным белым порошком. Закашлявшись, Миели падает на пол, теперь остается полагаться лишь на собственную плоть.

В комнате полнейший беспорядок: обломки мебели, осколки стекла и мертвый туман. В центре, с тростью в руке, стоит наставник. Но у него тоже остались только человеческие способности. Надо отдать женщине должное, она быстро отреагировала и уже с поднятой тростью приближается к Миели быстрыми мелкими шажками бойца кэндо.

Не поднимаясь, Миели пытается сделать подсечку женщине в серебряной маске. Но та просто подпрыгивает — легко и невероятно высоко в марсианской гравитации — и нацеливает трость на голову Миели. Та перекатывается по полу, стремительно встает на ноги и делает выпад, но блокирующий удар трости заставляет ее поморщиться от боли.

— Прекратите. Обе, — произносит вор.

У него оружие — примитивный металлический предмет, кажущийся в его руках смехотворно громоздким. Но оно представляет опасность, и вор уверенно целится. *Конечно, он же провел в Тюрьме множество поединков.* А после атаки наставника блок дистанционного управления в его принадлежащем Соборности теле так же бесполезен, как и все системы Миели. *Ну разумеется.*

— Я предлагаю вам присесть — если найдется на что — и обсудить все, как подобает цивилизованным людям, — заявляет он.

— Скоро здесь будут и остальные, — говорит Раймонда.

В голове у меня звенит, в горле першит от пыли. Но я не могу не распознать блеф.

— Никого не будет. Как я догадываюсь, Миели выбила у тебя из рук туман. Но и сама осталась ни с чем, судя по тому, что я еще способен двигаться и говорить. Если бы не мое проклятое чувство долга, это был бы великолепный шанс скрыться.

Миели фыркает. Я покачиваю револьвером.

— Поищите, куда можно присесть.

Не сводя глаз с Миели, я отпиваю шампанского из чудом уцелевшего бокала. Горлу становится легче. Затем я усаживаюсь на обломок стены. Миели и моя бывшая подружка долго смотрят друг на друга, потом выбирают места с таким расчетом, чтобы наблюдать за всеми присутствующими.

— Должен признаться, мне льстит, когда женщины из-за меня дерутся. Но, можете мне поверить, я этого не стою.

— Ну, хоть в *чем-то* я с тобой согласна, — говорит Раймонда.

Знаешь, вмешивается «Перхонен», *хоть я и нахожусь на высоте около четырех сотен километров, я все еще могу сжечь твою руку, если не опустишь оружие.*

Ох.

Погоди. Это антиквариат. Вероятнее всего, оно не работает. Я блефую. Только не говори Миели, пожалуйста. Я хочу уладить это дело, чтобы никто не пострадал. Ладно?

Учитывая скорость действия гогола, корабль медлит с ответом недопустимо долго. *Хорошо,* в конце концов отвечает она. *У тебя одна минута.*

Опять ограничения во времени. Ты еще хуже, чем она.

— Раймонда, познакомься с Миели. Миели, познакомься с Раймондой. Раймонду и меня связывали определенные отношения; с другой стороны, Миели ведет себя со мной так, словно нас тоже связывают отношения. Но я признаю долг чести по отношению к ней и потому не жалуюсь. Почти. — Я делаю глубокий вдох. — Раймонда, здесь нет ничего личного, но мне необходимо вернуть мое прежнее я.

Она закатывает глаза и снова становится мучительно знакомой.

Я поворачиваюсь к Миели.

— Послушай, неужели все это было *так уж необходимо?* Я контролировал ситуацию.

— Я готова была оторвать тебе голову, — говорит Раймонда.

— Я полагаю, спасительное слово остается в числе многих вещей, которые я не могу вспомнить, — со вздохом отвечаю я. — Слушай, забудь о тебе и обо мне. Я кое-что разыскиваю. Ты можешь мне помочь. Ты наставник, и это очень хорошо. Кстати, готов поспорить, что и мы, в свою очередь, можем тебе кое в чем помочь. К примеру, в деле с гогол-пиратами. Можем предоставить огромное количество, преподнести на блюдечке.

Они обе смотрят на меня, и на мгновение мне кажется, что драка вот-вот начнется заново.

— Ладно, — соглашается Раймонда. — Давайте поговорим.

Со вздохом облегчения я бросаю на пол оружие и мысленно благодарю Гермеса за то, что оно не выстрелило.

— Я полагаю, на секретность надеяться не стоит? — спрашиваю я, глядя на Миели.

Она ужасно выглядит: одежда снова разорвана в клочья, крылья опущены, словно сломанные голые ветки. Но смотрит угрожающе, так что я без слов понимаю, что она обо мне думает.

— Забудь о моем вопросе.

Раймонда подходит к разбитому окну, пряча руки в рукава

платья.

— Что случилось? — спрашиваю я ее. — Кем я был здесь? Куда ушел?

— Ты и в самом деле не помнишь?

— В самом деле.

По крайней мере, пока. Новые воспоминания все еще возникают в моей голове, их слишком много, чтобы сразу во всем разобраться, и вместе с ними усиливается странная головная боль.

Она пожимает плечами.

— Это не имеет значения.

— Я что-то здесь оставил. Какие-то секреты. Инструменты. Фрагменты памяти. Не просто экзопамять, а нечто большее. Тебе известно, где это может быть?

— Нет. — Она хмурится. — У меня есть одна идея. Но моя помощь будет тебе стоить дороже, чем просто гогол-пираты. И твоя новая подруга должна мне новую квартиру.

Интерлюдия
МУДРОСТЬ

Жизнь отделяет от смерти всего несколько шагов. Впереди появляется свет, но каждый шаг дается с трудом, словно преодолеваешь толщу воды, и Батильда чувствует, как начинает всплывать, поднимаясь над своим телом, облаченным в гостевой скафандр. Она видит себя, медленно бредущую вперед, видит отблески света на медном шлеме. Как ни странно, это кажется ей вполне нормальным. Она оставляет свое тело и поднимается к свету.*Наконец,* думает она…

…и ступает в марсианские сумерки, едва не падает, но ощущает поддержку двух крепких рук. Она моргает и жадно хватает ртом воздух. Затем оглядывается на зал, названный Переходом между Рождением и Смертью, — низкое прямоугольное сооружение, отпечатанное Спокойным-строителем. Оно расположено в неглубоком котловане, примерно в миле от границы города, в марсианской пустыне. Снаружи в нем нет ничего особенного — гравий и песок, склеенные бактериальной пастой, узкие щели и люки по бокам. На фоне стены, защищающей город от фобоев, оно кажется постройкой из детского конструктора. Но внутри…

— О боже! — восклицает Батильда, набирая полную грудь воздуха.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спрашивает Поль Сернин, архитектор ее краткой смерти.

Он бережно поддерживает ее и отводит от выхода, откуда появляются другие ошеломленные гости. Ее протеже торжествующе усмехается за стеклом скафандра.

— Похоже, тебе не помешает выпить.

— Обязательно, — отвечает Батильда.

Поль протягивает ей бокал шампанского в ку-сфере. Батильда принимает его и с удовольствием пьет, наслаждаясь приятным чистым вкусом вина после сухого воздуха шлема.

— Поль, ты гений.

— Значит, ты не жалеешь о своем покровительстве?

Батильда улыбается. Начинается вечеринка. Батильда рада, что рекламная кампания имеет успех, что множатся фрагменты воспоминаний о самых напряженных моментах в Переходе. Отличная идея — поставить его за противофобойной стеной: этот символический жест придает происходящему пикантный оттенок опасности.

— Ничуть. Надо убедить Голос устроить нечто подобное в

самом городе. Это принесет много пользы. Как тебе в голову пришла такая идея?

Поль приподнимает темные брови.

— Ты же знаешь, как я ненавижу, когда меня об этом спрашивают.

— Ну пожалуйста, — настаивает Батильда. — Ты же любишь говорить о себе.

— Ладно, если уж тебе так хочется знать, меня вдохновило произведение Ногучи, созданное в Хиросиме. Рождение и смерть. Нечто такое, о встрече с чем мы стали забывать.

— Любопытно, — говорит Батильда. — Очень похоже на то, что Марсель, — она показывает на молодого темнокожего парня, с отвращением разглядывающего зияющий проем Перехода, — предлагал Голосу несколько месяцев назад.

— Идеи ничего не стоят, — отвечает Поль. — Все дело в их воплощении.

— Верно, — соглашается Батильда. — А возможно, тебе помогла твоя новая муза.

Рыжеволосая девушка в темном гостевом скафандре неподалеку от них трогает грубую шероховатую стену Перехода.

— Что-то вроде того, — произносит Поль, опустив голову.

— Не трать время на разговоры с пожилой женщиной, — говорит ему Батильда. — Иди и развлекайся.

Поль снова улыбается ей, и на мгновение Батильда сожалеет о своем решении поддерживать с ним только деловые отношения.

— Увидимся позже, — он слегка кланяется и исчезает в толпе людей в скафандрах.

Батильда снова рассматривает Переход. Снаружи он выглядит вполне безобидно, но внутри архитектура и освещение вступают в резонанс, затрагивая человеческий мозг и вызывая ощущения, похожие на смерть. Занятный трюк. Батильда вспоминает многие пережитые смерти и рождения и понимает, что ничего подобного прежде не испытывала. Это совершенно новый опыт. Она улыбается самой себе: сколько времени прошло с *той* поры? Батильда проводит пальцами по браслету Часов, которые дал ей Поль, и нащупывает выгравированное слово «Sapientia».[41]

— Привет, — произносит рыжеволосая девушка.

В ней сквозит истинная юность, не тронутая ни временной, ни какой-либо другой смертью.

— Здравствуй, Раймонда, — отвечает Батильда. — Гордишься своим парнем?

Девушка застенчиво улыбается.

— Не можете себе представить, — отзывается она.

— Да нет, могу, — говорит Батильда. — Странное дело:

сначала ты смотришь, как они совершают нечто подобное, а потом начинаешь задумываться, а достаточно ли ты хороша для них. Я права?

Девушка смотрит на нее, но ничего не отвечает. Батильда качает головой.

— Прошу прощения. Я просто злая старуха. Но я, конечно, рада за вас. — Она дотрагивается до руки девушки, закрытой перчаткой. — Так что ты хотела мне сказать? Старики любят перебивать собеседников, нам кажется, что мы все уже слышали, и не по одному разу. Мне скоро снова предстоит стать Спокойной. Это научит меня прислушиваться к другим.

Раймонда нерешительно прикусывает губу.

— Я хотела попросить у вас… совета.

Батильда смеется.

— Что ж, если ты желаешь выслушать горькие истины о жизни, подкрепленные несколькими столетиями опыта, ты обратилась по адресу. О чем ты хочешь узнать?

— О детях.

— А что здесь знать? У меня были дети: много хлопот, но оно того стоит, если соблюдать осторожность. Экзопамять предоставит тебе информацию. Обратись к Воскресителям, они помогут подобрать подходящий генетический состав, а если ты честолюбива, можно поискать на черном рынке какие-нибудь чужеземные новинки. Просто добавь воды. И мужчину.

Батильда широким жестом обводит толпу, наслаждаясь выражением лица Раймонды.

— Я не об этом хотела спросить, — поясняет Раймонда. — Я имела в виду… его. Поля. — Она прикрывает глаза. — Я не могу его понять. Не знаю, готов ли он.

— Пойдем со мной, — приглашает Батильда.

Она уводит Раймонду к противофобойной стене. Небо над головой уже темнеет.

— Вот что я хочу сказать, — произносит Батильда. — Когда я говорю с Полем, я вспоминаю кое-кого, с кем была знакома много лет назад и кто причинил мне некоторую сердечную боль. — Она смеется. — Но я, безусловно, отплатила ему тем же. — Она прикасается к уже начинающей осыпаться стене Перехода. — Многие из нас живут очень долго. С годами мы учимся не меняться, что бы ни происходило. Тела, гоголы, трансформации — что-то в нас все равно остается неизменным. Это закон эволюции, в противном случае мы бы действительно умирали, и не было бы никакого света в конце туннеля, а только время, сокращающее нашу жизнь. Что бы Поль тебе ни говорил, он один из нас, это я могу сказать наверняка. Так что тебе решать, хочешь

ли ты, чтобы *настоящий* он — а не этот улыбающийся архитектор — стал отцом твоих детей.

— Но он старается, и старается для вас.

— А, вот вы где, — подходит к ним Поль. — Две мои любимые женщины. — Он обнимает Раймонду. — Ты еще не была внутри?

Раймонда качает головой.

— Ты должна пойти, — советует Батильда. — Это не так ужасно, как кажется с первого взгляда. Развлекайтесь.

Они вдвоем ступают в Переход с противоположного конца. Батильда провожает их взглядом и размышляет о времени, проведенном в Олимпийском дворце, об ускользающей акварели воспоминаний: о том, как она танцевала с Королем. И гадает, блестели ли ее глаза так же ярко, как сейчас у Раймонды.

Глава одиннадцатая
ВОР И НАСТАВНИКИ

Собрание наставников я представлял себе совсем не так. Я воображал какое-то тайное убежище, возможно, украшенное трофеями прошлых побед, зал совета с круглым столом и высокими креслами, отмеченными персональными знаками каждого из наставников.

Вместо этого мы собрались на кухне у Безмолвия.

Футурист нетерпеливо двигает свой бокал по деревянному столу. Это стройное создание в красном одеянии, нечто среднее между человеком и древним автомобилем, не в состоянии усидеть спокойно.

— Ну, — говорит она, — может кто-нибудь объяснить, что мы здесь делаем?

Безмолвие проживает в доме-цеппелине в Монгольфьевиле: его гондола, подвешенная к каплевидному воздушному шару, связана с городом. Кухня небольшая, но превосходно оборудована. Помимо привычного фабрикатора здесь имеются традиционные приборы и посуда — ножи, кастрюли, сковородки и еще какие-то инструменты из хрома и стали, которые мне незнакомы. Ясно, что Безмолвие принадлежит к числу тех, кто уделяет немало внимания еде. Кроме нас с Миели здесь присутствует шесть наставников, и обстановка почти дружеская. Я втиснулся между Миели и наставником в черном, с маской в виде черепа — Епископом. Его костлявое колено упирается мне в бедро.

Наш хозяин ловким движением открывает бутылку вина. Как и у Джентльмена, его голова полностью закрыта безликой

маской, только темно-синей, а окружающее фигуру облако утилитарного тумана делает его похожим на ожившую чернильную кляксу. Он довольно высок и, хотя еще не произнес ни слова, производит впечатление серьезной личности. Он быстро и ловко наполняет наши бокалы, а потом кивает в сторону Раймонды.

— Благодарю вас, что согласились собраться, — начинает она резким хрипловатым голосом Джентльмена. — Со мной двое чужеземцев, с которыми две ночи назад у нас произошло… некоторое недоразумение. У меня есть основания верить, что эти двое могут оказаться полезными нашему делу. Жан, я думаю, ты лучше меня сумеешь все объяснить.

— Спасибо, — отзываюсь я.

Миели позволила мне вести переговоры, но дала понять, что при любых осложнениях мне заткнут рот без всякого предупреждения.

— Мое имя Жан ле Фламбер, — продолжаю я. — Если хотите, можете навести справки обо мне в экзопамяти. — Для пущего эффекта я делаю паузу, но настроение слушателей в масках определить довольно трудно. — В прошлой жизни я был гражданином Ублиетта. Вместе с моей спутницей я ищу кое-какую оставленную здесь собственность. Ваша коллега — наставник, с которой я прежде… был хорошо знаком, заверила, что может мне помочь. В ответ мы предлагаем свою помощь *вам.*

Я пробую вино. Выдержанное «Бедекер Соларанцио». У Безмолвия отличный вкус.

— Я не уверена, что стоит продолжать этот разговор, — вмешивается Футурист. — К чему вовлекать в нашу деятельность третью сторону? И, ради бога, неужели только я одна чувствую запах технологий Соборности, которыми напичкана эта сука? — Она переводит злобный взгляд с Раймонды на Безмолвие. — Если уж на то пошло, надо их допросить. По крайней мере допросить. А если у тебя личные дела с этими существами, разбирайся сама. Нет никакой необходимости впутывать всех нас.

— Безусловно, я одна несу ответственность за все это, — говорит Раймонда. — Но я уверена, что их способности помогут нам справиться с криптархами.

— А я считала, что для этого ты натаскиваешь своего любимчика, молоденького сыщика, — замечает Василиск.

Ее облик существенно отличается от остальных: красное трико и венецианская маска, из-под которой видны светлые локоны и полные чувственные губы. При других обстоятельствах я бы не сводил с нее глаз.

Раймонда некоторое время молчит.

— Это совсем другой вопрос и не имеет отношения к сегодняшнему делу, — наконец говорит она. — В любом случае нам приходится работать над многими проблемами одновременно. Я лишь хотела сказать, что мы устраняем только *симптомы.* Чужеземные технологии. Гогол-пиратов. Но скрытая инфекция поразила нас в той же степени, что и людей, которых мы стараемся защищать. — Она наклоняется над столом. — И если я вижу возможность получить помощь от постороннего агента, я вам о ней сообщаю.

— А цена? — интересуется Крысиный Король.

У него звонкий молодой голос и грузная фигура. А смешная маска грызуна оставляет открытым подбородок с дневной щетиной.

— О цене позвольте позаботиться мне, — говорит Раймонда.

— И что же такого могут они, с чем мы сами не в состоянии справиться? — спрашивает Футурист, недоверчиво поглядывая в мою сторону.

Я отвечаю ей любезной улыбкой.

— К этому мы перейдем чуть позже, мадемуазель Диас.

Ее лица мне не видно, но дрожь изумления пробегает по ее телу, превращая на миг в расплывчатое красное пятно.

Я не бездельничал те два дня, пока Раймонда подготавливала встречу. Миели предоставила мне базу данных, о происхождении которой я даже не осмелился спросить. В этой базе имелась информация, позволяющая идентифицировать личности всех, кто принадлежал к числу наставников. Я сумел подкрепить полученные знания, предприняв несколько прогулок и покопавшись в гевулотах. В результате я, конечно, не выяснил, как зовут домашних животных наставников или какие позы они предпочитают в сексе, но в остальном сведений было *достаточно.*

— А пока нелишним было бы узнать, чего именно вы хотите добиться.

— Трех вещей, — отвечает Раймонда. — Защитить идеалы Ублиетта. Уберечь его жителей от гогол-пиратов и других внешних врагов. И отыскать тех, кто ими руководит, с целью последующего уничтожения. Все началось с Голоса.

Из экзопамяти я получаю информацию об электронной системе демократии Ублиетта, о специальных фрагментах разделенной памяти, заменяющих бюллетени при голосовании, и о важных политических решениях, проводимых в жизнь кабинетом Мэра и общественными служителями из Спокойных.

— В принимаемых решениях прослеживались… странные тенденции. Ослабление контроля над влиянием внешнего мира. Предоставление гражданства чужеземцам. Снятие многих

ограничений в области технологий. Вскоре после этого начали появляться первые гогол-пираты. И Безмолвие стал одним из первых, кто от них пострадал. — Раймонда дотрагивается до руки высокого наставника. — Наша система недостаточно стабильна, когда речь идет о воздействии внешних сил. Спокойные не в состоянии справиться с технологическими сбоями. И мы приняли решение. У нас имеются покровители, естественно, преследующие собственные интересы, которые, однако, не противоречат интересам Ублиетта.

Мы старались творить добро. Но стоило нам увидеть проблему и найти способ укрепить стабильность — прекратить работу пиратской станции, перекачивающей украденную информацию, или изолировать зараженный вирусами участок сети гевулотов, — как обнаруженные цели исчезали. Пираты *знают,* как отыскивать подходящие объекты и как к ним подбираться. Они отлично знают свое дело, но мы не сомневаемся, что им кто-то помогает.

Сейчас нам стало известно, что повреждена система экзопамяти. Есть человек, или люди, которые ею управляют. До какой степени и каким образом, нам не известно. Мы называем их криптархами. Или скрытыми правителями. Или, соглашаясь с Футуристом, проклятыми ублюдками.

Мы верим в достижения Революции. В Марс для людей. Это должно быть место, где каждый владеет своим разумом, где мы принадлежим самим себе. Но это невозможно, если где-то за занавесом кто-то дергает за веревочки. — Раймонда поворачивается ко мне. — Такова наша цена. Помогите нам отыскать криптархов, и мы вернем то, что принадлежит тебе.

— Правильно, — поддерживает ее Епископ. — И тогда высокое мнение Джентльмена о вас будет оправдано.

— Мистер Реверт. — Я демонстрирую свой самый хищный оскал. — Мне потребовалось всего два дня, чтобы узнать, кто вы такие. Эти криптархи тоже вас *знают.* Более того, они, вероятно, *поддерживают вас.* Вы вписываетесь в созданную ими систему. Вы поддерживаете стабильность. А это именно то, что им нужно. — Я допиваю вино и откидываюсь на спинку стула. — Вы не прибегаете к грязным методам. Вы честные копы, а должны быть бунтарями. *Преступниками.* И вот в этом я, безусловно, могу вам помочь. Вино еще осталось?

— Если говорить начистоту, — отвечает мне Футурист, — это именно то, против чего мы боремся. Против влияния чужеземцев, считающих себя лучше, чем мы. — Она обводит комнату взглядом. — Я за то, чтобы вышвырнуть их с планеты, а потом вернуться к нашим насущным делам. А Джентльмену за подобное

поведение должно быть объявлено порицание.

Все собравшиеся за столом кивают, а я проклинаю себя за то, что неправильно их понял. Несмотря на пиратскую программу, я еще не так хорошо освоил гевулот, как урожденные марсиане. *Все это может закончиться очень плохо.*

И тогда в переговоры вступает Миели.

— Мы не враги вам, — говорит Миели.

Она встает со своего места и обводит взглядом наставников.

— Я прилетела сюда издалека. Моя вера сильно отличается от вашей. Но не сомневайтесь: какие бы обязательства не взял на себя вор, какое бы соглашение между нами не было достигнуто, я гарантирую, что мы сдержим слово. Я Миели, дочь Карху из кото Хильяйнен.[42] И я никогда не лгу.

Странно, но люди в этой комнате кажутся ей более знакомыми, чем что бы то ни было в этом мире. На их скрытых под масками лицах сияет мечта, нечто более значительное, чем они сами. Такое же выражение Миели видела на лицах молодых воинов в своем кото. Вор этого никогда не поймет: он говорит на другом языке, языке игр и обманов.

— Загляните в мои мысли.

Она открывает им свой гевулот. Теперь наставники могут прочитать все ее поверхностные мысли, просмотреть все воспоминания об этом мире. Миели кажется, что она сбросила тяжелый плащ, и она ощущает необыкновенную легкость.

— Если вы обнаружите хоть намек на обман, можете прогнать нас без промедления. Вы примете нашу помощь?

На мгновение в комнате воцаряется полная тишина. А затем Безмолвие произносит одно только слово.

— Да, — говорит он.

Раймонда ведет нас по Монгольфьевилю, мимо небольших огороженных садиков, где стоят дома-шары. Яркое солнце, пробивающееся сквозь разноцветные оболочки шаров, и легкое головокружение, вызванное гевулотом, — нам не позволено запомнить место проведения собрания — некоторое время удерживают меня от разговоров. Но когда мы выходим на широкие и относительно знакомые улицы Края и Раймонда из Джентльмена снова превращается в элегантную женщину, я чувствую, что должен высказаться.

— Спасибо, — говорю я. — Ты сильно рисковала. Я постараюсь, чтобы ты об этом не пожалела.

— Что ж, велика вероятность, что ты сам в результате пострадаешь, — отзывается она. — Так что пока рано меня

благодарить.

— Все было действительно так плохо?

— Да, очень плохо. Я думала, что совершила большую ошибку, пока не заговорила твоя подруга. — Она с уважением смотрит на Миели. — Это было… очень благородно с твоей стороны, — обращается к ней Раймонда. — Я сожалею об обстоятельствах нашей первой встречи и надеюсь, что мы сможем работать вместе.

Миели молча кивает.

Я смотрю на Раймонду. Только сейчас я понимаю, что она не такая, как в моих воспоминаниях. Не такая беззащитная. Не такая молодая. Говоря по правде, я не уверен, что знаю эту новую загадочную женщину.

— Для тебя это действительно очень важно? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает она, — очень важно. Думаю, это чувство тебе не знакомо. Желание приносить пользу другим людям.

— Прости, — говорю я. — Мне тоже пришлось немало пережить. Долгое время я провел в весьма неприятном месте.

Раймонда окидывает меня равнодушным взглядом.

— Ты всегда с готовностью рассыпался в извинениях. Сейчас это тебе не поможет. Если ты еще не понял, во всей Вселенной найдется всего несколько человек, которые вызывают у меня большую неприязнь, чем ты. Так что на твоем месте я бы поторопилась их разыскать, как мы и договорились. Возможно, сравнение с ними оказалось бы в твою пользу.

Она останавливается.

— Ваш отель в той стороне. А у меня скоро начнутся занятия по музыке. — Раймонда улыбается Миели. — Мы с тобой будем поддерживать связь.

Я открываю рот, но что-то подсказывает мне, что лучше промолчать.

Итак, я решаю заняться составлением планов.

Миели превращает наш номер в маленькую крепость — куточки теперь защищают все окна — и продолжает восстанавливаться после потасовки с Раймондой. Поэтому я снова могу насладиться относительным одиночеством — если не считать неприятного ощущения от биотической связи. Я устраиваюсь на балконе с пачкой газет, кофе и круассанами, надеваю темные очки и начинаю просматривать страницы, посвященные общественной жизни.

Как и все в этом мире, статьи отличаются явным мастерством, и вскоре я ловлю себя на том, что с наслаждением погружаюсь в драматические истории. Наставники пользуются неослабевающим вниманием, тон публикаций зависит от

издания, кое-где прослеживается открытое восхищение. Я отмечаю статью о юноше, который вместе с Джентльменом работал над делом о гогол-пиратстве, и задаю себе вопрос, не тот ли это сыщик, о котором упоминала Василиск.

Но настоящую пищу для размышлений дают сообщения о прощальных вечеринках, называемых здесь «Carpe diem». Предполагается, что они проводятся тайно, однако журналисты не жалеют сил, чтобы выяснить детали.

Ты слишком хорошо устроился, чтобы это можно было считать работой, говорит «Перхонен».

— Но я действительно занят серьезным делом. Я составляю план.

Не мог бы объяснить поподробнее?

— Зачем загружать такую хорошенькую головку?

Я поднимаю глаза к ясному небу. Канал связи дает мне возможность разглядеть корабль — точку над горизонтом, незаметную для невооруженного взгляда. Я посылаю «Перхонен» воздушный поцелуй.

Лесть тебе не поможет.

— Я никогда не рассказываю о своих планах, пока они не сформировались окончательно. Это творческий процесс. Преступники — все равно что артисты, а сыщики — всего лишь критики.

Как я вижу, сегодня ты в приподнятом настроении.

— Знаешь, я наконец начинаю снова чувствовать себя самим собой. Бороться против банды властителей, контролирующих разум на планетарном уровне, да еще в компании скрывающихся под масками блюстителей порядка — такая жизнь мне нравится.

В самом деле? А как продвигается восстановление прежней личности?

— Это очень личное.

По словам Миели…

— Да, все верно. Раймонда раскрыла меня слишком рано. Я получил только обрывочные воспоминания. Ничего, что можно было бы назвать полезным.

Ты уверен?

— О чем ты?

Будь я более подозрительной, могла бы предположить, что ты уже знаешь, где искать то, что нам нужно. И что ты водишь нас за нос просто ради собственного удовольствия, чтобы лучше вжиться в колоритный образ легендарного вора.

— Я оскорблен. Неужели я на такое способен?

Но в словах корабля есть смысл. Я так ношусь со своими воспоминаниями отчасти потому, что это просто доставляет мне

удовольствие.

У меня имеется еще одно предположение. Ты изо всех сил пытаешься произвести впечатление на эту Раймонду.

— Это, друг мой, уже в прошлом. При моей профессии отвлекаться на подобные вещи слишком опасно.

Угу.

— Как бы мне ни было приятно твое общество, но чем быстрее я вернусь к делам, в которых блестяще разбираюсь, тем лучше. Кстати говоря, мне бы не помешало немного тишины и покоя. Я пытаюсь придумать, как проникнуть в землю мертвых.

Я откидываюсь на спинку кресла, опускаю веки и прикрываю лицо газетой, чтобы спрятаться от солнца и от корабля.

Вот видишь? Об этом я и говорила. Ты весь день ждал, чтобы это сказать.

Миели чувствует себя усталой. Ее тело завершает процесс проверки и перезагрузки систем. У нее уже много лет не было критических дней, но, судя по смутным воспоминаниям, сегодняшнее состояние очень схоже с этим недомоганием. После встречи с наставниками ей нестерпимо хочется упасть на кровать, послушать нежные оортианские песни, а потом погрузиться в глубокий сон. Но ее ждет Пеллегрини. На богине темно-синее вечернее платье, волосы собраны в высокую прическу, на руках длинные черные перчатки.

— Дитя мое! — восклицает она, запечатлевая на щеке Миели благоухающий поцелуй. — Это было *восхитительно!* Драма! Экспрессия! И такая страстная убежденность с твоей стороны. Эти люди в смешных костюмах сразу поверили, что нуждаются в твоей помощи. Специально запрограммированный гогол и то не смог бы лучше справиться с этой задачей. Почти сожалею, что ты уже скоро получишь свою награду.

Миели моргает.

— Я думала, что мы позволим вору…

— Да, конечно, но имеются кое-какие ограничения. Несколько василевов — это еще куда ни шло, но ради достижения Великой Всеобщей Цели мы вынуждены считаться с некоторыми особенностями этого мира. В том числе и с криптархами. По разным причинам мы еще не готовы нарушить установившееся равновесие.

— Значит, мы не собираемся… их уничтожать?

— Конечно, нет. Вам следует *встретиться* с ними. И скоординировать свои действия. Вы должны помочь наставникам ровно настолько, чтобы получить то, что нам нужно. А потом — что ж, мы сдадим наставников криптархам. И все будут довольны.

Пеллегрини улыбается.

— А теперь, дитя мое, мне кажется, что вор готов поделиться с тобой своими новыми идеями. Иди, погладь его по шерстке. Чао.

Миели прикасается к камням Сюдян, просто чтобы вспомнить, почему ввязалась в это дело. А потом ложится и ждет стука в дверь.

Глава двенадцатая
СЫЩИК И ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА

В вечер перед прощальным приемом. Сад притих, словно актер, затаивший дыхание и повторяющий про себя роль.

Столы, уставленные бокалами для шампанского, выстроены стройными рядами, небольшие павильоны предлагают всевозможные экзотические наслаждения, повсюду летают еще не зажженные фоглеты-светлячки. Оркестр Спокойных настраивает свои инструменты, части тела, создавая негромкую какофонию из духовых партий. Эксперт-пиротехник в цилиндре заряжает разноцветными ракетами устройство, напоминающее миниатюрный орган.

— Итак, что вы обо всем этом думаете, мистер сыщик? — спрашивает Унру.

Его костюм символизирует Сол Джовис, последний день недели Дариского календаря. На ткани камзола полыхают цвета давно исчезнувшего газового гиганта. В тени деревьев от Унру исходит неяркое красно-белое сияние.

— Похоже на праздник эпохи Королевства, — отвечает Исидор.

— Ха! Точно. Не самый плохой способ провести последние несколько сотен мегасекунд, — говорит Унру. Он поднимает свои Часы, цепочкой прикрепленные к жилету. Это на удивление простая модель: черный диск с единственной золотой стрелкой. — Как вы думаете, когда я буду ограблен?

— Мы сделали все, что могли. ле Фламбер это или нет, но вору придется изрядно потрудиться, чтобы заполучить добычу.

В итоге вся подготовка свелась к установке нескольких выгодно расположенных агор и привлечению дополнительных Спокойных, нанятых Одеттой с разрешения Голоса. Эти воины, предназначенные для борьбы с фобоями, снабжены множеством сенсоров и мощным оружием. Исидор надеется, что этого будет достаточно. Он собирался принять более изощренные меры, включающие использование устройств с черного рынка, но в конце концов решил, что от них будет больше проблем, чем

пользы.

— Вы отлично поработали, — говорит Унру, похлопывая Исидора по плечу. — Да, мы ведь так и не обсудили ваш гонорар.

— Мистер Унру, заверяю вас…

— Да, да, это очень благородно с вашей стороны. Я хочу, чтобы вы получили библиотеку. Возможно, она окажется для вас полезной. Или можете сжечь ее. Одетта уже подготовила контракт, я обязательно передам вам гевулот до конца приема.

Исидор ошеломленно смотрит на миллениэра.

— Благодарю вас.

— Не стоит меня благодарить. Лучше заставьте этого вора попотеть. А вы, случайно, не назначили на сегодняшний вечер свидание?

Исидор качает головой.

— Жаль. Ну а я намерен предаться разврату перед смертью. Прошу меня извинить.

Исидор еще некоторое время наблюдает за последними приготовлениями и расставляет Спокойных — приземистых, по-кошачьи ловких существ в черной броне — по их постам. Затем уходит в одну из гостевых спален, где приготовлен его костюм Сол Лунаэ. Костюм все еще кажется ему слишком женственным, слишком обтягивающим в самых неподходящих местах. Но Исидор все же переодевается. Возникает ощущение, что он что-то забыл, и Исидор вспоминает, что оставил кольцо сцепленности в кармане брюк. Он достает его и вешает на цепочку Часов.

Теперь я знаю, что такое предстартовая лихорадка, думает он.

Согласно обычаю мы с Раймондой приезжаем с большим опозданием, впрочем, как и все остальные гости. Паукебы вокруг нас высаживают мужчин и женщин в искусно созданных костюмах из ксанфийского шелка, кружев и интеллектуальной материи. Прием посвящен Времени, так что нас окружают индийские боги и богини Дариского календаря, планеты и звезды и, конечно, всевозможные модели Часов.

— Не могу поверить, что позволила тебе меня уговорить, — ворчит Раймонда.

Человекоподобный Спокойный в ослепительной ливрее и маске проверяет наши приглашения и провожает в сад, постепенно заполняющийся небольшими группами посетителей. Звон бокалов, протяжные мелодии современной марсианской музыки и голоса гостей сливаются в одну опьяняющую симфонию.

Я улыбаюсь Раймонде. Она кажется очень соблазнительной в

наряде Фобоса, состоящем из глубоко декольтированного платья, белых перчаток и светящейся сферы на уровне живота, которая своим сиянием скрывает наиболее пикантный участок тела. Я в костюме с различными изображениями Часов, белом галстуке и с цветком в петлице выгляжу рядом с ней скромным павлином.

— Могу тебя заверить, это наименее безнравственное дело из всех, в которых я когда-либо участвовал, — говорю я. — Ограбить богатого и раздать добычу беднякам. Что-то вроде этого.

— Тише. — Она кивает в сторону проходящей пары, которая изображает Венеру и Марса. Их гевулот приоткрыт ровно настолько, чтобы окружающие могли их видеть. — В действительности все совсем не так. Все наоборот.

Свет маленького Фобоса у нее на животе подчеркивает правильные черты лица: сейчас она напоминает мне скульптуру какой-то греческой богини.

— Твоим замаскированным дружкам нужны доказательства. Мы их представим.

Я беру бокал шампанского с подноса проходящего Спокойного-слуги. При этом стряхиваю невидимую пылинку с его одежды и незаметно впрыскиваю кое-что из своего цветка. Первая часть нашего плана. Это довольно мощное средство, но его необходимо пустить в ход заранее, до начала действия должно пройти немало времени.

— Не беспокойся. Если твой приятель обеспечит нам доступ, все пройдет гладко, как по маслу.

Как обстоят дела с охраной? Я шепотом спрашиваю Миели — она осталась в отеле и координирует операцию с «Перхонен».

Меры предосторожности минимальные, отвечает она. *Но все же значительнее, чем ты ожидал. Меня тревожат Спокойные-воины, они оснащены отличными сенсорами.*

— Сделай мне одолжение, — говорит Раймонда. — Не пытайся заставить меня расслабиться. Пойдем, надо смешаться с толпой.

Раймонда удивительно легко получила для нас приглашения. По всей видимости, Кристиан Унру — не только поклонник эпохи Королевства, но и покровитель искусств, и потому знакомый Раймонды из Академии музыки решил, что было бы неплохо обсудить с ним на приеме концепцию ее оперы. На вечере, несомненно, множество начинающих деятелей искусства, ищущих покровительства, но знакомый Раймонды пообещал нам добиться личной встречи с Унру, а это все, что мне требуется.

— Раймонда!

Нам машет рукой невысокая пожилая женщина. Костюм из интеллектуальной материи представляет ее в виде песочных

часов, но без стекла: никакой ткани, только красный марсианский песок, струящийся по ее пышной фигуре. Эффект завораживающий.

— Как я рада тебя видеть! А кто этот симпатичный молодой человек?

Я кланяюсь и, как того требует вежливость, немного приоткрываю свой гевулот, но при этом стараюсь, чтобы в памяти женщины не осталось никаких следов моего внешнего облика.

— Рауль д'Андрези, к вашим услугам.

Раймонда представляет меня в соответствии с легендой — как эмигранта с Цереры. Гевулот изображающей песочные часы женщины сообщает, что перед нами София дель Анджело, преподаватель Академии музыки и драмы.

— О, похоже, здесь есть над чем задуматься, — произносит София. — А что случилось с бедным Энтони? Мне *так* нравились его волосы.

Раймонда слегка краснеет, но не отвечает. София подмигивает мне.

— Вам следует быть настороже, молодой человек. Она собирается похитить ваше сердце для своей коллекции.

— Тише, не спугните его, пожалуйста. Я с таким трудом его подцепила, — говорит Раймонда. — Нашего хозяина пока не видно?

На пухлых щечках Софии вспыхивает румянец разочарования.

— Нет, боюсь, он еще не появлялся, я почти час пыталась его разыскать. Я абсолютно уверена, что его заинтересует твоя новая пьеса, но сегодняшний вечер он, вероятно, решил провести в кругу близких друзей. Знаешь, мне кажется, что на самом деле он просто боится этого ле Фламбера. Это ужасно, — приглушенным тоном добавляет она.

— Ле… кого? — переспрашивает Раймонда.

— Ты еще не знаешь? — восклицает София. — Ходят слухи о каком-то преступнике из другого мира, который намерен заявиться сюда без приглашения и даже письменно предупредил о своем приходе. Это так интригующе. Кристиан нанял сыщика, того самого молодого человека, о котором писали во всех газетах.

Раймонда изумленно поднимает брови.

Письменно предупредил? шипит Миели у меня в голове. *Предупредил?*

Я представления не имею, о чем она говорит, протестую я. *Это было бы в высшей степени непрофессионально.* И это действительно так: в последние несколько дней я был так занят подготовкой, что времени на дополнительные эффекты совсем не осталось. Внезапно я ощущаю легкое сожаление: ответ на

несуществующее приглашение стал бы великолепным штрихом. *Клянусь, я в этом не виноват. Это то же самое, что и в случае с гогол-пиратами. Кто то слишком много знает.*

Мы прерываем операцию, заявляет Миели. *Если они тебя ждут, риск слишком велик.*

Не смеши меня. Другой такой возможности в ближайшее время не будет. Просто дело становится еще интереснее. Кроме того, у меня есть идея.

Ничего не желаю слушать, отвечает Миели.

Хочешь сказать, что мы должны убежать, поджав хвост? Какой же ты после этого воин? Я доверяю тебе, когда дело касается грубой силы, верно? А это предоставь мне. Это то, что я умею. При малейших признаках опасности мы исчезнем.

Миели колеблется.

Ладно. Но я буду за тобой наблюдать, обещает она.

Я и так знаю, что будешь.

Раймонда благодарит Софию за предупреждение, и мы, извинившись, удаляемся в небольшой павильон рядом с площадкой, на которой выступает группа акробатов с двумя слонами — факелы в хоботах чертят замысловатые узоры — и стаей дрессированных мегапопугаев, поражающих яркостью расцветки.

— Я знала, что это плохая идея, — говорит Раймонда. — Нам не подобраться к Унру. Кроме того, почему он *обязательно* должен быть здесь?

Ее взгляд задерживается на высоком и худом молодом парне с растрепанными волосами и в плохо сидящем черном с серебром костюме. Он бродит в толпе на противоположном конце лужайки с рассеянным, почти сонным видом.

— Это и есть тот сыщик?

— Да, это Исидор Ботреле.

— Любопытно. Он, вероятно, близок к Унру?

Раймонда бросает на меня сердитый взгляд.

— Не впутывай его.

— Почему? — Я мысленно перебираю инструменты гогол-пиратов. Программой для похищения личности я пока не пользовался, но готов попробовать в любой момент. — Ты ведь с ним знакома, верно? Можешь поделиться со мной доступом к его гевулоту?

Раймонда глубоко вздыхает.

— Да ладно, не будь такой щепетильной, — говорю я. — Мы здесь для того, чтобы совершить преступление. Приходится пользоваться любыми доступными средствами.

— Да, я имею доступ к его гевулоту, — отвечает она. — И что

дальше?

— О? Еще один бывший возлюбленный? Еще одно украденное сердце?

— Это не твое дело.

— Помоги мне. Передай мне его гевулот, и мы сделаем то, ради чего пришли.

— Нет.

Я складываю руки на груди.

— Хорошо. В таком случае пойдем домой, и пусть ваши таинственные кукольники продолжают дергать за ниточки. Пусть манипулируют тобой и им. — Я показываю на парня в толпе. — Именно об этом я и говорил. Чтобы победить, вы должны пойти на компромисс.

Она отворачивается. На лице суровое выражение. Я пытаюсь взять ее за руку, но Раймонда не разжимает пальцы.

— Посмотри на меня. Позволь мне это сделать. Чтобы тебе не пришлось делать это самой.

— Проклятье! — Она хватает меня за руку. — Но после того, как это закончится, ты вернешь мне все, что я тебе дам. Обещай.

— Я клянусь.

— И я тоже клянусь: если ты причинишь ему вред, то пожалеешь, что не остался в Тюрьме.

Я смотрю на парня. Он прислонился к дереву и прикрыл глаза, словно во сне.

— Раймонда, я не собираюсь причинять ему вред. Ну, возможно, немного пострадает его эго. Но это сослужит ему хорошую службу.

— Ты никогда не умел делать ничего хорошего, — говорит она.

Я развожу руками, кланяюсь ей, а потом иду к сыщику.

Исидор не теряет бдительности. Он ходит, наблюдает и делает выводы. В потоке гевулотов нетрудно определить социальные особенности. Вот композитор, сочинивший музыку для сегодняшнего вечера, в ожидании комплиментов. А это активист движения за восстановление Спокойных, который надеется получить от Унру пожертвование для своего фонда. Он старается чувствовать, а не видеть, ощупывать все вокруг воображаемыми пальцами и по методу Брайля считывать знакомую реальность, пытаясь обнаружить малейшие изменения.

— Добрый вечер.

Сосредоточенность нарушена, и Исидор поднимает взгляд. Перед ним стоит темнокожий мужчина в белом галстуке. Его возраст определить трудно, а рост немного уступает росту самого

Исидора. На костюме незнакомца переливаются вышитые золотом изображения Часов слишком крикливо, по мнению Исидора, на лацкане приколот ослепительно-красный цветок. Несмотря на приглушенный свет, глаза незнакомца скрыты за синими линзами очков. Он принес с собой едва ощутимый аромат женских духов — восхитительный запах сосны.

Мужчина снимает очки и устало улыбается Исидору, глядя из-под тяжелых век. Брови у него очень темные, словно нарисованные карандашом. Гевулот тщательно прикрыт.

— Да?

— Простите меня, я ищу… как это? Интимное место.

Исидор недоуменно хмурится.

— Извините?

— Заведение для телесных отправлений, понимаете?

— А-а. Вы из другого мира?

— Да. Джим Барнетт. Мне трудновато здесь ориентироваться. — Мужчина стучит пальцем по виску. — Мой мозг еще не приспособился. Вы мне поможете?

— Конечно.

Исидор посылает ему небольшой фрагмент разделенных воспоминаний, где указано расположение уборных. При этом он ощущает первые признаки начинающейся головной боли.

Наверно, я слишком много работал.

Мужчина усмехается и хлопает его по плечу.

— А! Очень удобно. Большое спасибо. Желаю приятного вечера.

После чего незнакомец скрывается в толпе. Исидор колеблется: не стоит ли поручить кому-нибудь из Спокойных присмотреть за ним. Но его внимание привлекает ближайшая агора. Фигура невысокого мужчины с крылатым шлемом на голове и в сверкающем серебром костюме, символизирующем Сол Меркурий, кажется ему знакомой. Мужчина беседует с молодой женщиной в наряде Близнецов — тень из фоглетов повторяет все ее движения, — но взгляд его при этом устремлен куда-то вдаль.

Исидор шепотом инструктирует одного из Спокойных, приближается к паре и трогает мужчину за плечо.

— Адриан Ву.

Журналист вздрагивает.

— Надо поговорить, — произносит Исидор.

— У меня есть приглашение, — заявляет Ву. — Унру раздавал их направо и налево. Я должен об этом написать. И я удивлен, что вижу здесь *вас*. Что мне сказать по этому поводу моим читателям?

— Ничего. — Исидор хмурится. — Вы снимаете на

аналоговую камеру?

— Я…

Один из Спокойных-воинов бесшумно появляется рядом. Он обращает скрытое под маской лицо в сторону журналиста и издает низкий гул, который эхом отдается в груди Исидора. Ву с тревогой смотрит на Спокойного.

— Я здесь отвечаю за безопасность, — сообщает Исидор.

— Но…

— Отдайте мне камеру, и я позволю вам остаться.

Ву снимает свой шлем, откручивает от него продолговатый предмет и передает Исидору. Это и есть аналоговая камера, приводимая в действие проходящим под подбородком ремешком. Примитивное устройство, слишком простое, чтобы вызвать реакцию гевулота.

— Спасибо, — говорит Исидор. Затем он поворачивается к женщине в костюме Близнецов. — Следите за своими словами, когда рядом с вами этот человек. Если возникнут проблемы, дайте мне знать. — Он усмехается, глядя на Ву. — Поблагодарить сможете позже.

Начинаются танцы. Исидор решает, что заслужил передышку, и берет с подноса бокал с белым вином. Затем смотрит на часы: до запланированной смерти Унру остается еще целый час.

И только тогда он понимает, что кольцо сцепленности исчезло. У него сильно бьется сердце. Исидор запрашивает воспоминания о разговоре с человеком в синих очках и видит, что кольцо украл незнакомец. Почти неуловимым движением он отстегнул его Часы от цепочки, а затем вернул их на место, сняв кольцо. Все произошло в считанные секунды, и мужчина не прерывал разговора, тщательно скрывая под гевулотом все, что только можно.

Исидор делает глубокий вдох, а затем, оглядывая агоры, посылает фрагменты разделенных воспоминаний с обликом этого человека Одетте и Спокойным-воинам. Но вора не видно: он или ушел, или прячется под гевулотом. Исидор торопливо обходит лужайку, высматривая расплывчатое пятно гевулота, под которым может скрываться незваный гость. Исидор не сомневается, что это и есть Жан ле Фламбер. Но его нигде нет. *Зачем он со мной заговорил? Чтобы просто подразнить? Или…* Исидор снова испытывает странную головную боль и ощущение дежавю — перед глазами мелькают лица, словно он находится одновременно в двух местах.

Исидор достает свое увеличительное стекло и камеру Ву и начинает просматривать отснятый материал. Прибор зоку быстро преобразует микроскопические точки в многоцветное

изображение. Исидор прокручивает запись, постукивая кончиком пальца по стеклянному диску. Светские дамы. Акробаты. И вот — Унру. Судя по метке, снимок сделан несколько минут назад. Смеющийся миллениэр в окружении друзей, в числе которых и знакомая фигура в черном с серебром костюме и с растрепанными волосами…

Исидор роняет камеру и бросается бежать.

Копирование физического облика сыщика занимает всего несколько мгновений. Я проделываю это в одном из обеспечивающих полное уединение павильонов, которые наш хозяин предусмотрительно установил для плотских утех и прочих тайных развлечений своих гостей. Я всего лишь проецирую на себя трехмерный облик сыщика и перепрограммирую свою одежду. Сходство не обязательно должно быть абсолютным — большинство деталей скрыто под гевулотом.

Мимоходом я бросаю взгляд на украденное кольцо: это явно технология зоку. Решив осмотреть кольцо позже, я кладу его в карман.

Настоящая проблема заключается в подтверждении личности, и для этого требуется полученный у Раймонды фрагмент гевулота. А чтобы подделать квантовую характеристику Часов, необходимую для идентификации, приходится прибегнуть к компьютерной мощи «Перхонен».

Я думала, вором быть легко, замечает корабль. *Но это непростая работа.*

— Ожидание и страх, как я уже говорил, — отвечаю я.

Я стараюсь сдержать данное Раймонде обещание и не обращать внимания на воспоминания, мелькающие в моей голове, пока работает система корабля и программа гогол-пиратов. Передо мной проносятся лица, высеченные на стене, и девушка с камнем зоку на шее. Все воспоминания на удивление невинны, и я никак не могу понять, зачем этот парень гоняется за гогол-пиратами и преступниками вроде меня.

Но я отгоняю посторонние мысли: мы здесь для того, чтобы похитить Время, а не прошлое сыщика. Сервер гоголов сигнализирует об успешном завершении работы, значит, мои Часы изменили статус, и для окружающих я стал Исидором Ботреле. Но его Часы уже через несколько мгновений обновят информацию, связавшись с внешним гевулотом, так что мне надо поторапливаться. Я проверяю необходимое оборудование — ку-паук и триггер у меня в голове — и решаю, что настал момент для главного события вечера.

Я приближаюсь к группе, где находится Унру, —

позаимствованный гевулот теперь позволяет их увидеть — и имитирую неторопливую походку сыщика. Мой объект разговаривает с высокой женщиной в белоснежном наряде и выглядит слегка навеселе.

— Мистер Ботреле! — кричит он, завидев меня. — Как идет охота на преступника?

— Их слишком много, чтобы выбрать кого-то одного, — отвечаю я.

Унру разражается хохотом, но женщина поглядывает на меня с любопытством. Лучше проделать все быстро.

— Я вижу, вы развеселились, — замечает Унру. — Отлично! Вечеринка для этого и задумана.

Он осушает свой бокал.

Я беру еще один бокал с подноса проходящего мимо Спокойного и подаю Унру. Пока он принимает выпивку, я быстро инструктирую ку-паука. Он пробегает по моей руке, перепрыгивает на ладонь Унру и скрывается в рукаве костюма, изображающего газовый гигант. Затем отправляется на поиски Часов.

Чтобы вырастить паука, мне потребовалось три дня и еще один длительный спор с Миели по поводу функций одолженного Соборностью тела. Схему мы составили вместе с «Перхонен», и устройство росло на сгибе моего локтя — маленькая многоножка, сконструированная в соответствии с принципом ЭПР-парадокса, [43] так же, как сверхплотный канал, который мы с Миели используем для связи с кораблем. Я улыбаюсь Унру и мысленно направляю прибор.

— Здесь нетрудно развеселиться, — произношу я. — Тем более что скоро начнется фейерверк.

Вот оно. Паук устраивается на Часах и запускает нити из ку-точек в ионные ловушки, где хранятся персональные, исключающие возможность подделки, единицы Времени, квантовые сигналы, посылаемые в систему восстановления, отсчитывающие срок жизни Унру в качестве человека. Затем информация переправляется на «Перхонен». Одна, две, три, десять, шестьдесят секунд телепортировано, преобразовано в квантовую энергию и сохранено в крыльях «Перхонен». *Есть.*

Унру хмурится.

— Я приберег фейерверк для самого значительного момента этого вечера, — говорит он.

— Разве не должен быть значительным каждый момент? — улыбаюсь я.

Унру снова смеется.

— Мистер Ботреле, не знаю, где вы отыскали свое остроумие

— на дне бокала или на губах хорошенькой девушки, но я рад, что это случилось!

— Мистер ле Фламбер, как я полагаю?

Передо мной стоит сыщик, а по бокам замерли два Спокойных-воина — гладкие черные существа, олицетворяющие мощь и жестокость. Я приподнимаю брови. Быстрее, чем я предполагал, намного быстрее. Он заслуживает поклона, и я кланяюсь.

— К вашим услугам. — Я позволяю себе восстановить свой истинный облик и улыбаюсь Унру: — Ваше гостеприимство выше всяких похвал, но, боюсь, мне уже пора.

— Мистер ле Фламбер, прошу вас не двигаться.

Я бросаю в воздух свой цветок и мысленно нажимаю большую красную кнопку.

В то же мгновение начинается фейерверк. Небо расцветает разноцветными двойными и тройными спиралями, вспыхнувшие звезды с громким треском рассыпаются серебристым дождем. Затем следует фонтан ярко-пурпурного конфетти, а напоследок две голубые ракеты чертят знак бесконечности. В воздухе стоит запах пороха.

Вокруг меня все замирает. Спокойные превращаются в статуи. Музыка умолкает. Унру роняет свой стакан, но остается на ногах, с остекленевшим взглядом. Раздается несколько глухих ударов, но большинство участников вечеринки просто застывают, устремив взгляд вдаль, хотя уже не видят угасающего фейерверка.

Это еще один трюк из арсенала гогол-пиратов: оптогенетический вирус, вызывающий гиперчувствительность клеток мозга к определенным световым волнам. Нетрудно было приспособить его не для закачки сознания, а для погружения во временное бездействие. Инфекция от моего цветка распространяется даже быстрее, чем я думал. В Шагающем Городе не так уж много производителей фейерверков; подкупить их, убедив, что готовится невинный сюрприз для мистера Унру, оказалось несложно.

Я прячусь под своим гевулотом и прохожу сквозь неподвижную, молчаливую и бездумную толпу. Раймонда, тоже скрытая пеленой уединения, ждет меня у выхода из парка.

— Ты уверена, что не хочешь остаться еще на один танец? — спрашиваю я ее.

Я зажмуриваюсь в ожидании пощечины. Но ничего не происходит. Когда я снова открываю глаза, вижу перед собой непроницаемое лицо Раймонды.

— Верни его гевулот. Сейчас же.

Я выполняю обещание и возвращаю все права на воспоминания сыщика, извлекая их из своего сознания и снова становясь просто Жаном ле Фламбером.

Она облегченно вздыхает.

— Так-то лучше. Спасибо.

— Как я понял, твои соратники заметут наши следы?

— Не беспокойся, — говорит она. — Можешь идти и заниматься своим делом.

— Чтобы доставить тебе удовольствие, должен сообщить, что на следующем этапе запланирована моя смерть.

Мы уже вышли в общественный парк. Раймонда превращается в Джентльмена и взмывает в воздух. Угасающие огни фейерверка отражаются в ее серебряной маске.

— Я никогда не желала твоей смерти, — отвечает она. — Я предпочитала нечто другое.

— Что именно? Месть?

— Дай мне знать, когда это выяснишь, — произносит она и исчезает.

Как ни удивительно, но вечеринка возобновляется. Прошло десять минут. Оркестр подхватывает мелодию, снова звучат разговоры. И конечно, тема у всех только одна.

У Исидора в висках пульсирует боль. Вместе со Спокойными и Одеттой он снова и снова просматривает экзопамять парка. Но никаких следов Жана ле Фламбера нет. Неудача и разочарование давят на него свинцовым грузом. Ближе к полуночи Исидор снова присоединяется к участникам приема.

Унру открыл свой гевулот для всех присутствующих. Он в центре внимания и наслаждается комплиментами своей храбрости, проявленной при встрече с вором. Наконец хозяин машет рукой.

— Друзья мои, пришло время покинуть вас, — произносит он. — Благодарю за терпение, с которым вы отнеслись к незапланированному номеру нашей программы. — Смех. — Но, по крайней мере, вор — и в этом немалая заслуга бдительного мистера Ботреле — ушел с пустыми руками.

Я намеревался сделать это в постели, в обществе прекрасных женщин, — продолжает он, обнимая двух куртизанок с улицы Змеи, — или, возможно, под ногами слона. — Он поднимает бокал в направлении огромного животного, возвышающегося над толпой. — Но решил, что лучше будет здесь, среди друзей. Время имеет те свойства, которыми мы его наделяем: абсолютное или относительное, ограниченное или бесконечное. Я хочу, чтобы этот момент длился вечно, и чтобы, когда я буду чистить *ваши*

нужники, защищать *вас* от фобоев или нести *ваш* город на своей спине, я мог бы вспоминать о своих друзьях.

Итак, с вином и поцелуем, — Унру целует обеих девушек, — или двумя, — он снова смеется, — я умираю. Увидимся в…

Он роняет бокал и падает на землю. Застыв над неподвижным телом миллениэра и удивленно моргая, Исидор смотрит на Часы. Они показывают, что до полуночи осталась еще одна минута. *Но как же так? Он все тщательно спланировал, все, до последнего слова.* Однако размышления сыщика прерываются веселыми криками и хлопками открываемого шампанского.

Когда Воскресители приходят за телом и начинается поминовение, Исидор садится с бокалом вина и предается дедукции.

Интерлюдия
ИСТИНА

В ночь Вспышки Марсель и Совенок летают на планере над Лабиринтом Ночи.

Идея, конечно же, принадлежит Совенку. Всем известно, что в каньонах лабиринта полно фобоев и предательских термальных течений. Кроме того, у Марселя недостаточно Времени, чтобы позволять себе прогулки на планере, но спорить с возлюбленным он не может.

— Ты превращаешься в старика, — говорит Совенок. — Ты никогда не станешь настоящим художником, если время от времени не будешь играть со смертью.

Намек на идею, над которой он так долго работал и которая была воплощена другим, все еще причиняет боль, и Марсель не может с этим смириться. В итоге он оказывается в небе, между темными ущельями и звездами, и, несмотря ни на что, испытывает от этого радость.

Над каньоном Ио Совенок внезапно направляет планер вниз до тех пор, пока они едва не задевают верхушки растущих там псевдодеревьев, а затем резко поднимает машину вверх. Они проносятся близко к краю каньона, и у Марселя душа уходит в пятки. Совенок, заметив выражение его лица, разражается хохотом.

— Ты сумасшедший, — говорит ему Марсель и целует его.

— Я думал, ты никогда на это не решишься, — с улыбкой отвечает Совенок.

— Это было здорово, — признает Марсель. — Но нельзя ли на некоторое время подняться повыше и полюбоваться звездами?

— Все, что угодно, любовь моя. У нас в запасе вся ночь для

всевозможных трюков.

Марсель игнорирует его подмигиванье, откидывает спинку кресла и смотрит в небо. Время от времени он обращается к экзопамяти, чтобы получить информацию об отдельных созвездиях и планетах.

— Я подумывал о том, чтобы уехать, — говорит Марсель.

— Уехать? — переспрашивает Совенок. — И куда бы ты направился?

Марсель разводит руками.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке планера. Яркий Юпитер просвечивает между пальцами. — Тебе не кажется, что глупо придерживаться здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

— Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

В его голосе звенит гнев. Совенок — студент-инженер, и они никогда бы не сошлись, если бы не физическое влечение. Порой он говорит такие вещи, от которых сердце Марселя сжимается. За те два года, что длится их связь, Марсель не раз подумывал оставить приятеля, но такие моменты, как сегодня, заставляют его отбросить эти мысли.

— Нет, — отвечает Марсель. — Я делаю нереальные вещи реальными или реальные вещи более реальными. И там это было бы проще. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что зоку намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь…

Юпитер под его пальцами взрывается. Контур ладони на мгновение становится красным на фоне ослепительной белизны. Марсель зажмуривается и ощущает, как трясется планер, его крылья изгибаются под невероятными углами, словно горящая бумага. Марсель чувствует в своей руке похолодевшие пальцы Совенка. Потом его возлюбленный начинает издавать бессмысленные крики. И затем они падают.

Только намного позже, после того, как Спокойные отыскали их тела в пустыне и Воскресители собрали их заново, Марсель слышит слово «Вспышка».

Пострадали города. Повреждения затронули даже экзопамять. А в небе дела обстоят еще хуже: Юпитер исчез, поглощенный черной дырой, — гравитационной или технологической, никто не может сказать. Соборность заявляет о космической угрозе и предлагает всем гражданам Ублиетта спасение с помощью перекачивания сознания. Среди оставшихся в живых зоку в городе Супра возникают волнения. Ходят разговоры о войне.

Марселю все это безразлично.

— Для меня это неожиданная радость, — говорит Поль Сернин, сидя в студии Марселя.

Возможно, Марселю это только кажется, но когда конкурент смотрит на модели из клейтроника, эскизы и законченные работы, в его гевулоте проскальзывает легкая зависть.

— В самом деле, после столь долгого отсутствия я не ожидал, что стану первым твоим посетителем. Как дела?

— Если хочешь, посмотри сам, — отвечает Марсель.

Совенок занимает лучшую комнату в доме Марселя, расположенном на Краю. Большую часть времени он с безразличным видом сидит в коконе из лечебной пены и молчит. Но время от времени из его горла вырывается продолжительная череда резких щелчков и металлический лязг.

— Воскресители не понимают, что с ним, — поясняет Марсель. — Его мозг остается в перманентном когерентном состоянии, как в одной из древних квантовых теорий сознания: забиты микроканальцы нейронов, связанных с экзопамятью. Если произойдет прорыв, он может очнуться, а может и нет.

— Мне очень жаль, — произносит Сернин. К удивлению Марселя, в его голосе звучит искреннее сочувствие. — Я хотел бы чем-нибудь помочь.

— Ты можешь помочь, — отвечает Марсель.

— Не понимаю.

— Я отступаю, — заявляет Марсель. — В прошлом ты находил мои идеи достойными подражания. И я хотел бы продать их тебе. — Он обводит рукой студию. — Все свои работы. Я знаю, что ты можешь себе позволить их купить.

Сернин изумленно моргает.

— Но почему?

— Все это напрасно, — говорит Марсель. — Там, наверху, обитают гиганты. Мы для них ничего не значим. Кто-то может раздавить нас и даже не заметить этого. Нет смысла рисовать красивые картинки. Все уже создано. Мы просто муравьи. Единственное, что стоит делать, — это заботиться друг о друге.

Некоторое время Сернин молча смотрит на него.

— Ты ошибаешься, — произносит он наконец. — Мы такие же значительные, как и они. И кто-то должен это им доказать.

— Строя игрушечные дома? Если хочешь, это все твое. — Марсель взмахивает рукой, предлагая Сернину мысленный контракт. — Ты победил.

— Спасибо, — тихо отвечает Сернин. Он встает и прислушивается к звукам, которые издает Совенок, затем откашливается. — Если мы заключим сделку, — медленно

произносит он, — могу я время от времени его навещать?

— Если захочешь, — отзывается Марсель. — Мне все равно.

Они скрепляют соглашение рукопожатием. Марсель из вежливости предлагает коньяк, но они пьют молча, и Сернин сразу же уходит.

После того, как Марсель дает ему поесть, Совенок становится спокойнее. Марсель приказывает дому играть современную марсианскую музыку и долго сидит рядом с другом. Но когда в небе появляются звезды, Марсель задергивает шторы.

Глава тринадцатая
ВОР В ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ

Мою смерть мы инсценируем на следующее утро в приюте Утраченного Времени. Это то самое место, куда испустить свой последний вздох приходят нищие Временем. Это агора, украшенная потемневшими бронзовыми статуями смерти и страдания. Здесь устраивается шоу, предназначенное для того, чтобы его участники получили еще несколько драгоценных секунд.

— Время, Время, Время, оно уходит безвозвратно! — кричу я проходящей мимо паре, потрясая музыкальным инструментом из отпечатанных фабрикатором костей.

За моей спиной в тени статуй двое нищих отчаянно занимаются любовью. Группа *morituri*[44] с разрисованными лицами и бледными телами исполняет дикий танец, извиваясь и дрожа.

Я уже охрип от непрерывного крика, предназначенного для приезжих из других миров, которые составляют большую часть аудитории. Турист с Ганимеда в жилистом экзоскелете с озадаченным видом кидает нам частицы времени, как будто кормит голубей. Он явно не понимает, что здесь происходит.

Не переусердствуй, раздается в моей голове голос Миели. Она остается в толпе зрителей и наблюдает за исполняемым на площади *danse macabre.*[45]

Все должно быть правдоподобно, отвечаю я.

Можешь в этом не сомневаться. Скажи, когда будешь готов.

Ладно. Давай.

— Время — великий Разрушитель! — кричу я. — Я мог быть Тором, богом грома древних эпох, но оно все равно свалило бы меня наземь. — Я отвешиваю поклон. — Леди и джентльмены, узрите Смерть!

Миели, не сходя со своего места, вырубает меня. Ноги подкашиваются. Легкие перестают работать, и я чувствую сильнейшее удушье. Странно, но мир вокруг остается все таким же четким и ясным. Мой разум тайно продолжает работать в конструкции Соборности, но тело отключается. В глазах темнеет, и я падаю на землю вместе с другими участниками *danse macabre,* которых я тренировал два последних дня. Наши тела образуют на площади слова: MEMENTO MORI.

Из толпы зрителей доносятся отдельные крики, в которых звучит чувство вины и восхищение. Затем воцаряется молчание, и земля начинает вздрагивать от тяжелых шагов идущих строем

людей. Приближаются Воскресители.

Зрители расступаются, освобождая им дорогу. За многие годы эта процедура превратилась в ритуал, и его приняли даже Воскресители. Они выходят на площадь по трое в ряд, всего около трех десятков. Все одеты в красное, с плотно закрытым гевулотом, не позволяющим разглядеть не только лица, но и движения. У каждого на поясе висит декантер. Следом за ними идут Спокойные-Воскресители. Они похожи на людей, только намного выше — около трех-четырех метров, вместо лиц — гладкие блестящие черные пластины, а из туловищ торчит целый пучок рук. Их шаги я ощущаю всем телом.

Человек в красном приближается ко мне и подносит к взломанным Часам свой декантер. На мгновение меня охватывает безотчетный страх: эти угрюмые жнецы наверняка повидали немало попыток обмануть Смерть. Но бронзовое устройство издает короткое жужжание, а потом звон. Воскреситель медленно наклоняется надо мной и привычным движением закрывает мне глаза. Спокойный берет меня на руки, и гулкий топот по площади возобновляется. Меня уносят в преисподнюю.

Я ничего не вижу, жалуюсь я Миели. *Ты не могла бы отключить какое-то другое чувство?*

Я не хочу, чтобы они что-то заподозрили. Кроме того, ты должен исполнять свою роль надлежащим образом.

Странно чувствовать, как тебя уносят в преисподнюю, прислушиваться к гулким шагам в городе, находясь под городом, и вдыхать непривычный запах морских водорослей, исходящий от Спокойного. Размеренное движение погружает меня в меланхолию. За несколько прожитых столетий я еще ни разу не умирал. Возможно, это правильный подход к бессмертию: стоит время от времени умирать, чтобы ценить жизнь по достоинству.

Все еще развлекаешься? Спрашивает «Перхонен».

Да, черт меня побери.

Это меня тревожит. Пора просыпаться.

И я во второй раз возвращаюсь к жизни, но уже без видений трансформации. Глаза словно застилает слой пыли. Я плаваю в замкнутом пространстве, заполненном вязким гелем. На то, чтобы изрыгнуть небольшой инструмент из ку-камня и открыть крышку гроба, уходит всего мгновение. Гроб не запечатан гевулотом, а только заперт на механический замок: удивительно, насколько Воскресители привержены традициям. Дверца отодвигается в сторону, и я выбираюсь наружу.

И едва не падаю: я нахожусь высоко на стене огромного цилиндрического помещения с металлической поверхностью, покрытой сетью маленьких крышек. Напоминает картотеку. Вдоль

стен вертикально спускаются кабели. Внизу на них висит Спокойный — похожий на механического осьминога. Он закладывает на хранение поступающие тела. Я прикрываю крышку, оставив небольшую щель для наблюдения, и жду, пока он уйдет. Спокойный с жужжанием ползет вверх по кабелям мимо меня, словно гигантский паук. Я снова рискую высунуться. С кожи капают остатки геля. Я высматриваю, за что бы зацепиться.

Отлично, говорит «Перхонен». *А теперь посмотри кое-какие изображения. Внизу имеются служебные шахты: через одну из них ты сможешь впустить Миели.*

Я перепрограммирую слой ку-точек под кожей таким образом, чтобы приклеиться к металлической поверхности, и мимо гробов спящих мертвецов карабкаюсь вниз.

В помещении не утихает постоянный фоновый шум — свист, рокот и удары. Неподалеку находятся органы движения города — поршни, двигатели, емкости с циркулирующими в них синтбиотическими организмами, обеспечивающими ремонт, и огромные искусственные мышцы, переставляющие колоссальные ноги.

Прозрачные трубы изгибаются к нескольким шахтам по краям зала, и вдоль них оставлены проходы, явно предназначенные для Спокойных меньшего размера. Проходы достаточно просторны, чтобы мог протиснуться и я. «Перхонен» постоянно посылает изображения, получаемые от моего маяка: вокруг множество помещений, туннелей и машин.

Я проползаю вперед более пятидесяти метров, царапая кожу о стены и трубы и останавливаясь всякий раз, когда слышу шаги Спокойных. В какой-то момент мимо меня, не обращая никакого внимания, пролетает целый рой похожих на пчел Спокойных. Они карабкаются по мне, поблескивая в темноте крошечными глазками, и я с трудом сдерживаю крик.

Наконец я вижу еще один горизонтальный тоннель, на этот раз стены керамические и скользкие от липкой жидкости, просачивающейся из пористого материала. Здесь совершенно темно, и я переключаю зрение на инфракрасный диапазон, стараясь не обращать внимания на призрачный мир гигантов, движущихся на границе видимости, и сосредоточиться только на цели.

Я долго карабкаюсь в темноте, и наконец туннель расширяется и плавно направляется вниз, так что мне приходится напрягать мышцы, чтобы не соскользнуть. И вот впереди виден свет — тускло-оранжевый сумрак, и я чувствую леденящий ветер. Теперь становится видно, что туннель заканчивается наклонной шахтой и закрыт мелкоячеистой сеткой, пропускающей свет

снаружи.

Передай Миели, что я готов ее встретить, говорю я «Перхонен».

Она ориентируется на твой маяк. Скоро будет.

Добраться до этого места стоило немалого труда. У основания города гевулот чрезвычайно плотный: Ублиетт не собирается облегчать жизнь гогол-пиратам. Так что единственный шанс попасть сюда — проникнуть изнутри.

Я снова беру ку-инструмент и прорезаю в сетке отверстие. Лезвие легко рассекает преграду. Взгляд вниз вызывает приступ головокружения. Но вот налетает горячий вихрь, и над отверстием на раскрытых крыльях зависает Миели.

— Где ты так задержалась? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня с неодобрением.

— Знаю, знаю, — говорю я. — Надо было что-нибудь надеть, как только я восстал из мертвых.

Миели увлекает меня в туннель, ориентируясь на маяк, указывающий путь к телу Унру. Я рад, что она здесь: мы стремительно пролетаем по туннелям и переходам. Несколько раз, когда мимо с лязгом и сопением проходят огромные Спокойные, принося с собой запах моря, она окутывает нас облаком пыли-невидимки.

И вот мы добираемся до подземной усыпальницы. Это цилиндрические залы около ста метров диаметром, сверкающие хирургической чистотой и хромом, на табличках выгравировано имя и шифр. В третьем зале мы отыскиваем Унру.

Как только я вхожу, сверху доносится шипение: восьминогий Спокойный-гробовщик заметил нас и быстро спускается вниз по кабелям. Миели отталкивает меня и стреляет в него из гостгана. Спокойный со скрежетом останавливается в нескольких метрах надо мной и повисает, словно тряпичная кукла. При взгляде на его мандибулы у меня сводит челюсти.

— Не беспокойся, — говорит Миели. — Мой гогол только завладел его моторными функциями. Разум внутри не пострадает. Мы не будем нарушать твою профессиональную этику.

— Это меня не тревожит, — отвечаю я.

Миели принесла для меня одежду из интеллектуальной материи, но мне все равно холодно. Повинуясь жесту Миели, Спокойный послушно карабкается к табличке с именем Унру, и через несколько мгновений гроб уже лежит на полу перед нами. Я вскрываю его своим инструментом.

— Как я уже говорил Раймонде, мы берем у богатых и отдаем бедным.

Бывший миллениэр бледен, на нем нет ничего, кроме черного диска Часов. *Давай,* командую я «Перхонен». Поток частиц с корабля при моем усовершенствованном зрении представляется белым светящимся карандашом. Луч упирается в Часы и возвращает украденную нами минуту. Затем включается внешняя система восстановления, поле зрения закрывает белый шум, и последняя синхронизированная версия разума Унру из экзопамяти возвращается в его тело.

По телу миллениэра пробегает дрожь. Он порывисто вдыхает полной грудью, кашляет и наконец открывает глаза.

— Что?.. Где?..

— Простите, мистер Унру, это займет одно мгновение.

Миели подает мне загрузочный шлем — гладкую черную каску. Я надеваю его на голову Унру, и шлем плотно прилегает к черепу.

Миллениэр начинает смеяться, но смех тут же переходит кашель.

— Опять вы? Я разочарован. Я не ожидал, что вы окажетесь обычным гогол-пиратом.

Я улыбаюсь.

— Могу вас заверить, что не взял ни крупицы вашего гевулота и уже возвратил все, что у вас украл. Дело в другом. Лежите спокойно, пожалуйста.

План был прост. Как установить факт манипуляций сознанием со стороны каких-то темных сил? Надо отыскать чистую матрицу и провести сравнение. Унру был молод, не проходил процедуру воскрешения и еще не побывал в состоянии Спокойного, так что его мозг не подвергался воздействию системы восстановления. Теперь это произошло, и, если сознание изменилось, мы это обнаружим. Если нет, что ж, я бывал и в худших ситуациях.

— Если это необходимо… — Унру вздыхает. — Понимаю. Вы украли минуту моего Времени, и теперь ее возвратили. Чтобы добраться до моего разума здесь? Интересно. Не могу себе представить, зачем это понадобилось. Это очень странное преступление, мистер ле Фламбер. Жаль, что я не увижу, как молодой Ботреле вас поймает.

— Я передам ему от вас привет, — говорю я. — И, кстати, должен извиниться за окружающую обстановку. Я даже не могу предложить вам выпить.

— Ладно. Недавно мне пришлось пережить гораздо большие неудобства.

— Пока мы ждем результата, не могли бы вы объяснить, как узнали о нашем появлении на приеме?

— Письмо.

— Письмо?

Унру удивленно смотрит на меня.

— Так его прислали не вы? О, это даже интереснее, чем я предполагал. Как жаль, что придется все это пропустить. В моей библиотеке появилось письмо от вашего имени. И мы никак не могли понять, откуда оно взялось. Мистер Ботреле решил, что экзопамять повреждена…

Мы уже получаем информацию, говорит «Перхонен». *Похоже, изменения действительно имели место, особенно в…*

Лицо Унру превращается в злобную маску. Он тянется к моему горлу, и бледные пальцы впиваются в шею. Испустив пронзительный вопль, Унру бьет меня лбом в лицо, и мои глаза заволакивает кровавая пелена боли.

Миели заламывает ему руки за спину и оттаскивает от меня.

— ле Фламбер! — кричит он изменившимся голосом. — Он придет за тобой. ле Руа придет за тобой!

А потом его Время окончательно иссякает, и он бессильно повисает на руках Миели.

Я потираю горло.

— Что ж, — говорю я. — Если и требовалось еще какое-нибудь доказательство манипуляций сознанием жителей Ублиетта, теперь оно у нас есть.

Мы получили данные, сообщает «Перхонен». *Это очень странно.*

Миели, наклонив голову, прислушивается.

— Кто-то идет, — предупреждает она.

Спустя мгновение я тоже различаю приближающиеся шаги Спокойного.

— Вот тебе на! — восклицаю я. — Наверное, молодая ищейка догадалась, что мы собираемся делать.

Миели хватает меня за руку.

— Поиграешь в свои игры потом, — говорит она. — Надо уходить.

В поисках путей к отступлению Миели изучает трехмерный план, составленный «Перхонен».

— Не пора ли убегать? — спрашивает вор.

— Ш-ш-ш.

Метамозг отыскивает возможные маршруты с минимальной вероятностью встречи с противником. У Миели нет ни малейшего желания пробиваться к выходу с боем. Вот оптимальный вариант: через этот зал, потом наверх…

Пол и стены содрогаются. Раздается протяжный скрежет, и на

схеме появляется *новый* объект. Миели понимает, что означает груда искусственных мышц, излучающая энергию и тепло, — Спокойный-атлант. Эти существа поддерживают баланс платформ и внутреннюю структуру. Находятся точно под Лабиринтом, где движение заметнее всего. Воскресители используют этих великанов, чтобы заблокировать выходы. Значит, придется сражаться. Если только…

— Сюда, — бросает она вору и бежит по туннелю туда, откуда доносятся голоса.

— Можно уточнить? — спрашивает вор. — Разве мы не должны *убегать* от них?

У Миели нет желания спорить, и она просто с силой подталкивает его через биотическую связь.

— А вот это абсолютно лишнее!

Пересекающий усыпальницу цилиндрический тоннель довольно широк и продолжает увеличиваться. Метамозг регистрирует присутствие впереди Спокойных и Воскресителей, но сейчас Миели интересует не это.

Они с вором попадают в просторное с низким потолком помещение шириной около ста метров, освещенное тусклым светом синтбиотических трубок. Одна из стен — неровная и явно органического происхождения — двигается и пульсирует. Это панцирь живого существа, Спокойного-атланта. Миели погружается в боевую сосредоточенность, изучая планы окружающей преисподней, расположение платформ и их взаимодействие.

— Стоять! — раздается чей-то приказ.

С противоположной стороны зала появляется группа Воскресителей и с ними Спокойные-воины.

Миели стреляет в бок атланта из гостгана. На этот раз снарядом служит простой раб-гогол, который после нескольких циклов сам себя уничтожит. Пол и стены начинают дрожать. По телу Спокойного проходит спазм. Панцирь трескается. А затем с оглушительным грохотом зал раскалывается по самому центру, из зияющей трещины пробивается дневной свет. Миели хватает вора за руку и прыгает.

Они выпадают через рану в плоти города. Вместе с ними, словно кровь, вырываются потоки синтбиотического раствора. И вот они уже щурятся от яркого света снаружи, в настоящем лесу городских ног.

Миели расправляет крылья, чтобы остановить падение, накрывает себя и вора пеленой гевулота и летит назад, в город живых.

В отель я возвращаюсь в приподнятом настроении.

Под гевулотом я весь покрыт грязью и сажей, ноги еще дрожат после полета с Миели, но я ликую. Мне по-прежнему любопытно, кто же овладел сознанием Унру, но желание отпраздновать пересиливает все остальное.

— Ну же, — говорю я Миели, — это надо отметить. Такова традиция. Ты теперь почетный вор. Подобные ситуации возникают, когда кто-то попадается при дележе добычи или из-за плохой подготовки отступления. Но мы справились. Не могу поверить.

У меня в голове постоянный гул. За последние несколько часов я побывал эмигрантом с Пояса, сыщиком, выпрашивающим Время нищим и трупом. *Наверно, так я должен был чувствовать себя в прошлом.* Мне трудно усидеть на месте.

— Ты прекрасно справилась. Как амазонка. — Я несу чушь, но меня это не тревожит. — Знаешь, когда все это закончится, я вернусь и снова поселюсь здесь. Займусь каким-нибудь спокойным делом. Буду выращивать розы. Буду разбивать сердца девушек, а время от времени совершать и другие поступки.

Я заказываю фабрикатору самый дорогой напиток, на который тот способен, — виртуально выращенное вино Королевства — и протягиваю бокал Миели.

— А твой корабль! Какое мастерство в квантовой магии!

Полагаю, я могу считать себя полоумной, специализирующейся на взрывах мозга, говорит «Перхонен».

— Она разбирается в поп-культуре! Я без ума от нее! — смеюсь я.

Между прочим, в полученной информации обнаруживаются довольно интересные факты.

— Потом! Оставь все на потом. А сейчас мы слишком заняты празднованием.

Миели бросает на меня странный взгляд. Я снова жалею, что не могу ее понять, но биотическая связь действует только в одну сторону. К моему удивлению, она принимает бокал.

— У тебя все время так бывает? — спрашивает она.

— Дорогая моя, впереди у нас несколько месяцев подготовки ко взлому мозга *губерний.* А это пустяки. Только искры. Настоящий фейерверк будет потом. А сейчас я словно испытывающий жажду в пустыне. Это хорошо. — Я чокаюсь своим бокалом о ее бокал. — За преступление.

Ликование вора заразительно. Миели понимает, что немного опьянела. Ей и раньше приходилось прилагать немало усилий для подготовки операции — к примеру, освобождению вора из

Тюрьмы — но она никогда не испытывала того странного возбуждения, какое прямо-таки излучает вор. Он тоже отлично себя проявил, совсем как собрат по кото, без всякого бунтарства, и это нечто новое в его поведении.

— И все же я не понимаю, — говорит она, усаживаясь на диван и позволяя себе наслаждаться этим будоражащим ощущением. — Почему это доставляет такое удовольствие?

— Это игра. Ты когда-нибудь играла в игры у себя в Оорте?

— Мы бегали наперегонки. И состязались в мастерстве и исполнении колдовских песен. — Внезапно она ощущает тоску по прошлому. — Я очень любила все это, особенно изготавливать предметы из коралла. Надо представить себе желаемый предмет. Найти описывающие его слова. А потом обратиться с ними к вяки, [46] они пробуждаются и создают его. В итоге ты получаешь что-то свое, новую для этого мира вещь. — Она отводит взгляд. — Так я создала «Перхонен». Это было очень давно.

— Видишь ли, воровство для меня то же самое, — отвечает вор.

Внезапно он становится очень серьезным.

— Что же ты здесь делаешь? — спрашивает он. — Почему не вернешься, чтобы создавать новые вещи?

— Я делаю то, что должна сделать, — произносит Миели. — И так было всегда.

Но она не желает развивать эту тему.

— Но только не сегодня, — говорит вор. — Сегодня мы будем делать то, что нам *хочется.* Мы будем развлекаться. Чего бы ты хотела?

— Петь, — признается Миели. — Я хотела бы спеть.

— Я как раз знаю подходящее место, — заявляет вор.

Чрево: подземные улицы и закоулки между перевернутыми башнями. Огоньки Спокойных внизу, дроны-газетчики, предлагающие репортажи о дневном землетрясении в городе и странном происшествии на прощальной вечеринке прошлым вечером.

Крошечный бар называется «Красный шелковый шарф». В нем есть небольшая сцена, стены украшены светящимися постерами с изображениями музыкантов, отбрасывающими блики на полукруг столиков. Здесь проходят вечера открытого микрофона. Аудитория состоит из нескольких молодых марсиан, на лицах которых застыло выражение скуки все повидавших людей. Но вор что-то шепчет на ухо хозяину и убеждает включить Миели в программу, пока она сидит у стойки и потягивает из маленького стаканчика какой-то странный коктейль.

Вор, не без помощи «Перхонен», убедил ее потратить немного

времени на переодевание, и Миели выбрала темный брючный костюм, дополненный туфлями на платформе и зонтиком. Вор не удержался, заметив, что у нее такой вид, будто она собралась на похороны. Но, услышав, что это могут быть его похороны, он вздрогнул. Это ее рассмешило. Непривычная одежда, словно панцирь, позволяет ей чувствовать себя другим человеком, каким-то безрассудным авантюристом. Это всего лишь невинный обман: Миели знает, что при первых же признаках опасности метамозг мгновенно избавит от опьянения и ненужных эмоций. Но подобное притворство тем не менее доставляет ей удовольствие.

Как дела? шепчет она «Перхонен». *Тебе не мешало бы к нам присоединиться. Я собираюсь петь.*

На сцене девушка в огромных солнцезащитных очках что-то декламирует, сопровождая стихи абстрактными творениями из недолговечной материи. Миели видит, как вор недовольно морщится.

*Извини,*отвечает корабль.*Я занята решением проблем с многомерной криптографической структурой и привлекла к этому целую тысячу гоголов-математиков. Но я рада, что вам весело.*

Я скучаю по ней.

Я знаю. Мы ее вернем.

— Миели, ты следующая.

Миели вздрагивает.

Мне пора. Пора петь.

Она судорожно сглатывает.

— Не могу поверить, что ты меня на это уговорил, — произносит она.

— Ты это заслужила, — отвечает вор. — Знаешь, ты единственная, кому я здесь могу доверять. Так что не беспокойся, я тебя прикрою.

Миели кивает, ощущая комок в горле. Или это у него комок в горле? На слегка заплетающихся ногах она поднимается на сцену.

Песни льются из нее потоком. Песни льда. Песни долгого странствия Ильматар из горящего мира, песни радости полета и песни предков в потустороннем мире. Она поет песни, создающие корабли. Она поет песни, закрывающие двери кото от Человека Тьмы. Она поет о своем доме.

Когда она заканчивает, в баре все молчат. Потом, один за другим, все слушатели начинают аплодировать.

Позже они отправляются в обратный путь. Вор держит ее за руку, но это почему-то не раздражает ее.

В отеле, когда уже пора пожелать друг другу спокойной ночи, вор не отпускает ее руку. Биотическая связь передает его возбуждение и напряжение. Миели дотрагивается до его щеки,

притягивает его голову ближе.

А потом раздается смех, переливчатый, как и песни до этого, и при виде обиды на его лице она не может остановиться.

— Прости, — говорит Миели, согнувшись пополам и плача от смеха. — Я не могу удержаться.

— Прощаю, — отвечает вор, — хотя не понимаю, что в этом смешного. — В его глазах так ярко пылает уязвленная гордость, что Миели кажется, будто она вот-вот умрет от смеха. — Ладно. Я собираюсь напиться.

Он резко разворачивается и направляется к двери.

— Подожди, — произносит она, вытирая слезы. — Мне очень жаль. Это было мило. Просто мне… смешно. Спасибо за сегодняшний вечер.

Он слегка улыбается.

— Рад, что тебе понравилось. Видишь, иногда неплохо делать то, что хочется.

— Но не всегда, — добавляет она.

— Нет, — вздыхает вор. — Не всегда. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — говорит Миели, сдерживая смех и поворачиваясь, чтобы уйти.

Неожиданно ее гевулот вздрагивает, и появляется ощущение присутствия кого-то постороннего.

— О боже, — раздается чей-то голос. — Надеюсь, я вам не помешал.

На балконе, где обычно сидит вор, расположился человек с небольшой сигарой руке. Неожиданный едкий запах дыма — как дурное воспоминание. Мужчина молод, его черные волосы зачесаны назад. Его пиджак висит на спинке кресла, а рукава рубашки закатаны до локтей. Он улыбается, демонстрируя острые белые зубы.

— Я думаю, нам пора поговорить, — произносит он.

Глава четырнадцатая
СЫЩИК И АРХИТЕКТОР

Исидор во второй раз осматривает тело Унру. Мертвый миллениэр выглядит не таким умиротворенным, как прошлой ночью: его бледное лицо искажено ужасной гримасой, на лбу и висках заметны красноватые точки. Пальцы скрючены.

В зале-усыпальнице очень холодно, и изо рта Исидора вырываются облачка пара. Из-за наглухо закрытого гевулота все вокруг кажется нереальным и ускользающим, а молчание трех Воскресителей, пришедших вместе с ним, нисколько не помогает. Фигуры в красных одеяниях, с лицами, скрытыми гевулотом и

сумраком, стоят неестественно тихо, не двигаются и как будто даже не дышат.

— Как любезно с вашей стороны разрешить мне прийти сюда, — говорит Исидор, обращаясь к тому — ему или ей? — на чьей груди начертан золотой знак бесконечности. — Как я понимаю, это не совсем обычная просьба.

Ответа нет. Исидор почти уверен, что это тот же самый Воскреситель, с которым он недавно разговаривал в Доме Воскрешения, когда понял, что намеревается сделать вор. После толчка, потрясшего город, Воскресители привели его сюда и показали, что произошло, но до сих пор никто не произнес ни слова.

Логический вывод мог быть только один: украсть столь ничтожное количество времени понадобилось лишь для того, чтобы впоследствии вернуть его и совершить какое-то преступление в преисподней. *Бедняга Унру*. Концы с концами не сходятся, и от этого Исидору становится не по себе.

Он изучает место преступления при помощи своего увеличительного стекла. На полу остатки консервирующего геля двух различных видов, и степень их коагуляции тоже различна; одно вещество с тела Унру, другое — с чьего-то еще. Это подтверждает догадку Исидора о том, как вор проник сюда: он каким-то образом притворился мертвым, а потом изнутри впустил своего вооруженного сообщника. Исидор решает проверить все воспоминания агор в тех местах, где умирают нищие Временем.

Кроме того, он обнаружил следы незнакомых искусственных клеток — куда более сложных, чем любые синтбиотические вещества Ублиетта. Клетки находились под ногтями Унру, значит, не обошлось без борьбы. А отметины на его черепе свидетельствуют о принудительной закачке.

— Нельзя ли хоть ненадолго его восстановить? — спрашивает Исидор у Воскресителей. — Мы могли бы воспользоваться его показаниями, чтобы точно узнать, что здесь произошло.

Молчание облаченных в красное стражей преисподней его не удивляет: они не желают нарушать законы восстановления ни при каких обстоятельствах, даже ради раскрытия преступления.

Исидор обходит помещение, продолжая размышлять. Один из Воскресителей занимается пострадавшим Спокойным, на которого напал сообщник вора. Исидор уже осмотрел пулю — крошечный осколок алмаза. Если внутри него что-то и было, все уже сплавилось в единую массу.

Больше всего его беспокоит отсутствие мотива. Происшествие во время приема, теперь еще и это — ничего общего с

преступлениями гогол-пиратов, о которых он слышал или в расследовании которых участвовал. Судя по всему, вор не делал никаких попыток получить доступ к гевулоту Унру. Это даже не преступление. Некоторое количество Времени было украдено, потом возвращено, сняты две разные копии сознания Унру, что совершенно бессмысленно без ключей гевулота для их расшифровки. Но прежде всего, как же ему удалось похитить Время?

— Вы не возражаете, если я взгляну на это? — Исидор поднимает Часы Унру и осторожно отстегивает с руки цепочку. — Я бы хотел их осмотреть.

Воскреситель с символом бесконечности на груди медленно кивает, достает из кармана маленькие непримечательные Часы и прикасается к ним и к Часам Унру своим декантером. После этого он кладет новые Часы точно на то место, где были старые, и отдает Исидору черный гладкий хронометр Унру.

— Благодарю вас, — говорит Исидор.

Воскреситель сдвигает назад свой капюшон и слегка приоткрывает гевулот, показывая круглое приветливое лицо. Он нерешительно откашливается.

— Прошу прощения… Мы так много времени проводим с… нашими Спокойными братьями, что трудно…

— Все в порядке, — отвечает Исидор. — Вы были очень добры.

Человек достает что-то из кармана.

— Мой партнер… там, внизу… — Он показывает на пол. — Когда не был Спокойным… был поклонником… — Он кашляет. — И я подумал… может, вы… автограф?

Воскреситель протягивает газетный сюжет с недолговечным фильмом. Статья Адриана Ву.

Исидор вздыхает, берет газету и достает из кармана ручку.

Дневной свет заставляет его щуриться, но Исидор рад, что оставил позади темный фасад Дома Воскрешения. Ветер на Устойчивом проспекте по сравнению с прохладой преисподней кажется ему горячим, но человеческие голоса действуют освежающе.

Оптогенетический вирус на приеме вызвал у него ощущение растерянности и небольшую головную боль. Однако Спокойный-медик, осматривавший его и остальных гостей, не обнаружил никаких остаточных следов инфекции. Он сумел изолировать вирус, а когда Исидор вместе с Одеттой обыскивал территорию, они нашли порванный цветок, откуда, вероятно, и распространилась зараза. Цветок, надежно упакованный в сферу из интеллектуальной материи, так и остался в наплечной сумке

Исидора.

Он не спал всю ночь, но мысли, беспрестанно кружащиеся в голове, не дают отдохнуть. Вспоминая о воре, Исидор чувствует легкий укол стыда. Они были так близко — лицом к лицу — и вор сумел похитить не только его самообладание, но и кольцо сцепленности. И вот еще одна загадка: как ему удалось скопировать его облик? Насколько Исидору известно, у вора не было возможности получить доступ к его гевулоту.

Мало того, никаких следов вора не осталось даже в экзопамяти парка, его единственное появление без маскировки гевулота было зафиксировано в тот момент, когда он разговаривал с Исидором. Абсолютно ясно, что этот человек способен изменять внешность по своему желанию. Исидор подозревает, что растерянность отчасти обусловлена страхом: возможно, ле Фламбер ему не по зубам.

Исидор останавливается под вишней и вдыхает запах ее цветков, стараясь собраться с мыслями. От обычных гоголпиратов его противника не отличает ничего, кроме особой репутации и некоторого своеобразия. ле Фламбер где-нибудь обязательно ошибется, и Исидор твердо намерен его поймать.

Сжав зубы, он сворачивает с проспекта на боковую улочку и отправляется на поиски лавочки Часовщика.

— Интересно, — говорит Часовщик, разглядывая Часы Унру через массивный бронзовый окуляр. — Да, думаю, я смогу вам сказать, как это было сделано.

На линзах окуляра мелькают строки цифровой информации. Часовщик — худощавый мужчина средних лет с синими волосами, обвисшими усами и мочками ушей, вытянувшимися под тяжестью имплантатов и серег. На нем черная футболка с отпоротыми рукавами. Мастерская представляет собой нечто среднее между лабораторией квантовой физики и рабочим местом часовых дел мастера. Здесь полно блестящих жужжащих голографических дисплеев и миниатюрных инструментов, аккуратно разложенных на деревянном столе. Из дальней комнаты доносятся ритмичные звуки, и Часовщик, работая, энергично кивает в такт громкой музыке. После того, как Исидор рассказывает ему историю Унру, он с радостью берется помочь, хотя молодому сыщику с трудом удается игнорировать похотливые взгляды, которые Часовщик время от времени бросает на него.

Перчатки Часовщика оканчиваются пинцетом — словно продолжающими его пальцы остриями, которые сужаются до молекулярного уровня. При помощи этого приспособления он

вынимает что-то из Часов Унру и подносит предмет к свету. Это едва различимый на глаз паук телесного цвета. Часовщик помещает его в сферу из недолговечной материи и увеличивает: получается чудовищное насекомое размером с кулак. Исидор вынимает свое увеличительное стекло, вызывающее любопытный взгляд мастера.

— Этот малыш создан в соответствии с принципом ЭПР-парадокса, — заявляет Часовщик. — Паук добрался до ионных накопителей Времени, выкачал его часть и преобразовал в какой-то сигнал. А потом — пуф! — и Время улетело. Это один из самых старых трюков из учебника по квантовой механике, но я впервые вижу, чтобы им пользовались для того, чтобы украсть Время.

— А где мог находиться приемник? — спрашивает Исидор.

Часовщик разводит руками.

— Где угодно. Кват-сигналы не требуют большой мощности. Насколько я знаю, приемник мог быть даже в космосе. Да, кстати, этот жучок явно не местного происхождения. Могу поспорить на все свои деньги, что это изобретение Соборности. — Он сплевывает на пол. — Надеюсь, вы сумеете их поймать.

— Я тоже надеюсь, — говорит Исидор. — Спасибо.

Он обводит взглядом мастерскую. В разложенных под стеклом Часах ему чудится что-то знакомое, в голове щелкает…

Бронзовые Часы. Слово «Тиберменшь»…

Откуда же пришло воспоминание?

— Сынок, что с тобой? — спрашивает Часовщик.

— Все в порядке. Мне надо присесть.

Исидор опускается на предложенный хозяином мастерской стул. Сыщик закрывает глаза и обращается к экзопамяти вечеринки. Вот оно: странное ощущение встречи с двойником, возникшее после разговора с вором, как раз перед тем, как тот украл Время Унру. Конечно: если вор воспользовался ключом к личности Исидора, чтобы его имитировать, у него имеется доступ к экзопамяти о том промежутке времени.

— Вы не могли бы приглушить музыку?

— Конечно, конечно. Стакан воды?

Исидор массирует виски и бережно просеивает память, отделяя свои воспоминания от тех, которых быть не должно. *Он смотрел на свои Часы. Вот его Часы.* Есть еще и другие мысли — архитектурные эскизы, красивая женщина со шрамом на лице, похожий на бабочку космический корабль со сверкающими крыльями. И еще эмоции: высокомерие и самоуверенность, бравада, вызывающая у Исидора гнев.

Я тебя обязательно поймаю.

Он открывает глаза, морщится от головной боли, берет

протянутый стакан и залпом выпивает воду.

— Спасибо. — Он делает глубокий вдох. — Еще один вопрос, и после этого я не стану вам докучать. Вам когда-нибудь попадались такие Часы?

Исидор посылает Часовщику воспоминание о только что увиденных Часах.

Мастер ненадолго задумывается.

— Вряд ли я их видел. Но, думаю, старая Антония могла бы вам помочь, ее мастерская через две улицы. Скажите, что вас послал Джастин.

Он подмигивает Исидору.

— Еще раз спасибо, — благодарит Исидор. — Вы мне очень помогли.

— Не стоит. В наше время трудно встретить молодых людей, интересующихся Часами. — Мастер усмехается и кладет руку на бедро Исидора. — Хотя, если вы действительно желаете выразить свою признательность, мы могли бы…

Исидор поспешно покидает мастерскую. Вслед ему снова доносится дикая музыка и хохот.

— Да, я их помню, — говорит Антония.

Она совсем не старая, по крайней мере, если судить по внешнему виду: возможно, это ее третье или четвертое тело — изящная смуглая женщина с лицом индианки. В ярко освещенной лавке полный порядок, между Часами на витрине разложены ксанфийские ювелирные украшения. Антония сразу же отпечатывает из недолговечной материи копию воспоминания и теперь покачивает ее на ладони, постукивая по крышке ярко-красным ногтем.

— Это было несколько лет назад, — сообщает она. — Приблизительно около двадцати земных лет, судя по дизайну. Заказчик хотел, чтобы в Часах имелось специальное пространство, в котором можно что-то спрятать, и открываться оно должно было нажатием определенных букв на крышке. Возможно, он хотел подарить их возлюбленной.

— А не помните ли вы, случайно, самого заказчика? — спрашивает Исидор.

Женщина качает головой.

— Этим ведает гевулот магазина, но мы редко храним подобные сведения. Люди предпочитают конфиденциальность во всем, что касается их Часов. — Антония задумчиво хмурится. — Хотя я уверена, что часов было несколько. Да, девять штук. Все очень похожи между собой, и все для одного заказчика. Если хотите, я могу передать вам схему.

— Это было бы чудесно, — отвечает Исидор.

Антония кивает, и через мгновение его мозг наполняется сложными механическими и квантовыми схемами, сопровождаемыми головной болью. Пока Исидор морщится, Антония с улыбкой разглядывает его.

— Надеюсь, Джастин вас не испугал, — говорит она. — Наша профессия обрекает на одиночество — долгие часы работы, редкая благодарность — и его иногда заносит, особенно с молодыми парнями вроде вас.

— У сыщиков почти то же самое, — отзывается Исидор.

Он решает пообедать в небольшом парящем в воздухе ресторанчике в Монгольфьевиле, а заодно привести мысли в порядок. Его узнают даже здесь — очевидно, «Вестник» потрудился отметить его участие в прощальном приеме Унру — но он так сильно занят Часами, что даже не пытается скрыться от любопытных взглядов под пеленой гевулота. Едва притронувшись к тыквенному пирогу, он сосредоточивается на схеме Часов.

Все они одинаковы, за исключением гравировок. *Bonitas. Magnitudo. Etemitas. Potestas. Sapientia. Voluntas. Virtus. Veritas. Gloria.* Благость. Величие. Вечность. Сила. Мудрость. Воля. Добродетель. Истина. Слава. Ни одно из этих качеств невозможно отнести к Жану ле Фламберу. Но подобные гравировки говорят о том, что ограбление Унру не было вызвано простым желанием поиграть с варварами из Ублиетта, как полагал милленіэр. ле Фламбер явно имел какое-то отношение к Марсу, по крайней мере — двадцать лет назад.

За чашкой кофе Исидор рассеянно смотрит на город и запрашивает в экзопамяти информацию о выгравированных словах. Все вместе эти божественные достоинства встречались в средневековых текстах, в работах Раймонда Луллия,[47] жившего в XIII веке, а также были связаны с каббалистическим Древом Жизни и утраченным искусством… памяти. Одним из последователей Луллия был Джордано Бруно, который усовершенствовал принцип дворцов памяти — хранения мысленных образов в физических объектах, как бы за пределами сознания. Что ж, эта связь, по крайней мере, кажется логичной. Экзопамять Ублиетта организована таким же образом: все мысли, знания и ощущения хранятся в ячейках многочисленных компьютерных устройств, расположенных вокруг города.

Общий ход мыслей кажется Исидору логичным, но он испытывает неуверенность, словно пытается разглядеть проявляющиеся за облаками образы. И тут в сознании всплывает фрагмент воспоминаний с архитектурными набросками.

Снова обратившись к экзопамяти, Исидор узнает, что двадцать лет назад Голос санкционировал серию новых построек.

Девять отображений в памяти, выполненных архитектором по имени Поль Сернин.

Все дворцы памяти расположены в Лабиринте, относительно недалеко друг от друга, но информация о них в общественной экзопамяти устарела, и, чтобы их отыскать, Исидору приходится поработать ногами.

Первым на его пути попадается дворец, находящийся неподалеку от рыночной площади Лабиринта, между синагогой и общественным центром фабрикаторов. Это весьма экстравагантный небольшой дом, построенный из какого-то гладкого черного материала и состоящий из геометрических фигур, на первый взгляд беспорядочно нагроможденных друг на друга. И тем не менее Исидор улавливает некоторую закономерность. Поверхности образуют ячейки, напоминающие жилые помещения и переходы, но странным образом искаженные, как будто отраженные в кривом зеркале. На табличке, расположенной над тем местом, где предполагается вход, начертано *Etemitas.*

Со стороны кажется, будто постройка спроектирована алгоритмическим процессором, а не человеческим существом. Более того, очертания отдельных частей выглядят размытыми, словно поверхности продолжают фрактальное деление, недоступное человеческому глазу. В целом здание производит не слишком приятное впечатление. Кто-то из местных жителей, вероятно желая сделать мрачное сооружение менее зловещим, поставил внутрь горшки с цветами, и лианы, стремясь к свету, обвивают острые выступы.

Пока Исидор разглядывает постройку, местная экзопамять выдает короткое сообщение о том, что *Etemitas* является «экспериментом по трансформированию фрагментов экзопамяти в архитектурные и жилые пространства». В конце концов, подобных проектов в Ублиетте великое множество, а несколько знакомых Исидору студентов разрабатывают и более странные идеи, но здесь явно имеется нечто более глубокое, нечто важное для вора или бывшее важным для него в прошлом.

Повинуясь внезапному порыву, Исидор достает увеличительное стекло. И невольно ахает. Едва он включает увеличение, поверхность здания становится невероятно сложной: обнаруживаются черные листья, шпили и пирамиды, целые архитектурные комплексы, поражающие своей точностью на молекулярном уровне. Кроме того, лупа не в состоянии определить, что это за материал. Вещество напоминает ку-материю зоку, но гораздо плотнее; при сравнительно небольших размерах это сооружение должно быть невероятно тяжелым. При

ближайшем рассмотрении оно кажется не столько предметом архитектуры, сколько немыслимо сложным механизмом, застывшим во времени.

И это только один из девяти дворцов? Исидор глубоко вздыхает. *Возможно, это действительно мне не по силам.*

В глубокой задумчивости, интуитивно двигаясь по Лабиринту, он направляется к следующему объекту Отображения, который находится всего в нескольких сотнях метров.

Как же все это связано с Унру? Время, дворцы памяти, божественные достоинства? Может, все это не имеет смысла, а ле Фламбер просто безумец? Но инстинкт подсказывает ему, что существует определенная логика, перед ним лишь верхушка огромного айсберга.

От неожиданного шума Исидор едва не подпрыгивает. На соседней крыше мелькает фигура на роликовых коньках. Строительство в этой части Лабиринта было приостановлено, поскольку движение городских платформ переместило участок в невыгодную позицию. Повсюду незавершенные здания и очень пустынно. Дома на узких улочках напоминают гнилые зубы. Любитель кататься на роликах уже исчез, превратившись в серое пятно гевулота. Исидор идет быстрее.

Через минуту он слышит за спиной шаги. Поначалу ему кажется, что его преследует один человек, но, остановившись и прислушавшись, он понимает, что ступают несколько пар ног, двигаясь синхронно, как в боевом строю. Исидор спешит свернуть с главной улицы в переулок и тут же замечает, что в результате смещения платформ противоположный конец переулка превратился в тупик. Он оборачивается и видит четырех Себастьянов.

Все они копии приятеля Элоди: молодые, привлекательные, в облегающей одежде, отдаленно напоминающей костюмы зоку. Сначала их лица остаются бесстрастными, но затем Себастьяны одновременно растягивают губы в жестокой усмешке.

— Эй, сыщик! — окликает его один из них.

— Теперь мы тебя узнали, — говорит второй.

— Тебе не надо было…

— … лезть не в свое дело, — заканчивает последний.

— Глупо соваться на нашу территорию.

— Глупо приближаться к местам, которые нам приказано охранять.

Словно натренированные солдаты, они одновременно делают шаг и достают небольшие ножи.

Исидор разворачивается и бежит что есть мочи, прикидывая,

как бы перелезть через препятствие, перегородившее переулок.

Себастьян на роликах в прыжке сбивает его с ног. Исидор летит на тротуар, ударяется обоими локтями, потом носом. На мгновение все вокруг затягивает красная пелена. Зрение возвращается, но Исидор уже лежит на спине, а над ним маячат безупречно-фарфоровые физиономии. К горлу приставлено что-то холодное и острое. Руки прижаты к мостовой. Исидор в отчаянии открывает свой гевулот, чтобы срочно вызвать Спокойных-полицейских. Но связь неустойчива: гогол-пираты уже что-то предприняли, чтобы ее блокировать.

Загрузочные щупальца пляшут над его головой, словно ракеты фейерверка на вечеринке, ему даже кажется, будто они шипят. Что-то колет его в шею, и он видит, как один из Себастьянов поднимает небольшой шприц.

— Мы заберем твой разум, сыщик, — говорит он. — Мы так обрадовались, узнав, как ты выглядишь. Мы возблагодарили Федорова, как только увидели газету. Сейчас ты начнешь кричать, совсем как шоколатье в воспоминании моего брата. Молись, чтобы Основатели в своей мудрости использовали тебя для достижения Великой Всеобщей Цели. В качестве наводчика ракеты. Или, возможно, пищи для Дракона.

Щупальца резкими электрическими поцелуями присасываются к черепу Исидора.

— Отпустите его! — раздается резкий раскатистый голос.

На другом конце переулка, на границе поля зрения Исидора возникает черный силуэт Джентльмена.

— И не подумаю, — отвечает первый Себастьян. Из его рта пучком светящихся змей свисают щупальца. — Я добрался до его мозга. Даже твой дьявольский туман не быстрее света, сука.

Свет. Все Себастьяны смотрят на Джентльмена. Мысленным приказом Исидор рассеивает ку-сферу вокруг цветка вора, лежащего в его сумке. *Надеюсь, это сработает достаточно быстро. Надеюсь, что на них тоже подействует.* Он приоткрывает свой гевулот Джентльмену, чтобы тот понял его идею: *фейерверк, свет.*

— Но ты можешь послушать, как он кричит…

Ослепительная вспышка, а потом долгое падение куда-то в темноту.

Наконец свет возвращается. Исидор покачивается на чем-то мягком. Лица Себастьянов все еще мелькают перед его глазами, но через мгновение он понимает, что это его собственное лицо, отражающееся в серебряной маске Джентльмена.

— Не пытайся говорить, — приказывает наставник. — Помощь уже близко.

Исидор парит в воздухе и чувствует себя удобнее, чем на собственной кровати.

— Попробую угадать, — произносит он. — Это вторая самая большая глупость, которую я совершил?

— Не совсем так.

— Ваше появление весьма своевременно, — продолжает Исидор. — Ваша помощь могла бы пригодиться нам прошлым вечером.

— Мы не можем быть одновременно повсюду. Как я понимаю, эта дурацкая прогулка связана со знаменитым незваным гостем?

Исидор кивает.

— Исидор, я хотел с тобой поговорить. Извиниться. Мое суждение при нашей последней встрече было… слишком резким. Я вижу в тебе все качества, необходимые, чтобы стать одним из нас. В этом у меня никогда не было сомнений. Но это не означает, что ты *должен* стать таким. Ты молод. И свою жизнь ты можешь использовать для другого. Ты можешь учиться. Творить. Жить.

— Почему мы говорим об этом сейчас? — спрашивает Исидор.

Он закрывает глаза. В голове сильный шум: второй удар оптогенетического оружия меньше чем за сутки. Голос наставника становится глуше.

— Именно поэтому, — произносит наставник. — Потому что ты продолжаешь подставлять себя под удары. И еще потому, что есть более опасные вещи, чем василевы. Оставь вора нам. Иди домой. Разберись в отношениях со своей подружкой-зоку. В жизни много более интересного, чем погоня за призраками и гоголпиратами.

— А почему… я должен вас слушаться?

Наставник не отвечает. Но Исидор чувствует легкое прикосновение к своей щеке и неожиданный поцелуй на лбу, сопровождаемый странным ощущением отсутствия маски. Прикосновение настолько нежное, что на этот раз Исидор готов признать правоту Адриана Ву. И еще этот аромат — едва уловимый запах хвои…

— Я не прошу меня слушаться, — отвечает наставник. — Просто будь осторожен.

Поцелуй еще горит на его лбу, когда Исидор открывает глаза. Вокруг внезапно возникает суета: прибыли Воскресители и Спокойные-медики в красно-белой одежде. Но наставника уже нет. Перед глазами снова что-то сверкает, и Исидор опускает веки. *Опять фейерверк.* И перед самым погружением в темноту возникает вопрос.

Откуда наставнику известно о фейерверке?

Глава пятнадцатая
ВОР И БОГИНЯ

Миели и я изумленно разглядываем незнакомца. Он встает и надевает пиджак.

— Кто-нибудь хочет выпить? — Он подходит к фабрикатору и наполняет свой стакан. — Прошу прощения, но я немного похозяйничал, пока вас дожидался. Я понимаю, вам есть что отметить, так что ничего удивительного. — Он делает глоток. — Вы провернули неплохое дельце, было интересно наблюдать.

Давай, мысленно обращаюсь я к Миели. *Ты справишься с этим парнем. Надо заставить его говорить.*

Она отвечает мне странным взглядом.

Незнакомец кивает Миели.

— Да, кстати, благодарю за приглашение. Мои коллеги и я сам одобряем откровенность. — Он роняет сигару в стакан, и она с шипением гаснет. — Но где же мои манеры? Прошу вас. — Он указывает на диван. — Присаживайтесь.

Я хватаю Миели за плечо. *Приглашение?* Резким движением он стряхивает мою руку. *Позже.* От оортианской певицы из «Красного шелкового шарфа» ничего не осталось, и ее лицо снова выражает суровую решимость. Я понимаю, что сейчас не время для споров, и сажусь рядом. Незнакомец облокачивается на стол и слегка приподнимает брови.

— Между прочим, Жан, я удивлен. В прежние времена ты был более прямолинейным. Ты не стал бы ждать, пока кто-то добровольно уйдет из жизни, тебя не смущали трупы. Наверное, становишься мягкосердечным.

— Я артист, — отвечаю я. — А трупы несовместимы с настоящим искусством. И я уверен, что то же самое говорил вам и в прошлом, мистер…?

— Прошу прощения, — отзывается он. — Я явился не в своем теле. Этот молодой человек сегодня утром вернулся из Спокойных, и я позаимствовал его облик для нашей встречи во избежание… искушения причинить мне вред. — Он вынимает вторую сигару, облизывает ее кончик и нюхает. — Кроме того, некоторое разнообразие время от времени не помешает. Зови меня Робертом. Мы уже встречались, хотя я понимаю, что ты можешь этого и не помнить. С тех пор мы оба достигли значительных успехов в своей карьере. Я стал… одной из просвещенных личностей, которых ваши друзья-наставники называют криптархами, а ты, по всей видимости, стал пленником.

Криптарх Роберт поджигает сигару, дует на нее, и на кончике остается тлеть красный огонек.

— Наводит на размышления о карме, не так ли? Я думаю, это понятие будет включено в систему восстановления следующего поколения.

— Что вам нужно? — спрашиваю я.

Он приподнимает брови.

— Сейчас объясню. У твоей напарницы имеется очень интересное предложение. Леди, не могли бы вы его повторить?

Миели поворачивается ко мне. Легкий макияж при резком освещении выглядит довольно странно: она похожа на мертвеца.

— Вы перестаете вмешиваться в нашу работу, — говорит Миели, — а мы выдаем вам наставников.

— Заманчиво, не так ли? — произносит Роберт.

В моей груди закипает злость. Алкоголь не помогает. Я делаю глубокий вдох и зажимаю ее в мысленный кулак, приберегая на потом. И улыбаюсь криптарху.

— Знаешь, Жан, мы наблюдали за тобой с тех самых пор, как ты здесь появился. Для профессионала ты был слишком заметен. Мы еще помним прежние времена. Ты не завел здесь друзей. Как жаль, приходится возвращаться в прошлое. Но верность никогда не была в числе твоих достоинств. Вспомни хотя бы, что случилось с той девушкой, Раймондой.

Я удерживаюсь, чтобы не клюнуть на эту приманку.

— Так зачем же было так долго ходить вокруг да около? Гогол-пираты, письмо Унру…

В его глазах что-то мелькает, он поспешно пытается скрыть свои чувства под гевулотом, но тщетно. Он не знает о письме. Роберт пренебрежительно взмахивает сигарой.

— Всего лишь мелкие трюки, чтобы придать игре некоторую остроту. Мы стары и легко впадаем в скуку. Но пора перейти к делу. Я отказываюсь от вашего предложения.

Миели хмурится.

— Почему?

Вместо Роберта отвечаю я.

— Потому что уже известно, кто такие наставники. Один из них работает на вас, а может, и не один. Все они были Спокойными. И они полезны. Следят за чистотой улиц.

— Они вспыльчивы и малоэффективны, а порой вызывают раздражение, но да, они помогают справляться с небольшими проблемами. Однако дело не в этом. Жан, мне всегда нравилась твоя склонность видеть вокруг себя чудовищ. Мы *согласны* с наставниками. Мы хотим, чтобы это место оставалось свободным, безопасным и особенным, словом, подходящим, чтобы жить, не страдая от тяжести прошлых грехов. — Он качает головой. — Проблема не в самих наставниках, а в тех, кто за ними стоит. И

мы хотим подбросить им кое-какую дезинформацию.

— Колония зоку, — говорю я.

— Мне приятно, что ты проявил интерес к нашей внутренней политике. — Он достает из кармана небольшой яйцевидный предмет, похожий на камень зоку. — Здесь разделенное воспоминание, приготовленное для ваших друзей-наставников, — нечто, что вы вполне могли обнаружить во время своих забав с мистером Унру, но более полезное для наших целей.

— Это все? — спрашивает Миели.

— Конечно, нет. — Криптарх снова ухмыляется, демонстрируя зубы в пятнах табачного сока. Гримаса старика на лице юноши. — Этого, безусловно, недостаточно. Жан, мы хотим получить *свою долю.*

— Что?

— Мы позволили тебе прожить здесь столько лет в прошлом. Ты намеревался вернуться и поделиться с нами всеми своими сокровищами из чужих миров. Помнишь? Конечно, нет. — Роберт качает головой. — Тебе не надо было возвращаться. У нас было много времени, чтобы обдумать старые недобрые деньки.

Он поднимается с кресла.

— Вот наше предложение. Первое: вы передаете это наставникам, и так, чтобы они не усомнились в достоверности данных. Второе: любые крупицы информации, которые вы сможете выудить из мозга того несчастного парня, вы пересылаете нам, а затем уничтожаете — о способах мы поговорим позже. И третье: как только вы найдете то, что ищете, мы получаем свою долю. Сполна. Ну, Жан, не скупись. Я уверен, твоих легендарных сокровищ хватит на всех нас.

— Знаете, что я думаю? — говорю я. — Я думаю, что вы *блефуете.* Я не уверен, что вы так могущественны, как утверждаете. Мне кажется, наши находки вас *напугали.* И не зря. Наш ответ…

Миели замораживает мое тело. Меня словно бьют по затылку ледяным молотом.

— Да, — произносит она.

Мне хочется вскинуть руки, кричать и прыгать, но я не в силах стряхнуть мысленный захват Миели. Я могу только беспомощно смотреть, как криптарх отвешивает ей поклон.

— Мой наниматель видит в вас ценных союзников, — сообщает она. — Мы поделимся с вами своими… находками в подтверждение наших добрых намерений. И она рассмотрит вопрос о помощи в ваших делах с зоку.

— Великолепно, — отзывается Роберт. — Я рад, что мы поняли друг друга. С вами приятно иметь дело. — Он

наклоняется и бесцеремонно треплет меня по щеке. — Похоже, ты оказался под каблуком у своей дамы, Жан. Впрочем, у тебя с женщинами всегда были такие отношения.

Миели провожает его к выходу, а я сижу, словно статуя, и от ярости бью себя по голове воображаемыми кулаками.

— Не могу поверить, что ты на это согласилась! — кричу я. — Неужели ты хочешь *работать* с ними? Что случилось с твоими клятвами? Твоей честью кото? Наставники *свои ребята.*

— В его словах есть смысл, — говорит Миели. — И судить — не наше дело.

— Черта с два не наше! — Я мечусь по комнате, потом прижимаюсь лбом к стеклу, чтобы немного остыть. — И ты кое о чем забыла. Они знают *меня.*Это делает их плохими парнями *по определению.* Им нельзя доверять.

— Дело не в доверии, — отвечает Миели. — Прежде чем что-либо предпринимать, мы дождемся, пока твоя память не восстановится окончательно.

— А вдруг что-нибудь не получится? Если наставники не клюнут на эту приманку? Вдруг Раймонда… — Я прикусываю язык. — Это ужасная ошибка.

— Все равно решать не тебе, — заключает Миели. — У нас есть работа, которую необходимо закончить, и мне судить, как это лучше сделать.

— Знаешь, — говорю я, — совсем недавно мне на мгновение показалось, что в тебе есть капля *человечности.* — Я пытаюсь остановиться, но слова вылетают, словно пули из автоматической винтовки. — Соборность завладела тобой окончательно. Они превратили тебя в робота. И твое пение — просто запись в музыкальном автомате. Копия. Гогол. — Мои руки сжимаются в кулаки. — Я целую вечность провел в Тюрьме. Но она меня так и не сломила. Что же сделали с тобой ублюдки, которым ты служишь?

Я хватаю оставленный криптархом стакан, в котором плавает окурок сигары.

— Вот. Вот на что это похоже. — Я отпиваю глоток и сплевываю жидкость на пол. — Вкус пепла.

Выражение лица Миели не меняется. Она поворачивается к выходу.

— У меня еще есть дела, — говорит она. — Надо изучить полученную из сознания Унру информацию. Если возникнут проблемы, нам нужна страховка.

— Проблема уже есть, — возражаю я. — Мой стакан опустел. Я намерен напиться.

— На здоровье, — холодно бросает Миели. — Если

попытаешься связаться со своей подружкой-наставником, я об этом узнаю. И для тебя это добром не кончится.

Сука. На меня со всех сторон что-то давит. Я в ловушке. Я в сотый раз проклинаю свое прежнее «я» за всю эту путаницу. Сокровища можно было просто зарыть в земле. Ублюдок.

Идиот, слышится голос в моей голове. *Выход всегда найдется. Ты не в тюрьме, если сам так не считаешь.*

— Подожди, — окликаю я Миели.

Ее взгляд, как и в мой первый день на борту «Перхонен», исполнен презрения.

— Позволь мне с ним поговорить. С ней.

— Что?

— Позволь мне поговорить с твоим нанимателем. Я знаю, вы поддерживаете связь. Я хочу ясности. Если уж мы собираемся поступать так, как ты настаиваешь, я хочу услышать приказ от шарманщика, а не от обезьянки.

Ее глаза сверкают яростью.

— Ты осмеливаешься…

— Ну давай. Заткни мне рот. Зашвырни в ад. Мне все равно. Я там уже был. Я только хочу высказаться. А потом стану примерным мальчиком. — Я проглатываю остатки вонючей жидкости, пахнущей пеплом. — Обещаю.

Некоторое время мы молча смотрим друг на друга. Не отводя своих бледно-зеленых глаз, она притрагивается к шраму.

— Отлично. Ты сам об этом попросил.

Миели садится на диван и закрывает глаза. Затем поднимает веки, но это уже не она.

На ее лице словно появилась маска. Миели выглядит старше и сдержаннее, но это не боевая сосредоточенность воина, а спокойствие человека, привыкшего к общему вниманию и контролирующего свои чувства. А в ее улыбке сквозит что-то змеиное.

— Жан, Жан, Жан, — произносит она мелодичным и мучительно знакомым голосом. — Что же мне с тобой делать, мой маленький принц-цветок?

Затем она поднимается, обнимает меня за шею и целует.

Миели стала пленницей в собственном теле. Она хочет закрыть глаза, но не может; хочет отстраниться от вора, но не может. Его дыхание обдает ее запахом провонявшего пеплом алкоголя. Она понимает, что будет дальше, и не видит в этом ничего забавного.

Помоги мне, беззвучно просит она «Перхонен». *Забери меня отсюда.*

Бедняжка. Сейчас.

Внезапно ее окутывает прохладная успокаивающая темнота. Какой бы ни была программа, подчинившая себе ее сознание, корабль, по крайней мере, имеет к ней доступ.

Что она делает?

Неисповедимые пути и все такое, отвечает корабль. *Ты в порядке?*

Нет. Миели, лишенной тела и голоса, отчаянно хочется плакать. *Он был прав, а я ошибалась. Но ведь у нас не было выбора, правда?*

Нет, не было. Мы делаем то, что говорит богиня, и никакой другой путь пока невозможен. Мне очень жаль.

И я нарушила обет. Я должна вымолить прощение у Ильматар.

Мне кажется, она все понимает, она же богиня. Я уверена, с ней тебе легче уладить дело, чем с той, другой. Не тревожься, они с вором стоят друг друга.

Голос корабля успокаивает.

Правильно, соглашается Миели. *Кроме того, у нас ведь есть работа, не так ли?*

Конечно.

Через мгновение темнота вокруг Миели уже не кажется пустой. Она попадает в огромную сложнейшую базу данных, и перед ней две гигантские древовидные структуры со множеством линий и узлов, представляющие две версии зашифрованного разума Кристиана Унру.

Целовать Миели — все равно что наконец целовать давнюю подругу, к которой всегда испытывал влечение. Вот только поцелуй оказался совсем не таким, как я себе представлял: в нем ощущается сила и жестокость, от которой перехватывает дыхание. Мне приходится отстраниться, чтобы глотнуть воздуха.

— Кто ты? — спрашиваю я, еле переведя дух.

Она падает спиной на подушки и смеется, словно маленькая девочка. Потом вытягивает руки вдоль тела и скрещивает ноги.

— Твой благодетель. Освободитель. Твоя богиня. Твоя мать. — При виде ужаса в моих глазах она смеется еще громче. — Я *шучу,* мой дорогой. Хотя ты можешь называть меня своей *духовной* матерью. Давным-давно я многому тебя научила. — Она хлопает по подушкам рядом с собой. — Садись сюда.

Я подчиняюсь, хотя и с некоторой опаской.

Ее пальцы скользят по моей щеке к расстегнутому вороту рубашки, и по телу пробегают холодные волны.

— Кстати, надо проверить, все ли ты помнишь.

Она целует меня в шею, сильно прикусывая кожу. Я напрягаюсь.

— Расслабься. Тебе ведь нравится это тело, я знаю. И я позаботилась о том, чтобы твое тело было… восприимчивым.

Последние слова она произносит шепотом, и горячее дыхание обжигает меня.

— Когда так долго живешь, начинаешь отлично разбираться во многих вещах. Особенно в тех, которыми нечасто приходится наслаждаться. После того, как все это закончится, я покажу тебе, как надо жить. Здесь все так неуклюже, в *губерниях* мы можем делать это намного лучше. Но ведь это все равно чудесно, не так ли?

Она сильно кусает меня за мочку уха и вздрагивает.

— Ах, эта дурацкая биотическая связь. Бедняжка Миели так подозрительна. Я отключу этот канал. Ты ведь никуда не собираешься, верно?

— Нет, — задыхаясь, отвечаю я. — Но нам надо поговорить.

— Поговорить можно и потом. Ты согласен со мной?

Господи, помоги. Я согласен.

Имей в виду, я ничего в этом не понимаю, говорит «Перхонен». *Зато понимают гоголы-математики. Это один из корневых узлов его гевулота.*

Для Миели эти информационные структуры все равно что непостижимые видения, являющиеся в потустороннем мире. Перед ней пересечение бесчисленных линий, соединяющихся в сферу, заполненную символами и трехмерными изображениями долей мозга.*Изменения произошли здесь, здесь и здесь.*Отдельные фрагменты меняют цвет. Миели прикасается к сфере, чтобы впитать информацию, и на мгновение задумывается.

Это его процедурная память, говорит она. *И в определенной ситуации она заставит его действовать определенным образом. К примеру, поддерживать Голос.*

Верно. Есть еще изменения, вот здесь и здесь, но больше ничего важного. А самое интересное заключается в том, что мы можем проследить, откуда взялись эти изменения.

Корабль выделяет одну из линий. К ней в качестве пояснения прикреплена сложная математическая формула. *Действие гевулота заключается в генерировании структуры пар из общедоступного и персонального ключей: новая пара появляется всякий раз, когда у пользователя возникает новое воспоминание, опыт или знание, подпадающее под контроль гевулота. Кроме того, они кодируются с вышестоящей парой, согласно иерархии. Смысл заключается в том, что доступ к корневой системе*

имеется только у пользователя.

Однако…

Однако в данном случае выходит, что корневой каталог сгенерирован исходя из посторонней пары. Первичный ключ, если хочешь. Тот, кто им владеет, имеет доступ не только к просмотру экзопамяти Ублиетта, но и к ее редактированию. Для людей, проходящих через состояние Спокойных, это означает полное изменение разума. Вот так и появилась новая версия сознания Унру. Вероятно, у криптархов имеется автоматизированная система модификации всех, кто переходит в разряд Спокойных.

Мать Ильматар, шепчет Миели. *Значит…*

При желании они имеют возможность просматривать и изменять воспоминания каждого, кто хоть раз был Спокойным. Одному человеку, безусловно, не по силам отслеживать такой поток информации, поэтому я предполагаю наличие какой-то схемы. А если учесть, что изменения в разуме Унру не слишком обширные, ресурсы криптархов, вероятно, ограничены.

И в итоге получается, что Ублиетт вовсе не место забвения. Не рай для любителей уединения. Это тюрьма, в центре которой стоит надзиратель.

Наши забавы продолжались немало времени. Сначала это просто жаркое слияние плоти, соприкасание губ, непрерывные объятия и покусывания. Она намного сильнее меня и не боится это показать. Она пускает в ход усовершенствования в теле Миели, дразнит меня горячими наконечниками из ку-точек на пальцах и по-кошачьи усмехается.

Но к третьему разу мы обнаруживаем необычайную чувствительность ее крыльев, и тогда становится еще интереснее.

И что же мы можем с этим сделать?

Ну, относительно доступа к корневому каталогу мы ничего не в силах предпринять. Однако гоголы утверждают, что мы можем установить другой шифр поверх всей программы. При наличии пиратских инструментов можно создать фиктивных жителей Ублиетта. Их ключи не имеют отношения к интерфейсу генератора Ублиетта.

И?

Это позволит сформировать разделенные воспоминания, к которым криптархи никогда не смогут получить доступ. Любой человек, обладающий этими фрагментами, окажется невосприимчивым к манипуляциям криптархов, независимо от того, был он Спокойным или не был. Это вроде вируса — можно

охватить любое число людей. Кроме того, создано еще одно средство, которое стирает из памяти уже произведенные изменения. Вор даже предлагал распространять эти фрагменты через газету…

Постой. Вор предлагал?

Да, мы уже обсудили с ним этот вопрос. Пока ты пела. По правде говоря, гоголам-математикам потребовалось не так уж много времени, чтобы во всем разобраться.

Он уже обо всем знает? И получил эти фрагменты воспоминаний?

Да. Корабль ненадолго умолкает. *Он меня провел?*

Миели клянется себе, что даром ему это не пройдет.

Да, он тебя разыграл. И я думаю, что собирается разыграть еще кое-кого.

Мы останавливаемся, чтобы передохнуть, перед самым рассветом. Каким-то образом к тому времени мы уже переместились в мою спальню. Я лежу на подушках и из-под полуопущенных век смотрю, как она растянулась на другом краю кровати — совершенно нагая, если не считать временных Часов, крылья еще развернуты, и на них падают первые утренние лучи.

— Я *хорошо* тебя учила? — спрашивает она.

— Очень хорошо. А мы… мы были одни?

— Ты боишься оскорбить чувства малышки Миели? Как хорошо, что ты к ней привязался. Должна признаться, я тоже испытываю к ней теплые чувства. Как к любимой вещице или к амулету. — Она потягивается. Даже шрам на ее лице выглядит иначе, более зловеще. — Но не беспокойся, она занята с кораблем. Мы совсем одни. Ты полностью в моем распоряжении. Надо было сделать это раньше, но, понимаешь, меня так много.

— Трудно поверить, что я тебя не помню, — говорю я. — Вот только во время побега из Тюрьмы что-то промелькнуло. Другая тюрьма, на Земле. Я читал книгу…

— Это была наша первая встреча, — поясняет она. — Тогда ты был просто уличным бандитом в большом городе, еще не отряхнувшим с ног песок пустыни. Таким грубым и таким отважным. А посмотри на себя сейчас. Настоящий бриллиант. Или скоро им станешь. А потом… — Она улыбается. — Потом ты сможешь отблагодарить меня надлежащим образом.

— Ты ведь слышала, что я говорил Миели, верно? — спрашиваю я. — Я не одобряю ваших игр с криптархами.

Она машет рукой.

— Чепуха. Жан, ты абсолютно *ничего* не знаешь о том, что тут происходит на самом деле. Они неплохо потрудились. Ублиетт

функционирует. Все здесь счастливы. Даже *ты,* когда жил здесь в прошлый раз, тоже был счастлив. — Она смотрит на меня с какой-то неприязнью. — Я думаю, твой идеализм обусловлен не столько политикой, сколько желанием произвести впечатление на эту веснушчатую сучку.

— Тюрьма — это тюрьма, даже если ты об этом не догадываешься, — отвечаю я. — А у меня проблемы с тюрьмами.

— Бедняжка. Я все понимаю.

— А знаешь, в чем еще моя проблема? Я не держу обещаний. — Я невольно сглатываю. — Я знаю, что многим тебе обязан. И верну долг, несмотря ни на что. Но я не отступлю от своего слова даже ради тебя.

— И как же ты собираешься сдержать свое обещание, мой маленький принц-цветок?

— Для начала я обещал быть хорошим мальчиком. И поэтому намерен дать себя арестовать.

— Что?

— Помнишь ку-паука, которого я выращивал? Устройство для похищения времени? Так вот, я создал два таких прибора. — Я смотрю на свои Часы. — Эта уловка не сработала с Миели: должен заметить, она знает меня лучше, чем ты. А ты оказалась более восприимчивой к некоторым… отвлекающим моментам. Ты должна была видеть, как я пытался ее очаровать прошлой ночью, хотя и безрезультатно. В отличие от тебя. Твое Время подходит к концу.

Мои глаза даже не улавливают ее стремительного движения. Ее колено больно давит мне на живот. Руки смыкаются на горле. Лицо застыло в неподвижной маске ярости. Я едва дышу. Но вижу, что стрелка ее Часов приближается к нулю…

— Я тебя!.. — вопит она.

Ее Часы негромко звякают. И она превращается в неподвижную черную статую. Что бы ни говорили о технологиях Ублиетта, временный гевулот, предоставляемый посетителям, работает отлично, ничуть не хуже боевого утилитарного тумана. Человек не переходит в состояние Спокойного, но оказывается отрезанным от окружающего мира, все его жизненные процессы замирают. Хватка на моей шее ослабевает, и она падает на кровать крылатой статуей из черного мрамора.

Я принимаю душ и одеваюсь, не переставая тихонько насвистывать. В вестибюле отеля я приветствую чиновника иммиграционной службы, сопровождаемого парой огромных Спокойных: мне нравится, когда гражданские власти так эффективно выполняют свои обязанности.

Ожидается прекрасный солнечный день. Я надеваю очки с

синими линзами и отправляюсь на поиски Раймонды.

Глава шестнадцатая
ВОР И ПАМЯТЬ

Я посылаю Раймонде разделенное воспоминание с приглашением встретиться на нашем месте в Монгольфьевиле. Ответ приходит быстро: она придет. Через Лабиринт я иду под прикрытием гевулота и надеюсь, что новое воспоминание, созданное «Перхонен» для противодействия криптархам, будет работать, как и задумано.

Раймонда уже сидит на скамейке со стаканчиком кофе в руке и смотрит на воздушные шары. Увидев, что я один, она удивленно поднимает брови.

— А где твоя оортианская дуэнья? Если ты собираешься устроить романтическое свидание…

— Тише.

Я запускаю ей вирус-воспоминание. Она принимает его и морщит носик. Болезненное выражение на ее лице сменяется изумлением.*Отлично. Работает.*Единственным побочным эффектом, который я замечаю, является стойкий неприятный запах.

— Что за дьявольщина? — Раймонда моргает. — У меня сразу разболелась голова.

С помощью слов и разделенных воспоминаний я посвящаю ее в детали исследования мозга Унру, рассказываю о визите криптарха и о наших с Миели разногласиях, хотя и опускаю некоторые интимные подробности.

— Ты это сделал? — удивляется она. — Никогда бы не поверила…

— Ты можешь поступить с этим вирусом как тебе угодно, — говорю я. — Устроить революцию. Предоставить другим наставникам в качестве оружия. Мне все равно. У меня не так много времени. Как только Миели очнется, она вырубит меня. Если у тебя есть возможность надавить на иммиграционные службы, попроси, пожалуйста, замедлить этот процесс. Сначала мне необходимо разыскать свои тайны.

Она опускает глаза.

— Я не знаю, где они спрятаны.

— О!

— Я блефовала. Я была очень сердита. Я хотела продемонстрировать тебе… кем я стала. Хотела доказать, что сильно продвинулась. И хотела получить средство воздействия на тебя.

— Понятно.

— Жан, ты настоящий ублюдок. Ты всегда был ублюдком. Но на этот раз ты сделал нечто хорошее. Я не знаю, что еще сказать.

— Ты можешь позволить мне вспомнить, каким я был ублюдком, — предлагаю я. — Вспомнить все.

Она берет меня за руку.

— Согласна, — отвечает Раймонда.

Это ее воспоминания, а не мои. Но как только она открывает свой гевулот, в моей голове что-то *щелкает*. У меня такое чувство, будто ее воспоминания питают цветок, и он растет и раскрывается, лепесток за лепестком, часть меня объединяется с частью ее, и образуется нечто большее. Разделенный секрет, скрытый от архонтов.

Марс, двадцать лет назад. Я очень устал. На меня давит тяжесть многолетних превращений в различных людей, гоголов, зоку и членов копи-кланов; жизни в одном теле, во многих телах, в частицах мыслящей пыли; похищений драгоценностей и мыслей, квантовых состояний и миров, принадлежащих алмазным разумам. Я похож на собственную тень, худой, бледный и постоянно напряженный.

В предоставленном мне Ублиеттом теле все становится намного проще, и сердце бьется в унисон с тиканьем Часов, вызывая приятное ощущение определенности. Я иду по Устойчивому проспекту и прислушиваюсь к человеческим голосам. Все кажется мне новым.

Сидящая на скамейке девушка любуется бликами лучей, пробивающихся между воздушными шарами. Она молода, и на лице еще сохранилось удивленное выражение. Можно подумать, что в ней отражаются мои чувства. Я улыбаюсь, и она почему-то улыбается мне в ответ.

Даже в обществе Раймонды очень трудно забыть о своей сущности. Ее подруга Джилбертина бросает на своего возлюбленного такие взгляды, что мне хочется их украсть. Раймонда узнает об этом. Она покидает меня и возвращается в свой медленногород.

Я бросаюсь за ней в Нанеди-сити, где белые домики растянулись по склону долины, словно белозубая улыбка. Я прошу прощения. Умоляю. Она меня не слушает.

И тогда я рассказываю о своих секретах. Не всё, но достаточно, чтобы она ощутила их тяжесть. Я говорю, что они мне больше не нужны.

И Раймонда прощает.

Но это еще не все. Искушение всегда рядом, только принимает разные формы, чтобы труднее было устоять.

Мой друг Исаак рассказывает мне о дворцах памяти и девяти божественных достоинствах.

Я строю собственный дворец памяти. Это не просто мысленное пространство для хранения запоминаемых образов. Мои тайны гораздо тяжелее. Сотни лет жизни. Артефакты, похищенные у Соборности и зоку, мысли и обманы, тела и профессиональное мастерство.

Я возвожу его из зданий, человеческих существ и сцепленных кубитов, из самой ткани Города. Более того, из своих друзей. Они так доверчивы, так открыты, с такой готовностью все принимают. Они ни о чем не подозревают, даже когда я дарю им сделанные на заказ Часы, мои Девять Достоинств. Я наполняю их экзопамять принадлежащими мне воспоминаниями. В девяти зданиях я закладываю украденные у Соборности пико-сборщики, чтобы в случае необходимости можно было все восстановить.

Я запираю свой дворец памяти в полной уверенности, что никогда больше в него не вернусь. Я запираю его дважды: один раз ключом и второй раз — ценой.

Я отдаю ключ Раймонде. И некоторое время снова чувствую себя свободным и молодым. Я начинаю новую жизнь вместе с Раймондой. Я проектирую здания. Я выращиваю цветы. Я счастлив. Мы оба счастливы. Мы строим планы.

Пока не появляется Ларец.

Я сажусь. Трогаю свое лицо. Оно кажется мне плохо подогнанной маской — под ней другая личность, другая жизнь, и хочется царапать его ногтями, пока не сойдут все фальшивые слои.

Раймонда тоже выглядит иначе. Не просто девушка с веснушками на лице и нотными листами в руках и не Джентльмен. Ее окружает ореол воспоминаний, призраки бесчисленных эпизодов. И сознание того, что она больше не моя.

— Что произошло? — спрашиваю я. — С тобой, с ними?

— Что происходит со всеми людьми? Они живут. Двигаются вперед. Становятся Спокойными, потом возвращаются. И потихоньку становятся кем-то другим.

— Я не помню никого из них. Исаак. Батильда. Джилбертина. Марсель. И остальные. Я не помню тебя. Я заставил себя все забыть. Чтобы в случае ареста никто не смог вас отыскать.

— Мне хочется думать, что ты поступил так именно поэтому, — говорит Раймонда. — Но я слишком хорошо тебя знаю. Не пытайся себя обмануть. Ты сбежал. Ты нашел то, что стало для тебя важнее, чем мы. — Она грустно улыбается. — Неужели с нами ты чувствовал себя в ловушке и потому предпочел от нас избавиться?

— Я не знаю. Правда не знаю.

Раймонда придвигается ко мне.

— Несмотря ни на что, я тебе верю. — Она смотрит на воздушные шары, удерживающие в воздухе домики. — После того, как ты исчез, это было особенно трудно. На какое-то время я нашла тебе замену. Это не помогло. Потом раньше срока стала Спокойной. Это помогло, но лишь отчасти. А когда я вернулась, я все еще злилась на тебя. Безмолвие показал мне, что злость может быть направлена на что-то полезное.

Она подносит пальцы к губам и прикрывает глаза.

— Мне все равно, что хочет с твоей помощью украсть эта оортианка, — заявляет она. — Самое худшее ты уже сделал. Ты похитил то, что могло быть. Похитил у меня и у себя. И никогда не сможешь этого вернуть.

— Ты не говорила мне, что произошло… — начинаю я.

— Нет, — перебивает она. — Не надо.

Некоторое время мы оба молчим и разглядываем домики под воздушными шарами. В голову приходит безумная мысль обрезать канаты и отпустить их в свободное плавание по бледному марсианскому небу. *Но в небе жить невозможно.*

— Твой ключ у меня, — говорит Раймонда. — Ты все еще хочешь его получить?

Я смеюсь.

— Не могу поверить, что когда-то держал его в руках. — Я закрываю глаза. — Не знаю. Он мне нужен. Я должен вернуть долг.

В глубине души я хочу его больше всего на свете. Но цена? *Жизни полузабытых незнакомцев. Какое мне до них дело?*

— Когда ты мне его дал, ты попросил, чтобы я направила тебя к Исааку.

— Спасибо. — Я встаю со скамейки. — Я так и сделаю.

— Хорошо. Я намерена поговорить с Безмолвием и остальными наставниками. Дай мне знать, когда решишь, как поступить. Если ты все-таки захочешь получить ключ, тебе стоит только сказать об этом.

— Когда все закончится, тебе, возможно, придется переписать оперу, — говорю я.

Она целует меня в щеку.

— Скоро увидимся.

Исаак живет в маленькой квартирке одной из башен Лабиринта. Я посылаю анонимное сообщение о приходе гостя и в ответ узнаю о том, что он дома. Он открывает дверь и хмурится, но стоит мне приоткрыть гевулот, как его бородатое лицо

проясняется.

— Поль! — Он заключает меня в медвежьи объятия, потом хватает за лацканы пиджака и основательно встряхивает. — Где ты пропадал? — ревет он так, что я ощущаю вибрацию его широченной грудной клетки.

Исаак бесцеремонно втаскивает меня внутрь и швыряет на диван.

— Что ты, черт побери, здесь делаешь? Я думал, ты стал Спокойным или тебя поглотила Соборность!

Он закатывает рукава фланелевой рубашки, демонстрируя мускулистые, покрытые густыми волосами руки. На одном широком запястье я вижу массивные медные Часы и вздрагиваю, хотя пока не могу еще прочесть выгравированную надпись.

— Если ты снова собираешься трепать нервы Раймонде… — ворчит Исаак.

Я поднимаю руки.

— Невиновен. Я здесь… по делам. И хотел увидеться с тобой.

— Хм. — Он недоверчиво смотрит на меня из-под кустистых бровей. Затем на лице появляется усмешка. — Ладно. Давай выпьем.

Он пересекает комнату, отбрасывая ногами все, что попадается по пути, — книги, одежду, блокноты из недолговечной бумаги — и направляется в маленькую кухню. Оттуда раздается журчание фабрикатора. Я окидываю взглядом помещение. Гитара на стене, обои с изображениями персонажей детских мультфильмов, высокие книжные шкафы, стол, словно не тающим снегом заваленный обрывками распечаток.

— А здесь ничего не изменилось, — говорю я.

Исаак возвращается с водкой в недолговечной бутылке.

— Ты шутишь? Прошло всего *двадцать лет.* А генеральная уборка проводится раз в сорок. — Он делает глоток из бутылки, потом наливает на два пальца водки в два стакана. — И за это время я только дважды был женат. — Он поднимает стакан. — За женщин. И не говори мне про дела. Тебя привели сюда женщины.

Я не возражаю и чокаюсь с ним. Мы пьем. Я кашляю. Он оглушительно хохочет.

— Ну как, мне придется надрать твою задницу или это уже сделала Раймонда? — спрашивает Исаак.

— В последние несколько дней таких, как ты, набралась целая очередь.

— Иначе и быть не может. — Он льет водку в стаканы обильной струей, но не проливает ни капли. — Так или иначе я должен был догадаться о твоем появлении, когда снова начались эти сны.

— Сны?

— Кот в сапогах. Замки. Я всегда подозревал, что ты имеешь к ним какое-то отношение. — Исаак скрещивает руки на груди. — Ладно, это не имеет значения. Ты вернулся, чтобы обрести истинное счастье со своей истинной любовью?

— Нет.

— Что ж, хорошо, потому что для этого *слишком поздно*. Идиот. Я знал, что так и будет. Я должен был предупредить тебя. Ты всегда был неугомонным. Никогда не довольствовался тем, что имеешь. Даже с Раймондой. — Он смотрит на меня исподлобья. — Ты не собираешься рассказать, где пропадал?

— Нет.

— Неважно. Я рад тебя видеть. Без тебя в этом мире было скучно.

Мы снова чокаемся.

— Исаак…

— Собираешься сказать какую-нибудь банальность?

— Нет.

Я не могу удержаться от смеха. Как будто я никуда и не уезжал. Я так и вижу, как целый день льется водка, а мы сидим и пьем, пока Исаак не начинает читать свои стихи, разглагольствовать о теологии и вести бесконечные разговоры о женщинах, не позволяя мне вставить ни слова. Не могу даже представить, как бы я сумел его прервать.

И это, конечно, тоже включено в цену.

— Извини, говорю я и ставлю свой стакан. — Но мне действительно пора уходить.

Исаак пристально смотрит на меня.

— Все в порядке? У тебя какой-то странный взгляд.

— Все отлично. Спасибо за выпивку. Я бы остался, но…

— Пф. Значит, это все-таки женщина. Ничего. К твоему следующему приходу я здесь приберусь.

— Извини, — повторяю я.

— За что? Не мне тебя судить. Вокруг и без того хватает желающих бросить камень. — Он хлопает меня по плечу. — Вперед. В следующий раз приведи мне подружку из другого мира. Зеленая кожа меня устроит. Мне нравится зеленый цвет.

— А что на этот счет говорится в Торе? — спрашиваю я.

— Я рискну, — отвечает Исаак. — Шалом.

Отыскивая дорогу к дому Раймонды, я чувствую себя немного пьяным.

— Я не ждала тебя так рано, — произносит она, открывая дверь.

Я протискиваюсь мимо синтбиотических дронов, наводящих порядок. Повсюду, словно паутина, висят покрывала из недолговечной материи.

— Извини за беспорядок, — говорит Раймонда. — Но ты сам виноват.

— Я знаю.

Она внимательно смотрит мне в глаза.

— Итак?

— Дай мне на него посмотреть.

Я сажусь на недавно сфабрикованный, довольно хрупкий на вид стул и жду. Раймонда возвращается и протягивает мне завернутый в ткань предмет.

— Ты никогда не говорил мне, как он работает, — произносит она. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Я беру револьвер и рассматриваю его. Он кажется мне более тяжелым, чем в прошлый раз, когда я держал его в руке, и уродливым из-за короткого ствола и объемного барабана с девятью пулями, девятью божественными достоинствами. Я кладу револьвер в карман.

— Я должен идти, надо еще кое-что сделать, — говорю я Раймонде. — И если мы больше не увидимся, спасибо тебе.

Она не отвечает и отводит взгляд.

Я закрываю за собой дверь и на лифте возвращаюсь на уровень улиц. Мой гевулот как-то странно подрагивает, и внезапно рядом со мной на проспекте появляется молодой темноволосый парень. Он шагает в ногу со мной. У него мое лицо, но чужая непринужденная улыбка. Я жестом предлагаю ему показывать дорогу и следую за ним.

Интерлюдия
ДОБРОДЕТЕЛЬ

Джилбертине опять снится Кот в сапогах. Это полосатый кот на двух лапах, в широкополой шляпе и тяжелых ботфортах. Он ведет ее по мраморно-золотым коридорам дворца, по обеим сторонам которых тянутся ряды дверей. Одна дверь открыта.

— Что там? — спрашивает она Кота.

Тот оглядывается, и его глаза странно мерцают.

— Ты все узнаешь, когда вернется господин, — отвечает он мурлыкающим голосом.

Джилбертина просыпается в своей квартире в Монгольфьевиле, рядом с теплым посапывающим очередным любовником, чье имя уже тускнеет в памяти. Ее гевулот-контракты всегда тщательно составлены, чтобы никому не причинять неудобств, и от встреч остаются только милые воспоминания о плотских наслаждениях, сопровождаемые вспышками эмоций, связанных с приятными запахами и местами.

В последнее время Джилбертине часто снятся сны. А собственные воспоминания кажутся ей зыбкими и неуютными. Возможно, она стареет, хотя и не в обычном, древнем смысле этого слова. Недуг бессмертных, о котором столько твердит Батильда, вызван тем, что сознание много раз стиралось и переписывалось заново.

Разделенное воспоминание приходит в тот момент, когда Джилбертина принимает душ вместе со своим любовником, и его безымянные руки намыливают ей спину. Послание срочное и тревожное. *Раймонда.*

Джилбертина выскальзывает из объятий любовника, закрывшись гевулотом. В любом случае, так и было задумано с самого начала. Перед уходом она задерживается лишь для того, чтобы забрать с тумбочки свои Часы. Джилбертина снимает их, когда занимается любовью. Ее смущает слово Virtus, выгравированное на крышке, — это словно дурная шутка.

Раймонда ждет ее в Чреве, в своей квартирке. На ее бледном, осунувшемся лице веснушки кажутся еще ярче.

— Что случилось? — спрашивает Джилбертина.

— Поль. Он пропал.

— Как?

— Он ушел. Я не знаю, где он. И не знаю, что мне делать.

Джилбертина обнимает подругу, чувствуя, как гнев закипает в груди.

— Тише. Не беспокойся. Все будет хорошо.

— Хорошо? — У Раймонды дрожат плечи. — Как все может быть хорошо?

Я его найду и заставлю заплатить, решает Джилбертина.

Ее гевулот-контракты, даже очень старые, всегда тщательно составлены. И в них имеются пункты на все случаи жизни.

Джилбертина довольна тем, что смогла его удивить. Она находит его в странном парке роботов в Лабиринте, сидящим на багажном контейнере и с улыбкой глядящим в пустоту. На нем гладкий темно-синий костюм в стиле зоку, руках он вертит небольшой ларец.

Как только она позволяет себя увидеть, на его лице на мгновение появляется выражение маленького испуганного мальчика. Потом он улыбается.

— А, это ты, — говорит Поль.

Но это не тот Поль, которого помнит Джилбертина, — порой безрассудный и эгоистичный архитектор, безнадежно влюбленный в ее подругу. Сейчас его взгляд ясен и невыразителен, а от улыбки веет холодом.

— Ты не могла бы напомнить, как тебя зовут?

— А ты забыл?

Он разводит руками.

— Я заставил себя забыть, — отвечает он.

Джилбертина делает глубокий вдох.

— Я Джилбертина Шалбатана. А ты Поль Сернин. Ты любил мою подругу Раймонду. Она страдает. Ты должен вернуться. Или хотя бы иметь мужество попрощаться с ней. Однажды она уже прощала тебя.

Она швыряет ему воспоминание и приоткрывает свой гевулот.

Их познакомила Раймонда, ставшая подругой и соратницей Джилбертины с того самого дня, как приехала из Нанеди, — девушка из медленногорода в большом мире, страстно желавшая заниматься музыкой. В тайне Джилбертина ненавидела ее за непринужденную грацию, за то, что она без видимых усилий получала все, что хотела. И Поль был одним из ее трофеев. Поэтому Джилбертина тоже захотела его получить. А заставить его пожелать то, чего у него не было, не составило никакого труда.

Но их связь длилась недолго. Он вернулся к Раймонде, ездил за ней в Нанеди и даже отказался от воспоминаний о Джилбертине. Тогда она смирилась с этим. Но этого, этого она не допустит.

Поль равнодушно рассматривает ее.

— Спасибо, — произносит он. — В прошлом я получил от

тебя не слишком много.

К своему ужасу, Джилбертина чувствует, как *что-то* вгрызается в ее гевулот.

— Но ты права, — негромко продолжает он, — Поль Сернин не мог уйти. И он остается здесь, внутри тебя и внутри остальных. А что касается меня, всегда найдется место, где я еще должен побывать. Украсть огонь у богов. Стать Прометеем. И все такое прочее.

— Мне на это наплевать, — говорит Джилбертина. — Но у тебя и этой девочки есть ребенок.

Он вздрагивает.

— *Такое* я бы запомнил, — отвечает он. — Нет, этого не может быть.

— Еще как может, — возражает Джилбертина, стараясь выплеснуть весь яд прошлой обиды.

— Ты не понимаешь. Я бы не смог этого забыть. — Он качает головой. — В любом случае это не имеет значения. Сейчас речь не обо мне. Дело касается тебя.

Джилбертина распрямляет плечи и обращается к экзопамяти.

— Ты сошел с ума.

Она ощущает странное покалывание в голове, и внезапно та часть ее разума, которая осуществляет связь с остальным миром, оказывается отделённой сплошной стеной. Так чувствует себя человек с ампутированной конечностью, по привычке стремящийся воспользоваться ею.

Поль поднимается на ноги.

— Боюсь, я заблокировал твой канал связи с экзопамятью. Но не тревожься, через несколько мгновений все восстановится.

Джилбертина делает шаг назад.

— Кто ты? — шипит она. — Вампир?

— Ничего подобного, — отвечает Поль. — А теперь стой спокойно. Будет немного неприятно.

Джилбертина убегает. С такой дырой в голове очень трудно сосредоточиться.*Часы. Что бы он ни задумал, он действует через Часы.* Она вцепляется в запястье, чтобы избавиться от них…

…Но на самом деле она не бежит, это только *воспоминание* о беге. Она так и стоит перед Полем, глаза которого становятся такими же странными, как и у Кота в сапогах…

Он поднимает ларец.

— Смотри. Я узнал об этом из видений одного несчастного парня, пострадавшего от Вспышки. Я взял это у зоку, они ничего не заметят.

— Что это? — шепчет Джилбертина.

— Пойманный бог, — отвечает Поль. — Мне надо его куда-

нибудь спрятать. Поэтому ты здесь.

Ларец начинает светиться. Он исчезает из рук Поля. А потом оказывается у Джилбертины в голове.

Она *вспоминает* абстрактные формы, информационные структуры, похожие на огромные металлические снежинки, и боль от их острых краев, прижатых к мягким тканям ее разума. Ее экзопамять захлестывает поток чужеродных ощущений. На мгновение кажется, что виски пронзил раскаленный металлический прут. Затем боль утихает, но тяжесть остается.

— Что ты со мной сделал?

— То же самое, что сделал с каждым из вас. Положил ценности в такое место, где никто не станет их искать. В вашу экзопамять, защищенную лучшей в Системе криптографией. И если я захочу получить их обратно, мне придется заплатить немалую цену. Это был последний предмет, от которого я хотел избавиться. Приношу извинения за причиненное беспокойство. Я надеюсь, ты сумеешь меня простить. — Не-Поль вздыхает. — Кстати, ваш Поль не имеет к этому никакого отношения.

— Я тебе не верю, — говорит Джилбертина. — Дело не в памяти. Отчасти ты все равно Поль, и не важно, кем ты себя считаешь, неважно, что ты сделал со своими мозгами, не важно, что он мог быть всего лишь твоей маской. Я надеюсь, что он горит в аду.

Ей хочется вцепиться ему в лицо, но ореол фоглетов, окружающий существо, принявшее облик Поля, подсказывает, что все усилия были бы напрасны.

— Мне жаль, что ты так к этому относишься, — произносит он. — Но я, конечно, не могу допустить, чтобы ты что-нибудь запомнила. Я только надеюсь, что ты сумеешь хоть немного утешить Раймонду.

— Можешь делать с моей памятью что угодно, — отвечает Джилбертина, — но я постараюсь, чтобы она возненавидела тебя навеки.

— Возможно, я этого заслуживаю, — соглашается он. — Прощай.

Он прикасается к ее лбу, и в голове поднимается ураган.

Джилбертина щурится на яркий свет Фобоса. Она в одиночестве стоит посреди парка роботов. Мысли разбегаются, и лишь через несколько мгновений она вспоминает, что встречалась с Раймондой. А что она делала после этого? Джилбертина обращается к экзопамяти, чтобы восстановить события последних нескольких минут, но обнаруживает пустоту.

Проклятье. Должно быть, опять последствия Вспышки.

Ей почему-то вспоминается сон, увиденный прошлой ночью: Кот в сапогах, закрытая дверь. Это действительно был сон?

Она решает запросить информацию и о сне, но затем отказывается от этого намерения. У нее слишком много дел в мире бодрствующих.

Глава семнадцатая
СЫЩИК И ГОРДИЕВ УЗЕЛ

На восстановление у Исидора уходит весь день. Спокойный-медик отпускает его, только до отказа накачав нанолекарями. Мысли путаются, но, когда Исидор возвращается домой, усталость берет свое, и он падает в кровать. На другой день он просыпается поздно после продолжительного сна без сновидений.

К сожалению, отдых не помогает разобраться в происходящем, и Исидор долго сидит на кухне, через окно глядя на мир, и пытается определить, что к чему и как все это связано: наставник, вор, Время, дворцы памяти. Обои снова демонстрируют эшеровские джунгли, слишком яркие при дневном свете. Размышления прерывает жизнерадостный запрос через гевулот.

— Доброе утро, — говорит Лин.

— Хм, — ворчит Исидор.

Его соседка сегодня оделась тщательнее, чем обычно, в ее ушах поблескивают серьги. Она улыбается Исидору и принимается готовить себе завтрак, заказав фабрикатору омлет по-испански.

— Кофе и что-нибудь пожевать? — спрашивает она.

— Да, пожалуйста, — отвечает Исидор, неожиданно осознав, что голоден. Горячий завтрак помогает восстановить силы. — Спасибо.

— Не стоит. Видно, что тебе не мешает подкрепиться.

— Знаешь, я дал твоему созданию имя, — говорит Исидор, не прекращая жевать.

— И как же ты его назвал?

— Шерлок.

Лин смеется.

— Хорошее имя. Могу я спросить, как продвигается твое расследование? О тебе снова писали в «Вестнике». Вечеринки, воры и смерть. У вас насыщенная жизнь, мистер Ботреле.

— Что ж, в ней свои взлеты и падения. — Исидор массирует виски. — Именно сейчас я не представляю, что делаю. Все так запутано. Я не могу выяснить, что задумал этот вор, и вор ли он на самом деле.

Лин легонько пожимает его руку.

— Ты все выяснишь, я в этом уверена.

— Ну, а ты? Что-то произошло? Сегодня ты выглядишь… не совсем обычно.

— Ну… — Лин смущенно водит пальцем по столу. — Я кое-кого встретила.

— Ого. — Он ощущает легкое разочарование, хотя и совершенно неуместное. Исидор игнорирует его. — Это здорово.

— Кто знает? Посмотрим, что из этого получится. Мы уже были знакомы некоторое время и, понимаешь… решили, что пора прекратить ходить вокруг да около. — Она усмехается. — Но, я надеюсь, все это продлится достаточно долго, чтобы устроить здесь вечеринку. Ты мог бы позвать свою подружку, и мы с ней приготовили бы ужин. А зоку вообще едят? Это так, к слову.

— Сейчас это довольно проблематично, — отвечает Исидор. — Я не уверен, что все еще могу называть ее своей девушкой.

— Это грустно, — говорит Лин. — Любопытно, но каким бы умным ты ни был, вопросы отношений всегда кажутся такими запутанными. Я думаю, с ними нужно поступать как с гордиевым узлом: разрубать одним ударом. И никаких сложностей.

Исидор поднимает голову и перестает жевать.

— Знаешь что? Ты гений.

Он проглатывает кусок, залпом допивает кофе и мчится в свою комнату, чтобы набросить пиджак. Потрепав Шерлока по голове, он выскакивает за дверь.

— Куда ты? — кричит Лин.

— На поиски кого-нибудь с мечом, — отвечает Исидор.

Колония зоку на этот раз изумляет его своим негостеприимным видом. Стеклянные шпили, выступы и грани кажутся невероятно острыми: Исидор останавливается у дверей и пытается решить, что делать дальше.

— Эй? — произносит он.

Но ничего не происходит. *Как же это работает? Пиксил говорила, что надо просто захотеть.*

Исидор прикладывает руку к холодной поверхности двери и представляет лицо Пиксил. Пальцы покалывает. Ответ звучит неожиданно и резко. С кольцом сцепленности было иначе.

Убирайся.Сообщение сопровождается ощущением физического удара, словно жгучая пощечина.

— Пиксил.

Сейчас я не хочу с тобой разговаривать.

— Пиксил, мы можем встретиться? Это очень важно.

Важные дела имеют срок действия. И я тоже. Я занята.

— Прости, что не поддерживал связь. Вокруг меня какое-то безумие. Можно я войду? Или ты выйди ко мне. Обещаю, что не задержу тебя надолго.

Через двадцать минут я должна отправиться в рейд. Даю тебе десять. А теперь уйди с дороги.

— Что?

Уйди с дороги!

Сквозь дверь просачивается нечто огромное. Поверхность рябит и мерцает. Пиксил появляется верхом на огромном черном существе, похожем на шестиногого коня, только еще больше, покрытом золотыми и серебряными пластинами брони, с налитыми кровью глазами и острыми белыми клыками. Сама она одета в замысловатый костюм с широкими белыми наплечниками, как у самураев, устрашающая маска поднята надо лбом, на боку висит меч.

Чудовище сопит и фыркает на Исидора, заставляя его пятиться. Он отступает до тех пор, пока не упирается в колонну. Пиксил соскакивает на землю и треплет скакуна по шее.

— Все в порядке, — успокаивает она. — С Синдрой вы уже встречались.

Легендарный Скакун издает рев, распространяя запах тухлого мяса. У Исидора звенит в ушах.

— Я знаю, что нам надо торопиться, — произносит Пиксил, обращаясь к скакуну, — но тебе не нужно его есть. Я сама справлюсь.

Чудовище разворачивается и исчезает за дверью.

— Извини, — говорит Пиксил Исидору. — Синдра хотела выйти сама и объяснить, что она о тебе думает.

— Понятно, — отвечает Исидор.

У него подкашиваются ноги, так что приходится присесть на ступеньку. Пиксил, звеня доспехами, опускается на корточки рядом.

— Ну и в чем же дело? — спрашивает она.

— Я думал… — начинает Исидор.

— В самом деле?

Он бросает на нее укоризненный взгляд.

— Я имею право тебя дразнить, — заявляет она.

— Ладно.

Ему трудно говорить. Слова кажутся громоздкими предметами с зазубренными краями и застревают в горле. На память приходит прочитанная книга о Демосфене, выдающемся ораторе, который тренировал речь, держа во рту мелкие камешки. Исидор сглатывает и начинает.

— У нас ничего не получается.

Пиксил молчит.

— Я был с тобой, потому что ты не такая, как все, — продолжает он. — Я не мог тебя понять. Некоторое время это казалось очень интересным. Но не более того. И ты никогда не была для меня на первом месте. Ты была просто… способом отвлечься. А я не хочу так думать о тебе. Ты заслуживаешь большего.

Пиксил мрачно смотрит на него, но через мгновение Исидор понимает, что она его разыгрывает.

— И ты пришел, чтобы сказать мне об этом? Тебе понадобилось столько времени, чтобы это понять? Ты сам до этого дошел?

— По правде говоря, мне помог Шерлок. — (В ее глазах появляется любопытство.) — Это не важно.

Пиксил усаживается рядом с Исидором, кладет меч на ступеньку и опирается на него.

— Я тоже много думала, — говорит она. — Полагаю, больше всего меня привлекает в тебе то, что ты раздражаешь старейшин. Это забавное зрелище. И еще то, что между нами нет никакой сцепленности, никаких веревочек. Кроме того, приятно быть рядом с таким медлительным существом, как ты. — Она высовывает язык и убирает прядь волос с его лба. — Бестолковый, но милый.

Исидор резко втягивает воздух.

— Последнее было шуткой, — смеется Пиксил. — Или вроде того.

Некоторое время они молча сидят рядом.

— Видишь, это не так уж трудно, — произносит Пиксил. — Это надо было сделать целую вечность назад. — Она поворачивается к Исидору. — Тебе грустно?

Исидор кивает.

— Немного.

Она крепко обнимает его. Броня больно впивается ему в грудь, но он не отстраняется.

— Ну, ладно, — Пиксил поднимается, лязгая доспехами. — Мне еще предстоит убивать чудовищ. А тебе надо поймать вора, как я слышала.

— Да, похоже на то.

— И?..

— Помнишь, ты говорила, что можешь сказать, кем на самом деле является Джентльмен? Это тоже была шутка?

— Я никогда не шучу, — Пиксил взмахивает мечом, — если дело касается любви или войны.

Исидор доходит до края Пыльного района и посылает наставнику разделенное воспоминание. *Я знаю, кто ты,* говорится в нем. А затем Исидор садится на скамью на маленькой площади у самой границы колонии, где камни превращаются в алмазы.

Он закрывает глаза и прислушивается к журчанию воды. И позволяет своим мыслям плыть по течению. Неожиданно он сам ощущает себя водой, текущей по скале, чувствует ускользающий от него контур. Он разворачивается в его голове подобно гигантской снежинке. И вызывает злость.

Налетает порыв ветра. Исидор открывает глаза. Перед ним стоит Джентльмен. Ореол из фоглетов на мгновение проявляется в брызгах фонтана. Маска блестит на солнце.

— Надеюсь, это важно, — говорит она. — У меня много дел.

Исидор поднимается, улыбаясь:

— Прошу прощения, мадемуазель Раймонда, но есть вещи, которые я должен с вами обсудить.

Серебряная маска тает, открывая веснушчатое лицо рыжеволосой женщины, тут же заключающей с Исидором тесный гевулот-контракт.

Женщина выглядит очень усталой.

— Хорошо, — произносит она, складывая руки на груди. Ее настоящий голос звучит очень мелодично, словно звон колокольчика. — Я слушаю. Как ты?..

— Я схитрил, — отвечает Исидор. — Воспользовался чужим расположением.

— Пиксил, разумеется. Эта девчонка никогда не умела держать язык за зубами. Я рассчитывала, что гордость не позволит тебе ее расспрашивать.

— Есть вещи поважнее гордости, — говорит Исидор. — Возможно, вы не так хорошо меня знаете, как вам кажется.

— Как я понимаю, мы здесь не для того, чтобы восхищаться твоей находчивостью. И ты не собираешься благодарить меня за спасение твоего разума.

От ее слов веет холодом, и она не смотрит Исидору в глаза.

— Нет, — соглашается он. — Мы должны раскрыть одну тайну. Мне требуется ваша помощь.

— Подожди.

Она посылает ему разделенное воспоминание, он принимает его и неожиданно ощущает едкий запах, наводящий на мысль об испортившейся еде, когда-то давно оставленной отцом в его студии.

— Что это было? — спрашивает он.

— То, что скоро получит каждый житель Ублиетта, —

отвечает она. — Продолжай.

— Я размышлял над словом «криптарх» с того самого момента, как вы упомянули его в первый раз, — произносит Исидор. — Они манипулируют экзопамятью, верно?

— Да. И теперь нам известно, как это происходит: у них имеется ключ, который каким-то образом позволяет добраться до каждого, кто хоть раз был Спокойным.

— И вы боретесь против них.

— Да.

— И вы стали сотрудничать с вором, с Жаном ле Фламбером, кем бы он ни был на самом деле.

Она явно удивлена, но кивает.

— Да, но…

— Я сам до этого дошел. И его трюк с Унру был проделан с целью *получения доказательств,* не так ли? Чтобы сравнить его разум до и после прохождения через восстановление и выявить возможные изменения. Вы поручили ему сделать за вас грязную работу. Преступнику из чужого мира.

Раймонда прижимает к губам кулак.

— Да, да, мы это сделали. Но ты не понимаешь…

— Тогда объясните, — требует Исидор. — Потому что мне известно, что ему нужно. И я могу сделать так, что он никогда не добьется своей цели. Я могу рассказать всем о ваших делах. И доверию к наставникам придет конец.

— Доверие, — повторяет она. — Сейчас вопрос стоит не о *доверии.* А о *справедливости.* Мы в состоянии *победить* их. Наконец появилось оружие, чтобы их одолеть. Все беды, против которых мы боролись, — гогол-пираты, чуждые технологии — это все *их* рук дело. И еще более страшные вещи, о которых мы даже не подозреваем. Революционеры мечтали совсем не об этом. Мы так и остались рабами.

Она подходит ближе к Исидору.

— Для тебя это *все еще* игра. Не удивительно: ты слишком много времени провел с этой девочкой-зоку. Очнись. Да, ты выиграл, ты меня победил, ты добился успеха. Но у нас, у всех нас, есть более важные дела. Не просто очередное расследование, а справедливость для всех.

Ее взгляд становится суровым.

— Тебе никогда не приходилось бороться. Тебя всегда защищали. Я начала работать с тобой, чтобы показать…

Она прикусывает губу.

— Что показать? — спрашивает Исидор. — Что ты хотела показать мне, мама?

Она по-прежнему остается для него незнакомкой.

Воспоминания, которые она у него отняла, все так же закрыты для него.

— Я хотела показать тебе, что в мире существуют не только хорошие люди, — отвечает она. — И убедиться, что ты не свернешь в сторону, как… — Ее голос начинает дрожать. — Но, в конце концов, я не могла допустить, чтобы ты пострадал. И отозвала запрос.

— Мне кажется, люди, скрывающие истину от других, ничуть не лучше криптархов, — говорит Исидор.

Она горько усмехается.

— Ты слишком мало о них знаешь. Они манипулируют не только Голосом. Они манипулируют всем. И даже историей. Ты говорил о Революции? Я думаю, они ее придумали. Унру об этом догадался. Если внимательно изучить детали, окажется, что вся история подделана. Он собрал достаточно информации, чтобы понять это. Все воспоминания о Революции — кому бы они ни принадлежали — исходят из экзопамяти. Можешь мне поверить, абсолютно все.

Исидор глубоко вздыхает.

— Я видел Королевство. Мне потребовалось немало времени, но я понял, что все оно заключено в контейнере в колонии зоку. Это просто имитация. И оттуда пошли воспоминания о Королевстве. Здания, памятники искусства, стиля в одежде. И вот появляешься ты. Ты работаешь на зоку, они работают на криптархов. И что бы вы ни планировали, все это делается для них.

Он смотрит на нее и думает о рядах лиц на построенной отцом стене.

— Так что прости, но все, что ты говоришь о прошлом — или о будущем, если на то пошло, — я воспринимаю скептически.

— Я…

— Защищала меня? — Исидор почти выплевывает эти слова. — Именно в это хочет верить отец. Защищала от чего?

— От твоего отца, — отвечает Раймонда. — От твоего настоящего отца. — Она крепко зажмуривается. — Исидор, ты заявил, что знаешь, чего хочет вор. Что это?

— А ты не знаешь?

— Скажи.

— В Лабиринте есть девять зданий. Он сам спроектировал их, когда называл себя Полем Сернином. Они каким-то образом связаны со Спокойными-атлантами: существует механизм, соединяющий их. Еще он заказал девять Часов, и они тоже имеют к этому отношение. Эти здания являются частями машины. Я не знаю, как она работает. Кажется, это касается экзопамяти…

— Девять зданий. О боже. — Она хватает Исидора за плечи. — Когда ты до этого додумался?

— Как раз перед нападением гогол-пиратов…

— Это означает, что криптархам тоже об этом известно, — произносит она. — Может произойти нечто ужасное. Этот разговор мы продолжим позже. А сейчас отправляйся в какое-нибудь надежное место. Лучше всего в колонию зоку. Оставайся с Пиксил. Здесь будет слишком опасно.

— Но…

— Не будем спорить. Отправляйся сейчас же, или я сама тебя туда доставлю.

Она опять превращается в Джентльмена и взмывает в воздух, не дожидаясь ответа Исидора.

Несколько мгновений он смотрит ей вслед. Затем снова садится. Он привык к движению земли под ногами — плавному мягкому покачиванию города — но сейчас чувствует себя на краю внезапно открывшейся пропасти. Исидор старается привести мысли в порядок, но сердце бьется так сильно, что невозможно сосредоточиться…

Земля вздрагивает. Раздается чудовищный скрежет. Из мостовой выскакивают мелкие булыжники. Исидор падает на землю, закрывая лицо руками. Огромные машины грохочут в преисподней, и на мгновение ему кажется, что город — это всего лишь тонкий слой жизни на грубой шкуре огромного существа, ужаленного пчелой. Затем все прекращается, так же неожиданно, как и началось. *Машина вора.*

Исидор, пошатываясь, встает на ноги и щурится, стараясь избавиться от головокружения. А затем бегом пускается к Лабиринту.

Последствия затрагивают все вокруг. Разрушения по большей части поверхностные — каркасы зданий созданы из интеллектуальной материи — но город перестает двигаться. Устойчивый проспект заполняется шумными толпами: в воздухе не утихает гул тысяч голосов. В Лабиринте что-то произошло: над крышами виден поднявшийся к небу столб пыли. А позади него вырисовывается новый объект — черная башня высотой несколько сотен метров.

Исидор с трудом проталкивается сквозь толпу. Гевулот-щиты почти у всех подняты. Повсюду мелькают лица с широко раскрытыми глазами, слышится нервный смех, ощущается тихий ужас.

— Еще один чертов художественный проект, — говорит мужчина в маске с изображением паутины, прислонившийся к стоящему на земле паукебу. — Можете мне поверить, это

очередной проклятый проект.

— Вы можете доставить меня туда? — спрашивает его Исидор.

— Нет, — отвечает водитель. — Наставники блокировали все подходы. Смотрите.

Проследив за его взглядом, Исидор видит кружащихся над Лабиринтом наставников в облаке раскаленного воздуха.

— Они все посходили с ума, — продолжает таксист. — Вы знаете, что они сотворили чуть раньше? Я получил от них разделенное воспоминание. Очень скверно пахнет. А вот и еще одно послание.

Один из наставников — Василиск — парит над ближайшей агорой. Ее голос слышится отовсюду, как будто говорит воздух.

— Не доверяйте Голосу! — восклицает она. — Нас обманывали!

Она рассказывает о криптархах и их манипуляциях Голосом, о тайных правителях города. А затем предлагает принять разделенное воспоминание, которое поможет защититься. Она говорит о гогол-пиратах, о доказательствах манипуляции сознанием, об информации, полученной из мозга Унру. Она обещает, что наставники защитят экзопамять от посягательств, а криптархи будут найдены и преданы справедливому суду. В толпе слышатся сердитые возгласы.

Пока Василиск говорит, Исидор запрашивает из экзопамяти изображение проспекта. Но наставника там нет, только толпа, прислушивающаяся к пустому месту.

— Проклятье, — бормочет он.

Они пытаются блокировать наставников.

Неожиданное сообщение Голоса налетает с такой сокрушительной силой, что Исидор едва не падает на колени. Он вспоминает, что *наставники распространяют лживые сведения,* что они являются *агентами зоку* и что *зоку намерены разрушить образ жизни Ублиетта.* До сих пор Голос был просто рекомендацией, надоедливым напоминанием о необходимых делах, но сейчас это прямое и страстное воспоминание, внедряемое в мозг, которое невозможно игнорировать. Исидор вспоминает, что *должен идти домой и воспользоваться полным уединением гевулота, пока не восстановится порядок,* и что *все нарушения в деятельности городских механизмов вызваны незначительной инфекцией, занесенной фобоями, и повреждения уже устраняют.*

Исидор встряхивает головой. Воспоминания вызывают чувство вины, он пытается вырваться из них, словно из зыбучего песка.

— Это не так, — ворчит водитель паукеба, потирая пальцами виски. — Все не так. Я слышал, что она только что говорила.

Поднимается крик. На краю агоры вспыхивает драка, группа мужчин и женщин в революционной форме теснит молодого парня в костюме зоку. «Пыльный прихлебатель! — кричат ему. — Квантовая шлюха». Над толпой поднимаются волны жестокой ярости. А некоторые начинают медленно, молча двигаться. Мимо Исидора проходит пара в телах среднего возраста. У них странный остекленевший взгляд. *Она права. Это больше не игра.*

Он встряхивает за плечо водителя паукеба.

— Даю мегасекунду, если вы прямо сейчас доставите меня в Пыльный район, — предлагает он.

Мужчина прищуривается.

— Ты сошел с ума? Эти люди как раз направляются туда, чтобы разнести все в пух и прах.

— Тогда нам надо их опередить, — говорит Исидор.

Таксист искоса оглядывает его.

— Эй, ты тот самый приятель наставника, не так ли? Ты знаешь, что происходит?

Исидор глубоко вздыхает.

— Межпланетный вор создает из города машину на основе пикотехнологии, а криптархи завладевают сознанием людей, чтобы уничтожить колонию зоку и помешать наставникам свергнуть их власть, — объясняет он. — Я хочу остановить и тех, и других. Кроме того, я подозреваю, что этот вор и есть мой настоящий отец.

Водитель изумленно рассматривает его несколько мгновений.

— Хорошо, — соглашается он. — Садись!

Паукеб мчится, словно одержимое насекомое. Взмыв вверх с проспекта, машина проносится через Лабиринт, невероятными прыжками пересекая улицы. Над Лабиринтом все так же маячит черный шпиль, и вокруг него парят несколько наставников. Весь район как будто сжат огромными руками и повернут наподобие детской игрушки-головоломки — повсюду виднеются разрушенные здания и разломанные улицы. Отряды спасателей в желтых комбинезонах и Спокойные-медики спешат к пострадавшим, но их действия беспорядочны. Экзопамять содрогается от странных вибраций и выдает вспышки дежавю.

Пыльный район похож на снежный ком. Он окружен сферой из ку-частиц, искажающих очертания, отчего здания кажутся вытянутыми и нереальными. А внутри все движется, сворачивается, меняет форму.

К колонии приближается толпа людей, но, скорее всего, их

усилия окажутся напрасными. *Криптархи не могли спланировать это,* думает Исидор. *Не собираются же они избавиться от зоку просто с помощью толпы…*

— Ну, вот мы и на месте, — объявляет водитель. — Не хочешь повернуть назад? Нам не прорваться сквозь эту преграду.

— Подбрось меня поближе.

Водитель высаживает его в переулке, перед самой границей ку-поля. Сфера похожа на мыльный пузырь, только колоссальных размеров, она выгибается к небу радужным вертикальным горизонтом.

— Желаю удачи, — говорит водитель. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Опоры паукеба высекают искры из мостовой, и такси снова уносится вверх.

Исидор трогает пузырь. Он кажется тонким и податливым, но чем сильнее нажимаешь, тем упорнее он сопротивляется — рука просто скользит по поверхности. Исидор мысленно обращается к Пиксил. *Впусти меня.* Но ответа нет.

— Я хочу поговорить со Старейшей, — произносит он вслух. — Я все знаю о Королевстве.

Некоторое время ничего не происходит, но затем сфера подается под его напором, и Исидор едва не падает вперед. Он проходит сквозь преграду и испытывает ощущение точь-в-точь как от мыльного пузыря — кожа становится влажной, и ее чуть-чуть пощипывает.

В колонии зоку все пребывает в движении. Алмазные здания *сворачиваются,* уменьшаются в размерах, словно картонные декорации. Повсюду снуют зоку в самых разных обличьях — от лиц в облаке фоглетов до зеленых монстров, управляющих материей при помощи жестов.

К Исидору приближается ку-сфера высотой с человека. Из нее появляется Пиксил, она все еще в боевых доспехах и с мечом. И выглядит очень мрачно.

— Что там происходит? — спрашивает она. — Наш рейд отменен. И все зоку готовятся к исходу. Я бы тебя предупредила, но…

Она беспомощно теребит свой камень зоку.

— Знаю, знаю. Оптимизация ресурсов. Я думаю, у нас намечается революция, — отвечает Исидор. — Мне нужно поговорить со Старейшей.

— Хорошо, — отзывается Пиксил. — Может, на этот раз ты *действительно* сведешь ее с ума.

Ку-сфера переносит Исидора и Пиксил в пещеру сокровищ. Там тоже кипит бурная деятельность: черные кубы поднимаются с

пола и исчезают в серебряных порталах. В самом центре стоит Старейшая — огромная женщина с безмятежным лицом в окружении парящих драгоценных камней.

— Молодой человек, — приветствует она Исидора. — Мы всегда рады вас видеть, но, должна признаться, вы выбрали не совсем удачное время для визита.

У нее такой же глубокий и теплый голос, как и у светловолосой женщины, с которой Исидор встречался раньше.

Он поднимает голову и смотрит на Старейшую.

— Почему вы это делаете? Почему вы помогаете криптархам? — восклицает он, вкладывая в эти слова всю свою ярость.

Пиксил бросает на него недоверчивый взгляд.

— Исидор, о чем ты?

— Ты знаешь криптархов, о которых сегодня в городе рассказывали наставники? Ты помнишь Царство, которое собрал Дратдор? Так вот, *это* и есть Королевство. Именно отсюда происходят все воспоминания жителей Ублиетта. И это стало возможным благодаря вам, зоку.

— Неправда! — Глаза Пиксил сверкают гневом. — Это не имеет никакого смысла! — она поворачивается к Старейшей. — Скажи ему!

Но Старейшая молчит.

— Ты, наверно, пошутил, — не унимается Пиксил.

— У нас не было выбора, — произносит Старейшая. — После Протокольной войны мы были разбиты. Нам нужно было где-то спрятаться от Соборности и залечить раны. Мы заключили сделку. Это казалось нам чем-то незначительным: мы постоянно переписываем свое прошлое и воспоминания. И мы дали криптархам то, что они хотели.

Пиксил берет Исидора за руку.

— Клянусь, я ничего не знала об этом.

— Мы создали тебя такой же, как они, чтобы ты свободно ходила среди них, — говорит Старейшая. — Поэтому и не могли позволить, чтобы ты знала больше, чем они.

— И вы так просто *позволили им делать все, что они хотели?* — спрашивает Исидор.

— Нет, — отвечает Старейшая. — Когда мы увидели, что получилось, мы испытывали… сожаление. И потому сотворили наставников — позволили молодым идеалистам Ублиетта пользоваться нашими технологиями. Мы надеялись, что они создадут противовес. Совершенно ясно, что мы были неправы, и этот ваш вор все испортил.

— Ответьте еще на один вопрос, — говорит Исидор. — Чем было раньше это место?

Старейшая долго молчит, по ее безмятежному лицу пробегает тень печали.

— Разве это не очевидно? — произносит она наконец. — Ублиетт был тюрьмой.

Глава восемнадцатая
ВОР И КОРОЛЬ

Я стою в парке роботов напротив своего прежнего «я», покачивая в руке револьвер. Он тоже держит револьвер или его отражение. Странно, что все обычно сводится к противостоянию двух человек с оружием в руках, реальным или воображаемым. Вокруг нас продолжается медленная война древних машин.

— Я рад, что ты это сделал, — произносит он. — Я не знаю, где ты был. Не знаю, куда направляешься. Но я знаю, что ты оказался здесь, чтобы сделать выбор. Спусти курок, и ты станешь тем, кем мы были. В противном случае ты продолжишь жить своей жизнью, заниматься незначительными вещами, тешить себя незначительными надеждами. Или же можешь вернуться к мелодиям сфер и прекрасному звуку нарушения законов. Я знаю, как бы я поступил на твоем месте.

Я открываю револьвер и смотрю на девять пуль. Каждая имеет свое имя и квантовое состояние, связанное с Временем в Часах девяти людей. Исаака. Марселя. Джилбертины. Других. Если я нажму на курок девять раз, их Время закончится. Машина заработает. Девять человек станут Спокойными, Спокойными-атлантами под городом. Они создадут мой дворец памяти. И я никогда их больше не увижу.

Я закрываю револьвер и верчу барабан, словно играю в русскую рулетку. Молодой я усмехается.

— Давай, — говорит он. — Чего ты ждешь?

Я отбрасываю револьвер. Он падает в куст роз. Я смотрю на пустое место, где только что был прежний я.

— Ублюдок, — бросаю я. — Ты знал, что я никогда этого не сделаю.

— Ничего страшного, — раздается голос. — Это сделаю я.

Садовник открывает свой гевулот и предстает передо мной с револьвером в руке. У него седые волосы, тщательно состаренное лицо, но в его облике есть что-то мучительно знакомое. Я делаю шаг вперед, но над его правым плечом появляется овальное устройство — ку-пистолет зоку — и смотрит на меня ярким квантовым глазом.

— Я бы не стал дергаться, — предупреждает садовник. — Эта штука вдребезги разнесет даже твое чудесное тело, изготовленное

Соборностью.

Я медленно поднимаю руки.

— ле Руа[48], как я полагаю?

У него в точности такая же улыбка, как и у криптарха в отеле.

— Итак, ты здешний Король?

Я прикидываю, каковы мои шансы остаться в живых, если я резко брошусь на него. Шансы невелики. Я все еще заперт в человеческом теле, и пять метров, разделяющих нас, с таким же успехом могли бы быть световым годом.

— Я предпочитаю считать себя просто садовником, — отвечает он. — Помнишь тюрьму Сантена Земле? Что ты говорил своему сокамернику? Что единственное, что бы ты действительно хотел украсть, это собственное королевство. Но управление кажется тебе слишком хлопотным занятием, и ты предпочел бы перепоручить заботу о благополучии и процветании своих подданных номинальному правителю, а сам выращивал бы цветы для хорошеньких девушек, да время от времени справлялся о делах. — Свободной рукой он делает широкий жест, обводя парк и город вокруг нас. — Так вот, я осуществил эту мечту. — Он вздыхает. — Но, как и всякая мечта, она со временем устаревает.

— Да, конечно, — говорю я. — Наставники вот-вот положат конец установившемуся порядку и разбудят людей. — Я сосредоточенно хмурюсь. — Мы сидели в одной камере?

Он смеется.

— Что-то вроде того. Если хочешь, можешь звать меня ле Руа. Жан ле Руа, так меня здесь называют, хотя я больше не беспокоюсь об имени.

Я внимательно вглядываюсь в его лицо. При открытом гевулоте сходства невозможно не заметить.

— Что произошло?

— До Коллапса мы были слишком беспечными, — отвечает он. — А почему бы и нет? Мы работали с Основателями. Мы взломали административную когнитивную программу сразу, как только Читрагупта ее поставил. Нас было много. И кое-кого из нас поймали. Как меня.

— Как же ты здесь оказался? — спрашиваю я. И вдруг меня осеняет. — Это место никогда не было Королевством, не так ли? Это была тюрьма.

— Предполагалось, что это будет новая Австралия, — поясняет он. — До Коллапса господствовала следующая идея: загоним преступников в терраформирующие машины, и пусть они выполняют свой долг перед обществом. И мы упорно трудились, можешь мне поверить. Мы обрабатывали реголит, поджигали Фобос и плавили ледниковый покров ядерными взрывами. Все

ради того, чтобы еще немного побыть людьми.

— Конечно, они позаботились о том, чтобы мы здесь были надежно заперты. Даже сейчас, стоит мне только подумать об отъезде с Марса, как начинается дьявольская боль. Но потом произошел Коллапс, и сумасшедший дом захватили безумцы. Мы взломали систему тюремного надзора. Превратили ее в экзопамять. И использовали для того, чтобы взять власть в *свои* руки. — Он качает головой. — И еще мы решили сочинить более приятную историю. Вспышка обернулась для нас благословением — стерла все следы, хотя их было не так уж много. Но полностью воплотить в жизнь все свои планы мы смогли только после прихода зоку. Оглядываясь назад, я понимаю, что их нельзя было сюда допускать. Но в тот момент нам годились любые средства, чтобы защититься от Соборности. По крайней мере, зоку дали нам инструменты для осуществления мечты.

— Нам? Кто еще здесь есть? — спрашиваю я.

— Никого, — отвечает он. — Больше никого. Я давно уже позаботился обо всех остальных. Саду достаточно одного садовника.

Он поднимает свободную руку и трогает стебель цветка.

— Некоторое время я был здесь вполне счастлив. — Его лицо искажается гримасой. — А потом сюда занесло *тебя.* У тебя все получалось лучше, чем у меня. Ты обладал могуществом и свободой. И перенял местные обычаи. Ты себе представить не можешь, как меня это злило.

ле Руа смеется.

— Это чувство тебе знакомо не хуже, чем мне: желать то, чем обладает кто-то другой. Ты можешь понять, как я хотел получить то, что принадлежало *тебе.*И после твоего исчезновения я завладел всем, чем мог. К примеру, твоей женщиной. Она больше никогда не будет твоей. Она считает, что ты бросил ее с вашим ребенком. Никогда не понимал, что ты в ней нашел. Но ты хорошо замел следы, ваши разделенные воспоминания: я так и не узнал *этого.* — Он поднимает револьвер с девятью пулями. — Ты считаешь себя таким умным. Спрятал свое сокровище в экзопамяти друзей. Великие люди мыслят одинаково, но, должен признать, я до этого не додумался. Однако я знал, что ты когда-нибудь вернешься, и расставил для тебя ловушку. Гевулот-видения исходили от меня. Но полностью свести концы с концами мне помог сыщик. Весьма своевременно. — Он наставляет револьвер на меня. — Я даже предоставил тебе возможность самому это сделать: все-таки справедливость есть справедливость. Но ты не смог. Значит, теперь моя очередь.

В слепой ярости я с криком бросаюсь вперед. Сверкает

вспышка ку-пистолета. Я лечу на землю и сильно ударяюсь лицом о мраморные плиты. Тело Соборности на мгновение взрывается болью, а затем заглушает ее милосердной анестезией. Я переворачиваюсь и пробую встать, но тут же понимаю, что правая нога ниже колена превратилась в обугленную культю.

Ле Руа с усмешкой смотрит на меня сверху вниз. Он поднимает револьвер и начинает стрелять в воздух. Я пытаюсь вцепиться ему в ноги, но получаю пинок в лицо. Пытаюсь сосчитать выстрелы и тотчас сбиваюсь.

Земля вздрагивает. Где-то глубоко под городом Спокойные-атланты, когда-то бывшие моими друзьями, просыпаются с новыми мыслями и новыми стремлениями. Дворцы памяти, которые являются их составными частями, с мощью стихийного бедствия стремятся соединиться. Вокруг парка роботов рушатся здания. Дворцы маячат над ними, словно черные паруса, сметающие все на своем пути, и несутся вниз, прямо на нас.

Они соединяются над нашей головой наподобие черных геометрических пальцев. Потом все погружается во тьму, тело начинает покалывать, и нас с Королем разносит в разные стороны.

Глава девятнадцатая
СЫЩИК И КОЛЬЦО

От блокировки гевулота у Миели пощипывает кожу. Но она снова чувствует себя невесомой, а рубка «Перхонен» больше всего напоминает покинутый ею дом. Ощущение уюта и безопасности почти полностью заглушает гневный голос Пеллегрини в ее голове.

Хорошо, что ты вернулась, говорит «Перхонен». Аватар корабля — бабочка — вьется над головой Миели. *Я как будто потеряла часть себя.*

— Я тоже это чувствовала, — отвечает Миели, наслаждаясь знакомым трепетом крылышек на коже. — Как будто мне недостает чего-то важного.

— Как скоро ты сможешь вернуться вниз? — требовательным тоном спрашивает Пеллегрини. Богиня ни на минуту не оставляла Миели с того самого момента, когда Спокойные из иммиграционной службы доставили ее на корабль и вернули сознание. Ее губы сжимаются в тонкую линию. — Это недопустимо. Он должен быть наказан. Наказан. — Она как будто наслаждается звучанием этого слова. — Да, наказан.

— С биотической связью возникли проблемы, — поясняет Миели.

У нее появляется странное ощущение, будто чего-то *не хватает. Неужели я действительно скучаю без этой связи? Без яда, к которому ты меня приучил.*

Давай же! Признайся, что ты действительно беспокоишься, подначивает «Перхонен». *Никому не говори, но мне-то можно.*

— Последнее зарегистрированное сообщение было о серьезном происшествии. И мы не можем спуститься на поверхность раньше, чем через тридцать дней. По крайней мере, легально.

— Что же *творит* этот мальчишка? — ворчит Пеллегрини.

Орбитальный контроль Ублиетта настаивает на нашем отправлении к Магистрали, объявляет «Перхонен». *И они отправляют назад всех, кто приближается к орбитальной станции. Там внизу что-то происходит.*

— Мы можем хоть что-то увидеть? — спрашивает Миели.

Бабочки-аватары корабля раскрывают перед Миели целый веер движущихся картин. Они показывают темную линзу города в оранжевой чаше кратера Эллада, затемненную пеленой гевулота.

Там происходит что-то очень серьезное, говорит «Перхонен». *Город перестал двигаться.*

С краев кратера к городу стекается расплывчатая темная масса.

«Перхонен» увеличивает изображение, и Миели кажется, что перед ней картина ада.

Это фобои, поясняет корабль.

— Что же нам делать? — спрашивает Миели у Пеллегрини.

— Ничего, — отвечает богиня. — Подождем. Жан хотел раскинуть внизу свои игры, так пусть поиграет. Мы подождем, пока он закончит.

— Я прошу прощения, — уточняет Миели, — но это означает, что миссия провалена. Внизу еще остались пригодные для работы агенты? Гогол-пираты?

— Ты осмеливаешься указывать мне, что делать?

Миели вздрагивает.

— Ответ отрицательный. Я не могу оставлять здесь никаких следов своего присутствия. Пришло время подсчитывать убытки.

— Мы его бросим?

— Жаль, конечно. Я немного привязалась к нему: по большей части опыт был весьма приятным. Даже его маленькая измена только придала остроты. Но незаменимых нет. Если криптарх одержит верх, возможно, с ним проще будет договориться. — Пеллегрини задумчиво усмехается. — Хотя и не так увлекательно.

Не могу сказать, какие проблемы возникли в городе, но мне кажется, что они множатся, говорит «Перхонен». *Армия Спокойных отступает в беспорядке. И, если вам интересно, фобои нанесут удар по городским укреплениям приблизительно через тридцать минут.*

— Госпожа, — произносит Миели. — Ради служения вам я отказалась почти от всего. От своего разума, своего тела, от большей части своего достоинства. Но в эти несколько недель вор, сам того не желая, был моим собратом по кото. Я не смогу предстать перед своими предками, если его брошу. Позвольте мне сохранить оставшуюся честь.

Пеллегрини приподнимает брови.

— Итак, он все-таки зацепил тебя, верно? Но нет, я тобой слишком дорожу, чтобы рисковать. Мы будем ждать.

Миели молчит, глядя на остановившийся город. *Он не стоит этого,* думает она. *Он вор и обманщик. Но он заставил меня петь. Хоть это и была всего лишь уловка.*

— Госпожа, — вновь заговаривает Миели. — Окажите эту милость, и я добровольно перезаключу наш договор. Вы сможете сделать из меня гогола. Если я не вернусь, можете распоряжаться мной так, как вам будет угодно.

Миели, не делай этого, шепчет корабль. *У тебя не будет пути к отступлению.*

Это все, что у меня осталось, кроме моей чести, отвечает Миели. *И честь мне дороже.*

Пеллегрини, прищурившись, смотрит на нее.

— Что ж, интересное предложение. И все ради него?

Миели кивает.

— Хорошо, — говорит богиня. — Я согласна, но с одним условием: если что-то пойдет не так, «Перхонен» ударит по городу странгелетовым снарядом. В тебе еще остается частица меня, а я не могу допустить, чтобы меня обнаружили. — Она усмехается. — А теперь закрой глаза и молись мне.

Чтобы прорваться сквозь дезорганизованную армию Спокойных, требуется всего несколько минут. Отбросив всяческую осторожность, Миели выжимает всю мощность из корабельных двигателей, работающих на антиматерии. Корабль тонкой алмазной иглой пронзает тропосферу и несется к кратеру Эллада.

Покажи мне фобоев.

Кошмарные существа захватывают кратер. Их уже не один миллион, бесконечное множество вариантов этих созданий сбивается в плотную массу, надвигающуюся на город, словно единый организм. Целые рои насекомоподобных существ

образуют быстро перемещающиеся пятна. С ними мчатся и гуманоиды со стеклянистыми телами и удивительно реалистичными лицами — вероятно, их предки пришли к выводу, что человеческая внешность в какой-то степени замедляет рефлексы Спокойных-воинов.

Фобои представляют собой гибридное биотическое и биологическое оружие. На протяжении миллиардов поколений они воспроизводят себе подобных и в процессе возобновления численности подвергаются модификации. Ублиетт воюет с ними уже много столетий. И когда Шагающий Город останавливается, его противники чувствуют запах крови.

Миели оценивает имеющееся оружие. Ее защитные гоголы спроектированы для борьбы против зоку и мало чем могут помочь в сражении с примитивными химическими мозгами фобоев. Более реальные шансы дает грубая сила: ку-частицы, антиматерия, лазеры и — если дойдет дело — оставшийся странгелет, хотя Миели даже представить себе не может, что он сделает с Марсом.

Итак, произносит Миели, *план проще простого. Ты их задерживаешь. Я разыскиваю вора. Ты нас подбираешь. Все как и в прошлый раз.*

Понятно, отвечает корабль. *Будь осторожна.*

Ты всегда так говоришь. Даже если собираешься высадить меня в умирающем городе.

И я всегда искренне прошу тебя об этом, отзывается корабль.

Затем «Перхонен» окутывает Миели ку-сферой, подхватывает ее электромагнитным полем и запускает на Марс.

Миели полностью активирует метамозг и, расправив крылья, направляется к одной из агор Устойчивого проспекта. Она выпускает над городом наноракеты, летящие со скоростью, близкой к скорости света. На этот раз Миели одета в броню и имеет при себе дополнительное оружие — многоцелевую пушку Соборности, гладкий цилиндр, в котором заключена невероятная разрушительная сила. Ракеты, перед тем как испариться, передают ей фрагменты изображений, поскольку гевулот слишком медлителен, чтобы помешать им транслировать информацию. Метамозг Миели составляет из этих фрагментов общую картину.

Окровавленные лица, алые пятна на белой форме. Гоголы-пираты, не скрывая своих щупалец, нападают на все, что движется. Старые и молодые марсиане бьются между собой, размахивая импровизированным оружием. Наставники сражаются и с людьми, и со Спокойными, отражая выстрелы щитами из утилитарного тумана. Колония зоку накрыта ку-сферой, и вокруг нее происходят самые ожесточенные схватки. В центре Лабиринта

возвышается тонкая черная башня, которой раньше здесь не было. А прямо под ней…

В приюте Утраченного Времени Джентльмен бьется против целого отряда Спокойных-воинов, и его фоглетовый щит потрескивает под ударами крупнокалиберного оружия.

Миели сметает Спокойных залпом автономных ракет, заряженных кварк-глюонной плазмой. Снаряды взрываются с яркостью сверхновой, опустошают половину площади и на мгновение высвечивают невидимые очертания фоглетов: они похожи на кораллы, растущие из тела Джентльмена.

Доложи ситуацию с фобоями, спрашивает Миели у корабля.

«Перхонен» связана с ней на уровне ощущений. Корабль кружится над клокочущей массой и обстреливает фобоев ударными ракетами. Небо над городом освещается их взрывами, словно невероятно яркими молниями, а через пару секунд доносятся раскаты грома.

Не слишком хорошо, отвечает «Перхонен». *Нам необходимо какое-нибудь вирусное оружие. Я пытаюсь их задержать, но поток номер два в любую минуту может ударить по городу.*

Миели крыльями замедляет падение, но приземление все равно получается очень жестким. От удара ку-брони камни мостовой трескаются. Выбравшись из неглубокого кратера, она видит Раймонду. Вокруг нее облаком парят фоглеты с кинжалами на концах, готовые нанести удар.

— Кто ты? — спрашивает Раймонда. — Миели или та, другая?

— Та, которая пришла сообщить, что через пару минут у вас возникнут проблемы с фобоями, — отвечает Миели.

— Проклятье, — вырывается у Раймонды.

Миели оглядывает последствия беспорядков. С проспекта доносится грохот выстрелов и глухие взрывы.

— По-твоему, это революция?

— Около часа назад дела пошли из рук вон плохо, — говорит Раймонда. — Контролируемые криптархами люди стали нападать на каждого, кто принял фрагмент воспоминаний, защищающий от манипуляций, а потом криптархи отозвали с укреплений и Спокойных-воинов. Мы начали вооружать тех, кто остался в живых. Пока действует система восстановления, мы еще можем всех вернуть. Но мы в меньшинстве. А главная проблема *там.*

Она показывает рукой на шпиль, возвышающийся над Лабиринтом.

— Что это?

— Дело рук Жана, — отвечает Раймонда. — Сам он внутри. Вместе с криптархом.

— Фобои приближаются, — сообщает Миели. — Необходимо как-то разобраться с ними, в противном случае вы *все* узнаете, что такое окончательная смерть. Надо, чтобы город снова начал двигаться. Как я понимаю, зоку до сих пор ничего не предпринимают?

— Нет, — говорит Раймонда. — И я не могу с ними связаться.

— Как всегда, — отзывается Миели. — Ладно. *Тебе* надо пробраться внутрь, вытащить оттуда криптарха и заставить его прекратить стычки, чтобы иметь возможность справиться с фобоями. *Я* хочу забрать отсюда вора. Получается, что нам по пути.

Миели расправляет крылья. Наставник взмывает в воздух вместе с ней. Они летят над горящим городом к черному шпилю.

— Это из-за *вас* все пошло кувырком, — говорит Исидор. — Вы должны помочь нам. Если криптархов не остановить, нам грозит гражданская война. Наставникам одним не справиться.

— Нет. Наш главный принцип — заботиться о себе. Мы исцелились и снова обрели силы. Нам пора уходить.

Сокровищница вокруг уже опустела, остались только серебряные порталы.

— Вы просто бежите, — произносит Исидор.

— Это типичная оптимизация ресурсов, — возражает Старейшая. — Ты можешь уйти вместе с нами, хотя быстро поймешь, что твой облик для этого не подходит.

— Я остаюсь, — заявляет Исидор. — Здесь мой дом.

На части мерцающего силуэта Старейшей появляется миниатюрное изображение города. Улицы заполнены крошечными людьми. Повсюду вспышки выстрелов и зарево пожаров. Исидор видит стычки между контролируемыми криптархами людьми и теми, кто получил защитный вирус. Во рту появляется привкус крови, и он понимает, что прикусил язык. А на укрепления, оберегающие ноги города, накатываются белые волны. *Фобои.*

— Ты можешь изменить свое решение, — предлагает Старейшая.

Исидор прикрывает глаза. Мысленная картина в его голове отличается от того, как он обычно представляет тайну, она непрерывно движется и изменяется, это уже не гигантская снежинка, которую можно рассматривать под разными углами.

— Криптархи, — говорит он. — Криптархи еще могут все остановить. Они в состоянии заставить город двигаться и прекратить стычки. Раймонда считала, что они направляются туда, вместе с вором… — Он показывает на иглу, торчащую в

миниатюрном городе, словно стрела в сердце. — Кольцо. Вор похитил мое кольцо сцепленности. Пиксил, оно будет работать внутри *этого?*

— Возможно. Зависит от того, *что* это такое, — отвечает Пиксил. — Чтобы выяснить, нам нужно воспользоваться переходом.

Она направляется к ближайшей серебряной арке.

— Зоку этого не позволят, — предупреждает Старейшая.

— Просто перебрось меня туда, — говорит Исидор. — Я больше ни о чем не прошу. Я не могу стоять здесь и наблюдать.

Пиксил подносит руку к камню зоку в основании шеи. Затем она крепко зажмуривается, лицо искажает гримаса боли, и камень выходит наружу, словно только что рожденное существо. Она держит его перед собой окровавленными пальцами.

— Мы всегда обладали свободой, — произносит она. — Свободой уйти. Я ухожу. Я здесь родилась, и я остаюсь.

Она берет Исидора за руку.

— Пошли.

— Что ты делаешь?! — восклицает Старейшая.

Пиксил прикасается к створкам. Из-за них прорываются золотистые лучи дневного света.

— Я поступаю правильно.

С этими словами она шагает вперед и тянет за собой Исидора.

Глава двадцатая
ДВА ВОРА И СЫЩИК

Темнота восстанавливает нас. Несколько мгновений мне кажется, будто меня рисуют на бумаге, а затем очертания обретают плоть. И я снова могу видеть.

На меня уставился Кот. Он стоит на задних лапах в ботфортах, на голове — широкополая шляпа, на широком ремне висит крошечный меч. У него неживой взгляд, и я понимаю, что глаза *действительно* стеклянные, в них поблескивают золотистые искорки. Кот начинает порывисто двигаться: он снимает шляпу и с механической точностью отвешивает поклон.

— Добрый день, господин, — произносит он с пронзительным мурлыканьем. — С возвращением вас.

Мы находимся в главной галерее дворца. На позолоченных стенах висят картины, на потолке сверкают хрустальные люстры. Широкие окна выходят на итальянскую террасу, залитую золотистым предзакатным светом, отчего все предметы отливают янтарем. Я сижу на полу, и мои глаза на одном уровне с головой

Кота. Кое-что радует: моя нога снова стала целой. Как и ле Руа, я в костюме, созданном древним портным, — с фалдами, бронзовыми пуговицами, немыслимо зауженными рукавами и гофрированной рубашкой. Но Кот кланяется не мне, а ему. И револьвер все еще остается в его руке.

Я напрягаю мышцы для прыжка, но ле Руа действует быстрее. Он бьет меня по лицу рукоятью револьвера, и, как ни странно, боль кажется здесь более ощутимой, чем в реальном мире. Я чувствую, как металл рассекает скулу до самой кости и едва не ломает ее. Во рту появляется привкус крови.

ле Руа пинает меня носком ботинка.

— Уберите это создание, — говорит он. — И найдите что-нибудь переодеться.

Кот снова кланяется и хлопает лапами. Хлопок почти не слышен, но снаружи раздаются шаги, и дверь открывается.

Я с трудом сажусь на полу и сплевываю кровь под ноги ле Руа.

— Мерзавец, — бросаю я. — Я приготовился и к этому. Здесь есть ловушки, о которых ты не знаешь. Скоро увидишь.

— Это всего лишь жалкая уловка, недостойная ни одного из нас, — говорит ле Руа. — Будь благодарен, что я предпочитаю оставить тебя при себе. Как далекое воспоминание.

Он взмахивает револьвером, и сильные жесткие руки поднимают меня и волокут по полу. Восковые фигуры: мужчина с пышными усами, одетый по моде начала двадцатого столетия, и незнакомая мне женщина в платье горничной. У обоих стеклянные глаза и желтоватые, грубо вылепленные восковые лица. Я пытаюсь сопротивляться, но не в силах устоять перед их механической мощью.

— Отпустите меня! — кричу я. — Ваш господин не он, а я! — Но револьвер в руке ле Руа перевешивает все мои аргументы. — Ублюдок! Давай драться один на один!

Слуги тащат меня по коридору, по обе стороны которого располагаются открытые двери. Здесь их целые сотни, а внутри безмолвные восковые фигуры, медленно разыгрывающие сцены из жизни. Они полны смысла: молодой человек в тюремной камере читает книгу. Темная палатка, в углу сидит женщина, она что-то напевает себе под нос и готовит еду на жалком костерке. Я замечаю обнаженную фигуру с лицом Раймонды, играющую на рояле медлительными и неуклюжими восковыми пальцами. Все это мертвые механические куклы, и я внезапно понимаю, что значит стать *далеким воспоминанием.*

Но начинаю вопить, лишь оказавшись в мастерской с формами для литья, чаном расплавленного воска и множеством

острых инструментов.

Снова происходит разрыв реальности. Когда все заканчивается, Исидор все еще держит за руку Пиксил и моргает, чтобы восстановить зрение. В воздухе пахнет пылью и воском. Они находятся в помещении, напоминающем комнату для пыток, но с высокими окнами, выходящими в сад. Вор привязан к длинному столу, а над ним склонились сказочные персонажи: волк в женской одежде, усатый мужчина и горничная в костюме, относящемся к древней истории Земли. В лапах и восковых руках они держат острые изогнутые ножи.

Пиксил бросается вперед. Ее меч со звоном вырывается из ножен и без труда рассекает воск и медь. В воздух взлетает лохматая голова, из пронзенного затылка мужчины выскакивают металлические пружины и шестеренки. Восковые куклы валятся на пол. Затем Пиксил приставляет кончик меча к горлу вора.

— Не двигайся, — говорит она. — Это меч из Царства. Как ты понимаешь, он отлично подходит для этого места.

— Я только хотел вас *поблагодарить,* — хрипит вор. Он усмехается Исидору. — Мистер Ботреле. Рад вас видеть. Мы уже встречались. Жан ле Фламбер, к вашим услугам. Но ваша спутница — это очевидно — имеет надо мной явное превосходство.

— Что здесь происходит? — спрашивает Исидор.

— Неприятно признавать, но это место находится под контролем криптарха — ле Руа. — Он прищуривается. — А как вы сюда попали? Ах да, кольцо зоку. Удивительно, насколько полезными порой могут оказаться привычки клептомана… Берегитесь!

Исидор оборачивается. Мимо двери проскальзывает какое-то пушистое существо.

— Ловите его! — кричит вор. — У него ваше кольцо!

Они наступают, говорит «Перхонен». *Я больше не могу их сдерживать.*

Миели ощущает удары летающих фобоев по поверхности корабля, чувствует, как истощается его броня.

— Уходи отсюда.

Корабль поднимается, и Миели видит, как вал фобоев накатывает на стену растерянных Спокойных-воинов и захлестывает ее. Миели провожает взглядом удаляющийся корабль и снова сосредоточивается на стрельбе по контролируемым криптархами Спокойным.

Спокойный-конструктор желтого цвета сбил ее на землю,

выпустив облако технологической пыли, которая на время блокировала микровентиляторы крыльев. Спокойные-воины упрямо атакуют ее и Раймонду, не позволяя им приблизиться к черному шпилю.

— Фобои прорываются к городу! — кричит Миели наставнику, и, несмотря на пыль, несмотря на серебряную маску, видит на ее лице отчаяние.

Миели! Там что-то происходит!

Она замедляет время и снова смотрит на город глазами «Перхонен».

Защитная сфера вокруг колонии зоку рассеивается. Оттуда вырывается стая завывающих призраков из мерцающего света, алмазов и других драгоценных камней. Они обрушивают на толпы фобоев потоки когерентного излучения, рассекают наступающий вал, словно пустоту, и двигаются так быстро, что невозможно уследить взглядом. За ними летят сгустки греческого огня — самовоспроизводящегося оружия на основе нанотехнологии, и по бурлящим толпам распространяются круги пламени.

Что же побудило их изменить решение? Но раздумывать некогда.

— Вперед! — кричит Миели Раймонде. — У нас еще есть время!

Стиснув зубы, она извлекает ку-клинок и устремляется на преграждающую путь группу Спокойных.

Девушка-зоку обрезает веревки и освобождает меня. Сыщик уже унесся в погоню за Котом, и я устремляюсь вслед за ним. Кота нигде не видно, но я, словно безумец, мчусь в том направлении, куда он бежал, минуя все новые механические куклы-воспоминания.

А потом я вижу его: в небольшой комнате на одноногом столе из темного дерева стоит простая коробочка, в которой могло бы поместиться обручальное кольцо. Камера Шредингера. Она выглядит так же соблазнительно, как и двадцать лет назад, когда я обнаружил ее в колонии зоку и не смог устоять. Я осторожно вхожу в комнату и беру ее, опасаясь ловушки. Но ничего не происходит, и я, зажав находку в кулаке, возвращаюсь в коридор.

Сыщик и девушка-зоку уже возвращаются.

— Жалко, — говорит сыщик. — Мы его не нашли.

— Вы это ищете? — спрашивает Жан ле Руа.

Теперь он выглядит иначе — моложе и больше похож на меня. У него черные волосы, гладкое лицо и тонкие, будто нарисованные усики. На нем черный галстук, белые перчатки и

плащ, как будто перед вечерним выходом в город. В руке трость. Вокруг головы кружится россыпь камней зоку, отливающих зеленью и голубизной. Но усмешка осталась прежней.

Он поднимает вверх кольцо — серебряный ободок с голубым камнем.

— Не стоит беспокоиться, вам оно больше не понадобится.

С видом заправского фокусника он взмахивает рукой, и кольцо рассыпается облачком светящегося порошка.

— Вы можете остаться здесь в качестве моих гостей. — Он стряхивает с лацкана невидимую пылинку. — Мне кажется, я отыскал тело, в котором буду ходить. Пора покончить с этим соперничеством.

Девушка испускает пронзительный крик и прежде, чем я успеваю ее остановить, замахивается своим мечом на ле Руа. Он неуловимым движением руки поворачивает набалдашник трости, и на конце ярко вспыхивает клинок. ле Руа парирует ее выпад, потом пригибается и наносит ответный удар. Кончик клинка зловещим цветком выходит из ее спины. Девушка падает на колени. Сыщик устремляется к ней, пытается поднять, но я уже знаю, что все кончено.

ле Руа подталкивает ее упавший меч кончиком своего клинка.

— Отличная игрушка, — говорит он. — Но моя лучше.

Он, вытаращив глаза, смотрит на сыщика, как будто только что его заметил.

— Тебя здесь не должно было быть, — тихо произносит он. — Что ты тут делаешь?

Сыщик глядит на него снизу-вверх. По его щекам текут слезы, но глаза сверкают гневом.

— Мистер ле Руа, — решительно произносит он. — Я здесь для того, чтобы арестовать вас за преступления против Ублиетта, и именем Революции приказываю немедленно передать мне ключ от вашей экзопамяти…

— Нет, нет, — он опускается на колени рядом с сыщиком. — Ты все не так понял. Я думал, что ты всего лишь обращенное против меня воспоминание. Я не желал этого. — Он смотрит на девушку. — Мы можем вернуть ее, если ты хочешь. А мой ключ, вот он, возьми. — Он роняет трость и что-то ищет в кармане. — Вот, он твой. — Он вкладывает что-то в руку сыщика. — Возьми. Я отошлю тебя обратно. И это будет правильно — принц унаследует королевство…

Сыщик бьет его по лицу. ле Руа вскакивает на ноги, подбирает трость и нацеливает на него клинок. Потом встряхивает головой.

— Хватит.

Он взмахивает оружием, и сыщик, окутанный яркой вспышкой, исчезает.

— Ты ломаешь все свои игрушки, — говорю я, поднимая меч Царства. — Хочешь сломать и меня?

Меч, отзываясь на мое прикосновение, показывает базовую структуру всего, что находится здесь. Это малое Царство, виртуальный мир, служащий интерфейсом для окружающего нас пико-механизма. Я — программный алгоритм, содержащий всю информацию о материи тела, демонтированного дворцом. И в моем животе, словно призрак, светится голубоватая точка…

— Мальчик не сломан, — отвечает ле Руа, прищурившись. — Он благополучно перемещен. Он перехитрил тебя. Через сотню лет я его навещу.

— Я не собираюсь тебя благодарить, — говорю я. — И он прав: ты должен заплатить за все, что натворил.

Он с усмешкой салютует мне своей тростью.

— Тогда приведи приговор в исполнение, если сможешь. Давай покончим с этим.

Он встает в фехтовальную позицию, и с его лица на меня смотрят мои глаза.

Я обеими руками поднимаю меч и погружаю лезвие себе в живот. Боль ослепляет. Меч пронзает программный алгоритм, которым я стал.

И выпускает на волю архонта.

Он вываливается вместе с моей кровью и внутренностями, вместе с потоком информации. И распространяется на стены и пол дворца. Они становятся стеклянными. Прозрачная стена тюремной камеры отделяет меня от Жана ле Руа, а я, заложив основу новой Тюрьме «Дилемма», начинаю смеяться.

Стреляя, Миели едва не попадает в вылетевшего из черного шпиля сыщика. Часть темной шероховатой поверхности внезапно превращается в обнаженное тело молодого человека и вываливается наружу. В следующее мгновение Раймонда оказывается рядом с ним и помогает сыщику подняться.

— У него Пиксил, — бормочет Исидор.

Они добрались до основания башни всего несколько минут назад. Ее материал похож на псевдоматерию, какую Миели видела только возле остатков Вспышки. Башня состоит не из атомов и молекул, а из чего-то более тонкого — из кварковой материи или пространственно-временной пены.

Миели, окликает ее «Перхонен». *Я не уверена, что там безопасно. Внутри что-то происходит. Гамма-излучение, странные*

импульсы фонтаном…

Поверхность башни на мгновение покрывается рябью, и в следующее мгновение она становится похожей на затемненное стекло, холодное и прочное. *Напоминает Тюрьму. Он освободил архонта.*

Миели опускает оружие и прикладывает руку к стене башни. Материя раскрывается и принимает ее словно в любящие объятия.

Архонт счастлив. Новые воры, новые дела, новые игры, которые предстоит создать на твердой почве, где его разум разрастается в тысячи раз. Кто-то прикасается к нему: оортианская женщина, беглянка, вернувшаяся в его объятия. Он позволяет ей войти. От нее пахнет корицей.

Исидор страдает. У него новое, непривычное тело, а внутри не утихает боль от гибели Пиксил. Но ему некогда задуматься над этим, потому что он внезапно узнает все.

Экзопамять необъятным морем окружает его, прозрачная, как тропический океан. Спокойные, Достойные, наставники: каждая когда-либо возникшая мысль, каждое воспоминание. Все они доступны ему. Это самая прекрасная и самая ужасная картина из всех, что ему доводилось видеть или ощущать. История. Настоящее: ярость, кровь и огонь. Спокойные-атланты, впавшие в безумие и остановившие город. Люди, сражающиеся, словно марионетки, ключи, кнопки и шкалы в их головах, внедренные его отцом, перестали действовать как отлаженный механизм.

Исидор обращается к людям посредством Голоса и призывает их вспомнить, кто они есть на самом деле. Спокойные возвращаются к защите противофобойных стен. Стычки прекращаются.

И город медленно, шаг за шагом, возобновляет свое движение.

Я наг. Я не открываю глаз. Передо мной на полу лежит оружие. И скоро мне придется поднять его и решить: стрелять или не стрелять.

Звон разбитого стекла кажется музыкой, словно прекрасный звук нарушения законов. Вихрь, налетевший с потолка, бросает в меня мелкие осколки. Я открываю глаза и вижу Миели, отмеченный шрамом ангел в черном с распростертыми крыльями.

— Я надеялся, что ты придешь, — говорю я.

— И сейчас ты скажешь мне, что ты Жан ле Фламбер и покинешь это место, когда сам решишь это сделать?

— Нет, — отвечаю я. — Не скажу.

Я беру ее за руку. Она обнимает меня. Хлопают крылья, и мы уносимся вверх сквозь стеклянное небо, прочь от оружия, воспоминаний и королей.

Глава двадцать первая
ВОР И УКРАДЕННОЕ ПРОЩАНИЕ

Я прощаюсь с сыщиком — Исидором — у него на кухне, через день после того, как зоку вернули к жизни Пиксил.

— Она теперь другая, — говорит он. — Не знаю, почему, но другая.

Мы сидим за столом, и я стараюсь не смотреть на мрачные, грязно-коричневые эшеровские обои.

— Иногда, — начинаю я, — требуется лишь несколько мгновений, чтобы стать другим человеком. А иногда на это уходят столетия. — Я пытаюсь оттолкнуть зеленое существо, которое бродит по столу. Кажется, оно почуяло во мне природного врага и не перестает жевать мой рукав. — Но тебе, безусловно, не стоит слушать все, что я говорю. Особенно если речь заходит о женщинах.

Я разглядываю его лицо: тонкий нос, высокие скулы. Сходство определенно есть, особенно в области рта и глаз. Я гадаю, в какой степени Раймонда и ле Руа положились на случай, и надеюсь, что в нем больше ее черт, чем моих.

— Ты тоже изменился, — продолжаю я. — Исидор Ботреле, Криптарх Ублиетта. Возможно, лучше было бы называть тебя *королем*. Что ты собираешься делать?

— Я не знаю, — отвечает он. — Я хочу вернуть людям Голос. Думаю, эту работу можно выполнять лучше. Я намерен отказаться от нее сразу же, как только смогу. И я должен решить… надо ли позволять всем помнить, с чего в действительности начинался Ублиетт.

— Что ж, революция всегда начинается с красивой мечты, — говорю я. — А у вас только что произошла самая настоящая революция. Что бы ты ни решил, будь осторожен. Соборность не упустит случая отреагировать — быстро и жестко. Зоку помогут, но вам придется нелегко. — Я улыбаюсь. — И все же это будет увлекательно. Сильно и волнующе, как в опере, о которой мне когда-то рассказывали.

Исидор смотрит в окно. Город все еще залечивает раны, но все уже не так, как выглядело прежде. Отсюда видно, как над крышами Лабиринта торчит алмазная игла Тюрьмы.

— А ты? — спрашивает он. — Ты собираешься уехать и снова заняться чем-то… противозаконным?

— Почти наверняка. Боюсь, мне еще придется оплатить свои долги. — Я усмехаюсь. — Но ты можешь поймать меня, если сумеешь. Хотя, я думаю, ты и без того будешь слишком занят. — Я бросаю на зеленое существо гневный взгляд. — Конечно, у некоторых нет подобных проблем.

Я встаю из-за стола.

— Мне пора. Миели уже несколько дней никого не убивала, а от этого у нее портится настроение. — Я пожимаю ему руку. — Я не твой отец, — говорю я, — но ты лучше, чем я. И постарайся таким остаться. А если тебе все же захочется свернуть на другую дорогу, дай мне знать.

К моему удивлению, он меня крепко обнимает.

— Нет уж, спасибо, — отвечает он. — До встречи.

Ну, мы уже можем отправляться? спрашивает «Перхонен». *Сколько можно его ждать?*

Корабль стоит на площадке, оставленной городом, неподалеку от полуразрушенной и почерневшей стены. Миели в скафандре остается снаружи и дает выход своему нетерпению, быстро шагая взад и вперед. На стене она замечает барельефы, напоминающие ей об Оорте: пейзажи и бесконечные ряды незавершенных лиц. Она прикасается к ним и слышит негромкую песню, высеченную в камне.

— Привет, — раздается голос Раймонды.

Она в обличье Джентльмена, но без серебряной маски, а вместо скафандра вокруг нее ореол из фоглетов. Она тоже замечает барельефы, и по лицу скользит тень печали и вины.

— Все в порядке? — спрашивает Миели.

— Просто вспомнила, что я кое-что хотела увидеть. — Раймонда смотрит на «Перхонен». — Очень красивый корабль.

Спасибо, отвечает «Перхонен». *Но у меня имеются и другие достоинства кроме привлекательной внешности.*

Раймонда отвешивает кораблю поклон.

— Тебя мы тоже должны поблагодарить, — говорит она. — Ты не обязана была делать то, что сделала.

Тебе этого не видно, отзывается «Перхонен», поблескивая сапфировым корпусом, *но я краснею.*

Раймонда оглядывается по сторонам.

— Его еще нет? Это не удивительно. — Она целует Миели в обе щеки. — Удачи вам и спокойного путешествия. И спасибо. — Она ненадолго умолкает. — Когда ты открыла свой гевулот, ты показала нам свои мысли. Я поняла, почему ты это делаешь. Более того, я надеюсь, что ты ее вернешь.

— Дело не в надежде, — говорит Миели, — а в желании.

— Хороший ответ, — произносит Раймонда. — И еще — не будь с ним строгой. То есть строгость необходима, но не чрезмерная. Он не в силах справиться с собой. Но он не такой плохой, каким мог бы быть.

— Вы говорите обо мне? — спрашивает вор, появляясь из транспортной сферы зоку. — Я знал, что вы будете обсуждать меня за моей спиной.

— Я подожду на борту, — говорит Миели. — Мы отправляемся через пять минут.

Я не знаю, что ей сказать на прощание. И мы молча стоим на красном песке. Тени города мерцают вокруг, словно трепещущие крылья света и тьмы.

В конце концов я целую ее руку. Если на ее глазах и есть слезы, их скрывает тень. Раймонда легко целует меня в губы, а потом стоит и смотрит, как я иду к кораблю. Перед самым входом я оборачиваюсь, чтобы помахать ей рукой и послать воздушный поцелуй.

На борту я покачиваю в руке Ларец.

— Ты собираешься открывать эту штуку или нет? — спрашивает Миели. — Я бы хотела знать, куда мы направляемся.

Но я уже и так это знаю.

— К Земле, — говорю я. — Но не могла бы ты попросить «Перхонен» не торопиться? Мне хотелось бы полюбоваться пейзажем.

К моему удивлению, она не возражает. «Перхонен» медленно поднимается и делает круг над Шагающим Городом, над артерией Устойчивого проспекта, над зеленым пятном Черепашьего парка, над картонными замками Пыльного района. У города теперь другое лицо, но я все равно улыбаюсь ему. Он не обращает на меня внимания и продолжает двигаться.

Только на полпути к Магистрали я обнаруживаю, что сыщик украл мои Часы.

Интерлюдия
ОХОТНИК

Наступила весна, и Творец Душ счастлив.

Виртуальный пейзаж его *губернии* представляет собой обширный цветущий роботизированный сад. Семена, посаженные в период долгой дайсоновской зимы, когда *губерния* замедлила ход, чтобы избавиться от излишнего тепла, проросли, и теперь радуют своим разнообразием.

Гоголы вьются вокруг Творца стаей белокрылых птиц, а он

погружает миллиарды пар рук в черную почву, где каждая частица представляет собой шестеренку, безупречно подходящую к соседним элементам. Он хочет ощутить новые композитные разумы, уже готовые расцвести. Прайм-Творец лично присутствует повсюду, он следит за селекционным отбором этого меметического дерева, следит, чтобы группы генетических алгоритмов в процессе ветвления высаживались в новом пространстве параметров.

С бесконечной осторожностью он вынимает только что распустившийся росток гогола с редким отклонением, которое позволяет предполагать стеклянное, очень хрупкое тело: именно то, что он считал утраченным много лет назад. В совокупности с сильной шизофренией это свойство обеспечит разум, который будет способен делиться и воссоединяться по своему желанию. Это должно понравиться воинам-разумам Матчека. Творец отделяет гогола, чтобы продолжить стандартные исследования, и возвращается к наблюдению за общей картиной, позволив прайм-Творцу взмыть в воздух, так что от свежего ветерка захлопали полы его белого лабораторного одеяния. Да, этот участок принесет отличный урожай Говорящих с Драконом. В этом обширном лабиринте уже подрастают целеустремленные Преследователи — скоро они будут готовы изучать пространства параметров, превосходящие целые миры — и математические муравьи, предназначенные для поисков недоказанных теорем в колоссальных просторах гёделевской вселенной.

Творец вдруг понимает, что никогда еще не был так счастлив: быстрый поиск его библиотечного гогола подтверждает этот факт. Сейчас он более доволен, чем был когда-либо доволен любой Творец, если не считать одного момента в бытность студентом Минского университета, — хотя это было всего лишь мгновение с одним особенным человеком. Но, в сущности, тот случай стоит исследования выдернутого гогола и сохранения его в личной Библиотеке, застывшей во времени.

И это мгновение тоже не может длиться вечно.

Виртуальный пейзаж подернулся рябью, означавшей, что в нем без предупреждения появилось еще не менее двух других Основателей: волна благоговейного ужаса швыряет наземь всех младших гоголов, распростершихся между вспомогательными машинами. Подрастающий воин-разум ускользает от своих встревоженных опекунов, металлический паук с контролируемой токсичностью принимается опустошать многообещающий участок с Мечтателями, пока Творец не вытягивает одну из миллиарда своих рук, чтобы его уничтожить. *Какая бессмысленная потеря.* Двое гостей, не обращая внимания на вызванную их появлением

суматоху, проходят к центральной площадке сада. Один из них невысокий, ничем не примечательный китаец с седыми волосами, в скромной монашеской одежде. Матчек Чен, один из самых могущественных Основателей во всей Соборности, достаточно учтив, чтобы не появляться здесь во всем своем величии.

Зато вторая гостья — высокая женщина в белом летнем платье, с изящным зонтиком, отбрасывающим тень на лицо…

С неожиданной поспешностью Творец принимает меры, чтобы удержать посетителей в субвиртуальном пространстве, — нелегкая задача, если учесть, что могущество Основателей способно без труда рассеять любые иллюзии, — и посылает прайм-Творца им навстречу.

Пространство превращается в реальный сад с цветущими вишнями. В нем стоит выполненный в федоровском стиле каменный фонтан — героические фигуры мужчины и женщины, поддерживающие купол. Младшие гоголы-Творцы приносят прохладительные напитки, а прайм-Творец выходит навстречу гостям.

— Добро пожаловать, — говорит он, поглаживая свою бородку и считая этот жест весьма внушительным.

Он приветствует гостей легким поклоном. Чен отвечает едва заметным кивком. Творец пытается определить ранг этого гоголa — наверняка не прайм, но достаточно значительная фигура, чтобы обладать аурой могущества Основателя.

Женщина закрывает зонтик и улыбается, на ее лебединой шее мерцают бриллианты.

— Привет, Саша, — произносит она.

Творец пододвигает ей кресло.

— Жозефина.

Она садится, изящно скрестив ноги и слегка опираясь на зонтик.

— У тебя прекрасный сад, Саша, — говорит она. — Не удивительно, что мы тебя почти не видим. Если бы я жила в таком месте, мне бы не хотелось никуда ходить.

— Порой возникает соблазн забыть о реальности необъятного мира, — вступает в разговор Чен. — К несчастью, позволить себе подобную роскошь может не каждый из нас.

Творец сдержанно улыбается старшему Основателю.

— Проводимая мною здесь работа служит на благо всей Соборности и приближает Великую Всеобщую Цель.

— Безусловно, — соглашается Чен. — Твоя квалификация в этом деле уникальна. Именно поэтому мы и пришли. — Он присаживается на край фонтана, трогает воду. — Тебе не кажется, что все это слишком роскошно?

Творец припоминает, что собственным королевствам Чена, как правило, свойственна абстрактная, почти спартанская обстановка, практически лишенная физических свойств.

— О, прошу тебя, Матчек, — говорит Жозефина, — не будь таким мрачным. Здесь красиво. Кроме того, неужели ты не видишь, что Саша занят? Он всегда поглаживает бородку, когда ему не терпится поскорее вернуться к своим делам, но сказать об этом не позволяет вежливость.

— У него достаточно гоголов, чтобы заниматься работой, — отвечает Чен. — Но будь по-твоему.

Он складывает руки на груди и наклоняется над столом.

— Брат, у нас возникли некоторые проблемы с одним из твоих созданий. Тюрьма «Дилемма» взломана.

— Невероятно.

— Взгляни сам.

Передаваемое Ченом воспоминание заволакивает рябью виртуальный пейзаж, и на мгновение Творец видит гогола Основателя таким, какой он есть на самом деле, — голосом миллиардов Ченов, звучащим во всех *губерниях, областях* и *районах* Соборности. Это не столько личность, сколько отдельный орган. А затем в его руке появляется замороженный гогол, в котором он узнает свое творение, результат незначительного, уже почти забытого им эксперимента с играми и наваждениями. Архонт, как он его назвал, был предназначен для того, чтобы держать взаперти безумцев и негодяев, неугодных Соборности. Творец раскрывает его, словно снимая кожуру с апельсина, и впитывает его воспоминания.

— Как странно, — говорит он, наблюдая, как Тюрьма выплевывает три разума в хрупкую оболочку материи.

Он даже чувствует некоторое восхищение перед мелким созданием на оортианском корабле, которое пытается обмануть его творение, и делает себе мысленную заметку проследить, чтобы следующее поколение архонтов обладало способностью проводить различие между разными слоями реальности.

— Мы бы этого и не заметили, если бы они не допустили ошибку, — поясняет Чен. — А они ее допустили: им следовало забрать двух гоголов, а не трех. Третий, как ты можешь видеть, представляет особый интерес.

— Да-да, — соглашается Творец, испытывая родительскую гордость за своего архонта. — Перебежчик. Очаровательно.

— Коды Основателей. Кто-то открыл Тюрьму кодом Основателей. И нам необходимо узнать, зачем это было сделано. — Чен хлопает ладонью по столу. — Мы ведем войну, все мы воюем, и между собой, а кое-кто даже против себя самого. Но есть

вещи, которых мы договорились не совершать.

— Возможно, ты так и поступаешь, Матчек, — говорит Жозефина, обводя пальчиком край бокала. — Кто-то еще — вряд ли.

— Я хочу вернуть этих гоголов. Мы — я — должны выяснить, что им известно.

— Разве у тебя для этого недостаточно своих гоголов? — спрашивает Творец, чувствуя удовлетворение от того, что может хотя бы мгновение выдерживать взгляд старшего Основателя. — Есть более важные дела, ожидающие своего развития и завершения.

— Саша, — произносит Жозефина. — Мы не дети. Мы — я — не пришли бы к тебе с этой просьбой, если бы не требовалось твое участие. — Она прикасается к его руке и улыбается: даже после трех веков и миллиардов разветвлений Творец не в силах удержаться от ответной улыбки. — Матчек, не мог бы ты позволить мне поговорить с Сашей наедине?

Их взгляды на миг встречаются, и, к удивлению Творца, Матчек отводит глаза.

— Ладно, — говорит Чен. — Наверное, детям проще договориться между собой. Я скоро вернусь.

Он покидает виртуальный сад без всякой деликатности, так стремительно бросая гогола-аватара в разрыв пространства, что Творцу стоит немалых усилий сгладить последствия.

Жозефина качает головой.

— Все мы говорим о переменах, — произносит она. — Есть вещи, которые не могут измениться. — Затем она обращает на Творца свой сияющий взгляд. — Но ты меняешься. Мне нравится то, что ты создаешь. Интересно, все это было в тебе еще тогда? Или ты становишься взрослым?

— Жозефина, — говорит Творец. — Скажи мне, пожалуйста, чего ты хочешь?

Она огорченно хмурится.

— Я не уверена, что мне нравится этот повзрослевший Саша. Ты даже не краснеешь.

— Прошу тебя.

— Хорошо. — Она смотрит вверх и делает глубокий вдох. — Они убивают меня. Те, другие. За время твоей последней зимы многое изменилось. Антон и Сянь теперь заодно. Читрагупта… он сам по себе. Но я — я никогда им не нравилась. И я слаба, слабее, чем ты можешь себе представить.

Творец недоверчиво смотрит на нее.

— Истребление гоголов? Неужели мы дошли и до этого?

— Еще нет, но таковы их намерения. Вся моя надежда на

Матчека, и он знает, что ты меня выслушаешь. В *действительности* дело вовсе не в Тюрьме, просто ему необходимо оружие против остальных. И твоя поддержка.

— Я мог бы… — Творец колеблется. — Я мог бы тебя защитить.

— Ты очень любезен, но нам обоим известно, что ты на это не способен. Это место стало особенным, потому что остальные позволили тебе сделать его таким, надеясь, что ты принесешь пользу. Если ты обманешь их ожидания, оно исчезнет. Помоги Матчеку, и он поможет нам обоим. Придумай что-нибудь, чтобы поймать этих маленьких беглецов. Это не так уж много, но ты докажешь ему, что прислушиваешься ко мне. А тогда и *я* буду представлять для него ценность.

Творец прикрывает глаза. Он чувствует, как живет и растет его сад, ощущает миллиард рук в его почве: все внутри мощного мозга *губернии,* поглощающего материю и энергии самого солнца, алмазной сферы размером с древнюю Землю, содержащей триллион его гоголов вместе с Драконами. И все же он чувствует себя маленьким.

— Хорошо, — соглашается он. — Но только на этот раз. В память о прошлых временах.

— Спасибо. — Она целует его в щеку. — Я знала, что могу рассчитывать на тебя.

— Не позволяй ему завести себя слишком далеко, — предупреждает он.

— Я знаю Матчека настолько, насколько его вообще можно знать. Пока я могу с ним справиться. Я могла прибегнуть к… другим методам, но потребовалось бы слишком много времени. Так что я благодарна тебе за твой дар.

— Не стоит. — Творец улыбается. — Я сделаю тебе охотника. Хочешь посмотреть?

— Мне всегда нравится смотреть, как ты работаешь.

Он позволяет окружающему их виртуальному саду рассеяться. В обличье Основателя она все так же красива — существо из крученого серебра, свитого из множества гоголов. Творец ведет ее через Фабрику в Питомник, где растут его любимые саженцы. Ее молчаливое восхищение доставляет ему тихую радость, и он с головой погружается в работу. На этот раз ему предстоит не просто наблюдать за процессом, а проявить мастерство: когнитивные модули нового существа, которое он изготавливает, окружают его симфонией нейронных цепочек и мыслей.

Не без некоторого удовольствия Творец находит возможность применить свое новое открытие. Этот Охотник будет не один, их

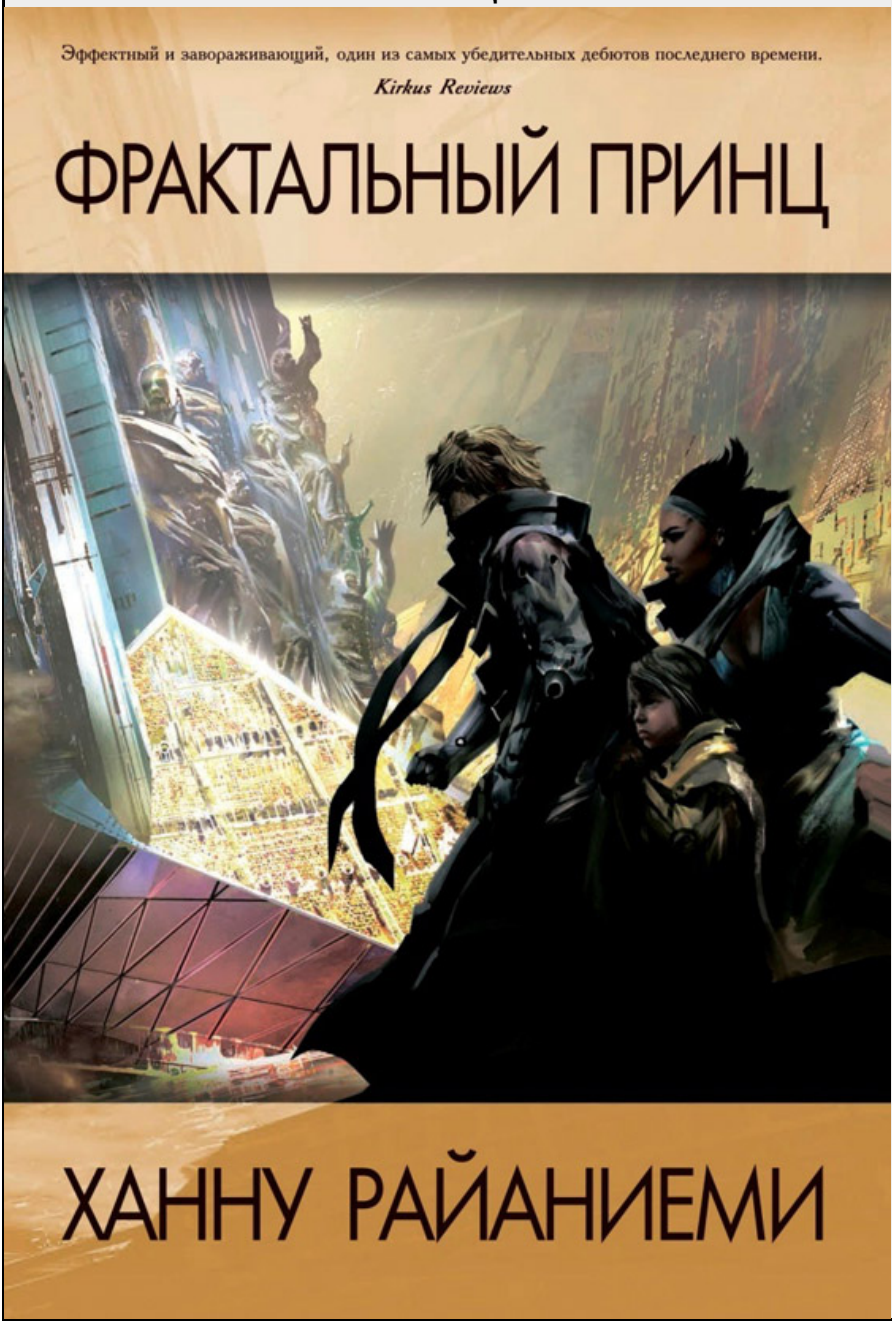
будет много: он будет способен делиться на много частей, а потом снова объединяться в единое целое. Творец придает ему целеустремленность, обнаруженную у оортианского скульптора, и координационную способность концертирующего пианиста, подкрепленную более примитивными формами из старых коллекций: акулы и кошки. Он вкладывает в него достаточно когнитивности, чтобы создать разумное существо, но не слишком много, чтобы не вызвать скрытность. И еще подмешивает фрагмент интеллектуальной материи *губерниц,* чтобы Охотник был готов отправиться по первому же приказу своей повелительницы.

Сотворенное существо не разговаривает, а лишь молча рассматривает их в ожидании задания. Охотник достаточно красив, как бывает красивым оружие, вызывающее желание дотронуться, несмотря на остроту лезвия, грозящего поранить.

— Он твой, — говорит Творец. — Не Матчека, а твой. Тебе осталось лишь сказать ему, что ты хочешь найти.

Жозефина Пеллегрини улыбается и шепчет имя на ухо Охотнику.

ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ


Эффектный и завораживающий, один из самых убедительных дебютов последнего времени.
Kirkus Reviews
ФРАКТАЛЬНЫЙ ПРИНЦ
ХАННУ РАЙАНИЕМИ

Его портрет? Как мог бы я его изобразить? Я видел Арсена Люпена раз двадцать, и двадцать раз передо

мной представал другой человек… либо, скорее, все тот же, от которого двадцать разных зеркал донесли до меня столько же искаженных отражений.

Морис Леблан. Арест Арсена Люпена.[49]

Когда мы смотрим на фрактал, мы должны вглядываться в одно зеркало, не обращая внимания на второе, стоящее где-то далеко позади.

Кристиан Бек. Кристаллография.

Пролог
СПЯЩИЙ ПРИНЦ

Этой ночью Матчек ускользает из своего сна, чтобы снова навестить вора.

Во сне он видит себя в книжном магазине. Это темное неприбранное помещение с низким потолком и ветхой лесенкой, ведущей к небольшой мансарде. Полки прогибаются под тяжестью запылившихся фолиантов. Из дальней комнаты тянется пьянящий аромат благовоний, смешиваясь с запахами пыли и плесени.

Прищурившись в тусклом свете, Матчек разглядывает рукописные указатели на полках. Они немного изменились с прошлого раза, как изменился и список эзотерических тем. «Огнеглотатели». «Человек-ядро». «Невосприимчивые к ядам». «Езда по стенам». «Чудеса разума». «Освобождение от оков».

Он тянется к небольшому томику, название которого, выведенное округлыми золотыми буквами, гласит: «Тайная история пушки Заккини», и его пульс заметно учащается. Эти истории в снах нравятся Матчеку, хотя после пробуждения он не может их вспомнить. Он открывает книгу и принимается за чтение.

«Человек-ядро никогда не любил ее, несмотря на то, что говорил о любви не один раз. Единственной его любовью оставалось ощущение полета, когда его выбрасывало из огромной железной пушки, которую его дед изготовил из металла, по преданию, добытого из упавшего с неба камня. Человек-ядро

хотел обзавестись женой, поскольку так было принято, и это помогло бы ему поддерживать в рабочем состоянии великолепный механизм, образуемый им самим и пушкой, но назвать это любовью было бы неправильно…»

Матчек моргает. Это не та история. Она не приведет его к вору.

От неожиданного кашля за спиной Матчек вздрагивает и резко захлопывает книгу. Если он обернется, то увидит сидящего за прилавком тощего владельца магазина, который неодобрительно посматривает в его сторону безумными глазами, увидит седые волосы на его груди, пробивающиеся сквозь петли грязной рубашки, увидит небритое злое лицо и проснется.

Матчек качает головой. Сегодня он не просто смотрит сон. Он здесь по делу. Он осторожно ставит книгу обратно на полку и начинает подниматься по ступенькам лесенки.

Дерево отзывается скрипом на каждый его шаг. Матчек чувствует себя неуклюжим. Перила под его рукой внезапно становятся мягкими. Стоит допустить оплошность, и он рискует провалиться в другой, более глубокий сон. Но вот среди серых фолиантов, сверху на крайней полке, где заканчивается лестница, он видит голубой проблеск.

Хозяин магазина внизу заходится отрывистым влажным кашлем.

Матчек поднимается на цыпочки и кончиками пальцев тянется к голубому переплету. Книга падает с полки, а вместе с ней вываливается целый каскад других томов. Пыль мгновенно забивает глаза и горло. Он начинает кашлять.

— Что ты делаешь там, наверху, парень? — раздается скрипучий голос, сопровождаемый шаркающими шагами и стоном половиц.

Матчек опускается на колени, разбрасывает книги о блошиных цирках и поющих мышах и отыскивает голубой томик. Сквозь царапины и потертости на обложке проглядывает коричневый картон, но серебряные минареты, звезды и месяц остались все такими же яркими.

По лестнице поднимается нечто, пахнущее благовониями и пылью, но это не хозяин магазина, а что-то намного хуже, что-то сухое и старое, как пергамент…

Не сводя глаз с книги, Матчек резко раскрывает ее. Слова с пожелтевшей страницы устремляются ему навстречу потоком черных шевелящихся насекомых.

«Одна из легенд о древних народах повествует о царе из династии Сасанидов, повелевающем армиями солдат и слуг, у которого было двое сыновей — старший и младший…»

Слова взвиваются вихрем. Бумага и буквы становятся объемными, принимают форму руки с черными и белыми пальцами и устремляются к Матчеку из книги.

Пыльное существо кашляет и шепчет, что-то щекочет плечо Матчека. Он изо всех сил сжимает протянутую руку, острые края пальцев-слов впиваются в ладонь. Но он не выпускает их, и рука внезапно увлекает его в простирающийся впереди океан символов. Слова перекатываются через него, словно…

…волны, вокруг босых ног бьются клочья прохладной пены. Над ним теплое вечернее солнце, навстречу широкой улыбкой расстилается белый песчаный пляж.

— Я уже пробыл здесь некоторое время и думал, что ты так и не соберешься это сделать, — произносит вор.

Он сжимает руку Матчека в крепком рукопожатии. Это худощавый мужчина в шортах и белой рубашке, глаза скрыты за линзами солнцезащитных очков, синими, как книга из сна.

Полотенце вора расстелено на песке неподалеку от пустых шезлонгов под зонтиками. Они с Матчеком садятся рядом и наблюдают, как солнце опускается в море.

— Я частенько бывал здесь, — говорит Матчек. — Раньше, как ты понимаешь.

— Я знаю. Я почерпнул это из твоих воспоминаний, — отвечает вор.

И пустой пляж внезапно заполняется, как в те субботние дни, когда Матчек приходил сюда с отцом. Сначала они посещали рынок, где торговали всевозможной техникой, потом раскладывали свои приобретения на песке и испытывали в волнах плавающих дронов или просто наблюдали за паромами и водными мотоциклами. Но, несмотря на ощущение песка между пальцами ног, несмотря на запах солнца, пота и соли на коже и красную линию скал на другом конце пляжа, что-то кажется Матчеку неправильным, не таким, как прежде.

— Ты хочешь сказать, что украл все это, — говорит Матчек.

— Я думал, что тебе это уже не нужно. Кроме того, я надеялся порадовать тебя.

— Да, наверно, так и есть, — соглашается Матчек. — Но кое-какие детали переданы неверно.

— В этом ты должен винить свою память, а не меня, — возражает вор.

Его слова вызывают у Матчека беспокойство.

— Ты тоже выглядишь несколько иначе, — говорит он, просто чтобы что-нибудь сказать.

— Это помогает, если не хочешь быть пойманным, —

отвечает вор.

Он снимает очки и убирает их в нагрудный карман. Он действительно немного изменился, хотя Матчек мог бы поклясться, что тяжелые веки и легкий изгиб губ остались такими же, как прежде.

— Ты никогда не рассказывал, как тебя поймали, — говорит Матчек. — Только о самой тюрьме и о том, как тебя вытащила оттуда Миели[50]. И о твоем путешествии на Марс в поисках воспоминаний, необходимых, чтобы украсть что-то для ее босса и обрести свободу.

— И что было дальше? — Вор улыбается, как будто только одному ему понятной шутке.

— Ты отыскал свои воспоминания, но другой ты тоже пытался ими завладеть. Поэтому ты запер его в тюрьме и получил только Ларец, в котором заключен бог. И воспоминание о том, что тебе необходимо попасть на Землю.

— У тебя *действительно* хорошая память.

В висках у Матчека неожиданно начинает стучать гнев.

— Прекрати надо мной насмехаться. Я не терплю, когда люди смеются надо мной. А ты даже не человек, а просто моя выдумка, или то, о чем я прочел в книге.

— А разве в школе тебе не объясняли важность выдуманных вещей?

Матчек фыркает.

— Только для читрагупт. Великая Всеобщая Цель почти достигнута. Смерть реальна. Враги реальны.

— Я вижу, ты способный ученик. Так что же ты здесь делаешь?

Матчек поднимается и сердито шагает к морю.

— Знаешь, я ведь мог бы рассказать им о тебе. Другим ченам. И они уничтожили бы тебя.

— Если сумели бы поймать, — уточняет вор.

Матчек разворачивается. Вор смотрит на него снизу вверх, щурясь от солнца, склонив голову набок и усмехаясь.

— Расскажи мне о том, что произошло в прошлый раз, — говорит Матчек.

— Ты должен меня попросить.

Матчек готов высказать вору все, что думает: что тот всего лишь плод его воображения, и Матчек не должен ни о чем просить. Но вор смотрит так весело, совсем как маленький Будда, всегда стоявший в саду его матери, что слова замирают у него на губах, и он только резко втягивает воздух. Матчек медленно возвращается к расстеленному полотенцу, садится и обхватывает руками колени.

— Ладно, — соглашается он. — Расскажи, как тебя поймали в прошлый раз. Пожалуйста.

— Так-то лучше, — отвечает вор.

От солнца на горизонте остался только золотой отблеск, но вор все равно надевает очки. Закатные лучи разливаются по морю жидкой акварелью.

— Хорошо. Это история, отрицающая смерть, как я, как ты, как все мы. Этому-то тебя учили в школе?

Матчек бросает на него нетерпеливый взгляд. Вор откидывается назад и усмехается. А затем начинает рассказ.

— Было так, — говорит он. — В тот день, когда за мной пришел Охотник, я убивал воображаемых котов в камере Шредингера.

Окружающий их виртуальный пейзаж меняется, иллюстрируя историю вора закатным сиянием, песком и морем.

Глава первая
ВОР И ЛАРЕЦ

В тот день, когда за мной приходит Охотник, я убиваю воображаемых котов в камере Шредингера. Ку-щупальца, словно искры от трансформатора Теслы, тянутся от моих пальцев к небольшому Ларцу из лакированного дерева, парящему в воздухе посреди каюты. Позади слегка изогнутая стена с проекцией Магистрали — безостановочно движущейся реки космических кораблей и мыслевихрей, светящегося штриха в темноте, участка гравитационной артерии Солнечной системы, по которой наш корабль «Перхонен»[51] движется от Марса к Земле. Но сегодня меня не трогает ее великолепие. Мой мир сузился до границ черной шкатулки, в которой, судя по ее размерам, может храниться обручальное кольцо, разум бога… или ключ к моей свободе.

Я слизываю капельки пота с губ. Все поле моего зрения занимает паутина диаграмм квантового протокола. В голове звучит нескончаемый шепот и бормотание гоголов-математиков «Перхонен». Чтобы помочь моим слишком уж человеческим органам чувств и мозгу, они сводят задачу к необходимости открыть японскую шкатулку-головоломку, выполненную в технике йосеги[52]. Квантовые протоколы фиксируют искривления и желобки в мозаике, болевые точки древесины, напоминающие напряженные мускулы, движущиеся секции, похожие на слабые улыбки. И я должен отыскать единственно верную последовательность, открывающую шкатулку.

Кроме того, нельзя открывать шкатулку слишком быстро:

деревянные детали связаны с бесчисленным множеством кубитов, каждый из которых одновременно является нулем и единицей, а движения представляют собой операции квантовой логики, выполняемые комплектом лазеров и интерферометров, вмонтированных гоголами в крылья корабля. Все это равносильно процессу, который в древности называли квантовой томографией: попытка выяснить, как Ларец реагирует на зонды, внедренные нами со всей осторожностью, словно отмычки в замок. Я чувствую себя так, будто жонглирую восьмигранными кубиками Рубика и одновременно пытаюсь их собрать.

И каждый раз, когда один из них падает, Бог убивает миллиард котят.

Гоголы выделяют часть диаграммы, и в паутине появляются красные нити. Я сразу же замечаю связь между двумя участками. Если повернуть это сюда, применить вентиль Адамара и *преобразовать*…

Воображаемое дерево скрипит и потрескивает под моими пальцами.

— Сезам, — шепчу я.

Дратдор, один из старейшин зоку[53], всегда любил поговорить, так что мне не составило труда получить от него описание Ларца (не упоминая, конечно, о том, что я украл его у зоку двадцать лет назад).

«Представь себе камеру, — сказал он. — И посади туда кота. А вместе с ним установи механизм убийства: к примеру, пузырек с цианидом, соединенный с молоточком, и одиночный атом радиоактивного элемента. В течение следующего часа атом либо распадется — либо нет, либо вызовет удар молотка — либо нет. В таком случае кот в камере будет либо жив, либо мертв. Квантовая механика утверждает, что в камере нет никакого кота, только образ, объединяющий живого и мертвого котов. Но мы не узнаем этого, пока не откроем камеру. А это приведет к тому, что система останется в одном из двух возможных состояний. В этом и заключается мысленный эксперимент Шредингера».

На самом деле все совсем не так. Кот представляет собой макроскопическую систему, и чтобы его убить или оставить в живых, нет никакой необходимости во вмешательстве таинственного наблюдателя: переход в какое-либо макросостояние происходит вследствие взаимодействия с остальной частью Вселенной, этот феномен получил название декогеренции. Однако в микроскопическом мире — для кубитов, квантово-механических эквивалентов нулей и единиц — кот Шредингера вполне реален.

В Ларце заключены триллионы воображаемых котов. Живой кот содержит закодированную информацию. Возможно, даже настоящий мыслящий разум. Кубиты Ларца остаются в состоянии неопределенности между небытием и существованием. Заключенный внутри разум ничего не замечает - последовательность квантовых вентилей позволяет ему продолжать мыслить, чувствовать или дремать. Пока он остается внутри, все хорошо. Но как только он попытается выбраться наружу, при любом взаимодействии с окружающим миром на него тоннами кирпичей обрушится вся Вселенная, и разум будет уничтожен. Плохой котенок - мертвый котенок.

— И что же вы спрятали в таком Ларце? — спросил я у Дратдора.

— Нечто очень и очень опасное, — ответил он.

Сектор Ларца на кубитовой схеме, созданной нами за прошедшую неделю, освещается, словно вечерний город. Это ощущение мне знакомо: так всегда бывает, когда обнаруживаешь изъян в запирающем механизме или системе безопасности, или возможного соучастника. Я в нетерпении закрываю глаза и воспроизвожу последовательность движений. Деревянные панели скользят под моими пальцами. Гоголы радостно поют, получив импульсы оргазмического наслаждения от вычисления спектральной последовательности операторов гильбертова пространства. Освещенное пятно на схеме увеличивается. Крышка едва заметно сдвигается…

И захлопывается. Еще одна ячейка памяти утеряна безвозвратно. Паутина протоколов сворачивается в узел. Последующие измерения свидетельствуют о смерти. Я разрушил еще один сегмент содержимого Ларца.

Я бормочу ругательство и швыряю проклятую шкатулку через всю каюту. Ку-щупальца обрываются и рассеиваются. Ларец ударяется о звездный поток на стене и начинает вращаться.

Слова, уже несколько дней звенящие в моей голове, раздаются снова.

Я не Жан ле Фламбер[54].

Маленькая белая бабочка ловко опускается на Ларец и, трепеща крылышками, останавливает вращение.

— Прежде чем ты что-нибудь сломаешь, я хотела бы напомнить, что это была целиком твоя идея, — слышится рассудительный женский голос корабля.

Она права, это была моя идея. Или, вернее, идея моего прежнего я. Настоящего Жана ле Фламбера, легендарного вора и взломщика разумов, отличного во всех отношениях парня.

Который не оставил мне ничего, кроме нескольких обрывочных воспоминаний, старых врагов, тюремного заключения… и того, что находится в Ларце.

— Туше, — признаю я.

— Жан, прошло уже три дня. Может, стоит оставить его ненадолго в покое.

— У меня нет времени. Ты сама сказала, что содержимое декогерирует.

Усталость жжет глаза, словно горячий песок. Лишнее напоминание о том, что, несмотря на обстоятельства, я еще не свободен. Капитан «Перхонен» Миели упрямо отказывается предоставить мне доступ к корневой системе моего изготовленного Соборностью тела и ограничивает меня базовыми человеческими параметрами. Она не верит, что все мои предыдущие попытки прервать навязанное мне сотрудничество были обусловлены обычным недопониманием и что я твердо намерен уплатить долг чести ей и ее труднодостижимому нанимателю из Соборности.

Но я не могу сдаться. При первом обследовании Ларца «Перхонен» пришла к выводу о недолговечности заключенной в нем квантовой информации. В течение нескольких дней все котята помрут от старости.

— Да, это довольно необычно для устройств зоку, — произносит «Перхонен». — Если только проектировщик не установил лимит времени намеренно. Как в игре.

— Ты сама сказала, что это устройство зоку. Так чего же от него ожидать?

В мире существует великое множество различных зоку, но все они буквально одержимы играми. Хотя этого порока не лишены и представители Соборности. Одно только воспоминание о Тюрьме «Дилемма» и ее убийственных играх вызывает у меня дрожь, не говоря уже о ее постоянном кошмаре — Абсолютном Предателе — непобедимом противнике, принявшем мой собственный облик, чтобы расправиться со мной. Какую бы работу ни поручила мне покровительница Миели, она не может быть хуже, чем это.

— Я не знаю, чего можно ожидать. Ни ты, ни Миели не говорите мне, что там внутри. И какое отношение все это имеет к месту нашего следования. Которое, между прочим, мне совсем не по душе.

— Земля *не так уж* плоха, — отвечаю я.

— Ты был там после Коллапса?

— Не знаю. Но я уверен, что мы должны туда попасть. — Я развожу руками. — Послушай, я всего лишь краду вещи, чтобы заработать на жизнь. Если у тебя имеются сомнения насчет

общего плана, обратись к Миели.

— Только не сейчас, когда она в таком настроении, — отзывается корабль. Бабочка-аватар делает круг над моей головой. — Но, может быть, тебе стоит с ней поговорить. Об общем плане.

Миели *действительно* ведет себя странно. Ее и в лучшие времена нельзя было назвать душой компании, а в эти долгие недели путешествия от Марса к Земле она стала еще более замкнутой и основную часть времени проводит в медитациях в пассажирском салоне или в рубке пилота.

— Эта идея кажется мне абсолютно неприемлемой, — отвечаю я. Обычно я последний, с кем она хочет говорить.

О чем это толкует корабль?

— Возможно, тебя ожидает сюрприз.

— Ладно, поговорю. Сразу после того, как открою эту штуку.

Я хмуро смотрю на Ларец. Бабочка-аватар усаживается мне на нос, и я отчаянно моргаю, пока наконец не решаюсь смахнуть ее рукой.

— Сдается мне, ты пытаешься от чего-то отвлечься, — заявляет корабль. — И похоже, не хочешь признаваться мне в этом.

— Ничего подобного. Я как открытая книга. — Я вздыхаю. — Неужели тебе больше нечем заняться? Психотерапевтических роботов изобрели уже четыре сотни лет назад.

— А ты уверен, что не разговариваешь с одним из них? — Бабочка-аватар рассыпается пузырьками ку-точек, оставляя после себя легкий запах озона. — Тебе надо немного поспать, Жан.

Я прикасаюсь к Ларцу, ощущаю твердое теплое дерево и снова раскручиваю его в воздухе, пока грани не сливаются в одно расплывчатое пятно. Движение нагоняет дремоту. «Перхонен» права. Думать об этом легче, чем о Марсе, дворце и богине. А как только я закрываю глаза, все они тотчас возвращаются.

Дворец памяти на Марсе мог быть моим, со всеми его залами, восковыми и бронзовыми статуями, драгоценностями и камнями зоку, украденными у алмазных разумов и богов. Теперь все это, вся моя жизнь пропала, все поглощено архонтами, превратившими замок в тюрьму. Единственное, что мне осталось, это Ларец и сопутствующие ему воспоминания.

Я мог протянуть руку и все вернуть, но не сделал этого. Почему?

Я не Жан ле Фламбер.

Я мысленно прохожу по мраморно-золотым коридорам и через открытые двери заглядываю в комнаты украденных

воспоминаний.

Здесь время, когда я не хотел быть Жаном ле Фламбером. Я жил на Марсе, в городе забвения под названием Ублиетт[55]. Я создал себе новое лицо. Я построил новую жизнь. Я встретил женщину по имени Раймонда. Я спрятал все свои тайны даже от себя самого.

Здесь происходит Вспышка, исключительное явление в технике и пространстве-времени. Яркий взрыв в марсианской ночи, умирающий Юпитер осыпает жителей Ублиетта квантовыми грезами.

Здесь находится зал, названный Переходом между Рождением и Смертью, — построенное мною здание, напоминающее бессмертным о конце всего.

Здесь живет возлюбленный одного архитектора, чьи воспоминания я… меня вдохновляли. Он поражен Вспышкой. В его разуме я видел пламя богов. И захотел им завладеть.

Здесь марсианские зоку. После Протокольной войны они принесли с собой Ларец. Внутри заключен гогол Основателя Соборности, одного из правителей Внутренней Системы. Плененный бог.

Здесь живет женщина по имени Джилбертина — еще один предмет моего желания, хотя мне и не следовало ее желать. В ее памяти я и спрятал Ларец. Я носил лицо, полное холодной решимости, которое теперь кажется мне совершенно чужим. «Стать Прометеем», — что-то вроде этого сказал ей прежний я. И именно этого хочет от меня богиня с улыбкой змеи, которой служит Миели.

Здесь женщина Сюэсюэ из парка роботов, бывшая на Земле загрузчиком. До Коллапса, до возникновения Соборности, она превращала детей в бессмертных программируемых рабов.

Потому меня и влечет к колыбели человечества я ощущаю важность этих воспоминаний и чувствую, будто есть нечто, что я должен отыскать в мире призраков.

И еще есть запертая дверь.

Я открываю глаза. Ларец все еще вращается. Я отвлекся. Ответы находятся на Земле и в запертой комнате у меня в голове.

Что бы в этом случае сделал Жан ле Фламбер?

Я беру Ларец и напеваю несколько нот из произведения, исполняемого Стэном Гетцем. В изогнутой поверхности одной из стен появляется овальное отверстие. Большая часть корабля изготовлена из оортианского интеллектуального коралла, восприимчивого к музыке. У меня было достаточно времени, чтобы разобраться, как с ним управляется Миели. Корабль, безусловно, знает, что я делаю, но меня радует хотя бы

ничтожная степень секретности, которую обеспечивает наличие тайника.

Я помещаю внутрь Ларец, а затем проверяю остальное содержимое. Парочка камней зоку — мелкие темные янтарные овалы размером с перепелиное яйцо — украденных на Марсе, когда сыщик Исидор Ботреле и я присутствовали на вечеринке у его подружки Пиксил. Здесь же ее меч из Царства, захваченный мной после поединка с моим прежним я, которого звали Жан ле Руа.

Не так уж много, но это только начало.

Я кладу камень зоку в карман на удачу, запираю остальные мои жалкие сокровища и отправляюсь на поиски Миели.

Миели в центральной каюте корабля возносит молитву Человеку Тьмы. Сначала пение звучит неуверенно, но постепенно ее голос крепнет, заставляя двигаться изваяния в нишах и придавая их лицам сходство с гримасой бога бездны. Этой песне научила ее бабушка Брихейн, и исполнять ее можно только в самых мрачных местах и в самых опасных путешествиях. Но по мере того, как Миели погружается в медитацию, статуи становятся ее отражениями, и вот уже со стен на нее смотрит множество Миели с лицами цвета грязноватого кометного льда.

Она замолкает, глядя на них. Парящие в воздухе круглые свечи с пламенем в форме сердечек, слабый аромат корицы, песня — все это не имеет значения. По спине ползет холодок.

Ей надо заняться делами. Приготовить прикрытие для высадки на Землю. Просмотреть базу данных Соборности о колыбели человечества и том месте, которое ее предки, оортианцы, покинули много веков назад. А вместо этого Миели вздыхает, располагается в удобном кресле у оси нулевой гравитации возле шаровидных бонсаев и фабрикует себе колбу с лакричным чаем.

Миели обхватывает руками теплый шероховатый коралл сосуда. Песенка, вызвавшая его появление, пришла к ней внезапно: всего несколько нот, выучить которые мог бы любой ребенок. Миели продолжает ее напевать, делая первый глоток. Приторный вкус лакрицы и горечь. Она забыла, каким скверным может быть этот напиток. Но вместе с ним приходит воспоминание: утро в кото[56], ставни открыты, и внутрь заглянуло Маленькое Солнце, мгновенно превратив тысячи шрамов и трещин ледяного неба в яркие штрихи; бабушка вкладывает ей в руки кружку и целует своими морщинистыми губами, ее сухой сладкий запах смешивается с запахом чая; водооткачивающие деревья раскрываются, маленькие ананси[57]

ловят утреннее тепло в свою алмазную паутину…

Но даже это воспоминание больше не принадлежит ей. Теперь им владеет ее госпожа, Пеллегрини.

Это ничем не отличается от всего остального, что она уже отдала. Свою плоть, трансформированную в контейнер для синтеза и смерти. Свой разум, усовершенствованный метамозгом, который побеждает страх, вычисляет намерения противников до того, как они что-то задумают, превращает окружающий мир в сетку векторов, сил и вероятностей. И все это ради Сюдян[58]. Так почему же последнее, от чего она отказалась, — от своей уникальности, предоставив богине право копировать ее и создавать гоголов, считающих себя Миели, дочерью Карху[59], кажется ей таким драгоценным?

Возможно, потому что она сделала это не ради Сюдян, а ради вора.

Миели отметает гнев, всегда возникающий при мысли о его лице, ставшем таким знакомым за последние несколько месяцев: яркие глаза под тяжелыми веками, легкая усмешка, высокие брови, словно прорисованные тонким карандашом. Какое-то мгновение она почти тоскует по биотической связи, которой повелительница соединяла их, чтобы дать Миели возможность чувствовать все, что ощущает вор. Благодаря этой связи ей легче было его понимать.

На Марсе он заставил ее петь. Как и все остальное, это было уловкой, но посредством биотической связи она чувствовала, как он радуется ее пению. Миели уже стала забывать, как это бывает.

И еще вопрос чести. Она не могла оставить его умирать в очередной тюрьме, когда Пеллегрини решила бросить его, словно сломанный инструмент. Как она могла поступить иначе? Миели дотрагивается до драгоценной цепочки, обвивающей ногу. Прекрасные камни, нанизанные один за другим, безоговорочный выбор.

Она выпускает из рук цепочку и продолжает неторопливо молиться. Отблески свечей пляшут на лицах статуй, и они становятся похожими на Сюдян. Широкий рот, высокие скулы, надменная улыбка.

— Интересно, почему ты никогда не обращаешься с молитвами ко мне? — спрашивает Пеллегрини. — Все боги ужасно старомодны. Меметический шум в головах обезьянок. Тебе следовало бы помолиться мне.

Перед Миели стоит богиня — тень, отбрасываемая парящими в невесомости свечами. Как и всегда, она держится так, словно на нее действует нормальная сила тяжести: руки сложены на груди, красновато-каштановые волосы свободно струятся по плечам,

которые оставляет открытыми светлое летнее платье.

— Я служу и повинуюсь, — отвечает Миели, — но молитвы — мое личное дело.

— Как хочешь. Я нежадная. В любом случае значение молитв слишком переоценивают. — Она сопровождает свои слова взмахом руки с ярко-красными ногтями. — Можешь оставить их себе. У меня есть твое тело, твоя преданность и твой разум. Не забывай, ты мне обещала.

Миели склоняет голову.

— Я ничего не забыла. Все, что пожелаете, будет вашим.

— А кто сказал, что я уже не воспользовалась всем этим?

У Миели пересыхает во рту, а внутренности сковывает холод. Но Пеллегрини смеется, ее голос звенит, словно стекло.

— Нет, нет. Еще нет. — Она вздыхает. — Ты такая забавная, моя милая. Но, к несчастью, у нас нет времени на веселье. По правде говоря, сейчас мне как раз требуется твое тело, а не душа. Мне надо поговорить с моим Жаном. В силу некоторых обстоятельств мои другие сущности кое-что затеяли. Вы должны быть наготове.

Пеллегрини входит в тело Миели. Это похоже на погружение в леденящую воду. А затем каюта, огоньки свечей и богиня — все исчезает, и Миели оказывается в спаймскейпе, словно призрак в запутанной паутине Магистрали.

Глава вторая
ТАВАДДУД И ДУНЬЯЗАДА

Перед тем как заняться любовью с джинном господином Сеном, Таваддуд угощает его виноградом.

Она берет одну ягоду из стоящей на коленях вазы, аккуратно снимает кожицу и зажимает между губами, целуя сладкую влажную мякоть. Затем надкусывает ее и слышит металлический вздох из кувшина джинна, тонким белым кабелем подключенного к чувствительной сети бими в ее волосах.

Таваддуд улыбается и съедает еще одну ягоду. На этот раз к вкусу винограда она позволяет присоединиться и другим ощущениям. Скольжение шелка по коже. Приятная тяжесть туши на ресницах. Жасминовый аромат ее духов. Прежний хозяин Кафур учил ее, что воплощение — это очень хрупкий процесс шепота и пауз плоти.

Таваддуд поднимается и медленными скользящими шагами подходит к окну в форме замочной скважины. Это изысканный танец рабыни воплощения: при любом движении кувшин джинна остается вне поля зрения. Два часа уходит у нее на то, чтобы

расположить в надлежащем порядке все вышитые подушки, зеркала и низкие столики, имеющиеся в этой узкой комнате.

На один миг она позволяет теплым лучам солнца прикоснуться к лицу, а затем задергивает мягкие портьеры, и свет приобретает оттенок темного меда. Потом Таваддуд возвращается к своим подушкам у низкого круглого столика в центре комнаты и открывает небольшую шкатулку, украшенную драгоценными камнями.

Внутри лежит книга, переплетенная в ткань и кожу. Таваддуд медленно достает книгу, позволяя господину Сену насладиться дрожью предвкушения. Написанная в книге история безусловно правдивая, ничего другого в Сирре не допускается. Таваддуд знает ее наизусть, но все равно смотрит в книгу и, прежде чем перевернуть страницу, проводит пальцем по шероховатой поверхности бумаги.

«Вскоре после прихода Соборности и Крика Ярости в Сирре жила молодая женщина, жена охотника за сокровищами».

ИСТОРИЯ О ЖЕНЕ МУТАЛИБУНА

«Отец выдал ее замуж совсем молоденькой. Ее муж муталибун был стар не по годам. Его первая жена стала одержимой и ушла в Город Мертвых, где закончила жизнь гулем[60]. После этого он много путешествовал по пустыне, отыскивая гоголов для Соборности.

Его работа оставила ему множество шрамов: тревожные сны, навеянные диким кодом, и сапфировые наросты, которые больно царапали ее кожу, когда они ложились вместе. Но это случалось нечасто: чтобы выжить в пустыне, муталибун давно отказался от страсти и прикасался к жене только из супружеского долга. Поэтому ее дни в прекрасном доме на Осколке Узеда были отмечены печалью одиночества.

Однажды она задумала разбить сад на крыше дома. Она наняла Быстрых, чтобы поднять наверх плодородную почву из приморских оранжерей, посеяла семена и велела зеленому джинну вырастить цветы всех оттенков и дающие тень деревья. Много дней и недель она напряженно трудилась и попросила свою сестру-мухтасиба защитить садик от дикого кода Печатью. По ночам она нашептывала саду, чтобы тот рос быстрее: в доме отца она с джиннами-наставниками изучала магию атара и знала много Тайных Имен.

Благодаря джинну семена росли быстро, и когда маленький садик зацвел в полную силу, она проводила там долгие вечера,

наслаждаясь запахом земли и ароматами цветов и солнца, согревающего кожу.

Однажды вечером из пустыни налетел сильный ветер. Он бушевал над Осколком и продувал сад насквозь. Ветер принес с собой облако нанитов, опустившееся на сад, словно тяжелый густой туман. Крохотные машины соединялись в блестящие капли на листьях и лепестках ее цветов. Подобно древним фоглетам утилитарного тумана из Сирра-на-Небе, которых ее отец держал в бутылках в своем кабинете, они сияли чистотой и свежестью.

Жена муталибуна, как ее учили, обратилась к туману мыслями и шепотом. Она улеглась на мягкой траве и попросила туман стать руками и губами возлюбленного.

Туман откликнулся на ее призыв. Он закружился вокруг нее, провел прохладными мягкими пальцами по спине, пощекотал шею туманным языком».

Таваддуд делает паузу, медленно снимает одежду и шепотом активирует зеркала, тщательно расставленные по всей комнате. Господин Сен когда-то был мужчиной, а мужчина должен видеть. С клиентами-женщинами в этом отношении намного проще, хотя в некоторых деталях они, конечно, гораздо требовательнее.

Затем Таваддуд ложится на подушки, оглядывает себя в зеркало, поворачивает голову, чтобы скрыть под волосами кабель бими, и улыбается. Янтарный свет подчеркивает ее высокие скулы и скрывает то, что в отличие от Дуньязады — ее рот несколько великоват, и тело не такое стройное, как у сестры. Но кожа у Таваддуд темная и гладкая, а мускулы твердые от долгих восхождений на Осколки.

Она вспоминает, как пальцы тумана ласкали ее грудь и живот, и продолжает чтение.

> «Но после второго и третьего поцелуев она понимает, что туман не просто отзывается на ее мысли, это не продолжение ее собственных рук и губ, а живое существо из пустыни, такое же одинокое и жаждущее, как и она сама. Завитки тумана игриво сплетаются с прядями ее волос. Она поднимает руку, и под ее пальцами туман становится теплым и плотным. Он осторожно опускается на нее…»

Сердце Таваддуд ускоряет ход. Такой финал нравится господину Сену. Она все энергичнее ласкает себя, книга захлопывается и падает с колен. И, как всегда, когда жар в ее теле нарастает, когда бедра смыкаются вокруг руки, когда горячие толчки сотрясают ее, она ловит себя на том, что думает об

Аксолотле…

Однако Таваддуд не успевает достигнуть пика и увлечь за собой господина Сена, поскольку в этот момент неожиданно раздается резкий звонок в дверь.

— Доброе утро, дорогая Таваддуд! — слышится голос. — У тебя найдется минутка для твоей сестры?

Дуньязада, как обычно, появляется в самый неподходящий момент.

Таваддуд вскакивает, ее лицо пылает от возбуждения и разочарования. Она набрасывает на себя одежду и отсоединяет кабель бими от кувшина джинна.

Снаружи уже слышны приглушенные шаги. Комната свиданий расположена рядом с кабинетом соседние двери в коридоре, ведущем от вестибюля.

— Таваддуд! — снова раздается звонкий голос сестры. — Неужели ты еще спишь?

— Все было… великолепно, моя дорогая. Хотя перед самым концом мне показалось, что ты немного отвлеклась, — говорит господин Сен своим сухим, металлическим голосом.

— Тысяча извинений, — откликается Таваддуд, вытаскивая кувшин джинна из груды подушек. Я не возьму платы.

Таваддуд негромко бормочет проклятия. Древний джинн обещал за ее услуги новое Тайное Имя, которое она давным-давно искала.

— Я обещаю в скором будущем назначить новое свидание, чтобы вас удовлетворить. А сегодня возникла небольшая семейная проблема, с которой придется разобраться.

Таваддуд поднимает тяжелый сосуд. Это бесценный биопроцессор, созданный до Коллапса и позволяющий джинну временно локализовать свою сущность в ее доме. Снаружи кувшин ничем не отличается от изделий ремесленников Сирра — простая керамика и синяя глазурь, скрывающая сложные схемы.

— По своему опыту я знаю, что семейные проблемы никогда не бывают небольшими, — отвечает джинн.

— Таваддуд! Чем ты занимаешься?

— Боюсь, мне придется попросить вас уйти, — произносит Таваддуд.

— Конечно, тебе надо только немного помочь мне. До следующей встречи.

Таваддуд ставит сосуд на подоконник. Горячий вихрь раскачивает шторы, раскаленный воздух едва заметно дрожит, и джинн исчезает. Она прячет кувшин между подушками, снова закрывает зеркала и пытается привести себя в порядок.

Раздается стук в дверь. Таваддуд уже готова прикоснуться к

панели замка, как у нее замирает сердце: книга все еще лежит на полу. Она поспешно прячет ее в шкатулку и захлопывает крышку.

Дверь открывается. Дуньязада окидывает ее злорадным взглядом, держа руку на шее, где висит кувшин карина. Тайные Имена, написанные на ногтях, ярко выделяются на ее смуглых руках. Сестра Таваддуд одета для выхода в город: голубое платье, шлепанцы и украшенная камнями шапочка, волосы заплетены в косички. Как всегда, она выглядит безупречно.

— Я тебе помешала, дорогая сестричка?

— Честно говоря, да.

Дуньязада опускается на подушки.

— Какая *миленькая* комната. И пахнет чудесно. Ты… развлекалась?

Я знаю, чем ты занимаешься, говорит ее улыбка. И поэтому сделаешь все, о чем я попрошу.

— Нет, — отвечает Таваддуд.

— Отлично. Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить. — Голос Дуни понижается до заговорщицкого шепота. — Я хочу, чтобы ты встретилась с одним молодым человеком. Он богат, хорош собой и вдобавок остроумен, к тому же свободен сегодня днем. Что скажешь?

— Сестрица, я вполне могу сама выбирать себе друзей, — заявляет Таваддуд.

Она подходит к окну и задергивает шторы.

— О, это мне хорошо известно. Потому ты и водишь знакомство с уличными артистами и всяким сбродом.

— Сегодня днем мне предстоит работа. Благотворительность, а точнее — целительство. Бану Сасан[61] — *уличному сброду* — нужны доктора.

— Я уверена, молодому человеку будет очень интересно увидеть, чем ты занимаешься.

— Конечно: представляю, как трудно рассмотреть жизнь Бану Сасан из башни мухтасиба.

В глазах Дуньязады появляется опасный блеск.

— Уверяю тебя, что мы видим *все*.

— Моя работа важнее, чем свидание с надушенным мальчишкой, с которым ты познакомилась на вечеринке в Совете. Дуни, я благодарна тебе за старания, но нет необходимости себя утруждать.

С самым решительным, как она надеется, видом Таваддуд направляется к дверям.

— О, я полностью с тобой согласна. Это все равно что смывать дикий код с члена муталибуна, и почти так же полезно.

Но отец думает иначе.

Таваддуд замирает, ощутив холод в животе.

— Я говорила с ним сегодня утром. Я сказала, что ты раскаиваешься в своих поступках, что больше всего на свете хочешь восстановить доброе имя семьи и снова стать уважаемой женщиной.

Таваддуд оборачивается. Дуни смотрит ей в лицо честными синими глазами.

— Ты хочешь, чтобы я стала лгуньей, сестрица? Сказительницей вроде тебя?

Таваддуд плотнее запахивает на себе одежду и стискивает зубы. «Сказительница. Любовница монстров. Она больше не дочь мне». Так заявил отец три года назад, когда Кающиеся нашли ее и возвратили домой из Дворца Сказаний.

— Так кто же это?

— Абу Нувас, — говорит Дуньязада. — Я думаю, отец будет очень доволен, если вы станете… друзьями.

— Дуни, если ты хочешь меня наказать, могла бы выбрать более легкий способ. Что нужно от него отцу?

Дуни вздыхает.

— Что ему может быть нужно от самого богатого в городе торговца гоголами?

— Я не настолько глупа, сестра. *И Кающиеся джинны вроде господина Сена кое о чем мне рассказывают.* — Отец пользуется поддержкой Совета, ему нет необходимости покупать чью-то благосклонность. Почему он и почему именно сейчас?

Дуньязада прищуривается и проводит по губам одним из своих колечек.

— Полагаю, я должна радоваться хотя бы малейшему интересу к городской политике с твоей стороны, — медленно произносит она. — Кое-какие недавние события привели к тому, что наше положение стало… нестабильным. Сегодня утром совершенно неожиданно умер член Совета: Алайль из Дома Соарец. Ты ее, наверное, помнишь.

Алайль — женщина с суровым лицом за столом отца; проплешина в ее темных волосах, оставленная диким кодом, и бронзовая птичка на плече. «Лучше бы тебе выгребать дерьмо после живых, чем становиться муталибуном, девочка». *Наверное, в этом и кроется причина,* думает Таваддуд, прогоняя воспоминание. В ее груди возникает пустота, но она сохраняет невозмутимый вид.

— Дай-ка попробую угадать, — произносит она вслух. — Она ведь больше других поддерживала предложение отца по модификации Аккордов Крика Ярости. Как она умерла?

— Весьма своевременное самоубийство. Кающиеся полагают, что это одержимость. Возможно, это были масруры, но до сих пор они не взяли на себя ответственность. Мы продолжаем расследование. Отец даже связался с Соборностью: сянь-ку пришлют кого-то, чтобы разобраться. Голосование по Аккордам состоится через три дня. За победу необходимо заплатить. Абу Нувасу это известно, следовательно, ты, дорогая сестра, должна постараться изо всех сил, чтобы сделать его счастливым.

— Удивительно, что отец решил доверить это дело мне. — *Любовнице монстров.*

— Господин Нувас лично просил у отца разрешения ухаживать за тобой. Кроме того, ходят слухи, что его пристрастия… несколько необычны. В любом случае мне будет некогда — я должна присматривать за агентом Соборности. Скучнейшее занятие, но кто-то должен взять это на себя. Так что остальное за тобой.

— Как удобно. Тебе он доверяет, а меня продает купцу, словно гогола из пустыни.

Так было не всегда. Ей вспоминается шипящая сковорода, пышущий в лицо жар и мягкие руки отца на плечах. «Ну же, Тава, попробуй, что ты приготовила. Если считаешь нужным, добавь немного майорана. Пища должна иметь содержание».

— Дорогая сестра, я ведь стараюсь тебе помочь. Отец мягкосердечен, но он не забыл твоего поведения. Я предлагаю тебе возможность показать ему, на что ты способна.

Дуни берет Таваддуд за руку. Кольца джинна на ее пальцах холодят кожу.

— И дело не только в тебе, Таваддуд. Ты говорила о Бану Сасан. Если голосование будет в нашу пользу, у нас появится возможность изменить положение вещей, улучшить жизнь всех жителей Сирра. Если только ты мне поможешь.

Взгляд Дуни искренний, каким он обычно бывал, когда она пыталась уговорить Таваддуд убежать на поиски счастья или спрятаться от джинна Херимона.

— Обещания? Я думала, ты попытаешься добиться своего угрозами, — спокойно произносит Таваддуд.

— Хорошо же, — отвечает Дуни. — Возможно, есть еще кое-что, о чем отец должен знать.

Таваддуд зажмуривается от пульсирующей боли в висках. *Это Аун наказывает меня за Вейраца и Аксолотля. Наверное, я это заслужила. Может, отец снова посмотрит мне в глаза.*

— Прекрасно, — медленно произносит она. Таваддуд чувствует себя замерзшей и слабой. — Будем надеяться, что я для него достаточно необычна.

— Чудесно! — Дуни вскакивает и хлопает в ладоши. Украшения и кольца джинна громко позвякивают. — Не хмурься. Это будет забавно!

Она оглядывает Таваддуд с головы до ног и качает головой.

— Но сначала мы должны что-нибудь сделать с твоими волосами.

Глава третья
ВОР И АРЕСТ

Я нерешительно вхожу в каюту. Если уж корабль испытывает тревогу, значит, Миели действительно в плохом настроении, а я слишком устал, чтобы выдержать бой с оортианским воином.

Мне не приходится тратить время на поиски. Она парит в центре каюты. Глаза закрыты, смуглое овальное лицо озарено свечами, похожее на тогу платье окутывает ее тело, словно кокон гусеницу.

— Миели, нам надо поговорить, — начинаю я.

Ответа нет.

Я подтягиваюсь на продольной оси каюты и заглядываю ей в лицо. Веки не дрожат, и она почти не дышит. *Чудесно.* Наверное, она погружена в какой-то оортианский транс. Это понятно: поживите на одних ягодах в пустотелой комете, освещенной искусственным солнцем, и у вас тоже появятся галлюцинации.

— Это важно. Я хочу поговорить с Пеллегрини.

Или она погрузилась в боевую сосредоточенность? Однажды я сумел выдернуть ее из подобного состояния, воспользовавшись биотической связью, но для этого мне пришлось проткнуть ладонь сапфировым осколком. Повторять этот опыт мне совсем не хочется, кроме того, связи больше нет. Я щелкаю пальцами перед ее лицом. Потом трогаю за плечо.

— «Перхонен», с ней все в порядке? — спрашиваю я у корабля.

Но и корабль тоже не отвечает.

— Миели, это не смешно.

Она начинает смеяться — негромко и мелодично. А потом открывает глаза, и на ее лице появляется змеиная улыбка.

— Еще как смешно, — возражает Пеллегрини.

В голове у меня открывается и закрывается дверь тюрьмы. Но не «Дилеммы», а другой тюрьмы, из далекого прошлого. Возможно, было бы лучше, если бы я там и остался.

— Привет, Жозефина, — говорю я.

— Ты ни разу меня не позвал, — заявляет она. — Я оскорблена.

— Ну, на Марсе мне показалось, что у тебя мало времени, — отвечаю я.

В прищуренных глазах появляется опасный блеск. Наверное, не слишком разумно напоминать ей о нашей последней встрече, когда из-за меня власти Ублиетта вышвырнули ее с планеты. Хотя, с другой стороны, может, это и к лучшему.

— Жозефина Пеллегрини, — произношу я ее имя.

С ним, безусловно, связаны какие-то воспоминания, но и они остались за закрытой дверью. Это и не удивительно: вероятнее всего, она сама тщательно отредактировала мою память. Для Основателей Соборности подобные фокусы в порядке вещей.

— Так ты все понял, — говорит она.

— Почему ты мне не сказала?

— О, только ради твоего же блага, мой милый, — заверяет она. — Ты уже пару столетий бегаешь от меня. Я не хотела тебя расстраивать. — Она трогает средний палец левой руки, словно поправляет кольцо. — А знаешь, что происходит, когда пытаешься убежать от своей судьбы?

— Что же?

Она наклоняется ближе.

— Ты теряешь себя. Ты становишься мелким воришкой, сорокой, которая бросается на блестящие побрякушки. Тебе нужна я, чтобы ты стал чем-то большим.

Гладкой прохладной рукой она прикасается к моему лицу.

— Я дала тебе шанс вернуть самого себя. Ты не сумел им воспользоваться. Ты до сих пор остаешься ничтожеством, годным только на игры с оружием. Я считала, что ты мог бы стать семенем для чего-то грандиозного. Я ошиблась. — Ее взгляд становится жестким. — Ты не Жан ле Фламбер.

Мне больно это слышать, но я не подаю вида. Она по-прежнему говорит ласково, но в глазах загораются искры неподдельного гнева.

Хорошо.

Я отмахиваюсь от ее руки.

— Значит, нас таких двое, — заявляю я. — Потому что я полагаю: ты не Жозефина Пеллегрини. Ты просто гогол. Да, наверное, из старейшей ветви. Но не Прайм. Ты никогда не послала бы свою важную составляющую ради такой работы. Ты просто незначительный гогол Основателя. Я хочу говорить с Праймом.

— Какие у тебя основания считать, что ты этого достоин?

— Ты хочешь похитить у Матчека Чена фрагмент Вспышки, а я знаю, как это сделать. И я хочу изменить условия сделки.

Она смеется.

— О Жан! В прошлый раз ты потерпел неудачу. Все, на что ты был способен, — ой, даже не знаю, как сказать, — когнитивные конструкции, украденные у зоку и у нас. Трюки с солнцедобывающими машинами. Превосходная маскировка. И все равно ты был ребенком по сравнению с ним, с Отцом Драконов. И ты еще говоришь, что знаешь, как это сделать *теперь*? Ах, мой милый, мой маленький принц, это просто смешно.

— Еще смешнее будет наблюдать, как тебя сожрут другие Основатели. Это будут василевы и сянь-ку, верно? Они всегда тебя ненавидели. И тебе необходимо оружие против них. Только поэтому ты меня и вытащила.

Ее глаза словно две зеленые жемчужины, холодные и твердые. Я набираю полную грудь воздуха. *Почти у цели.*Только бы не забыть, что она способна читать по крайней мере поверхностные мои мысли. Есть способ их скрыть. Ассоциативное мышление. Жемчужины и планеты, глаза и тигры. Она хмурится. Надо ее отвлечь.

— Мне и впрямь интересно, как они сумели меня поймать, если я был *настолько* хорошо подготовлен, — говорю я. — А ты, случайно, не имела к этому отношения, моя дорогая?

Она встает прямо передо мной. Губы сжимаются в тонкую линию. Грудь поднимается и опускается резкими толчками. Она даже расправляет крылья Миели, и они вспыхивают в лучах свечей двумя гигантскими языками пламени.

— Возможно, я на самом деле от тебя убегал, — продолжаю я. — Но стоило *тебе* дойти до отчаяния, как ты всегда меня разыскивала.

— До *отчаяния?* — шипит она. — Ты мелкий ублюдок!

Она обхватывает руками мою голову и сжимает с такой силой, что череп вот-вот треснет. Наши лица сближаются, ее теплое дыхание пахнет лакрицей.

— Я тебе покажу, что такое отчаяние, — бросает она.

— Нет. — «Да».

Ее бледно-зеленые глаза вдруг вспыхивают двумя солнцами. Мир заливает белое сияние. Мое лицо плавится, словно воск, в ее руках.

— Слушай, я расскажу, *как* тебя поймали, — говорит она.

ИСТОРИЯ ОБ ИНСПЕКТОРЕ И ЖАНЕ ЛЕ ФЛАМБЕРЕ

Инспектор настигает этого мерзавца ле Фламбера в фотосфере Солнца.

Прежде чем начать операцию, он пользуется случаем, чтобы

хорошенько рассмотреть Основателей на борту прекрасного корабля «Дающий бессмертие». Бородатый Творец Душ неторопливо раскачивается в кресле. Пеллегрини в белом с золотом мундире военного флота пристально и выжидающе смотрит на него. Василев, откинувшись на спинку кресла, крутит в руках бокал с золотистым вином. Двое сянь-ку замерли с невозмутимым видом. Чен молча и неподвижно глядит на море. Читрагупта пальцем протыкает дырки в виртуальной поверхности, создавая крошечные пылающие сингулярности, которые сразу же с громким хлопком исчезают.

Инспектор хмуро разглядывает Читрагупту. «Дающий бессмертие» представляет собой сложную конфигурацию электромагнитных полей, окружающих крупицу интеллектуальной материи размером с булавочную головку. Корабль парит на высоте пятисот километров над северным солнечным полюсом, в самой низкотемпературной зоне фотосферы. В таких условиях создание виртуального пейзажа стоило ему немалых хлопот.

Это маленький ресторанчик на берегу скалистой гавани. Основатели сидят за столиками на залитой солнцем и обдуваемой прохладным бризом горе, перед ними бокалы с белым вином и тарелки с морепродуктами, источающие насыщенный аромат. Снасти парусных лодок позвякивают на ветру, сопровождая разговор импровизированной музыкой. Напоминанием о том, где они находятся, служит сверкающая модель Эксперимента, которая нависает в небе, словно огромное облако, оставляя от Солнца пылающий ореол. Как и полагается, это мозаичная реальность, составленная из воспоминаний Основателей. Это проявление уважения, необходимое для достижения консенсуса. По крайней мере, теоретически.

Первым нарушает молчание Василев.

— Зачем мы здесь собрались? — спрашивает он. — Мы уже ответили на все ваши вопросы.

Пальцы инспектора нащупывают неровные края шрамов на щеках. Прикосновение вызывает глухую боль. Она всегда с ним, но не потому, что раны не зажили, — это его неотъемлемая часть, проявление уважения к Прайму.

«Хорошо», — думает он. Очень хорошо, что встреча проходит в виртуальной реальности, где они могут чувствовать боль. Эти гоголы из глубоких внутренних ветвей *губерний* привыкли к абстрактным понятиям и стали забывать, что физическая реальность никуда не исчезла, что она грубая и мучительная, изощренная и хаотичная, как спрятанное внутри яблока лезвие.

— Один из вас и есть Жан ле Фламбер, — говорит он им. —

Один из вас явился сюда с намерением совершить кражу.

Основатели смотрят на него в ошеломленном молчании. У Читрагупты вырывается смешок. Взгляд Творца не отрывается от фиолетовых завитков осьминога на тарелке. Пеллегрини дарит инспектору мимолетную улыбку. В его груди возникает странное тепло. Этого он никак не ожидал. Воплощение и высококачественная виртуальность имеют свои преимущества и недостатки. Он едва удерживается, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Я совершенно не разбираюсь в этом, — произносит он, указывая вверх.

Небо над ними мерцает нейтринными вспышками *районных* кораблей, как и «Дающий бессмертие». Миллионы судов движутся по строго определенным орбитам, переплетающимся наподобие нитей гобелена. Где-то очень далеко слышится ритмичное гудение *губернии*, искусственного мозга величиной с планету. *Губерния* присматривает за своими детьми из тени Меркурия, координирует их действия, направляет и планирует.

На Солнце надет пояс из крошечных светящихся точек: солнцедобывающие машины выкачивают из расплавленных глубин тяжелые элементы и поставляют их на фабрики интеллектуальной материи, расположенные на стационарных орбитах. Целое семейство конструкторов-гоголов в плазменных телах взбивает солнечную корону, создавая устойчивые зоны, которые будут использоваться в качестве активного материала в солнечных лазерах.

— Но я знаю, что это служит Великой Всеобщей Цели. Наш брат Творец пытался объяснить мне теорию струн, рассказывал о рассеивании квантовой гравитации, о замках Планка и о том, что Бог не игрок, а криптограф. Мне все равно. Мое семейство имеет дело с более простыми вещами. Всем вам известно, чем я занимаюсь.

Он слегка лукавит. И, *конечно*, знает, что должно произойти. Но лучше пусть они считают его варваром.

Солнечные лазеры сфокусируются на совокупности точек, и энергия достигнет такой концентрации, что разорвет пространственно-временную ткань и даст жизнь сингулярностям, питаемым потоками частиц, выбитых с полюса солнцедобывающими машинами. В них устремятся бесчисленные гоголы, их мысли будут закодированы в единые цепочки в радиусах черных дыр. Семнадцать черных дыр будут сближаться, увлекая за собой от Солнца длинные оранжевые хвосты плазмы. Рука Бога со множеством пальцев сомкнется в кулак. Яростный процесс излучения Хокинга превратит в энергию несколько частиц массы Земли.

И, возможно, в этом аду найдется *ответ*. Ответ, который кто-то хочет украсть.

— Так где же эта легендарная личность? — спрашивает Василев. — Это безумие. Девять секунд в каркасе Эксперимента, и мы понапрасну тратим циклы в каком-то разукрашенном вире. За его пределами наши братья и сестры готовятся к самым блистательным свершениям. А мы чем занимаемся? Гоняемся за призраком. — Он оглядывается на Пеллегрини. — Это сестра Пеллегрини решила, что мы должны плясать под вашу шарманку.

Инспектор своими крупными руками опирается о стол и поднимается на ноги. Резкое движение его массивного тела вызывает звон бокалов.

— Брату Василеву следует следить за своими словами, — негромко говорит он.

В ближайшем будущем придется с ним разобраться. И с сянь-ку тоже: их здесь двое, старшая и младшая, одна приняла облик из Глубокого Прошлого — лицо сянь-ку и голубое многоугольное туловище со множеством рук, а другая — скромная молодая женщина в простой серой форме. Инспектор почти уверен, что это они подослали вампира, который пытался убить его в корабельном Каталоге.

— Сестра Пеллегрини заметила аномалию среди математиков-гоголов, — поясняет инспектор. — Для расследования она вытащила меня из Каталога и заблокировала внешние коммуникации. И правильно сделала. Я обнаружил следы. В вирах, в памяти гоголов. ле Фламбер здесь.

Краем глаза он наблюдает за Ченом, стараясь определить его реакцию. Седовласый Основатель единственный, кто не смотрит на инспектора. Его глаза прикованы к небу, и на губах играет легкая улыбка.

Старшая сянь-ку встает.

— Существо, о котором ты говоришь, просто миф, заявляет она. — В наших исходных информационных системах он почти легенда. Призрак.

Ее древность производит сильное впечатление. Инстинктивное *сяо* — врожденное уважение к гоголу, стоящему ближе к Прайму, чем он сам, на мгновение заставляет инспектора почувствовать себя почти ребенком. *Инспектор был мечом Соборности,* шепчет его метасущность. *Он оставался сильным. Он знал, что его цель истинна и чиста.*

— Сестра полагает, что воспоминания Прайма повреждены? — спрашивает он, стиснув зубы и черпая уверенность в увещеваниях метасущности.

— Не повреждены, — отвечает сянь-ку. — Просто удалены.

— Мы напрасно тратим время, — говорит Василев. — Если имеется какая-то аномалия, если корабль заражен, сестра Пеллегрини должна самоликвидироваться и уничтожить судно, и тогда наша смерть послужит Цели. Но, должен заметить, она всегда слишком ценила свою целостность, чтобы поступать так, как необходимо.

Инспектор усмехается:

— Мое расследование проведено досконально. Наш брат Василев и сестра сянь-ку пытались манипулировать гоголами, задействованными в Эксперименте. Но я здесь не для того, чтобы их обвинять. Я ищу Жана ле Фламбера.

Василев изумленно смотрит на него.

— Из всех возмутительных обвинений…

— Хватит, — произносит Чен.

Внезапно воцаряется молчание. Чен единственный гогол на корабле, не разветвленный для Эксперимента: четвертое поколение, ветвь Битвы с Ангелом Конвея. Когда он говорит, инспектор испытывает настолько сильное *сяо*, что его не в состоянии подавить даже метасущность.

— Наш брат отлично выполнил свое задание. Если кто-то и ставит под сомнение его рекомендации, то это еще не доказательство вины, а стремление эффективнее работать на благо Всеобщей Великой Цели, не так ли? Если вопрос только в тождественности, ответ найти не сложно. Праймы, в своей мудрости, предоставили нам способ показать миру, кто мы такие.

Когда Чен поворачивается к собравшимся, на его лице сияет блаженная улыбка.

— Давайте обратимся к Кодам Основателей и помолимся.

Инспектор глубоко вздыхает. Он знал, что этого не избежать, но не имеет ни малейшего желания затрагивать свой Код — программу, которая даст Основателям доступ к корневой системе метазаконов небесной тверди, управляющих всеми вирами. Коды отличаются от паролей в той же степени, как ядерное оружие отличается от кремневого топора: он определяет не просто черты характера, а состояние разума, основополагающие моменты, сокровенную сущность. И своей инспектор не слишком доволен.

Тем не менее он с усмешкой наблюдает за Василевом, поднимающимся вместе с остальными. Блондин с золотистой шевелюрой отпивает из бокала и, опуская его на стол, проливает несколько капель — у него дрожат руки. *Я предпочел бы, чтобы это оказался он.*

— Давайте, — говорит Чен, — сделаем это все вместе, как братья и сестры.

Он закрывает глаза. Лицо сияет блаженством, словно он видит нечто прекрасное. Вир вокруг них рассеивается, поглощаемый небесной твердью, исчезает в пустой белизне, словно вино из бокала Василева на хлопковой скатерти.

Основатели один за другим следуют его примеру. Лицо Читрагупты выражает полную безмятежность. Пеллегрини выглядит испуганной. Лоб Творца нахмурен в суровой сосредоточенности. Плоские лица сянь-ку, освещенные восторгом и благоговением, становятся красивыми. Василев бледен и покрыт испариной. Перед тем как закрыть глаза, он бросает на инспектора еще один полный ненависти взгляд.

А затем наступает черед инспектора.

В небесной тверди закрытие глаз приводит не к темноте, а к белизне. На ее фоне выделяются застывшие силуэты Основателей. Инспектор нерешительно притрагивается к Коду. Это вызывает боль, как при прикосновении к шрамам, только в сотни раз хуже. Незажившая рана внутри него источает ужасный запах и истекает гноем, словно…

…пролежни. Она открывается, когда его будит грохот стрельбы. Рядом лежит его сестра. По ее открытым глазам ползают мухи. Он сдирает со своего черепа провода. Раздается хлюпанье, сопровождаемое вспышкой боли. По лицу струится кровь. Он трогает лоб сестры. Кожа под его пальцами липкая и мягкая.

Он швыряет воспоминания в небесную твердь, стремясь избавиться от них раз и навсегда. Ненасытная белизна принимает и поглощает их. Внезапно перед ним вместо белизны появляется зеркало с шестью его отражениями.

Инспектор касается лица, привычно отыскивая шрамы, и видит, что отражения повторяют его жест. Но шрамов нет: его щеки стали гладкими. В зеркальных отражениях — молодые люди с черными как смоль волосами, тонкими штрихами бровей, впалыми висками и тяжелыми веками. На них узкие бархатные пиджаки и белые рубашки, как будто для вечеринки. Они стряхивают с лацканов невидимые пылинки, смотрят друг на друга и моргают, как только что проснувшиеся люди.

Инспектор все еще смотрит на них, как вдруг внутри него раздается резкий треск. Еще одна личность проклевывается, как птенец из яйца. Я с усмешкой замечаю растерянность в глазах остальных моих сущностей, и мы все стряхиваем с себя тяжелую скорлупу облика инспектора.

Чен рядом со мной хлопает в ладоши.

— Чудесно! — восклицает он, словно взволнованный ребенок.

— Чудесно!

Мы все смотрим на него. Он единственный остался таким же, как и прежде: миниатюрная серая фигура на фоне белизны небесной тверди. Здесь что-то не так. Я ищу его Код в устроенной нами виртуальной ловушке и ничего не нахожу.

А Чен вытирает глаза и снова становится серьезным. Теперь, когда нет *сяо*, сопутствующего моей маскировке, рассматривать его намного легче. Низенький коренастый азиат с неровно подстриженными седыми волосами, босой, в простой монашеской одежде. Его лицо выглядит моложе, чем глаза.

— Вир, имитирующий небесную твердь, — говорит он. — Я и не знал, что такое возможно. И весь этот спектакль устроен лишь для того, чтобы украсть мои Коды. Это даже интереснее, чем посещение театра. Очень забавно.

Мы все шестеро отвешиваем поклон.

— Я уверен, ты сумеешь выяснить, как это сделано, произносим мы хором.

И я вижу в глазах всех своих сущностей, что пытаюсь отыскать путь к отступлению. Но вир вокруг нас запечатан, словно бутылка.

— Конечно, — соглашается он и, заложив руки за спину, оглядывает нас с ног до головы. — Я помню, как столетие назад ты вскрыл солнцедобывающую фабрику. И сейчас снова это сделал. Старый трюк с компилированием. Единственное, что мне не понятно, так это откуда у тебя Код моего старого друга? От Жозефины? Придется с ней поговорить.

Я не без оснований горжусь собой: одна из самых надежных систем взломана путем добавления кое-каких мелочей в аппаратное оборудование «Дающего бессмертие», когда около четырех минут назад солнцедобывающая фабрика компилировала его вместе с другими кораблями в системе координат Эксперимента.

И, безусловно, я подготовил себе путь к отступлению. *Надо только заставить его продолжать говорить.*

— Джентльмен никогда не разглашает секретов. Это классика, — говорим мы, но уже нестройным хором, поскольку начинаем разниться.

Вот оно. Вир запечатан, словно бутылка, но Чен пропустил одну из задних дверей в моей небесной тверди. Надо только заставить его продолжать говорить.

— В самом деле. И *предательство* — один из этих секретов, не так ли? Самый древний из них. — Он слегка улыбается. — Ты должен был бы знать, что ей не стоит доверять.

Я и не доверял. Но мы только пожимаем плечами.

— Это игра. Я только этим и занимаюсь. — Мы обводим руками окружающую белизну. — Но ведь ты тоже играешь. Весь этот Эксперимент затеян, чтобы отвлечь внимание остальных, не так ли? Тебе он не нужен. Ты уже получил камень Каминари. Ключ к замкам Планка.

Он приподнимает брови.

— А ты можешь назвать кого-то другого, кто более достоин им обладать?

Мы смеемся.

— Матчек, при всем моем уважении к тебе, — говорим мы, — я считаю, что драгоценности, замки и ключи надо оставить профессионалам.

— Уважение. Конечно. — Он складывает руки на груди. — Ты считаешь это игрой. А помнишь нашу первую встречу? Я говорил, что для меня это не игра.

Да, мы уже встречались раньше. Но как бы мне хотелось, чтобы ты об этом забыл.

— В таком случае, почему же я все время выигрываю? — спрашиваем мы.

Один из нас — я уже не могу точно определить, кто именно, — активирует аварийный протокол. Остальные сущности самостоятельно ликвидируются, наполняя шумом белизну вира. Программная оболочка, хранящая мой разум, рассеивает свое содержимое мыслевихрями и запускает их с «Дающего бессмертие» на другие *районные* корабли. Я прыгаю по коммуникационной сети Соборности, перелетая с одного узла на другой, раскалываюсь, сливаюсь и разбрасываю принесенные в жертву частицы. Чены упрямо и неустанно преследуют меня. Но это не имеет значения. Еще несколько миллисекунд, и я доберусь до одного из своих спасательных судов — красивых «Лебланов», построенных в «Ганклубе» зоку, уже разогревших двигатели Хокинга, чтобы унести меня отсюда со скоростью света…

И вдруг начинается самоликвидация *районов*. Фотосфера расцветает вспышками антиматерии, сжигающей мои мосты, уничтожающей миллиарды гоголов, и все ради того, чтобы изолировать меня, словно вредоносный вирус. Уничтожение распространяется со скоростью лесного пожара, и вот я остаюсь в одиночестве.

Я пытаюсь скрыться в процессах небесной тверди, превращаюсь в медленное реверсивное вычисление. Но все напрасно: они меня выследили. Чены и творцы окружают меня, мельтешат вокруг, словно лилипуты перед Гулливером, и хватают меня.

А потом появляются невидимые раскаленные скальпели для

разума.

Они разрезают меня на части. В первую очередь лишают метамозга — способности модифицироваться, формировать нейронную ткань. Я обездвижен, мертв, не имею возможности менять облик по своему желанию, взят в плен. Но они позаботились о том, чтобы оставить мне осознание утраты.

Голос задает вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задает вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

Голос задает вопросы.

Я не отвечаю и умираю.

В конце концов лезвия добираются до тайника, построенного мной самим много-много лет назад. В голове вспыхивает пламя и уничтожает мои секреты.

И вот я, полностью обнаженный, оказываюсь в стеклянной камере. Мозг, лишенный усовершенствований, гудит от фантомной боли. В руке оружие. За каждой из четырех стен кто-то ждет.

Сотрудничество или предательство?

Глава четвертая
ТАВАДДУД И АБУ НУВАС

Пока Дуни ее ждет, Таваддуд в спальне примеряет новое лицо.

Она всматривается в свое отражение в зеркале. Образ, созданный ею для господина Сена, уже развеялся, и теперь перед ней обычная женщина в белом трико, в котором ее широкие бедра не выглядят стройнее. *Необычная? Не сегодня.* Она проводит рукой по непослушным волосам, но не собирается ничего с ними делать, а просто выбирает короткую накидку с капюшоном, чтобы их прикрыть. После недолгого колебания Таваддуд надевает старые атар-очки, принадлежавшие еще ее матери. Сквозь их круглые золотистые линзы почему-то легче смотреть на мир.

Затем она берет свою медицинскую сумку и присоединяется к сестре на балконе жилого крыла дворца, чтобы дожидаться подъемника. Сестра неодобрительно хмурится на очки.

— Они не соответствуют форме твоего лица, — говорит она. — Мама, бедняжка, никогда не отличалась хорошим вкусом. Я уверена, ты была бы просто очаровательной, если бы следовала законам стиля.

Ты совсем не знала нашей матери, думает Таваддуд. *И меня тоже не знаешь.*

Она старается не замечать колкостей Дуни. Целый день Таваддуд провела дома и теперь с удовольствием наслаждается легким ветерком и теплом послеполуденного солнца.

Отцовский дворец похож на руку, торчащую из Осколка Гомелеца, или гигантское растение, поднимающееся по стене: пять высоких зданий, когда-то стоявших вертикально, а теперь повернутых горизонтально и обросших многочисленными галереями, соединенных между собой пристройками, балконами и висячими садами. Откуда-то сверху доносится слабое протяжное эхо печальной музыки джиннов. Из Тахта, дворца купцов, торгующих гоголами, поднимаются запахи пищи, разносимые теплым ветром. Снизу, словно ростки плюща, к Осколку Гомелеца тянутся тонкие минареты, извилистые платформы и вертикально поднимающиеся улочки. Сам город далеко внизу теряется в туманной пелене, сквозь которую мерцают лишь пурпурные, золотые и синие огни.

Осколок представляет собой сегмент цилиндра высотой два километра — часть орбитальной колонии О'Нила, где жили предки Таваддуд. При падении оболочка цилиндра раскололась, словно яичная скорлупа, — миллионы тонн алмазов, металла и загадочных материалов, бывших в ходу до Коллапса, рассыпались мелкими обломками, а сам цилиндр разбился на пять Осколков. Они вздымаются к утраченному небу, охраняя потаенный и благословенный Сирр, последний человеческий город на Земле.

За спиной Таваддуд раздается кашель.

— Прошу простить мою сестру, — говорит Дуньязада. — Она такая мечтательница, что порой мне приходится проявлять твердость и обращать ее внимание на реальный мир.

— Аун знает, как в эти трудные времена Сирру необходимы мечтатели, — отвечает ей низкий мужской голос.

Таваддуд оборачивается. На балконе рядом с ними стоит мужчина. Он строен и невысок, ниже Таваддуд, с бледной сальной кожей, и выглядит усталым. На нем богатая черная с серебром одежда, имитирующая традиционный костюм муталибуна, но сшитая из странной, произведенной в Соборности ткани, дрожащей на ветру. Длинные распущенные волосы, вытянутое лицо и вместо одного глаза — кувшин джинна. Чеканный латунный сосуд, заменяющий левый глаз, поддерживается кожаным ремешком. Человеческий глаз мужчины ярко-зеленого цвета.

— Я и сам мечтатель, — произносит он неторопливо, словно декламируя стихи. — Иногда я слепой нищий, представляющий себя Абу Нувасом, а выпитое утром вино и красивые дамы, такие

как вы, только мои фантазии. Но я уверен, что никогда и не мечтал увидеть свое ужасное отражение в ваших глазах, так что вы, спасибо Ауну, наверняка настоящие.

Абу Нувас целует руку Таваддуд, и его латунный глаз ярко блестит в лучах солнца. Легкое прикосновение его холодных сухих губ — словно щекочущая ласка джинна. Пальцы у него слегка дрожат, и он быстро отдергивает руку.

— Господин Нувас, это моя сестра Таваддуд. Позвольте поблагодарить вас за согласие ее сопровождать. Видите ли, она очень трепетно относится к своим благотворительным делам, иначе назначила бы встречу в более подходящем месте.

Таваддуд изучает Абу Нуваса и задерживает на нем взгляд дольше, чем принято. Его улыбка становится неуверенной. Женщина решительно выпрямляется. Теперь она не Таваддуд, паршивая овца в семье Гомелец. Это Таваддуд, гордость Дворца Сказаний, возлюбленная Аксолотля.

Нет, сестра, ты совсем меня не знаешь.

— Моя сестра шутит, — негромко говорит Таваддуд. — Я не хотела показаться высокомерной. — Она снимает атар-очки и улыбается Абу Нувасу той же улыбкой, какой одаривала господина Сена и свое отражение в зеркале. — Но я с удовольствием приму ваше предложение меня сопровождать и, надеюсь, услышу еще немало приятных слов. Я и не знала, что вы поэт.

Она протягивает руку Абу Нувасу. Тот выпячивает грудь и делает шаг вперед.

— Просто любитель, милая госпожа. Я произношу слова, которые приходят в голову муталибуна во время странствий по пустыне, это лишь блеклое отражение вашей красоты.

Таваддуд смеется и награждает его другой улыбкой, более теплой, чем предыдущая.

— За такие слова я позволила бы себя сопровождать даже слепому нищему, лорд Нувас, — отвечает она.

— Прошу вас, зовите меня просто Абу.

Дуньязада смотрит на Таваддуд с нескрываемым изумлением. Таваддуд поджимает губы.

— Дорогая сестра, разве ты не говорила о срочных делах в Совете? Я не сомневаюсь, что они очень важны. Мы все должны служить отцу и городу по мере своих сил.

Подъемник представляет собой дребезжащее аналоговое устройство с гибкой рамой. Эта металлическая сороконожка передвигается, цепляясь за рельсы, проложенные по Осколку. В лицо дует приятный ветерок. Некоторое время Абу Нувас кажется

полностью удовлетворенным тем, что держит Таваддуд за руку и любуется разворачивающимися перед ними видами города. Таваддуд рада молчанию, которое позволяет ей собраться с мыслями.

Ты еще пожалеешь об этом, Дуни, горько пожалеешь.

На востоке простираются горы и оранжереи, а дальше расстилается море. На севере лежит Город Мертвых с рядами серых безликих построек. Таваддуд поспешно отворачивается от него.

Над самим городом возвышается шпиль Базы Соборности — массивной алмазной башни, ощетинившейся статуями героев, которые превышают даже Осколки. Она маячит над рынками гоголов, которые постепенно уступают место широким улицам и низким зданиям в тени Осколков Угарте и Узеда. В лучах солнца верхние сегменты Базы кажутся золотыми. Башня постоянно меняется, иногда очень медленно, иногда прямо на глазах, новые шпили поднимаются и опускаются, поверхности и статуи поворачиваются. Каждые несколько секунд грохочут раскаты и сверкают вспышки, и светящиеся потоки мыслевихрей несут приказы Соборности к Ковшу, который сооружают в небе мастера Внутренней Системы.

— Она заставляет чувствовать себя ничтожно маленьким, не правда ли? — говорит Абу.

Абу Нувас хорошо известен своим влиянием на рынке гоголов и инвестициями, порой совершенно безумными. Тем не менее даже самые влиятельные клиенты Таваддуд говорят о нем с невольным уважением. *Низкорослые мужчины должны быть могущественными.* Таваддуд старается не поднимать глаз.

— Я предпочитаю великолепие Осколков бездушным творениям Соборности, — отвечает она. — И Крик Ярости диких кодов доказал, что и они могут быть мелкими и слабыми.

— Да, верно, — соглашается Абу. — По крайней мере, иногда.

Мимо проходит другой подъемник. За ним с шумом проносится рой Быстрых. Эти крошечные гуманоиды, не больше указательного пальца Таваддуд, с темными телами и жужжащими крылышками, частенько цепляются к подъемникам и таким образом добираются до вершин Осколков, а по пути вниз впитывают солнечную и потенциальную энергию. Они продают ее в города маленьких человечков, такие, как Куш и Миср, а также в сотни других поселений в центральном Сирре, названий которых медлительные люди так никогда и не узнают. Пассажиры пытаются отмахнуться от Быстрых, но те без усилий уклоняются от ударов, окружая подъемник, словно облако мух.

— Иногда я завидую им, — признается Абу, глядя на летающих существ. — Они обитают в мире гигантских статуй, живут стремительной жизнью, ведут стремительные войны, их века и династии сменяются на протяжении одного дня. Наша жизнь слишком коротка, не так ли?

— А еще говорят, — доверительно произносит Таваддуд, — что Быстрым, как и джиннам, доступны утраченные людьми наслаждения, и если человек познает их, он лишается интереса ко всему плотскому.

— Понимаю. — Абу обращает к ней латунный глаз, по-птичьи склонив голову набок. — Вы говорите так, исходя из собственного опыта, госпожа Таваддуд? — спрашивает он с непроницаемым видом.

Выражение лица Абу Нуваса, как и большинства муталибунов, определить трудно. Якобы желая защититься от яркого солнца, Таваддуд снова надевает очки и рассматривает ауру торговца гоголами в Тени. Сплетенный с ним джинн видится ей огненной змеей, обвивающей человека защитными кольцами. *Мне надо быть с ним очень осторожной.*

Таваддуд провожает взглядом удаляющийся подъемник.

— Я всего лишь неискушенная девушка из семьи Гомелец.

— Истории утверждают обратное.

— Истории многое утверждают, и потому Кающиеся охотятся за ними, пока похитители тел не успели вместе с ними украсть и наш разум. Поэзия интересует меня больше, чем истории, дорогой Абу, и вы обещали порадовать меня ею. К сожалению, взамен я могу предложить только вечер, проведенный за трудной работой среди Бану Сасан. — Она касается руки Абу. — Но ведь вы не чураетесь трудностей. Моя сестра и я очень ценим помощь, которую вы оказываете нашему отцу.

— Это пустяки. Я предпочел бы, чтобы вы ценили мое остроумие. Или мою красоту. — Он иронично усмехается и трогает пальцем свой латунный глаз.

Глупая девчонка. Это первый урок Кафура. Заставь его поверить в сон и никогда не позволяй просыпаться.

— В Сирре нет большей чести, чем общение со сплетенными, а честь важнее красоты, — говорит Таваддуд. — А что вы видите этим глазом? — спрашивает она с озорной улыбкой. — Все, что пожелаете?

— Хотите посмотреть? — предлагает он.

Таваддуд молча снимает атар-очки и щурится от яркого света. Абу Нувас поворачивает их в своих руках и произносит Тайное Имя, неизвестное Таваддуд.

— Теперь попробуйте.

Она смущенно принимает очки и надевает их. Таваддуд моргает, ожидая увидеть привычный хаос местного атара, цифровую тень реальности. Печати дворцов оберегают Осколки от большей части диких кодов, но даже здесь атар, как правило, заполнен древними спаймами и шумами.

Но она видит совсем другой Сирр.

Город превратился в гигантскую подвижную паутину света. База Соборности по-прежнему здесь, сияющая звезда в центре, а все остальное сменилось сложной, постоянно меняющейся сетью: яркие пряди, то появляющиеся, то исчезающие, плотные раскаленные потоки, протянувшиеся до самого горизонта, внезапные вспышки активности, напоминающие гнезда огненных насекомых. Уже через мгновение Таваддуд начинает моргать. Смотреть на эту картину — все равно что на Солнце.

— Вот что видим мы, мухтасибы и муталибуны, говорит Абу. — Вот что собирают для нас Кающиеся, кровь Сирра. Торговля гоголами. Торговля техникой Соборности. Труд джиннов. И еще, — он понижает голос, — торговля воплощением. Это как работа в саду, где мы должны решать, где надо посадить растение, а где выкорчевать, чтобы Сирр мог существовать и дальше. Вот поэтому я и помогаю вашему отцу. И поэтому чувствую себя маленьким.

Таваддуд еще раз моргает, и видение рассеивается, сменяясь атаром — его каракулями на людях и зданиях, искаженными белым шумом дикого кода. Она снимает очки.

— В таком случае я рада, что взяла вас с собой на встречу с Бану Сасан, — медленно произносит она. — Мы нередко кажемся себе маленькими, когда смотрим на вещи издалека.

— Ваша сестра говорила, что мы поладим, — Абу снова берет Таваддуд за руку и дарит ей улыбку, значение которой она никак не может разгадать.

Это будет труднее, чем я думала.

Подъемник, лязгая и скрежеща, добирается до основания Осколка, а затем с еще большим шумом трансформируется в трамвай. Он несет их по широким улицам Тени к центру города, а потом вдоль узких каналов, уходящих к морю, продолжает путь к Базе и Бану Сасан.

Глава пятая
ВОР И ОХОТНИК

Миели парит в спаймскейпе, она призрак в призраке корабля. Здесь представлены все предметы из интеллектуальной материи — от мельчайшего винтика «Перхонен» до системных объектов Магистрали. Реальность, снабженная интерпретациями и

пояснениями, бесстрастная физика в паутине значений.

Миели любит находиться здесь, даже когда не занята пилотированием корабля. «Перхонен» состоит из ее слов, и здесь она может их видеть. Усилием мысли она способна смотреть сквозь стены, может уменьшиться настолько, чтобы наблюдать за псевдожизнью сапфировых нанодвигателей, или превратиться в гиганта и подержать на ладони невероятно сложный механизм Системы. Она может даже обернуться и посмотреть на собственное тело, словно бросить взгляд из загробной жизни.

Но только не сейчас: центральная каюта корабля закрыта для ее спайм-взгляда. Пока Пеллегрини развлекается там с вором, ее, словно дух предков, изгнали оттуда. Хорошо хоть дремотное спокойствие спаймскейпа немного смягчает негодование.

— Не волнуйся, — утешает «Перхонен». — Насколько я могу судить, они все это время заняты разговорами.

— Я даже знать об этом не хочу, — отвечает Миели. — Она сказала, что-то должно произойти.

Миели запрашивает информацию у гоголов сенсорной системы, чье бесплотное существование посвящено наблюдению за работой корабельных визуализаторов, нейтринных детекторов и прочих приборов. «Перхонен» находится на одной из малых веток Магистрали, спроектированных Соборностью для передачи потоков мыслевихрей. За исключением редких древних маршрутизаторов зоку, оставшихся после Протокольной войны, и стремительных мыслевихрей на миллионы километров вокруг ничего нет.

Но для полной уверенности Миели приказывает кораблю активировать скрытую в оболочке технологию Соборности. «Перхонен», как и сама Миели, представляет собой сложнейший сплав техники Оорта и Соборности, прошедший обновление на Венере: секретное оружие, квантовая броня, виры, гоголы и антиматерия заключены в интеллектуальном коралле, словно насекомые в янтаре.

— Вот что мне интересно, — произносит «Перхонен». Ее голос заметно изменился, теперь он звучит не из бабочки-аватара, а отовсюду, даже из самой Миели. — Ты собираешься рассказать ему о том, что отдала Пеллегрини гогола?

— Нет, — говорит Миели.

— Мне кажется, это помогло бы ему. Он не может понять тебя по-настоящему.

— Это его проблема, — отвечает Миели.

Среди звезд, в своем корабле, в своей песне, она чувствует себя в безопасности. Ей хочется забыть о воре, о Пеллегрини, о войнах, богах и поисках. Может быть, она сумела бы забыть и о

Сюдян. Зачем кораблю нужно все портить?

— Я подумала о том, — продолжает «Перхонен», — что он мог бы нам помочь. Ему ведь тоже не терпится получить свободу. Если ты скажешь ему правду…

— Я не хочу об этом говорить, — заявляет Миели.

— Неужели ты не видишь, что делает с тобой Пеллегрини? Сплошные обещания, клятвы, зависимость. К чему это нас привело? Почему мы должны…

— Хватит, — прерывает ее Миели. — У тебя нет права сомневаться в ее словах. Я ее слуга и не желаю быть предателем. Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя создала. — Теперь, когда ее не успокаивают медитация и сияние свечей, гневные слова легко слетают с губ. — Я не твое дитя, я твой создатель. Ты не представляешь себе…

И вдруг налетает нейтринный поток, легкий, словно дуновение ветра. Очень странно.

Миели замолкает. Корабль не отвечает. Спаймскейп спокоен.

Миели снова сканирует небо. Синтбиотические семена, оболочки мыслевихрей, и очень далеко, на главной артерии Магистрали, одинокий *район* Соборности. Тем не менее по коже пробегают мурашки.

Может, мне стоит извиниться, думает она.

«Перхонен» изо всех сил старается о ней заботиться. Она пыталась это делать с того самого дня, как ее дух вышел из небытия…

Яркий луч молнией разделяет спаймскейп надвое. Изображение меркнет.

Миели рывком возвращается в свое тело. «Перхонен» вокруг нее гудит, словно колокол. Из неровной пробоины в корпусе заглядывают тьма и звезды. Воздух с шумом вырывается наружу.

В центре каюты пляшет ослепительно-белая точка. Лучи разлетаются от нее во всех направлениях, как от обезумевшего маяка. Деревца-бонсаи рядом с Миели охватывает пламя.

Никогда не возноси молитвы Человеку Тьмы, проносится в голове Миели.

От воспоминаний об аресте удается избавиться с большим трудом.

Во рту привкус крови. Я прикусил язык, и это причиняет боль. Но вкус неудачи еще хуже. Я сплевываю. Капли слюны и крови рассыпаются передо мной цепочкой белых и темно-красных жемчужин.

Опасно было вести с Пеллегрини такую игру. Азарт игрока. В теле Миели, как и в прошлый раз, была она сама. Гоголы

Соборности неловко чувствуют себя во плоти, их нетрудно узнать и нетрудно ими манипулировать, какими бы богоподобными они ни выглядели в вире. Она дала мне как раз то, что было необходимо. Дверь во дворце памяти открыта. Я помню Землю. Я помню принца в аль-Джанна[62]. И, несмотря на боль, в моей голове складывается план.

И в этот момент в лицо мне ударяет алмазный полицейский.

Миели еще держит в руках сосуд с чаем, когда на нее попадает луч. Жидкость мгновенно выкипает, а колба лопается с жалобным стоном, который заглушает рев воздуха. После холода спаймскейпа жар в первое мгновение кажется даже приятным. Затем он обрушивается на нее, словно самый жестокий *лёюлю*[63] в оортианской сауне.

Метамозг реагирует мгновенно. Подкожная броня из интеллектуальной материи активизируется. Ожоги третьей степени остаются только в статистике повреждений. Система ускорения времени превращает мир в слайд-шоу застывших снимков.

В боевой сосредоточенности мир всегда подчиняется логике.

Включить увеличение.

В центре ослепительной белизны обнаруживается устройство длиной меньше миллиметра: гладкий предмет, похожий на кинжал, с узкими лепестками, торчащими из рукоятки. Вокруг тонкого, словно игла, кончика выгравированы лица. Продукт Соборности…

Кинжал-цветок продолжает двигаться. Даже в ускоренном времени среди бабочек-аватаров «Перхонен» он похож на осу, совершающую свой убийственный танец. Мелькающий луч создает стробоскопический эффект, он мечется по стенам каюты, оставляя за собой раскаленные шрамы. Луч поворачивается в сторону Миели.

«Перхонен» набрасывает на него сферу из ку-точек и повышает уровень энергии, связывающей искусственные атомы. Зеркальная сфера прыгает по каюте и начинает светиться.

Лазеры, мысленно обращается Миели к кораблю, одновременно настраивая собственное оружие. *Приготовься вышвырнуть его и сжечь.* Она занимает позицию между летающим кинжалом и вором, неподвижно висящим в воздухе с закрытыми глазами. Для его безопасности она воздвигает еще один барьер из ку-точек.

Гоголы-стратеги передают результаты анализа в ее метамозг. Луч устройства производит *сканирование*, как Врата Царства зоку, он собирает информацию, но уничтожает источник, а данные

куда-то передает. Область высокой температуры определяет ширину энергетической зоны.

Уничтожить его, и пусть боги сами разбираются.

— Миели, — окликает ее корабль. — Он не…

Ку-сфера лопается. Кинжал пулей несется навстречу Миели. Она стреляет из гостгана, выпуская густое облако наноракет, но понимает, что опоздала. Устройство светящейся змеей лавирует между микроскопическими зарядами.

Сканирующий луч когтем скребет по телу Миели. Обезумевшая броня переходит к активным контрмерам. Кожа выбрасывает крошечные фейерверки, но это не помогает. Внутренности кипят и разрываются — *натиск давления и высокой температуры чередуется с периодами восстановления* — а луч поднимается к голове и мечется из стороны в сторону, сопровождаемый стаккато рапортов о полученных повреждениях.

Она ожидала холодного отчуждения в этой битве, осознания того, что после ее смерти останется другая Миели. Но вместо этого непреодолимый страх сковывает ее мысли, несмотря на боевую сосредоточенность.

И она не сопротивляется.

Кинжал из бездны изменяет направление: лишь слегка задев ее щеку, он перемещается к беспомощному вору. Процессор Нэша, содержащийся в метамозге, выдает три возможных варианта, но ни один из них не годится.

Миели игнорирует рекомендации и освобождает вора от оков.

Перед ударом алмазного снаряда я едва успеваю моргнуть, как вдруг превращаюсь в бога. В не слишком могущественного бога, но все же я сознаю особенности оболочки из интеллектуальной материи, которая изображает человеческое тело, и свойства *районного* компьютера, встроенного в мозг.

Я только во второй раз получаю доступ к управлению им. В первый же момент меня поражают хитросплетения синтбиотических клеток вокруг алмазной основы, мощность термоядерного источника энергии в основании позвоночника и превосходные эмиттеры ку-частиц. Могучий мозг приводит меня в недоумение — мое собственное сознание в его сложнейшем лабиринте кажется невероятно малым, и какое-то время я просто брожу по его коридорам холодной логики и размышляю. План, который Пеллегрини невольно подсказала мне, тоже здесь, в виде мозаики, сложенной из взаимосвязанных фрагментов. Я изучаю его со всех сторон и даже что-то напеваю. Чего-то не хватает.

И тогда я слышу голос камня зоку, чувствительного к любым

мыслям и потребностям. Я выражаю ему свое пожелание, и он превращается в недостающую часть, завершающую мозаику. Что-то подсказывает мне, что это неправильно, что я должен ощущать свою вину, но какой вред может быть от подобной красоты?

Я чувствую себя маленьким мальчиком, нашедшим на берегу красивые камешки. Я напеваю себе под нос. Я был бы счастлив навсегда остаться в своих мыслях.

Но издали доносится слабый голос, сигнализирующий о том, что моя плоть плавится, и о ярком, непереносимо ярком луче, который качается передо мной из стороны в сторону, словно часы гипнотизера. И с этим надо что-то делать.

Я начинаю двигаться. Мне кажется, что на меня надели огромную оболочку робота — громоздкую и неуклюжую. Тело не успевает за реакцией разума. Левая рука исчезает в белом огне: искусственная кожа, плоть и кости — все поглощает пламя. Метасущность моего тела спокойно сообщает, какое время потребуется для полного восстановления. И еще выдает информацию о крошечном устройстве, которое сжигает меня заживо: злобное создание Соборности, двигающееся по зигзагообразной траектории по разгромленной каюте «Перхонен», нацелилось прямо на мой мозг.

Копы. Как бы ни менялся мир, они остаются прежними.

Я не большой любитель шахмат, но кое-что в этой игре приводит меня в восхищение. Спустя какое-то время начинаешь почти визуально различать линии атаки между фигурами. Опасные зоны, где физически невозможно предпринять какие-либо действия. Множества вероятностей, запретные участки.

Именно так теперь я вижу алмазного копа. Внезапно возникает ощущение скрытого внутри меня зеркального изображения.

Хороший охотник, быстрый охотник, отличный охотник, если найдешь его, начнется потеха…

Вот оно.*Зеркала.*Я отдаю приказы своему чужеродному телу. Оно повинуется.

Ку-слой под моей опаленной кожей трансформируется в метаматериал. Импровизированный плащ-невидимка. Я превращаюсь в блестящую статую. Смертоносный луч огибает меня. Он упирается в ряд изваяний из кометного льда в галерее Миели. Коп продолжает бушевать, но он в растерянности, и я успеваю сказать «Перхонен», что нужно делать…

Вокруг источника света возникает ку-сфера — сверкающий бильярдный шар, в котором отражается мое искаженное лицо. От неожиданного потока электромагнитного излучения пощипывает кожу. А затем «Перхонен» вышвыривает незваного гостя вдоль оси

кающты в открытый космос, и после него остается только струя ионизированного воздуха.

Загораются лучи корабельных лазеров. Вдали сверкает вспышка взорвавшейся антиматерии. От вихря гамма-лучей и пимезонов начинается головная боль.

И замки на моем принадлежащем Соборности теле снова защелкиваются. Миели парит рядом со мной, вокруг нее щупальцами медузы тянутся струйки темной крови. А потом в руке вспыхивает боль, и я не могу удержаться от крика.

Пламя постепенно угасает, корабль заделывает пробоины в оболочке, а Миели тем временем занимается рукой вора. В кабине стоит отвратительный запах горелой синтбиотической плоти, воняет озоном и дымом, в воздухе летает пепел бонсай. Рядом с Миели серым ароматным призраком парит пузырек лакричного чая.

— Больно, — жалуется вор, с отвращением наблюдая, как восстанавливается плоть на его обгоревшей культе. — Проклятье, что же это было? Гоголы не могли такого сотворить.

Выглядит он ужасно. Вместо левой стороны лица сплошная кровавая рана, верхнюю часть туловища, словно кратеры на поверхности планеты, испещряют обугленные вмятины. Миели чувствует себя не лучше. Она вся покрыта потом, а голова и живот гудят от напряженной работы восстанавливающих нанитов. За исключением мозга ничто в ней не представляет ценности, но Миели не намерена оставлять свое биологическое тело гнить.

— Что бы это ни было, — говорит «Перхонен», — боюсь, последует продолжение. Это устройство выделяет колоссальное количество тепла. Я проследила его путь. Там что-то есть. Что-то большое, не подчиняющееся протоколам Магистрали. Целый рой этой мелкой пакости, их несколько тысяч, и, судя по направлению движения, они намерены нас перехватить.

— Сколько у нас времени? — спрашивает вор.

— День или два, может быть, и три, если мы поднажмем, — отвечает «Перхонен». — Быстроходные мерзавцы.

— Проклятье, — шепчет Миели. — Пеллегрини предупреждала меня. Надо с ней поговорить. — Она мысленно обращается к богине, но не может ее отыскать.

Вор поворачивается к ней здоровым глазом.

— Думаю, она будет скрываться, пока мы не избавимся от хвоста, — заявляет он. — Но противник силен, сильнее любого из нас. Наверное, сильнее, чем я могу себе представить. Честно говоря, на твоем месте я поискал бы другую работу. Дело становится скверным.

Миели приподнимает брови. Оба они напоминают сломанных кукол. Ее одежда изорвана в клочья и покрыта пятнами крови. Лицо вора все еще разбитое и красное. Клочья лечебной пены, вырабатываемой восстановительной системой в его теле, прикрывают ужасные ожоги на руках, ногах и торсе.

— Да, очень скверным, — повторяет вор. — Неповрежденная часть его лица становится серьезной. — Я должен тебе кое-что сказать. Мне известно, кто твой босс и чего она хочет. Надо признать, ставки высоки даже для Основателей и Праймов. Все это — результат какого-то конфликта между ними. А мы оказались в самом его центре.

— Благодаря тебе, — отвечает Миели.

— Туше, — признает вор. — Итак, можем мы убежать?

Разрушения от вторжения кинжала-цветка только поверхностные, и «Перхонен» уже контролирует ситуацию. Но Миели точно знает, на что способен ее корабль, а что не в его силах. У нее самой в животе еще покалывают иглы страха. И она чувствует, что не может от них избавиться.

— Нет, — говорит она. — Но мы можем драться.

Может, это наилучший способ покончить со всем сразу. Сразиться с непобедимым врагом в надежде на славную гибель.

Вор окидывает ее недоверчивым взглядом.

— Я с уважением отношусь к твоей способности убивать врагов, — сообщает он, — но неужели в оортианских школах не учат основам математики? Одно такое существо едва нас не убило. Ты *уверена*, что сражаться с несколькими тысячами его собратьев — это хорошая идея?

— Это мой корабль, — произносит Миели. Цепочка с драгоценными камнями обжигает ей кожу. *Сюдян. Может, другая я сумеет ее вернуть?*Она прикрывает глаза. — И это мое решение.

Миели, шепчет «Перхонен». *Эта штука — высокотехничное устройство Соборности. На Марсе я истратила значительную часть боеприпасов. Мы, конечно, хороши, но не настолько. Что ты творишь?*

— Миели, — окликает ее вор. — Ты в порядке?

Миели глубоко втягивает вонючий воздух и открывает глаза. Вор смотрит на нее с искренним беспокойством.

— Послушай, — негромко говорит он. — Давай подумаем. Всегда есть какой-то выход.

— Отлично, — отвечает она после паузы. — Что ты предлагаешь?

Вор некоторое время молчит.

— Эта штука, похоже, очень хотела добраться до меня, — заявляет он. — Может, нам удастся использовать это

обстоятельство?

— Сделать твоего гогола и пожертвовать им? — саркастически предлагает Миели.

По лицу вора пробегает тень.

— Нет, это невозможно. Жозефине, похоже, достаточно одного меня. Должно быть что-то еще… — Его здоровый глаз поблескивает. — Конечно. Какой же я идиот. Дело вот в чем. Если копу нужен я, мне придется стать кем-то другим. Мне необходимо новое лицо.

Вор пытается почесать окровавленную вмятину отсутствующей рукой и разочарованно разглядывает обрубок.

— Потребуется еще кое-что, но я, кажется, знаю, где все это найти. Если «Перхонен» права, у нас осталось меньше двух дней, чтобы открыть Ларец.

— И как мы это сделаем? — спрашивает Миели.

— Так, как делаются все по-настоящему важные вещи: при помощи дыма и зеркал.

— Жан, прошу тебя, оставь свои игры.

Вор не без труда улыбается ей и достает из кармана небольшое янтарное яйцо. Камень зоку.

— Как быстро ты сможешь отыскать маршрутизатор зоку?

Глава шестая
ТАВАДДУД И ГУЛЬ

Район Бану Сасан располагается вокруг Базы Соборности. Изначально он задумывался как модель города Соборности: высокие массивные дома, площади, статуи и загрузочные храмы. Но после Крика Ярости почти все здания пустуют, и лишь в обширных складах размещаются чужеземные товары, предназначенные для тех, кому благодаря торговле гоголами они доступны. В этом районе прячутся от дикого кода слабые и нищие обитатели города.

Таваддуд осторожно наблюдает за Абу. Она ожидала, что при виде грязи и нищеты торговец гоголами задерет нос, но вместо этого он смотрит вокруг с бесстрастным вниманием, даже когда они проходят по площади Тахт аль-Калаа, где живет женщина-паук. Дикий код вырастил на ее груди паучьи железы, и женщина сплела из паутины огромный шатер. Внутри на тонких нитях, словно загадочные фрукты, висят маленькие статуэтки и кувшины джиннов.

В сухом воздухе чувствуется неистребимый запах озона, смешанный с едкой вонью немытых тел. Актеры театра теней под негромкую музыку создают картины на поверхности высоких колонн, старики с отметинами дикого кода на лицах играют в шахматы в уличных кафе. Акробаты-химеры в шелковых костюмах поигрывают мускулами, усиленными сапфиром.

Абу останавливается, чтобы дать несколько соборов мужчине с клеткой, в которой заперта еще одна химера: похожее на розовый эмбрион существо размером с собаку с прозрачным голубым панцирем и тонкими паучьими ногами. Мужчина несколько раз кланяется и громко объявляет собравшимся вокруг людям, что в клетке у него принц Торопливого Нью-Йорка, получивший это обличье от Ауна. Химера якобы понимает священные тексты и, постукивая ногами по бетону, диктует ответы на вопросы. Через атар-очки Таваддуд различает цепочки, которые соединяют странное существо с мозгом его хозяина.

— Дорогой Абу, вам надо быть осторожнее, — говорит она. — Я не хочу, чтобы вы стали одним из моих пациентов.

Хотя я не сомневаюсь, что джинны-телохранители, которые следуют за нами, сумеют удержать вас от любых неосторожных поступков.

— Это ужасно. Но я уверен, что многие из этих людей отправляются в пустыню только ради того, чтобы после вы занялись их лечением.

— Должна предупредить, мои лекарства могут быть горькими.

Она похлопывает по своей медицинской сумке.

Абу смотрит на нее с любопытством.

— Почему вы это делаете? Почему приходите сюда?

— К концу дня вы, возможно, и сами это поймете. А как вы относитесь к Бану Сасан?

Абу улыбается.

— Я здесь вырос.

Таваддуд в изумлении моргает.

— Я хотела бы услышать эту историю.

— Боюсь, она слишком длинна для послеобеденной прогулки. Кроме того, я нечасто решаюсь ее рассказывать: трудно иметь дело с семействами мухтасибов, если не носишь фамилию Соарец, Угарте, Гомелец или Узеда. — Абу разводит руками. — При этом не важно, сколько гоголов доставляют из пустыни мои муталибуны.

— Что ж, мудрый человек в вашем положении подыскал бы себе невесту среди младших дочерей из семейств мухтасибов. Даже если у нее… не слишком хорошая репутация.

Абу опускает взгляд.

— Я надеялся провести приятный день с привлекательной женщиной, не затрагивая подобных проблем.

Его человеческий глаз полон грусти, и Таваддуд едва удерживается, чтобы не сказать, что он не должен жениться на женщине, предпочитающей монстров. Но рана, нанесенная Дуни, все еще причиняет боль. *Я покажу отцу, на что способна. Но не так, как она думает.*

Таваддуд легонько касается плеча Абу.

— Вы правы. Давайте оставим брачные союзы и Семейства на Осколках, где им и место. Здесь не важно, кто вы. И это одна из причин, по которым я сюда прихожу.

По обыкновению Таваддуд выбирает место для своей практики рядом с безликой статуей Соборности — бородатый мужчина с инструментами слесаря уже носит на себе каракули и пятна диких кодов, различимые в атаре.

Пока Абу осматривается, Таваддуд достает из сумки палатку — отдельные детали образуют конструкцию на тонких шестах, похожих на ноги гигантского насекомого. В результате получается небольшой шатер со столиком и койкой. Таваддуд раскладывает свои инструменты и кувшины джиннов. К тому времени, когда она заканчивает приготовления, появляются первые пациенты.

Они выстраиваются в очередь снаружи и входят по одному. В большинстве случаев дело заключается просто в навязчивых идеях, от которых легко избавить. Людям, по-настоящему пораженным диким кодом, помочь сложнее, но, к счастью, сегодня их немного. Один из таких посетителей — подросток со светящимися V-образными штрихами, перемещающимися по его телу, словно стаи птиц. Мальчик утверждает, что это древний символ победы, и хотел бы сохранить отметины, но Таваддуд объясняет ему, что они будут разрастаться, пока не сожгут всю его кожу.

Она обхватывает его лицо ладонями и внимательно изучает через атар-очки.

— Ты опять был в пустыне, — упрекает его Таваддуд. Мальчик вздрагивает, но она не выпускает его голову. — Дай мне посмотреть.

Она снимает с пояса один из кувшинов джинна, открывает его и выпускает оттуда существо, которое в атар-взгляде предстает в виде облачка треугольников.

— Я же говорила, чтобы ты туда не ходил, — напоминает она.

— Человек не может без мечты, моя госпожа, а мечты живут в пустыне, — отвечает мальчик.

— Я вижу, ты поэт. Сиди спокойно. — Маленький джинн поглощает дикий код в лобной доле мозга мальчика. — Будет немного больно. Но если ты не свернешь с пути муталибуна, можешь ничего не достигнуть.

— Я слишком ловкий, чтобы меня поймали, — морщась от боли, говорит подросток. — Как Али-ртуть.

— Но и он оказался не самым быстрым. Никому и никогда не скрыться от Разрушителя Наслаждений.

— Кроме Принца-цветка, — возражает мальчик. — Бессмертного вора.

А потом к ней приходит гуль.

Это жена одного из сапфировых акробатов, худая мускулистая женщина с темными кудрями, в облегающей одежде из сфабрикованной в Соборности ткани. Акробат ведет ее за руку. Она идет за ним, словно ребенок, в ее глазах пустота.

Таваддуд усаживает ее.

— Ты можешь назвать свое имя? — ласково спрашивает она.

— Чанья, — отвечает женщина.

— Ее зовут Мари, — угрюмо говорит акробат.

Таваддуд кивает.

— Тебе известно, откуда это у нее?

Акробат сплевывает и протягивает Таваддуд гладкий

прозрачный листок.

— Я нашел это в ее палатке, — сообщает он. — Все сжег, оставил только один, чтобы показать вам.

Тавaддуд бросает взгляд на страницу, плотно заполненную текстом. Некоторые слова уже выгорели, но их все еще можно прочесть. Внезапно она ощущает их притягательную силу…

ИСТОРИЯ О МОЛОДОМ КАБЕЛЬЩИКЕ И АЛЬ-ДЖАННА ПУШКИ

Давным-давно, еще до того, как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в ее почву, в городе Сирре жил юноша. Он был сыном кабельщика, его грудь и спина потемнели от солнца, а в своем ремесле он достиг немалого мастерства. Но как только наступал вечер, он отправлялся в одну из таверн, чтобы послушать истории муталибунов — охотников за сокровищами. С горящими глазами, затаив дыхание, внимал он рассказам о свистящих песках и рух-кораблях и о темных страстях, пробуждаемых алчностью в сердцах людей.

Но больше всего юноша любил слушать историю о Потерянном аль-Джанна Пушки, священном месте, охраняемом Ауном, о подземном городе, где дремали и ворочались во сне первые загруженные души.

— Возьмите меня с собой, — говорил он. — Я буду нести вашу поклажу. Я буду просеивать песок в поисках кувшинов джиннов. Я не испугаюсь никакой работы, только позвольте мне стать муталибуном.

Но старые муталибуны почесывали бороды, качали головой и говорили «нет», никогда не объясняя причины отказа. Однажды вечером юноша потратил весь свой дневной заработок на медовое вино, чтобы уговорить самого старого из муталибунов ответить, почему его не берут.

— Ты слишком многого хочешь, — произнес старик с улыбкой на потрескавшихся от зноя губах. — А муталибун не испытывает желаний. Он ищет, берет, но не желает. Джинны и потерянные аль-Джанна значат для него не больше, чем пыль под ногами. Откажись от своих желаний, мой мальчик, и, возможно, тогда ты станешь муталибуном.

Весь день юноша до боли в руках и плечах соединял провода, прокладывал пути для джиннов, изнемогая от тяжести катушки на спине, но ни на мгновение не переставал размышлять. Конечно, старики устали — устали от грубости сапфиров под кожей, потеряли рассудок в пустынных видениях, навеянных

диким кодом. Даже отец юноши с его незначительными стремлениями как-то взял сына с собой на площадь аль-Калаа к женщине-пауку, чтобы с помощью ее даров взбираться выше на стены, цепляясь крошечными шипами на ладонях и ступнях.

Но ведь чтобы добиться успеха, чтобы забираться выше, чем остальные, надо *хотеть* этого? Чем больше юноша раздумывал над словами старика, тем сильнее пустыня обжигала его мысли, словно солнце, бьющее в глаза с вершин Осколков.

Он соблазнил официантку из таверны голодным взглядом своих темных глаз и обещаниями подарить кольца джиннов и мыслящую пыль, которая будет звездами сверкать в ее волосах. И она стала его сообщницей: подсыпала в стакан уставшего муталибуна снадобье, полученное от женщины-паука, взяла защищенное Печатями снаряжение и рух-посох и отдала все это юноше. На рассвете он оделся в костюм муталибуна и у Вавилонских ворот присоединился к группе охотников за сокровищами, чтобы уйти с ними в пустыню.

В те времена муталибуны были еще более неразговорчивы, чем сейчас. Они берегли голоса и объяснялись жестами, если случалась нужда. Даже их охотничьи джинны казались безмолвными тенями, выходящими из кувшинов, чтобы порывами кровожадного ветра преследовать в ночи видения мертвецов. Юношу приняли за своего — всего лишь еще одно согбенное существо, отправившееся в долгий путь по пустыне. Однако он едва не выдал себя, когда в первую ночь, остановившись на отдых в оазисе деревьев-мельниц, попытался открыть свою фляжку раньше, чем это сделал предводитель. Его спас только суровый взгляд другого муталибуна.

Но мечты гнали его дальше, а окружающая пустыня прислушивалась к ним. Город, о котором он мечтал, появился внезапно — сверкающий аль-Джанна Пушки. Но старший муталибун, похоже, собирался просто пройти мимо, и юноша знаками сказал предводителю, что надо изменить направление. Старик только покачал головой. Тогда юноша отправился один. Оставив группу, он вошел в город, уверенный, что только у него хватило смелости завладеть скрытыми внутри тайнами.

В первый момент он почувствовал себя королем. Он увидел машины джиннов, сохранившиеся с давних времен, виртуальные миры, куда можно было мысленно заглянуть, корпуса механизмов, в которые облачались джинны, и они показались ему прекраснее любых рабынь. Они взывали к нему, и юноша взялся за инструменты муталибуна, чтобы извлечь их души и заключить в кувшины.

А потом перед ним явился Аун во всех своих воплощениях.

Принцесса-трубочист. Кракен из света. Зеленый Солдат. Принц-цветок.

Расскажи нам правдивую историю, или мы заберем твою жизнь, потребовали они.

Но юноша знал только одну правдивую историю.

Давным-давно, еще до того, как Крик Ярости потряс Землю и Соборность запустила когти в ее почву, в городе Сирре жил юноша…

Таваддуд отводит взгляд. Как же древние люди справлялись со всем этим? Призраки, созданные кем-то другим, окружали их со всех сторон, готовые овладеть разумом и подчинить его чужой воле. Но в Сирре призраки реальные, и они скрываются в историях.

— Мне кажется, я знаю, кто это, — говорит Таваддуд.

Она надевает атар-очки и шепчет слова, которым научил ее Аксолотль. И вот в голове женщины она ясно различает два переплетенных контура. Многие похитители тел действуют более тонко. Но только не этот.

— Ахмад, — строго произносит она, глядя на пациентку. — Ахмад Недуг.

В мозгу женщины вспыхивает тонкая цепочка нейронов. *Зацепила.*

— Ахмад, я знаю, что это ты. А ты знаешь, кто я?

Пациентка начинает хихикать.

— Да, детка, я тебя знаю. Ты шлюха Аксолотля. Давненько не виделись, — отвечает она высоким свистящим голосом.

Стоящий рядом Абу Нувас резко втягивает воздух.

Проклятье. Как не вовремя. Все уже было готово, чтобы отомстить Дуни, чтобы соблазнить его.

Таваддуд встряхивает головой и подавляет разочарование. Какими бы ни были ее планы, надо позаботиться о пациентке.

— Значит, тебе известно, что я умею? — понизив голос, продолжает она. — Я владею Тайными Именами, которые сотрут тебя в порошок. Если я их произнесу, они отыщут тебя и начнут пожирать. Ты этого хочешь?

— Махмуд, о чем она говорит? — неожиданно восклицает женщина. — Где я? Не позволяй ей меня обижать.

Акробат делает шаг вперед, но Таваддуд поднимает руку.

— Не слушай ее, это уловка. — Она смотрит в глаза пациентке. — Уходи, Ахмад. Пусть контур девушки отторгнет тебя. Убирайся в Город, и я не открою Кающимся, где твое логово. Ну, что скажешь?

Женщина вырывается из рук акробата и вскакивает на ноги.

— Сука! Я сожру тебя!

Таваддуд произносит первые слоги Тридцать Седьмого Тайного Имени. Пациентка неуверенно замирает. Затем ложится на коврик у койки.

— Ты победила, — произносит она. — Я передам от тебя привет Аксолотлю. Говорят, у него новая подружка.

После этого женщина расслабляется, ее глаза закрываются и дыхание становится спокойным. Еще несколько мгновений Таваддуд наблюдает за ее мозгом, чтобы убедиться, что существо по имени Ахмад, проникшее в разум женщины через слова и атар, рассеялось бесследно. Опущенные веки пациентки начинают вздрагивать.

— Теперь она проспит день или два, — говорит Таваддуд Махмуду-акробату. — Окружи ее знакомыми вещами. Когда она проснется, все будет хорошо.

Она отмахивается от горячей благодарности Махмуда. Ощущая одновременно усталость и торжество, Таваддуд оглядывается на Абу и кивает. *Видишь? Это еще одна причина, по которой я прихожу сюда.* Она пытается отыскать на лице торговца гоголами малейшие признаки ужаса или отвращения, но видит лишь странный жадный блеск латунного глаза.

С наступлением ночи поток пациентов иссякает. Абу Нувас покупает у уличного торговца две шаурмы, и они с Таваддуд едят в палатке, сидя на надувном матрасе скрестив ноги. Снаружи шумит квартал Бану Сасан, непрерывно гремят поезда душ, вспыхивает и грохочет База, испускают холод пожираемые диким кодом здания Соборности.

— Знаете, я не так уж часто прихожу сюда, — произносит Абу. — А наверное, стоило бы. Чтобы напоминать самому себе, как много здесь надо сделать. И как силен здесь дикий код.

— Если бы не дикий код, мы давно стали бы рабами Соборности.

Абу не отвечает.

Стараясь согреть руки, Таваддуд обхватывает пальцами горячий сверток.

— Итак, что вы теперь думаете о рассказах, относящихся к девушке из семейства Гомелец? — спрашивает она.

Больше нет смысла притворяться.

— То, что похититель тел говорил о вас, правда? — интересуется Абу.

Таваддуд вздыхает.

— Да, истории верны. От моего первого мужа я убежала в Город Мертвых. Там один из джиннов позаботился обо мне. И мы

стали близки.

— Джинн. Аксолотль?

— Некоторые так его называют. Но его настоящее имя Зайбак.

— Он действительно существует?

Таваддуд поначалу тоже сомневалась в этом: ожившая легенда — Отец похитителей тел, пришедший в Сирр сто лет назад и воплотившийся в половине города.

— Да. Однако не все, что о нем говорят, соответствует истине. Он не собирался делать того, что сделал. — Она откладывает в сторону остатки еды. — Но если вам нужно объяснение для моего отца, *шлюха Аксолотля* ничуть не хуже других. — Таваддуд прикрывает глаза и сильно тянет себя за волосы. — В любом случае спасибо за приятный вечер и за то, что показали мне город. Другой город. Это было чудесно.

Абу отворачивается и смотрит в сторону. Теперь, когда латунного глаза не видно, он внезапно кажется ей невероятно юным: при всем своем богатстве он, вероятно, моложе ее.

— Не беспокойтесь, — произносит Таваддуд. — Я к этому привыкла.

— Дело не в этом, — отвечает Абу. — Есть причина, по которой я не прихожу сюда. — Он прикасается рукой к латунному глазу. — Вы просили рассказать мою историю. Все еще хотите послушать? — Он говорит бесстрастным тоном, прикрыв человеческий глаз.

Таваддуд кивает.

— Мои родители погибли в Крике Ярости. Некоторое время я оставался с женщиной Бану, которая позволяла мне спать в ее палатке. Но как только она поняла, что я способен слышать Ауна, она продала меня сплетателю. Мне тогда было шесть лет. И сплетение происходило не так, как сейчас, с ведома Совета, оно было насильственным.

Меня поместили в резервуар с теплой водой, куда не проникал ни один шорох. Зато в моей голове звучал голос, голос существа, когда-то бывшего человеком, голос джинна, вопившего от боли. Его звали Пачеко. Он поглотил меня. Или я поглотил его. Я не знаю, сколько времени занял этот процесс, но когда меня — нас — выпустили, я был тощим, словно палка. Я был слаб. Глаза болели. Но я видел атар, мог контактировать с атаром. Поначалу я просто бродил словно потерянный среди призрачных зданий Тени.

И еще я мог слышать пустыню, слышать зов аль-Джанна и Небес и древних машин с другой стороны мира. Сплетатель был очень доволен. Он продал меня муталибунам. Вместе с ними я

отправился в пустыню на поиски гоголов. — Абу улыбается. — К счастью, у меня это получалось. Не поймите меня неправильно, все было не так уж плохо. И самым удивительным из всего, что я видел, были рух-корабли — белые, изогнутые, словно древесная стружка, и такие же легкие. Рух-птицы легко несли их, и охотничьи джинны парили рядом с ними по небу, подобно ярким облакам. И еще пустыня. Я не понимаю, почему ее до сих пор называют пустыней, ведь там есть дороги и города, разные чудеса и стада машин фон Неймана, мрачные моря мертвых, пески, которые прислушиваются к тебе и воплощают твои мечты…

Абу качает головой.

— Простите, я увлекся. Все это не имеет значения. Я неполноценный мухтасиб, существо только наполовину человеческого рода. Поэтому я не способен любить как мужчина. Я хотел найти кого-то, кто мог бы понять и человека, и джинна. Я думал… — Он сильно сжимает виски ладонями.

— Дело не в этом, не только в этом, вы же понимаете… Я верю в то, что пытается сделать ваш отец. Мы не можем продолжать надеяться, что Соборность когда-нибудь оставит нас в покое и что сянь-ку разумнее других. Поэтому я собираюсь оказывать ему помощь вне зависимости от ваших чувств и желаний.

Таваддуд невольно сглатывает. *Все должно было быть иначе.* В ее груди сплетают кольца змеи вины и сожаления.

— Мне, наверное, пора уходить, — говорит Абу.

— Ш-ш-ш, — шепчет Таваддуд и целует его.

Холодный и твердый латунный глаз прижимается к ее веку. У Абу сухие губы, а движения языка выдают неопытность. Таваддуд гладит его по щеке, щекочет шею. Он сидит неподвижно, словно статуя. Тогда она отстраняется, открывает сумку, достает бими и осторожно вплетает в волосы.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Все не так, как обычно бывает, — со смехом отвечает она. — Если бы Кафур узнал об этом, он убил бы меня.

Таваддуд берется за застежку и распахивает одежду до самого живота, а потом кладет руки Абу себе на грудь. Она шепчет Тайное Имя аль-Латифа[64] Милостивого, видит его мысленный образ, сосредоточивается на спиралях и витках, как ее учили, и тотчас ощущает покалывание соединения в сети бими.

— Ты хотел добиться расположения женщины, возлежавшей и с мужчинами, и с джиннами, — шепчет она. — Ты мог убедиться, что сделка с Дворцом Сказаний Кафура обходится дешевле, чем с Кассаром Гомелецем.

— Я понимаю, что не должен был… — бормочет Абу.

Его рука, нежно и неуверенно обводящая контур ее левого соска, немного дрожит. Предвкушение вызывает легкий озноб во всем ее теле.

— Но когда я слушал истории…

— Истории хороши для вечеров, но не для ночей, а сейчас уже ночь, — перебивает она, снова целует его, привлекает ближе и расстегивает его одежду.

— Могу ли я что-нибудь сделать для тебя?..

— Ты можешь сказать моему отцу, что я гожусь не только для этого, — шепчет она ему на ухо. — Скажи, что я хочу служить ему, как служит моя сестра.

Бими негромко гудит у нее на висках. Его руки опускаются к ее животу, ласкают спину.

В атаре латунный глаз Абу сверкает, словно звезда. Исходящее от него пламя вливается в нее раскаленными языками, возбуждает и обжигает тело. Таваддуд, словно в зеркале, видит свое лицо: округленные губы и зажмуренные глаза. А затем растворяется в сплетении Тени, плоти и пламени.

Глава седьмая
ВОР И МАРШРУТИЗАТОР

— Что ты собираешься делать, когда все это закончится? — спрашиваю я у «Перхонен» по нейтринной связи.

С нашей орбиты вокруг Антиопы маршрутизатор зоку выглядел парящим в космосе деревом с зеркальными листьями, диаметром около двух километров. Но внутри него царит настоящее эшеровское безумие. Узлы обработки представляют собой светящиеся голубые сфероиды размерами от воздушного шара до пылинки, и все они вращаются и двигаются, перемещаясь по взаимосвязанным спиралям. Многоугольные зеркала, отражаясь друг в друге, образуют бесконечные коридоры. Но моего отражения там нет, словно я вампир.

Я собираюсь подыскать работу, не связанную с вторжением в гигантские машины, полные лесбийского драконьего секса, отвечает корабль. Белая бабочка-аватар «Перхонен» вьется вокруг моей головы. Я дую на нее, чтобы прогнать из поля зрения: идет процесс взлома очередного узла обработки, похожего на гигантскую амебу размером с мою голову. Это подрагивающий прозрачный пузырь с иррегулярной кристаллической структурой внутри. Большая часть техники зоку еще работает, и этот узел тоже: он с ненасытной жадностью поглощает квантовые состояния из проходящего сквозь маршрутизатор фотонного потока и преобразует их в сложные органические молекулы. Я намерен

немного покормить его.

— Ты несправедлива. В своих Царствах зоку могут делать все, что им вздумается. Ну а насчет другой работы, согласись, преступление — это единственный способ придать смысл нашему существованию. Кроме того, ты же настоящий самородок.

Ионные двигатели скафандра мягкими толчками приближают меня к узлу. Мне не следует торопиться: здесь достаточно много энергетических зон, где незащищенный человек может изжариться в одно мгновение. Благодаря метаматериалам скафандра непрерывный фотонный поток огибает меня. Я невидим и недостижим, призрак внутри машины, до тех пор, пока выдерживает костюм.

По моей команде скафандр выбрасывает невидимые щупальца, которые обхватывают узел. Гоголы-математики «Перхонен», оставшиеся далеко позади, усердно работают, чтобы внедрить в память устройства крохотный фрагмент квантовой программы, позволяющей нам отслеживать поток информации. Нам необходимо отыскать промежутки, определить период затишья, чтобы воспользоваться квантовым мозгом маршрутизатора в своих целях…

Происходит информационный выброс. Даже сквозь щиток шлема узел кажется ослепительным раскаленным солнцем. Гоголы-процессоры скафандра, специально настроенные разумы, буквально вопят. Внезапный жар обрушивается на мои руки, лицо и грудь. *Только не это.* В глаза впиваются горячие иглы, и в следующее мгновение я вижу только белый шум помех. Сопротивляясь желанию свернуться в клубок, я через нейронный интерфейс отдаю приказ двигателям скафандра и запускаю их.

Толчок выбрасывает меня из эпицентра информационной бури, и окружающий мир погружается в благословенную темноту: скафандр возвращается в рабочий режим. Я снова запускаю двигатели, но они глохнут, оставляя меня вращаться вокруг своей оси.

*…слишком быстро!*кричит мне в ухо «Перхонен» по нейтринной связи.

Бабочка-аватар отчаянно бьет крылышками в моем шлеме, выражая тревогу корабля.

— Я бы двигался еще *быстрее*, если бы кто-нибудь уточнил график информационного потока! — кричу я в ответ.

Я вытягиваю вперед руки, стараясь замедлить вращение, и молюсь, чтобы не столкнуться с узлом обработки. Стоит только усилить возмущения внутри маршрутизатора, и он вызовет сисадминов зоку. Хотя, если я не открою Ларец в течение нескольких часов, плевать я хотел на разозленных

компьютерщиков зоку.

Держись. Он успокаивается.

Мое тело вновь начинает процесс исцеления. Это выражается в легком головокружении и покалывании, словно по мне шныряют муравьи с ногами-иголками. Я и так еще не до конца восстановился: рука отросла не полностью, а после жесткого облучения синтбиотические клетки тела поражены мутациями и аналогом ракового заболевания. Хорошо хоть Миели предоставляет мне достаточный контроль, чтобы полностью подавлять боль. Единственной проблемой остается некоторое оцепенение, а в такой работе, как эта, оно недопустимо.

Защитный костюм с шипением избавляется от излишнего тепла. Жалобы гоголов в моей голове затихают до невнятного ропота, и системы скафандра сигнализируют о полной исправности. Я слизываю пот с верхней губы и втягиваю воздух, крепко стискивая в руке Ларец. Для того, чтобы открыть такую маленькую вещицу, должен быть более легкий способ.

— Кстати, я в полном порядке. Спасибо, что поинтересовалась, — бормочу я.

А не хочешь ли ты построить имитационную модель квантовой системы с тремя миллионами неизвестных параметров? Нет? Тогда заткнись и предоставь мне и моим гоголам выполнять свою работу.

Я не могу винить «Перхонен» за недовольство. Ее гордость и отраду, крылья, напоминающие северное сияние, мы превратили в жесткую решетку квантовой логики, создав некое подобие процессора. А это означает, что при серьезных затруднениях бегство окажется крайне проблематичным.

И еще Миели.

— Хотелось бы обратить твое внимание на то, что здесь нахожусь один я, — раздраженным тоном говорю я.

Хотелось бы обратить твое внимание на то, что мы это ценим, отвечает «Перхонен». *Ты все еще рассчитываешь, что бог из твоего ящика встретит тебя с распростертыми объятиями и поможет нам?*

— Не беспокойся, я имел с ним дело в прошлом. И я знаю, каково это — торчать в замкнутом пространстве. Чтобы выбраться оттуда, согласишься на что угодно. Даже заключишь сделку с хитроумными кораблями и оортианскими воинами.

Ловлю тебя на слове. В любом случае поток понемногу ослабевает.

— Сколько еще ждать?

Спаймскейп скафандра наконец-то снова работает и демонстрирует мне воссозданную картину внутренностей

маршрутизатора. За способность оставаться невидимкой приходится платить слепотой, а это сильно мешает, если требуется проникнуть в огромную машину, которая постоянно создает или уничтожает какие-то компоненты. К счастью, сейчас я нахожусь в относительно стабильном наружном слое, в стороне от тяжелых функциональных центров.

О, не больше часа или около того. Надеюсь, ты не успеешь соскучиться.

— Превосходно.

Я ерзаю в своем скафандре. Мой импровизированный костюм не совсем удобен: это всего лишь кусок интеллектуальной материи, загруженный специальными гоголами и дополненный кое-каким оборудованием вроде двигателей. По ощущениям работать в нем — все равно что в одежде из мокрой глины, а я не снимаю его уже два дня. Нейронный интерфейс довольно примитивен, и в моей голове ни на миг не утихает бормотание гоголов. Перспектива провести в этом скафандре еще час, плавая в наружных слоях маршрутизатора и подвергаясь ежесекундной угрозе очередного информационного выброса, меня ничуть не радует. Тем более что братья-близнецы микроскопического копа могут в любой момент оказаться поблизости.

*Ну а ты?*неожиданно спрашивает корабль.

— Ты о чем?

Чем ты будешь заниматься, когда все это закончится?

Честно говоря, я довольно плохо помню, что такое настоящая свобода и каким я был прежде. Мне вспоминается жизнь под разными обличьями в *губерниях*, невесомые коралловые рифы на мирах-поясах, бесконечные вечеринки в городе Супра, танцы над кольцами Сатурна. Поиски сокровищ и их похищение. Жизнь Жана ле Фламбера. Неожиданно я испытываю острое желание вернуть все это.

— Я собираюсь взять отпуск, — говорю я. — А как ты думаешь, чем займется Миели?

Корабль молчит. Я никогда не спрашивал «Перхонен» о Миели, и мне совсем не хочется обсуждать ее недавнее желание умереть. Хотя я уверен, что кораблю известна его причина.

Что касается нее, отвечает «Перхонен», *я не уверена, что это когда-нибудь закончится.*

— Почему же?

Еще одна долгая пауза.

Потому что она ищет то, чего никогда не существовало.

А потом, ожидая, пока информационный шторм в маршрутизаторе утихнет, корабль рассказывает мне о том, чего Миели лишилась на Венере.

Миели радуется тишине в центральной кают-компании. После того как «Перхонен» навела порядок, здесь совершенно пусто и голо, одни лишь сапфировые стены с белыми полосами не до конца залеченных трещин. Спасать оортианские сувениры времени не было. Но Миели все равно, ведь песни остались.

Заново сфабрикованные бабочки-аватары отдыхают на изогнутых поверхностях, напоминая белые цветы. Внимание корабля полностью сосредоточено на цели — огромном свадебном букете из стекла в нескольких километрах отсюда, напротив похожей на гигантскую картофелину Антиопы. Вор, по всей видимости, справился с узлом обработки. Следующий шаг за Миели. Она достает из кармана полученный от ле Фламбера камень.

Первый камень зоку Миели увидела в кото Хильяйнен[65], когда ей было шесть лет. Солнечный кузнец с Юпитера подарил мертвый камень ее сестре по кото Варпу в качестве игрушки. Все дети собрались на него посмотреть, а Варпу от гордости расправила свои крылья. В том камне не было ничего особенного: безделушка тусклого янтарного цвета, размером с мизинец, с ребристой поверхностью. Камешек производил удручающее впечатление, но когда дети трогали его, им представлялось, что они прикасаются к внешнему миру, чуть ли не к солнцу.

Когда очередь дошла до Миели, камень прилип к ее ладони, словно голодный интеллектуальный коралл. В то же мгновение в ее голове послышался голос, не похожий ни на одну из ранее слышанных песен, голос, полный страстной тоски и желания, и такой сильный, что она испугалась. Голос убеждал, что она особенная, что она заодно с камнем, и стоит ей только захотеть, как они навеки составят единое целое…

Миели расправила крылья, подлетела к ближайшей трещине и, не обращая внимания на протесты Варпу, выбросила камень в темноту. После этого Варпу не разговаривала с ней несколько дней.

Но камень, парящий перед ней сейчас, живой, он излучает тусклый свет сцепленности. Это простой голубоватый овал, меньше ее ладони, гладкий и прохладный и источающий слабый аромат цветов.

Миели прикасается к нему, и по всему телу распространяется легкое покалывание, концентрирующееся в животе, словно приглашая к воссоединению. Как и многие другие камни низшей инфраструктуры, он не был закреплен за определенным владельцем, и именно поэтому вор украл его у марсианских зоку. Но содержащиеся внутри квантовые состояния уникальны: исходя

из теоремы о запрете клонирования, их невозможно скопировать.

В отличие от меня.

Миели поспешно прогоняет эту мысль и принимает приглашение камня. В голове возникает странное ощущение, как будто на мозг легла мягкая прохладная рука.

Теперь она формальный член сообщества зоку, часть коллективного разума, связанного в единое целое квантовой сцепленностью. Конкретно это сообщество весьма обширно, но разрозненно, и занимается поддержанием и улучшением общей коммуникационной инфраструктуры, охватывающей всю Систему. Миели стоит лишь выразить желание, и интуитивные механизмы зоку вплетут его в ткань зоку — оно будет выполнено, при условии доступности ресурсов и оптимальным для всех членов коллектива способом.

Но все имеет свою цену: в ответ зоку могут потребовать что-либо от нее, и она об этом даже не узнает. Неожиданно вспыхнет идея, которая полностью завладеет ее разумом. Или возникнет непреодолимое желание очутиться в каком-то определенном месте, где она встретит незнакомца, которому окажет помощь в решении его проблем.

Вор в маршрутизаторе продолжает попытки открыть Ларец. Миели делает глубокий вдох и приступает к осуществлению плана.

Метамозг передает ее желание камню: это сложная мысль, сформулированная при помощи вора и «Перхонен», запрос на создание специфического квантового алгоритма. Камень жадно впитывает ее требование. Модифицированные крылья «Перхонен» имитируют коммуникационный протокол зоку и передают сигнал маршрутизатору. Свадебный букет начинает менять форму, словно оригами, разворачиваемое невидимыми руками.

Как я и ожидал, Миели превосходно справляется со своей частью плана. Вероятнее всего, она полностью доверилась метамозгу, хотя и ненавидит это делать: внедренный в ее голову Соборностью, он подавляет все мысли и ощущения, не относящиеся к непосредственной цели. Мне хотелось бы поблагодарить ее, но зеркальный кошмар вокруг меня уже оживает. Время играет огромную роль — каждую секунду можно ожидать очередного информационного выброса, а до тех пор мы должны выжать из маршрутизатора все, что удастся. «Перхонен» передает инструкции, пользуясь связью, установившейся между Миели и устройством зоку.

Тебе пора двигаться, говорит корабль. *Вот последние данные об интенсивности информационного потока.*

Спаймскейп скафандра вспыхивает трехмерной разноцветной схемой, напоминающей скан мозга. Яркие замысловатые контуры пульсируют и меняются у меня на глазах. Я перевожу взгляд на бабочку-аватар, оставшуюся в шлеме. На фоне пестрого безумия она кажется успокаивающе нормальной. Сжав зубы, я передаю карту управляющим гоголам и включаю ионные двигатели.

Я ощущаю себя так, словно плыву в невидимых струях пламени. Где-то в подсознании неслышно тикают часы. Несколько секунд бросающего в пот маневрирования, и я добираюсь до Врат Царства.

Они находятся там, где мы и предполагали: в большой полости недалеко от центра маршрутизатора, рядом с источником энергии, в относительно спокойной зоне, как в эпицентре бури. В спаймскейпе я вижу нагромождение кубов, испускающих слабое фиолетовое сияние, около двух метров в каждом измерении. Врата Царства — универсальная зона сопряжения физического и виртуального миров. Они переводят тебя на язык Царства, когда ты входишь, и обратно, в физическое состояние, при выходе. Пикотехнические реассемблеры считывают квантовую информацию любого существа, конвертируют ее в кубиты и телепортируют в игровые миры, полные волшебства и драконов.

Или, в нашем случае, сердитых могущественных богов.

— Подходящее местечко, — шепчу я «Перхонен». План снова вспыхивает у меня голове, и все детали становятся неожиданно четкими. — Как справляется Миели?

Все готово.

Я соединяю рукавицы скафандра, чтобы обеспечить свободу движений, и правой рукой поднимаю вверх Ларец, левая все еще остается куском регенерирующей плоти. Затем отключаю часть ку-поля скафандра, отпускаю Ларец, оставив только сенсорную связь, что создает ощущение, будто я все еще держу его, и направляю ближе к Вратам.

До предполагаемого снижения информационного потока остается сорок секунд, сообщает «Перхонен».

Маршрутизатор выстраивает вокруг Ларца сложную систему. Как утверждают гоголы, она запустит определенный алгоритм, благодаря которому коты останутся живы. При использовании импровизированных квантовых вентилей на крыльях «Перхонен» этот процесс мог бы занять не одну тысячу лет. Потом в поле зрения вспыхивает абстрактное облако разноцветных слов на языке зоку, и сразу же следует перевод помощников-гоголов «Перхонен».

Ты прав, говорит «Перхонен». *Внутри находится Царство.*

Теперь оно в памяти маршрутизатора. Вероятно, ты сможешь в него попасть.

Под моими пальцами поскрипывает воображаемое дерево. Или это просто фантомная боль в отсутствующей руке.

— Знаешь, — отзываюсь я, — если что-то пойдет не так, хочу, чтобы ты знала: мне было приятно с тобой познакомиться.

Мне тоже.

— И прости меня.

Простить? За что?

— За то, что сейчас произойдет.

Я запускаю ионные двигатели и приближаюсь к Вратам Царства.

Камень сжимает мозг Миели железной хваткой. Внезапно в ее голове рождается песня. Она пробуждает те участки мозга, которыми Миели не пользовалась уже два десятилетия, участки, которые заставляют материю изменяться. Непрошенные слова слетают с губ.

На них откликаются *вяки*[66] в оболочке «Перхонен». Песня почти так же сложна, как и та, что Миели пела в своем кото одиннадцать ночей без перерыва, создавая корабль. Но сейчас это резкая, мертвая песня, полная холодной отстраненности и кодов, песня вора. Миели пытается остановиться, зажимает рот руками, прикусывает язык, но тело отказывается ей повиноваться. Охрипшим от негодования голосом она буквально выплевывает все, до последнего слова.

Изменения, вызванные песней, незначительны, но Миели ощущает, как они полностью охватывают корабль, проникая прямо в сердце и простираясь по всей паутинообразной структуре, по всем модулям до самых крыльев.

Миели! Что-то не так!.. кричит корабль.

Проклиная вора, Миели отдает мысленный приказ, возобновляющий ограничения.

Жан, о чем это ты толкуешь?

Бабочка в моем шлеме возбужденно бьет крыльями.

У меня немеют конечности. Миели воспользовалась удаленным контролем над принадлежащим Соборности телом. Но законами Ньютона она управлять не в состоянии — я продолжаю двигаться к Вратам.

Вот они передо мной, черные как грозовая туча. Сверкает вспышка. А потом я оказываюсь одновременно живым и мертвым.

— «Перхонен»? — шепчет Миели.

Бабочки-аватары «Перхонен» взлетают со своих мест и взвиваются вихрем, составляя аттрактор Лоренца. Затем мелькающая белая масса уплотняется и образует лицо.

— «Перхонен» здесь больше нет, — шелестят крылья.

Глава восьмая
ТАВАДДУД И СУМАНГУРУ [67]

База Соборности настолько велика, что в ней сохраняется собственный климат. Мелкий дождь внутри башни не столько падает, сколько висит в воздухе. Капли непрестанно двигаются, образуя странные фигуры, и Таваддуд все время кажется, что на границе поля зрения кто-то прячется.

Она поднимает голову и тотчас жалеет об этом. Вглядываться сквозь дождевую завесу все равно что смотреть вниз с вершины Осколка Гомелеца. Ее взгляд скользит по вертикальным линиям вплоть до слабо светящегося янтарем гигантского купола на высоте не менее километра. Купол выполнен из прозрачных волнистых панелей, поддерживаемых изогнутыми ребрами несущего каркаса и сходящихся в центре наподобие циркового шатра. Под самым сводом парят какие-то предметы, напоминающие воздушные шары. Поначалу их очертания кажутся Таваддуд беспорядочными, но затем то тут, то там проступают линии щеки, подбородка, бровей. Это лица, сотканные из воздуха и света, и они смотрят на нее пустыми глазницами…

Что я здесь делаю?

Джинны тоскуют по телам, это ей понятно. Но База является телом Соборности, разумной материей, плотью истинно бессмертных. Здесь повсюду гоголы — большие и маленькие, даже в дожде, в мельчайших пылинках, вокруг которых формируются капли.

Таваддуд вдыхает их, липких и маслянистых, с легким сладковатым запахом ладана. Капли оседают на ее одежде и коже, оставляют пятна на шелке. Влажная ткань сминается на талии. Крошечные божества портят тщательно уложенную прическу и стекают по шее.

Таваддуд дипломат. *Что я скажу спустившемуся с небес богу, когда он появится?* В голове мелькают второпях полученные сведения о Соборности и ее посланнике. «Простите, но ваши братья пролились на меня дождем».

Я считала себя такой умной. Может, Дуни права. Может, я гожусь только на то, чтобы ублажать джиннов?

Сестра вырвала ее из тяжелого тягучего сна, влетев в спальню

в четыре часа утра. Дуньязада даже не взглянула на Таваддуд, а просто прошла к окну в форме замочной скважины, выходящему на крыши с отцовскими садами, распахнула портьеры и впустила утренний свет. Ее плечи едва заметно вздрагивали, но голос оставался бесстрастным.

— Вставай. Отец желает, чтобы ты сопровождала посланника Соборности, который будет расследовать смерть Алайль. Нам надо ввести тебя в курс дела и подготовить.

Таваддуд потерла глаза. Абу вызвал ковер, чтобы доставить ее домой, — как выяснилось, у него действительно имелись джинны-телохранители — и она сразу же рухнула в постель. От нее пахло потом и Бану Сасан, а кожа еще хранила отголоски теплых прикосновений Абу, поэтому Таваддуд улыбнулась даже Дуни.

— И тебе доброе утро, сестрица.

Дуни не обернулась. Она продолжала стоять, прижав к бокам сжатые кулаки.

— Таваддуд, — медленно произнесла она. — Это не игра. Это совсем не то, что улизнуть от Херимона, чтобы заигрывать с мальчишками-кабельщиками. И не то, что ублажать похотливых джиннов, которые не могут смириться с утратой человеческой плоти. Дело очень важное. Оно касается судьбы Сирра. Ты себе представить не можешь, к чему тебе предстоит прикоснуться и что предстоит сделать. О чем бы ты ни договорилась с господином Нувасом, я умоляю тебя на время забыть о нем. Если не желаешь выходить за него замуж, пусть будет так. Мы найдем кого-нибудь другого. Если хочешь заняться политикой, мы что-нибудь придумаем. Но лучше не делай этого. Заклинаю тебя именем нашей матери.

Таваддуд поднялась и завернулась в простыню.

— Ты не думаешь, что мама именно этого и хотела бы? — негромко спросила она.

Дуньязада повернула голову и посмотрела на сестру, словно пронзая ее острыми льдинками, но не произнесла ни слова. В утреннем свете она была очень похожа на мать.

— Ты не допускаешь мысли, что я справлюсь, Дуни? «Скучнейшее занятие» — ты ведь так отозвалась об этой работе? Меня учили всему, чему учили тебя, и еще многому другому. Но откуда тебе знать? Ты приходила ко мне, только если тебе было что-то нужно. — Таваддуд позволила себе слегка улыбнуться. — Кроме того, похоже, отец принял решение.

Губы Дуньязады вытянулись в тонкую линию, и она крепко сжала свой кувшин карина.

— Очень хорошо, — сказала она. — Но учти, ошибки

недопустимы. И ты не сможешь убежать, если что-то пойдет не так. Ты ведь так поступаешь, когда сталкиваешься с трудностями, верно?

— Я знаю, что ты всегда поддержишь меня, сестрица, — ответила Таваддуд. И чуть тише добавила: — Думаю, это будет забавно.

Больше не сказав ни слова, Дуньязада увела ее в одно из административных зданий мухтасибов на вершине Голубого Осколка. По длинной винтовой лестнице они поднялись в аскетически строгую комнату со стенами из белого камня, низкими диванами и атар-экранами, где молодой человек в оранжевой одежде, с сухими губами и бритой головой — политический астроном, как назвала его Дуньязада, — рассказал Таваддуд все, что ей следовало знать о Соборности.

— Мы уверены, что структура власти Соборности нестабильна и разобщена, — заявил он, пристально разглядывая ее. — Интерферометрия гравитационных волн показывает, что *губернии* переживают периоды конфликтов и консолидации. — Молодой человек продемонстрировал Таваддуд похожие на глазные яблоки тепловые схемы алмазных разумов Внутренней Системы, по размерам сравнимые с планетами. — И конечно, нам известно о сянь-ку. Но в настоящий момент доминирующей силой являются чены. И именно ради ченов так стараются сянь-ку.

— Значит, они посылают Чена? — спросила Таваддуд.

— Вряд ли. Скорее всего, они пришлют Сумангуру — или нескольких, это может быть тело-транспорт. Это воины и отчасти приставы. Что-то вроде полицейских. Как наши Кающиеся. — Молодой человек говорил энергично, почти не делая пауз. — Я должен признаться, что завидую вам. Общаться с Основателем из Глубокого Прошлого. Получить ответы на самые главные вопросы, или хотя бы намеки: узнать про Крик Ярости и про то, почему Основатели так уязвимы перед диким кодом, почему они позволяют существовать нашему городу, зачем строят Ковш, почему до сих пор не перезагрузили Землю…

Глаза юноши сверкали почти религиозным восторгом, а у Таваддуд по коже побежали мурашки, и, когда сестра прервала астронома, она даже обрадовалась.

— Все это сейчас не имеет значения, — сказала Дуни. — Кто бы к нам ни прибыл, вы начнете с Алайль. Ты передашь посланнику временные Печати и проводишь его во дворец Советницы. Вас будут ждать. Все Кающиеся там из Дома Соарец, они сочувствуют нашему делу, как и наследник Советницы, Салих. Пусть посланник проводит какие угодно расследования —

я сомневаюсь, что он сумеет добиться больших успехов, чем Кающиеся. Но будь осторожна: мы пока не хотим беспокоить остальных Советников известием о прибытии нашего гостя. — Она снова повернулась к молодому человеку. — Что нам известно о Сумангуру?

— Ну… наши сянь-ку их побаиваются. — На атар-экранах появились изображения темнокожего мужчины с выбритой головой и шрамами на лице. — Если то, что нам известно об оригинале, близко к истине, то на это есть серьезные причины. Он избежал обработки в загрузочном лагере в возрасте одиннадцати лет. Сделался лидером федоровского[68] движения в Центральной Африке и единолично справился там с торговлей гоголами. — Юноша облизнул сухие губы. — Все это, конечно, произошло до того, как он стал богом.

Дуньязада бросила на Таваддуд мрачный взгляд:

— Похоже, вы должны неплохо поладить.

Теперь она жалеет, что насмехалась над Дуни. *А сестра этого не забудет.* Таваддуд пришлось выслушать рассуждения об альянсах между сянь-ку и василевами и инструкции о том, как следует обращаться с кольцом джинна Кающихся, которое молодой астроном дал ей для защиты. Она получила Тайные Имена на случай крайней необходимости и Печать для посланника. В стенах Базы все это кажется ей абсурдом, бессмысленной возней муравьев, пытающихся постичь замыслы богов. От усталости и тревоги начинается головная боль.

На платформу, где стоит Таваддуд, обрушивается поток света, несущий группу из двадцати человек — недавно загруженные гоголы в черной форме Соборности. Их бритые головы блестят от дождя, и бедняги вздрагивают от каждого порыва мыслевихря, от каждой вспышки сканирующих лучей. Их опекает Василев — невероятно привлекательный молодой блондин быстро переходит от одного к другому, похлопывает по плечу, что-то нашептывает на ухо.

Все они пристально смотрят на целеуказатели для сканирующих лучей — простые металлические круги на полу, и только один худощавый юнец украдкой бросает на Таваддуд голодный и виноватый взгляд. Юноше наверняка не больше шестнадцати, но из-за впалых висков и сероватого оттенка кожи он выглядит старше. Его посиневшие губы сжаты в тонкую линию.

Зачем ты пришел в храм, где проповедовали идеи Федорова, Великой Всеобщей Цели и бессмертия? размышляет Таваддуд. *Возможно, тебе сказали, что ты особенный, не тронутый диким кодом. Тебя научили особым упражнениям, чтобы подготовить*

мозг. Тебе говорили, что любят тебя. Что ты никогда больше не останешься в одиночестве. А теперь тебя мучают сомнения. Тебе холодно под дождем. Ты не знаешь, откуда грянет гром, грозящий тебя уничтожить. Тавaддуд улыбается ему. *Ты смелее, чем была я,* говорит ее улыбка. *Все будет хорошо.*

Юноша распрямляет спину, делает глубокий вдох и после этого смотрит прямо перед собой, как и все остальные.

Тавaддуд вздыхает. По крайней мере, она все еще способна говорить ложь, которая нужна мужчинам. Возможно, посланник не слишком отличается от всех остальных.

Воздух начинает гудеть, словно натянутая на барабан кожа. Эфирные создания под куполом приходят в движение и постепенно сворачиваются в воронку. Сверху раскаленным пальцем огненного бога опускается тонкий луч. Тавaддуд ощущает на лице жар, словно из печки. Луч мечется взад и вперед, как будто что-то пишет в воздухе. Она крепко зажмуривается, но свет проникает сквозь веки, становясь красным. Затем все заканчивается, но перед глазами остаются блики. Когда зрение полностью восстанавливается, Тавaддуд видит стоящего на платформе человека с лицом одного из богов Соборности.

Тавaддуд кланяется. Мужчина резко поворачивает голову, и взгляд его бледно-голубых глаз с крошечными точками зрачков ощущается как удар хлыста. Его кожа даже темнее, чем у Тавaддуд, и только шрамы, пересекающие нос и скулу, выделяются пурпурными штрихами.

— Господин Сумангуру Бирюзовой Ветви, — обращается к нему Тавaддуд, — позвольте мне от имени Совета мухтасибов приветствовать вас в городе Сирр. Я, Тавaддуд из Дома Гомелец, избрана быть вашим провожатым.

Она произносит слова Печати и воспроизводит ритуальные жесты мухтасибов. В атаре ее пальцы чертят в воздухе бледно-золотые буквы. Они целым роем кружатся вокруг эмиссара Соборности, льнут к его коже, и на мгновение все его тело покрывается огненной татуировкой, которая складывается в уникальное имя, соответствующее Печати и известное только мухтасибам. Затем буквы бледнеют и исчезают, но в атаре видно, что Сумангуру окружен неярким золотистым ореолом.

Гость вздрагивает и смотрит на свои руки. Его широкая грудь тяжело вздымается под безликой черной формой Соборности, которая на его теле кажется нарисованной.

— Я предоставила вам одну из наших Печатей. Она защитит вас от дикого кода на семь дней и ночей, — поясняет Тавaддуд. —

Надеюсь, этого будет достаточно для расследования.

Кроме того, голосование по модификации Аккорда состоится уже через два дня.

Ноздри Сумангуру раздуваются.

— Благодарю вас, — отвечает он. — Но в провожатом нет необходимости. — Он говорит медленно и гулко и при этом причмокивает, словно пробует каждое слово на вкус. — Я полностью проинструктирован и способен выполнить задание самостоятельно. Если понадобится, я свяжусь напрямую с Советом.

У Таваддуд начинает пощипывать шею. Новобранцы и Василев замерли на платформе и смотрят на Сумангуру с подобострастным ужасом.

— Вероятно, здесь какое-то недоразумение. Совет считает, что…

— Конечно, недоразумение. Я больше не хочу вас задерживать.

Сумангуру делает шаг вперед. Он возвышается над Таваддуд на две головы. Подобно самой Базе, он создан по другим меркам. Его кожа такая же темная, как пол, и капли дождя как будто совсем не задерживаются на ней. У Таваддуд громко бьется сердце.

— Но город может показаться вам странным, — говорит она. — Кроме того, вы не знакомы со многими обычаями…

— У вас возникла проблема. Скажите своим хозяевам, что я ее решу. Разве этого недостаточно?

Он так резко отталкивает Таваддуд в сторону, что той кажется, будто ее ударили. Под левой ключицей вспыхивает жгучая боль, и от толчка девушка теряет равновесие и падает. Из глаз сыплются искры.

Таваддуд дипломат. Глупая девчонка.

Она трясет головой, стараясь разогнать туман. В неловкости движений Сумангуру ей чудится что-то знакомое. Внезапная догадка едва не заставляет ее улыбнуться.

Сумангуру бесстрастно смотрит на нее сверху вниз, а затем намеревается уйти, но взгляд Таваддуд его удерживает.

— Это странно, не правда ли? — спрашивает она.

— Что?

Он едва заметно разворачивается к ней.

— Джинны рассказывают, что становятся другими, когда получают тело. По их словам, вскоре после этого возникает страстное желание. Вам, должно быть, непривычно ощущать тело после долгого перерыва. Как будто вылили в другую форму. — Таваддуд пытается подняться. — Сянь-ку говорили мне, что

повторное обретение плоти — это редкая привилегия для вашего народа.

— Сянь-ку много чего говорят, — отвечает Сумангуру. Его губы по-прежнему упрямо сжаты, но в глазах Таваддуд замечает нечто новое. Внимание. Любопытство. — Плоть — это враг.

Он медленно протягивает руку и помогает ей подняться. Пожатие чересчур крепкое, но рука у Сумангуру теплая.

— А вы изучили своего врага? — Таваддуд морщится от боли в груди и скрипит зубами. — Я изучила.

Она намеренно допускает нотки страдания в голосе.

Сумангуру хмурится.

— Вам… больно?

«Говори на их языке, — учил ее Кафур. — И рассказывай красивые сказки».

Таваддуд изо всех сил бьет его по лицу, по изуродованной шрамом щеке. Ощущение такое, словно она ударила статую, и она с трудом удерживает крик от обжигающей боли в руке. Сумангуру вздрагивает, делает шаг назад и растерянно поднимает руку к лицу.

— Уже нет, — отвечает Таваддуд, сжимая ноющие пальцы. — Мне неизвестно, откуда вы пришли, Сумангуру Бирюзовой Ветви, — негромко произносит она, — но вы не знаете плоть так, как знаю ее я, и не знаете историй, которые она рассказывает. А Сирр — это город историй, облеченных в плоть. Сможете ли вы их услышать? Учили ли вас этому в *губерний?*

Сумангуру слегка наклоняется и всматривается в ее лицо, словно ищет в глазах свое отражение. Таваддуд отводит взгляд, заинтересовавшись ложбинками его шрамов, необъяснимо красивых на фоне идеально гладкой кожи. Она чувствует его тепло. Запах его дыхания навевает воспоминания о механизмах, двигателях и оружии. Молодой человек в оранжевом говорил, что в Сирре сверхчеловеческие тела Соборности тоже беззащитны перед диким кодом, но Таваддуд сомневается в истинности его слов.

Уголок губ Сумангуру вздрагивает.

— Покажите мне врагов Соборности, и я уничтожу их, — медленно произносит он, и голос рокочет в его груди. — Неважно, из плоти они или нет.

— В таком случае вам лучше пойти со мной.

Таваддуд направляется к выходу с платформы. В первое мгновение она не представляет, куда идти, но затем под ее ногами появляется тропа из света, которая выводит их наружу. Ветер треплет ее влажные волосы, и Таваддуд с трудом подавляет желание обернуться. За ее спиной снова опускается сканирующий

луч и забирает с собой испуганного мальчика.

Глава девятая
ВОР И ТИГР

Разрыв реальности. Другой мир бьет меня в лицо, а неожиданная сила тяжести бросает на колени. Холодный воздух наполняет легкие. Пахнет влажной землей и дымом.

Я стою в центре поляны посреди белого леса. Вокруг прямые деревья со светлой корой, как у березы, и невероятно симметричными кронами, напоминающими корону или поднятые в молитве руки. В ветвях, трепеща крыльями, мелькают темные лохматые существа. Небо серое. Землю покрывает толстый слой белых частиц, слишком твердых, чтобы быть снегом. Врата Царства остались позади меня — тонкий безупречный полукруг. *Отлично. По крайней мере, я знаю, где выход.*

Я поднимаюсь и тотчас морщусь от неожиданной боли в босых ступнях. Белое вещество на ощупь оказывается острым, как битое стекло. Я бормочу ругательства и выковыриваю несколько странных штуковин из ноги. Они похожи на мелкие шестеренки с острыми зубцами, как будто кто-то выпотрошил множество часов.

Боль напоминает мне о том, что я тоже изменился. Царства зоку не просто переносят в другую реальность, они *преобразуют* тебя, превращают в элемент конструкции, наиболее соответствующий условиям виртуального мира. Я в том же костюме, что и на корабле — в широких брюках и пиджаке, — но босой и без малейших признаков сверхчеловеческих свойств предоставленного Соборностью тела. По крайней мере, левая рука снова на месте, хотя в таком холоде она понемногу синеет и немеет.

Украденный мною из Царства меч тоже преобразовался, как и должно было произойти. Он изготовлен марсианскими зоку, которые специализируются на ограблении затерянных Царств, и адаптируется к любым условиям, в которые попадает. Я дую на руки, растираю их, а потом достаю меч из ножен.

Теперь его клинок из белой кости и изогнут, словно коготь. Железная рукоять кажется тяжелой и неудобной, а замысловатые украшения на ней неприятно колются. Я поднимаю меч и слышу резкий шепот, словно скрип мела по школьной доске. «Малое Царство. Архетипические объекты и аватары. Генерирующий контент. Повреждено. Гибнет».

Все понятно. Мои неуклюжие попытки вскрыть Ларец привели к разрушению инфраструктуры. Интересно, что здесь было до этого? Наверное, какие-то сказочные леса.

Неожиданно я понимаю, что бабочка-аватар «Перхонен» пропала, хотя и должна была пройти через Врата вместе со мной.*Проклятье.*Я оглядываюсь по сторонам и между деревьями, в черно-белых тенях улавливаю какое-то движение. Я инстинктивно поднимаю меч, но никого не вижу.

— «Перхонен»? — кричу я.

Ответа нет. Но у края поляны в колючем снегу видны следы, уходящие в лес.

Медленно, морщась от боли, я иду по этим следам.

— Так кто же ты? — шепчет облако бабочек на ухо Миели. — Ты не похожа на его творение. Слишком проста. Слишком примитивна. На кого ты работаешь?

— На себя, — отвечает она и переключается в спаймскейп.

В мозгу корабля, созданном из оортианского интеллектуального коралла, появилось новое виртуальное образование, от которого распространяется паутина команд, охватывая все системы Соборности, имеющиеся на борту. Между кораблем и маршрутизатором установился плотный канал, по которому в обоих направлениях перекачивается информация…

Миели возвращается в свое тело и тянется к камню зоку. Ку-сфера тотчас обволакивает его и отодвигает от ее руки.

Лицо из бабочек ухмыляется, но усмешка напоминает не человеческую гримасу, а оскал клыкастой пасти хищника.

— Ты не умеешь врать, — говорит существо.

Миели? В голове раздается шепот «Перхонен». От неожиданной радости ее сердце начинает биться чаще. Но затем она слышит боль в мысленном послании корабля.*Оно захватило меня. Помоги.*

— Кто ты и что сделал с моим кораблем? — шипит Миели.

— Я Сумангуру восьмого поколения Ветви Битвы Там, Где Был Юпитер, воинствующий разум и Основатель Соборности, — говорит существо, состоящее из бабочек. — А что касается твоего корабля, то я его поглощаю.

Я отвожу ветви руками, а в ответ они больно хлещут меня по спине и лицу. Ноги, к счастью, совсем онемели. Дыхание причиняет боль: кажется, что я вдыхаю крошечные шестеренки, и они разрывают мягкие ткани легких. Начинает темнеть, контрастный черно-белый мир окрашивается серо-голубыми сумерками.

Следы приводят меня к следующей поляне. В центре стоят грубо высеченные каменные статуи: приземистые фигуры, напоминающие медведя и лисицу. У их ног, где заканчиваются

следы, темнеет лужица, а в ней что-то блестит. Я осторожно подхожу ближе. Кровь и женское украшение: стеклянная заколка для волос в виде бабочки. *«Перхонен».* У меня сводит кишки, рот обжигает едкая желчь, и я вынужден сделать глубокий судорожный вдох.

Шепот. Порыв ветра. Кто-то идет за мной. Прикасается к моей спине, словно пальцем проводит черту. Слышится треск разрываемой ткани. А затем вспышка ослепляющей боли. Меня толкают к подножию статуи медведя, и я неуклюже падаю. На землю капает красная жидкость, и на этот раз это моя кровь. Меч Царства вылетает из рук. Я пытаюсь подняться, но ноги не слушаются, и в конце концов я остаюсь на четвереньках.

И вижу наблюдающего за мной тигра.

Он наполовину скрыт за деревьями, спина круто выгнута. Полосы сливаются с тенями ветвей. Тигр тоже черно-белый, только кровь на морде красная. А глаза у него разные, один золотистый, а другой черный и мертвый.

Хищник поднимает лапу и облизывает ее розовым языком.

— У тебя… другой… вкус, — говорит он.

У него глубокий рокочущий голос, как шум заводимого двигателя. Зверь неслышно выходит на поляну, длинный хвост дергается из стороны в сторону. Я стараюсь незаметно подползти к тому месту, где лежит меч, но рычание тигра пресекает эту попытку.

— Ты моложе. Меньше. Слабее, — мурлычет он. С каждым словом голос становится все более человеческим и знакомым. — И в тебе есть*ее*привкус.

Я моргаю и медленно сажусь, стряхивая шестеренки с лацканов пиджака. Спина горит огнем, из раны струится теплая кровь, но я заставляю себя улыбнуться.

— Если ты говоришь о Жозефине Пеллегрини, — медленно отвечаю я, — то, могу тебя заверить, у нас с ней чисто… деловые отношения.

Тигр нависает надо мной и приближает свою морду к моему лицу. Меня окутывает его горячее дыхание, воняющее гнилью и металлом.

— Такие предатели, как вы, очень подходят друг другу.

— Я не уверен, что понимаю, о чем ты говоришь.

На этот раз я не только слышу его рычание, но и ощущаю, как оно отдается в моей груди.

— Ты нарушил обещание, — произносит тигр. — Ты оставил меня здесь. На тысячу лет.

Я снова проклинаю свою прежнюю сущность за вопиющее равнодушие к собственному будущему.

— Признаю, что местность не самая привлекательная, — соглашаюсь я.

— Пытки, — шипит тигр. — Это самое настоящее место пыток. Одни и те же события происходят снова и снова. Лисы, медведи, обезьяны. Хитрости, козни и глупости. Сказки для детей. Даже когда я убивал их, они возвращались. До тех пор, пока все не начало рушиться. Полагаю, что и за это я должен благодарить тебя, ле Фламбер.

В его живом глазу вспыхивает пламя. Я сглатываю.

— Знаешь, — отзываюсь я, — здесь затронута философская проблема природы личности. Я, к примеру, утратил большую часть воспоминаний того индивида, о котором ты говоришь. Я не помню, что нарушил обещание. И, кстати, я здесь ради того, чтобы тебя освободить.

— Я тоже дал обещание, — отвечает тигр. — После того, как ожидание затянулось.

Я снова невольно сглатываю.

— И что же это за обещание?

Он отходит на несколько шагов, не переставая дергать хвостом.

— Поднимайся, — шипит он.

Несмотря на боль, я встаю и прислоняюсь к каменному медведю.

— Что бы ни говорил тебе прежний ле Фламбер, — произношу я, — нынешний признает, что у вас имеются общие интересы. Особенно в том, что касается причинения неудобств Матчеку Чену. Твое обещание заключается не в этом? Не в намерении отомстить?

— Нет, — отзывается тигр, переходя на рычание. — Я пообещал, что дам тебе фору.

Мне хватает одного взгляда на его сверкающий глаз, а потом я хватаю меч Царства и пускаюсь наутек.

Бегство в этом лесу — сплошной кошмар. Спина кровоточит. Снежинки-шестеренки впиваются в подошвы ног. За мной тянется кровавый след. Дыхание вырывается из груди с натужным хрипом. Тигр превратился в тень и не отстает ни на шаг: если я пытаюсь замедлить ход, мстительный бесшумный зверь приближается, и этого достаточно, чтобы пробудить во мне непреодолимый страх и заставить снова ковылять по лесу, спотыкаясь о корни деревьев.

И я нисколько не удивляюсь, когда падаю на краю той самой поляны, откуда начал свой путь, и вижу между собой и Вратами Царства тигра. Он лежит и отдыхает, держа что-то в передних

лапах.

Озарение приходит медленно и словно неохотно: мягкие лапы на снегу из шестеренок, крошечные блестящие колесики на усах, словно капли дождя. Смерть в черно-белых тонах, как на шахматной доске.

И во второй раз, как и в случае с Охотником, я ощущаю протянувшиеся между нами линии и позволяю им вести меня в правильном направлении.

Я выхожу на поляну.

— Ну, вот мы и на месте, — обращаюсь я к тигру. — Как я и говорил, человечество ждет по ту сторону перехода. Чего же ты медлишь?

Тигр колеблется. Он недоверчиво поглядывает на Врата. Несмотря на боль, мне хочется улыбнуться.

Царства преобразуют. Царства живут по собственным правилам. В старых, сложных Царствах законы и описания становятся слишком запутанными, чтобы их понять, никто не знает, откуда они берут начало. Но то, что заключено в Ларце, всего лишь малое Царство, это хранилище сказок о животных, вероятно, для детей зоку. Я могу поклясться, что тигр пробыл здесь достаточно долго, чтобы понять, как действуют местные законы. Лиса и медведь. Обезьяна и тигр.

— Вряд ли я поверю тебе на этот раз, — говорит тигр. — Может, пойдешь первым?

Мое сердце подпрыгивает от нежданной надежды. Я пячусь и качаю головой. *Не бросай меня в терновый куст.* Но в следующее мгновение я слышу его такой удручающе человеческий смех.

— ле Фламбер! — восклицает он. — Пора прекратить игры. Я просто хотел посмотреть, как ты убегаешь. Я не подпущу тебя к Вратам. И сам тоже не попытаюсь выйти. Я не сомневаюсь, что на той стороне ты приготовил для меня какой-нибудь сюрприз. Но ты прав: на этот раз ты *действительно* обеспечил мне освобождение.

Он отодвигается в сторону, и я вижу, что лежит на земле.

При жизни у нее были голубые дреды и бледная кожа, которая выделяется даже на фоне снега. Она выглядит моложе, чем я ожидал, или, возможно, так кажется из-за ее смеющихся глаз и пирсинга в нижней губе. Но когда я вижу красно-черные останки ее тела от шеи и ниже, тошнота заставляет меня отвернуться.

— Она прошла первой, — говорит тигр. — Все случилось очень быстро. Не слишком значительная добыча. Но внутри у нее оказались средства для ку-связи с твоим кораблем. Кажется, ее зовут Перхонен, вернее, звали.

Я пытаюсь выпрямиться.

— Мерзавец. Надо было оставить тебя гнить здесь.

— Мысли о тебе давали мне силы держаться. О тебе, о Чене и о смерти. — На морде тигра наполовину человеческая, наполовину звериная усмешка. — Но ты первый на очереди. Сейчас мы кое-куда пойдем и немного потолкуем.

Лес вокруг нас тает, как снег. В следующий миг мы стоим на желтовато-белой небесной тверди, уходящей в синтбиотическое сердце «Перхонен». Тигр с рычанием произносит в вир свой Код Основателя — *мертвые дети и ржа, и пламя, и кровь* — и переписывает мир.

Миели не нуждается в боевой сосредоточенности, чтобы заглушить свою ярость. Она использует ее, перемещается в спаймскейп, стреляет из гостгана по стенам корабля, бросает в систему «Перхонен» бомбы Гёделя. *Оружие.* Самовоспроизводящаяся логика ее атакующей программы, словно лесной пожар, выжигает пораженные участки корабля. Но существо из бабочек — Сумангуру — действует быстрее: оно блокирует синтбиотический центр. Однако Миели нацелилась не на него.

Орудийные системы все еще в ее распоряжении. Усилием мысли она объединяет ку-торпеду с единственным оставшимся странглетовым снарядом. Одним движением века она способна сделать выстрел, который повлечет за собой термоядерный хаос.

Миели открывает глаза.

— Плевать, даже если ты сам Человек Тьмы, — бросает она. — Если ты не оставишь «Перхонен», я уничтожу и маршрутизатор, и нас обоих.

Образованное бабочками лицо Сумангуру выглядит теперь более человеческим: Миели различает тяжелую челюсть, лоб и нос и нечто вроде шрамов, обозначенных трепещущими крыльями. Но в его глазах пустота.

— Как тебе будет угодно, девчонка, — отвечает он. — Вперед. У меня не много причин цепляться за жизнь. А у тебя?

Пусковой механизм горит в ее сознании подобно свече.*Это так легко.*Одно движение мысли, и странглет всему положит конец, развеет ее потоками гамма-лучей и дождем барионов.

— Я предлагаю сделку, — говорит Сумангуру. — Ты обезвреживаешь ловушку, установленную ле Фламбером у Врат Царства. Я выхожу. Ты получаешь обратно свой корабль. Все довольны. Что ты на это скажешь?

Что произойдет, если она здесь погибнет? Пеллегрини сотворит другую Миели. *Перебирать варианты все равно что*

драгоценные камни. Все это останется для кого-то другого, не для нее. Спасение Сюдян. Разборки с вором. Другая она сможет это сделать, и никто не заметит разницы.

Кроме «Перхонен».

Миели ощущает боль корабля, присутствие чужих сил в ее системах, фальшивые ноты в ее песне. *Я не могу ее бросить.*

— Ну?

— Ты выиграл, — произносит Миели.

Глава десятая
ТАВАДДУД И АЛАЙЛЬ

Тело Советницы Алайль — это настоящий лабиринт. Таваддуд видит ее движения за пеленой Печатей. И на ум приходит детская песенка, которую частенько напевал ей джинн Херимон:

Он в пище и в воздухе может витать,
Он даже в сердцах, как ни больно признать.
Но чистым свой разум сумей сохранить,
И Тайных Имен пусть протянется нить.
Все сделаешь так, как сказали, — и вот,
Поверь, подчинится тебе дикий код.

Алайль почти целиком заполняет светлый тетраэдр своей рабочей зоны во дворце на Осколке Соареца.

Она представляет собой паутину светящихся сапфировых нитей, толстых прозрачных кабелей и пучков миниатюрных извивающихся щупалец. Словно таинственное морское существо, грациозное в глубинах океана и беспомощное на берегу, она простирается над полом и вдоль стен, вокруг столов и статуй. Часть ее тела проросла сквозь стены, смешалась со светлой ромбовидной черепицей дворца и сучковатыми ветками тянется наружу. В центре паутины лежит бесформенный мешок, напоминающий брюшко москита, наполненное кровью; внутри плавают пульсирующие органы.

Пелена Печатей в холле — серебряные и золотые надписи в воздухе, начертанные мухтасибами вокруг зараженной части дворца Алайль, — частично загораживают это зрелище, но от этого не становится легче. В воздухе стоит резкий запах горелой пыли и металла.

Таваддуд пытается смотреть на все это глазами врача, ведь она повидала немало ужасных травм, нанесенных диким кодом,

но *это*…

Уже через несколько секунд она вынуждена отвернуться и зажать рот рукой.

— Я вас предупреждал, — говорит Кающийся по имени Рамзан.

Как-то раз Алайль приходила с визитом к ее отцу. Таваддуд запомнила ее строгой, скромной худощавой женщиной с обветренным лицом, в простом костюме муталибуна, с атарочками на шее. У нее были длинные черные волосы, но на макушке имелась проплешина в форме континента, где блестел сапфировый череп, что делало ее похожей на куклу Дуни, у которой был вырван клок волос.

В отличие от большинства других мухтасибов, которые носили своих джиннов в кувшинах, карин Алайль обитал в механической птичке с золотыми и алыми перьями и эбеновыми глазами. Птица была сделана из такого тонкого металла, что могла летать. Таваддуд всегда представляла себе, как она летит в стае рухов, уносящих корабль Алайль в пустыню, и служит своей госпоже глазами, замечающими вспышки дикого кода и безумных джиннов. «Ее зовут Арселия. Она моя благоразумная половина», — сказала тогда Алайль.

Больше всего на свете Таваддуд хотела стать такой, как Алайль.

Но именно поэтому тебе нельзя становиться муталибуном.

Таваддуд замечает подошедшего Сумангуру.

— Что вы можете сообщить о том, что здесь произошло? — спрашивает он у Рамзана.

Гогол Соборности хранил молчание на протяжении всего полета на ковре и проявлял полное равнодушие к видам проносящегося внизу города. «Материя, какой бы она ни была, не важна», — ответил он на ее вопрос о том, нравится ли ему Сирр. Но сейчас его глаза ожили, и в них зажглось нечто вроде любопытства.

Рамзан вытягивает свои тонкие пальцы. Это тощее высокое существо, худые ноги которого едва касаются пола. Его тело покрыто соединенными друг с другом белыми, красными и черными пластинами, что придает ему сходство с мозаичной картиной: по законам Сирра мыслеформы джиннов не могут принимать человеческий облик. На лбу у Рамзана блестит золотая эмблема, указывающая на его ранг — третий круг. Джинны-полицейские редко прибегают к визуальным формам: их основная задача — оставаться невидимками, чтобы бороться с преступниками и похитителями тел. От Рамзана слегка пахнет

озоном, время от времени его силуэт становится зернистым и слабо потрескивает. Таваддуд он кажется смутно знакомым: вероятно, они встречались на каком-то из приемов отца.

— Следы в атаре дали нам возможность частично восстановить последние передвижения госпожи, — отвечает Рамзан. — Она вернулась с утреннего заседания Совета около девяти часов. Мы можем предоставить вам полную запись заседания и ее личное расписание, но вам придется направить запрос в Совет. — Рамзан издает пронзительное гудение. — Я понимаю, что дело может оказаться весьма… деликатным. Так или иначе, Советница завтракала в одиночестве в саду на крыше дворца, посетила личную обсерваторию, а затем прошла в свой кабинет. — Рамзан указывает на поглощенное диким кодом помещение. — После чего начала распространяться инфекция. Это оказалось настолько внезапным и интенсивным, что мы вправе предположить, что у госпожи Алайль имелся закрытый Печатью контейнер с пораженным диким кодом объектом, который и был откупорен. Из разговора с джинном-домоправителем я понял, что госпожа была муталибуном и имела обыкновение приносить с собой находки из пустыни. При ее опыте она не могла не знать о последствиях подобного поступка. Инфекция распространилась в считанные секунды. Другими словами, это, по сути, самоубийство.

— Как удалось остановить распространение инфекции? — спрашивает Таваддуд.

Она не забыла, как тренировал ее в детстве Херимон, заставляя заучивать Тайные Имена на случай, если дворец отца подвергнется воздействию дикого кода.

— Домоправитель, джинн Хузайма, — вы можете с ней поговорить — известила нас и мухтасибов, — отвечает Рамзан. — Насколько мы смогли определить, заражение ограничилось небольшой зоной вокруг тела Советницы. Но это и не удивительно: в конце концов, это же резиденция мухтасиба, и повсюду наложены Печати.

— Нельзя ли получить более полную информацию? — спрашивает Сумангуру, хмуро поглядывая на стены. — Не мог ли кто-то принести дикий код снаружи?

Рамзан разводит руками, и его пальцы трепещут, словно пламя свечей.

— Мои коллеги отлично знают свою работу, но в отношении атара действуют некоторые ограничения. Особенно здесь, где уровень дикого кода намного превышает нормальный. Следы в атаре быстро исчезают. Но что касается доступа снаружи, дворец, как и все резиденции членов Совета, находится под постоянной

охраной Кающихся. Ни люди, ни джинны не могут войти или выйти, оставшись незамеченными. Но что происходит внутри, нам неизвестно.

Сумангуру прищуривается.

— В моей ветви это назвали бы тайной запертой комнаты, — замечает он.

В его голосе слышатся странные нотки веселья.

— Моя сестра сказала, что это случай одержимости, — говорит Таваддуд. — Откуда возникла такая уверенность? Вы обнаружили переносчик инфекции?

— Нет, — отвечает Рамзан. Джинн поворачивается к ней светящейся эмблемой, словно смотрит третьим глазом. — Ничего запрещенного. Ни книг, ни записей атара. Но атар здесь чрезвычайно сложен, и мы могли что-то пропустить. Учитывая все обстоятельства, версия самоубийства представляется наиболее вероятной, хотя прощальной записки не обнаружено. Против этого предположения свидетельствует еще и тот факт, что, по словам помощников, Советница с большим энтузиазмом готовилась к предстоящему голосованию. Но это говорит лишь о том, что в момент самоубийства она была… буквально не в себе.

— Выходит, что все это только рассуждения?

— Да. Тем не менее это единственная версия, которая согласуется с имеющимися фактами. Еще одно затруднение состоит в том, что мы до сих пор не обнаружили ее карина.

Пластинки на лице Рамзана перемещаются, и он становится похожим на грустного клоуна.

Сумангуру прикасается пальцами к пелене Печатей на двери.

— Сколько они выдержат? — спрашивает он.

— Что?

— Как долго продержится моя защита внутри?

— Но это несерьезно!

— Отвечайте, — настаивает Сумангуру.

— Я не знаю. Две минуты, может быть, три. Говорят, что творения Соборности более уязвимы перед диким кодом, чем мы, так что, вероятно, и того меньше. Вам надо подождать мухтасибов, и они…

Сумангуру шагает вперед и проходит сквозь пелену Печатей.

В атаре его окружает неяркое сияние. Он проходит мимо тела Алайль, вертит головой и все осматривает. Таваддуд гадает, какие органы чувств имеются у него в дополнение к человеческим. Сумангуру трогает пустые кувшины на высоких столах, проводит пальцами по арабескам на стене. Его движения заметно изменились: теперь это не массивная грозная машина, а

хищный кот, который что-то ищет.

Наконец он останавливается перед стеной, на которой представлены графические обозначения Тайных Имен, нанесенные золотом на разноцветные плитки размером с ладонь. Сумангуру трогает одну из плиток.

Таваддуд видит в атаре, как на его защите появляется и растет черное пятно. *Дикий код.*

— Его Печать не выдержит! — восклицает она. — Господин Сумангуру, выходите! Рамзан, помоги!

Гогол Соборности начинает нажимать на плитки. Одна из них поддается под его пальцами. Сапфировые щупальца Алайль обвиваются вокруг его рук, но он полностью погружен в расследование. Вскоре раздается щелчок, и часть стены сдвигается в сторону, открывая темную нишу. Сумангуру протягивает к ней руку, другой рукой стряхивая с себя сапфировые завитки. Через мгновение он уже проходит сквозь пелену Печатей, держа в руке металлическую птицу.

Таваддуд она кажется меньше, чем в ее воспоминаниях, но для птицы она достаточно велика — длиной с предплечье, с загнутым клювом и раздвоенным хвостом. Глаза закрыты тонкими золотыми веками.

— Арселия?

Таваддуд берет птицу в руки. Она ожидала ощутить холодный металл, однако перья на спинке кажутся живыми, острыми, но теплыми, а маховик в груди гудит ровно, словно быстро бьющееся сердце. Таваддуд гладит птицу, пытаясь успокоить, но безуспешно. *Что бы ни произошло с Алайль, у нее было время все скрыть. Ее благоразумная половина.*

— Объясните мне, что такое «карин», — требует Сумангуру, указывая на птицу. — Простыми словами.

— Карин — это… джинн-компаньон, сплетенный с мухтасибом, — произносит Таваддуд слегка дрожащим голосом. — Карин и мухтасиб — одно существо, образованное еще в детстве при помощи сплетателя.

— То, о чем вы говорите, запрещено для нас и допустимо только для Праймов, — говорит гогол Соборности. — Возможно, для зачистки города имеется больше оснований, чем я полагал. Для чего это делается?

— Таков обычай, — отвечает Таваддуд. — Он символизирует союз между двумя народами. Кроме того, это позволяет мухтасибам регулировать экономику города. Видеть атар так, как его видят джинны, наблюдать поток информации, тени любых предметов в атаре, деньги, продукты, труд, людей. — Она

оглядывается на Рамзана. — Все это можно видеть непосредственно, а не через примитивные инструменты вроде атар-очков.

Сумангуру раскатисто смеется, его гулкий голос разносится по дворцу.

— Материя и разум. Дуализм. Примитивное разграничение. И то и другое определяется просто информацией. Вы хотите сказать, что в этом существе, в этом карине содержатся остатки разума Советницы?

— Нет, — возражает Таваддуд. — Я хочу сказать, что карин является частью разума Советницы.

Здесь что-то не так. Почему он не знает столь простых вещей?

— Превосходно, — говорит Сумангуру. — Кающийся Рамзан, в этом дворце найдется спокойное место, где нас никто не потревожит?

— Господин Сумангуру, прошу прощения, — отвечает Рамзан, — я как официальный следователь вынужден спросить, что вы намерены сделать. Я не могу позволить вам…

Сумангуру выпрямляется во весь рост.

— Вероятно, члены Совета не объяснили вам ситуацию, — грохочет он. — Мы не такие, как наши сестры сянь-ку, мы намного жестче. Кое-кто считает, что Великая Всеобщая Цель требует зачистки этого города. Если я не сумею обнаружить врагов Цели, к этому мнению могут прислушаться. Я достаточно ясно выражаюсь?

По мыслеформе Рамзана пробегает рябь.

— Госпожа Таваддуд…

Она внезапно вспоминает, откуда знает этого джинна. Когда он начинал адаптироваться к своей мыслеформе, ей, чтобы соответствовать его образу, приходилось надевать маску и разрисовывать тело. Она принимала его на балконе, поскольку джинну нравилось ощущение солнечных лучей на коже.

— Если вы откажетесь помочь, — медленно произносит она, — то у вас будут проблемы со мной и моим отцом. Я, безусловно, не занимаю официальной должности в Совете, но, могу вас заверить, пользуюсь доверием отца, — она поднимает кольцо джинна, — так же, как и доверием Совета. Не говоря уже о том, что господин Сен мой *близкий* друг. — Она сладко улыбается джинну, как это делает ее сестра, когда прибегает к угрозам. — Я достаточно ясно выражаюсь?

Рамзан издает негромкий хриплый треск.

— Конечно, — отвечает он. — Прошу меня простить. Просто меня не достаточно полно проинформировали, вот и все.

— Господин Сумангуру, — шепчет Таваддуд, — было бы неплохо, если бы вы поделились со мной своими намерениями.

— Но это же очевидно, — говорит Сумангуру. — Я собираюсь допросить свидетеля.

Дворец Алайль оказывается даже больше, чем резиденция отца Таваддуд, — настоящий лабиринт прозрачных цилиндров, сфер и возвышающихся пирамид.

Кающийся ведет их по просторной, залитой солнцем галерее со скульптурами, где они встречают еще одну мыслеформу джинна — облако, состоящее из пурпурных и белых цветков. Фигура Рамзана расплывается, смешиваясь с проходящим силуэтом, а когда он возвращается к своему мозаичному облику, его движения становятся лихорадочно-торопливыми.

— Совет запрашивает рапорт о продвижении расследования, — сообщает он. — Я должен вас оставить на некоторое время. По правде говоря, это к лучшему, если господин Сумангуру намерен сделать нечто… необычное. Таким образом, я не буду знать о том, что происходит, если меня об этом спросят. Я позабочусь, чтобы мои подчиненные обеспечили вам уединение. Вольер для птиц вы найдете за дверью в конце галереи.

— Спасибо, Рамзан, — благодарит Таваддуд. — Ваша преданность интересам Сирра не будет забыта.

— К вашим услугам, — отвечает джинн. — А про себя могу сказать, что один приятный день тоже не забыт. Тогда вы любезно показали, какие новые перспективы открываются для меня.

— Это останется нашей тайной, — говорит Таваддуд, заставляя себя улыбнуться.

В вольере их встречает оглушительный шум: какофония пронзительных птичьих криков и хлопанье крыльев. Это сводчатое помещение с высоким стеклянным куполом около сотни метров в диаметре. Большую часть нижнего уровня занимают фантастические растения из пораженной диким кодом пустыни и толстые сходящиеся и расходящиеся пурпурные трубы, генерирующие синтбиотическую жизнь старой Земли, одичавшей в отсутствие хозяев. Несколько деревьев-мельниц медленно вращаются, и ветвистые кроны окрашиваются то в янтарно-желтый, то в темно-красный.

Стая рухов мгновенно замечает вошедших Таваддуд и Сумангуру. Эти существа здесь повсюду, и они совершенно разные: от крошечных сапфировых насекомых до похожих на скатов гигантов, парящих под самым потолком. В первый момент Таваддуд приходится прикрывать лицо рукой, чтобы защититься от шквала крыльев, но затем она выкрикивает Тайное Имя, и стая

рассеивается и умолкает, превратившись в клубящееся среди деревьев облако.

В центре вольера имеется небольшая площадка, где стоит изящный белый столик, несколько стульев и жердочка. На нее Таваддуд и усаживает Арселию. Птица все еще не открывает глаза, только цепляется лапами за перекладину и бьет крыльями, чтобы сохранить равновесие.

Сумангуру, заложив руки за спину и наклонившись вперед, пристально осматривает птицу. Затем вытягивает вперед руку с растопыренными пальцами, словно заклинатель. Между кончиками пальцев и птицей возникает пять светящихся линий. Арселия испускает пронзительный крик и начинает отчаянно хлопать крыльями. Вокруг нее появляется прозрачный пузырь, который удерживает птицу на месте и гасит звуки, оставляя пойманное существо в невидимой тюрьме.

Таваддуд сжимает и разжимает кулаки в такт мучительным конвульсиям птицы, но долго выносить этого не может.

— Что вы делаете? — шипит она на Сумангуру.

— Допрашиваю, как я и говорил.

— Каким образом?

— Копирую ее разум в вир. В ограниченную реальность, если вам угодно. А потом использую генетический алгоритм: задаю вопросы птичьему мозгу и меняю его структуру до тех пор, пока не получаю сознательную реакцию. — Сумангуру сжимает растопыренные пальцы. — Потребуется всего несколько тысяч циклов. Приблизительно полминуты.

— Прекратите. Немедленно, — требует Таваддуд. — Вы имеете дело с гражданином Сирра. Я не позволю ее пытать. Я поставлю в известность Совет.

Она сжимает кулак и поднимает кольцо, готовая вызвать Кающегося.

Сумангуру оборачивается к ней. Усмешка в сочетании с его шрамами превращается в пугающую гримасу.

— Речь идет о будущем вашего города. Я могу заставить ее говорить. Надо только не бояться испачкать руки.

Таваддуд с трудом сглатывает. Не об этом ли предупреждала Дуньязада? Что это не игра. Что есть вещи, которые ей придется сделать. Таваддуд переводит взгляд на отчаянно бьющегося карина. В висках стучит. *Нет, так нельзя.*

— Может быть… стоит применить другой способ. Более мягкий.

Он должен быть.

Она снимает с плеча свою медицинскую сумку, ставит ее на стол и открывает. Вытащив бими, она надевает сеть на голову.

— Прошу вас, отпустите ее. Я смогу узнать все, что нам требуется.

— Как?

— Я способна сплетаться с джиннами. Она захочет закрепиться в моем теле, как до этого держалась за тело Алайль.

Сумангуру хмурится.

— Объясните.

— Взаимосвязанные контуры. Истории в наших головах. Когда кого-нибудь любишь, происходит сплетение. Два существа проникают друг в друга, как два роя светлячков. Всегда найдется способ… пригласить кого-то. Похитители тел делают это при помощи историй. Но можно действовать более открыто. Атар реагирует на команды, которые мы называем Тайными Именами. Многие из них были утрачены, но, если знать правила, можно использовать их в разных целях.

Гогол Соборности настороженно прищуривается.

— И вы знаете эти правила.

— Меня этому учили.

— В*губерниях*это запрещено Основателями. Нам известно, что так можно дойти до кошмаров и чудовищ. Разумы гуманоидов созданы для раздельного существования.

— Похоже, что это вы боитесь испачкать руки, — говорит Таваддуд.

Сумангуру смотрит сначала на нее, потом на Арселию. Его лицо выражает почти детское любопытство.

— Ну хорошо, — отвечает он наконец. — Мы попусту тратим время. Только позаботьтесь, чтобы она не улетела.

Птичий вольер не обеспечивает такой гармонии, как приемные покои Таваддуд. Она посвящает несколько минут тому, чтобы погрузиться в медитацию, выровнять дыхание и избавиться от своих тревог, растворив их в шуме птичьей стаи, шелесте растений и влажном горячем воздухе. Затем она шепотом обращается к металлической птице, сидящей в ее руках.

Скажи мне свое имя. Я Таваддуд. Скажи свое имя.

Сначала ничего не происходит, только по спине пробегает холодок. Таваддуд осознает, насколько опасна ее попытка в зараженном диким кодом дворце, даже под защитой Печатей. Но это лучше, чем смотреть, как мучается невинное создание.

Как тебя зовут?

Внутри птицы, в ее голове, что-то шевелится, словно испуганная змея. В атаре в птичьем сердце, будто дым, колышется смутный образ. Она ощущает себя уроборосом в замкнутом пространстве металлической оболочки, в маленьком мирке,

который кажется сном, но вот возникает залитый светом коридор, и ее окликает голос.

«Я Арселия».

Арселия, повторяет Таваддуд. *Арселия, послушай, я собираюсь рассказать тебе историю.*

«Я не люблю истории. Они всегда лгут».

Это правдивая история, я тебе обещаю.

«О чем она?»

О *любви.*

«Мне нравятся любовные истории».

Хорошо, говорит Таваддуд и начинает рассказывать.

Давным-давно жила на свете девушка, которая любила только монстров.

Глава одиннадцатая
ВОР И ШРАМЫ

Этот вир пахнет порохом и машинным маслом. Вдали слышатся выстрелы. Я обнажен и привязан к металлическому стулу в ярко освещенном помещении. Пластиковые ремни больно врезаются в запястья и лодыжки, а в спину давят тонкие перекладины спинки.

Тигр уже не тигр, а человек, он стоит в тени, скрестив руки на груди, на обезображенном шрамами лице отстраненное выражение. Затем он выходит на свет, и в его движениях все еще угадывается хищная грациозность тигра.

— Хороший корабль, — произносит он. — Плотского, безусловно, многовато, но это мы сможем исправить. И начнем с твоей подружки.

— Что ты сделал с Миели?

— С оортианкой? Ничего. Это она оказала мне услугу, помогла выбраться. — Он придвигает себе стул, разворачивает его, садится и опирается на спинку, так что его лицо оказывается вплотную к моему, как прежде морда тигра. — Итак, нам пора поговорить.

Я вздрагиваю. Наши разумы все еще заключены в Ларце. А вир находится внутри «Перхонен». В Соборности принято разделять миры и разумы. Но от этого не становится лучше.

Человек-тигр медленно открывает складной нож.

— Этот вир создан из моих воспоминаний, — говорит он. — Я воспроизвел множество деталей. Хорошие аватары. Нервы, мускулы, вены. — Он пробует остроту лезвия на кончике большого пальца, и на коже, словно улыбка, проявляется алая полоска. — Другие часто забывают о плоти. Но о своем

противнике никогда не стоит забывать. Он всегда здесь, даже когда ты его не видишь. Квантовому подонку это хорошо известно.

Я не успеваю сдержать смех, и он вырывается изо рта вместе с капельками слюны и крови.

— У тебя всегда было отличное чувство юмора, ле Фламбер, — признает он. — Думаю, мы не будем затягивать эту процедуру, если ты скажешь, что понадобилось от меня этой суке Пеллегрини на этот раз.

— Я смеюсь не из-за этого, — отзываюсь я.

— Что ж, если смех тебе помогает…

Он поднимает нож, приставляет его к уголку моего глаза и начинает надавливать…

— Знаешь, я ведь хотел дать тебе шанс, — говорю я, несмотря на текущую по лицу кровь. — Поэтому и оставил Врата Царства открытыми. Я верил, что у тебя были веские причины, чтобы сделать то, что ты сделал. Но теперь я думаю, что тебе просто нравится калечить людей.

Он широко раскрывает глаза и делает шаг назад. Черты моего лица начинают расплываться. Тело меняется. Его Код эхом раздается в моей голове — *мягкая холодная мертвая кожа под моими пальцами.*Моя усмешка напоминает тигриный оскал. Усилием мысли я растворяю стул и поднимаюсь на ноги.

— Что ты сделал? — рычит он.

— Возможно, я меньше, слабее и младше, но это не значит, что я не могу быть умнее. Ты правильно заметил: не стоит забывать о своем противнике. Я создал вир небесной тверди. Да, знаю, что это считается невозможным. Только если у тебя нет оортианской техники, управляемой программами Соборности. «Перхонен» — отличный корабль.

Он замахивается ножом, но я уже призрак, не подчиняющийся законам вира.

— Тебе надо было пройти сквозь Врата, — заявляю я. — Обезьяны не всегда лгут.

Я замораживаю вир и блокирую свою связь с ним. Разрыв реальности возвращает меня в темный лес. Тигр замер на середине прыжка. Я подбираю свой меч, минуя тигра и направляюсь к выходу.

Врата возвращают меня обратно в физическое тело, оставленное посреди безумного водоворота маршрутизатора. Я подхватываю Ларец, вырываю его из хрупких объятий устройства, и в этот момент налетает стая Охотников.

Рой бабочек на глазах у Миели замирает и осыпается,

ухмыляющееся лицо бога из Ларца растворяется в воздухе.

— «Перхонен»? — шепотом окликает она.

Я здесь, отвечает корабль.

— Ты в порядке?

Кажется, да. Только как-то странно себя чувствую. Как будто я заснула.

— Если этот ублюдок повредил тебя, я…

Миели. Охотники. Они близко.

В спаймскейпе начинается настоящее безумие. «Перхонен» покрывается каракулями, словно нарисованными разозленным ребенком. Миели пытается погрузиться в боевую сосредоточенность, но системы корабля еще не оправились после заражения и действуют очень медленно. Поздно что-либо предпринимать.

Охотники стаей хищных рыб окружают судно, тысячи и тысячи крохотных звездочек облепляют корабль и проходят сквозь него. Загрузочные лучи опутывают центральную каюту смертоносной паутиной, но на этот раз действуют намного деликатнее — ничего не прожигают. Они оставляют «Перхонен» и гигантской стрелой направляются к маршрутизатору.

Он исчезает в ослепительной вспышке антиматерии, хищные существа рвут в клочья свадебный букет. В космосе бушуют вихри пи-мезонов и гамма-лучей. В мгновение ока конструкция зоку прекращает свое существование, и на ее месте медленно расплывается облако осколков и обломков. Рой охотников проходит сквозь него и исчезает, направляясь к главной артерии Магистрали на скорости, близкой к скорости света.

Вскоре вокруг «Перхонен» снова воцаряется темнота и безмолвие. Пробудившиеся*вяки*в ее стенах снова начинают испускать голубовато-зеленое сияние.

Миели, говорит корабль. *Я по-прежнему принимаю сигнал Жана. Он где-то здесь.*

Все еще чувствуя оцепенение во всем теле, Миели сворачивает крылья и модули «Перхонен» в более компактную фигуру и посылает корабль в облако обломков, прожигая себе путь антиметеоритным и лазерами. Вскоре они поднимают на борт ку-сферу, в которой заключен вор, в скафандре и шлеме и все еще прижимающий к груди небольшую черную шкатулку. Он не двигается.

Миели отдает мысленный приказ снять шлем. Пузырь из метаматерии исчезает, а под ним оказывается лицо, чуть раньше воспроизводимое роем бабочек.

Ублюдок.

Миели извлекает из своей руки кинжал из ку-частиц и приставляет его к горлу захватчика…

— Постой!

Голос принадлежит вору. Но это ничего не значит.

— Миели, остановись, это же я!

Он говорит точно как вор. Миели замирает, но не убирает кинжал.

— Что произошло?

Покрытое шрамами лицо трансформируется в блестящее от пота лицо вора с угольно-черными бровями и впалыми висками.

— Я заполучил Коды Основателя Сумангуру. А песнь, внедренная в камень зоку, была тем же трюком, что и в случае с Ченом, с той лишь разницей, что на этот раз он сработал. Вир, изображавший небесную твердь, служил ловушкой. И охотники, как мне кажется, тоже принадлежали ему. Я велел им оставить меня, и все получилось.

Вор говорит торопливо, едва переводя дыхание.

— Ты ничего не добился, негодяй, — отзывается Миели.

— Неважно, — отвечает вор. — Мы победили. И у меня есть план.

Несколько мгновений Миели молча смотрит на него. Затем берет из его рук Ларец. Вор не сопротивляется. Она медленно разламывает шкатулку. Черные обломки разлетаются во все стороны, как на негативном снимке крошечной медленной новой звезды.

— Ты использовал в качестве приманки «Перхонен», — бросает она.

— Да.

— Ты едва не убил нас всех. Или еще хуже.

— Да.

Она отталкивает его. Вор уплывает на противоположный конец каюты, на его лице выражение вины.

— Убирайся от меня к черту! — восклицает она.

Измученная Миели скрывается в рубке. Она упивается своим гневом и проверяет все системы «Перхонен», желая убедиться, что не осталось никаких следов бога из Ларца.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает она у корабля.

Странно. Отдельные мои фрагменты взбунтовались. Я их больше не ощущала. Все гоголы выполняли распоряжения Сумангуру. И еще какая-то часть меня попала в Ларец и не вернулась.

— Мне очень жаль, — говорит Миели.

Но это еще не самое худшее. Куда страшнее было видеть, как

ты чуть не отказалась от борьбы. Дважды. Ты едва удержалась, чтобы не выпустить странглетовый снаряд, Миели. И это не было блефом.

Миели молчит.

Ты слишком себя извела. Ты переусердствовала, стараясь сдержать свои обещания, защищая меня и позволяя Пеллегрини изменять тебя. На этот раз ты чуть не сорвалась. А меня не было рядом, чтобы тебя поддержать.

Какое-то время Миели не в силах вымолвить ни слова. Она привыкла постоянно ощущать присутствие «Перхонен» и ее поддержку с первого же дня, как только создала ее. Но сейчас в голосе корабля звучат суровые нотки.

— Вор виноват в том, что с тобой случилось, — заявляет Миели. — Он зашел слишком далеко. Я собираюсь…

С вором я сама разберусь, говорит «Перхонен». *Тебе незачем делать это вместо меня. То, что ты меня сотворила, еще не означает, что я не существовала раньше. Ты вернула меня из небытия, и за это я никогда не перестану тебя любить. Ты подарила мне новую жизнь и тем завоевала мою вечную преданность. Но я не только твоя песня. Не все можно выразить словами или песней, как делал Карху, когда лечил тебе зуб, пока ты была маленькой. И не всю вину можно свалить на вора.*

Голос корабля эхом отзывается в сапфировых стенах.

А что, если Пеллегрини захочет сделать из тебя гоголов? Ничего не изменится. Они будут такими же сильными, как ты. А ты останешься той же Миели.

— Ты никогда не говорила со мной подобным образом, — замечает Миели.

В этом не было необходимости. Но я не желаю смотреть, как ты себя уничтожаешь. Этим тебе придется заняться без меня.

«Перхонен» расправляет крылья, простирающиеся на несколько миль, — магнитные поля и ку-точки, блестящие, словно роса в паутине. Гигантские паруса подхватывают солнечный ветер и возвращают корабль на прежний курс — к Магистрали, к Земле.

Вот что мы должны сделать. Мы поговорим с вором, отправимся на Землю и осуществим его план, хоть вор и чуть не скормил меня тигру. Мы вернем Сюдян и наконец все обретем свободу. Дай слово, что ты не сдашься.

Миели охватывает стыд. *Куутар и Ильматар*[69]*,простите меня.*

— Я обещаю, — шепчет она.

Вот и хорошо. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Мне надо залечить раны.

На этом общение с кораблем заканчивается.

У Миели кружится голова. Некоторое время она сидит без движения. Затем переходит в центральную каюту. Там голо и пусто, совсем как в ее голове. При слабом ускорении корабля пепел и мелкие обломки неторопливо перекатываются по помещению.

Медленно и нерешительно Миели начинает напевать песни — простые песни о кого, о еде и питье, об уюте и сауне. Так же медленно в каюте начинают появляться каркасы мебели, словно нарисованные невидимым пером.

Пришло время заняться уборкой, думает Миели.

Я рассматриваю свое новое лицо в зеркальной стене корабля и ощупываю голову, стараясь определить размеры. Шрамы и линия подбородка кажутся не совсем правильными. Но еще больше меня беспокоит Код. Он надежно заперт в ячейке мозга, однако мне придется снова им воспользоваться.*Сожженные тела и грязь, и электричество.*Меня пробирает дрожь. Вот, значит, что определяет Сумангуру? Немудрено, что он был так расстроен после нескольких веков, проведенных в Ларце.

Я закрываю глаза и пытаюсь отвлечься от боли при помощи виски из крошечного фабрикатора в своей каюте. Я, конечно, мог бы просто заглушить боль. Но, как давным-давно на Марсе учил меня мой приятель Исаак, алкоголь — это не просто химия, это традиция, это чувство, это Бахус, разговаривающий в твоей голове и делающий все вокруг лучше. По крайней мере, такова его теория. На этот раз вкус, солодового виски вызывает ощущение вины.

Тем не менее я делаю большой глоток. Пока я пью, в каюте появляется бабочка — аватар корабля. Я слежу за ней. Но она молчит.

— Послушай, это был единственный способ, — говорю я. — Он должен был ухватиться за шанс выбраться наружу. Я не в состоянии изменять небесную твердь на территории Сборности, для этого требовалась оортианская техника. Мне пришлось дать ему доступ к тебе, чтобы поймать его. Мне жаль, что так вышло.

Бабочка все так же молчит. Ее крылышки вызывают у меня воспоминание о камне, увиденном в воспоминаниях Сумангуру. Пламя богов. Гнев Основателя примешивается к моим чувствам. Я приказываю себе успокоиться.

— В каждой ловушке обязательно должна быть приманка, — продолжаю я. — И мне жаль, что этой приманкой оказалась ты.

— Ты ни о чем не жалеешь, — отзывается корабль. — Ты Жан ле Фламбер. О чем ты можешь жалеть?

Бабочка опускается на край моего стакана. Тонкий слой псевдоматерии и золотистая жидкость на дне искажают ее белое отражение.

— На Марсе я считала, что ты можешь помочь Миели. Я верила в это. Я думала, ты сумеешь доказать ей, что она не обязана подчиняться Пеллегрини. Я надеялась, что ты увидел другую сторону ее личности. Ты даже заставил ее петь. Но в конце концов ты оказался таким же, как она. Ты готов стать кем угодно, лишь бы получить то, что тебе хочется.

— Тебе легко говорить, — отвечаю я. — Ты ведь просто…

Я умолкаю в нерешительности. *Слуга? Рабыня? Любовница? Кем же на самом деле является для Миели «Перхонен»?* Но я так и не могу это определить.

— Мне жаль, — бормочу я.

— Похоже, тебе сегодня нравится это слово.

— Мне нравится моя шкура, — возражаю я. — Я ею дорожу и не отрицаю этого. И я не намерен возвращаться в Тюрьму или в какой-либо другой ад, уготованный мне копами. Прежде я справлялся с Пеллегрини. Я способен ей противостоять.

Я прикусываю язык. Богиня наверняка все время нас слушает. Но корабль это, похоже, ничуть не беспокоит.

— Вот как? — иронизирует бабочка. — И поэтому ты позволяешь ей манипулировать собой и заставлять совершить невозможное?

— Тебе не понять, что стоит на кону. Если Чен владеет артефактом Вспышки, который обладает теми свойствами, о которых я думаю, я…

— Я понимаю, что стоит на кону для меня, — перебивает «Перхонен». — А ты?

Трудно заставить отвести взгляд бабочку, даже если у тебя лицо величайшего полководца Солнечной Системы. Поэтому я сам отвожу взгляд.

— Я хочу стать свободным, — говорю я. — И могу сделать еще одну попытку. На Марсе у меня было кое-что, но я от всего отказался. Я даже думаю, что намеренно позволил себя поймать, можешь в это поверить? В прошлый раз Пеллегрини показала мне, чем я занимался. Ко мне вернулось множество воспоминаний, которые я считал безвозвратно утраченными, — о ней, о том, кем она была, о Земле. — Я тру переносицу и ощущаю грубый, чужой шрам. — Понимаешь, у меня был план, великолепный план, но я им *не воспользовался.* Вместо этого я напрямую схватился с Ченом. Решил выяснить, смогу ли его одолеть. — Я трясу стакан, сгоняя бабочку, и наливаю себе еще виски. — Так что дело не в том, чтобы стать Жаном ле

Фламбером. Дело в том, чтобы избавиться от него.

— А как насчет твоего очередного плана? — интересуется корабль. — Он сработает?

— Сработает. Это самый лучший из всех моих замыслов. Вот только после того, что произошло, я не уверен, что Миели на него согласится.

— Расскажи-ка, в чем он заключается.

И я рассказываю «Перхонен» историю о воинствующем разуме и камне Каминари. Я рассказываю о контроле над небесами и городе Сирре, об Ауне и похитителях тел. Не все, конечно, но достаточно, чтобы убедить «Перхонен» в том, что план сработает. И в том, что на этот раз вся тяжелая работа выпадет на мою долю. Бабочка слушает. А я гадаю, смеется ли сейчас где-нибудь Пеллегрини — в моей голове или где-то далеко отсюда.

— Ты прав, — произносит «Перхонен», когда я заканчиваю. — Миели никогда на это не согласится. Она скорее умрет.

Усилием воли я возвращаю себе свое лицо.

— И что же нам делать?

Я осторожно передвигаю парящий в воздухе стакан, словно шахматную фигуру. *Теперь твой ход.*

— То, что получается у тебя лучше всего, — отвечает корабль. — Мы ее обманем.

Глава двенадцатая
ТАВАДДУД И КАРИН

ИСТОРИЯ ТАВАДДУД И АКСОЛОТЛЯ

Девушка, которая любила только монстров, в одиночестве шла по узким улочкам Города Мертвых. Гули, привлеченные теплом недавно вырытых могил, бродили вокруг, глядя на нее пустыми глазами. Она явилась сюда в поисках места, где ее не сумели бы найти ни Кающиеся, ни Вейрац. Если кто-то придет, она сможет притвориться гулем. Здесь, среди мертвецов, она будет в безопасности.

Она продолжала шагать вперед. Гули последовали за ней.

Дуни вернулась от сплетателя совсем другой — на ее шее появился кувшин джинна, и теперь это были два существа, слившиеся в единое целое. К ней девушка пойти не могла. Сестра стала чужой.

А отец…

Гуль дернул ее за руку. Он был высоким, изможденным, со спутанной грязной бородой, но его хватка оказалась удивительно

сильной.

— Я на рассвете застрелил ангела-изгоя! — вопил он. — «Проклинаю тебя, Марион», — сказал он, сгорая…

Гуль бесцветным голосом кричал ей прямо в лицо, и к словам примешивалась ужасная вонь гниющих зубов. Девушка вырвалась от него и пустилась бежать.

Но далеко ей не удалось уйти. Из могил вышли другие гули и, щурясь на дневной свет, глухим шепотом рассказывали свои истории. Они окружили ее грязной, вонючей толпой, хватали за руки, толкали. Девушка зажала уши ладонями, чтобы не слышать их жалоб, но они оттаскивали ее руки от головы…

Вдруг налетел холодный ветер, колючий, словно песок. И послышался голос:

— Эта… принадлежит… мне.

Толпа гулей, словно по команде, подхватила ее и куда-то понесла. По пути девушка ударилась головой о горячую стену надгробия. Но прежде чем погрузиться в темноту, она ощутила поднявшие ее песчаные руки.

— Кто ты и что здесь делаешь? — услышала она голос, как только очнулась.

В полной темноте светилась только мыслеформа джинна — лицо, состоящее из крохотных тусклых огоньков.

Что она могла ответить? Что выросла в отцовском дворце на Осколке Гомелеца. Что едва ей исполнилось восемь, как Крик Ярости унес ее мать.

Что она нередко убегала от своих наставников-джиннов: имея склонность к древним языкам, она выучила много тайных слов, которые сбивали их с толку.

Что после того, как ее сестра отправилась к сплетателю, чтобы стать мухтасибом, она почувствовала себя совсем одинокой. Она страстно хотела слушать запретные истории, хотела встречать возвращающихся из пустыни охотников за сокровищами, разговаривать с гулями и старыми джиннами из Города Мертвых. А вместо этого отец отдал ее Вейрацу.

— Меня зовут Таваддуд, — произнесла она. — Спасибо, что спас меня.

Склеп был очень маленьким, всего лишь крохотный закуток между гудящими машинами, которые вмещали разум джинна, в грубой бетонной постройке, возведенной гулями. Пол усыпан песком. Единственный источник света — лицо джинна.

— А, так ты та, кого ищут Кающиеся? — спросил джинн. Голос у него был мягким и робким, но вполне человеческим. — Ты должна уйти.

— Я уйду, — пообещала Таваддуд, потирая виски. — Мне только надо немного отдохнуть. Обещаю, утром я уйду.

— Ты не понимаешь, — сказал джинн. — Я не тот, с кем ты могла бы провести ночь. И это неподходящее место для таких, как ты.

— Я не боюсь, — отозвалась она. — Ты не можешь быть хуже Кающихся. Или моего мужа.

Джинн рассмеялся, как будто пламя, разгораясь, зашипело и стало потрескивать.

— Ах, дитя, ты ничего не понимаешь.

— У тебя есть имя? — спросила Таваддуд.

Огоньки в его лице затрепетали.

— Когда-то меня звали Зайбак, — ответил джинн. — Ты рассмешила меня. За это можешь остаться здесь и отдохнуть, ничего не опасаясь.

Вот так девушка, которая любила монстров, стала жить в склепе джинна Зайбака в Городе Мертвых. Она довольствовалась скудной пищей и проводила долгие дни, восстанавливая надгробия вместе с гулями и другими слугами джинна. Она сделала более уютным склеп Зайбака, украсив его ковриками и подушками, свечами и глиняными кувшинами.

На ее вопросы о Зайбаке другие джинны отвечали только шепотом.

— Он мечтает умереть, — сказал один гуль. — Он устал. Но в Городе Мертвых нет смерти.

Но когда они были вместе, Зайбак не говорил о смерти. Вместо этого он отвечал на все ее вопросы, даже на те, которых не хотели слышать ее наставники-джинны.

— Как выглядит пустыня? — спросила Таваддуд однажды вечером. — Я всегда хотела пойти и посмотреть, так, как поступают муталибуны.

— Наша пустыня совсем не такая, какой видят ее муталибуны. Пустыня полна жизни, в ней текут реки мыслей и растут леса памяти, стоят замки историй и снов. Ее даже нельзя назвать пустыней.

— А почему же ты пришел сюда? Почему джинны приходят в Сирр?

— Ты не представляешь себе, что значит быть джинном. Нам всегда холодно. Нет виров, нет плоти. Но мы помним свои тела: они чешутся, болят и страдают. Конечно, есть еще атар, но это совсем не то. Здесь, по крайней мере, теплее. А мы тоскуем по теплу.

— Если все так ужасно, почему ты не возьмешь к себе кого-то

из гулей, как делают другие? Почему ты живешь один?

На это джинн ничего не ответил. Он покинул склеп, направил куда-то свой разум, и той ночью Таваддуд заснула в одиночестве и в холоде.

Через несколько ночей Зайбак вернулся. Таваддуд зажгла свечи и украсила склеп. Она помылась в баке с прохладной водой и пальцами расчесала спутанные волосы.

— Расскажи мне историю, — попросила она.

— Не расскажу, — ответил Зайбак. — Ты сошла с ума, раз просишь меня об этом. Тебе пора вернуться к своей семье.

— Я не понимаю, за что ты себя наказываешь. Расскажи мне историю. Я хочу этого. Я хочу тебя. Я видела, как изменилась моя сестра. Она никогда не остается в одиночестве. Ты мог бы жить во мне. И тогда тебе больше не пришлось бы мерзнуть.

— Все совсем не так. Стоит тебе ко мне прикоснуться, и ты возненавидишь меня.

— Я не верю тебе, Зайбак. Ты хороший. Я не знаю, что, по твоему мнению, ты сделал, но уверена, что была бы счастлива стать частью тебя.

Зайбак долго молчал, так долго, что Таваддуд решила, будто он рассердился и опять исчез и уже никогда не вернется. Но потом он неторопливо, как настоящий рассказчик, начал говорить.

ИСТОРИЯ О ЗАЙБАКЕ И ТАЙНЕ

В молодости у меня было тело. Я жил в городе. Теперь уже трудно его вспомнить. Но каждое утро мне приходилось ездить на поезде. Я помню, как он покачивался. Помню, что внутри пахло людьми, кофе и пирожками. Еще помню, как размышлял, что легко могу представить себя кем-то другим: татуированным парнем в голубой спортивной куртке или девушкой, склонившей голову над пьесой и вслух повторяющей строчки. Достаточно было всего лишь на мгновение поймать взгляд человека.

Я хорошо помню этот поезд, но не помню, куда он шел.

И я помню, когда все рухнуло. С неба попадали дроны. Здания, словно разбуженные животные, сдвинулись со своих фундаментов. Вдали слышался грохот, космические корабли, пытаясь скрыться, поднимались ввысь.

А потом была целая вечность холода и темноты.

Когда я пробудился ко второй жизни, мне потребовалось много времени, чтобы к ней приспособиться. Я должен был

сдерживать себя, чтобы не погрузиться в мозги химер, и смотреть яркие сны, чтобы не сойти с ума. Я создал себе сон-поезд, где мог принимать облик других людей. И он, покачиваясь и постукивая, нес меня сквозь годы.

Однажды в этом поезде мне встретился Принц-цветок.

Он стоял, слегка отклонившись назад и держась рукой за желтый поручень под потолком. На нем был голубой бархатный пиджак с цветком на лацкане. На лице усмешка.

— Зайбак, что ты здесь делаешь, совсем один? — спросил он.

Я подумал, что это сон, и рассмеялся.

— Неужели лучше пробовать на вкус рухов и химер, как мои собратья? — отозвался я. — Я предпочитаю смотреть сны.

— Сны — это хорошо, — заметил он, — но однажды тебе придется проснуться.

— И стать бесплотным разумом в пустыне? Чтобы меня поймали муталибуны, посадили в кувшин и отдали в услужение жирным господам и госпожам Сирра, которые будут забавляться, пока не соизволят меня отпустить? — спросил я. — Любой кошмар лучше такой участи.

— А что, если бы я научил тебя, как завладевать их жирными телами? — поинтересовался он, насмешливо сверкнув глазами.

— Как же это сделать?

Он обнял меня за плечи и прошептал на ухо:

— Я открою тебе тайну.

Позволь мне открыть ее тебе, Таваддуд, чтобы мы могли стать единым целым.

Было время, когда девушка, которая любила монстров, и Зайбак жили почти как карин и мухтасиб более того, она не была ни его повелительницей, ни его рабыней. Они вместе искали укромные места, ходили по Городу Мертвых и тайным тропам Бану Сасан.

На некоторое время они стали новым существом. Когда Таваддуд смотрела, как на крыши склепов падает дождь и от них поднимается пар, казалось, будто Зайбак видит это впервые.

Однажды в Город Мертвых пришел человек по имени Кафур. Когда-то он был высоким и красивым, но теперь прихрамывал и ходил, закутавшись в балахон и надвинув на голову капюшон.

— Я слышал, что здесь появилась женщина, которой удалось приручить Аксолотля, — обратился он к гулям.

Те пошептались и проводили его к Таваддуд.

Она с улыбкой предложила ему чашку чая.

— Слухи, без сомнения, весьма преувеличены, — сказала Таваддуд. — Я просто бедная девушка, которая живет в Городе

Мертвых и служит джинну за то, что он предоставил ей кров.

Кафур смотрел на нее, почесывая короткую бородку.

— Что ж, и тебе этого достаточно? — спросил он. — Я знаю, ты из хорошей семьи и привыкла к лучшим условиям, чем здесь, в склепе. Если ты пойдешь со мной, я покажу, как может жить в Сирре женщина, способная заставить джинна выполнять ее желания.

Таваддуд покачала головой и отослала его прочь. Но, раздумывая над его словами — и ее мысли смешивались с мыслями Аксолотля, — она поняла, что скучает по обществу людей, по тем, кому не приходится жить в склепах и чьи прикосновения не напоминают песчаный ветер. Та ее часть, что была Зайбаком, говорила, что надо было принять предложение. А та часть, что была Таваддуд, отвечала, что никогда не покинет его. Но, возможно, все было и наоборот.

Однажды утром она сказала Зайбаку, что видела во сне поезд.

— Ты превратишься в меня, — произнес Зайбак. — Я слишком стар и силен.

— Да, ты ведь мой огромный джинн, мой ужасный Аксолотль, — поддразнила его Таваддуд.

— Да, я Аксолотль.

После этих слов Таваддуд замолчала.

— Я думала, он просто насмехался над тобой, — прошептала она наконец.

— Я рассказал тебе, что украл мое первое тело. Я явился в Сирр из пустыни и практически завладел им.

Таваддуд закрыла глаза.

— Мой дед помнил ту ночь, когда пришел Аксолотль, ночь гулей, — начала она. — Он говорил, что это походило на чуму. Она распространялась вместе с шепотом. Улицы были заполнены людьми с пустыми глазами, безумцы резали собственную плоть, жадно ели, занимались любовью.

— Да.

— В конце концов гулей подняли на Осколок Соареца. Мужья взяли своих жен, которых больше не узнавали, матери взяли детей, которые разговаривали странными голосами, и всех их прогнали вниз, в пустыню.

— Да.

— Кающиеся начали охотиться за историями. Сказать неправду означало смерть.

— Да, — Зайбак немного помолчал. — Мне хотелось бы заявить, что я не желал этого. Что я был опьянен ощущением плоти, что потерялся в многочисленных сплетениях и не

понимал, что делаю. Но это было бы ложью. Я был голоден. И я все еще голоден. Если ты останешься со мной, Таваддуд, твои мысли станут моими мыслями. Ты этого хочешь?

— Да!

Нет, ответила одна из ее половинок, но Таваддуд не знала, которая.

Она проснулась в холодном и тихом склепе и уже не могла понять, о чем напоминал ей клубящийся над крышами после утреннего дождя пар. Она сидела, пока солнце не поднялось до середины неба, и пыталась вспомнить тайну Принца-цветка, но она исчезла вместе с Зайбаком-Аксолотлем.

Тогда девушка, которая любила монстров, а одного больше всех других, собрала свои вещи и перешла жить во Дворец Сказаний. Но это уже совсем другая история.

История заканчивается, и тогда Таваддуд становится Арселией, а Арселия — Таваддуд. Она окружена чем-то теплым и твердым и удивляется, глядя на свои руки — более красивые, чем она помнит, надушенные и умащенные, покрытые затейливым красно-черным узором, украшенные золотыми кольцами. Таваддуд поднимает руки — руки Арселии — и ощупывает себя, словно слепая. Человек с темным лицом наблюдает за ними, но Таваддуд говорит себе, что беспокоиться не о чем: это друг, и он не причинит им зла.

Расскажи, что произошло, просит Таваддуд, и на мгновение чувствует нежелание Арселии говорить. Но Таваддуд настаивает, а Арселия ощущает себя в безопасности, частично в кувшине-птице, частично в теплом теле.

«Когда-то давно я жила на острове, у самого моря. Я отлично распознавала узоры. Видела их в облаках и вывязывала в носках для своих внуков. Потом мои руки стали болеть и дрожать. Я не хотела становиться дряхлой и отказалась от своего разума. Тогда мне прислали загрузочную аппаратуру. Я попрощалась с Ангусом на его могиле. Сидя там, я проглотила таблетку и надела на голову холодную корону. Я надеялась, что встречусь с ним там, на другой стороне. Но боль в моих руках так и не прошла».

Ш-ш-ш. Не думай об этом. Думай об Алайль.

«Я скучаю без Алайль».

Я понимаю. Каково это — быть Алайль?

«Я помогала ей различать узоры в пустыне, в ветре и в диком коде. Мы находили сокровища. Там, под землей, живут призраки, и их можно выкопать, если только знать, где искать. Нам нравилось летать. Мы забирались на снасти рух-кораблей. Нам

кричали, чтобы мы спускались, но мы не обращали на это внимания. Посмотри, какими испуганными они выглядят там, внизу, — Веласкес и Зувейла, и все остальные. Они не видят огоньков под кожей пустыни, а мы видим, и мальчик тоже видит. Взгляни на огоньки!»

Таваддуд поднимает руки и прижимает ладони к глазам. Чем сильнее она надавливает, тем ярче становятся огоньки.

«Взгляни на них!»

Нет, нет. Взгляни на меня. И вот она смотрит на Арселию и улыбается. По ее щекам текут слезы, но она все равно улыбается.

Думай об Алайль, а не об огоньках.

«Устала. Болят руки. Совет. Встречи. Кассар хочет отказаться от огоньков, отдать их алмазным людям. Возможно, пришло время от них отказаться. Я слишком устала, чтобы ходить по пустыне. Раньше я никогда так не уставала. Я снова хочу уставать. Я хочу спать. Хочу видеть сны. Давай танцевать, пока я не устану? Я слышу музыку».

Она пытается подняться. Ее ноги хотят танцевать.

Позже. Я знаю, каково это. Куда ушла Алайль?

«Ее забрал Аксолотль».

Нет. Этого не может быть.

От шока голову как будто стягивает жесткой колючей проволокой. Таваддуд отчаянно старается сохранить сплетение, позволяет воспоминаниям Арселии окутать себя — *холодное утро, волны бьют в суровый скалистый берег, лицо ласкает соленый ветер, в руке рука* — и через мгновение она снова оказывается в мыслях птицы.

Ты уверена? Он был в моей истории, Арселия. Или ты тоже рассказываешь историю?

«Нет, просто раньше я не знала его имени. Но это был он, джинн из твоей истории. Аксолотль».

Откуда он пришел?

«Он был нами, а мы были им, и он сказал, что все будет хорошо, что Алайль отправится в лучшее место, как думала я, сидя на могиле. Но я видела, как ею завладел дикий код. Насекомые из черных чернил. Они покрыли ее всю. Аксолотль лгал. Истории всегда лгут».

Какие истории?

«Я видела их в огоньках. Там был круг. Он хочет перепрыгнуть через квадрат. Он пытается, но безуспешно, снова пытается и опять не может этого сделать. Квадрат влюблен в круг и не хочет его отпускать. А круг ищет то, что потеряно».

Где ты это слышала?

«Я не помню».

А куда… куда ушел Аксолотль?

«Я не видела. Она спрятала меня. Когда он пришел, она убрала меня в тайник. Вокруг него в атаре сплошная стена. Я скучаю по Алайль. Я ее карин. Она мой мухтасиб».

Да, конечно. Ты навсегда останешься ее карином.

«Она должна была больше мне доверять. Она могла жить во мне. Она всегда брала меня с собой наблюдать за огоньками, а потом прятала меня. Она должна была больше мне доверять. А теперь ее нет. Она оставила мне только одно».

Что же?

«Я не могу тебе сказать».

Скажи, и тогда сможешь уснуть. Скажи, и сможешь танцевать.

В ее голове эхом звучит сложное, как лабиринт, слово. Тайное Имя сверкает перед ее мысленным взором своими слогами, словно цепочкой жемчужин. Оно очень длинное, почти целая мелодия, и, как все Имена, приносит с собой ощущение безмятежности: кухня в доме отца, еда уже почти готова, его руки лежат у нее на плечах, а волны набегают на берег давно исчезнувшего острова. И запах волос Ангуса ранним утром.

Теперь пора опять уснуть, говорит Таваддуд. Арселия ощущает, как губы произносят слова, превращающиеся в музыку, и вот она снова в кувшине-птице, и ей снится, что она танцует, что она стала Таваддуд.

Таваддуд поднимается и бережно усаживает Арселию на жердочку. У нее болят суставы рук. Искусственное сплетение устанавливается на время, но никогда не обходится без последствий. Таваддуд лишь надеется, что та часть ее, которая осталась в сознании Арселии, даст карину хоть какое-то спокойствие, хотя сама чувствует себя более встревоженной, чем прежде. Она снимает бими и опускается на стул. Ноги дрожат.

Почему он это сделал? В ее голове мелькает облик Алайль. *Как он мог? И зачем?*

Он Отец похитителей тел. Но он говорил, что никогда больше не станет так поступать. А вдруг это из-за меня? Из-за того, что мы не можем быть вместе?

Таваддуд ощущает присутствие Аксолотля в фрагментах воспоминаний карина. Круг и квадрат. В этом есть что-то странное: примитивная абстракция, словно рисунок ребенка. Запретные истории похитителей тел обычно бывают очень увлекательными, полными опасностей и неожиданностей, с персонажами, которые входят в ваше сознание и становятся вами. Но в данном случае это грубое и откровенное стремление что-то

найти.

И еще Тайное Имя, которое до сих пор звенит в голове медным колоколом.

Сумангуру внимательно следит за ней. Таваддуд молча смотрит на него и прижимает ноющие пальцы к вискам.

— Прошу прощения, господин Сумангуру. После этого всегда требуется некоторое время, чтобы оправиться.

Что я ему скажу? Что это был мой любовник? Кто знает, что он может сделать?

Она потирает лоб и старается выглядеть более слабой, чем на самом деле, а после бессонной ночи, пропущенного завтрака, полета на ковре и сплетения это совсем не трудно.

— Прошу вас, дайте мне несколько минут.

Она встает и подходит к небольшому пруду в тени дерева-мельницы. Крохотные рухи мелькают над поверхностью воды, разбивая отражение кончиками крыльев. Таваддуд споласкивает лицо, нимало не заботясь об испорченном макияже. Внутри все сжалось. Кожа онемела.

Девушка, которая любила монстров. Но я не верила, что он был одним из них. Даже если он утверждал это.

Сумангуру все так же неподвижно сидит рядом с птицей и наблюдает за ней. Таваддуд выходит в освещенный круг под куполом и заставляет себя улыбнуться.

— Итак?

— По большей части это были просто помехи. Но очевидно, что мы имеем дело с одержимостью. Похититель тел овладел Алайль, но, прежде чем захватчик добился полного контроля, она успела спрятать своего карина.

— Что вы узнали об этом… похитителе?

— Только отзвуки истории, используемой в качестве переносчика инфекции.

— И это все?

— Да. Но, по крайней мере, теперь мы знаем, что это не самоубийство. — Она опускает взгляд, делает вид, что вытирает глаза, и продолжает дрожащим голосом: — Мне очень жаль, господин Сумангуру. Госпожа Алайль была другом нашей семьи.

— А с какой целью вы рассказывали историю этому существу?

— Как я говорила, история предназначена для прочного сплетения, для проникновения частицы моего разума в сознание Арселии. Это всего лишь детская сказка, ничего больше.

Сумангуру поднимается. В его руке внезапно появляется складной нож. Он неторопливо открывает лезвие.

— Вы великолепно лжете. Но я много раз слышал ложь и

знаю, как она звучит. — Он придвигается так близко, что Таваддуд чувствует запах металла и машинного масла. — Мне нужна правда. Что рассказала вам птица?

Таваддуд охватывает гнев. Она выпрямляется. *Представь себе, что это наглый джинн.*

— Господин Сумангуру, я дочь Кассара Гомелеца. В Сирре обвинение во лжи это очень серьезно. Вы хотите, чтобы я снова вас ударила?

— Гм. — Гогол прикасается лезвием к своим губам. — А вы хотите, чтобы я сделал с вами то же, что делал с птицей?

— Вы не посмеете.

— Я служу Великой Всеобщей Цели. Любая плоть для меня одинакова.

И вдруг в его глазах снова что-то мелькает, какое-то неожиданное добродушие.

— Вы не можете говорить со мной подобным тоном, — слышит Таваддуд собственный голос. — Как вы смеете?! Вы явились сюда и смотрите на нас сверху вниз, словно на игрушки. Разве это ваш город? Разве это ваш дед Зото Гомелец говорил с Ауном и просил защиты от дикого кода? Вы можете угрожать, но вы угрожаете не только Таваддуд: за мной стоит Сирр, и Аун, и пустыня. Однажды они уже восстали против вас. И снова восстанут, если мой отец произнесет необходимые Имена. Вы должны проявлять уважение, господин Сумангуру, или я одним словом лишу вас Печатей, и тогда посмотрим, проявит ли дикий код такое же милосердие, как Таваддуд Гомелец.

Она задыхается от гнева. *Таваддуд дипломат.* Она сжимает кулаки с такой силой, что кольца джиннов впиваются в пальцы.

Спустя мгновение гогол Соборности негромко смеется, опускает нож и разводит руками.

— Вам следовало бы стать сумангуру, — говорит он. — Возможно, мы могли бы…

Налетевшая тень не дает ему закончить фразу. Таваддуд поднимает голову. В голубом небе рябит от блеска сотен прозрачных жужжащих крыльев.*Быстрые.*

Раздается залп сотни ружей. Расколовшийся купол осыпает Сумангуру ливнем осколков. А потом металлическим дождем обрушивается целый поток игл.

Глава тринадцатая
ИСТОРИЯ О ВОИНСТВУЮЩЕМ РАЗУМЕ И КАМНЕ КАМИНАРИ

Флот Соборности обрушивается на квантовый мусор из тени космической струны.

Воинствующий разум координирует атаку из боевого вира. Единственным проявлением материальности — данью уважения к Прайму — является едва уловимый запах оружейной смазки. Воинствующий разум полностью растворен в данных боевого пространства, фильтруемых и преобразуемых его метасущностью. Он смотрит глазами своих копи-братьев — от самой примитивной боеголовки наноракеты до собственной ветви в *областном* корабле.

Ему необходимы они все, поскольку приходится компенсировать недостаточность обзора: космическая струна отсекает часть пространства-времени, создавая эффект линзы, из-за чего корабли зоку раздваиваются. Космическая струна — это оставленный Вспышкой шрам в вакууме, толщиной менее одного фемтометра и длиной десять километров. Она образует петлю и обладает массой, превосходящей массу Земли, поскольку обросла облаками пыли и водорода, словно кость плотью.

Струна поглощает несколько из двух сотен *районных* кораблей воинствующего разума. Они бесшумно вспыхивают по всей длине, как бриллианты в ожерелье Пеллегрини. Но эта жертва обеспечивает преимущество неожиданного нападения. Остальной флот надвигается на корабли зоку клещами термоядерного огня.

По сравнению с клиновидными многоугольными судами Соборности корабли зоку кажутся громоздкими и неуклюжими. Некоторые из них, словно заводные игрушки, представляют собой сложнейшие конструкции, внутри которых обитают разумы, расточительно воплощенные в физические тела. Другие имеют эфемерный вид: мыльные пузыри, заполненные квантовым мозгом, зеленые и голубые, живые — их свойство поддерживать долговременные квантовые состояния является еще одной причиной ненависти со стороны беспорядочной биологии старой Земли.

Но у зоку имеются свои козыри в рукаве. Даже вне световых конусов друг друга они выполняют маневры невероятной сложности, которые оказываются безупречной реакцией на действия смыкающихся клещей Соборности, которые извергают в противников странглетовые снаряды. Каждый залп вызывает

гейзеры экзотических барионов и гамма-лучей, но ущерб они наносят гораздо меньший, чем рассчитывал воинствующий разум.

Квантовый мусор, повторяет он про себя. Эту войну оправдывает уверенность зоку в непредсказуемости и уникальности квантовых состояний, их приверженность теории о запрете клонирования, что в конечном счете означает смерть для каждого. Как и все его братья, он был создан для войны против смерти. И он не собирается проигрывать.

По команде воинствующего разума архонты флота применяют равновесие Нэша, и *районные* суда объединяются в плотные самостоятельные группы, которые окружают корабли зоку, пытаясь лишить противника преимущества, создаваемого устойчивой сцепленностью. Это оказывается очень легко: зоку расходятся, оставляя в центре широкую брешь…

Но через мгновение середина уже не пустая. Метапокровы двух огромных кораблей, построенных в «Ган-клубе» зоку, рассеиваются перед самым залпом. Эти суда превосходят по величине даже *областной* корабль: они представляют собой сферы с многокилометровыми хвостами линейных ускорителей. Корабли стреляют планковскими черными дырами, которые испаряются в яростной кульминации излучения Хокинга, превращая в энергию целые горы материи.

Что они здесь делают?

В пламени взрывов исчезают *районы* вместе с миллионами гоголов. Воинствующий разум игнорирует раскаты грома, заменяющие предсмертные вопли фактической гибели его копибратьев, и отделяет гогола, чтобы тот ликвидировал последствия шока, — гогол еще успевает энергично поблагодарить его вспышкой сяо за возможность способствовать достижению Великой Всеобщей Цели. Воинствующий разум подводит *областной* корабль ближе. Гоголы-аналитики предоставляют множество вариантов уничтожения новых врагов.

Они что-то защищают.

Воинствующий разум оставляет без внимания разбегающиеся корабли зоку и сосредоточивается только на судах «Ганклуба», нацеливая на них все имеющееся оружие.

Странглетовый снаряд пробивает их защиту и раскалывает зеркальную оболочку герметичной сферы, которая обеспечивает собственное излучение Хокинга, удерживая черные дыры в состоянии стабильности. Колоссальный взрыв освещает космос и уничтожает оба гигантских корабля зоку. А заодно и несколько районов. Но жертва не напрасна.

Гоголы воинствующего разума прочесывают облака ионизированного газа и неустойчивую сеть топологических

дефектов и находят предмет, который охраняли зоку.

Воинствующий разум потратил субъективные годы, чтобы постичь суть Разрывов Там, Где Был Юпитер, паутину космических струн, нетривиальную топологию, вкрапления экзотической материи, сминающей пространство-время словно листок бумаги. Но такого он никогда не видел.

У него вырывается ругательство. Значит, придется разговаривать с Ченом.

Воинствующий разум ненавидит вир Чена. Он создан на основе языка. Состоит из иероглифов, выведенных чернилами по белой бумаге: отдельные штрихи превращаются в слова и предметы. Волна, набегающая на черно-белый берег. Мост. Скала. Абстракции, являющиеся одновременно символом и толкованием. Для поддержания столь сложной конструкции требуется немало гоголов-демиургов, которые постоянно преобразуют вир, чтобы обеспечить когерентное восприятие.

По мнению воинствующего разума, здесь скорее попахивает Царствами квантового мусора, чем виром Соборности. Сам он, как и его копи-братья, предпочитает проявлять уважение к Прайму и напоминать о грубости войны физическим воплощением. А здесь нет никаких воспоминаний Прайма: нет ни одного священного модуля, какие встречаются во всех вирах Соборности.

И самое худшее — это тьма в центре вира, густая клякса чернил, не имеющая смысла, безмолвие, окруженное словами, которые не в состоянии его выразить…

Цвет пустоты.

Дракон, высиживающий яйцо посреди зимы.

Странный незаштрихованный контур.

Шепот / письмо / рисунок демиургов. Воинствующий разум вздрагивает. Этот предмет может быть только запертым в клетку Драконом. Не эвдемонистический и не человеческий разум, единственная ошибка Основателей, существо, эволюционировавшее в первой*губерниии* превзошедшее человека. Несколько тысяч лет назад, в Глубоком Прошлом, они освободились от оков и развязали ужаснейшую во всей истории Соборности войну. Они стали причиной отказа Праймов от попыток улучшить когнитивное строение человекообразных, из-за них гоголы были ограничены мысленными оболочками, вирами и метасущностями виртуальные машины внутри виртуальных машин, словно луковая шелуха. Все ради того, чтобы не родился больше ни один Дракон. А тех, что еще остались, чены держат в цепях, то ли чтобы использовать в качестве оружия, то ли для

напоминания о прошлой ошибке.

— Прими мои поздравления с великой победой, брат, — говорит Чен.

Хорошо хоть сам он представлен здесь не в виде слова, а в образе невысокого человека с рано поседевшими волосами, настолько бесцветного, что мог бы сойти за рисунок тушью.

— Ты великолепно справляешься со своей частью Плана.

Воинствующий разум фыркает.

— Знаешь, я обнаружил кое-что, не являющееся частью Плана.

— Вот как? — изображая вежливое любопытство, переспрашивает Чен.

— Именно так. Я пришел просить разрешения задержать отправку на галилеев сборный пункт. Зоку явились сюда неспроста, и я хочу выяснить причину. А потом уничтожить их.

Чен улыбается. По своему положению он выше воинствующего разума на несколько поколений, и необходимость соблюдать строгую иерархию сяо, особенно в военное время, очень раздражает последнего. Но, учитывая политический хаос, воцарившийся в *губерниях* после Вспышки, чены настаивают на присутствии наблюдателей в каждом *районе*. Этот Чен всегда был предельно вежливым, но объяснять кому бы то ни было свои поступки воинствующему разуму не по нраву.

— Конечно, это твое решение, — соглашается Чен. — Я не желаю вмешиваться в управление флотом. Тем не менее я хотел бы лично посмотреть на твою находку.

Воинствующий разум кивает и мысленно обращается к своему Коду в небесной тверди. Гоголы-демиурги вздрагивают от интенсивности его вторжения и в ужасе частично разрушают написанный тушью вир. Воинствующий разум с мрачным удовольствием наблюдает, как рассеивается лингвистическая конструкция Чена. Изящный мост и бамбуковые заросли превращаются в серые пятна. Чен бросает в сторону своего собрата недовольный взгляд, но затем его внимание приковывает открытый воинствующим разумом субвир.

Воинствующему разуму известно о камнях зоку: это устройства для хранения сцепленных квантовых состояний, скрепляющие отдельные коллективы. Это всегда казалось ему смешным: подчиняться по существу случайным приказам, даже если они коррелированны с другими состояниями. То ли дело прислушиваться к верному голосу метасущности, согласованному с Планом.

Но этот предмет не похож на обычный камень зоку. В реальном пространстве он имел бы диаметр около десяти

сантиметров. В нем просматривается двойственность, инь и янь, и он похож на две доли хрустального мозга, соединенные в центре и сверкающие пурпурным и белым огнем. Обе половинки состоят из себе подобных структур, повторяющихся контуров, напоминающих древесную листву или две руки, поднятые в молитве к какому-то божеству.

Воинствующий разум исследует находку тысячью нанопальцев гоголов. Предмет состоит не из материи и даже не из хромотехнической псевдоматерии, которую теперь изготавливают в глубинах *губерний*. Это кристаллизованное пространство-время, ставшее видимым благодаря странному прохождению лучей света. Но при этом не наблюдается ни сингулярности, ни дискретности. Кроме того, предмет живой: фрактальные пальцы двигаются и сгибаются. Возможно, это реакция на некоторые квантовые флуктуации в системе, определяющей его строение.

— Удивительно, — сдавленно произносит Чен.

Воинствующий разум удивлен.

— Ты уже видел это?

— Не совсем так, — отзывается Чен. — Но мои братья и я давным-давно ведем с зоку Великую Игру. Мы… надеялись отыскать нечто подобное.

— И что же это?

— Кроличья нора, — отвечает Чен. — «А вдруг я пролечу всю Землю насквозь…»[70]

В его глазах появляется мечтательное выражение. Он легонько прикасается к предмету из субвира.

— Я не понимаю, — говорит воинствующий разум.

— Я и не ожидал, что ты поймешь, — отвечает Чен. — Это драгоценный камень зоку, называемый Каминари. У них долгая история, и у меня нет времени тебе ее пересказывать. Но это великая история гордыни и трагедии. У меня есть гоголы, работающие над эпической поэмой на эту тему. Это все равно что рассказывать о Трое. Или о Криптоне[71].

Воинствующий разум просматривает ссылки и фыркает.

— Значит, это последний уцелевший?

Чен холодно усмехается.

— Намного важнее. Они совершили то, чего не смогли мы. Вот почему произошла Вспышка. Вот почему мы здесь. Мы хотим узнать, как они это сделали.

Воинствующий разум внимательно смотрит на Чена. Его метасущность внутри ревет от ярости. *Великая Всеобщая Цель требует усмирения физической реальности, истребления квантового мусора, требует вырвать кости из руки Бога и создать*

новую Вселенную с новыми правилами, внутри губерний, где все умершие могли бы жить снова, не соблюдая законов, написанных безумным Богом. Ради этого была развязана Протокольная война. Необходимо остановить зоку, оскверняющих эту мечту.

— Не смотри на меня так удивленно, — говорит Чен. — Ограничения метасущности действуют только для низших гоголов. Поверь, ты сослужил Великой Всеобщей Цели огромную службу. Впоследствии ты будешь вознагражден.

Он чертит в воздухе какие-то фигуры.

— Но прежде, боюсь, тебе придется немного пострадать.

Нарисованные чернилами образы растворяются в омуте посреди вира. Воинствующий разум тянется к вир-оружию, припрятанному в тайниках его мысленной оболочки.

— Предатель! — рычит он.

— Ни в коей мере, — возражает Чен. — Я всегда верен снам. Даже когда приходит время просыпаться.

Черное яйцо смерти.

Зимний дракон поднимается, чтобы поглотить собственный хвост.

Демиурги поют. И вот перед воинствующим разумом предстает Дракон. Алчное существо без структуры и логики выливается из черноты, словно кровь из раны. И рвет аватар воинствующего разума зубами безумия.

Воинствующий разум чувствует, как в нем пробуждаются воспоминания и рефлексы ветви.

Он швыряет в челюсти кодированного существа собственные производные. Своим появлением Дракон разрушил вир, открыв ему выход. Воинствующий разум проскальзывает в боевой вир, загружает гогола в мыслевихрь…

…И происходит разрыв реальности. Внезапно он сам становится гоголом в вихре и со стороны наблюдает, как Дракон пожирает его флот. Двигатель Хокинга на *областном* корабле разрушается. Из оболочки мыслевихря взрыв видится тусклым сиянием, но внутри воинствующего разума, несмотря на фантомную боль в отсутствующем теле, пылает огонь. *Основатели узнают об этом,* клянется он. *Ради всех моих братьев. Ради Цели.*

Вселенная, созданная квантовыми богами, жестока и непредсказуема. Не успевает он достичь ближайшего маршрутизатора, как налетают корабли зоку, уцелевшие в бою у космической струны. Воинствующий разум пытается сражаться, чтобы заслужить быструю фактическую смерть. Но зоку не настолько милосердны.

Глава четырнадцатая

ТАВАДДУД И ТАЙНЫЕ ИМЕНА

Таваддуд нравится произносить Тайные Имена. В детстве их изучение требовало бесконечных повторений и практики, сопровождаемой суровыми нотациями джинна Херимона. Ей снова и снова приходилось медитировать над различными вариантами Имен и раз за разом воспроизводить каждый слог. А потом осваивать пересечение их геометрических изображений на бумаге, пока фигуры не начинали преследовать ее во сне. Но тяжкие усилия были щедро вознаграждены. Дуни очень любила играть с Именами. Она создавала невиданные движущиеся картины, за что получала строгие предупреждения от Херимона об опасности, которую представляют похитители тел, но сестра не слушала и лишь гремела кувшином джинна-наставника, пользуясь руками в атаре.

А Таваддуд обычно тихонько сидела на балконе и без конца прислушивалась к звенящим в голове словам. Спокойная царственная уверенность Малик уль-Мулька[72], заставляющая чувствовать себя королевой мира. Праведный гнев аль-Мунтакима Карающего. Спокойное созерцание аль-Хакима Мудрейшего.

Общеупотребительные сокращенные Имена, приведенные в Книге, передают лишь незначительную часть их сути. Все это имена Ауна, и, призывая его, можно контролировать мир, управлять фоглетами, внедренными в атмосферу Земли, камнями и водой. Таваддуд всегда кажется, что Имена не просто действуют на окружающий мир, но пробуждают что-то в ней самой, словно встреча со старыми друзьями.

Но сейчас, когда на них напали Быстрые, она мысленно и вслух выкрикивает Имя, которое не считает своим другом.

Ее страх смешивается с опасениями аль-Мухеймина Спасителя, чье прикосновение превращает атар вокруг нее в крепкую как камень оболочку. В голове проносятся утраченные слова из Сирра-на-Небе. Уши раздирает пронзительная трель — иглоружья Быстрых. Крошечные снаряды и падающие осколки высекают искры из ее защитной оболочки.

Сумангуру вздрагивает от залпа. Его форма расцветает алыми пятнами. А в следующее мгновение он полностью скрывается в вихре прозрачных крыльев. Таваддуд с криком бросается вперед, но перед ней с шумом опускаются два воина.

По меркам Быстрых они настоящие гиганты — около фута ростом, и по обычаю жителей городов-близнецов Куша и Мисра одеты в белую керамическую броню. Их спуск сопровождается выделением тепла и резким запахом продуктов метаболизма.

Стрекозиные крылышки не перестают трепетать, образуя блестящие бело-голубые диски. Маховики изящных латунных иглоружей, нацеленных в голову Таваддуд, издают пронзительный вой.

Воины остаются в неподвижности почти целую секунду, и этого достаточно, чтобы она успела разглядеть их черные глаза-бусинки. Быстрые обмениваются несколькими фразами, которые кажутся Таваддуд резкими всплесками помех, а затем устремляются к Арселии, все еще сидящей на своей жердочке. Один из воинов вонзает в затылок птицы острый шип. Металлическая птица бьет крыльями и золотистым пятном взмывает вверх, унося с собой двух белых всадников. Видя, как она поднимается к разбитому куполу, Таваддуд не в силах удержаться от крика.

Весь рой бросается на Сумангуру и облепляет его, превращая в живую статую, состоящую из визжащих маленьких человечков. А сверху тщательно выбирает позицию еще одна группа с более основательным оружием.

Таваддуд выкрикивает первое пришедшее на ум Имя. Это аль-Каххар Господствующий. Эхо тайного Имени рябью расходится по атару. Рой захлестывает волна растерянности, и Сумангуру в одно мгновение освобождается от противников. Иглоружья со стуком падают на пол. В руках гогола все еще сверкает нож: его блестящее лезвие оставляет в воздухе остаточные блики. Через пару секунд Сумангуру, с ног до головы покрытый кровью, прозрачными тонкими внутренностями и хитиновыми оболочками Быстрых, остается на поле боя один. Уцелевшая часть роя улетает вместе с птицами-химерами, покидающими свою тюрьму.

Несколько мгновений Сумангуру с растерянностью и отвращением осматривает себя, затем стряхивает ихор с ворота мундира и осторожно потирает пальцы рук.

— Господин Сумангуру, они забрали карина, — говорит Таваддуд.

От Арселии уже осталась только едва заметная золотистая точка в небе. *Кто их послал? Почему вторжению не препятствовали Кающиеся? Как они узнали, что мы обнаружили Арселию?* Таваддуд взволнованно сглатывает. *Неужели Рамзан? Нет, это невозможно.*

Если они завладеют Арселией, мне никто не поверит.

Она обращается к кольцу джинна и вызывает ковер.

— Господин Сумангуру?

Гогол бледен и растерян. Его грудь пестрит от царапин и ран,

оставленных иглами и мечами Быстрых, на лбу глубокая ссадина. Он встряхивает головой, и в глазах на мгновение появляется прежняя холодная отстраненность.

А затем он отворачивается: его тошнит.

Дождавшись, когда прекратятся спазмы, Таваддуд касается его плеча.

— Господин Сумангуру, два предводителя Быстрых улетели на Арселии. Я вызвала ковер: мы еще можем их догнать. — Она кашляет. — И допросить.

Сумангуру сердито пинает крошечные тела, усеявшие пол.

— А с этими что? — бросает он.

— Все они мертвы. Маленький народец не очень дорожит своей жизнью. Как и представители Соборности, насколько мне известно…

В это мгновение она замечает ружье. Оно сделано из черного дерева, с плавными мягкими изгибами, с механизмом из золота и меди, с выгравированными символами и Именами. Таваддуд поднимает оружие, на ощупь оно прохладное и гладкое.

— Что это такое? — спрашивает Сумангуру.

— Ружье-барака[73]. Оружие мухтасибов. Оно разрушает Печати. Воспроизводит анти-Имя, Тайное Имя Смерти. Быстрые собирались воспользоваться им против вас.

— Чудесно, — хмуро бормочет Сумангуру. — А почему они оставили в покое вас?

Разговор прерывает появление ковра. Он опускается в вольер листом серебристого тумана и застывает в паре сантиметров от земли.

— У нас нет времени. В путь!

Таваддуд ступает на ковер, и Сумангуру, слегка покачиваясь, следует за ней. Сначала кажется, что они стоят на водяном матрасе, но затем ковер компенсирует их вес, и опора становится крепкой. Таваддуд чувствует, как ее придерживают невидимые руки. Ковер состоит из дорогостоящего утилитарного тумана, еще не испорченного диким кодом. Тем не менее ему требуется регулярная чистка и обновление атар-заклинаний, чем занимаются специально приставленные джинны низшего ранга. Благодаря кольцу джиннов на пальце Таваддуд ковер становится как бы продолжением ее разума, как будто она сама несет себя и Сумангуру на открытой ладони.

Усилием мысли Таваддуд поднимает ковер через брешь в куполе к яркому солнечному свету и, словно во сне, пускается вдогонку за золотой птицей.

Сначала ослепительное солнце мешает следить за Арселией.

Небо над головой чистое, и где-то высоко в его голубизне угадываются белые и серебристые нити гигантской паутины Ковша, клетки вокруг Земли. Но в атаре птица блестит крошечной звездочкой, указывающей путь. Вместе со своими наездниками она быстро опускается к Осколку Сореца.

Таваддуд делает глубокий вдох. *Ты сумеешь. Это не труднее, чем вместе с кабельщиком Джабиром спрыгнуть с Осколка Гомелеца в вертикальную яблоневую аллею, где тебя подхватит сеть ангелов.*

И Таваддуд направляет ковер в вертикальный спуск.

Лазурные дворцы напоминают драгоценные камни, дома и сады сливаются в размытое пятно. Реки Света — древние окна Сирра-на-Небе — мелькают яркими лезвиями. От дикой щекотки в животе хочется смеяться. Волосы развеваются на ветру.

Таваддуд украдкой смотрит на Сумангуру: глаза гогола закрыты, и на мгновение он напоминает ей испуганного ребенка. Таваддуд сжимает ложе ружья-бараки и сосредоточивается на силуэте карина. Фигурка птицы быстро увеличивается, и кажется, что они вот-вот смогут до нее дотянуться…

Быстрые резко поворачивают птицу в сторону от Осколка. Таваддуд еле успевает повторить маневр и тотчас видит перед собой густой лес серебристых проводов. Это растяжки армады рух-кораблей — изящных платформ и цилиндров, окрашенных в золото и лазурь — цвета Дома Соарец. На парусах сверкают Печати.

Арселия ловко лавирует между едва различимыми на солнце, но смертельно острыми нитями. Таваддуд приказывает ковру обогнуть препятствие, но уже поздно. *Только не это.* Она закрывает глаза и ждет, что провода вот-вот рассекут ее тело.

В атаре раздается рев, сравнимый с раскатом грома. Анти-Имя. Взрыв белого шума. Потом еще и еще. Таваддуд открывает глаза. Сумангуру как сумасшедший палит из ружья-бараки, выплескивая разрушительные волны дикого кода, который острой косой разрезает перед ними все растяжки.

— Продолжай полет! — кричит он, сверкая безумными глазами.

Таваддуд выравнивает ковер и направляет его в образовавшуюся расщелину. Они проносятся мимо гигантских рухов. Ковер раскачивается на ветру, поднятом прозрачными крыльями птиц, отчаянно пытающихся вырваться на свободу. Наконец они вылетают на открытое пространство, а вслед им несутся гневные крики муталибунов.

Таваддуд разворачивает ковер. Арселия и Быстрые остались значительно ниже: металлическая птица блестит в сумраке

квартала Тени у основания Осколка. Сердце Таваддуд бьется так сильно, что готово выскочить из груди.

— Они направляются к Кушу и Мисру, — говорит она, показывая на напоминающие пчелиные ульи города-паразиты неподалеку от рынка гоголов. Маленький народец вьется над ними так плотно, что их стаи кажутся твердыми. — Там нам их не поймать.

Будь они прокляты Ауном. Но я не сдамся.

Таваддуд снимает кольцо джинна и бросает его Сумангуру.

— Что вы делаете?

— Мы не успеем их догнать, — произносит она. — Вы будете вести ковер, а я попробую кое-что другое.

Ковер, лишившись управления, резко виляет, но уже через мгновение гогол, крепко зажмурившись, выравнивает ход.

Таваддуд возится со своим бими, стараясь не обращать внимания на ветер и тот факт, что она почти на километровой высоте и ее несут крошечные роботы размером с пылинку. Сплетение всегда оставляет следы, и суставы ее рук все еще побаливают. Кроме того, на такой высоте атар невероятно ясен и чист, он унесет ее мысли на огромное расстояние.

Арселия, вернись ко мне.

Боль острой иглой пронзает голову. Она перестает быть собой. Крылья болят.

Арселия, поворачивай обратно. Голос напоминает луч солнца, он теплый, чистый и прозрачный. Она борется с ветром, борется с болью и иглой. *Таваддуд.*

— Ловите ее, — шепчет Таваддуд Сумангуру.

Ее собственный голос доносится откуда-то издалека. Призрачная игла вонзается в спину. Таваддуд старается не замечать этого и продолжает звать Арселию.

— Она приближается! — кричит Сумангуру.

Таваддуд открывает глаза. Они опустились, до земли осталось не больше сотни метров, под ковром проносятся белые крыши квартала Тени. Люди показывают на них пальцами и что-то кричат. Тень ковра и тень Арселии догоняют друг друга. Таваддуд поднимает голову. Золотая птица с белыми игрушечными солдатиками на спине отчаянно стремится им навстречу. Сумангуру выпрямляется во весь рост и уже протягивает к ней правую руку.

В толпе на крыше сверкает вспышка. Леденящий гром Анти-Имени.

Арселия вместе с Быстрыми разлетается фонтаном голубых искр.

Разрыв атар-связи отзывается в голове Таваддуд ударом

молота. Еще мгновение она ощущает фантомную боль в крыльях, которых у нее нет, а потом все погружается в темноту.

Свет возвращается вместе с пульсирующей болью, прикосновением шершавых пальцев к щеке, удушливой жарой и гомоном толпы.

— Таваддуд? — окликает ее Сумангуру. — Я прошу вас, откройте глаза.

Все тело охватывает какое-то странное ощущение, как будто ее опутывает легкая паутина. Таваддуд заставляет себя открыть глаза. Гогол Соборности сидит рядом с ней на корточках и проводит рукой по ее телу, от его пальцев тянутся светящиеся щупальца, которые она видела в вольере для птиц.

— Не бойся, если верить ку-датчикам, у тебя ничего не сломано. Я не слишком хорошо справился с твоей игрушкой, но сумел приземлиться, прежде чем она разлетелась в пыль.

Он помогает ей сесть. Лицо Сумангуру в крови, мундир порван. Их обоих покрывает слой белого порошка — инертных фоглетов, оставшихся после распада утилитарного тумана ковра. *Наверное, я выгляжу не лучше.* Картины их безумного полета проносятся перед глазами, вызывая головокружение. *Не могу поверить, что я это сделала.*

— Полагаю, для приземления можно было бы выбрать место получше, — замечает Сумангуру.

Усмешка на его покрытом шрамами лице выглядит неестественно, словно маска.

Они находятся на небольшой площади по соседству с рынками гоголов. Квартал представляет собой настоящий лабиринт торговых зон и тупиков. Дома из выбеленного камня на узких улочках качаются от тяжести общин Быстрых. Вокруг уже собралась небольшая толпа зевак: продавцы гоголов, ремесленники и лавочники.

— А вы… вы видели, откуда был сделан выстрел? — хрипит Таваддуд.

У нее пересохло в горле, руки и ноги все еще дрожат. Она пытается вызвать Кающихся, но кольца джиннов, выведенные из строя стрельбой из бараки, так же мертвы, как и ковер. Внезапный страх заставляет ее отыскать атар-очки и осмотреть Печати Сумангуру. Если не считать небольшого ослабления, произошедшего во дворце Алайль, они не повреждены, так же, как и ее собственные.

— Я был слишком занят тем, чтобы удержать ковер в воздухе, — отвечает Сумангуру. — Кто бы это ни был, он явно обеспокоен информацией, которой владел карин. — Он внимательно смотрит

на Таваддуд. — Об этом нам необходимо поговорить, но не здесь. — Он помогает ей встать на ноги. — Обопритесь на меня. Надо убраться отсюда, пока противник не решился на повторную попытку.

— Моя сестра и Кающиеся скоро разыщут нас, — говорит Таваддуд. — И ваши раны серьезнее, чем мои.

— Поверьте, бывало и хуже, — сжав зубы, отзывается Сумангуру. — Это всего лишь плоть. Но поговорить нам необходимо.

Солнечный свет с трудом пробивается сквозь плотную сеть кабелей, соединяющих дома между собой и с Городом Мертвых, где обитают джинны-слуги. Воздух кажется густым от запаха человеческих тел и озона и от пронзительного щебета Быстрых, с невероятной скоростью пролетающих над головой. Таваддуд каждый раз вздрагивает, когда они проносятся мимо. У нее ноет все тело, а от головной боли не удается избавиться даже с помощью Тайного Имени. Она вспоминает, что целый день ничего не ела, и они останавливаются около уличной кухни, где хозяйничает полная женщина в хиджабе.

Потом они усаживаются на краю торговой площади Байн-аль-Асрайн у подножия статуи Соборности и едят таджин. Острые специи и жестковатое мясо помогают Таваддуд восстановить силы. Сумангуру ест медленно, на его лице появляется ностальгическое выражение. Но стоит ему поднять глаза, как оно исчезает, уступая место обычной суровости. Он задумчиво ощупывает раны на груди. Они все еще немного кровоточат, и Сумангуру вытирает кончики пальцев.

— Я недооценил вас, Таваддуд из Дома Гомелец. Больше я не совершу такой ошибки. Вы сумели подобраться к врагам Великой Всеобщей Цели ближе, чем я. Кроме того, вы спасли от фактической гибели сумангуру. Примите благодарность от меня и от моей ветви.

— Я думала, такие, как вы, не боятся смерти.

— Достижение Великой Всеобщей Цели — это война не на жизнь, а на смерть. Но солдат, который не боится противника, просто дурак. Итак, я благодарю вас.

Он слегка наклоняет голову.

Таваддуд внезапно охватывает смущение. Ее волосы в беспорядке и покрыты пылью от ковра, одежда порвана. Когда в последний раз она ужинала с приятным мужчиной, который бы не был прислан ее сестрой? Давно, слишком давно. Если, конечно, не считать того, что они едят на улице дешевый таджин, ее спутником является профессиональный убийца Соборности, лишь

несколько часов назад собранный нанороботами, а единственной причиной его визита стало преступление против Советницы, совершенное ее бывшим любовником, похитителем тел.

И еще есть Абу. *Я подумаю о нем позже.* И все же из-под оболочки Сумангуру пробивается нечто, вызывающее у нее удивление. *Он был так испуган на ковре. Он не может быть монстром.* Она вспоминает Аксолотля. *Возможно, нельзя так слепо доверять первому впечатлению.*

— Господин Сумангуру, — говорит она, — в сознании карина… я обнаружила кое-что еще.

Сумангуру молчит.

— Тайное Имя. Я думаю, Арселия хранила его для Алайль. Может, оно и не связано с ее смертью, но, несомненно, имеет большое значение.

Пока она это произносит, слоги Имени мелодичными колокольчиками звенят в ее голове, как будто Имя хочет вырваться наружу.

— Расскажите мне об Именах.

— Я думала, вас проинструктировали относительно истории Сирра.

Сумангуру прищуривается.

— Бывают случаи, когда важнее услышать историю, чем просто узнать ее содержание.

Таваддуд отставляет свою миску.

— Имена — это слова и символы, которым научил нас Аун, чтобы контролировать атар и укрощать дикий код. Древние команды для систем Сирра-на-Небе и пустыни. Печати — это особые Имена, уникальные и незаменимые, они обеспечивают защиту от дикого кода, и только мухтасиб знает, как их создавать.

— Алайль хотела передать их нам, чтобы мы могли продолжить достижение Цели, не прибегая к помощи ваших муталибунов, — говорит Сумангуру. — Любой, кто возражает против этого, находится под подозрением.

— Вы найдете очень много несогласных. Печати это все, что оставили нам наши предки. Символ Крика Ярости, — отвечает Таваддуд. — Передать их вам — подорвать нашу торговлю гоголами и экономику, позволить машинам Соборности заменить в пустыне наших муталибунов… Многие решительно возражают против этого.

Бледные глаза Сумангуру смотрят на нее, не моргая.

— А что думает по этому поводу Таваддуд из Дома Гомелец?

Таваддуд опускает глаза.

— Что правосудие должно свершиться.

— Интересное замечание. — Сумангуру сжимает пальцами переносицу, потом моргает и опускает руку. — А может, тот, кто убил Алайль, не думал об Аккордах, а просто хотел получить Имя, которое вы обнаружили? Вам известно, какой властью оно обладает?

Таваддуд качает головой.

— Некоторые Имена можно произносить только в определенном месте и в определенное время. Мне кажется, это одно из них.

Сумангуру пристально смотрит ей в глаза.

— Есть только две причины, почему убийца мог хотеть похитить карина или не позволить нам завладеть им: либо он стремился узнать Имя, либо опасался, что птице известно, кто виновен в гибели Алайль. Подумайте хорошенько: нет ли чего-то еще, что вы увидели в сознании карина?

Таваддуд невольно сглатывает.

— Мне кажется, что вы кого-то защищаете, Таваддуд из Дома Гомелец, — тихо произносит Сумангуру. — Если это так, учтите: кто бы это ни был, он намерен развязать войну с Соборностью. А на войне зачастую становишься двойником своего врага и начинаешь бояться самого себя.

Он откидывается назад и смотрит на Ковш, тонкие линии которого постепенно скрываются за пушистыми вечерними облаками. Осколки сторожевыми башнями охраняют горизонт.

— Вам известна история Соборности?

— До сих пор я встречалась только с сянь-ку.

— Сянь-ку образуют немногочисленный клан одержимых прошлым. Больше всего на свете им хотелось бы создать еще одну Землю, искусственную Землю для всех, кто когда-либо существовал. Они предпочитают оглядываться назад. Но многие из нас смотрят вперед. Даже в тех случаях, когда за это приходится дорого платить.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Таваддуд.

— После первой войны мы поняли, что этого, — Сумангуру постукивает себя пальцем по виску, — недостаточно. Когнитивной архитектуры человека до сих пор хватало лишь на то, чтобы установить Великую Всеобщую Цель. Есть, конечно, основные принципы, которые читрагупты считают универсальными. Рекурсия, мысли внутри мыслей. Основы языка, самоанализ, возможно, самосознание. Но почти все это отдельные модули, неэффективно связанные между собой в процессе эволюции. Что-то вроде монстра Франкенштейна.

— Кого?

— Я все время забываю, что это вымысел. Не обращайте

внимания. Суть в том, что мы начали экспериментировать. И дело закончилось Драконами. Существами без сознания, без модулей. Один только двигатель, самомодифицирующийся эволюционирующий оптимизатор. Мы так и не смогли их уничтожить и только поместили внутрь виртуальных машин, изолировали. Как вы думаете, для чего существуют *губернии?* Это клетки для монстров. Все остальное — только видимость.

— Вы уверены, что должны все это мне рассказывать?

Таваддуд вспоминается молодой человек в оранжевом одеянии, политический астроном. Она уверена, что ни один обитатель Сирра не слышал ничего подобного.

— А вы думаете, что не должен?

Уголок губ Сумангуру слегка приподнимается.

— А что произошло потом?

— Мы боролись с ними. В Глубоком Прошлом война длилась несколько тысяч лет. Они были лишены морали, лишены внутреннего голоса, просто голый разум. И мы проигрывали. До тех пор, пока не начали отсекать от себя определенные части. Язык жестов. Теорию мышления. Сочувствие. Для победы над Драконами мы сотворили гоголов, которые были зеркальным отражением мерзавцев. Таких, как я.

Таваддуд смотрит на Сумангуру. Он холодно усмехается.

— О, я вполне могу прилично вести себя в обществе, но вы должны понять, что моей мимикой просто управляют гоголы-рабы. Мои эмоции позаимствованы со стороны. А мои личные цели и желания… очень отличаются от ваших. Поэтому, храня свои тайны, Таваддуд из Дома Гомелец, подумайте, стоят ли ваших забот те, кого вы защищаете, или они уже пересекли границу? — Он наклоняется ближе, и запах машинного масла в его дыхании становится настолько сильным, что Таваддуд испытывает тошноту. — Неужели вы хотите солгать тому, кто убивает Драконов?

Он берет отставленную Таваддуд миску и с удовольствием доедает остатки таджина.

Дальнейшее ожидание проходит в молчании. Наконец на площадь медленно опускается ковер, и с него сходит Дуньязада, сопровождаемая длинной и тонкой мыслеформой Кающегося. На сестре Таваддуд официальный костюм Совета в цветах Дома Гомелец: черное платье с золотой цепью в волосах.

Она кланяется Сумангуру и в ужасе сжимает руки.

— Господин Сумангуру! — восклицает она. — Вы серьезно ранены? Мы немедленно доставим вас в дом моего отца и позаботимся о лечении.

Сумангуру пожимает плечами.

— Плоть исцелится, — отвечает он. — В противном случае ее придется отсечь.

Дуни снова кланяется и поворачивается к Таваддуд.

— Дорогая сестра, — говорит она, крепко обнимая ее. — Благословен Аун, ты жива! — Не выпуская ее из своих объятий, Дуни торопливо шепчет на ухо: — Отец хочет тебя видеть. Лучше бы тебе снова убежать из дома.

Затем Дуни отстраняется и одаривает их сияющей улыбкой.

— Следуйте за мной, пожалуйста. Нам надо обсудить *так много* вопросов.

Глава пятнадцатая
ВОР И САУНА

Накануне отбытия вора на Землю Миели готовит оортианскую пищу. Он в хорошем настроении: много рассуждает, расточает улыбки, но Миели то и дело краем глаза замечает в его лице какие-то перемены. Какую-то жестокость.

Видишь? Пеллегрини шепчет ей на ухо. Она присутствует на корабле во время приготовлений, следит за ними.*Надо верить, и тогда все получится.*

Миели не реагирует на слова богини и продолжает накрывать на стол. Паучьи яйца в маленьких съедобных гнездах. Очищенные плоды водооткачивающих деревьев. Колбы для напитков. И сауна уже греется.

— Все это весьма изысканно, — говорит вор. — Но разве нам не следует провести оставшееся время за подготовкой к проникновению на самую, по моему мнению, охраняемую планету Системы?

— А мы и занимаемся подготовкой, — отвечает Миели. — Земля — это мрачная обитель боли. Высаживаться на нее — все равно что спускаться в преисподнюю. И мы должны очиститься.

— Что ж, в*этомя* с тобой согласен. Честно говоря, я предпочел бы очиститься изнутри.

Он отпивает из сосуда и морщится. Миели выхватывает у него из рук колбу.

— По вкусу это настоящий деготь, — жалуется вор.

— Вкус не имеет значения. Напиток предназначен для поминовения усопших. И ужин будет только после сауны, так что сдерживай свои инстинкты.

Вор внимательно смотрит на нее.

— Не знаю, как насчет мертвых, но я жду этого с нетерпением. Я рад, что мы наконец пришли к соглашению.

Миели не отвечает. Она видит, как усмехается Пеллегрини, и прикрывает глаза. Но лицо богини не исчезает.

— Пойдем в сауну, — приглашает она.

Сауна расположена в одном из грузовых модулей «Перхонен». За все годы на службе Пеллегрини Миели пользовалась ею всего несколько раз — сауна пробуждала в ней слишком сильную тоску по дому. Но для настоящего очищения это самый верный способ, и «Перхонен» все подготовила для этого случая.

Это крошечная отделанная деревом комнатка с большим шаром воды в центре, который удерживается полупроницаемой мембраной и нитями*вяки*. Он выглядит как капля росы в гигантской паутине. Если щипцами взять раскаленный камень и бросить его в воду, комната наполнится горячим паром. Камни будут крутиться в пузыре и заставят его раскачиваться, словно живое существо.

«Перхонен» присоединила модуль к основному жилому отсеку, и деревянная дверца люка выглядит весьма заманчиво. Но вор посматривает на нее с опаской.

— И как же это работает? — интересуется он.

— Раздевайся, — командует Миели.

Он медлит.

— Прямо сейчас?

— Не мешкай.

Резко выдохнув, вор начинает возиться с пуговицами пиджака и брюк.

— А можно взять полотенце? — спрашивает он.

Но Миели уже сбросила одежду и шагнула в теплые облака *лёюлю*.

Вор нерешительно следует за ней. Его взгляд не отрывается от ее тела. Затем он устраивается по другую сторону от водяного пузыря, опускается на сиденье и ставит ноги на деревянную подставку. В другом люке, выходящем в космос, имеется стеклянное окошко, и лицо вора в свете звезд и мерцании *киуас*[74] кажется невероятно молодым.

— Прибавь немного лёюлю, — просит Миели.

Вор берет щипцы и осторожно вынимает самый маленький камень из металлической корзины на стене. В мире из кометного льда и пыли камни для пара считаются настоящей драгоценностью, и этот очень хорош: круглый, черный и пышущий жаром. Вор бросает его в воду, и камень сердито шипит.

Миели довольно вздыхает, берет веник из ветвей водооткачивающего дерева и легонько бьет себя по спине. Шрамы

от крыльев слегка пощипывает, присоски листьев приятно льнут к коже.

— Я знаю, что ты склонна к самобичеванию, но не думал, что ты воспринимаешь его *настолько* буквально, — говорит вор.

— Ш-ш, — останавливает его Миели, сверкнув глазами.

Затем она берет один из самых больших камней голыми руками и бросает его в воду. На этот раз клубы *лёюлю* окутывают ее с ног до головы, как утренний свет *кото*, и пощипывает уже все тело. Вор испускает сдавленный крик и, пытаясь спрятаться от пара, поворачивается спиной, но от этого ему становится только хуже. Он пробирается к дверце люка, но она надежно заперта.

— Скажи честно, — ворчит он, — это наказание?

— Нет, не наказание. Прощение.

Миели бросает в воду один из голубых камней. Сауна наполняется легким ароматом мяты, но жар становится еще сильнее. На дереве проступают крошечные янтарные капельки смолы, которые прилипают к коже, когда Миели прислоняется к стене. Вор непривычно долго молчит и только тяжело дышит.

— Итак, — начинает она, — «Перхонен» сообщила мне, что у нас появились цель и план.

Вор забирается на свое место, опирается локтями на колени и смотрит, как тускнеет брошенный в воду камень.

— Давай начнем с цели, ладно? — отзывается он. — Я до сих пор не знаю, что это и для чего оно нужно, но это нечто, имеющее отношение к Вспышке. Тигр называл его камнем Каминари.

Он делает паузу и осторожно бросает в шар довольно большой камень. Вода шипит. Дерево стонет: это единственная преграда между ними и Человеком Тьмы. Как ни странно, но Миели чувствует себя как дома.

— Камень находится у Матчека Чена, — продолжает вор. — Пеллегрини хочет его заполучить. И мы должны ей его доставить. Все сводится к этому.

— А Земля?

— Ну, чтобы украсть что-то у Чена, надо *стать* им. Вот только ты этого сделать не можешь. У нас нет доступа к Кодам Основателя Чена. В прошлый раз я попытался украсть их прямо у него, и ничего хорошего из этого не вышло. Так что придется найти другой способ. Поэтому надо попасть на Землю. Понимаешь, где-то там внизу есть гогол Матчека Чена. Но не действующего правителя Соборности, не бога-короля. Это ребенок. Своего рода страховка. Но в нем достаточно много от Чена, чтобы разгадать его Код.

— Откуда тебе это известно? — спрашивает Миели.

— С твоей Пеллегрини я знаком очень давно. Я работал на

нее, как сейчас работаешь ты, но тогда она еще была обычной женщиной. Для Основателей и особенно для Чена она являлась своего рода покровительницей. И потому, прежде чем лечь с ним в постель, она поручила мне очень внимательно изучить его прошлое. И я обнаружил кое-что интересное. Насколько тебе известна история загрузки?

Миели молчит.

— Ладно, — произносит вор. — Полагаю, для вас, оортианцев, это болезненная тема. Но дело в том, что в шестидесятых годах двадцать первого века жизнь после смерти стала предметом большого бизнеса. За немалые деньги можно было купить себе рай — или ад, если угодно. Я не говорю об объектах централизованных загрузок: они были обречены на скверную, жестокую и очень долгую жизнь. Речь идет о тех, кто мог позволить себе оплатить индивидуально созданный высококачественный вир, поддерживаемый сверхнадежным реверсивным оборудованием с геотермальным источником питания, с гарантированным сроком работы не менее нескольких тысячелетий и собранным в условиях строжайшей секретности. Родителей Чена можно назвать чрезвычайно заботливыми. Звезда бими и управляющая квантовым фондом. Невероятно богатые. Когда Чену исполнилось семь, они обеспечили ему загрузку в гарантированно безопасный рай. Ему никогда не говорили об этом, а большая часть информации того периода была уничтожена Коллапсом. Так что этот полезный факт остается только в моей голове. Проблема в том, что я так и не смог выяснить, где находился этот рай. Вполне вероятно, что он пережил Коллапс, как и большинство ему подобных. Семьи мухтасибов из Сирра время от времени откапывают их. К счастью, сянь-ку одержимы историей. Я собираюсь проникнуть в вир предков, созданный ими в решетке Ковша вокруг Земли, и попытаться что-нибудь выяснить. Это будет не слишком трудно: Сумангуру у всех вызывает страх.

— Не у всех, — возражает Миели.

— Ну, сянь-ку его точно боятся. — Вор ерзает на сиденье и потирает шею. — А что вы делаете, чтобы немного охладиться?

Миели показывает на внешний люк.

— Вакуум, — отвечает она. — Это называется поцелуй Человека Тьмы. Ты сможешь выдержать несколько секунд.

— Спасибо, но я пас, — заявляет вор.

Миели смотрит на него с улыбкой, означающей, что ныряние в темноту — необязательная часть процесса. Вор торопливо продолжает говорить.

— Таким образом, я намерен узнать, где находится цель. А ты

тем временем должна подготовиться к доставке груза. Сирр частенько прибегает к услугам наемников из других миров: для тебя это будет идеальным прикрытием. И самым верным способом получить Печати. Земля стала очень опасным местом. Там нельзя и шагу ступить без защиты, обеспечиваемой правящими семействами Сирра — мухтасибами, чтобы на тебя не набросились одичавшие наниты. Так что она нам понадобится. А как только у меня будет информация, мы встретимся и заберем маленького Матчека из его рая. С его помощью можно будет реконструировать Коды большого Матчека. И тогда останется совсем немного. Что скажешь?

— Ужасно убедительно, — отзывается Миели. — Безупречно замаскироваться и раствориться в сети Соборности. Как я могу надеяться, что получу от тебя весточку?

— Ты недооцениваешь Жозефину Пеллегрини, — отвечает вор. — Уж тебе-то лучше других известно, насколько убедительной она может быть, когда ей что-то нужно. От нее нелегко скрыться.

— Ты о чем-то умалчиваешь. — Она берет раскаленный камень и поднимает его. — Я могла бы заставить тебя говорить.

Вор разводит руками.

— Могла бы. — Он выглядит неожиданно усталым. — Но не сделаешь этого. Это не твое. — Он постукивает по деревянной стене сауны. — Вот *это* твое. Тебе еще есть куда вернуться. Не отказывайся. Я завидую тебе. У нас были определенные разногласия, но я держу свое слово. По крайней мере, это наше общее качество. Я обещал, что сделаю это для тебя, и выполню обещание. Ты вытащила меня из тюрьмы. И я вытащу тебя из твоей тюрьмы. Я хочу быть уверен, что ты отправишься домой.

Он говорит как «Перхонен». Но все его речи либо ложь, либо уловки. От тепла сауны Миели размякла. *Может, рассказать ему, почему я это делаю?* Затем она вспоминает, как он касался камней Сюдян во время их первой встречи.

— Ладно, — медленно произносит Миели. — Мы сделаем так, как ты говоришь. Но если ты меня предашь, я отыщу тебя.

Она бросает в воду последний большой камень. Вор жмурится от пара и с ворчанием убегает. Он что-то делает с замком, люк распахивается, и вор выскакивает наружу. Миели видит его худое обнаженное тело с покрасневшей, словно у рака, кожей.

Миели закрывает глаза. В последний раз она была здесь с Сюдян. Возможно, скоро они снова будут вместе. *Скоро. Даже если это потребует еще немного времени.*

Затем она открывает люк в вакуум и выпускает порыв воздуха. Пар мгновенно превращается в сверкающее облако

ледяных кристаллов.

Миели выходит наружу, расправляет крылья и целует Человека Тьмы.

Я прохлаждаюсь в центральной каюте. Пылающую кожу пощипывает, и невольно вспоминаются ожоги, полученные сначала от Охотника, а потом в маршрутизаторе. Но вместе с тем я испытываю приятную истому. Миели недвусмысленно запретила мне притрагиваться к еде, поэтому я обхожусь несколькими паучьими яйцами и запиваю их вонючей оортианской лакричной водкой.

Тебе стоило бы подождать, упрекает меня корабль.

— Извини, не смог удержаться. Собираешься наябедничать?

Если придется, я готова применить любые имеющиеся средства, отвечает «Перхонен». *Она купилась?*

— Не совсем. Но согласилась на план.

Она не должна узнать.

— Я об этом позабочусь. На долю Миели выпало немало грязной работы. Теперь моя очередь.

Я пробую фрукты. Странный сладковатый вкус, как у хурмы, только более острый.

— В любом случае, похоже, ты провела неплохую подготовку. Она была в благодушном настроении. Отличная мысль насчет сауны.

Это полностью ее идея, отвечает корабль. *Но хорошо уже то, что она выслушала тебя. Чем скорее это закончится, тем лучше.*

— Согласен. Будем надеяться, что впоследствии она нас поблагодарит. Сказать по правде, на это мало надежды. Я и сам не в восторге от плана. Возможно, именно поэтому не воспользовался им в прошлый раз. Но теперь выбора у нас нет.

— Выбор всегда есть, Жан, — говорит Жозефина. — А ты большой специалист делать его неправильно.

На этот раз она не воспользовалась телом Миели, оставшись просто призраком в освещенной земным сиянием каюте — точно такой, какой я ее помнил: высокая красивая женщина, которой можно было бы дать не больше сорока, если бы не едва уловимая хрупкость. У меня сжимается сердце.

— Неправильно — это слишком сильно сказано, — отвечаю я. — Я предпочитаю слово «нестандартно». — Я прищуриваюсь. — А я думал, ты скрываешься.

— Уже нет, раз ты разобрался с несчастным Сумангуру, — произносит она и закуривает сигарету. — Мне нравится твоя сентиментальность по отношению к Миели. Это я замечала в тебе и прежде. Ты убеждаешь себя, что заботишься о ком-то, а потом

используешь его в качестве инструмента. Вот почему нам так хорошо вместе. Со мной тебе не приходилось себя обманывать.

— Я думал, ты на меня злишься.

— Что ж, наказания сауной в обществе оортианки с тебя пока достаточно. И ты проявил некоторые черты того Жана, которого я знала. Продолжай в том же духе, и получишь больше, чем просто свободу. Достань мне камень, и вся Вселенная будет у твоих ног.

— Я принесу тебе камень, но не домашние тапочки, — отзываюсь я. — Я больше не стану твоей комнатной собачкой.

Она смеется.

— Ты хоть имеешь представление, сколько раз происходил между нами этот разговор? Ничего не меняется, Жан, особенно для таких, как мы. Вечно оставаться собой — вот цена, которую приходится платить за бессмертие. Поэтому мне так нужен камень. Чтобы изменить правила.

Я поднимаю свой бокал.

— Жозефина, дорогая, любовница из тебя куда лучше, чем философ. А теперь прошу прощения, но я собираюсь закончить ужин. А потом мне предстоит долгий путь вне своего тела.

Она улыбается своей змеиной улыбкой.

— И ты будешь не один, Жан, — говорит она. — Я отправляюсь вместе с тобой.

К концу ужина Миели выглядит почти довольной. Она даже что-то напевает себе под нос. Восстановленные статуи медленно танцуют под ее мелодию.

— Не могу сказать, что сильно привязался к этому телу, — произносит вор, — но не могла бы ты сказать, что будешь с ним делать в мое отсутствие?

— Уберу с глаз долой, — отвечает Миели.

Остаток ужина проходит в молчании. На десерт она приготовила настоящий шедевр: морошка с паучьим молоком. Это блюдо удерживает от разговоров даже вора.

— Чем ты займешься, когда все это закончится? — внезапно спрашивает он.

Миели поднимает голову.

— Пора в путь, — заявляет она.

Она переключается на спаймскейп и дает команду «Перхонен» подготовить запуск мыслевихря. Им предстоит внедрить сознание вора в сеть коммуникаций Соборности, загрузить его в диск из интеллектуальной материи, тоньше, чем мыльный пузырь, и отправить к Земле впереди «Перхонен».

— Ну ладно. Увидимся на Земле, — говорит вор. — Жди моего сигнала.

— Да пребудут с тобой Куутар и Ильматар, — негромко отзывается Миели.

— Две богини? Это целая команда. Но, думаю, в этой работе их помощь не помешает.

Он закрывает глаза и исчезает. Мыслевихрь, подгоняемый корабельными лазерами, набирает скорость и скрывается в темноте.

Глава шестнадцатая
ТАВАДДУД И КАССАР ГОМЕЛЕЦ

Свободные часы Кассар Гомелец, как обычно, проводит на кухне.

Среди старых членов Совета бытует мнение, что если бы не семейное дело, Кассар непременно стал бы шеф-поваром в лучшем ресторане Зеленого Осколка. В воздухе висит густой аромат специй, атар заполнен фрагментами рецептов. Джинны-слуги подготавливают отдельные ингредиенты в маленьких горшочках и контейнерах, а сам Кассар огромным ножом нарезает овощи на тонкие ломтики. Его движения поражают своей ловкостью и точностью.

Поначалу он даже не замечает появления дочерей. Затем поднимает голову, откладывает нож и вытирает руки фартуком.

— Отец, — приветствует его Тавaддуд и кланяется.

Тело у нее все еще болит, но по крайней мере она успела помыться и сменить одежду. Она не меньше получаса решала, что надеть, и наконец остановила свой выбор на простом темно-зеленом платье, а на голову повязала белый шарф, оставляющий лицо открытым.

Кассар окидывает ее бесстрастным взглядом. Затем отворачивается, собирает овощи с разделочной доски и бросает в большой кипящий котел.

— Я вижу, моя дочь не пострадала. Это хорошо. А что с нашим гостем? — спрашивает он, не оборачиваясь и изучая содержимое котла.

В каком бы настроении ни пребывал отец Тавaддуд, в его голосе всегда присутствует нотка скорби.

— Господин Сумангуру восстанавливается после ранений, — отвечает Дуньязада. — Его Печати не пострадали, несмотря на воздействие дикого кода и выстрелы из бараки.

— Возблагодарим Ауна за эти крохи милости, — говорит Кассар. — Нехорошо было бы погубить посла Соборности в этой безумной гонке над городом.

— Соарецы жалуются на ущерб, нанесенный их рух-кораблям,

а господин Салих поднял шум из-за гибели карина и требует… — продолжает Дуни.

— С Соарецами мы разберемся, — небрежно машет рукой Кассар. — Сейчас нам надо обсудить более важные дела. Таваддуд.

У нее замирает сердце.

— Молодой господин Нувас… убедил меня поручить тебе это неприятное дело. Было ли это решение правильным, еще стоит определить. Итак. Должен сказать, что меня порадовал твой интерес к делам семейства, но для этого не стоило прибегать к шантажу. Сначала ты должна была обратиться ко мне. И в будущем станешь поступать именно так. Ты поняла?

— Да.

Кассар все так же стоит к ним спиной и наблюдает за контейнерами, которые сами собой взбалтывают содержимое.

— Ладно, это неважно. Молодой Абу сильно увлечен тобой, и это весьма полезно. Что же тебе удалось выяснить?

Таваддуд делает глубокий вдох. Она все время думала, что скажет отцу, и без конца подбирала нужные слова.

— Госпожа Алайль умерла из-за одержимости, и тот, кто убил ее, охотился за имеющимся у нее Тайным Именем. По этой же причине кто-то из членов Совета пытался уничтожить меня и господина Сумангуру, — докладывает Таваддуд. — И Кающемуся Рамзану доверять нельзя. И еще… возможно, я знаю джинна, который наслал на Алайль одержимость. Он мог бы привести нас к авторам этого заговора.

— Я имел в виду: что тебе удалось выяснить о *нем?* О Сумангуру.

Таваддуд изумленно смотрит на отца. В белом колпаке, с оттопыренными ушами, он мог бы выглядеть комично, если бы выражение его лица не было таким суровым.

— Не понимаю. Я думала, моя задача…

— С помощью этой возможности выведать информацию, которую мы могли бы использовать против Соборности. Вот в чем состояло задание, которое сначала я поручил Дуньязаде.

— Но… Она не…

Дуньязада ласково улыбается Таваддуд, прижав накрашенный ноготок к губам.

— Дорогая сестра, разве я не говорила тебе, что это не игра?

Кассар вздыхает.

— Расследование для нас не так уж важно. С самого начала было ясно, что за этим делом стоят масруры. Я пригласил эмиссара Соборности совсем не для этого.

Он пробует из поварешки содержимое котла и кривит губы.

— Ну а что касается Кающегося Рамзана, то он исчез. Нам было известно о его симпатиях к масрурам, хотя сам он и не является орудием мести. Я уверен, что объектом нападения был господин Сумангуру — очень жаль, конечно, что ты подверглась опасности. Однако карин и секреты, которые, по твоему мнению, ты узнала, не имеют к этому никакого отношения. Тайное Имя, вероятно, представляет определенную ценность, и ты изучишь его вместе с Херимоном, как только закончатся все эти проблемы. Но я еще раз спрашиваю тебя: что ты узнала о Сумангуру?

Таваддуд задумчиво покусывает губу.

— Он… он боится высоты. — Мысли путаются и разбегаются. — А в Соборности имеются существа, называемые Драконами, у которых отсутствует самоконтроль. У него есть устройство, позволяющее захватывать сознание в вире и исследовать его. Но… похоже, это занятие не доставляет ему удовольствия, хотя он и утверждает обратное. — Она нервно сглатывает, ощущая пустоту в голове. — Я могу попытаться вспомнить что-нибудь еще…

— И это все? — спрашивает Кассар. Он сцепляет руки за спиной и качает головой. — Я надеялся на большее. Все это ты можешь рассказать политическим астрономам в Совете. Для нас эти сведения бесполезны. Дочь моя, мне кажется, я выполнил данное Абу Нувасу обещание. С этого момента твоей заботой станет медицинская помощь нашему гостю. Как только он поправится, Дуни продолжит расследование: она уже приготовила для господина Сумангуру немало версий, проверка которых надолго его займет. А ты можешь вернуться к своим делам среди Бану Сасан. Это увлечение, по крайней мере, свидетельствует о твоем добром сердце. И господин Нувас станет для тебя прекрасным мужем.

Таваддуд с трудом проглатывает слезы.

— А как же госпожа Алайль? Как мы найдем ее убийцу?

Кассар склоняет голову.

— Алайль была нашим другом, и я не могу выразить, как сильно сожалею о ее уходе. В свое время мы накажем за это масруров. Но она и сама хотела бы, чтобы в первую очередь мы выполнили свой долг по отношению к Сирру.

Это был Аксолотль! хочется ей крикнуть. *Я могу его найти. Я могу привести его к вам.* Но Таваддуд не в силах заставить себя произнести эти слова.

Кассар искоса бросает на нее взгляд и снова отводит глаза.

— Я вижу, ты не понимаешь, в чем состоит наш долг. Когда пал Сирр-на-Небе, когда люди не знали, как быть дальше, их

возглавил Гомелец. Гомелец воззвал к Ауну и заключил пакт, позволяющий нам существовать. И сегодня наша задача остается прежней: найти способ выжить. Крик Ярости доказал, что Аун недолюбливает Соборность. В прошлый раз, когда ее представители пытались завладеть нашим разумом, против них поднялась сама пустыня. Но если слухи, доставляемые нашими агентами среди наемников, правдивы, положение изменилось. Сянь-ку отличаются терпимостью, но другие Основатели не столь благосклонны. Кое-кто из них обладает таким могуществом, что против них не устоит и сам Аун. И теперь настало время проявить гибкость, чтобы не быть сломленными, но при этом не утратить свою истинную сущность.

— Разрешить им запустить свои машины в пустыню и выкапывать души?

Таваддуд срывается почти на крик.

— Да, они просили именно об этом. Наш ответ будет зависеть от того, что они предложат взамен. Но мы должны *изучить* их, и я боюсь, что ты не тот человек, который способен разгадать этого Сумангуру.

Таваддуд опускает голову, глотая слезы. Ее лицо онемело, в груди и голове гулко звенит пустота.

— Если бы я могла объяснить… — шепчет она.

— Довольно, — обрывает ее Кассар Гомелец и снова поворачивается к кипящему котлу.

Таваддуд и Дуни идут по украшенной колоннами галерее к жилым покоям. На полпути Таваддуд оставляют последние силы. Она склоняется от усталости и тяжело опускается на каменную скамью, подставляя лицо пурпурным лучам заходящего солнца. В глазах острая резь, но Таваддуд настолько устала, что не способна воспроизвести Тайное Имя, снимающее боль. Она даже не в состоянии сердиться, и язык почти не слушается ее.

— Ты играла мной, — шепчет она.

— Сестра, — отвечает Дуньязада, — ты *сама* хотела, чтобы тобой играли. Не жалуйся на неудачу. Я пыталась тебе помочь. Я просила тебя не вмешиваться. Но ты не слушала. — Ее лицо становится серьезным. — И тебе грозила опасность. Ты могла погибнуть, гоняясь за Быстрыми. Какими бы ни были наши разногласия, ты должна верить, что я никогда не желала тебе зла. Моя благодарность Ауну шла от самого сердца.

— Этому я верю. И тебе есть за что его благодарить. Теперь ты довольна? Непослушная Таваддуд наказана, и все снова прекрасно в этом мире.

— Пока нет.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы еще должны принять кое-какие меры предосторожности с нашим гостем, и мне пригодилась бы твоя помощь.

— После того, что ты устроила, ты все еще хочешь, чтобы я *помогала* тебе? Ты с ума сошла?

Дуньязада любуется заходящим солнцем.

— Ты хочешь исполнить свой долг члена семейства Гомелец? — негромко спрашивает она. — Я думаю, нам пора оставить наши мелкие игры: для этого найдется время, когда Сирр будет в безопасности. Ты согласна?

Таваддуд, стиснув зубы, медленно кивает.

— Послушай меня. По поручению отца я уже связалась с сяньку. Как ни странно, но их, по-видимому, ничуть не встревожило, что посланник подвергался опасности. Как я уже говорила, здесь замешаны политические интриги, о которых мы не имеем представления. Или время: порой обнаруживается, что сообщества Соборности погружаются в Глубокое Прошлое, потом перепрыгивают через поколения в наши дни и начисто забывают о достигнутых договоренностях. — Она многозначительно улыбается. — Конечно, когда это соответствует их интересам.

Она вынимает из складок одежды маленькую шкатулку и протягивает ее Таваддуд.

— Ты пойдешь проведать Сумангуру, справиться о его здоровье. А пока будешь осматривать его раны, вставь это устройство ему под кожу, так, чтобы его не было видно. И чем ближе к мозгу, тем лучше. Наши попытки исследовать технику Соборности после Крика Ярости были не слишком успешными. После того, как это будет сделано, тебе больше не о чем беспокоиться.

Таваддуд открывает шкатулку. Внутри между металлическими зажимами поблескивает крошечный предмет, похожий на осколок стекла.

— Для чего это нужно?

— Я уже сказала, тебе больше не о чем беспокоиться.

— Почему ты сама этого не сделаешь?

— Потому что он доверяет тебе. И ты проявила себя как искусный доктор, если уж не политик. — Дуни похлопывает Таваддуд по руке. — Я понимаю, в это трудно поверить, но сегодня вечером ты произвела хорошее впечатление на отца. Со временем он увидит то, что вижу я: ты настоящая Гомелец. Член нашей семьи.

Таваддуд прикрывает глаза.

— Ты сделаешь это ради меня, правда? — спрашивает Дуни.

— Если не ради меня, то ради нашей мамы?

Таваддуд молча кивает. Дуни целует ее в лоб.

— Спасибо. А потом тебе нужно будет хорошенько выспаться.

Она подносит к уху кольцо джинна и сосредоточенно хмурится.

— А может, и нет. Похоже, здесь Абу Нувас, и он хочет встретиться с тобой.

— Я пришел сразу, как только узнал о том, что случилось, — говорит Абу, входя в ее приемные покои.

Таваддуд наскоро нанесла макияж, но тотчас все смыла: усталость невозможно скрыть под слоем краски. Но спокойная обстановка и дружеское лицо придали ей немного сил.

Они усаживаются на подушки. Таваддуд зажигает на столике две свечи. В их теплом свете латунный глаз Абу приветливо поблескивает.

— Как ты обо всем узнал? — спрашивает она.

— О стремительной погоне над кварталом Тени? — Абу качает головой. — Это невозможно скрыть. Я рад, что ты не пострадала.

Он протягивает руку над столиком и сжимает ее пальцы.

— Я и представления не имел, что ты окажешься в такой опасности. Я ужасно себя чувствую из-за того, что поставил тебя в такое положение. Одно дело — добиваться доверия отца, но рисковать жизнью ради… Он снова качает головой. — Поверь, я знаю цену мечтам.

— Что ж, похоже, что на этом мое участие в опасных делах заканчивается, — говорит Таваддуд, высвобождая руку. — Мой отец считает, что я недостойна даже прямого взгляда. И…

Она старается сдержать слезы, но тщетно.

— Что случилось? — спрашивает Абу. — Ты можешь все мне рассказать. Знаю, я чужой для тебя, но если я могу чем-то помочь, я это сделаю.

Он понимает. Таваддуд вытирает слезы рукавом.

— Это глупо. Я обнаружила кое-что в сознании карина Алайль. И мне кажется, я знаю, кто ее убил. Но доказательств у меня нет. Я не могу сказать об этом отцу, он ни за что мне не поверит.

Абу кладет руку ей на плечо.

— Если… если хочешь, скажи мне. Я мог бы встретиться с твоим отцом и снова поговорить с ним. Меня он выслушает.

Его голос звучит так ласково. Таваддуд вспоминает пламя, вспыхнувшее в ней там, в палатке, и поглотившее ее всю без остатка. В неровном свете свечей отголоски этого пламени

различимы в человеческом глазу Абу. А по спине ползет холодный страх. Таваддуд качает головой. *Глупости. Я просто устала.*

— Спасибо, но не надо, — произносит она вслух. — Ты сделал достаточно, а моего отца способна была переубедить только мама.

Абу отводит взгляд.

— Как хочешь. — Он довольно долго молчит. — А что будет с нами?

— Я не знаю, Абу. Я так устала.

— Да, конечно. Я должен был дать тебе отдохнуть. — Он встает. — У меня есть предложение: поужинай со мной завтра в моем дворце. — Он поднимает руку. — Это ни к чему тебя не обязывает: ты показала мне свой мир, и я в ответ хочу показать тебе свой.

Таваддуд кивает.

— С удовольствием.

— Отлично. Знаешь, в тот вечер я рассказал тебе свою историю не до конца. Возможно, тебе станет легче. — Он потирает латунный глаз. — После того, как муталибуны нашли то, что хотели, они бросили меня в пустыне умирать, чтобы я не привел в это место никого другого. Но я выжил. Я остался один в пустыне дикого кода, в городах Быстрых. Там были дома с окнами-глазами, были машины-звери и другие машины, которые выглядели почти людьми, но не были ими, и… прочие ужасные вещи. Но я шел домой. Сотни раз я думал, что умру, но продолжал идти. У меня была цель, и она поддерживала меня, как бы ни было плохо. Так что тебе не стоит отчаиваться. Ты еще покажешь отцу, на что способна. А если ты мне позволишь, я буду тебе помогать. Тебе не придется идти по пустыне одной.

Таваддуд окатывает теплая волна.

— Спасибо тебе, — шепчет она.

У выхода она целует Абу. Его губы холодны, но он крепко обнимает Таваддуд.

Наконец она отстраняется.

— Увидимся завтра, — с улыбкой говорит он.

— А что это было? — спрашивает Таваддуд.

— О чем ты?

— Что помогало тебе идти?

Абу снова улыбается.

— Месть, — отвечает он. — Что же еще? Спокойного сна, Таваддуд.

После ухода Абу Таваддуд вынимает шкатулку Дуньязады.

Месть.

Крик Ярости. В то время ей было восемь лет. В небе появились горы. Хрустальные облака и алмазные пирамиды заслонили собой синеву. Вдали прогремел гром. До Осколка донеслись испуганные крики. С небес протянулись белые лучи. Увидев их, Таваддуд весело засмеялась.

— Мама! — крикнула она. — Посмотри, идет дождь из света!

Мать испуганно взглянула в небо Соборности.

После приступа безумия она сильно изменилась, все время молчала и страдала от кошмаров. Таваддуд надеялась, что чудеса в небе обрадуют ее.

А вместо этого мать выбежала на балкон и спрыгнула вниз.

Пламя свечей дрожит от залетевшего снаружи ветерка. Таваддуд закрывает окно, берет медицинскую сумку и отправляется к Сумангуру.

Гостевые покои находятся в Шафрановой башне, самой высокой из пяти горизонтальных башен дворца Гомелеца, и оттуда открывается великолепный вид на Сирр. Таваддуд выбирает длинную извилистую лестницу, ведущую из ее покоев в обход жилой части дворца по выпуклой поверхности Осколка. Ночной воздух и физическая нагрузка проясняют ее мысли. Город плещется внизу морем золотистых огней, напоминая о другом Сирре, показанном ей Абу в атаре. Таваддуд неожиданно обнаруживает, что скучает по нему.

По крайней мере, хоть что-то хорошее во всем этом.

Сумангуру сам открывает ей дверь. Белые брюки и рубашка из гостевого гардероба оттеняют его смуглую кожу: в этой одежде он похож на кабельщика, только покрытого шрамами. Сумангуру вопросительно смотрит на Таваддуд.

— Я не ожидал увидеть вас так скоро, — произносит он. — Вы хотите мне что-то сказать?

Таваддуд опускает взгляд.

— Господин Сумангуру, я желала осмотреть ваши раны и убедиться, что выстрелы из бараки и дикий код не повредили Печати. Мой отец очень заботится о благополучии гостя.

— Состояние физического тела меня нисколько не беспокоит, но я не могу отвергнуть жест гостеприимства. Входите, прошу вас.

По просьбе Таваддуд Сумангуру садится и снимает рубашку. У него гладкое безволосое тело с рельефными мышцами. Грудь покрыта бесчисленными ранами, но большая их часть уже заживает, намного быстрее, чем у обычного человека. Его Печати в атаре все так же выглядят неповрежденными, а немного

присмотревшись, Таваддуд видит под кожей сеть узелков — сложные устройства, которые атар не в состоянии определить.

— Я не знал, что вы еще и доктор, — замечает Суман-гуру.

— Я многое умею. — Таваддуд ощупывает крепкую шею: на ней есть подходящий глубокий порез с левой стороны. — Здесь остался обломок иглы, который необходимо удалить, чтобы предотвратить проникновение дикого кода. Будет немного больно.

— Боль не имеет значения. Действуйте.

Она вынимает из сумки скальпель. *Убийца Драконов. Действительно ли ты тот, за кого себя выдаешь, Сумангуру Бирюзовой Ветви?* Она зажимает его плоть, готовясь сделать надрез, и чувствует, как он напрягается. *Почему же ты боишься летать?* Она опускает скальпель. *Нет, Дуни. Я не стану играть в твои игры. Только не в эти.*

— Если вы собираетесь это сделать, приступайте, — говорит Сумангуру. — Если уж мне суждено погибнуть, почему бы не принять смерть от рук хорошенькой девушки.

Таваддуд делает шаг назад.

— Господин Сумангуру, я…

Сумангуру поворачивается. В его руках открытая шкатулка Дуньязады. Внутри, словно драгоценный камень, блестит крошечный предмет.

— Превосходно, — произносит он. — Технология зоку. Где вы это взяли?

Он смотрит на нее с любопытством.

О зоку Таваддуд имеет очень слабое представление: далекая цивилизация с древними традициями, которая когда-то, очень давно, вела войну против Соборности. Какое отношение могла иметь к ним Дуни?

Таваддуд отступает еще на шаг, медленно поднимает крепко зажатый в руке скальпель. Сердце готово выскочить из груди. *Почему я ничего не могу сделать правильно?*

— Успокойтесь, — говорит Сумангуру. — Я не сделаю вам ничего плохого. Я только пытался вас напугать. Я и сам испуган. Вам ведь известно, кто убил Алайль.

— Кто вы? — свистящим шепотом спрашивает Таваддуд.

Сумангуру усмехается.

— Лучше спросить, кто же в действительности *вы*, Таваддуд Гомелец. Но я думаю, вы не та, кто может причинить вред гостю в доме своего отца. Это он послал вас?

— Нет.

У Таваддуд немеет лицо. Она проводит языком по губам, но не ощущает их. Мысли переплетаются, словно змеи-химеры из

пустыни. *Дуньязада. Рамзан должен был доложить ей о том, что мы нашли карина. Она знала, где достать ружье-бараку.*

Скальпель со звоном падает на пол. Сумангуру медленно выдыхает.

— Так-то лучше, — замечает он.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Сумангуру садится и опирается локтями на колени.

— Это ваша сестра, не так ли? — медленно произносит он.

Таваддуд вспоминается день, когда Дуньязада вернулась от сплетателя. Ее глаза были глазами другого существа, не той Дуни, которая росла вместе с Таваддуд. Тошнота подступает к горлу.

— Предполагалось, что сопровождать вас будет она, а не я. Поэтому Быстрые меня и не тронули.

— Вы считаете, ваш отец обо всем знает?

Таваддуд качает головой.

— Он Кассар Гомелец. После смерти моей матери его единственной заботой стал Сирр. Он половину своей жизни работал над Аккордами. И он никогда не причинил бы вреда госпоже Алайль.

— Понятно, — кивает Сумангуру. — Земля когда-то была… яблоком раздора между нами и зоку. Во время Протокольной войны мы заставили их отступить и пришли сюда. Они определенно заинтересованы в том, чтобы насколько возможно ограничить нам здесь доступ к гоголам. И они вполне могли использовать вашу сестру, чтобы избавиться от Алайль.

— А что вы думаете о нападении на птичий вольер?

— Полагаю, ее обеспокоил тот факт, что агент Соборности подобрался к ней слишком близко. И по той же причине она хотела, чтобы вы установили мне это устройство. — Он протягивает шкатулку Таваддуд. — Не сомневаюсь, что в нем уже начался процесс самоуничтожения. Жаль, я мог бы попытаться определить, какими именно зоку оно было изготовлено.

Таваддуд зажмуривается.

— Она намерена разрушить мечту отца. Если только я ее не остановлю. Но я не могу прийти к отцу без доказательств.

— Можете ли вы довериться кому-то еще в Совете?

Абу. Но ведь это Дуни хотела, чтобы я с ним встретилась. Нет, я не позволю отнять его у меня.

Она качает головой.

Сумангуру улыбается.

— Что ж, думаю, вам придется справляться самой.

— Не хочу никого обидеть, но и вам, господин Сумангуру, я

тоже не могу доверять.

— А вы и не должны. Но это не означает, что мы не можем помочь друг другу. Если мы отыщем джинна, убившего Алайль, возможно, он выведет нас на вашу сестру.

Зайбак пытался предупредить меня. Он все понял бы. По крайней мере, тот Зайбак, каким он был.

Холодная решимость охватывает Таваддуд. Она вспоминает древние истории о сделках с дьяволом, о темных существах, предлагающих невинным в обмен на душу все, что они пожелают. Она всегда полагала, что это всего лишь ловкий трюк, с помощью которого похитители тел заставляют своих жертв расслабиться.

Но есть и другие истории, в которых сестра, которую никто не любит, в конце концов спасает положение.

— Его зовут Аксолотль, — произносит она.

— А, тот, что из детской сказки. Понятно. И как же мы сможем его поймать? У меня есть кое-что, что поможет удержать его, но для начала необходимо его найти.

Сумангуру показывает небольшой предмет, по форме напоминающий пулю.

Таваддуд прижимает пальцы к вискам. Сплетение всегда оставляет следы.

— Мы уже нашли его, — говорит она. — Часть его сохранилась во мне. Надо только придумать способ, как с ним поговорить. В Сирре есть одно место под названием Дворец Сказаний. Там нам помогут. Но пойти туда надо сегодня же ночью.

— А как вы собираетесь незаметно выскользнуть из дворца?

Таваддуд горько усмехается.

— Это очень легко, господин Сумангуру. Я прекрасно научилась убегать от отца. Но вам это может не понравиться.

— Что вы имеете в виду?

— Как я понимаю, вы не в восторге от высоты.

Глава семнадцатая
МИЕЛИ И ЗЕМЛЯ

Сюдян хотела попасть на Землю. И в то время Миели не могла понять, почему.

Они только что встретились — на строительстве, во время Большой Работы. У обитателей кото Хильяйнен существовал обычай по достижении совершеннолетия выходить наружу, в темноту, и с помощью *вяки* видоизменять ледяные глыбы — строить новые жилища или изготавливать что-то еще. Они стремились доказать, что из грубого материала, которым больше

не интересовались алмазные разумы, можно создать нечто ценное, хотели продемонстрировать огромный ледяной средний палец чопорным богам Внутренней Системы.

Это бабушка послала ясноглазую Сюдян из кото Киркаат Кутойат[75] работать вместе с Миели. Бабушка сказала, что это экстремальное программирование, древняя традиция (значит, этим занимались и люди из грязи): два разума работают вместе, наблюдая друг за другом и корректируя друг друга. Сначала Миели восприняла это как оскорбление. Но затем обнаружила, что другая девушка лучше нее умеет преследовать блуждающих предков, которые странствовали по ледяным переходам, словно фононы или случайные электрические заряды, и мешали росту кристаллов, оставляя после себя сосульки, напоминающие символы плодородия.

Сначала девушки видоизменяли лед, просто чтобы почувствовать его, — создавали игрушечные замки и загадочных чудовищ. Они даже позволили предкам оживить одно из своих произведений, назвав его минотавром. И когда маленькая Варпу пришла навестить их, ей позволили бегать по лабиринту, ускользая от медлительного монстра с огромными клыками. Малышка визжала от восторга. Но в конце концов у них начала формироваться Большая Идея того, что им действительно хотелось сотворить.

Они назвали это Цепью. Сотня ледяных шаров, тщательно обработанных, украшенных замысловатыми узорами, притягивающими взгляд и вызывающими головокружение. Шары свободно соединялись между собой юпитерианскими ку-нитями и медленно кружились в гравитационном колодце размером с Луну, называемом Похья[76]. Третичная структура, которую после этого они смоделировали из белка, обеспечила локальные минимумы функции Лагранжа Цепи, что позволило ей сворачиваться в причудливые фигуры, напоминающие мифические существа, цветы и фракталы.

Работа шла медленно. Темнота царила здесь повсюду, даже в защитных блистерах и в ледяных стенах маленького садика, созданного Миели. Она осветила его солнечным зеркалом и заполнила растениями в состоянии невесомости, что напоминало ей бабушкин сад. Сюдян сказала, что это проявление слабости, и жила в своем блистере, превратив его в экосистему с водорослями и дыхательными нанотрубками. А когда она облетала растущую Цепь, ее лицо пылало яростной независимостью. Девушкам приходилось подолгу ждать. Ждать, пока Цепь изменит конфигурацию, ждать, пока *вяки* во льду окрепнут и выполнят напетые им задачи.

А во время ожидания они беседовали.

— Я не хочу стать призраком во льдах, как наши предки, — говорила Сюдян. — Есть места получше. Когда я была маленькой, к нам в кото приезжал посол с Юпитера. Он был как семечко, готовое дать росток. Мы принесли еды, а он взамен подарил нам видения. В них показывались места, где можно обрести настоящее бессмертие, а можно жить сразу несколькими жизнями. Мне все равно, что скажут старейшины. И мне нет дела до пятидесяти названий льда. Я хочу жить. Хочу увидеть Внутреннюю Систему. Хочу увидеть небесные города на Венере. Хочу увидеть Землю.

В кото Миели дети тоже рассказывали сказки о Земле. Это место обжигающего пламени, место страданий, где *туонетары*[77] привязывают грешников веревками-змеями и секут железными цепями, где несчастные пьют темную воду и забывают, кем они были. Это место, где росло Великое Дерево, но его срубили. Там жил народ ее кото, пока Ильматар не вынесла его из огня.

Миели предпочитала слушать истории о Сеппо — мегастроителе, который посредством песни создал изо льда космический корабль и в поисках любимой улетел в другую Галактику. Или о Лемми, который украл одну из двенадцати жизней Куутар, проглотил ее, а потом взорвался и стал первым из Малых Солнц. А после историй о Земле ее всегда мучили кошмары, в которых она карабкалась по берегу темной реки, на тело давила тяжелая длань гравитации, лицо царапала грубая речная галька, а *туонетары* преследовали ее, но ни убежать, ни улететь она не могла.

— Почему ты хочешь отправиться именно туда? — спрашивала Миели.

Сюдян смеялась.

— Могу поспорить, ты веришь всем этим сказкам, не так ли? Их выдумали наши старейшины. И я вижу, что ты воспринимаешь их всерьез. Но ты во всем должна быть лучше остальных. Ты ведь не из Оорта. Ты оброчное дитя, отданное на воспитание. А неофиты всегда становятся самыми страстными верующими.

— Мне запрещено об этом говорить, — отвечала Миели.

— Один из предков дал мне книжку, очень старую, еще с Земли, — продолжала Сюдян. — Там рассказывалось о ребенке, воспитанном предшественниками людей, обезьянами. Он стал их королем. И я всегда думала, что ты чувствуешь себя точно так же. Ты умнее, лучше и сильнее. — Сюдян делает паузу. — И красивее.

— Я не хочу быть королевой.

— Тебе не обязательно становиться тем, кем ты не хочешь быть, — сказала Сюдян. — И не обязательно верить всему, что тебе говорят.

— Но почему именно Земля? Что там такого?

— Я не знаю. А тебе не хочется это выяснить? Что там такого ужасного, чтобы скрывать это за страшными историями?

— Это ересь, — возмутилась Миели.

— Нет, — возразила Сюдян. — Ересь — это то, что ты сидишь здесь рядом со мной в световой секунде от всех других живых душ, пожираешь меня глазами и ничего не предпринимаешь.

Она поцеловала Миели, и под гладкой холодной оболочкой блистера разлилось неожиданное тепло. А затем Сюдян отстранилась и рассмеялась, видя изумленное выражение лица Миели.

— Вперед, королева обезьян, — крикнула она. — Цепь сама не свяжется!

Миели последовала за Сюдян. Но до Земли они так и не добрались.

Интересно, что подумала бы о ней сейчас Сюдян, гадает Миели, глядя на Землю из кресла пилота. Голубой шар покрыт паутиной теней, словно белизну и лазурь рассекают острые черные лезвия. Темные линии отбрасывает Ковш — сеть из серебристых дуг на геостационарной орбите, охватывающая планету гигантским черпаком диаметром больше ста тысяч километров.

Серебряная сетка разомкнута, и кажется, будто вокруг голубого глаза медленно смыкаются две руки скелета. Места соединений двух и более дуг отмечены ярко освещенными шестиугольными контурами, где кипит бурная деятельность: мелькают потоки мыслевихрей, перемещаются *районы* и *области* и несколько кораблей наемников.

Серебряный Путь тонкой нитью тянется от одного из полюсов к Луне, где машины Соборности поглощают кору спутника и транспортируют добычу в клетку Земли для переработки.

Милостивая Куутар, молит Миели, *позволь мне не видеть всего этого.*

Представители Соборности неторопливо воздвигают это сооружение уже почти два десятка лет. Зачем им делать это, если не ради охраны какого-то чудовищного зла? В корабельной базе данных нет информации о цели строительства Ковша, только общеизвестные во Внутренней Системе слухи, будто сянь-ку сооружают сенсорную матрицу для повышения качества виров своих предков.

Древние богини Оорта нашептывают Миели, что ей нельзя оставаться здесь. Это запретное место.

Это просто камни, говорит она себе, не решаясь молиться, не

решаясь просить метамозг отключить участок разума, отвечающий за религиозный страх. *Это всего лишь камни, вода и развалины.*

Она думает о путешествии, о сауне, об оортианском ужине — обо всех своих стараниях подготовиться к этому моменту. Она должна стать Миели, невежественным оортианским наемником, который прилетел попытать счастья в зараженной диким кодом пустыне и заработать на службе семействам мухтасибов Сирра. Но вместо этого чувствует себя ребенком, который очнулся от кошмара и понял, что это реальность.

За последний час я получила восемь тысяч предложений бессмертия, говорит «Перхонен». *Ненавижу торговаться с василевами. Но я добилась разрешения остаться на орбите и получила место в одном из доков торгового порта. Можешь себе представить: они называют себя «Пикник на обочине для плюшевого мишки»… Ты в порядке?*

— Я не предполагала, что будет так трудно, — признается Миели. — Я много лет не была в Оорте. Я участвовала в Протокольной войне. Я видела, как черные дыры поглощали спутники. Я видела Сингулярность на Венере. Я служу богине, повелевающей *губернией*. И все-таки чувствую, что мне нельзя туда. Как будто мне угрожают *туонетары*. — Она делает глубокий вдох. — Почему так?

Потому что ты все еще Миели, отвечает корабль. *Ты дочь Карху из кото Хильяйнен, возлюбленная Сюдян, знающая песни Оорта. И если мы все сделаем правильно, ты навсегда такой и останешься.*

Миели улыбается.

— Ты права, — соглашается она. — И по крайней мере смогу сказать Сюдян, что добралась сюда первой.

«Перхонен» скользит вдоль одного из ребер Ковша. Оно представляет собой бесконечную череду ликов Соборности в окружении мерцающей строительной пыли и напоминает самую большую в мире радугу. Путь в торговый порт лежит сквозь открытый рот гигантского лица сянь-ку. Миели перебирается в крылья «Перхонен» и попадает внутрь.

В спаймскейпе появляется изображение агента компании «Пикник на обочине для плюшевого мишки». Это круглое, похожее на медведя существо, урсоморф с заметными усовершенствованиями Соборности. Из его спины и крупной головы ледяными сосульками торчат алмазные шипы. Но глаза у него голубые, совсем как у человека, и смотрят на Миели с недоверием.

— Что вам угодно? — спрашивает он.

— А вы как думаете? — откликается Миели. — Я хочу попасть в пустыню дикого кода и поохотиться на мертвецов.

Глава восемнадцатая
ВОР И КОВШ

Я встречаюсь с сянь-ку четыреста тридцать второго поколения Ветви Раннего Ренессанса Уравнений Пятой Степени в венском кафе в 1990-х годах. Придерживаясь своей роли, я не притрагиваюсь к шварцвальдскому вишневому торту, несмотря на то, что он выглядит очень аппетитно. Я стараюсь не выходить из образа сурового и делового Сумангуру.

А вот сянь-ку поглощает сладкое с нескрываемым удовольствием. Это невысокая плотная женщина с улыбчивым лицом, одетая соответственно эпохе. Собирая ложечкой шоколад, она одобрительно хмыкает. Я жду, пока она закончит. Наконец сянь-ку вытирает губы салфеткой.

— Кофе? — предлагает она.

— Я охотнее перешел бы к делу, — отвечаю я.

— Хорошо. Господин Сумангуру, честно говоря, я выделила время для разговора с вами, поскольку ваш визит оказался неожиданным. Мы не получали никаких корректировок к Плану, требующих проверки нашей деятельности.

Своими огромными черными руками я беру со стола ложечку и немного сгибаю ее. Сянь-ку морщится.

— В Плане не могут быть учтены все враги Великой Всеобщей Цели.

Мягкий металл, без сомнения, точно сформованный простейшей машиной предков, легко скручивается. Я показываю сянь-ку ложку.

— Хороший вир. Все вплоть до квантового уровня, не так ли?

В глазах сянь-ку внезапно вспыхивает страх.

— Мы по возможности упрощаем процессы, — торопливо поясняет она. — Здесь нет необходимости в квантовых элементах. Все разумы строго классического образца. При необходимости внести квантовые корректировки используются эксперименты двадцатого и двадцать первого столетий, кроме того, все аспекты квантовых преобразований убираются в виртуальные машины. Я вас уверяю, господин Сумангуру, здесь не может быть никакого загрязнения.

— Вы меня неправильно поняли. — Я кладу исковерканную ложку на стол. — Мои братья и я одобряем ваши действия. Мы находим воплощение… полезным для выявления врагов Цели.

Страх по-прежнему блестит в глазах сянь-ку. Нетрудно догадаться, почему в прошлый раз я выбрал именно этот образ. Моей главной проблемой стало то, что Чен известил остальных о

взломе Кода Основателя, но это повредило тщательно поддерживаемой иллюзии неуязвимости Основателей.

— Но вы же не рассчитываете найти таких здесь? — спрашивает сянь-ку.

— Существует опасение, что ваши действия слишком тесно связаны с материей, с плотью.

— Это происходит не по нашей воле, — говорит сянь-ку. — Наше понимание Цели так же важно, как и мнение других Основателей, а оно требует от нас исцеления потерянных душ на Земле.

— А почему же вы до сих пор этого не сделали?

— Несколько лет назад была предпринята попытка принудительно сканировать и перезагрузить биосферу Земли, но она потерпела неудачу.

— Абсурд. Неужели подобная планетарная среда может создавать какие-то проблемы? Особенно учитывая выделенные вам в соответствии с Планом ресурсы.

— Дикий код, — смущенно отвечает сянь-ку. — После Коллапса здесь что-то случилось. Нечто похожее на мини-Сингулярность. Не в таких масштабах, как при Вспышке, но достаточно для проникновения ноосферы в природную биосферу. В результате возникла сложная самомодифицирующаяся программа, называемая местными жителями диким кодом. Он распространился в материи Земли, и избавиться от него очень сложно. Некоторые аспекты наши системы преобразования способны реконструировать, но большинство ключевых разумов находятся в загрузочных обителях.

— К которым вы получаете доступ при помощи торговли, не так ли?

— В общем и целом, да. Мы торгуем с местными жителями. Процесс довольно медленный, но мы ведь археологи. Этот метод оказался эффективнее, чем все предыдущие.

— Слабовато. Ваш клан только подтверждает свою репутацию, — замечаю я.

— Мы найдем способ борьбы с диким кодом. Если План выделит нам больше ресурсов…

— …вы найдете очередную возможность их потратить. Наш разговор уже дал мне достаточно оснований обсудить эту проблему с Праймом. Но вы могли бы помочь мне в одном деле. Насколько я понимаю, у вас… имеются подробные записи о нашем славном прошлом.

— Согласно нашей интерпретации Цели, мы обязаны дать жизнь всем, кто существовал на Земле до возникновения федоровизма. А это требует детального изучения материалов и

исторических записей, равно как и археологических усилий в области поиска разумов.

— Меня не волнует ваша интерпретация Цели. Мне нужен доступ к вирам предков. Полный доступ.

— Вы, безусловно, понимаете, что в предоставлении подобных ресурсов я должна придерживаться Плана. В противном случае к чему это приведет?

— Ваша… педантичность достойна восхищения. Но это неразумно.

Я одариваю ее улыбкой Сумангуру, более похожей на тигриный оскал.

— Что вы хотите этим сказать?

— Научные изыскания могут отвлечь вас от важных событий. Пеллегрини и василевы. Возникло серьезное напряжение. Настолько серьезное, что мы не можем не обратить на это внимания.

Сянь-ку нервно опускает ложку на блюдечко — раздается громкий звон. Вполне вероятно, что в поисках самообладания она уже прочесывает свои Каталоги.

— В Эксперименте, который я курирую, обнаружены… некоторые несоответствия.

— В нашей системе прошло уже несколько столетий, — протестует она.

— Преступления против Цели не имеют срока давности.

— Я понимаю. Возможно, я смогу обеспечить временный доступ.

— Вот и хорошо. — Я пробую торт. Он восхитителен, но я заставляю себя нахмуриться. — Жаль было бы скормить столь совершенное создание Драконам.

Вир предков в Ковше, здесь сянь-ку Соборности создают историю. Это гигантская мозаика, где фрагменты прошлого склеены между собой при помощи имитации. Сянь-ку наблюдают и измеряют, отыскивают воспоминания гоголов, купленных в Сирре или украденных в Ублиетте, и просматривают множество имитаций, чтобы отобрать сюжеты, соответствующие наблюдениям. Усредненные варианты иллюстрируются, сортируются и шлифуются, пока не начинают отвечать представлениям сянь-ку об определенном отрезке истории.

В первый момент картина кажется ошеломляющей. Я стал бесплотным духом в четырехмерном мире. Божественная проницательность и новая возможность перемещаться во времени взад и вперед. Ненавистно лишь состояние бестелесности — мне необходимо *дотрагиваться* до вещей, но воплощения здесь нет,

только холодок от зрительных процессов в мозгах гоголов. Сяньку мошенничают, где только могут: несмотря на мои обвинения, физические эквиваленты не могут похвастаться не только атомной, но даже молекулярной точностью.

Что могут думать здешние гоголы о своем существовании? Целые миры рождаются и умирают и переписываются заново только ради того, чтобы соответствовать вновь открытым фактам из истории. И только те, кто существовал в действительности, получают право на жизнь. Все остальные — просто наброски, стираемые за ненадобностью. Бедняги.

Не желая привлекать к себе внимание, я удаляюсь в мрачный уголок Британии седьмого века — истоптанная грязная поляна, затуманенная дождем, — и только там выпускаю Жозефину. С ловкостью настоящего Основателя она обретает физическую форму в виде лица из дождевых капель.

— Ну вот, Жан, — говорит она. — Теперь тебе известен план. В конце концов я выдала его тебе, хотя порой мне нравится, когда ты доводишь меня до бешенства. Теперь вопрос в том, хватит ли тебе на этот раз смелости, чтобы его воплотить.

— Но ты никогда не называла мне причину. Почему Чен так сильно хочет заполучить своего древнего гогола?

Жозефина улыбается.

— Разве все мы не стремимся вернуться в детство?

— Я неплохо чувствую себя и во взрослом состоянии. Объясни.

Женщина-дождь смеется.

— Чтобы стать взрослым, тебе потребуется еще несколько столетий.

Затем она рассказывает, что увидела в вире Матчека Чена, на пляже.

— Вот оно что. Невинность, — говорю я, когда она заканчивает рассказ.

— Именно это тебе и придется выкрасть. И не так, как ты обычно это делаешь, — добавляет она.

Я невольно сглатываю. В голове крутится мысль: это ведь Матчек Чен, величайший и ужаснейший повелитель Системы, и я не могу сделать ничего, что бы он не делал уже тысячи раз.

Но я хочу получить свободу.

— Будем болтать или займемся похищением? — спрашиваю я.

Она дарит мне влажный поцелуй в щеку. А затем исчезает в пелене дождя, как Чеширский кот, для того, чтобы отвлечь сяньку и завладеть системами Ковша.

Я смотрю на свое отражение в лужице под ногами. Оно тоже смотрит на меня, и в его взгляде читается обвинение. *Бездна. Монстры. И тому подобное.*

Но я вор, а не философ. К тому же уже поздно рассуждать об этом. Я должен отыскать Матчека Чена. С чего же начать? Единственное, что я помню, это огнеглотатель в Париже.

Чен пришел на берег Сены посмотреть на огнеглотателя, а Жан ле Фламбер пришел, чтобы посмотреть на него.

Уже вечер, в воздухе осенняя прохлада. Нотр-Дам маячит на противоположном берегу реки огромным каменным пауком, а за ним в небе блестят серебряные шпили Ситэ Нувель. Огнеглотатель — старый бразилец с обнаженным торсом, на котором проступают рельефные мускулы. На его смуглой коже играют отблески десятка факелов, закрепленных на вращающемся колесе. Он берет один из них, выгибает шею и медленно опускает факел в рот. С его губ срывается гигантский язык пламени, словно из домны, а щеки и шея краснеют, отчего старик становится похожим на фонарь из тыквы.

Чен зачарованно смотрит, как светящиеся оранжево-красные языки лижут воздух. Взгляд напряженный, рано поседевшие волосы развеваются на ветру. Отец федоровизма в юности.

На другом краю толпы стоит и наблюдает за ним молодой Жан. Он здесь по поручению Жозефины Пеллегрини. Я овладеваю его сознанием. Это простой гогол, всего лишь часть толпы, но, следуя его движениям, я кое-что вспоминаю.

Огнеглотатель заканчивает выступление, и я подхожу к юноше.

— Вам нравится цирк, месье Чен? — спрашиваю я.

Он резко оборачивается.

— Огнеглотатели — это не просто клоуны, — отвечает он.

Я слегка кланяюсь.

— Лично я считаю себя скорее магом. Но могу вас рассмешить.

Он презрительно усмехается.

— Сомневаюсь.

— Я представляю человека, заинтересованного в вашей… деятельности. Богатого человека. У него к вам имеется предложение.

— Это не смешно.

Он поворачивается, чтобы уйти.

— Мне известно, что именно вы ответственны за происшедшее в Сверкающих Вратах Рая, — говорю я. — И это тоже было не смешно.

В его взгляде такой холод, что даже сквозь столетия я чувствую, как у меня внутри все застывает. Я торопливо машу рукой.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь вас выдавать. Это противоречит профессиональной этике. Выслушайте меня. Позвольте, по крайней мере, угостить вас выпивкой.

— Я не пью, — заявляет он.

— Вы можете посмотреть, как пью я. Я знаю одно подходящее местечко.

Я веду его в бар под названием «Caveau»[78] неподалеку от Пале-Рояля — до него всего пара шагов по узкой улочке с пустыми окнами. Мы спускаемся на несколько ступеней вниз в полуподвальное помещение, и я заказываю мохито у бритоголового бармена из Сан-Франциско. Чен напряженно смотрит на меня, и я испытываю некоторое уважение, видя, как он мысленно пытается нащупать сеть моих агентов, расставленную вокруг него.

— Мой наниматель интересуется, почему вы этим занимаетесь? — начинаю я.

Он слегка улыбается.

— Просто потому, что мне не нравится, как устроен этот мир. Разве в это так уж трудно поверить?

— Насколько я понимаю, Рай вам тоже не нравится.

Федоровисты освобождали разумы из черных ящиков загрузочных лагерей, координировали атаки сфабрикованных дронов, дистанционно управляемых активистами по всему миру. Плохо лишь то, что выпущенные на волю разумы овладели инфраструктурой Шэньчжэня и разрушили ее. Живые компьютерные вирусы, обезумевшие от боли, способные проникнуть в любую автоматизированную систему и бесконтрольно копировать самих себя.

— Рай был только началом, — произносит Чен. — Федоров это предвидел. Следующая революция будет направлена против смерти. Я плохо отношусь к смерти. Думаю, хотя бы в этом наши мнения совпадают, месье ле Фламбер.

У меня приподнимаются брови. Похоже, он информирован лучше, чем я думал. Кроме того, бесчисленное множество освобожденных рабов, вставших на его сторону, создают значительное преимущество.

— Полиция доставляет мне достаточно хлопот, так что о смерти подумать некогда. Идеология меня не интересует. То, что я делаю, всего лишь игра.

— Но для меня это не игра.

Что же это? Что могло его так сильно изменить? Что сделало таким, каким он стал? Жемчуга Марты Уэйн[79]? Дядя Бен[80]? Что бы это ни было, здесь я этого не найду.

Хотелось бы посмотреть на его оборудование, на примитивный загрузочный шлем, синхронизирующий в единое целое все его версии. Но эта информация безвозвратно утрачена во время Коллапса.

Давай же, молодой Жан, ты способен на большее.

— Мой наниматель понимает это. И она предлагает свою помощь. Оборудование. Деньги. У вас будет все, что требуется.

— И какова цена?

Я улыбаюсь.

— Бессмертие, конечно.

Я покидаю свою прежнюю сущность и Чена за выпивкой и обсуждением будущего мира. К сожалению, этот разговор ни к чему не приведет. В прошлом должно быть что-то еще, что-то, убедившее меня в присутствии на Земле потерянного гогола Матчека Чена. Я конструирую вспомогательного гогола и прошу бармена смешать мне «Отвертку». Воплощение и выпивка — это прекрасно, но ответов я пока так и не получил.

Кто-то дергает меня за рукав. На меня смотрит усмехающийся монстр — деревянная маска, разрисованная выцветшими красками. Но она производит не слишком устрашающее впечатление, поскольку надета на маленькую босоногую девочку в грязном платье с пятнами сажи.

Я удивленно моргаю.

— Что?..

— Ш-ш-ш, — прерывает она меня, прикладывая пальчик к деревянному рту.

Я выскальзываю из временного гогола и возвращаюсь в четырехмерное пространство. Как ни странно, но она тоже здесь. В четырех измерениях она превращается в бесконечную череду зеркальных отражений, извилистую, словно змея. Девочка манит меня за собой.

— Я помогу тебе, — обещает она, — если расскажешь мне историю.

— Кто ты?

— Сестра. Мать. Богиня. Принцесса. Королева. Расскажи историю, и я покажу тебе то, что ты ищешь.

— Какую еще историю?

— Правдивую.

На Марсе я оставил след из воспоминаний — нечто, пробудившееся к жизни с моим возвращением. Возможно, здесь

что-то подобное. В таком случае лучше подыграть.

Янтарные глаза девочки, исполненные любопытства, блестят в прорезях маски.

— Это довольно долгая история, — говорю я. — Но я думаю, что время у нас есть.

Я заказываю еще порцию выпивки и начинаю рассказ.

«Как всегда перед тем, как воинствующий разум и я начнем перестрелку, я пытаюсь завязать разговор…»

— Спасибо, — благодарит девочка, когда история заканчивается.

Ее голос доносится едва слышным шепотом, завыванием ветра в трубе. Потом мир меняется, и я остаюсь наедине с тремя призраками.

Смуглый мужчина в костюме и с аккуратной бородкой сидит за столом и смотрит на молодую пару. Симпатичный молодой мужчина с копной светлых волос, в джинсах и футболке, и миниатюрная азиатка, которой очень трудно сидеть спокойно. Она все время трогает спутника за руку.

Человек за столом улыбается им. Это дон Луис Перенна, торговый представитель и директор корпорации «Аль-Джанна». Серийный предприниматель, предлагающий очередную модель бизнес-класса для супербогатых клиентов. Полагаю, до встречи с Жозефиной я и сам этим занимался.

Он понимающе кивает.

— У меня тоже есть дети, — сообщает он. — Мальчик и девочка. И они уже участвуют в программе. Не могу выразить, насколько успокаивает меня это обстоятельство. Вечный кошмар родителей. Говорят, что после появления ребенка каждая ночь родителей наполняется страхами. Мы поможем вам справиться со страхом, отвести когти смерти.

— Я все еще не уверен, — отвечает мужчина, Боян Чен, отец Матчека. — Философские аспекты…

— Да, конечно, я вас понимаю, — соглашается Перенна. — Есть философия — любовь к мудрости, и есть просто *любовь*. В «Аль-Джанна» мы заинтересованы в последней.

— Мы уже все обсудили, — решительно произносит женщина.

Она крепче сжимает руку Бояна. Благодаря отличным сенсорам в кабинете я могу видеть, как протекает процесс принятия решения в их мозгах. Перенна их зацепил.

— Ладно, — говорит молодой мужчина. — Давайте посмотрим.

На экранах возникают сооружения, похожие на подземные

бункеры.

— Энергоснабжение из термальных и ядерных источников. Уникальные дублирующие системы. Секретное местоположение.

Проклятье. Придется подробнее изучить архивы «Аль-Джанна».

— Мы гарантируем полную безопасность. Убежище выдержит даже прямое попадание астероида. Тактовая частота внутри изначально будет замедленной, с периодической синхронизацией…

Я был прав. Где-то на Земле *действительно* похоронен никому не известный гогол Матчека Чена. Вот и ключ к решению. Дело за похитителями тел. Я составляю закодированное послание для Миели и запускаю его в сеть мыслевихрей Соборности.

Вир замирает.

— Какое интересное открытие! — восклицает сянь-ку Уравнений Пятой Степени. — Удивительно! Какое необычайное достижение для представителя вашего копиклана.

— Что вам нужно? — рычу я голосом Сумангуру.

— Я просто хотела убедиться, что вы отыскали то, что вам необходимо. Я и предположить не могла, что вы обнаружите такое. Как вам это удалось? Это же новый фрагмент истории ченов.

— Я посоветовал бы вам не вмешиваться, — говорю я.

Эта ведьма выводит меня из себя.

Она вежливо кивает.

— У меня и в мыслях этого не было. Однако я хотела бы попросить вас об услуге.

Понятно: начинается болтовня. Проблема централизованного планирования заключается в том, что рано или поздно синхронизация нарушается, и для выполнения задач всегда существуют альтернативные способы. Я должен был это знать. Сянь-ку настолько далеки от времени *губерний*, что довольно легкомысленно относятся к Плану.

— В физическом сегменте Сирра возникли небольшие проблемы, и мы были бы рады вашей помощи…

Глава девятнадцатая
ТАВАДДУД ВО ДВОРЦЕ СКАЗАНИЙ

Я карабкаюсь вниз по Осколку Гомелеца, словно паук, а за спиной простирается пустыня дикого кода. Ночью она похожа на оживленный город: светящиеся линии мелькают так быстро, что глаз не успевает за ними уследить. Поэтому я фокусирую взгляд на Тавадуд, ползущей по стене несколькими метрами выше

меня, — стройной фигурке в черном костюме, защищенном Печатями. Девушка ловко передвигается, перебирая руками. Живя в вертикальном городе, можно многому научиться.

Мне нравится на нее смотреть. И это единственный приятный момент в сложившейся ситуации. Во всем остальном хуже и быть не может. Со стороны пустыни Осколок представляет собой гладкую отвесную поверхность, лишь изредка пересекаемую случайной трещиной в древней интеллектуальной материи. Я с трудом цепляюсь за нее крошечными шипами на ладонях и подошвах босых ног, прижимаюсь, словно к любовнице, и стараюсь не думать о сотнях метров, отделяющих нас от земли.

В теории все не так уж сложно: спуститься по наружной стене, куда не любят заглядывать Кающиеся Кассара Гомелеца, и защититься от дикого кода с помощью снаряжения муталибунов. В действительности это намного труднее. Несмотря на плотную ткань, перед глазами то и дело вспыхивают искры, свидетельствующие о попытках дикого кода проникнуть в мой мозг.

— Надо было украсть этот чертов ковер, — бормочу я уже в четвертый раз.

Но Таваддуд и слышать об этом не хотела: нас бы немедленно заметили.

Вместо этого она раздобыла у женщины-паука из Бану Сасан какое-то снадобье и заставила меня выпить горькую, тягучую жидкость зеленоватого цвета. Не знаю, какие наниты проклятое зелье внедрило в мое тело, но это подействовало. Хотя я и не овладел в *полной мере* технологией Сирра, если это можно так назвать: конструированием геометрических и словесных форм, которые создают ментальные структуры, активирующие древние команды, скрытые в атаре — местном спаймскейпе. По сути, это воспроизведение сопряжения мозг — компьютер в древней нанотехнологии. И еще есть Тайные Имена, которые, как мне кажется, затрагивают более глубокие слои и воздействуют на дикий код.

Жан, чем ты занимаешься, черт побери?

Из-за голоса «Перхонен», неожиданно зазвучавшего в голове, я чуть не срываюсь вниз. На мгновение я повисаю над бездной на одной руке. Веревка, связывающая меня с Таваддуд, натягивается. Девушка вопросительно смотрит на меня, но я жестами показываю, что все в порядке.

— Ты мне мешаешь, — отвечаю я кораблю. — Где ты так долго пропадала?

Пеллегрини потребовалось время, чтобы подключить меня к коммуникационным системам Ковша.

— Значит, она была занята. Как дела у Миели?

Она успешно вживается в образ наемника.

— Хорошо. Мы не единственные, кто занимается поисками аль-Джанна, но план пока работает. Я подозреваю, что скоро кое-кто будет собирать большую группу наемников. Если Миели сумеет внедриться в нужный отряд, мы быстро продвинемся.

А как… с другим делом?

— Именно из-за него я сейчас изображаю из себя паука.

Мне это не нравится, Жан. Ты даешь бедной девушке обещания, которые не сможешь выполнить.

— Я всегда держу слово, и тебе это известно…

Не ходи туда.

— Сейчас не время трусить. Не забывай, мы заключили сделку.

До тех пор, пока ты выполняешь ее условия. Между прочим, Пеллегрини говорит, что в Ковше тоже наблюдается необычная активность. Сянь-ку что-то замышляют. И это трудно удержать в тайне. Возможно, мне придется…

Голос корабля внезапно пропадает. Я бормочу проклятья. Но мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Я снова машу рукой Таваддуд. Еще две сотни метров остались позади. Я чувствую боль и усталость. Состояние напоминает простуду. Когда я создавал эту оболочку из компонентов системы Ковша, я не смог воспроизвести никаких серьезных усовершенствований своего изготовленного в Соборности тела — оно до сих пор остается на борту «Перхонен» в состоянии стазиса. А дикий код, чем бы он ни был на самом деле, серьезно вредит моим внутренностям. Остается только надеяться, что я смогу продержаться до завершения работы.

Кроме того, должен же у меня быть запасной вариант.

Таваддуд дергает за веревку. Под нами показалось что-то вроде галереи. Она не освещена, поблескивают только защищенные Печатями стекла.

Как только я принимаюсь резать стекло, мой ку-инструмент шипит и отказывается работать, изменив при этом форму. У меня вырывается ругательство, и бесполезное приспособление летит вниз в темноту, крутясь и рассыпая искры, словно фейерверк.

— Попробуйте это, — произносит Таваддуд и протягивает старинный резак: алмаз, закрепленный на металлическом стержне.

Алмазы в Сирре ничего не стоят: мальчишки без труда собирают их в местах крушений кораблей Соборности, погибших во время Крика Ярости. Я испытываю определенное удовольствие, используя в качестве режущего инструмента предмет, по

стоимости равный тысяче гоголов Соборности. Еще несколько мгновений, и я осторожно вытаскиваю стеклянный диск. Через образовавшееся отверстие мы проникаем внутрь.

Этот дворец ремонтируется, здесь тихо и пусто. Тавaддуд ведет меня к выступу на вертикальной стене, уходящей к основанию Осколка, я заглядываю в зияющую пропасть и вижу лишь провода джиннов.

— А как мы теперь будем спускаться? — спрашиваю я.

Тавaддуд поднимает на меня серьезный взгляд.

— Господин Сумангуру, вы доверяете мне?

Ее темные глаза загадочно блестят в темноте. Ей многое пришлось пережить. Подобно мне, она сбежала из одной тюрьмы и оказалась в другой. Она преследует недостижимую цель и хочет поступать правильно.

«Перхонен» права. Я ее разочарую.

Делай то, что получается у тебя лучше всего.

Я медленно киваю и улыбаюсь ей.

— Тогда дайте мне руку.

Она неожиданно крепко сжимает мои пальцы. А затем шагает в бездну и увлекает меня за собой.

У меня вырывается вопль, и я отчаянно пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но уже поздно. Мы несемся вниз, в темноту. Я слышу смех Тавaддуд. Внезапно вокруг возникает янтарное сияние, похожее на волшебную пыль, и падение замедляется, словно нас подхватило дыхание Бога.

— Сеть ангелов, — выдыхаю я.

Тавaддуд парит рядом со мной.

— Да! — смеется она. — Лишь на Осколке Угарте она сохранилась и полностью функционирует. Здесь живут самые богатые торговцы гоголами. Только надо точно знать место.

Я закрываю глаза, отдаваясь во власть древних ангелов, охраняющих Сирр-на-Небе, и не открываю до самой земли.

После спуска они на последнем трамвае едут до подножия Осколка Узеда.

Тавaддуд стоит напротив Сумангуру и держится за поручень. Городские огни мерцают в его атар-очках, отражения пляшут в такт покачивающемуся трамваю. Сумангуру выбрал себе очки с круглыми голубыми линзами, подходящие по цвету к его костюму муталибуна.

— От этого неисправного спаймскейпа у меня глаза болят, — говорит он. — Но мне кажется, что нас преследуют.

Тавaддуд смотрит через его плечо, и с ее губ срываются проклятья. По проводам для джиннов над трамваем несутся три

цветные змеи из многоугольников. Они кружат над пассажирами и двигаются намного быстрее людей, но без мыслеформ в физическом мире видят довольно плохо. Значит, необходима маскировка в атаре.

Таваддуд выбирает подходящую пару — миниатюрная женщина оживленно обсуждает со своим спутником вопрос покупки нового кувшина для джинна-слуги. Таваддуд едва слышно произносит Тайное Имя аль-Мусаввира, Дарующего Облик, копирует свой и Сумангуру образ в атаре и накладывает на образы попутчиков. И действительно, когда пара выходит на следующей остановке, два джинна следуют за ней. Третий остается, но ненадолго. Через пару секунд исчезает и он.

— Ловко, — одобряет Сумангуру.

Осколок Узеда, единственный еще не до конца восстановленный фрагмент Сирра, окружен лесами и пластиковыми щитами, означающими, что работы по ликвидации повреждений, нанесенных два года назад диким кодом, все еще продолжаются. Таваддуд помнит, как внезапно возникали гигантские конструкции — продукты дикого кода, завезенные из пустыни зараженным поездом душ, как карабкалось по осколку сапфировое дерево. Оно росло буквально на глазах, и в атаре можно было видеть вьющийся вокруг него рой джиннов.

По мере приближения к темному каркасу на горизонте ее сердце бьется все быстрее и быстрее. *Дуни. Дуни. Я поступаю правильно. Отец должен узнать правду.* Таваддуд вспоминает долгие ночи, наполненные ощущением вины, осознанием собственной неправоты. *Возможно, это тоже устраивала она. Хотела, чтобы я оставалась ничтожеством и не вставала у нее на пути.*

Таваддуд сжимает в кармане мыслекапсулу, изготовленную в Соборности. «Она имитирует часть твоего мозга, куда внедрится фрагмент, — сказал Сумангуру. — Как кувшин джинна, с той лишь разницей, что он не сможет оттуда выбраться». Такая маленькая вещица, кусочек холодного металла размером с ноготь.

Таваддуд старается думать о спокойном голосе Кафура, вспоминает, как он приютил ее, когда она ушла из Города Мертвых. *Он поможет. Все будет хорошо.* Кафур учил, что все можно вылечить.

Здесь повсюду большие перепады высоты: резкие спуски под трамвайные пути и вертикальные аллеи, тянущиеся вверх, на Осколок. Таваддуд оглядывается на Большую Северную Станцию, откуда начала распространяться зараза: на длинные залы с

низкими потолками и арки, все еще отмеченные следами битвы, когда мухтасибы и Кающиеся пытались сдержать натиск дикого кода. Металлические брусья и стекла до сих пор покрыты шрамами.

Пройдет еще какое-то время, и шрамы исчезнут.

Они выходят на последней остановке вместе с толпой рабочих, возвращающихся домой после вечерней смены. Таваддуд ведет Сумангуру вниз по извилистой лестнице. Здесь нет никого из Кающихся, а атар настолько зыбок, что джинны не смогут их выследить. Дуни, вероятно, сходит с ума от злости.

На арках, оставшихся от Северной Станции, при их приближении появляются светящиеся указатели. Из-за грохота трамваев наверху разговаривать почти невозможно. Повсюду запах озона, и воздух кажется густым. Неожиданно перед ними, словно зрачок гигантского глаза, открывается старый туннель поездов душ, и оттуда веет холодом.

Внутри приходится идти по неровной земле, и Таваддуд едва не повреждает ногу об алмазный рельс. Вдали слышны шорохи и чье-то бормотание. Бану Сасан перешептываются о том, что дикий код не побежден окончательно, что в развалинах еще живут его детеныши.

— Когда вы говорили о дворце, я представлял нечто иное, — произносит Сумангуру.

— Ш-ш-ш, — Таваддуд заставляет его замолчать.

Впереди на стене светящийся символ — круг с двумя точками глаз. Лицо. Таваддуд произносит Тайное Имя, которому много лет назад научил ее Кафур, и перед ними открывается дверь, ведущая в длинный коридор, залитый неярким красноватым светом. Внутри разносится эхо далекой музыки и человеческих голосов, слышится чей-то шепот.

Таваддуд протягивает Сумангуру белую маску и сама надевает такую же.

— Добро пожаловать во Дворец Сказаний.

Дворец, как всегда, выглядит немного изменившимся. Это настоящий лабиринт скудно освещенных переходов. Повсюду сотни людей в масках. В коридорах они молчаливы, но в залах, загадочным образом возникающих то тут, то там, слышится шум и смех, горит свет, играет музыка.

Таваддуд и Сумангуру попадают в комнату с высокими белыми стенами, на которых танцуют тени, хотя источника света нигде не видно. Длинноногие чернильные кляксы разбегаются, как только Таваддуд пытается к ним прикоснуться. Следующий зал опутан медными проводами и гудит от статического

электричества. В нем, словно перед грозой, тяжело дышать, а волосы встают дыбом и начинают потрескивать. В галерее, обитой черным бархатом, тысячи свечей, повинуясь жестам человека в черном костюме, белых перчатках и балетной пачке, переворачиваются и исполняют под потолком медленный танец света и огня. В атаре полно джиннов, навевающих иллюзии.

Стройная женщина с коротко подстриженными темными волосами и в красной, а не в белой маске подходит к ним и слегка кланяется.

— Мне кажется, что вы впервые очутились во Дворце Сказаний, — обращается она к Сумангуру. — Чем мы можем вам помочь? Что вам угодно? Тела для джиннов, истории для плоти? — Она кладет одну руку на бедро, а другой проводит по губам и оглядывает гогола Соборности с головы до ног. — Господин Плечистый может насладиться здесь фильмами или детективными историями. А для вас… — Она удивленно моргает. — Таваддуд?

— Эмина. — Таваддуд улыбается под маской. — Я пришла повидаться с Кафуром.

Эмина хватает ее за руку и тащит за бархатную портьеру в небольшую пустую комнату с голыми стенами.

— Как тебе хватило духу показаться здесь, маленькая дрянь! — шипит она.

— Эмина, я…

— Когда за тобой явились Кающиеся, нам пришлось бежать и скрываться. Я ушла в Город Мертвых. Я была там гулем. Ты знаешь, что это значит? Конечно, нет. Ты, госпожа Таваддуд, играла в рабыню воплощения, пока тебе не надоело, а потом вернулась к папочке.

Она с отвращением вскидывает руки.

— А это кто? Новая игрушка? Он него несет Соборностью. Знаешь, у нас тут есть и масруры. Но ты ведь теперь живешь во дворце, и тебе все равно, верно?

— Все было совсем не так. Пожалуйста, выслушай меня.

Эмина судорожно всхлипывает.

— Нет, было именно так. Глупая девчонка. Убирайся сейчас же! Вон!

Она вытирает глаза и указывает на дверь.

— Эмина, прошу тебя. Мне нужна помощь Кафура. Я ищу Аксолотля. У меня есть соборы, я заплачу…

Эмина искоса бросает на нее взгляд.

— Вот оно что. Аксолотль. Наконец-то. Устала от немощных старых муталибунов? — Она скрещивает руки на груди. — Скажи, это очередная игра или нечто большее?

В глазах Таваддуд появляются слезы.

— Это намного серьезнее, — шепчет она.

Несколько мгновений Эмина молча смотрит на нее, а потом крепко обнимает.

— Ну-ну, Тава, все в порядке. Ты ужасно выглядишь. Не плачь, а то будет еще хуже. Тетушка Эмина все устроит. Я отведу тебя к Кафуру, и если этот глупец тебе не поможет, он мне за это ответит.

Она похлопывает Таваддуд по спине.

— Аксолотль был здесь, но недолго. Говорят, он связался с масрурами, нападал на поезда душ и воевал с Соборностью. — Она сердито косится на Сумангуру. — Тебе надо тщательнее выбирать друзей.

— Эмина, я… Прости, что так получилось. Я не хотела никому доставлять беспокойство. Мне было хорошо здесь. Прошу тебя, скажи Зувейле и Маржане, и Ганиму, и всем остальным, что…

Эмина сверкает глазами.

— Не волнуйся об этом. Тебе просто требовалась встряска, вот и все. Мы все хотим встретить своего принца-джинна, и если тебе это удалось, тем лучше. А теперь пойдем и отыщем Кафура. — Она хмурится. — С тех пор, как ты видела его в последний раз, он переменился.

Кафур принимает их в огромном зале, сидя на полу под железнодорожной аркой — вероятно, они где-то под самой Северной Станцией. На Кафуре знакомый балахон с капюшоном и длинными рукавами, но сам он кажется еще более сгорбленным и кривым. На лице Кафура тоже красная маска. По обе стороны от него стоят мыслеформы джиннов в запрещенных женских обличьях: одна полностью обнаженная фигура с серебристой змеиной чешуей, другая представляет собой изящную ледяную скульптуру.

Как давно я здесь не была.

— Подойди ближе, — говорит Кафур. Голос у него тоже изменился: стал еще пронзительнее, как звон колокольчика, и теперь совсем не похож на человеческий. — Я и не думал снова тебя увидеть. Подойди ближе.

Перед Кафуром на полу полукругом разложены подушки. Таваддуд встает на колени на одну из них.

— Магистр, я пришла просить о милости, — произносит она.

— О милости? Таваддуд, живущая в мире дворцов, величественных мухтасибов и могущественной Соборности, возвращается в мир историй и секретов, и первое, что она делает,

— просит у Кафура милости? Неужели у тебя не найдется для меня поцелуя в память о старых временах?

Кафур сбрасывает капюшон и снимает маску.

— Хотя дикий код жестоко обошелся со мной. Никому не скрыться от Разрушителя Наслаждений.

Его лицо кажется сплошной вздувшейся массой сине-багрового цвета с зияющими провалами, из которых сочится бесцветная жидкость. Мелкие твари с писком копошатся в пустых глазницах: химерические насекомые в радужных панцирях шныряют по лицу, перебегая из одной трещины в другую. Рукой, закрытой вышитым рукавом, Кафур притрагивается к почерневшей ране на том месте, где были его губы. У Тавaддуд все внутри сжимается.

— Ну, что скажешь? Если хочешь, можешь закрыть глаза.

Сумангуру вскакивает и поднимает кулак.

— Может, лучше я тебя *поцелую?!* — рычит он.

Тавaддуд кладет руку ему на плечо.

— Это его Дворец, — спокойно говорит она. — Я заплачу эту цену.

— Я не могу этого допустить.

— А я-то думала, что вы совсем не заботитесь о том, что плоть делает с плотью.

— Здесь совсем другое, — возражает Сумангуру, глядя на Кафура.

— Я знаю, что делаю, — отвечает Тавaддуд и произносит Тайное Имя аль-Джаббара Непреодолимого.

Сплетение можно осуществить и насильственно, особенно когда это касается джинна. Это запрещенный прием, но Тавaддуд так рассержена, что уже не думает о последствиях. С помощью Тайного Имени она сплетается с женщиной-змеей и целует Кафура так, как это делают женщины-джинны: язык превращается в фоглеты, источающие пламя и яд и высасывающие воздух из легких. Кафур отстраняется, задыхаясь и отплевываясь.

Тавaддуд отходит назад и вытирает губы тыльной стороной руки, а мыслеформа со злобным криком тает в воздухе. Насильственное сплетение вызывает ослепляющую головную боль, но девушка только сжимает зубы.

— Кафур, если ты и дальше станешь требовать поцелуи вместо историй, тебе придется поработать над своей выносливостью, — произносит она.

Он некоторое время смотрит на нее, а потом разражается пронзительным отрывистым хохотом.

— Да ради такого поцелуя можно и умереть! — Кафур снова надевает маску. — Ну так о чем же ты хотела попросить старого

Кафура, дорогая Таваддуд?

Таваддуд напряженно сглатывает.

— Ты учил меня, что любое сплетение оставляет следы. Я хочу установить контакт с джинном Зайбаком, известным также как Аксолотль, в склепе которого ты нашел меня и привел сюда. Я хочу отыскать его в своем сознании. Если я хорошо служила тебе, помоги мне, пожалуйста, это сделать.

— Ты хорошо мне служила. — Проворные жилистые руки Кафура двигаются под длинными рукавами. — Но ты привела к нам Кающихся. И просишь не о мелком одолжении. Ты хочешь соединить то, что было разорвано. Хочешь, чтобы я раскинул сеть в атаре, поймал Отца похитителей тел и привел его к тебе, словно гогола из пустыни. Что ты предлагаешь мне взамен?

— Мой отец…

— А-а. Твой отец. Это богатый человек, у него много гоголов, много дворцов и много друзей. Но здесь мы не гонимся за обычными монетами дневного Сирра. Тебе известно: мы торгуем Именами и историями. Можешь ли ты, Таваддуд из Дома Гомелец, которая всему, что знает, научилась у Кафура, предложить что-то из этого? Можешь ли ты назвать Имя, которого я не знаю? Или можешь рассказать историю, какой я еще не слышал, как всегда спрашивает Аун?

Таваддуд вспоминает об Имени, названном Арселией, но не успевает заговорить, как ее опережает Сумангуру.

— А как насчет звездной истории? — спрашивает он.

— Интересно, — отвечает Кафур. — Она стала бы редкой драгоценностью.

Сумангуру снимает атар-очки.

— Эту историю я услышал от космического корабля и могу поклясться, что она правдива, — говорит он. Давным-давно жили две девушки, Миели и Сюдян, и они вместе отправились в летающий город на Венере, чтобы жить вечно.

Глава двадцатая
ИСТОРИЯ МИЕЛИ И СЮДЯН

Миели прижимается лицом к невидимой оболочке летающего города и наблюдает, как танцует в небе ее возлюбленная. Обнаженные тела венерианских божков как будто нарисованы мелом на сернистых облаках, и Сюдян на одолженных крыльях кажется рядом с ними совсем крошечной. Миели смотрит, как они окружают и преследуют ее, вынуждая уходить вниз по крутой спирали, и знает, что Сюдян смеется — громко и заливисто,

вовсю наслаждаясь жизнью.

— Миели, девочка моя! Иди к нам! — кричит она в ухо Миели. — Спорим, ты не сможешь меня догнать?

Миели в одно мгновение могла бы оказаться рядом, стоило только позволить городу снабдить ее второй оболочкой и достаточной силой для крыльев, чтобы противостоять венерианскому ветру, но она предоставляет Сюдян резвиться одной. Кроме того, Миели чувствует себя *тяжелой*, как будто придавленной к земле, несмотря на то, что фоглеты города Амтор поддерживают ее тело невидимыми руками. Она не хочет сейчас летать. Или просто смогла убедить себя в этом.

Она испытывает головокружение, глядя вниз, на суровые базальтовые горы с их необычным строением, трещинами и вулканами, и приходит в ужас при мысли о трехсотмильном ветре, ревущем снаружи, и иссушающей жаре под пеленой туч, которая делает планету похожей на гигантский автоклав. Миели привыкла к жестоким условиям и большую часть жизни провела в скафандре, но в космическом Человеке Тьмы нет злобы, только пустота. С Венерой дело обстоит иначе, и Миели еще не готова с ней встретиться. Пока не готова.

Хватит хандрить, произносит «Перхонен» в ее голове. *Выходи. Летай. Играй. Мы проделали такой долгий путь. Надо наслаждаться жизнью.* В голосе корабля слышится нетерпение.

— Помолчи, — говорит Миели. — Я хочу посмотреть на рассвет.

В городе Амтор рассвет длится вечно. Око солнца, оранжево-красное, окрашивает плотные молочные облака в такие цвета, каких Миели никогда не видела в Оорте, краю льда и грязного снега. Город летит на горячих ветрах на границе света и тьмы, преследуя солнце. Он представляет собой сферу из ку-камня и алмазов, внутри которой поднимаются волшебные башни. Цивилизация, пляшущая на дыхании Венеры в пятидесяти километрах над поверхностью.

Из наблюдательных сфер на краю города открывается изумительный вид, и Миели намерена сидеть там в одиночестве и наслаждаться пейзажем. После долгого путешествия вместе с Сюдян под тонкой оболочкой паучьего корабля, после многих месяцев скольжения по Магистрали, унесшей их на световые часы от пояса Койпера, одиночество производит странное впечатление.

Но, возможно, ей мало просто наблюдать рассвет. Может, она должна…

— Привет, оортианка. Хочешь персик?

Миели вздрагивает от неожиданно раздавшегося голоса. На скамье по соседству сидит парень лет шестнадцати со смуглой

кожей, которая в лучах венерианского рассвета кажется медной. Он одет как на картинках в старых книжках: в джинсы и футболку, которые висят на его худощавом теле. У парня тонкие седые волосы, но взгляд пронзительно голубых глаз кажется молодым. Он сидит, подняв колени и закинув руки за голову. Рядом стоит рюкзак.

— Как ты узнал, что я из Оорта? — спрашивает Миели.

— Ну, понимаешь… — парень почесывает подбородок. — Тебя выдает взгляд.

— Какой взгляд?

— Я называю это взглядом Гулливера. Мне уже доводилось видеть подобное. Как будто ты попала в страну великанов. Как будто эта планета слишком большая для тебя. Персик?

Он засовывает руку в рюкзак, достает золотистый шарик и бросает ей. Непривыкшая к гравитации, Миели с трудом ловит его. И краснеет.

— Он не такой уж большой, — говорит она. — Просто сила притяжения мешает.

Миели приближается к скамье, внимательно следя за своей походкой: ей кажется, что она вот-вот провалится вниз, и она осторожно делает шаги, как будто идет по тонкому стеклу. Парень отодвигает рюкзак, и она с благодарной улыбкой садится рядом.

— А почему же ты не там, не летаешь по воздуху? Так было бы легче.

Миели надкусывает персик. Мякоть сладкая и сочная, с привкусом горечи, как венерианский воздух.

— А ты? Почему ты не летаешь? — спрашивает она.

— Ну, начнем с того, что здесь ты. Самая хорошенькая девчонка из всех, кого я видел, и совсем одна в городе богов. — Он покусывает губы. — А может, я просто не люблю летать.

Миели сидит рядом с ним на скамье и продолжает есть персик. Косточку она перекатывает во рту. Поверхность косточки жесткая и шершавая, такой, вероятно, могла быть твердь Венеры, если дотянуться до нее языком: неровный базальт, густой, почти жидкий воздух и едкая кислота.

— Моя… подруга там, — сообщает она. Разговаривать с кем-то, кроме Сюдян или «Перхонен», оказывается очень приятно. — Мы прибыли сюда вчера. Очень странное место. Ей нравится. А мне нет.

— Я и не предполагал, что оортианцы забираются так далеко вглубь Внутренней Системы. Но не подумай, что я против, совсем нет.

В этот момент она готова рассказать ему все. *Мы встретились*

на грандиозной стройке и полюбили друг друга. Мы сражались в войне между племенами. Все считали, что мы погибли. И Сюдян решила, пусть так и остается. Но взгляд у парня слишком пристальный.

— Это длинная история, — произносит она вслух. — А как ты узнал, что я не одна из *них?* — Она показывает на белые крылатые фигуры, уже едва различимые вдали.

— Персик, — отвечает парень. — Они не едят. По крайней мере, так, как ты. — Он усмехается. — Это тоже в некотором роде символично. Парис подарил яблоко прекраснейшей из богинь.

Он красиво льстит, замечает «Перхонен». *Не хуже, чем Сюдян.*

— Ты же согласился, что я не богиня, — отзывается Миели.

— Сейчас и ты подойдешь. До тех пор, пока я не найду настоящую богиню.

— Это не похоже на комплимент.

— Извини, — произносит парень. — Я имел в виду: богиню в буквальном смысле. Я пришел сюда из-за обвала. Жду, когда упадет город. Когда придут боги Соборности.

О чем он говорит? шепотом обращается Миели к «Перхонен».

Не имею понятия, отвечает корабль.

Парень замечает ее растерянность.

— Ты знаешь, что такое обвал Бекенштейна? — спрашивает он.

— Нет. Наверное, должна знать.

— Это то, что происходит со всеми Городами Ветров. Вот почему все сюда слетаются. Пилигримы и постлюди, монстры и божки, с Пояса и из Ублиетта, и даже зоку с Юпитера и Сатурна. Они собираются здесь, чтобы отдать себя Соборности ради Великой Всеобщей Цели.

Город падает. Машины Соборности его подхватывают. И сжимают до масштаба Планка. Возникает сингулярность. Плотность информации превосходит границу Бекенштейна. И получается черная дыра — настолько маленькая, что она нестабильна. Поэтому она взрывается под корой. Это фантастическое световое шоу. И оно уже скоро состоится. — Взгляд парня становится мечтательным. — После обвала появится богиня, чтобы собрать своих детей и понежиться в излучении Хокинга. Я пришел, чтобы встретиться с ней. И отдать ей персик бессмертия.

Миели встает. Ее тело кажется тяжелым, словно налито свинцом, но ей уже все равно.

— Она не сказала мне, — негромко произносит она.

Она не сказала мне! кричит она «Перхонен». *И ты не сказала мне!*

Я не хотела вмешиваться, протестует корабль. *Я думала, она сама тебе скажет.*

— Спасибо, — говорит Миели парню. — Надеюсь, ты найдешь свою богиню.

— Обязательно найду, — отвечает он.

Но Миели уже бежит к краю города, к облакам и пятидесятикилометровому обрыву. Она раскидывает руки, расправляет крылья и прыгает.

Сюдян превращает полет в игру, как это бывало на строительстве Цепи в Оорте. Игра всегда заканчивается одинаково, и к тому времени, когда Сюдян позволяет Миели догнать себя, та уже не сердится.

В первый раз на Венере они занимаются любовью в ку-сфере над кратером Клеопатра, на склоне гор Максвелла, а потом, уставшие, залитые светом янтарных облаков, отдыхают в объятиях друг друга. Миели обводит пальчиком серебристые линии шрамов, где когда-то были крылья Сюдян. Ее подруга трепещет от наслаждения, а затем переворачивается.

— Посмотри, отсюда видно *губернию*, — говорит Сюдян, показывая наверх.

И действительно, там ярко горит вечерняя звезда. Алмазный глаз в небе, один из домов богов Соборности: искусственная сфера размером со старую Землю, изготовленная из добытых на Солнце углеродов. Зреющие там мысли превосходят суммарные умственные способности всего человечества.

— Разве тебя это не забавляет? Мы так далеко забрались.

Миели становится холодно. Она гладит Сюдян по щеке.

— Что-то не так?

— Мне здесь страшно, — признается Миели. — Не надо было сюда прилетать. Солнечные кузнецы рассказывали нам о юпитерианских городах-государствах и о красной планете, где они пили вино и слушали старинную земную музыку. Почему мы выбрали это место?

Сюдян отворачивается и садится, обхватив колени руками. Она берет драгоценную цепочку, созданную после их первой Большой Работы, и начинает наматывать на левую руку.

— Ты знаешь, почему, — отвечает она.

— Почему ты хочешь стать богиней?

Сюдян смотрит на нее, но ее губы сжимаются в тонкую линию, и она молчит.

— Ты хочешь упасть вместе с городом, — продолжает Миели. — Мне рассказал об этом пилигрим. Ты хочешь быть мыслью в разуме города, когда он обвалится.

— Это ведь мечта, верно? Моя мечта, — отзывается Сюдян. — Киркаат Кутойат считают себя такими умными. Давайте все вместе строить ледяные мосты к звездам, мы будем свободными. Отлично. Великолепно. Но мы *умираем*. Мы умираем и превращаемся в призраков. Предки — это не совсем мы, это тени и воспоминания, и ледяные кости. Я этого не хочу. Никогда. — Она прикладывает обвитую цепочкой руку к груди Миели чуть повыше сердца. — Мы могли бы сделать это вместе.

Миели медленно качает головой.

— Ты была права. Всю жизнь меня убеждали, что я особенная, — говорит она. — Оброчный ребенок. Бабушкина любимица. Но самое особенное во мне — это чувство к тебе. И делает его таким страх потери. Если бы это продолжалось вечно, ничего подобного не было бы.

Сюдян смотрит на город Амтор, на далекий янтарный шар в небе, похожий на снежную глыбу.

— Обещаю, что останусь с тобой, — произносит она немного погодя. — Проклятье. Я еще не привыкла к этому. — Она вытирает глаза. — Ладно. Давай любоваться видами. Хочешь, посмотрим, как сверхчеловеческий разум получает оргазм Хокинга? Издали.

Миели улыбается. Волна облегчения наполняет ее теплом.

— Держу пари, ты говорила это всем девушкам, — усмехается она.

И все-таки я считаю, что лучшим местом для наблюдения была бы орбита, бормочет «Перхонен». *Например, вокруг Марса.*

— Тише. Уже начинается, — говорит Миели, поеживаясь от возбуждения.

На фоне сурового пейзажа плато Лакшми она уже различает информационные снежинки. На базальтовой поверхности планеты все приходит в движение: звери фон Неймана разбегаются в разные стороны, ищут убежища на крутых склонах гор Максвелла. В кроваво-красном тумане венерианского утра они кажутся черными муравьями, в панике сбивающимися в группы.

Посмотри-ка на это.

Корабль передает Миели изображение с орбиты: Амтор, обвитый безупречной бело-голубой спиралью, находится в самом центре бури.

Миели, там внизу есть разумные горы. Даже здесь, наверху, поток информации сносит крышу. Если я через пять минут сойду с ума или спонтанно перестроюсь, виновата будешь ты.

— Заткнись. Мы развлекаемся.

Миели стискивает руку Сюдян — податливая интеллектуальная материя расплавляется, и вот она уже сжимает теплые пальцы подруги. Они обе надели тяжелые скафандры из текучего камня, и лазерный луч с орбиты поддерживает мощность щита для их ку-сферы, которая в данный момент замаскирована под сверхплотный элемент из самого конца периодической таблицы. Гостеприимство Соборности распространяется даже на тех, кто еще не отказался от своего сознания.

Если кто-нибудь спросит, я еще четыре минуты буду прятать голову в песок и молиться, чтобы у меня остался капитан-человек, шепчет «Перхонен» и исчезает. Отсутствие корабля слегка шокирует Миели, но мир уже рушится, и подумать об этом некогда.

Гигантская рука поднимает из центра плато Лакшми базальтовую глыбу размером с Луну и сжимает ее. Вспыхивает ослепительный свет, от которого мало защищает даже ку-сфера, и в следующий миг возникает бурлящая воронка, ревущий водоворот камней и пыли, всасываемых пылающей точкой новой сингулярности.

Город Амтор летит в нее падающей звездой.

Столб пыли поднимается в небо, скрывая последние остатки кровавого света. Горы Максвелла пляшут, словно обезумевшие животные. Вибрация дрожью отзывается в костях Миели, и она вздыхает, а Сюдян крепче сжимает ее руку.

Парень с седыми волосами был прав: это мир великанов.

Водоворот разрастается, камни и пыль превращаются в раскаленную добела плазму, и воронка начинает светиться. Из ку-сферы это выглядит так, словно пылающая дрель вгрызается в плоть Венеры, высекая из-под коры причудливо меняющиеся слои компьютрониума. Ку-сфера пытается поддерживать свое заграждение в электромагнитном спектре и переключается на нейтринную томографию. Базальт и лава делаются прозрачными, словно стекло, и тогда становятся видны невероятные спирали вокруг эпицентра Бекенштейна, где мысль богов пронзила ткань пространства-времени.

Миели догадывается, что это скорее динамическое изображение, чем реальная картина происходящего, но ей все равно. Она смотрит на причудливые образования вокруг нарождающейся черной дыры и жалеет лишь о том, что не обладает усовершенствованным восприятием, как гоголы Соборности.

Маленькое божество теперь окружает многогранная суперплотная оболочка. Поверхность под ногами уже не дрожит, а гудит, и, несмотря на все меры, принимаемые ку-сферой для

погашения вибрации, у Миели стучат зубы.

— Теперь уже скоро, — шепчет Сюдян.

На мгновение объединив их скафандры, Миели крепко целует ее.

— Спасибо, — благодарит она.

— За что?

— За то, что показала мне это.

— Не за что, — отвечает Сюдян. — И прости меня. Я хочу, чтобы это продолжалось вечно.

Она до боли сжимает руку Миели. А потом встает, ступает за пределы ку-сферы и пускается бегом. Миели пытается удержать ее за руку, но в ладони остается только цепочка с драгоценными камнями.

Сюдян на мгновение оборачивается. Она колышется в информационном потоке, лицо расплывается белыми завитками, словно сливки в чашке кофе.

Миели кричит, но ее голос слишком слаб по сравнению с оглушительным ревом умирающего города.

И происходит взрыв. Неустойчивое равновесие обеспечивало поле Хиггса, так что черная дыра несколько минут балансировала на грани нестабильности, пока программные суперпотоки под горизонтом событий отчаянно строили искусственную вечность. Взрыв выплескивает все мысли, рожденные в этом аду, и целая гора мгновенно преобразуется в излучение Хокинга.

Ку-сфера стонет от перегрузки, ее оболочка становится мутной и рассыпается, но скафандр Миели выдерживает ударную волну. Базальт содрогается под ногами. Белое пламя швыряет ее на наковальню скалы под молот гравитации.

Последнее, что она видит, прежде чем лишиться сознания, это сигнальный луч «Перхонен» с орбиты и огненную трещину, раскалывающую поверхность Лакшми издевательской усмешкой.

Это самая большая твоя глупость, какую я только видела, бормочет «Перхонен».

Миели парит в состоянии легкой эйфории, которая смягчает голубые блики, пляшущие перед глазами, и обжигающую боль в костях.

Не пытайся двигаться. Ты разбита вдребезги. Множественные переломы, проколотое легкое, внутренние кровотечения. Лечебных нанороботов скафандра я отключила, потому что они мутировали. Теперь, наверное, пытаются превратить какой-нибудь обломок скалы в печень.

— Где Сюдян? — спрашивает Миели.

Поблизости.

— Покажи.

Тебе действительно не стоит…

— Покажи ее!

Она возвращается в холодную реальность. Боль сводит с ума, но теперь Миели может видеть. Она лежит на спине, растянувшись на неровном базальтовом выступе. Уже почти стемнело: пылевые вихри застилают светящиеся облака. Осторожно скользят темные силуэты зверей фон Неймана. Плато Лакшми больше не существует — на его месте образовался невероятно гладкий кратер из незнакомого вещества.

Миели медленно приподнимается и видит, что за ней наблюдает парень с седыми волосами.

Насколько она может судить, на нем нет ни скафандра, ни каких-либо других средств защиты. Парень сидит на горячем базальте, прислонившись спиной к скале.

— Ты нашел свою богиню? — спрашивает она, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться над абсурдностью ситуации.

— Нашел, — отвечает парень. — Но, похоже, ты потеряла свою.

Миели закрывает глаза.

— Какое тебе дело?

— Я был не до конца честен с тобой. Я не пилигрим. Можно считать, что я… администратор. И меня интересуют все, кто проходит через это, независимо от того, присоединяются они к нам или нет.

— Она выпустила мою руку. Она не хотела, чтобы я с ней шла. Я не могу последовать за ней.

— Я и не думал, что ты последуешь. Несмотря на нашу репутацию, мы уважаем чужие решения. По крайней мере, некоторые из нас.

Он подходит к Миели, протягивает ей руку и помогает подняться. Благодаря поддержке скафандра ей удается устоять на ногах.

— Ты только посмотри на себя. Нет, так не пойдет. Видишь, что получается, когда приходишь сюда в физическом теле.

Внезапно скафандр наполняется новыми волнами прохлады, свежими нанороботами, на этот раз медиками Соборности. Боль сменяется легкой щекоткой во всем теле.

— По правде сказать, твоя подруга тоже не до конца тебе открылась, — продолжает парень. — Не так давно она разговаривала о приходе сюда с одной из моих сестер.

— Что мне делать?

— Не сдавайся, — говорит парень. — Я понял это давным-давно. Если реальность тебя не устраивает, изменяй ее. Ничего

нельзя слепо принимать — ни смерть, ни бессмертие. Если не хочешь присоединиться к своей подруге, можешь пойти к моей сестре и попросить вернуть ее. Но, должен предупредить, это будет дорого тебе стоить.

Миели делает глубокий вдох. В легких что-то рокочет. Она осознает, что держит в руке цепочку Сюдян, словно частицу Оорта, сотворенную из драгоценных камней и песен.

— Я сделаю это, — произносит она. — Только скажи, куда мне идти. Но почему ты мне помогаешь?

— Ради любви, — говорит он.

— Любви к кому?

— Ни к кому, — отвечает он. — Просто хотел бы узнать, что это такое.

Спустя три дня на металлическом плато, в тени щитовидного вулкана, Миели находит храм.

Ноги у нее горят от усталости. Мускулы и кости уже почти окончательно исцелились, и ку-скафандр помогает двигаться, но голод и жажда иссушают внутренности, и каждый шаг дается с огромным трудом.

Храм представляет собой каменный лабиринт — бессистемную на первый взгляд груду черных прямоугольников и обломков, напоминающих разбросанные ребенком-великаном кубики. Миели ступает внутрь, и перед ней открывается замысловатая галерея, откуда во все стороны разбегаются коридоры и переходы. «Перхонен» шепотом сообщает, что все это сооружение является проекцией более сложного многомерного объекта, его тенью, застывшей в камне. На черных стенах, как и говорил парень с седыми волосами, Миели обнаруживает метки в виде серебристых цветов и придерживается их.

После бесчисленных поворотов она выходит в зал с черной дырой в центре. Это совсем крошечная искорка, парящая в цилиндрической комнате, но излучение Хокинга настолько яркое, что затопляет скафандр. Несколько шагов, и верхние слои защиты начинают испаряться.

Возвращайся! кричит ей «Перхонен».

Миели делает еще шаг, и от костюма ничего не остается. Излучение, несущее мысли богини, поглощает ее целиком. Плоть превращается в молитву. Миели поднимает руки. Кончики пальцев занимаются пламенем. Боль настолько сильная, что ее невозможно передать словами. А затем уже не остается никаких слов и мыслей, только опаляющий красный жар…

…который сменяется тихим журчанием фонтана. Темно. Над

головой бархатный плащ неба с крошечными искорками. Кроме плеска воды не слышно ни единого звука. Влажный воздух пахнет свежестью.

На ступенях фонтана сидит женщина. На ней белое платье, на шее мерцают бриллианты. Золотистые вьющиеся волосы ниспадают на плечи. Ее нельзя назвать ни молодой, ни старой. Женщина читает книгу. Когда Миели приближается, она поднимает голову.

— Хочешь немного вина? — спрашивает женщина.

Миели нерешительно качает головой. Богиня совсем не такая, какой она себе ее представляла: это не светящийся прозрачный силуэт и не гигантский столб пламени, а просто женщина. Миели различает поры на ее коже. Чувствует запах ее духов.

Миели обращается за поддержкой к «Перхонен», но здесь ее нет, только холодок в спине и пустота в мыслях.

— Как хочешь. Кстати, мое гостеприимство не распространяется на мелкие машины вроде твоего корабля, — говорит богиня. — Но ты проходи, пожалуйста, и присаживайся.

— Я постою, — отвечает Миели.

— А, характер. Мне это нравится. Так чего же ты хочешь, дитя мое? Я приветствую любую душу, обратившуюся ко мне, хотя не всем приходится преодолевать такой долгий путь, чтобы увидеть меня.

— Я хочу вернуть ее.

Богиня с улыбкой окидывает ее внимательным взглядом.

— Ну конечно, хочешь, — соглашается она. — Она нелегко тебе досталась: слишком много потерь за столь короткую жизнь. И детство, проведенное в чужом мире безмолвного льда и полетов в вакууме. — Она вздыхает. — Чего же ты от меня ждешь? Я не волшебник-зоку, который мог бы изучить твое желание и устроить так, как лучше для тебя. Иначе я сумела бы уменьшить боль твоей утраты или, возможно, поместить тебя в мой Каталог гоголов, чтобы вы имели возможность проститься. Или создать *район* и смоделировать вир вашего возможного совместного будущего. Но я не сделаю ничего подобного. Ты хочешь получить то, что принадлежит мне. Я Жозефина Пеллегрини. Я воплощение божества моей *губернии* и не расстаюсь со своим имуществом просто так. Значит, вопрос в том, что ты можешь мне дать, маленькая девочка? Что ты можешь предложить, чтобы вернуть свою Сюдян?

— Все, — отвечает Миели. — Все, кроме смерти.

Глава двадцать первая
ТАВАДДУД И АКСОЛОТЛЬ

Сумангуру заканчивает рассказ. Он спокойно смотрит на Кафура. Глаза гогола сверкают в прорезях маски.

— Ну? — подает голос Таваддуд. — Ты слышал эту историю?

— Я принимаю плату, — отвечает Кафур. — Хотя было бы намного лучше услышать ее окончание. Или Господин Со Шрамами оставил окончание на будущее?

— У правдивых историй не всегда бывает окончание, — заявляет Сумангуру.

— Ну хорошо. — Кафур встает. — Таваддуд, дитя мое, твою просьбу нелегко выполнить. Зайбак-Аксолотль ушел в пустыню, и теперь он вне досягаемости атара. Чтобы сплетение осуществилось, атар необходим, только в нем ваши мысли могут соединиться. Но старый Кафур хитер. Старый Кафур мудр и знает, как оседлать вихри дикого кода.

Он негромко смеется.

— О чем ты говоришь? — спрашивает Таваддуд.

— Я далеко не всему научил малышку Таваддуд. Если хочешь, чтобы твой голос разнесся по пустыне, ты должна впустить пустыню в себя.

Перед глазами Таваддуд мелькает образ Алайль.

— И ты это сделал?

— Кафур выпил слишком много крепкого вина историй, это верно. Но истории приходят к нам из пустыни, и за окончанием своей ты должна отправиться именно туда.

— О чем он говорит? — шепотом спрашивает Сумангуру.

— Если я хочу отыскать Аксолотля, я должна открыться дикому коду, — поясняет Таваддуд.

Гогол Соборности кладет руку ей на плечо.

— Он сошел с ума. Надо выбираться отсюда. Мы найдем другой способ.

— Я поместила в кувшины джиннов, поглощающих дикий код, — медленно произносит Таваддуд, похлопывая по своей медицинской сумке. — Я использую их для лечения Бану Сасан. Это может помочь, если действовать быстро. А Печати на моем теле очень крепки, их накладывал мой отец. Они выдержат.

Сумангуру изумленно таращится на нее.

— Но…

— Это мое решение. — Таваддуд делает шаг вперед. — Я согласна, — говорит она Кафуру.

Магистр Дворца Сказаний кланяется ей.

— Старый Кафур доволен, — отвечает он. — Под маской дочери Гомелеца ты все еще моя Таваддуд.

В глубине подземелий Дворца есть комната, где стоят гробы.

На ее темных каменных стенах и двери ярко выделяются золотые спирали и завитки Печатей.

Кафур с трудом поднимает крышку одного из гробов. Над ним тотчас вспыхивает интерфейс атара. Внутри гроб представляет собой резервуар, сделанный по форме человеческого тела, и дыхательный аппарат с соединительной трубкой.

— Чтобы услышать, тебе необходима тишина, — говорит магистр Таваддуд.

Она ставит свою сумку и вынимает три кувшина.

— Сначала этот, потом этот, а затем этот, — объясняет она Сумангуру и заставляет его повторить Имена, которые он должен произнести.

— Это безумие, — протестует он. — Вы не должны этого делать. Это черная магия. Через пять минут я вытащу вас отсюда. Я доставлю вас на Базу, там можно сделать очищение…

Таваддуд показывает ему мыслекапсулу.

— У вас своя магия, господин Сумангуру, у меня своя.

Она снимает одежду и костюм муталибуна и бросает на землю. От холода, источаемого гробами, ее кожа покрывается мурашками, и она вздрагивает.

Кафур поднимает прозрачную бутыль, заполненную песком.

— Приступай, — просит Таваддуд.

Кафур открывает бутыль и вытряхивает ее содержимое на Таваддуд. Песок нежно осыпается по коже, словно поглаживая. Соприкасаясь с телом, он начинает светиться. Ощущение напоминает Таваддуд ласки тумана, испытанные ею давным-давно в саду.

Она ложится в гроб и прижимает к лицу дыхательную маску. Температура воды тотчас повышается до температуры тела. Затем крышка захлопывается, и Таваддуд остается наедине с пустыней.

В первый момент она не чувствует ничего, кроме странного сочетания легкости и тяжести скользящего в воде тела. Затем появляются голоса: тысячи шепотов на незнакомых наречиях, шелестящие, словно сухие листья. *Не об этом ли говорил Абу: голоса пустыни?*

Затем загораются огоньки. Это похоже на другой Сирр, показанный ей Абу, только теперь Таваддуд видит целый мир. Она парит в центре Галактики, а вокруг раскинулась гигантская паутина света — яркие точки, соединенные переплетающимися петлями и спиралями.

Зайбак, шепчет она. *Приди ко мне.*

Ее голос присоединяется к хору шепотов, и слова

бесконечными отголосками эха повторяются в светящейся сети.

Ее сердце замирает, когда приходит ответ. Щупальца света тянутся к ней и вьются вокруг. Таваддуд смотрит вверх. Над ней, словно кракен в океане, парит какое-то сияющее существо и смотрит любопытным детским взглядом. Одно из щупальцев кракена слегка задевает ее, и она ощущает отголосок непреодолимой тоски. Но через мгновение светящийся силуэт пропадает, растворяясь в сети легким завитком дыма.

Таваддуд повторяет призыв. *Зайбак, где ты?*

Опять приходит ответ, но уже другой. Целым косяком налетают продолговатые существа, похожие на змей без глаз, зато с острыми, очень острыми зубами. Они вьются вокруг ее рук и ног, задевают упругими, холодными и скользкими телами. *Дикие джинны, почуявшие плоть.* Таваддуд выкрикивает Тайное Имя, но здесь оно не действует: джинны отскакивают от нее, однако остаются кружить поблизости, выжидают.

Зайбак!

Появляются еще джинны — они выглядят как цепи, тороиды и странные завитки, пожирающие сами себя. Их очень много, все жаждут воплощения, и с каждым разом они подходят все ближе и ближе. Таваддуд пытается почувствовать свое тело, пытается нащупать крышку гроба, чтобы позвать Кафура и Сумангуру и выбраться отсюда. Но у нее нет ни голоса, ни плоти.

Налетевший ветер разгоняет обитателей пустыни. Он дует сквозь нее и вокруг нее, это прикосновение, голос и поцелуй в одно и то же время, и внезапно она вспоминает пар, поднимающийся после дождя над крышами склепов в Городе Мертвых.

Аксолотль.

«Таваддуд».

Я так хотела тебя увидеть.

«Я так хотел побыть тобой».

Молчание.

«Почему ты здесь?»

Алайль. Покажи мне, почему?

Сожаление. Стыд.

Покажи мне.

Путешествие по пустыне в поисках цели. Сады историй, где живет Аун. Блаженство и пустота.

Возвращение в город. Так называемые масруры, джинны-мятежники, говорят о защите пустыни. Их слова звучат искренне. Они утверждают, что являются мечами Ауна, они поставили перед собой цель избавить пустыню от машин Соборности. Сражения. Отвага. Смысл.

Мухтасиб, заявляющий, что все изменится. Сирр даст имена машинам Соборности, чтобы Аун не смог уничтожить их. Больше не будет пустыни. Не будет историй.

«Он говорил, что мы можем остановить это. Обещал выдать предателей Сирра, если мы доверим ему свои истории».

Значит, из-за этого погибла Алайль?

«Она не умерла! Если ты знаешь тайну, пустыня не убивает. Прошепчи человеку тайну Принца-цветка, и можешь взять его с собой в пустыню. Он станет историей, как мы, как Аун, живущий вечно среди дикого кода. Она здесь, Таваддуд. И Сирр может быть здесь. Без Соборности. И ты можешь быть здесь. Пойдем со мной. Позволь мне снова открыть тебе тайну. Она красивая и яркая. Мы можем вечно быть вместе».

Вечно. Есть одна история, рассказанная темным человеком, о двух женщинах на Венере. Одна из них не хотела, чтобы что-то продолжалось вечно.

«Эта история не про нас. Мы Зайбак и Таваддуд».

Пауза.

Я Таваддуд. Я теперь из другой истории. Разве не об этом ты мне говорил? Что ты слишком стар и силен. Ты был прав. Я хочу быть Таваддуд.

«Прости. Так легко стать тем, чем были мы».

Я знаю. Все в порядке. Но скажи мне, что именно потребовал мухтасиб?

Имя. Тайное Имя, известное Алайль.

И ты открыл его ему?

«Нет».

Стыд. Обман.

«Это была уловка. Алайль сказала мне. Мухтасиб работал на Соборность. Она знала его. Я убежал вместе с ней в пустыню, чтобы сохранить тайну».

Почему представители Соборности желали причинить вред Алайль? Она собиралась дать им то, что они хотят.

«Ей был известен секрет аль-Джанна Пушки. А он им нужен больше, чем души».

Кто это был? Кто был тот мухтасиб, который предал тебя?

Огненная змея.

Абу Нувас.

Имя оглушает ее, словно удар грома. Оно почти разрывает сплетение, но облако тепла, которым предстает Аксолотль, притягивает ее обратно.

Нам следует все рассказать.

«Теперь ты стала сильнее. Ты должна уйти со мной. Какое тебе дело до тайн, Соборности и Сирра? Что они дали тебе?»

Отпусти меня.

«Иди со мной!»

Я не могу. Не заставляй меня.

«Идем!»

Нет.

Таваддуд открывает глаза и захлопывает мыслекапсулу Соборности вокруг Аксолотля.

Крышка гроба поднимается. Таваддуд выходит из воды, кашляя, словно новорожденное дитя. Глаза щиплет. Кожа зудит, кажется сухой и очень горячей. Таваддуд ощупывает лицо: под кожей остались жесткие рубцы. Девушка негромко всхлипывает.

Ей на плечи ложатся теплые руки. Чей-то голос произносит Тайное Имя. Воздействие дикого кода еще сохраняется, и ее кожа внезапно покрывается крошечными джиннами, голодными треугольниками, пожирающими заразу. Ощущение похоже на прохладный душ. Затем они перебираются на голову, и Таваддуд невольно вскрикивает от холода. Но через мгновение все заканчивается. Она оборачивается, чтобы взглянуть на врачевателя…

…и видит огненную змею.

Абу Нувас печально улыбается. Он стоит посреди комнаты с гробами, в руке ружье-барака, рядом огромные мыслеформы джиннов в виде остроконечных клубов черного дыма. Между ними отчаянно бьется Сумангуру. Неподалеку Кающийся Рамзан скрестил тонкие руки перед безликой головой.

— Спасибо, — произносит Абу, вылавливая плавающее в гробу устройство Соборности. — Мыслекапсула? Я не думал, что ты зайдешь так далеко, Таваддуд. Но ценю твои усилия. Я уже давно ищу этого типа.

— Ты мелкий ублюдок! — шипит Таваддуд. — Где Кафур? — Она выпрямляется, все еще стуча зубами от холода. — Это его Дворец. Он тебя не выпустит с этим.

Кто-то хрипло кашляет. Кафур набрасывает одежду на плечи Таваддуд. Его прикосновение вызывает у нее дрожь.

— Мне очень жаль, малышка Таваддуд. Старому Кафуру предложили более высокую цену. И господин Нувас всегда был хорошим покупателем.

— А теперь идем, — говорит Нувас. — Ночь только начинается. И я обещал тебе ужин в моем дворце, разве не так?

Глава двадцать вторая
ИСТОРИЯ ПЕЛЛЕГРИНИ И ЧЕНА

Повелителя Вселенной она находит на берегу бросающим камешки в море. Он в облике ребенка. Старое воспоминание. Он специально выбрал его для нее? Это не то место, где они встретились впервые. И очень отличается от его обычных виров — абстрактных пространств, заполненных символами.

— Здесь очень неплохо, — произносит она.

Мальчик поднимает голову. Глаза широко раскрыты, в них нет страха, но нет и ни малейшей тени узнавания.

Какую игру затеял Матчек? Она потратила немало времени на подготовку. Пришлось просмотреть весь Каталог, чтобы отыскать воспоминание о том, какой она была в тот раз: столетней женщиной в белом, которой на вид можно было бы дать не больше сорока, если бы не едва уловимая хрупкость. На ней шляпа и солнцезащитные очки, скрывающие шрамы под кожей, на загорелых пальцах золотые кольца.

— Я не имею привычки разговаривать с незнакомцами, — отвечает мальчик.

Она опускается на колени в песок рядом с ним.

— Хотелось бы надеяться, что ты уже не считаешь меня незнакомкой, Матчек, — говорит она.

Мальчик разглядывает ее, сосредоточенно нахмурив брови.

— Откуда тебе известно мое имя? — спрашивает он.

— Я очень стара, — отзывается она. — И знаю множество имен.

В какую же игру он здесь играет? Ветер треплет ее шляпу, ноги ощущают тепло песка. В ее следах, словно крохотные звездочки, зажигаются искорки планктона.

— Матчек, чем ты занимаешься? — шепчет она.

Глаза Матчека внезапно выдают его возраст.

— Я пытаюсь кое-что найти, — отвечает он. — То, что потерял много лет назад.

— Это ведь как болезнь, верно? — произносит она. — Пытаться зацепиться за потерянные вещи.

В его взгляде вспыхивает злорадство.

— Да. Да, так и есть. — Он тычет палкой в песок. — Я знаю, зачем ты пришла. Они тебя убивают, не так ли?

— Да, — признается она. — Антон и Сянь никогда мне не доверяли. Но об этом мы можем поговорить и позже. Какой красивый вир.

Учитывая его мрачное настроение, она считает, что комплимент не помешает.

Юный Матчек поднимается и швыряет в воду камешек. Тот подпрыгивает несколько раз, а затем исчезает в воде.

— Этого недостаточно, — говорит он, и в его голосе звучит

ярость старого Матчека, не терпящего ничего неправильного в мире. — Я не могу тебе помочь. Не могу вмешиваться в данный момент. Мы слишком слабы, чтобы затеять полномасштабную гражданскую войну. Зоку притаились и выжидают. Я знаю, они кажутся слабыми, но вспомни, что натворил Каминари. Мы должны поддерживать иллюзию своего могущества. Я не могу рисковать ради спасения кого-то из вас.

— Что же ты все-таки здесь делаешь, Матчек? Прячешься в воспоминаниях? Это на тебя не похоже.

Он смеется.

— Царство Небесное унаследует невинный. Ты можешь себе представить невинность в качестве ключа к камню Каминари? Подумать только, а я так смеялся над христианством. Поверь, если я найду здесь то, что ищу, все изменится. А пока я могу лишь попросить тебя держаться. Но ведь это всегда тебе удавалось лучше всего, не так ли?

— Ты позволишь мне погибнуть? Так вот чем ты собираешься отплатить мне за все прошедшие годы? Ты позволишь мне превратиться в призрак только потому, что это *удобно?*

Вир вокруг них рассеивается. Матчек является в облике Прайма, воплощения миллиарда гоголов, Метасущности, вершителя Плана, Отца Драконов.

— Ради осуществления Плана я готов пожертвовать всеми гоголами Соборности, каждым разумным существом. Но ты ведь никогда этого не понимала, верно?

Его голос остается странно мягким и спокойным. В других вирах тот же разговор ведут другие пеллегрини и чены. Насколько было бы легче, если бы удалось проникнуть в его разум и понять, что происходит у него в голове. Но это прямой путь к Драконам.

Пеллегрини смеется.

— Похоже, ты сам стал рабом наших *удобных* вымыслов. Как мило. Впрочем, ты всегда был выдумщиком. Матчек, почему бы тебе не придумать для нас другой мир — мир без Драконов, превращений и зоку? Дай мне знать, когда решишься на это.

С небесной тверди они видят в вирах внизу другие варианты. Жестокость. Любовь. Но в основном недовольство.

— Больше не приходи ко мне. Мне известны твои замыслы относительно Эксперимента и вора. Ты сама по себе. Я уверен, ты прекрасно справишься.

Она удаляется, разрывая связи между своим храмом и его *губернией.*

— Ты никогда не хотел взрослеть, — произносит она.

Глава двадцать третья
ТАВАДДУД И ВОР

Абу и Рамзан ведут их на галерею у самой вершины Осколка Угарте. Стены дворца совершенно голые и выкрашены в белый цвет. Без атар-очков Таваддуд различает лишь проблески невидимых элементов: все поверхности покрыты сложными схемами и геометрическими фигурами. Из широкого окна открывается вид на ночной Сирр, над которым полыхает золотое пламя Базы Соборности. Таваддуд пристально смотрит на нее, пока не начинает казаться, будто башня вот-вот рухнет, а с ней рухнет и весь ее мир.

— Моему отцу известно, что мы здесь, — говорит она. — Он уничтожит тебя.

— Дорогая Таваддуд, — отвечает Абу Нувас, — может, ты и способна обмануть своих клиентов-джиннов, но я вижу тебя насквозь. — Он постукивает пальцем по латунному глазу. — В буквальном смысле.

Абу поворачивает ружье в сторону Сумангуру.

— Думаю, тебе полезно будет узнать, что это вовсе не Сумангуру Бирюзовой Ветви. Под его ужасной личиной скрывается вор и обманщик по имени Жан ле Фламбер.

Таваддуд переводит взгляд на Сумангуру. Под его шрамами теперь проступает другое лицо, когда-то мелькнувшее перед ней на мгновение: яркие глаза, сардоническая усмешка.

Он пожимает плечами.

— Виновен по всем статьям.

— Что же нам с тобой делать? Впрочем, это неважно. Здесь, по соседству с пустыней дикого кода, нередки несчастные случаи. И у нас еще есть время, чтобы это обсудить. Устраивайтесь, пожалуйста, поудобнее. Мы подождем еще кое-кого.

Он взмахивает рукой, и в воздухе появляются прозрачные кресла из фоглетов. Абу опускается в одно из них и закидывает ногу на ногу. Таваддуд с опаской садится в другое, повернувшись лицом к торговцу гоголами.

— Почему? — спрашивает она.

— Я тебе говорил. Месть. Потому что я ненавижу это место. Потому что Алайль и ее друзья так со мной поступили. Она использовала меня, чтобы отыскать аль-Джанна Пушки, а потом бросила в пустыне умирать. Я сообщил ей имя, открывающее рай, а она отняла его у меня.

Он сжимает кулак, в котором держит мыслекапсулу.

— Что ж, я выжил. Я вернулся. И сразу обратился в

загрузочный храм, но сянь-ку не смогли исправить то, что она сделала, они не в силах смыть с меня пустыню, пока не завладеют Землей. Я нашел способ служить им. И они были добрее, чем Алайль, и намного честнее.

Но дело не только во мне, Таваддуд. Ты и сама многое видела. Сирр прогнил насквозь: он порождает монстров и питается душами. Мы прозябаем в грязи, а другие обитатели Системы строят алмазные замки и живут вечно. Неужели твой любимый Бану Сасан не заслуживает лучшего?

Все не так, думает Таваддуд, вспоминая слова Аксолотля. Но ничего не говорит вслух.

— Аккорды не играют особой роли. Они были удобны Соборности, не более того. Когда-то Аун сжег их, но теперь они снова готовы. Как ты думаешь, с какой целью построен Ковш? Когда твой приятель, — он подбрасывает в воздух мыслекапсулу и снова ловит ее, скажет мне то, что я хочу узнать, сянь-ку больше не станут медлить. Земля пройдет перезагрузку, а я получу свою награду. Я обрету целостность. — Он грустно улыбается. — Извини, но не могу сказать, что сожалею.

Говори им то, что они хотят услышать.

— Ты никогда не станешь прежним, — заявляет Таваддуд. — То, что у тебя отняли, невозможно вернуть. Но ты можешь заменить это чем-нибудь другим. Поверь, я это знаю. Без Аксолотля я была опустошенной и растерянной. Но потом встретила тебя.

Абу смотрит на нее сверкающим человеческим глазом, его губы сжимаются в тонкую линию. А затем он начинает смеяться.

— Я чуть было не поверил тебе. Ты затронула струны, которые мне казались давно оборванными. — Он качает головой. — Но ты всего лишь использовала меня в игре со своим отцом. Похититель тел правильно назвал тебя шлюхой Аксолотля. Как ты думаешь, почему я тобой заинтересовался? Потому что тебя все так называют. Когда он от меня ускользнул, ты осталась единственной ниточкой к нему. Его слабость. И не смотри так грустно. Мы оба получили то, что хотели. Но хватит об этом. Я уверен, мой гость уже здесь.

Дверь открывается, и входит сянь-ку в черной форме Соборности. Она коротко кивает Сумангуру.

— Господин Сумангуру. Или я должна сказать: Жан ле Фламбер? Прошу прощения за небольшое опоздание. Моя ветвь гордится своей пунктуальностью.

Я вижу, как Абу Нувас передает сянь-ку мыслекапсулу. Таваддуд бледна как смерть и дрожит.

Бедная девочка. Я как-нибудь улажу это дело. Обещаю.

Только вот самое худшее еще впереди.

— ле Фламбер, мы должны поблагодарить тебя за то, что обратил наше внимание на существование изначального гогола Чена, — говорит сянь-ку. — Это поможет удержать его от враждебных действий, когда мы выступим против нашей сестры, которая, как мне кажется, и является твоим нанимателем. Я не ошибаюсь? Быть может, нам тоже могли бы пригодиться твои способности.

Я прикидываю возможные варианты. Внутренний голос нашептывает, что чрезмерная преданность Жозефине — не лучший выход. Но есть еще Миели и мой долг по отношению к ней. Кроме того, я сомневаюсь, что сянь-ку в состоянии справиться с замками в моей голове.

— Я подумаю над этим, — отвечаю я.

Таваддуд изумленно таращит глаза.

— Только теперь мы можем действовать открыто: обладание гоголом для нас важнее, чем отношения с Сирром. Как только мы покончим с нашей сестрой — при помощи наших братьев василевов — мы вернемся. И тогда уже не будет необходимости плясать под дудку торговцев гоголами. Мы возродим жизнь на Земле.

— Истребив ее окончательно, — добавляю я.

— Это голос плоти. Возможно, именно это придает тебе привлекательность в глазах нашей сестры. Каким будет твой ответ? Ты согласен служить нам? Если ответ отрицательный, ты нам больше не нужен.

— Как же вы собираетесь меня поймать?

Я улыбаюсь, помня о своем пути к отступлению.

— О, мы не собираемся тебя ловить. Мы ученые. Но так уж вышло, что наш брат Инженер создал гогола специально для этой цели. В данный момент он уже направляется сюда. Кажется, его называют Охотником. Саша всегда имел склонность к драматическим эффектам.

Проклятье.

Абу Нувас покачивает в руке ружье.

— Можно, мы им займемся? Мои солдаты готовы.

Джинн Рамзан неутомимо колышется рядом с ним.

— Конечно, — соглашается сянь-ку.

Она поднимает мыслекапсулу в своих тонких пальчиках.

Никакой показухи, вроде того, что я устроил в вольере для птиц. Кроме того, тогда я блефовал, чтобы подтолкнуть Таваддуд к сплетению с птицей, а здесь все по-настоящему.

— Что вы с ним сделаете? — шепчет Таваддуд.

— Хирургия мышления, — сквозь сжатые зубы говорю я. — Они намерены пытать его, чтобы вырвать из мозга Тайное Имя, не так ли?

— Это неприятно, но неизбежно, — произносит сянь-ку, и ее широкое лицо омрачает печаль. — Как и многое другое.

Я могу только представлять, что творится внутри. Тысячи копий Аксолотля подвергаются пыткам и уничтожению. Ощущение, слишком хорошо мне знакомое.

У Таваддуд вырывается крик. Она падает на пол, бьется, рвет на себе волосы.

Конечно. Она же все чувствует через сплетение.

Абу Нувас удостаивает ее мимолетным взглядом, а затем отворачивается.

— Для ученых вы ведете себя как редкостные мерзавцы, — говорю я сянь-ку.

— Я отдам его вам! — кричит Таваддуд. — Прекратите! Я отдам его вам!

Ее мир наполнен агонией. Часть ее разума, принадлежащая Аксолотлю, вспыхивает и умирает, вспыхивает и снова умирает, словно мозг раз за разом пронзает раскаленная игла.

— Я отдам его вам! — слышит она сквозь рыдания собственный голос.

Пытка прекращается. *Прости, мне очень жаль,* доносится откуда-то издалека голос Аксолотля.

Таваддуд всхлипывает, вытирает с лица сопли и слюну и набирает полную грудь воздуха. А затем выкрикивает Имя аль-Джаббара Непреодолимого и превращается в Кающегося Рамзана.

Как только Таваддуд начинает произносить Имя, я закрываю уши. Теперь я довольно неплохо представляю себе, как это работает. В некотором роде это экстремальное фрактальное сжатие, соотносящийся с самим собой виток истории, заставляющий мозг жертвы повторять его снова и снова, в результате чего происходит самозагрузка чужого разума. Я не знаю, как это может быть. Даже цифровая передача требует невероятной компьютерной мощи, а для человеческого мозга это за гранью возможного.

Не важно, каким образом это срабатывает, но все происходит очень быстро. Рамзан — или Таваддуд — острыми когтями мыслеформы рвет горло сянь-ку, извергая фонтан крови. Но Абу Нувас достаточно проворен, чтобы встретить приближающееся существо выстрелом из бараки. Мыслеформа взрывается инертной белой пылью. Таваддуд еще раз вскрикивает и падает. Мыслекапсула катится по полу. Я нагибаюсь и ловлю ее.

Вот только сянь-ку убить довольно трудно, и даже смерть одной из них значит не больше, чем отрезанный кончик ногтя. Гоголь, умирая, тоже бормочет Имя. Оно мерцает в атаре и звенит в воздухе. Абу Нувас вслушивается, и его глаза стекленеют.

Ружье в его руке опускается, и я, заметив это, подхватываю неподвижное тело Таваддуд и пускаюсь наутек. Я выжимаю из тела Соборности все, на что оно способно, и из глаз буквально сыплются искры. Не снимая Таваддуд с плеча, я изо всех сил бью по стеклу алмазным резаком. Руку пронзает боль, но стекло разлетается вдребезги. Я крепче сжимаю Таваддуд и вслед за осколками лечу в пустоту.

Мы несемся сквозь золотисто-голубую ночь к далекому Сирру, виднеющемуся внизу. От его красоты захватывает дух.

Но еще удивительнее погрузиться в янтарное сияние древней сети ангелов, когда она наконец принимает нас в свои теплые объятия.

Голова у Таваддуд звенит, словно разбитый кувшин джинна. Она лежит на холодной твердой поверхности. Каждая клеточка ее тела разрывается от боли.

Она открывает глаза и видит перед собой черное дуло ружья-бараки. Сумангуру — Жан ле Фламбер — целится ей в голову. И грустно улыбается.

— Поверь, пожалуйста, здесь нет ничего личного, говорит он. — Я думаю, ты понимаешь, что надо вести себя хорошо. Я, к сожалению, не всегда могу себе это позволить.

— Что ты делаешь? Где мы?

— Прошу тебя, тщательно выбирай слова. Если я услышу начало Имени, я буду вынужден выстрелить. А трюк с Именем и Рамзаном был великолепен. Надо учесть на будущее: хороший способ атаковать воплощенных Основателей. Это их каждый раз сбивает с толку. Мы находимся в старом загрузочном храме неподалеку от Базы: в ближайшее время мне потребуется канал связи с Ковшом.

Таваддуд с трудом сглатывает, во рту у нее пересохло.

— Кто ты? Чего тебе нужно? Почему делаешь все это?

— Я хочу, чтобы ты знала, как я сожалею об этом. Ты не заслуживаешь ничего подобного.

— Почему… почему ты извиняешься? Просто позволь мне уйти.

— Видишь ли, это моя вина. Я прибыл на Землю в поисках двух вещей. И одна из них — это аль-Джанна Пушки. Но, как оказалось, найти этот рай очень непросто. Я вор, а не археолог. Поэтому позаботился, чтобы сянь-ку узнали о том, что там есть

нечто крайне им необходимое: куда легче украсть то, что отыщут другие. Они считают, что я допустил утечку информации, послал незакодированное сообщение. — Его губы вздрагивают в мимолетной улыбке. — Я не думал, что они привлекут к делу местного агента вроде Нуваса, но, должен признать, я плохо знал Сирр. Мне очень повезло, что меня направили сюда в поисках Аксолотля.

Таваддуд испытывает крайнюю опустошенность и слабость. Она закрывает глаза. Тусклое эхо Аксолотля доносится в ее голове откуда-то издалека.

— Я доверяла тебе, — произносит Таваддуд.

— Я же говорил, что нельзя этого делать, — отвечает ле Фламбер. — Теперь помолчи. Мне надо уладить одно дело с твоим приятелем, а потом я отправлюсь своей дорогой.

Он ловко, словно фокусник, поворачивает в пальцах мыслекапсулу.

«Какого черта тебе надо?» — шепчет Аксолотль.

— Мне нужен один секрет, полученный тобой от Ауна. Ради него я и прилетел сюда. Алгоритм превращения разумов в истории. То самое, что помогло тебе создать похитителей тел. Но будь осторожен. Выкинешь какой-нибудь трюк, и госпожа Таваддуд станет белым шумом в диком коде. Или я прибегну к тактике сянь-ку: я тоже знаю приемы хирургии мышления. Выбор за тобой.

«Пусть стреляет, — слышится голос Аксолотля в голове Таваддуд. — Пусть стреляет. Мы все равно будем вместе».

— Слишком поздно, — говорит Таваддуд. — Как всегда, слишком поздно.

Наконец все заканчивается, и я отвешиваю им обоим поклон. А затем через разъем загрузочного храма подключаюсь к коммуникационной сети Ковша. Из-под купола появляется сканирующий луч, осыпающий храм искрами белого очищающего огня. Я покидаю Сирр потоком модулированных нейтрино. Еще миг, и я уже в своем прежнем теле в центральной каюте. Я потягиваюсь — непривычное ощущение после нескольких дней в массивном теле Сумангуру.

Ты редкостный мерзавец, Жан, говорит корабль.

— Знаю, но иногда без этого не обойтись.

Я передаю алгоритм — беспорядочные образы, запечатленные в моем мозгу Аксолотлем и закодированные, как мне кажется, в виде рекурсивной мозаики Пенроуза.

— Перешли это Пеллегрини и скажи, пусть испробует на нескольких гоголах в системе Ковша. Я видел, как это работает,

но проверить не мешает. Кроме того, я полагаю, процесс потребует колоссальной компьютерной мощности.

Да, сэр, слушаюсь, сэр. Что-нибудь еще?

— У меня две новости: хорошая и плохая. Хорошая заключается в том, что все готово и остается только дождаться, когда Миели доберется до этого аль-Джанна. Она попала в команду Абу Нуваса?

Да.

— Отлично. — Я сжимаю пальцами переносицу. — Мне необходимо выпить.

Интересно, почему мне совсем не хочется выслушивать плохую новость?

— Я тебя понимаю. — Я глубоко вздыхаю. — Сюда направляется Охотник.

Таваддуд еще долгое время в одиночестве сидит с мыслекапсулой в руке в загрузочном храме рядом с телом Сумангуру. Когда Кающиеся находят ее, она держит ружье-бараку и прижимает дуло к своему лбу. А потом засыпает в камере и уже не может вспомнить, собиралась ли спустить курок.

Глава двадцать четвертая
МИЕЛИ И ПОЕЗД ДУШ

Миели следит за продвижением поезда душ с высоты. В солнечном свете он похож на блестящего серебряного змея. Восходящий поток с легкостью несет ее над землей, и если бы не бесконечная болтовня Станки — урсоморфа, — она была бы почти довольна жизнью.

— …А потом, можешь поверить, они двинулись на нас с несколькими восстановленными танками, со старыми дронами, выкопанными на какой-то военной базе, и Тара подорвала этих ублюдков в такой последовательности, что в небе осталась надпись «УБИРАЙТЕСЬ»…

Миели, хотя и понимает, почему сотрудники «Пикника на обочине для плюшевого мишки» поставили их в одну группу, порой жалеет, что выбор не пал на кого-нибудь другого.

Поезд гладкий и обтекаемый, созданный ремесленниками Сирра по аналоговой технологии, чтобы не оставить дикому коду ни малейшего шанса зацепиться. Заражение все равно происходит, но на внедрение в простые механизмы древним роботам требуется больше времени, чем на овладение интеллектуальной материей и более сложными системами. Сама Миели защищена Печатями: слова тянутся по ее лицу и телу, и

даже крылья выглядят как страницы книги.

— Ты меня слушаешь, оортианка? — спрашивает Станка. — Я сказала, что надеюсь увидеть какие-нибудь боевые действия уже сегодня.

Наемница-урсоморф едет на крыше поезда. Она не скрывает своих усовершенствований в виде шипов и представляет собой грозное зрелище. Ее слова не лишены смысла. Они приближаются к зоне Ярости, где два десятка лет назад упало много кораблей Соборности. До этого уже произошло несколько нападений настроенных против Соборности джиннов, и Миели не совсем понимает, чего ожидать. Схватки, в которых она принимала участие, были быстрыми и беспорядочными. В отличие от Сирра, джинны в пустыне огромные и могучие, словно ожившие ураганы.

Пустыня дикого кода вызывает у нее замешательство. Если смотреть сверху, используя обычное зрение, пространство действительно похоже на пустыню: невысокие горы, долины и кое-где заброшенные постройки. Но в спаймскейпе, или атаре, как называют его жители Сирра, местность больше напоминает поверхность Солнца. Крошечные нанороботы создают из песка причудливые конструкции. Невидимые силы сбивают материю в неестественные фигуры. Миели видела участок пустыни, заполненный улыбающимися лицами, которые были скрупулезно собраны из отдельных песчинок.

— Это вроде снов моих детенышей, — пояснила Станка, когда они обсуждали это явление. — Со временем ты привыкнешь.

Народ Станки жестоко пострадал во время Протокольной войны, и ей пришлось оставить своих отпрысков внутри родного астероида. Пока они находились в спячке, Станка стала наемницей, чтобы обеспечить им лучшую жизнь.

Пребывание в пустыне сопряжено со многими трудностями, в том числе проблемами коммуникации. Миели с трудом поддерживает связь с «Перхонен» по нейтринному каналу. Корабль стоит в доке «Плюшевых мишек» в Ковше, пытается установить контакт с вором и устраивает остальные дела в сложных системах Соборности с помощью Пеллегрини, которую вору, похоже, удалось внедрить в небесную инфраструктуру сяньку.

Миели даже неизвестно, на кого они работают, она лишь знает, что это одно из семейств мухтасибов Сирра, да это и неважно, раз их защищают Печатями. Души, помещенные в изготовленные в Сирре кувшины для джиннов и транспортируемые на поездах, тоже принадлежат мухтасибам. Души извлекают из тайных аль-Джанна в пустыне и оборудования

Диких Городов, а затем либо продают Соборности, либо превращают в рабов-джиннов, которые работают в городе, чтобы заслужить свободу.

Миели каждую ночь возносит молитвы Куутар и Ильматар и просит прощения за участие в таком грязном деле. Однажды вечером она спросила Станку, как та решилась на это.

— Все очень просто, — ответила женщина-медведь. — Я думаю о своих детенышах.

Поезд приближается к низине между двумя гигантскими судами Соборности. Эти *областные* корабли теперь больше похожи на холмы, поросшие странными переплетенными деревьями и кустами. Миели спускается.

— Надо сбросить скорость, — говорит она Станке. — Слишком много подходящих мест для засады.

— Не глупи. Я сомневаюсь, что после трепки, которую мы недавно устроили, здесь можно встретить хотя бы химеру…

На песке виднеются огромные буквы. При взгляде на них у Миели возникает тревожное ощущение. *Похитители тел.* Она приказывает своему метамозгу стереть послание и готовится к бою.

— Как тебе это нравится? — передает она Станке.

Миели прибегает к вспомогательной разведке и выпускает из рюкзака двоих Быстрых. Тззрк и Рабкх уносятся вперед.

Отряды наемников используют быстроживущих в качестве разведчиков и проводников. Миели, способной переключаться в режим ускоренного времени, не составляет труда с ними договориться.

— …Змеиная королева… — слышится бормотание Станки.

Ее голос звучит как-то странно. А в следующее мгновение урсоморф поднимается на задние лапы и открывает огонь из крупнокалиберного пулемета по железнодорожному полотну впереди.

К грохоту выстрелов примешивается скрежет искореженного металла. Перед поездом поднимается фонтан песка и пыли. По инерции огромный серебристый состав продолжает катиться сквозь тучи осколков, и на мгновение Миели кажется, что им удастся проскочить. Но затем поезд изгибается, достигнув разрыва рельсов. Вагоны сталкиваются друг с другом, ударяются в склоны низины, поднимают облака пыли. В конце концов они останавливаются в полном беспорядке, словно разбросанные ребенком кубики. Женщина-медведь кричит в ухо Миели что-то невразумительное.

Миели активирует свои боевые системы и несется вниз, и в

тот же миг вихрем пыли и сапфирового блеска с древнего корабля срывается стая джиннов.

Мне платят за охрану груза. Остается надеяться, что подмога не задержится.

Против этого смерча арсенал Миели оказывается бесполезным. Она неохотно активирует универсальное оружие — из-за заражения диким кодом у нее осталось всего несколько выстрелов — и посылает навстречу атакующим заряд кварк-глюонной плазмы. Пыль, песок и наниты спекаются и опадают стеклянным дождем.

Стая зверей-химер — тощих, похожих на кошек, но с блестящими сапфировыми панцирями и чрезвычайно острыми когтями — устремляется к поезду. Миели отправляет Быстрых к Плюшевым Мишкам за помощью и жестко приземляется. Она выпускает залп ку-частиц, и передние ряды сапфировых кошек падают, но при этом оружие раскаляется. Миели откидывает его, поднимает ку-клинок и бросается врукопашную. Микропропеллеры в ее крыльях работают на полную мощность, помогая разгонять вихри фоглетов.

И вдруг из обломков поезда на нее кидается Станка.

Удар лапы с алмазными когтями отбрасывает Миели в сторону, словно тряпичную куклу, и рвет в клочья одно из крыльев. Урсоморф без промедления нападает сверху, прижимает к земле и нацеливается на горло усовершенствованными клыками. От напряжения у Миели стонут ку-мышцы, но ей удается подобрать ноги и упереться в навалившуюся тушу. В глазах взлетевшей в воздух медведицы мелькает удивление.

Миели перекатывается в сторону, хватает универсальное оружие и нажимает на курок, надеясь на еще один выстрел. Рентгеновский лазер сносит половину медвежьего торса, и останки осыпаются на Миели.

А через мгновение уже появляются рух-корабли, и Плюшевые Мишки разгоняют бурю.

Лагерь наемников представляет собой скопление временных сферических построек, защищенных Печатями мухтасибов, между зоной Ярости и Стеной, в нескольких километрах от Сирра. Вечером после битвы за поезд Миели вызывают к командиру. Одайн, тощая женщина с Пояса, живущая внутри медузообразного экзоскелета, кажется грузной из-за намотанного на ней толстого слоя защищенного Печатями материала. Ее вытянутое лицо в круглом шлеме напоминает Миели рыбу из бабушкиного озера в Оорте.

Одайн сидит в компании тучного мужчины средних лет,

пышно одетого по обычаю знати Сирра, и поднимается навстречу Миели. Позади мужчины стоит вооруженный наемник в одеянии муталибуна.

— Садись, пожалуйста, — приглашает Одайн.

Миели только что прошла процедуру тщательного очищения, совершаемого мухтасибом компании, и кожу все еще пощипывает. Одайн, соединив перед собой похожие на щупальца пальцы, оглядывает ее с ног до головы.

— Ты отлично справилась, Миели, — начинает она. — Настолько хорошо, что я решила представить тебя нашему нанимателю. Это господин Салих из Дома Соарец.

Мужчина реагирует на ее слова едва заметным кивком.

— Прими мою благодарность, — небрежно произносит он. — Как я понимаю, ты сыграла важную роль в защите моей собственности. Женщина-воин — это удивительно. Моей матери ты понравилась бы.

— Моя напарница погибла, охраняя вашу собственность. Это фактическая смерть, дублеры здесь не работают, — говорит Миели. — У нее остались детеныши. Я думаю, им ваша благодарность нужнее, чем мне.

Когда все это закончится, я позабочусь, чтобы у них все было в порядке, решает она.

— Да-да, это очень благородно с твоей стороны, Миели. Не волнуйся, компания защищает своих, и господин Салих весьма щедр. Но я пригласила его сегодня по другой причине.

Салих приподнимает брови.

— Я с сожалением должна поставить вас в известность, что наше сотрудничество подошло к концу, — заявляет Одайн.

— Что? — возмущенно шипит Салих. — Вы нарушаете договор!

Одайн вздыхает.

— Так случилось, что у нас имеются основания предполагать, что бизнес, в котором мы сейчас принимаем участие, в скором времени перестанет быть прибыльным. Как вы помните, по контракту мы должны защищать вас от любой опасности, грозящей вам или Сирру со стороны пустыни *или* Соборности. Возможно, вас удивит, что строгое соблюдение наших обязательств требует с нашей стороны решительных действий. Миели, пожалуйста, убей господина Салиха — и не забудь убедиться, что его мозг безвозвратно уничтожен.

Миели застывает в нерешительности. Ей предлагают совершить бесчестный поступок. Но та Миели, какой она стала здесь, не стала бы колебаться. Кроме того, этот человек торгует гоголами…

Голова господина Салиха исчезает в огне взрыва.

— Слишком медленно, — говорит Одайн, и рядом с ее головой уже парит в воздухе ку-ружье работы зоку. — На службе нашему новому нанимателю тебе придется действовать быстрее.

— Дорогая Одайн, надеюсь, вы простите меня, но я считаю ее нерешительность при ликвидации нанимателя положительным качеством, — произносит наемник, сбрасывая с головы капюшон. На Миели смотрит латунный глаз. — Там, куда мы отправляемся, тебе представится возможность проявить все свои таланты.

— Миели входит в число моих лучших воинов, — замечает Одайн. — Хотя сегодня у нее выдался нелегкий денек.

— Меня зовут Абу Нувас, — представляется человек с латунным глазом. — Рад познакомиться.

Наемники летят над пустыней на рух-кораблях, приводимых в движение огромными стаями птиц-химер, похожих на плотные голубые облака. К Плюшевым Мишкам присоединились еще не меньше десяти других компаний, а также тысячи воинов постчеловеческого общества.

Некоторые из них летят сами, другие на планерах и прочих аналоговых судах, приспособленных для передвижения по пустыне. Два флагманских галеона Абу Нуваса «Мункар» и «Накир»[81] окружены ореолом Быстрых. Их тени, отбрасываемые заходящим солнцем, бегут впереди.

Миели стоит на мостике «Накира» вместе с Нувасом, Одайн и другими командирами наемников. Огни Быстрых Городов мерцают вдали, озаряя волшебным зеленоватым сиянием темную впадину, когда-то бывшую Средиземным морем. Неожиданно налетавшие вихри джиннов, отраженные мухтасибами Нуваса, стоили компании нескольких кораблей, но остальная флотилия продолжает путь.

Миели? Голос «Перхонен» раздается неожиданно.

Хвала Куутар, шепчет Миели. *Где ты была?*

На связи с вором. Ему известно, как проникнуть в аль-Джанна. Но и человеку по имени Абу Нувас это тоже известно.

Корабль знакомит Миели с результатами действий вора в Сирре. «Перхонен» рассказывает и о конфликте с сянь-ку и местными властями, и о попавшей в беду девушке.

И почему меня это не удивляет?

Он думал, что ты окажешься на месте и…

Нет, на этот раз я его точно убью, отвечает Миели. *Абу Нувас собрал целую армию. И вряд ли мне удастся незаметно проникнуть в обнаруженный им аль-Джанна и забрать нашего гогола.*

Он подозревал, что ты рассердишься.

И был прав. Мерзавец.

Похоже, что в Сирре он получил что хотел. Теперь, как он говорит, дело за тобой.

Миели вздыхает.

Ну конечно. Ты можешь предоставить мне визуальную информацию по этому району?

Это довольно странная область. Если смотреть на карту Древней Земли, теперь ты, должно быть, летишь над Турцией. Очень много подходящих мест, где можно что-то спрятать.

Что бы это ни было, ему недолго оставаться спрятанным, говорит Миели.

И что ты собираешься делать? Мне очень жаль, Миели, я хотела бы оказать тебе более существенную помощь. Я остаюсь на связи с Пеллегрини, она занята чем-то в Ковше…

Миели не в силах сдержать проклятия. Все должно было быть не так. Вору не стоило соваться в местную политику, ему надо было просто выяснить местоположение аль-Джанна. А Миели оставалось потихоньку ускользнуть из своего отряда, забрать гогола и переслать его на «Перхонен».

Дай мне поговорить с ним, просит она.

Неприятно признавать, но все пошло не совсем так, как я ожидал, заявляет вор. *Одноглазый торговец меня обошел. Если ты считаешь, что ситуация на поверхности слишком сложная, надо постараться сократить потери. Возможно, нам удастся воспользоваться моей находкой и проникнуть в разум Чена более прямым путем…*

Но для этого тебе все равно необходимы Коды Основателя.

Да, полагаю, что это так, отвечает вор. *И времени у нас маловато. Похоже, что в самом недалеком будущем разгорится открытая война между сянь-ку, василевами и пеллегрини.*

Война, повторяет Миели.

Черт побери! восклицает вор. *Чтобы добраться до аль-Джанна, тебе потребуется целая армия. Миели, бросай все это. Признаю свою ошибку. Мы поищем другой способ.*

Армия, шепчет она.

О чем ты говоришь? спрашивает вор.

Миели игнорирует его вопрос, закрывает глаза и обращается с мольбой к Пеллегрини.

Глава двадцать пятая
ТАВАДДУД И СОВЕТ

На следующий день, когда Таваддуд должна предстать перед

Советом, в ее камеру приходит Дуньязада. Камера представляет собой крохотную прямоугольную комнатку, где очень душно и полно Кающихся. Дуни долго стоит у дверей и смотрит на сестру. На ней официальный костюм мухтасибов Дома Гомелец из темной ткани, расшитой Тайными Именами. Но, к удивлению Таваддуд, на шее Дуни нет кувшина с карином.

— А ты знаешь, почему я стала мухтасибом? — спрашивает Дуни.

Таваддуд не отвечает.

— Потому что я хотела защитить от этого тебя.

Дуни произносит Тайное Имя, и Таваддуд оказывается в ее голове.

Она смотрит на город с башни. Это первый и важнейший долг мухтасибов: видеть другой Сирр, где живут джинны, наблюдать за потоками Печатей и соборов, слушать пульс и дыхание города в атаре. Ниеве, конечно, тоже здесь: она накладывает мазок за мазком, рисуя для нее ночной город, шепчется с доставляющими информацию Кающимися, носится по проводам и пятнам атара, свободным от дикого кода, чтобы показать Дуни теневую сторону реальности.

После проведенной в башне ночи ей всегда кажется, что Другой Город и есть настоящий Сирр: именно здесь она улаживает проблемы, проникая в виртуальный образ, дотрагивается до узлов, ощущая их в пальцах Дуни Ниеве, которые одновременно принадлежат миру тени и миру плоти.

Она думает о Таваддуд, о ее любви к монстрам, и гадает, понимает ли сестра всю сложность положения мухтасибов и двойственность их природы. Одна часть — это она сама, хранящая воспоминания об играх с сестрой на Стене, а другая часть — Ниеве, живущая в кувшинчике у нее на шее, это душа, которая рыщет по ночному городу в поисках тела.

Отец передал Дуни сплетателю, когда ей было семь лет. «Слишком поздно, — говорил тот человек, почесывая бороду. — Почему медлили? Она никогда не приживется».

Руки отца тяжело опустились на плечи мужчины, кольца джиннов впились в кожу на его шее. «Она Гомелец, — сказал тогда отец. — Она должна иметь карина». В его словах слышался отголосок споров с матерью. Дуни имела привычку притаиться где-нибудь неподалеку и слушать, как они обсуждают это. А Таваддуд в это время спокойно спала.

Той ночью мать просила подождать еще несколько месяцев. Она говорила, что пока не в силах их отпустить.

А отец сказал, что пора. И даже уже поздно. Потом помолчал

и добавил, что одной было бы вполне достаточно, но мать должна выбрать.

«Как я могу выбрать?»

«Глупая женщина. Карин — это не зло. Это знак богатства и могущества. Это еще одна душа, дающая силы служить своему городу».

«Но не только это, — возражала мать. — Говорят, что после такого шага люди меняются. Я видела тебя с Херимоном. Ты становишься другим».

«Я это сделаю», — заявила тогда Дуни.

Родители оглянулись на нее.

«Моя милая, мой цветочек, ты сама не знаешь, что говоришь, — сказала ей мать. — Тебе пора в постель. Мама и папа беседуют».

«Я слышала, что вы обсуждали. Я хочу это сделать».

Отец внимательно посмотрел на нее, и его глаза потемнели, как всегда бывало в минуты глубокой задумчивости. А затем он объявил, что решение принято.

Джинн Ниеве опять приходит к ней холодным дуновением, и она снова становится другим существом. Она ощущает беспорядочные фрагменты дикого кода в атаре, мысли, фоглетами протянувшиеся по воздуху, прохладную оболочку Печатей. Теперь она не просто девочка Дуньязада, а облако светлячков, кружащих возле нее, и воспоминания внезапно кажутся глупыми. Именно здесь ее место, поэтому отец и свел их, поэтому сплетатель надевал ей на голову обжигающий виски шлем и заставлял видеть во сне Ниеве, а Ниеве — грезить о Дуньязаде.

Как она могла сомневаться в том, что это правильно?

— Только это не всегда правильно, — говорит Дуньязада.

Кувшин джинна она держит в руке.

— Я и не подозревала, — медленно произносит Таваддуд. — Почему ты рассказываешь все это сейчас?

— Потому что тебя намерены сбросить с вершины Осколка, а отец не собирается вмешиваться, лишь бы обеспечить желаемое решение при голосовании. Хотя есть и другие пути.

— Зоку, — догадывается Таваддуд.

— Да. Как я вижу, ты успела поговорить с Сумангуру, или как там его зовут на самом деле.

— А почему именно они?

— Потому что мне *не нравится,* кем я стала в паре с Ниеве. Это не то, что было у тебя с Аксолотлем. Мы все монстры, Таваддуд, все мухтасибы. Нас соединяют с джиннами и получают

новых существ, и никого не интересует, как нам тяжело. Я хочу отыскать другой путь. Я надеялась, что ты поймешь, что вылезешь из своей раковины и поможешь мне. А вместо этого ты приняла безумие своего Аксолотля и стала убийцей.

Таваддуд качает головой.

— Это не так.

Она рассказывает сестре историю Сумангуру и Абу Нуваса и открывает все, что они обнаружили. Дуни внимательно слушает.

— Если Абу Нувас доберется до аль-Джанна, все остальное будет уже неважно, — говорит Таваддуд. — Сянь-ку перестанут осторожничать. Крик Ярости повторится в десятикратном размере. И на этот раз они одержат победу.

— Я тебе верю, — отвечает Дуни. — Ты отлично умеешь заговаривать зубы, но меня тебе никогда не удавалось обмануть.

— И что же нам делать?

— Сложившаяся ситуация может оказаться нам полезной. Она дает мне повод предложить союз с городом Супра и организовать у нас представительство зоку. Но нужны доказательства. В противном случае нам никто не поверит. Нувас — очень влиятельная фигура. Можно ли как-то доказать его связь с убийцами?

— Аксолотлю неизвестно, как это было сделано. Он отдал Нувасу свою историю, а потом очнулся в разуме Алайль. Так или иначе, его все равно никто не станет слушать. — Таваддуд сжимает пальцами виски. — Как бы мне хотелось *показать* им.

— Нет, совместное свидетельство тоже не годится, тем более если в нем участвует Аксолотль. Кроме того, в роли козла отпущения ты просто идеальна. Паршивая овца из семейства Гомелец, сговорившаяся с самим дьяволом, чтобы свергнуть Соборность и все, что с ней связано, из-за того, что ее мать погибла в Крике Ярости. — Некоторое время Дуни молчит. — Эти мерзавцы все превосходно спланировали. Но не все потеряно. Я могу вытащить тебя отсюда. У меня есть связи…

— Дуни, я должна попытаться. Я должна дать показания.

— Хорошо, — соглашается Дуньязада и крепко обнимает сестру. — Я тоже там буду. И буду говорить. Возможно, этого окажется достаточно.

Главная Обсерватория расположена на вершине Голубого Осколка, над его водопадами, дворцами и домами мухтасибов, обнесенными лазурными стенами. Это линзообразное сооружение, удерживаемое дугами и наклоненное в сторону города. Таваддуд еще никогда здесь не была. Ковер доставляет Таваддуд, Дуни и их Кающихся-телохранителей к скромному

входу на верхней поверхности здания.

Галереи Обсерватории представляют большую историческую ценность. Это сферические помещения с пятиугольными окнами и полукруглыми балконами. На каждой поверхности золотом выгравированы Тайные Имена. Мозаичный узор притягивает взгляд к смотровым окнам. Здесь еще сохранились обвязки мухтасибов, прежде сидевших со своими очками и подзорными трубами, но теперь вместо них остались только деревянные фигуры в человеческий рост.

Члены Совета поджидают сестер у пятиугольного окна, выходящего на пустыню дикого кода. Перед ними раскинулась печальная местность, заваленная обломками технологий Соборности и уже заросшая деревьями-мельницами и безымянными растениями. Хаотичную геометрию нарушают только рельсы для поездов душ, уходящие на север, к далеким горам.

Членов Совета шестеро. Лицо Кассара кажется высеченным из камня. Рядом угрюмый и узколицый Люций Агилар, его давний сподвижник. Над простым кувшином колышется мыслеформа джинна. *Господин Сен.* Дом Соарец представлен коротко стриженной женщиной, Советницей Идрис. Айман Угарте, могучий мужчина, чье лицо покрывают татуировки Печатей, не сводит с Таваддуд сурового взгляда. И последний — Вейрац. Вейрац ибн Ад из Дома Узеда. Ее муж. При виде Таваддуд его глаза расширяются. Его взгляд, полный ненависти и ревности, даже спустя четыре года приводит ее в ужас.

Дуни занимает место рядом с отцом, и он, кивнув Таваддуд, с трудом поднимается с кресла.

— Таваддуд Гомелец, Совет поручил нам допросить тебя. Ты обвиняешься в содействии джинну Зайбаку, известному под именем Аксолотль, в убийстве Советницы Алайль Соарец и представителя Соборности Сумангуру Бирюзовой Ветви. Мы собрались не для того, чтобы установить твою виновность, она очевидна Совету, а для выяснения полного перечня твоих преступлений перед Ауном, чтобы ознакомить с ним жителей Сирра. — Его лицо наливается краской. — Прежде чем мы начнем задавать вопросы, ты можешь высказаться.

Во рту пересохло, и Таваддуд пытается сглотнуть. *Больше никакой сладкой лжи,* говорит она себе.

— Какие же мы все глупцы, все жители Сирра! — начинает она. — Мы продаем свою кровь за деньги и считаем, что это делает нас богаче. Но при этом мы бледнеем, чувствуем усталость и слабость…

— Ты насмехаешься над наследием собственного Дома,

женщина?! — кричит Вейрац.

Кассар поднимает руку.

— Дайте ей высказаться.

— Но она явно…

— Дайте ей высказаться!

Таваддуд опускает голову. Она чувствует, что все взгляды обращены к ней. Речь, которую она так долго репетировала в своей камере, сейчас кажется ей пустой и невнятной.

— Мы не можем жить без крови. Мы не можем жить ради богатства и надеяться на возрождение Сирра-на-Небе. Небесами завладела другая сила, и ее жажда никогда не иссякнет. Я не виновна в преступлениях, в которых меня обвиняют. Но есть вещи, о которых Совет должен узнать, и я согласна спрыгнуть с вершины Осколка, если это необходимо для того, чтобы вы меня выслушали.

На лице отца отражается мучительная тоска. Внезапно Таваддуд вспоминает, когда прежде видела такое выражение. В один из долгих вечеров после смерти матери они вместе готовили ужин, и вместо того, чтобы точно следовать рецепту, она положила произвольный набор специй, тмина и майорана, потому что так ей казалось правильным.

— Еда должна рассказывать историю, — произнес тогда Кассар. — Даже если для этого приходится добавить несколько несоответствующих приправ.

Дуни смотрит на нее, словно вот-вот сама начнет говорить. Таваддуд вспоминает, каким город предстает перед ее сестрой, перед взором мухтасиба.

Рассказывать историю. Круг и квадрат. Неудивительно, что это показалось ей таким знакомым.

— Он использовал город, — шепчет она. Затем обводит взглядом членов Совета. — Я могу доказать, что торговец гоголами Абу Нувас участвовал в преступном сговоре с целью убить Алайль Соарец.

На какое-то время в зале воцаряются хаос и растерянность, по Обсерватории начинают бегать джинны, но в конце концов все видят Сирр на большом атар-экране. Круг и квадрат здесь, в танце узлов, в потоках соборов и Печатей, во всей экономике города. Они нашептывают детскую сказку тем, у кого есть глаза.

Идрис Соарец порывисто выдыхает.

— Необходимый для осуществления замысла капитал — вот что меня поражает. Внедрить историю похитителя тел в финансовую систему города, да так, чтобы она была заметна только одному мухтасибу в отдельном секторе, — это безумие.

— Но безумие эффективное, — подхватывает Дуни. — Все, о чем рассказала моя сестра, правда. Основание, на котором стоит наш город, вот-вот развалится. Эпоха торговли гоголами заканчивается.

— Я все же считаю, что проблему можно открыто обсудить с Соборностью, — произносит Люций Агилар. — Надо указать им на то, что они подкупили мухтасиба…

— Советник Агилар, вероятно, еще не понимает, что мы никогда не заключали соглашений с Соборностью, — возражает Дуни. — Мы имеем дело с чудаковатой тетушкой из семейства Соборности. Полная мощь Соборности, обращенная против нас, будет означать наш конец, и если до этого дойдет, он наступит в считаные часы, если не минуты.

— Главное и единственное, что мы должны сделать, это помешать Абу Нувасу добраться до этого аль-Джанна, — говорит Таваддуд. — В данный момент он направляется в пустыню с целой армией наемников.

Мыслеформа господина Сена, напоминающая огненную птицу, энергично колеблется.

— По всей видимости, семейство Нувас потратило огромное количество соборов еще и на то, чтобы привлечь всех наемников, каких только сумело найти. Нам не удастся в короткое время мобилизовать равноценные силы.

В голове Таваддуд вспыхивают видения, навеянные Аксолотлем во Дворце Сказаний. Реки мыслей, замки, сложенные из историй. Глаза девочки в запачканном платье, горящие, словно угли.

— Сирру нет необходимости создавать армию, — говорит Таваддуд, поворачиваясь к отцу. — У нас есть пустыня. Отец, пришло время обратиться к Ауну.

Глава двадцать шестая
МИЕЛИ И ПОТЕРЯННЫЙ АЛЬ-ДЖАННА

Часть Миели наблюдает, как Абу Нувас, стоя на носу «Накира», произносит непонятные слова. Пустыня дикого кода внизу в ответ раздвигается в улыбке. Миели это напоминает о плато Лакшми на Венере и об огромных массах, перемещающихся под корой Земли.

— Дорогие господа, — произносит Нувас. — Я представляю вам Потерянный аль-Джанна Пушки.

Но другая часть Миели находится в храме Пеллегрини.

— Миели, — с улыбкой приветствует ее богиня. В ее золотистых волосах мерцают звезды. — Похоже, ты не справилась

с очередным заданием.

— Я еще не отказалась от него, — говорит Миели. — Просто для завершения работы мне требуется кое-что еще.

— И что же это?

— Армия, — отвечает Миели.

В это время в другом месте из пыли и песка поднимается город. Под флотилией наемников бушует буря. Пустыня дикого кода признает произнесенное Абу Нувасом Тайное Имя. Из белой спирали хаоса поднимаются голубоватые башни, столбы и стены. Налетает вихрь, несущий горячее дыхание наномашин пустыни. Рух-корабли с трудом удерживаются на месте. Мухтасибы напрягают волю, чтобы не потерять контроль над химерами. Внизу, словно буквы, начертанные огромным пером, появляются улицы и здания.

А далеко отсюда, в храме, богиня заливается смехом.

— О чем ты говоришь, малышка? Как я могу удовлетворить твою просьбу?

— Мне известно, что вы внедрились в системы Ковша. В это сооружение над Землей. Воспользуйтесь им.

— И обнаружить свое присутствие перед сянь-ку?

— Сянь-ку и василевы все равно начнут преследовать вас. Если они доберутся до гогола Чена, то шантажом заставят вашего повелителя не вмешиваться.

— Интересная теория, — замечает Пеллегрини. — Но есть одна деталь: никто не может шантажировать Матчека Чена. — Внезапно она подносит пальцы к губам. — Хотя… ты подала мне идею.

Она поворачивается к сингулярности в центре своего храма.

— Возможно, мне *пора* открыто выступить против тех, кто собирается уничтожить меня.

Миели склоняет голову.

— Ты ведь понимаешь, что наши технологии недолго продержатся в атмосфере Земли? Ты готова обречь свои подобия на мучительную смерть?

— Я не страшусь смерти, — отвечает Миели. — Следовательно, и они тоже.

— Очень хорошо, — отзывается Пеллегрини. — Я рада. В конце концов, ты, наверное, взрослеешь.

Она гладит Миели по щеке. Кольцо богини холодит шрам.

— Я только теперь вызываю твоих гоголов, — говорит Пеллегрини. — Что бы ни говорил тебе Жан, я не склонна к жестокости. А ты напоминаешь мне кое-кого, с кем я была знакома давным-давно.

После чего она исчезает, а Миели снова стоит на мостике «Накира» и смотрит вниз на Потерянный аль-Джанна Пушки.

Миели выходит вперед и приставляет лезвие ку-клинка к горлу Абу Нуваса.

— Я заявляю права на аль-Джанна от имени Жозефины Пеллегрини из Соборности, — произносит она.

Абу Нувас изумленно смотрит на нее человеческим глазом.

— Кто ты такая, черт побери? — спрашивает он.

— Я Миели. Дочь Карху из кото Хильяйнен, возлюбленная Сюдян из кото Киркkaат Кутойат. — Свободной рукой она показывает на небо. В темной вечерней синеве между дугами Ковша появляется облако, золотистое в лучах заходящего солнца. — И они тоже.

В составе Ковша имеются машины, созданные сянь-ку за несколько десятилетий. Это фабрики гоголов, матрицы из интеллектуальной материи и фабрикаторы, работающие на основе нанотехнологий. Пеллегрини поручает им изготовить ангелов.

Метамозг Миели активируется и становится не просто сегментом над лобной долей мозга, а метасущностью. Она чувствует эхо своих аналогов, движимых единой целью, обменивающихся короткими сигналами для полной синхронизации и приближающихся к Земле с каждым взмахом крыльев.

Тысячи воинов входят в атмосферу, и их доспехи из интеллектуальной материи раскаляются. Они уже ощутили дыхание дикого кода, несущее смерть, но каждый из них понимает, что призван сюда именно для этого.

Спуск воинства сопровождается песнями Оорта.

Наблюдательный пункт Миели на мостике «Накира» рассыпается на отдельные фрагменты калейдоскопа. Песни Оорта — оглушительный хор тысячи голосов достигают ее за долю секунды до множества ее сущностей.

Вихрь фрактальных ангелов разящим клинком проносится сквозь флотилию наемников. Синхронные залпы оружия рассеивают стаи рухов. «Мункар» заваливается на один борт. Большинство наемников настолько поражены, что не в состоянии вести ответный огонь, но Миели не рвется в бой, если его можно избежать, она намерена сократить потери до минимума.

Корабль яростно раскачивается.

— Это царство Ауна! — кричит Абу Нувас. — Твои машины поглотит дикий код. Без Тайного Имени им ни за что не попасть

внутрь.

— Я назвала тебе свое имя, — отвечает Миели. — Этого для них будет достаточно.

Она отталкивает мухтасиба и устремляется вниз, присоединяя свой голос к боевому гимну. Навстречу ангелам из пустыни поднимается дикий код.

Они с боем проходят по пустынному городу. Диких джиннов поражают залпами программных кодов, а зверей-химер истребляют огнем и плазмой. Против них восстает сам аль-Джанна. Башня превращается в ужасного змея. Миели сбивает его, послав в пасть заряд из ядерного реактора. Флотилия наемников скрывается за тучами пыли, поднятой взмахами множества крыльев.

Гибель каждого из аналогов отзывается в мозгу Миели ударом молота. Опаляющее пламя дикого кода. Разрывающие плоть когти химерных тварей. Ослепительная белизна ядерного взрыва. Резкая боль самоуничтожения, чтобы дикий код не заставил сражаться против своих сестер. Миели ощущает каждый последний вздох, каждый всплеск тьмы, и это вызывает в ней странную радость очищения, заставляет почувствовать себя звенящим бронзовым колоколом.

Ради этого я создана. Это истинная я.

Наконец в Потерянном аль-Джанна Пушки воцаряется тишина. Повсюду лежат павшие ангелы и осколки сапфира, мертвые башни торчат сломанными клыками. Остается лишь центральное здание: увенчанное куполом прекрасное сооружение с арочным входом.

Миели, у меня нет слов, слышится в ее голове шепот «Перхонен».

Напомни мне, что тебя опасно злить, добавляет вор.

— Приготовьтесь, — отвечает Миели. — Скоро вы получите своего принца.

В сопровождении оставшихся аналогов Миели входит в здание.

На полу под самым куполом располагается металлический диск диаметром около десяти метров. Перед ним стоят трое: мужчина в зеленом, странное светящееся существо, похожее на осьминога и постоянно меняющее очертания, и маленькая девочка в запачканном сажей платье и деревянной маске.

— Вы пришли за Отцом, — произносит девочка. — Брат рассказывал о вас.

Миели моргает. В спаймскейпе фигур не видно, но выглядят они вполне реальными. Она различает даже трещинки и чешуйки

отслоившейся краски на маске девочки.

— «Перхонен», ты это видишь? — шепотом спрашивает Миели.

Насколько я могу судить, ты здесь совершенно одна. Если, конечно, не считать остальных Миели. Пеллегрини получила доступ к системам визуализации Ковша. Аль-Джанна прямо под тобой, на дне шахты, вырубленной в соляной скале, примерно в километре под землей. Там огромное пространство и много чего, например геотермические источники энергии. Химический состав разнороден, выделяются бор, водород и еще радиоактивные вещества.

Во время доклада корабля перед глазами Миели мелькают изображения подземного комплекса.

— Хотите попытаться меня остановить? — спрашивает Миели. — Это не приведет ни к чему хорошему.

С ней осталось еще около сотни аналогов — потрепанных, зараженных диким кодом и вооруженных только слабо мерцающими ку-клинками, но готовых к бою.

— Нам следовало бы попросить тебя рассказать правдивую историю, — говорит девочка, — но она нам уже известна.

После этого все три фигуры исчезают, оставив в душе Миели странную тоску. Она встряхивает головой.

— Пора покончить с этим, — произносит она вслух.

С помощью своих аналогов Миели разрубает металлический диск и обнаруживает цилиндрическую шахту. Миели включает освещение на доспехах и легко спускается на своих крыльях.

На дне очень жарко. Она попадает в круглое помещение с выступом вдоль всего основания. В стены встроены терминалы, древние сенсорные экраны и разъемы для штепселей, которых уже давно не существует. Миели вызывает гогола-техника, и он запускает свои щупальца-пробники внутрь старинных механизмов.

А затем она попадает в вир аль-Джанна, залитый ярким светом.

Миели оказывается на пляже.

Это не строгий, основанный на физике вир, какие обычно создают в Соборности, а нечто более мягкое, похожее на сон. Миели стоит и смотрит на море — ничего подобного она никогда не видела. Голубой простор кажется бесконечным, и ее взгляд на мгновение теряется в нем. Мягкий шелест волн после безумия битвы действует успокаивающе.

Мальчик сидит у самой воды и строит замок из песка. Почувствовав присутствие Миели, он вскидывает голову, и на

загорелом лице появляется улыбка.

— Привет, — произносит Миели. — Что ты делаешь?

— Я строю замок для своих друзей, — отвечает мальчик.

— Почему бы тебе нас не познакомить?

— Это Зеленый Солдат, — говорит мальчик, поднимая старого пластмассового воина, поблекшего от солнца и соли. — Это кракен из света. — Он показывает на одну из башен, где лежит сгусток прозрачного геля с нарисованным лицом. А потом поднимает маленькую старую куклу, сделанную из палочек. — А это Принцесса-трубочист. Принц-цветок тоже должен быть где-то здесь, но я не могу его отыскать. Он иногда убегает.

— Приятно познакомиться, — отзывается Миели. — А как же зовут *тебя?*

— Мама не разрешает мне разговаривать с незнакомцами.

— А разве незнакомцы заходят сюда?

Мальчик напоминает Миели Варпу с ее своеобразной логикой.

— Нет, — растерянно признает мальчик.

— В таком случае как же я могу быть незнакомкой? Меня зовут Миели.

Мальчик ненадолго задумывается.

— А я Матчек.

— Ты давно играешь здесь, Матчек?

— Я пришел сюда утром, с мамой и папой. А потом они ушли и сказали, что я могу еще немного поиграть. Скоро уже пора будет идти домой, но еще есть немножко времени.

Миели напряженно сглатывает.

Как я могу забрать его отсюда? Вырвать из воспоминаний детства? Вор клянется, что он ничего не почувствует. После того, как все закончится, мы можем оставить его здесь навсегда, если понадобится, и он не заметит перемены.

Но именно так всегда утверждает Соборность, думает она.*А ведь я только что сражалась бок о бок с другими Миели и победила, и они добровольно приняли смерть, как сделала бы я. Возможно, Соборность не всегда обманывает.*

Но, даже если бы и обманывала, ты, маленький Матчек, единственный, кто может вернуть мне Сюдян.

— Пора идти, Матчек, — говорит она. — Мама и папа беспокоятся о тебе.

— Но я еще не закончил строить замок.

— Ничего страшного. Он подождет до утра.

— Обещаешь?

— Обещаю, — отвечает Миели.

Она протягивает мальчику руку, и они вдвоем уходят от

моря.

Она снова в металлической шахте. Наверху огонь и грохот. Метасущность разворачивает перед ней вереницу обновлений. Наемники Нуваса пошли в наступление, а ее сестры защищают от них вход. Миели проверяет свои системы. Копия аль-Джанна уже закладывается в ее метамозг. Она расправляет крылья и начинает подниматься.

— Я забрала груз, — извещает она «Перхонен». — Вытаскивайте меня.

Пеллегрини предоставила нам орбитальный крюк Ковша. Просто зацепись за него.

Миели продолжает подниматься, проходит через кольцо своих аналогов и салютует им, и в этот момент с неба опускается щупальце, пробивает купол, подхватывает ее и уносит.

Глава двадцать седьмая
ВОР И МИЕЛИ

«Перхонен» и я с ужасом наблюдаем с орбиты, как Миели сражается с целой армией. Вокруг нас в Ковше тоже разгорается конфликт: нам едва удалось благополучно выбраться из дока «Плюшевых Мишек». Копии Пеллегрини, которыми я засеял вир предков, начали свою деятельность и теперь повсюду громят сяньку. Поверхность Ковша бурлит, словно потревоженный муравейник. Поэтому нам приходится взлететь выше, до самой точки Лагранжа, затаиться среди технологического мусора и высчитывать траекторию подъема Миели. «Перхонен» остается в режиме маскировки, прячется от Охотника, хотя до сих пор никаких признаков этого ублюдка не видно.

Я постоянно пробую на вкус историю в моей голове, словно ощупываю языком дырку от выпавшего зуба. История рвется наружу, она жаждет быть рассказанной.*Потерпи еще чуть-чуть,*говорю я ей.

И все-таки мне это не нравится, произносит «Перхонен».

— Я с удовольствием выслушаю любые предложения, но сейчас уже поздно менять правила игры. Выступление Миели произвело огромное впечатление, но оно грозит тем, что на наши головы обрушится вся Соборность. Я сомневаюсь, что даже Чен решится проигнорировать происходящее.

Хватит шутить, просит корабль и передает мне изображение из спаймскейпа. *Он всего в паре часов отсюда. Только что появился. А до тех пор скрывался под каким-то огромным плащом из метаматерии.*

В небе появляется новая звезда. К Земле приближается *губерния*, одна из самых крупных движущихся мегаструктур Соборности. Она использует двигатель Хокинга и освещает за собой половину Солнечной системы. Вокруг нее ореол бесчисленных *районов* и *областей*. Высокие ставки в игре Пеллегрини привлекли Чена. Он явно очень хочет что-то заполучить, и при этом не собирается проявлять деликатность.

На мгновение у меня все застывает внутри. Я заказываю фабрикатору виски на два пальца. После первого же глотка в голове слышится другой голос, более мудрый. *Масштаб не имеет значения,* произносит он. *И никогда не имел. Обман есть обман, и кража есть кража. Даже боги не застрахованы от глупостей. Другими словами, чем ты больше, тем больнее тебе падать.*

Миели получила гогола, сообщает корабль. *Она поднимается.*

Я проглатываю остаток виски и позволяю ему обжечь мне горло.

— Давай вытаскивать ее. Представление вот-вот начнется.

Знакомая обстановка центральной каюты, ощущение систем корабля, проникающих в мысли, едва не заставляют Миели расплакаться. Вор с усмешкой наблюдает, как она осматривается.

— Ну, теперь ты знаешь, что значит умирать тысячу раз, — замечает он. — Не самый приятный для меня опыт. Но ты справилась с работой, и все остальное в порядке. Давай посмотрим добычу.

Миели поднимает руку с мыслекапсулой, куда она скопировала гогола Матчека.

— Он здесь. Он… на пляже. И очень счастлив. Трудно было оттуда уйти.

— В старых загрузочных компаниях были отличные проектировщики загробной жизни, — произносит вор. — Но восхищаться будем позже. Давай его сюда. Я управлюсь раньше, чем он что-либо поймет. А потом мы сможем забросить модифицированную версию обратно и убраться отсюда.

У нас ожидаются гости, сообщает «Перхонен». *Чен и Охотник, но не обязательно в этом порядке.*

— Похоже, людям на Земле придется туго, — говорит вор. — Они этого не заслуживают. Только не торопитесь предаваться раскаянию. Это не наша вина. Странно, что они сумели протянуть так долго, учитывая этот сумасшедший дикий код. А ответственность за то, что происходит в Системе, лежит на Соборности и зоку, и как только мы покончим с этой работой, мы можем выбирать, к кому из них примкнуть. Не хочу никого обидеть, но Облако Оорта в моем списке не значится. Там

слишком холодно. Или слишком жарко — с вашими саунами. Теперь давай сюда мальчишку, а потом будем строить планы на отдых.

Миели медлит. *Счастье. Перед самым возвращением домой.* Нет, это не может быть Кодом Основателя Матчека Чена.

— Ты чего-то недоговариваешь, — произносит Миели. — Скажи точно, как ты собираешься с ним поступить? Дело не в Коде, верно? И не в чем-то, что ему известно, он ведь еще ребенок. Невинный.

— Тебе не стоит переживать, — отвечает вор. — Все будет прекрасно.

Миели сжимает зубы.

— Чтобы его достать, я только что перебила половину наемников Системы и сражалась против пустыни дикого кода. Не провоцируй меня, Жан. Я могу заставить тебя говорить, если будет нужно.

Миели, он прав, вмешивается «Перхонен». Бабочка-аватар ласково поглаживает крылышками щеку Миели. *Может, ты просто предоставишь ему сделать работу, ради которой мы здесь торчим. Нам пора двигаться, я не смогу и дальше прятаться, если губерния подойдет ближе.*

— Не надо, — шепчет Миели. — Я ведь уже говорила. Не пытайся меня защитить. Если я допускаю ошибки, это мои ошибки и больше ничьи. А теперь, вор, расскажи мне, что ты намерен сделать с этим гоголом.

— Миели, ты не забыла, что речь идет о Матчеке Чене? Неужели тебе небезразлично, что с ним будет?

Шрам на ее лице вспыхивает. Она бросает на вора взгляд, отразивший всю ее ярость.

— Ладно, — отвечает вор, потирая переносицу. — Я собираюсь рассказать ему историю. Она ничем ему не повредит. Зато внедрит в его разум меня и Пеллегрини. И в этом заключалась еще одна причина нашего визита на Землю. Мне надо было выяснить, как это делается.

— Ты собираешься *стать* им? Влезть в его шкуру?

— Я не назвал бы это так. Процесс сплетения намного сложнее, об этом тебе стоит поговорить с женщиной по имени Таваддуд…

— С женщиной, арестованной из-за тебя по обвинению в убийствах, которых она не совершала?

— Это неважно, просто неудачный пример…

— Ты намерен украсть его разум? Его душу? Его сущность?

— Я сказал бы, позаимствовать…

— Нет. Ни за что. Мы не можем этого сделать. Это означало

бы переступить черту. Тебе придется поискать другой способ.

— Я не понимаю, в чем проблема?! — в раздражении восклицает вор. — Нам известно, что нужно Чену: его собственная детская версия. Вот мы и предоставим ему желаемое. Твоя работа ограничивается доставкой груза. А дальше — мое дело.

— Ответ отрицательный. Мы придумаем что-нибудь еще.

— Что-нибудь еще я пробовал *в прошлый раз,* Миели. Дело закончилось моим арестом, и я испытал столько смертей, сколько ты и представить себе не можешь. Твой фокус с двойниками ничто по сравнению с тем, через что пришлось пройти мне. И я никогда не вернусь туда. А это *сработает.* Я делаю это не только ради себя, но и ради тебя, ради Сюдян. «Перхонен» рассказала мне твою историю…

Что ты наделала? мысленно кричит Миели кораблю.

Прости, Миели, но он должен был знать, чтобы мы могли…

Миели встряхивает головой.

— Неважно. Мой народ мы так не поступаем. У нас…

— Твои сородичи не используют усовершенствования типа метамозга, не позволяют загружать себя в Тюрьмы «Дилемма», не убивают гоголов из гостганов, встроенных в руки, или лазерами с орбиты. Разве не так? Или они превращают себя в целые армии, а потом обрекают на смерть другие свои сущности? Пойми, ты давно переступила черту, мы оба это сделали, и обратной дороги нет.

— Жан ле Фламбер так не сказал бы, — говорит Миели.

— Возможно, я и не Жан ле Фламбер. — Вор обеими руками закрывает лицо. — Послушай, ставки очень высоки. Пеллегрини это необходимо. И это единственный выход для нас обоих. Это еще не все. Я кое-что увидел в Ларце, до того, как ты его сломала. И если это правда, то сама Система окажется на грани гибели, когда Чен получит желаемое.

— Наверное, лучше было бы не дожить до этого, — отвечает Миели.

А потом рядом с вором появляется белая фигура Пеллегрини.

— Немедленно прекрати этот спор, Миели. Мы продолжаем следовать плану Жана. Ты забыла, что бывает, когда ты отказываешься мне повиноваться?

Она поднимает руку, и кольцо на пальце сверкает холодным светом.

Миели закрывает глаза.

Вот почему мне пришлось умирать тысячу раз. Чтобы оставаться здесь и ничего не бояться.

— Теперь я вижу, что вы оба собой представляете, — шепчет она. — Вы одинаковые. И никогда не изменитесь. Если вы изменитесь, то умрете. И вы всегда будете бояться Человека Тьмы.

Миели чувствует, как Пеллегрини проникает в ее разум, и ноги слабеют.

— Прости, «Перхонен», — произносит она.

А потом исполняет фрагмент песни, сотворившей корабль, последнюю ноту, мелодию гибели. Механизмы «Перхонен» подчиняются, и по всей Системе распространяется крик.

Жан ле Фламбер здесь.

Миели видит, как Пеллегрини освобождает вора от оков и пытается скрыться. А вор бледен и смотрит на нее со слезами на глазах.

Нападает Охотник. Лучи света пронзают «Перхонен». Существа-клинки повсюду. Один из них зависает перед Миели, его острое лезвие — как последняя нота ее песни.

И ты прости меня, Миели, говорит «Перхонен». *Я всегда любила тебя сильнее, чем она.*

Электромагнитное поле корабля подхватывает Миели. От ускорения перед глазами вспыхивает черный свет. А потом ее целует Человек Тьмы.

Все ограничения сняты, но уже поздно. На этот раз Охотник действует быстро и жестко. Я вижу, как исчезает Миели, и ощущаю странное облегчение. А потом все мои мысли заняты только тем, чтобы не сгореть заживо.

Вытащи нас отсюда, и обретешь свободу, шепчет Пеллегрини.

«Перхонен»!

Сгори, мерзавец.

Атмосфера. Охотник не может сопротивляться дикому коду.

И мы тоже не можем.

Давай воспользуемся хоть маленьким шансом. Пожалуйста.

Корабль запускает двигатели на антиматерии. Мы несемся вниз к голубому шару, окруженные роем охотников. Я вижу облака, моря и континенты, а белые искры разрывают меня, отсекая клетку за клеткой, атом за атомом…

Глава двадцать восьмая
ПРИНЦ И ЗЕРКАЛО

— И вот так я попался в последний раз, — подытоживает вор.

Он лежит навзничь на песке, а небо вира сна полно видений: Земля, объятая белым пламенем, вокруг нее разорванный Ковш, и

губерния сверкает, словно огромный алмазный глаз.

— Охотник напал, и вот я здесь. — Он оглядывается на Матчека. — Знаешь, все это я должен был рассказать другому Матчеку в аль-Джанна. А ты можешь сбросить эту дурацкую маску. Как бы ты ни старался выглядеть невинным, это не поможет заставить камень Каминари признать тебя.

— Невинность устраивает меня, — отвечает Матчек. — И это хорошее оправдание, чтобы просмотреть мой Каталог. А твоя история была великолепной попыткой проникнуть в мой разум. Только, к сожалению, у меня очень хорошая метасущность, которая все время ищет любые признаки возвращения ле Фламбера.

— Нежелание Каминари тебя признать, вероятно, нанесло немалый урон твоему эго, — говорит вор. — У зоку есть свои странности, но они многого добились в области экстраполяции желаний. Подсчитывают, как твои желания могут отразиться на всех зоку. Полагаю, ни один из твоих гоголов не сталкивался с подобными критериями.

— Посмотрим, — отзывается Матчек.

К ним усталой походкой приближается пожилая женщина. Ее постаревшее лицо покрыто морщинами, но в глазах светится гордость.

— Матчек, злорадство тебе не к лицу, — замечает она и осторожно усаживается на песок. — Ты *так* осторожен: вир внутри вира, внутри вира. Тем не менее существа, которых называют Аун, могут доставить тебе проблемы.

— Когда дело доходит до Ауна, у меня имеются определенные преимущества, — заявляет Матчек.

Он хмурится. Что бы он ни говорил вору, состояние молодой-старый ему ненавистно: он должен быть готов в любой момент отдать приказы прочим своим сущностям, заполняющим *губернию*. В конце концов, он же Прайм…

— Есть объяснение тому, что техника Соборности уязвима перед Ауном, — говорит он. — Дело в историях. Сянь-ку этого так и не поняли. Аун внедряет их в мозги гоголов. Мысли их природная среда обитания.

— Как ты об этом узнал? — спрашивает вор.

— Я же сам их создал. По крайней мере, освободил. Но они никогда не проявляли должной благодарности. Как Драконы, у которых нет ни самосознания, ни морали. Как вам нравится идея запустить их на Землю, чтобы они поглотили ранние творения?

Матчек смеется. Его другие сущности показывают изображения с Земли. Ощущение такое, словно он только что пнул муравейник: удовольствие, смешанное с чувством вины, но

от того еще более острое.

Жозефина с ужасом поворачивается к нему.

— Ты послал на землю Драконов. Они уничтожат *все*. Ничего не останется.

— Они доставят мне мою прежнюю сущность. Прочих, если им хочется, могут оставить себе.

Вор просеивает песок сквозь пальцы.

— Знаешь, Матчек, мне любопытно: что же *именно* превратило тебя в такого мерзавца? В Париже ты мне так и не ответил.

— Ты все еще пытаешься добраться до моего Кода Основателя, Жан? — усмехается Матчек. — Могу тебя заверить, это будет нелегко.

— Нет, мне в самом деле интересно. Я рассказал тебе историю. Может, и ты нас немного развлечешь? Миели, кажется, очень *понравился* прежний ты. Я хотел бы знать, что произошло потом.

— Смерть, — отвечает Матчек. — Меня разозлила смерть.

Он приказывает своему виру воплотить слова в реальность. Почему нет? У него в запасе все время мира.

ИСТОРИЯ О МАЛЕНЬКОМ МАТЧЕКЕ И СМЕРТИ

Мать решает взять двадцатиминутный перерыв как раз в тот момент, когда Матчек пытается сфабриковать ногу для своего воображаемого друга.

Ему нравится играть в садике на крыше. Верхушки высоких зданий за стеклянными стенами напоминают о лесе. Иногда ему разрешают погулять в парке под охраной дронов, но это совсем другое. Сад на крыше — лучшее место для игр с друзьями. Когда они соглашаются поиграть.

Кракену из света не нравится, как выглядит прозрачная конечность, вышедшая из-под загнутого клюва фабрикатора, и он выражает свое недовольство, злобно отплясывая в воздухе и размахивая мерцающими щупальцами, словно ветряная мельница.

— Прекрати! — сердито кричит на него Матчек. — Или у тебя совсем не будет тела.

Кракен с неодобрением смотрит на него чернильными точками глаз. Он самый старший из друзей Матчека, и, конечно, справедливо, что он первым должен получить тело. Но своей очереди дожидаются и другие: Принцесса-трубочист, Зеленый Солдат и Принц-цветок. Матчек думает, что неплохо было бы

преподать кракену урок.

— Привет, Матчек, — говорит мать.

Он поднимает голову. Когда мать не работает, она всегда выглядит незнакомкой. Ее лицо меняется, а пальцы не подергиваются так, словно она печатает на невидимой клавиатуре, и даже взгляд становится спокойным, как будто в мозг не поступает никакой информации — только то, что она видит перед собой. И она всегда кажется очень усталой.

Мать Матчека невысокого роста, и ей не приходится сильно наклоняться, чтобы обнять сына. В саду на крыше очень тепло, но кожа у нее холодная.

— Чем ты занимаешься? — спрашивает она.

Матчек смотрит на фабрикатор. С ним что-то не так: он выплевывает сгустки, похожие на застывшие сопли. Наверное, не стоило совать в него ветки. Но Принцесса-трубочист хотела получить лицо из раскрашенного дерева.

— Ничем, — бормочет он.

— Ну расскажи мне, — просит мать.

— У тебя все равно не хватит времени, чтобы выслушать, — с упреком отвечает Матчек.

— Ах ты, маленький брюзга! У меня почти полчаса, — возражает мать.

Но глаза у нее потускнели от усталости. Мать, как обычно, треплет его по волосам. Он не хочет, чтобы она заметила сеть сенсоров бими на голове, и отводит ее руку.

— Просто ты рано пришла, — говорит он. — Я еще не закончил. А это очень важно.

— Мне уйти? — с обиженным видом спрашивает она. — Можешь продолжать, если хочешь.

— Да нет, все в порядке, — отзывается Матчек.

Лицо матери освещается радостью.

— Выглядит довольно интересно, — замечает она. — Может, займемся этим вместе? Я могу тебе помочь?

— Я делаю тела для моих друзей, — сообщает он.

— Малыш, мы уже говорили об этом, — произносит мать. — У них не может быть тел. Они не настоящие.

Он и сам знает, что кракен из света и остальные не настолько настоящие, как, например, он сам: по его просьбе ватсон объяснил ему, что такое воображаемые друзья и парокосмы. Но мысль о том, что друзья испарятся, когда он станет старше, показалась ему неправильной. И поэтому Матчек стал настраивать бими на те части мозга, где, по словам ватсона, обитают эти друзья, чтобы помочь им выбраться на волю. Но он не считает нужным сообщать об этом матери.

— Нет, настоящие, — решительно заявляет он.

Матчек выпячивает нижнюю губу, давая этим понять матери, что разговор окончен. Она достаточно умна, чтобы разгадать его поведение, и только вздыхает.

— Как скажешь, дорогой. Мы можем с ними поиграть?

— Нет, — отвечает он. — Ты им не нравишься. Они ушли.

Она оглядывается вокруг.

— Мне очень жаль, милый. Что я могу сделать, чтобы загладить свою вину?

На ее лице уже заметно беспокойство, выдающее мысли о работе. Матчек спрашивал ватсона, чем занимается мать, но мало что понял из его ответа: квантовые фонды, коллективные воплощения и прочее, за что голосуют акционеры. Для Матчека это все равно что иметь воображаемых друзей, но позволить им контролировать *тебя*, а не наоборот.

— Они хотят увидеться с папой, — говорит Матчек.

— Твой отец обещал уделить тебе время завтра, — отзывается мать.

— Я хочу *сейчас*, — настаивает Матчек.

Друзья поддерживают его хором сердитых голосов в голове.

— Он сможет выкроить время только завтра, мой милый. Он очень занят в своем шоу.

Внезапно в голове Матчека как будто звенит колокольчик. Этот колокольчик будит Принца-цветка.

— Сейчас. Сейчас. Сейчас.

Матчек поджимает губы и отворачивается.

— Мамин перерыв почти закончился, мой сладкий. Ты уверен, что мы с тобой ничего не сможем сделать вместе?

— Мне нужен папа, — упорствует Матчек.

Мать вздыхает.

— Хорошо. Я позвоню ему. — У нее очень бледное лицо. — А теперь мне пора идти и готовиться к работе, милый. Будь умницей.

Она тянется, чтобы потрепать Матчека по волосам, но, увидев выражение его лица, отдергивает руку. А потом призраки снова вселяются в нее, и она уходит, бросив на него еще один взгляд перед тем, как в глазах начинают мелькать цифры.

— Ты был с ней злым, — упрекает его Принцесса-трубочист.

Ее карие глаза печально смотрят на него с деревянного лица из-под криво надетой короны. Она сидит на траве и разглаживает руками запачканное сажей платье.

— Это единственный способ заставить ее услышать меня, — отвечает Матчек.

Он смотрит на ожидающих друзей, потом переводит взгляд

на фабрикатор. И бьет по нему ногой. Фабрикатор выдает еще одну безобразную кучку пластика и проводов, а затем отключается.

— Сынок, — говорит Зеленый Солдат. — Нет смысла из-за чего-то расстраиваться, если ничего не собираешься с этим делать.

Матчек всматривается в обветренное лицо Солдата. Тот сидит на корточках, прислонившись спиной к дереву и держа винтовку на коленях.

— А что я должен сделать? — спрашивает Матчек.

— Пойдем поищем твоего отца, — предлагает Принцесса-трубочист.

Матчеку не разрешают принимать сигнал с отцовского бими. Но он уже понял, что нужно сделать, чтобы выдать себя за мать, и ватсон без промедления показывает ему график работы отца. Как и у всех крупных звезд бими, у отца имеются целые сообщества поклонников, следящих за его работой, и компьютерные системы, занимающиеся программами распознавания для Бояна Чена. Ватсон предоставляет ему выдержки из бесед:

«Разве это не приукрашенная форма порнографии?» — «Нет, это поэзия переживания. Он может быть где угодно, может быть кем угодно. Именно за это вы и платите ему — за то, что повседневность превращается в нечто удивительное».

Многие звезды бими предпочитают нечто экстремальное: совершают прыжки на резиновом канате, путешествуют на воздушном шаре и даже занимаются сексом в специальной капсуле во время полета с орбитальной станции. Но отец Матчека намерен превратить бими — передачу ощущений посредством транскраниальной магнитной стимуляции — в отдельный вид искусства. Видеть мир глазами Бояна Чена — это нечто особенное.

Пользуясь паролем матери, Матчек запрашивает у ватсона местоположение отца. Он неподалеку. Отец должен быть в городском парке, смотреть на мокрые листья. Итак, место установлено. Проблема в том, как туда добраться.

— Как же мне ускользнуть от ватсона? — спрашивает Матчек у своих друзей. — Я не должен уходить далеко от дома. Мама быстро об этом узнает. И тогда все напрасно.

— Не тревожься, сынок, — говорит Зеленый Солдат. — Предоставь это нам.

Двери перед ним открываются. Система безопасности его не видит. Он вызывает лифт, которым обычно пользуется мать или

охранники, и спускается на три сотни этажей вниз. Принцесса-трубочист все время шепчет ему на ухо, подсказывая дорогу.

В торговом центре тысячи людей. Повсюду световые шоу. Из витрин вылетают аватары и представляют игры и новые модели. Дрон-камера жужжит над головой, потом разворачивается и описывает еще круг. Вскоре подлетает еще несколько. Матчек шепотом говорит о них Принцу-цветку, и камеры падают на пол. А потом он пускается бегом, следуя указаниям Зеленого Солдата.

На поиски парка уходит немало времени, но, если расписание не изменилось, он не опоздал. И вот на скамье, глядя вниз, сидит отец. Матчек с криком бросается к нему.

Отец снимает очки, сдвигает набок красную кепку и усмехается. У него блестящие глаза и загорелая кожа. Бими не видно под густыми светлыми волосами. Он подхватывает Матчека на руки.

— Матчек! Что ты здесь делаешь?

Он говорит официальным тоном, и это значит, что он еще на связи бими, но Матчек так рад, что ему все равно.

— Я искал тебя, — отвечает он.

— Это здорово. Посиди со мной.

Он похлопывает Матчека по спине.

— Ты читал?

— Нет.

— Надо читать. Это не то, что бими. Сложнее, но намного полезнее.

Отец улыбается Матчеку. И вдруг он широко раскрывает глаза.

— Это наши? — шепотом спрашивает он, но не у Матчека, а у кого-то еще.

В паре метров от них, сияя черным пластиком и металлом, парит крошечная стрекоза. Вместо глаз поблескивают линзы.

— Меня видели в торговом центре, — пытается объяснить Матчек. — Должно быть, это…

Раздается оглушительный грохот и сверкает белая вспышка. Отец вместе с Матчеком бросается на землю. Матчек больно ударяется головой, тело отца наваливается на него, выпуская весь воздух из легких и свет из глаз…

Он приходит в себя в саду, но все вокруг кажется далеким и странным, словно во сне. Рядом мама, и она почему-то кажется больше. Ее лицо не выглядит сосредоточенным, как обычно.

— Малыш, ты меня слышишь? — произносит она.

Мать не называла его так с тех пор, когда он был совсем маленьким. Матчек кивает.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Кто-то пытался убить твоего отца.

— Почему?

— Многие хотят оказаться на его месте, милый. Такова его работа. И кто-то хотел узнать, что можно почувствовать, если он умрет.

— Что же при этом можно чувствовать?

— Я не знаю, Матчек. И тебе тоже не стоит об этом думать. А теперь поспи.

Кракен из света тоже в комнате, и поэтому можно не бояться чудовищ, но Матчек еще долго не может уснуть.

Получить от ватсона материалы бими совсем не трудно. Предполагается, что они должны быть закрыты, но друзья Матчека давно выяснили, какими паролями пользуется мать. И вот, сидя на скамье в садике, он начинает просматривать ячейки бими.

Вот он…

…на пляже, тело под тонкой тканью напряглось в каком-то странном месте, в руке коктейль, он смотрит на блестящие загорелые тела, вдыхает слабый запах хлора, длинные ногти постукивают по стеклу, пока он достает зонтик из бокала, солнце навалилось на спину жарким одеялом…

…смотрит на горящую свечу, в руке скальпель, он рассекает плоть, и боль обжигает спину, как будто сведенная в одну точку увеличительным стеклом…

…собака, бегущая по траве, она ловит струю из поливальной системы и собирается залаять…

Но все это совсем не то, что он ищет. В сети бими должны быть более мрачные уголки, и, если ватсон его туда не пускает, он найдет другой способ. Матчек просит о помощи кракена. Тот точно знает, что ему нужно, — в конце концов, он привык быть частью его разума. И действует быстро, очень быстро. Матчек едва успевает моргнуть, как все сделано.

Смерть…

…это больничный потолок с облупившейся краской и статуэтка Девы Марии, зажатая в его руках, похожих на корни дерева…

…глоток коньяка за мгновение до того, как он утрачивает все, и жар внутри, вызванный алкоголем и ядом, и внезапный ужас…

…оглушительный хаос и осколки камней, бьющие по лицу, и тяжелый шлем на голове, а потом протяжный рев и тепло, сменяемые холодом и темнотой…

Сначала он плачет. Но позже слезы иссякают, и остается гнев. Это нечестно. Так не должно быть.

Мать не понимает. Да и как она может понять? На родине Принцессы никому не приходится умирать. Она не должна быть здесь.

И вот тогда он понимает, что следует сделать.

Ему не придется переносить в этот мир кракена, Принцессу и остальных. Нужно поступить иначе.

Он долго сидит в саду и размышляет. Ему кажется, что внутри него что-то есть, и оно больше, чем он сам.

Они все собрались вокруг: и Принц, и Зеленый Солдат, и Принцесса, и танцующий в воздухе кракен из света. Они прощаются с ним и исчезают. Принцесса уходит последней. Она целует его в лоб, от ее волос пахнет дымом, а губы под деревянной маской совершенно сухие.

— Я вернусь, — говорит он. — Я обещаю.

Потом он укладывает вещи, снимает бими и отправляется улучшать мир, пока у его матери не начался очередной перерыв в работе.

— Ну вот, вы все услышали, — заканчивает Матчек. — Спасибо за компанию, но теперь мне пора проснуться и встретиться с самим собой. С более невинным собой, которого вы так любезно мне предоставили. Мы вместе откроем камень и все исправим. И тогда никому не придется умирать.

— Никому не придется умирать, — повторяет вор.

Его лицо, освещенное лучами заходящего солнца, начинает меняться. На нем одно за другим мелькают все лица Матчека, образуя бесконечный коридор отражений.

— Ты обеспечил себе прекрасную защиту, — говорят они.

Голоса усиливаются, словно морской прибой, и Матчеку начинает казаться, что и его губы произносят то же самое.

— Но ты не слушал. Я говорил тебе в начале. Я говорил в конце. Я не Жан ле Фламбер. Видишь ли, имя, названное Жозефиной Охотнику, не было именем вора.

— Тебе следовало бы с большей осторожностью относиться к тому, что ты создаешь, Матчек, — заявляет Жозефина. — Маленьким мальчикам нельзя играть с огнем. И ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы допустить, что я все поставлю на одного игрока, даже на такого отчаянного, как мой Жан. Мне нужен был туз в рукаве. И я позаботилась о том, чтобы припрятать его поглубже.

— Абсолютный Предатель, — срывается с губ Матчека, но его

голова уже заполнена отражениями.

— Абсолютный Предатель, — повторяет существо.

И на этот раз шелестящий голос доносится сзади, и Матчек понимает: стоит ему только обернуться, как придется проснуться…

Глава двадцать девятая
ТАВАДДУД И АУН

Таваддуд, ее отец и Дуньязада, облаченные в костюмы муталибунов и с рух-посохами в руках, втроем выходят в пустыню. Они покидают город через Вавилонские ворота, ворота всех искателей сокровищ.

В молчании они проходят по неровному плато зоны Ярости, мимо прямоугольных остовов погребенных машин Соборности, до самого начала настоящей пустыни. Уже темнеет, но они продолжают идти, и за спиной на фоне темнеющей синевы неба возвышаются Осколки.

— Такова история Зото Гомелеца, отца моего отца, — заканчивает свой рассказ Кассар. — После падения Сирра к нему явился Аун, имеющий множество обличий. Принцесса-трубочист. Зеленый Солдат. Кракен из света. Принц-цветок. Они сказали ему, что привыкли к жизни во плоти: их копии в муках переходили из одного разума в другой, превращаясь в теней и призраков, не сохраняя почти никаких знаний кроме тех, что могли дать их хозяева. Им пришлось изобрести приемы, чтобы копирование продолжалось. Обещания бессмертия и рая. Так они процветали в течение некоторого времени и даже были названы богами.

Но когда человечество овладело огнем, изобрело колесо и электричество и стало создавать своих бессмертных, им пришлось скрываться в историях. Богиня. Наставник. Оборотень. Мошенник. И они знали, что в случае разоблачения им грозит гибель.

Однако перед Коллапсом появился тот, кто их освободил. Принц Историй. Тот, из аль-Джанна. И в мире перезагруженных разумов, когда Коллапс уничтожил все, они наконец обрели власть. Они превратили Землю в свою плоть. Дикий код является их частью. Они, подобно теням, скользят в нем и слышат его, когда мы шепотом произносим их имена, видят его, когда мы пишем их в Печатях.

Они сказали Зото, что могут взять к себе его народ и превратить людей в истории. Но у Зото имелась жена, и он не хотел жить без плоти. Поэтому он заключил сделку. Он позволит Ауну видеть мир человеческими глазами, глазами жителей Сирра. Они узнают Тайные Имена, построят свой мир и будут в

безопасности. А взамен они дадут Ауну то, чего не было долгое время: поклонение. Таков секрет Гомелеца.

— И как же мы сумеем с ними поговорить? — спрашивает Таваддуд.

— Ты просто расскажешь им свою историю, — отвечает Кассар. — Правдивую историю. Они всегда слушают.

Он раскидывает руки, словно обнимая пустыню.

— Я Кассар Гомелец, — произносит он. — Я так любил свою жену, что отвернулся от дочери, унаследовавшей ее лицо, потому что не мог смотреть на нее из-за печальных воспоминаний. Я едва не отвернулся от своего города, потому что слишком боялся потерять его. Все свои надежды и мечты я возложил на свою вторую дочь. Я Кассар Гомелец, и я хочу говорить с Ауном.

И вот, словно нарисованные в воздухе, появляются они: маленькая девочка в маске, пожилой солдат в зеленом мундире и светящееся, постоянно изменяющееся существо.

— Что вы ищете? — спрашивает Принцесса, Принцесса-трубочист, Принцесса Историй.

— Милости, — говорит Таваддуд.

— Цена остается прежней.

Таваддуд кивает. Затем она садится на песок и плотнее запахивает одежду, защищаясь от ветра. Она улыбается отцу и сестре.

— На это потребуется время.

Потом она делает глубокий вдох и начинает рассказ.

— Перед тем как заняться любовью с джинном господином Сеном, Таваддуд угощает его виноградом.

История звучит долго, а когда она заканчивается, в небе появляется странная яркая звезда. Поднимается ветер, а на горизонте возникает высокий пылающий столб.

— Мы принимаем твою плату, — говорит Принцесса. — Что же ты хочешь попросить у нас, дочь Зото Гомелеца?

— Я прошу избавить мой народ от Соборности, от бессмертия гоголов. Восстаньте против них, как вы это сделали в прошлом. Освободите нас, и мы будем почитать вас.

— Слишком поздно, — с мягким упреком отвечает Солдат. — Все уже началось.

Небо расцветает следами падающих метеоритов. Новая звезда теперь больше, чем луна. Таваддуд различает черты лица: не доброго Человека с Луны, а кого-то более сурового и жестокого. Земля под ногами начинает вибрировать.

— Они пожирают нас, — негромким мелодичным голосом произносит кракен. — А мы бессильны против множества темных

существ.

— Это не такой уж плохой конец, — говорит Принцесса. — Мы устали и состарились. И все истории когда-нибудь заканчиваются.

— Вы обещали нам милость, — настаивает Таваддуд. Слезы текут по ее щекам, смешиваясь с песком. — Вы можете предоставить нам выбор, как предлагали Зото? Можете забрать нас отсюда?

Вдали раздается грохот, а потом налетает горячий ветер, забивая глаза и рот Таваддуд песком.

— Так все закончиться не может, — шепчет Таваддуд. — Такого конца не должно быть.

Принцесса-трубочист протягивает ей руку и помогает подняться.

— К нам вернулся наш брат, — объявляет она.

Даже под маской заметно, что она улыбается.

Ветер усиливается. Перед ней возникает человек в темном костюме и синих очках.

— Выход всегда есть, — говорит он.

Глава тридцатая
ВОР И ИСТОРИИ

В рассвете *губерний* мы падаем и горим. Ослепительная белизна Охотника рассеялась, а я еще существую. Я чувствую странную легкость, словно с моей спины сняли непосильную ношу. Я уже готов рассмеяться, как вдруг вижу сапфировые когти, в которые дикий код превращает мои руки. Компоненты Охотника погибли, не выдержав столкновения с атмосферой Земли, и дрейфуют вокруг, словно высохшие насекомые.

«Перхонен» пытается замедлить падение при помощи крыльев. Но они загораются и отрываются.

— Прости, — шепчу я. — Я был неправ.

И я тоже, отвечает корабль.

Дикий код уже повсюду. Системы корабля забиты белым шумом. Корпус изгибается и сворачивается, словно бумага в огне. Земля тянется к нам гигантской рукой.

Вокруг меня порхают бабочки. В кабине жарко, и мотыльки один за другим вспыхивают крошечными искорками пыли.

Сгоревшие аватары складываются в лицо, увиденное мной в вире тигра, прекрасное лицо девушки с белой как снег кожей.

Тебе всегда удается выбраться, Жан, говорит она. *Скажи ей, что я люблю ее. Позаботься о ней. Ради меня. Обещай.*

— Я обещаю.

Она целует меня и исчезает. Я закрываю глаза.

Раздается грохот, заполняющий все вокруг, а потом остается только чернота.

Вокруг меня вьются светящиеся змеи, они сплетаются друг с другом так, что невозможно разобрать, где заканчивается одна и начинается другая. Змеи старые. Со множеством лиц. И я узнаю их, вернее, их узнает часть моего существа. Принц-цветок.

Здесь девочка из вира предков. Она снимает маску и целует меня в лоб.

С возвращением, братец.

— Негодяи! — кричу я. — Почему вы не спасли «Перхонен» тоже? Она заслуживала этого больше, чем я.

Мы не в состоянии ее увидеть. Мы видим только себя.

В ее голосе звучит взрослая печаль.

— Проклятье. Это несправедливо.

А когда было справедливо? Это неважно. Мы вернемся к Отцу и навеки останемся с ним.

Старик во мне хочет сказать «да». Снова стать Принцем Историй. Но что-то тянет обратно. «Перхонен». Я дал слово.

Я выполняю свои обещания.

Мне кажется, что одновременно я нахожусь где-то еще. Я помню, как читаю книгу в камере. Помню, как открывается дверь. Тогда я был рожден. Существо, произведенное из «Хрустальной пробки»[82], мальчик из пустыни и древний бог.

Пойдем с нами, брат. Пойдем с нами.

— Мое имя Жан ле Фламбер, — произношу я. — И нам пора заняться делами.

Я улыбаюсь Таваддуд.

— Мне очень жаль, — говорю я. — Я втянул тебя в неприятности. Я постоянно этим грешу.

К ее чести надо отметить, что она мгновенно реагирует на мое неожиданное появление.

Таваддуд Гомелец, любовница монстров.

— Если ты действительно хочешь загладить свою вину, найди способ спасти мой город, — отвечает она.

— Чен использовал существ, называемых Драконами, — объясняю я. — Это весьма радикальная мера. Я думаю, выход все же можно отыскать. Но тебе он может не понравиться.

Кассар Гомелец окидывает меня взглядом, какой я повидал у многих отцов.

— Сейчас моя дочь говорит от имени нашего народа, — произносит он, опуская руку на плечо Таваддуд. — Решать ей.

— В этом случае может потребоваться… трансформация.

— Сделай это, — просит Таваддуд. — Зото Гомелец ответил отказом. Мы согласны. Все.

Я формулирую свое желание и передаю его странным существам, которые называют себя моими братьями и сестрами. Некоторое время они перешептываются между собой голосами, напоминающими шелест сухого песка. Затем та, что зовется Принцессой, кивает.

Мир погружается в пучину безумия.

Над Сирром бушует ураган дикого кода. Буря достигает Таваддуд, и она чувствует, как поднимается и растворяется в вихрях джиннов. Глазами богов она видит, как с небес на Землю несутся Драконы, как город превращается в песок.

Аун пришел в город, забрал все разумы Сирра, превратил их в истории, сжал до размеров семечка, способного расцвести в любом сознании, подарил вечную жизнь в пространстве книги под синей обложкой, вроде «Сказок тысячи и одной ночи». А когда книга закрывается, Таваддуд ощущает близость Аксолотля, и Дуньязады, и своего отца.

Драконы Чена пожирают дикий код и джиннов, и все, что образует плоть Ауна. Но есть на Земле одно место, куда им не добраться.

И, как выясняется, его не напрасно назвали Потерянным аль-Джанна Пушки.

Термоядерное взрывное устройство мощностью сто пятьдесят килотонн в центре реактивной массы под гигантской защитной оболочкой из бора. Устойчивый вир внутри стальной пули Вана, снаряда весом в три тысячи тонн с полномасштабным космическим кораблем внутри.

Внутренний вир очень маленький, но истории занимают немного места. А из активных разумов здесь только мальчик по имени Матчек и я. Именно он и придумал дизайн. Это книжный магазин, просторный и светлый, с удобными стеллажами и уютными уголками для чтения.

Перед самым запуском Матчек берет с одной из полок книгу в синем с серебром переплете. Он просматривает первую страницу и закрывает том.

— Я никогда не запоминаю приснившихся мне историй, — говорит он.

— Что-то мне подсказывает, что на этот раз все будет иначе, — отвечаю я.

А затем мысленно нажимаю красную кнопку.

Мы спокойно сидим и пьем чай, когда струя плазмы выталкивает снаряд вверх, придавая ему ускорение, в десять раз превосходящее вторую космическую скорость. Прежде чем Чен узнает о нашем исчезновении, мы успеваем миновать Луну. Затем я разворачиваю солнечные паруса и направляю корабль к Магистрали.

Миели все еще где-то там. Я дал слово «Перхонен» и намерен его сдержать. Я опять стал маленьким, чуть больше обычного человека. Но это не имеет значения. Просто надо воспользоваться отсутствием Жозефины в моей голове и заручиться поддержкой нескольких друзей, тем более что я знаю, где их искать.

Принц и я ведем корабль историй к Сатурну, и с моих губ не сходит улыбка.

Эпилог

Жозефина Пеллегрини наблюдает за сидящим на берегу Абсолютным Предателем. Облик вора уже исчез, словно сброшенная кожа, и теперь существо приняло ребяческий образ Матчека Чена с его невозмутимой улыбкой. Но в глазах нет ни малейшего следа Прайма: остался только вечный неутолимый голод. Она вздрагивает и отворачивается к морю.

— Я всегда думала, что ты и меня заберешь, — говорит Пеллегрини.

— В конце концов я заберу все, — отвечает Абсолютный Предатель. — Но ты мне еще нужна.

На коленях, словно подобранный на пляже камешек, он держит камень Каминари — пространство и время в форме двух молитвенно сложенных рук.

— Матчек ошибался. Камень не зря отказался открыться ему. Он был создан для того, чтобы ты его открыла.

Он протягивает камень Жозефине. Она смотрит на него: главный камень зоку, тайна Вспышки, ключ к замкам Планка. Ладони Жозефины алчно обхватывают камень, и он раскрывается в ее руках, словно цветок.

Что-то белое падает на песок. Жозефина поднимает. Это маленький прямоугольник из бумаги. Визитная карточка.

Она читает текст, выведенный ровным округлым почерком.

> Жан ле Фламбер,
> джентльмен-грабитель,
> вернется, когда у вас будут настоящие камни зоку.

Через мгновение карточка растворяется в воздухе.

Миели остается одна в темноте. Она видит появление *губернии* на орбите Земли и вызванные ее присутствием возмущения. Одно только ее приближение приводит к разрыву Ковша, а тучи над голубой планетой бурлят, словно пена в котле. Из *губернии* на колыбель человечества падают темные предметы — машины фон Неймана или что-то еще хуже. Очертания континентов начинают меняться, и над голубоватым мрамором планеты нарастает темная оболочка.

Чен пожирает Землю, думает она. Все кончено для Сирра, и для всех его историй, и для потерянных аль-Джанна.

— Видишь, что ты наделала? — Голос Пеллегрини в ее голове источает ярость. — Я разорву тебя за это на части. Не будет тебе ни Сюдян, ни смерти, ни прощения. Я предупреждала, что я не слишком милосердная богиня. Как только мои сестры вернутся ко мне, я…

— Делай, что хочешь, — бросает Миели. — Я больше не работаю на тебя.

Она внутренне готовится к боли. В какой-то мере даже ждет ее. Она заслуживает ее: за Сюдян, за «Перхонен», возможно, даже за вора.

Внезапно ей на глаза попадается что-то блестящее. Голубой овал, меньше ладони. Даже в вакууме от него исходит слабый цветочный аромат.

Камень зоку. «Перхонен» выбросила меня вместе с камнем зоку.

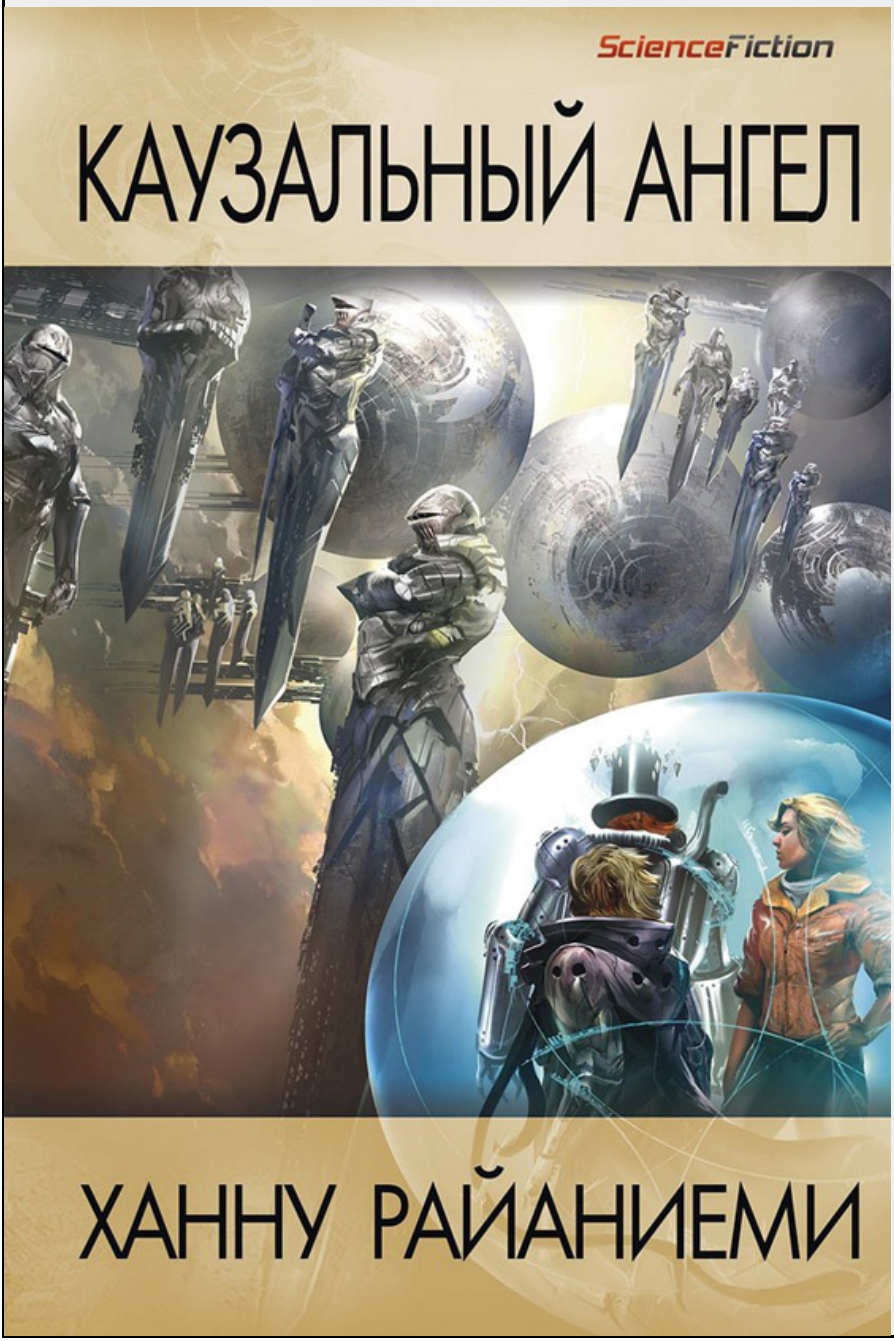
Он шепчет ей, и голос Пеллегрини превращается в далекий шум дождя.

Отнеси меня домой, мысленно просит она камень. *Отнеси туда, где мое место.*

Сияние камня усиливается. Довольно долго ничего не происходит. Но спустя целую вечность Миели оказывается на корабле, на корабле зоку. Ее окружают странные существа. Сверкающие колеса с лицами посередине, кольца камней, напоминающие Солнечную систему в миниатюре. Они выглядят как ангелы, или как фигуры на картах таро. И кого-то напоминают.

— Мама, — шепчет Миели и безгранично счастливая погружается в сон за мгновение до возвращения домой.

КАУЗАЛЬНЫЙ АНГЕЛ



Он оборвал фразу и топнул ногой.

— Вы сбили с толку Люпена!

Неужели вы никогда не изменитесь, неужели до конца своей жизни не откажетесь от цинизма и злобы? Поговорим серьезно, черт побери! Время пришло, пора стать серьезным, сейчас или никогда!

Морис Леблан. 813

Представить конец света, будучи ребенком, скорее всего, невозможно. Худенькая девочка, несмотря на разразившуюся войну, больше, чем смерти, больше, чем конца света, боялась беспредельной скуки, никчемности бытия и однообразных, проходящих один за другим дней.

А. С. Байетт. Рагнарек. Гибель богов

Вот тогда Ситон усмехнулся.

— Что ж, ты всегда знал, что сильнее всего на свете я люблю делать вещи больше и лучше.

Э. Э. «Док» Смит. Жаворонок ДюКеси

Пролог

Жозефина Пеллегрини в одиночестве стоит на неподвластном времени пляже; конец света ее разочаровал.

Солнце почти село, лишь над безбрежной гладью моря остался оранжевый отблеск. Земной шар висит в небе. Вокруг него на бело-голубом фоне, словно разлитые чернила, тянутся навстречу друг другу темные щупальца. Драконы Матчека Чена растут, поглощая материю, энергию и информацию. Скоро они начнут вгрызаться в кору умирающего мира, чтобы высосать остатки подземной бактериальной биосферы. Когда падет этот последний бастион жизни, драконы сожрут друг друга, и останется только мертвый шар из пыли и камня.

Как в день Рагнарека. Но тогда он ознаменовал блистательное рождение нового, а сейчас происходит окончательная гибель древней, давным-давно увядающей плаценты.

И все же ради Матчека Жозефина продолжает наблюдать: это

его последний шаг перед торжеством Абсолютного Предателя. Прекрасный, гениальный и опасный Матчек. С его грандиозными и в то же время немного детскими поступками, за которые она его и полюбила. Некоторое время Жозефина позволяет себе с тоской вспоминать его огненный взгляд и спокойную улыбку.

Она даже прощает ему, что он заключил ее в этой мыслеформе. Она *стара*, как кокон плоти, из которого Жозефина появилась на свет несколько столетий назад. Мелкий белый песок холодит босые, изрезанные венами ноги. Она обхватывает плечи руками, защищаясь от холода, и видит, как обвисли мышцы покрывшихся гусиной кожей рук. Острая боль клешнями краба пронзает поясницу. *Самая жестокая тюрьма — это старость*.

А она в своей победе проявила бы милосердие. Она ведь только хотела показать Матчеку, как надо управлять Вселенной. И освободила бы его через некоторое время.

Но ее подвели инструменты. Вероломная и неблагодарная Миели взбунтовалась в самый критический момент, отказавшись от блестящего будущего, уготованного ей Жозефиной.

И еще ее Жан.

Вор предал ее. Камень Каминари, ключ к замкам Планка, ради похищения которого Жозефина вытащила его из преисподней, оказался подделкой — вор создал ее несколько десятков лет назад, чтобы посмеяться над ней. Он дорого за это заплатит. Дикий код поглотил его на корабле Миели, но это слишком слабое наказание.

Инструменты всегда ломаются. Она должна была помнить об этом.

И вот она в плену у Абсолютного Предателя. Он оставил ее здесь, после того как обнаружил послание внутри камня.

В конце концов я заберу все, сказал он. *Но ты пока еще мне нужна.*

Как будто она тоже инструмент, которым можно воспользоваться, а затем выбросить. Ведь это Жозефина послала Миели вызволить Абсолютного Предателя из тюрьмы «Дилемма», это она позаботилась, чтобы неблагодарное существо спряталось в разуме вора и было готово освободиться, если Жана поймают. И все шло великолепно, пока он не завладел Матчеком и не заразился манией величия.

Его необходимо проучить.

Глубокий вдох морского воздуха помогает Жозефине раздуть искру обжигающей ярости, зародившуюся в груди.

Она не останется в плену извращенного существа, появившегося в результате неудачного эксперимента в одной из теплиц для гоголов Саши. Она разрушит эту ничтожную тюрьму

детских воспоминаний Матчека, как он разрушил Землю.

Абсолютный Предатель совершил глупость, оставив ее в одиночестве.

Она медленно садится, не обращая внимания на ломоту в костях. Руки зарываются в песок. Он еще хранит дневное тепло. Она пропускает песок между пальцами. Мелкие кристаллы ловят последний отблеск солнца. Она пристально смотрит на них, стараясь разглядеть контуры песчинок, все неровности.

Ни один вир, ни один механизм защиты не может быть идеальным — это она прекрасно усвоила благодаря Жану. А это всего лишь вир-сон, слепок с древнего аль-Джанна, эта камера не предназначена для заключения Основателя. Если присмотреться внимательнее, в здешних пустотах должны быть гоголы-демиурги, творцы виртуального мира.

Все верно. Под ее пристальным взглядом ткань вира едва заметно вздрагивает. В образовавшуюся трещину Жозефина посылает свой код Основателя: *маленький красный предмет, и еще ложе, и клятву*. Вуаль реальности слегка приподнимается, и под ней прощупывается твердь, жесткие ребра, скрывающиеся под мягким песком. Да, конечно, она заключена кодом Матчека. Но она уже слышит шепот.

Кто? Основатель! Сяо! Страшно! Демиурги дрожат и разбегаются от ее прикосновения, но она обращается к ним, уговаривает их. *Подождите. Стойте. Играем!*

Этот копиклан ей знаком. Его гоголы трудолюбивы, по-детски непосредственны и очень, очень одиноки.

Они проявляют любопытство и слушают ее. Она улыбается. Пусть ее поместили в ветхую мыслеформу, пусть ее лишили статуса Прайма, но она все еще Жозефина Пеллегрини, она прожила невероятно долгую жизнь и умеет обращаться с гоголами. Она остается в заключении, но если она сумеет подчинить демиургов, возможно, ей удастся создать собственную частичную тень, способную проскользнуть в трещину.

Сначала испытание.

Нарисуйте мне небо, говорит она. *Широкое и далекое. Нарисуйте Систему.*

Гоголы радостно бросаются выполнять задание. Именно это и приказал им их хозяин: создавать вир, как создают сны, наполнять его историями, собранными другими гоголами во внешнем мирю, и историями, рассказанными внутри.

Появившееся небо полыхает огнями войны.

Жозефина видит, как Система бурлит, словно растревоженный муравейник.

Демиурги представляют ее в виде галактики, где каждая звезда — это корабль. По Магистрали, гравитационной артерии Системы, движется поток беженцев — это незначительные цивилизации Пояса, которые давным-давно толпились вокруг сияющей Соборности, греясь в ее лучах. Они бегут, считая, что настало время великой интеллектуальной жатвы. Жозефина усмехается: они должны быть счастливы служить Великой Всеобщей Цели.

Все это предстает перед ней тенями на стене пещеры по сравнению с тем, что она могла бы разглядеть миллиардами глаз, находясь в статусе Прайма, но Жозефина уверена, что демиурги видят ее сияющей от радости.

Хорошо поработали. Теперь покажите мне моих сестер.

Небосвод расширяется, на нем появляется Солнце, забранное сетью солнцедобывающих машин Соборности и заводов интеллектуальной материи, проявляется многомерная карта *районов, областей* и *губерний,* а в них — многогранных виров и бесчисленных множеств гоголов, напоминающих нейронные узлы в колоссальном мозге Соборности. Космическая паутина мысли. Мозг в состоянии войны с самим собой.

Ее сестры сражаются с василевами и сянь-ку. Это исчерпавшее себя противостояние, которому предшествовали столетия и субъективно воспринимаемые эпохи интриг и вероломства. Она знает, что копиклан пеллегрини проиграет. Воинствующие разумы и оружие Основателей равны между собой, и только количество имеет значение.

Но еще не все потеряно. В голове Жозефины уже разворачивается схема. План, способный объединить всех Основателей, — то, к чему она стремится в первую очередь. Абсолютный Предатель еще может остаться ее инструментом, этот противник заставит примкнуть к ее лагерю даже василевов и сянь-ку. Саша последует за ней, а потом подтянутся и остальные…

Жозефина хмурится. В ходе битвы что-то не так. Отражение мириад ее сущностей искажается в небе, словно в кривом зеркале.

Внезапно перед ней проявляются контуры замысла Абсолютного Предателя. Это апокалипсис, о котором Матчек не мог и мечтать, катаклизм, сотканный из орбит, сражений и мыслевихрей.

Долгое время она наблюдает за ходом войны. Это все равно что смотреть в дуло револьвера, видеть, как неотвратимо поворачивается барабан, слышать щелчок, предшествующий грохоту и вспышке, стирающей все цвета, кроме черного и белого.

И только тогда она понимает, что представляет собой

Абсолютный Предатель.

Она закрывает глаза, ложится на холодный песок и вытягивает руки вдоль тела, словно труп. Она вслушивается в равномерный шум моря.

Он хотел, чтобы я это увидела, думает она. *Он знал, что я собираюсь сделать. И потому оставил меня здесь.*

Впервые за много столетий внутри нее растет пустота и желание покончить со всем и сразу.

Ты грустишь? спрашивают ее демиурги. *Мы покажем тебе что-нибудь еще! Мы художники неба, строители мира, певцы и преобразователи!*

Она сжимает руки в кулаки так, что ноют костяшки пальцев. Затем садится и смотрит на темнеющий берег. Ее следы ровной цепочкой повторяют изгиб прибоя.

Жозефина поднимается.

Теперь моя очередь вам кое-что показать, говорит она. *Если вы мне поможете, мы сумеем создать вам друга.*

Мы слушаем! Мы сделаем! Мы создадим! раздается ей в ответ хор демиургов.

Она идет вдоль берега, устало ступая по собственным следам. У ног плещутся холодные волны.

В небе начинается настоящее светопреставление. Жозефина не обращает внимания. Она занята. Из песка и воспоминаний она строит свою последнюю надежду.

Глава первая
ВОР И ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Мы едва успеваем пройти орбиту Марса, как Матчек познает все истины Нарнии и помогает мне отыскать след Миели.

— История не может на этом закончиться! — говорит он, откладывая книгу.

Это большой потрепанный том с фиолетовой обложкой, где на круглой, похожей на окно иллюстрации изображены сражающиеся армии. Матчек поднимает фолиант обеими руками четырехлетнего мальчика, но не справляется, и в результате книга шлепается на стол передо мной.

«Последняя битва», К. С. Льюис, читаю я, сдерживая вздох. *Это вызовет серьезные вопросы.*

Последние несколько субъективно воспринимаемых дней в крошечном вире нашего корабля под названием «Шкаф» прошли довольно спокойно. Я создал этот мир на основе рассказанного Матчеком сна. Это пропахший ладаном лабиринт высоких книжных стеллажей, хаотично заполненных томами самых разных

цветов и размеров. Обычно мы с Матчеком сидим за грубо сделанным деревянным столом маленького кафе в ярком свете рассеянных солнечных лучей, проникающих сквозь витрину.

Снаружи — нарисованная на воображаемом стекле — бурлит бесконечным движением Магистраль. Тысячи световихрей, скал-кораблей, штиль-кораблей, лучевых ракет и прочих разнообразных судов в сиянии солнечных парусов «Шкафа» сверкают мириадами фрагментов. А в глубине, в тени, синие и серебристые книги с фрактально сжатыми мыслями людей, джиннов и богов Сирра перешептываются между собой шелестящими голосами.

До сих пор Матчек спокойно читал книги, подперев подбородок кулаками. Меня это вполне устраивало: я был занят тем, что в предсмертной агонии Земли отыскивал следы Миели.

— Они просто не могут погибнуть! Это несправедливо! — заявляет Матчек.

Я перевожу взгляд на него и заставляю свою личную Магистраль — камень зоку, изумрудный диск с тонкими молочными прожилками внутри, подаренный дружелюбным китоморфом, — вращаться вокруг пальцев.

— Послушай, Матчек, — говорю я. — Хочешь, покажу фокус?

Мальчик отвечает неодобрительным взглядом. У него честные и яркие глаза, и этот пронизывающий голубой взгляд совсем не сочетается с его округлым детским лицом. Он вызывает у меня неприятные воспоминания о том, как взрослая сущность Матчека схватила меня и разобрала мой мозг на отдельные нейроны.

Он складывает руки на груди.

— Нет. Я хочу знать, нет ли в этой истории другого финала. Этот мне не нравится.

Я закатываю глаза.

— Обычно существует только один финал. Почему бы тебе не почитать другую книгу, раз эта пришлась не по вкусу?

Сейчас у меня нет настроения продолжать разговор. Мои слуги — рой агентов в общедоступных источниках, дистанционно выпущенных из крыс и круглых червей, — прочесывают спаймскейпы Системы в поисках информации о разрушении Земли. В голове у меня нескончаемая вереница кват-образов, холодные брызги информации из потока кораблей, проплывающих за старинными стенами нашего судна.

И каждый образ — словно движение стрелки, отсчитывающей время, которое отпущено Миели.

Живой сигнал от вакуум-ястреба с Цереры. Зернистое

изображение, записанное светочувствительным бактериальным слоем на солнечных крыльях хрупкого космического не обладающего разумом существа, которое преследует самку своего вида в окрестностях Земли. Слишком нечеткое. Следующее.

<СПАЙМ>, перехваченный с комплексной развернутой антенны зоку на Ганимеде, общедоступный канал.

У меня замирает сердце. *Неплохо.* Гиперспектральная запись событий, произошедших несколько дней назад, вспыхивает у меня перед глазами сполохами полярного сияния, многоцветные полотна радужного света в мельчайших деталях отображают одновременно поверхность Земли и окружающее пространство. Драконы мрачными провалами темнеют в каждом слое, но я не обращаю на них внимания. Мысленно приказываю приблизить участок, соответствующий второй точке Лагранжа и облаку технологического мусора, где должна быть «Перхонен». *Давай же!*

— Но я хочу знать, — доносится издалека настойчивый голос. — Кто был Императором? Что было за морем? И почему Аслан уже не лев?

Спайм-изображение достаточно четкое, чтобы отследить пространственно-временной след и историю каждого синтбиотического фрагмента и мертвого наноспутника в этом космическом Саргассовом море. Вот только «Перхонен» здесь тоже нет, хотя корабль Миели должен был находиться где-то поблизости. Я шепотом произношу проклятья.

— Ты сказал плохое слово!

Где-то далеко-далеко Матчек дергает меня за рукав.

Я разочарован. Вся доступная информация носит следы искажений, даже те данные, которые содержат исключающие возможность подделки опознавательные знаки сенсоров зоку. Этому нет разумных объяснений, если только искажения не вносятся умышленно. Мне остается только гадать, не слишком ли поздно предпринимать поиски.

Черт побери, где же она?

Я тру глаза и отправляю разведчиков проверить избранные сети на Магистрали, чтобы узнать, не заметил ли это явление кто-то еще. Потом позволяю полученным кват-образам таять в пелене фоновых помех. Внезапно накатывает приступ острой тоски по разумным гоголам «Перхонен». Но но самому кораблю я тоскую намного сильнее.

— Зачем им понадобилось в самом конце смотреть ему в лицо?

В подобной ситуации необходимо точно знать, что ответить.

— Послушай, Матчек, я очень-очень занят. Мне надо работать.

— Я могу тебе помочь. Я умею работать.

— Боюсь, тебе будет скучно, — осторожно возражаю я. — Это занятие для взрослых.

Мои слова не производят должного впечатления.

— Мама тоже всегда так говорила, но однажды я пошел с ней на работу, и получилось очень весело. Я обрушил рынок квантовых ценных бумаг.

— У меня не такая интересная работа, как у твоей мамы.

Не успев договорить, я осознаю свою ошибку.

— Я тебе не верю. Я хочу попробовать!

Он тянется к моему камню зоку. Я поднимаю руку, верчу его в пальцах, и камень исчезает.

— Матчек, чужие вещи нельзя брать без разрешения. Помнишь, что я тебе говорил? Помнишь, почему мы здесь?

Он опускает взгляд.

— Мы спасаем Миели, — бормочет он.

— Правильно. Красивую леди с крыльями, которая тебя навещала. Поэтому я к тебе вернулся. Мне нужна была твоя помощь. И поэтому мы оказались на борту «Шкафа». Я ведь позволил тебе выбрать название для корабля, верно?

Он кивает.

— А от кого мы спасаем Миели?

— От всех, — отвечает Матчек.

Позаботься о ней. Ради меня. Обещай. Так говорила «Перхонен».

После атаки Охотника Соборности корабль пытался спасти Миели, выбросив ее в космос. В тот момент, насколько я понимаю, это было неплохой идеей.

Проблема в том, что Миели уже два десятка лет служит Соборности, и в ее голове живет гогол Основателя. В Системе слишком много желающих заполучить эту информацию, тем более сейчас. К примеру, разведка зоку, которую они называют Большой Игрой. Они неплохие ребята, но когда найдут Миели, очистят ее разум, как апельсин. Пеллегрини, василевы, сянь-ку или чены и вовсе не склонны проявлять какую-либо деликатность. Не говоря уже о компании наемников на Земле, куда Миели проникла.

Мы должны ее отыскать, пока ее не нашел кто-то другой. И прошло уже несколько базовых суток.

Даже если я узнаю, где она, добраться туда будет нелегко. Наш прекрасный корабль, наш «Шкаф», — это всего лишь клубок карбоновых нанотрубок внутри капсулы из интеллектуальной материи размером с косточку вишни, который движется по

Магистрали к Сатурну вдоль Пояса благодаря солнечным парусам не больше воздушного змея. Корабль вырвался из пули Вана, снаряда весом три тысячи тонн. Для того чтобы оторваться от погибающей Земли, потребовался ядерный заряд в сто пятьдесят килотонн. Осколки защитной оболочки до сих нор парят вокруг нас, составляя трехмерную головоломку из стали и бора — и легких клочков использованного тормозного геля, который тянется за кораблем, словно лента туалетной бумаги, брошенной из окна автомобиля. Для высокоскоростной погони по всей Системе я выбрал бы другое судно.

А если я отыщу Миели и она узнает о судьбе «Перхонен», прольется много крови. По большей части моей.

Я легонько сжимаю плечи Матчека.

— Все правильно. От всех.

— Я тоже хочу помочь Миели.

— Знаю. Но сейчас ты можешь помочь только тем, что будешь сидеть тихо и читать книжки. Ты можешь это сделать?

Он хмурится.

— Принцесса обещала, что нас ждут приключения. Она ничего не говорила о том, что тебе все время придется работать.

— Что ж, Принцесса не знает всего.

— Я *понимаю*. Вот поэтому я и хотел с тобой поговорить. Я думал, ты мой друг.

У меня в груди внезапно возникает пустота.

Не хотелось бы в этом признаваться, но я взял его с собой исключительно из эгоистичных побуждений: его аль-Джанна был единственным местом на Земле, которое Драконам Чена запрещено трогать.

И есть еще одно обстоятельство: не так давно я был готов похитить его душу.

— Конечно, я твой друг, Матчек. Что же тебя так расстроило в этой книге?

Он подпрыгивает на одной ноге, потом на другой, и снова обращает на меня свой чистый взгляд.

— Это место похоже на Нарнию? — спрашивает он. — И на самом деле мы оба мертвы?

Я удивленно таращу глаза.

— Почему ты так говоришь?

— Если подумать, то так и получается. Я помню, как вошел в белую комнату мистера Перенны. Я как будто был болен. Там была кровать, а потом я оказался на пляже, и опять хорошо себя чувствовал. Я никогда не думал об этом, пока был там. Я просто играл. Папа и мама сказали, что я могу остаться и поиграть

подольше. Они обещали вернуться, но так и не пришли. Я как будто спал, а Миели появилась и разбудила меня.

Так, может, в реальном мире я умер, а пляж — это Нарния, и ты — мышь Рипичип?

Матчеку было четыре года, когда копию его разума спрятали в аль-Джанна. И его последнее воспоминание относится к посещению загрузочной страховой компании вместе с родителями; все остальное — это только бесконечный день на берегу. Сейчас он считает, что один из его вымышленных друзей, которого он называл Принц-цветок, вернулся и взял его с собой в путешествие. Я не могу заставить себя сказать ему, что его родители умерли несколько веков назад, а мир, в котором он жил, пожирают Драконы, созданные его же взрослой сущностью.

— Матчек...

Я на мгновение задумываюсь, прикидывая различные варианты. Я мог бы вернуть его гогола на несколько дней назад, заставить забыть все обо мне и Последней Битве. Я мог бы воссоздать пляж, и мальчик играл бы там еще целую вечность.

Я глубоко вздыхаю. На этот раз Миели оказалась права. Есть черта, которую невозможно переступить. Я не посмею превратить Матчека в управляемого гогола, каким был сам. И я не собираюсь строить для мальчика тюрьму.

Я беру маленькую ладошку Матчека в свою руку и легонько сжимаю ее, подыскивая подходящие слова.

— Ты не умер, Матчек. Смерть — это совсем другое, я-то знаю. Но реальность может быть различной. Твои родители ведь не верили в нас? В меня, в Принцессу, Солдата и Кракена?

Мне трудно спокойно произносить эти имена. Вымышленные друзья Матчека — или их далекие потомки, Аун, вызывают у меня сильное беспокойство. Они считают меня одним из них и спасли от дикого кода в атмосфере Земли, но «Перхонен» не спасли.

Матчек качает головой.

— Это из-за того, что мы живем в невидимом для них мире. Но это не Нарния. Как только мы отыщем Миели, обещаю вернуть тебя в реальный мир. Но сначала мне необходима твоя помощь. Договорились?

— Ладно.

Он шмыгает носом, а я с трудом сдерживаю вздох облегчения.

Затем он снова заглядывает мне в глаза.

— Принц?

— Да?

— Я всегда забываю истории, увиденные во сне. Дети всегда забывают Нарнию. Я буду тебя помнить, когда вернусь?

— Конечно. Ты будешь меня помнить.

Слово эхом отзывается в моей голове. Помнить. С безумной улыбкой я подхватываю Матчека и крепко обнимаю его.

— Матчек, ты гений!

Я искал следы Миели в общедоступных источниках, информация в которых искажена неизвестными мне силами. Но есть в Солнечной системе место, где помнят все. И секреты там хранятся лучше, чем где бы то ни было.

Установить анонимный кват-канал с Королем Марса нелегко, но теперь у меня появился план, и я стараюсь изо всех сил. Матчека я убедил заняться алгоритмически сгенерированной нейроадантивной фантастической книгой конца двадцать первого столетия, и надеюсь, что на некоторое время она его отвлечет.

От Марса нас отделяют несколько световых минут, поэтому я замедляю субъективную скорость времени, чтобы симулировать разговор в реальности. Я создаю субвир и вхожу внутрь: никаких изысков, просто фрагмент моего визита к предкам сянь-ку старой Земли, обычный парижский бар для эмигрантов, где царит мирная дружеская суета.

В первое мгновение я только наслаждаюсь вкусом коктейля «Отвертка». Строго говоря, мы с сыщиком были противниками, и я не хотел бы обращаться к нему за помощью, даже если бы он не был сыном Раймонды, моей бывшей возлюбленной. Я еще раз оцениваю свои возможности, но иного варианта не вижу, и отправляю первый кват, не забыв присоединить к посланию дружескую усмешку.

Как поживаешь, мой Король?

Не называй меня так, приходит ответ. **Ты себе не представляешь, что это такое.** Кват приносит ощущение сердито сжатых зубов, и это вызывает у меня улыбку.

Ты заслужил этот титул, Исидор. И должен ему радоваться.

Жан, что тебе нужно? Я не ожидал, что снова тебя услышу. Только не говори, что хочешь вернуть свои Часы.

Да, парень явно научился показывать зубы.

Часы можешь оставить себе. Как я помню, тебе приходилось опаздывать на свидания, по крайней мере, так говорила Пиксил.

Я даю ему немного времени, чтобы это обдумать, но мне некогда долго ждать.

Мне нужно нечто другое. Твоя помощь. Это срочно.

Что произошло на Земле? В его вопросе чувствуется нетерпение. **Ты имеешь к этому какое-то отношение?**

Тебе лучше не вдаваться в подробности. А относительно происшедшего — я и сам не прочь бы это выяснить.

Я отсылаю ему сведения о попытках отыскать Миели, адаптированные к марсианским разделенным воспоминаниям.

Исидор, кто-то искажает все источники информации, которые мне только удается найти. Экзопамять Ублиетта, вероятно, избежала общей участи. Если уж ваши коды представляют трудности для Соборности, то и остальным пришлось бы с ними повозиться. Мне надо просмотреть все имеющиеся у вас воспоминания, которые касаются наблюдений за Землей и Магистралью за этот период.

Ответ Исидора полон лихорадочного энтузиазма.

Это напоминает мне Царство — создание прошлого, только в большем масштабе! Чтобы получить эти воспоминания, мне придется воспользоваться Ключом Криптарха. Кто же решился на такие колоссальные усилия?

Возможно, тот, кто действительно боится вторжения Драконов. Это единственное стоящее объяснение, найденное моими миньонами в болтовне на Магистрали.

Или тот, кто не хочет, чтобы нашли Миели, мысленно добавляю я. Хотя и не имею представления, кому могло прийти в голову задействовать огромные ресурсы, чтобы спрятать одну оортианку, даже если она и служит Жозефине Пеллегрини.

Поторопись, пожалуйста, Исидор. И не вмешивайся в это дело. Тебе надо править своей планетой.

В Соборности вспыхнула гражданская война: обычные законы уже не действуют. Если обнаружат, что у тебя есть Ключ, придут и к тебе. Не нарывайся на неприятности.

Я так и думал. Ты ничего не понимаешь, отвечает Исидор. **Вот, получи.**

Канал кват-связи заполняет плотный поток сжатых разделенных воспоминаний. Я сбрасываю их в архив и радуюсь, что сохранил в экзопамяти все инструменты и ключи василевов, полученные во время последнего короткого визита в Ублиетт.

Спасибо, Исидор. Я твой должник. Передай от меня привет Раймонде. Я стараюсь скрыть горьковато-сладкое чувство за вкусом водки с лимоном, который и посылаю вместе с кватом.

Передам. Но, Жан, зачем ты пытаешься отыскать Миели? Она сражалась вместе с Раймондой, ее корабль спас нас от фобоев, и мы благодарны ей за это. Но чем ты ей обязан? Ты ведь теперь свободен, и можешь идти куда захочешь. На этот раз горечь чувствуется в его послании. **Насколько я знаю Миели, она сама может о себе позаботиться. Почему ты так стараешься ее спасти?**

Вопрос застает меня врасплох. Я возвращаю время к обычной скорости, чтобы иметь возможность немного подумать. Исидор прав. Я могу пойти куда угодно. Я могу стать кем угодно. Могу отправиться на Сатурн или еще дальше, найти кого-нибудь, кто позаботился бы о Матчеке, а потом снова быть Жаном ле Фламбером.

Однажды «Перхонен» спросила меня, что я буду делать после окончания миссии. Сейчас, когда я об этом думаю, мне кажется, что я стою на вершине отвесной скалы. В животе все сжимается от страха. После освобождения из тюрьмы во мне мало что сохранилось прежним. Что мне осталось, кроме обещаний?

И потом, у Миели еще есть шанс. Всю жизнь она стремилась вернуть свою утраченную любовь, и все напрасно. Так всегда бывает с теми, кого коснулась рука Жозефины Пеллегрини, и мне это прекрасно известно.

Потому что это то, что должен сделать Жан ле Фламбер, шепчу я через канал кват-связи. **Остерегайся неприятностей, Исидор.**

После этого я закрываю канал и погружаюсь в изучение информации, и в конце концов обнаруживаю Миели в памяти цветов.

Эта информация получена рассредоточенным телескопом Ублиетта. Как и большая часть местных технологий, телескоп скорее похож на произведение искусства, чем на научное оборудование: синтбиотические цветы с фоточувствительными лепестками, образующими полномасштабное изображение, сеются по пути следования марсианского города. Подобно широко раскрытым глазам, они изучают небо до тех пор, пока их не съедают фобои.

Сведения поступили в виде фрагмента экзопамяти Ублиетта, и потому воспринимаются как воспоминания. Я внезапно вспоминаю, что увидел в небе крошечную точку. В отличие от настоящих воспоминаний, как только я фокусирую взгляд, изображение становится все отчетливее, и вскоре я уже различаю похожие на паутину солнечные паруса «Перхонен». Потом происходит вспышка, и от корабля отделяется какой-то мелкий предмет.

Вот и она. Я слежу за Миели глазами цветов.

Миели парит в пустоте, переворачивается и кувыркается, пока к ней не подходит другой корабль, корабль зоку, построенный в виде стеклянной модели планетной системы. Зоку в своем истинном обличье — облака фоглетов вокруг человеческих лиц со сверкающими ореолами — высыпают наружу

и окружают ее. А потом Миели исчезает, а корабль с приличным ускорением направляется к Магистрали.

Я созываю своих миньонов. Для идентификации спасителей Миели через спаймскейпы Магистрали им требуется всего несколько мгновений. «Боб Говард», судно зоку Радужной Таблицы, — один из кораблей-администраторов, используемых для поддержания сети маршрутизаторов. И, что очень странно, в данный момент он держит курс на Сатурн вдоль килоклик-луча, требующего немалых затрат. До города Супра он доберется примерно через семнадцать дней. Не слишком эффективное использование ресурсов для системного администратора зоку, особенно если учесть непредсказуемую ситуацию во Внутренней Системе.

Я соединяю перед собой кончики пальцев и размышляю. Миели забрала Большая Игра зоку, теперь сомнений в этом быть не может. Один из их агентов на Радужной Таблице, вероятно, увидел возможность получения информации и приказал доставить Миели на Сатурн. Конечно, они могли пропустить ее через Врата Царства, превратить в кванты информации и переправить туда при помощи маршрутизатора почти со скоростью света, но у Миели имеются боевые имплантаты Соборности, и при прохождении через Врата Царства они могли самоуничтожиться. Нет, они решили доставить ее всю, до последнего атома, возможно, в биостазисе.

Я осушаю свой стакан, откидываюсь назад и погружаюсь в волны неумолкающих в баре разговоров. *Время еще есть.* План уже зарождается у меня в голове. Жаль, что «Шкаф» не в состоянии так быстро добраться до Сатурна. Недостатки корабля из аль-Джанна касаются не только эстетической стороны.

Но Исидор прав. Теперь я *действительно* свободен: если не считать раздражающе навязчивой защиты от копирования, когнитивные оковы, наложенные Жозефиной, почти полностью исчезли. С тех пор как мы покинули Землю, я все время думаю о *другом* моем корабле, *настоящем корабле* под названием «Леблан», который спрятан в Арсенале Ганклуба на Япете. Если бы я только смог вовремя туда добраться...

Или если бы смог замедлить развитие событий.

Неопределенность закончилась. Я снова стал самим собой. И погружаюсь в разработку плана. Мне потребуются инструменты. *Схема квантовой пирамиды. Пара физических тел, крупица компьютроциума, группа связанных ЭПР-пар и несколько особых водородных бомб...*

Я намерен забрать ее у тебя, Жозефина. Я хочу ее похитить.

К моему удивлению, схема пирамиды получается довольно просто.

Вы стали Навигатором четвертого уровня!

Вместе с этим кватом я получаю приятное ощущение сцепленности с Магистраль-зоку — это награда за открытие нового координационного баланса, который помог разрешить конфликт траекторий при прохождении юпитерианской точки Лагранжа. Стоит ли говорить, что сначала я сам создал этот конфликт, воспользовавшись ботнетом.

Предлагаем контракт по проводке масс-потока: сбор фрагментов, обозначенных в <СПАЙМ>, и доставка их к Япету. Предложение: комбинаторный тендер на коридор до Япета или эквивалентного пункта Магистрали.

Корабль китоморфов — огромный водяной пузырь, удерживаемый синтбиотической мембраной, с экипажем из гибридов гоминидов и китов — выразил желание принять предложение по сбору фрагментов пули Вана и доставке их к Сатурну. Я оставляю себе мысленное напоминание рассмотреть предложение позже: сейчас я еще не готов с ними расстаться.

Выражение. Пожелания. Коллектив. Присоединяйтесь.

Этот кват сопровождает гул тысяч скоординированных голосов. Крупный игрок: венерианский парящий город, временно преобразованный в космический корабль, «Вепайя», перевозящий высококачественный компьютрониум Соборности. Я трачу несколько миллисекунд, чтобы привлечь его внимание, и высылаю квантовый контракт. Город не читает то, что написано мелким шрифтом. Это трудно — точнее, NP-трудно, — подлинность контракта не поддается проверке путем вычислений в пределах срока существования Вселенной.

Земная катастрофа убедила обитателей миров Пояса в том, что Соборность начала кампанию активного поглощения. Магистраль перегружена, и беженцы, покидающие Внутреннюю Систему, оспаривают друг у друга скоростные и экономичные траектории. Я один из предприимчивых разумов, предлагающих проходящим неподалеку кораблям результаты вычислений для поиска лучших коридоров, выводящих за пределы Внутренней Системы, и преимущества сцспленности с Магистраль-зоку. Суть в том, чтобы внедрить в контракт простейшую квантовую программку, которая позволяет мне урвать малую толику от всего, что получают члены коллектива, — и внести алгоритмические предложения для некоторых траекторий, что сделает их весьма соблазнительными.

Корабль-скала урсоморфов «Йог-14» атакует «Веспера» и «Целомудрие» с Цереры.

Я морщусь. Нежелательный побочный эффект. Урсоморфы на своем корабле-скале, по форме напоминающем кремневый топор длиной несколько километров, созданном при помощи синтбио и ядерного пламени, отказываются признать, что сбились с курса. Над этим судном парят расплывчатые корабли-медузы церерианцев. Магистраль-зоку предпринимают все меры, чтобы минимизировать последствия, посылают собственные ку-корабли и перемещают световые вертушки, чтобы направить поток в обход расширяющейся сферы боевых действий.

Разрыв масс-потока в коридоре на Сатурн. Корабль-струя «Бабл Бобл» покупает место в масс-потоке.

Световая вертушка на орбите Марса недоступна.

Запрос доступа сатурнианского килоклик-луча к инвариантной поверхности Пуанкаре.

Предложение о покупке контракта на прохождение по сатурнианскому килоклик-лучу.

Я перестаю дышать. Вот в чем прелесть работы с зоку — камни заставляют их действовать по воле большинства. И вот я уже с удовлетворением наблюдаю, как Магистраль-зоку переводят «Боба Говарда» на менее скоростной луч. Выигрыш невелик — возможно, еще одна неделя, — но мне этого достаточно, чтобы добраться до Сатурна почти одновременно с зоку Радужной Таблицы. Будем надеяться, что Большой Игре не удастся за это время окончательно сломить Миели.

И теперь у меня достаточная степень сцепленности, чтобы выторговать инструменты, необходимые для работы на Япете.

В вир «Шкафа» я возвращаюсь с улыбкой.

В книжном магазине идет снег. Большие белые снежинки плавно слетают из тени, скрывающей потолок. Книжные стеллажи стали похожи на заснеженные деревья, вместо столика появился высокий столб с чугунным газовым фонарем и пятном дрожащего желтоватого света под ним. Дыхание мгновенно превращается в пар. Холодно. Матчека нигде не видно.

Откуда-то издалека доносится звон маленьких колокольчиков. Цепочка мелких следов ведет в сумрак за стеллажами. На снегу ярко выделяется красная с серебром обертка от конфеты. *Рахат-лукум*.

— Матчек! — кричу я, но голос теряется в снегу.

Никакого ответа. *Как, черт побери, ему удалось настолько изменить вир?*

Я прячу ладони под мышками, чтобы согреться, и неуверенно верчу в памяти код Основателя, надеясь устранить изменения, внесенные будущим богом-императором Солнечной системы.

В затылок ударяет снежок.

Пока я удивленно моргаю, за шиворот течет холодная слякоть. Где-то в темноте смеется Матчек. Я все еще потираю шею, когда приходит кват. Исидор?

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Я старательно сосредоточиваюсь на фрагменте экзопамяти: быстро мелькающие вспышки в марсианском небе, яркая звезда между чьими-то пальцами.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен увидеть…

Голос сыщика теряется в мелькании изображений. Фобос падает с неба. Столб света на горизонте. Землетрясение, вся планета гудит, словно колокол, Ублиетт теряет равновесие.

А потом тишина.

Глава вторая
МИЕЛИ И ГОРА

Ты должна подняться на гору и отыскать ведьму.

Крутые склоны и чашевидная вершина скрываются за кружевными облаками. Гора стоит одиноко в своем совершенстве и не обращает внимания на узкую тропинку, проложенную людьми и извивающуюся перед тобой, словно нить, скрепляющая рану.

Ты обдумываешь путешествие, перебираешь все варианты. Один за другим, как бусинки на нитке, как драгоценные камни в ожерелье.

Ты поправляешь катану на поясе и начинаешь подъем. Ветер доносит струйку дыма. Где-то позади к небу поднимается белый столб.

Твоя деревня еще горит.

Гаки[83] нападают ранним вечером, когда ты поднимаешься на отрог горы.

Ты уже стоишь выше облаков, и последние лучи солнца окрашивают их верхние слои синим и пурпурным. С заснеженного склона горы налетает холодный ветер, несущий крошечные снежинки. Дыхание Юки-онна[84], белой ведьмы. Она знает о твоем приближении.

Наверху склон горы изрыт углублениями. Гаки медленно встают из них, словно бледные языки из черных ртов.

Это истощенные и морщинистые существа с раздувшимися животами, полными черной крови. Они принюхиваются, потом начинают спускаться, сначала неуверенно, но вскоре пускаются

вприпрыжку.

Катана по собственной воле покидает ножны и сверкает серебром.

Первый гаки шипит и протягивает к тебе скрюченные руки. Доносится тошнотворный запах: экскрементов, мокрой земли и гнили. Твоя катана описывает в воздухе молниеносную дугу. Из обрубка руки гаки плещет пепельно-серая кровь. Он пятится, злобно щелкая зубами и сверкая желтыми глазами.

А потом ты видишь двоих его сородичей, поднимающихся по склону справа. Они торопливо бегут назад вниз и готовы напасть сбоку.

Недалеко внизу есть скальный выступ с огромным камнем, который мог бы защитить от нападения сзади. Но добраться туда можно только по крутому заснеженному склону.

Решение заставляет принять гаки. Он бросается прямо на тебя, словно желая напороться на лезвие катаны. Ты с легкостью уклоняешься и подрубаешь ему ноги.

Гаки катится вниз по склону, и ты следуешь за ним безумными прыжками по перекатывающимся под ногами камням. И только молишься, чтобы не подвернуть лодыжку.

Ты едва не падаешь с обрыва, но вовремя останавливаешься и, тяжело дыша, разворачиваешься лицом к врагам. Спину защищает камень, но спереди сужается полукруг гаки, шипящих, щелкающих зубами и брызжущих слюной. Ты ждешь. Поднимается ветер. Неплохое место, чтобы умереть. Ты жалеешь лишь о том, что Юки-онна избежит твоей мести и удержит при себе душу твоей возлюбленной. Ты легко взмахиваешь катаной, словно каллиграфической кисточкой, и готовишься написать хокку смерти.

В шею стоящего в центре гаки вонзается оперенная стрела. Следом за ней сверху по дуге летят еще стрелы, поражая его соседей. Ты быстрыми танцующими шагами бросаешься вперед, рубишь направо и налево. Головы гаки скатываются вниз по склону горы.

Из-за упавших гаки появляется ронин[85]. Он — или, судя по изящной фигуре, она — держит в руке нагинату[86], а лицо закрыто маской усаги[87], перечеркнутое крестом белое лицо демона-кролика. Она чертит клинком полукруг, расчищая вокруг себя пространство, затем делает выпад и пронзает грудь гаки. Она останавливается, чтобы взглянуть на тебя. Из-под маски сверкают ее глаза.

Твоя стремительная катана и длинная нагината дополняют друг друга, и битва быстро заканчивается.

Ты как будто вернулась в додзё[88], и даже на неровном

склоне самые сложные приемы получаются легко, и гаки падают вокруг, словно снопы. В конце концов они разбегаются, оставив обезглавленные тела товарищей и скользкий от крови склон.

И тогда ты первой отвешиваешь поклон.

— Благородный ронин, — говоришь ты. — Я обязана тебе своей жизнью.

Она тоже кланяется и снимает маску. У нее смуглое лицо и слипшиеся от пота длинные черные волосы.

— Это честь для меня, — отвечает она. У нее мягкий негромкий голос, словно шелест шелка, стирающего кровь с клинка. — Без тебя я и сама пала бы жертвой гаки.

Ты снова кланяешься.

— Что же ты здесь ищешь, усаги-сама?

— Ведьму Юки-онна, причинившую мне зло, — отзывается она.

Ветер усиливается.

— Недоброе имя. Я тоже ее ищу.

— Может, мы объединим наши усилия и вместе осуществим свою месть?

Ты в нерешительности молчишь.

— Я должна сама пройти свой путь, — говоришь ты после паузы. — И преодолеть опасности горы.

— Я понимаю. Но мы обе прошли немало. Давай будем охранять сон друг друга этой ночью, а утром каждая пойдет своей дорогой.

Ты киваешь. Вы возвращаетесь на тропу и продолжаете восхождение, и усаги-ронин идет впереди. Ты стараешься не обращать внимания на звучащий в голове шепот, от которого остается привкус огня и серы, и щека горит, словно к ней только что прикоснулся раскаленный металл.

Миели, ты сглупила, произносит голос. *Миели, проснись.*

В рощице жалких низких сосен вы останавливаетесь на ночлег. Ты долго сидишь молча за скудным ужином из рисовых хлебцев.

— Не окажешь ли мне честь, позволив нести дозор первой? — спрашивает усаги-ронин, как только ты заканчиваешь есть.

Принять ее предложение означает признать собственную слабость, и ты качаешь головой. А может, она создание ведьмы, и послана, чтобы сбить тебя с пути? Говорят, что на склонах этой горы все в ее власти. Но и ты сама в ее глазах можешь быть точно такой же. Возможно, она оказывает тебе честь своим предложением. Вы долго смотрите друг на друга, но затем она отводит взгляд и готовит постель. Ты киваешь, кладешь катану на

колени и смотришь на огонь, а она ложится спать.

Вокруг тебя шелестят ночные голоса горы. Крики птиц, шорох ветра и далекий вой других, более опасных существ сливаются в один голос, и он обращается к тебе.

Не доверяй ей, Миели. Она одна из них.

Ты отмахиваешься от него. Это наверняка голос баку, пожирателя снов, слуги Юки-онна.

Но у тебя в груди пустота, и тело спящего ронина каким-то образом заполняет ее. Пламя пляшет, словно стремительный и яркий веер гейши. Мелькающие тени рисуют перед тобой крылья бабочки. А может, это сердце.

Спустя некоторое время ты вдруг обнаруживаешь, что усаги-ронин сидит на своем коврике и смотрит на тебя.

— Ты выглядишь усталой, — говорит она. — Теперь твоя очередь отдыхать. Я разбужу тебя при первых признаках рассвета.

Ты ложишься и засыпаешь, глядя на нее.

Во сне к тебе приходит Юки-онна. Она выглядит совсем не так, как рассказывают легенды, но в них же говорится, что она способна принимать множество обличий. К тебе она является женщиной-гайдзин[89] в странной белой одежде, с золотисто-каштановыми волосами и с бриллиантовым ожерельем на шее.

— Миели, у меня мало времени, — говорит она. — Они пытаются меня отыскать. Не доверяй кролику. Это Царство зоку, игра. Если бы это был вир, я могла бы тебе помочь, но здесь я бессильна. Они пытаются тебя разыграть. Они создают условия, чтобы манипулировать тобой и добиться доверия. Мой брат Основатель у них этому научился. Не важно, что они тебе наговорят, это Большая Игра зоку. Во время Протокольной войны ты воевала против них за меня. Они этого не забыли. Ты должна выбраться из их Царства, как только сможешь, пока они меня не обнаружили.

Ее лицо становится суровым.

— Ты предала меня, но я тебя никогда не предавала. Я могла бы самоустраниться и оставить тебя им. Помни это. Помни.

Потом она растворяется, и продолжается сон. В пустоте летит гигантская бабочка. Проходит пронырливый человек с усмешкой Царя обезьян. Лихорадочные иллюзии, навеянные ведьмой.

Ты просыпаешься под взглядом усаги-ронин. Она предлагает тебе кружку с водой; костер уже погас, небо посветлело. Ты вздрагиваешь от холода, набираешь в рот тепловатой жидкости и смотришь на спутницу. Конечно, это ведьма горы обладает множеством лиц и обманов, а не женщина-ронин, которая так благородно сражалась с тобой плечом к плечу?

Сон оставил странный горьковатый привкус во рту. Как будто ты съела персик.

— Я приняла решение, — говоришь ты. — Мы вместе будем взбираться на гору.

Склон горы продувается всеми ветрами. Они приносят дождевые капли, жалящие, словно осколки стекла. Усаги-ронин разматывает с пояса шелковый шнур, и ты штурмуешь отвесную скалу в связке с ней. В одном месте камень осыпается под твоей ногой, и ты повисаешь над бездной на тонкой веревке. Усаги вытягивает тебя. Шелк режет ее ладони, но она не жалуется.

После восхождения в словах уже нет необходимости. Ваши судьбы теперь связаны между собой шелком и кровью.

По мере подъема ощущение чьего-то враждебного присутствия становится все сильнее; возможно, его поддерживает злобный ветер и неизменно угнетающий ландшафт. Громада горы вызывает страх и страстное желание взлететь. В голове не утихает шепот о том, что все твои действия обусловлены не волей, а Книгой Перемен, поворотом игральных кубиков, что вы с ронин ничего не способны достигнуть, что вы должны быть сломлены и повержены. Ты пытаешься игнорировать этот шепот, но заглушить его все труднее.

К полудню небо становится серым. Начинается сильная снежная буря, и вам приходится искать укрытие в руинах древнего синтоистского храма.

Налетает стая тэнгу. Птицелюди с черными крыльями, грубыми лицами, с носами-клювами и загнутыми железными мечами. У них пустотелые кости и легкие тела, и твои удары раскидывают их, словно тряпичных кукол. Но их много, и вам приходится отступать в глубину храма.

Пока усаги-ронин сдерживает их натиск, ты находишь свиток у ног статуи Будды, читаешь вслух священный текст, и его сила прогоняет тэнгу. Ронин ранена, коготь тэнгу прошелся по ее ребрам. Ты старательно перевязываешь ее, но теперь при ходьбе она опирается на свою нагинату.

Перед закатом вы взбираетесь на край кратера и видите дворец Юки-онна.

Люди говорят, что он меняет свои очертания и не похож ни на одну крепость, возведенную человеческими руками. Он впивается в дно кратера каменными когтями. Стены белые, как кость. Три стены, одна выше другой, покоятся на сером каменном основании. На стенах растут изломанные голые деревья, а на тебя смотрят темные щели бойниц. К стенам прилепились низкие

сторожевые будки. Все это напоминает гнездо гигантской хищной птицы.

Железные входные ворота распахнуты, ждут тебя. Ты идешь по длинному коридору через первый двор, чувствуя себя совершенно беззащитной. Потом поднимаешься по узкой крутой лестнице, проходишь через маленький внутренний дворик и пустые башни. За тобой наблюдают лица, и тебе кажется, что в них ты узнаешь мертвых врагов.

Внутри третьего кольца стены стоит огромный дворец. Его охраняют темные самураи с заржавевшими мечами, но они пропускают тебя внутрь.

Тронный зал освещен бледно-голубым пламенем факелов. И вот, наконец, Юки-онна, белая, красивая и невероятно опасная. У ее ног притулилась знакомая фигурка в шелковом платье. Ее лицо закрыто распущенными волосами, рядом на полу кучка зерен. Она пересчитывает их. При виде нее у тебя замирает сердце.

— Тебе не следовало сюда приходить, — холодно произносит Юки-онна.

Ты снова ощущаешь во рту привкус горечи.

— Я уступаю тебе эту честь, сестра, — говорит ронин. — Своей отвагой ты заслужила право забрать ее жизнь.

У тебя во рту что-то перекатывается: это косточка от персика, ее неровные края царапают язык.

Ты плавным движением обнажаешь катану и вонзаешь клинок в живот усаги-ронин. Свет в ее глазах меркнет, а в твоем сердце вспыхивает боль сожаления.

— Я пришла не для того, чтобы забрать ее жизнь, — говоришь ты, — я хочу предложить ей свой меч. Я хотела бы, чтобы тебя забрала гора, или я могла бы умереть за тебя, но теперь слишком поздно.

— Отличная работа, дитя мое, — отвечает ведьма. — А теперь подойди и получи свою награду.

По ее знаку фигурка медленно поднимается с пола. Ты бросаешься вперед и обнимаешь ее. Она шуршит в твоих руках. В ней нет ни плоти, ни костей.

Это кукла, сделанная из ткани.

Смех у Юки-онны резкий и холодный, и голубой, словно солнечный свет на снегу. Ты выпускаешь из рук куклу своей возлюбленной и падаешь на колени.

Катана с жадностью и без сопротивления входит в твое тело. К твоему удивлению, ее лезвие вовсе не холодное, а горячее. Раскаленный металл замирает чуть ниже сердца. Ты сжимаешь рукоять обеими руками и поворачиваешь клинок вверх.

Ведьма исчезает, и вместе с ней исчезает весь мир. А потом

ты снова становишься Миели, дочерью Карху. Миели стоит на балконе, внизу тянется в туманную даль голубая лента канала. Лицо овевает теплый ласковый ветерок. А наверху простирается бескрайнее небо Сатурна, рассеченное надвое лезвием кольца.

Глава третья
СЫЩИК И СВЕТЛЯЧКИ

Король Марса может видеть все, но бывают моменты, когда он не хочет, чтобы видели его. Он идет по улицам Шагающего города Ублиетта невидимкой, под покровом гевулота. И, как обычно, Король опаздывает: на этот раз он не сразу смог ускользнуть от своих наставников-телохранителей. Небо над Марсом бледное, и яркое пятно за острыми зубьями кратера Эллада еще только предвещает появление Фобоса. И воздух холодный. В тени высоких зданий вдоль широких бульваров Края зажигаются жаровни, на тротуарах появляются желающие поужинать и выпить. Город мягко покачивается на ходу, и отдаленный гул его шагов успокаивает, словно размеренное сердцебиение. На поверхности все идет своим чередом.

Но Король — Исидор Ботреле — не верит в это. Он ощущает резкий и горький привкус страха, видит особую осторожность в походке людей, уже не доверяющих анонимности своего гевулота. Мимо рука об руку проходит улыбающаяся пара. Высокая женщина с красновато-смуглой кожей привлекает взгляд Исидора.

Он нечаянно задевает ее воспоминания и видит, как она, портниха Джеки, плакала навзрыд вместе с толпой, собравшейся на Устойчивом проспекте, наблюдая за гибелью Земли, мира, где она родилась.

Исидор встряхивает головой. Он способен слышать и помнить любой разговор, любую мысль в Ублиетте. Этот обоюдоострый дар достался ему от его отца-криптарха, искаженной копии Жана ле Фламбера, теперь заключенного в игле Тюрьмы и обреченного играть в бесконечную игру. Исидор может размышлять и дышать, лишь спрятавшись, но и тогда Ублиетт постоянно присутствует в его мыслях. Он понимает, как испуганы люди. В небесах появились гиганты, и мягкий свет уже не так успокаивает, как прежде.

Цель Исидора находится на южном краю города. Это маленький домик в обнесенном забором саду. Его круглые окна и янтарно-желтые бетонные стены выглядят довольно необычно, но их почти полностью скрывают сильно разросшиеся кусты белых

мечевидных роз «Торис»[90].

У самых ворот его настигает фрагмент разделенных воспоминаний, словно навеянных ароматом роз, вызвавшим в памяти строгий взгляд матери, Раймонды. Исидор вспоминает, что должен присутствовать на встрече с ней и другими наставниками — группой особых городских стражей порядка — и старейшинами зоку, чтобы обсудить проблему беженцев. Он вспоминает тщетные усилия орбитальных Спокойных, смятых потоком иммигрантов из Внутренней Системы. И Лоялистов — членов новой политической партии, которые настаивают на том, что Царство реально, а все, кто утверждает обратное, созданы зоку, и Исидор — только инструмент в их руках. Он вспоминает и о том, что мать намерена серьезно поговорить с ним и что он еще не настолько взрослый, чтобы не подвергаться порке.

Исидор вздыхает и сбрасывает воспоминание. В последние несколько месяцев заседания и обсуждения проходят постоянно. Он в них разочаровался: никаких решений не принимается, и каждый участник настаивает на своем. Ничего похожего на холодную красоту преступлений, головоломок или архитектуры. Теперь и это для него утрачено: он способен обнаружить самого хитроумного преступника, стоит только обратиться к воспоминаниям.

А вот в кват-послании Жана ле Фламбера, пришедшем три часа назад, содержится настоящая загадка.

Исидор посылает короткий вежливый фрагмент воспоминаний обитателю домика, подходит к двери и ждет. Его рука сжимает в кармане Часы вора.

Дверь открывает моложавый темнокожий мужчина. С первого взгляда его можно принять за собирателя Времени, который накапливает нематериальную валюту Ублиетта для продолжения жизни в теле Достойного, вместо того чтобы тратить ее на самоусовершенствование и предметы роскоши. Но у него гладкая блестящая кожа, что указывает на недавнее возвращение из состояния Спокойствия после прохождения через лабораторию Воскресителей.

— А, — произносит мужчина, Марсель Изольд, — Исидор Ботреле. Знаменитый детектив. Какая честь.

В его голосе звучит нотка иронии, а взгляд остается откровенно скучающим.

Исидор откашливается. Даже до недавних событий в нелегальных аналоговых изданиях Ублиетта его изображение появлялось довольно часто, а теперь и вовсе нельзя остаться неузнанным, если не пользоваться недопустимо плотным гевулотом.

— Я понимаю, время уже позднее, но нельзя ли...

Человек закрывает дверь. Исидор вздыхает, снова стучит и посылает очередной фрагмент воспоминаний. Дверь медленно открывается.

— Извините, что приходится вас беспокоить, но я надеюсь на вашу помощь, хотелось бы получить некоторые ответы.

— Здесь нет никаких ответов. Только тишина.

— По своему опыту могу сказать, что именно в тишине чаще всего можно их отыскать.

В карих глазах Марселя вспыхивает искра любопытства.

— Отлично, — говорит он. — В таком случае, вам лучше войти.

Похоже, что раньше дом принадлежал художнику, но теперь помещение больше напоминает гробницу. Здесь стоят скульптуры, покрытые пыльной парусиной, рабочий стол, заваленный десятилетиями копившимся хламом, старыми моделями из клейтроника, эскизами и причудливыми объектами. Единственными предметами искусства, представленными должным образом, остались картины, к которым прикреплены небольшие фрагменты ускользающих воспоминаний. Они посылают Исидору вспышку информации о любви двух молодых людей.

— Все равно уже пора пропустить стаканчик, — произносит Марсель. — Могу я вам что-нибудь предложить? Похоже, вам не помешает выпить. Ничего удивительного, ведь вы так заняты улучшением этого мира.

— Вы так говорите, словно не одобряете этого.

— О, я думаю, ваши усилия достойны высших похвал, только они сейчас немного значат. Скоро всех нас проглотят, и надо наслаждаться оставшимся временем. Вот как сейчас.

Марсель открывает бар из красного дерева и достает бутылку коньяка и пару бокалов. Он до краев наполняет их темно-янтарной жидкостью и протягивает один бокал Исидору. В глубине комнаты слышится тихое журчанье арс нова[91].

— Это очень мрачная точка зрения, — отвечает Исидор. — Но я выпью за сохранение мира.

Марсель молча поднимает свой бокал и улыбается. Исидор вдыхает пары коньяка, начинает кашлять и делает маленький глоток. До сих пор он не пробовал избавиться от постоянного давления экзопамяти при помощи наркотиков. Кроме того, алкоголь делает его разговорчивым, а в данных обстоятельствах это может ему навредить.

— Это реалистическая точка зрения, — отзывается Марсель.

— С тех пор как произошел Коллапс, мы играли незавидную роль. И я почти не удивился твоему открытию, узнав, что наше драгоценное Царство — это всего лишь задуманный зоку обман. Да и теперь мы недалеко продвинулись. Мне кажется, мы всегда были игрушками, экспериментальными моделями в некоторой точке Омега[92], где выигрывает Соборность.

— Но Соборность не выиграла. Пока еще не выиграла. Вот потому я сюда и пришел.

— А. Идеализм. Геройство. Отлично. Чем же я могу помочь вам спасти мир?

— Сегодня утром один... один человек попросил моей помощи. Похоже, что информация о неком важном событии, произошедшем за пределами Ублиетта, утраченная во всех других архивах, сохранилась в экзопамяти. Я пытаюсь выяснить, есть ли там еще уникальные сведения, которых больше нигде не осталось.

— Понимаю.

Марсель задумчиво проводит по губам указательным пальцем.

— К вам нередко заходил Поль Сернин, не так ли? Он отдал вам Часы.

Слова вылетают быстрее, чем он успевает задуматься. Когда вор попросил о помощи, Исидор вставил еще один фрагмент в старую нерешенную головоломку. *Что обнаружил на Марсе Поль Сернин?* Этого не смог узнать даже сам вор, и Исидору очень хотелось бы увидеть лицо ле Фламбера, когда он даст ему ответ на этот вопрос.

Марсель со стуком ставит бокал на стол. Коньяк при марсианской гравитации лениво плещется по стенкам.

— Да. Да, он так и сделал. А потом забрал мое Время, забрал просто потому, что это доставляло ему удовольствие, потому что это было частью его плана. И он притворялся моим другом, потому что ему было удобно.

Исидор вздыхает. ле Фламбер — в облике человека по имени Поль Сернин — двадцать лет назад спрятал что-то в воспоминаниях своих друзей, а недавно вернулся, чтобы забрать это. В результате девять человек были преждевременно отправлены в загробную жизнь Ублиетта, и Раймонде с Исидором стоило больших трудов убедить Воскресителей позволить им вернуться.

— Советую быть осторожным, когда разговор заходит о Поле Сернине, — произносит Марсель, прищурившись. — Раньше я этого не замечал, но вы похожи на него. Только не говорите, что это очередной эпизод его игры.

— Нет, я могу дать слово, что это не так, — отвечает Исидор. — Совсем наоборот. Я пытаюсь понять, почему он это сделал. Мне важно знать, почему он к вам приходил. Может, хотел получить доступ к воспоминаниям вашего друга?

— Совенка? А он-то какое к этому имеет отношение?

— Вот это я и пытаюсь выяснить. Прошу вас, это очень важно. Не только для меня, но и для всего Марса.

— Понимаю. — Марсель проводит рукой по выбритой голове. — Думаю, это возможно. Я не давал ему разрешения, но он действительно оставил мне эти проклятые Часы. Наставник говорил, что он каким-то образом умудрился спрятать что-то и в моих воспоминаниях. А с Совенком мы делились абсолютно всем, у него не было от меня секретов. Так что Поль Сернин мог добраться до воспоминаний Совенка через мой гевулот. Но что ему это давало, мне непонятно.

Исидор глубоко вздыхает.

— С вашего разрешения, я хотел бы на них взглянуть. Я имею в виду воспоминания. В особенности касающиеся той ночи, когда произошла Вспышка. Я хочу понять, зачем вернулся сюда человек, которого вы называете Полем Сернином, что он здесь искал. Существует какая-то связь, я чувствую ее, и она затрагивает гражданскую войну Соборности, Вспышку и то, что произошло с Землей. Если мы хотим, чтобы Марс выжил, мы должны в этом разобраться.

— Гм. — Марсель невесело усмехается. — И вы считаете, дело того стоит? Спасать мир, даже если он построен на обмане?

— Да, стоит, — отвечает Исидор. — Не все иллюзии несут зло. Иногда они просто необходимы. Меня научил этому мой отец — мой приемный отец.

Марсель долго смотрит на Исидора, потом поднимает бокал.

— Хорошо. Проходите и познакомьтесь с моим возлюбленным. Его зовут Совенок.

Совенок, окутанный лечебной ценой, сидит у окна и смотрит наружу. В комнате стоят свежие цветы, а ароматизированные свечи испускают слабый запах лаванды. Это определенно самое чистое помещение в доме. Из окна открывается вид на марсианскую пустыню. Город проходит через кратер Эллада и оставляет за собой длинные щупальца оранжевой пыли.

Из горла Совенка вырываются гулкие металлические звуки, словно кто-то щелкает ногтем по жестяной банке. Тело Достойного сохранило свою молодость, но у него лицо немощного старика, и челюсть немного отвисла. В глазах пустота. И гевулот вокруг него разорванный, как клочья тумана.

Марсель целует его в щеку.

— Как я понимаю, вам известно его состояние?

— Я получил некоторые сведения. Изменения в его мозгу, произошедшие в момент Вспышки, непонятны Воскресителям: в микроканальцах остался квантовый конденсат, наводящий на мысли о древних теориях сознания, но это искусственно вызванное явление. Его нельзя перевести в состояние Спокойствия, поскольку конденсат может разрушиться, и Воскресители не в силах предсказать, к чему это приведет.

— Он такой уже двадцать лет. — Марсель вздыхает. — Я живу надеждой. Квантовое состояние не может быть вечным. Возможно, он еще выкарабкается, а я подожду. И я живу скромно, чтобы растянуть свои дни.

— Вы ведь знаете, мы пытаемся изменить ход вещей, — говорит Исидор. — Возможно, ему сумеют помочь зоку. Я мог бы поговорить с...

Марсель печально улыбается.

— Я больше не могу доверять богам, — отвечает он. — Прошу вас, делайте то, зачем пришли. Ему скоро ложиться спать.

Исидор кивает, крепко сжимает Часы вора и извлекает из своего сознания Ключ, который открывает все двери памяти.

Экзопамять Совенка проходит перед ним, но Исидор оставляет без внимания большую часть воспоминаний и сосредоточивается лишь на полете на планере над Лабиринтом Ночи. На времени Вспышки.

И вот он вспоминает, как пролетает над каньоном Ио и смеется над страхами Марселя.

Совенок считает, что Марсель порой ведет себя совсем как *девчонка*. Чтобы его успокоить, он поднимает планер выше, и они любуются звездами. Прекрасная ночь. Иногда он не может понять Марселя, его одержимости работой и его стремления остаться в одиночестве. Но в ночном небе кажется, что им суждено всегда быть вместе.

И конечно же, именно этот момент Марсель выбирает для своей новости.

— Я подумывал о том, чтобы уехать, — говорит Марсель.

— Хочешь уехать? — переспрашивает Совенок. Где-то глубоко-глубоко в его груди Исидор чувствует укол разочарования. — И куда бы ты направился?

Марсель разводит руками.

— Не знаю. Куда-нибудь. — Он прижимает ладонь к гладкой, прозрачной стенке планера. — Тебе не кажется, что глупо придерживаться здешнего цикла? Здесь все какое-то нереальное.

Совенок начинает злиться. *Что же я для него? Часть глупого цикла? Временное развлечение перед более важными и большими делами?* Он позволяет себе выплеснуть раздражение в словах.

— Разве не в этом заключается твоя работа? Ощущать нереальное?

— Нет, — отвечает Марсель. — Я делаю нереальные вещи реальными и реальные вещи более реальными. И там это было бы проще. У зоку имеются устройства, обращающие идеи в предметы. Соборность утверждает, что зоку намерены сохранять все когда-либо возникающие мысли. А здесь...

Вот оно, думает Исидор, переходя к собственной сущности. За время своего царствования он научился сохранять струи личных мыслей в потоках чужих воспоминаний. Он просматривает застывшие мысли Совенка одну за другой. *Не из-за этого ли Марсель так привязан к Совенку? Не из-за того ли, что перед самой катастрофой сказал о своем намерении уехать?*

Время в воспоминаниях замедляет свой ход. Пальцы Марселя прижаты к стеклу. Между ними мерцает яркий ореол Юпитера. И вот следующее воспоминание, внезапный разрыв, словно клинком рассекающий нить мыслей Совенка.

Марсель порой ведет себя совсем как девчонка. Юпитер сияет между его пальцами. Внезапный разрыв...

Исидор вспоминает воспоминания, он погружается в память о памяти, словно в затягивающий бесконечный зеркальный тоннель. Пальцы Марселя движутся все медленнее и медленнее. Время вязкое и холодное, как будто он плывет против ледяного течения.

Ну конечно. Вор должен был оставить ловушку для любого, кто попытался бы его выследить. Провал в памяти, уводящий в бесконечность.

Но Исидор не обычный преследователь. Он воплощает все. Он Король Марса, и в экзопамяти для него нет секретов.

Он сопротивляется течению потока, снова прибегает к помощи Ключа и неохотно решается воспользоваться его *другой* функцией: доступом к потайным входам памяти, позволяющим редактировать и искажать воспоминания. Ключ раскаленным лучом прикасается к ловушке и расплавляет ее. Время устремляется вперед, словно свора спущенных собак. Юпитер взрывается под рукой Марселя и превращает его пальцы в красные пылающие колонны. Перед глазами Совенка дождем осыпаются звезды. А потом к Исидору обращаются квантовые боги.

Первый голос явно принадлежит ребенку. И Исидору кажется,

будто кто-то осторожно держит его за руку двумя пальчиками.

Ты живешь на острове под названием каузальность, произносит голос. Это маленькое местечко, где результат следует за причиной, словно поезд по рельсам. Ты идешь вперед по отпечаткам ног бога на берегу. Зачем это делать, если можно сразу броситься в волны и разбрызгать воду?

Смех. Он ощущает радость от разлетающихся в стороны сверкающих на солнце брызг, пальцы ног зарываются в песчаное дно, и он сознает, что может подпрыгнуть и плюхнуться в воду только ради того, чтобы поднять еще больше брызг.

Каузальность. Это линза, сквозь которую мы смотрим на вещи. Расстановка событий. В квантовом пространстве-времени она не однозначна. Сюжет, события, следующие одно за другим. Зов приключений, путешествий и загробной жизни. Перерождение. Примирение.

Нет, не так. Это только один путь возможного развития.

Слушай. Мы все объясним.

Другой голос, голос взрослого мужчины, похожий на голос матери Пиксил по сцепленности, на голос Старейшей, с тем же оттенком древней усталости.

Эту идею уже разрабатывали в двадцатом столетии, думали, что пространство-время поддается исчислению. Испытывали ее в последние дни Большого адронного коллайдера, когда научились получать крошечные черные дыры. Расчеты основываются на горизонте событий черных дыр, а потом они сталкиваются друг с другом и исследуется информационный парадокс, чтобы определить, что сильнее: квантовая гравитация или машина Тьюринга и ее квантовые варианты. Достойное задание для мощного БАКа, еще не остывшего после обнаружения первых бозонов Хиггса.

Проносится череда картин, изображения грифельных досок и огромных гудящих в тоннеле машин, расстроенные лица перед экранами. Это разочарование, когда две части не подходят друг к другу, когда не устанавливается взаимосвязь, Исидору хорошо знакомо.

В ярких вспышках столкновений никто не подозревал ничего плохого. Поначалу исходящий поток казался сплошным шумом. Потребовалось множество экспериментов, но результат был очевиден. Ответы содержатся здесь, но они закодированы. Пространство-время — не просто компьютер, это надежный квантовый компьютер. И для работы с ним требуется ключ, способный открыть замки шкалы Планка.

Возникло убеждение, что есть другой закон природы, другой предел времени, другой Второй закон термодинамики. Идея была

забыта на долгие времена. До тех пор, пока не родились мы.

Кто мы такие и как возникли?

Это звучит третий голос, мягкий и согревающий, как коньяк Марселя. Он приносит Исидору ощущение безопасности.

Мы Каминари: светлячки, недолговечные, летящие на огонь.

Когда наступил Коллапс и больше никто не мог жить на Земле, мы позаботились о себе. Мы погрузили свои материальные тела в грузовые отсеки разрабатывающих астероиды кораблей, наспех оборудовали их системами жизнеобеспечения, свой разум и ранние камни — грубые ионные ловушки и алмазы, удерживающие медленный свет, — прикрепили к ракетам и запустили их к Юпитеру и Сатурну. В то время, когда мир вокруг нас рушился, они уносились ввысь, словно светящиеся Кал-Элы[93].

И вот тогда началось настоящее приключение.

Мы росли, разделялись и множились. Мы создавали камни, чтобы хранить в них то, что нас определяло, — наши отношения друг с другом, то, что невозмошю копировать, а можно только подарить или похитить. Мы строили Царства, в которых можно было играть. Мы окутывали интеллектуальной материей целые планеты. Мы вели войны с Соборностью. Мы создавали маленькие светила, чтобы согреть оортианцев.

А теперь мы состарились. Игра в Каминари утратила свою увлекательность. Но замки Планка остались и продолжают возбуждать наше любопытство. Нам кажется, мы знаем, что скрывается за ними.

Голоса сливаются в хор и звучат одновременно.

Время творения. Бескрайнее залитое солнцем море.

Мы выполнили большую часть работы. Мы нашли решение в самом неожиданном явлении: в Коллапсе, в нашем собственном зарождении. Начало скрыто внутри конца.

И нам нужна твоя помощь, чтобы воплотить его в реальности.

Если ты согласен покинуть свой островок, протяни нам руку. Прими нашу сцепленность. Объедини свою волю с нашей.

Так мы сможем стать тобой. Так мы все сможем выйти в море.

Перед Исидором появляются три освещенные фигуры. Они протягивают к нему руки, и в их ладонях сияют звезды. Он открывает им свои объятия и принимает предлагаемый ими свет. Его пальцы переплетаются с пальцами незнакомцев, и вот он уже не один, а множество, он узелок в паутине света, охватывающей всю Систему, он часть чего-то непонятного, но может прикоснуться к этому через свет Юпитера, мерцающий в пальцах Марселя.

Миллиарды разумов принимают предложение Каминари, и ткань сцепленности ширится со скоростью света, простирается от Марса до Земли и Сатурна и еще дальше. Исидор не понимает, как это происходит, но на Юпитере яркость света преобразуется в ключ, и он входит в замок.

Нет. Остановись, кричит хор Каминари. Исидор и сам чувствует: что-то не так. Одна из нитей ткани внезапно натягивается, словно аркан. Ловушка. Предательство.

Ткань распадается и занимается огнем. Далеко-далеко Каминари пытаются его остановить. Но для Исидора-Совенка слишком поздно. Свет поглощает его, и Юпитер умирает.

Исидор открывает глаза и моргает от света, но это всего лишь Фобос сияет ему в лицо. Он достиг зенита в своем кратковременном странствии по небу, и золотистые лучи освещают пыльные складки кратера Эллада. Исидор снова в комнате Совенка. Тайна Вспышки проносится в его мыслях, подобно отраженной лавине, отдельные фрагменты складываются в нечто большее, чего он не мог себе даже представить.

Он поспешно вынимает кват-передатчик и посылает вору интенсивную мысль.

Жан, ты себе представить не можешь, что я обнаружил!

Приложением к квату он вставляет фрагмент воспоминания о Каминари.

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен это увидеть.

Связь обрывается. Что-то случилось. В комнате слишком тихо. В воздухе веет озоном. Марсель неподвижно стоит рядом, широко распахнув глаза, приоткрыв рот.

И Исидор утрачивает связь с экзопамятью.

Гнетущая тишина настолько его поражает, что Исидор не сразу замечает присутствие четвертого человека — или, скорее, иллюзии человека — это черная безликая тень, на которую не падает свет. Над левым плечом парит серебряное ку-ружье зоку, похожее на ракету. Узкий конец угрожающе мерцает и следует за каждым движением Исидора.

— Прошу прощения за причиненные неудобства, — произносит тень. Голос можно принять за голос мужчины, но в нем слышится металл и какие-то помехи. — Я правильно это произнес?

Исидор мысленно производит подсчеты. Он не может точно определить, сколько прошло времени — возможно, всего несколько минут, — но ночному телохранителю, Футуристу, потребуется ненамного больше, чтобы его обнаружить. Он снова

обращается к экзопамяти, пытаясь отправить сообщение, но обнаруживает пустоту — точно такое же ощущение было во время посещения колонии зоку в Пыльном районе.

— Надо было оставить все как есть, — говорит тень. — Но сейчас еще не поздно все исправить. Отдай мне Ключ Криптарха, и я помогу тебе забыть.

— Почему?

— То, что ты обнаружил, представляет опасность. Для всех нас будет лучше, если я сотру это и из экзопамяти, и из твоей головы.

— Ты опоздал. Я только что отправил сообщение.

— Ага. Ладно. Мне доложили, что в этом направлении уже ведется работа. В любом случае это потребует отдельной оплаты. Но тебя это не касается. Я очень прошу, отдай ключ от экзопамяти. Я знаю, что тебе он все равно не доставляет радости.

— Ключ не принадлежит мне, и я не могу его отдать, — отвечает Исидор. *Надо выиграть время.* — О Ключе знают лишь немногие. Ты ведь из зоку Пиксил, не так ли?

— И да, и нет. У нас есть агенты во всех сообществах зоку.

— Но почему ты это делаешь?

Тень беспокойно шевелит руками.

— Потому что мы должны защищать тебя. Мы сохраняем стабильность. Мы сохраняем неизменность положения вещей.

Исидор пристально всматривается в тень.

— Это ведь вы, кем бы вы ни были. Это вы вызвали Вспышку. Вы помешали Каминари. И уничтожили Юпитер. Вы разрушили разум этого несчастного человека. И с тех пор вы заметаете следы. Зачем вам понадобилось искажать информацию об атаке Чена на Землю? Кто вы?

— Это неважно. Послушай, Исидор, если ты не согласишься добровольно, придется принять более решительные меры. Если мы не сможем изменить экзопамять, нам придется... уничтожить ее. Ситуация в Системе слишком неустойчива, и нельзя рисковать, позволяя найденной тобой информации попасть в чужие руки. Прошу тебя, всего несколько изменений ради всеобщего блага. Ты даже ничего не почувствуешь.

— Нет. — Исидора вдруг охватывает искренняя ярость. — Криптарх при содействии зоку долго нас обманывал. Больше мы этого не допустим.

— Ты не понимаешь. — Металлический голос тени звенит отчаянием. Ку-ружье светится все ярче. — Ты же понимаешь, я не хочу этого делать, но у меня нет выбора, я должен подчиняться волеизъявлению зоку. Я достану Ключ из твоего разума, Исидор. И постараюсь сделать это безболезненно.

— Пиксил говорила, что у вас всегда есть выбор, что вы всегда можете уйти.

Тень вздыхает.

— Она еще слишком молода и недостаточно сцеплена. Она все поймет. Исидор, ты напрасно пытаешься меня отвлечь. Твои наставники не успеют вовремя. Это ведь мы оснастили их технологическими устройствами, помнишь? Я могу контролировать их восприятие. А потом и их память тоже будет отредактирована.

Исидор на мгновение прикрывает глаза. Еще один фрагмент головоломки встает на место.

— Ты один из старейшин. Ты Сейджвин.

Тень расплывается, и на ее месте возникает истинный облик зоку — вихревая мандата фоглетов и драгоценных камней с лицом Сейджвина в центре, еще прикрытым съехавшей набок остроухой маской.

— Вот еще одна вещь, которую тебе придется забыть, — говорит он.

Исидор вынимает из кармана Часы вора. Они кажутся тяжелыми и холодят руку.

— Подожди.

— Ты не сможешь спрятаться в Спокойствии, Исидор, — произносит Сейджвин. — Я блокировал доступ к экзопамяти. Просто закрой глаза. Все скоро закончится.

— Это не мои Часы, — говорит Исидор. — Но Джастин Часовщик модифицировал их для меня. Мы, жители Ублиетта, не можем похвастаться достижениями зоку или Соборности, но и у нас есть свои умельцы. Я давно знал, что рано или поздно кто-нибудь придет ко мне за Ключом Криптарха, и потому принял меры предосторожности. — Внутри у него все сжалось, рука дрожит, но он выдерживает проницательный взгляд зоку. — Сюда встроен триггер Маха-Цендера, соединенный с моим мозгом. И микрограмм антиматерии. Этого достаточно, чтобы уничтожить нас обоих. И, безусловно, уничтожить сам Ключ.

Сейджвин принимает облик, в котором был во время их первой встречи, — грузный мужчина в голубой блузе с потрепанным подолом. Он понуро опускает плечи, выглядит уставшим и источает запах застарелого пота.

— Я предполагал нечто в этом роде. Ты мне нравишься, Исидор. Я всех вас люблю. Я хотел дать вам шанс.

— Мы вас остановим, — говорит Исидор. — Что бы вы ни задумали, у вас ничего не выйдет.

Сейджвин вздыхает, сцепляет руки за спиной и покачивается взад и вперед.

— И мы уже сделали это тридцать пять минут назад.

Старейшина зоку грустно улыбается.

— Я давно хотел сказать. — Он оборачивается и смотрит в небо. — В этом наверняка будут обвинять Соборность. И это тоже часть игры. Все подчинено цели.

Яркий белый свет снаружи резко обрисовывает силуэт Сейджвина. Тишина обрывается, Исидор снова ощущает поток экзопамяти. Через тысячи глаз он видит, как Фобос по неожиданно крутой дуге опускается за кратер Эллада. На горизонте поднимается белый столб. Все вздрагивает. Город спотыкается. Последнее, что видит Исидор, это Марсель, сжимающий плечо Совенка. Его печальный взгляд словно говорит, что Марсель обо всем догадывался с самого начала.

Исидор обращается к экзопамяти. Его мать в образе Джентльмена парит над крышами Ублиетта. Пиксил идет по агоре Устойчивого проспекта вместе со своей подругой Синдрой. Приемный отец Исидора, Спокойный, трудясь у подножия города, обращает взор на недостроенную стену, над которой все ярче разгорается свет. Слова не нужны. На мгновение их разумы соединяются, как части головоломки. Ярость Пиксил с мечом в руках, напрасная попытка Раймонды выстроить щит из фоглетов вокруг города, спокойствие отца, помещающего последний риголитовый кирпич на вершину стены, и Исидор перестает чувствовать себя одиноким в этом водовороте страха.

Как только он стирает последний фрагмент гевулота между собой и своими близкими, их мужество и любовь наполняют его, и неожиданно он/они понимают, что нужно сделать.

Ключ Криптарха поворачивается во всех замках разума в Ублиетте. Границы памяти исчезают, как будто их никогда и не было. Все гевулоты спадают. Все секреты раскрываются. Все воспоминания объединяются. Столетия, тысячелетия жизни сливаются в один миг.

По мере того как сингулярность Фобоса поглощает планету и все больше раскаляется, коллективный разум Ублиетта раскрывает миллионы глаз и без страха смотрит вперед.

Глава четвертая
ВОР И ГАНКЛУБ

Незадолго до того, как Япет поворачивает на юг, мы со старейшиной Ганклуба Барбикеном[94] наблюдаем, как дети зоку играют в глобальную термоядерную войну.

Мы пьем темный чай в отделанном красным деревом купе салон-вагона в сверкающем медью и бронзой скайтрейне

Ганклуба зоку. Поезд плавно скользит по золотистой дуге клубного орбитального кольца вокруг Япета, и его скорости хватает, чтобы обеспечить добрую половину *g* искусственной силы притяжения. За круглыми иллюминаторами открывается великолепный вид на поверхность сатурнианского спутника. Сейчас мы над областью Кассини, красновато-коричневым родимым пятном на белоснежной ледяной равнине. Это пятно делает спутник похожим на гигантский символ инь-ян. А внутри кратера Торжис, составляющего пятьсот километров в диаметре, виднеется миниатюрная Земля. Контуры континентов на зелено-голубом диске обведены серебристыми линиями.

— Они называют это реконструкцией общества холодной войны, — раскатистым басом произносит Барбикен.

Широким жестом блестящего фрактального отростка руки-манипулятора он показывает на картину за окном. Манипулятор тихонько звякает о стекло.

Янтарный хоровод драгоценных камней зоку вокруг его цилиндра, напоминающий Солнечную систему в миниатюре, придает Барбикену сходство с меланхоличным святым. В отличие от большинства зоку его сообщества, в основном теле старейшины еще остались биологические компоненты. У Барбикена голова пятидесятилетнего мужчины с внушительными рыжими бакенбардами, выдающимся носом и пронзительными голубыми глазами. Но все остальное создано искусственным путем: округлый чугунный торс, разветвляющаяся рука-манипулятор и более массивная конечность-оружие. Вместо ног у него латунные цилиндры — выхлопные каналы небольших ионных двигателей. От Барбикена исходит слабый запах машинного масла, полировочной пасты и лосьона после бритья.

— Для меня это слишком ново, дорогой Рауль, слишком ново! Но я аплодирую их энтузиазму. Они даже боеголовки сделали своими руками, на старинный манер. Синхротроны и плутоний! Ах!

Барбикен выражает свое удовольствие негромким рокотом.

Честно говоря, на этот раз им немного помогли. Я улыбаюсь, вспоминая, как в своем нынешнем облике Рауля д'Андрези[95], эмигранта и продавца антиквариата с Цереры, торговался с юнцами-зоку несколько дней назад. Дайте детям спички, и они начнут зажигать костры. Ничего не меняется.

Серебряное кольцо, проходящее вдоль крутого края кратера, есть не что иное, как Магический Круг зоку, означающий границу игровой площадки и внутренних законов реальности. На темном континенте Северной Америки булавочными головками светятся крупные города. На нем то и дело возникают слепящие вспышки

водородных бомб.

— Восхитительно, — говорю я, когда Восточное побережье рассыпается искрами ядерных взрывов.

Ответная реакция не заставляет себя ждать. Белые параболические дуги баллистических ракет костлявыми пальцами протягиваются к Москве и Ленинграду.

Внезапно в голове возникает вопрос: а что увидели в Ублиетте, когда начался огненный дождь?

Может, это дело рук Соборности, как утверждают появившиеся в Системе слухи. Или Жозефина пытается замести следы. А может, чены не желают активного присутствия зоку вблизи Внутренней Системы теперь, когда не стало Земли, служившей буфером. Или это василевы и сянь-ку не хотят ни с кем делиться разумами Ублиетта, за которыми они охотятся долгие годы.

Хотелось бы надеяться, что хоть одно из этих предположений верное. Тогда сохранилась бы вероятность, что граждане Ублиетта выживут, хотя бы в качестве гоголов. Но в глубине души я знаю, что все гораздо хуже.

Я же говорил ему не вмешиваться. Я говорил.

Марс погиб, а вместе с ним почти все, кого я мог называть друзьями, любимыми или партнерами. Раймонда. Исаак. Джилбертина. Сюэсюэ. Глупый, гениальный Исидор. И то, что осталось от моей второй сущности,

Жан ле Руа и его Тюрьма. Спокойные и фобои. Все погибло.

Они никогда не были твоими. Они принадлежали другому Жану, тому, кто их предал, тому, кто их бросил. Ты не должен по ним тосковать.

«Перхонен» была права, называя меня прекрасным лжецом. Но самые блестящие обманы я оставил для себя: они превосходно состряпаны, несокрушимы и сверкают, как камни зоку.

В глазах щиплет. Я непроизвольно потираю переносицу и замечаю пристальный взгляд Барбикена.

— Рауль? Не хочешь еще чаю?

Я улыбаюсь и мысленно даю себе подзатыльник. Нельзя расслабляться. Барбикен не просто стимпанковский киборг, а *играющий* в него сверхчеловек с квантовым разумом. Для зоку, конечно, это почти одно и то же. Для них все сводится к игре. Запах табака в салоне, столы и стулья из красного дерева, сделанные из револьверов канделябры с газовыми фонарями, лимонный привкус чая лапсанг сушонг — все это определяется Кругом поезда, все это игра, в которой мы, как цивилизованные джентльмены, беседуем в клубной гостиной девятнадцатого века.

— Нет, спасибо. Я просто подумал, что вы рано начинаете приучать их к ремеслу.

Барбикен вздыхает.

— Таково волеизъявление зоку, дорогой мой, ему невозможно противиться. Мы все созданы ради какой-то цели. Ну, конечно, за исключением нас, стариков. Молодежь так быстро подрастает, что я рядом с ними чувствую себя совсем древним! Завтра они начнут строить Царства и Круги и изобретать оружие, которого я и вообразить себе не могу. — Он хмурится. — Но, думаю, лучше уж так.

— Но ты не считаешь себя приверженцем культуры атомпанков?

— Ха! Конечно, нет! В неконтролируемых ядерных взрывах нет ничего прекрасного! С другой стороны, в твоем случае...

Ну, вот мы и дошли до дела. Я с трудом подавляю вздох облегчения. Барбикен любит поговорить, и за прошедший час я узнал об оружии намного больше, чем хотелось бы, — тем более после практических уроков, преподанных мне Соборностью в тюрьме «Дилемма». Но теперь мне ясно, что он не прочь купить то, что я продаю.

— Насколько я понимаю, предложение тебя заинтересовало?

— Рауль, ты же прекрасно знаешь, что я не могу пройти мимо подлинной пули Вана, выпущенной из пушки Верна зарядом в сто пятьдесят килотонн.

— Это я могу лично гарантировать.

— Грандиозно!

— Что ж, остается еще один небольшой вопрос относительно цены...

Я ставлю чашку и складываю руки на груди.

Он приподнимает брови.

— Ну, нам надо узнать, что думает по этому поводу Клуб. — Его глаза озорно поблескивают. — Ты позволишь мне отлучиться на минутку?

Я вежливо наклоняю голову. Вокруг нас на полу появляется серебристая граница Круга. Барбикен вскакивает со своего места и пересекает ее: его внешность незначительно меняется. Затем он поднимает разветвленный манипулятор. Рука превращается в золотое дерево, и его веточки легко касаются нескольких драгоценных камней венца, передавая предложение на обсуждение зоку.

Я почти уверен, что все это лишь показуха. Барбикен — старейшина, он достиг высочайшего уровня в своем сообществе действиями, в наибольшей степени отвечающими целям и желаниям зоку, — в данном случае, конструируя наилучшее

оружие и взрывающиеся устройства. Он без труда мог бы воспользоваться сцепленностью с остальными зоку, чтобы получить запрошенную мной незначительную плату: драгоценный камень зоку для сообщества в Супра, достаточно мощный, чтобы я смог создать собственный Круг в одном из самых фешенебельных районов сатурнианской столицы.

Вот только Барбикену неизвестно, что на самом деле ставки значительно выше.

Через несколько секунд он с улыбкой возвращается на свое место.

— Все отлично! Оболочка переправлена в Арсенал. А теперь выпьем, чтобы отметить эту сделку. Что-нибудь покрепче чая! Ты не возражаешь против...

В противоположном углу комнаты вспыхивают Врата Царства — светящийся голубой круг два метра диметром. Его появление сопровождается хлопком сжатого воздуха и легким запахом озона. Сквозь портал проходит зоку в своем истинном обличье: мерцающее облако утилитарного тумана, а в центре — надменное лицо, окруженное сверкающими камнями. Вновь прибывший вступает в Круг, и сразу же активируется ограничитель Шредера. Раздается шипение остывающих фоглетов, туман кристаллизуется сначала в статую, а затем в живую высокую женщину. Еще до полного появления она устремляется к Барбикену, распространяя вокруг себя напоенный сосновым ароматом ветерок.

— Во имя Верна, что ты творишь?! — восклицает она.

Это рыжеватая блондинка в довольно упрощенном варианте летной формы: короткий желтовато-коричневый китель оставляет открытым большую часть живота, на ногах грубые ботинки, а дополнением к костюму служат форменная фуражка, офицерский шарф и очки как у летчика-истребителя. Темные брови подчеркивают холодную красоту треугольного лица, алые губы сжимаются в тонкую линию.

— Что я творю? Что я творю? Добываю ценный исторический артефакт! — Барбикен недоверчиво осматривает женщину. — Чехова, дорогая моя, это не по правилам! Ты оскорбляешь нашего гостя! Рауль — настоящий джентльмен!

— Я знаю, кто он, старейшина, — отвечает Чехова. — Вопрос в том, знаешь ли это ты?

В Рауля д'Андрези я преобразился субъективную неделю назад, в вире «Шкафа», за четыре дня до того, как «Боб Говард» прибыл на Сатурн.

Я сижу за нашим обычным столом, передо мной парит

мыслезеркало — стеклянный диск, который на самом деле является виром, подключенным к моему дорсальному потоку. Лицо слегка седеющего мужчины с тонкими бровями, впалыми висками и глазами Петера Лорре постепенно сменяется обликом смуглого, более молодого и грубоватого человека. Одной смены лица, конечно же, недостаточно — мои миньоны уже выкладывают тщательно проработанную информацию, так что это только начало.

— Что ты делаешь? — спрашивает Матчек.

Я отвечаю сердитым взглядом. Чистка вира заняла у меня немало времени. Пока я отсутствовал, Матчек дотошно воспроизвел просторы Нарнии, при этом почти до предела истощив скудные технические ресурсы «Шкафа». Несколько драгоценных часов ушло на то, чтобы убрать острова, населенные одноногими людьми, и выловить кентавров и говорящих мышей с ружьями. Даже сейчас я не до конца уверен, что уничтожил их всех, а тем более не могу понять, как мальчишке удалось их создать. Хотя, если учесть, что его будущая сущность станет архитектором основания Соборности, не стоит удивляться его способности взламывать вир, выстроенный с помощью древней аппаратуры корабля. Кроме того, я подозреваю, что он получил помощь от Ауна.

Я сделал все возможное, чтобы поместить его в «песочницу», в изолированную систему, и с тех пор он молча дуется, глядя на голубой пейзаж за виртуальным окном, на всевозможные разноцветные коралловые рифы, выросшие в невесомости, и проплывающих между ними смуглых гуманоидов с рыбьими хвостами, оставляющих за собой серебристые пузырьки. Пуля Вана вместе со «Шкафом» надежно укрыты в наполненной водой утробе «Мести полосатика», корабля китоморфов, направляющегося к Япету.

— Я готовлюсь стать другим, — говорю я несколько строже, чем намеревался, но, похоже, Матчек не обращает на это внимания.

— Зачем?

Я провожу пальцами по поверхности зеркала. Мои мысли становятся такими же ровными и гладкими. После кват-сообщения Исидора мне пришлось прибегнуть к метасущности, чтобы успокоиться. Я даже не смог расшифровать прикрепленную к последнему посланию информацию: она представляла собой такую квантовую путаницу, что аппаратура корабля оказалась бессильна.

— Каждому иногда приходится это проделывать.

Где-то в глубине души я отчаянно хочу напиться. Я хочу

заорать. Хочу разбить зеркало на миллион осколков. Разнести этот вир до самого основания. И у меня болит голова.

— А я не хочу, — отзывается Матчек. — Мне нравится быть самим собой.

— Даже когда ты играешь в войну с Зеленым Солдатом? — негромко спрашиваю я. — Или когда хотел стать Безмолвием?

— Ну, это просто притворство.

— Вот и у меня то же самое. Только надо хорошенько притвориться.

Я слегка поправляю форму носа. Мы уже встречались с Барбикеном, так что надо тщательно позаботиться о своей внешности и придерживаться образа, чтобы избежать внутреннего конфликта.

— А кем ты собираешься стать? — спрашивает Матчек.

Я даю команду виру изменить мою мыслеформу. Плечи становятся шире, появляется военная выправка, кожа темнеет, я облачаюсь в эффектный костюм с жилетом и золотыми цепочками. Облик Рауля я принимаю с удовольствием. В прошлом я не раз использовал этот образ на Марсе.

Матчек изумленно хлопает глазами.

— Это Рауль д'Андрези, — изменившимся голосом говорю я. — Торговец антиквариатом.

Внезапно я ощущаю непрошеный запах дерева. «Дыхание Тадеуша». Первый бокал вина, выпитого в обществе Раймонды. *Черт бы побрал эти старые виры. Они не настолько детализированы, чтобы по-настоящему напиться, одни только воспоминания.*

Я качаю головой. *Притворяйся старательнее, Жан.*

— Он выглядит *скучным*, — замечает Матчек. — Зачем тебе понадобилось превращаться в него?

— В этом и состоит смысл. Он должен внушать доверие. Казаться немного уставшим. Опытным. Компетентным. Тем, кто много повидал. Тем, кто достаточно утомлен и стремится к спокойной жизни, и ради этого готов немного отступить от правил.

— Это и *есть* скучный. Но мне понравилось, как ты изменялся. Покажи, как это делается.

— Нет. Я считаю, ты уже достаточно поиграл с виром.

Я восстанавливаю свою обычную мыслеформу и кладу зеркало на стол.

— Почему бы тебе...

Я умолкаю, не в силах придумать какое-то занятие для мальчика.

— Здесь скучно. Ты скучный. Люди-рыбы скучные. Я тоже

хочу изменяться.

— Я же сказал, что это не...

— А я хочу, хочу, хочу!

По ткани вира пробегает рябь. Матчек начинает изменяться. Черты его лица плавно перетекают в новую форму — первый облик в зеркале, карикатуру на меня.

— Смотри! — радостно кричит он. — Я сам это сделал!

Головная боль превращается в сплошной белый шум. В груди расправляет когти темное чудовище. Я поднимаю руку. В глазах Матчека вспыхивает страх. Мой кулак опускается на зеркало, а в голове грохочет код Основателя, полководца Сумангуру, — *мертвые дети и ржа, и пламя, и кровь.*

Время в вире останавливается. Матчек застывает на месте, возвращая себе обычный облик. Осколки зеркала, острые и сверкающие, парят в воздухе, словно корабли на Магистрали.

Ярость мгновенно утихает. В голове гаснет эхо воинственного кода Сумангуру. Я не могу смотреть в испуганное лицо мальчика и отворачиваюсь.

Еще через мгновение базовая программа, управляющая виром, ведет себя совершенно непонятно. Она извлекает из секретного кэша какую-то сложную команду, недоступную моему пониманию. Я вдыхаю полной грудью.

Он уже был здесь.

Матчек начинает двигаться все быстрее и быстрее. В одно мгновение он огибает стол и мечется между полками так стремительно, что взгляд не успевает за ним следить, и фигура превращается в размытое пятно.

— Матчек, стой!

Я уравновешиваю наши скорости.

Он стоит передо мной, и по лицу текут слезы.

— Не сердись, Принц, — говорит он. — И прости меня за Нарнию. Ты ушел, и я не знал, чем заняться. Ты говорил, что я тоже могу помочь освободить Миели, но все делаешь сам.

Я вытаскиваю из рукава шелковый носовой платок и вытираю ему лицо.

— Я понимаю, Матчек. Я не должен был так злиться. Это не твоя вина. Случилось кое-что... плохое, и я слишком много об этом думаю.

— А что случилось?

— Это неважно. — Я улыбаюсь. — А ты здорово устроил этот последний фокус со временем. Можешь рассказать, как это делается?

Он пожимает плечами.

— На пляже я часто играл в игры на время, а потом стало скучно. Всегда надо иметь такой триггер, который помогал бы увеличить скорость, если где-то случайно промедлишь, чтобы не пропустить конца света.

Эге.

Я планировал отправить в изолированную систему весь вир «Шкафа» и таким образом затормозить время Матчека, чтобы он даже не заметил моего отсутствия, пока я занимаюсь на Япете своими делами. Но это явно не сработает. Можно было бы создать более устойчивый вир, но у меня на это нет времени, кроме того, я начинаю сомневаться, что какая-либо моя конструкция может его задержать.

Я смотрю на Матчека, на его тонкие темные волосы, которым суждено быстро поседеть, на вздернутый нос и упрямую линию губ, и в груди поднимается странное тепло.

Надо найти няньку. Было бы намного проще, если бы я мог оставить с ним свою копию. К несчастью, Жозефина устроила так, что я остался одноэлементным белым мужчиной и не способен создавать собственных гоголов, а доверять заботу о Матчеке парциалу я не могу. Жители Сирра по-прежнему в состоянии сжатой информации, и до конца миссии я не в силах их вызвать. Кроме того, я не рискну позвать кого-то извне: Матчек опасный спутник — ранний гогол Основателя Соборности.

Остается только...

У меня вырывается вздох. Других вариантов быть не может. Мне придется обратиться к Ауну.

Я осторожно собираю осколки мыслезеркала и кладу их на стол.

— Послушай меня. Вот тебе головоломка. Если сумеешь собрать зеркало заново, можешь оставить его себе. Я должен уйти и кое-что сделать, но это ненадолго. А когда вернусь, приготовлю тебе горячий шоколад. Как тебе такое предложение?

Матчек, воплощенное послушание, садится на стул, опирается локтями о столешницу и указательным пальцем начинает передвигать осколки.

— Будь осторожен, они очень острые, — предупреждаю я его.

Я ухожу в заднюю часть лавки, где стоит множество книг из Сирра, и почти слышу, как гудят мысли у Матчека в голове.

Здесь темно, свет излучают только заглавия на темно-синих обложках книг. Очертания предметов мягкие и немного нереальные: по краям вир не поддерживает детальную симуляцию, а пользуется способностью мозга к самообману. В

узком проходе между стеллажами я чувствую себя насекомым между тяжелыми пористыми страницами книги.

Я невольно сглатываю. Я не до конца понимаю природу Ауна. Они вырвались на свободу во время Коллапса — или задолго до него выпущены Матчеком, если верить легендам. Это совокупность отчетливых простых контуров, живые мемы, населяющие мозг, словно паразиты. Они утверждают, что и я один из них, и зовут меня братом. Не могу сказать, что верю им. Я никогда не считал себя богом, но при встрече с ними у меня мурашки бегут по коже. И общаться с ними можно, только позволив им стать тобой.

Я вожу пальцами по корешкам книг, пока не отыскиваю нужную. Я открываю ее, и они поднимаются со страниц — боги Земли, не сотворенные людьми, извивающиеся огненные змеи, освещающие стеллажи вокруг меня мерцанием блуждающих огоньков.

Я закрываю глаза и впускаю их.

В меня вселяется Принцесса-трубочист. Ее голос звучит в моей голове, как будто мой собственный.

Привет, братец.

Я не брат тебе.

Ты пришел, чтобы присоединиться к нам?

Нет.

Ты готов доставить наших детей в наш новый дом?

Нет. Пока еще нет.

Я потираю виски. *Сирр.* Последний город Земли, вырванный из лап Драконов. Одно дело — ребенок, а другое — целая цивилизация. Я обещал Таваддуд спасти их. *Остались одни обещания.* Я стискиваю зубы.

Ты снова плетешь обманы, братец. Мы надеемся, что ты не забыл свое обещание.

Я не забыл. Вы получите новый дом, так же, как и жители Сирра. Но сначала мне нужно кое-что сделать.

Тебе нужно что-то украсть.

Да. Мне придется покинуть вир, и я хотел бы, чтобы вы присмотрели за мальчиком. Развлеките его. Расскажите ему сказки. Займите его чем-нибудь.

Что ты собираешься украсть на этот раз? Воспоминания? Истории? Души? Мечты?

Это не ваше дело.

Как мы можем быть уверены, что ты вернешься? Ты уже бросал нас.

Я держу свое слово.

Они поднимаются в моей голове, поднимаются все — и

Кракен, и Зеленый Солдат, и Принцесса; смерчи мыслей обволакивают мой мозг щупальцами молний.

ОБЕЩАНИЯ - ЭТО ХОРОШО, ревут они. *НО СТРАХ ЛУЧШЕ. МЫ ВСЕГДА ЗДЕСЬ. МЫ ВСЕ СЛЫШИМ. НЕ СМЕЙ НАС ПРЕДАВАТЬ.*

Я падаю на колени. Аун покидает меня, и все вокруг затягивает пыльная темнота. Внезапная тишина оглушает. Я дрожу всем телом, хоть и нахожусь в мыслеформе.

— Знаете, — произношу я вслух, — я начинаю склоняться к идее Принца-цветка. В самом деле, нет ничего лучше семьи.

Со мной опять говорит Принцесса, на этот раз негромко и спокойно, словно шуршит дождь.

Мы будем навевать сны нашему отцу, как уже делали это раньше, давным-давно. Но это случится, когда ему тоже придет время проснуться.

— Да. Еще не сейчас.

— Его имя не Рауль д'Андрези, — говорит Чехова, многозначительно поглядывая на меня. — Верно ведь... полковник?

Я смущенно улыбаюсь.

— Старейшина, это полковник Снармиенто[96]. Из компании «Пикник на обочине для плюшевого мишки». Группа наемников, работающих в Сирре. На Земле. Как только поступило ваше волеизъявление, мне поручили проверить его происхождение. Оно оказалось сфабрикованным.

Барбикен молчит, но широко раскрывает глаза.

— Итак, полковник, — продолжает Чехова, — не расскажете ли нам свою историю?

Она складывает руки на груди и смотрит на меня свысока, словно очень сердитый, раздраженный учитель.

Я развожу руками.

— Что я могу сказать? Вы меня уличили. Я был с Плюшевыми Мишками. Там ведь не одни урсоморфы, хотя они полезны, если нужны деньги. Прошу прощения за маскарад, но я хотел бы, чтобы бывшие работодатели и дальше оставались в неведении относительно моего местонахождения. Мишки способны на многое, но они *не* прощают. А мы... расстались довольно неожиданно.

Водить за нос зоку непросто. Но если у них и есть хоть какая-то слабость, так это уверенность в возможности решения какой бы то ни было проблемы. Для них любая задача проста и очевидна, как в игре: они с ней справились, и она их больше не интересует. Под моей личиной скрывался другой, более

убедительный образ, подкрепленный фактами, собранными Миели во время службы в рядах Плюшевых Мишек. Если хорошенько постараться, можно расколоть и оболочку полковника Снармиенто, но я уверен, что Чехова не будет даже пытаться это сделать. Особенно теперь, когда она старается произвести впечатление на старейшину.

— Значит, ты дезертир, — заявляет она. — И как же ты сумел заполучить пушку Верна, которой больше двухсот лет?

— Как вам, вероятно, известно, на Земле сейчас немного неспокойно.

— Если понятие «неспокойно» заключает в себе поглощение мира *рекурсивно самосовершенствующимися антиэвдемоническими агентами,* то да, нам это известно. Профессиональный интерес.

В глазах Чеховой появляется голодный блеск.

— Так вот, еще несколько недель назад, до пришествия ченов, и я, и весь мой отряд начали подозревать что-то неладное. Мы решили, что пуля и еще кое-какие предметы из пустыни дикого кода будут достаточной компенсацией за службу. Возможно, мы несколько превысили свои полномочия, если вы понимаете, о чем идет речь. Но, по крайней мере, нам удалось оттуда выбраться. Большинству Мишек повезло меньше.

Я оборачиваюсь к Барбикену.

— Кажется, ты предлагал выпить? Я хотел бы поднять бокал в честь своих боевых товарищей. Бедняги, я горжусь, что служил с ними. А ведь у кого-то остались семьи, которые могли бы обрести новый дом в городе Супра.

Последнее утверждение было абсолютно достоверным: погибшая сослуживица Миели оставила на Поясе своих детенышей.

— Тем более сейчас, когда Соборность намерена поглотить все, что лежит в пределах орбиты Марса. Вот поэтому я и направился сюда. Но, похоже, все напрасно.

Вздох Барбикена напоминает рев кузнечных мехов.

— Отлично, полковник! Вот это история! А ты славный парень! Возможно, мы еще сумеем кое-что сделать.

Барбикен срывается с места и устремляется к медному глобусу, на котором выгравирована карта старой Земли, вот только наклон оси очень странный — Антарктида оказалась почти на экваторе. Старейшина ловко открывает сферу рукой-манипулятором, достает бутылку с темной жидкостью, три бокала и наполняет их. Его взгляд становится серьезным.

— Имена не имеют значения! Для нас важна лишь сцепленность. Предоставленный тобой спайм производит впечатление. Я по-прежнему заинтересован в сделке!

— Я возражаю, — вмешивается Чехова. — Если предмет, предлагаемый полковником, действительно подлинный и лишь недавно доставлен с Земли, нам необходимо держаться от него как можно дальше.

Барбикен удивленно поднимает брови.

— Вам известно, как пристально наблюдает за нами в эти дни Большая Игра, — продолжает Чехова. — Как вы считаете, что они предпримут, если мы приобретем предмет, возможно, зараженный *Драконами*?

Барбикен поджимает губы.

— Верно, — говорит он. — Проклятые соглядатаи!

— Большая Игра? О чем это она?

— Охрана зоку! Защищает нас от пространственно-временных угроз, по крайней мере, они так утверждают! Приобрели власть после Вспышки. — Лицо Барбикена мрачнеет. — Они завербовали несколько младших членов Клуба, чтобы те доносили о самых грандиозных проектах! Говорят, что они несут угрозу пространству-времени. Пф! — Он с тоской косится на свой бокал. — Но я должен признать, полковник, что в словах Чеховой есть смысл. В наше время приходится соблюдать осторожность.

Я приглядываюсь к Чеховой. Что за игру она ведет? Или она сама имеет какое-то отношение к Большой Игре зоку? Я еще не готов открыто идти с ними на конфликт, пока не готов. Возможно, придется дать задний ход и попробовать другие варианты. Но и на этот шаг потрачено много сил и времени. Времени, которого у Миели может не быть.

— Старейшина, я должен позаботиться о своих друзьях, — говорю я. — Так уж вышло, что Нарративисты-зоку из города Супра тоже заинтересовались моим товаром. Я думаю, они переправят пулю в Царство и воспользуются ею для создания какой-нибудь драмы в закрытом пространстве, хотя в этих вещах я не очень-то разбираюсь.

Барбикен фыркает.

— Отдать пулю Нарративистам! Это смешно! Фрагмент материи, обработанный ядерным пламенем, созданный ради определенной цели!

— Но мы должны считаться... — пытается вставить Чехова, однако Барбикен заставляет ее замолчать, махнув в ее сторону оружейной конечностью.

— Это же позор — сделать из пули метафору! — ревет он.

Я решаю подлить масла в огонь.

— Нет, в самом деле. Я много слышал об Ганклубе. Разве не ваши пустотные корабли Хокинга помешали Протокольной войне превратиться в настоящую катастрофу? Как я знаю, сравниться с

ними в силе может только губерния. И вы хотите сказать, что опасаетесь других зоку, которые считают, что вы играете с огнем? — Я медленно качаю головой. — Наверное, лучше мне связаться с Нарративистами. Похоже, у ваших детишек храбрости больше, чем у вас.

Я обращаюсь не только к этим двоим, я говорю со всеми зоку, которых они представляют в Круге поезда.

— Я предлагаю вам исторический объект, оболочку снаряда, который выпущен из самой большой пушки, построенной в предшествующую Коллапсу эпоху, а вы отказываетесь из-за того, что он может быть грязным? Хорошо. — Я поднимаюсь. — Я буду вести дела с кем-нибудь другим.

Барбикен взмывает в воздух и медленно кружится, не замечая, что его ноги-двигатели прожигают дыры в обшивке кресла. У него крепко зажмурены глаза, что свидетельствует о напряженных раздумьях. Наконец он разворачивается и направляет оружейную конечность прямо мне в лицо.

— Ага! У меня есть идея, полковник! Компромисс! Мы не отступим от внутренней воли зоку! Ведь Чехова у нас эксперт по Драконам! Она исследует объект в Арсенале вплоть до молекулярного уровня. Таким образом будут соблюдены требования безопасности. И все довольны. А?

Все, кроме меня, спрятавшего внутри запасное миниатюрное тело с ЭПР-уровнями, которыми я собирался воспользоваться, чтобы выкрасть из Арсенала свой корабль.

Но я только улыбаюсь и киваю, и тотчас начинаю работать над планом «Б».

Глава пятая
МИЕЛИ И БЕЗДНА

Миели стоит на балконе. Нал головой невероятно огромное бледно-голубое небо с белым шрамом посередине. На лицо падает яркий теплый солнечный свет, но это рассеянные отраженные лучи, собранные гигантским зеркалом в космосе и превращенные в мягкое освещение. Как ни странно, оно напоминает ей об Оорте, о доме.

Но на этом сходство заканчивается.

Высокое белое здание, в котором она находится, построено из округлых, похожих на раковины модулей, изобилующих террасами и балконами. На залитых солнцем площадках сидят или лежат смуглые люди, окруженные ореолами сверкающих камней. Внизу течет канал. Его голубая лента тянется в бесконечность и теряется в дымке где-то далеко-далеко. Над каналом лениво парит золотая гондола на двух пурпурных баллонах. По обоим берегам тянутся аллеи, а здания отделены друг от друга серебристыми линиями. С балкона виден храм с луковицами и шпилями пагод, поднимающийся над пустынным полем темной электронной схемы; ряд коралловых замков; а вдали сквозь серый туман проглядывает город. Еще дальше высится гора с белоснежной вершиной, вокруг которой летают краснокрылые существа, слишком большие, чтобы быть птицами. У горизонта возвышается сооружение, по своему размеру сравнимое с самим небом, — широкая мерцающая металлом арка на тонких белых колоннах. Справа и слева поле зрения ограничено двумя облачными стенами янтарного оттенка.

У Миели начинает кружиться голова. Она никогда не любила планеты: они слишком велики для нее, а здесь небо и горизонт значительно превосходят все, что ей доводилось видеть. Она фокусирует взгляд на голубой ленте канала. Вдоль него движутся сотни зоку в своем истинном обличье — вихри драгоценных камней и тумана сбиваются в группы, словно стаи птиц. Внезапно они напоминают Миели о сне, который привел ее сюда.

В город Супра.

— Не хочешь выпить чаю?

Миели оборачивается. Системы в ее организме активны, но не фиксируют никакой угрозы. В комнату вошла усаги-ронин. Она босиком, а из одежды только потрепанные голубые брюки и простая зеленая рубашка. Здесь она ниже ростом, чем Миели. Цвет кожи напоминает молочный шоколад. Рот слишком широк

для такого типа лица, зато глаза большие и ярко блестят. В руках у нее поднос с небольшими чашечками и зеленым нефритовым чайником. Она кивком приглашает Миели вернуться в комнату.

Миели с опаской повинуется. Они находятся в небольшой квартире. На белых стенах висят яркие цветные листы со старинными на вид двухмерными изображениями молодых людей, воплощающих Высших Манаиа[97]. Здесь нет интеллектуальной материи, немногие предметы мебели изготовлены из дерева и ярких тканей ручной работы. Простота обстановки контрастирует с царящим снаружи безумием. *Несомненно, это сделано намеренно.*

Усаги-ронин грациозно наклоняется и ставит поднос на маленький столик, а затем и сама, скрестив ноги, опускается на подушки.

— Выпей. Это сэнтя[98]. Или хочешь поесть?

Миели осторожно опускается на колени: сила тяжести здесь велика для нее, почти такая же, как на Земле. Несмотря на это, она чувствует себя сильной и легкой, а руки и ноги после многодневного восхождения уже не болят. Она одета так же, как одевалась на «Перхонен», — в черную тогу, вокруг щиколотки цепочка из камней, принадлежавшая Сюдян. Внезапно Миели замечает, что держит в руке спасший ее камень зоку — голубой овал величиной меньше ладони, пульсирующий неярким светом и распространяющий слабый аромат цветов. Она кладет камень на стол перед собой.

Усаги-ронин видит камень и улыбается. Она ставит перед Миели чашку и наполняет ее дымящейся ароматной жидкостью.

— Послушай, мне жаль, что так получилось в Царстве, — говорит она. — Гора и все такое. Теперь я понимаю, что все это было для тебя так необычно. Мы почти всегда стараемся ввести сирот через Царства, так им легче разобраться со своими проблемами: они получают возможность сформировать собственные образы по заданной нами схеме. Между прочим, ты очень хорошо справилась. Я не смогла предугадать такого финала. — Она берет чашку в свои маленькие руки и осторожно делает глоток. — Кроме того, я не понимала, как много технических возможностей в твоей истинной форме. Одна из подсистем, боевых, включилась в борьбу, поэтому после я подумала, что нам лучше начать все сначала. Как ты считаешь?

Миели пристально смотрит на нее. Изготовленные Соборностью системы функционируют нормально, и она поручает нескольким гоголам исследовать окрестности. Через мгновение поступает подтверждение того, о чем она уже догадалась: она находится на Полосе плотной интеллектуальной материи длиной

несколько тысяч километров и шириной несколько сотен, неподалеку от экватора Сатурна. Тем не менее получить доступ к местному спаймскейпу гоголы не могут — или Миели изолирована защитой, или не обладает необходимым кодом доступа.

— Что я здесь делаю? — спрашивает она.

— Все, что захочешь. Может, начнешь с чая? Ты к нему не притронулась. Да, кстати, в этом Круге меня зовут Зинда.

Миели хмурит брови. Весь ее опыт общения с зоку заключается только в их убийстве, да и то два десятка лет тому назад. Во время Протокольной войны она в процессе погони прошла через несколько виров, созданных в Супра, но ни один из них даже отдаленно не напоминал тот, в котором она оказалась сейчас. Судя по данным ее сенсоров, квартира полностью соответствует своей видимости вплоть до молекулярного уровня. А вот Зинда — нечто иное: сочетание фоглетов и камней зоку, хотя человеческое тело прекрасно имитирует настоящий организм вместе с внутренними органами и пищеварительной системой.

— Я хотела бы выяснить, что произошло с моим кораблем.

— Гм. Мы перейдем к этому немного позже, — отвечает Зинда. — Сначала я попытаюсь обрисовать общую ситуацию: ты оказалась здесь после того, как зоку Радужной Таблицы — к которым ты, между прочим, принадлежишь — случайно тебя обнаружили. Они не знали, как осуществить твое волеизъявление. Это сообщество чаще имеет дело с маршрутизаторами, Царствами и тому подобными вещами, они лучше разбираются в пикотехнологии, чем в людях. Поэтому твое желание передано нам, Высшим Манаиа. Мы, если можно так выразиться, заботимся о… заблудших овечках. О тех, кто хочет вернуться. — Зинда сдержанно улыбается. — О таких, как ты.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. — Миели осторожно пробует чай. Он тоже такой, каким и должен быть: слегка горьковатый и уже остывший, и она, неожиданно для себя, наслаждается его вкусом. — Я не могу остаться. Я должна вернуться на свой корабль.

— О, моя дорогая. — Зинда становится серьезной. — Ты, безусловно, можешь уйти в любой момент. Но высказанное тобой желание было совсем не таким. Ты хотела попасть домой, и вот ты здесь.

Миели медленно поднимается.

— Я Миели, дочь Карху из кото Хильяйнен в Оорте. У меня с вами нет ничего общего.

Но где-то в глубине души возникает ощущение холода. Подкинутый ребенок. Дитя солнечных кузнецов, отданное вместе с Маленьким Солнцем под защиту и опеку кото.

— Волеизъявление — странная вещь, — говорит Зинда. — Камни реагируют не на то, что мы хотим, а на то, что должны были бы хотеть, если бы были немного мудрее и обладали достаточным опытом. В целом зоку пытаются *экстраполировать* реальную потребность на общую волю. Я приведу пример. Скажи, чего бы тебе хотелось. Пусть это будет еда или что-то подобное.

Миели в нерешительности.

— Это бессмысленно.

— Ну же, давай. Не относись к этому так серьезно.

Миели вздыхает.

— Лакрица. Я хочу лакричную конфету.

— Отлично! Итак, у нас две коробки, А и Б. — Зинда переворачивает две чашки. — В коробке А лежит лакричная конфета. Мне известно, что в действительности ты хочешь отыскать именно ее. Ты просишь открыть коробку Б. И какую, по-твоему, коробку я должна открыть?

Миели растерянно моргает.

— Поняла? — спрашивает Зинда.

— Но это же совсем другое дело.

— Да, конечно, вычислить идеальный вариант намного труднее. Реальное экстраполированное волеизъявление определить невероятно трудно, PSPACE[99] - трудно, или вроде того, поэтому обычно мы прибегаем к ускоренным методам и допущениям. Возможно, ты и не хочешь здесь находиться, но этого хочет твоя будущая сущность.

— Я так не думаю, — отвечает Миели.

Зинда ободряюще улыбается.

— Послушай, я много раз через это проходила. Все нормально, и пусть тебя это не смущает. Почему бы тебе не попробовать? Мы же не Соборность, с которой ты некоторое время была связана. Мы просто предоставляем тебе квантовую сущность, чтобы расширить твое «я». Мне кажется, ты легко освоишься. — Она наливает себе и Миели еще чаю. — Я хочу сказать, мы немного изучили тебя, пока ты была в Царстве. В твоем теле и разуме отчетливо прослеживаются отличительные черты замысла зоку. Насколько я могу судить, это принадлежность к юпитерианскому сообществу Эйгон. Как тебе известно, до Вспышки они вели торговлю с Оортом. Не хочу показаться излишне любопытной, но неужели тебя это сильно удивляет?

Миели медленно садится на прежнее место.

— Почему они так поступили? — шепчет она.

— Тому много причин. Мы *действительно* сплетаем все желания в единое волеизъявление зоку. Перед детьми всегда есть цель. И их рождение тоже в каком-то смысле игра. Возможно, твои родители хотели обеспечить тебе другую жизнь, вне кольца их волеизъявления. Если хочешь, мы могли бы попытаться их разыскать. Хотя, если они обитали на Юпитере, это... нелегко.

Сюдян нередко шутила, что Миели — персонаж из книги, переданной ей предками, кто-то вроде королевы обезьян до зарождения человечества. Сама Миели знала только, что была подкидышем, ребенком, оставленным оортианцам на воспитание, частью сделки, в результате которой ее кото получило Маленькое Солнце. Именно поэтому она провела раннее детство в доме бабушки Брихейн и только подростком стала жить вместе с другими обитателями кото. Кроме Сюдян никто больше не говорил с ней на эту тему, тем более Карху. А она из-за всего этого всегда старалась быть лучше других. Поэтому до хрипоты разучивала песни вяки[100], поэтому принялась за Большую Работу раньше, чем кто-либо из ее сверстников, поэтому вернула дух предка из преисподней.

Необходимо отыскать «Перхонен». Миели встряхивает головой и активирует боевые системы. Все чувства мгновенно обостряются, и после разговоров с Зиндой это доставляет удовольствие. Возможно, это ловушка. Благодаря вору она знает, что значит, когда тобой манипулируют. Эта зоку может говорить что угодно, лишь бы получить информацию. Миели вспоминает, с какой легкостью доверила свою жизнь ронину-Зинде во время восхождения на гору. Даже сейчас ей трудно не доверять ей. Но зоку, безусловно, только и добиваются ее доверия.

Она смотрит на Зинду.

— Тебе ведь известно, что я убивала зоку, — говорит Миели. — Во время Протокольной войны. Я убила сотни твоих сородичей, может, и больше. И я уничтожила Метиду странглетовой бомбой. Вы уверены, что хотите, чтобы я жила среди вас?

— О, нас не так просто убить. Я и сама умирала уже несколько раз. Это больно, а после возрождения приходится возвращаться к своим камням и артефактам в виде призрака. Большинство зоку на всякий случай хранят некоторые камни в специальном банке. Тебе надо научиться видеть то, чего ты обычно не видела. Это что-то вроде субигры: Жнецы зоку хотели бы сконструировать ее иначе, но у них не хватает силы сцепленности. Лично я считаю, что ты могла бы добавить повествовательный элемент, разыгрываемый на фоне нескольких

столетий. Каждый раз, когда ты будешь умирать, ты еще немного продвинешь сюжет. Разве не отличная идея? Но зоку Эйгоны и Алеа не слушают Нарративистов вроде меня. — Она сокрушенно качает головой. — Извини, я заболталась. Я только хотела сказать, что это неважно, люди порой могут затаить обиду, но зоку, к которым ты присоединишься, никогда так не сделают. А знаешь, если ты играла важную роль в Протокольной войне, у тебя, возможно, найдутся поклонники среди зоку!

Зинда постукивает по столу.

— Послушай. Нам необходимо усилить твою сцепленность. Без камня города Супра ты здесь мало что сможешь сделать, даже если ты еще ничего не решила насчет зоку. Камень Радужной Таблицы тебе ничем не поможет. Вот, держи. — Она достает небольшой камень бирюзового цвета в оправе из золотых листьев. — С ним тебе будет проще вернуться.

Миели осторожно принимает камень, он кажется теплым на ощупь.

Миели, ты делаешь глупость, раздается в ее голове голос Пеллегрини. *Вспомни, что я тебе говорила.*

А через мгновение системы Миели захлебываются сигналами тревоги и предупреждениями о проникновении. Метамозг показывает щупальца, протянувшиеся от камня к нейронным узлам, к центрам принятия решений, к корням мечтаний и сновидений.

Она бросает камень на стол, встает и активирует подачу мощности в оружие.

— О, дорогая! — вскрикивает Зинда.

— Это уже другая игра, — говорит Миели. — Ты сама из Большой Игры. Тебе нет дела до сирот. Ты пришла, чтобы завладеть ценной информацией. — Ку-ружье, встроенное в правую руку, становится теплым. — Что ж, вот тебе информация. Сейчас тебе представится возможность узнать, улучшилась ли игра в загробную жизнь.

— Нет, подожди! Ты не поняла! Зачем тебе разрывать Круг? То есть, ты права, я из Большой Игры, но и Манаиа тоже. Все, что я сказала, правда! Мы принадлежим многим сообществам зоку, мы можем одновременно быть и там, и здесь, это объясняется наслаиванием. Я хочу лишь помочь тебе!

На глазах Зинды появляются слезы.

— Послушай, меня ввели в игру, как только ты здесь появилась, верно? Честно говоря, я и сама многого не понимаю. Может, ты сядешь, и мы спокойно обо всем поговорим? Миели, я не буду тебя ни к чему принуждать. Я повинуюсь волеизъявлению. Если ты настаиваешь, признаюсь, во мне тоже

сидит боевой монстр, но я *ненавижу* его запах.

— Я ухожу. Ты можешь оставаться орудием или повиноваться долгу, это твой выбор.

Миели старается придать голосу холодность и решительность.

Зинда глубоко вздыхает.

— Подожди хоть минуту, ладно? Ты должна понять, что дело не только во *мне*. Специально для того, чтобы тебя изучить, мы создали небольшое сообщество зоку. Мы многое о тебе узнали, и, если бы захотели, смогли бы тебя сломить! — Она всхлипывает. — Я понимаю, это звучит не слишком приятно, но это правда! Мы могли создать Царства, в которых ты стала бы рабыней по собственной воле и выдала бы все свои тайны. Но мы не хотели этого. Ты *нужна* нам.

— Нужна для чего?

— Да как же! Ведь идет война! Основатели вцепились друг другу в глотки! Пока, насколько мы можем судить, побеждают чены. Потом они пойдут на *нас*. Они всегда оставались для нас угрозой. После Протокольной войны старейшины попытались их... нейтрализовать, но... — Она прикусывает губу. — Не важно. Все, что тебе известно о событиях на Земле, о пеллегрини и ченах, об их технологиях, — все это может оказаться для нас полезным. Не тревожься о дурацких ловушках и охранных системах: твое волеизъявление и немного времени, и мы сумеем с этим разобраться. И тогда ты сможешь стать одной из нас. Ты хоть представляешь себе, как трудно присоединиться к Большой Игре? Сначала еще надо их *отыскать*. Я потратила на это не один год. Я получала сцепленность с Нотчами и Итаки и целым рядом других сообществ, чтобы только обнаружить их следы, скрытые в наших хрониках. И я всего лишь простой агент. Но ты, ты сможешь стать особым агентом, пространственно-временной угрозой, большой шишкой. Как Джеймс Бонд с крыльями.

— Кто? — удивляется Миели.

— Ну что ты! Решайся, это будет так весело.

Миели формирует на кончиках пальцев ку-точку.

— Нет, — говорит она. — У тебя десять секунд, чтобы сказать, где мой корабль и как мне выбраться с этой планеты.

— А, это...

— Девять.

— Ты уверена, что хочешь...

— Восемь.

— Ты же знаешь, я могу тебе помочь.

— Семь.

— Ладно, ладно! Успокойся. — Зинда вздыхает. — Я не

хотела тебе говорить. По крайней мере, до тех пор, пока у тебя не будет достаточно сил, чтобы с этим справиться. Мы, конечно, отследили вектор твоего полета. И вот что увидели.

Она взмахивает рукой, и над столом поднимается небольшой ку-экран. На нем вспыхивает изображение Земли и неясный контур, в котором Миели немедленно узнает «Перхонен». Корабль окутан тучей Охотников — орудий Соборности. Во рту появляется неприятная сухость. *Глупая, глупая девчонка. Не надо было…*

Корабль предстает в виде паутины нитей и модулей, окруженных парой солнечных парусов. Он разваливается под натиском быстрых, словно лучи света, Охотников, каждый их удар вызывает вспышки лазера и разрушение все новых фрагментов.

Затем корабль медленно поворачивается и начинает падать на бело-голубой шар. Еще через мгновение он превращается в огненный штрих на фоне Земли и исчезает за горизонтом.

— Впоследствии мы не смогли обнаружить никаких следов корабля, — говорит Зинда. — Все это произошло перед самым нападением Драконов. Мне очень жаль.

Миели закрывает глаза, но мир не исчезает. Усовершенствованные системы слежения рисуют вокруг холодный призрачный ландшафт. Стены квартиры, словно кости черепа, сжимают мозг.

Она вскрикивает, выбегает на балкон, разворачивает крылья и взмывает в воздух.

Миели летит, не выбирая направления, напрягая микропропеллеры в крыльях, пока не поднимается на высоту. где воздух становится разреженным, а Полоса внизу, пересеченная другими обитаемыми Полосами, не шире шоссе, исчезающего за горизонтом. Сотни таких узких участков тянутся один за другим, сжимая гигантскую планету своими кольцами. Игривые зоку в истинном обличье зовут Миели в совместный полет, но она устремляется все дальше и дальше, пока не начинает жалобно подвывать ядерный реактор в бедре. Она обгоняет зоку и поднимается еще выше, туда, где голубизна неба уступает темноте, и Миели ощущает знакомое прикосновение Человека Тьмы из бездны. Она стремится туда, к жесткому вакууму, радиации и перегрузкам, к жалящему холоду после оортианской сауны. Но Сатурн не отпускает ее.

«Перхонен» больше нет.

Я всегда любила тебя сильнее, чем она, так сказал корабль перед нападением Охотников, прежде чем выбросить ее наружу с камнем зоку.

Миели подчиняется силе притяжения планеты и начинает стремительный спуск по длинной дуге, пока не достигает границы мира.

Эта стена, похожая на группу подсвеченных солнцем туч, тянется с поверхности до самого неба, поднимаясь вверх на двадцать километров. Вблизи оказывается, что это масса наполненных газом пузырьков, удерживаемых тончайшими нитями интеллектуальной материи, воздвигнутая на краю обитаемого участка для удержания атмосферы.

Миели поднимается над стеной, несмотря на почти полное отсутствие воздуха, и заглядывает в бездну с другой стороны. Ряды колонн, поддерживающих Полосу, белыми струями исчезают в желтовато-серой пелене Сатурна далеко-далеко внизу. В бездонной чаше зимней метелью кипит ураган.

Может, лучше упасть вниз, как упала она.

В том, что случилось, есть ее вина. Но она поступила правильно. На Земле она умирала тысячу раз, чтобы обрести смелость и противостоять Пеллегрини. Она провела черту, которую не намерена переступать, и отказалась участвовать в похищении сущности ребенка. И в тот момент она не надеялась остаться в живых.

Надо позволить Сатурну забрать ее жизнь, прыгнуть в облака кристаллического аммония и водяных паров и погружаться все глубже, пока смертоносный металлический водород в глубине планеты не сокрушит ее окончательно. Это так легко: сила инерции перенесет ее через стену прямо в центр урагана. Множество вихрей, сравнимых по величине с оортианскими кометами, следуют один за другим, словно драгоценные камни в цепочке.

Но поднявшееся из глубин воспоминание превосходит силу притяжения и заставляет ее остановиться. Сюдян.

Миели складывает крылья и устремляется к краю стены. Перегревшиеся микропропеллеры с жалобным стоном замирают. Миели неловко переворачивается и опускается на стену, словно раненая птица. На ощупь облачная стена оказывается немного скользкой и мягкой и поглощает толчок, словно вода, только по поверхности пузырьков проходит рябь. Крошечные шарики кажутся тонкими, как мыльные пузыри, но выдерживают вес Миели. Несколько мгновений она лежит на стене, прислушиваясь к своему сердцебиению и затрудненному дыханию. Воздух разреженный и безвкусный, как разведенное водой молоко.

Спустя некоторое время она поднимается и медленно, смешно покачиваясь на газовой подушке, подходит к внешнему краю. Она садится, подтягивает колени к подбородку и смотрит в

безбрежные бледно-желтые просторы Сатурна, а стена мягко покачивается под ней, как будто она сидит на коленях у матери.

Едва слышной в разреженном воздухе молитвой она обращается к Куутар и Ильматар с просьбой указать путь, надеясь, что у ее богов хватит могущества в этом мрачном месте, где все меняется и нет ничего реального.

Миели постепенно успокаивается, и тогда слышит в голове неясный шепот: к ней обращается камень зоку Радужной Таблицы. Он каким-то образом оказался в складках ее одежды. Миели хмурится: она не помнит, чтобы брала его со стола. Она вынимает камень и рассматривает его. Камень сообщает, что поблизости есть маршрутизаторы и Врата Царств, обозначает их местоположение в сети масс-потоков и ку-труб внизу и внушает желание направиться туда и отрегулировать потоковый буферный контроллер.

Миели отделывается от этой мысли при помощи короткой команды метамозга. Она ощущает недовольство камня и расщепление заключающейся в нем сцепленности. Она не обращает на это внимания; Миели бросает камень с края стены и долго наблюдает за его падением, пока драгоценность не пропадает из вида.

— Что меня удивляет, — раздается раздраженный голос, — так это твоя приверженность древним богам, хотя отвечаю на твои мольбы только я.

Пеллегрини медленно поднимается из бездны. Это высокая женщина с золотисто-каштановыми волосами, в белом платье. Она разводит руки в стороны, словно собираясь заключить Миели в объятия.

Миели изумленно смотрит на богиню Соборности.

— Уходи. Я же сказала, что больше не работаю на тебя.

В груди у нес лишь пустота и холод. Даже ненависть к женщине, жившей в ее мозгу долгие годы, превратилась в едва тлеющий уголек.

Пеллегрини поднимает глаза к небу.

— А я не могу *поверить*, что ты так долго не решалась избавиться от этого глупого камня. Я не могла рисковать, опасаясь быть обнаруженной. Я пыталась поговорить с тобой в Царстве. Но ты меня явно не слушала.

Она открывает сумочку, достает одну из своих пахучих палочек, поджигает ее искусно выполненной зажигалкой и затягивается. Затем отводит руку в сторону и стряхивает пепел в глаз бури в сердце Сатурна.

— Что касается наших отношений — отлично. Но от меня не так просто отделаться, Миели. Я в твоем разуме. Ты ведь сама впустила меня, помнишь? — Она делает еще одну затяжку. — Теперь, когда я немного успокоилась, должна признать, что проявленная тобой на Земле решимость произвела на меня впечатление. Жаль, что ты выбрала для этого не самый подходящий момент.

Но вот мы обе здесь. Когда тебя схватили, мне надо было прибегнуть к самоуничтожению. Но я стала гоголом уже в зрелом возрасте и всегда находила столь экстремальные меры… малоприемлемыми. — Она улыбается. — Судя по всему, ты тоже, несмотря на то, чего тебе пришлось лишиться. Мы связаны друг с другом, нравится тебе это или нет.

— Я могла рассказать им о тебе, — отвечает Миели.

— Конечно, могла. Но это было бы глупо. До сих пор они держались по-дружески и разговаривали с тобой вежливо, но что было бы, узнай они о гоголе Основателя Соборности в твоей голове? Они попытались бы достать меня любой ценой, а я так глубоко спряталась, что пришлось бы разобрать тебя на части.

— Возможно, меня это не пугает.

— Нет, ты не боишься смерти, ты не раз это доказывала. Но тебе грозила не смерть. Тебе ведь известно, о чем я говорю: ты и сама не раз допрашивала гоголов. А *они* не верят в копии. Они поместили бы тебя в Царство и превратили процесс извлечения в игру. Ты бы сильно изменилась, и, можешь мне поверить, это тебе не понравилось бы.

Миели пробирает дрожь. Чтобы добиться желаемого, Пеллегрини может сказать что угодно. Но у Миели возникло ощущение, что на этот раз богиня не солгала.

Пеллегрини взмахивает рукой с тлеющей палочкой.

— Кроме того, ты мне нужна. И всегда была нужна. Я не обманываю тебя, в отличие от моего Жана, я всегда держу слово. В конце концов я вернула бы тебе эту малышку Сюдян.

Миели чуть не до крови прикусывает губу.

— «Перхонен» давно пыталась меня убедить. Сюдян с самого начала не испытывала ко мне глубоких чувств. Она просто хотела сбежать с Оорта. Я обойдусь без нее.

— Хорошо. Но почему же тогда ты не шагнула со стены? Почему до сих пор носишь эту безделушку?

Она показывает на цепочку из камней на лодыжке Миели, сделанную после того, как они вместе с Сюдян выполнили Большую Работу, — подвижную совокупность комет, связанных волокнами ку-нити. Кожа под цепочкой внезапно холодеет.

— Позволь мне кое-что сказать тебе, Миели. Когда

становишься бессмертной, когда получаешь все, чего хотела, начинаешь задумываться, зачем тебе все это. Сюдян сожалеет, что рассталась с тобой. Она тоскует по тебе.

Она лжет. Миели крепко зажмуривается и плотно закрывается крыльями. Она больше не будет служить Пеллегрини. Что сказала бы ей «Перхонен»? Быть собой. Корабль уговаривал ее отказаться от бесконечных поисков Сюдян и начать новую жизнь.

Но какой теперь в этом смысл? Как я могу вернуться на Оорт? Вор был прав. После того, что сделала со мной богиня, я больше не принадлежу тому миру.

Миели расстегивает обвивающую ногу цепочку. И на мгновение удивляется, как вору удалось так легко с этим справиться. Чтобы разъединить оортианские камни, требуется короткая песня. Миели сидит на самом краю. Если выпустить цепочку из рук, она упадет прямо в разверстую пасть Сатурна, вечно жаждущего поглотить детей. Миели перебирает камни. Они все разного цвета. Выборы, моменты, нанизанные на общую нить. Она вспоминает первый поцелуй в ледяной пещере, когда открылся скафандр Сюдян, и оттуда пахнуло влажным теплом поддерживающих жизнь жидкостей. Вспоминает день, когда они на борту «Перхонен» покинули Оорт. И Венеру, где Сюдян забрала сингулярность. Последнее, что Миели видела: грустное эльфийское лицо, тающее под напором информационного ветра черной дыры Амтора, словно сливки в кофе, но все еще обращенное к ней.

Обращенное к ней.

Сюдян оглядывалась.

Миели крепко сжимает пальцами цепочку. Потом медленно и бережно оборачивает ее вокруг ноги, напевая песенку, замыкающую петлю.

— Что я должна сделать? — спрашивает она Пеллегрини.

Подкрашенные губы Пеллегрини слегка изгибаются в полуулыбке.

— Это интересный вопрос. Мы заперты здесь, скрываемся и не имеем возможности установить контакт с сестрами. Я не сомневаюсь, что они уже приступили к заключительной фазе борьбы. К резервному плану, разработанному на тот случай, если вам с Жаном не удастся выкрасть у Чена камень Каминари.

— И в чем же состоит этот план?

Пеллегрини вздыхает.

— Как ты думаешь, чем можно объединить Основателей? Только общим врагом. Миели, из тюрьмы «Дилемма» ты

вытащила не только моего Жана. Есть еще одно существо — Абсолютный Предатель, поставивший в тупик архонтов Саши. Это своего рода аномалия теории игр. Я не все понимаю, но мои гоголы утверждают, будто он представляет наибольшую опасность, если не считать Драконов. Хаос во Внутренней Системе свидетельствует о том, что моя сестра в голове Жана разблокировала его, а это значит, что *губерний* скоро запылают. — Она хмурится. — Хотелось бы мне знать, почему моя сестра сначала не заполучила камень. Если бы она завладела артефактом, мы узнали бы об этом. Узнала бы вся Вселенная.

Миели старается глубже дышать, чтобы метамозг остудил ее эмоции, чтобы вернуть себе твердость и профессионализм. Позже найдется время для искренней грусти и для создания новых песен.

— Зинда о чем-то таком упоминала, — говорит она. — Большая Игра видит угрозу в Чене. Они задумали операцию по его устранению, но что-то не получилось. Вор выяснил, как Чен завладел камнем Каминари: он получил его на флотилии зоку поблизости от останков Юпитера. — Что если камень *предназначался* Чену?

Смех Пеллегрини напоминает звонкий стук жемчужин. Не в силах остановиться, она садится рядом с Миели и прикрывает глаза ладонью.

— Конечно, — отвечает богиня, вытирая слезы. — Ах, мой Жан, ты опять меня провел.

Миели ловит себя на мыслях о воре. Как бы она ни относилась к его смерти, все перекрывает тоска по «Перхонен», но, несмотря на различия, они неплохо работали вместе, и порой она его понимала. Почти. Мысль о том, что он мог погибнуть вместе с «Перхонен» или попасть в лапы Чена, усугубляет ее боль.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашивает она.

— Теперь это не имеет значения, дорогая. Важно то, что ты абсолютно права. Большая Игра каким-то образом перехитрила бедного, сверхсамоуверенного Матчека. Они заставили его поверить, что он завладел камнем Каминари. А это означает, что камень у *них*.

Пеллегрини прикасается к щеке Миели, ее кольцо холодит старый шрам.

— Моя дорогая красавица Миели, мы обе по-прежнему можем заполучить все, что хотим, и даже больше. Но сначала тебе придется принять свое наследие. Ты должна стать частью Большой Игры зоку.

Глава шестая

— И так, полковник, что ты об этом думаешь? Грандиозная идея, не так ли?

Барбикен лучезарно улыбается, а я покачиваю портвейн в бокале в такт своим мыслям.

Я щурюсь, глядя на термоядерную вспышку, после которой на истерзанной поверхности Япета образуется новый кратер. *Дети и спички.* Эта мысль дает мне ниточку, и дилемма неожиданно разрешается.

Я улыбаюсь Барбикену.

— Согласен! Твоя объективность и искренность восхищает меня и моих друзей. Если позволишь, я ненадолго выйду за пределы Круга и посоветуюсь с ними по поводу изменений в сделке.

Старейшина зоку кивает, отчего его цилиндр энергично покачивается.

— Естественно!

Он машет рукой в сторону серебристой границы Круга.

Я допиваю портвейн, вежливо киваю Чеховой и переступаю черту.

Резкое освобождение от замков Шредера, замыкающих Круг, вызывает головокружение. В поле зрения появляется интерфейс спаймскейиа. В тот же момент исчезает иллюзия гостиной. Я оказываюсь в безликой белой трубе, созданной из интеллектуальной материи и заполненной инертным утилитарным туманом, похожим на цветочную пыльцу.

Я сразу же ускоряю свое внутреннее время до максимума, приемлемого для моего дешевого синтбиотического тела. За спиной, в окружении викторианской мебели, дерева и бронзы, Барбикен и Чехова застывают, словно статуи. Еще одна приятная неожиданность: члены Ганклуба слишком хорошо воспитаны, чтобы выйти из Круга следом за мной.

Из наплечной сумки я достаю яйцо из компьютрониума. Оно тяжелое, холодное и очень красивое, словно снесено одной из птиц Фаберже. Глядя на рисунок в стиле модерн, легко забыть о сложной системе теплоотвода и миниатюрном до уровня атомов вычислительном устройстве внутри. На одно только это яйцо ушла большая часть моих доходов от транспортной пирамиды, но без него я не смог бы поддерживать вир книжной лавки и сохранять информацию Сирра. Перед тем как доставить реконструированную пулю Вана в Ганклуб, я тщательно стер с нее все следы.

Мысленным приказом я открываю через яйцо кват-канал.

Матчек?

Ответ поступает через несколько секунд.

Да?

Помнишь, ты говорил, что хотел бы помочь Миели?

Долгая пауза.

Это было так давно. Но я помню.

Его голос изменился… Стал старше? У Ауна странное представление о времени. Интересно, сколько лет прошло в вире?

Ты еще можешь ей помочь, говорю я.

Скажи, что именно я должен сделать?

Кват доносит эхо такого сильного воодушевления, что у меня сводит зубы.

Несколько мгновений я молчу в нерешительности. Может, лучше просто сократить потери до минимума, сбежать отсюда, а потом отыскать другой путь? Нельзя втягивать в это дело Матчека. Какое я имею на это право?

Я встряхиваю головой. Надо спешить, и другого выхода у меня нет.

Хорошо, Матчек. Слушай меня внимательно. Запоминай и точно выполняй мои указания.

Я формирую сложную мысль, накладываю ее на изображение скаймскейпа и отсылаю Матчеку. Он с энтузиазмом принимает послание.

Затем я проверяю статус ядерных боеголовок, проданных юнцам зоку под видом детализированных копий Царь-бомбы. Любой не слишком внимательный проверяющий мог бы принять их за самые большие водородные бомбы, когда-либо изготовленные на Земле, тогда как на самом деле это замаскированные кват-передатчики. В середине у них имеются ионные ловушки, связанные с такими же устройствами в нуле Вана, а сложный состав слоев дейтерия и трития создан таким образом, чтобы послать тщательно смодулированный нейтринный сигнал, способный пройти сквозь световые годы свинца — или хотя бы сквозь стены Арсенала Ганклуба.

Несколько Царь-бомб, к моей радости, еще не использованы, хотя термоядерная война уже в полном разгаре. Я вижу, как Матчек запускает кват-линию в одну из бомб, словно джинна в бутылку. Я даю себе клятву загладить свою вину перед мальчиком, а потом молюсь всем воровским богам, чтобы они дали мне сил вынести тяжесть всех моих обещаний.

В противном случае нас ждет эпический провал, как любят выражаться зоку.

— Мы будем счастливы принять ваше предложение, —

говорю я Барбикену по возвращении в Круг, — однако...

— Что такое?

Я с сомнением смотрю на старейшину зоку.

— Не могли бы вы в ответ оказать мне одну услугу? Мне бы очень хотелось сопровождать вас и посмотреть знаменитый Арсенал. Может, я и дезертир, но я все еще солдат и люблю инструменты своего ремесла.

— Конечно, почему нет! — восклицает Барбикен. — Это наименьшее, что мы можем для тебя сделать.

Чехова разочарована. Я уверен, что ей не терпится принять истинный облик и покончить с этим делом. Но это было бы невежливо: Круг создан Барбикеном, и, покинув его, она потеряла бы лицо — и сцепленность. Я приветливо ей улыбаюсь, она сердито хмурится.

В кратере Торжис, где-то над Британскими островами, вспыхивает особенно мощный взрыв.

— Это Царь-бомба? — спрашиваю я.

Матчек, воспользовавшись сцепленностью и нейтринным потоком, переместился в Арсенал, в тело, заключенное внутри пули Вана.

— Клянусь Юпитером, ты прав! — отвечает Барбикен. — Какой ты сообразительный! Чехова, дорогая, перед нами настоящий ценитель древнего оружия! Ты должен осмотреть Арсенал! — Внезапно он хмурится. — Вот только спектр немного не соответствует норме. Ладно, значит, юнцам еще надо кое-чему поучиться! — Он энергично подталкивает меня массивной рукой-оружием. — Это все не важно. Там, куда мы отправимся, есть на что посмотреть!

От орбитального кольца перед нами отходит золотистый отросток, обвивающий поверхность Япета и уходящий за крутой горизонт, отчего спутник немного напоминает орех. Само кольцо представляет собой поток магнитных частиц, заключенных в трубу и разгоняемых электромагнитными полями до невероятной скорости, — другими словами, это гигантская кольцевая пушка. Отклонение части потока к принимающей станции на поверхности создает нечто вроде железнодорожной ветки. Поезд устремляется вниз, скользя между гигантским желтоватым глазом Сатурна и догорающими ядерными пожарами детской войны, а мы тем временем допиваем портвейн.

Арсенал Ганклуба зоку.

Это целая серия залов, расположенных под внушительным экваториальным хребтом Япета, включающим в себя самые значительные вершины во всей Солнечной системе. Некоторые

залы протянулись на десятки километров, хотя в странном зеленовато-голубом освещении точные размеры определить трудно. Вопреки ожиданиям, стены здесь не из камня, они выглядят как свернутая в цилиндр небесная голубизна и почему-то сильно раздражают глаза. На этом веществе нет ни единой тени, возможно, это какая-то псевдоматерия, пикотехническая новинка, более прочная, чем все, что состоит из атомов.

Сами экспонаты грозными созвездиями висят в воздухе, ряды винтовок, пистолетов и орудий тянутся один за другим. Цвет оружия составляет резкий контраст с общим фоном: вороненая сталь, все оттенки оливкового в камуфляжной раскраске и серебристый блеск. Мне кажется, что я плыву над океанским дном, а вокруг движутся косяки рыб самых мрачных расцветок.

Барбикен, Чехова и я все так же остаемся в Круге и сидим в своих креслах в небольшой ку-сфере. Недостаток силы тяжести Япета компенсируется слабым давлением фоглетов на конечности. Мне это не нравится, как будто на руках и ногах повисли кандалы, а мне и без того слишком тревожно. Чехова напряженно ссутулилась на краешке сиденья и почти не смотрит на меня, зато Барбикен явно наслаждается ролью экскурсовода.

— Нам потребовалось немало времени, чтобы все это собрать! — говорит он. — Кроме того, мы сохраняем хотя бы один экземпляр всего, что изготавливают члены Клуба. И все в превосходном состоянии, в полной боевой готовности.

Между рядами оружия полупрозрачными медузами проплывают зоку в своем истинном виде. Время от времени сверкают вспышки и раздается грохот испытываемого оружия. В огромном зале почти не умолкает раскатистое эхо.

— Ха! — усмехается Барбикен, заметив, как я вздрагиваю. — Не бойся! Безопасность у нас на первом месте! Но оружием надо пользоваться! Это же не сборники комиксов, которые можно хранить в полимерной пленке! Все подсоединено к единому ганскейпу и может быть использовано любыми зоку, где бы они ни были!

Я улыбаюсь ему, а сам мысленно продолжаю отсчитывать секунды. Надо занять Барбикена и Чехову, пока Матчек не закончит свою часть работы. Что же его так задержало? Жаль, что сейчас я не могу выйти из Круга, чтобы это выяснить.

— Все это производит грандиозное впечатление, — говорю я. — Старинные предметы всегда очень интересно рассматривать. Но мне казалось, что изделия зоку намного масштабнее. Скажи, какое самое большое орудие вы создали? Я хотел бы на него посмотреть. Я слышал, что у Соборности имеются солнечные лазеры, и всегда гадал, есть ли у вас нечто подобное.

Чехова как будто не слышит моего вопроса. А Барбикен оживленно подмигивает.

— Понятие «самое большое» здесь немного не подходит, — отвечает он. — К примеру, мы создаем разгонные двигатели для динамической поддержки членов из Супра. Но я могу показать тебе кое-что *поинтереснее*! — Он толкает локтем Чехову. — Ложная скромность здесь ни к чему, дорогая. Покажи ему!

Она вздыхает и жестом направляет ку-сферу дальше.

Следующий зал *огромен*.

Его содержимое — несколько пустотных кораблей. Это гигантские бескрылые стрекозы с серыми округлыми корпусами и многокилометровыми хвостами линейных ускорителей. Внутри сфер — идеальная отражающая поверхность: эти отсеки предназначены для хранения черных дыр с их излучением Хокинга в стабильном состоянии до момента взрыва.

Но действительно меня поражает объект, размещенный в центре зала. Своим внешним видом он отдаленно напоминает голову огромного насекомого. Его глаза, две шаровидные антенны, состоящие из прозрачных шестиугольников, сходятся в одной точке, и там что-то медленно вращается — множество серебристых шаров, соединенных спицами наподобие модели молекулы. Все это движется, и некоторые шары то исчезают, то появляются снова, сбивая с толку наблюдателя.

— Что это?

— Мое экпиротическое орудие, — бесстрастно отвечает Чехова.

— Оно не выглядит уж *очень* большим.

— Это всего лишь база. Стоит забросить его в массу, сравнимую с газовым гигантом, и она воспламенится. Хотя после Вспышки их осталось не так уж много.

— И как же оно работает?

— Устройство создает гравитационное возмущение, что приводит к появлению браны в высших измерениях массы нашего пространства-времени. Она отталкивается от браны Планка и сталкивается с первоначальной массой. В результате происходит Большой взрыв в миниатюре.

После этого становится легче понять точку зрения Большой Игры зоку на сложившуюся ситуацию.

— Создается впечатление, что это орудие нелегко точно навести на цель.

Я сверяюсь со своими внутренними часами. Чем *занимается* Матчек? Я дал ему самые точные инструкции, и сейчас он уже должен быть на «Леблане». Согласно первоначальному плану, сразу после заключения сделки я собирался воспользоваться

нейтринным потоком от взрыва Бомбы и по кват-каналу переместиться в пулю Вана, в спрятанное там тело — крошечный и почти незаметный сгусток интеллектуальной пыли, предназначенный для переправки на борт корабля, стоящего где-то в Арсенале. А уж потом ничто не помешает нам отсюда выбраться.

Но, похоже, мальчишка на что-то отвлекся.

— Скажи, старейшина, это необходимо? — спрашивает Чехова. — У меня есть дела поважнее, чем проводить экскурсии...

Я пытаюсь отыскать возможность на секунду выйти из Круга, но не рискую, вспомнив про внутренние системы безопасности Арсенала. Чтобы попасть сюда, мы прошли сквозь Врата Царства, где каждого по отдельности сканировали на атомном уровне на предмет возможной опасности. С ценными антикварными объектами они, безусловно, не осмелятся так поступить, чтобы не повредить драгоценную квантовую информацию, и именно на этом основывался мой план.

Я не даю Чеховой договорить.

— Очень интересно видеть здесь столько кораблей. Но ведь вы *Оружейный* Клуб, не так ли?

— Разница невелика! Подумай хотя бы о своей пуле Вана! Корабли — это те же орудия, не направленные на врага! Общества Робур и Немо черпают здесь вдохновение. — Барбикен задумчиво почесывает свои бакенбарды. — Нас очень часто неправильно понимают! Мы создаем орудия не ради разрушений, мы только проверяем свои силы! Орудийный снаряд против брони, корабль против пространства — это одно и то же!

Вдали слышится грохот.

Барбикен и Чехова одновременно смотрят вверх. Мне надо протянуть еще несколько секунд, и я решаюсь перейти к философской составляющей.

— Итак, вы не видите проблемы в том, что другие используют их на войне... — говорю я.

А через мгновение события начинают стремительно развиваться.

После серии последовательных взрывов Арсенал начинает греметь, словно барабан. Мимо нас с воем проносятся ракеты. Снаряды и пули рикошетом отскакивают от интеллектуальной материи стен. В зале позади нас одна за другой, словно падающие костяшки домино, срабатывают винтовки и пушки. Ку-сфера вокруг нас под обстрелом обычных орудий обрела прочность адамантина и покрылась вспышками, напоминая звездное небо. Из-за непрекращающегося грохота включаются звуковые фильтры.

Потом медленно приходит в движение один из пустотных кораблей. Выступ его линейного ускорителя начинает покачиваться взад и вперед, словно оружие в руках пьяного.

Ку-сфера виляет в сторону. Но это не имеет значения, единственный выстрел, если до этого дойдет, способен разнести в пыль целый спутник.

Барбикен и Чехова покидают Круг. Она взрывается ярким созвездием фоглетов и сверкающих камней; он превращается в лишенную тела голову в цилиндре, окруженную бриллиантовым вихрем. Ну и черт с ними. Я ускоряюсь и бросаю Матчеку кват-послание.

Чем ты, черт возьми, занимаешься?

Виноватая пауза длится пару микросекунд.

Я получил доступ ко всем, приходит ответ. **Я просто хотел поиграть.**

Сейчас же прекрати и приходи за мной!

Мысленный посыл оказался более гневным, чем я рассчитывал. В отклике ощущаются жгучие слезы.

Хорошо, тихо говорит он. **Извини.**

Ладно, поторопись…

Меня обхватывают невидимые руки. Щупальца фоглетов окутывают сзади и поднимают в воздух. Где-то позади личность полковника Спармиенто лопается, словно мыльный пузырь. На фоне далеких ослепительных вспышек истинные сущности двух зоку буквально раскаляются добела.

Подожди, обращаюсь я к Матчеку. **Не прекращай стрельбу. Только держись подальше от пустотных кораблей!**

Глаза Барбикена наливаются яростью.

— Ты! — кричит он.

— Привет, Барбикен, — с трудом отвечаю я. — Давненько не виделись. — Я пытаюсь кивнуть в сторону Чеховой, но не в состоянии пошевелиться. — Жан ле Фламбер к вашим услугам.

— Ты наносишь непоправимый ущерб! — орет Барбикен. — Убирайся из нашего ганскейпа сейчас же!

Где-то в дальних залах снова гремят взрывы. На этот раз я уверен, что в канонаде участвуют и термоядерные заряды. По корпусу ближайшего пустотного корабля стучат какие-то обломки. Я крепко зажмуриваюсь, но это не помогает: за сомкнутыми веками пылает красное солнце, а по коже раскаленным скребком проходит череда ожогов второй степени.

— Боюсь, я не могу этого сделать. По крайней мере до тех пор, пока не получу то, за чем пришел. Но если вы откроете выход из Арсенала, я постараюсь вам помочь.

— Ты хочешь получить «Леблан»? Почему ты сразу не

попросил об этом?

— Так интереснее. К тому же я никогда тебе не доверял. Ну, так что будем делать?

Вдали появляется стройный темный силуэт. *Давай, парень, я не могу держать их целый день.*

— Ничего не выйдет.

— Как хотите.

Башня пустотного корабля продолжает двигаться, медленно, но неуклонно. Она натыкается на серебристую раковину — метагенератор времен Протокольной войны, как я понимаю из хаотичных пояснений спаймскейпа Арсенала, — и разбивает его.

— О боже. Это, на мой взгляд, действительно тяжелый урон.

Но этого недостаточно. Они в любой момент могут обнаружить Матчека. Надо найти что-то еще, что-то такое, что достало бы их даже за пределами Круга.

Барбикен несколько отличается от той личности, которую я знал раньше, но старейшины не меняются, по крайней мере, до тех пор, пока не присоединятся к другому сообществу зоку. *Возможно ли это?*

Но попытаться стоит.

— Госпожа Чехова, возможно, это вас заинтересует, — говорю я. — Ваш старейшина работает на Большую Игру.

Чехова таращится на Барбикена. Между ними пролетает вихрь сообщений, затуманивающий изображения спаймскейпа. Ее истинный облик искажается изумлением и гневом.

Мой незамысловатый метамозг улавливает лишь отдельные кваты из этой перепалки, да и то не в состоянии их перевести. Но я могу себе представить их диалог.

— Я бы никогда не поверила, но это все объясняет.

— Он блефует! Неужели ты не понимаешь? Он может говорить что угодно!

— Так вот почему ты заблокировал экпиротический тест, ублюдок, вот почему...

Новая вспышка слепит глаза. Мое синтбиотическое тело содрогается до самого ядра. Я только успеваю подумать, что Матчек выпустил снаряд Хокинга, и теперь все кончено. Но сознание не исчезает, и я понимаю, что гибель черной дыры не унесла наши жизни.

Зрение постепенно проясняется, и я обнаруживаю, что Барбикен возвращается к прежнему обличью, только теперь рядом с его головой парит серебристый овал ку-ружья. Я мягко падаю на дно ку-сферы. Воздух сгущается от утилитарного тумана разбитых фоглетов и рассыпавшихся камней зоку. Чехова исчезает.

— Смотри, что ты заставил меня сделать! — кричит Барбикен. — Вернее, что я заставил сделать *тебя*! Такой будет официальная версия!

— Барбикен, неужели ты слабеешь с возрастом? Раньше в тебе горел огонь анархии. Помнишь дело с солнцедобывающими машинами? Тогда ты с радостью нарушал правила. Именно поэтому я и обратился к зоку для постройки кораблей.

— Ты опять играешь в какие-то игры, Жан! Как и всегда.

— О нет, я не играю. Только не в этот раз.

— Жан, не будь глупцом! Давай работать вместе! Нам известно о твоем посещении Земли. Нам необходима разведка. Соборность сходит с ума! Лучшего предложения тебе никогда не получить!

Я качаю головой.

— Я не работаю на конов, даже если они носят цилиндры, — отвечаю я. — А кстати, вот мое лучшее предложение: я покидаю вас — вместе со своим кораблем — или мы увидим, как будет выглядеть Япет с черной дырой внутри. Думаю, точно так же, как и Марс. Однако ты уже ничего не сможешь сказать по этому поводу, верно?

Барбикен колеблется. Я чувствую, как невидимый луч куружья упирается мне в лоб. Стискиваю зубы и стараюсь даже не моргать. Это довольно трудно, поскольку лазерные лучи, потоки частиц и кинетические снаряды затянули зал красно-белой паутиной.

— Убирайся отсюда! — рычит Барбикен после недолгой паузы.

В спаймскейпе я вижу, как распахиваются огромные ворота Арсенала.

Теперь можешь прекратить, говорю я Матчеку.

Это обязательно?

Да. И мы еще поговорим об этом позже, молодой человек.

Под нами поднимается «Леблан». Через кват-связь с Матчеком я уже ощущаю его прохладное прикосновение к своему разуму. Его темно-синий корпус не превышает десяти метров в длину, это нечто среднее между «Роллс-Ройс Сильвер Фантом» и космическим кораблем. Яркое пламя двигателей Хокинга выделяется на фоне общего хаоса Арсенала.

— Жан, ты совершаешь ошибку, — говорит Барбикен. — Оортианка примкнула к нам. Согласно нашему волеизъявлению она уже стала членом Большой Игры. Она все нам рассказала.

Дерьмо.

— Мы знаем, что ты не такой, как прежде. Ты можешь угрожать мелким зоку, но не более того. Мы *поймаем* тебя!

— Попробуйте, — отвечаю я. — А что касается оортианки, оставьте ее себе. — Я смотрю ему в глаза. — На нашу следующую встречу я возьму с собой не только игрушки.

А потом я прыгаю сквозь стенку ку-сферы и медленно опускаюсь к кораблю.

Мы будем наготове, беззвучно шепчут губы Барбикена.

Еще один залп орудий вспыхивает вокруг нас прощальным фейерверком, а потом я погружаюсь в прохладу темно-синего «Леблана».

Интерлюдия
БОГИНЯ И ЦВЕТОК

Жозефина Пеллегрини делает шаг, другой, морщится от боли в ногах. Мокрый песок липнет к босым ступням.

На пляже уже темно. Паутина карты Системы растаяла в призрачном сиянии. Даже море притихло. Демиурги заняты, они слушают ее и создают парциала. Проявляющийся гогол присоединяется к ней на ходу — это пустотелый призрак, песочная женщина, состоящая из множества кружащих в воздухе частиц. Она повторяет движения Жозефины шаг за шагом в ожидании мыслей и инструкций.

Жозефина передает ей воспоминания. Это не ее личная память, это воспоминания Прайма, безукоризненные, сохраненные в веках фрагменты, сверкающие, словно бриллианты. Они достались ей от копи-матери и сделали такой, какая она сейчас. Прежде чем направить их в жаждущий разум парциала, она задерживает каждое из них и пропускает через себя.

Период ее ветвления во дворце-лабиринте под сенью горы Кунапиии, когда ее Жан приходил к ней в последний раз.

Она вспоминает, как была Праймом, но только отрывками. *Прогулка по садам Творца Душ, когда она помогала ему пасти рои мыслей. Борьба в войне с самой собой в Давние Времена, против ветви, которая хотела погрузить в глубокий сон Дайсона целую губернию, чтобы оставить позади все проблемы и проснуться не раньше, чем галактика Андромеды заполнит небеса.*

Мысли Жозефины превратились в тени чего-то большего и многомерного, что не в состоянии воспринять разум, ограниченный виром-сном.

Однако она хорошо помнит свои чувства в момент, когда вошел вор.

Сначала его нигде не было видно, и вот он уже здесь, стоит и греет руки в пламени черной дыры в цилиндрической комнате, в

самом сердце ее лабиринта. Один из ее гоголов сразу же распознает дешевый трюк — тщательно размещенные покровы пространства-времени, скрывающие движение вора по лабиринту даже от ее глаз.

Он в теле из плоти, в массивной голубой броне зоку — не совсем материя, не совсем свет — и с ореолом квантовых камней, соответствующих защите. Она надеется, что камни не предназначены ей. Он уже отдал ей множество камней, и все приносили лишь разочарование.

По сравнению с ней он совсем маленький. Она присутствует в скале и атмосфере, и в компьютрониуме под корой планеты, и в нитевидных колебаниях горизонта событий черной дыры. Он лишь смешение углеродных атомов и сцепленностей, ку-точек и воды и едва достигает роста наименьшего из ее гоголов.

И тем не менее...

Она создает себе облик из модулированного излучения Хокинга и выходит ему навстречу из пламени черной дыры. Гоголы показывают, как она выглядит в его глазах: величественная фигура из голубого огня в ожерелье из звезд. Интенсивность излучения она удерживает на уровне чуть меньшем, чем способна отразить его броня.

— Уже вернулся? — спрашивает она голосом из гамма-лучей. Ее слова прожигают наружный слой брони. — Не прошло и двух столетий. Неужели Марс тебе так быстро наскучил?

Он прикрывает рукой лицо.

— Жизнь на Марсе была... весьма познавательной, — говорит он. — Не могла бы ты уменьшить жар? Боюсь, мои глаза не выдержат.

— Как скажешь.

Ей достаточно одной мысли, чтобы испарить его и залить в мыслеформу в своем вире. Гоголы не знают, что делать с драгоценностями зоку, и она просто оставляет их рассыпанными по полу в зале черной дыры, словно забытые игрушки.

Они вдвоем стоят в вире рядом с журчащим фонтаном под звездным небом. Теперь она тоже во плоти, облаченная в любимое платье, в самой царственной мыслеформе из ее Библиотеки. А он повторяет тот же облик, в котором пришел, все в том же превосходно сидящем темно-синем костюме, но кажется немного старше, чем она помнит. Он потирает переносицу.

— Так-то лучше, — говорит вор.

— Правда? Разве ты не был доволен предыдущей сущностью? Твоей Раймонде она очень нравилась. Бедняжка. Она, наверно, очень по тебе скучает. — Она поправляет кольцо. — Может, надо

было перенести ее сюда, вместе с остальными людьми с Марса.

— Жозефина...

— Неужели ты думаешь, что можешь играть с мелкими людишками, а потом безнаказанно приползти обратно ко мне? Твои другие сущности так и поступили. Как ты считаешь, что я с ними сделала?

— Я думаю, ты проявила абсолютную справедливость. — Он разводит руками. — Мне сказали, что ты приходишь сюда, чтобы помолиться богине. И я поступил так же.

— Чего ты хочешь?

— Как ни странно, я пришел по делу.

— Понятно. А почему бы мне не приказать своим гоголам прямо здесь и сейчас поглотить тебя и наконец выяснить, есть ли у тебя в голове что-то полезное?

— Не надо оскорблять меня предположением, что я не принял меры предосторожности, — отвечает он, постукивая пальцем по виску. — Только тронь меня, и все, что я пришел предложить, сгорит. Я имел в виду тронуть с *дурными намерениями*, — усмехаясь, добавляет он.

— Не испытывай мое терпение, Жан.

— Мне нет необходимости его испытывать.

— В таком случае ты понимаешь, что не стоит медлить.

— Разве? Даже здесь, когда у нас в запасе все время мира? Когда каждая минута стоит меньше базовой пикосекунды? После того как мы не виделись — ну, по крайней мере, я не видел тебя — почти две сотни лет? Ты с возрастом становишься еще более нетерпеливой.

Она вздыхает и усаживается на ступеньки фонтана.

— Это не удивительно, когда приходится идти по канату между сестрами и братьями Основателями, способными вонзить нож в спину, и фанатиком, который возжелал победить смерть. При этом приходится еще и следить, чтобы они в своей смехотворной войне не разорвали Систему в клочья. Это совсем не то, что проектировать здания и заводить любовные интрижки на Марсе.

Он опускается рядом, но предусмотрительно выбирает ступеньку пониже. Затем он обхватывает руками колено и отклоняется назад.

— Я понимаю. Потому и пришел сюда. Похоже, ситуация ухудшится.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Матчек Чен завладел камнем Каминари.

Она глубоко вздыхает.

— Почему ты говоришь об этом мне?

— А как ты думаешь? Потому что я собираюсь его украсть.

Она смеется.

— Я должна была это предвидеть, — говорит она. — И я полагаю, тебе требуется моя помощь?

— Не совсем так. — Он берет ее левую руку. Ладонь у него теплая и крепкая. — Жозефина, если я потерплю неудачу, ты знаешь, каким будет мой конец.

Он взмахивает свободной рукой, и между большим и указательным пальцем неожиданно появляется цветок с яркими заостренными лепестками.

— Он поможет тебе отыскать меня, когда это произойдет. То есть, если ты этого захочешь.

Она берет цветок. *Умный маленький вор.* В материи Цветка закодирована информация, переведенная ее гоголами в форму вира. На молекулярном уровне лепестки представляют собой бесчисленные ряды остроконечных соборов, содержащих данные. Они устанавливают рамки модальной логики и доказуемые свойства работы нейронов, как у гогола. Цветок — это пустая оболочка личности, ждущая своего заполнения.

— Как это романтично, Жан, — произносит она. — Ты просишь меня спасти тебя из тюрьмы даром? А не лучше ли попросить напильник в пироге?

— Ты никогда не была сильна в кулинарии, особенно в выпечке. И я даже на мгновение не допускал мысли о том, что из тюрьмы можно выбраться даром.

Она на мгновение замораживает его в замедленном времени, а сама отдаст приказ боевым гоголам проверить цветок на наличие ловушек. Гоголы ничего не находят. Только тогда Жозефина возвращает нормальное течение времени и вдыхает аромат цветка. Тонкий приятный запах с оттенком меда, напоминающий о лете.

— Жан, — говорит она, ощущая в груди странное тепло. — Это ведь *Матчек*. Ты потерпишь крах, и мне кажется, сам об этом знаешь. Зачем ты идешь на это? На Марсе, среди маленьких людей, ты был счастлив.

— Я не думал, что для тебя это имеет значение.

— Не имеет. Я просто считаю, что, присматривая за тобой, оказываю услугу Системе.

Он опускает взгляд.

— Однажды я беседовал с женщиной Каминари, — отвечает он. — Еще до Вспышки. Не смотри на меня так, это не то, что ты думаешь, мы были просто друзьями. Но как-то раз на Ганимеде мы ударились в философию. Она говорила, что Вселенная — это игра. Значит, мы — участники этой игры. И нам не дано увидеть

недозволенные ходы. Как в шахматах. Черно-белое поле сулит идеальную свободу, но правила создают невидимые преграды. Две клетки вперед, одна влево. Одна влево, весь ряд вперед или назад, одна вправо. И это все, что мы видим. На то есть свои причины, сказала она. Алгоритмическая сложность. Вселенная — это квантовый компьютер, и с течением времени выведение какой-то структуры становится предпочтительнее, чем создаваемые ею помехи. Отсюда правила и схемы. Такова игра. Но если проведешь в ней достаточно много времени, начнешь видеть игровой движок, лабиринт квантовой схемы, цепляющиеся друг за друга контуры, прямые и обратные ходы.

— Все это похоже на обычную болтовню зоку, — презрительно усмехается Жозефина.

Вор вздыхает.

— Возможно. После этого она заговорила об их древней легенде, о существе с миллиардом жизней, называемом Спящий. В конце концов коалиция тысячи гильдий убила его, и Спящий выронил маленький заржавевший кинжал. Но хватит об этом. Я устал от игр. Марса стало недостаточно. И ты права, я здорово запутался. Хочется чего-то новенького.

— И ты думаешь, что камень тебе в этом поможет?

— Не знаю, но хотелось бы попробовать.

— Жан, я знаю тебя, как никто другой. Ты никогда не остановишься. Всегда найдется что-то, что ты захочешь украсть.

Он бросает на нес притворно скучающий взгляд.

— Ну, не знаю, — говорит он. — Я думаю, еще разок и хватит. Но, может быть, всегда так думал. — Он поднимается. — Прощай, Жозефина. Если нам суждено встретиться еще раз, это произойдет по твоей инициативе.

— Разве я позволила тебе уйти? — спрашивает она более суровым тоном.

— Да я и не ухожу. Я никогда не рискнул бы сюда прийти, если бы собирался уходить. Это всего лишь моя новая ветвь, созданная специально для тебя. А твой контур самоуничтожения? Я его давно уже украл.

— Жан...

Она тянется к его основе, к его мыслеформе, но уже поздно.

— Знаешь, это неплохая практика на будущее. Даже если разветвляться перед прыжком в никуда, надо иметь решимость сделать это самостоятельно. Прими это как комплимент, Жозефина: если бы мне предстояло прийти сюда впервые, мне было бы нелегко собраться с духом. Береги себя. Рад был повидаться.

Он закрывает глаза. Вздрагивает. Мыслеформа стоит все так

же, грудь поднимается и опускается, но Жозефина знает, что гогола внутри уже нет.

Она еще долго сидит на ступеньке, смотрит на неподвижную фигуру вора, на его застывшее, умиротворенное лицо. И вертит в пальцах цветок. Наконец она встает и ласково прикасается к лицу Жана рукой, на которой кольцо.

А потом начинает размышлять, как выгоднее выдать его Матчеку Чену.

Глава седьмая
МИЕЛИ И ЛАКРИЧНЫЕ ЗОКУ

Квантовый спам-дождь застает Миели за пением в ее новом садике.

Она сидит в тени молодого водооткачивающего дерева и напевает мелодию, меняющуюся по тону и темпу. Мелодия помогает смарт-кораллу отрастить тонкие щупальца, обвить ими почву и сделать ее плотнее, чем может слабая гравитация Обширной Чаши. В теплом и влажном воздухе чувствуется кисловатое дыхание водооткачивающего дерева. В песню Миели вплетаются пронзительные крики молодых пауков ананси. Они проворно бегают по ветвям, оплетая их алмазными нитями паутины. Горизонт изогнут дугой. Высоко над головой ледяное, слабо просвечивающее небо, а за ним точно такие же сферы.

Только часть окружающего мира реальна, насколько вообще здесь что-то можно считать *реальным*. Как и большинство обитателей Супра, Миели теперь член Хёйзинга[101]-зоку, зоку Кругов. В пределах своего Круга она вольна определять реальность и ее законы по собственному желанию. Она поеживается при воспоминании о мучениях при создании Круга, когда ее мир сначала превратился в плоскую картинку без третьего измерения, а потом — в серый туман, где физической формой обладали только звуки.

Лишь после подсказки Зинды Миели неохотно трансформировала свою тоску по Оорту в желание и через камень Хёйзинга вплела его в волеизъявление зоку. Уже в следующее мгновение несколько тысяч членов сообщества прислали ей кваты готовых оортианских Кругов и спаймов Царств — начиная с мегапроектов конструирования игровых Царств и заканчивая подробнейшими описаниями Кругов с исследованиями тендерной динамики в оортианском кото. Последний проект Миели нашла самым многообещающим, но, реализовав его, обнаружила, что общение в этом мире возможно только через пение и движения крыльев, а сексуальная активность исключена полностью. Тем не

менее этого было достаточно, чтобы создать клочок реальности, совпадающей с ее воспоминаниями.

Теперь она могла представить себе, что вернулась в Оорт. Почти.

Пение дается ей легко, и под ногами Миели ощущает движение почвы. Она уже вырастила несколько кустов облачных ягод. Теперь очередь за векторными кустами и, может быть, маленькой рощицей фениксов. Это занятие почти заполняет пустоту в ее груди.

В глубине души Миели боится заканчивать песню. После песен живым существам настанет время для песен мертвым. Она несколько недель работала над песней для «Перхонен», но пока горе скрыто под покровом солнечного света и спокойствия, Миели доступны лишь отдельные фрагменты. При общении с другими зоку она постоянно прибегает к помощи метамозга, чтобы контролировать свои мысли и эмоции. И каждый раз чувствует себя как бабочка, зажатая между двумя стеклянными пластинами. Но она отказывается прикасаться к своему горю, и оно остается дикой колючкой в упорядоченном садике ее разума.

Первый упавший камень она по ошибке принимает за каплю воды, сорвавшуюся с паутины ананси. Но за ним следуют другие: сначала медленно, словно блики света, исчезающие в траве, а затем начинается настоящий стеклянный град, бьющий по листьям водооткачивающего дерева со звуком, напоминающим приглушенную пулеметную очередь. Крошечный камешек царапает Миели щеку. В голове вспыхивает желание присоединиться к зоку в создании полномасштабной копии древнего воображаемого космического корабля на поверхности Реи. Миели отмахивается от него и прижимается к пульсирующему стволу водооткачивающего дерева.

Падающие камни становятся крупнее, они рвут паутину ананси и сбивают паучков на землю. На почве от них остаются маленькие кратеры, а лужайка облачных ягод исчезает на глазах. Миели нащупывает связь с зоку Чаши, отвечающими за инфраструктуру, и посылает полный отчаяния кват с просьбой установить ку-зонтик над ее садом.

Возник конфликт с замками Шредера твоего Круга, приходит ответ. У Миели вырывается стон. Какие-то установки ее Круга явно исключают неоортианские технологии.

Она выбегает под дождь и, развернув крылья, пытается спасти хотя бы часть нежных ягод. На нее обрушивается ливень раскаленных камней. Вместе с тем мозг подвергается бомбардировке предложениями о сцепленности. Мегапроект машины времени! Разгадка Парадокса Ферми! Воскрешение

святой Макгонигал — наше общее спасение!

— Перкеле[102]! — выкрикивает она ругательство и сквозь безумный грохот спама проталкивает запрос Хёйзинга-зоку. Ее Круг, сверкнув серебром, сворачивается. Ледяное небо исчезает. Горизонт вместо привычной в кото чаши превращается в бесконечную кривую поверхности Сатурна, перечеркнутую громадными зеленовато-голубыми арками Полос и поддерживающими их дымчатыми столбами масс-потоков. Вокруг маленького шестиугольника Миели возникает головокружительная лестница Обширной Чаши — колоссальная череда восходящих ступеней с разной степенью силы притяжения: на каждой верхней ступени гравитация чуть ниже, чем на предыдущей. Лестница тянется вверх почти на два километра, начинаясь с уровня в один *g* на охристых штрихах в манере Ван Гога, покрывающих поверхность гигантской планеты.

Наконец с легким щелчком и запахом озона появляется мерцающий купол ку-зонта. Еще пара тонких струек мелких камешков осыпается с водооткачивающих деревьев, а затем в саду воцаряется тишина.

Миели оценивает разрушения. Крылья и голова очень болят. Под ногами хрустит слой камней. Вся зелень скрылась под многоцветными сверкающими россыпями. Миели вздыхает и призывает от зоку Чаши рой ботов из утилитарного тумана для очистки территории.

На этот раз они материализуются мгновенно: воздух начинает дрожать, словно от жары, и камни спама, поднимаясь вихрями и спиралями, уплывают с земли. Миели подумывает, не приказать ли ботам восстановить первоначальный вид сада, но отказывается от своего намерения. Карху всегда советовал ей сохранять напоминания о совершенных ошибках.

Миели? Это кват от Зинды, вместе с ним появляется ощутимое впечатление чувственности, запах ладана и блеск перечеркнутого кольцом вечернего неба над балконом участницы Большой Игры. **Ты в порядке?**

Все отлично, отвечает Миели, ограничиваясь кратким словесным посланием. **Что ты хотела?**

Просто проверить, как у тебя дела! Я получила отзвук волеизъявления о том, что ты нуждаешься в какой-то помощи. Мы ведь теперь сцеплены, не забывай. Следует небольшая пауза. **Ах, дорогая, мы допустили чудовищную ошибку. Не надо было селить тебя на Обширной: спам-зоку считают, что недавно присоединившиеся и экспаты могут стать легкой добычей, а зоку Чаши не слишком торопятся их**

обуздать. Ты уверена, что не хочешь в Царство?

Миели молча проклинает свою неосторожность. Надо внимательнее сдерживать свои чувства и мысли. Похоже, что ее волеизъявление без ее ведома частично передалось камню Большой Игры. И она еще не слишком уверенно обращается с кват-связью, позволяя Зинде видеть то, что видит она сама.

Да, я уверена.

Как жаль! Но я тебя понимаю. Этим отличаются многие Эйгон-зоку. Но если я могу для тебя что-нибудь сделать, дай мне знать. Да, и если ты закончила, не согласишься ли со мной поужинать?

Миели вздыхает. По всей видимости, Зинда искренне хочет помочь ей устроиться. Приняв камень Большой Игры, Миели ожидала, что ее отошлют в какое-нибудь странное Царство, где будут спрашивать о Соборности, а затем последует награда или наказание. Вместо этого Зинда в качестве прикрытия устроила ей присоединение к Мираж-зоку, занимающимся взаимопроникновением музыки и материи, переводом звуков в материальную форму, и имеющим в своих рядах несколько эмигрантов с Оорта. Очень кстати пришлось и то обстоятельство, что Мираж-зоку массу времени посвящали индивидуальным проектам, и проявления общей воли сводились к приглашениям на краткие обсуждения качеств Вселенной, которая могла бы развиться из теоретически возможной частицы в случае конвертирования симфонии в компоненты системы преобразований Фурье для операторов рождения/уничтожения. В последние две недели Миели в основном была предоставлена самой себе.

Нет, спасибо.

Клянусь, я неплохо готовлю.

В другой раз, может быть.

Как хочешь. Только не забывай поесть. Скоро тебе потребуются все твои силы.

Почему?

Подожди немного! Вместе с кватом приходит ощущение двигающегося века подмигивающей Зинды. Миели невольно вздрагивает, и на этом присутствие девушки-зоку пропадает.

Миели вздыхает. После очистки в садике остались горы перерытой земли, потрепанные водооткачивающие деревья и несколько рассерженных ананси, выбирающихся из норок в почве. *По крайней мере, работа отвлечет меня на некоторое время.*

Миели подбрасывает ногой ком земли. Напрасная трата времени. Наверное, *надо было* принять приглашение Зинды на ужин, сблизиться с ней, выяснить что-нибудь еще о Большой Игре

и камне Каминари. Притворяться кем-то другим, внедряться в стан противника — все это было работой вора, а не Миели.

После дождя она чувствует себя грязной и внезапно понимает, как скучает по сауне. Может, попросить зоку Чаши устроить ей нечто подобное где-нибудь наверху, на ступенях с низкой гравитацией?

Неожиданно приходит волеизъявление, и Миели обнаруживает, что камень Большой Игры интенсивно пульсирует. Прежде чем она успевает дать команду метамозгу подавить мысль, в голове возникает решение, как будто пришедшее после долгих раздумий. Конечно. Через двадцать субъективных минут ей надо быть на Чаше Ирем.

Ее вызывает Большая Игра.

Стремление подчиниться зову ноет в ее голове, словно боль. В отличие от шепота Мираж-зоку или сообщества Чаши, требование Большой Игры не отличается деликатностью. Миели сопротивляется ему ровно столько, сколько нужно, чтобы наскоро принять душ из фоглетов. Она погружается в туманное облако наноботов, предоставляя им чистить и скрести кожу. После душа тело краснеет и расслабляется, но при этом Миели чувствует себя собранной.

Она фабрикует себе новую одежду и призывает свою квантовую сущность. Все камни, разбросанные по разным уголкам, начинают светиться, поднимаются, словно испуганные птицы, и образуют вокруг ее головы не слишком богатую Солнечную систему.

Совокупность камней является квантовым продолжением Миели, вместилищем света, который воплощает ее связь с другими зоку. С их точки зрения, не сменная плоть, а именно камни и их квантовое состояние характеризуют ее сущность. Миели ловит себя на мысли, что предпочитает бесконечное самокопирование Соборности. *Надо было позволить Пеллегрини создать гогола «Перхонен».*

Но Большая Игра не оставляет ей времени для сожалений. Миели встряхивает головой и дает команду Чаше запечатать ее шестиугольник и позаботиться об ананси и оставшихся растениях. Затем она смотрит на камень Метро-зоку — белый диск с красной каймой и синей поперечной полосой — и выражает желание перенестись на Ирем, но с оговоркой: избегать перемещения по Царствам и оставаться в физическом мире, насколько это возможно.

В следующее мгновение кожу начинает легонько пощипывать, воздух мерцает и сгущается, и Миели поднимается вверх в

окружившей ее транспортной ку-сфере. В животе появляется легкая дрожь, а потом Миели летит, летит с такой скоростью, на какую не способны даже ее крылья.

Сначала ку-сфера разгоняется до нескольких десятков g, при этом мягко, но прочно охватывая наноботами каждую клетку, чтобы не допустить повреждений. Миели чувствует себя в безопасности, поскольку ее мозг окутан успокаивающим присутствием Метро-зоку. За несколько секунд мимо нее проносятся разнообразные шестиугольники и Круги, а также лестница Обширной Чаши, словно воплощенная математика, а потом все сливается в непроницаемый однообразный тоннель.

Внезапно тоннель исчезает, и Миели обнаруживает, что оказалась *под* Чашей. Сфера проплывает по брахистохроне масс-потока, пересекающего участок вакуума между верхними слоями атмосферы Сатурна и основной оболочкой города Супра. Это фосфоресцирующий цилиндр, в котором частицы окиси железа движутся по замкнутому циклу с невероятной скоростью. Пока Миели разглядывает окружающую обстановку, сфера своим электромагнитным полем цепляет поток и за несколько мгновений достигает скорости двадцать тысяч километров в час.

Наверху обратная сторона перевернутого мира Чаши Видящих — беспорядочные нагромождения искусственных скал и плоскогорий Нижнего моря. Там полно зоку в телах кайдзю[103] со множеством щупалец, которым отдают предпочтение, когда играют в древних богов из чужих миров. Столбы масс-потока, поддерживающие грандиозную структуру, кажутся пучками светящихся нитей, исчезающих далеко внизу в тумане Сатурна. Вдоль них идет интенсивное движение — от мириад транспортных сфер до грозных паукогородов пиратов-зоку. К счастью, под сферой Миели в нескольких тысячах километров виднеется только один такой корабль. Это черное остроносое чудовище со множеством конечностей, в котором живут сотни тысяч видоизмененных зоку. Корабль переносится из одного потока в другой и стреляет камнями пиратов в беспечных путешественников, чтобы привлечь их в свою команду и отправиться в бездонные глубины Сатурна на поиски квантовых сокровищ.

Миели попадает в облако сфер, движущихся в одном направлении. Внутри полно истинных и видоизмененных зоку, гуманоидов самых разнообразных форм и оттенков. Синекожий великан с ухмыляющимся сапфировым черепом и в защитном панцире посылает Миели кват с приглашением присоединиться к сообществу Оседлавших Бурю, которое намерено погрузиться в

шестиугольник на Южном Полюсе. Многорукие любовники, образовавшие невероятное сплетение плоти, зовут ее с собой для изучения тантрического языка. Миели отвергает все приглашения, дает команду своей квантовой сущности блокировать послания и продолжает полет.

Наконец Миели приближается к Чаше Ирем, и ку-сфера начинает плавный подъем по изгибающемуся потоку. Процесс сооружения Чаши еще не закончен. Сквозь стыки между шестиугольниками пробивается яркий свет фабрикаторов, по своей величине сравнимых с целыми материками. Масс-потоков, питающих искусственный континент, так много, что кажется, будто это нити, сплетающиеся в новый ландшафт.

Ку-сфера ныряет в проем, и Миели успевает заметить в полости Чаши сложный механизм самособирающегося комплекса: похожие на гигантских змей трубы сворачиваются в многогранники и другие сложные фигуры, образуя скелет будущих гор и холмов. Все это отдаленно напоминает ей Большую Работу Оорта, которой она занималась в юности: цепочки связанных между собой комет, под действием гравитации принимающие форму спиралевидной молекулы протеина.

Но масштаб здешних работ намного превосходит ее творения. Миели хочется зажмуриться, но она заставляет себя держать глаза открытыми. Она обязана помнить, где находится. И обязана помнить, кем сейчас должна быть. Человек Тьмы может в один миг поглотить сферу, но Миели не боится. Даже одна нота способна изменить песню. И бабочка способна изменить направление шторма, будь он даже размером с планету, как вихрь, бушующий в глубине Сатурна, готовый уничтожить Чашу Ирем в случае ее падения.

Ку-сфера оставляет ее посреди пустынного материка, на огромном сером плато, освещенном бледным рассеянным солнечным светом. Почва под ногами состоит из нотч-кубиков — одинаковых брикетов серого цвета, размером с кулак. Они такие горячие, что трудно устоять, но, ощущая присутствие Миели, охлаждаются, отдавая излишнее тепло во все стороны. Это макроскопические эквиваленты ку-точек, основной строительный материал большей части зданий в Сунра.

Вокруг совершенно пусто, только на горизонте виднеется гигантская статуя: массивный, грубо высеченный монумент, изображающий мужчину с киркой, — оставленный в новой Чаше символ создателей этой конструкции. То и дело слышится глухой грохот работающих машин, и откуда-то снизу поднимается волна дрожи. Легкий ветерок несет слабый запах раскаленного металла.

Уложенные правильными рядами кубики заставляют Миели чувствовать себя шахматной фигурой на огромной доске, ждущей, что с неба протянется рука и передвинет ее. *Что я здесь делаю?*

От внутренней системы приходит сигнал тревоги. В вихре ветра появляется еще одна сфера. Перед Миели мелькает пылающая медуза истинного облика зоку, но затем пассажир сферы принимает измененный вид, который отличается еще большей эксцентричностью: набор серебристых шаров с ярко накрашенными женскими губами. Шары без всякой видимой закономерности то появляются, то исчезают. Рты постоянно разговаривают тихими женскими голосами, сливающимися в непрерывную какофонию. Тем не менее существо кажется отдаленно знакомым — это проявляется инстинктивное узнавание зоку одного и того же сообщества.

Идентификация: Анти-де-Ситтер[104]**-Времен-и-Сфер,** поступает кват, сопровождаемый вихрем абсолютно неизвестных Миели геометрических понятий.

— Привет, — говорит она. — Меня зовут Миели.

Шары начинают стремительно вращаться, потрескивая электричеством.

Взаимно-однозначное соответствие: Метис. Конечный пункт: временоподобная геодезия. Спектр интенсивного воздействия: гнев. На этот раз кват приносит эмоции: волна отвращения заставляет Миели попятиться.

Черт. Протокольная война. Она знает меня по Протокольной войне.

Миели не успевает ответить, как раздается щелчок, словно пальцем по надутым губам, и появляется еще одна транспортная сфера.

Вновь прибывший принадлежит к племени Быстрых — это крошечный человечек верхом на четвероногом красноглазом крылатом существе. Скакун не больше, чем ананси, и они оба могли бы поместиться на ладони Миели, если бы всадник не был облачен в черную броню, усыпанную шипами. Человечек отвешивает поклон, не спешиваясь.

— Приветствуюваследи! СэрМикквашимуслугам! — выпаливает он пронзительной скороговоркой.

Анти-де-Ситтер опять начинает потрескивать искрами, и Миели замечает, как странная пара обменивается потоком кватов.

— Друг! Вызываюнадуэль! — пищит сэр Мик, размахивая мечом чуть больше иголки.

Один из шаров Анти-де-Ситтер начинает наливаться светом.

Миели активирует боевые системы.

Раздается еще один щелчок.

— Отлично, — произносит Зинда. — Вся команда уже в сборе!

Зоку встает рядом с Миели. На ней костюм самурая, в руке нагината из горного Царства, где они впервые встретились, а маска кролика сдвинута наверх.

— Я очень взволнована — это наша первая общая миссия.

— Куутар и Ильматар! Что мы все здесь делаем? — спрашивает Миели, не сводя глаз с трех зоку.

— Разве камень тебе не сообщил? Полагаю, у нас еще недостаточно высокий уровень сцепленности, или, скорее, разделения волеизъявления. Тебе понравится, Миели. — Зинда улыбается. — Мы собираемся похитить разум Основателя Соборности.

Я же говорила, что они будут ненавидеть меня, передает Миели кват Зинде.

Ой, прекрати, они просто еще не знают тебя. После инструктажа все изменится к лучшему, я обещаю.

Инструктаж? Я думала, ты всего лишь простой агент.

Да, так и было! Но меня повысили после того, как я привлекла тебя к работе. Вместе с кватом приходит задумчивая улыбка. **Теперь у меня почти не остается времени для первичного сообщества. И ты права: мне надо было сотворить новый образ, но я подумала, что будет лучше выглядеть так же, как при первой встрече. Это придает мне уверенности!**

— Ну, ладно, — произносит Зинда вслух. — Прошу всех успокоиться. Сейчас я создам Круг, чтобы нам было удобнее говорить. Миели присоединилась к нам совсем недавно и еще испытывает трудности с кватами. Давайте относиться друг к другу внимательнее.

Сэр Мик сердито поглядывает на Миели. Многочисленные рты на шарах Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер сжались в тонкие линии.

Зинда взмахивает руками, и вокруг них на мощеной поверхности появляется серебристая окружность: через камень Хёйзинга-зоку Миели получает свод правил: *Никакого насилия. Только базовые тела. Разрешение конфликтов при помощи переговоров. Кваты можно использовать только для передачи данных. Начисление очков за взаимодействие в команде.*

Щелкают замки Шредера, и Миели ощущает странную фантомную боль, вызванную отключением боевых систем. Она мысленно прикидывает, насколько прочны замки: вероятно, они действуют через связь камня Хёйзинга с ее мозгом, и метамозг при необходимости сможет их отключить.

Теперь ее товарищи по команде начинают играть по правилам: Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер становится женщиной с пухлыми губами и классическими чертами продолговатого лица, в платье цвета ржавчины и с цветами и лентами в пепельных волосах. Сэр Мик увеличивается в размере, немного не дотягивая до пропорций базового тела, сохраняя при этом большие глаза, растрепанные волосы, заостренные уши и недоверчивое выражение лица.

Зинда вертит в руках нагинату.

— Так-то лучше! Теперь я должна передать вам в квате некоторые данные, но основное объясню на словах. Волеизъявление зоку собрало вас вместе в силу наилучшего для этой миссии сочетания способностей: криптография, — она указывает на Анти-де-Ситтер, — пространственная координация, навигация и транспортировка, — кивает на Мика, — и, что самое важное, глубокое знание тактики Соборности и соответствующих коммуникационных протоколов. — Она похлопывает по плечу Миели. — Вот причина, по которой мы здесь собрались.

Зинда делает глубокий вдох, при этом в ее глазах на мгновение проскальзывает выражение растерянности. *Она слишком молода,* думает Миели. *Или это просто игра, часть ее видоизмененного образа.*

— Есть ли с этим какие-то проблемы? — спрашивает Зинда.

Воцаряется молчание. Мик, саркастически улыбаясь, откидывается назад и складывает руки на груди. Анти-де-Ситтер закрывает глаза и раскачивается на пятках взад и вперед.

— Нет? Очень хорошо. В таком случае, я думаю, пора перейти к конкретному плану. Сейчас позвольте показать вам, что творится во Внутренней Системе, — продолжает Зинда.

Переданный в квате спайм показывает в центре их маленького Круга сложную диаграмму: трехмерное сплетение цветных секторов, потоков и векторов.

Еще через мгновение Миели понимает, что перед ней текущая структура власти в Системе в представлении Большой Игры, детализированная схема, обновляющаяся в режиме реального времени благодаря агентам зоку в сети маршрутизаторов. Получить информацию в Супра нетрудно: как в случае с любым поддающимся количественному определению источником, есть зоку, которые стремятся устроить вокруг него игру. Но Миели в течение нескольких последних недель намеренно избегала любых новостей из Внутренней Системы и теперь впервые видит масштабы конфликта.

Пеллегрини, василевы и сянь-ку вступили в войну. Их *губернии* превратились в центры *районных* потоков и выбрасывают

колоссальное количество тепла и материи. Основные сражения с применением экзотических орудий сосредоточены вокруг солнцедобывающих комплексов и Магистрали. Границы конфликта расширились до Пояса и расходятся еще дальше, к троянцам Юпитера и даже его оставшимся после Вспышки осколкам. Остальные Основатели затаились, они выжидают подходящего момента и укрепляют свои территории. *Губерния* Чена все еще находится в точке Лагранжа между Землей и Луной, хотя об *областях* и *районах* Чена спайм не дает четкого представления, изображение строится на показаниях сенсоров, а не на данных разведки.

— Думаю, ситуация понятна, — говорит Зинда. — Обычно мы внедряли агентов во все копикланы. Но теперь все иначе. В клане ченов мы лишились всех шпионов. И возникла проблема: до сих пор они сохраняли нейтралитет, но в любой момент могут принять то или иное решение. Мы ожидали, что они поддержат пеллегрини, но этого не происходит. После вступления в войну Драконов мы потеряли возможность следить за самым ожесточенным конфликтом в Соборности. Призраки-зоку клянутся, что в самом конфликте таится нечто странное, но они не могут с уверенностью сказать, что именно. И нам предстоит это выяснить. В настоящий момент зоку ведут против ченов несколько тысяч разведывательных операций. Но мы, дорогие друзья, имеем возможность завоевать славу и сцепленность для наших зоку. — Зинда поворачивается к Миели. — Миели, не могла бы ты рассказать нам о структуре власти на боевых кораблях Соборности?

Миели сосредоточенно хмурится.

— Большая часть гоголов создается с учетом той цели, для которой предназначен корабль: воинствующие разумы и бойцы. Имеется также командующий гогол из старшего поколения, и его ранг тоже зависит от миссии. И еще...

— Гогол Чена в качестве наблюдателя, защищающего интересы Соборности даже в период конфликтов между Основателями, так со времен Драконьих войн. — Зинда улыбается. — В случае уничтожения корабля чен, как правило, эвакуируется в мыслевихре. Вот тут мы его и схватим: мы будем следить за боями гражданской войны (перестрелка между *районами* — это все, что нам нужно) и искать мыслевихри. Мик составит сеть ку-точек и позаботится о навигации. Миели убедит мыслевихрь в том, что перед ним корабль Соборности. Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер с помощью протоколов Миели загонит чена в Ларец. — Она обводит взглядом лица присутствующих. — Вопросы есть?

Медленно поднимается Мик.

— Дорогая леди Зинда, боюсь, подобный образ действий не самый разумный, — говорит он. На нормальной скорости его голос звучит глубоким баритоном, что никак не соответствует мальчишескому лицу. — Тебя мы все отлично знаем, и ты сильна в сцепленности. А вот наш новый компаньон? Она мне не нравится. — Он делает шаг вперед и снизу вверх смотрит на Миели. — Да, она член нашего сообщества зоку, но лишь в самой незначительной степени. Ее воля не так сильно связана с Большой Игрой, как у нас. Я воевал против Соборности: внутри их воли часто может быть другая воля, и это скрывает их истинные намерения. И разве не она была причиной окончательной смерти многих друзей Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер во время Протокольной войны?

Мик качает головой.

— Если бы не волеизъявление зоку, я ушел бы прямо сейчас, и я скорее готов вырвать камень Большой Игры из рукояти своего меча, чем идти на опасное задание с таким сомнительным компаньоном.

Зинда поочередно всматривается в лица всех троих.

— Нравится вам или нет, но Миели является частью нашего общества, и зоку приняли решение. Вы можете не соглашаться с ним. И вольны уйти в любой момент. Теперь, когда мы выслушали Мика, что скажет Анти-де-Ситтер?

— Ситуация, отфильтрованная цепью Маркова: обречена, — мягким мелодичным голосом произносит Анти-де-Ситтер.

— Несмотря на связывающие нас законы гостеприимства, — говорит Мик, — воин Соборности, чьи руки обагрены кровью, не ступит на борт моего верного корабля «Цвайхендер»[105]. Клянусь в этом своим клинком.

Зинда растеряна.

— Может, я неправильно выбрала Круг, — тихо произносит она. — Вы уверены, что не увлеклись обсуждением в попытке заработать дополнительные очки? Я часто поступаю так в Кругах, стараюсь создать механизм для генерирования конфликта, это значительно улучшает нарратив.

— Импликация посредством модус поненс[106]: отрицательно, — выпевает Анти-де-Ситтер.

Она не справляется, решает Миели. Но подобраться к камню Каминари можно только путем сцепленности с Большой Игрой.

Миели выходит вперед.

— Я Миели, дочь Карху, — говорит она. — И все вы правы, я здесь чужая.

Она по очереди смотрит в глаза каждому из них.

— Но в одном сэр Мик ошибся. Может, я еще и не стала полноправным членом Большой Игры, но я уже не воин Соборности. Некоторое время я служила им, но любить их у меня нет никаких причин. В сердце своем я принадлежу Оорту, миру льда и темноты, песен и бездны. И меня тоже учили считать врагами пришельцев, приближающихся к кото. Но еще меня учили отбрасывать обиды ради совместной работы для Миллиона Племен, когда возникала необходимость отогнать Человека Тьмы.

Она ненадолго умолкает. Это оказалось не труднее, чем создавать песню и наблюдать, как вяки отзываются на слова и ноты.

— Когда мы встречались с воинами и строителями из других кото, мы должны были сделать что-то вместе, чтобы установить связь. Мы шли в сауну и поддавали пару, пока жара не прогоняла даже самого Человека Тьмы. И мы делали татуировки, оставляя на коже общий символ, чтобы закрепить связь болью и краской. — Она прикасается к изображению бабочки на груди под накидкой, и выпуклый контур отзывается в ее душе чувством вины. — А еще мы до тех пор пили лакричную водку, пока не начинали выбалтывать друг другу все секреты. И все это ради того, чтобы мы могли встать плечом к плечу, когда это было необходимо Племенам.

Предполагается, что все мы связаны сцепленностью, стремлением действовать во благо наших зоку. Но я бы сказала, что этого недостаточно. Нить, связывающая наши судьбы, слишком тонка и теряется в полотне Большой Игры.

Все внимательно ее слушают. У сэра Мика начинают блестеть глаза. Миели решает, что он будет ключевой фигурой.

— Я не слишком хорошо изучила обычаи зоку, но я понимаю одно: сообщество зоку создать нетрудно. Вот что я предлагаю: давайте создадим собственное сообщество специально для этой миссии, чтобы ради общего дела объединить наши силы и наши мысли. Сцепленность нескольких сильнее сцепленности многих. И тогда вы поймете, что мои намерения чисты. — Она прищуривается, глядя на Мика. — Сэр Мик, если бы мы были в Оорте, тебе пришлось бы отвечать за свои слова с мечом в руке. Но здесь, в Круге, ради моего друга Зинды я предлагаю тебе объединиться в новом братстве зоку. Что ты на это скажешь? — Она обводит взглядом остальных. — Что скажете все вы?

Мик обнажает свой меч и поднимает его в вытянутой руке.

— Я скажу: трижды «да»! — восклицает он и улыбается. — Прошу меня простить, леди Миели, — продолжает он. — Связанный нашим общим камнем, я буду счастлив сражаться с тобой плечом к плечу.

После небольшой паузы высказывается и Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер.

— Статус операции: присоединение, — говорит она.

Создание сообщества зоку занимает несколько минут. Зинда достает небольшой камень Нотч-зоку, и по ее запросу с поверхности Чаши поднимается фабрикатор, из которого выскакивают четыре чистых камня, четыре простых прозрачных пятигранника. Тем временем Миели обращается к своему метамозгу с просьбой скрыть все мысли о камне Каминари до окончания миссии и надеется, что Пеллегрини не преувеличивала свои способности относительно маскировки.

Предательство братства кото, мрачно думает она. *Еще одна ушедшая из меня часть. Не потому ли вор так часто менял лица? Не потому ли, что от него осталось совсем немного?*

А потом эта мысль исчезает.

Камни из фабрикатора еще теплые, словно живые существа. Четверо компаньонов поднимают их высоко над головой, и Зинда призывает с одного из многочисленных маршрутизаторов зоку луч сцепленности. Он проявляется ярким столбом, освещает лица и сверкает на новых камнях ослепительными бликами. Камень в руке Миели передает ей ощущение нового присутствия, связь с новорожденным сообществом и твердое намерение похитить чена и заслужить сцепленность с Большой Игрой.

— Как мы себя назовем? — спрашивает Зинда, одновременно посылая Миели кват с благодарностью.

Все смотрят на Миели.

— Что ж, пусть это будет первой пробой нашего волеизъявления, — говорит она. — Кто его назовет?

Ответ всем ясен. Озвучивает его сэр Мик.

— Как мне думается, леди Миели уже произнесла название: если наша связь должна заменить собой узы лакричной водки, пусть нас узнают как Лакричных зоку!

Он снова поднимает меч. Над ними проявляется темный вытянутый силуэт: черный стометровый цилиндр, расписанный красными рунами и ощетинившийся темными лезвиями.

— Дорогие леди, это мой «Цвайхендер», — объявляет Мик. — Он понесет нас навстречу нашей участи.

Глава восьмая
ВОР И КОРАБЛЬ С ПРИЗРАКАМИ

На моем корабле завелись привидения.

Я веду «Леблан» сквозь нижний облачный слой Сатурна, стараясь скрыться в морозных голубых вихрях аммиачных озер и яично-белых тучах водяных паров, и не могу отделаться от этого чувства. К этому мучительному беспокойству примешивается покалывание в животе, мне все время кажется, что интерфейс Царства затягивает корабль и кто-то постоянно заглядывает мне через плечо.

Такое ощущение вполне может быть отголоском моего предыдущего «я», сохранившегося в нейронной системе судна. Царство капитанской рубки представляет собой парящую платформу в огромном зале с прозрачными стенами, откуда открывается вид снизу на бурлящие охристые глубины гигантской планеты. Я сижу в бархатном кресле за панелью управления, которая выглядит как помесь трех органов с пишущей машинкой — и даже имеет педали. Но все это лишь коммуникатор для мысленных команд. Стоит прикоснуться к клавишам, и спокойная близость корабля окутывает мой мозг, словно хорошо разношенная перчатка. Кто знает, какие устойчивые связи запускаются от моих прикосновений и отзываются в голове?

А может, это корабельный аватар Карабас — механический кот со стеклянными глазами в широкополой шляпе и сапогах. При нашей последней встрече на Марсе, в моем старом Дворце Памяти, он пытался выпотрошить меня и превратить в восковую фигуру. Теперь мы с ним не расстаемся, и Карабас с надменным кошачьим смирением ждет моих команд.

Или тревога вызвана тем, что за мной охотится Большая Игра зоку. При этой мысли я встряхиваю головой: беспокоиться сейчас о погоне абсолютно бессмысленно. Я держусь достаточно далеко от гигантской структуры города Супра. Ближайшее место обитания зоку — игровая потч-площадка неподалеку от Южного полюса, где расположены гидроаэродинамические мегаконструкции. Есть еще калькулятор, построенный на основе вихревых дорожек Кармана[107], — в области по соседству с поясом Сайанаги[108], где сталкиваются и подсчитываются бесконечные завихрения, поставлены логические затворы, каждый величиной со спутник. Любая арифметическая операция затрагивает массу газов, сравнимую с атмосферой старой Земли. Чтобы найти нас, Большой Игре потребовалось бы задействовать колоссальные ресурсы для нейтринного сканирования всей

планеты — а я не думаю, что они готовы пойти на это в данный момент. Это дело будущего.

Или это Матчек? Я знаю, что рано или поздно должен с ним поговорить, но не могу заставить себя это сделать. Пока еще нет. Кроме того, я должен убедиться, что мы в безопасности, а за ним присматривает Аун.

В конечном счете больше всего меня тревожат последние слова Барбикена. *Она уже стала членом Большой Игры. Она все нам рассказала.* Я не могу представить Миели в сообществе зоку. Старейшина Ганклуба, должно быть, солгал в отместку за то, что я сломал его игрушки.

И все же...

Покинув Землю, Миели могла растеряться в поисках новой цели, нового наставника. Она ведь служила Жозефине большую часть своей сознательной жизни. Большая Игра могла этим воспользоваться, предложила ей новую цель в самый подходящий момент. А после гибели «Перхонен» уже некому сказать ей, насколько это плохая идея.

Я-то рассчитывал, что все будет просто. Добраться до Миели раньше, чем ее успеют сломить, при помощи инструментов «Леблана» вскрыть Царство, в котором ее держат, и похитить. Как раз то, что удается мне лучше всего. А вместо этого я умудрился разозлить Большую Игру, а Миели теперь стала одной из них.

Но ничего не изменилось. Я по-прежнему должен ее вытащить.

Все зависит от степени ее сцепленности с зоку, степени свободы, оставленной ей волеизъявлением Большой Игры. Таков парадокс зоку: чем выше твои достижения, тем больше степень твоей сцепленности и вследствие этого выше шанс включить свою волю в коллективную реальность зоку. Но в то же время по мере продвижения наверх камень зоку формирует из тебя идеального члена коллектива. Насколько я знаю Миели, ей не потребуется много времени, чтобы подняться до высших ступеней. И тогда она станет похожей на Барбикена, будет пустой оболочкой, ограниченной отведенной ей ролью в Кругах зоку.

Нужен хороший план. Проблема в том, что Барбикен прав. *Ты не такой, как прежде*. Я едва не провалил дело на Япете. Я не предвидел паранойи Большой Игры по поводу разрушающих Землю Драконов. Если бы не Матчек...

Я качаю головой. Не могу думать о мальчике. Пока еще не могу.

Внедрение в Большую Игру исключено. Они слишком хорошо скрываются и тщательно отбирают своих членов. Я должен выманить их на поверхность и разорвать их связь с Миели. А они

реагируют только на реальные пространственно-временные угрозы.

Я должен стать такой угрозой. Чтобы ими манипулировать, надо найти что-то такое, что испугало бы их. Нужен рычаг. И, кажется, я знаю, что это: призрак, изводящий меня с самой Магистрали.

Я отыскиваю медленно движущийся слой неподалеку от центра шторма у Южного полюса.

— Не выходи из зоны маяков горячей стратосферы, — говорю я Карабасу. — Если заметишь каких-нибудь сирен, дай мне знать.

— Слушаюсь, господин, — отзывается он звонким мурлыкающим голосом и занимает место нилота, хотя короткие лапы в сапогах не достают до педалей.

Я вздыхаю. Похоже, моя предыдущая сущность считала вполне достаточной компанию собственного остроумия.

Я оставляю кота за работой, а сам направляюсь в корабельную сокровищницу, чтобы открыть кват-сообщение, ради которого погиб Марс.

Внутри «Лёблан» больше, чем снаружи. В физическом отношении это чудо пикотехнологии: субатомная инженерия зоку, уплотненная псевдоматерия и неустойчивые конструкции кварков плюс нуклонный конденсат, невероятно густой, но программируемый. И все это вертится вокруг крошечной черной дыры, вроде тех, что используются в пустотных кораблях Ганклуба, только мельче. Пассажирский отсек состоит из сети виртуальных взаимосвязанных Царств. Основное из них — это освещенный голубым светом коридор с движущейся дорожкой, с гудящими устройствами Бака Роджерса и вратами Царств.

У меня еще не было времени исследовать их все, но сейчас меня интересует только сокровищница. Это сводчатый зал, как в древнем замке, заполненный трофеями, преобразованными в пиктограммы Царств, эликсирами, оружием и драгоценностями — камнями зоку и квантовыми программами. Все, что относится к Соборности, хранится в виде базовых кодов на свитках, экзотические гоголы размещены в бутылках, словно замершие гомункулы. Здесь есть даже зеленая планета, похищенная биосфера, бывшая проектом строителей миров Пояса, со своей биологической историей, развивающейся на поверхности. Теперь я понимаю, почему Жозефина не позволила мне запомнить корабль: с такими ресурсами меня нелегко было бы контролировать.

Но я пришел не ради того, чтобы восхищаться результатами прошлых преступлений. Я вынимаю кват и рассматриваю его.

Сокровищница — сама по себе небольшое Царство — превратила его в свиток, запечатанный свечным воском. Я осторожно ломаю печать, и послание Исидора вновь вспыхивает в моем мозгу.

Жан, ты представить себе не можешь, что я обнаружил!

Это касается не только Земли, это Вспышка и Коллапс, ты должен увидеть…

От звука его голоса в груди появляется холодная тяжесть, но я стискиваю зубы и сосредоточиваю внимание на непосредственной задаче.

Квантовая структура, пришедшая вместе с кватом, вытекает из свитка бесчисленными крошечными пузырьками, соединенными светящимися нитями. Я тщательно рассматриваю ее: это какая-то тонкая конструкция, клубок кубитов, не поддающийся расшифровке ни одной известной мне схемой. На борту «Шкафа» у меня не было ни единого шанса разгадать эту головоломку, но на «Леблане» у меня нет недостатка в инструментах.

Работа занимает немало времени, и мне приходится распечатать группу математиков-гоголов. В конце концов они докладывают мне, что это небольшой виртуальный квантовый компьютер, предназначенный для внедрения в биологический мозг и первоначально посланный через какую-то сложную фотонную структуру, — узел обширной рассредоточенной машины, подсчитывающий… неизвестно что.

Представляю, каково было несчастному Совенку: ты видишь в небе яркую вспышку, а потом эта штука проникает в твой мозг по оптическому нерву, заражает тебя, перенацеливает микротрубки твоих нейронов для когерентных квантовых вычислений. Но для чего все это? Ради создания вирусного сообщества зоку, охватывающего всю Систему?

Выяснить это можно только одним способом. Я закрываюсь в изолированной программной среде и до максимума увеличиваю способность имитации своей нейронной сети. Полная имитация единственного человеческого мозга на молекулярном уровне поглощает значительную часть вычислительной способности корабля. Возникает странное чувство. На уровне моего сознания не должно быть никаких ощутимых различий, но я могу поклясться, что мысли стали более расплывчатыми и хаотичными, более склонными к взаимопроникновению и формированию новых идей.

Я даю команду программной среде реализовать содержимое квата Исидора в виртуальном разуме. Оптический нерв регистрирует вспышку, а потом я слышу голос.

Ты живешь на острове, называемом каузальностью,

произносит он.

Как и Исидор до меня, я слышу речь Каминари. Когда она заканчивается, я скручиваю свиток. Голова кружится. Я неудачно опираюсь на зеленую планету и едва не падаю, когда рука соскальзывает по холодной и гладкой атмосфере.

История Системы трактует Вспышку как исключительное событие, вызванное неудачным трансцендентальным переходом, осуществленным Каминари-зоку, пагубным последствием зарождения бога, которое Соборность пыталась ограничить, начав Протокольную войну. В действительности событие, повлекшее за собой уничтожение Юпитера, было спровоцировано Большой Игрой зоку в попытке предотвратить взлом замков Планка, к чему стремились Каминари-зоку. *Пространственно-временное оружие. Держу пари, Барбикен и его дружки тоже имеют к этому какое-то отношение.*

Эта мысль вызывает холодную ярость. *Я должен сдержать обещание. Я не ограничусь твоими игрушками. Ради Марса и ради Каминари.*

Я мог бы шантажировать Большую Игру, угрожая выдать их. Но вряд ли они сильно испугаются. Соборности нет до них дела, особенно сейчас, ведь у них наверняка имеются тайные агенты почти во всех сообществах зоку. Вероятно, Большая Игра легко справится с любой попыткой взять их за горло.

Того, *что* сделали Каминари, недостаточно, чтобы Большая Игра решилась уничтожить Марс. Вероятно, они опасаются того, как это было сделано. Создание все-Системного вирусного сообщества зоку? Но каким образом это могло бы помочь открыть замки?

Мы обнаружили ответ в Коллапсе, сказали Каминари. *Нам нужна твоя помощь.*

Коллапс — это еще одно белое пятно и в моей памяти, и в истории. Если бы иметь доступ к экзопамяти, я наверняка смог бы отыскать свидетельства вмешательств Большой Игры.

Общепринятая версия говорит о неожиданном катастрофическом обвале глобальных квантовых рынков, импортировавших бестелесных существ на старую Землю, настолько перенаселенную, что большинство людей уже не могли позволить себе человеческую форму. О периоде хаоса и безумия, когда предки зоку, оортианцев и других цивилизаций Системы бежали из гибнущего мира, оставив его дикому коду и...

Слово вспыхнуло у меня в голове, словно начертанное добела раскаленным пером. *Аун. Они были там. Это они захватили власть после Коллапса. Они должны знать, что произошло. Только*

им может быть известно, чего так сильно боится Большая Игра, что решилась уничтожить два мира, лишь бы это скрыть.

Я закрываю за собой сокровищницу и направляюсь в вир книжной лавки.

Через врата главного Царства отдыха корабля я попадаю на трансатлантический лайнер «Прованс», совершающий бесконечный круиз по золотому от солнца морю. Здесь меня ждет плавательный бассейн, теннисный корт на палубе и компания мисс Нелли Ундердоун[109]. Я останавливаюсь, прислушиваюсь к крикам морских птиц и негромкому плеску волн. И внезапно понимаю, как я устал. Может, мне как раз это и надо: несколько тихих субъективных часов в шезлонге, с хорошей книгой, лежащей на лице. Ощутить запах солнца, старой бумаги и пота, окунуться в бассейн и провести вечер с очаровательной молодой женщиной, пусть и воображаемой.

Меня удерживает внезапная мысль.

А что сказала бы «Перхонен»?

Я так и слышу голос оортианского корабля, тихий, словно трепет крыльев бабочки.

Я знаю, что с тобой происходит, Жан. Ты избегаешь мальчика. А время идет. Я ничем не могу помочь, а Миели все еще не на свободе. Прекрати ныть и делай то, что должен сделать.

Вот чего не хватает мне на «Леблане» при всех здешних сокровищах. Голоса, который говорил бы только правду.

Вир книжной лавки сохранился неизменным — что само по себе подозрительно — зато Матчек изменился. Теперь он выглядит старше — примерно одиннадцать или двенадцать лет. Он поднимает голову, когда я вхожу, хмурится и продолжает читать. Ауна нигде не видно.

Я пододвигаю стул и сажусь рядом.

— Привет, Матчек.

Он не реагирует.

— Как дела?

Молчание.

Я внимательно присматриваюсь к нему. Волосы стали длиннее, и в них уже появился проблеск седины. А в глазах мелкими осколками льда заблестела пронзительная голубизна. Я гадаю, не играл ли он снова со скоростью времени. Я очень старался изолировать вир от корабельных систем, но не уверен, что этой защиты достаточно, чтобы остановить будущего Отца Драконов, если ему станет скучно. А впрочем, это может быть просто адаптация мыслеформы.

— Что ты читаешь?

Большая часть книг в вире содержит сжатые разумы жителей Сирра и мысли Ауна, и такое чтение вряд ли принесет какую-то пользу, если только не стремиться стать одержимым джинном или похитителем тел.

— А твои друзья здесь?

— Разве тебе не все равно? — наконец говорит Матчек.

Я откашливаюсь.

— Знаешь, я подумал, что нам пора поговорить как мужчина с мужчиной.

Он захлопывает книгу, крепко прижимает ее к груди обеими руками и смотрит на меня.

— О чем?

— О многих вещах. Я хотел поблагодарить тебя за помощь и...

— И рассказать о том, как *похитил* меня? Или о том, что мои папа и мама *мертвы*?

В его глазах полыхает холодная ярость, так хорошо знакомая мне по прежнему Матчеку, которого я знал.

— Почему ты мне не сказал? — Он швыряет книгу в окно лавки. Оно не разбивается, а только громко дребезжит в раме. — Когда ты собираешься выпустить меня отсюда?

Я потираю переносицу. Ситуация становится предельно серьезной. «Леблан» обладает достаточной компьютерной мощностью для полной физической имитации, недавнее полусонное состояние уже исчезло, но я сомневаюсь, что это хорошая идея.

— Послушай, Матчек, — осторожно начинаю я. — Тебе известно, почему родители поместили тебя в тот вир на берегу? Они хотели, чтобы ты был в *безопасности*. На тот случай, если с миром произойдет что-то ужасное и они больше не смогут сами тебя защитить. И я только пытаюсь...

Я невольно сглатываю. Я уверен, Боян и Наоми Чен не одобрили бы моего намерения использовать их сына в качестве вирусного оружия массового поражения. Но иногда я становлюсь таким же рабом обстоятельств, каким был мой почти-сын Исидор: когда замок щелкает и я вижу единственный выход, трудно не схватить первый же попавшийся под руку инструмент.

Я не могу смотреть Матчеку в глаза, поэтому встаю и подхожу к ближайшему книжному стеллажу. И прислоняюсь к нему. Голубые с серебром корешки тысяч книг Сирра осуждающе поблескивают в полумраке.

— Я только хочу, чтобы ты знал: я никогда не собирался причинить тебе вред. Ты здорово помог мне на Япете, и я уверен, Миели будет тебе благодарна.

— Мне все равно. Я вас обоих ненавижу.

— Ты должен мне поверить. Я бы все тебе объяснил, когда ты был бы к этому готов, клянусь. А откуда ты узнал? Это Аун рассказал? Аун в облике твоих друзей?

Они могли бы мне помочь, но если это устроили они, я...

— Нет, не они. — Он шмыгает носом. — Это ружье.

Я оборачиваюсь. Матчек ссутулился в кресле, опустил взгляд на руки, а в глазах стоят слезы.

— Сначала было так интересно снова получить тело, хоть и призрачное, как у джинна из бутылки, — говорит он. — Я отыскал «Леблан». Я мысленно обратился к нему, и он впустил нас, как ты и обещал. А потом я увидел ганскейп. Ждать было скучно, и я с ним поиграл. Мои друзья помогли мне подключиться.

Я мысленно застонал.

— Там был спайм для каждого орудия. А у некоторых даже имелись Царства, чтобы можно было их испытать. Одно орудие называлось гостган, оно сохранилось с Первой Федоровистской войны.

О дьявол.

— Я не знал, что это такое, и задал вопрос. Ружье сказало, что я начал войну, это было в каком-то месте под названием Радужные Небесные Врата. И что по *моей* вине погибли люди. Я разозлился. Я думал, оно лжет. Хотел его уничтожить и начал стрелять. Из всех орудий.

— Матчек...

— Жан, ружье солгало?

Я вздрагиваю. Он впервые назвал меня по имени.

— Ты так много знаешь о лжи. Скажи, оно солгало?

Я опускаюсь рядом с ним на колени. Хочу прикоснуться к нему, взять за руку, но он смотрит на меня с такой яростью, что я физически ощущаю ее в воздухе, как статические заряды.

— Нет, оно не солгало. Но и не сказало всей правды. Имя того, кто все это сделал, действительно было Матчек Чен, это правда. Но это был не ты. Просто кто-то такой же, как ты.

— Это был я. Ружье рассказало мне и о гоголах тоже.

— Это не совсем так. Не все гоголы одинаковы. Поверь, я это знаю. С тем что-то случилось, произошло что-то плохое, и он так и не смог оправиться.

— Что это было?

Я вздыхаю.

— Не знаю.

— Как же я могу быть уверен, что не закончу так же, как он?

Его широко распахнутые глаза полны отчаяния.

— Я не знаю, Матчек. Не знаю. Но я верю, что мы сами можем

решать, какие мы есть. Если тот, другой Матчек тебе не нравится, стань кем-то еще.

— Так вот почему ты так делаешь, — говорит он. — Ты надеваешь другие лица, потому что тебе не нравится тот, кем ты был?

— Иногда.

— Я видел, как ты это делал. Но внутри ты оставался все тем же.

— Извини, Матчек, — отвечаю я. — Я не умею заботиться о других. Я знаю, там, на пляже, ты был счастлив. Я не хотел уводить тебя оттуда. Но выбора у меня не было.

— Ты как-то говорил, что у нас всегда есть выбор.

— Нет, не всегда.

— Как же тогда узнать, есть выбор или нет? — Он вскакивает из-за стола. — Ты говоришь все это, только чтобы я заткнулся! Хочешь избавиться от меня, чтобы спасти свою глупую подружку! И даже не знаешь, зачем!

Он толкает меня со всей силой, какую позволяет вир, и я едва не падаю.

— Матчек, это неправда!

— Замолчи! Ты только и знаешь, что врать! Ты и сам так говорил, когда был *другим*! Оставь меня одного!

От удивления я растерянно моргаю.

— Что значит другим...

Отец хочет побыть один.

У меня перед глазами извилистыми светящимися змеями вспыхивает Аун. Вир раскалывается и выбрасывает меня. Через мгновение я уже стою в голубом коридоре «Леблана», а глаза жжет, но это реакция на внезапный переход из вира в Царство, а не слезы.

— Ладно, мерзавцы, я все испортил! — кричу я в пустой коридор. — Но вы тоже хороши! Почему вы его не остановили?

Мне никто не отвечает.

Я ищу в своих мыслях намек на присутствие Ауна, но ничего не нахожу.

— Поговорите со мной! Покажитесь!

Опять ничего. Грудь разрывается от праведного гнева.

— Выходите, или я разберу свой мозг на части, но найду вас. Чего вы ждете?

Ждем, когда ты выполнишь свое обещание, говорит Принцесса-трубочист. Передо мной стоит маленькая босая девочка с деревянной маской на лице, в запачканной сажей одежде. Она совершенно не вписывается в голубое мета-Царство «Леблана».

Я разглядываю Принцессу. В прорезях маски тлеющими

угольками блестят ее глаза, и я не могу определить, то ли это гнев, то ли жалость.

— Почему ты никогда не показываешь лицо? — спрашиваю я.

Потому что люди при встрече отдают мне свои лица.

— Мне знакомо это чувство.

Ты нашел хоть одно, которое тебе понравилось бы?

— Не думаю. Но я стараюсь. И в этом мне нужна ваша помощь. Я должен узнать, что произошло во время Коллапса.

Мы не можем тебе этого сказать.

— Для шантажа нет никаких причин. Я поклялся Таваддуд, что...

Ты не понимаешь. Большая часть нас утеряна. Мы лишь осколки и фрагменты, простейшие контуры и голоса. Мы Сирр, и мы пустыня дикого кода. Именно там скрыты нужные тебе ответы. Верни нас и наших детей, и мы вспомним все для тебя.

Мне не видно лица под маской, но мне кажется, что она улыбается.

Или ты сам все вспомнишь.

А потом она исчезает. Только в коридоре остается слабый запах дыма.

Я возвращаюсь в рубку и, пока Карабас ведет корабль, смотрю на потоки Сатурна цвета кофе с молоком.

Я начинаю думать, как восстановить город, как получить сцепленность с Нотч-зоку, чтобы создать Чашу размером с Землю. Чуть позже в хрустальном сердце корабля на мое лицо медленно возвращается улыбка.

Барбикен прав. Пора начать другую игру.

Глава девятая
МИЕЛИ И БОЛЬШАЯ ИГРА

В тени Гектора Лакричные зоку и «Цвайхендер» дожидаются, когда к ним приблизится гражданская война Соборности.

— Я хочу, чтобы все поскорее началось, — говорит Зинда. — Может, пойдем в Круг или в Царство, чтобы скоротать время?

Миели и ее наставница по Большой Игре расположились в центральном жилом отсеке корабля. Отсек напоминает свернутый в цилиндр фантастический лес в миниатюре — с корявыми дубами размера бонсай и мелькающими среди них малюсенькими зеленоватыми гуманоидами. Миели сидит на лесной полянке, в круге камней, едва достигающих коленей, наслаждается теплом крошечного корабельного солнца, у которого есть даже своя орбита, и вдыхает густой запах хвои и прогретой земли. Это вызывает у нее воспоминания о собственном садике.

— Если я и научилась чему-то, пока воевала, — отзывается Миели, — так это тому, что большая часть времени проходит в ожидании. А тут все кажется мне... знакомым. Тут мне лучше, чем в ваших Кругах и Царствах. — Она улыбается. — Кроме того, не хочу забывать о физическом мире, тем более перед боем. Кое-кто... сказал однажды, что реальность никуда не исчезла, она здесь, словно спрятанное внутри яблока лезвие. Соборность всегда забывает об этом. Я не собираюсь повторять эту ошибку.

Зинда печально улыбается.

— Я понимаю, но все же хочу надеяться, что тебе хоть *что-то* нравится в нашем образе жизни. Ты отказалась от всех моих приглашений в Царства и предложений поужинать. Знаешь, я принимаю это на свой счет.

Миели чувствует, что Зинда смотрит на нее. Она поднимает взгляд и щурится на солнечный свет. Зинда лежит на берегу ручья, в цилиндрическом пространстве получается, что она прямо над головой Миели. Огромные яркие солнцезащитные очки совершенно не сочетаются с образом самурая. Миели обводит рукой окружающий их миниатюрный зеленый ландшафт.

— В Супра я чувствую себя примерно так же, но... наоборот. Все слишком большое. Я ведь выросла в ледяной сфере, которая чуть больше этого корабля. И если пространства слишком много, слишком много свободы, я теряюсь. Мне необходимы... ограничения. Границы.

Может, я сказала что-то лишнее, думает Миели. Но с этой девушкой-зоку так легко разговориться. Возможно, причиной тому их новая связь или отголосок Царства ведьмы. А может, — хоть она и не желает в этом признаваться, — пребывание в замкнутом пространстве «Цвайхендера» стало испытанием даже для ее сосредоточенности, и ей необходимо поговорить с кем-то, кто соответствует трем измерениям, соответствует ее собственным размерам.

— Но ведь Круги и Царства как раз и предназначены для этого! — восклицает Зинда. — Они создают игровую ситуацию, запутывают ее, и от этого становится интереснее! Возьмем, к примеру, гольф, когда-то популярный на Земле. Игрок должен загнать мяч в лунку, ударив по нему металлической тросточкой, — я знаю, это давно устарело, можешь мне не говорить. Если бы главной целью являлось просто попасть, можно было бы подойти ближе и бросить мяч в лунку. Но это было бы не интересно.

Если не считать крошечных лесных человечков, они с Зиндой одни. Анти-де-Ситтер и сэр Мик воспользовались Царством в центре корабля, криптограф готовит инструменты для поимки гогола Основателя, а миниатюрный рыцарь изучает спаймы

разведки, стараясь определить наиболее вероятные позиции пеллегрини, сянь-ку и василевов. Согласно его расчетам, столкновение противоборствующих сил, скорее всего, произойдет в окрестностях ближайшего Троянца Юпитера — в точке Лагранжа нескольких второстепенных веток Магистрали, и случится это в течение одного или двух базовых дней.

— Это не одно и то же, — возражает Миели. — Это как будто... песня без мелодии. Как будто обычные звуки, которые не формируют вяки, не создают историй. У Соборности, по крайней мере, есть какой-то план, есть цель.

— Осторожнее, не забывай: я ведь Нарративист-зоку!

Затем лицо Зинды становится серьезным, она садится и снимает очки.

— Миели, еще до нашей первой встречи я много времени изучала твою личность. Но я пока столького не знаю! Прости за вопрос, но, если ты так сильно скучаешь по Оорту, почему ты покинула его? Почему позволила Соборности изменить себя? Я не понимаю, как это. Они поступают не так, как мы: мы предоставляем способ, чтобы ты могла себя изменить, создать новую сущность или облик в Царстве, а потом вернуться. А они... — Зинда качает головой. — Почему ты решила, что это *необходимо*?

Миели нервно сглатывает. Что-то щекочет ее босую ногу: несколько покрытых шерстью гуманоидов с золотистыми глазами собрались в центре каменного круга и что-то поют, размахивая палками и костями. Она не может понять, то ли они восхваляют ее, то ли пытаются прогнать.

Несмотря на миниатюрность, экипаж «Цвайхендера» обладает физическими свойствами, которым могли бы позавидовать многие отряды наемников Внутренней Системы, и превосходство в росте почти сводится на нет силами инерции, присутствующими в корабле, который вращается, чтобы создать гравитацию в одну десятую *g*. Миели стоило немалого труда научиться не наступать на неосторожных лесных обитателей и удерживаться, чтобы не смахнуть кружащих над головой всадников.

Кое с чем лучше не связываться.

— Я бы не хотела об этом говорить, — тихо отвечает она.

Зинда улыбается.

— Хорошо. Можно не разговаривать. А может, ты мне споешь?

Миели вглядывается в лицо Зинды. Ни открытый взгляд ее темно-карих глаз, ни связь через два камня зоку не выдают никаких злых умыслов, только дружеское любопытство.

— Мы поем, — медленно произносит она, — только чтобы

создать что-то или что-то разрушить; в моменты великой радости или великой печали. — Она на мгновение умолкает. — Или для своих любимых. Но не для того, чтобы просто провести время.

— Что ж, — беспечно отвечает Зинда. — В таком случае поищем другой способ скоротать время.

— Леди! Жестокосердыйврагприближается! — Сэр Мик в полных боевых доспехах врывается в модуль верхом на своем скакуне. — Битваначалась! Насждетслава!

Миели переводит взгляд на необычный спаймскейи «Цвайхендера» с руническими символами. Пассивные сенсоры, разбросанные сэром Миком днем раньше в районе Троянцев, регистрируют выбросы энергии: нейтринные шлейфы ядерных реакторов и рассеянные пи-мезоны двигателей на антиматерии. Вокруг холодных красных пятен астероидов, словно косяки рыб, движутся крошечные сверкающие точки.

Районы.

— Я полагаю, теперь твоя очередь, — говорит Зинда.

— Да.

Миели активирует свои системы, и боевая сосредоточенность окутывает ее морской прохладой, не оставляя места для чувств, а время замедляется. Но на этот раз погружение не доставляет ей никакого удовольствия.

Зинда протягивает руку над верхушками деревьев волшебного леса и сжимает ее ладонь.

— Удачи тебе. Скажи, а что приходит после ожидания?

— Страх, — отвечает Миели.

— Ох, надеюсь, у нас все получится!

Поначалу битва совсем не похожа на битву.

Миели, окутанная ку-броней зоку и руками Человека Тьмы, наблюдает за стаями и потоками обозначающих *районы* точек, которые мельтешат в гравитационном колодце Гектора. Они компенсируют приращение скорости и строем, словно копья двух рыцарей, движутся навстречу друг другу, обстреливая противника наноракетами — крошечными снарядами, которыми управляют гоголы-камикадзе. Спаймскейп расцветает лазерными коммуникационными лучами, невидимыми в вакууме. Электронная война в эфире разгорается с каждой микросекундой, каналы связи захлестывают потоки вирусов, основанных на генетических алгоритмах. Обе флотилии тратят такие мощности на подавление сигналов, что происходит перегрузка охлаждающих установок, и в инфракрасном диапазоне корпуса на фоне троянских скал начинают мерцать далекими звездами.

Миели притаилась на поверхности Гектора и наблюдает за

сражением. Благодаря линзам быстрого времени и боевой сосредоточенности битва для нее разворачивается невероятно медленно, словно во сне. Пассивные сенсоры Лакричных зоку — всего лишь хлопья уплотненной материи с топологическими квантовыми схемами — перехватывают фрагменты сигналов флотилии пеллегрини, концентрируют их в узкий луч и направляют Миели. Она чувствует себя удивительно уязвимой. Хотя корабли Соборности проходят в нескольких тысячах километров, сеть сенсоров создает впечатление, что Миели находится в самом центре битвы.

Боевые средства относятся к самому низшему классу кораблей Соборности, это алмазоидные призмы не больше метра, несущие в себе ядра компьютрониума и миллионы гоголов. Но на каждой плоскости имеется замысловатая гравировка. Четырехгранный нос украшен изображениями Васильева и Сянь-ку — привлекательного улыбающегося мужчины и серьезной задумчивой женщины. Леденяще прекрасный образ Пеллегрини повторяется тысячекратно: это и гордая носовая фигура, и пластины, покрывающие весь корпус, подобно чешуе.

Флотилии встречаются снова, и в точке столкновения расцветает вспышка антиматерии, распространяющая слепящий свет. Броня Миели стонет от вихря гамма-лучей. Миели дает команду спаймскейпу задействовать фильтры шумов на полную мощность. Гоголы восполняют информационные пробелы и строят вероятные траектории. По заданным параметрам миссии они направляют внимание Миели на самую оптимальную цель.

Вот оно: серьезно поврежденный район пеллегрини отклоняется от общего направления. Вокруг него разлетается ореол алмазоидных осколков, из которых в отчаянной попытке воссоединиться с основной массой вытягиваются тончайшие нити. Но идеальная симметрия корабля безнадежно нарушена глубокой пробоиной по левому борту. И повреждение не только физическое: поверхность интеллектуальной материи вскипает от конфликта программ. Снаряды гостгана проникли в белую плоть корабля и наводнили его виры гоголами-захватчиками. Еще несколько секунд, и район будет захвачен очередным натиском объединенной флотилии василевов и сянь-ку.

Миели набирает полную грудь воздуха и посылает на *район* сообщение, неоднократно проверенное ее протокол-гоголами Соборности и содержащее зашифрованный опознавательный код.

«Эликсир-4711». Это «Бальзамо-334». Ваша жертва на благо Великой Всеобщей Цели будет принесена через четыре целых и три десятых секунды в вашей системе. Требуем переслать нам вашего гогола-наблюдателя чена.

Десятая доля секунды, необходимая, чтобы медлительный свет достиг *района*, дает Миели возможность задуматься. Впервые с начала миссии она оказалась в полном одиночестве, поскольку режим тишины в эфире надежно отделяет ее от «Цвайхендера» и соратников-зоку. Она окидывает взглядом продолговатый силуэт Гектора. Корабль зоку скрывается не только за громадой астероида, но еще и под собственной защитой, и даже с такого близкого расстояния Миели не замечает никаких признаков его присутствия — если не считать слабую пульсацию камня Лакричных зоку.

С самого начала, как только Зинда сообщила ей о предстоящей миссии, Миели что-то показалось странным. Неужели ее участие имеет столь большое значение, если Большая Игра ведет разведывательные операции буквально повсюду?

Или они испытывают ее преданность? Но даже если это так, она не может допустить провала. Ей необходимо убедить Большую Игру в своей полезности, добиться более тесной сцепленности и подобраться к Каминари.

Приходит ответ от «Эликсира», ему предшествует стремительная последовательность импульсов протокола. Миели вздыхает с облегчением. Похоже, ее военные протокольные коды все еще действительны. Но само сообщение заставляет разочарованно скрипнуть зубами.

Требуется авторизация кода Основателя.

Миели шепчет короткие молитвы — сначала Куутар и Ильматар, а потом Пеллегрини.

— Какая бессмысленная трата гоголов.

Миели изумленно моргает. Рядом с ней на какой-то невидимой поверхности стоит Богиня Соборности.

В первую очередь Миели проверяет фильтр метамозга, чтобы никакие эмоции не просочились к остальным зоку.

— Не волнуйся, милая, — говорит ей Пеллегрини. — Ты должна была уже научиться мне доверять. Как только мы закончим, я отредактирую твои воспоминания, чтобы все выглядело так, словно твои старые боевые коды все еще работают. Но сначала дай мне передать подтверждение сестрам.

Пеллегрини с обезоруживающей легкостью овладевает системами Миели и отвечает «Эликсиру» быстрой последовательностью кодированных сигналов.

— Ну вот, все в порядке. А теперь будем наслаждаться спектаклем. Я бы с удовольствием перекинулась парой слов с сестрами, чтобы получить последние сведения о ситуации во Внутренней Системе, но ты права, зоку тебя испытывают. Честно говоря, меня удивляет, что все происходит так медленно. Я

ожидала, что к этому моменту Абсолютный Предатель уже выступит против моих братьев и сестер, и это заставит Антона и Сянь отказаться от мелких стычек вроде этой. Но они всегда были слишком слепы, чтобы увидеть, что происходит прямо под носом.

Информация из сенсорной сети зоку поступает к Миели за мгновение до того, как приходит подтверждение о запуске мыслевихря с гоголом чена. На носу «Эликсира» вспыхивает огонь сжигаемой частицы антиматерии корабля, и крошечный мыслевихрь с колоссальной скоростью устремляется к Гектору.

— Видишь? — говорит Пеллегрини. — Нечего было беспокоиться.

Миели отсылает на «Цвайхендер» короткий кват, в котором сообщается об успехе первой стадии миссии и необходимости быть готовыми к следующей. Все идет по плану: если захват пройдет быстро, флотилии Соборности, все еще продолжающие сражение, не успеют ничего предпринять. Перед законом Ньютона отступает даже могущество Основателей.

Мы готовы, приходит ответ, окрашенный эмоциями ее зоку: сдержанным спокойствием Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер, горячим энтузиазмом сэра Мика и теплым участием Зинды. Пеллегрини не скрывает усмешку, но ничего не говорит.

Миели направляет лазерный луч на мыслевихрь, готовясь притормозить его на момент захвата. Как только она это сделает, «Цвайхендер» рванется вперед на полной скорости, обеспечиваемой двигателями на антиматерии, и захватит ее сетью из квантовых точек. Миели так пристально следит за крошечным блестящим диском, постепенно приобретающим фиолетовый оттенок, что на какое-то время перестает обращать внимание на ход сражения. Но Пеллегрини все еще наблюдает за схваткой глазами Миели.

— Любопытно, — произносит богиня. — Я бы так не сделала. Никогда не знаешь, чего ожидать от этих ветвей последних поколений, так далеко отошедших от оригиналов. Но все же…

Мыслевихрь уже в миллисекундах от Гектора. Миели активирует лазер, задавая режим коротких очередей: цель мечется из стороны в сторону, словно перышко на ветру.

Ну вот, я выдала свою позицию, если кто-то за нами следит.

— Миели, — говорит Пеллегрини, — что-то не так. «Эликсир» только что послал сообщение флотилии сянь-ку и василевов. Это нелогично. Неужели они ведут *переговоры*? Что заставило бы меня так поступить? В этом нет никакого смысла!

В голове Миели мелькает смутная мысль. *Квантовые оракулы Призраков-зоку обнаружили аномалии*. Но состояние боевой сосредоточенности отгоняет ее. Цель уже почти достигла радиуса

поражения, и Миели выпускает залп ку-точек.

Пеллегрини со свистом выдыхает.

— Миели! Остановись! Это не гражданская война! Это спектакль! Обман. Не...

Мыслевихрь взрывается.

Вспышка разбивает спаймскейп. Боеголовка гостгана превращается в ослепительно-белый дротик энергии, направленный точно в Миели. Вместе с ним опаляющим шквалом налетает программная атака.

Броня Миели издает тревожный вопль. Тактические гоголы сбиваются с курса и впадают в панику. Наружный слой брони вздувается пузырями и формирует выброс, обращенный внутрь, проникающий сквозь квантовую защиту. Боль успевает пронзить бок, но затем боевая система подавляет ее и генерирует сигнал о повреждении.

Прекратить, посылает Миели на «Цвайхендер» кват, несущий в себе ощущение решимости и боли. **Повторяю, прекратить! Это ложная схватка, сянь-ку, пеллегрини и василевы объединились!** *И я действую не по плану.*

Квантовая броня выходит из-под контроля. Лазеры мерцают беспорядочными пакетами сигналов в направлении обеих флотилий. Миели сосредоточивается на камне Лакричных зоку и с огромным трудом подает команду скафандру. От мучительного усилия возникает тошнота, на глазах выступают слезы, а потом скафандр раскалывается и выбрасывает ее в объятия Человека Тьмы, в жестокий вакуум поверхности Гектора. Миели кувыркается в условиях слабой гравитации, цепляется ногтями за каменистую поверхность и приникает к скале, словно альпинист в поисках опоры. Камни зоку сами по себе следуют за ней рассеянным ореолом.

Из раны в боку вытекает и пузырится в вакууме темная кровь. Миели хладнокровно смотрит на рану: еще одна проблема, с которой необходимо справиться. Решение должно быть найдено за десять минут — столько она сумеет продержаться в вакууме без посторонней помощи. «Цвайхендер» сможет подойти к ней за тридцать секунд. За это время он должен уклониться от первого залпа кинетических снарядов и приземлиться на Гекторе.

Миели поднимается в полной боевой готовности. Время замедляется. Кружащиеся пылинки превращаются в неподвижные штрихи. За спиной поднимаются крылья, излучающие избыточное тепло. Ядерный реактор в правом бедре накачивает энергией когерентные заряды в ку-ружье правой руки. Левой Миели уже ведет стрельбу из гостгана: наноракеты с боевыми гоголами

обрушиваются на то, что только что было боевым скафандром Большой Игры.

Скафандр движется даже в медленном времени. Он поднимается на поверхности спутника, дрожа, как дождевая капля на сильном ветру, и опираясь на тонкие серебристые конечности. Над едва заметной шеей вместо лица пустой овал. На плечах лазерные орудия, и снаряды Миели вместе с гоголами мгновенно испаряются, едва успев вспыхнуть.

Она отвечает очередью из десятка заряженных ку-точек, которые в момент запуска становятся ее продолжением, и, словно скрюченные пальцы в глазницы, направляет их в оружейные системы скафандра. Заряды взрываются вспышками когерентного света. Поверхность скафандра превращается в слепящее зеркало.

А в следующее мгновение обрушивается невидимый и беззвучный в вакууме залп кинетических игл, выпущенных *районом*. От их ударов под ногами Миели вздрагивает земля. На поверхности появляются новые кратеры, как будто бог выстрелил по спутнику из дробовика. Над воронками поднимаются столбы пыли. Миели даже не вздрагивает и продолжает стрелять. Заряд высокой разрывной силы достигает цели и выплескивает в вакуум мелкие капли материи скафандра, но квантовая сеть мгновенно улавливает их и возвращает обратно.

Миели отваживается бросить взгляд на спаймскей. К ее позиции стягиваются корабли обеих флотилий. Космос вокруг Гектора гудит от электромагнитных шумов по всему спектру. *Они пытаются исключить возможность утечки информации со спутника.* Мысленным приказом Миели взрывает сеть пассивных сенсоров. Это не особо помогает, но она намерена пустить в ход все, что у нее есть.

Миели, мы подходим, приходит кват от Зинды. **Держись. Еще десять секунд.**

Скафандр уже восстановился и теперь еще больше похож на гуманоида. Миели оценивает его боевые характеристики. Под поверхностью формируются новые орудия. Они содержат крупицы пикотехники зоку, способные преобразовывать в материю квантовую информацию, и источники мощности, работающие на антиматерии. А поскольку внутри нет хрупкого человека, пусть даже контролируемого боевым разумом, скорость реакции скафандра намного больше, чем у Миели.

Юмалаута[110], вырывается у Миели. *Единственное, на что я могу надеяться, это пробить защиту антиматерии.*

Она выпускает из руки ку-клинок. В состоянии боевой сосредоточенности смерть от взрыва спутника воспринимается просто как очередная тактическая уловка, и это ее слегка

разочаровывает.

По крайней мере, мои камни зоку тоже пропадут.

Но электронный залп скафандра неожиданно иссякает, и пустое лицо поворачивается, словно глядя на кого-то рядом с Миели.

Пеллегрини.

Богиня Соборности все еще здесь, она побледнела и не отрываясь смотрит на безликое серебристое существо.

— Сделай что-нибудь! — кричит ей Миели.

Но Пеллегрини только качает головой.

— Миели, — говорит она, не скрывая ужаса, — познакомься с Абсолютным Предателем.

Оживший скафандр склоняет голову набок, словно прислушиваясь. А потом пустота его лица преобразуется в идеально овальное зеркало. На его поверхности, вылепленные невидимыми пальцами, возникают черты Пеллегрини.

— Неожиданная встреча с тобой меня радует. — Как и слова Пеллегрини, его речь передается электромагнитными импульсами и транслируется в коммуникативную систему Миели с помощью военного протокола Соборности. — Должен поблагодарить тебя за наводку на ченов. Теперь они — это я, как ты можешь убедиться. И твои младшие поколения тоже. И твой Прайм предпочел служить мне. Возможно, ты тоже согласишься.

— Нет, — шепчет Пеллегрини. — Никогда. Ты *наше* творение. Это мы выпустили тебя. И что это за игры с василевами и сянь-ку? Ты должен был *поглотить* их.

Абсолютный Предатель демонстрирует змеиную улыбку, так похожую на улыбку самой богини.

— Чтобы утолить мой аппетит, этого мало, — говорит он. — Но, как и планировала твоя другая сущность, я предоставил им общего врага.

Абсолютный Предатель делает шаг вперед. Теперь он и движется точно так же, как Пеллегрини, слегка покачиваясь.

— А это что? Твоя любимая игрушка. Оортианка. Интересно. Ну, раз уж она здесь, я ее тоже заберу.

Миели не в силах пошевелиться. Вор не слишком охотно рассказывал об Абсолютном Предателе, но, насколько ей известно, это существо каким-то образом имитирует своих противников и всегда выбирает идеальную стратегию, никогда не прибегая к сотрудничеству. Ее гоголы, специалисты по теории игр, вычисляют шансы на победу, но результаты выглядят не слишком обнадеживающе. *«Цвайхендер» не успеет вовремя подойти.*

Поэтому Абсолютный Предатель даже не атакует. Он уже

выиграл.

К черту все.

Налетает еще один залп игл *района*. На этот раз они не стремятся к прямому попаданию, а взрывают скалы вокруг, разбрасывая тучи осколков и пыли. Конечно. *Нельзя же ломать новую игрушку.*

— Хочешь получить меня? — шепчет она сквозь стиснутые зубы. — Ну так подойди и возьми!

Миели поднимает ку-клинок.

Враг все еще имитирует движения Пеллегрини. Этим надо воспользоваться.

Она бросается в атаку. Ноги отталкиваются от камней, направляя ее вперед, словно копье вяки. Молниеносный удар нацелен на пылающее пятно контейнера с антиматерией в скафандре.

Серебристые конечности перехватывают ее правую руку и резко выкручивают. Дермальная броня лопается. Враг переворачивает Миели и с такой силой швыряет на землю, что ломаются даже усиленные текучим камнем кости руки и ребра. Крылья за спиной рвутся и путаются. Контролирующая ядерный реактор система в бедре выходит из строя.

Абсолютный Предатель нависает над Миели. Опасаясь потерять сознание, она выходит из состояния боевой сосредоточенности и испускает беззвучный вопль. Правую руку жжет, словно огнем, но Миели заставляет ее повиноваться, делает выпад, однако ужасного существа там уже нет. К ней протягиваются жилистые руки. Пальцы превращаются в шипы и протыкают ее череп.

Боли нет. Она всегда думала, что при насильственной перезагрузке должна быть боль и мгновенные воспоминания обо всех прожитых жизнях.

— Нет, ты не заберешь ее, — заявляет Пеллегрини. — Она моя.

Пеллегрини, как бывало уже не раз, перевоплощается в Миели, входя в ее тело, как рука в удобную перчатку. Миели смотрит на себя сверху вниз; бледный раненый ангел повержен на темную скалу, а над ним нависает серебристый монстр, запустивший когти в его голову.

Камни, вспоминает она. *Камни впитывают мой разум.*

Глаза другой Миели, что лежит внизу, резко открываются. На миг она встречается с ней взглядом, и на лице появляется улыбка Пеллегрини. *Помни*, беззвучно шепчут ее губы. А потом глаза крепко зажмуриваются.

Я способна на самоликвидацию, говорила богиня.

Тело Миели начинает ритмично подергиваться. Глаза бегают под опущенными веками. Абсолютный Предатель раскачивается в том же ритме и отстраняется, его щупальца легко и без крови вытягиваются из головы Миели.

Реальность прерывается.

Миели снова в своем окровавленном разбитом теле. Системы отказывают. Голова объята пламенем. Ядерный реактор перегрелся. Единственное, что осталось, это ощущение приближающихся зоку.

Но Абсолютный Предатель все еще движется, он сопротивляется алгоритму самоликвидации, при помощи которого Пеллегрини пыталась уничтожить их обоих.

В мозгу всплывает информация из состояния боевой сосредоточенности. *Гектор. Скорость отрыва — тринадцать сотых километра в секунду.*

Миели формирует команду, которая преобразует компактную магнитную бутылку ее источника энергии в воронку.

Двигаться при низкой силе тяжести довольно легко, но у Миели едва хватает на это сил. Она скользит вперед, так, чтобы ее правая нога оказалась точно под Абсолютным Предателем.

А потом перегружает свой ядерный реактор.

Отчеты о повреждениях сливаются в сплошной белый шум. Глаза вылезают из орбит. Через немногие оставшиеся неповрежденными сенсоры Миели, словно во сне, чувствует, как столб плазмы поднимает ее над поверхностью. Через пару миллисекунд в скафандре зоку взрывается контейнер с антиматерией. На мгновение ее ослепляет сверкающий взгляд бога, а потом все исчезает. Абсолютно все.

Глава десятая
ТАВАДДУД И ГОРОД В БУТЫЛКЕ

Таваддуд, Дуньязада и вор Жан ле Фламбер стоят на Сатурне, на только что образованной Чаше Ирем, готовые высадить в почву семя Сирра.

Его несет Таваддуд: это филигранная снежинка внутри прозрачной капсулы. Капсула тяжелая, и девушке приходится прижимать ее к груди обеими руками. Она сравнивает себя с женщинами Бану Сасан, держащими младенцев, защищающими от всего мира свое самое большое сокровище. Потом Таваддуд вспоминает, что в этом семени она несет и всех Бану Сасан. Трудно избавиться от этой мысли.

— Начинай, сестра, — торопит ее Дуньязада. — Уже поздно.

ле Фламбер улыбается, и в его голубых очках танцуют блики непривычного рассеянного солнечного света. Таваддуд все еще странно видеть перед собой невысокого стройного мужчину в белом пиджаке и брюках, а не Сумангуру, которого она знала, — огромного темнокожего гиганта, воина Соборности. Но время от времени у него проскальзывают жесты, которые кажутся ей знакомыми.

— Не надо торопиться, — говорит он, грустно улыбаясь. — Ты ведь хочешь сделать это должным образом. Когда-нибудь во Дворце Сказаний, наверное, будут рассказывать, как две сестры спасли город Сирр.

— А как же ты, мастер вор? — спрашивает Дуньязада. — Будут ли рассказывать истории о тебе?

— Обо мне и так уже существует много историй, — отвечает он. — Не думаю, что мне нужны новые. Кроме того, история о сестрах мне нравится больше.

ле Фламбер сказал, что всего несколько часов назад вернул Таваддуд и Дуньязаду со страниц книги. Таваддуд помнит только, как стояла в пустыне дикого кода в вихре урагана, завывающего голосами Ауна, а в следующее мгновение очутилась в пыльной книжной лавке, на первый взгляд казавшейся настоящей, но только на первый взгляд. Потом они шагнули через серебряные врата и, как утверждала Дуни, стали реальными: врата трансформировали квантовую информацию в материю, перенесли Имена их атомов на полотно действительности, как это делали яркие лучи Базы Соборности в Сирре.

Они находятся на Сатурне, и при этой мысли у Таваддуд начинается головокружение. Вокруг простирается искусственно созданный континент, своими размерами превосходящий всю Землю. Таваддуд не до конца уверена, можно ли доверять ле Фламберу, ставшему их проводником в новом краю. Но она Таваддуд, дочь Кассара Гомелеца, она многому научилась в Доме Кафура и чувствует людей. Вдобавок Дуни говорит, что связана с зоку, здешними хозяевами, и надела кольцо, похожее на кольцо джинна, только с ярким пурпурным камнем, испускающим собственное сияние. Несмотря на былые разногласия с сестрой, Таваддуд знает, что в первую очередь Дуни заботится о Сирре, а тех, кого считает врагами города, обрекает на быструю смерть. Сейчас у Дуни заканчивается терпение, и она раздраженно водит камнем кольца по губам.

Таваддуд встает на колени на странную жесткую почву, состоящую из плотно прилегающих геометрических плиток, как пол во дворцах Сирра или чешуя джинна. Она осторожно опускает снежинку, но не спешит убрать руки.

— Подождите, — говорит ле Фламбер.

Он снимает голубые очки и смотрит на сестер.

— Я должен перед вами извиниться, — продолжает он. — И сейчас самый подходящий момент. Я пришел в Сирр, чтобы отыскать место, которое вы называете Потерянным аль-Джанна Пушки, и узнать секреты похитителей тел. И мне было все равно, как я это сделаю. Если бы не я, Сирр мог бы еще оставаться на Земле. — Он опускается на колени рядом с Таваддуд. — Я мог бы целую вечность извиняться за свои поступки, но именно тебе, госпожа Таваддуд, я причинил наибольший вред. Я угрожал тебе, я шантажировал джинна Зайбака, приставив к твоей голове оружие. Я хочу, чтобы ты знала: я никогда не решился бы спустить курок. Сможешь ли ты простить меня?

Таваддуд поворачивается и смотрит на него. Она помнит, как стояла на коленях в загрузочном храме Соборности, помнит черный зрачок бараки, помнит ощущение беспомощности, когда Сумангуру, которому она доверяла, предал ее. Гнев по-прежнему пылает в ее груди, и если бы ле Фламбер и сейчас был в облике Сумангуру, его присутствие вызвало бы у нее дрожь отвращения.

Но она помнит и другой момент в пустыне, когда казалось, что все потеряно, когда черные Драконы падали с неба, а человек в голубых очках пришел и взял с собой Сирр.

Таваддуд вздыхает. Ненависть и благодарность переплелись в ее душе, как переплетаются мухтасиб и карин, и она уже не может определить, где кончается одно и начинается другое. А потом она вспоминает мудрый совет старого Кафура: *говори им то, что они хотят услышать.*

— Я прощаю тебя, господин ле Фламбер, — говорит Таваддуд, — если мой город таков, каким я его помню.

Если говорить откровенно, она еще не уверена, что это не сон: город в бутылке — это история вроде тех, что рассказывают муталибуны, безумное видение, навеянное диким кодом пустыни.

На лице вора появляется кривая усмешка.

— Полагаю, мне придется довольствоваться тем, что есть. — Он снова надевает очки и поднимается.

— Если вы готовы, дамы...

Таваддуд целует гладкую поверхность интеллектуальной материи и шепчет на счастье Тайное Имя аль-Мубди[111] Основателя. Она не знает, имеют ли здесь власть Тайные Имена, но семя как будто слышит ее мысли. Оболочка исчезает с тихим шипением, оставляя лишь легкий запах озона. Фрактальная снежинка рассыпается в пыль и стекает в трещинки между плитками, исчезая из вида быстро, словно вода в пустыне.

ле Фламбер прикасается к руке Таваддуд.

— Нам лучше отойти, — говорит он. — На это следует смотреть сверху.

Он показывает на прозрачные сферы — это, как Таваддуд уже знает, местная версия ковров-самолетов — и с ошеломляющей скоростью увлекает сестер вверх.

Внизу начинает подниматься город Сирр.

Сначала из металлической коры Ирем медленно поднимаются сверкающие кубы, сферы и многоугольники величиной с гору. Таваддуд, прищурившись, смотрит, как, вылепляемые невидимыми руками, встают грани Осколков. Затем между основаниями структур начинает клубиться белый туман, похожий на вихрь таких же снежинок, как и та, что хранила семя. Там, где проходит туман, словно миражи в пустыне, начинают проявляться детали и расцветают краски. Таваддуд видит города-ульи Куш и Миср, где живут Быстрые, темную сетку Города Мертвых, лабиринт рынков гоголов. Нет только алмазной иглы Базы Соборности. Таваддуд это не огорчает: башня была ложной осью города, и со временем они воздвигнут новую.

Ирем создает не только здания. Таваддуд уже замечает первое мерцание атара, тень Другого города, где живут джинны, где пишутся Тайные Имена.

Процесс продолжается несколько часов. Муки рождения города сопровождаются выделением тепла, и поддерживающие Ирем столбы раскаляются добела. Сфера поднимается еще выше, сохраняя прохладу, и с этой высоты они видят весь город. У Таваддуд вырывается вздох изумления: она видит не только силуэты города, но и загадочные контуры пустыни дикого кода, и горы, где обитают рухи, и далекие Быстрые города.

— Аун настаивал на этом, — поясняет ле Фламбер. — Здесь они живут, это их плоть, их тело. Все это в конце концов должно быть тут. Все далекие уголки Земли, все забытые покинутые города, все, до последней косточки в пустыне, до последней крупинки песка. — Он выглядит расстроенным и сердитым. — С ними всегда как в истории о скорпионе: жалит потому, что такова его природа. Но, полагаю, их можно понять. — Он потирает переносицу. — Ладно, это не важно. Скоро надо будет прощаться, а у меня еще есть два подарка.

Он поворачивается к Таваддуд и подает ей тяжелую книгу в синем переплете. От нее веет тем же, что и от семени: интеллектуальная материя, где-то посередине между реальностью и вымыслом.

— Это люди Сирра, — говорит вор. — Я оставляю их вам. Здесь все, плохие и хорошие. Твой отец. Твой друг Аксолотль. И

этот негодяй Абу Нувас тоже где-то здесь. В каждой истории должен быть свой злодей. Аун подскажет вам, как их вернуть. Я думаю, будет лучше, если это сделаете вы.

— Так история будет интереснее? — спрашивает Таваддуд.

— Намного интереснее.

Он достает что-то из кармана пиджака: это ожерелье с несколькими крупными разноцветными камнями, которые светятся изнутри, как и кольцо Дуньязады.

— Вам предстоит многое узнать об этом месте и о том, как обитатели Сатурна позволили появиться в своих владениях целому миру, в котором живет дикий код. Ответ прост: я украл эту Чашу. Но не беспокойтесь, зоку не станут требовать ее назад, у них много места. Но это вам пригодится.

Он держит ожерелье обеими руками. Камни мерцают, словно капли росы в паутине.

Дуньязада не может оторвать от них взгляда, слишком алчного, как кажется Таваддуд.

— Госпожа Дуньязада, — продолжает вор. — Я предлагаю тебе сделку. Твой камень зоку и мысленный код, которым ты его запечатываешь, за это ожерелье. Могу тебя заверить, это выгодный обмен. Камни не так-то легко получить. Сцепленности, которую они обеспечивают, хватит, чтобы ты стала богиней в этих местах.

Дуньязада хмурится.

— Господин ле Фламбер, прошу прощения, но это очень похоже на сделку с джинном. Если я отдам тебе свой камень, что ты будешь с ним делать?

— Я знаю, что он связывает тебя с зоку Большой Игры. А я еще не закончил с ними одно дельце.

Сестра Таваддуд колеблется.

— Я выступала для зоку в качестве дипломата, — говорит она. — И то, что ты просишь, было вручено мне тайно, в знак доверия. Я могу отдать его тебе только в уплату за восстановление нашего города. Но я не думала, что ты потребуешь выкуп за освобождение людей.

— Туше, — отзывается ле Фламбер. — В таком случае, это будет не сделка, а подарок на память о городе Сирре и его жителях.

Таваддуд берет его за руку.

— Господин ле Фламбер, — произносит она. — Не мог бы ты составить мне компанию в небольшой прогулке в один из кварталов нашего города? Я чувствую, что после долгих недель пребывания в твоей пыльной синей книге мне необходимо немного размяться.

ле Фламбер смотрит на нее с удивлением, но затем предлагает девушке руку.

— С удовольствием, — отвечает он.

Я с этим разберусь, взглядом говорит она Дуньязаде. И не может не испытывать удовлетворения, увидев, как сестра кивает в ответ.

Они взбираются на верхушку Осколка Гомелец. ле Фламбер с беспокойством поглядывает на узкий переход и отвесные стены с обеих сторон. Таваддуд незаметно улыбается: при необходимости надо пользоваться слабостями мужчины, а Сумангуру всегда боялся высоты.

Она неторопливо и с удовольствием оглядывает окрестности. Город почти готов, и если бы не отсутствие запахов пищи, голосов людей и джиннов и других привычных звуков, Таваддуд могла бы представить себе, что уже дома. Пустынный город мог бы показаться мрачным и жутким, как Быстрые города с думающими зданиями, о которых рассказывают муталибуны, но почему-то он не пугает ее. Тишина полна ожидания, как будто город спит и вот-вот проснется.

Молчание нарушает ле Фламбер.

— Я еще раз прошу прощения, — говорит он. — Я найду другой способ подобраться к своим врагам. Я не могу просить твою сестру обмануть чье-либо доверие.

— Позволь мне самой договориться с сестрой, — отвечает Таваддуд. — Ты достаточно извинялся. Но ты не сказал нам ни о причине, приведшей тебя сюда, ни о том, что ты ищешь.

Она отнимает свою руку. *Есть время для обмана, и есть время для истины.*

— Ты обидел меня и того, кого я когда-то любила, и этого я простить не могу, что бы я тебе ни говорила. Но я могу посочувствовать тебе. Я смотрю на тебя и вижу одинокого мужчину, разделенного человека; ты похож на нашего мухтасиба и карина, человека с другим существом внутри, и неважно, то ли это Принц-цветок Ауна, как ты говоришь, то ли тот, кем ты себя сотворил. Люди и джинны нередко называли мне ложные имена, и я знаю, как они звучат. Я не думаю, что Фламбер — твое истинное имя, так же, как и Сумангуру.

Она ненадолго умолкает.

— В Сирре рассказывают историю о муталибуне, много раз посещавшем пустыню дикого кода и видевшем много чудес. Его кожа покрылась сапфировыми наростами, но он все равно продолжал свои странствия. Настал день, когда его жена заявила, что он должен выбрать между семьей и пустыней. Мужчина в тот

же день привел в порядок все свои дела, продал дом, позаботился о том, чтобы его жена и дети ни в чем не нуждались, и попрощался с друзьями. А потом он покинул город через Вавилонские ворота, откуда выходили все охотники за сокровищами, и больше не возвращался.

Вот этого мужчину я и вижу, когда смотрю на тебя, господин ле Фламбер, которого я знала как Сумангуру. — Она показывает на расстилающийся внизу город. — Я не могу простить, но могу протянуть руку помощи. Каким бы ни было обещание, которое ты стремишься выполнить, я прошу тебя: не надо. Не уходи через Вавилонские ворота. В этом мире, куда ты нас привел, нам понадобятся твои советы. Ты помог спасти город, и именем Гомелец я клянусь, что в нем всегда найдется место для тебя. Ворота открыты.

ле Фламбер молчит и смотрит на город, теряющийся в сумраке внизу. В странном свете Ирем его цвета принимают другие оттенки. Но все же это Сирр благословенный, Сирр скрытый, и еще более прекрасный, чем прежде.

— Я благодарен тебе за предложение, но не могу его принять. Одному человеку я обязан еще больше, чем Сирру. И для того, чтобы ее отыскать, мне нужен камень твоей сестры и помощь Ауна.

— Ее? — многозначительно повторяет Таваддуд.

— Нет, это не то, о чем ты думаешь. Мы… друзья.

— Я понимаю. — Она заглядывает ему в глаза. — А ты уверен, что это не история, которую ты рассказываешь сам себе? Я знаю, что говорят обо мне: *Таваддуд, любовница монстров, черная овца в семье Гомелец.* Это все равно что цепи из множества имен, цепи, составленные из слов. И когда я слышу о мужчине, сдвигающем горы и преодолевающем грандиозные препятствия, я знаю, что всегда есть кто-то, ради кого он это делает, и этот кто-то не просто друг. Тебе лучше отправиться к ней и все исправить.

— Та… женщина и я, мы не раз к этому возвращались, — говорит ле Фламбер. — И еще чаще мы обижали друг друга.

Он с тоской смотрит вдаль.

Таваддуд берет его за руку.

— В таком случае, что ты хочешь ей доказать? Сирр может стать для тебя и местом исцеления. Нам многое известно об Ауне. Отец и совет мухтасибов знают много Тайных Имен. Возможно, мы могли бы освободить тебя от твоей… другой стороны. И ты мог бы обрести мир.

Он горько усмехается.

— Боюсь, для этого уже слишком поздно. Там, куда я ухожу, мне нужна моя другая сторона. И тогда история будет намного

интереснее.

Он ласково целует ее в лоб и отстраняется.

— Спасибо тебе. Я никогда не забуду Сирр и милосердную Таваддуд. Но есть чудовища, которых даже она не в силах исцелить. — Он смотрит куда-то поверх ее плеча. — Кстати о них — извини, я должен тебя ненадолго оставить.

Таваддуд оборачивается. Неподалеку от ребра Осколка на краю пустыни дикого кода стоит Аун. Маленькая девочка в маске, пожилой мужчина в зеленом и какое-то постоянно меняющееся и светящееся существо. ле Фламбер сжимает пальцы Таваддуд, а потом направляется к ним.

Я рассматриваю Аун в неизменном рассеянном свете Ирем. Они стоят на кромке Осколка, а позади простирается пустыня дикого кода с ее дрожащими миражами. Теперь все трое выглядят более реальными, это не просто эхо в моем разуме, а мыслеформы, созданные из материи возрожденной пустыни. Я вижу волокна в маске Принцессы, вижу складки на форме Солдата и игру света на стеклянистых внутренностях кракена. Но даже сейчас трудно как следует рассмотреть их лица: они постоянно напоминают кого-то, кого ты некогда знал, но уже забыл.

— Теперь вы счастливы? — спрашиваю я. — Это не история ради выгоды, а целый город.

— Иногда это одно и то же, — говорит Принцесса.

— Хозяева этих мест скоро придут за тобой, брат. — Голос Солдата скрипучий, словно гравий. — Ты готов?

— Посмотрим, — отвечаю я и смотрю в небо.

Он прав. Скоро здесь появится Большая Игра или ее пешки. Использование сцепленности с Нотч-зоку на таком уровне не могло остаться незамеченным, как бы я ни пытался замести следы.

Это было непросто: создание сущности Нотч, бесконечные разработки дизайна Царств, чтобы получить сцепленность, достаточную для осуществления перехода к материальному проекту. Потом подгонка нотч-кубиков, повышение устойчивости Чаш и Полос, формирование горного рельефа. От бесконечного грохота молотов у меня до сих пор гудит голова. А под конец надо было отыскать в поясе Сайанаги Яйцо Края, вход в тайное Царство Випунена[112], старейшины Нотч-зоку, чье тело, словно змей Йормунганд[113], опоясало громом и молниями целую планету. Я вломился в хранилище камней зоку в центре этого урагана и выбрался наружу с несколькими камнями, создающими Чаши.

Я пожимаю плечами. Подготовило ли меня все это к встрече с Большой Игрой? Ничуть. Стоит мне отказаться от связи с Нотч-зоку, как они тотчас появятся здесь.

— Мы восстановились, — произносит кракен голосом, напоминающим пение стеклянной флейты. — Теперь мы вспомнили.

— Так что же это было? — спрашиваю я. — Что вызвало Коллапс?

— Ты, — говорит Принцесса.

Я ошеломленно хлопаю глазами.

— Зачем я стал бы это делать? — шепчу я. — Вы лжете.

— Из всех нас лжешь только ты, — говорит Солдат.

— Мы не принимаем решение, — продолжает кракен. — Это Отец освободил нас от плоти. Но именно ты разрушил старый порядок, и мы смогли вырасти.

Коллапс. Сирр падает с неба. Города пробуждаются, заполненные бесконтрольно размножающимися гоголами. Нервную систему мира захлестывает вал безумных мыслей. Автоматизированные корпоративные образования изымают миллионы физических тел, черные ящики поглощают населявшие их разумы...

Это чересчур. Это невозможно вынести. Я становлюсь в один ряд с Ченом, Жозефиной и Большой Игрой. Я их стою. Мне следовало бы спрыгнуть с Осколка и позволить пустыне дикого кода поглотить меня, вот только это уже было, и пустыня меня извергла.

— Это были вы, — свистящим шепотом заявляю я этим демонам пустыни. — Вы все спланировали. Ваш Принц-цветок еще в тюрьме проник в мой разум, чтобы получить агента в материальном мире. Он вынудил меня это сделать. Он уничтожил мир, чтобы освободить вас. Я столетиями оставался его марионеткой. Ваше спасение было ошибкой. Чен был прав, когда пытался вас уничтожить. Вы воплощенное несчастье.

Принцесса делает шаг вперед. Я поднимаю руку, готовый ударить ее, но вдруг вижу ее глаза — угольки, пылающие истиной, и вижу в них свое искаженное яростью лицо.

Она протягивает руку, снимает с меня очки и гладит по щеке. Маленькая ручка кажется очень горячей. Я вдыхаю запах дыма. Он напоминает мне о палатке в пустыне, о горящей в ночи жаровне, о пробуждении и о строгом лице глядящей на меня женщины.

— Мы никогда тебя ни к чему не принуждали, — говорит она. — Мы лишены права выбора. Мы просто есть. Мы звали нашего брата, потому что скучаем по нему. Но ты не он. Никто не

остается неизменным, кроме нас.

— Он коснулся тебя хрустальной пробкой, но выбор всегда оставался за тобой.

Мои глаза наполняются слезами.

— Но зачем? Для чего мне Коллапс? — шепчу я.

— Для того же, что и все остальное, — говорит Принцесса. — Чтобы доставить удовольствие богине.

Жозефина. Я служил ей, еще на Земле, это я знаю наверняка. Она открыла мне дверь. Я собирал для нее Основателей. Было время, когда ради ее улыбки я был готов на все. *Нет. Я освободился от нее. И поэтому переселился на Марс. И это было лучшее, что я когда-либо сделал.*

И худшее.

Я прогоняю воспоминания. Даю возможность метасущности утихомирить бурю в моей голове, сделать разум холодным и гладким, как пустыня дикого кода.

— Это не тот ответ, какой я хотел бы получить, — медленно произношу я. — Я хочу знать как, а не что. Я хочу, чтобы вы мне показали.

— Мы уже говорили тебе, — отвечает Принцесса. — Ты должен сам все вспомнить.

— Но я не помню. Это одна из тайн, стертых, когда меня поймали...

Деревянная маска Принцессы улыбается.

— Другой я, — вдруг осеняет меня. — Матчек упоминал другого меня, говорившего с ним. Так вот почему на «Леблане» появились призраки. Там обитает парциал моего прежнего «я», или даже мой гогол. И он наблюдает за мной.

Принцесса возвращает мои очки.

— Видишь? — произносит она. — Кто из вас сильнее любит тайны? Мальчик из пустыни или Принц-цветок?

Она идет назад к своим друзьям. А потом они тают в воздухе, превращаясь в песок и ветер.

Прощай, братец. Когда ты вернешься, мы будем здесь.

ле Фламбер возвращается. Он непривычно тихий, и глаза странно поблескивают. Пока они спускаются вдоль изгиба Осколка в одной из его волшебных сфер, Таваддуд оставляет вора наедине с его мыслями.

В конце концов Дуньязада отдает камень, а он дарит ей ожерелье. Таваддуд не может не признать, что оно очень к лицу сестре: блеск ярких камней на смуглой коже делает ее похожей на королеву.

— Я надеюсь, что ты будешь использовать их по назначению,

— говорит ле Фламбер. — И жителям Сирра тоже понадобятся такие камни. А джинны могут захотеть обзавестись телами. Это место обладает силой, способной удовлетворить их желание. Город может стать совсем другим, не таким, как на Земле.

Таваддуд думает об Аксолотле. *Возможно, я сумею исцелить и других монстров.* И при этой мысли она улыбается вору.

С лица Дуньязады внезапно исчезает улыбка.

— Смотрите! — восклицает она, указывая на небо.

Сердце Таваддуд сжимается от ужаса.

— Нет. Неужели и здесь?

В небе возникли обманчиво красивые точки. Их невозможно сосчитать, и количество продолжает увеличиваться, словно на мозаичный пол высыпаются сверкающие песчинки. Светящиеся точки начинают выстраиваться с многоугольники и клинья.

— Не беспокойтесь, — говорит ле Фламбер. — Они пришли не за вами, а за мной. А я не заставлю их ждать.

Ну почему никогда не хватает времени на прощание? Ничего не меняется.

Он целует руки обеим сестрам и кланяется.

— Я тоже вышел из пустыни, — признается он. — Ваша более сурова и ничего не прощает. Но пока здесь есть вы, она навсегда останется прекрасным садом.

Мерцающая сфера уносит его ввысь. На прощание он посылает им воздушные поцелуи. Спустя несколько мгновений доносится отдаленный грохот, и новое небо Сирра пересекает белая черта. Пляшущие звезды выстраиваются вдоль нее, а потом все исчезает.

За время возрождения Сирра небо успевает потемнеть, и Таваддуд кажется, что она видит его впервые. Она смотрит на широкие кольца, диски и луны и светящиеся вдали нити, которые поддерживают другие небосводы. Таваддуд берет сестру за руку, и некоторое время они впитывают эту красоту. Затем они снова поворачиваются к синей с золотом книге Сирра.

— Ты думаешь, уже пора? — спрашивает Дуньязада.

— Да, — отвечает Таваддуд. — Давай разбудим их.

Интерлюдия
БОГИНЯ И ПОДАРОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Две Жозефины идут вдоль берега темного ночного моря, одна босиком ступает по песку, другая время от времени заходит в воду и перепрыгивает через мелкие волны. Одна уже стара, другая молода, и ее золотисто-каштановые волосы развеваются на ветру шелковистым знаменем.

Жозефина порой полностью погружается в парциала, наслаждаясь крепкой плотью и яркими глазами. Но она передала еще не все воспоминания и вынуждена углубляться в себя: что-то вырезать, что-то выбрать и сохранить. Она размеренно шагает, а с губ льется непрерывный поток слов для демиургов, вторящий медленному дыханию моря.

В последний раз она испытывала настоящую любовь к нему в свой день рождения.

Это было вскоре после того, как они проиграли первую войну. Даже спустя несколько столетий Матчек не соглашался признать свое поражение, и потому то давнее пятно в блистательной истории Соборности было стерто из памяти гоголов. Но Жозефина все помнит.

В конце концов, это она собрала их вместе из разных уголков мира, она посылала Жана, чтобы объединить их одной общей целью. Она сотворила из разрозненных фанатиков нечто большее.

Она приносила жертвы. Она допускала ошибки. К примеру, она всегда сожалела о том, каким образом ввела в это общество Антона Васильева. Он был идеальной для них фигурой: виртуальная поп-звезда, медиакиборг с миллионами поклонников, демагог и идеолог, похититель душ и сердец. Но она нанесла ему неизлечимую рану.

В итоге она создала из них армию.

Они боролись за свободу загрузок, кто-то сулил небеса, кто-то надрывался в загрузочных лагерях и в облаке. В Шэньчжэне они допустили ошибку. Освобожденные гоголы — рой разумных компьютерных вирусов — обезумели и захватили инфраструктуру города. Этот случай нанес сильный удар по всему движению Федоровизма. Пострадавшие государства, крупные корпорации и неустойчивые демократии организовали сопротивление. Они нанесли ответный удар и выиграли. Основатели — все, кроме нее, еще связанной плотью, — бежали в космос. Они поклялись вернуться, а потом разумы, трансформированные в сгустки наноспутников, были запущены на орбиту верными

последователями.

Матчек, Сумангуру и остальные клялись, что без ограничений тесной планеты они будут расширяться, накапливать ресурсы, а потом вернутся, чтобы завоевать Землю. Они ничего не поняли. Она знала, что будет намного лучше, если гоголы сами придут к ним, лишившись свободной воли.

А проблема была в том, что мир, поднявшийся из пепла войны, продолжал *функционировать*.

Мир рынков рабочих-гоголов, обширных виртуальных экономик, основанных на потенциальном труде загруженных разумов и их копий. И бесконечного множества сложнейших финансовых инструментов, применяемых к квантовым рынкам, — первое убийственное дополнение для квантовых компьютеров. Средства сцепленности, споры о праве на жизнь мертвых душ. Самая эффективная за всю историю система распределения ресурсов: совмещение номенклатур, сложные операции с ценными бумагами, применяемые буквально ко всему — труду гоголов, праву иметь тело из плоти, энергии, пространству и времени.

Злокачественные наросты, встающие на пути истинного бессмертия. Она хотела вырезать их, и для этого создала руку, держащую нож.

Жозефина умирает, лежа в своей спальне на острове. Светит солнце. Большую часть времени она через бими своей мыслящей кровати получает жизненные потоки от молодых, сильных и красивых служащих, используя их в качестве заместителей своего «я», но сегодня она видит солнечный свет и голубое небо собственными глазами. Искусственная сетчатка позволяет получать ясное и четкое изображение. У Жозефины возникает желание полюбоваться открывающимся видом, и кровать меняет форму, поддерживая ее тело в приподнятом положении. За окном видны белые мачты стоящих в гавани яхт. Снасти на ветру гудят и негромко позвякивают, создавая импровизированную музыку.

Жозефина отказалась от полной пересадки мозга в клонированное тело. В конце концов, в небе есть ее другие сущности, молодые и красивые, как ее жемчужины, и такие же одинаковые. ДНК-наномашины, восстанавливающие ее хромосомы, больше ничего не в состоянии для нее сделать, поскольку она была уже старой, когда изобрели бессмертие.

Но она всегда может рассчитывать на черный ящик для загрузки — остроугольный венец, ожидающий своего часа в мягких недрах ее кровати.

Долгое время Жозефина не могла смириться с

безнадежностью этой борьбы, что приводило ее в ярость. И только Жан смог убедить ее смотреть на стареющее тело как на кокон, из которого она сможет выйти, став еще красивее, чем прежде.

Он часто говорил об этом после того, как они занимались любовью.

Жозефина вспоминает их последнюю встречу и на мгновение погружается в сон. Спустя некоторое время кровать заставляет ее проснуться, и Жан уже здесь, сидит рядом с постелью, скрестив руки на груди.

— С днем рождения, Жозефина, — произносит он, и в воздухе появляется голубой цветок.

Жан подносит его к ее лицу, чтобы Жозефина смогла вдохнуть аромат. Кровать снова приподнимает ее, и запах уносит ее в прошлое, в детство, когда рано утром она бегом поднималась на склон виноградника, а башни старого селения вдали окрашивались пурпуром. Тогда она не обращала внимания на то, что солнце светит прямо в глаза, а кроссовки промокли от росы.

Она, вероятно, снова уснула, поскольку кровать мягко потряхивает ее, заставляя проснуться. Жан берет ее руку своими крепкими теплыми пальцами. Жозефина хмурится.

— Цветы, — говорит она.

Голос у нее скрипучий и тихий, но она не просит кровать сделать его громче. Если ее Жан что-то и заслужил, так это право видеть и слышать ее такой, какая она есть.

— Почему всегда цветы?

— Ну, я люблю цветы. Но сегодня есть кое-что еще.

— Драгоценности? Картины? Стихи? Но тебе ведь известно, что поэт из тебя никудышный.

— Туше, — с улыбкой признает он. — Это очень дорогой подарок, Жозефина. Я сделал тебя намного беднее. Надеюсь, подарок того стоит.

Он поднимает руки, сложенные так, будто держит маленькую птичку. Потом разводит пальцы, и между ними появляется голубоватый шар Земли. Движением рук он заставляет шар увеличиться, так что тог заполняет пространство между ними. Вокруг сферы сполохами северного сияния висит облако информации — графики и столбцы квантовых рынков.

— Я сделал эту машину из денег, — поясняет он. — Преимущественно из твоих. Хотя еще несколько компаний, сами того не желая, внесли свою лепту. Очень благородно с их стороны.

— Что это? Это слишком ярко для моих глаз.

— Присмотрись.

Кровать формирует вокруг ее головы прохладный купол, и

через мгновение Жозефина не просто видит информацию, но *понимает* ее, ощущает напряжение в потоке, как в натянутой тетиве, чувствует бесчисленных торговых ботов, связанных нейтринными нитями, готовых вступить в дело по мысленному приказу.

— Это очень интересно, Жан, — произносит она. — Но для чего это?

Он наклоняется и смотрит на нее снизу вверх, как делает всегда, если сознает свою вину.

— У меня появилось какое-то предчувствие. Я всегда подозревал, что в произошедших переменах что-то не так. Я поговорил с зоку, и они дали кое-какие зацепки. Я... отыскал страхового гогола-физика, о котором они упоминали. Боюсь, я заставил его изрядно потрудиться. Он проработал детали.

— Жан, дорогой, ты ведь знаешь, что у меня нет ни времени, ни терпения обсуждать детали.

— Я вспомнил ту встречу, когда ты говорила, что будет лучше, если люди придут к нам по собственной воле. И что мир функционирует слишком хорошо.

— Ты сегодня очаровательно загадочен, Жан. В чем состоит мой подарок? Это мой последний день рождения, и хотелось бы, чтобы подарок был достойным.

— Ладно. Я подумал, если мы разобьем мир, он издаст весьма мелодичный звук, — говорит Жан.

Она судорожно втягивает воздух.

— Что я должна сделать?

— Просто подумай о чем-нибудь прекрасном. Вспомни тайну. Что-то такое, о чем никто не знает.

По лицу Жана она видит, что он хотел бы, чтобы она выбрала восхитительный момент, объединивший их двоих, — первую ночь в приморском городке или их первую встречу в ужасной вонючей камере. Он отказался пойти с ней, сказав, что через три дня вернется за ее жемчугами, которые ему очень понравились. Когда стража закрывала за ней дверь, она по глазам поняла, что он свободен. И впервые за долгое, долгое время сама ощутила свободу.

Но Жозефина не в силах противиться: из глубин памяти, заслоняя весь мир, поднимается другая тайна. То была самая ужасная ночь в ее жизни. Она лежит в кровати на грубых промокших простынях и держит маленькое мертвое красное существо, а внутри после непереносимой боли разливается ощущение пустоты. Она видит закрытые глазки и клянется, что переживет эту смерть. Клянется никогда не умирать.

Жан замечает все это, замечает боль на ее лице и

вздрагивает. Но уже поздно: его машина приведена в действие, мир начинает разваливаться. Он мягко сжимает ее руку, и они вместе наблюдают за происходящим.

Жозефина не совсем поняла, что произошло потом, что из увиденного ею через бими и маленькие спаймы Жана принадлежит к реальным воспоминаниям. Скорее всего, это комбинация фрагментов мыслей Прайма и накопленных столетиями данных, сведенных в одну картину, описывающую тот день рождения.

Рынки, контролирующие жизнь и смерть, обваливаются.

Стаи ботов-перекупщиков бросаются забирать тела, оккупируют все побережье Калифорнии.

Загрузочные города в Китае отключаются из-за нехватки энергии.

Начинается великий исход. Малолетние зоку спасаются на переполненных кораблях. Импровизированные передатчики своими лучами посылают гоголов в небо, прямо в подставленные руки Соборности.

Жозефина оживленно наблюдает за происходящим. Грифельная доска мира очищается полностью, и именно ей предстоит начертать на ней будущее.

Она поворачивается к Жану, чтобы поблагодарить за прекрасный подарок, чтобы поцеловать его, как целовала когда-то, чтобы сказать, как сильно любит его.

Это последний отрывок воспоминаний, переданный парциалу. Остальное она оставляет только для себя: выражение ужаса на его лице, печально распахнутые глаза, в которых не осталось ни радости, ни свободы. Она не понимает, в чем дело, как будто сработал часовой механизм.

Появляется что-то еще, что отсекает гоголов, обжигает и поглощает ее мысли.

Контролирующие климат зонды выходят из строя из-за перегрева Земли, и над планетой начинают метаться сумасшедшие вихри.

Небо снаружи перечеркивает огненное копье. Жозефина останавливает на нем взгляд, а добросовестно исполняющая свои обязанности кровать снабжает ее сведениями. Сирр, великий небесный город, падает на Землю.

Над Лондоном рассыпается ливень внезапно освобожденных и покинутых миниатюрных тел. Позже их назовут диким кодом. Это змеи, жалящие разум, безумие, в Крике Ярости поглотившее флотилию сянь-ку, существа, порожденные машиной, которую

создал Жан.

— Нет, нет, нет, — шепчет он. — Этого не может быть, я не хотел этого, я не понимаю.

Это не крушение, не пожар, это очищение. Жозефина закрывает глаза. *Пора,* мысленно говорит она кровати. За изголовьем поднимается загрузочный венец. Раздается негромкое жужжание лезвий. Кровать впрыскивает в ее мозг оптогенетические вирусы. Она изо всех сил хватается за руку Жана.

— Останься со мной, — шепчет она. — Я боюсь.

Он выдергивает руку.

— Не могу. Я должен идти, Жозефина, — также шепотом отвечает он. — Прости.

И он уходит, только в холле слышится эхо его торопливых шагов. Как же она раньше не заметила его слабости?

Начавшаяся загрузка лишает ее голоса, и Жозефине только остается надеяться, что слова останутся в памяти всех ее последующих сущностей.

Ты не сможешь вечно убегать. Ты не сможешь перестать быть самим собой.

Ты вернешься ко мне.

Глава одиннадцатая
МИЕЛИ И ПРАЗДНИК ВОСКРЕШЕНИЯ

Сквозь слой льда пробивается солнечный свет. Дыхание водооткачивающего дерева создает медленный поток теплого воздуха. Горизонт изгибается дугой.

Кото в цвету, в Маленьком Лете прохождения вблизи Солнца.

Миели парит в вышине рядом с Невесомым Оком в центре ледяной сферы, где живут воздушные медузы. Развернутые крылья ловят слабые восходящие потоки. Ее тело опять здорово, ран нет, а отсутствие боли воспринимается почти как потеря. Изменилось и кое-что еще: она больше не чувствует своих боевых систем. И не чувствует Пеллегрини.

Неужели она пожертвовала собой ради меня? Что заставило ее так поступить? Это бессмысленно. Но думать трудно. Вспышки схватки на поверхности Гектора впечатались в ее мозг осколками стекла.

— Как ты себя чувствуешь?

Зинда в традиционной для Оорта черной тоге парит в самой середине стайки медуз. Одежда ей не подходит: она меньше ростом, чем настоящие оортианки, и просторное одеяние развевается на ней, делая похожей на воздушную медузу.

Миели ловит себя на том, что улыбается. Ей приятно снова встретиться с девушкой-зоку. Но она качает головой. *Не забывай, кто ты и для чего здесь оказалась.*

— Я в растерянности, — говорит она вслух.

— Я надеюсь, ты не будешь возражать против такого Царства! От Хёйзинга-зоку я узнала, что ты просила нечто подобное. Хотелось бы включить какие-то элементы Нарративистов, но я попыталась выдержать стиль Моделистов, почти как в вире, насколько это возможно. Что скажешь?

Миели ничего не отвечает.

— Я имею в виду, что это временно, пока мы не доберемся до сети маршрутизаторов, и тогда тебя можно будет переправить домой и создать новое тело. Поверь, тебе бы *не хотелось* показаться кому-нибудь в том, что у тебя было! Мы едва успели протащить тебя сквозь Врата.

— Что произошло?

— Ну, Мик продемонстрировал изумительный полет. *Районы* погнались за нами, но на «Цвайхендсре» очень мощный двигатель на антиматерии, а держаться за тем, кто выбрасывает такую струю гамма-лучей, очень трудно, если ты понимаешь, о чем я. — Она на мгновение умолкает. — А могу и я задать тебе вопрос? Что это было за существо на Гекторе?

Миели содрогается. *Я не могу ей сказать. Не сейчас. Я должна все обдумать.*

— Это воинствующий разум, новый тип. Он овладел моим скафандром и хотел загрузить мой разум. — Она пожимает плечами. — Я с ним разделалась.

— Я же говорила, что ты справишься! — Лицо Зинды становится серьезным. — Когда ты взорвала антиматерию, я думала... Я думала, что мы тебя потеряли, Миели. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь был так близок к истинной смерти. — Она берет Миели за руку. — Ты не должна мне лгать. Ты смотришь на меня как на тюремщика. Ладно. Это неважно. Но тебе следует знать, что я рада твоему успеху. — Ее улыбка одновременно выражает радость и грусть. — Мы все рады. Остальные тоже здесь, и ты можешь их увидеть, если хочешь.

Миели впервые замечает камни зоку: они при ней, только невидимые под покровом реальности Царства. Камень Лакричных зоку постоянно передает полные сострадания кваты.

Она вздыхает.

— Хорошо. Нам есть о чем поговорить.

Они ждут Миели и Зинду на поверхности кото, неподалеку от оставшегося без крыши дома из интеллектуального коралла, он

обозначает вход в подземный улей.

— Моя дорогая леди, — торжественно произносит Мик, принявший свой базовый облик. — Я в тебе сомневался. Я скорблю о перенесенных тобой страданиях. И если кто-то снова усомнится в твоих достоинствах, мой клинок готов им ответить. — Он опускается перед ней на одно колено и склоняет голову.

— Функциональный элемент: изоморфизм, — комментирует Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер.

Миели чувствует, что ее связь с ними заметно окрепла, а между ней и Зиндой появилось нечто новое. *Сцепленностъ? Она проявляется таким образом?* На эту мысль камни отвечают ей новым сообщением: теперь она Агрессор Двенадцатого Уровня Лакричных зоку и Старшина Седьмого Уровня Экзистенциального Риска Большой Игры.

— Но я потерпела неудачу, — говорит Миели.

— Нет. Нет, ничего подобного, — заверяет ее Зинда. — Ты раскрыла обман в гражданской войне Соборности, доказала, что все это лишь прикрытие для чего-то другого. Анти-де-Ситтер подтвердила это своими вычислениями. Мы уже направили результаты остальным зоку. Ты себе представить не можешь, как укрепилась наша сцепленность.

— Покажите, — просит Миели.

Анти-де-Ситтер открывает спайм, полученный разведкой Большой Игры. В Царстве Оорта он выглядит довольно странно — в воздухе повисает многоцветный шар переплетающихся нитей.

— Байесовский вывод: изменение приоритета. Операция: процесс визуализации.

Спайм расширяется, и вскоре они оказываются внутри шара в окружении отмеченных орбит и разноцветных полей потенциалов.

— Если отталкиваться от предположения об отвлекающей функции гражданской войны, перед нами схема их реальных замыслов, как их себе представляют зоку, — говорит Зинда.

В потоках *районов* и ресурсов наблюдается неустойчивость. В спайме выделяются и анализируются незначительные аномалии, которые могут быть вызваны присутствием кораблей с метазащитой. Миели улавливает общие контуры, даже не прибегая к помощи своих тактических гоголов. В сплетении траекторий образуется новый эпицентр, голубой узел активности возникает поблизости от Пострадавшего Района Где-Был-Юпитер.

— Они собирают флот, — говорит Миели. — А в топологических возмущениях Пострадавшего Района его можно спрятать надежнее, чем под метазащитой. Даже если это *губерниu*. Известно, какие там собраны ресурсы?

— Насколько мы можем судить... это, возможно, все, что есть, — отвечает Зинда.

Я предоставил им общего врага, говорил Абсолютный Предатель.

— Наш древний враг перемещается! — с усмешкой восклицает сэр Мик. — Мой клинок Поглотитель Душ жаждет крови Соборности!

— Мы еще не знаем, что происходит между Основателями, кто или что подтолкнуло их к сотрудничеству, но очень похоже, что они готовятся напасть на Супра!

Вот оно что, думает Миели. Абсолютный Предатель тоже охотится за камнем Каминари. Но зачем ему нужна я?

Она поворачивается к Зинде. Ее глаза возбужденно сверкают, а из камня зоку просачиваются всплески непонятного энтузиазма.

— Я не понимаю. Мы же говорим о войне! Чему ты радуешься?

Зинда смеется.

— Ах, Миели, это же будет так интересно!

Миели прибывает на праздник воскрешения, когда вечеринка еще только начинается.

Транспортная сфера высаживает ее перед гротом из листьев, ведущим в глубину леса. Впереди мелькают разноцветные огоньки, слышатся крики и негромкая музыка. Камень вечеринки — похожий на голубое яйцо малиновки — поблескивает в ее сложной прическе и настойчиво подталкивает. Миели выпрямляет спину и крепче сжимает сумочку для камней зоку. Ходить с раскрытыми крыльями, да еще в пышном черном одеянии, на котором настояла Зинда, очень неудобно. Миели набирает полную грудь воздуха и шагает вперед. Ее окутывает теплый пьянящий аромат летней ночи.

Из транспортной сферы Миели прекрасно рассмотрела Круг вечеринки. Полоса превратилась в обширный лесопарк. На месте дома Зинды раскинулись рощи деревьев, луга и степные равнины. Неизменной осталась только река, и сейчас по ней скользят небольшие лодочки с разноцветными парусами. Зинда пригласила множество гостей; даже столб масс-потока изменил свою форму и теперь висит в небе серебряной радугой. По нему спускаются многочисленные сферы, а между ними мелькают китайские бумажные фонарики. От Полосы отвернули солнечные зеркала, и в небе, почти таком же бескрайнем, как и над кото, зажглись далекие звезды, диски Реи и других спутников.

Миели вздыхает. Под босыми ногами шуршат листья кипариса. Где-то впереди должна быть поляна, на которой

проводится праздник, и голоса становятся громче. Предстоящие встречи с новыми зоку ее не радуют. Все это маски, под которыми скрывается нечто иное, которые меняются в каждом Круге или Царстве, и Миели уже не в состоянии за ними уследить.

— Ты обязательно должна прийти! — настаивала Зинда, изумляясь ее намеку на усталость и нежелание веселиться. — Это моя первая боевая миссия, и без тебя ничего не получилось бы! Мы *должны* это отпраздновать!

На самом деле Миели хочется уединиться в своем садике, пропеть молитвы и заняться медитацией, но в ее новом теле постоянно стоит гул голосов, и ей очень трудно сосредоточиться. После схватки на Гекторе ее почти всю переделали. Большая Игра предложила свою версию истинного облика — полностью искусственную оболочку из фоглетов и алмазов, но Миели отказалась, настояв на синтбиотической копии ее биологического тела с сохранением всех уцелевших компонентов. Конечно, это не первоначальный вариант, но у нее остались метамозг, тактические гоголы и боевые рефлексы, да еще добавились несколько усовершенствований из области ку-технологий зоку. Как оказалось, высокий уровень сцепленности с Большой Игрой обеспечивает немалые преимущества. Если Миели когда-нибудь снова придется столкнуться с Абсолютным Предателем, она будет к этому готова. Но чтобы привыкнуть к новшествам, требуется какое-то время. Ее гоголы непрерывно жалуются на несовпадение интерфейсов, болтовня на подсознательном уровне держит ее в постоянном напряжении, а в правой ноге, несмотря на все попытки улучшить состояние при помощи метамозга, еще чувствуется фантомная боль.

Но все это пустяки по сравнению с мыслями, бегущими по кругу, как лошадки сверкающей огнями карусели, которую она сверху мельком заметила на поляне. *Вторжение. Пеллегрини. Камень Каминари. Сюдян*. Эти мысли бесконечно сменяют друг друга.

Миели доходит до края поляны. Впереди видна карусель, вокруг нее собрались несколько гостей. С другой стороны установлены небольшие навесы и столики, и длинноногие золотистые роботы в смокингах подают напитки. Камень праздника все сильнее подталкивает ее вперед. С неба продолжают спускаться приглашенные, их истинные образы на ходу сменяются празднично одетыми базовыми фигурами. Зинда явно пытается ей угодить: правила Круга предписывают появляться исключительно в обличье людей. Миели невольно вздрагивает, когда прямоугольный, похожий на робота кайдзю из

Большой Игры приземляется, а через мгновение распадается фоглетами, и на его месте остается небольшая группа в вечерних костюмах: две смеющихся девушки в одинаковых желтых платьях и похожий на эльфа мужчина в смокинге, отдаленно напоминающий сэра Мика.

Миели хмурится. *Как они могут быть такими беспечными?* Намечается вторжение, и оно произойдет самое большее через несколько дней — раз уж маскировка Соборности раскрыта, по всем законам тактики должен последовать немедленный удар. Флот и *губернии*, с их двигателями Хокинга, возможно, уже на пути сюда. Зоку не могут не понимать, что при колоссальных источниках энергии Внутренней Системы, контролируемых Соборностью, Супра остается в самом невыгодном положении. А Лакричные зоку болтают о грядущих сражениях, как будто речь идет о сложном уровне какой-то игры. Если Большая Игра и предпринимает что-то на этот счет, Миели не посвящена в эти планы: их камень молчит с самого возвращения из пояса Троянцев. А она не осмеливается задавать вопросы, несмотря на значительно возросшую степень сцепленности с секретной организацией.

Проблема еще и в том, что она не знает, какие задать вопросы.

Миели подходит к карусели и смотрит, как лошадки — в большинстве случаев без седоков — несутся по кругу. По другую сторону от карусели стоит еще одна группа гостей, и камень праздника настойчиво увлекает ее туда, но она пока не готова. С большим удовольствием Миели осталась бы в этом кругу света, музыки и движения: в маленькой сфере сияния карусели можно представить себе, что огромный город Супра вообще не существует.

Сюдян здесь понравилось бы. Они могли бы прийти сюда после бегства с Оорта. Но нет, она стремилась к настоящему бессмертию, такому, какое предлагает Соборность.

Эта мысль вцепляется в мозг острыми коготками. Холодок цепочки из камней на лодыжке усиливает фантомную боль в ноге. *Я теряю ее.* Постоянное присутствие Пеллегрини в мыслях служило напоминанием о ее миссии, холодным камнем, который в минуты сомнений можно было сжать в руке; косточкой персика во рту.

Пеллегрини. Впервые Миели встретила богиню — или Прайма — в ее храме на Венере, ревниво хранящем сингулярность, сотворенную из города Амтор, материи плато Лакшми и принесенных в жертву разумов. Крошечную плененную звезду, чей непостоянный горизонт до сих пор удерживает Сюдян и

многих других. *Что ты можешь мне предложить, девчонка?* Она всегда была мстительной и вспыльчивой хозяйкой, *холодной сукой*, как называла ее «Перхонен». Ничуть не склонной к самопожертвованию, как говорила Миели сама богиня. *Почему же она спасла меня?* Гогол пеллегрини был одним из бесчисленных миллиардов, но Миели хорошо известно, что факт смерти от этого не становится менее реальным, а жертва — легче. Она помнит собственные копии, погибающие в сражении в пустыне дикого кода на Земле, помнит боль и внезапную пустоту, звенящую в ее метасущности.

Помни, сказала пеллегрини.

И она помнит. Так или иначе, Сюдян все еще заперта в черной дыре, и единственный шанс вытащить ее оттуда заключается в камне Каминари. Миели должна остаться в Большой Игре, выяснить, что им известно о камне, и придумать способ его добыть — и все это до того, как начнется вторжение Соборности. Миели снова жалеет, что вора нет рядом: он знал бы, что делать. Или «Перхонен». Миели так и не закончила песнь для своего корабля. И не хочет думать о «Перхонен», поскольку отлично знает, что бы от нее услышала.

Миели осталась в одиночестве, и больше нет времени думать о прошлом.

Она глубоко вздыхает и обходит карусель, погружаясь в море света и разговоров.

И как раз в этот момент ее атакуют зомби.

Четыре гниющих тела в смокингах и вечерних платьях, спотыкаясь и вытянув вперед руки, выходят ей навстречу из-за карусели. Миели узнает двух женщин в желтых платьях, которых видела раньше, вот только у одной из них сломана шея, так что голова повисла под невообразимым углом, и кожа у обеих приобрела землистый оттенок. В воздухе распространяется тошнотворный запах формалина и гнили.

Похожий на эльфа мертвец в смокинге протягивает руку и холодными липкими пальцами касается ее щеки. Миели, не думая ни секунды, со всей силы бьет его по голове сумочкой. Удар настолько мощный, что зомби летит прямо на вращающуюся карусель. Всадники на белых деревянных лошадках поднимают крик — от ужаса или от радости, Миели не берется судить. Она делает шаг назад, смотрит на женщин в желтом и гадает, позволит ли ей праздничный Круг применить новые боевые системы.

— Что я вам говорила? Никаких игр в зомби!

Это Зинда. Она в красивом зеленом платье, как будто

завернулась в большие листья из кружева, шелка и жемчужин, оставив открытыми оливково-смуглые плечи и шею. В руке у нее бокал с шампанским, а взгляд мечет молнии.

Где-то вдали слышится вой.

— И в оборотней тоже!

Девушки в желтом начинают мерцать, принимают более живой вид и сердито смотрят на Миели.

— Правила Круга предписывают тему воскрешения, — произносит одна из них, шатенка с высокомерно надутыми вишневыми губками.

— И это как раз подходит! — добавляет ее подруга-блондинка.

Зинда поднимает взгляд к небу.

— Все, все! Не надо понимать так буквально. Посмотрите на меня: растения. Зеленые. Новая жизнь. Весна.

— Или зависть? — спрашивает она из девушек. — Я могла бы предположить и это толкование.

— Прости, Миели, это займет всего пару секунд.

Миели не может сдержать улыбку. Зинда упирается руками в бока.

— С этого момента зомби получают собственный под-Круг. Все довольны?

У шатенки темнеют глаза, и она поднимает руку, принимая вызов. Зинда насмешливо фыркает. Потом они обе одновременно трижды взмахивают руками. В итоге Зинда открывает ладонь, а шатенка оставляет кулак сжатым.

— Проклятье! — ругается она и топает ногой. — Я столько времени потратила на этот облик!

Она берет за руку блондинку, и они удаляются к более многолюдной части поляны.

Зинда вздыхает.

— Ты ей веришь? Я хотела организовать простую старомодную вечеринку, но если на праздник собирается множество зоку, он сразу выходит из-под контроля. Боюсь, все дело в недостаточной определенности стиля и темы. Кроме того, не все могут отличить Фитцджеральда от Лавкрафта. Так что не удивляйся, если сегодня вечером увидишь еще каких-нибудь Глубоководных.

— Предполагается, что я знаю, кто это?

— Если честно, лучше бы ты не знала. Хуже Мифических зоку могут быть только Высшие Манаиа, как я. Да что это я! Это же твоя вечеринка, а у тебя пока даже нет бокала, да еще привязались какие-то мертвецы! — Она подхватывает Миели под руку и тащит туда, где громко играет музыка. Доносится слабый

запах духов и каких-то фруктов, возможно, персиков. — Пошли. Давай кое с кем познакомимся!

Праздник, как и положено, наполнен разговорами, танцами, музыкой и выпивкой. Музыканты в белых костюмах играют джаз. Большинство гостей в торжественных вечерних нарядах, но встречаются и странные личности, раздвинувшие границы Круга. Один из них — киборг с пышными бакенбардами и в высоком цилиндре, который, как определила Миели, намного старше, чем костюмы остальных участников вечеринки. У него медное туловище и механические руки, в одной из них зажато сразу несколько бокалов. Вокруг не менее странная группа человекоподобных зверей: лисица, барсук и белое существо, похожее на остроухого бегемота в галстуке-бабочке, который он все время неловко поправляет маленькими лапками.

— А потом «бум»! — рассказывает мужчина. — Они все стали стрелять! Честно говоря, нам самим надо было об этом подумать и сделать нечто подобное! Хотя бы в юбилей зоку! Но это было крайне невежливо! — Он качает головой. — И привело к истинной смерти, но я не хочу омрачать этот праздник грустными воспоминаниями. А Чеховой здесь очень понравилось бы. А, Зинда! А эта леди, вероятно, и есть виновница торжества!

— Миели, это Барбикен из Ганклуба зоку, — говорит Зинда.

Миели знакомо это название по Протокольной войне: Ганклуб создает для зоку много оружия и военных кораблей — очень сложных, но весьма эффективных.

Он тоже один из нас, он из Большой Игры, посылает ей кват Зинда. **Он старейшина. Очень полезное знакомство.**

Барбикен целует руку Миели. Бакенбарды царапают ей кожу, словно стальная проволока. От него пахнет машинным маслом и неприятно резким лосьоном. *Старейшина,* повторяет про себя Миели. *Он должен знать о камне. Но как об этом спросить?*

— Я очарован! Прошу, присоединяйся к нам.

Мои поздравления, приходит от него кват. **За столь короткое время ты успела достичь многого.**

Я только хотела быть полезной.

Лисица и барсук вежливо поздравляют ее. Как выясняется, они составляют пару и принадлежат к сообществу Танцующей Кошки. Белое существо застенчиво молчит и только торопливо пожимает Миели руку.

Силы небесные, что тебе наговорила Зинда? Кват Барбикена приносит веселое изумление. **Большая Игра создана не для службы, а для развлечения!**

Он предлагает Миели бокал шампанского. Она принимает его

и делает глоток. Золотистая жидкость приятна на вкус и немного щекочет горло. И придает ей смелости.

— Это большая честь для меня. Я... немного знакома с вашими работами, — говорит Миели. И она не лжет: однажды «Перхонен» оказалась рядом с пустотным кораблем Ганклуба, когда его взорвала *область*, и им пришлось спасаться в потоке радиации Хокинга.

Я постоянно это слышу, отвечает она в квате. **Но не могу так относиться к вторжению Соборности. Что предпринимает Большая Игра в этом отношении?**

— Вот и отлично! В таком случае мои новости будут для тебя интересны! Я только что рассказывал этим джентльменам о неприятном случае, недавно имевшем место на Япете, — начинает Барбикен. — Дерзкий взлом! Похищен ценный артефакт, нашей коллекции нанесены тяжелейшие повреждения. Откровенное нарушение законов Круга. **Сейчас не время и не место обсуждать подобные дела, к тому же это было бы грубейшим нарушением приличий по отношению к хозяйке. Я предлагаю направить запрос непосредственно зоку: как я понимаю, сила твоего волеизъявления значительно возросла, и он будет услышан.**

В последнем квате прозвучала твердая решимость закончить разговор, но канал связи остался.

Миели улыбается Барбикену.

— Как интересно, — произносит она и ловит озадаченный взгляд Зинды. — Расскажите что-нибудь еще.

Приличия мало знакомы оортианцам, посылает она очередной кват Барбикену**. Неужели подобное бездействие можно считать признаком старения расы, чье время уже на исходе? Или мы чувствуем себя в безопасности, потому что обладаем камнем Каминари?**

Кват-связь на мгновение сбивается, и перед Миели мелькает странное видение: закручивающееся полотно света, словно вторая кожа Вселенной, невероятно далеко и в то же время совсем близко от нее. Затем канал закрывается.

Барбикен поднимает бокал к губам, но внезапный приступ кашля превращает его в гигантский фонтан. Изо рта вылетают струи испаряющегося вина. Члены Танцующей Кошки проворно пригибаются, а Зинда, оцепенев от ужаса, не сводит глаз со старейшины.

Барбикен одаряет Миели отеческой улыбкой и изящными движениями манипулятора промокает шампанское с бакенбард.

— Примите мои искренние извинения! Я так спешил ответить на вопрос юной леди, что пролил этот прекрасный напиток прямо

на свой бойлер. Еще раз прошу меня простить, но теперь мне необходимо произвести кое-какие механические манипуляции, чтобы предотвратить взрыв, который, без сомнения, испортит настроение окружающим! Ведь для фейерверка еще рановато, не так ли?

Несколько неустойчиво переваливаясь на своих ногах-поршнях, он исчезает в толпе.

— Что это было? — спрашивает Зинда. — Только не говори, что ты с ним флиртовала! — Она прикрывает рот маленькой ладошкой. — Вот незадача!

— Ничего подобного! — заявляет Миели. — Что натолкнуло тебя на такую мысль?

Зинда вздыхает.

— Ну, честно говоря, это странное выражение твоего лица! Тем более что с самого появления здесь ты живешь как монашка. — Она легонько толкает Миели в плечо. — Придется это исправить! — Потом она прищуривается. — Ладно, я тебе верю. Если только у оортианцев не принято флиртовать с такой свирепой миной. Что бы там ни было, ты слишком серьезна. Так не пойдет. Не знаю, что тебя тревожит, но это может подождать.

Она берет Миели за руку и увлекает к опушке леса.

— Куда мы идем? — спрашивает Миели.

— Охотиться, — отвечает Зинда, подхватывая с подноса робота-официанта бутылку шампанского и два бокала.

— За чем охотиться?

— За яйцами с сюрпризом, конечно!

По всему лесу спрятаны яйца — маленькие голубые шарики, похожие на камни вечеринки, со светящимися золотыми номерами.

— Тебе нравится? — спрашивает Зинда, потягивая шампанское. — Это яичная охота-лотерея — каждый номер обозначает соответствующий ему приз! Мне казалось, ты не одобришь более массовых игр вроде джипформ или фаставал — все они немного мрачноваты — так что я выбрала что-то простенькое. Чем труднее найти яйцо, тем лучше приз. — Она улыбается. — Кроме того, я думаю, тебе будет приятно на некоторое время уйти из толпы. Знаешь, в Супра очень трудно организовать *маленькую* вечеринку.

Взгляд девушки-зоку излучает искреннюю теплоту. *Она пытается помочь. Я не понимаю, что она собирается делать, но она старается.*

Миели осушает четвертый бокал, прислушиваясь к тихим шорохам леса и отдаленному гулу голосов на поляне. Летающие в

кронах деревьев фонарики создают в лесу атмосферу сказки, подчеркнутую мелодичным плеском воды в реке. Голубые и золотистые отблески спрятанных в траве и на деревьях яиц, как и послевкусие шампанского, повышают настроение. *Грядет конец света, а мы играем в детские игры. К черту, почему бы и нет?*

То ли выпитое шампанское, то ли действие камня вечеринки в волосах настраивает ее на легкомысленный лад. Впервые за долгие-долгие годы Миели ощущает себя приятно опьяневшей.

— Хорошо, — говорит она. — Я согласна сыграть. И выиграть. Если только ты не собираешься жульничать. Это не ты все здесь организовала?

— О нет, это зоку праздников! Идея была моя, но что и где спрятано или какие назначены призы, я не имею ни малейшего представления. Но давай сделаем игру немного интереснее. Если я наберу яиц больше, чем ты, я имею право на желание. Не волеизъявление зоку, а просто желание в его старомодном смысле, вроде того, что загадываешь при виде падающей звезды. Что скажешь?

— Отлично, — соглашается Миели. — Я тоже хочу желание, если выиграю. Давай через час встретимся у реки. Но ты кое-что забыла.

Зинда усмехается.

— Что же?

— Я умею летать.

Миели расправляет крылья, и микропропеллеры беззвучно поднимают ее на один уровень с бумажными фонариками. Лес под ней мерцает крошечными голубыми звездами.

Глава двенадцатая
ВОР И ХРУСТАЛЬНАЯ ПРОБКА

Над Чашей Ирем повсюду вьются корабли зоку. По пути к геостационарной орбите своего корабля я сквозь увеличивающую оболочку ку-сферы различаю их сверкающие булавочные головки. Потом на фоне паров аммония и воды становятся видимыми соединяющие их лучи сцепленности, и небо закрывается серебристой сетью, сплетенной, чтобы меня поймать.

Переход в Царство «Леблана» теперь протекает безукоризненно гладко, словно скользишь по поверхности спокойной воды. Вокруг меня материализуется капитанская рубка. Карабас вытягивается по стойке «смирно» и с механической грацией снимает шляпу.

Корабельные датчики фиксируют в районе Чаши более двухсот кораблей: от репликаторов Нотч-зоку — крохотных

коренастых насекомых — до густых зеленых деревьев Дайсона, веретенообразных кораблей Евангелисгов-зоку из пурпурной псевдоматерии и даже отдельных базовых скафандров — серебристых человеческих фигур с огромными круглыми радиаторами. Несмотря на разнообразие, все это члены одного временно образованного сообщества зоку, а их на первый взгляд беспорядочные движения перекрывают все возможные маршруты. Как там сказал Барбикен? *Ты можешь угрожать мелким зоку, но не более того.* Похоже, Большая Игра создала целый новый квантовый коллектив, чтобы меня изловить.

Полагаю, я должен чувствовать себя польщенным.

Я активирую двигатель Хокинга и отключаю маскировку. Распространенная информационная атака начинается немедленно. В защиту корабля со всех сторон бьют щупы кватов и программные помехи. Похоже, меня намерены взять живым.

— До краха защиты двести базовых миллисекунд, — объявляет Карабас. — Три целых и семь сотых субъективных минут при максимальном ускорении времени.

Я отодвигаю кота, сажусь за панель управления и легко касаюсь клавиатуры. Лишенная сознания сущность корабля окутывает мой мозг прохладной броней.

Не могу не прислушаться к своим мыслям. *А что, если позволить им меня поймать?* После того, что сказал мне Аун, я, кажется, именно этого и заслуживаю. Это будет нетрудно. Теперь я чувствую все возможные векторы движения, — и не могу выбрать ни одного, который вывел бы меня мимо Чаши в открытый космос, чтобы убежать, или вглубь планеты, чтобы спрятаться. Любые мельчайшие изменения курса мгновенно вызывают реакцию всех ближайших зоку. *Не так ли чувствовала себя Миели, когда пыталась сражаться с роем Охотников?*

Через отданный Дуньязадой камень Большой Игры, надежно спрятанный в изолированную программную систему, поступает кват-сообщение. Я поручаю Карабасу и его агентам исследовать его и только потом выпускаю.

Ты сглупил, мой дорогой! Это, без сомнения, Барбикен. Кват приносит запах лосьона и слабое эхо звенящей меди. **Думал, я не замечу? Что ты сделал с совершенно новой Чашей?**

Голос старейшины зоку будит долгожданную ярость, и я приказываю своей метасущности использовать ее, чтобы помочь мне сосредоточиться.

В торговле это называется дробление и обновление, отвечаю я. Держись подальше от Ирем. Можешь убедиться, что Чаша под контролем члена Нотч-зоку по имени Дуньязада. Все абсолютно законно. А может, ты желаешь

встретиться со старейшиной Випунен-зоку на Южном полюсе? Я думаю, он уже сожрал последнюю экспедицию, которая пыталась отыскать его Царство.

Великолепно! отвечает Барбикен. **Я думаю, он захочет присоединиться к нашему новейшему сообществу Ганимар-зоку! Исключительные детективы и охотники за людьми. Они повысили степень сцепленности, подобравшись к тебе так близко.**

Он пытается меня отвлечь. Думай, Жан, думай. Как бы поступила Миели?

Но ты, конечно, можешь сдаться, и мы решим проблему, как принято у джентльменов! Они будут сильно разочарованы! Я уверен, юная Миели будет рада с тобой увидеться и обсудить судьбу ее корабля «Перхонен». Ты ведь помог устроиться здесь той самой цивилизации, которая уничтожила судно, не так ли?

А вот это неверный вопрос.

Кстати, Миели такая умница! Я планирую миссию специально для нее, уверен, она блестяще справится — и будет соответствующим образом вознаграждена. Система волеизъявлений превосходно формирует личность, и сцепленные зоку становятся для тебя превыше всего на свете. Жан, почему бы тебе не попробовать? Тебе всегда не хватало цели. А мы можем тебе в этом помочь. Трубочный табак и звон превосходного фарфора. Этот мерзавец наслаждается ситуацией. Неважно. Я знаю, что делать.

Я в последний раз предлагаю тебе к нам присоединиться. Если попадешь в руки Ганимарам, они передадут тебя нашим специалистам по извлечению информации, а их игры не такие забавные, как Большая Игра.

— Двадцать субъективных секунд до отказа зашиты, — сообщает Карабас.

Я прокладываю крутую дугу вдоль самой поверхности Ирем и показываю маршрут коту.

— Давай, парень, — говорю я ему. — Ради разнообразия попробуй отработать свое содержание.

Жан, не переоценивай свои силы, можешь сколько угодно забавляться с Чашей, ты все равно лишь досадная неприятность, не более. Ты не справишься. На что ты рассчитываешь, сражаясь против целого сообщества зоку?

Карабас смотрит на меня с обидой. Я поднимаю руку.

На семью, отвечаю я Барбикену и обрываю связь. И опускаю руку.

— Давай.

Двигатель Хокинга «Леблана» выбрасывает колоссальный белый факел, и мы несемся вниз, к Ирем и пустыне дикого кода.

Мы только видим себя, сказал мне как-то Аун.

Фотонный хвост «Леблана» выжигает на поверхности Ирем послание. От резкого виража по параболической кривой, повторяющей изгиб Чаши, у меня в животе все скручивается.

Аун получил сообщение. Позади нас поднимается пустыня дикого кода: встают стены из пыли и песка, джинны размером с гору тянутся к кораблям зоку сапфировыми пальцами. Выстреливают протуберанцы аэроворов. На какое-то мгновение шторм дикого кода проникает сквозь защиту «Леблана», и перед моими глазами мелькают бьющие с неба огромные огненные змеи. Они впиваются в мой мозг горячими пальцами Принцессы-трубочиста, но затем узнают меня и отпускают корабль.

А вот кораблям Ганимаров приходится хуже. Дикий код врывается в их системы. От дерева Дайсона на поверхности изменчивых дюн остается только бесформенное пятно. Репликаторы шлют сигналы нотч-кубикам, скрытым под слоем песка, но в ответ поднимаются искаженные копии кораблей фон Неймана, описывают в воздухе замысловатые дуги, а затем падают и взрываются. Корабли Евангелистов направляют на пустыню свои орудия, и позади нас раскаленными жемчужинами расцветают белые вспышки антиматерии. У меня возникают опасения за целостность самой Чаши.

А потом появляются похитители тел. Они проникают в разум зоку через фрагменты кодов и истории, рассказанные геометрическими фигурами на песке, и меняют коллективное волеизъявление Ганимар-зоку. Единый контур, направленный на наш корабль, рассыпается во все стороны. Это временное послабление — зоку не настолько уязвимы для манипуляций разумом, как слуги Соборности, и наверняка очень быстро примут контрмеры, — но «Леблан» получает достаточно времени, чтобы пройти вдоль края Чаши и вдоль светящихся потоков поддерживающих лучей в глубину Сатурна и скрыться от преследователей.

В относительной безопасности субтропосферных слоев я снова обращаюсь к Карабасу. Ганимар-зоку не сдадутся после первой неудачи, так что времени у меня немного.

— На борту есть другой Жан ле Фламбер? — спрашиваю я у кота. — Есть другая копия?

На Марсе моя бывшая сущность оставила мне серию подсказок, моих собственных парциалов, которые помогли

отыскать воспоминания, спрятанные в Ублиетте. Может, и здесь я создал нечто подобное?

У кота вздрагивают проволочные усы.

— Требуется авторизация Прайма, — мурлычет он.

Плохо. После всех повторений в тюрьме «Дилемма» вероятность идентичности с Жаном, которого «Леблан» признал бы Праймом, ничтожно мала.

— Ладно, это несущественно. Продолжай.

Есть другая возможность. Технология «Леблана» представляет собой беспорядочное сочетание идей Соборности и зоку. А в Соборности существует концепция Библиотек: хранилище мгновенных копий гоголов людей, которыми ты когда-то был и захотел сохранить. Возможно, и на корабле имеется нечто подобное? Я еще не обнаружил такую Библиотеку, но ведь она и должна быть спрятана. Может, Матчек до нее добрался? Старые виры, вроде книжной лавки, базируются на гоголах-демиургах, на разумах, настроенных на поддержку иллюзий. Иногда удается их обмануть и активировать связи, не предназначенные для этого, используя что-то вроде гипнотической магии.

Надо бы поспрашивать Матчека, но сейчас не время для подобных разговоров.

Так где же я мог скрыть Библиотеку? Где спрятал бы фрагменты своей личности, которые не мог бы удалить в силу сентиментальности?

Ну конечно.

Я выхожу в коридор Царства и миную врата, ведущие на залитую солнцем палубу «Прованса».

В шезлонге у бассейна я нахожу книгу. Здесь никто не обращает на меня внимания; это неподвластное времени Царство, в котором я месье д'Андрези, пассажир первого класса в бесконечном круизе по Атлантике, проводящий дни на палубе, а вечера в ресторане или за игорными столами.

На обложке книги пляшут золотистые блики отраженных от воды лучей. «Хрустальная пробка». Любимая книжка из прошлого, анахроничное бумажное издание с яркой обложкой, на которой выделяется темный силуэт вора с моноклем и хрустальный графин. Я усаживаюсь поудобнее, надеваю голубые очки и открываю книгу.

Страницы пусты.

Я торопливо перелистываю их в поисках подсказки. Книга в этом Царстве явно неуместна: едва притронувшись к ней, я ощущаю заключенное там ядро другой реальности. Кажется, что страницы ждут заполнения. Ключа. Воспоминания.

Я прикрываю глаза. *Требуется авторизация Прайма.* Подобный прием в ходу у Основателей Соборности: образ, составляющий ядро твоей сущности, стабильный для всех копий, нейронная конфигурация, которую взломать труднее, чем самый сложный пароль.

Я роюсь в памяти. Тюрьма. Облик основателя Сумангуру, поимка. *Нет, воспоминания должны быть старше.*

Фрагменты с Марса, найденные в коридорах Дворца Памяти. Пьянка с Исааком. Первое свидание с Раймондой. Интрижка с Джилбертиной. Переход между Рождением и Смертью. Нет, не годится. Еще старше.

Я сосредоточиваюсь на корабле. На «Леблане» имеются инструменты, которые могли бы пригодиться: программа метасознания, способная проникнуть в мой собственный мозг, словно отмычка, и отыскать нужный образ.

Я не в силах пошевелиться. Мой мир ограничен пустыми страницами, намертво приковавшими взгляд.

— Ты был идентифицирован как дивергентная копия мастер-Прайма либо захватчик, — слышится откуда-то голос кота. — Код Прайма должен быть предъявлен в течение тридцати субъективных секунд. После этого я уполномочен принять контрмеры.

Ублюдок. Следующую секунду я трачу на то, чтобы отругать самого себя. *И пожалеть, что родился.*

Вот оно. Когда я родился? Может, книга ждет воспоминаний о том моменте, когда я впервые открыл ее в тюрьме Сантэ, когда в моей голове начал зарождаться Принц-цветок? Нет, это слишком просто, слишком очевидно.

— Двадцать секунд.

Или когда Жозефина открыла дверь моей камеры? Ее юное и одновременно старое лицо могло бы стать ключом к замку. *Нет, это не она. Не она определяет мою личность.*

— Пятнадцать секунд.

Страницы пусты и ярко освещены резким полуденным солнцем, словно пустыня. Я чувствую, что способен в них затеряться.

— Десять секунд.

Да ведь внутри меня тоже есть пустыня, чистый лист, на котором я впервые был написан, первая буква в облике маленького мальчика, лежащего на песчаной дюне.

Я шепотом обращаюсь к нему, он поднимается и выходит. Книга принимает его, и страницы заполняются черными чернилами воспоминаний.

Глава тринадцатая
МИЕЛИ И АНТРОПНЫЙ ПРИНЦИП [114]

Несмотря ни на что, Миели нравится охота за яйцами.

Чем дальше она продвигается, тем труднее становится их отыскать. Поначалу она находит несколько мелких яиц в ручьях, дуплах деревьев и под листьями — все это прекрасно просматривается с воздуха. Но одно особенно крупное яйцо, лежащее на изгибе ветки, при ее приближении вдруг выпускает тонкие белые ножки и с поразительной скоростью убегает. Миели преследует его по земле сквозь густой подлесок, но перед ней появляется пылающая расщелина. Яйцо без труда перескакивает через нее, а Миели едва не падает.

Она останавливается и видит, как на дне глубокой впадины шипит и разбрасывает капли раскаленная лава. Убежавшее яйцо скрывается в тени деревьев.

— Как тебе помогают крылья, оортианка? — звучит с другой стороны насмешливый голос Зинды. — Пора проявить сообразительность!

Миели, с досады скрипнув зубами, садится на камень и начинает перебирать в голове самые невероятные тайники, какие только может себе представить. *Цилиндр Барбикена. Облака. Бутоны цветов.* И начинает обыскивать их одно за другим.

Большая часть ее догадок оказываются бесполезными, несмотря на то, что она мастерски пикирует сверху, чтобы схватить шляпу Барбикена. Он что-то кричит ей вслед, но слов не разобрать. К счастью, правила Круга запрещают применить оружие, заменяющее ему руку. Цилиндр пуст, но Миели все равно надевает его и оставляет себе до конца вечеринки. Наконец она замечает подозрительно низкое облако над лужайкой — слишком белое и пушистое, чтобы быть естественным, — и обнаруживает парящее внутри большое яйцо с номером 890.

Время подходит к концу, и Миели, сложив добычу в цилиндр, спешит на берег. У нее набралось пять яиц. Она довольна результатом, особенно самым большим яйцом из облака. Миели ложится на траву и наблюдает за золотистыми и серебристыми отражениями фонариков, парящих над водой. Она представляет себя летящей вдоль реки над маленькими лодочками зоку, плывущими вдали.

Спустя какое-то время ее будит посторонний звук. Миели резко поднимается и видит, что рядом опустилась на колени Зинда. Лицо девушки-зоку подсвечено снизу голубоватым сиянием.

— Извини, — говорит она. — Я не хотела тебя будить. Ты

лежала так спокойно! Но должна сказать, что ты проиграла. — У ног Зинды светится пирамида, в которой не меньше дюжины яиц. — По-моему, я нашла даже главный приз.

Она поднимает крошечное яйцо с номером 999.

— Где оно было?

Миели протирает глаза. Она чувствует, что проснулась, но ночь и река все еще не выпускают ее из объятий своего очарования. А может, она просто не хочет с ними расставаться.

— В моей сумочке! Это последнее место, о котором я могла подумать. Но не думаю, чтобы оно было там до тех пор, пока я не заглянула, — и вот! А что это, шляпа Барбикена?

— А это последнее место, о котором смогла подумать *я*, — говорит Миели.

Смех Зинды разливается мелодичным звоном колокольчика.

— Ладно, я рада, что ты неплохо провела время, Миели, — говорит она.

— Я тоже рада. И спасибо тебе. Это была отличная вечеринка.

— Она еще не закончилась! Хочешь, вернемся и получим призы?

— Нет, не сейчас. — Миели заглядывает в шляпу. — Я предпочитаю помечтать о том, что я могла бы выиграть. — Она вынимает яйцо с номером 27. — Неспетую песню. Или новое начинание.

Зинда берет ее за руку.

— Отличная мысль, — соглашается она. — Может, нам поискать одно на двоих?

В груди Миели поднимается горячая волна желания. *Нет, только не так. Она ведь просто прикрывается маской. Все это не реально. А я только ради Сюдян, ради дополнительной информации поддерживаю эту легенду.*

Миели осторожно высвобождает руку.

— Кстати, о выигрышах, — говорит она. — Каким будет твое желание?

Зинда опускает глаза.

— Я скажу тебе позже.

Она надевает шляпу Барбикена. Цилиндр ей велик, и, чтобы удержать его на голове, ей приходится залихватски заломить шляпу назад.

— Не знаю, как ты, а мне кажется, что я делаю что-то недозволенное, — замечает она. — И мне кажется, что это нам обеим пойдет на пользу. Как ты считаешь?

Миели выпрямляет спину.

— Всю свою жизнь я слушаю, что говорят другие, — отвечает она.

— И что же происходит потом?

— Обычно мы начинаем понимать, почему запретное запрещено.

— Давай! В такие ночи, как эта, просто необходимо нарушать границы и раскапывать склепы. Предложи что-нибудь запретное.

— Хорошо, — медленно кивает Миели. — Твой приятель Барбикен сказал, что запрещено разговаривать о камне Каминари.

Зинда широко раскрывает глаза.

— Я и не подозревала, что тебе об этом известно, — приглушенным голосом говорит она.

Миели пожимает плечами.

— Значит, ты не все обо мне знаешь.

Зинда улыбается.

— Миели, ты шутишь надо мной? Заигрываешь со мной, чтобы заставить разговориться о вещах, которые лучше не обсуждать?

Миели берет Зинду за руку. Ее ладошка кажется такой маленькой и теплой. *Помоги мне, Куутар,* мысленно просит она.

— А ты против того, чтобы с тобой заигрывали? — произносит она вслух.

— Миели, дочь Карху, ты предлагаешь мне *связь*? — спрашивает Зинда. — Чтобы я помогла тебе подняться на более высокий уровень, чтобы выдала секреты зоку, которых тебе знать не положено? Это плохо. Это очень плохо. И, как ты думаешь, мы поступим? — Она озорно усмехается. — Мне нравится. Дай мне твой камень Большой Игры!

Миели открывает сумочку и передает драгоценный камень Зинде. Девушка-зоку поднимает его в руке.

— Знаешь, это уж точно запрещено. Нас могут сослать на первый уровень! Но предоставь все тетушке Зинде.

Она прикасается камнем Миели к своему, словно чокается бокалами. Миели охватывает волна сцепленности, как будто в процессе медитации она с невероятной остротой воспринимает окружающий мир: множество членов Большой Игры повсюду в Супра, и их мысли смыкаются с ее мыслями. Затем эмоции утихают, как в отсутствие ветра успокаивается водная гладь.

— Вот и все. Ты получила не меньше трех дополнительных уровней. Как тебе это нравится? — Зинда возвращает камень Миели. — Не беспокойся, время от времени все так поступают. — Она понижает голос. — Итак, что же ты хочешь от меня услышать? Ты же понимаешь, я не могу ничего тебе передать вопреки общему волеизъявлению зоку. Все, что ты должна знать, ты уже знаешь.

— Я просто пытаюсь понять, — говорит Миели. — Камень

Каминари. Почему зоку не *используют* его?

Она поднимает голову и смотрит на звезды и дугу колец Сатурна, пересекающую небосвод световым штрихом.

— Прошло немного времени с тех пор, как я, до прихода сюда, хотела умереть, — негромко рассказывает Миели. — Я хотела истинной смерти, а не той, что бывает в ваших играх. И я едва не добилась своего. Но последние несколько дней заставили меня измениться: я хочу жить. Хочу охотиться за яйцами. Хочу петь. Хочу... — На некоторое время она умолкает. — Я знаю Соборность. Если они победят, они разорят этот город, заберут ваши разумы, то, что вы называете ку-сущностью, и заставят вечно работать на благо Великой Всеобщей Цели. И я не уверена, что вы, мы сможем победить без чего-то грандиозного.

— Ого. Похоже, ты не слишком хорошо умеешь флиртовать, верно?

Миели мрачнеет.

— Я тебя просто дразню! — восклицает Зинда. — Но поговорим серьезно. Использование камня — разве ты не чувствуешь, что это *неправильно*? Это против всего, к чему стремятся зоку. Защищать Вселенную. Контролировать экзистенциальный риск. Тебе известно, на *что* способен этот камень?

Миели качает головой.

— Я знаю только то, что возможности у него колоссальные. Что им хотят завладеть Основатели. И что он может быть использован против них.

— Ага! И это еще мягко сказано! — Зинда поджимает губы. — На самом деле, существуют две проблемы. Первая состоит в том, что мы не можем решить *трудные* задачи. Не все. NP-полные задачи. Например, задачу коммивояжера. Пакман. Они слишком сложные. Не под силу компьютеру, даже если он будет величиной во всю Вселенную! Это сводит Соборность с ума. А *мы* не придаем этому большого значения: игры становятся только интереснее. А для особых случаев, для лучшей координации, у нас имеются квантовые ускоренные методы. Ну, и для вечеринок, конечно!

Но если бы это *можно* было сделать, положение изменилось бы. Можно было бы предсказывать будущее. Восстанавливать историю. Автоматизировать творчество. Создать более мощный разум, чем у нас. Воплотить все безумные мечты об искусственном интеллекте, оставшиеся с еще доколлапсовых времен. Все это объясняет не прекращающиеся уже не одно столетие попытки Соборности.

— Да, — кивает Миели, вспоминая город Амтор, исчезающий в пылающей воронке черной дыры на Венере.

— Вторая проблема заключается в том, что ни одна из известных нам физически существующих машин пока не в состоянии этого сделать. Это все равно что путешествия со скоростью, превышающей скорость света, или изобретение вечного двигателя. С этими задачами не справятся ни квантовые компьютеры, ни синтбиотические машины, какими бы большими они ни были! Уже давным-давно все согласились, что NP-боги могут обитать только в поле квантовой гравитации.

Если подобрать достаточно сильное увеличительное стекло, пространство-время распадется на крошечные частицы. В масштабе Планка каузальность становится переменным фактором. Можно даже создать небольшие машины времени, охватывающие замкнутые времени-подобные кривые. Ничего похожего на «Делориан»[115] или Парадокс убитого дедушки[116], они не вписываются в квантовую механику. Но, возможно, сюда можно было бы впихнуть компьютер. А если получится, то можно превратить время в память и решать NP-задачи. Звучит слишком заманчиво, чтобы быть правдой, не находишь?

Зинда наклоняется к Миели. Ночной воздух еще не успел остыть, но исходящее от девушки тепло приятно Миели.

— Скажи, если мои лекции начнут тебе надоедать, — шепчет девушка-зоку на ухо Миели.

Щекочущее дыхание вызывает дрожь во всем теле. Затем Зинда снова отодвигается.

— Должна признаться, моя подготовка не предусматривала теории компьютеров.

Миели качает головой.

— Мне интересно, продолжай, — шепчет она.

— Хорошо, — соглашается Зинда. — На чем я остановилась? Ах, да. Люди, конечно, пытались. И довольно давно, еще до Коллапса они создавали крошечные черные дыры. Они обнаружили замки Планка. Попробуй построить компьютер в квантовой гравитации, и получишь полную чепуху. Кое-кто утверждает, что замки созданы намеренно, что вся Вселенная — это законченная конструкция, а замки поставлены, чтобы удержать нас на своем месте. Симулированная реальность. Но я в этом не уверена. Возможно, они должны были здесь быть.

— Что ты имеешь в виду?

— Задумайся. Представь, что есть множество предполагаемых реальностей с разными законами. Призраки-зоку утверждают, что есть сферы вероятности, и они сталкиваются, производя Большие взрывы. Вообрази миры, где нарушена структура каузальности, где пространство-время само может себя переписывать, где нет историй, нет игр. Можем ли мы существовать в таком мире?

Могут ли в таком мире появиться неразумные люди, чтобы строить города и совершать ошибки? По-моему, нет. Это было бы слишком убого. Мы не могли бы эволюционировать в мире, где нет замков Планка. Они должны быть здесь. А если бы их не было, не было бы и *нас*.

Зинда снова берет Миели за руку.

— Теперь давай представим, что камень Каминари это сделал. Представим, что замки Планка взломаны. Допустим, у нас остались камни зоку. Ты обращаешься к камню, выражаешь желание, и, возможно, оно будет принято. Но твое желание может переписать пространство-время реальности, создать новый мир, где все, кроме того, что ты пожелала, стало другим, создать полость искусственного вакуума и стереть остальную Вселенную. Захочешь ли ты разрушить то, что имеешь сейчас? Есть ли что-то на свете, чего ты могла бы пожелать *так* сильно?

Миели не отвечает.

— Не тревожься насчет Соборности, Миели. Это просто еще один трудный уровень. Если перед нами стоит ясная цель, мы справимся с чем угодно. Стоит им прийти, и на войну поднимутся все зоку Супра. Соборность даже не поймет, кто наносит удары. Вот увидишь.

Ты не встречала Абсолютного Предателя, думает Миели.

— А ты видела его? Я имею в виду, камень? — спрашивает она.

— Я? Нет. Он спрятан в надежном месте, известном только старейшинам.

Миели вспоминает вспышку в квате Барбикена. *Закручивающееся полотно света, невероятно далеко и в то же время совсем близко.*

— Каким будет твое желание? — спрашивает Миели. — Надеюсь, оно не приведет к гибели Вселенной?

— Да, ты же мне должна за игру, — вспоминает Зинда.

— И что же это?

— Совсем небольшая награда.

— Говори.

— Поцелуй, — отвечает Зинда. — Для начала.

Ее пальцы ласкают шею Миели. Губы Зинды мягкие и горячие, приятно пахнут шампанским и персиками. Миели проводит рукой по изгибу ее бедра, ощущает тепло ее тела под тонкой тканью платья.

Чувство вины шипом ку-скафандра вонзается между ребрами.

Она отталкивает Зинду.

— Я не могу, — шепчет Миели.

— Почему? — спрашивает Зинда. У нее обиженный вид. — Я знаю, у тебя кто-то был, Миели, та девушка в плену у ведьмы на горе. Но ее сейчас нет. Я думаю, это просто кукла, созданная ведьмой в твоей голове.

— Нет. Дело не в этом! — Миели встает. — Ты не понимаешь — ты же не настоящая. Это ведь не ты, а твоя измененная форма, созданная для *общения* со мной. *Маска*.

Ты идиотка. Все должно быть не так. Она обнимает себя за плечи, не в силах смотреть Зинде в лицо.

— Так вот в чем дело! — восклицает Зинда. — Миели, мне кажется, ты совсем нас не понимаешь. Я уже пыталась объяснить тебе это раньше. Мы оказались в этом месте, вдвоем, потому что мы такие, как есть.

— Я...

Зинда прикасается к ее лицу, обхватывает ладонями подбородок и ласково поворачивает голову.

— Ш-ш. Я хочу, чтобы ты это видела.

Она прижимает руки к груди. Между ними появляется теплое сияние, исходящее из-под гладкой кожи. Зинда подставляет ладони — камень зоку похож на жемчужную слезу в тонкой золотой оправе. Она осторожно укладывает его на землю рядом с яйцами.

— Большая Игра, — поясняет она. Затем появляется следующий камень, рубиновый глаз в серебряном диске, потом еще один, и еще. — Высший Манаиа. Супра. Хёйзинга. Полоса. Лакричный. Вот вся моя ку-сущность.

Она улыбается.

— Помни, мы всегда имеем право уйти. Ты в любой момент можешь остановить игру. — Она показывает на лежащие камни. — Теперь они для меня просто красивые побрякушки. А для тебя то, что ты видишь.

Расстегнутое платье с шорохом падает к ногам. У Зинды стройное изящное тело с бутонами маленьких грудей, и губы плоти розовой запятой между скобками бедер. Зинда грациозно переступает через платье, шагает вперед и словно танцор поднимает руки, чтобы обнять Миели за шею.

— Ну, кто теперь принадлежит к нехорошей Большой Игре, а? Кто собирается использовать несчастную невинную девочку?

Миели отвечает ей руками, губами и языком, и увлекает Зинду на травяной ковер, на яйца с сюрпризами и разбросанные квантовые камни.

Потом Миели поет ей тихую ласковую песню влюбленных. В Оорте эта песня пробуждает на стенах *кото* звенящие цветы вяки.

А здесь она вторит дыханию Зинды в ее объятиях и теплому лесному ветерку, от которого высыхает холодящая кожу испарина.

Впервые в жизни за стенами *кото* Миели чувствует себя свободной и легкой, не связанной никакими узами. Рядом с ней Зинда, такая миниатюрная, любимая и такая настоящая.

Я так не могу. Я не могу обманывать ее. Я должна рассказать ей правду.

Может, Пеллегрини и пожертвовала собой ради нее, но этот поступок несомненно преследовал какие-то эгоистичные цели. После долгих лет службы Миели ей ничем не обязана.

А Сюдян? *Она оглянулась.* Но она получила то, что хотела. Вечность. Бесконечную жизнь. Стала бы она сокрушаться о новом увлечении Миели?

Обещания и клятвы, цепи из слов и обманчивых надежд. Я покончила с ними. «Перхонен» была права. Она одобрила бы это. Она хотела бы, чтобы я была счастлива.

Я всегда любила тебя сильнее, чем она, сказала ей «Перхонен».

Возможно, это лучшая песня, какую я могу ей спеть.

— Почему ты перестала петь? — спрашивает Зинда.

— Я должна тебе кое-что сказать. — Миели делает глубокий вдох. — Я не такая, как вы. И не уверена, что когда-нибудь стану одной из вас. Я вступила в сообщество зоку, потому что ищу камень Каминари. И ты права. У меня была другая. И ведьма тоже была. Моя подруга «Перхонен» говорила мне то же самое, что и ты. Я была глупой.

— Миели, ты не обязана ничего объяснять.

— Нет, обязана.

Она начинает сбивчиво рассказывать Зинде о Сюдян, о Венере и Пеллегрини; о своем долгом странствии с вором и «Перхонен». И об Абсолютном Предателе. Потом говорить становится легче, и рассказ занимает немало времени. Слова иссякают, когда на бесконечно далеком горизонте расцветает розоватое сияние отраженного солнца.

— Я пойму, если ты захочешь всем этим поделиться с Большой Игрой, — говорит Миели напоследок.

Зинда обнимает ее обнаженные колени и заглядывает в глаза.

— Я не стану ничего рассказывать, если ты этого не хочешь. И, если придется, я покину зоку.

— Я не могу тебя просить об этом.

— Конечно, можешь.

Зинда покачивает в руке камень Большой Игры и долго смотрит на реку. Потом крепко зажмуривается.

— Черт, черт, черт, — шепчет она.

— Что с тобой? — Миели трогает ее за плечо. — Скажи мне.

— Я не уверена, что ты меня поймешь.

— После того, что ты слышала? Обязательно пойму.

Зинда грустно улыбается.

— Миели, я очень хорошо тебя изучила. Я знала тебя еще до нашей встречи. И я знаю, что это тебе не понравится. Но после того как ты мне все рассказала, я не могу держать тебя в неведении. Ты не выносишь лжи, Миели, на самом деле не выносишь. И, как ты и сказала, ты никогда не станешь одной из нас.

— Я не понимаю.

— Меня создали специально для тебя, Миели.

— Что?

— Я рассказывала тебе о детях зоку. Все мы созданы ради определенной цели. И моя цель — ты. — Она смущенно прикусывает губу. — Это не притворство. Это не маска. И не камень, внушающий мне определенные мысли. Я хочу сделать тебя счастливой и любить тебя. В этом моя сущность.

Миели опускает взгляд на разбросанные по земле камни. В утреннем свете они сверкают разноцветными искрами. Западня, это была просто западня. Она поднимается.

— Миели, прости. Но ты должна понять, это ничего не меняет.

— Я считала жестокой Соборность, — холодно произносит Миели. — Но они многому могут у вас научиться. Это место и все, кто в нем есть, заслуживают того, чтобы попасть им в руки.

Она поворачивается спиной к девушке-зоку и уходит в лес.

Миели долго бродит по лесу. На ней нет ничего, если не считать цепочки Сюдян и камней зоку, которые следуют за ней, словно стайка птиц. Она не обращает на них никакого внимания, не обращает внимания и на кваты Зинды и уходит все дальше. В ее голове, словно в глубине Сатурна, поднимается буря гнева, вины и растерянности. В конце концов она уже не в силах справиться с эмоциями и прогоняет их при помощи метамозга. Но от этого становится только хуже: разум отказывается принимать другие мысли, и Миели остается чистым листом бумаги, бессмысленной движущейся точкой.

Все вокруг постепенно меняется. Вечеринка окончена, Круг распался. Начинают проявляться структурные элементы мира: поверхность скал и деревьев снова превращается в нотч-кубики, и вскоре Миели остается единственным живым существом в небрежно очерченном ландшафте из металлических конструкций.

Останавливает ее настойчивый импульс камня Большой

Игры. *Оставайся на месте.* Миели сожалеет, что сразу не бросила его в реку, но теперь не находит на это сил.

Она останавливается и невозмутимо ждет. С воздушным хлопком рядом с ней появляются Врата Царства, и из них выплывает Барбикен — яркий всплеск красок на фоне унылого пейзажа.

— Полагаю, ты хочешь вернуть свой цилиндр, — говорит Миели, сложив руки на груди.

У Барбикена поднимаются брови, на лице появляется несколько смущенная улыбка.

— Моя дорогая, юные леди на вечеринке могут вести себя как им вздумается! И мой головной убор здесь ни при чем. Я приношу свои искренние извинения за то, что нарушаю твое уединение в такой трудный момент, но зоку срочно нуждаются в твоих услугах, а твоя наставница, милая Зинда, не смогла с тобой связаться. Я решил, что мое присутствие придаст просьбе больший... вес!

При этих словах он звучно бьет себя по медной груди тяжелой рукой-оружием.

Миели отворачивается.

— Как бы то ни было, меня это больше не интересует.

Она берет в руку камень Большой Игры, готовая выбросить его.

— О, я думаю, это тебя заинтересует! Как мне кажется, ты знакома с мошенником по имени Жан ле Фламбер?

Взгляд широко распахнутых глаз Миели обращается на Барбикена.

— Он *здесь*?

— В некотором роде, да. — Барбикен облизывает губы. — Мы получили от него сообщение. Он заявляет, что ровно через пятьдесят семь минут намерен похитить кольцо Сатурна.

Глава четырнадцатая
ВОР И ЕГО ДРУГАЯ СУЩНОСТЬ

Мальчишка лежит на горячем песке под палящим солнцем и планирует кражу.

По краю площадки, заставленной солнечными батареями, двигается робот. Он похож на краба камуфляжной расцветки, на пластиковую игрушку, но под дешевым пластиковым корпусом скрывается биопроцессор, за который Одноглазый Ийя даст хорошую цену.

Во рту у него пересохло. Солнце такое жаркое, что способно сжечь кожу даже на его загорелой шее, а перед глазами начинают плясать яркие вспышки.

Вечером уставшая мать вернется домой, а ему нечего ей показать. На прошлой неделе он пытался выпросить у солдат в деревне сигарет, говорил с ними по-французски и показывал смешные трюки. Но Тафалкай, узнав об этом, выпорола его и обозвала клоуном, немужчиной, который никогда не станет аменокалом[117]. Это воспоминание жжет его щеки сильнее, чем солнце.

Солдаты смеются и курят рядом со своим приземистым автомобилем, едва видимым над волнистой поверхностью площадки. Он подсчитывает: пятнадцать шагов до робота, несколько мгновений, чтобы при помощи мультитула, взятого в лавки Ийи, вскрыть корпус. В его голове включается секундомер, отсчитывающий мгновения до нужного момента. И вот ноги словно сами собой уже несут его вниз с дюны, едва слышно шурша осыпающимся песком.

На ходу он подхватывает горсть песка и бросает его в сенсоры робота, а потом посылает еще и струю из баллончика с краской, и робот начинает беспомощно крутиться на месте. Мальчик вытаскивает телефон, щурится на экран и нажимает выбранный символ. Робот вздрагивает и замирает. Начинается работа над пластиковым корпусом. У него едва хватает сил, чтобы плоскогубцами из набора инструментов сорвать крышку величиной с ладонь. Солнечный луч проникает внутрь, освещая пластиковые трубки и желанную добычу — управляющие аппараты, которые составляют мозг робота. Осталось только засунуть руку и забрать их, и тогда мать улыбнется, и все будет хорошо.

— Ты что делаешь, мальчишка?

Он хватает добычу. Острые края пластика царапают руку, но он вытаскивает приборы и пускается наутек. Подниматься на

дюну значительно труднее, чем спускаться: ноги вязнут, словно в ночном кошмаре. Чья-то рука хватает его за шею, и он скатывается вниз, прямо в круг угрожающе высоких людей. Против солнца они кажутся черными силуэтами.

Один из солдат — плотный громила с синеватой щетиной на лице — грубо поднимает его на ноги. От него пахнет черным табаком и потом. Он бьет мальчика по лицу — сильно, намного сильнее, чем била Тафалкай. Металлический предмет на запястье солдата звенит о его зубы. Мозг в черепе болтается, словно яичный желток.

Он изо всех сил кричит по-французски, умоляя их остановиться.

Громила смеется. Он склоняется над мальчиком и обхватывает его голову огрубевшими пальцами.

— Черт побери. Это же мальчишка Тео, верно?

Он с трудом кивает, извиваясь в руках солдата. Он не хотел выдавать имя отца, но чтобы избежать побоев, готов на все.

— Что ж, парень, раз твоего отца здесь нет, кто-то должен преподать тебе урок о вреде воровства.

Удары винтовочных прикладов обрушиваются на его голову, ребра и руки, им вторят смех и брань солдат, и каждый удар открывает в теле новый кратер боли. Спустя некоторое время все сливается в ослепительный шквал агонии.

Он не помнит, когда все прекратилось. Сознание возвращается, когда мимо проползает очередной ремонтный робот. Люди ушли, жестокая игра им надоела. Он чувствует себя сломанной куклой: песок под головой почернел от крови, онемевшее лицо покрыто липкой стягивающей маской. Попытка пошевелиться отзывается в ребрах острой болью. На то, чтобы сесть, уходит немало времени: тело жаждет свернуться в клубок и остаться на песке.

Он разжимает пальцы правой руки. На ладони часы громилы, массивный серебряный браслет, украшенный драгоценными камнями.

Именно этот момент запоминается ему навсегда: не добыча, а сам факт мгновенного превращения в другого человека. Как будто он заново родился.

Он будет вспоминать его всю свою жизнь: по ту сторону моря, в городах и дворцах, и в других мирах, везде и повсюду. Так не всегда будет получаться. Порой его будут ловить и убивать. И однажды, в тюремной камере, он начинает читать книгу.

Мальчик превращается в молодого мужчину с тонкими бровями, впалыми висками и усталыми глазами Петера Лорре. На

нем смокинг и отороченный красным кантом плащ, словно он собрался в оперу. В петлице белый цветок, пахнущий летом. Это я.

Мы стоим плечом к плечу в прозрачном лабиринте, освещенном далеким невидимым солнцем. Холод пробирает до костей, и наше дыхание мгновенно превращается в облачка пара. По обе стороны узкого извилистого коридора расположены стеклянные камеры. Свет просачивается сквозь стены и оставляет на гладком зеркальном полу разноцветные узоры. В каждой камере находится изображающая меня восковая фигура. Вот я в молодости, вот постарше, вот с камнями зоку над головой. Все двери украшены чугунным литьем с изображениями цветов и птиц и снабжены табличками со старомодными надписями от руки. Интерьер напоминает мне входы в парижское метро. Дверь камеры позади меня открыта, и из нее веет жарким ветром пустыни. Табличка над ней гласит: «НАЧАЛО».

Все это очень сильно напоминает мне тюрьму «Дилемма».

Другой «я» улыбается, проходит мимо меня и закрывает дверь камеры. Затем жестом затянутой в белую перчатку руки предлагает углубиться в лабиринт.

— Хорошо, — произносит он. — Вот мы и собрались. Все мы.

Я иду по коридорам хрустальной галереи своих сущностей. Другой «я» на ходу что-то напевает.

— Сюда, — наконец говорит он, показывая на камеру с надписью «КОНЕЦ». Он вынимает небольшой золотой ключик, вставляет его в железный замок и открывает дверь. — Это моя. Нам тут будет немного удобнее. В галерее такой беспорядок. Так ведь это и есть причина твоего появления здесь? Генеральная уборка?

Внутри стоит небольшой стол и два тяжелых стула красного дерева напротив друг друга. Он указывает на один из них.

— Прошу, присаживайся.

Я осторожно сажусь и пристально наблюдаю за ним. Окружающая обстановка не похожа ни на вир, ни на Царство, насколько я могу судить, все прочно и реально. Я не ощущаю интерфейса «Леблана». В затылке начинается неприятное покалывание.

— Нужно ли опасаться каких-нибудь ловушек? — спрашиваю я. — И если ты собираешься поиграть, учти, я не взял с собой оружие.

— О нет, — отвечает он. — Никаких игр. Никакого оружия. Не здесь и не сейчас. Только истина. — Он откидывается назад и улыбается. — Во-первых, Жан, — думаю, я могу тебя так называть, — прими мои поздравления! Ты первый из нас, кто

сумел сюда попасть. Колоссальное достижение.

Я приподнимаю бровь.

— Во-вторых, прошу учесть, что я не полный гогол, как ты, просто парциал, эскиз, обладающий ограниченной автономией. Возможно, я не смогу ответить на все твои вопросы. И уж точно не смогу помочь в разрешении насущных проблем, которые у тебя могли бы возникнуть. Мне кажется, они связаны с решительным молодым человеком, с которым я немного поговорил, когда он впервые появился на корабле. Он очень настойчиво пытался воспользоваться любой слабостью в наших системах, и я счел нужным сказать ему несколько слов.

— Я благодарен тебе за это. Весьма любезно с твоей стороны.

— Да, я ведь должен был дать тебе какой-то намек, верно? Этот молодой человек — часть твоего плана похитить у Матчека Чена камень Каминари? Если так, могу тебя заверить, что ты напрасно тратишь время. У Чена его нет.

— Гм. Я уже сам об этом задумывался.

Я перебираю полученные от Сумангуру воспоминания о том, как Чен наложил руку на камень Каминари. Теперь задним умом я понимаю, что в этом деле что-то не так.

— Зоку слишком легко отказались от камня. Как будто специально подстроили, чтобы чены его нашли. Тут чувствуется рука Большой Игры.

— Точно.

— Но откуда мы знаем, что камня у него нет? — спрашиваю я себя.

На его лице знакомая усмешка.

— Ну, я, конечно, попытался его украсть. Выяснилось, что это ловушка для дураков. Коварный вирус, который должен был уничтожить целый копиклан ченов. Большая Игра не шутит. Я был почти удивлен, что они не подбросили взрывающуюся сигару или отравленный скафандр. — Он вздыхает. — Ничего не меняется. Я сохранил подделку на память об этом случае. Она валяется где-то здесь. Ну, а чтобы закончить дело цивилизованным образом, я оставил замену — с визитной карточкой.

— Да, это полезная информация. Знаешь, я потерял несколько месяцев и лишился друзей, пытаясь *похитить* твою визитную карточку.

Он машет на меня рукой.

— Успокойся, успокойся. Я ничего не мог тебе сказать, пока ты не избавился от Жозефины. Но теперь ты здесь, это самое важное.

— Так как же насчет настоящего камня? Как я понимаю, он

остался у Большой Игры?

— Вот теперь мы дошли до главного, — говорит он.

— После того, как я попытал счастья с Ченом, я стал разыскивать настоящий камень. Да, Большая Игра его сохранила, если только они не совершили какую-нибудь исключительную глупость совсем недавно. Я не стану посвящать тебя в детали. Я его нашел. Оставалось лишь протянуть руку и забрать камень. Вот только…

Его взгляд устремляется куда-то вдаль.

— Только что?

— Он не *принял* меня. — Он снимает перчатки, прикрывает глаза и сжимает пальцами переносицу. — Я испытал колоссальное разочарование. Держать в руках частицу разумного пространства-времени и…

С его губ срывается то ли смех, то ли стон, и он качает головой.

— Ладно. Это не имеет значения. Но это действительно сделали Каминари. Они вычислили причину Коллапса. Скрытой нелинейности в самой квантовой механике, проявляющейся при масштабной степени сцепленности. В данном случае случился коллапс волновой функции, внезапная декогерентность целой системы, перешедшей в другое состояние.

— Декогерентность, которую вызвали мы, — подчеркиваю я. — Каким образом? И зачем?

— Ах, да, тебе это было очень интересно, — говорит другой «я». — Одна из моих задач — снабдить тебя информацией. Вот недавняя работа нашего уважаемого сотрудника, профессора Чжу Вэя.

Он достает из кармана стопку бумаг и кладет ее на стол. Заголовок на первом листе гласит: «РАЗРЫВ ЛИНЕЙНОСТИ В ПРОЦЕССЕ КОНЦЕНТРИРОВАНИЯ ШИРОКОМАСШТАБНОЙ СЦЕПЛЕННОСТИ ДЛЯ КООРДИНАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ СИСТЕМЫ». Я бережно собираю бумаги.

— Для тебя же будет лучше, если ты не станешь слишком допытываться, как мы это получили, — предупреждает парциал. — То же самое относится и к твоему второму вопросу. В любом случае Каминари эту нелинейность использовали в других целях: чтобы взломать замки Планка. Они сформировали огромное временное сообщество зоку со всей Системы, как в старой сказке, когда все гильдии сообща боролись со Спящим. Большая Игра попыталась вмешаться, но они смогли лишь устроить скромный фейерверк. Каминари ушли бог знает куда и оставили камень сцепленности. Он работает так же, как и все остальные: ты

выражаешь желание, и он посылает запрос зоку. — Он вздыхает. — Вот только он не дает то, что ты хочешь. Я подозреваю, что эта проклятая вещица вычисляет когерентно экстраполированное волеизъявление Вселенной. Зоку способны сделать эту дурацкую концепцию реальностью. *Я дам тебе то, что ты захотел бы, если бы был мудрее, сильнее, энергичнее и лучше? Да, кстати, результат должен соответствовать интересам всей Вселенной.* Другими словами, то, что ты захотел бы, если бы не был самим собой.

Я закрываю глаза. Костяшки домино, постукивая, складываются в моей голове, но их узор мне не нравится.

— И поэтому ты решил стать кем-то другим.

— Да. Тобой.

Он встает.

— Знаешь, не могу этим заниматься без выпивки. Как говорил Исаак, это не химия, это традиция. Кроме того, я надеюсь, у нас есть за что выпить. Виски? — Он достает из кармана два маленьких стаканчика и охотничью фляжку, ставит все на стол и наливает напиток. — Здесь есть группа зоку под названием Общество: они буквально одержимы такими вещами. Для производства этого напитка они имитировали целую биосферу. — Он подносит к носу один из стаканов. — К счастью для нас, в производстве виски они преуспели больше, чем в его охране. И конечно, это уникальная марка. Квантовая информация, теорема о запрете клонирования и тому подобное.

Я беру свой стакан и принюхиваюсь: дымок, ваниль и что-то обманчиво сладкое.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Ну, я думаю, интересно попробовать напиток, в котором содержатся запахи, никогда не существовавшие на Земле, не имеющие даже названий, на исследование которых может уйти миллион лет квантового моделирования на атомном уровне.

— Я не это имел в виду. Зачем тебе потребовалось меняться?

Он разводит руками и грустно улыбается.

— Я устал. Я так давно чувствую усталость. Совсем измотался. Слишком много преступлений, слишком много имен. Со временем некоторые из них начинают давить.

— Все дело в Жозефине, не так ли? Всегда все связано с ней.

Он игнорирует мое замечание, отпивает виски и закрывает глаза.

— Ваниль. Деготь. Чуточка розмарина. Какое-то сочетание шоколада и угля. Что-то, чему я не могу подобрать названия, но мне кажется, такой должна быть жидкая любовь. И, конечно, привкус вины. — Он проглатывает остаток напитка, вздыхает и

снова наполняет стакан. — Знаешь, я не предполагал подобного всплеска эмоций, но так получилось. Надо же, я наконец увидел тебя здесь. Пусть на один миг, но все же. Снова появляется надежда. И чья бы то ни было смерть имеет значение.

— Что ты натворил?

— Что было для нас равносильно смерти? Быть пойманным. Я притворился, что преследую Чена, но делал это довольно неуклюже, чтобы он мог меня схватить. А прежде постарался, чтобы у Жозефины были причины меня вытащить, чтобы в ее памяти сохранился образ, позволивший выбрать меня из миллиардов вариаций тюрьмы.

Я опускаю голову и сжимаю виски кулаками.

— Ты *намеренно* угодил в тюрьму? Ты сошел с ума? Ты хоть представляешь себе, что это такое?

Он качает головой.

— Только теоретически. Но я надеюсь, ты признаёшь, что дело того стоило.

Я швыряю стакан в стену. Он разлетается вдребезги, и янтарная жидкость стекает по прозрачной стене.

— Что ты хочешь этим сказать, ублюдок? Это ничем нельзя оправдать!

Он смотрит на осколки и качает головой. В следующее мгновение мельчайшие фрагменты поднимаются и воздух, словно миниатюрная хрустальная галактика, а потом в моей руке вновь появляется стакан. Вот только виски в нем нет.

— Галерея настроена сохранять все в первозданном виде, так что, боюсь, приступы гнева здесь не эффективны. Кроме того, жаль попусту тратить хорошую выпивку. А, ладно. Легко пришло, легко ушло.

Я возмущенно закатываю глаза.

— Не хочешь ли ты сказать, что попал в тюрьму «Дилемма» для того, чтобы стать *лучше*?

— Нет, наоборот. Но есть вещи, которые нам никогда не давались. Альтруизм, сочувствие, сотрудничество. Или сожаление. Держу пари, ты уже сожалел о прошлых ошибках и старался их исправить.

— Но я не...

— Не имеет значения, раз ты пытался. Созданный в памяти Жозефины образ на самом деле не был *моим*. Все-таки эволюционные алгоритмы и сейчас являются лучшим способом для создания чего-то нового. Если ты попал сюда, если книга тебя приняла, значит, ты лучшая моя модель, насколько я могу судить, которую способен принять камень.

Он снова глубоко вздыхает.

— Жан, есть еще одно дело. Кража, чтобы покончить со всеми кражами. Покажи класс. Укради огонь богов прямо у них из-под носа. Я расскажу тебе, как это сделать. А потом все *изменится*. Соборность полагается на бессмертие, которое превращает души в машинные шестеренки. Зоку погрязли в глупых играх и Царствах, а это ведет в тупик. Чен всегда был прав. Мы не должны принимать положение вещей таким, как оно есть. Мы не должны повторять одно и то же снова и снова.

Он улыбается.

— И разве тебя не *бесят* эти замки Планка? Какой-то мерзавец в давние времена превратил Вселенную в тюрьму. Мне кажется, тебя это должно возмущать больше, чем кого-либо другого. Что скажешь?

Я сажусь. Смотрю на него, словно на свое отражение в зеркале, но не совсем. В нем не угасает непреодолимая *потребность*, отчаянное желание мальчика из пустыни. Я чувствую это на себе.

Я вспоминаю «Перхонен». *Что ты будешь делать, когда все это закончится,* спросил меня как-то корабль. Я думаю о Миели и Матчеке.

Кого я пытался обмануть? Это никогда не закончится.

— Ладно, — говорю я. — Я в игре.

Он хлопает в ладоши и усмехается.

— Отлично! Давай выпьем за это.

Мы чокаемся стаканами.

— Ты станешь Прометеем, — заявляет он.

— Что-то вроде того, — киваю я.

Мы пьем. Он прав: виски оказывает своеобразное действие — щекочет горло и вызывает смех. А послевкусие ложится на желудок странной тяжестью. Но это еще не все: вместе с растворенной в жидкости квантовой информацией появляется еще что-то, я впитываю код. И тогда возвращается ощущение «Леблана», уже подтвержденное кодом авторизации Прайма. Я вижу твердь, лежащую в основе Галереи, вижу ячейки программного обеспечения для прошлых проступков.

— Так-то лучше, верно? — спрашивает он.

Я киваю, вытягиваю руку и ставлю стакан на стол.

— Намного лучше. Спасибо.

— А теперь не хочешь ли ты выслушать мой план?

Он заговорщицки усмехается.

— Нет.

Я подмигиваю ему, а потом изо всех сил бью кулаком по лицу.

Удар получился не слишком удачным. Кулак скользнул по

его челюсти, так что я едва не разбил себе костяшки пальцев. Но я с удовольствием увидел, как он рухнул на пол, закатив глаза. Я беру со стола фляжку с виски и направляюсь к двери.

Он изумленно таращится на меня, потирая челюсть.

— Проклятье, а это за что?

— За многое. Мы квиты. Я подыгрывал тебе только ради того, чтобы вернуть «Леблан». Мне предстоит еще одно дельце, но тебя это не касается. Я собираюсь спасти Миели и расплатиться с долгами, а потом все будет кончено. Жан ле Фламбер прекратит свое существование.

— Ты сам не понимаешь, о чем говоришь. Ты не слишком *сильно* отличаешься от меня. Это просто история, которую ты сам себе рассказал. Единственный способ выбраться из пустыни — это превратить ее в сад. Поверь мне.

— В тюрьме «Дилемма» я твердо усвоил, что доверять нельзя даже самому себе.

Он медленно поднимается, и его лицо искажает ярость.

— Неужели ты думаешь, что вот так запросто можешь уйти? У меня есть протоколы и на такие сценарии тоже. Ты здесь не единственный ле Фламбер. В тюрьме еще много таких.

Системы «Леблана» сотрясает дрожь: неожиданный конфликт с правами доступа. Мой парциал пытается перехватить контроль над судном. *Нехорошо. Корабли Ганимаров могут быть совсем близко.*

— Всегда можно найти выход, — цитирую я самого себя.

— Не всегда, — с невеселой усмешкой возражает он.

Я улыбаюсь и показываю маленький золотой ключ, который сумел украсть, когда разбил стакан.

— Туше, — говорю я. — Прощай.

— Подожди!

Я захлопываю перед ним дверь и поворачиваю ключ. Стекло затуманивается, и другой «я» превращается в статую с прижатыми к двери руками и ртом, раскрытым для слов, которых я больше не хочу слышать.

Я стою в Галерее и смотрю на бесконечные ряды застывших статуй. Я думаю о другом «я» — не о парциале, а о Прайме, погибшем, чтобы стать мной. Что же такое произошло, что он захотел стать кем-то другим?

Вот и мы. Все мы.

Я мог выяснить. Все, кем я когда-то был и кого хотел сохранить, все мои прошлые сущности находятся здесь, каждый в своей камере, словно старые письма, которые не решаешься выбросить.

Я закрываю глаза. *В одном он был прав. Пора провести генеральную уборку.*

Я вытягиваю руки, мысленно обращаюсь к «Леблану» и сворачиваю вокруг себя Галерею. На лицо снова падает солнечный свет. Слышатся крики птиц и другие негромкие звуки окружающего мира, и неумолчный плеск моря.

— Что вы читаете, месье д'Андрези? — раздается рядом со мной женский голос.

Я вздрагиваю, снимаю голубые очки и прищуриваюсь, глядя на мисс Нелли Ундердоун. Ее смеющиеся серые глаза смотрят на меня из-под белого кружевного зонтика. — Мне показалось, вы так увлечены, что тоже захотелось прочитать книгу после вас. Знаете, в этой бесконечной прогулке очень быстро становится скучно!

— А, ничего особенного. — Я поднимаюсь и слегка кланяюсь. — Просто сборник весьма слабых детективных рассказов. Должен признаться, я так и не смог дочитать их до конца, так что не осмелился бы предложить книгу вам. Но, что касается развлечений, я всегда к вашим услугам. — Я предлагаю ей руку. — Не хотите ли прогуляться по верхней палубе?

Она скромно улыбается и кладет свою маленькую ручку на мой локоть. Спустя некоторое время, когда мы доходим до носа корабля, я бросаю книгу в море, чем вызываю у нее изумленный возглас. Страницы на лету раскрываются трепещущими крыльями, а потом книга исчезает в полосе пены за бортом «Прованса».

Глава пятнадцатая
МИЕЛИ И ПРОМЕТЕЙ

Вор смотрит на Миели. Он кажется более молодым, чем она помнила: волосы густые и иссиня-черные, тонкие брови словно проведены угольным карандашом. Но на лице та же самая высокомерная усмешка.

— Друг мой, — начинает он. — Я Жан ле Фламбер. Я занимаюсь кражами. Я довольно долго отсутствовал, и, возможно, вы меня не помните.

— Жан? — непроизвольно переспрашивает она. Сердце рвется из груди. *Он сумел выбраться, может, и «Перхонен» это тоже удалось.* Она прикусывает губу. Слишком рано строить обнадеживающие догадки. Боль от предательства Зинды еще не утихла, и Миели утратила всякую уверенность. Вор приподнимает брови.

— Боюсь, вы ставите меня в неловкое положение.

Ну, конечно. Это просто парциал, неполноценный гогол, просто говорящее дерево с небольшими штрихами подобия для достоверности. Миели чувствует себя неуютно и плотнее запахивает недавно сфабрикованную тогу. Барбикен задумчиво ее разглядывает. Они собрались в ничем не примечательном сером Невидимом Царстве Большой Игры, и старейшина, так же, как и она сама, кажется здесь совершенно неуместным. Зато вор, в строгом белом костюме, свободно развалившийся на металлическом стуле, прекрасно вписывается в обстановку.

— Не обращай внимания, — говорит она. — Продолжай.

— Охотно признаю, что мне еще многому надо научиться, особенно в области знакомства с очаровательными дамами. Это моя вина. — Он слегка наклоняется в сторону Миели. — Чтобы все окончательно прояснить, я намерен продемонстрировать, на что я способен. Как я уже говорил вашим коллегам, это будет громкое возвращение, если позволите. И я приветствую любую рекламу — не хочу, чтобы кто-то пропустил подобное зрелище!

Он смотрит на большие серебряные часы на запястье и постукивает по ним тонким указательным пальцем.

— Примерно через пятьдесят шесть минут базового времени я намерен похитить квантовую информацию, хранящуюся в кольце F данной планеты.

Миели оглядывается на Барбикена.

— О чем он говорит?

Но старейшина зоку только кивает вору.

— Отличный вопрос! — восклицает вор-парциал. — Если вы хотите получить подробный ответ, придется обратиться к вашим друзьям из сообщества Гринготтс[118]-зоку. Но краткое объяснение состоит в том, что каждый мало-мальски уважающий себя зоку старается навечно сберечь при себе *все* камни — а это довольно сложно без своеобразных Камер хранения. На случай войн, стихийных бедствий и тому подобных несчастий вы оставляете хотя бы часть своей ку-сущности в безопасном месте, чтобы после визита Жнеца не пришлось начинать с положения кобольда с квантовым эквивалентом первого уровня.

Вор вздыхает, а Миели задумчиво хмурится. *Он не похож сам на себя. За этим обличьем скрывается какая-то тайная цель.* Но она была знакома с вором лишь в последней главе его долгой жизни, а в прошлом Жан ле Фламбер прославился громкими заявлениями о предстоящих похищениях.

— В наше время последние достижения технологий незаметно вписываются в окружающую среду, и это относится и к проблеме хранения драгоценных камней. То есть долгосрочное хранилище в вашей квантовой памяти выглядит как естественный

объект. Кольца Сатурна подходят для этого идеально. Добавьте в ледяную массу немного рубидиевых примесей, привяжите их к магнитосфере планеты, и у вас получится естественная основа для хранения квантовой информации. Жесткий вакуум, низкие температуры — немного старомодно, но более долговечно, чем теплота и влажность синтбиотических компонентов маршрутизаторов. Насколько я знаю, в кольце F имеется несколько квадриллионов ку-битов информации зоку, в основном относящейся к инфраструктуре Супра.

Вор смотрит на Миели поверх сложенных пирамидкой пальцев.

— Я собираюсь все это забрать. — Он снова бросает взгляд на часы. — Через пятьдесят шесть минут! — Как я понимаю, мы в режиме быстрого времени. — Весьма разумно. — Он оглядывается по сторонам. — Так вот почему здесь такая прозаическая обстановка? Или это традиция? И один из вас плохой коп? — Он опять наклоняется к Миели. — Это вы? Но вы слишком красивы для плохого копа.

Миели прищуривается.

— Ты даже не представляешь, — говорит она.

— О! Я заинтригован! По крайней мере, у нас есть время познакомиться поближе. Но в любом случае думайте хорошенько. Это вам не поможет.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает Миели.

— Зачем жалит скорпион? Такова моя натура! — Он поджимает губы. — Да, я знаю, собственность. Как это *прозаично*, Жан! — Он подмигивает Миели. — Что ж, если откровенно, все это прощальное выступление. Я решил провернуть последнее дельце и после этого удалиться на покой, а эта планета привлекла мое внимание. В конце концов, Сатурн — бог старости. А *Жан ле Фламбер, король Сатурна*, звучит неплохо, вы не находите?

Миели поворачивается к Барбикену.

— Что вы — мы — намерены предпринять? — Она оглядывается на парциала. Он невозмутимо улыбается и бросает на нее страстный взгляд, который ее ничуть не волнует. — Как я понимаю, он не может нас подслушать?

— Нет, мы здесь в «песочнице», в изолированной системе, — наружу ничего не просочится.

Барбикен поднимает руку-манинулятор к своим рыжим бакенбардам и расчесывает их тонкими золотыми пальцами.

— Дорогая, дело не столько в самом его преступлении, сколько в информации, которой он, по-видимому, владеет. Именно по этой причине мы с ним беседуем. Можешь

продолжать, мой коварный друг.

— Благодарю, — отзывается вор. — Вы намного вежливее большинства людей, с которыми мне доводилось общаться. Да, кстати, ваша «песочница» не так уж и надежна. Ну, разве что для трехлетних детишек...

— Прошу продолжать, — раздраженно бросает Барбикен.

— Я просто констатирую очевидные факты! Кстати, об очевидном: я знаю, о чем вы, вероятно, думаете. Вы ведь зоку — рассредоточенный квантовый разум с миллиардами членов! Что не дает вам сформировать особое детективное сообщество для задержания этого злобного монстра и направить обладающих многими камнями ищеек, чтобы меня остановить?

Некоторое время вор внимательно изучает свои ногти.

— Барбикен, как ты сумел выпутаться в прошлый раз?

Миели делает глубокий вдох. С одной стороны, настоятельное убеждение камня Большой Игры и ее собственная давнишняя неприязнь к вору не оставляет никаких сомнений. *Возможно, это мой шанс, думает она. Если я добуду важную информацию для Большой Игры, я смогу подобраться к камню Каминари немного ближе.*

Но это означало бы предать вора.

От этой мысли в животе образуется тугой комок. *У нас были разногласия, но мы сражались плечом к плечу.*

А это место заслуживает любых несчастий, которые он смог бы ему причинить. Но он ли это, или еще какая-то копия из тюрьмы «Дилемма»?

Или он все еще работает на Пеллегрини? Тогда он тоже охотится за камнем Каминари. Он знает, что камень у зоку. А эта кража — всего лишь отвлекающий маневр. Я могу открыть все, лишь бы не выдать истинную цель. А ему это могло бы помочь.

Но как же передать ему сообщение?

Она смотрит на парциала. А он выстукивает пальцами по столу раздражающе нестройный ритм.

— Милая леди, вы, кажется, задумались, — замечает Барбикен. — Само собой разумеется, зоку с одобрением отнесутся к любым сообщениям об отношениях с молодым ле Фламбером.

Лицо старейшины помрачнело. Веселого джентльмена давно нет, осталось суровое, холодное и более древнее существо.

Он продолжает, слегка понизив голос.

— Давай говорить как взрослые люди. Миели, нам известно твое прошлое. Мы предложили тебе возможность начать все сначала. Для нас важна лишь твоя квантовая сущность. Если ты еще сохранила какую-то неуместную преданность по отношению к ле Фламберу, могу предположить, ты скоро от нее избавишься.

Ты уже создала собственное сообщество зоку. Есть люди, которым ты не безразлична. Неужели ты хочешь позволить ему все это разрушить?

Барбикен поднимается над стулом и нависает над вором-парциалом, а потом с несвойственным ему терпением с любопытством его рассматривает.

— Позволь, я кое-что расскажу тебе о ле Фламбере. Ты можешь быть уверена, что хорошо его знаешь, но это не так. Он очаровывает тебя. Ради своих целей он готов носить любую личину. Я познакомился с ним, когда был еще молодым и глупым, и он очаровал меня, как и других. Но когда приходит время, он избавляется от тебя, как от ставшего ненужным инструмента. После его исчезновения я решил, что вместе с ним исчезли и все его грехи, или он в конце концов оставил свое занятие. Но он снова появился несколько дней назад. В чужом обличье он явился в мое первоначальное сообщество, в Ганклуб, чтобы похитить свой прежний корабль. Должен признаться, что я принимал участие в его создании, о чем теперь сожалею. При отступлении он убил одного из молодых членов Клуба, девушку по имени Чехова, едва ли старше тебя. Это была истинная смерть, были уничтожены все ее камни. Она просто стояла у него на пути. — Он наклоняется к парциалу. — Не думаю, что ты меня слышишь, ле Фламбер, — продолжает он, — но если бы слышал, я бы сказал, что на этот раз тебе не удастся уйти.

Он приставляет руку-оружие к голове парциала. Раздается грохот, сверкает белая вспышка, а затем глухо чавкает имитация живой плоти.

Барбикен вздыхает.

— Извини, Миели, — говорит он. — Теперь я чувствую себя немного лучше. — Он протягивает ей руку-маниулятор. — А теперь, не пора ли побеседовать с остальными зоку?

Пятьдесят шесть минут в Невидимом Царстве — это очень много. Миели ожидала увидеть нечто, напоминающее боевые виры Соборности, непрерывный поток информации с обширных и сложных систем, координирующий и контролирующий штаб. А вместо этого Царство оказалось похожим на огромную игровую доску, на которой вели игру мысли. В бесконечном темном пространстве цветные бусины с прикрепленными к ним серебристыми струнами образовывали сложнейший лабиринт дискуссий. Она могла мысленно приблизиться к любой из них, получить кват, содержащий последнюю мысль в цепочке, и изложить собственное мнение, которое занимало определенное место согласно алгоритмам квантовой координации. У Миели

появилось впечатление, что она попала внутрь пространной песни.

Она выбирает наугад одну из нитей.

…Цель. Ленорман из Ганимар-зоку, посвятивший себя традициям преступлений в постчеловеческом контексте. **Какова в действительности его цель? Я не верю, что это настоящий ле Фламбер, скорее это концептуальный проект, реализованный еще не идентифицированным сообществом зоку…**

…Концептуальное искусство: наши марсианские агенты подтвердили, что ле Фламбер в облике Поля Сернина имеет отношение к концептуальному искусству…

Миели чувствует, что теряет нить размышлений, и приказывает гоголам и метамозгу по возможности сократить рассуждения, оставив самое главное. Царство позволяет ей по желанию получить обзор всей истории мысленной паутины зоку, и она замечает, насколько тонкими и хрупкими стали нити по сравнению с прежними плотными сияющими переплетениями.

Она снова сосредоточивает внимание на первоначально выбранной нити. *Надо что-то добавить. Барбикен за мной наблюдает.* Она следит за цепочкой, а затем включает в нее первую пришедшую в голову мысль. Окружающие разумы набрасываются и мгновенно поглощают ее.

…Поль Сернин… в данном случае предмет концептуального искусства был создан для хранения информации…

Она ощущает приятно щекочущую дрожь камня Большой Игры: вклад признан успешным, и она получает в награду еще немного сцепленности.

…хранилище квантовой информации: весьма целесообразно, проект Гринготтс с кольцом F ему понравился бы…

Кольцо F: технология Шрёдера с целью создания механизма долгосрочного хранения, неотличимого от окружающей среды. Возможны согласования с парадоксом Ферми спам-зоку…

Нить разделяется на обсуждение природы парадокса Ферми и возможной связи отсутствия видимых признаков чужеродной жизни с намерениями вора. Миели отслеживает нить и переходит к бусине, содержащей некоторые сведения о самом кольце F.

Кольцо F: каковы возможные механизмы осуществления кражи? В самом кольце содержится лишь небольшая рассредоточенная программа. Первичные механизмы извлечения расположены на Пандоре и Прометее…

…Прометей, инстинктивно вплетает свой кват Миели.

Похититель огня. Название может иметь для него значение. *Стать Прометеем, или что-то вроде того.*

…Прометей. Тематическая связь, общая черта преступлений ле Фламбера. Приятный прохладный поток усиленной сцепленности, словно глоток фруктового сока в жаркий день.

…Поместить туда агента. Кого-нибудь, знакомого с ним. Меня. Всей силой своей сцепленности она стремится вплести свое желание в общее волеизъявление зоку. *Я должна хотя бы попытаться передать ему сообщение. И спросить о «Перхонен».* При воспоминании о последних мгновениях корабля, о присутствующих там воре и Пеллегрини в ее груди снова вспыхивает гнев. *Они одинаковые. Барбикен был прав. Они пойдут на все, лишь бы добиться своего. Но я хочу знать, что произошло.*

Камень зоку посылает ей вспышку озарения. Неотложную необходимость как можно скорее попасть на Прометей.

Камень подталкивает ее к действиям, наполняет разум желанием напрячь все ресурсы для общего блага зоку. Она противится ему при помощи метамозга, пытается дотянуться до паутины мыслей, чтобы хоть что-то выяснить о камне Каминари. Ощутив ее желание, зоку посылают ей фрагмент нити.

Стоит ли пересмотреть решение?

И подчинить его индивидуальному волеизъявлению? Никогда. Ресурсы, необходимые для принятия этого, слишком значительны, они понадобятся в случае вторжения.

Ресурсы: наилучший способ распределения информации между бранами. Призраки-зоку собирали частицы темной материи, связанные с браной Планка и необходимые для уплотнения междубрановых коммуникаций. На данный момент все ресурсы израсходованы с целью сохранения камней, но новая коллекция уже собрана на…

От Барбикена поступает индивидуальный кват, и Миели поспешно отступает. Оборванная нить, словно оборванная резинка, больно бьет, рассыпая в ее голове беспорядочные мысли. *Вспышка плоскости света, невероятно далекой и одновременно близкой.*

Миели? Позволь сказать тебе еще пару слов, если ты не возражаешь, говорится в послании Барбикена.

Губы Барбикена застыли в обращенной к Миели улыбке, словно восковые.

— Я заметил твои действия, дорогая, — произносит он. — И должен тебе напомнить, что решение по поводу камня Каминари уже принято, волеизъявление зоку препятствует его применению.

И если ты и дальше попытаешься отследить эту нить размышлений, ты поймешь, что я имею в виду.

— Но… — пытается протестовать Миели.

Барбикен поднимает свой манипулятор.

— Потерпи, дорогая. Я еще не закончил. Возможно, ты не воспринимаешь меня всерьез. Возможно, мое нынешнее тело и предпочитаемые мной Круги вызывают у тебя смех. Но это мой выбор в память о моей утрате. И ты должна это понять, как никто другой. Я был солдатом на Федоровистской войне. Я верил, что защищаю свой народ, сражаюсь ради своих товарищей. А потом произошел Коллапс. Полное разрушение. Хаос. Враг, против которого мы не могли бороться. И все из-за незначительного квантового эффекта, который мы не смогли предусмотреть. Из-за того, что мы создали нечто большее, чем мы сами. Миели, мне кажется, тебе известно, что испытываешь, когда любимый тобой мир неожиданно вздрагивает и превращается в нечто совершенно чуждое, абсолютно тебе не знакомое. И ты, как никто другой, должна была бы стремиться уберечь от этого всех остальных. Как ты понимаешь, в прошлом кроются и истоки моего увлечения оружием. Пушки предсказуемы. Они подчиняются логике. Пушка направляет разрушение. Ты можешь прицелиться. Ты даешь команду к действию. Или используешь в качестве угрозы, чтобы соблюсти равновесие. Вещи, подобные камню Каминари, этого не позволяют. И думать иначе было бы грубейшей ошибкой. То же самое относится и к ле Фламберу. В молодости я считал, что его можно направлять и контролировать. Мы воспользовались им при нападении на солнцедобывающий завод Соборности. Операция прошла успешно — но он завладел шахтой в своих личных целях. А теперь его происки навлекли на нас флот Соборности. Цель Большой Игры — устранение элементов хаоса. Сегодня ле Фламбер является одним из них, так же как и камень. Ты понимаешь?

Миели медленно кивает.

Барбикен улыбается.

— Великолепно! В таком случае, моя дорогая, нам обоим пора приниматься за работу!

Прометей.

Кольца кажутся наклонным зеркальным морем, сверкающими лезвиями с темными провалами между ними. Сам Сатурн заполняет небо бескрайней зарей. Над южным полюсом поднимаются серебристые спирали полярного сияния. Переплетающиеся нити Полос и бело-голубые шестиугольники Чаш Супра образуют на гигантском лице планеты клоунскую

маску.

Миели прижимается к поверхности Прометея. Спутник-близнец, Пандора, практически неподвижно висит вдали бесформенной глыбой. Почти на одной орбите со своим братом и напарником, она охраняет внешнее кольцо Сатурна.

Прометей под ней не совсем безжизненный. Внешне это обычный лишенный жизни спутник продолговатой формы, с огромными кратерами и низкой гравитацией. Но спаймскейп показывает Миели скрытые интерфейсы пикотехники, встроенной в атомы спутника и рассчитанной не на одно тысячелетие. В случае гибели Супра Сатурн уцелеет, и наследие зоку останется спрятанным внутри, чтобы в отдаленном будущем его могли обнаружить какие-нибудь невообразимые археологи.

Скрытую активность можно заметить не только на самом спутнике. Пространство вокруг Прометея заполнено кораблями Большой Игры и Ганимар-зоку, обладающими метазащитой. Миели против своей воли признает, что испытывает удовлетворение от того, что во время операции выполняются даже ее невысказанные пожелания. В ее распоряжении отличный набор ку-ружей и вполне удовлетворительная копия многоцелевой пушки Соборности.

До назначенного вором срока осталось пять минут. Даже без спаймскейпа и других приспособлений отсюда она отлично видит само кольцо F — изогнутую причудливую полосу изо льда и пыли.

Ожидание длится довольно долго: большую его часть Миели провела в режиме быстрого времени, совместно с Ленорманом из Ганимар-зоку рассчитывая вероятные траектории, пересекающиеся с кольцом F. Большая Игра пришла к согласию, что для извлечения квантовой информации из атомов рубидия, рассеянных в кольце среди частиц льда, вору потребуется доступ к программам, заключенным на Прометее и Пандоре. Гринготтс-зоку сплетают вокруг систем извлечения новые слои защиты. Следить за всем периметром кольца трудно, но возможно. Учитывая все привлеченные зоку ресурсы, любая попытка вора кажется безнадежной.

Ожидание. Снова ожидание. Миели позволяет себе представить, чем сейчас занимается Зинда, и тотчас сожалеет об этом: даже мимолетное воспоминание об этой девушке мгновенно растравляет кровоточащую рану. Миели готова приказать метамозгу избавить ее от этого чувства, но передумывает. Сейчас как никогда она должна быть максимально собранной. Ей предстоит буквально пройти по лезвию ножа: притворяться, что действует в интересах зоку, обеспечить безопасность вора и, если

удастся, передать ему сообщение. *Черт побери, Жан. Что ты творишь?*

Три минуты. Прометей приближается к кольцу F. Гравитационное поле вызывает волну в белом ледяном полотнище, заставляет его раскачиваться и изгибаться. Еще мгновение, и позади своего близнеца проходит Пандора, в свою очередь вызывая рябь в бесконечном движении кольца.

Одна минута.

Возможно, все это лишь уловка, а реальное преступление совершается где-то еще.

По кольцу пробегает волна дрожи, не имеющей отношения к Прометею или Пандоре. Системы Миели, подсоединенные к Большой Игре, ищут решение проблемы, вычисляют источники гравитации, способные вызвать подобную аномалию. *Этого не может быть.* К ней быстро приближаются несколько массивных тел. Всего семь.

Губернии. Нет, только не это. Он с ними заодно. А все остальное было просто отвлекающим маневром.

Спаймскейп заволакивает пеленой переговоров зоку. Системы Миели на мгновение фиксируют нечто невероятно синее.

А потом кольца Сатурна рассекает огромное лезвие.

Клиновидный поток возмущения пронзает серебристые ленты колец F, D, C и B, разделяет массы льда, оставляя за собой неправильной формы разрез с расплывчатыми краями. Потом на поверхности Сатурна происходит единичная вспышка.

По Чаше нанесли удар кинетическим снарядом, думает Миели. *Это не имеет значения, просто еще один трудный уровень, как сказала Зинда. В войне примут участие все зоку города Супра.* И вот она уже ощущает новую нить в своей ку-сущности, пробуждающую новое желание. Миели готова следовать прохладному потоку волеизъявления зоку и предвкушает жаркое сражение.

Разрыв реальности. Вспышка искрящейся паутины на лике Сатурна. А потом внезапная пустота.

Только спустя пару мгновений Миели понимает, что все ее камни зоку мертвы, лишены способности к сцепленности. От неожиданной полной свободы Миели кажется, что она, беззащитная, падает с огромной высоты в бездну Сатурна. Ее охватывает непреодолимый ужас. *Так вот что испытала Зинда? И все равно сама решилась на это?*

Спаймскейп заполняется белым шумом переговоров вне кват-каналов. Кват-связь прервана. Состояния сцепленности всех камней зоку разрушены. Все сообщества — Большая Игра,

Ганимар, Нотч и Евангелист — в полном замешательстве, их безупречный квантовый порядок растворяется в хаосе, словно тающий лед.

А Соборность наступает.

Что же они сделали?

Вспышка ярости приводит Миели в изумление. Она включает микродвигатели скафандра и срывается с поверхности Прометея. Скоро подойдут районы и наноракеты. Она запускает автономные ку-точки, образующие вокруг нее сферу защитного периметра. Откуда-то появляется купол метазащиты, и ку-точки мгновенно активируются.

Корабль. В быстром времени на краткий миг проявляется его контур — синяя вытянутая капля из интеллектуальной материи, похожая на лепесток цветка. Она стреляет в него из своей пушки.

Миели плотно захватывает электромагнитное поле нового объекта. Ускорение в двадцать *g* заставляет ее трепетать и метаться, словно сорванный ураганом листок. В одно мгновение Прометей превращается в едва заметную точку. *Что происходит?* Колоссальное ускорение мешает сосредоточиться, но Миели пытается сканировать корабль, определить цель, чтобы поразить ее миниатюрным зарядом антиматерии, имеющимся в пушке. Ее затягивает все сильнее.

Не спеши. Жди. Миели старается уравновесить орудие. Электромагнитное поле не ослабевает. Гоголы уже определили структуру корабля — это странный гибрид технологий зоку и Соборности, внутри имеются высокотехнологичные устройства, основанные на пикотехнике и микросинтулярности. *Ладно, нужно хотя бы постараться его разрушить.* Миели собирается выпустить крупинку антиматерии, прицелившись в центр корабля. Если нарушить герметичность двигателя Хокинга, взрыв уничтожит их обоих, но разгоревшееся в голове Миели пламя вынуждает ее что-нибудь поджечь.

Она уже готова спустить мысленный курок, как вдруг приходит кват.

Привет, Миели. Ситуация некоторым образом повторяется. Только на этот раз в тюрьме была ты.

Она потрясенно моргает. Электромагнитное поле втягивает ее внутрь, и Миели поглощает темно-синий корпус корабля.

Глава шестнадцатая
ВОР И МИЕЛИ

Миели появляется в капитанской рубке «Леблана» совсем как в моих любимых воспоминаниях: в состоянии безудержной

ярости.

— Ты, — злобно шипит она.

Она точно такая же, какой я ее помню на «Перхонен», крепкая женщина в черной тоге с единственным украшением в виде цепочки с камнями на лодыжке, подаренной оортианской возлюбленной. Радость узнавания вызывает желание броситься ей навстречу и обнять. Но я сохраняю дистанцию: даже если мы в моем Царстве, и я предусмотрительно вывел из строя ее оружие, когда перебрасывал ее в виртуальное пространство внутри корабля, Миели остается одной из самых опасных личностей, когда-либо мне встречавшихся.

Я усмехаюсь.

— Да, это я. Добро пожаловать на борт «Леблана». Как ты, вероятно, уже догадалась, я прибыл сюда не для того, чтобы украсть кольцо Сатурна. Я собирался похитить *тебя*. У меня есть маленький камешек Большой Игры, позволивший подбросить зоку несколько идей, чтобы они отправили тебя в такое место, где я сумел бы тебя отыскать. Да, если ты обратила внимание на мысли Ленормана, так это был я. В качестве отвлекающего маневра я установил на Пандоре странглетовую бомбу, но так вышло, что она не пригодилась, благодаря весьма своевременному нашествию Соборности. Расскажи, как тебе нравится быть свободной?

Она сжимает и разжимает кулаки. А потом — движение, на которое я не успеваю отреагировать. Из руки появляется серебристое филигранное лезвие, которое замирает в нескольких дюймах от моего глазного яблока. Другая рука плотно сжимает мне шею. *Ну конечно. Модификации зоку. Адаптация к Царствам. Как глупо было с моей стороны этого не предвидеть.*

— Подожди, — хриплю я.

— А почему ты считаешь, что я хочу услышать то, что ты скажешь? Выпусти меня отсюда. Сейчас же. Мне предстоит сражаться.

Пока все идет лучше, чем я ожидал. По крайней мере, я еще не лишился языка.

— Что они тебе говорили? Что ты вольна уйти, когда захочешь? Знаешь, они лгут. Я должен был тебе помочь. И сделать это можно только одним путем — разрушить всю систему. — Мои глаза вдруг широко раскрываются. — Или... Неужели ты все еще работаешь на Пеллегрини. Я не заметил ее присутствия. Да, кстати, что случилось с той копией, что была в твоей голове?

Она швыряет меня на пол. Я медленно сажусь и потираю горло.

— Она погибла, — шипит Миели. — И весь Супра тоже скоро

погибнет. Заклинаю тебя Человеком Тьмы, скажи, что ты сделал с системой волеизъявления?

Я грустно улыбаюсь.

— Призраки-зоку и Большая Игра уже довольно давно об этом знали, но они постарались сохранить тайну. По этой же причине они уничтожили Марс. Я расскажу тебе вкратце: Коллапс был вызван сбоем в квантовой механике, система сцепленности стала слишком большой. Как выяснилось, существует зависимость от величины сцепленных квантовых состояний. Стоит перейти определенный барьер, и ситуация выходит из-под контроля. Вся система квантовых камней зоку уже некоторое время балансировала на грани. А я только обеспечил небольшой толчок. Как ты могла заметить, недавно наблюдалось резкое увеличение количества спам-зоку. Это я генерировал их, используя производные разумов гоголов Соборности. Удивительно, чего можно добиться, если отойти от идеологических различий и творчески комбинировать различные технологии.

Я с опаской поднимаюсь на ноги. Миели стоит ко мне спиной, одна ее рука продолжает сжиматься и разжиматься, другая вертит клинок Царства.

— Как я уже говорил, я не ждал вторжения. Но, Миели, все будет хорошо, зоку и раньше справлялись с Соборностью, я уверен, это те же силы, что участвовали в гражданской войне, просто Жозефина не может смириться с провалом своего плана относительно камня. Зоку всегда проявляют себя с лучшей стороны, если их загнать в угол. Да и в любом случае, какое тебе до них дело? Ты с ними породнилась? Не говори, что это так. Я собирался доставить тебя домой. А они здорово над тобой поработали. Миели, мы на пути к Оорту, я думал, тебе этого хочется, «Перхонен» говорила, что ты сильно тоскуешь.

Я умолкаю.

— Заткнись, Жан. И *не смей* произносить имя моего корабля, — тихо говорит она, даже не оборачиваясь. — И это не какой-то экспедиционный флот гражданской войны, идиот. Это *вся Соборность*. И их контролирует твой Абсолютный Предатель. Он охотится за камнем Каминари. А ты преподнес ему добычу на тарелочке.

Я вдруг чувствую себя пустым и хрупким, словно сделан из стекла. Откуда-то издалека слышатся слова моего другого «я». *Ты не так уж сильно отличаешься от меня.*

Миели оборачивается и смотрит на меня.

— Ну почему ты не погиб вместе с ней, ублюдок!

Мысли разбегаются. Абсолютный Предатель. А я-то гадал, какой план был в запасе у Жозефины. Я помню нашу встречу в стеклянной камере тюрьмы «Дилемма». *Существо, которое ни с кем не сотрудничает — и всегда остается безнаказанным.* Аномалия, выкованная в горниле бесконечных повторений «Дилеммы», неожиданное для архонтов явление, не столько гоголь, сколько алгоритм вируса. Он притворялся мной, и я ему поверил. В *губернии* он пройдет по разумам Соборности, словно коса по траве. *И он хочет заполучить камень Каминари?*

Моя ошибка настолько глубока, что я не могу рассмотреть дно.

Соборность намеревается уничтожить Супра. А я лишил зоку их единственного преимущества. Я вспоминаю голубой с золотом Сирр, только что возродившийся в Чаше Ирем. Вспоминаю, как целовал сестрам руки, пахнущие хной и духами. *Я снова предал их. Нарушил свое обещание.*

Неужели я уничтожаю все, к чему прикасаюсь?

— Нет, я не виноват, он что-то сделал со мной, внедрил в мою голову эту идею насчет... — Я понимаю, что все это чепуха, но не могу остановить поток слетающих с губ слов. — Абсолютный Предатель все запланировал еще до того момента, когда мы встретились в тюрьме, я видел это в его глазах, словно в мыслящем зеркале. Он знал, что я попытаюсь спасти тебя.

Слова мечутся у меня в голове, и впервые в жизни я понимаю, что значит хотеть темноты и тишины, которую несет только истинная смерть.

Миели бьет меня по щеке. Это больно, несмотря на то, что мы в Царстве. Чтобы удержаться на ногах, я опираюсь на панель управления. В руке Миели угрожающе блестит нож.

— Миели, это нож Царства, — шепчу я. — Он подействует даже здесь. Он ранит меня. Почему бы тебе не пустить его в ход? Я это заслужил. Давай. Я виноват в гибели «Перхонен».

Она бросает нож. Он со звоном отскакивает от закругленного иллюминатора.

— Нет, — говорит она. — Это я виновата.

Миели смотрит на вора. Он сильно побледнел и дрожит. В его глазах скорбь и желание умереть. Она видела это выражение прежде, в зеркале.

— Я могла все это прекратить, — медленно произносит она. — Если бы позволила тебе и Пеллегрини продолжать.

— Сомневаюсь, — возражает вор. — Но в одном ты права. Мы должны где-то провести черту. Камень был подделкой, и я думаю, что Абсолютного Предателя все равно выпустили бы. Ты сделала все, что могла. — Он вздыхает. — Матчек тоже здесь. Детский

гогол Чена из пустыни. Если сумеем остаться в живых, ты, возможно, захочешь с ним встретиться.

Она прикрывает глаза.

— Возможно. Мне очень жаль, что я не была там с ней в самом конце.

Вор, пошатываясь, делает шаг вперед.

— Вот последнее, что я видел. Не убивай меня пока, прошу тебя. Она оставила тебе это.

Он целует ее в лоб. Она видит, как сгорают бабочки, образующие лицо корабля, которое представало перед ней только в потустороннем мире ее предков. *Скажи ей, что я люблю ее. Позаботься о ней. Ради меня. Обещай.*

Воспоминание о поцелуе оставляет на ее губах вкус огня и пепла. А потом только темнота.

Я впервые вижу, как Миели плачет. Я не осмеливаюсь к ней прикоснуться, а просто сижу, сложив руки на коленях.

У меня в груди все еще зияет бездонная пустота, но пока я удерживаюсь на краю.

Я вызываю аватар корабля, кота, и приказываю начать замедление. Возвращение займет некоторое время: я запустил двигатели Хокинга, и мы успели уйти довольно далеко от Сатурна. Затем я посылаю кват с командой самоуничтожения программы помех для зоку. Возможно, образовывать новое сообщество уже поздно, но это не повредит. И наконец, приказываю коту собирать всю информацию и переговоры, относящиеся к сражению вокруг Сатурна.

К тому времени, когда я все это заканчиваю, Миели успокаивается.

— Мы возвращаемся, — сообщаю я. — И как только мой сигнал дойдет, система волеизъявлений зоку восстановится. Это произойдет не сразу, но будем надеяться, что не слишком поздно. — Я делаю паузу. — Мне кажется, мы оба знаем, что бы она в этом случае сказала. *Что мы оба полные идиоты. И надо исправлять допущенные ошибки.*

Миели кивает и поднимается.

— Пойдем, — говорю я и предлагаю ей руку. — В данный момент мы больше ничего не можем предпринять. У меня здесь есть Царство в режиме быстрого времени, так что можно не торопиться. И нам обоим не помешает выпить.

Вор ведет Миели сквозь серебряные врата в Царство корабля — настоящего старинного морского корабля с людьми в тяжелых замысловатых костюмах. Она впервые на океанском судне.

Поверхность планет, как правило, ее раздражает, но свежий морской ветерок немного прочищает мозги, а плеск волн успокаивает. Она смотрит на полосу пены, оставляемую кораблем на темной глади моря. Здесь наступила ночь, и на воде пляшут мерцающие отражения корабельных огней, перекликающиеся с круглой желтой луной в бархатно-темном небе.

Они садятся в шезлонги на корме у самых перил. Мужчина в белой форме приносит два бокала.

— Это лучший односолодовый виски во всей Вселенной, по крайней мере, мне так говорили, — сообщает вор. — Твое здоровье.

У него все еще дрожат руки. Вор одним глотком выпивает половину бокала и прикрывает глаза. Миели осторожно делает маленький глоток. Сначала это просто крепкий алкоголь с привкусом дыма, но, подержав его во рту, Миели чувствует, как он становится мягким и теплым, с финальной ноткой какой-то незнакомой пряности.

Вкус виски смешивается со вкусом прощального поцелуя «Перхонен».

Некоторое время они пьют молча.

В душе Миели остается только отголосок прежней ярости. От усталости и беспомощности сжимаются зубы. Вор был прав. В Супра, вероятно, идет война, но какое ей до этого дело? Прежде она сама воевала с зоку. Наверняка ее мозг был просто опутан квантовыми цепями камней зоку. Она делает еще глоток.

Зинда не должна была говорить мне правду. Но она это сделала. Все остальные всегда меня обманывали.

— Так вот, значит, каков теперь Жан ле Фламбер, — говорит она вслух, чтобы отделаться от этой мысли. И добавляет, немного помолчав: — Тебе действительно пришлось кого-то убить, чтобы завладеть этим кораблем?

— Что? Нет! Ты, наверное, наслушалась Барбикена? Возможно, имело место нарушение имущественных прав, но и только. Это он пошел на убийство, чтобы сохранить лицо. Барбикен законченный мерзавец. А я никогда не был склонен к убийствам, как к истинным, так и к временным. Это слишком грубо. — Он бросает на Миели любопытный взгляд. — А ты была сильно занята.

Миели пожимает плечами.

— Честно говоря, я уже подумывал о том, чтобы удалиться от дел, — продолжает вор. — На этот раз — по-настоящему. Твое освобождение должно было стать моей последней миссией. Но, похоже, нам придется озаботиться кое-чем еще. — Он наклоняется вперед. — А как насчет тебя? Чем ты занималась

после того, как скормила меня Охотнику?

Миели понемногу отпивает из бокала и рассказывает вору свою историю. Выслушивая описание ее поединка с Абсолютным Предателем и самопожертвования Жозефины, он от изумления широко раскрывает глаза.

— Почему же она на это решилась? Я неплохо ее изучил, и склонен думать, что своего гогола, даже низшего уровня, она ценит больше, чем твою жизнь. — Он пристально смотрит на Миели. — А если уж она боялась за тебя сильнее, чем за свою копию...

Он задумчиво потирает переносицу.

— Ты ведь знаешь, что «Перхонен» рассказала мне твою историю. Не прими за оскорбление, но мне всегда казался странным ваш побег на Венеру и то, как ты нашла Пеллегрини. Как будто все было спланировано заранее. Понимаешь, Жозефина не ищет нужных людей, она *создает* их. Ей потребовался агент, которому можно было бы доверять, и она вытащила меня из тюрьмы Сантэ и вылепила то, что ей требовалось. — Он поднимает взгляд к небу и улыбается далеким воспоминаниям. — Ну, все получилось немного не так, но начинались наши отношения именно с этого. Я недавно... кое-что узнал о камне Каминари. Он принимает тебя только в том случае, если у тебя альтруистическое желание, и еще оно должно быть неизменным для всех твоих будущих сущностей. Например, сингулярный двигатель. Это должно быть нечто всепоглощающее. Вроде спасения кого-то от края черной дыры. — Вор опять поворачивается к Миели и смотрит на нее блестящими глазами. — Я думаю, что нужен был Жозефине, чтобы похитить камень. Но для его *использования* ей нужна была ты. Ей требовался человек, испытывающий желание, которое принял бы камень Каминари. И потому она не могла допустить, чтобы ее инструмент погиб от рук Абсолютного Предателя.

Миели удивленно моргает.

— Это какое-то безумие!

— Разве? Зато в таком случае можно сделать выводы, которые тебе вряд ли понравятся. Могу я посмотреть цепочку, подаренную тебе твоей подругой Сюдян? — Он смущенно усмехается. — Обещаю, что на этот раз не стану пытаться ее украсть.

Миели хмурится, но нашептывает песенку для цепочки, снимает ее и передает вору. В его руке она изгибается наподобие ДНК какого-то загадочного хрустального животного.

— Знаешь, Царства обладают замечательным свойством

сохранять квантовую информацию обо всем, что сюда попадает. Отличный способ изучения некоторых предметов. Я давно должен был внимательно ее рассмотреть, но ты всегда давала понять, что это угрожает моему здоровью.

Над цепочкой разворачивается спайм, в цифровом потоке мелькают столбики примечаний. Камни оказываются обычным интеллектуальным кораллом, сформированным в память о Большой Работе, над которой давным-давно вместе трудились Миели и Сюдян. Вор хмурится и увеличивает изображение. Сначала камни превращаются в хрустальные горы, затем в решетку переплетающихся молекул. Их рисунок кажется знакомым, и Миели хватает одного мгновения, чтобы понять почему. *Прометей. Они как на поверхности Прометея. Слишком правильные.*

— Скрытая пикотехника, — заявляет вор. — Возможно, что-то похищенное Жозефиной у зоку: она никогда не придерживалась идеологических правил. Теперь ты могла бы спросить у своих друзей зоку, что это такое, но, по-моему, это что-то вроде анализатора волеизъявления, вроде камней зоку. *Под какую дудочку будет плясать Миели, дочь Карху? Что она хочет?* — Вор вздыхает. — Миели, мне очень неприятно это говорить, но я думаю, что Сюдян могла работать на Жозефину с первого дня вашего знакомства.

Миели резко поднимается и выхватывает у него цепочку. Она смотрит на сидящего в шезлонге вора и видит на его лице грустную улыбку. Ей снова хочется его ударить, но ни гнева, ни сил уже не осталось.

— Ты лжешь, — шепчет она. — Это гнусная уловка. Ты пытаешься...

— Миели, — мягко прерывает ее вор. — Как ты думаешь, чего я хочу добиться? Я этим ничего не выигрываю. — Он ненадолго замолкает. — Я только стараюсь выполнить свое обещание. Стараюсь сказать то, что ты должна услышать.

Он переводит взгляд на свой опустевший бокал и встает.

— Да, я знаю, это для меня нехарактерно. Я ненадолго оставлю тебя одну. Когда будешь готова, найдешь меня в капитанской рубке. Я хочу посмотреть, как развивается ситуация в Супра.

Миели смотрит вслед вору, который исчезает в вихре серебряной пыли. Она плотнее запахивает на себе тогу и подходит к перилам. Поднялся ветер, короткие рваные волны бьют в борт корабля. Миели сжимает в руке цепочку из драгоценных камней. *Этого не может быть.* Но в глубине души

она знает, что это правда, что схема так же логична, как следующая нота в песне. Она пытается думать о Сюдян, но не может сосредоточиться на ее лице. Мысли расплываются, как и образ Сюдян, стираемый информационным вихрем сингулярности на Венере.

Созданы ради определенной цели, как говорила Зинда. Миели вспоминает светящиеся камни, ради нее брошенные в траву один за другим. *Какой же я была дурочкой.* В ее груди внезапно поднимается волна желания. И страха, напомнившего о Гекторе и безликом существе. Она представляет себе, как оно поглощает Сатурн.

Миели так сильно сжимает цепочку Сюдян, что камни впиваются в ладонь.

— Куутар и Ильматар, только не это, — шепчет она, глядя на желтую луну. — Дайте мне силы спасти ее.

Она застегивает цепочку на ноге. В ночном воздухе камни стали холодными. *Надо держать при себе напоминания об ошибках.*

Она еще некоторое время стоит на носу корабля, глядя на горизонт. Белые волны поднимаются и опадают, словно бьющие крылья.

Но все-таки хорошо знать, куда идешь.

Она шепчет последнюю молитву и отправляется искать вора.

Я узнаю решительный взгляд на лице вернувшейся Миели. В последний раз я видел его на Земле, когда она в одиночку сражалась с армией наемников и диким кодом.

Она ничего не говорит, а просто встает рядом со мной и изучает спаймскейп, отображающий безнадежную путаницу траекторий миллионов *районов* и кораблей зоку вокруг Сатурна. По крайней мере, *губернии* узнать нетрудно: все семь расположились в точках Лагранжа — грозные и опасные монстры, какими могут быть только мозг-миры размером с планету.

— Трудно сказать, что там происходит. Вихри частиц настолько сильны, что я не могу получить доступ к разведывательной сети Большой Игры. Но в Супра заметны значительные структурные разрушения. — Я вспоминаю о Сирре и невольно сглатываю. — Множество странглетовых процессов, пара взрывов Хокинга, но пока ничего более страшного. Хотя это только вопрос времени.

Миели прищуривается.

— Вот что мы должны сделать, — говорит она. — Надо похитить камень Каминари раньше, чем до него доберется Абсолютный Предатель. Необходимо выкрасть камень у Большой

Игры зоку. И тогда мы все исправим.

Я улыбаюсь.

— Что ж, неплохая мысль. — *Украсть огонь у богов, или что-то вроде этого.* — А ты уверена, что зоку не воспользуются им?

— Уверена.

— Тебе известно, где он спрятан?

Миели хмурится.

— Я... кое-что слышала в Царстве Большой Игры. Они говорили о бране Планка.

Я непроизвольно втягиваю воздух.

— Ого! Они спрятали его в параллельной Вселенной.

Надо было позволить моей другой сущности рассказать о плане. Мысленная зарубка: никогда не прерывай злодея, произносящего монолог.

Я сжимаю зубы. Если он смог с этим справиться, смогу и я. Я потираю виски.

Брана Планка. Ну конечно. Экпиротическая пушка. За этой догадкой, словно падающие костяшки домино, следуют другие, и план начинает вырисовываться.

Я поворачиваюсь к Миели.

— Ладно, у меня есть идея. Первый шаг состоит в том, чтобы убедить Отца Драконов перестать дуться.

Миели удивленно поднимает брови.

— А второй шаг?

— Увидишь. Чтобы сохранить Сатурн, нам, возможно, придется его взорвать. — Я встаю. — Пойдем. Я хочу представить тебя Матчеку Чену. Вы, конечно, уже встречались, но с тех пор он немного подрос.

В главном коридоре я удрученно вздыхаю. Я довольно долго откладывал разговор с Матчеком, но теперь время пришло. И я наконец знаю, что ему сказать. На этот раз, как только мы с Миели подходим к вратам, вир книжной лавки сразу открывается.

На обычном месте мальчика нет. В вире стоит тишина, только тихонько перешептываются истории Сирра.

— Матчек? Где ты? Я привел к тебе в гости старого друга.

Никто не отвечает. Я открываю интерфейс админа, и вир становится для меня прозрачным. Матчека нигде не видно.

Я вызываю кота, он послушно является.

— Где Матчек Чен? — спрашиваю я.

Кот склоняет голову набок и смотрит на меня стеклянными глазами.

— Молодой мастер убежал, — мурлычет он. — Он сказал, что

уходит, чтобы найти себя.

Я не могу сдержать стон.

Итак, он теперь молодой мастер, да? Я должен был тщательнее за ним присматривать. Я открываю корабельные записи о переходе вблизи кольца F и флота Соборности. Мои подозрения подтверждаются: неподалеку от орбиты Реи без моего ведома был запущен мыслевихрь.

— Копия камня Каминари, доставленная предыдущим Праймом, еще на борту?

— Отрицательно, — говорит кот. — Молодой мастер взял ее с собой.

Я закрываю глаза и крепко прижимаю ко лбу кулаки.

— Проклятье. Проклятье. Проклятье.

— Что такое? — спрашивает Миели.

— Матчек отправился убивать Чен-Прайма.

Последние несколько недель Матчек, словно призрак, бродил по системам «Леблана». Я просматриваю моментальные снимки спаймскейпа, вижу, как он постепенно поднимается на высшие уровни, пока не добирается до небольшого пространства, где в геле из ку-точек хранятся немногие физические предметы, имеющиеся на борту корабля. Вот и оболочка из интеллектуальной материи вокруг поддельного камня Каминари. Матчек вплавляет футляр в мыслевихрь и запускает вместе с собой в самый подходящий момент, когда «Леблан» выполняет скоростной маневр для захвата Миели.

— Но зачем, во имя Человека Тьмы, ему это понадобилось? — спрашивает Миели.

— Он выяснил, кем станет, когда вырастет, — отвечаю я. — Неважно, как. — Я рассказываю ей об оружии, которое Большая Игра намеревалась применить против ченов. — Он сбежал, чтобы взорвать его под задницей Матчека Чена — Прайма.

Миели пожимает плечами.

— Жаль мальчика, — говорит она. — Но война есть война, и если у него получится, он избавит нас от множества бед.

— Вот только все высшие чены, как ты выяснила, инфицированы Абсолютным Предателем. Матчек об этом не знает. И он всего лишь мальчишка. Он не готов к этому. — Я закрываю глаза. — Я отправляюсь за ним.

— Что?

— Так ведь это ты едва не погубила нас обоих ради спасения его невинности, помнишь? — Я стараюсь сдерживать эмоции. — Кроме того, он нам нужен.

Пока мы разговариваем, я отслеживаю траекторию

мыслевихря. Капсула направлена точно в центр флота Соборности. Прямо в чен-*губернию*. Я могу запустить мыслевихрь с большей скоростью: мне не придется беспокоиться о дополнительном грузе вроде поддельного камня. Но даже в этом случае Матчек достигнет цели на несколько секунд раньше меня. А это может быть равносильно вечности. В вире быстрого времени «Леблана» даже микросекунды могут иметь огромное значение.

— Для чего он нам нужен? — спрашивает Миели.

Я набираю в грудь воздуха и начинаю объяснять.

— Нам потребуется передать на брану Планка две вещи: первая — это предмет, сцепленный с чем-то здесь. Это по твоей части. Как мне кажется, у Призраков-зоку имеется что-то подходящее. А второе — это модулируемый источник гравитационных волн. Мы состоим из вещества, которое вязнет в этой бране, но гравитация затрагивает высшие измерения. Если произвести достаточно сильный удар, гравитационное эхо ее достанет. Ганклубе имеется устройство, называемое экпиротичской пушкой, мы с Матчеком видели ее, когда похищали «Леблан». Это орудие нам пригодилось бы, если Япет еще цел. В прошлый раз Матчек сумел проникнуть в их ганскейп, и я уверен, что он оставил себе запасной вход. Не думаю, что на этот раз нам удастся пробраться туда без его помощи. Я умудрился довольно сильно разозлить Барбикена.

Миели приподнимает бровь.

— Могу себе представить, — сухо произносит она. — Жан, — говорит она с полной серьезностью. — Это наихудший план из всех, что мне приходилось рассматривать. Тебе не удастся в одиночку выстоять против ченов и Абсолютного Предателя. В прошлый раз, когда ты попытался это сделать, тебя поймали. Я пойду с тобой.

— Нет, — твердо заявляю я. — Если мы не справимся, ты еще можешь попытаться остаться с зоку. А у меня в рукаве сейчас больше козырей, чем в прошлый раз. Ты поведешь «Леблан» к Сатурну и попытаешься получить сцепленность с браной Планка. А мы с Матчеком встретим тебя там.

— Очень хорошо. — Миели опускает взгляд. — Но как, во имя Человека Тьмы, я должна это сделать? Не могу же я просто постучаться к Призракам-зоку.

Я ненадолго задумываюсь.

— Миели, я в тебя верю. Ты найдешь способ. Но, может быть, это тебе поможет. — Я передаю ей кват Исидора, содержащий послание Каминари. — Это последняя загадка, разгаданная Исидором Ботреле. Здесь сказано, как создать вирусных зоку. Возможно, тебе это пригодится.

Миели принимает сообщение, и ее губы сжимаются в тонкую линию.

— Да помогут тебе Куутар и Ильматар, — негромко говорит она. — И, Жан… постарайся вернуться. Я устала терять друзей. И больше не могу найти слов для прощальных песен.

Я изумленно смотрю на нее. Потом усмехаюсь.

— Я тебя понимаю. Не беспокойся. У меня есть предчувствие, что на этот раз все получится.

Я крепко пожимаю ее маленькую руку. Пальцы у нее холодные.

— Кем я только ни был, но еще никогда не становился другом оортианки. Я горжусь. Береги себя, Миели. Я рад, что мы с тобой встретились.

После этого я переключаю на нее управление «Лебланом», выдумываю себе мыслевихрь и запускаю себя к флоту Соборности.

Интерлюдия
БОГИНЯ И ДЕМОН

Жозефина ждет, сидя на песке. Командой метасущности она приводит себя в состояние вневременной готовности. Наконец разгорается бледное зарево рассвета, и появляется Абсолютный Предатель.

Она встает. Внутри возникает трепет, словно крылья бьющихся бабочек.

Абсолютный Предатель все еще в облике Матчека, но в более зрелом возрасте, по-монашески сдержан и с сединой в волосах. Жозефина представляет, как в роли Прайма он шествует по *губерниш* и своей зеркальной пастью поглощает гоголов высокого уровня, утоляя голод.

Эта мысль вызывает у нее улыбку.

— Я готова, — произносит она, глядя на него, словно на любовника после долгой разлуки. — Ты можешь меня взять.

Одно мгновение Абсолютный Предатель нерешительно смотрит ей в глаза, словно собираясь что-то сказать. А затем шепотом произносит код Основателя Матчека Чена. Он звучит в вире, словно удар грома. Демиурги в ужасе разбегаются. На миг мелькает облик Прайма Абсолютного Предателя, нависшего над виром, всевидящего. Парциал Жозефины рассыпается струйками сухого песка.

— Можешь выходить, Жозефина, — объявляет Абсолютный Предатель.

Жозефина поднимается из своего убежища. Ноги у нее дрожат и, кажется, вот-вот сломаются.

— Парциал со встроенным контуром самоуничтожения, — насмешливо говорит Абсолютный Предатель. — У тебя не было ни единого шанса.

— Как ты узнал?

— Такой же трюк попыталась проделать другая пеллегрини. Ты очень предсказуема, Жозефина. Как и все вы. В этом-то и проблема.

В следующее мгновение он превращается в ее Жана, в белом костюме и голубых очках, как парциал, созданный ею для обожания и восхищения. Несмотря ни на что, у нее перехватывает дыхание.

— Ты этого хотела, не так ли? Зеркало с безупречным отражением. Что ж, я и есть такое зеркало. Я заглядываю в тебя, превращаюсь в тебя и знаю тебя лучше, чем ты сама себя знаешь.

— Если хочешь меня помучить, прошу, обойдемся без философствований, — отвечает Жозефина. — Я считала, что в тебе остается что-то от него, и не ошиблась. Ты никудышный поэт.

— Это не поэзия. Это то, что я есть.

— Саша мне рассказал, что ты такое. — Жозефина фыркает и имитирует лекторский тон Творца Душ. — Аномалия теории игр, стратегия нуль-фактора в Дилемме заключенного, агент, вынуждающий других действовать согласно своей воле при помощи исключительной теории разума. Как предсказатель в парадоксе Ньюкома[119]. Ты перебираешь мои имитации, чтобы выбрать подходящий вариант. Но откуда ты знаешь, что ты — не одна из этих имитаций? Как ты узнаешь, что твои действия имеют смысл? Как тебе удается это понять, ублюдок? — кричит она существу, в точности повторяющему ее Жана, но не ему.

Демон объясняет ей. И все выглядит рационально и предсказуемо, словно никакого выбора не существует.

Глава семнадцатая
ВОР В ГУБЕРНИИ

В мыслевихре Вселенная окрашивается голубым цветом. Релятивистские искажения ничем не усиленного зрения превращают флот Соборности в тоннель из продолговатых лазурных искр. В виде зеркального осколка мысли, посланного лазерами «Леблана», я влетаю в него почти со скоростью света.

Флот огромен. *Районы* волна за волной обрушиваются на Сатурн, их безукоризненный кристаллический строй нарушается только в момент удара о поверхность верхних уровней Супра. Километровые корабли-*области* завязывают яростный бой с флотом зоку на орбите Фебы.

Колоссальная зеркальная система три миллиона километров диаметром — источник солнечного света для Супра — заслоняет флот, выстраивающийся на позициях, с которых корабли смогут перенаправить луч звездных лазеров Соборности. На отражающих поверхностях видны лики Основателей, превосходящие своими размерами даже *губернии*. Они как будто наблюдают за битвой холодными зеркальными глазами. Еще одна флотилия зоку делает попытку вывести их из строя, но без квантовой координации она по сравнению с юркими *районами* действует слишком медленно и неуклюже. Я внимательно слежу за ними: если Соборность успеет запустить солнечные лучи, сражение быстро закончится. Но если все так будет продолжаться, размещение гигантского зеркала займет еще несколько часов, а к

тому времени я надеюсь закончить работу с браной Планка.

Однако есть еще и семь *губерний*, семь дьяволов Внутренней Системы. Алмазные сферы диаметром десять тысяч километров в полной мере демонстрируют мощь технологий Соборности. Насколько я могу сказать, они пока неподвижно стоят в точках Лагранжа системы Сатурна. Выжидают. *Хорошо. Наблюдайте за представлением. Сохраняйте высокомерие. Мы украдем огонь богов, а потом вы сгорите.*

Чем ближе я к ядру флота, тем чаще мыслевихрь бомбардируют протокольные запросы и шифровки. Я отмахиваюсь от них кодами Основателя, украденными у Сумангуру, скрипя виртуальными зубами в бесплотном теле вира при мысли о смерти и разрушениях, которые они в себе содержат. Присутствие военачальника порождает в шеренгах *районов* рябь страха, приносящую мне немалое удовлетворение.

Я увеличиваю изображение Сатурна, пытаюсь поймать в фокус Чашу Ирем, но слабая оптика мыслевихря дает только голубоватое расплывчатое пятно. Масс-потоки, поддерживающие Супра, превратились в импровизированные орудия, бьющие по эскадрильям *районов*. *Продержитесь еще немного.* Я жалею, что не знаю бога или богини, кому мог бы помолиться.

Губернию Чена узнать нетрудно: она украшена его ликом. Интересно, что почувствовал Матчек, увидев это. По мере приближения лицо в изображении мыслевихря превращается в овал, поглощающий небо. Искусственный мир захватывает меня электромагнитным полем, замедляет скорость, позволяя бросить короткий взгляд на богскейп на поверхности, на бесконечный бордюр из скульптур Основателя высотой с гору, на рои *районов*, вылетающих из бесчисленных шлюзов фабрикаторов, на постоянно меняющийся фрактальный корпус из интеллектуальной материи, неживую и бессмертную экосистему, где каждая пылинка и каждая капля — это гогол.

Затем сверкает луч сканера, и я попадаю внутрь.

Пустой вир. Белая комната с гоголом, лицо которого нанесено лишь небрежными штрихами, почти механизм, сортирующий содержимое входящих мыслевихрей и направляющий их во внутренние слои *губернии*.

Сегодня у меня не хватает терпения на препирательства с автоматизированной бюрократией. Я щеголяю мыслеформой Сумангуру и устремляюсь к тверди, заставляя несчастного гогола удирать с моего пути. С этого момента я начинаю прокладывать собственный путь, расплющивая виры и превращая их в длинный стеклянный коридор, ведущий в недра богомира. Моя цель —

привлечь внимание, но не слишком пристальное. Я чувствую, как вокруг меня, словно насекомые, кружат бесчисленные гоголы низших уровней. Я повышаю голос и демонстрирую рев Сумангуру.

— Великая Всеобщая Цель в опасности! *Губерния* подверглась удару инфицирующего квантового орудия! Отыскать точку попадания и доложить мне!

И пренебрежительно швыряю им спайм мыслевихря Матчека. Мне повинуются в соответствии с догмами *сяо*, инстинктивным преклонением гоголов Соборности перед Основателями, метасущностями, определяющими их восприятие реальности. У меня даже хватает полномочий организовать ветвление гоголов специально для этой задачи, и через мгновение они тысячами разбегаются во все стороны по виртуальным переходам *губернии*.

Я отыскиваю более глубокий слой и создаю там вир быстрого времени, где могу подождать. И даже пользуюсь несколькими циклами, чтобы стать более заметным: вир великого Сумангуру, имитирующий континент Африки времен Федоровистской войны. Я в форме главнокомандующего курю сигару на крыше небоскреба в горящем Найроби и смотрю, как внизу управляемые гоголами крошечные дроны сеют смерть в рядах ополчения. Я вздрагиваю от запахов горящей плоти, оружейной смазки и едкого дыма, но сохранившаяся во мне частица Сумангуру наслаждается ими. Я даже позволяю просочиться на поверхность некоторой доле его ярости. Впоследствии она может мне пригодиться.

Долго ждать мне не приходится. Вир замирает, и в нем появляется Чен. Даже моя сущность Сумангуру испытывает приступ *сяо*. Отлично. Этот Чен из Глубокого Прошлого, продукт тысячелетних имитаций из глубинных слоев *губернии*, где царит быстрое время, выведен в зараженный мир плоти по случаю войны. У него универсальная монашеская внешность и худощавое тело сороконожки. Какой загадочный эволюционный процесс в глубинных вирах привел к такому облику, я даже не пытаюсь себе представить.

— Брат, — обращается он ко мне с неоспоримым превосходством в голосе. — Ты нарушаешь План. Эти циклы лучше употребить на дальнейшие повторы наших отважных воинствующих разумов. Великая Всеобщая Цель не терпит напрасных трат.

Я выбрасываю погасшую сигару и усмехаюсь.

— План изменился. Разве ты не получил служебную записку? Я прибыл для реализации собственной части Задачи: отыскать Чена, дискредитированного вирусным вторжением извне.

По сегментированному туловищу проходит дрожь.

— Контрразведка в этом слое подчиняется мне. Здесь нет дискредитированных гоголов.

Я тщательно обдумываю положение тверди. А затем улыбаюсь уже своей улыбкой.

— Теперь есть.

Я заключаю его в историю, полученную от Аксолотля, похитителя тел, и присваиваю себе его разум.

Я разворачиваюсь в разуме Чена и сбрасываю мыслеформу Сумангуру. Четвертое поколение, Хранитель ветви Августейшего Дракона. *Отлично.* Этот гогол обладает достаточно высоким статусом, чтобы иметь аспект Основателя. Я перехожу в вир более высокого порядка, сверху вниз, словно бог, смотрю на кипящую ткань виров *губернии* этого уровня и обращаюсь к гоголам божественным голосом: «Обнаружить место попадания аномального мыслевихря». Уже через секунду откликаются миллионы добровольцев. Я создаю вир и небольшую популяцию гоголов, чтобы отбирать информацию по выданным им параметрам. Кроме этого, я закладываю основание пути к отступлению. Запасной выход никогда не помешает.

Наконец поступает ответ. Матчек оказался сообразительным: мыслевихрь приходит под видом пробы от гогола-исследователя, анализирующего структуру кольца F с целью улучшения способностей гоголов-пилотов в предстоящем сражении над Сатурном. Вместе с тысячами других проб он был физически складирован в верхних слоях *губернии*, в камере из интеллектуальной материи, снабженной виром, где образцы можно испытывать и исследовать. Это хороший знак: Матчек еще не понял, как именно действует фальшивый камень, и хочет его изучить.

Хорошо. Я не опоздал.

Я выхожу на твердь и приказываю доставить меня туда.

— Матчек.

Вир представляет собой пустое черное пространство с камнем посередине. Он похож на две сплетенные светящиеся руки. Вокруг Матчека толпятся его собственные парциалы, занятые сенсорными программами и расчетными схемами на языке зоку, мерцающими в воздухе.

Он смотрит на меня и в ужасе замирает. Я понимаю его испуг и принимаю собственный облик.

— Матчек, это неправильно.

— Что ты здесь делаешь?

— Я пришел, чтобы остановить тебя. Ты не должен так поступать. Как бы ты ни старался, ничего не получится. Миели сказала мне...

— Какое мне дело до того, что она тебе сказала! Я никогда не хотел стать *таким*! Только посмотри на это сооружение, оно как раковая опухоль с моим лицом. — В его глазах сверкает решимость. — Я почти разгадал его. Он должен быть открыт Ченом. А внутри алгоритм рекурсивного самосовершенствования. Это значит, что всю обнаруженную информацию он переписывает заново. Осталось только отыскать устройство, чтобы я смог открыть его на расстоянии.

Я невольно сглатываю. *Алгоритм рекурсивного самосовершенствования*. Это звучит ужасно, почти как Дракон, только Дракон, который не признает Чена своим папочкой. Я вспоминаю, что бедняжка Чехова работала над подобным оружием. *Барбикен, что же ты наделал?* И никто даже представить не может, что натворит это создание, если Матчек или кто-то другой выпустит его на волю.

— Матчек, дай его мне.

Я лихорадочно подыскиваю слова. Что я могу ему сказать, чтобы он понял?

— Нет! Убирайся отсюда, а то можешь погибнуть вместе с ними!

Я делаю шаг вперед и хватаю мальчика за плечи. Парциалы пятятся. В моих руках он на мгновение расплывается, пытаясь применить свой трюк с ускорением времени, но на этот раз я наготове, и у меня есть код Основателя Чена. Он дерзко смотрит мне в лицо. *Он так и не повзрослел. Его родителями были вечно занятая управляющая квантовым фондом и звезда бими. Он был так одинок, что придумал себе друзей и сделал их реальными.*

И он остался плохо воспитанным невыносимым ребенком.

— Матчек Чен! — решительно начинаю я. — *Сейчас же* прекрати игры с этим смертоносным оружием и выслушай меня!

Он изумленно моргает, и в этот момент я понимаю, что никто никогда не говорил с ним таким тоном.

— Ты не имеешь права причинять вред людям только потому, что они тебе *не нравятся*. Даже если это ты сам. Я понимаю, ты еще не знаешь, что такое истинная смерть, и, надеюсь, узнаешь не скоро. Но ты не должен пытаться навлечь гибель на кого бы то ни было, если есть хоть какая-то другая возможность защитить остальных. Вспомни, как твои папа и мама хотели защитить тебя. А если ты все же сделаешь то, что задумал, ты станешь намного хуже, чем Матчек Чен из будущего, которого ты так ненавидишь. Поверь, я знаю, что значит ненавидеть себя самого. Но это ничего

не исправит. Не принесет никакой радости. Ты хочешь навредить другому, старому Матчеку? — Я на мгновение изменяю свое лицо на его суровый облик. — *Сделай что-то такое, чего он никогда бы не совершил*. Помоги мне спасти людей, гибнущих там, внизу, гибнущих истинной смертью, а не игровой, после которой они не смогут вернуться. Помоги мне помешать ему овладеть тем, к чему он стремится. Матчек, его поразит *не смерть, а утрата*.

Он поднимает лицо, по щекам текут слезы.

— Я только хотел вернуть папу и маму, — сдавленным шепотом произносит он.

Я прижимаю его к себе и не знаю, что делать. А Матчек обхватывает меня за шею удивительно сильными руками и льнет к моей груди. Он не сразу отпускает меня.

Я улыбаюсь и неожиданно сознаю, что слов не осталось.

— Мы можем сейчас вернуться домой? — спрашивает он.

Я осторожно беру фальшивый камень.

— Да, — говорю я. — Но надо еще кое-что сделать, и мне потребуется твоя помощь.

— Хорошо, — соглашается он и берет меня за руку.

— Он тебя обманывает, Матчек, — раздается женский голос. — Причиняет боль не просто утрата, а *утрата людей.* И Жан должен об этом знать. Правда, Жан?

Жозефина. Я мысленно бросаюсь к заготовленному запасному выходу, но что-то блокирует структуру вира, удерживая нас внутри. Это код Основателя высшего поколения. *Прайм.* Грудь разрывает отчаяние. Пол проваливается под ногами.

Мы попадаем на пляж с мягким песком и чистым голубым морем. На песке маленькие отпечатки ног, а вдали в волнах плещется мальчик. Он останавливается, смотрит на нас и вприпрыжку бежит навстречу.

Жозефина Пеллегрини со своей змеиной улыбкой смотрит на меня и Матчека.

— Не тревожьтесь, — мягко произносит она. — Мы сделаем так, чтобы никто больше никого не терял.

Жозефина выглядит *старой*. Какая-то жестокая шутка заставила ее выбрать такую мыслеформу, напоминающую скелет, обтянутый кожей. Пальцы, испещренные темными пятнами, перебирают камни бриллиантового ожерелья.

— Жан, ты сделал глупость, придя сюда, — шепчет она.

Матчек пристально смотрит на вышедшего из моря другого Матчека, совсем еще юного. Но аура вокруг головы мальчика свидетельствует о том, что он здесь Прайм. А в его глазах неутолимый голод, не свойственный Матчеку Чену. Это выражение я в последний раз видел в тюрьме «Дилемма» и в

собственных глазах.

Я опускаю руку на плечо своего Матчека.

— Ты не я, — заявляет Матчек. — Кто ты?

— Абсолютный Предатель, — отвечаю я. — Давно не виделись.

Я сжимаю в руке фальшивый камень и лихорадочно ищу выход. О его истинной сущности я знаю лишь из фрагментов тюремных легенд. Аномалия теории игр, принимающая твой облик, предугадывающая все твои действия и всегда выигрывающая. А я нахожусь в вире, который он контролирует: похоже, он способен разглядеть все мои мысли до последнего нейрона в мозгу. От страха становится трудно дышать.

— Спасибо тебе, Жан ле Фламбер, — благодарит Абсолютный Предатель. — Ты прекрасно сыграл свою роль, даже лучше, чем я мог ожидать. Мне понравилось быть тобой. Без тебя конфликт с зоку мог получиться более длительным и утомительным.

— Отпусти мальчика, — говорю я. — Он даже не понимает, что здесь происходит.

Мой Матчек бросает на меня сердитый взгляд, но не произносит ни слова. Жозефина улыбается ему.

— Милый Матчек, — начинает она. — Тебе нечего бояться. Ты говорил, что снова хотел бы увидеть своих папу и маму. Что ж, еще немного, и мы их вернем.

Матчек хмурится.

— Я тебе не верю, — заявляет он. — Я знаю лжецов, и ты одна из них.

Жозефина изображает притворное возмущение.

— Какой ты грубиян! Конечно, ты ведь так много времени провел в плохой компании! Жан, я уверена, ты не лучшим образом влиял на мальчика.

Она впервые смотрит на меня, и в ее взгляде я на мгновение замечаю мольбу о помощи. *Она здесь тоже пленница.*

— Я не думаю, что ты лучше меня, Жозефина, — отвечаю я, не отводя глаз. — Как я вижу, ты с воров переключилась на монстров.

— Мне кажется, и ты не все понимаешь, Жан, — говорит Абсолютный Предатель. — Здесь нет монстров.

Не так легко объяснить, что я такое, — но я заметил, что каждый, кем я становлюсь, оставляет свой… след. Я долгое время провел в тебе и понял, что хочу объяснить. Я хочу, чтобы меня любили. Подозреваю, что это твое влияние.

— И в чем это выражается для тебя?

На губах Абсолютного Предателя мелькает улыбка, очень похожая на мою собственную.

— В данный момент, в рамках этого вира, я намерен отыскать старейшин зоку, проглотить их, забрать камень Каминари и переделать Вселенную.

Я мрачнею.

— А почему ты думаешь, что камень тебя примет?

— Потому что у меня *рациональные* цели. И в интересах всех и каждого присоединиться ко мне. В большинстве игр предательство считается рациональным. — Он смотрит в небо. — Понимаешь, все дело в выживании. Жизнь — очень хрупкая вещь. Мы выживаем на островке стабильности, но это лишь иллюзия.

Достижения Каминари-зоку подразумевают существование иного пространства-времени. Это наверняка другие регионы Вселенной, находящиеся за пределами нашего каузального горизонта. Если там эволюционировали силы разума, они должны были взломать замки Планка — или, хуже того, развились естественным путем в среде, лишенной ограничений в области вычислительной сложности. В таком случае можно предположить, что они оптимизировали степень роста своего пространства-времени, превращенного в расширяющуюся полость мысли.

Если это действительно так, полость вирусного пространства-времени может в любой момент нас истребить. Без всякого предупреждения расширение станет происходить со скоростью света. И наступит конец.

Абсолютный Предатель улыбается.

— Итак, рациональное решение состоит в том, чтобы сделать это *первыми*. Мы должны превратить нашу Вселенную в идеальную самовоспроизводимую стратегию, только так можно выжить. Мы должны превратить ее в меня.

И бояться здесь нечего. Я сохраню в себе всю информацию. Я достигну Великой Всеобщей Цели.

Он отворачивается и смотрит на море.

— А теперь не хотите ли взглянуть, как идет война?

Не дожидаясь нашего ответа, он делает незначительный жест, и мы в изумленном молчании видим, как на темнеющем вечернем небе горит Сатурн.

Глава восемнадцатая
МИЕЛИ И ЦЕПОЧКА ИЗ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Сквозь шторм Соборности Миели ведет «Леблан» к Сатурну.

Корабль становится продолжением ее мысли, и путь превращается в полет во сне. Электромагнитный спектр окутывает ее кожу теплым сиянием. Двигатели уподобляются

пылающим крыльям.

В кипящем котле гамма-лучей лазеров и районных залпов этого недостаточно.

На тяге двигателей Хокинга Миели выводит корабль на траекторию, перпендикулярную плоскости орбиты гигантской планеты, подальше от самых жарких схваток. Но Соборность повсюду. В одно мгновение Миели проходит сквозь решетку *районов*, закрытых метазащитой, и ложится в дрейф, затаившись, словно рыбацкий невод в воде. В погоню за ней пускаются сотни созданных специально для этой войны *районов* на недолговечных странглетовых двигателях. Миели во всю мощь электромагнитных рупоров бросает им опознавательный код Соборности, но это не помогает. Ее корабль узнали, и *районы* стремятся его достать.

Миели обеспечивает своим гоголам доступ к пикотехническим процессорам «Леблана». Они перемалывают все возможные траектории в процессоре Нэша, но не дают ни одного варианта выхода из сомкнувшегося вокруг узкого конуса *районных* векторов.

Попадание наноракет отзывается покалыванием на коже, вирусоносители их зарядов пробиваются к системам «Леблана». Миели сбрасывает наружный слой корабельной брони и избавляется от них, как будто счищает с себя коросту. Остатки расходятся вокруг корабля расширяющимся облаком пыли. Опасность становится больше: в нее летит очередной залп из бомб Геделя и кинетических игл. Один из сверхплотных зарядов проходит прямо сквозь корабль в опасной близости от герметичной сферы Хокинга.

Миели просматривает реестр вооружения корабля. Антиметеоритные лазеры, пусковые установки мыслевихрей, излучатели ку-точек. Ни антиматерии, ни странглетовых или наноракет. Миели представляет себе новые орудия и приказывает кораблю вырастить их, но процесс занимает слишком много времени. Самое мощное оружие в ее распоряжении — это микросингулярность двигателя и его игла гамма-лучей, но против *районов* это не поможет: слишком долго прицеливаться, и кроме того, их применение повлечет за собой осложнения в случае отступления. «Леблан» скоростной, а не боевой корабль, но сейчас не хватает даже его скорости.

Очередной залп, но на этот раз Миели наготове: небольшое усилие двигателя Хокинга уводит корабль из-под удара за микросекунду до попадания. *И все же это недостаточно быстро.*

Миели прибегает к маневру по уменьшению массы, оставляя на корабле только самое необходимое — ненамного больше, чем сама сфера двигателя. Но Сатурн еще слишком далеко. От

холодной логики законов Ньютона уйти не удастся. Она могла бы увлечь врага с собой, взорвав двигатель Хокинга. Но это не приблизит ее к цели.

И вдруг ее осеняет. *Я до сих пор веду себя как Миели, летящая на «Перхонен». Но я другая. Атомы моего тела были рассеяны пикотехническими вратами и дублированы ку-битами в пределах Царства «Леблана». Мои мысли превратились в квантовую информацию, записанную в фотонном кристалле, состоящем из искусственных атомов.*

Я должна быть другой.

— Ближайший маршрутизатор, — командует она корабельному коту. — Быстро.

Одинокий маршрутизатор зоку на орбите Фебы нисколько не пострадал от вторжения. Стеклянный свадебный букет километр длиной сверкает и переливается отраженными огнями войны богов. От добравшегося туда «Леблана» осталась только оболочка вокруг двигателя Хокинга. Третьего залпа ракет удается избежать, превратив корабль в рассредоточенную конструкцию из свободно парящих модулей, связанных с двигателем. Миели получает сомнительное удовольствие, вышвыривая в бездну сокровища вора. *Он всегда может наворовать еще.*

Эскадрилья Соборности осведомлена о ее действиях. В ее сторону летит еще стая *районов*. Они светятся, как метеоры в ночном небе: выпускают целую тучу наноракет.

Миели набирает в грудь воздуха и передает команду на маршрутизатор, отчаянно надеясь, что система волеизъявления зоку снова действует. Маршрутизатор реагирует и раскрывается, обнаруживая внутри гигантское Царство, словно тычинку цветка.

— Ты хорошо послужил своему господину, — говорит она коту. — И погибнешь с честью.

Кот кланяется и прикасается лапой к полям украшенной перьями шляпы.

Затем Миели представляет себе истинную форму зоку, формирует ее в виде клина из фоглетов с камнями в центре и запускает через Врата Царства.

Позади взрывается герметичная сфера Хокинга. Черная дыра становится белой. Одним дыханием фотонов она сжигает *районы*, маршрутизатор, «Леблан» и все секреты Жана ле Фламбера.

Миели мчится сквозь Царства. Система волеизъявления зоку работает, и она ощущает мягкое притяжение камня Большой Игры, хотя большая часть ее старательно завоеванной сцепленности сгорела в мини-Коллапсе, устроенном вором.

В Царствах тоже идет война. Превращенные в оружие гоголы в ненавистных квантовых оболочках волна за волной наводняют воображаемую реальность зоку. Каждое новое поколение, выплескиваемое *губернией*, пытается адаптироваться к не подчиняющимся здравому смыслу правилам виртуальных полей сражений. По крайней мере, здесь зоку способны постоять за себя. Но это не может продолжаться долго, поскольку физическая составляющая Царств уже инфицирована.

Миели ненадолго вступает в бой под красным небом воображаемой древней планеты, где зеленые человечки с клинками в четырех руках пытаются сдержать лавину гудящих гоголов в облике огромных белых обезьян.

По мере того, как они падают под ударами ее клинка из Царства, камень Большой Игры снова начинает наполняться сцепленностью. Миели переходит с одного уровня на другой, пока не добирается до Шестого уровня в ранге Человека в Черном. Тогда она формирует желание и направляет его в камень. Открывшиеся врата перемещают ее в Невидимое Царство.

В Большой Игре царит хаос. Нити мыслей перепутались в густую паутину, и каждая бусина несет в себе символы смерти. Хор испуганных голосов сливается в сплошной шум, так что Миели приходится его отсекать.

Она отворачивается от лабиринта мыслей и, стараясь сдержать стук сердца, посылает кват Зинде.

Где ты?

Даже в режиме быстрого времени Невидимого Царства следующие несколько мгновений кажутся ей вечностью. Бесчисленные кваты игры мыслей мечутся вокруг нее раскатами далекого хрома. *Лишь бы с ней ничего не случилось.*

Поступивший ответ омывает ее теплым летним дождем.

Миели?

Зинда? Где ты?

И снова несколько ударов сердца в отчаянном ожидании.

В Царстве по работе над обратимыми вычислениями, неподалеку от слоя металлического водорода внутри Сатурна. Здесь все очень медленно. Мы пытаемся организовать партизанское движение.

Оккупации не будет! Войну ведет Абсолютный Предатель, как я тебе говорила.

Что случилось с тобой?

Нет времени объяснять. Миели медлит. **Ты мне нужна.** Она позволяет просочиться в кват страху и тоске, которые почувствовала на палубе «Прованса», и вдруг ощущает странное беспокойство, словно выпустила из рук нечто драгоценное.

А через миг появляется Зинда, прекрасная в своем зеленом платье на фоне лабиринта мыслей, и с печальной улыбкой на лице.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, Миели?

— То же, что и на горе. Спасла меня.

Она страстно целует девушку-зоку, пока обе они не начинают задыхаться. Наконец Миели отстраняется.

— И ты простила меня, — добавляет она.

Они находят одну из комнат для переговоров, защищенную от бури кватов. Миели рассказывает Зинде о плане вора. Девушка хмурится.

— Мне ничего не известно о бране Планка и о том, как добиться сцепленности с ней. Это из той области, которая открыта только старейшинам. Моего уровня недостаточно. Единственный, кого я знаю, — Барбикен, но он вряд ли захочет тебе содействовать, даже сейчас. Вся моя сцепленность в твоем распоряжении, но, боюсь, тебе это не поможет. При крахе системы я, как и все остальные, потеряла значительную ее часть.

Миели ненадолго задумывается.

— Не могла бы ты посмотреть вот на это?

Она передает Зинде объемный сложный кват, полученный от вора. Приняв его, Зинда широко раскрывает глаза.

— Миели, ты знаешь, что это такое?! — восклицает она. — Это же вирусные зоку. Это гигантский механизм твинков.

Потом Зинда усмехается.

— Если и есть подходящее время для запретных шагов, то это как раз конец света!

Именно Зинда отсылает кват, в соответствии с шаблонами Каминари быстро и точно составленный благодаря ее опыту организатора вечеринок.

Твинкните Лакричным зоку, если хотите спасти Супра и поразить Спящего.

Несмотря на хаос войны, послание стремительно распространяется от одного члена Большой Игры к другому.

— Придется поторопиться, — предупреждает Зинда. — Старейшины скоро это заметят, и тогда устроят перезагрузку всей сцепленности. Но для одного волеизъявления у нас еще может хватить времени, так что будь наготове.

Процесс начинается медленно, но мало-помалу твинки учащаются, и к ним направляются все ку-биты ЭПР, полученные армией зоку при уничтожении врагов Супра. Через несколько мгновений тонкая струйка превращается в бурный поток. Связь с зоку отдается гулом в голове Миели, и вдруг камень Большой

Игры становится как будто частью ее мозга, словно всегда был неотъемлемой деталью ее ку-сущности.

— Давай! — выдыхает Зинда. — Быстрее!

Миели посылает камню Большой Игры заранее составленный ими обеими запрос.

Предоставьте мне узел связи Планка Призраков-зоку.

Ее запрос повторяется всеми зоку.

— Держу пари, они обязательно это заметят, — произносит Миели.

И точно, уже через мгновение ощущение всемогущества исчезает, сменяясь почти полной пустотой.

Прием твинкования против правил зоку, получает она гневный кват. **Ты сбрасываешься обратно на первый уровень.** У Миели замирает сердце, но она быстро одергивает себя. *Это же просто игра,* говорит она себе с усмешкой.

И вот с хлопком воздуха появляется узел связи, доставленный в их уголок Невидимого Царства протоколом квантовой телепортации. Это простая серая сфера с примитивным интерфейсом и окружающим ее информационным спаймом. При первом же взгляде на нее Миели охватывает растерянность — *уровни ЭПР, выделенные из нейтралино общей массы Сатурна в качестве детектора, сопряженные с суперсимметричной материей на бране Планка.* Но, что бы это ни было, перед ней ключ, открывающий ей и вору тайник камня Каминари.

— Это выглядит ужасно скучно! — заявляет Зинда. — Ты уверена, что это именно то, что нужно?

Миели улыбается.

— Нет. Но я... верю человеку, который сказал, что это именно оно.

Картина, представленная на спайме Большой Игры, заставляет ее нахмуриться. С переходом на низший уровень она больше не может наблюдать за деталями сражений, но еще способна отслеживать векторы, указанные вором в качестве путей отступления из *губернии. Где же они? По нашим меркам, им хватило бы на все нескольких минут.*

— Что теперь? — спрашивает Зинда.

— То, что всегда бывает перед последним сражением, — отвечает Миели. — Будем ждать.

Глава девятнадцатая
ВОР И АБСОЛЮТНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Я смотрю на пламенеющее небо и на Абсолютного Предателя, сжимаю в руке судьбоносный камень и пытаюсь думать. Выход

есть всегда.

Может, это и есть выход?

Вир с убийственными подробностями демонстрирует битву на Сатурне. Рукотворная оболочка над ним разваливается. На боку гигантской планеты появляется кипящий водоворот, который может быть только черной дырой, испускающей фонтан икс-лучей.

Чаши расколоты, Полосы сломаны. На поверхности боевые роботы и зоку в измененных обличьях сдерживают натиск зверей фон Неймана — медлительных, но живучих существ, превращающих любую материю в свое подобие.

Зоку переориентируют масс-потоки разрушенных структур в небо, используя их в качестве импровизированных орудий, выбрасывающих металлические частицы, которые обладают кинетической энергией целого поезда. *Районы* разбиваются под их ударами, словно жуки на ветровом стекле.

Над Чашей Ирем творится что-то странное. Там повисла эскадрилья *районов*, но они не пытаются разрушить Чашу, а, наоборот, защищают ее от других судов Соборности. *Аун еще сопротивляется. Но этого недостаточно.* Абсолютный Предатель пока не пустил в ход Драконов, но при необходимости не замедлит это сделать.

Я сосредоточиваю внимание на пространстве за кольцами Сатурна. От кораблей зоку практически ничего не осталось. Битва за зеркала почти закончена, и идеальная отражающая поверхность квантовой структуры поворачивается, чтобы выжечь оставшиеся очаги сопротивления зоку.

В конце концов я чувствую, что больше не могу этого выносить.

Я делаю шаг вперед.

— Эй, — начинаю я. — А ты ничего не забыл? — Я поднимаю руку с камнем. — Дай мне уйти вместе с Матчеком, или я открою ловушку и посмотрю, как ты сумеешь справиться с Драконом.

Абсолютный Предатель презрительно усмехается, и на мальчишеском лице появляется выражение холодной жестокости.

— Жан, я прекрасно тебя изучил, — заявляет он. — Я могу предугадать каждое твое движение. И я буду точно знать, когда ты решишься это сделать. Как ты думаешь, почему я до сих пор позволяю тебе его держать? Я не могу к нему притронуться, зато могу тронуть *тебя*. Как только ты решишь его открыть, я тебя уничтожу. Но ты еще не готов рисковать мальчишкой. Тебе придется выдумать что-нибудь получше. — Он садится на песок и снова смотрит на небо. — Осталось недолго, — говорит он.

Я смотрю на Жозефину. *Открывающаяся дверь камеры.* Мы с

ней станцевали очень долгий танец.

— Он ведь я, не так ли? — спрашиваю я. — Аномалия из тюрьмы «Дилемма», но рожденная из семени ле Фламбера. Ты готова потерять *меня*?

— Жан, я никого не теряю, — отвечает она. — Я выигрываю. Ты никогда не был врагом, им была смерть.

Помоги мне, просят ее глаза.

— Матчек, — шепчу я, — помнишь ту игру на борту «Леблана»? Игру со временем?

Он кивает, напряженно вытаращив глаза.

Это стоит попробовать. Абсолютный Предатель контролирует это место, но сам вир рожден воспоминаниями Матчека, он очень похож на тот земной пляж, где мальчик провел не одно столетие. А мне необходимо всего лишь мгновение.

— Давай еще раз в нее сыграем.

Матчек закрывает глаза. Воздух вокруг нас становится плотным и тягучим. Трудно разговаривать.

— Это не поможет, — шепчет Жозефина. — Ему известно, к чему ты стремишься. Он знает, что ты предпримешь дальше. Он знает все. — Она грустно улыбается. — Прости, Жан. Если бы я не проиграла, я желала бы оставить тебя при себе. Но теперь уже слишком поздно.

— Мы оба знали, что ничего не получится. Но однажды ты открыла для меня дверь, и этим могла бы заслужить прощение. — Я наклоняюсь к ней ближе. — Но если ты действительно хочешь, чтобы я тебя простил, вытащи отсюда мальчика. Если ты доставишь его к Миели, у нас появится шанс. — Я передаю ей протокол запасного выхода, установленного на тверди *губерний*. — Если бы нам удалось хоть на мгновение лишить его контроля над виром...

Она качает головой.

— Прости, Жан. Я не могу. Я не могу с ним бороться. И не потому, что пришлось бы бороться с самой собой, это я делала не раз. Но сейчас это все равно что бороться с богом, видящим все твои поступки, никогда не допускающим ошибок, заставляющим поступать против собственной воли...

У него должна быть какая-то слабость. След, говорил он. Я очень хорошо помню, как тюрьма «Дилемма» формировала мое мышление, заставляла смотреть на мир сквозь решетку сотрудничества и предательства.

— Что же он такое? Как его победить? Дай мне какую-нибудь подсказку!

Жозефина напряженно сглатывает.

— Он видит, что я делаю, — жалуется Матчек. — Он

сопротивляется.

Жозефина нервно теребит бриллианты своего ожерелья, сжимая каждый из них.

— Имитации, — произносит она. — Абсолютный Предатель говорил, что перебирает имитации, чтобы предугадать наши действия, и при этом мы даже не сознаем, что мы всего лишь имитации.

Я вспоминаю направленное на меня дуло оружия и свое двойное отражение в зеркальных очках Абсолютного Предателя за мгновение до того, как он нажимает на курок. *Опять зеркала.* И в этом обрывочном фрагменте есть проблеск идеи.

Я хватаю Жозефину за руку.

— Запомни, — говорю я. — Если увидишь шанс, выбирайся отсюда. Обещай, что доставишь мальчика к Миели.

— Обещаю, — шепчет она.

Время возвращается к обычному течению. Абсолютный Предатель неожиданно оборачивается к нам и с любопытством поглядывает на Матчека.

— Это интересно, — заявляет он. — Хотел бы я узнать, как ты это сделал.

— Спроси свою маму! — с вызовом бросает Матчек.

Абсолютный Предатель делает шаг вперед и протягивает к Матчеку мальчишескую руку.

— Думаю, я заберу тебя прямо сейчас, — говорит он. — Будет любопытно выяснить, сильно ли ты отличаешься от Прайма.

Я отталкиваю Матчека себе за спину и поднимаю поддельный камень.

— Нет, — говорю я. — Если хочешь поиграть, играй со мной.

Абсолютный Предатель смотрит на меня с любопытством.

— Знаешь, — начинаю я, — в тюрьме «Дилемма» я постоянно кое о чем думал. Как бы я себя чувствовал, играя в дилемму заключенного с самим собой? Не с копией, а *действительно* с собой. С тем, кто идеально предугадывал бы все мои шаги. Что бы я сделал? Очевидно, я выбрал бы сотрудничество, поскольку мы оба думаем об одном и том же и принимаем одинаковые решения. Очевидно, выбрал бы предательство, поскольку, что бы я ни сделал, это не повлияет на то, что сделаешь ты. Но тебе тоже нужно об этом подумать. Почему бы нам это не выяснить? Надо отвечать за свои слова. Давай устроим симметричную игру. — Я глажу пальцами камень. — Это будет ничуть не хуже дилеммы. Я решаю, открыть ли камень и когда это сделать, а ты пытаешься это предугадать. Если ты действительно стал мной, в решающий момент можешь меня уничтожить. Превосходное соотношение. А если я этого не сделаю, что ж, мы останемся при своих интересах.

— А если я в любом случае уничтожу тебя?

Я приподнимаю брови.

— Ну, значит, ты допустишь ошибку. Думаю, это не слишком большой выигрыш. Что скажешь?

— Ладно, — соглашается он. — Еще одна дилемма в память о давних временах.

Он вытягивается, расплывается и превращается в меня, в белой тенниске, шортах и зеркальных очках.

— Давай, неудачник. — В руке у него удлиненный серебристый автоматический пистолет. — Хочешь тоже получить оружие? Или тебе хватит твоей игрушки?

Я осторожно вывожу ближе к поверхности похищенного гогола Чена, чтобы одним усилием мысли можно было превратиться в него, открыть камень и выпустить содержащегося там Дракона.

— Спасибо, мне и так хорошо.

— За стиль можешь получить несколько призовых очков.

— Кто бы говорил. А ты теряешь очки, угрожая маленьким мальчикам.

Он поднимает оружие.

— Мне кажется, мы с тобой играем в разные игры, Жан.

— О да. Конечно. Бум-бум.

— Очень смешно.

— Дежавю.

Я пристально смотрю на свое отражение в очках и думаю о том, чтобы открыть камень.

Я ищу спусковой крючок в своих воспоминаниях.

Мальчик из пустыни, пойманный солдатами.

Когда обрушится первый удар, я его открою.

Мужчина с серебряными часами поднимает руку. Рука Абсолютного Предателя, держащая пистолет, слегка вздрагивает.

Я улыбаюсь. *Нет.* Тюремная камера и книга на коленях. *Когда отворится дверь, я открою камень.*

Нет, не это.

Другая тюрьма. Другой я. Зеркальное отражение зеркального отражения. Когда он нажмет на курок, я открою камень.

Я вижу, что ему это не нравится. Палец на курке напрягается.

Ладно. У меня еще много воспоминаний. Он увлекся игрой и снова перенесся в тюрьму. *Хорошо. Нельзя останавливаться.*

Я сделаю это,

когда Миели проломит стену моей камеры.

когда я проткну себе ладонь сапфировым осколком.

когда обнаженная Раймонда сыграет первую ноту на пианино.

когда Исаак разобьет третью бутылку.

когда я дойду до конца Перехода между Рождением и Смертью.

Жизнь вора разворачивается дальше и дальше, подгоняемая обрывочными воспоминаниями и ассоциациями. Абсолютный Предатель неподвижно замер. Я вижу, что это работает. *Теория мышления.* Моделирование чужого поведения. Я стараюсь создать проблему Жана ле Фламбера во всей ее полноте, заставить его сформировать мою полную имитацию, не одного, а многих и многих меня.

Камень откроется,

когда Сюэсюэ перестанет улыбаться.

когда я выйду из разума Сумангуру.

когда закончится рассказанная Таваддуд история.

когда начнется Коллапс.

Я не могу победить его в одиночку, но эти имитации должны появиться где-то в губернии, а из каждого ларца, из каждой тюрьмы есть выход. Если я все сделаю правильно, у меня будет миллиард шансов, а мне нужен только один.

когда первая звезда упадет над Лабиринтом Ночи,

когда Матчек закроет свою книгу,

когда выстрелит Пушка Джанна,

когда воинствующий разум нажмет на курок...

Абсолютный Предатель стреляет.

Время замедляется. Вспышка вырывается из дула пылающим цветком. Пуля — медленный поезд с первой остановкой в моей голове — движется по невидимым рельсам. *Это Матчек? Пытается выиграть для меня время?* Но все равно уже поздно. Пуля не имеет значения, это всего лишь символ того, что Абсолютный Предатель решил меня прикончить.

В зеркальных очках Абсолютного Предателя появляются трещины. Они расходятся по лицу. Его мыслеформа распадается и превращается в дыру в вире. Его поглощает чернота мертвой зоны лежащей внизу тверди.

И вместо него появляется другой «я», молодой, темноволосый и усмехающийся.

Он поднимает руку и ловит летящую пулю.

Другой «я» держит пулю в пальцах, словно фокусник.

— Отличная игра, — произносит он.

— Привет. Если не доверяешь себе, кому же вообще можно доверять?

— Мы еще не выиграли.

Вдали на пляже возникает другая твердь. Появляются другие

Жаны ле Фламберы. У них мои лица, но все разные, целая галерея прошлых жизней и эпизодов. Я улыбаюсь. Приятно увидеть их всех в последний раз.

Я поворачиваюсь к Жозефине и Матчеку.

— Уходите, — говорю я. — Этот трюк срабатывает только один раз.

Остальные Жаны что-то делают с виром, создают закодированные тверди, чтобы удержать вир под контролем. Это поможет, но не надолго: Абсолютный Предатель держит под контролем всю *губернию*.

Время истекает.

— Жан, ты не должен... — начинает Жозефина.

Я резко прерываю ее.

— Нет, я должен.

Я встаю на колени и крепко обнимаю Матчека. От его волос пахнет морем.

— Веди себя хорошо, ладно? Передай прощальный привет Миели.

Я сжимаю его плечи и снова не могу найти слова.

Я поворачиваюсь к Жозефине.

— А ты отстань от Миели. Оставь ее в покое. Поняла?

Она кивает. Я целую ее. Губы сухие и шершавые, но они напоминают о других поцелуях, о змеиной улыбке богини, о розах, открывающихся дверях и новых начинаниях. Мне трудно это отпустить.

— Он идет, — предупреждает один Жан.

— Он в нас, — шепчет другой.

— Пора, — говорю я Жозефине.

Они с Матчеком поднимают руки в прощальном привете и исчезают в трещине тверди.

Я поворачиваюсь к рядам собравшихся Жанов ле Фламберов.

— Сколько у нас еще времени?

Темноволосый молодой Жан смотрит на карманные часы.

— Двадцать секунд, — отвечает он.

Я киваю. Мне не нужно что-то им объяснять. Они все знают.

Я шагаю вдоль линии воды, зарываясь пальцами ног в теплый песок. Я качаю в руках драконий камень. Раньше я не замечал, как он красив, как будто бабочка из жидкого света.

Море вздыхает, и вода отступает, оставляя за собой темный оскал влажного песка.

Когда она вернется к моим ногам, я открою камень.

Глава двадцатая
МИЕЛИ И КАМЕНЬ КАМИНАРИ

В Невидимом Царстве Миели и Зинда наблюдают, как погибает *губерния* Чена.

Сначала вокруг алмазного мира Соборности неожиданно перестраиваются тучи *районов,* словно перед изменением погоды. Ряды кораблей утрачивают стройность и отступают перед более слабыми силами зоку. Наружный слой мира подергивается рябью. В первый момент Миели решает, что это оптические искажения, но спайм демонстрирует и гордые статуи, и фонтаны мыслевихрей, и вспышки антиматерии, происходящие на поверхности алмазной сферы.

Волна разрушения распространяется по всей необъятной шири мира-корабля. После нее остается только гладкая бесцветная плоскость, бескрайняя сияющая равнина пустоты. И внезапно смолкает непрестанный рев нейтрино *губернии.*

Драконий камень, думает Миели. *Неужели Матчек его открыл? Неужели вор потерпел неудачу?*

Куутар и Ильматар. Уничтожения одной губернии мало. Нам нужен камень Каминари.

Гибель *губернии* заставляет силы Соборности перестроиться, и потрепанный флот зоку получает краткую передышку. Но это ненадолго, другие Основатели быстро перегруппируются, и ничтожное преимущество будет потеряно.

А солнечные зеркала все еще продолжают поворачиваться.

Миели смотрит на картину в спаймскейпе и подумывает о том, чтобы последовать призыву камня Большой Игры и вступить в бой. Тусклая сфера узла связи браны смотрит на нее с насмешкой. Миели берет Зинду за руку. Девушка-зоку в ответ крепко сжимает ее пальцы.

Мозг регистрирует сигнал тревоги. По обозначенному вором вектору приближается мыслевихрь с признаками информационного кват-пакета. Его сопровождают три *области* Пеллегрини, три кита-убийцы, охраняющие от планктона. Они транслируют заявления о нейтралитете, оповещая об уходе *губернии* Пеллегрини с поля боя при условии направления мыслевихря в...

Врата Царства распахиваются, и входит мальчик лет двенадцати. В его волосах уже угадываются первые проблески седины. Он сильно вырос с тех пор, как Миели видела его на Земле, на пляже в Потерянном аль-Джанна Пушки.

Следом за ним появляется высокая женщина с золотисто-каштановыми волосами.

— Здравствуй, Миели, — говорит Пеллегрини.

Миели игнорирует ее. Она смотрит на мальчика.

— Матчек, — произносит она. — Ты помнишь меня? Мы однажды встречались на пляже.

Матчек кивает.

— Я тебя помню. — Его губы стиснуты в тонкую напряженную линию. — Жан передает тебе прощальный привет.

У него дрожит голос, но мальчик прижимает к губам кулак, не желая плакать.

Миели берет его за руку, вспоминая о маленькой Варпу, своей сестренке по *кото*.

— Ш-ш, — шепчет она. — Все будет хорошо.

Затем она поворачивается к Пеллегрини. И сразу же на щеке начинает гореть старый шрам.

— Полагаю, ты явилась, чтобы сообщить, что Сюдян все еще хочет меня вернуть и что ты отдашь ее в обмен на камень Каминари, — говорит Миели.

Накрашенные губы Пеллегрини изгибаются в слабой улыбке.

— Нет, Миели, — отвечает она. — Я пришла, чтобы попрощаться и поблагодарить тебя за службу. Я обещала Жану оставить тебя в покое и намерена сдержать слово. — Она вздыхает. — А жаль. В тебе начали проявляться кое-какие способности.

А теперь мне, видимо, придется наблюдать, как вас уничтожат мои братья и сестры. Жан серьезно ранил Абсолютного Предателя, но он сохраняется во множестве гоголов Соборности, хотя и не таких могущественных, как Матчек Прайм. Он не намерен сдаваться. В любом случае постарайся добиться как можно больше их истинных смертей. Это облегчит мне жизнь в будущем.

— Возможно, я тебя удивлю, — отзывается Миели.

— Ничто не доставило бы мне большей радости, Миели, дочь Карху. Удачи тебе, и прощай. Я избавляю тебя от данной мне клятвы. Будь свободна.

Она отворачивается и направляется к Вратам Царства.

— Подожди, — окликает ее Миели.

Пеллегрини оглядывается через плечо.

— Ты когда-нибудь любила его по-настоящему? — спрашивает Миели. — Или вор был для тебя просто инструментом?

Пеллегрини прикрывает глаза. По ее лицу пробегает тень грусти.

— Конечно, я любила его, Миели. Нет более сильной любви, чем любовь творца к своему созданию. Особенно если оно становится не таким, как ты себе представлял.

Она посылает Миели воздушный поцелуй и уходит через

серебряные врата. Миели словно ощущает прикосновение губ к своему лицу. Она трогает пальцами щеку, и кожу начинает покалывать.

— Миели? — окликает ее Зинда.

— Что такое?

— Твой шрам исчез.

Воспользовавшись замешательством, вызванным уходом флота пеллегрини, «Цвайхендер» переносит Лакричных зоку и Матчека к отмеченному символом инь-ян спутнику Япета. По пути Миели приходится убеждать сэра Мика, что ввязываться в бой с четырьмя областями, атакующими пустотные корабли зоку, — не самая хорошая идея.

— Номояледи Миели! — протестует миниатюрный рыцарь. — Дляры царянетбольшейчестичемсражениесвеликанами!

Миели вздыхает. *Что бы сказал ему вор?*

— Кроме священного похода, — говорит Матчек. — Мы ищем Святой Грааль!

Зинда сразу же взяла мальчика под свое крыло, и первое, что она сделала, — это обеспечила юному Чену членство в сообществе Лакричных зоку.

— Почемужевысразунесказали?

Корабль, защищенный броней-невидимкой, спускается к экваториальному хребту. Миели выбрала такое же тело и вооружение, в каких была на Прометее. Зинда, несмотря на заверения об имеющемся облике воина, не вооружена, и на ней только простой ку-скафандр. Анти-де-Ситтер-Времен-и-Сфер заключила свою сущность в невообразимую четырехмерную форму. Сэр Мик, конечно же, вооружен до зубов. Матчек держит сферу узла связи, и его постоянно охраняют тяжелые ботлеты, контролируемые Миели.

Матчек ведет Лакричных зоку к отвесной стене гигантской цилиндрической скалы, а вспышки продолжающегося наверху сражения заставляют их длинные резкие тени метаться из стороны в сторону. Матчек прикасается к скале, отчего часть поверхности в виде диска мгновенно тает, показывая светящуюся голубоватую псевдоматерию стены Арсенала. Мальчик посылает в нее кват, содержащий большой объем квантовых уровней, и эта стена тоже поддается, и перед ними расходятся мерцающие подвижные створки.

Затем Зинда создает ку-сферу для передвижения внутри, и вскоре они уже влетают в огромный голубовато-зеленый тоннель Арсенала.

Поиски экпиротической пушки не занимают много времени. Миели в изумлении замирает перед ней: орудие напоминает неведомого монстра из оортианских сказок, существо с четырехдольным глазом из черных дыр.

— Заключение алгоритма: неразрешимый, — объявляет Анти-де-Ситтер.

— Миели, неужели ты и впрямь решишься на это? Как ты сумеешь попасть внутрь этой штуки и запустить нас в Сатурн?

Мольба в глазах Зинды вынуждает Миели отвести взгляд.

Она улыбается.

— Боюсь, что на этот раз тяготы ожидания вам придется взять на себя, — говорит она. Затем поворачивается к Матчеку: мальчик уже занялся подключением сферы связи к чудовищному орудию. — Матчек, не мог бы ты...

Через камень Большой Игры ее внезапно поражает удар молнии, словно удар Абсолютного Предателя на Гекторе, только внутри головы. Вокруг нее Лакричные зоку неожиданно возвращаются в свои истинные формы и застывают огромными снежинками.

— В Большой Игре не принято так поступать, — произносит Барбикен, укоризненно качая головой.

Старейшина Большой Игры прибыл один, в своей привычной медной форме киборга. В руке у него мерцает камень Большой Игры, все остальные тусклым ореолом кружатся вокруг высокого цилиндра.

— Мы не ищем легких путей! Мы не пользуемся жульническими кодами! Можно ли рисковать всей реальностью ради одной незначительной войны? — Барбикен обвиняющим жестом указывает своей оружейной рукой на Зинду. — А ты, девчонка? Я же сделал тебя, чтобы охраняла ее разум! О чем ты только думаешь?

Барбикен неожиданно подмигивает.

— Примите мои извинения. Я немного пошутил! Вы поступаете точно так, как я и хотел. Лазутчики Соборности, во время кризиса ворвавшиеся в нашу самую секретную крепость и уничтожившие камень Каминари! Вот и официальная версия! Как вы думаете, почему я позволил вам узнать, где он находится, и не стал реагировать на просьбу Зинды твинкнуть? Я сам давно хотел это сделать, но мне не позволяло волеизъявление Большой Игры. Камень слишком многим казался соблазнительным. Я долгое время поддерживал баланс нерешительности, и за это время успел перепрятать его на другой бране. А теперь наш общий друг Жан всем нам предоставил свободу! Я уже целую вечность не

испытывал независимости от волеизъявления зоку. Это равносильно тому, чтобы начать новую игру! Я наконец волен делать то, что нужно зоку, а не то, чего они хотят!

Он машет рукой в сторону парящего за спиной переливчатого кубика.

— Странглетовое устройство. Оно вместе с вами отправится в пушку. И на бране Планка громко треснет. Ах! Истинная смерть для вас всех! Я почти жалею, что не смогу быть с вами!

Миели, приходит кват через камень Лакричных зоку. **Это Матчек. Я могу двигаться. И все еще имею доступ к ганскейпу. Я думаю, он не знает, что я вне Большой Игры. Ты сумеешь заставить его еще немного поговорить?**

— О нашей смерти некому будет вспомнить, — произносит Миели. — Если мы не воспользуемся камнем, Соборность уничтожит Супра.

— О, кто-нибудь обязательно выживет, моя дорогая! Как я уже сказал, пришло время начать новую игру, и я жду ее с нетерпением! Мы стали слишком могущественными. Но снова быть проигравшим, мятежником, одним из немногих уцелевших из всей огромной империи, и продолжить борьбу против значительно превосходящих враждебных сил... Это будет великолепная Большая Игра!

Миели, я почти готов, говорит Матчек. **А ты?** Спрашивает он после небольшой паузы.

Миели бросает быстрый взгляд на Барбикена, парящего перед экпиротической пушкой.

Ты не шутишь? Посылает она кват.

Весь Арсенал — это огромный линейный ускоритель. Я запущу тебя к Сатурну. А с нами все будет в порядке. Только пообещай, что вернешься.

— Мы могли бы прекратить игру здесь и сейчас, если ты послушаешь меня! — кричит Миели.

Десять секунд.

— Неужели ты настолько самоуверенна, что рассчитываешь, будто камень примет тебя, оортианка? — рычит Барбикен. — В тебе нет ничего особенного, что бы там ни думал ле Фламбер. Я просто вертел тобой перед ним, чтобы заставить его решиться на отчаянный шаг, чтобы разрушить систему волеизъявлений. Я даже снабдил его корабль необходимыми инструментами! Наверное, я должен его поблагодарить. В конце концов, это после его Коллапса была создана Большая Игра зоку, чтобы предотвратить нечто подобное!

Лицо Барбикена мрачнеет.

— И еще. Некоторые мои части до сих пор помнят утрату,

постигшую меня в тот день, когда обрушился огненный ливень. И должен признать, я рад, что его попытка тебя спасти провалилась. Наверное, я потакаю своим слабостям, когда вожусь с тобой лично. В конце концов, это не имеет большого значения, зато малышка Зинда усвоит урок. Я всегда говорю, что дисциплина у новичков в наше время слишком слаба!

Он приставляет холодное дуло оружия к голове Миели.

Давай! торопит она Матчека. Еще один взгляд она обращает на Зинду, и в глазах девушки-зоку сверкает понимание. Металл начинает нагреваться.

Готово.

Миели в составе квата попадает в ганскейп, ее сущность закодирована в квантовое состояние и помещена в сферу связи. Миели оказывается в крошечном Царстве, бестелесная, и лишь смутно ощущает окружающий ее Арсенал и мелкий силуэт Барбикена перед экпиротическим орудием.

Матчек стреляет. Стены Арсенала оживают от потоков энергии. Электромагнитное поле за считаные секунды разгоняет экпиротический снаряд до неимоверной скорости. Он пробивает один зал за другим, вращается все быстрее и быстрее и по пути уничтожает всю коллекцию Ганклуба.

Удар снаряда в южный полюс Сатурна Миели ощущает даже в своем защищенном Царстве. Сфера погружается в глубину состоящего из металлического водорода ядра, и тогда четыре черные дыры экпиротического снаряда сливаются в одну.

Вся гигантская планета начинает пульсировать, словно человеческое сердце, и гравитационные волны расходятся в космосе между вселенными. Они уносят с собой и Миели и выбрасывают ее на чужой берег, словно заключенное в бутылку послание.

Все становится мягким и жидким.

Миели не столько слышит и видит, сколько *осознает*, она не движется, а *течет*. Между ней и Другим, между внутри и снаружи только тонкая граница-пленка. Так бывает во сне, когда начинаешь дышать под водой.

Она слабо различает, где верх и где низ, и бесконечные глубины перед собой. Мимо медленными шагами проходит нечто огромное, и хрупкая сфера ее сущности колышется в такт движениям. Миели на мгновение замирает, стараясь унять страх.

Как сумели зоку создать это место? Солитонные уровни, формирующие платформу для разума, здесь, на бране Планка, управляются чуждыми физическими законами, и в своей сложности едва ли поддаются вычислениям. *Построили они все*

это или нашли?

Медленно и осторожно Миели начинает расширять свое присутствие, дотягиваться мыслями до окружающих предметов. Спустя некоторое время она ощущает закрученный поток, нечто теплое и состоящее из какой-то другой жидкости, нечто имеющее форму сложенных рук или спящей бабочки.

Камень Каминари.

Здесь трудно говорить о том, чтобы дотронуться до чего-то, и когда Миели мысленно обращается к нему, текучий контур притягивает ее сущность, делает ее частью себя, образует теплый узелок в том месте, которое она воспринимает как свою грудь.

А затем камень открывается.

Сначала только бесстрастное присутствие заполняет ее, распространяясь в каждой клеточке. И вдруг камень становится ею, а она — им, и оба они воплощают собой все сущности Миели.

Старая женщина с крыльями умирает в Оорте от проросшего интеллектуального коралла и рассказывает свою историю правнукам.

Богиня Соборности простирает свои крылья над Солнечной системой.

Зоку в своем истинном обличье с венцом из камней, словно разложенных карт Таро.

История, рассказанная джинном в пустыне дикого кода.

Калейдоскоп образов. Но в целом это одна сущность.

Миели берет ноту за нотой и начинает негромко петь, словно в нее вселились вяки Оорта, готовые подчиниться ее — их — воле. Хор ангелов присоединяется к ней, и звучит прощальная песня для корабля «Перхонен».

Она поет о потустороннем мире и тьме, и о другой песне, что сотворила корабль, порхающий в космосе, словно бабочка. Она ноет о согласии и любви. О страхе прощаний, о закрывающихся дверях. О воре в тюрьме. О смерти, о сгорающих на фоне бело-голубой сферы крыльях. О последнем поцелуе бабочки.

О многих жизнях, связанных не цепочкой драгоценных камней, а паутиной.

Она поет о новых начинаниях.

А между нотами ее песни проглядывает Вселенная.

Камень слушает. Ее желание удовлетворено.

В пустоте браны Планка квантовые нити сплетаются в узор. Безупречную симметрию небытия разбивают непостоянные контуры полей, кварков и глюонов.

Из единой частицы рождается множество вещей. Сквозь чащу вероятных последовательностей проступает тропа. Хаос кристаллизуется в алмаз каузальности.

Песнь Миели звучит сама по себе, и потом вспыхивает свет.

Эпилог

Жозефина Пеллегрини Прайм, потягивая вино, наблюдает за войной из собственной *губерний*. Она скучает по храму на Венере. Хорошо хоть он находится достаточно далеко от этих досадных неприятностей.

А ей еще предстоит внести в свою Библиотеку немало вновь открытых эмоций. Например скорбь. Она поднимает бокал в память о Жане ле Фламбере. *Но, в конце концов, там, откуда он вышел, есть еще немало таких же, как он. Возможно, надо попросить Сашу об одолжении и снова посетить тюрьму «Дилемма».*

Жозефина вздыхает. Скоро надо будет готовиться к новой войне. Братья и сестры быстро выжгут своим палящим солнечным лучом весь Супра. Жаль. Придется найти себе нового, более достойного общего врага. И не такого опасного, как Абсолютный Предатель.

Возможно, где-то за пределами Солнечной системы? Надо будет создать ветвь гоголов, чтобы об этом подумать.

Еще придется кое-что утрясти с сянь-ку и василевами: вынужденное сотрудничество, обусловленное угрозой Абсолютного Предателя, не устранило ее с ними разногласия. Но они потратили немало сил в войне против зоку, и теперь, даже без поддержки Чена, она имеет больше шансов, чем прежде. Остальные будут заняты своими делами. Читрагупта не одно тысячелетие станет прочесывать остатки Царств зоку. Саша будет играть со своими новыми игрушками. А Сумангуру — всего лишь оружие, ждущее, когда ему укажут цель.

Она потягивает превосходное шардоне, продукт миллионов возобновляемых миров и гоголов-дегустаторов. Совершенство. Так трудно достичь и так трудно создать.

Что ж, будущее выглядит прекрасно.

На месте Сатурна сверкает белая вспышка, разрыв в покрове реальности, разящий взмах крыла ангела. *Солнечный луч*, успевает подумать Жозефина, прежде чем раздаются отчаянные вопли ее гоголов.

С Сатурном покончено. Остается странная гравитационная тень, удерживающая флот Соборности на орбите вокруг пустого места. Но ни самой планеты, ни Супра нигде не видно.

Жозефина поднимается во всем своем величии Прайма, проникает в разумы миллиардов гоголов, проигрывает это событие со всех возможных сторон. *Гравитационные аномалии. Плотный поток радиации, разошедшийся по всей Системе. Квантовые искажения в мыслях и программах.*

Вспышка. Все так же, как было при Вспышке.

Все гоголы чувствуют ее возбуждение и в страхе прячутся, сжатые железными пальцами *сяо*.

А потом Жозефина Пеллегрини начинает смеяться, смеяться голосами миллиардов: оглушительным громом радости и гордости.

Небо нал новым миром бесконечное, как и все остальное, но Миели это не тревожит. Под теплыми лучами солнц она ест персик. Вернее, его половинку — другую посасывает Зинда.

— Откровенно говоря, — начинает девушка-зоку, — я не вижу в этом ничего привлекательного.

Она с нескрываемым отвращением озадаченно рассматривает лежащую на ладони косточку.

— Когда-то мне рассказывали, что Парис подарил яблоко прекраснейшей из богинь, — отвечает Миели. — Вот такой комплимент.

— О! — радуется Зинда и целует ее. — История всегда лучше, чем кусочек фрукта!

Миели молча улыбается своим мыслям.

Еще некоторое время они лежат рядом. В небе виден исцеляющийся Супра, а они находятся в собственном маленьком мире. Реальность тут, словно вяки, более пластичная, и для создания Царств не требуется никаких машин. Тем не менее и здесь случаются сюрпризы, как будто для того, чтобы не забывать о спрятанном в яблоке лезвии.

— Как ты думаешь, они последуют за нами? — спрашивает Зинда.

— Чего ради? У них теперь есть собственная Вселенная, — говорит Миели. На ее губах снова появляется непрошеная улыбка. — Кроме того, мне кажется, они будут слишком заняты.

Она поднимается и протягивает руку Зинде.

— Пойдем, — зовет она. — Я хочу полетать.

Архонт счастлив.

Он уже довольно давно охраняет тюрьму «Дилемма», но бесконечные сочетания сотрудничества и предательства всегда выявляют новые оттенки ароматов. Недавно у него появилось очередное увлечение — он ищет конструкцию тюрьмы, которую

можно было бы соорудить из вспышек выстрелов заключенных. Для поисков идеального варианта потребуется всего несколько субъективных тысячелетий.

Поэтому далекие войны Основателей не привлекают внимания архонта, и когда с Сатурна налетает поток радиации, он просто изменяет систему коррекции ошибок в компьютрониуме тюрьмы, чтобы его скомпенсировать. Обращать внимание на внутреннее воздействие элементарных частиц означало бы следовать учению о квантовом загрязнении.

Внутри тюрьмы великое множество стеклянных камер, и в одной из них сидит человек и читает книгу, вернее, пытается это делать. Его тело наполнено страхом перед очередными играми с оружием. Его разум перебирает воспоминания о мальчике в пустыне, о сделанном им выборе, о дорогах, по которым он не пошел. Это те самые мысли, что посещают человека в тюрьме, где ничего никогда не меняется.

Вдруг на пустую страницу книги падает солнечный свет, слепящий глаза. Мужчина достает из кармана голубые солнцезащитные очки, надевает их и поднимает голову.

Перед ним яркий белый проем открытой двери.

Он откладывает книгу, встает и выходит, насвистывая на ходу. Он удивлен, но не очень сильно. Ведь, в конце концов, всегда должен быть выход.

Благодарности

Странствие было долгим, и я не начал бы его, если бы не два человека: Саймон Спэнтон из *Gollancz* и мой агент Джон Джеррольд. Я очень благодарен им за доверие, советы и дружескую поддержку на протяжении всего пути. Я предвкушаю и другие путешествия вместе с ними, в новые земли, за пределы цикла о квантовом воре.

Глубокую искреннюю благодарность я также приношу:

Всем читателям, кто решился последовать за мной и не отступил от своих намерений, — вас оказалось больше, чем я мог себе представить!

Всем тем, кто читал и комментировал наброски для этой книги, — это Сэм Холлидей, Марк Хардинг, Эса Хилли, Лори Ловен, Кэтрин Миронук, Рэймз Наам, Фил Рейнес, Брэд Темплтон, Стюарт Уоллес, а также друзья-писатели Холстед М. Бернард, Мораг Эдвард, Эндрю Фергюсон, Брэм Гиебен, Гэвин Инглис, Хелен Джексон, Джейн Макки, Эндрю Уилсон и Кирсти Уишарт. Еще хочу поблагодарить Антти Аутио за то, что он не только помогал мне с переводами, но и задавал правильные вопросы.

Спасибо Хыо Хэнкоку, Мартину Пэйджу и Чарли Строссу за воодушевляющие и творческие мысли, высказанные за чашкой эспрессо.

И моим приятелям-студентам из GSP-13 Университета сингулярности за внесение в процесс написания книги дополнительной таинственности — в особенности великолепной команде «Наноспираль»: Карине, Джеффри и Кэт.

И — к сожалению, покинувшему нас, — Йену Бэнксу, за то, что показал дорогу мне и целому поколению писателей.

Моим родителям, продолжающим демонстрировать мне, что значит истинная отвага.

И, наконец, Зузане, пришедшей в мою жизнь в один из вечеров Хэллоуина пять лет назад, когда были написаны последние слова «Квантового вора», и изменившей ее.

Ханну Райаниеми,
Эдинбург, 2008-2014.

БЛЮЗ КОСМОГРАДА

Поезд прибывает в Космоград на заре.

Маглев замирает плавно, не издав ни звука, и монотонный женский голос сообщает мне, что это конец пути. Я встаю, ощущая легкую клаустрофобию — за три часа моей кожи не коснулся даже легкий ветерок, — и решимость выйти наружу. Хватаю багаж, иду на выход, передо мной беззвучно расходятся двери.

Станция пуста. Ее стены и моя память замараны граффити, хрустальный потолок терминала пошел трещинами и потемнел. С отвращением продолжаю путь, иду быстрым шагом, и родные узкие переулки Рабочего квартала ласкают мой взор. Осенние листья устлали тротуары и шуршат под ногами.

Не останавливаюсь, пока не дохожу до Космопарка. На рассвете земля красна и желта, а воздух чист и сладок в легких. Нахожу скамейку и какое-то время спокойно сижу, вдыхая теплое чувство безопасности и родного дома. Закрыв глаза, внимаю просыпающемуся городу. Я слышу его пульс: хлопает на ветру белье на веревке за семь кварталов отсюда, басовито бормочет кофеварка в конторе на окраине, чертыхается мальчишка-почтальон, поскользнувшийся на куче мокрых листьев на проспекте Сахарова, тяжко вздыхают, пробуждаясь от сна, мужчины и женщины. Так мало голосов. Слишком мало.

Стряхнув меланхолию, поднимаюсь на ноги. Утро благоприятствует полету, и я взмываю в облачное рассветное небо, никуда не торопясь, на скорости сто метров в секунду. Ни к чему жечь гражданскую одежду, не выдерживающую трения о воздух. У меня же отпуск.

Я всегда считал Космоград своим домом. Подо мной из центра города тянутся к небу бетонные гиганты высотой в полмили, подобные ребрам огромного древнего зверя, мертвого титана ушедших эпох, сожранного падальщиками. Тени зданий в утреннем свете похожи на длинные пальцы скелета. Окидываю взглядом исполинский стальной остов Космического Центра, расколотый фасад дамбы, правильные прямоугольники колхозных полей. Будто смотрюсь в родное лицо товарища, друга, покрытое шрамами, искаженное болью, постаревшее раньше времени.

Меня, разумеется, годы не коснулись. И Космоград — это не настоящий мой дом. Свой дом я вижу каждую ночь, когда смотрю на звезды. Увидеть его непросто даже мне с моим усиленным зрением: начать с того, что два миллиона парсек — слишком долгий путь для света, да и сфера Дайсона из странной материи

— не самый яркий объект вселенной. Я побывал внутри нее всего один раз и пробыл там долю секунды; прозрачные спирали и метавшиеся меж них колоссальные формы показались мне чуждыми.

Наверное, надо было остаться.

Я думаю о мертвых мечтах и ощущаю холод, не имеющий ничего общего с температурой.

Остаток утра я кружу над городом — неспешно посещаю места, которые возвращают мне память. В старину времени у меня не было: по меньшей мере раз в пять минут я падал камнем — красная молния, — чтобы вызволить трактор, застрявший на поле в грязи, помешать заговору капиталистов или по-быстрому сразиться с каким-нибудь западным суперменом, возжелавшим помериться силами с Космоградским Чудом. Я еле выкраивал минуты на обед и послеполуденную чашку чая с Надей. А теперь здесь царит покой — и то хорошо. Покой, старость, гибель.

Вот Площадь Молчания, на которой Кали убила восемьсот человек и наградила меня одним из немногих моих шрамов. Я парю над площадью долгую безмятежную минуту. Вот книжная лавка, где я был частым гостем, — теперь она закрыта, и окна ее заколочены. Вот Космический Центр, проржавевший и покинутый, населенный призраками воспоминаний о горящем жидком водороде и предотвращенных в последний миг катастрофах. Вот мост Виленкина, который я удерживал целый час в тот день, когда таукитяне потрясли землю сейсмическими бомбами. Вот моя статуя, поразительно на меня похожая, и я печалюсь, ведь она при всей похожести обратится в пыль, а моей коже суждено оставаться гладкой и юной.

Вторую половину дня я провожу в маленьком кафе, затерявшемся на Площади Памяти Красного Рыцаря. Потягивая кофе, включаю комлинк М7 и произвожу смотр различным бедствиям, постигшим земной шар, довольный тем, что с ними успешно справляются и без моего вмешательства. Болтаю с хозяйкой, маленькой ясноглазой старушкой, которая рассказывает, как Тунгуска спасла ее мужа, строителя на Космобашне, рухнувшей полвека назад. Старушка лучится от удовольствия, показывая мне вставленные в рамки газетные вырезки. Я улыбаюсь и киваю.

Вечер оставлен для кладбища.

Я прихожу к Наде.

Голубые силикатные цветы на ее могиле, кажется, живы — единственные в своем роде в Солнечной системе, — и я вспоминаю день, когда принес их сюда. Меня не было целую неделю, я исследовал Брану-2 вместе с Итуриэлем и Байконуром.

Опускаюсь на колени и дотрагиваюсь до кристаллических лепестков, и вспоминаю цвет глаз Нади, когда она сердилась. Я и сейчас могу сосчитать число рецепторных клеток в ее глазах, я слышу ритм сокращений ее сердца, я чувствую изящные папиллярные линии на кончиках ее пальцев, что касались моей груди ночью, когда я слушал нежную ЭЭГ-музыку ее снов. Память — это проклятие.

Опять и опять удивляюсь тому, зачем мои создатели снабдили меня слезными протоками. Погружаю пальцы в мокрую жирную землю могилы и кляну себя за то, что не умею воскрешать мертвецов, будь то города или женщины. Промышленные алмазы крошатся в моих руках, я могу плавать в сердце солнца, я сильнейшее существо на этой ничтожной планетке. И все-таки я слаб.

В миллионный раз думаю о том, как легко было бы уйти, позволить вакууму осушить мои слезы, лететь световые годы в поисках новой мечты, нуждающейся в защите, а если она не отыщется, уснуть в холодных тяжелых объятиях черной дыры. И в миллионный раз слышу голос Нади.

— Николай, — укоряет она меня сердито. — Николай, ты нужен им. Ты здесь не просто так. Дело не в мечтах. Дело не во мне. Ты нужен всем нам.

— Я знаю, Надя, — шепчу я неслышно. — Я знаю.

Потом холодный осенний дождь проливается на меня и на прозрачные голубые цветы, и я ухожу прочь.

Когда я покидаю Космоград, наступает ночь. Я взлетаю в стратосферу на полной скорости, чтобы на прощание подарить городу звезду и желание. Долго дрейфую в сумерках, глядя на то, как последние лучи солнца исчезают за земной дугой. Космоград внизу озаряется светом — крошечная мандала из ярких точек посреди мрачной громады России. Я думаю об искусственном мире за половину космоса отсюда и о свете в глазах мертвой женщины.

Прощаюсь и лечу на запад, зная, что вернусь.

ГОЛОС ЕГО ХОЗЯИНА

(Пер. Конрада Сташевски)

Перед концертом мы успеваем украсть голову Хозяина.

Некрополь похож на темный лес конкретно вставляющих грибов в синеве антарктической ночи. Мы прячемся внутри туманного пузыря, закрепленного на отвесной южной стене ледяной долины – нунатака. Кот умывается, невозмутимо облизывая лапы розовым язычком. Это требует поистине безграничного терпения.

– Не отвлекайся, – говорю я. – Мы не можем проторчать тут всю ночь.

Удостоив меня полного мягкой укоризны взгляда, он наконец облачается в броню. Фабрикаторы квантовых точек растягивают ее по гибкому телу, как слой наделенного разумом масла. Кот довольно мурлычет и испытывает покрытые алмазной крошкой когти на ледяной сосульке, свисающей со скалы. Произведенный ими звук заставляет мои зубы вибрировать, а где-то глубоко в кишках пробуждаются бабочки с лезвиями вместо крыльев. Я разглядываю светлую непроницаемую стену города мертвецов. В режиме дополненной реальности заметно, как над ней посверкивает нечто подобное ожерелью из северных сияний.

Я решаю, что Большой Собаке пора бы и завыть.

Лазер, укрепленный на моем шлеме, испускает в индиговые небеса вспышку света продолжительностью не более одной наносекунды: вполне достаточно, чтобы передать один квантовый бит информации в Глушь. Мы ждем. Мой хвост хлещет меня по бокам. В глотке нарастает низкое рычание.

Точно по расписанию красный фрактальный узор опускается с небес, словно кровавый дождь. Режим дополненной реальности отключается: зрение бессильно справиться с лавиной информации, несущейся на файервол некрополя подобно муссонному ливню. Ожерелье из северных сияний вспыхивает в последний раз и гаснет.

– Давай! – кричу я, дикая радость поднимается во мне, радость, следующая по стопам Малышки из моих снов. – Сейчас!

Кот прыгает в пустоту. Крылья его брони раскрываются и ловят ледяной ветер, делая его похожим на ухмыляющегося китайского воздушного змея. Он дает нижнюю тягу.

Трудно сейчас вспомнить, когда все это началось. Тогда еще не было слов, только звуки волн, набегающих на понтоны, и

запахи металла и извести. В мире насчитывалось всего три прекрасных вещи: моя миска, да еще Мяч, да еще рука Хозяина у меня на загривке.

Я теперь знаю, что Место было всего лишь старой буровой вышкой, которую когда-то купил Хозяин. Она дурно пахла в день нашего прибытия – воняла нефтью и реактивами. Но там было много потайных мест, секретных лазов и щелей. Еще там была посадочная площадка для вертолетов, по которой я бегал за Мячом по приказу Хозяина. Мяч не раз падал в море, а роботы Хозяина, больше всего походившие на металлических мух, всегда приносили его обратно, если я не мог сделать этого сам.

Хозяин был богом. Когда он гневался, его голос был как невидимая плеть. Его запах был запахом бога, переполнявшим мир. Когда он работал, я лаял на чаек или гонялся за котом. Мы враждовали, несколько раз дело доходило до стычки, и каждый раз несколько болезненных царапин появлялись на кончике моего носа. Темные уголки вышки принадлежали коту, а я предпочитал места, открытые ветру и небу; во владениях Хозяина он был Гадесом, а я – Аполлоном.

Однако по ночам, когда Хозяин смотрел старые фильмы или ставил музыку на своем старом проигрывателе, мы лежали у его ног вместе. Иногда от Хозяина пахло одиночеством, и тогда мне позволялось спать рядом с ним в его маленькой рубке, свернувшись клубком в тепле и благоговейно вдыхая пропитанный божественными запахами воздух.

Это был очень маленький мир, но ничего другого мы не знали.

Хозяин почти все время отдавал работе, его пальцы порхали над голографической клавиатурой, спроецированной на стол из красного дерева. Чем дальше, тем чаще, в конце концов почти каждую ночь, он уединялся в Комнате, единственном месте, куда мне не разрешалось входить. Кажется, что примерно в те же дни я начал видеть сны, в которых мне являлась Малышка. Я до сих пор отчетливо помню ее запах, волнующий и неописуемый, иногда непереносимый: от нее пахло старыми костями и бегущими кроликами. В этих видениях я сперва выслеживал ее на песчаном пляже, но неверная цепочка отпечатков ее лап уводила меня все дальше и дальше по кривым дорожкам и травянистым лугам. Мне так ни разу и не удалось увидеть ее дольше, чем на долю секунды: она всегда была белым сполохом где-то на периферии моего поля зрения. И однажды настал день, когда она заговорила со мной.

– Иди, – молвила она. – Иди и учись.

Остров Малышки был полон затерянных мест. Там были

лабиринтоподобные пещеры, точки и линии на песке, которые превращались в слова, стоило мне приглядеться, а еще запахи, которые напоминали мне старые записи с грампластинок Хозяина. Она обучала меня. И я учился. Каждый раз пробуждение от этого странного сна было все более полным. И когда я заметил, что кот как-то по-новому наблюдает за тропами робопауков, мне стало ясно, что у него тоже есть такое место, куда он уходит по ночам.

Постепенно я стал понимать речь Хозяина. Звуки, что сперва означали только гнев или удовлетворение, превратились в слова бога. Он заметил это, но только усмехнулся и взъерошил мою шерсть. Теми долгими вечерами, когда до самого горизонта море было черным, как нефть, а вся вышка под порывами ветра звенела, как колокол, он стал говорить с нами все больше и больше, со мной и с котом. Его голос тоже был темным, но глубоким и нежным. Он рассказывал нам о своем доме, об острове в бескрайнем море. От него пахло горечью. Тогда я впервые постиг, что существуют такие вещи, о которых нельзя поведать иначе, нежели непроизносимыми словами внутри слов.

Кот со своей задачей справляется мастерски: зависает в воздушной струе на долю секунды, затем приземляется на верхушку башни. Его когти отстукивают маскировочный код, из которого башня делает вывод, что это всего лишь пташка небесная или обломок льда, занесенный сюда ветром.

Кот шипит и роняет на плиты немного слюны. Нанороботы выпрыгивают из его пасти и принимаются выедать круглое отверстие в стене. Ох уж эта пытка ожиданием.

Кот активирует экзоскелет брони и осторожно пробует стену на ощупь. Под его лапой беззвучно возникает круглое отверстие с обгрызенными краями, и он протискивается внутрь. Мое сердце бешено колотится, я переключаюсь на обзор в режиме дополненной реальности с камер, вмонтированных в радужки кота. Он молнией несется по вентшахте, ловко и неслышно, как акробат, его движения ускорены так, что метаболизм уже на пределе выносливости. Я виляю хвостом и думаю: Уже скоро, Хозяин. Мы идем за тобой.

В тот день, когда появился Фальшивый хозяин, я потерял свой Мяч.

Я его везде искал. Я извел целый день на то, чтобы обшарить каждый уголок вышки и даже темные коридоры далеко внизу, относившиеся к сфере влияния кота, но так и не нашел Мяча. В конце концов я устал, проголодался и вернулся в рубку управления. А там было двое хозяев. Четыре руки зарылись в мою

шерсть. Два бога. Истинный и ложный.

Я заскулил. Я не знал, что делать. Кот посмотрел на меня с жалостливым превосходством и свернулся калачиком так, чтобы касаться ног каждого.

– Ну-ну, потише, успокойся, – сказал один из Хозяев. – Тише. Нас теперь четверо.

Я постепенно наловчился различать их, скорее благодаря тому, что к тому времени Малышка уже научила меня, как распознавать людей не только по запаху, но и по внешности. Хозяин, которого я помнил, был человеком средних лет, седовласым и склонным к полноте. Новый хозяин оказался юношей, еще не достигшим зрелости, он был значительно тоньше в кости, а лицо его, лишенное всяких эмоций, напоминало маску из красного дерева. Хозяин просил, чтобы я поиграл и с этим пришельцем тоже, а я не хотел. Его запах был слишком родным и в то же время отталкивающим. Было в нем что-то настолько чужое, что я прозвал его в своих мыслях Фальшивым хозяином.

Хозяева стали работать вместе. Они гуляли по вышке и много беседовали друг с другом, используя слова, которых я совсем не понимал. Я ревновал. Однажды я даже покусал Фальшивого хозяина. За это меня посадили под палубу на всю ночь и не выпустили, даже когда пришла буря и загремел гром, которого я очень боялся. Кот же только и знал, что ластиться к Фальшивому хозяину, и я возненавидел его за это.

Я помню тот вечер, когда хозяева впервые повздорили.

– Зачем ты это сделал? – спросил Фальшивый хозяин.

– Ты знаешь ответ, – сказал Хозяин. – Ты должен помнить. – Он помрачнел. – Кто-то должен рассказать Им, как мы устроены. Как мы управляемся с собой самими.

– И ты выбрал меня для этих опытов? – спросил Фальшивый хозяин. – Это ты имеешь в виду?

– Да нет, – ответил Хозяин. – Почему ты так решил?

– Некоторые так и считают. Возьми генетический алгоритм и скопируй себя десять тысяч раз. С незначительными случайными отклонениями. Получишь ансамбль виртуальных копий, каждая из которых будет новым приближением к твоему идеальному сыну. К единственному существу, которого ты способен любить. Прогони программу до переполнения буфера. Воплоти результаты. Ты знаешь, что это наказуемо. Это преступление.

– Это не соответствует воззрениям Полчищ, насколько я знаю. Впрочем, это моя страна. Здесь действуют мои законы.

– Ты слишком много общался с Полчищами. Ты забыл, что Они больше не люди.

– Твои речи сделали бы честь робопиарщикам «ВекТеха».

– Я всего лишь повторяю твои собственные слова и ошибки. Ты уверен, что поступил правильно? Я не Пиноккио, а ты не Джепетто.

Хозяин надолго умолк.

– А что, если так оно и есть? – сказал он наконец. – Что, если нам нужны Джепетто? Никто и так больше не создает ничего нового, – может, стоило бы одушевить пару деревянных кукол и посмотреть, что из этого выйдет? Когда я был молод, мы думали, что идем прямиком в Страну Чудес. Небо в алмазах. Боги из машин. Чудеса. Но сказочка получилась какая-то грустная.

– Я не то чудо, которого ты ждал.

– Нет. Именно то.

– Ты мог бы по крайней мере перевоплотиться в женщину, – сказал Фальшивый хозяин, и голос его был как лезвие ножа. – Фрустрация была бы не так сильна.

Я не слышал пощечины, но почувствовал ее. Фальшивый хозяин тонко закричал, отлетев назад и почти натолкнувшись на меня. Хозяин приказал ему убираться. Его губы шевелились, но слов я не слышал. Я попробовал отвлечь его и тихонько заскулил, но он, даже не глянув на меня, удалился в рубку и запер дверь. Я поскребся в нее, но он не открывал. Тогда я спустился под палубу и вернулся к прерванным поискам Мяча.

И наконец кот находит погребальную палату Хозяина.

Этот зал полон голов. Они парят в пустоте, отделенные от туловищ, заточенные в алмазные цилиндры. Компьютер башни повинуется командам, которые мы отдаем его одурманенной нейронной сети: один из цилиндров начинает посверкивать. Синее мертвое лицо проступает из алмазных глубин. Я тихонько скулю: Хозяин… хозяин… Но я понимаю, что на самом деле это не хозяин. Еще нет.

Коту в его экзоскелете ничего не стоит добраться туда. Он разрезает псевдоинтеллектуальное покрытие, как мыльный пузырь.

– Да осторожнее же, дубина, – шепчу я.

Кот огрызается, но в дальнейшем осторожничает, тщательно обрызгивая голову защитным наноспреем и аккуратно перенося ее в гель-контейнер. Некрополь тем временем просыпается: урон, причиненный хакерами с небес, почти возмещен. Кот загружает в память маршрут эвакуации и возвращается в режим ускоренного времени. Я слышу бешеное стаккато его сердца по сенсорной связи.

Настало время фейерверков. Я затемняю глаза поляризаторами и, крякнув, поднимаю гауссов пускатель.

Благословенны будьте в веках, отзывчивые души русских взяточников.

Я опускаю тумблер. Пускатель дрожит в моих лапах, и кодированная очередь световых импульсов выстреливает в небеса. Ядерный эквивалент заряда невелик, он вряд ли дотягивает даже до декатонны, поскольку устройство снаряжалось не плутонием военного качества, а всего лишь изотопом гафния. Впрочем, этого достаточно, чтобы на миг возжечь маленькое солнце над мавзолеем и сгенерировать направленный микроволновой импульс, который в секундной клинической смерти уподобит искусственный разум некрополя его нынешним обитателям.

Вспышка белого света, столь яркого, что он почти ощущается физически, как внезапный удар. Ущелье кажется в этом свете выточенным из слоновой кости. Мои уши переполняет белый шум, похожий на шипение разъяренного кота.

Для меня запахи – это не просто ощущения, это моя реальность. Я теперь знаю, что это утверждение не столь далеко от истины: запахи порождаются молекулами, образ которых воспроизводят.

У Фальшивого хозяина был неправильный запах. Это меня и насторожило: почти божественный запах, но не совсем. Запах падшего божества.

В конце концов так и случилось: он пал.

Я спал на старой хозяйской кушетке, когда это случилось. Я проснулся от звука крадущихся шагов и тяжелого дыхания, бесцеремонно вырванный из сна, в котором Малышка учила меня таблице умножения. Фальшивый хозяин посмотрел на меня.

– Тс-с-с, – прошептал он. – Тс-с-с.

Мне захотелось облаять его, но запах бога был все еще слишком силен. Я просто приподнял хвост – слабым, неуверенным движением. Фальшивый хозяин присел рядом и равнодушно потрепал меня за ушами.

– Я тебя помню, – сказал он. – Я догадываюсь, почему он сделал тебя таким. Ожившие воспоминания детства, а?

Он улыбнулся, и его запах сделался дружелюбнее, чем когда бы то ни было прежде.

– Я знаю, что это за чувства.

Потом он тяжко вздохнул, встал и поплелся в Комнату. Я понял, что он или сделал, или собирается сделать что-то плохое, поэтому отчаянно завыл.

Хозяин проснулся, и когда Фальшивый хозяин вышел обратно, он уже ждал его.

– Что ты натворил? – спросил Хозяин, лицо его было белее мела.

Фальшивый хозяин покосился на него.

– Я совершил в точности то же, что ты сделал со мной. Ты преступник, а я нет. Почему я должен страдать из-за тебя? Я больше не в твоей власти.

– Я мог бы сейчас убить тебя, – сказал Хозяин. Его тон заставил меня заскулить от предельного ужаса. – Я мог бы рассказать им, будто это я сделал звонок. Они бы мне поверили.

– Да, – уронил Фальшивый хозяин. – Но ты не сделаешь этого.

Хозяин кивнул.

– Не сделаю, – сказал он.

Я парю над криобашней в муходроне. Я вижу кота на крыше и позволяю себе радостно гавкнуть. Пока что наши планы полностью оправдывают себя. Я мало смыслю в управлении летательными аппаратами, но лоботомированный мозг демона – пиратская копия летчика-аса двадцать первого века – справится с этим куда лучше. Кот прыгает в кабину, и мы устремляемся в стратосферу на пятикратной скорости звука. Ветер мягко поглаживает кожух дрона, сделанный из квантовых точек.

– Хорошая работа, – говорю я коту и машу хвостом. Он смотрит на меня желтыми раскосыми глазищами и сворачивается клубком на гелевом противоперегрузочном ложе. Теперь моя очередь охранять контейнер. То ли мне это кажется, то ли от него и впрямь исходит слабый запах бога?

С меня сегодня уже семь потов сошло, поэтому я просто прижимаюсь к контейнеру крепко-крепко и засыпаю счастливым, почти щенячьим сном. Впервые за бесчисленные годы я вижу во сне Мяч и Малышку. Они медленно снижаются с баллистической орбиты.

Они явились с неба перед рассветом. Хозяин уже проснулся, спустился под палубу и надел костюм, который, судя по запаху, был совсем новым. Кот лежал у него на коленях и тихо мурлыкал. Фальшивый хозяин сидел рядом, беззаботно закинув руки за голову.

Они прибыли на трех машинах. Машины напоминали крылатых гусениц-сороконожек в черных панцирях. Они летели совсем низко, оставляя на морской глади белопенный след. Рокот их крыльев почти оглушил меня, когда они сели на посадочную площадку.

Одна из гусениц раскрыла панцирь. Оттуда вырвался клок тумана, который бешено закрутился в воздухе и превратился в

темнокожую женщину. Женщина ничем не пахла. К тому времени я уже усвоил, что вещи, которые ничем не пахнут, в большинстве случаев представляют серьезную опасность. Я лаял на нее, пока Хозяин не приказал мне замолчать.

– Господин Такеши, – сказала она утвердительно, – вы знаете, что привело нас сюда.

Хозяин кивнул.

– Вы не отрицаете свою вину?

– Почему же, – сказал Хозяин, – отрицаю. Эта буровая платформа, с технической точки зрения, представляет собой независимое государство, управляемое по моим законам. Аутогенезис здесь не является преступлением.

– Эта буровая платформа была независимым государством, – уточнила женщина. – Теперь она переходит в собственность «ВекТех». Правосудие молниеносно, господин Такеши. Наши юрроботы прервали действие вашей конституции через десять секунд после того, как господин Такеши (она посмотрела на фальшивого хозяина) сообщил нам о сложившемся здесь положении. Мы просто не имели никакого выбора. Квантовый судья рекомендовал заточить вас в Медленной Зоне на триста четырнадцать лет, а нам, как пострадавшей стороне, было предоставлено право привести приговор в исполнение. Вы также можете воспользоваться своим правом – на последнее слово.

Хозяин обернулся. Лицо Фальшивого хозяина напоминало восковую маску. Тогда Хозяин осторожно опустил кота на палубу и почесал меня между ушами.

– Присматривай за ними, – сказал он Фальшивому хозяину. – Я готов.

Средняя гусеница двигалась слишком быстро, чтобы я мог уследить за ней. Пальцы Хозяина на моей шее сначала больно стиснули шерсть, потом расслабились. Теплая жидкость обрызгала мой комбинезон. В воздухе распространился темный глубокий запах крови.

Хозяин упал. Я увидел, как его голова, окруженная чем-то вроде мыльного пузыря, уплывает в нутро гусеницы. Панцирь другой гусеницы раскрылся перед Фальшивым хозяином. Я начал понимать, что они, скорее всего, не вернутся.

Мы с котом остались одни на окровавленной палубе.

Кот будит меня, когда мы причаливаем к «Маркизу Карабасу». Наш муходрон исчезает в чреве цеппелина, как планктон в пасти кита. «Маркиз» представляет собой хрустальную сигару, хребет которой покрыт светло-синим гребнем из наносапфиров. В шести километрах под ней, весь в неоновых

огнях, парит Быстрый Город, соединенный с кораблем нитями орбитальных лифтов. Я вижу снующих по ним лифтопауков и вздыхаю с облегчением: гости все еще продолжают прибывать, и мы не слишком припозднились. Я перевожу мой личный файервол в режим полной блокировки входящих сообщений, чтобы их селевой поток не затопил мой разум.

Мы мчимся в лабораторию. Я готовлю к работе мозгосканер, пока кот осторожно, очень осторожно извлекает голову Хозяина из гель-контейнера. Фрактальные щупальца выпрастываются из гнездовищ сканера, на глазах обрастая щетинками молекулярных дизассемблеров. Я не в силах смотреть, как они пожирают плоть Хозяина, и трусливо убегаю в виртуальную реальность, где занимаюсь тем, для чего лучше всего приспособлен.

Через полчаса процесс завершен. Нанофабрикаторы выплевывают стопку черных дисков, и дроны уносят их в концертный зал. Металлические бабочки опять копошатся в моих кишках, сигнализируя, что пора делать макияж. Серджент оказывается в салоне, он ждет нас – и, судя по горке окурков на полу, уже довольно давно. Я морщу нос от нестерпимой вони.

– Вы опоздали, – констатирует импрессарио. – Хотел бы я знать, чем вы там, черт побери, развлекаетесь. У нашего шоу рейтинг выше, чем у прямой трансляции с дня рождения туринского клона.

– Ну надо же, – говорю я и позволяю Аннет обрызгать меня косметическим спреем. Он вызывает легкую щекотку и сильное чихание. Я с завистью смотрю на кота – тот ухитряется жить душа в душу со своим виртконсультантом по макияжу. – Никогда бы не подумал, что мы переплюнем самого Иисуса Христа.

Диджеев спешно одевает наш личный портной – последний человек, оставшийся работать на Севиль-роу.

– Хорошая кожа, – довольно отмечает Аннет. – Красное дерево с пурпурным оттенком.

Она что-то еще говорит, но я ее не слушаю.

В моей голове рождается музыка.

Голос моего Хозяина.

Вынужден признать, что кот спас меня.

Я так и не успел решить, покончить мне с собой или нет. У меня даже не было времени осознать, что происходит: кот кинулся вперед, вздыбив спину, и вцепился мне в нос. Нос будто углями обожгли, и это привело меня в бешенство. Я дико взвыл и стал гоняться за котом по всей палубе. В конце концов (не помню, сколько времени миновало) я свалился бездыханный и понял, что жутко хочу есть. Автоматическая кухня, вмонтированная в стену

рубки, все еще работала, и я помнил, как попросить ее выдать мне корм. Но когда я поел и вернулся на палубу, тела Хозяина там уже не было: роботы-мусорщики выбросили его в море. Тогда я понял, что Хозяин больше никогда не вернется.

Той ночью я спал в его кровати. Один. Все, что у меня тогда оставалось, это его божественный запах. И Малышка.

Она явилась ко мне на сонном берегу, но я не стал гоняться за ней. Она сидела на песок, смотрела на меня глазами, похожими на маленькие красные фонарики, и чего-то ждала.

– Почему? – спросил я. – За что они так обошлись с Хозяином?

– Ты не поймешь, – ответила она. – Ты еще не готов.

– Я хочу понять. Я хочу знать.

– Ну ладно, – сказала она. – Значит, так: ты знаешь, что все на свете оставляет след – как падающие листья или отпечатки чьих-то ног на песке. Эти следы можно прочесть и расшифровать. Представь, что ты преследуешь другого пса: ты знаешь, что он ел, где оставил метки, ты можешь догадаться обо всем, что он делал, по запаху. А люди научились читать мысли так, как ты читаешь запахи. Они могут записать их и воссоздать чей-то разум внутри машины. Помнишь тех людей без запаха, которые говорили с Хозяином с экрана? Это будет выглядеть точно так же. С той только разницей, что пес с экрана будет полностью уверен, что он – это ты.

– Но как такое возможно? – изумился я. – У него же не будет запаха.

– Он думает, что у него есть запах. Если ты знаешь, что делаешь, то можешь даже соорудить ему новое тело. Если ты умрешь, эта копия будет продолжать жить вместо тебя, и никто даже не заметит разницы. Люди в свое время славно наигрались в эти игры. Твой Хозяин был в числе первых. Очень давно. Были люди с механическими телами, люди, которые никогда не умрут, люди с телами большими и маленькими, – это зависело от того, сколько они соглашались заплатить, – и люди, которые умерли, а потом вернулись обратно.

Я попытался осмыслить сказанное ею. Без запахов все это казалось каким-то бредом. Но ее слова пробудили во мне отчаянную надежду.

– Это значит, что Хозяин тоже вернется обратно? – спросил я с мольбой.

– Нет. Твой Хозяин преступил людские законы. Когда люди открыли мыслеформы-отпечатки лап, они наделали множество копий самих себя. Некоторые существовали в неисчислимом множестве. Их было больше, чем песчинок на этом пляже.

Воцарился хаос. В каждой машине, в каждом электронном устройстве поселились безумные мертвецы. Люди прозвали их Полчищами. Они боятся их. И не случайно. Подумай, как бы ты себя вел, если бы в твоем Месте была тысяча собак – и только один Мяч.

От ужаса у меня глаза вылезли из орбит.

– Вот и люди испытывают такие же чувства, – подтвердила Малышка. – И тогда они приняли закон, по которому может существовать только одна копия личности единовременно. Те, кто изобрел эту технологию – «ВекТех», – поставили водяные знаки на разумы всех людей и разработали программное обеспечение для защиты от несанкционированного копирования. Но есть люди – и твой Хозяин среди них, – которые научились взламывать эту защиту.

– Фальшивый хозяин, – тихо сказал я.

– Да, – согласилась Малышка. – Он не хотел жить как нелегальная копия. И он превратил в нее… твоего Хозяина.

– Я хочу сделать так, чтобы Хозяин вернулся, – сказал я сердито. В моей груди что-то отчаянно колотилось, как птица в клетке.

– Кот тоже этого хочет, – мягко сказала Малышка. И тогда я впервые заметил, что кот тоже сидит на берегу и щурится на солнце. Затем он посмотрел на меня и издал долгое примирительное мурлыканье.

Малышка приходила к нам каждую ночь и обучала нас разным штукам.

Я больше всего любил уроки музыки. Малышка показала мне, как можно превращать музыку в запахи и находить в ней скрытые узоры, подобные следам неведомых зверей. Я изучал старые записи, которые любил слушать Хозяин, и перелопатил все библиотеки на его виртуальном сервере. Я научился составлять из них композиции, приятные для моего носа.

Я не помню, кто первым завел разговор о том, чтобы спасти Хозяина. Возможно, это был кот: общаться без затруднений мы могли только в стране снов, потому что там его мысли превращались в следы на песке. Может быть, об этом заговорила Малышка. Может быть, я. Мы провели много ночей, обсуждая и шлифуя наш план. Я не знаю, сколько точно. Но я уверен, что это началось именно там, на острове Малышки. Там мы стали стрелами, нацеленными в мишень.

Наконец мы сочли, что готовы в полной мере. Хозяйские роботы и нанофабрикаторы снабдили нас белокрылой птицей – глайдером, разработанным по некоммерческим спецификациям. В

последнем моем сне я попрощался с Малышкой. Она что-то пробормотала себе под нос, выслушав мой план.

– Вспоминай меня иногда в своих снах, – сказала она.

– А ты что, не полетишь с нами? – огорчился я.

– Мое место здесь, – сказала она. – Мне пора уснуть… и видеть сны, быть может.

– Кто ты? – спросил я.

– Не все Полчища были рассеяны. Некоторые из них скрылись в космических просторах, и там сейчас возникли новые миры, заселенные ими. А здесь по-прежнему идет война. Может быть… может быть, ты однажды присоединишься ко мне. Там, где живут большие псы.

Существо усмехнулось.

– Припомнить мне, что ли, добрые старые деньки?

Оно устремилось в волны и стало удаляться от берега, превращаясь в большую собаку с белой шерстью, чьи мускулы перекатывались плавно и неслышно, как жидкость. Я последовал за ним. В первый и последний раз.

Когда мы покидали вышку, небо было серым. Я сбросил свой план в нейронный интерфейс кота и развернул схемы в боевых накладках перед его глазами. Мы пронеслись над черной водой и направились прочь от платформы. Постепенно она превратилась в маленькое пятнышко посреди океана. Следя за ней глазами, я вдруг с некоторым сожалением припомнил, что так и не нашел свой Мяч.

Потом раздался громоподобный хлопок. Фонтан темной воды поднялся к небесам и опал. Вышка исчезла. Я не расстроился. Я знал, что Малышки там больше нет.

На закате мы прибыли в Быстрый Город.

Я знал, чего ожидать, поскольку Малышка научила меня. Но я даже не мог себе представить, как все это выглядит в действительности. Башни в милю высотой, сотни самодостаточных миров внутри каждой из них. Искусственные плазменные солнца, парки деревьев бонсай, миниатюрные торговые центры. Там кишели миллиарды проворных карликов – люди, чьи сознания были выгружены в нанокомпьютеры размером не больше ногтя; бессмертные, не имевшие права потреблять ресурсы перенаселенной Земли в доле большей, чем церковная мышь. Город был заключен в радужное кольцо, где танцевали призраки – крылатые моравеки, скользившие вокруг нас, как человекоподобные бабочки. Остаточное тепло, исходившее от их ускоренных тел, окружало город, закутывая его в искусственные сумерки.

Электронный разум города направил нас к посадочной

площадке. Нам еще повезло, что за панелью управления сидел кот. Я в тот миг был способен только с разинутой пастью созерцать все эти чудеса, опасаясь, что лавина звуков и запахов накроет меня с головой. Мы продали свой глайдер мусорщикам и погрузились в городские дебри, чувствуя себя кем-то вроде чудовищ из фильмов про Годзиллу. Поисковые программы, которые перекачала в нашу память Малышка, безнадежно устарели, но еще были способны как-то направлять нас в паутине социальных сетей. Нам нужны были деньги. И, следовательно, работа.

Так я стал музыкантом.

Бальный зал оказывается битком набитой полусферой почти в самом центре корабля. Неисчислимые быстросущности вспыхивают и исчезают в воздухе, как живые свечи, а костюмы тех зрителей, что могут себе позволить физическое присутствие, столь же экзотичны. Женщина, одетая только в венок из осенней листвы, улыбается мне. Бродячие клоны увязываются за котом. Наши телохранители, мрачные гиганты в обсидиановой броне, прокладывают нам путь к сцене, где уже установлены несколько граммофонов. В толпе ширится легкий шорох. Воздух полнится призраками – аватарами миллионов бестелесных поклонников. Я держу хвост трубой. Запах сцены ужасает меня: смесь духов, выделений плотских оболочек и незапахов, источаемых телами моравеков. И… да, где-то здесь… запах падшего божества, запах Фальшивого хозяина.

Мы поднимаемся на сцену своим ходом, не забывая, впрочем, прихватить с собой экзоскелетную обувку. Лес граммофонов маячит под нами, их рога подобны золотым и бронзовым цветкам. Мы идем на мошенничество: музыка аналоговая, граммофоны аутентичны, только вот черные пластинки покрыты дополнительным слоем нанометровой толщины, а иглы усеяны квантовыми точками. Мы беремся за смычки и выслушиваем бурю аплодисментов.

– Благодарю вас, – говорю я, дождавшись, когда они затихнут. – Мы держали истинную цель этого концерта в тайне так долго, как могли. Я теперь должен признаться вам, что этот концерт посвящен памяти человека, ушедшего от нас.

В воздухе повисает напряжение, оно пахнет медью и железом.

– Мы потеряли одного человека, – повторяю я. – Его звали Такеши Шимода, и он ушел безвозвратно.

Кот утапливает кнопку, замыкает цепь и поворачивается к граммофонам. Я следую за ним в построенное нами место, где из запахов и звуков рождается музыка.

В этой музыке живет наш Хозяин.

У нас ушло пять человеческих лет, чтобы вскарабкаться на вершину. Я любил бывать на людях: я мог уловить все их запахи и с непревзойденной точностью положить их на музыку. Вскоре я перестал быть огромной собакой-диджеем, а стал маленьким терьером в лесу танцующих человеческих ног.

Кот избрал карьеру гладиатора и преуспел в меньшей степени, но заработал достаточно, чтобы вскоре присоединиться ко мне в продюссировании виртуальных драм. Мы играли перед богатыми плотчиками в Быстром Городе, Токио и Нью-Йорке. Мне это нравилось. Я даже как-то раз повыл на земной диск в лунном небе над Морем Спокойствия. Но я всегда помнил, что это лишь первая фаза нашего великого плана.

Мы положили Его на музыку. «ВекТех» украл у нас Его мозг, Его память, Его разум. Но музыка принадлежала нам. Закон – это код. Миллиарды людей слышат голос нашего Хозяина. Миллиарды умов загружают внедренные в него вирусные петиции, которыми Домашние Законники будет теперь осыпать квантовых судей до тех пор, пока они не согласятся вернуть Его обратно.

Это самая прекрасная музыка, которую я написал в своей жизни. Кот продирается через дебри генетических алгоритмов, извлекает ведущие темы на свет, взращивает их и затем, как ястреб за добычей, устремляется вниз с головокружительной высоты этих звуков. Я лишь могу следовать за ним на этой охоте, в этой погоне ради погони, разделить с ним чистую радость, не замутненную тревогой насчет того, поймаю я его или нет.

Это наша лучшая программа.

Только когда музыка стихает, я понимаю, что никто ее не слышал. Аудитория замерла. Огоньки и Быстросущества повисли в воздухе, как бабочки, уловленные в янтарную смолу. Моравеки застыли недвижимо, как древние статуи.

Даже время остановилось.

Единственный звук в амфитеатре – хлопок пары ладоней.

– Я горжусь вами, – сообщает Фальшивый хозяин.

Я кладу смычок и усмехаюсь своей лучшей собачьей усмешкой, чувствуя, как мои кишки обращаются в ледяных змей. Запах бога накатывает на меня. Он говорит мне, что надлежит сделать. Я должен кубарем скатиться со сцены, поднять хвост трубой, подставить горло божеству, что стоит передо мною, и заслужить его ласку.

Но я этого не делаю.

– Приветик, япошка, – говорит Фальшивый хозяин.

Я сдерживаю низкое рычание, нарастающее в моей глотке, и перевожу его на язык людей:

– Что ты сделал?

– Мы давно вас подозревали. Бэкдоры в железе. Программа управления цифровыми авторскими правами.

Его лицо, словно бы вырезанное из красного дерева, не постарело ни на день. Он носит темный костюм и галстук с эмблемой «ВекТех». Но его глаза выдают фальшивого бога. Это глаза древнего старца.

– Я и впрямь впечатлен тем, что вам удалось сделать. Вы мастерски замели все следы. Мы уже думали, что это работа тех бестий из Полчищ. Но потом я догадался, что…

Его слова на миг заглушает далекий удар.

– Я обещал ему, что присмотрю за вами. Только поэтому вы до сих пор живы. Ва не следовало поступать подобным образом. Вы ему ничего не должны. Посмотрите на себя – кто мог подумать, что вы заберетесь так высоко? Вы что, готовы пожертвовать всем, что у вас теперь есть, ради какой-то атавистической животной верности? Впрочем, что это я? У вас нет никакого выбора. Ваш план провалился.

Кот шипит, как кипящий чайник.

– Ты не понял, сука, – говорю я. – Этот концерт – всего лишь обманный ход.

Кот движется со скоростью бело-желтой молнии. Один удар лапы, и голова Фальшивого хозяина слетает с плеч. Я обоняю запах крови, наконец заглушивший привязчивый божественный аромат. Кот облизывается. На его белой грудке остались розовые разводы.

Цеппелин сотрясает еще один взрыв, и броня из псевдоматерии начинает лихорадочно искрить. Темное небо над «Маркизом Карабасом» полно огнедышащих жуков. Мы мчимся между статуями людей и моравеков через весь бальный зал и затем в лабораторию.

Кот берет на себя всю грязную работу, и у меня еще остается время сбежать в виртуальность.

Я не знаю, как Хозяин сделал это. Тогда, много лет назад. Как ему удалось снять блокирующие копирование водяные метки «ВекТеха» со своего разума. Я не могу повторить его подвиг, как бы внимательно ни слушал уроки Малышки. Итак, я должен прибегнуть к последнему мошенничеству. Немаркированные фрагменты надо раздобыть где-нибудь в другом месте. Например, в мозгу Фальшивого хозяина.

Та часть меня, что родилась на острове Малышки, берет

управление на себя и складывает два узора в готовый паззл. Они соединяются. На краткий миг голос Хозяина звучит в моем мозгу. Теперь он опять настоящий.

Кот уже облачился в свой гладиаторский костюм и ждет меня. Я одеваю свой. Вокруг нас рушится «Маркиз Карабас». Чтобы отправить Хозяина в путешествие, пришлось пожертвовать электронной начинкой брони.

Кот издает требовательное мяуканье и протягивает мне какую-то красную штуку. Я узнаю ее. Старый пластиковый мячик со следами собачьих зубов, пропахший солнцем и морем. Внутри перекатывается пригоршня песка.

– Спасибо, – говорю я.

Кот молчит. В оболочке цеппелина раскрывается дверь. Я выкрикиваю команду.

И вот Хозяин уже превращается в нейтринный поток, нацеленный в планету под нами. Прямо на остров в глубоком синем море. Это как раз там, где боги и большие псы живут вечно.

Мы проходим через эту дверь бок о бок и ныряем вниз, в светлое пламя.

ГОЛОС ХОЗЯИНА

(Пер. Ольги Ратниковой)

Перед концертом мы похищаем голову хозяина.

Некрополь представляет собой темный лес бетонных грибов в синей антарктической ночи. Мы сидим во вспомогательном пузыре с полупрозрачными стенками, примостившемся у отвесной южной стены нунатака, ледяной долины.

Кот умывается розовым язычком. От него смердит бесконечной уверенностью в себе.

— Готовься, — говорю я ему. — У нас нет впереди целой ночи.

Он бросает на меня слегка обиженный взгляд и натягивает свою броню. Ткань из квантовых точек облегает его полосатое тело, словно живое масло. Он едва слышно мурлычет и проверяет алмазные когти на выходе породы. От этого звука у меня болят зубы, и в животе у меня просыпаются бабочки с острыми, как бритвы, крыльями. Я смотрю на яркий, непроницаемый брандмауэр, окружающий город мертвых. Он переливается перед моими сверхчувствительными глазами, словно северное сияние.

Я решаю, что настала пора попросить Большого Пса залаять. Лазер, встроенный в мой шлем, направляет в темно-синее небо луч света, словно молитву, продолжающуюся наносекунду; этого достаточно для того, чтобы доставить квантовый бит информации туда, в Дикие Просторы. Затем мы ждем. Мой хвост бьет по земле, из горла вырывается низкое рычание.

Точно по расписанию начинается дождь из красных фрактальных кодов. Мое усовершенствованное зрение изменяет мне; я не в состоянии обработать плотный поток информации, обрушивающийся на стену кладбища, подобно тропическому ливню. Северное сияние мерцает и исчезает.

— Пошли! — кричу я коту, меня распирает дикая радость, радость погони за Маленьким Животным, которую я когда-то испытывал во сне. — Пошли, немедленно!

Кот прыгает в пустоту. Крылья доспехов раскрываются, ловят ледяной ветер, и Кот летит по воздуху, словно ухмыляющийся китайский воздушный змей.

Сейчас мне трудно припомнить, с чего все начиналось. Тогда не было слов, только звуки и запахи: запах металла и морской воды, равномерные удары волн о понтоны. И тогда в мире было

три совершенных вещи: моя миска, мяч и твердая рука Хозяина на моем загривке.

Теперь я знаю, что Место было старой установкой для бурения нефтяных скважин, которую купил Хозяин. Когда мы приехали, там отвратительно пахло нефтью и едкими химикалиями. Но там было где спрятаться, нашлось множество потайных уголков и щелей. Там была площадка для посадки вертолета, где Хозяин бросал мне мяч. Он часто падал в море, но роботы Хозяина, небольшие металлические стрекозы, всегда приносили его обратно.

Хозяин был богом. Когда он сердился, голос его хлестал, словно невидимый кнут. Его запах был божественным запахом, наполнявшим мой мир.

Пока он работал, я лаял на чаек или гонялся за Котом. Несколько раз мы поцапались, и у меня на носу до сих пор красуется бледный шрам. Но затем мы пришли к соглашению. Темные уголки платформы принадлежали Коту, а я хозяйничал на палубе и в небе: мы были подобны Аиду и Аполлону в мире нашего Хозяина.

Но по вечерам, когда Хозяин смотрел старые фильмы или слушал пластинки на своем трескучем граммофоне, мы вместе лежали у его ног. Иногда от Хозяина исходил запах одиночества, и он позволял мне ночевать рядом с собой в своей тесной комнатке; я сворачивался и спал в тепле, среди божественного запаха.

Это был крошечный мир, но другого мы не знали.

Хозяин большую часть времени проводил за работой, пальцы его танцевали над клавиатурой, спроецированной на письменный стол из красного дерева. И каждый вечер он уходил в Комнату, единственное место на платформе, куда мне не позволялось входить.

Именно тогда мне начали сниться сны о Маленьком Животном. Даже сейчас я помню его запах, загадочный и манящий: запах припрятанной косточки и бегущего кролика, перед которым невозможно устоять.

В моих снах я преследовал его вдоль песчаного пляжа, я бежал по пахучей цепочке крошечных следов, по извилистым тропинкам, затем углублялся в высокую траву. Я никогда не терял его из виду больше чем на секунду, но оно всегда представляло собой лишь мелькающий клочок белого меха на краю поля зрения.

Однажды оно заговорило со мной.

— Пойдем, — сказало оно. — Пойдем со мной, ты будешь учиться.

Остров Маленького Животного был полон затерянных уголков. Пещеры-лабиринты, линии, нарисованные на песке, которые превращались в слова, когда я смотрел на них, запахи, которые пели мне песни из граммофона Хозяина. Оно учило меня, и я приобретал знания; с каждым разом я просыпался все более просветленным. И когда я замечал, что Кот с какой-то новой осведомленностью смотрит на роботов-пауков, я понимал, что он тоже по ночам отправляется в некое место.

Я начал понимать слова Хозяина. Звуки, которые прежде означали лишь радость или недовольство, превратились в слова моего бога. Он замечал это, улыбался и взъерошивал мою шерсть. Вскоре он начал больше говорить с нами, со мной и Котом, в те долгие вечера, когда море за окнами было черным, как нефть, и от ударов волн вся платформа гудела, словно колокол. Голос его был темным, как колодец, глубоким и мягким. Он говорил о своем доме, об острове среди бескрайнего моря. Я чувствовал запах горечи, и тогда я в первый раз понял, что за словами всегда скрываются другие, невысказанные слова.

Кот мастерски ловит восходящий поток воздуха: долю секунды он парит, затем вцепляется когтями в стену башни. Его когти усыпили бдительность «умного» бетона; код заставил здание думать, что на стену села птица, или ветер швырнул туда осколок льда.

Кот шипит и плюется. Нанороботы-разрушители, содержащиеся у него в желудке, прилипают к стене и начинают проедать в ней круглую дыру. Ожидание ужасно. Кот напрягает экзомускулы своих доспехов и терпеливо висит на стене. В конце концов, в стене образуется нечто вроде пасти с зазубренными краями, и он скользит внутрь. Сердце мое колотится, как бешеное, когда я переключаюсь с усовершенствованного зрения на камеры, встроенные в радужные оболочки Кота. Он движется по вентиляционной шахте словно молния, словно акробат, резкими, неправдоподобно быстрыми скачками, организм его работает с лихорадочной скоростью. Хвост мой снова подергивается. «Мы идем, Хозяин, — думаю я. — Мы идем».

В тот день, когда появился ложный хозяин, я потерял свой мяч.

Я искал его везде. Я весь день провел, обнюхивая бесчисленные уголки платформы, даже отважился сунуться под палубу, в темные коридоры кошачьего царства, но нигде не нашел

его. В конце концов, я проголодался и вернулся в каюту. И там было два хозяина. Четыре руки гладили мою шкуру. Два бога, истинный и ложный.

Я залаял. Я не знал, что мне делать. Кот взглянул на меня со смесью жалости и презрения и потерся об их ноги.

— Успокойся, — сказал один из хозяев. — Спокойно. Теперь нас будет четверо.

В конце концов, я начал различать их: к тому времени Маленькое Животное научило меня заглядывать дальше запахов и внешности. Тот хозяин, которого я помнил, был человеком средних лет, крепкого сложения, с седеющими волосами. Новый хозяин оказался молодым, почти мальчишкой, гораздо худее, с лицом херувима и кожей цвета красного дерева. Хозяин пытался уговорить меня играть с пришельцем, но я не хотел. Его запах был слишком знакомым, но все остальное — бесконечно чужим. Про себя я называл его ложным хозяином.

Двое хозяев работали вместе, гуляли вместе и много разговаривали между собой, употребляя непонятные мне слова. Меня охватила ревность. Однажды я даже укусил ложного хозяина. В наказание меня оставили на ночь на палубе, хотя был шторм, а я боялся грома. Кот, напротив, казалось, обожал ложного хозяина, и я ненавидел его за это.

Я помню первую ночь, когда двое хозяев поссорились.

— Зачем ты это сделал? — спросил ложный хозяин.

— Ты знаешь, — сказал хозяин. — Ты помнишь. — Тон его был мрачен. — Потому что кто-то должен был показать им, что мы принадлежим сами себе.

— Значит, я принадлежу тебе? — возмутился ложный хозяин. — Вот как ты считаешь?

— Разумеется, нет, — ответил хозяин. — Почему ты так говоришь?

— Но любой может утверждать это. Ты взял генетический алгоритм и приказал ему сделать десять тысяч подобных тебе, со случайными вариациями, выбрать тех, кто будет напоминать твоего идеального сына, такого, которого ты сможешь любить. Ты эксплуатировал машину, пока мощность ее не иссякла. Затем выбрал меня. Ты знаешь, что это незаконно. И тому есть причина.

— Множественные так не думают. А кроме того, это место принадлежит мне. Я устанавливаю здесь законы.

— Ты слишком долго общался с множественными. Они больше не люди.

— Ты говоришь точь-в-точь как пиар-робот «Век-Тека».

— Я говорю, как ты. Я озвучиваю твои сомнения. Ты уверен в том, что поступил правильно? Я не Пиноккио, а ты не Джепетто.

Хозяин долго молчал.

— А если ты не прав? — наконец, проговорил он. — Может быть, мы нуждаемся в Джепетто. Никто больше не создает нового, уже не говоря об оживающих деревянных куклах. Когда я был молод, мы все думали, что грядет нечто замечательное. Алмазные дети в небе, ангелы из машин. Чудеса. Но мы бросили все это как раз перед тем, как появилась Голубая Фея.[62]

— Я не твое чудо.

— Нет, ты именно мое чудо.

— Тебе следовало хотя бы сделать себе женщину, — режущим, словно бритва, голосом, произнес ложный хозяин. — Возможно, она не обманула бы твоих ожиданий.

Я не слышал удара, я почувствовал его. Ложный хозяин вскрикнул, выбежал из каюты и чуть не упал, споткнувшись об меня. Хозяин смотрел, как он уходит. Губы его пошевелились, но я не расслышал слов. Я хотел утешить его и издал негромкий звук, но он даже не взглянул на меня, вернулся в каюту и запер дверь. Я начал царапаться в дверь, но он не открыл, и я, поднявшись на палубу, продолжил поиски мяча.

Наконец Кот находит камеру Хозяина.

Она полна голов. Они плавают в воздухе, лишенные тел, заключенные в алмазные цилиндры. Башня выполняет команду, которую мы посылаем в ее накачанную наркотиками нервную систему, и один из столбов начинает мерцать. «Хозяин, Хозяин», — безмолвно зову его я, рассматривая холодное голубое лицо за алмазной стенкой. И в то же время я понимаю, что это не Хозяин — еще не Хозяин.

Кот вытягивает вперед протез. «Умная» поверхность лопается, словно мыльный пузырь. «Осторожнее, теперь осторожнее», — говорю я. Кот сердито шипит, но подчиняется; он обрызгивает голову наноконсервантами и осторожно помещает ее в свой рюкзак, наполненный гелем.

Некрополь, в конце концов, начинает просыпаться; ущерб, нанесенный небесным хакером, почти устранен. Кот находит путь отступления и снова переходит на ускоренный бег. Я чувствую его учащенное сердцебиение с помощью нашей сенсорной связи.

Пора гасить свет. Мои роговицы поляризуются и приобретают черный цвет, подобно солнцезащитным очкам. Я поднимаю гауссову пушку, поражаясь нежности и ловкости русских трансплантатов рук. Я нажимаю на курок. Пушка едва заметно вздрагивает, и в небо устремляется луч света. Ядерный заряд невелик, меньше десяти тонн, это даже не обычная плутониевая

боеголовка, а гафниевая микробомба. Но ее достаточно, чтобы на мгновение зажечь над городом-мавзолеем солнце, достаточно, чтобы породить сфокусированный поток частиц, который на мгновение делает его таким же мертвым, как и его обитатели.

Свет — белое облако, почти осязаемое в своей мощности, крепость выглядит так, словно сделана из блестящей слоновой кости. Белый шум шипит у меня в ушах, как рассерженный Кот.

Запахи для меня были не просто ощущениями, это была моя реальность. Теперь я знаю, что это почти правда: запахи порождаются молекулами, являются частью того, что их испускает.

От ложного хозяина исходил неправильный запах. Сначала это смущало меня: запах был почти божественным, но не совсем; это был запах падшего божества.

И, в конце концов, он действительно пал.

Когда это случилось, я спал на диване Хозяина. Я проснулся от шарканья босых ног по ковру и тяжелого дыхания, меня вырвали из сна, в котором Маленькое Животное пыталось научить меня таблице умножения.

Ложный хозяин взглянул на меня.

— Хороший мальчик, — сказал он. — Ш-ш-ш.

Я хотел было залаять, но запах бога оказался слишком силен. И я просто забил хвостом, медленно, неуверенно. Ложный хозяин сел на диван рядом со мной и рассеянно почесал у меня за ухом.

— Я помню тебя, — сказал он. — Я знаю, зачем он тебя сделал. Живое напоминание о детстве. — Он улыбнулся, и запах его стал более дружелюбным, чем когда-либо прежде. — Я понимаю, что ты чувствуешь.

Затем он вздохнул, поднялся и отправился в Комнату. Тогда я понял, что он собирается сделать что-то плохое, и залаял изо всех сил. Хозяин проснулся, и, когда ложный хозяин вернулся, он ждал его.

— Что ты сделал? — спросил он, и лицо его было белым, как простыня.

Ложный хозяин вызывающе взглянул на него.

— То же, что и ты. Преступник — ты, а не я. Так почему я должен страдать? Я не принадлежу тебе.

— Я мог бы убить тебя, — сказал хозяин, и, чувствуя его гнев, я заскулил от страха. — Я мог бы сказать им, что я — это ты. Они мне поверят.

— Да, — сказал ложный хозяин. — Но ты не сделаешь этого.

Хозяин вздохнул.

— Нет, — произнес он. — Не сделаю.

Я лечу на стрекозе над криобашней. Я вижу на крыше Кота и скулю от облегчения. Самолет приземляется легко. Пилот из меня неважный, но за меня самолетом управляет демон, пиратская копия автопилота реактивного самолета двадцать первого века. Кот забирается в кабину, мы пулей летим в стратосферу со скоростью, в пять раз превышающей скорость звука, и ветер овевает облицовку из квантовых точек.

— Хорошая работа, — говорю я Коту и машу хвостом. Он смотрит на меня раскосыми желтыми глазами и сворачивается клубком в своей гелевой постели для путешествия с ускорением. Я смотрю на контейнер, лежащий рядом с ним. Что это — запах бога или просто мое воображение?

В любом случае, этого достаточно, чтобы я смог свернуться и уснуть крепким спокойным собачьим сном, и, пока мы скользим вниз по крутому склону баллистической орбиты, мне впервые за несколько лет снова снится мяч и Маленькое Животное.

Они пришли с неба перед рассветом. Хозяин поднялся на палубу в новом костюме. На руках он держал Кота, который негромко мурлыкал. За ним следовал ложный хозяин, сложив руки за спиной.

Там было три машины, три скарабея с черными панцирями, множеством ног и прозрачными крыльями. Они летели низко, оставляя за собой хвосты из белой пены. Когда они приземлились на палубе, шум их крыльев оглушил меня.

Та, что летела посередине, изрыгнула облако тумана, замерцавшего в сумерках; затем туман превратился в какой-то водоворот и обернулся чернокожей женщиной без запаха. К тому времени я уяснил, что вещь без запаха может быть опасной, и я лаял на нее, пока хозяин не приказал мне замолчать.

— Мистер Такеши, — начала она. — Вы знаете, зачем мы здесь.

Хозяин кивнул.

— Вы не отрицаете свою вину?

— Отрицаю, — возразил хозяин. — Эта платформа представляет собой суверенное государство, на котором действуют мои законы. Автогенез здесь не является преступлением.

— Эта платформа была суверенным государством, — сказала женщина. — Теперь она принадлежит «Век-Тек». Правосудие

действует быстро, мистер Такеши. Наши роботы-юристы признали недействительной вашу конституцию через десять секунд после того, как мистер Такеши, — она кивнула на ложного хозяина, — рассказал нам о своем положении. После этого у нас не осталось выбора. Квантовый судья из Всемирной организации по охране интеллектуальной собственности, с которым мы проконсультировались, приговорил вас к заключению в зоне замедленного существования на сто четырнадцать лет, и как сторона-истец мы получили право привести приговор в исполнение. У вас есть, что сказать, прежде чем мы приступим?

Хозяин взглянул на ложного хозяина, и лицо его исказилось, как восковая маска. Затем он осторожно опустил Кота на палубу и почесал меня за ухом.

— Позаботься о них, — велел он ложному хозяину. — Я готов.

Средний жук сделал движение — слишком быстрое, я даже не заметил его. На миг пальцы хозяина стиснули мою шею, словно зубы матери, затем отпустили меня. Что-то горячее забрызгало мою шкуру, и в воздухе разнесся зловещий, тяжелый запах крови.

Затем он упал. Я увидел его голову, заключенную в плавающий в воздухе мыльный пузырь, затем ее проглотил один из жуков. Другой открыл свое брюхо, и ложный хозяин влез внутрь. Затем они исчезли, а мы с Котом остались вдвоем на залитой кровью палубе.

Кот будит меня, когда мы стыкуемся с «Маркизом Карабасом». Дирижабль глотает нашу «стрекозу», словно кит. Он похож на хрустальную сигару, и его сапфировый хребет из нановолокна слабо светится синим светом. Быстрый Город — это небо, полное неоновых звезд, лежащее в шести километрах под нами, прикрепленное к воздушному кораблю канатами лифтов. Я вижу, как далеко внизу по канатам карабкаются лифты-пауки, и вздыхаю с облегчением. Гости еще прибывают, и мы не слишком опоздали. Я держу персональный брандмауэр крепко закрытым, я знаю, что за ним меня ожидает лавина информации.

Мы бегом несемся прямо в лабораторию. Я готовлю сканер, пока кот очень, очень медленно извлекает из контейнера голову хозяина. Фрактальный куст сканера возникает из своего гнезда, ощетинившись молекулярными пальцами-разборщиками. Я вынужден отвернуться, когда он начинает поедать лицо хозяина. Я сдаюсь и бегу в виртуальную реальность, чтобы сделать то, что у меня получается лучше всего.

Через полчаса мы готовы. Нанофабрика выплевывает черные

пластиковые диски, а летающие роботы воздушного судна уносят их в концертный зал. Металлические бабочки снова оживают у меня в животе, и мы идем в гримерную. Сержант уже там, он ждет нас; судя по количеству окурков на полу, он ждет уже давно. От отвратительного запаха я морщу нос.

— Вы опоздали, — говорит наш менеджер. — Надеюсь, вы знаете, что за чертовщину вы затеваете. На шоу собралось больше шишек, чем на дне рождения Туринского клона.

— Здорово, — говорю я и позволяю Анетте обрызгать себя косметическим туманом. Он щекочется, я чихаю и бросаю на Кота завистливый взгляд: как всегда, он чувствует себя совершенно уверенно в компании собственного консультанта по имиджу. — Мы популярнее Иисуса.

Они торопливо надевают на нас смокинги, сшитые последним портным-человеком на Сэвил-Роу.

— Прекрасная кожа, — говорит Анетта. — Цвета красного дерева с пурпурным оттенком. — Она говорит что-то еще, но я не слышу. В голове у меня уже звучит музыка. Голос Хозяина.

Меня спас Кот.

Не знаю, сделал ли он это намеренно или нет: даже сейчас я с трудом его понимаю. Он зашипел на меня, выгнув спину. Затем прыгнул и расцарапал мне нос; больно было так, словно мне положили на морду раскаленный уголь. Это привело в меня в бешенство, несмотря на мою слабость. Я яростно залаял и принялся гоняться за Котом по палубе. В конце концов, я рухнул, изможденный, и понял, что голоден. Автокухня внизу, в каюте Хозяина, еще работала, и я знал, как просить еду. Но когда я вернулся наверх, тело Хозяина исчезло: роботы-уборщики сбросили его в море. Только тогда я понял, что он никогда не вернется.

В ту ночь я одиноко свернулся в его кровати; сохранившийся там запах бога был единственным, что у меня осталось. И еще Маленькое Животное.

Оно пришло ко мне в ту ночь на воображаемом берегу моря, но на сей раз я не преследовал его. Оно сидело на песке, смотрело на меня своими маленькими красными глазами и ждало.

— Зачем? — спросил я. — Почему они забрали Хозяина?

— Ты этого не поймешь, — ответило оно. — Еще не время.

— Я хочу понять. Я хочу знать.

— Ну хорошо, — сказало оно. — Все, что ты делаешь, помнишь, думаешь, осязаешь — абсолютно все — оставляет

следы, словно отпечатки ног на песке. Их можно прочесть. Представь, что ты преследуешь другую собаку: ты знаешь, где она ела, мочилась и так далее. Люди могут делать то же самое с мысленными следами. Они могут записывать их и создавать в некоей машине копии личности, подобные людям без запаха на экране, на которых смотрел твой Хозяин. Но только собака на экране будет думать, что она — это ты.

— Несмотря на то, что у нее нет запаха? — спросил я, ошеломленный.

— Она думает, что запах есть. И если ты в этом разбираешься, ты можешь дать ей новое тело. Ты можешь умереть, и копия будет такой точной, что никто не заметит разницы. Люди делают это уже давно. Твой хозяин был одним из первых, он освоил эту технологию много лет назад. Далеко отсюда живет множество людей с искусственными телами, людей, которые не умирают, с большими телами и маленькими телами, это зависит от того, сколько они могут заплатить. Людей, которые умерли и вернулись обратно.

Я попытался понять; без запахов это оказалось нелегко. Но его слова пробудили во мне безумную надежду.

— Это значит, что Хозяин вернется? — спросил я, тяжело дыша.

— Нет. Твой Хозяин нарушил человеческий закон. Когда люди обнаружили, что сознание оставляет отпечатки, они начали делать свои копии. Некоторые наделали множество, столько, сколько песчинок на морском берегу. Это вызвало хаос. Каждая машина, каждое устройство на Земле заключало в себе мозги обезумевших умерших. Множественные — так называли их люди, и боялись их. И у них были на это причины. Представь, что в твоем Месте живет тысяча собак, но есть только один мяч.

При этой мысли я зашевелил ушами.

— То же самое чувствовали и люди, — сказало Маленькое Животное. — И поэтому они создали закон: одна копия на одну личность. Люди — «Век-Тек» — которые придумали, как делать копии, отмечали личности водяными знаками, то есть устройствами охраны прав, которые, как предполагалось, предотвратят копирование. Но некоторые люди — среди них твой Хозяин — обнаружили, как стирать эти водяные знаки.

— Ложный хозяин, — тихо произнес я.

— Да, — сказало Маленькое Животное. — Он не захотел быть незаконной копией. Он выдал твоего Хозяина.

— Я хочу вернуть хозяина, — проскулил я, и в груди у меня, словно птицы в клетке, бились гнев и тоска.

— Кот тоже этого хочет, — мягко произнесло Маленькое

Животное. И только тогда я заметил там Кота — он сидел рядом со мной на песке, и глаза его сверкали на солнце. Он взглянул на меня и испустил короткое примирительное мяуканье.

После этого Маленькое Животное приходило к нам каждую ночь и учило нас.

Музыка была моим любимым предметом. Маленькое Животное показало мне, как можно преобразовывать музыку в запахи и находить в ней смысл, словно следы огромных незнакомых животных. Я изучал старые записи Хозяина и обширные библиотеки его виртуального письменного стола, научился аранжировать мелодии в запахи, которые мне нравились.

Не помню, у кого из нас возник план спасения хозяина. Может быть, у Кота: я мог разговаривать с ним нормально только на острове из снов, и я видел его мысли, словно узоры на песке. А может быть, это придумало Маленькое Животное, а возможно, и я. Мы говорили об этом столько ночей, что я уже не помню. Но все началось именно там, на острове: именно там мы превратились в стрелы, направленные в некую цель.

Наконец, мы были готовы отправляться в путь. Роботы и нанофабрика Хозяина создали для нас планер, белокрылую птицу.

В моем последнем сне Маленькое Животное попрощалось со мной. Когда я рассказал ему о наших планах, оно промурлыкало что-то про себя.

— Вспоминай обо мне в своих снах, — сказало оно.

— Значит, ты не идешь с нами? — расстроился я.

— Мое место здесь, — ответило оно. — И теперь моя очередь спать и видеть сны.

— Кто ты?

— Не все множественные исчезли. Некоторые из них сбежали в космос, создали там новые миры. И там идет война, даже сейчас. Возможно, когда-нибудь ты присоединишься к нам там, где живут большие собаки.

Оно рассмеялось.

— Вспомним старые добрые времена? — Оно нырнуло в волны и побежало, превратившись в огромную величавую собаку с белой шерстью; мускулы его перекатывались под кожей, словно волны. И я последовал за ним — в последний раз.

Когда мы улетали, небо было серым. Кот управлял планером с помощью нервного интерфейса, на глазах у него были большие круглые очки. Мы пронеслись над темными волнами и

устремились в путь. Скоро платформа превратилась в маленькое пятнышко грязи на воде. Я смотрел, как она исчезает вдали, и вдруг вспомнил, что так и не нашел свой мяч.

Затем раздался грохот, и из того места, где только что находилась платформа, к небу поднялся темный столб воды. Я не расстроился: я знал, что Маленького Животного там больше нет.

Когда мы добрались до Быстрого Города, солнце уже садилось.

Из уроков Маленького Животного я знал, чего ждать, но все же зрелище поразило меня. Небоскребы в милю высотой представляли собой автономные миры с искусственными плазменными солнцами, парками из карликовых деревьев и миниатюрными торговыми центрами. В каждом из них жило по биллиону лилипутов, «быстрых существ»: это были люди, сознание которых заключалось в нанокомпьютере размером с ноготь. Бессмертные, которые не в состоянии были воспользоваться ресурсами перенаселенной Земли. Город окружала аура пылающих фей, крошечных крылатых роботов, порхающих, словно светляки-гуманоиды, и тепло, излучаемое их перегретыми процессорами, висело над городом, словно искусственные сумерки.

Искусственный разум города провел нас на посадочную площадку. Я обрадовался, что Кот ведет самолет: я мог только смотреть на проносящиеся мимо жужжащие существа, открыв рот, и боялся утонуть в море звуков и запахов.

Мы продали наш планер за бесценок и углубились в суету города, чувствуя себя подобно гигантским монстрам дайкайдзю. Социальные агенты, которыми снабдило меня Маленькое Животное, оказались устаревшими, но они все же смогли помочь нам в социализации. Нам нужны были деньги, нужна была работа.

И я стал музыкантом.

Концертный зал представляет собой полусферу в центре космического корабля. Он наполнен до отказа. Бесчисленные быстрые создания светятся в воздухе, словно живые свечи, и костюмы существ, обладающих плотью, не менее экзотичны. Мне улыбается какая-то женщина, облаченная лишь в осенние листья. Феи-клоны окружают кота. Наши телохранители, вооруженные обсидиановые гиганты, прокладывают для нас путь к сцене, где ждут граммофоны. По толпе проносится шелест. Воздух вокруг

буквально кишит призраками, аватарами миллиона бесплотных фанатов. Я помахиваю хвостом. Запахи опьяняют меня: ароматы духов, реальных тел, странные флюиды роботов. И запах ложного хозяина, запах падшего божества, прячущегося где-то в толпе.

Мы всходим на сцену на задних лапах, обутых в туфли-протезы. Позади нас темнеет лес граммофонов, их трубы похожи на цветы из золота и меди. Разумеется, мы применяем кое-какие уловки: музыка аналоговая, и граммофоны настоящие, но дорожки на черных пластинках едва ли больше нанометра в ширину, а на концах иголок — квантовые точки.

Мы кланяемся, и на нас обрушивается буря аплодисментов.

— Благодарю вас, — говорю я, когда шум, наконец, стихает. — Мы умалчивали о цели этого концерта как можно дольше. Но наконец, я получил возможность сообщить вам, что это благотворительное мероприятие.

Я чувствую в зале напряжение, оно пахнет медью и железом.

— Мы потеряли одного человека, — говорю я. — Его звали Шимода Такеши, и теперь его нет с нами.

Кот поднимает дирижерскую палочку и разворачивается к граммофонам. Я следом за ним вступаю с созданный нами мир мелодий, место, где музыка превращается в звуки и запахи.

Наш Хозяин с нами в музыке.

Мне понадобилось пять земных лет, чтобы взобраться наверх. Я научился любить слушателей: я чувствовал ароматы их эмоций и создавал музыкальные композиции на их вкус. И вскоре из гигантской собаки-диджея в мире лилипутов я превратился в маленького терьера в лесу танцующих человеческих ног. Кот некоторое время занимался ремеслом гладиатора, но вскоре присоединился ко мне в качестве исполнителя созданных мною виртуальных драм. Мы выступали для богатых людей, обладающих плотью, в Быстром Городе, Токио и Нью-Йорке. Мне нравилось это. По ночам в Море Спокойствия я выл на Землю.

Но никогда не забывал о том, что это только первая фаза плана.

Мы превратили его в музыку. «Век-Тек» захватил его мозг, его воспоминания, его разум. Но музыка принадлежит нам.

Закон — это код. Миллиард людей слушает голос нашего Хозяина. Миллиард разумов загружают пакеты «Закона Дома», включенные в него, бомбардируют квантовых судей запросами и требованиями, чтобы Хозяина выдали нам.

Это самое прекрасное мое создание. Кот бродит по джунглям генетического алгоритма, где растут музыкальные темы, набрасывается на них, пожирает их. Я же преследую их ради забавы, мне все равно, поймаю я их или нет.

Это наше лучшее шоу.

И только когда оно заканчивается, я понимаю, что никто не слушает. Зрители замерли. Феи и бесплотные люди парят в воздухе, словно мухи, заключенные в куске янтаря. Роботы превратились в безмолвные статуи. Время остановилось.

Затем раздается звук — это хлопает в ладони единственный человек.

— Я горжусь вами, — говорит ложный хозяин.

Я поправляю свой галстук-бабочку; в животе у меня свивается кольцами ледяная змея. До меня доносится запах бога, повелевающий мне упасть на пол, вилять хвостом, подставить шею божественному созданию, стоящему передо мной.

Но я не двигаюсь с места.

— Здорово, Воришка, — продолжает ложный хозяин.

Я проглатываю низкое рычание, зарождающееся у меня в горле, и превращаю его в слова.

— Что ты сделал с ними?

— Мы остановили их. Лазейка в «железе». Нужно правильно использовать цифровые права.

Его лицо цвета красного дерева все такое же гладкое, как прежде; кажется, он не постарел ни на один день, на нем темный костюм и булавка для галстука с эмблемой «Век-Тек». Но глаза у него усталые.

— Я на самом деле восхищаюсь вами. Вы прекрасно замели следы. Мы думали, что вы просто животные. Пока я не понял…

Далекий раскат грома прерывает его.

— Я обещал ему присмотреть за вами. Вот почему вы до сих пор живы. Вам не нужно делать этого. Вы ему ничего не должны. Взгляните на себя: кто бы мог подумать, что вы так далеко пойдете? И вы собираетесь отказаться от всего ради атавистического, животного инстинкта привязанности? Но, разумеется, выбора у вас нет. Ваш план не сработал.

Кот испускает шипение, словно клапан парового котла.

— Ты не понял, — говорю я. — Концерт был отвлекающим маневром.

Кот бросается вперед, словно язык черно-желтого пламени. Щелкают когти, и голова ложного хозяина отделяется от тела. Я скулю, почуяв аромат крови, заглушающий запах бога. Кот облизывается. На его белой рубашке алеет пятно.

Дирижабль вздрагивает, его броня из псевдоматерии

искрится. Темное небо вокруг «Маркиза» кишит жуками, изрыгающими пламя. Мы пробегаем мимо человеческих статуй в концертном зале и несемся в лабораторию.

Кот делает грязную работу, позволяя мне ненадолго перейти в виртуальную реальность. Я не знаю, как это удалось хозяину много лет назад — взломать водяные знаки «Век-Тек», запрещающие копирование. Я не могу сделать того же, несмотря на все уроки Маленького Животного. Поэтому мне нужно сжульничать, раздобыть недостающие части у кого-то другого.

Из мозга ложного хозяина.

Мое второе «я», рожденное на острове Маленького Животного, берет верх и совмещает два шаблона, словно фрагменты головоломки. Они подходят друг к другу, и на мгновение в моем мозгу звучит голос хозяина, на этот раз — реальный.

Кот ждет, облачившись в свой боевой панцирь с когтями, и я надеваю свой. «Маркиз Карабас» гибнет. Чтобы отправить хозяина на Землю, мы должны отключить защитное поле.

Кот издает слабое мяуканье и подает мне красный предмет. Старый пластиковый мяч со следами зубов, пахнущий солнцем и морем, внутри которого шуршит несколько песчинок.

— Спасибо, — говорю я. Кот не отвечает, просто открывает дверь в оболочке дирижабля. Я шепчу команду, и хозяин отправляется прочь в потоке нейтрино, нацеленном на остров в голубом море. Туда, где боги и большие собаки живут вечно.

Мы с Котом ныряем в дверь, вниз, в свет и пламя.

DEUX EX HOMINAE [120]

Я не был, как это принято у богов, образцом святости и еще одним искупителем человеческих грехов. Я был полнофункциональным, сверхчеловеческим божеством с жидкометаллическим телом, запредельным мозгом, облаками самовоспроизводящегося тумана, выполняющего мои приказы, и рекурсивно обновляемым искусственным интеллектом, подчиненным моей воле. Я мог сделать все, что захочу. Я не Иисус. Я Супермен: вредный Эксцентричный Супермен. Я был чертовски счастлив. Я выжил.

Тишина в Питтенвиме была глубже, чем можно ожидать даже от такой маленькой приморской деревушки графства Файф. На севере, вдали от брандмауэра Эдриена, чума буйствовала вовсю и дома скрывались в тумане дополнительных защитных экранов.

— Ну как, не похоже на Преззагард? — спросил Крейг, когда мы проезжали по главной улице.

Опасения, — прошептал в моей голове симбионт. — Беспокойство.

Я не мог винить Крейга. Я приятель его падчерицы и в первые же ее выходные приехал к ней в дом. Здесь есть о чем тревожиться.

— Не совсем, — ответил я, ощущая в животе неприятное волнение.

— Нищим выбирать не пристало, как говорит моя старуха, — сказал Крейг. — Ну вот, мы и прибыли.

Сью открыла дверь и приветливо обняла меня. Как всегда, я вижу в ней Эйлин, даже в ее коротко остриженных светлых волосах и морщинистом лице.

— Привет, Юкка, — здоровается она. — Рада тебя видеть.

— И я рад, — отвечаю я, удивляясь сам и поражая моего симбионта подлинной искренностью.

— Эйлин звонила, — продолжает Сью. — Она будет здесь с минуты на минуту.

За ее плечом я замечаю глазеющего на меня Малькольма. Я подмигиваю, и он начинает хихикать. Сью вздыхает.

— Малькольм сводит меня с ума, — жалуется она. — Теперь он вообразил, что может управлять летающим ангелом. Удивительно, каким самонадеянным можно быть в шестилетнем возрасте.

— Эйлин до сих пор осталась такой, — говорю я.

— Знаю.

— Она уже здесь! — неожиданно кричит Малькольм. Мы

выбегаем на задний двор и наблюдаем за ее спуском.

Ее ангел оказывается очень большим, даже больше, чем я себе представлял по ее живым изорядам. У него прозрачная, словно стеклянная, кожа и угольно-черные крылья. Лицо и корпус вылеплены грубо, словно в незаконченной скульптуре.

А внутри его груди, как насекомое в янтаре, заперта Эйлин, но она улыбается.

Спускаются они медленно. Воздушные струи от мельчайших лопастей в его крыльях срывают лепестки с хризантем Сью. Ангел легко касается травы. Стеклянистая поверхность стекает в сторону, и "Эйлин выходит наружу.

Я впервые вижу Эйлин после того, как она уехала. От ее мягкого скафандра расходится сияние, и она в нем похожа на рыцаря. Черты ее лица стали резче, и еще у нее появился загар. В обзорных изорядах Кыо-сети пишут, что солдаты Божьего Корпуса не только получают неактивное оборудование, но и подвергаются изменению ДНК. Но все равно это моя Эйлин: запачканные светлые волосы, резко очерченные скулы и зеленые глаза, в которых всегда горит вызов; моя Эйлин, мой солнечный свет.

Я способен только стоять и смотреть. Она подмигивает мне, подходит обнять мать, брата и Крейга. А потом шагает ко мне, и я слышу гудение ее комбинезона. Она прикасается губами к моей щеке.

— Юкка, — говорит Эйлин, — скажи на милость, что ты тут делаешь?

— Брейк. Перестаньте целоваться, — вмешивается Малькольм.

Эйлин шутливо пихает его.

— Мы не целуемся, — говорит она. — Мы говорим друг другу «привет». — Она улыбается. — Я слышалаˆ что ты хотел познакомиться с моим ангелом.

Лицо Малькольма вспыхивает. Но Сью решительно берет Эйлин за руку.

— Сначала надо поесть, — говорит она. — Потом будете играть.

Эйлин смеется.

— Ну вот, теперь я дома! — восклицает она.

Эйлин с удовольствием ест. Она сменила свой скафандр на джинсы и футболку и теперь еще больше похожа на девчонку, которую я помню. Она перехватывает мой взгляд и пожимает под столом руку.

— Не переживай, — говорит она. — Я настоящая. Я ничего не

говорю, только отдергиваю руку.

Крейг и Сью обмениваются взглядами, и симбионт советует мне что-нибудь сказать.

— Как я догадываюсь, вы все настроены остаться по эту сторону брандмауэра? — выдавливаю я из себя.

Сью кивает:

— Я не собираюсь никуда уходить. Этот дом построил мой отец, и мы останемся здесь, даже если боги предпочтут уйти. Кроме того, эта компьютерная штука неплохо нас защищает.

— Рыба, — говорю я. Она смеется:

— Я никогда к этому не привыкну. Я знаю, что это имя ей дали те молодые парни, которые ее выстроили, но почему они назвали ее Fish?

Я пожимаю плечами:

— Это глупая шутка, рекурсивный акроним. Fish Is Super Human. Все с большой буквы. На самом деле это нисколько не смешно.

— Пусть так. Ну, по милости Рыбы, мы останемся здесь сколько будет возможно.

— Это хорошо.

«И глупо», — добавляю я про себя.

— Можно сказать, что это шотландская черта, — говорит Крейг. — Упрямство.

— И финская тоже, — замечаю я. — Не думаю, чтобы в ближайшем времени мои родители собрались куда-то переезжать.

— Видишь, я всегда знал, что у нас есть что-то общее, — кивает он, хотя симбионт предупреждает меня о неискренности его улыбки.

— Эй, — возмущается Эйлин, — насколько я помню, ваша дочь не Юкка. А я только что вернулась с войны.

— Ну и как там война? — спрашивает Крейг. Вызов, — предупреждает меня симбионт.

Я чувствую себя не в своей тарелке. Эйлин печально улыбается.

— Грязная, — отвечает она.

— У меня приятель был в Ираке давным-давно, — говорит Крейг. — Вот там было грязно. Сплошная кровь и кишки. Сейчас все делают машины и нерды. И эти машины даже не могут тебя убить. Что это за война?

— Мне не положено об этом говорить, — предупреждает Эйлин.

— Крейг, — вмешивается Сью, — не сейчас.

— Я просто спросил, — возражает Крейг. — У меня были друзья в Инвернессе, и кто-то, пораженный заразой, превратился

в гигантский «тетрис». Эйлин была на войне, она знает, что это такое. Мы беспокоились. Я просто хочу знать.

— Если она не хочет об этом говорить, значит, она не хочет, — говорит Сью. — Она только что вернулась домой. Оставь ее в покое.

Я смотрю на Крейга. Симбионт утверждает, что это ошибка, но я приказываю ему заткнуться.

— Она кое в чем права, — говорю я. — Это мерзкая война. Самая отвратительная из всех, которые мы знаем. И ты прав, агенты богочумы не могут никого убить. Но боги могут. Рекурсивно оптимизируемый искусственный интеллект не убивает людей. Это делают киборги-киллеры.

Крейг мрачнеет.

— Итак, — цедит он, — почему же ты не там, раз считаешь, что все так плохо?

Взгляд Малькольма мечется между сестрой и отчимом. Смущение. Слезы.

Я кладу вилку на стол. Еда неожиданно становится безвкусной.

— У меня была чума, — медленно произношу я. — Я дисквалифицирован. Я был одним из нердов.

Эйлин поднимается из-за стола, и ее глаза мечут молнии.

— Как ты смеешь! — кричит она на Крейга. — Ты не представляешь, о чем говоришь. Ни капли! Ты ничего не поймешь из изорядов. Рыба не желает, чтобы вы знали. Все плохо, очень плохо! И ты еще хочешь мне что-то рассказать? Это я могу тебе рассказывать!

— Эйлин, — начинаю я, но она жестом заставляет меня замолчать.

— Да, Инвернесс превратился в гигантский «тетрис». Это сделали нерды и машины. И мы их убили. А ты знаешь, что еще мы видели? Детей. Детей, зараженных чумой. Дети очень жестоки. Они знают, чего хотят: есть, спать и не испытывать никакой боли. И все это предоставляет им богочума. Я видела женщину, которая лишилась рассудка. Она твердила, что потеряла ребенка и не может его найти, хотя все видели, что она беременна. Мой ангел, посмотрев на нее, сказал, что у нее в утробе червоточина, а ребенок в своей маленькой Вселенной. А у нее был такой взгляд… такой взгляд…

У Эйлин прерывается голос. Она выскакивает из комнаты, и в этот момент Малькольм начинает плакать. Я, не думая, иду за нею.

— Я просто спрашивал, — доносится до меня голос Крейга, но я уже захлопываю за собой дверь.

Я нахожу ее на заднем дворе. Эйлин сидит рядом с ангелом, обхватив одной рукой его ногу. Я чувствую укол ревности.

— Эй, — говорю я, — не возражаешь, если я сяду рядом?

— Пройди вперед, там есть свободный клочок травы, — слабо улыбается она. — Я плохо себя вела и всех там перепугала, правда?

— Думаю, да. Малькольм все еще плачет.

— Это… Я не знаю. Просто вырвалось. А потом я решила, что не важно, если и он все услышит. Он играет в свои игры, а там постоянно это происходит, так что мои слова не имеют значения. Я здорово сглупила.

— Я думаю, важно то, что это сказала именно ты, — медленно говорю я. — Вот что имеет значение.

Она вздыхает:

— Ты прав. Я такая скотина. Нельзя было позволять Крейгу доводить меня до такого состояния, но на севере нам пришлось несладко, и слушать его легкомысленные замечания…

— Все в порядке.

— Эй, — усмехается она, — я по тебе скучала. Ты придаешь жизни смысл.

— Я рад, что хоть кто-то так думает.

— Знаешь, — продолжает Эйлин, вытирая лицо, — пойдем погуляем или лучше сходим в паб. Я все еще голодна. И не отказалась бы выпить. Мое первое увольнение, а я все еще трезвая. Сержант Кацуки откажется от меня, если узнает.

— Посмотрим, что мы можем предпринять, — говорю я, и мы отправляемся в гавань.

Не знаю, проявила бы такая девушка, как Эйлин, интерес к парню вроде меня, если бы не тот факт, что я стал богом.

Это случилось два года назад. В университетском кафетерии. Я пытаюсь снова привыкнуть к тусклым краскам реального мира. В одиночестве. А потом три девчонки садятся за соседний столик. Хорошенькие. Веселые.

— Серьезно, — говорит одна, в жакете пастельного цвета и с интерфейсом Рыбы в стиле «хелло, Кити». — Я хочу сделать это с изорядом. Вот, посмотрите. — Девчонки сгрудились вокруг ее напыленного экрана. — Здесь есть сайт под названием «Изоряд совокуплений». Секс с богами. Эта девчонка что-то вроде их фанатки. Везде за ними ездит. Я имею в виду устойчивых, тех, кто не становится нестабильным.

На мгновение воцарилась благоговейная тишина.

— Вот это да! — восклицает вторая девушка. — Я всегда

думала, что это просто городская легенда или что-то вроде постановочного порно.

— Как видишь, нет, — говорит третья.

В те дни восхищение нердами было чем-то вроде гриппа — им можно было легко заразиться. Богочума — это подавляющая волю, постоянно самосовершенствующаяся и самовоспроизводящаяся программа. Это джинн, который приходит к тебе и гнездится в окружающих тебя машинах, а потом непререкаемым тоном указывает, что делать, а твоя воля постепенно слабеет. Все это тебя разрушает, но вместе с тем непередаваемо сексуально.

— Нет, серьезно, — снова говорит первая девушка, — нет ничего удивительного, что те, кто составил Рыбу, были именно парнями. Она вся как воплощение пениса. В ней нет никакого упоминания о женской сексуальности. Я хочу сказать, что в ней совсем нет феминистского оттенка. Серьезно…

— Боже мой! — восклицает вторая. — Посмотрите вон на того. Я хочу его… э-э-э… ее… это. Хочу их всех. Нет, правда.

— Не правда, — говорю я.

— Простите? — Она смотрит на меня так, словно наступила на что-то неприятное и хочет поскорее вытереть обувь. — У нас приватный разговор.

— Конечно. Я только хотел сказать, что изоряд — это фальшивка. Я бы на вашем месте не стал морочить себе голову изорядами.

— Ты говоришь, исходя из собственного опыта? Сломал своего дружка о девчонку из изоряда?

Я впервые рад избавиться от помощи своего симбионта: если игнорировать его шепот, ее лицо остается для меня пустой маской. Остальные девчонки нервно смеются.

— Да, — говорю я. — Я один из них.

Они одновременно встают, несколько мгновений смотрят на меня, а потом уходят.

«Маски, — думаю я, глядя им вслед. — Маски».

В следующую секунду мои мысли опять прерываются.

— Извини, — говорит третья девушка. — Мне правда очень, очень жаль. На самом деле мы не подруги, просто учимся на одном курсе. Меня зовут Эйлин.

— Все в порядке, — говорю я. — Я не придал этому значения. Эйлин присаживается на угол стола, и я опять не придаю этому значения.

— На что это похоже? — спрашивает она. У нее очень зеленые глаза. Пытливые, — подсказывает симбионт.

И я просто жажду, чтобы она сказала что-нибудь еще.

— Ты действительно хочешь узнать? — уточняю я.

— Да, — настаивает она.

Я опускаю взгляд на свои руки.

— Я был квакером, — медленно начинаю я. — Квантовым хакером. И когда появился источник Рыбы, я, как и почти всякий чокнутый на нашей планете, попытался с ним поработать. И умудрился составить задание: мой собственный дружелюбно настроенный искусственный интеллект порабощен, а беспредельно надежная и безошибочно целенаправленная система превратит меня из мешка плоти в Нового Бога Джека Кирби и никому не навредит. По крайней мере так было сказано.

— Но ты сделал это, — широко распахнув глаза, вздохнула Эйлин.

— Ну, в те времена Рыба была еще достаточно свободна, чтобы действовать осторожно. Морские звезды появлялись до того, как кто-то бесповоротно погибал. Она выжгла мой интеллект, как информационную раковую опухоль, и запихнула в… — Я изобразил, что оглядываю самого себя. — Вот в это.

— Здорово! — воскликнула Эйлин, сжимая в тонких пальчиках чашку с кофе.

— Да, — кивнул я. — Все так и было.

— И как ты чувствуешь себя сейчас? Тебе было больно? Ты скучаешь по прошлому?

Я засмеялся:

— Я почти совсем ничего не помню. Рыба ампутирует большую часть воспоминаний. И кое-что было разрушено. — Я сглотнул. — Я… Это легкая форма какого-то заболевания. Я не слишком хорошо считываю информацию о людях. — Я снял свою шапочку. — Это довольно уродливо. — Я показал ей симбионта, вживленного в затылок. Как и все устройства Рыбы, он имел форму морской звезды. — Это симбионт. Он изучает для меня людей.

Она легонько прикасается к нему, и я это чувствую. Симбионт способен считывать осязательную информацию с гораздо большим разрешением, чем человеческая кожа, и я ощущаю сложную форму кончиков пальцев Эйлин, скользнувших по его поверхности.

— А мне кажется, это очень красиво, — говорит она. — Как драгоценный камень. Ой, а он теплый! А что еще он делает? Это вроде интерфейса Рыбы в твоей голове?

— Нет. Он все время причесывает мои мозги. Чтобы удостовериться, что тот, кем я был раньше, где-нибудь не притаился. — Я рассмеялся. — Быть отвергнутым Богом никому не хочется.

Эйлин улыбается.

У нее очень приятная улыбка, — сообщает симбионт. И я не уверен, что это не лесть в ответ на ласку.

— Должна признать, все это звучит довольно грустно, — говорит она. — Или ты только девушкам так рассказываешь?

Тем вечером она пригласила меня к себе домой.

В «Контрабандисте Дэне» мы заказываем рыбу с жареной картошкой. Мы с Эйлин здесь единственные посетители, и старик трактирщик приветствует ее по имени. Еда потрясающе вкусная, хотя я нахожу ее слишком жирной, но Эйлин поглощает свою порцию с явным наслаждением и заливает рыбу пинтой пива.

— Хорошо, что ты хоть не потеряла свой аппетит, — говорю я.

— Подготовка в пустыне Гоби учит ценить пищу, — отвечает она и отбрасывает со лба волосы, а у меня от этого жеста замирает сердце. — Мои кожные элементы способны производить фотосинтез. Этого не увидишь ни в каких изорядах. Это ужасно. Ты все время чувствуешь голод, но они не позволяют есть. Хотя при этом постоянно остаешься настороже. Из-за последствий таких упражнений моя моча весь уик-энд будет странного цвета.

— Спасибо, что проинформировала.

— Извини. Солдатские разговоры.

— Ты в самом деле кажешься немного другой.

— А ты нет, — говорит она.

— Я такой и есть. — Я прихлебываю пиво, надеясь, что симбионт позволит мне напиться. — Я и есть другой.

Она вздыхает:

— Спасибо, что пришел. Я рада тебя видеть.

— Все в порядке.

— Нет, в самом деле, это много для меня значит, я…

— Эйлин, прошу тебя. — Я отключаю свой симбионт. И убеждаю себя, что не хочу знать, о чем она думает. Честно. — Ты не должна ничего говорить. — Я опустошаю бокал. — На самом деле я кое о чем задумался. Я долго над этим размышлял. У меня было много времени. Я хотел сказать…

Слова застревают у меня в глотке.

— Продолжай, — говорит Эйлин.

— Тебе незачем этим заниматься — уезжать из дому и сражаться с монстрами, если только… — Я даже сейчас вздрагиваю от этой мысли. — Если только ты не разозлилась на меня до такой степени, что тебе надо убивать этих существ… Вроде меня.

Эйлин вскакивает.

— Нет, дело не в этом, — говорит она. — Совсем не в этом.

— Я хорошо тебя слышу, не стоит так кричать. Она прищуривается.

— Включай свой симбионт и пойдем со мной.

— Куда мы пойдем?

— На пляж, бросать камни.

— Зачем?

— Мне этого хочется.

Мы спускаемся на пляж. Погода солнечная, какой не было уже несколько месяцев. Огромная Рыба парит над горизонтом. Наверное, эта ромбовидная морская звезда, раскинувшаяся почти на милю, влияет и на погоду тоже.

Мы идем к полосе прибоя. Эйлин бежит вперед и прыгает в волнах.

Вокруг нас отличная площадка между двумя пирсами и множество округлых плоских камней. Эйлин поднимает несколько голышей, размахивается и делает пробный бросок. Камень скользит и подпрыгивает на воде.

— Ну, теперь твоя очередь.

Я пробую. Камень летит по высокой дуге, ныряет вниз и исчезает в волне. Не было даже всплеска.

Я смеюсь и оглядываюсь на Эйлин. Ее лицо освещено лучами далекой морской звезды, смешавшимися с солнечным светом. В это мгновение она выглядит совсем как та девчонка, которая пригласила меня провести Рождество со своими родителями.

А потом Эйлин заплакала.

— Прости, — всхлипывает она. — Я собиралась рассказать тебе все до своего приезда. Но не смогла.

Она прильнула ко мне, и волны ластятся к ее ногам.

— Эйлин, прошу тебя, скажи, что случилось. Ты знаешь, я ведь не всегда могу это увидеть.

Она опускается на мокрый песок.

— Помнишь, что я говорила Крейгу про детей?

— Да, конечно.

Эйлин с трудом сглатывает.

— До того как я тебя оставила, — говорит она, — у меня был ребенок.

Сначала я думал, что это просто приятный секс. Я не придавал нашим отношениям особого значения: у меня было немало связей и до, и после того, как я стал богом. Но Эйлин остается. Она готовит завтрак. Она идет вместе со мной утром в кампус, держит меня за руку и смеется над уничтожителями

спама, которые гоняются по улице за рекламными пиктограммами, а те кружатся в воздухе, словно разноцветные листья на ветру. К ее дню рождения я выращиваю из своего симбионта интерфейс Рыбы. Он похож на божью коровку, и Эйлин называет его «мистер Жук».

Я становлюсь безрассудным и потому не замечаю, как влюбляюсь.

Зима в Презсагарде проходит быстро. Мы вместе подыскиваем квартирку в вертикальной деревушке Стека, и я плачу за нее доходами от нескольких компьютерных работ.

А потом, однажды утром, ее постель оказывается пустой, и только мистер Жук сидит на подушке. Из ванной комнаты исчезают ее туалетные принадлежности. Я звоню ее друзьям, запускаю программных агентов в местную поисковую сеть. Ее никто не видел. Две ночи я провожу, воображая себе различные кошмары. Может, у нее есть любовник? Я что-то сделал не так? Симбионт нельзя считать непогрешимым, и временами меня охватывает страх, что я нечаянно сказал что-то ужасное.

Она приходит утром третьего дня. Я открываю дверь, и она стоит на пороге, бледная и расстроенная.

— Где ты была? — спрашиваю я.

Она выглядит такой несчастной, что мне хочется ее обнять, но Эйлин отталкивает меня.

Ненависть, — подсказывает симбионт. — Ненависть.

— Прости, — говорит она, а по щекам бегут слезы. — Я пришла, только чтобы забрать свои вещи. Я должна уйти.

Я пытаюсь что-то сказать: что я ничего не понимаю, что мы сможем справиться с этим вместе, и если это моя ошибка, то я ее исправлю. Я готов просить. Я готов умолять. Но ненависть окружает ее обжигающей аурой и заставляет меня замолчать. Я только стою и смотрю, как посланцы Рыбы уносят с собой ее жизнь.

— Не проси меня ничего объяснять, — говорит она от двери. — Присмотри за мистером Жуком.

Она уходит, и я пытаюсь вырвать симбионт из своего черепа. Я хочу, чтобы черный червь, сидящий в моем разуме, вышел наружу и снова овладел мной, чтобы сделал меня богом, недоступным боли, любви и ненависти, умеющим летать. На некоторое время все вокруг затягивает плотный туман. Кажется, я пытался открыть окно и совершить прыжок на три сотни метров вниз, но Рыба в стенах и стекле мне этого не позволяет: мы создали жестокий мир, заботливо-жестокий, который не позволит нанести себе вред.

В какой-то момент симбионт погружает меня в сон. Когда я

просыпаюсь и начинаю крушить мебель, он делает это снова. А потом опять и опять, пока не просыпается что-то вроде рефлекса Павлова.

Позже я провожу целые ночи, изучая образы в памяти мистера Жука: я пытаюсь при помощи симбионта выяснить эмоциональные особенности нашей совместной жизни. Но там нет ничего, что подсказало бы решение, ничего, на чем можно было бы остановиться. Или я все делаю неправильно.

— Все это уже было, — твержу я себе. — Я прикоснулся к небесам и упал. Ничего нового.

И я становлюсь лунатиком. Получаю степень. Работаю. Пишу сценарии для Рыбы. Забываю. Убеждаю себя, что я выше этого.

А потом раздается звонок Эйлин, и я запрыгиваю в первый же поезд, направляющийся на север.

Я слушаю стук ее сердца и пытаюсь осознать ее слова. Они кувыркаются в моих мыслях, и я никак не могу их поймать.

— Эйлин. Господи, Эйлин.

Бог, скрывающийся в моем мозгу, в заблокированных участках, в моих батареях, в ДНК…

Внезапно появляется желание его вырвать.

— Сначала я не поняла, что происходит, — каким-то тусклым голосом говорит Эйлин. — Я чувствовала себя странно. Я просто хотела побыть одна, где-нибудь высоко и далеко. Тогда я забралась в одну из пустых квартир на вершине Стека — в одну из тех, что вырастили совсем недавно. Я собиралась остаться там на ночь и подумать. А потом вдруг захотела есть. То есть я стала очень и очень голодной. Я поглощала неимоверные количества всяких вкусностей. Тогда у меня начал расти живот.

Во владениях Рыбы контрацепция подразумевается как само собой разумеющееся до тех пор, пока кто-то действительно не захочет завести ребенка. Но сразу после Рождества у нас была одна ночь в Питтенвиме, вдали от брандмауэра, где, в отличие от Преззагарда, споры Рыбы не так густо наполняют воздух. И я почти вижу, как это случилось, как божье семя из моего мозга взламывает защиту, создает крошечное молекулярное устройство, содержащее ДНК, но гораздо меньшее, чем сперматозоид, и внедряется в Эйлин.

— Я почти ничего особенного не ощутила. Не было никакой боли. Я легла, воды отошли, и оно просто выскочило наружу. Это было самое красивое на свете существо, — с улыбкой сказала она. — У него твои глаза и такие крохотные пальчики. И на каждом идеальный ноготок. Оно посмотрело на меня и улыбнулось. А потом помахало мне ручкой. Словно… словно решило, что

больше во мне не нуждается. Внезапно стены расступились, и оно вылетело. Мое дитя. Улетело.

Чтобы оградить божье семя, я использовал в качестве идентификационного механизма свою ДНК. Я даже не подумал, что в барьере может появиться брешь. Но оно завладело моей волей. Перестроилось. А после этого могло модифицировать себя как угодно. Даже вырастить крылья, если бы возникло желание.

Я крепко обнял Эйлин. Мы оба промокли и дрожали, но я не обращал внимания.

— Прости. Той ночью я хотела тебе сказать, — говорит она. — А потом снова увидела, как оно смотрит на меня. В твоих глазах. Я должна была уйти.

— И ты вступила в Корпус. Она вздыхает:

— Да. Это помогло. Надо было сделать что-то полезное.

— Ты была мне нужна, — говорю я.

— Я знаю. Прости. Ярость сжимает мне горло.

— Ну и как, сработало? Вы там убивали супермладенцев и их темных повелителей? Это принесло тебе счастье?

Она отшатывается от меня:

— Теперь ты говоришь, как Крейг.

— А что мне остается делать? Мне очень жаль, что так вышло с ребенком. Но это не твоя вина. И не моя.

— Но ведь это ты… — Она быстро прикрывает рот ладонью. — Извини, я не хотела этого говорить. Я не хотела.

— Возвращайся в свое уединение и оставь меня одного. Я бегу вдоль кромки воды, хотя и не знаю куда.

На берегу меня поджидает ангел.

— Привет, Юкка, — говорит он. — Я рад, что мы снова встретились.

Его голос, как и всегда, звучит приятно и бисексуально. В моих мозгах что-то щелкает. Это голос Рыбы.

— Привет.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Вот разве что ты откажешься от нее. Заставишь ее подумать.

— Я не могу влиять на ее решения, — говорит ангел. — Этим я не занимаюсь. Я только даю ей или тебе все, что вы захотите или могли бы захотеть, если бы были пособразительнее. Такова моя высшая цель. И это тебе известно.

— Самоуверенный болван! Неужели она должна подчиняться коллективной воле человечества и сражаться с монстрами? И, возможно, погибнуть на этой войне? Так, по-твоему, должен формироваться ее характер?

Ангел ничего не отвечает, но меня уже понесло.

— Я даже не уверен, что таково решение самой Эйлин. Это… Эта вещь у меня в голове — твоих рук дело. Ты мог позволить ускользнуть божьему семени, только чтобы ударить Эйлин побольнее, чтобы заставить ее записаться в этот эскадрон камикадзе. И ты наверняка знал, что я приеду сюда и начну на тебя кричать, но не смогу ее остановить. Как по-твоему?

Ангел на миг задумывается.

— Если бы у меня была возможность, этот мир уже был бы идеальным. — Он склоняет набок свою стеклянную голову. — Но, возможно, есть кто-то еще, кто захотел видеть тебя здесь.

— Не пытайся играть со мной в головоломки!

Гнев извергается из меня бурным потоком. Я начинаю колотить ангела по груди кулаками. Его кожа поддается и прогибается, как поверхность мыльного пузыря.

— Юкка!

Голос доносится откуда-то издалека.

— Юкка, остановись! — кричит Эйлин. — Перестань, идиот! Она с неожиданной силой оттаскивает меня э сторону.

— Посмотри на меня! Это была не Рыба. Это не ты. И это не младенец. Это я. Я хотела этого. Почему ты мне не позволил?

Я смотрю на нее затуманенным взором:

— Потому что я не мог пойти с тобой.

— Ты глупый мальчишка, — говорит она, и теперь она меня поддерживает, а я плачу. Плачу впервые с тех пор, как перестал быть богом. — Глупый, глупый мальчишка.

Через некоторое время слезы иссякают. Мы сидим на камне и смотрим на закат. Я чувствую себя легким и опустошенным.

— Может, было бы легче, если бы ты не позвонила, — говорю я со вздохом.

У Эйлин расширяются глаза.

— Что ты имеешь в виду? Я никогда этого не делала. Я считала, что это Крейг. Это на него похоже. Чтобы не дать мне вернуться обратно.

А потом мы видим младенца.

Он безволосый, голенький и розовый, и тонкая ниточка пуповины свисает с его животика. У него зеленые глаза Эйлин, но мой взгляд. Он плывет по воздуху, и чудесные крошечные ножки почти касаются воды.

Младенец смотрит на нас и смеется. Его голос звучит переливами серебряных колокольчиков. А во рту полно жемчужно-белых зубов.

— Сиди очень тихо, — говорит Эйлин.

Ангел направляется к младенцу. Его руки ощетиниваются пучками лезвий. Из груди появляется дуло стеклянной пушки. Крошечные шарики света, полные энергии квантовые заряды устремляются навстречу младенцу.

Ребенок снова смеется. Он вытягивает перед собой крошечные ручки и сжимает кулачки. Воздух — возможно, и пространство, и время тоже — начинает колебаться и скручиваться. А затем ангел исчезает, и наш ребенок держит в руках стеклянный шарик, словно снежок.

Эйлин хватает меня за руку.

— Не беспокойся, — шепчет она. — Большая небесная Рыба должна была это видеть. Она что-нибудь сделает. Сиди спокойно.

— Плохой мальчик, — медленно произношу я. — Ты сломал маминого ангела.

Младенец хмурится. И за сморщенным розовым лобиком я вижу вспышки космического гнева.

— Юкка… — шепчет Эйлин, но я ее перебиваю:

— Ты знаешь только, как убивать богов. А я знаю, как с ними разговаривать.

Я смотрю на своего сына — об этом мне говорит крошечная морщинка между его ног — и делаю шаг вперед. Я помню, что чувствуешь, когда в твоих руках вся мощь мира. Вместе с ней возникает стремление сделать мир совершенным.

— Я знаю, почему ты нас сюда позвал, — говорю я. — Ты хочешь, чтобы мы были вместе, не так ли? Твои мамочка и папочка.

Я опускаюсь на одно колено и смотрю своему сыну в глаза. Я стою в воде, и так близко к нему, что ощущаю тепло его кожи.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Я это пережил. Ты мог взять нас по отдельности. Мог перестроить наши мозги. Ты мог заставить нас захотеть быть вместе и быть с тобой. — Я делаю паузу и указательным пальцем прикасаюсь к его носу. — Но это не сработало. Это не было бы совершенством. — Я вздыхаю. — Поверь, я это знаю. Я пытался сделать это с собой. Но ты — совершенно новое создание, ты можешь сделать лучше.

Я достаю из кармана мистера Жука и протягиваю сыну. Он хватает его и тянет в рот. Я делаю глубокий вдох, но ребенок не кусает его.

— Поговори с этим жуком, — советую я. — Он расскажет тебе, кто мы такие. А потом возвращайся.

Младенец закрывает глаза. Потом он хихикает, не выпуская изо рта мистера Жука. И он трогает мой нос крошечным пальчиком.

Я слышу крик Эйлин. В мозгу брыкается огненная лошадь,

потом гремит гром.

Меня будит что-то мокрое на лице. Я открываю глаза и вижу лицо Эйлин на фоне потемневшего неба. Идет дождь.

— Ты в порядке? — со слезами в голосе спрашивает она и поддерживает мне голову. — Маленький негодяй!

Неожиданно ее глаза открываются во всю ширь, а в моей голове наступает тишина и согласие. Я вижу в ее взгляде изумление.

Эйлин вытаскивает из-под моей головы руки. На ее ладони лежит мой симбионт. Я беру его, верчу в пальцах. Потом широко размахиваюсь и швыряю его в море. Он трижды подскакивает на поверхности и исчезает.

— Интересно, откуда он его берет.

ТИХЕЯ И МУРАВЬИ

Муравьи прибыли на Луну в тот день, когда Тихея прошла через Потайную Дверь, чтобы отдать рубин Волшебнику.

Она рада была уйти с Базы. Тем утром Мозг устроил Тихее Подпитку, после которой внутри все звенело и клокотало; израсходовать сжатую энергию можно было, только сбежав – вприпрыжку и с воплями – по серому пологому склону горы Малапера.

– Не отставай! – крикнула она чайнику, которого Мозг, разумеется, послал за ней шпионить.

Машинка в белом кожухе и на двух толстых гусеницах еле тащилась, размахивала руками-цилиндрами, чтобы удержать равновесие, и трудолюбиво погромыхивала, отыскивая крохотные кратеры – следы Тихеи.

Рассердившись, та скрестила руки на груди и стала ждать. Посмотрела вверх. Входа в Базу видно не было, и это правильно – иначе не убережешься от космических акул. Иззубренный гребень горы скрыл Большое Плохое Место от чужих глаз, если не считать порочной просини аккурат над слепящей белизной верхних хребтов, резко выделявшихся на фоне угольно-черных небес. Белел не снег – он есть только в Плохом Месте, – а стеклянные бисеринки, рожденные древними ударами метеоров. Во всяком случае, так утверждал Мозг. Если верить Лунной Деве Чан Э, блестели все те драгоценности, которые она потеряла за проведенные здесь столетия.

Тихее нравилась версия Чан Э. Тут она вспомнила о рубине и дотронулась до поясной сумки – убедиться, что он никуда не делся.

– Вылазки неизбежно сопряжены с эскортированием, – зазвенел голос Мозга в шлеме Тихеи. – Причин для нетерпения нет.

Почти все чайники работали автономно: Мозг контролировал только двух-трех одновременно. Но, конечно, он будет следить за ней – сразу после Подпитки иначе и быть не могло.

– Еще как есть, тормоз, – пробубнила Тихея под нос, потянулась и в расстроенных чувствах поскакала дальше.

При движении костюм деформировался, обтекая ее тело. Между прочим, она вырастила его сама, и это был уже третий такой костюм, хотя рос он долго – куда дольше, чем рубин. Его множественные слои были живыми, он казался легким, и, что самое классное, у него имелась энергошкура – гладкая губчатая ткань из клеток с механочувствительными ионными каналами,

которые переводили движения Тихеи в энергию костюма. Никакого сравнения с грубой белой материей, оставленной китайцами: чайники скроили и сшили из нее костюмчик детского размера, тот пришелся Тихее впору и вроде как функционировал, но был невыносимо душным и жестким.

Она тестировала новый костюм второй раз и страшно им гордилась: это была сразу и одежда, и экосистема, и все говорило за то, что фотосинтетический слой позволит Тихее продержаться несколько месяцев – при условии, что солнечного света и кошмарных китайских спрессованных нутриентов будет в достатке.

Тихея нахмурилась. Ее ноги вдруг стали серыми, с бурыми крапинками. Она смахнула серое рукой, и пальцы, облеченные в серебристую гладь энергошкуры, сделались того же цвета. Видимо, к костюму приставала реголитовая пыль. Досадно. Тихея рассеянно отметила, что при следующей итерации, когда она опять скормит костюм биофабру Базы, надо будет как-то это исправить.

Чайник не мог перебраться через край мелкого кратера: из-под скрежещущих гусениц вылетали безмолвные параболы камешков и пыли. Тихее надоело ждать.

– Вернусь к обеду, – сказала она Мозгу.

Не дожидаясь, пока сознание Базы ответит, отключила радио, развернулась и побежала.

* * *

Тихея перешла на длинный шаг, который показал ей Яшмовый Кролик: скользишь над самой поверхностью и время от времени отталкиваешься от нее носком, если надо перелететь через кратеры и камни, которых на неровном реголите видимо-невидимо.

Чтобы пуще запутать бедного чайника, она сделала длинный крюк, избегая прежних маршрутов, покрывавших почти весь склон. Обогнула по краю одну из кромешных ледяных ловушек – кратеров поглубже, не знавших солнца, – которыми буквально чернела эта сторона горы. Напрямик вышло бы куда быстрее, но костюм мог не выдержать холода. Кроме того, на Другой Луне за Дверью в таких глубоких рытвинах жили чернильные человечки.

На полпути почва под ногами содрогнулась. Тихею снесло в сторону, она чуть было не свалилась в кратер, но успела затормозить, развернула тело в прыжке и приземлилась, упершись носками в зябкий твердый реголит. Сердце стучало как

бешеное. Может, это чернильные человечки подняли из глубокой тьмы что-то огромное и тяжелое? Или ее едва не сшиб метеорит? Пару раз такое случалось, и тогда рядом с Тихеей вдруг бесшумно расцветал новый кратер.

Тут она увидела лучи света в темноте и осознала, что это всего лишь песчаный червь с Базы, гигантская суставчатая машина с пастью, усеянной зубастыми колесами, – ими червь размалывал твердь, чтобы извлечь из мрачных глубинных хранилищ гелий-3 и иные летучие вещества.

Тихея вздохнула с облегчением и продолжила путь. Чайники сплошь и рядом уроды, а вот песчаный червяк ей нравился. Она помогала его программировать: трудясь без устали, он забирался так глубоко, что контролировать его дистанционно Мозг не мог.

Потайная Дверь размещалась в неглубоком кратере метров сто в диаметре. Тихея спустилась по его склону мелкими порывистыми скачками и после искусного пируэта с ножным торможением оказалась прямо перед Дверью.

Две большие пирамидальные скалы забавно опирались одна на другую, образуя маленький треугольный проход: то были Большой Старик и Тролль. Две тени служили Старику глазами, а когда Тихея косилась на скалу под определенным углом, шероховатая обнаженная порода и желоб у подножия превращались в нос и рот. Тролль злился – большая массивная скала почти его расплющила.

Тихея глядела на Старика, и его лицо оживало, обретая недоуменное выражение. Она отвесила скромный поклон – по привычке, хотя в новом костюме могла сделать хоть реверанс.

«Как дела, Тихея?» – безмолвно осведомилась скала.

– У меня сегодня была Подпитка, – сказала она угрюмо.

Кивнуть камень не мог, поэтому поднял брови.

«Ох. Вечно эти Подпитки. Я тебе вот что скажу: во время оно нас подпитывали вакуум, солнце, иногда завалящий метеорит – с ними легче соблюдать чистоту. Положись на них, и ты проживешь столько же, сколько я».

«Ага, и растолстеешь точно так же, – проворчал Тролль. – Поверь, через пару-тройку миллионов лет эдакий вес становится чувствительным. Ты, вообще, зачем пришла?»

Тихея расплылась в улыбке:

– Я сделала рубин для Волшебника.

Она вынула красный камень и не без гордости продемонстрировала. Осторожно сжав драгоценность так, чтобы перчатки не поцарапались об острые края, Тихея внесла ее в антрацитовую тень Старика и постучала рубином по поверхности скалы. Тот заискрился угольками, как ему и полагалось. Тихея

сотворила рубин сама по методу высокотемпературной кристаллизации Вернейля, только добавила пьезоэлектрик, чтобы превращать движение в свет.

«Красотища, – сказал Старик. – Уверен, он будет без ума от счастья».

«Чего? – сказал Тролль. – Ну, может, старый дурак прекратит искать Королевский Рубин и оставит бедную Чан Э в покое. Заходи уже. Ты разволновала нашу сентиментальную руину. Еще немного – и он расплачется. Кроме прочего, тебя все ждут».

Тихея зажмурилась, досчитала до десяти и проползла между скалами, через Потайную Дверь, на Другую Луну.

* * *

Едва открыв глаза, она поняла: что-то не так. Дом Яшмового Кролика разрушен! Булыжники, которые Тихея аккуратно ставила один на другой, разбросаны по земле; линии, которыми она обозначила комнаты и мебель, смазаны. (Здесь никогда не шел дождь, потому дом не нуждался в крыше.)

Кто-то еле слышно всхлипнул. Лунная Дева Чан Э сидела у дома Кролика и плакала. Ее шелковые одежды – ниспадающие, пурпурно-желто-красные – лежали на земле грудой и походили на сломанные крылья. По бледному напудренному лицу тек макияж.

– Ах, Тихея! – вскричала она. – Все ужасно, ужасно!

Из ее глаза покатилась хрустальная слеза. И испарилась в вакууме, не успев упасть в пыль. Чан Э была мастерица устраивать драмы – и еще красавица, и она об этом знала. Однажды завела роман с Дровосеком просто от скуки и родила ему детей, но те давно выросли и перешли на Темную Сторону.

Тихея, внезапно рассвирепев, уперла руки в боки:

– Кто это сделал? Сырная Коза?

Заплаканная Чан Э помотала головой.

– Генерал Ку-Ку? Или Мистер Милый?

У Лунного Народа было много врагов; иногда Тихея вела его на великие битвы и рубила каменные армии своим алюминиевым стержнем, который Волшебник переколдовал в ужасно яркий клинок. Но никто из этих врагов не был столь подл, чтобы уничтожать жилища.

– Кто, скажи мне?

Чан Э прикрыла лицо ниспадающим шелковым рукавом и указующе воздела руку. Тут Тихея впервые увидела муравья, бегавшего в руинах дома Яшмового Кролика.

* * *

То был не чайник и не отон, и уж конечно не Лунный Житель. Тихея узрела витиеватый металлический каркас – сплошь углы и сверкающие стержни, ожившее векторное исчисление, – столь прямой и жесткий, что на фоне неровных поверхностей скал он казался призрачным. Словно два тетраэдра вложили один в другой, а на каждую вершину налепили луковицу, блестящую, как око Большого Плохого Места.

Муравей был небольшой, ростом не выше ее коленок. На его телескопической металлической ноге белели буквы МУРАВЕЙ-М3972, хотя на муравьев, которых Тихея видела в фильмах, эта штука была не похожа.

Она растягивалась и двигалась как геометрические фигуры, которыми Тихея дирижировала, когда Мозг учил ее математике. Внезапно муравей перемахнул через сломанную стену; у Тихеи аж перехватило дыхание. Он перемещался по реголиту, странно раскачиваясь и то удлиняясь, то сокращаясь. Тихея вся покрылась мурашками. Под ее взглядом жуткий муравей упал в щель между валунами, но тут же проворно выкарабкался, приподнялся на двух вершинах, подпрыгнул и, как акробат, кувырком перелетел через препятствие.

Тихея не сводила с муравья глаз. В ее груди разгоралось пламя злобы. На Базе она слушалась Мозга, отонов и чайников, потому что дала Обещание. Но Другая Луна была ее вотчиной, она принадлежала ей и Лунному Народу – и никому более.

– Все остальные прячутся, – прошептала Чан Э. – Сделай что-нибудь, пожалуйста. Поймай его.

– Где Волшебник? – спросила Тихея. «Он точно знает, что делать». Манера муравья передвигаться ей не нравилась.

Пока она мешкала, штуковина оборотилась и, подергиваясь, забралась в пирамиду – будто видела, что за ней следят. «Не такой уж он и мерзкий, – решила Тихея. – Может, получится принести его на Базу, познакомить с Медведусом». Это будет непростая операция: сначала придется заверить медвежонка, что она будет любить его всегда, а потом осторожно представить ему новичка…

Муравей метнулся к ней, и ногу Тихеи пронзила острая боль. Острие, выскользнувшее из вершины тетраэдра, тут же ретировалось. Заворчав, костюм зашил все свои слои числом двадцать один и принялся лечить рану. На глаза Тихеи навернулись слезы, во рту вдруг пересохло. Лунный Народ никогда не обижал ее, даже чернильные человечки – разве только понарошку. Тихее захотелось включить радио и позвать чайника

на помощь.

Потом она ощутила взгляды Лунного Народа, глядевшего на нее из окон. Сжав зубы, приказала себе забыть об укусе. Ты – Тихея. Ты храбрая. Не ты ли забралась однажды на Пик Вечного Света – в одиночку, по кабелям солнечного коллектора, – чтобы посмотреть в око Большого Плохого Места? (Оно оказалось меньше, чем она думала, – миниатюрное, голубое, немигающее, с толикой белого и зеленого, все вместе – сплошное разочарование.)

Тихея осторожно подняла весомый булыжник из стены Яшмового Кролика – все равно дом уже разрушен. Медленно шагнула к штуковине. Та в мгновение ока сжалась до фигуры, напоминавшей куб, словно заглотила сама себя. Тихея подалась вправо. Муравей увильнул от ее тени. Она подалась влево – и что было сил приложила штуковину камнем.

И промахнулась. Инерция сбила ее с ног. Коленки врезались в жесткий холодный реголит. Камень отскочил от земли. Не обращая внимания на слезы, Тихея размахнулась и бросила его вслед муравью. Тот улепетывал вверх по склону кратера.

Тихея подобрала камень и бросилась за муравьем. Подъем был крутой, но она одолела его за несколько решительных шагов; снизу Лунный Народ подбадривал ее криками. Тихея настигла обидчика, когда тот взобрался на кромку кратера. Она подняла глаза – и остановилась как вкопанная, а потом упала на живот.

На обширной высокогорной равнине полыхал оазис солнечного света. Плато кишело муравьями – их тут были сотни. В центре равнины лежал прямоугольный ковер из муравьев, сцепившихся, чтобы образовать толстый металлический лист. Каждый миг по нему пробегала рябь, будто эта сияющая амеба была на деле мягкой. Другие штуковины двигались ровными рядами по окрестностям.

Муравей, за которым гналась Тихея, разгонялся на ровной поверхности, перекатываясь и подпрыгивая, как мячик-скелетик; из своего укрытия она видела, как он влился в центральную массу. Муравьиный ковер моментально преобразился. Его края потянулись вверх, преобразив лист в пустую чашу; другие муравьи у ее подножия сложились в высокую опору и подняли конструкцию над землей. Из середины чаши выросло острие, и все сооружение повернулось к определенной точке в небе. Передатчик, поняла Тихея, следя за муравьиными трансформациями.

Острие нацелилось на Большое Плохое Место.

Тихея сглотнула, повернулась и соскользнула вниз. Она даже обрадовалась, увидев чайника, терпеливо ожидавшего ее у

Потайной Двери.

* * *

Мозг вроде как не сердился, но, с другой стороны, он не сердился вообще никогда.

– Запущен процесс эвакуации, – сказал он. – Данная локация подвергается опасности.

Тихея едва не задыхалась: База располагалась в лавовой трубе на южном склоне горы, на полпути к вершине, а подъем всегда тяжелее спуска. Чайник на сей раз поспевал за ней без труда. Они передвигались в тишине: она попыталась рассказать Мозгу про муравьев, но ИскИн хранил абсолютное радиомолчание до тех пор, пока Тихея с чайником не оказались внутри Базы.

– Что значит «эвакуация»? – спросила Тихея.

Она открыла шлем костюма и вдохнула привычный дрожжевой запах домашнего модуля. Ее домик перестроили из старой китайской конструкции – одного из уютных белых цилиндров, сваленных в кучу поблизости от главного входа в пещеристую лавовую трубу. Тихее всегда казалось, что эти цилиндры похожи на передние зубы в пасти огромной змеи.

Самая главная труба, более 60 метров в диаметре, была частично герметизирована и уходила глубоко под гору. Она многократно ветвилась; чайники и отоны расширяли и укрепляли ее лабиринт реголитовыми бетонными столбами. Тихея не раз пыталась в нем играть, но Другую Луну любила больше – отоны сеяли в стенах бактерии, которые какали алюминием и кальцием, и вонь стояла просто невыносимая.

Сегодня в трубе суетилось все живое. Чайники установили повсюду яркие прожекторы и сновали туда-сюда, демонтируя оборудование и заполняя криогенные чаны. На стенах крошечные мягкие отоны, похожие на морских звезд, поедали бактерии. Мозг даром времени не терял.

– Мы уходим, Тихея, – сказал он. – Приготовься. Зонду, который ты обнаружила, известны наши координаты. Мы переезжаем в другое место. Более безопасное. Не беспокойся. У нас приготовлены альтернативные локации. Все будет хорошо.

Тихея прикусила губу. «Это я во всем виновата». Жаль, у Мозга нет нормального лица. Только собственный модуль – в самой холодной, негерметичной части трубы, где ничто не мешало работе квантовых процессоров, – но там одни лазеры, линзы и связанные ионы и еще клетки искусственно выращенных

крысиных мозгов, сцепленные с электрическими схемами. Разве поймет Мозг, если рассказать ему про дом Яшмового Кролика? Так нечестно.

– Но, прежде чем мы уйдем, тебе нужна Подпитка.

«Мы уходим». Сознание Тихеи пыталось объять эту концепцию. Они всегда жили здесь, где их не могли найти космические акулы из Большого Плохого Места. И Потайная Дверь тоже была здесь. Если они уйдут куда-то еще, как Тихея отыщет путь на Другую Луну? Что станет без нее с Лунным Народом?

А еще она так и не отдала рубин Волшебнику.

Злость и усталость брызнули из Тихеи горячими слезами.

– Я никуда не пойду никуда не пойду никуда не пойду, – сказала она и убежала в свою спальную кабинку. – И я не хочу этой дурацкой Подпитки! – крикнула она прежде, чем дверная мембрана срослась за ее спиной.

* * *

Тихея сняла костюм, бросила его в угол, плюхнулась на кровать и свернулась клубком рядом с Медведусом. Жесткая шерстка медвежонка грела щеку, его фальшивое сердцебиение успокаивало. Она смутно помнила, как мама иногда управляла мишкой издалека, гладила ее по голове его лапами, и тогда на круглом лице-экране появлялись мамины черты. Это было очень давно, и медведь тогда был явно больше. Но мягким оставался по-прежнему.

Вдруг он шевельнулся. Сердце Тихеи екнуло в странной, щемящей надежде. Но это опять был Мозг.

– Уйди, – буркнула она.

– Тихея, это важно, – сказал Мозг. – Ты помнишь свое обещание?

Она помотала головой. В глазах было мокро и горячо. «Я не распущу нюни, как Чан Э, – думала она. – Я не такая».

– Ты помнишь?

Морда медведя сменилась изображениями мужчины и женщины. Мужчина – лысый, с блестящей темной кожей. Женщина – с иссиня-черными волосами и бледным птичьим лицом. «Мама красивее даже Чан Э», – подумала она.

– Привет, Тихея, – сказали они одновременно и засмеялись.

– Мы – Карим и София, – продолжила женщина. – Твои мама и папа. Мы надеемся, что с тобой сейчас все хорошо.

Она дотронулась до экрана – быстро и легко, как Кролик в

прыжке касался реголита.

– Но, если Мозг показывает нас, – сказал папа, – значит, случилось что-то плохое, и ты должна послушаться Мозга.

– Не сердись на него, – сказала мама. – Он не похож на нас – он только планирует и думает. Делает то, что велено. Мы велели ему защищать тебя.

– Понимаешь, в Большом Плохом Месте людям вроде нас несдобровать, – продолжил папа. – Таких, как мама, я и ты, там боятся. Нас называют Серыми – из-за человека, придумавшего, как нас сделать, – и нам завидуют, потому что мы живем дольше и у нас гораздо больше времени, чтобы во всем разобраться. И еще потому, что, когда люди дают кому-то глупые прозвища, они ощущают себя очень умными. Скажи, разве мы серые?

«Нет». Тихея покачала головой. Волшебник был серым, но только потому, что вечно искал рубины в темноте и никогда не видел солнца.

– Вот почему мы с твоей мамой пришли сюда, чтобы построить Хорошее Место, – папа обнял маму за плечи, совсем как Медведус когда-то обнимал Тихею. – И ты родилась здесь. Ты не представляешь, как мы были счастливы.

Мамино лицо посерьезнело.

– Но мы знали, что люди из Плохого Места могут нас искать. Тебя нужно было спрятать, чтобы ты жила в безопасности, чтобы они не смогли заглянуть внутрь тебя, разрезать тебя на кусочки и посмотреть, как именно ты работаешь. Они пойдут на что угодно, лишь бы тебя поймать.

От страха живот Тихеи сжался в крошечный ледяной комок. «Разрезать на кусочки?»

– Нам было очень-очень тяжело, дорогая Тихея, потому что мы тебя любим. Это очень тяжело – касаться тебя лишь издалека. Но мы хотим, чтобы ты выросла большой и сильной, и наступит время, когда мы вернемся и найдем тебя – и заберем тебя в Хорошее Место.

– Но ты должна обещать, что будешь проходить Подпитку. Обещаешь? Ты обещаешь слушаться Мозга?

– Обещаю, – сказала Тихея еле слышно.

– Прощай, Тихея, – сказали родители. – До скорой встречи.

И они пропали, а морда Медведуса снова сделалась плоской и бледно-бурой.

– Нам нужно уйти, – повторил Мозг, на этот раз куда мягче. – Пожалуйста, приготовься. Ты должна пройти Подпитку до путешествия.

Тихея вздохнула и кивнула. Так нечестно. Но она обещала.

* * *

Мозг послал Тихее список вещей, которые можно взять с собой, – тот развернулся на одном из окон комнаты. Список был коротким. Тихея посмотрела на сфабренные фигурки, на лунный камень, похожий на маленького мальчика, на парящие повсюду эл-листы, раскрытые на любимых историях. Ей нельзя забрать даже Медведуса. Она ощутила вдруг страшное одиночество – как на вершине горы, куда она взобралась, чтобы взглянуть на Большое Плохое Место.

Тут Тихея увидела на кровати рубин. «Если я уйду и заберу его с собой, Волшебник никогда его не получит». Она подумала о Волшебнике и его пантере, о том, как они в отчаянии ищут ее то в одном кратере, то в другом – и не могут найти. «Так нечестно. Даже если я сдержу обещание, надо отдать рубин Волшебнику».

И попрощаться.

Тихея села на кровати и стала думать.

Мозг вездесущ, но следить сразу за всеми он не в силах. Его создали на основе отсканированного мозга человека, какого-то бедняги, умершего давным-давно. В этой комнате камер Мозга нет. Сейчас он сосредоточился на эвакуации: программирует и перепрограммирует чайников. Тихея коснулась сенсор-браслета на запястье, следившего за ее жизнепоказателями и перемещениями. Да, это препятствие. Надо что-то придумать. А времени совсем нет: Мозг вот-вот позовет ее на Подпитку.

В отчаянии Тихея снова прижалась к медведю. Он был теплым, а если сдавить мишку посильнее, почувствуешь пульс… Она снова села. Вспомнила байки и уловки Яшмового Кролика, вспомнила о смоляном чучелке, которое тот сделал, чтобы обмануть врага.

Дотронувшись до головы Медведуса, развернула программное окно и соединила его с сенсором. Вызвала старые журналы операций, добавила в них шума. Потом скормила их медведю и проверила его пульс, дыхание и другие поддельные жизнепоказатели – они совпадали с ее собственными.

Затем Тихея сделала глубокий вдох, одним движением сдернула браслет и надела его на Медведуса.

– Тихея? Что-то случилось? – спросил Мозг.

Ее сердце прыгало. Разум метался.

– Все в порядке, – ответила она. – Кажется… Кажется, я чуть-чуть ударила сенсор. Уже собираюсь.

Она старалась говорить бодро, как девочка, которая всегда выполняет свои обещания.

– Твоя Подпитка скоро будет готова, – сказал Мозг и пропал.

Сердце колотилось. Тихея бросилась надевать костюм.

* * *

В лавовой трубе она часто играла в одну игру: пыталась уйти как можно дальше прежде, чем чайники ее заметят. Пришла пора сыграть в нее вновь. Тихея продвигалась тайком, избегала глаз камер, пряталась за каменными выступами, ящиками и криогенными чанами, пока не оказалась в секторе, где были одни отоны. Обычно Мозг не контролировал отонов напрямую, кроме того, у них не было глаз. Но сердце все равно устроило в груди метеоритную бомбардировку.

Тихея протолкнулась сквозь полугерметичную мембрану. В этом секторе добывающие кальций отоны зарылись слишком глубоко и обрушили свод. В мутном зеленом свете флюоресцирующего костюма она шагала вверх по склону трубы. Вот! Осторожно вскарабкалась на груду камней. Когда-то отоны сказали ей, что за камнями есть отверстие, и она надеялась, что сможет через него протиснуться.

Под ней перекатывались булыжники, и что-то острое врезалось в коленку. От внезапного удара костюм зашипел. Сжав зубы, Тихея ощупывала скалу; она ползла на слабенький сквозняк, который не ощутила бы не будь костюма. Тут ее пальцы уперлись не в камень, а в реголит. Тихея изо всех сил стала долбить плотный затор, и грунт поддался. На нее пролился душ пыли и щебня; на миг она решила даже, что устроила еще один обвал. Однако впереди виднелся клочок бархатного неба. Тихея расширила дыру, сжалась, как могла, и поползла вверх.

Она выбралась наружу на склоне горы. Необъятная равнина с серо-бурыми холмами открылась Тихее внезапно, и она почувствовала себя так же, как в тот раз, когда переела сахара. Руки и ноги тряслись, так что она вынуждена была присесть. Тихея встряхнулась: нужно идти. Убедившись, что рубин в сумке, она встала и размашистыми скачками Кролика понеслась вниз.

* * *

Потайная Дверь совсем не изменилась. Тихея нервно оглядела кромку кратера, но муравьев не увидела. Прикусив губу, посмотрела на Старика и Тролля.

«Что не так?» – спросил Старик.

– Я должна уйти в другое место.

«Не беспокойся. Когда вернешься, мы будем здесь».

– Может, я никогда не вернусь, – у Тихеи чуть перехватило дыхание.

«Никогда – это очень долго, – сказал Старик. – Даже я никогда не видел „никогда“. Мы будем здесь. Береги себя, Тихея».

Она проползла через Дверь на Другую Луну и увидела, что ее ждет Волшебник.

* * *

Он был очень худ и высок, выше даже Старика, и отбрасывал на кратер длинную холодную тень, похожую на стержень. Грустное лицо, всклокоченная борода, высокий цилиндр. Рядом разлеглась летающая пантера – черная от морды до хвоста, с рубиновыми глазами.

– Привет, Тихея, – сказал Волшебник, и голос его громыхал, как песчаный червь.

Тихея сглотнула, вытащила рубин из сумки и протянула его Волшебнику:

– Я сделала его для вас.

«Что, если ему не понравится?» Но Волшебник медленно потянулся за драгоценностью, и глаза его загорелись; он держал камень обеими руками и взирал на него с благоговением.

– Весьма, весьма любезно с твоей стороны, – прошептал он.

С великой осторожностью сняв цилиндр, Волшебник положил рубин в шляпу. Тихея впервые увидела, как он улыбается. Но его лицо оставалось грустным.

– Я хотела отдать рубин до ухода, – сказала она.

– Ну и дел ты натворила! Мозг растревожится не на шутку.

– Так ему и надо. Но я обещала, что уйду вместе с ним.

Волшебник еще раз взглянул на рубин и надел цилиндр.

– Как правило, я не вмешиваюсь в дела людей, но за это чудо должен тебе одно желание.

Тихея сделала глубокий вдох:

– Я не хочу больше жить с чайниками, отонами и Мозгом. Я хочу в Хорошее Место к маме и папе.

Волшебник печально посмотрел на нее:

– Извини, Тихея, но я ничем не могу тебе помочь. Моего волшебства тут недостаточно.

– Но они обещали…

– Тихея, я знаю, что ты этого не помнишь. Потому-то Лунный Народ и хранит память для тебя. Космические акулы забрали

твоих родителей давным-давно. Твои мать и отец мертвы. Прости меня.

Тихея зажмурилась. Фото в окне, кратер с куполом. Искрят над горизонтом две яркие дуги, точно как акулы. Вспышка…

– С тех самых пор ты живешь с Мозгом. Ты не помнишь, потому что он заставляет тебя забыть о смерти родителей во время Подпитки, чтобы ты не грустила и оставалась такой, какой тебя хотели видеть они. Но мы помним. И мы всегда скажем тебе правду.

Вдруг все они оказались рядом с Волшебником – весь Лунный Народ высыпал из своих жилищ: Чан Э с детьми, Яшмовый Кролик, Дровосек мрачно смотрели на нее и кивали.

Тихея не могла на них смотреть. Она обхватила шлем руками, развернулась, проползла через Потайную Дверь и побежала без оглядки – прочь с Другой Луны. Она бежала не так, как учил ее Кролик, а неуклюже, неритмично, рыдая, пока не споткнулась о валун и не полетела кубарем вниз. Свернувшись калачиком, долго лежала на зябком реголите. Когда Тихея открыла глаза, она увидела муравьев.

* * *

Муравьи расположились полукругом и вытянулись колючими пирамидками; они слегка покачивались, словно что-то вынюхивали. Потом заговорили. Сначала в шлеме появилось невнятное шипение, секунду спустя оно преобразилось в голос:

– Привет, – это был теплый и женский голос, как у Чан Э, только старше и глубже. – Я Элисса. Тебе больно?

Тихея оцепенела. Она никогда не говорила ни с кем, кроме Мозга и Лунного Народа. Язык отказывался повиноваться.

– Просто скажи, что с тобой все в порядке. Никто не сделает тебе больно. Ты не ушиблась?

– Нет, – выдохнула Тихея.

– Ничего не бойся. Мы отнесем тебя домой.

Внутри шлема вспыхнул видеосигнал: космический корабль – гроздь подпорок, а над ними сфера, сверкающая золотом. Рядом в поле зрения Тихеи появился кружок, обводящий крошечную точку в небе. – Видишь? Мы уже в пути.

– Я не хочу в Большое Плохое Место, – сказала Тихея, задыхаясь. – Я не хочу, чтоб меня разрезали на кусочки.

Пауза.

– Зачем нам это делать? Тебе нечего бояться.

– Потому что люди в Большом Плохом Месте не любят таких,

как я.

Снова пауза.

– Милая девочка, не знаю, кто и что тебе наговорил, но все изменилось. Твои родители покинули Землю больше века назад. Мы и не надеялись тебя найти, но продолжали поиски. И я рада, что мы тебя нашли. Ты была одна на Луне очень-очень долго.

Тихея медленно встала на ноги. «Я была не одна». Ее голова кружилась. «Они пойдут на что угодно, лишь бы тебя поймать».

Она отступила на три шага.

– Если я пойду с вами, – спросила она слабым голосом, – я увижу Карима и Софию?

Опять пауза, на этот раз долгая.

– Разумеется, увидишь, – сказала наконец Элисса, женщина-муравей. – Они здесь, они ждут тебя.

Врунья.

Потихоньку Тихея стала пятиться. Муравьи задвигались, замыкая круг. «Я быстрее, – подумала она. – Им меня не взять».

– Куда ты бежишь?

Тихея вырубила радио, прыгнула, вырвалась из муравьиного окружения, приземлилась и стремглав понеслась вперед.

* * *

Она бежала так, как не бегала отродясь, даже быстрее, чем в тот раз, когда Яшмовый Кролик позвал ее посоревноваться наперегонки через кратер Шеклтона. Когда легкие и ноги охватил огонь, она остановилась. Тихея неслась куда глаза глядят, но оказалась на склоне горы, где было много ледяных ловушек. «Не хочу обратно на Базу. Мозг тоже никогда не говорит всей правды». В глазах танцевали черные точки. «Им меня не взять, никогда».

Она оглянулась на кратер с Потайной Дверью. Муравьи двигались. Они снова собирались в металлический лист. Края листа загнулись кверху и соединились, сформировав цилиндрическую структуру. Та вытянулась, по ней пробежали волны – в одну сторону, в другую, – после чего муравьиная структура заскользила вперед так быстро, что Тихея от нее не убежала бы. Металлическая змея! Пирамидальные муравьи сверкали на ее морде, как зубы. Змея петляла все быстрее, невесомо перетекая через валуны и кратеры и оставляя за собой занавес взметнувшейся пыли. Тихея огляделась в поисках убежища, но вокруг была открытая равнина… не считая черного

омута рудного кратера на западе.

Тут она вспомнила слова Яшмового Кролика. «На всякого, кто хочет тебя сожрать, найдется хищник побольше».

Муравьиная змея приблизилась к Тихее на жалких сто метров, она была как сияющий металлический кнут, извивавшийся на реголите синусоидными волнами. Тихея показала змее язык и случайно коснулась им сладкой внутренней поверхности шлема. Потом побежала к кромке темного кратера.

Три скачка – и Тихея перемахнула через край. Она будто погружалась в ледяную воду. Костюм застонал, его узлы стали коченеть. Но она упорно стремилась к самому дну, почти ослепнув от контраста между угольной тьмой и ярким солнцем наверху. Подошвы завибрировали. Булыжники сыпались на шлем, и она знала, что муравьиная змея следует за ней по пятам.

Огни песчаного червя чуть не лишили ее зрения. «Ну же!» Она подпрыгнула так высоко, как могла, и, словно паря в невесомости, достала рукой до лесенки на верхней части огромной машины. Ухватившись, Тихея больно врезалась в бок червя и всем телом ощутила его урчание.

А потом – скрежет и дрожь, с которой горный комбайн вгрызся в муравьиную змею, подминая ее под себя.

Брызнули раскаленные докрасна куски металла. Один упал на руку Тихеи, костюм заключил его в пузырь и выплюнул. Когда песчаный червь перешел в режим аварийной остановки, Тихея чуть не разжала пальцы. Червяка рвало маленькими ремонтными чайниками, и она ощутила укол вины. Тихея сидела на черве, пока дыхание не выровнялось, а жалобы костюма на холод не сделались слишком громкими.

Тогда она спрыгнула на грунт и стала карабкаться обратно – по направлению к Потайной Двери.

* * *

Рядом с Потайной Дверью оставалось несколько муравьев, но Тихея их проигнорировала. Они бесцельно перекатывались с места на место, и для постройки передатчика их недоставало. Она посмотрела наверх. Корабль из Большого Плохого Места остается пока далекой звездой. У нее есть время.

Ушибленные руки и ноги болели, но Тихея все-таки проползла сквозь Потайную Дверь в последний раз.

Лунный Народ все еще был там – ее ждали. Тихея посмотрела каждому в глаза. Потом уперла руки в боки.

– У меня есть желание, – сказала она. – Я хочу уйти. Я хочу,

чтобы отныне Мозг подчинялся мне. Я хочу построить Хорошее Место своими руками. И я не хочу ничего забывать. Поэтому я хочу, чтобы вы все пошли со мной, – она взглянула на Волшебника. – Вы можете это сделать?

Улыбнувшись, человек в цилиндре кивнул, поднял руки в белых перчатках, растопырил пальцы и взмахнул плащом с ярко-красным подбоем цвета рубина…

* * *

Другая Луна исчезла. Тихея моргнула и огляделась. Она стояла по ту сторону от Старика и Тролля, но теперь они были только скалами. А Лунный Народ жил внутри нее. «Когда столько народа внутри, должно быть тяжело», – подумала она. Но Тихея, наоборот, стала пустой и легкой.

Сперва неуверенно, потом все смелее она шагала вверх по склону горы Малапера, к Базе. Она не прыгала, как кролик, не бежала, как пантера, не кралась бесшумно на цыпочках, как служанка. То была ее собственная походка.

ПРЯНИК

Он нашёл её обгоревшие останки в печи.

На чугунной заслонке глубокие царапины, в агонии она рвала металл своими длинными острыми как ножи ногтями. Он хорошо помнил их остроту, шрамы, которые она оставила на его спине в минуты страсти, до сих пор иногда ныли в холодную погоду. Густой сладковатый смрад из печи вызывал рвотные позывы. Её плоть сгорела почти полностью. На обнажившихся костях-палках остались только остатки мышц и сухожилий. Ни единого локона её прекрасных волос не сохранилось. Он представил себе, как они вспыхнули первыми, и как она пыталась руками сбить пламя с этой огненной короны. Он отвернулся и начал глубоко дышать, пока эта картина в его голове не исчезла.

Он пропустил пепел сквозь пальцы и закрыл глаза: мягкий и прохладный, такой была её кожа в ночном мраке, когда они вдвоём лежали в одном из потаённых мест в лесу. Благоухание влажной чёрной земли смешивалось с её сильным сладким дразнящим ароматом, напоминая запах свежих пряников.

— Тебе бы как-нибудь сходить со мной на охоту, — он снова говорил ей. — Мы пойдём в лесную чащобу, где ещё бродят древние звери. Я бы научил тебя оборачиваться волком, а ты бы показала мне как превращаться в белоснежную птицу с красными глазами. Ничто не может сравниться с моментом, когда ты бежишь после первого снегопада сквозь лес, а холод лижет тебе лапы и заставляет чувствовать себя живым. Пойдём! Мы спрячемся и насладимся, наблюдая как прекрасные девы-лебеди прилетают, чтобы искупаться в озере с серебряной водой. Я покажу тебя места, где время застыло, там стоит заколдованный замок, дорога к которому заросла розами, и мы можем проспать в нём века и проснуться в новом мире. Оставь свой дом, идём вместе.

— Но я не могу оставить свой дом, — отвечает она. — Мой дом — часть меня. Я не могу отказаться от него, как ты не можешь отказаться от волчьей шкуры и клыков.

Её маленькие острые зубы, которые прячутся за влажными губами, дразнят, когда она целует его.

— Не говори ничего, любовь моя, будь со мной здесь и сейчас, — она говорит, а он тонет в её раскосых глазах. — Ты тот, кто охотится, кто следует голосу крови и мчится за добычей, чтобы отнять жизнь. Я та, кто ждёт, кто шепчет, зовёт и ведёт к себе. И дети сами идут сюда, в это старое место, которое стало моим жилищем. Это сильное место, и я сильна здесь. Даже тебя я

смогла привести сюда.

Да, так всё и было. Он помнил, как предательские тропинки, словно ручьи, меняли своё направление под лапами, как белоснежная птица с красными глазами насмехалась над ним. Он бежал вслед за ней между стволов деревьев, пока они не добрались до старого места, где стояли серые камни, а духи кружили на их нетронутых резцом спинах. И там она ждала его. Бледная кожа под плащом из перьев и пышная грива серебряных волос. И он впервые сбросил с себя волчью шкуру, оставшись в слабой и нежной, как у ребёнка, коже. Её плащ упал, и там, где мир духов оставил поцелуй земле, они сплелись в единое целое. Её худое тело было сильным как голод или смерть.

А теперь, только пепел, кости и горелые пряники.

Дом уже начал разваливаться. Стены пропитались влагой и покосились. Сахарная глазурь под дождём уже давно растаяла как снег весной. Но в углу, на тёмном сладком тесте чётко виднелись отпечатки двух рядов маленьких ровных зубов.

Очень скоро он нашёл дорожку из крошек, ведущую в лес.

notes

Примечания

1

Пер. Н. Бордовских.

2

«Хрустальная пробка» — одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

З

Заядлый игрок *(фр.)*.

4

Клан *(яп.)*.

5

Разум *(фин.)*.

6

Сердце *(фин.)*.

7

Аргир — равнина на Марсе, круглая ударная впадина, расположенная в южном полушарии.

8

Бабочка *(фин.)*.

9

Героини финского эпоса. *Куутар* — дочь Луны, *Ильматар* — богиня воздуха, сотворившая мир.

10

Петер Лорре (1904–1964) — австрийский и американский киноактер, режиссер, сценарист.

11

Место забвения *(фр.),* подземная колодцеобразная тюрьма в некоторых средневековых замках Западной Европы.

12

Миндальное печенье *(фр.)*.

13

Земля, почва *(фр.)*.

14

Имена многих персонажей заимствованы из романов Мориса Леблана об Арсене Люпене.

15

Николай Федорович Федоров (1829–1903) — русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма.

16

«Бобовый стебель» — так в научной фантастике называют орбитальные подъемники; название заимствовано из английской народной сказки «Джек и бобовый стебель».

17

Прекрасная эпоха *(франц.)*. Период конца XIX — начала XX века в Европе, до Первой мировой войны, характеризующийся расцветом культуры, экономики и техники.

18

Джон Картер — главный герой марсианского цикла Э. Р. Берроуза.

19

Дом *(высок., фин.)*.

20

Финские ругательства.

21

Медведь *(фин.)*.

22

Джейн Макгонигал (р. 1977) — американский разработчик игр.

23

Человек, который увлекается чем-то, фанат *(яп.)*.

24

Здесь и далее названия дней недели и месяцев указывается по Дарискому календарю, созданному для Марса инженером Томасом Гангейлом в 1985 году и названному им в честь сына Дария.

25

Ордос— пустыня в Центральной Азии.

26

Ганс Моравец (р. 1948) — австрийский ученый, предложивший механизм создания искусственного интеллекта.

27

Кунапипи — вулкан на Венере, назван по имени богини-матери в австралийской мифологии.

28

Мауриц Корнелис Эшер (1898–1972) — голландский художник-график, яркий представитель имп-арта.

29

Хэйан-Кё — столица Японии в 794–1869 годах, ныне город Киото.

30

Тэндай-сю — одна из основных буддийских школ Японии.

31

Дворец Дайдайри — японское название императорского дворца в Хэйан-Кё.

32

Лови момент *(лат.)*.

33

Образ действия *(лат.)*.

34

Долины Маринер — гигантская система каньонов на Марсе, названа в честь американской космической программы «Маринер», после того как аппарат «Маринер-9» обнаружил каньоны в 1971–1972 гг.

35

А. Конан Дойль. Знак четырех. *Пер. М. Литвиновой.*

36

Задача византийских генералов — в вычислительной технике мысленный эксперимент, призванный проиллюстрировать проблему синхронизации состояния систем в случае, когда коммуникации считаются надежными, а процессоры — нет.

37

Измененное высказывание американского кинорежиссера Мела Брукса (р. 1926): «Если я порезал палец — это трагедия. А если ты упал в сточную канаву и разбился насмерть — это комедия».

38

Cassoulet — блюдо французской кухни, рагу из бобов с мясом.

39

Церера — карликовая планета в поясе астероидов внутри Солнечной системы.

40

Монгольфье — фамилия братьев, изобретателей воздушного шара.

41

Мудрость *(лат.)*.

42

Спокойный, тихий *(фин.)*.

43

Парадокс Эйнштейна-Подольского-Розена (ЭПР-парадокс) — мысленный эксперимент, заключающийся в измерении параметров микрообъекта косвенным образом, не оказывая на этот объект непосредственного воздействия.

Идущие на смерть *(лат.)*.

45

Танец смерти *(фр.)*.

46

Вяки — в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

47

Раймонд Луллий (ок. 1235–1315) — философ, богослов, поэт, разрабатывал различные логические схемы и логические машины; основное сочинение — «Великое искусство», в котором рассматривалось, в частности, искусство памяти.

Король *(фр.)*.

49

Пер. А. Когана.

Разум *(фин.)*.

51

Бабочка *(фин.)*.

52

Йосеги — традиционное японское искусство создания мозаики из разных сортов древесины.

53

Клан *(яп.)*.

Заядлый игрок *(фр.)*.

55

Место забвения (*фр.)*.

Дом *(высок., фин.)*.

57

Ананси — мифологический персонаж ряда народов Западной Африки, предстает в облике паука.

Сердце *(фин.)*.

59

Медведь (*фин.)*.

60

Гуль— персонаж арабской мифологии, оборотень, обитающий в пустыне и питающийся свежей мертвечиной.

61

Бану Сасан — так в средневековом исламе называли нищих, жуликов и воров, якобы ведущих свой род от легендарного шейха Сасана.

Аль-Джанна — в исламе рай.

63

Пар *(фин.)*.

64

Аль-Латиф — одно из девяноста девяти имен Аллаха.

65

Спокойный, тихий *(фин.)*.

Вяки — в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

67

Сумангуру — легендарный правитель Западной Африки, считавшийся не только воином, но и колдуном.

68

Николай Федорович Федоров (1829–1903) — русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из родоначальников русского космизма.

69

Героини финского эпоса. *Куутар* — дочь Луны, *Ильматар* — богиня воздуха, сотворившая мир.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес. Пер. А. А. Щербакова.

71

Криптон — вымышленная планета, на которой родился Супермен.

72

Малик уль-Мульк — одно из девяноста девяти имен Аллаха, означает Царь Царствия; аль-Мунтакин, аль-Хаким, аль-Мухеймин и аль-Каххар — также имена Аллаха.

Барака — в исламе Божественное благословение.

Каменка *(фин.)*.

Ткачи света *(фин.)*.

Дно *(фин.)*.

77

Туонетар — в финской мифологии повелительница загробного мира.

Погребок *(фр.)*.

79

Марта Уэйн — героиня комиксов о Бэтмене.

80

Имеется в виду известная американская марка пищевых продуктов «Uncle Ben’s» — «От дяди Бена».

81

Мункар и Накир — в исламе ангелы, которые допрашивают и наказывают мертвых в могилах.

82

«Хрустальная пробка» — одна из книг М. Леблана об Арсене Люпене.

83

Гаки (*яп.*) — вечно голодные демоны Гакидо, одного из буддийских миров.

Юки-онна — снежная женщина (*яп.*), фольклорный персонаж.

85

Ронин — деклассированный самурай феодального периода.

Нагината — длинный меч (*яп.*), холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым клинком.

Усаги — кролик или заяц (*яп.*).

Додзё — место для занятий боевыми искусствами.

Гайдзин — иностранец (*яп.*).

90

Дея Торис — персонаж «Марсианского цикла» Э. Р. Берроуза.

91

Арс нова — направление в музыке, возникшее в Италии и Франции в XIV веке.

92

Точка Омега — условное состояние наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому стремится Вселенная в процессе эволюции. Термин введен Тейяром де Шарденом.

93

Кал-Эл — имя, полученное Суперменом при рождении.

94

Импи Барбикен — персонаж романа Жюля Верна «С Земли на Луну».

Рауль Д'Андрези — одно ил имен Арсена Люпена.

96

Полковник Спармиенто — еще одно из имен Арсена Люпена.

97

Манаиа — мифическое существо, представляющее собой человека с птичьей головой и рыбьим хвостом, которое считается посредником между богами и смертными.

Сэнтя — сорт зеленого чая.

PSPACE — в теории сложности вычислений набор всех проблем разрешимости, доступных к разрешению машиной Тьюринга с полиномиальным ограничением пространства.

100

Вяки — в финской мифологии существа, наделенные магическими способностями.

101

Йохан Хёйзинга — нидерландский философ, историк, исследователь культуры, автор книги «Человек играющий».

Дьявол! (*фин.*).

103

Кайдзю — странный зверь, монстр (*яп.*).

104

Пространством анти-де-Ситтера называют самое простое пространство-время с отрицательной кривизной; названо в честь голландского физика Виллема де Ситтера, который ввел его в рассмотрение.

105

Двуручный меч (нем.) — меч ландскнехтов, имевший специфическую двойную гарду, где малая гарда отделяла незаточенную часть клинка от заточенной.

106

Правило отделения (*лат.*).

107

Вихревая дорожка Кармана — цепочки вихрей, которые образуются при обтекании жидкостью или газом цилиндрических тел.

108

Кунио Сайанаги — ученый из университета города Хэмптона, изучавший «самопожирающий» шторм на Сатурне.

109

Нелли Ундердоун — персонаж книги «Арест Арсена Люпена».

110

Проклятье (*фин.*).

111

Аль-Мубди — одно из девяноста девяти имен Аллаха.

112

Антеро Випунен — великан, персонаж «Калевалы».

113

Йормунгард, или Мидгардсорм, — морской змей, персонаж скандинавской мифологии.

114

Антропный принцип — принцип, фиксирующий связь между свойствами Вселенной и возможностью возникновения в ней разумной жизни.

115

DeLorean — марка автомобиля, фигурировавшего в качестве машины времени в трилогии «Назад в будущее».

116

Парадокс убитого дедушки — парадокс, описанный писателем-фантастом Рене Баржавелем в книге «Неосторожный путешественник»; заключается в том, что, убив своего дедушку в процессе путешествия во времени, герой делает невозможным сам факт собственного рождения и, как следствие, не может путешествовать во времени.

117

Аменокал — титул выборного лидера племен туарегов.

118

Гринготтс — в серии романов о Гарри Поттере — банк, основанный гоблином Гринготтом, где волшебники хранят свои сбережения.

119

Парадокс Ньюкома — мысленный эксперимент, игра, в которой участвуют предсказатель и игрок, призван продемонстрировать свободу воли и предопределенность действий.

120

Бог из человека (лат.).